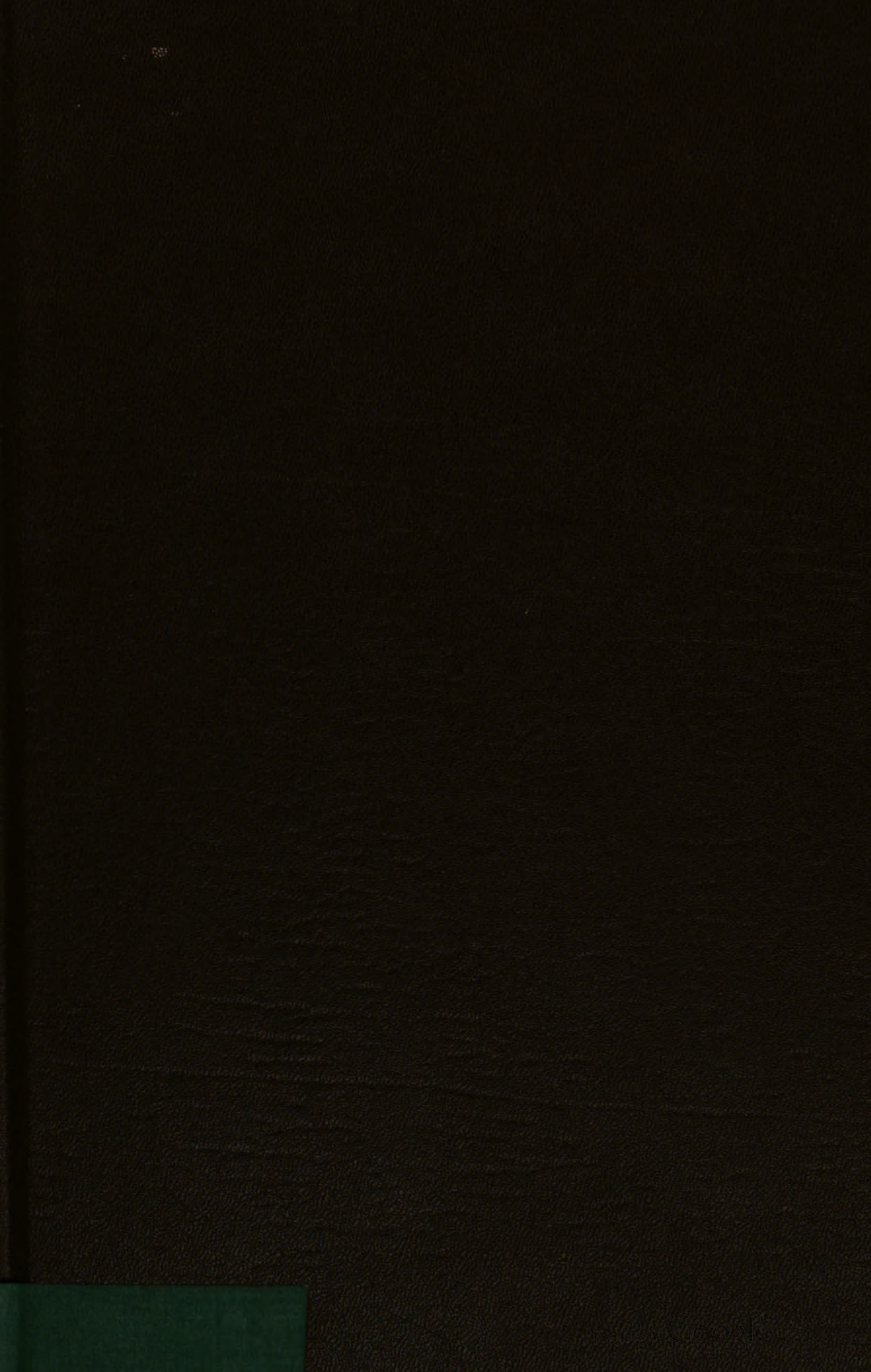

SIGILLVM ACADEMIAE HARVARDIANAE IN NOV ANG
CHRISTO ET ECCLESIAE
VE RI TAS

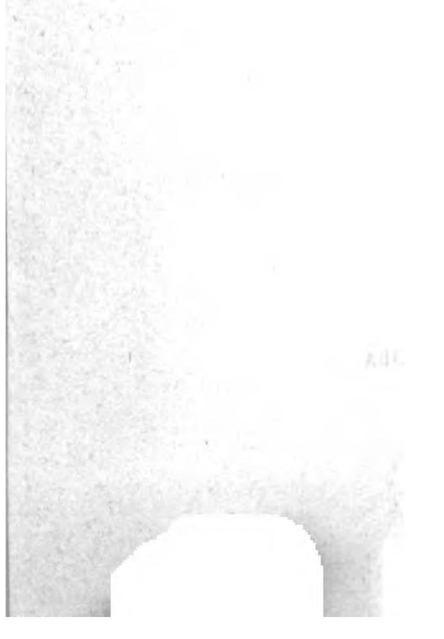
СБОРНИКЪ ПРАВОВѢДѢНІЯ И ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ЗНАНІЙ.

ТРУДЫ

ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА, СОСТОЯЩАГО ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ, И ЕГО СТАТИСТИЧЕСКАГО ОТДѢЛЕНІЯ.

ТОМЪ СЕДЬМОЙ.

МОСКВА
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА
ЛЕОНТЬЕВСКІЙ ПЕР., Д. МАМОНТОВА
1897

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Московское Юридическое Общество, озабочиваясь печатаніемъ своихъ протоколовъ и другихъ работъ Общества, его Статистическаго Отдѣленія и Комиссій и признавая вмѣстѣ съ тѣмъ, что Общество призвано, въ предѣлахъ доступныхъ ему средствъ, содѣйствовать печатанію работъ своихъ членовъ, въ годовомъ засѣданіи своемъ 18 февраля 1893 г. постановило издавать, начиная съ 1893 года, Сборникъ, подъ заглавіемъ: «Сборникъ правовѣдѣнія и общественныхъ знаній“. Сборникъ этотъ выходитъ въ свѣтъ отдѣльными томами по мѣрѣ накопленія матеріала, одинъ или два раза въ годъ. Въ Сборникѣ помѣщаются какъ работы членовъ Московскаго Юридическаго Общества по предметамъ, входящимъ въ кругъ преподаванія на юридическихъ факультетахъ, такъ и труды самого Общества, выражающіеся въ протоколахъ засѣданій Общества, его Отдѣленія и Комиссій, въ составляемыхъ имъ по разнымъ предметамъ проектахъ и заключеніяхъ и т. п.

Въ настоящее время, во исполненіе изложеннаго постановленія, выпускается въ свѣтъ седьмой томъ Сборника.

ОГЛАВЛЕНІЕ VII ТОМА.

КАБИНЕТЪ МИНИСТРОВЪ И ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩІЙ СЕНАТЪ ВЪ ИХЪ ВЗАИМНЫХЪ ОТНОШЕНІЯХЪ [1]).

(1731 — 1741 гг.).

I.

Въ мартѣ 1730 г., еще недавно просто „Высокій", а нынѣ вновь „Правительствующій" Сенатъ представлялъ необычайное зрѣлище: залы его засѣданій, гдѣ послѣ Петра В. едва присутствовало 3 или 4 скромныхъ сенатора, вдругъ наполнились блестящими рядами знаменитыхъ государственныхъ людей времени, между которыми нѣкоторые еще недавно, въ качествѣ членовъ всесильнаго Верховнаго Тайнаго Совѣта, предлагали особыя „кондиціи" избранной ими государынѣ, а нынѣ были отосланы ею въ ими же самими униженный Сенатъ. И вотъ, на ряду съ прежними сенаторами, какъ кн. Черкасскій, Ново-

---

[1]) Для удобства цитированія тѣхъ архивныхъ и печатныхъ первоисточниковъ, на основаніи коихъ написана наша статья, нами приняты слѣдующія сокращенія при ссылкахъ:

1) Московскій Архивъ Министерства Юстиціи, „дѣла пр. Сената по бывшему Кабинету", или „журналы и протоколы прав. Сената"=Арх. М. Ю., „д. по б. Каб.", или „ж. и пр. С.".

2) Московскій Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, „дѣла бывшаго Кабинета"=Арх. И. Д., „д. б. Каб.".

3) Сенатскій Архивъ — журналы и опредѣленія пр. Сената. Т. II—IV (Спб. 1889—91 г.г.)=Сен. Арх.

4) Опись Высочайшимъ указамъ и повелѣніямъ, хранящимся въ С.-Петербургскомъ Сенатскомъ Архивѣ. Т. II. III (Спб. 1875—78 г.г.)=Оп. Сен. Арх.

5) I-е Полное Собраніе Законовъ Россійской имперіи, томы VIII — XI = цитируется безъ обозначенія названія самого изданія, но съ указаніемъ на *томъ* (римскою цифрою), №, число и годъ появленія соотвѣтствующаго указа.

сильцевъ, Дмитріевъ-Мамоновъ и др., въ сенатъ входятъ гордые „верховные господа", какъ знаменитый дипломатъ петровскаго царствованія князь Вас. Л. Долгорукій, какъ извѣстные полководцы - фельдмаршалы, кн. М. М. Голицынъ и кн. Вас. Вл. Долгорукій, или кн. Дм. М. Голицынъ, такъ много поработавшій надъ проведеніемъ „кондицій", какъ канцлеръ гр. Головкинъ, вице-канцлеръ гр. Остерманъ [2]), а затѣмъ и весьма извѣстный генералъ-прокуроръ петровскаго царствованія — Ягужинскій, и еще третій фельдмаршалъ — кн. Трубецкой, не говоря уже о всѣхъ другихъ, болѣе или менѣе значительныхъ лицахъ, введенныхъ сюда указомъ 4 марта 1730 г., которымъ возстановлялся Сенатъ „на такомъ основаніи и въ такой силѣ", какъ было при великомъ императорѣ (Оп. Сен. Арх., № 3729; VIII, № 5510; о составѣ Сената въ предшествующія царствованія см. въ моей „Исторіи Сената" и пр., стр. 225 сл.). Взглянувъ на это блестящее по именамъ и многочисленное по составу собраніе Сената (всѣхъ членовъ его было назначено 21 чел.), прочтя въ указѣ о желаніи новой императрицы идти по стопамъ своего дяди, „блаженныя и вѣчно - достойныя памяти Петра Великаго", можно было подумать, что Сенату предстоитъ нынѣ и почетная правительственная роль, въ качествѣ *верховнаго* учрежденія, и широкое, неотъемлемое вліяніе на всѣ сферы государственной жизни; можно было подумать, что передъ нами попытка создать особый государственный совѣтъ, попытка опровергнуть знаменитый афоризмъ, что въ Россіи „отъ самой кончины Петра I, во всѣ времена властолюбивые люди, пользуясь довѣренностью государскою, стремились къ тому, чтобы *имъ, а не мѣстамъ* властвовать"... Но созданіе такого совѣта было не по плечу времени, и вотъ скоро составъ этого блестящаго Сената измѣняется, а надъ самимъ Сенатомъ, уже по указу 6 ноября 1731 г. [3]), становится новое

---

[2]) Изъ членовъ бывшаго В. Т. Совѣта въ составъ возстановленнаго Сената не вошли только мало-значительные сами по себѣ кн. Ал. Григ. Долгорукій, отецъ извѣстнаго любимца Петра II, князя Ивана Алексѣевича, да кн. Мих. Влад. Долгорукій, вскорѣ назначенный въ Казань генералъ-губернаторомъ; впрочемъ, послѣдній былъ членомъ В. Т. Совѣта всего около $1^1/_2$ мѣсяца.

[3]) На основаніи даты Полнаго Собранія Законовъ, учрежденіе Кабинета пріурочивается, обыкновенно, въ литературѣ вопроса къ 10-му ноября 1731 года (VIII, № 5871); на основаніи архивныхъ данныхъ, не подлежитъ сомнѣнію, что указъ объ учрежденіи его былъ данъ *6 ноября* и въ тотъ-же день посланъ и полученъ сенатомъ (Арх. М. Ю., Ж. и п. С., кн. $\frac{140}{2021}$ л. 34; срав. Оп. Сен. арх., № 4059). Впрочемъ, какъ будетъ указано ниже, и 6 Но-

учрежденіе „Кабинетъ Ея Императорскаго Величества", какъ обычно называютъ первоисточники вновь созданный Кабинетъ трехъ министровъ. Чѣмъ объясняется эта быстрая перемѣна въ составѣ и положеніи только что возстановленнаго Сената, какая цѣль преслѣдовалась учрежденіемъ Кабинета; что такое долженъ былъ представлять этотъ Кабинетъ и въ какомъ отношеніи сталъ онъ къ Сенату? Вотъ рядъ вопросовъ, невольно возникающихъ при обсужденіи событія высокой важности въ исторіи нашихъ центральныхъ учрежденій,—вопросовъ, на которые доселѣ литература давала отвѣты лишь мимоходомъ и не вдаваясь въ подробное изученіе относящихся сюда обширныхъ архивныхъ данныхъ. Попытаемся теперь отвѣтить на эти вопросы, и прежде всего на вопросъ объ измѣненіи состава и положенія возстановленнаго Сената. Составъ этотъ, какъ мы сказали выше, былъ блестящъ и заставлялъ съ перваго взгляда думать, что у правительства Анны Іоанновны была мысль о созданіи обширнаго государственнаго Совѣта, который долженъ былъ бы править страною. Кажется, однако, что знаменитости эпохи, какъ „верховные господа", такъ и другіе, не входившіе въ составъ В. Т. Совѣта, нынѣ торжественно упраздненнаго, были введены въ Сенатъ только потому, что на первыхъ порахъ послѣ возстановленія самодержавія не нашлись сразу, что съ ними дѣлать, или же не хотѣли, можетъ быть, показать имъ явно своей немилости, а потому и послали засѣдать временно въ Сенатѣ. Какъ мѣтко замѣтилъ С. М. Соловьевъ, „25 февраля (т. е. 25 февраля 1730 г. — день разорванія „кондицій" Анною) поставило новое правительство во враждебныя отношенія къ двумъ самымъ виднымъ фамиліямъ — Голицыныхъ и Долгорукихъ; обѣ желательно было удалить; но боялись дѣйствовать круто и начинать царствованіе опалами, соображали, противъ которой изъ двухъ фамилій и противъ кого именно изъ ея членовъ можно безопаснѣе начать преслѣдованіе. Разумѣется, безопаснѣе всего было начать съ Долгорукихъ"... (Исторія Россіи, т. XIX, изд. 3, стр. 310). И вотъ уже 8 апрѣля 1730 г., знаменитый дипломатъ и виднѣйшій дѣятель по воцаренію Анны, кн. Вас. Лук. Долгорукій, только что посаженный въ Сенатъ, назначается Сибирскимъ губернаторомъ, чтобы быть вскорѣ,— всего черезъ нѣсколько дней,—вмѣстѣ съ другими членами фамиліи, сосланнымъ въ свои дальнія деревни, а затѣмъ позднѣе

ября было только днемъ *оффиціальнаго учрежденія Кабинета*"; упоминаніе о Кабинетѣ встрѣчается за нѣсколько мѣсяцевъ раньше.

и казненнымъ (Оп. Сен. Арх., №№ 3744, 3748, 3751 др.). Правда, при этомъ первоначально былъ пощаженъ другой сенаторъ той же фамиліи, знаменитый фельдмаршалъ кн. Василій Владиміровичъ, но это продолжалось недолго: уже въ слѣдующемъ году онъ былъ сосланъ. Нѣсколько болѣе церемонились съ Голицыными и только въ 1737 г.—говоря словами того же историка—„имѣли наслажденіе добраться до князя Дмитрія Михайловича" (ib., т. XX, стр. 399; другой Голицынъ, также сенаторъ, извѣстный фельдмаршалъ кн. Михаилъ Михаиловичъ, братъ названнаго, скончался въ концѣ 1730 г.), но этотъ столь видный „верховникъ", неволею посаженный въ Сенатъ и, вѣроятно, весьма тяжело себя здѣсь чувствовавшій, еще задолго до своей ссылки, самъ пересталъ почти бывать въ засѣданіяхъ Сената [1]) и,—какъ говорилось, между прочимъ, въ обвинительномъ противъ него актѣ — „отговаривался всегда болѣзнію, не хотя государынѣ и государству по должности своей служить, положенныхъ дѣлъ на него не отправлялъ"... Такъ быстро исчезли изъ Сената, по тѣмъ или инымъ причинамъ, четыре знаменитости изучаемаго времени, представители двухъ виднѣйшихъ нашихъ фамилій высшаго дворянства. Недолго оставался здѣсь и еще одинъ изъ выдающихся людей петровскаго царствованія—П. И. Ягужинскій, это „око" Петра, которымъ великій государь хотѣлъ „все видѣть" въ созданномъ имъ Сенатѣ. Уже указомъ 2 октября 1730 г. Ягужинскій „изъ членовъ сенатскихъ" назначается къ исправленію должности генералъ-прокурора Сената (VIII, № 5625). И это возстановленіе важной весьма должности генерала-прокурора Сената, исчезнувшей въ правленіе В. Т. Совѣта, и назначеніе на нее столь выдающагося лица, какъ Ягужинскій, могло бы разсматриваться, какъ желаніе придать извѣстный блескъ и значеніе возрожденному Сенату. Въ дѣйствительности же, однако, это назначеніе, лишивъ Сенатъ одного изъ выдающихся его членовъ, вовсе не способствовало тому, что отъ него ожидалось, и не способствовало по той простой причинѣ, что уже въ концѣ слѣдующаго года Ягужинскій удаляется „въ почетную ссылку", будучи назначенъ посланникомъ въ Берлинъ, а должность генералъ-прокурора остается незамѣщенною до конца царствованія Анны Іоанновны, когда 28 апрѣля 1740 г. кн. Н. Ю. Трубецкой назначается генераломъ-

[1]) Изъ книгъ „Журналовъ и протоколовъ Сената" за время съ марта 1730 года по декабрь 1736 г. (Арх. М. Ю., кн. $^{119}/_{2000}$—$^{218}/_{2099}$) видно, что князь Дмитрій Михайловичъ лишь весьма рѣдко, особенно съ 1731 г., посѣщалъ засѣданія Сената, по цѣлымъ мѣсяцамъ отсутствуя по болѣзни.

прокуроромъ Сената (Оп. Сен. Арх., № 7508). Такъ остается въ теченіе почти десятилѣтія безъ исполненія указъ 2 октября 1730 г., въ которомъ краснорѣчиво доказывалось, что великій дядя императрицы „не тунѣ чинъ генералъ-прокурора... учинилъ въ Сенатѣ", и такъ богато оказывается начало царствованія актами, мало обдуманными и безрезультатными, актами, предпринимавшимися, повидимому, безъ всякаго соображенія о томъ, насколько удобно будетъ самому новому правительству жить и править съ сильнымъ, блестящимъ Сенатомъ и необычайно дѣятельнымъ и энергичнымъ его генераломъ-прокуроромъ... Послѣ всѣхъ указанныхъ перемѣнъ, въ составѣ Сената остается еще одна весьма крупная личность эпохи—гр. Андр. Ив. Остерманъ, но уже указомъ 6 ноября 1731 г. послѣдній, вмѣстѣ съ двумя другими сенаторами—канцлеромъ гр. Головкинымъ и кн. Черкасскимъ — назначается членомъ вновь созданнаго (по сказанію современниковъ, — по его же иниціативѣ) Кабинета. Такъ непроченъ оказывается въ своемъ составѣ возстановленный Сенатъ, и непроченъ именно въ той своей части, которая являлась наиболѣе выдающеюся по составу своихъ членовъ. Сенатъ, впрочемъ, и послѣ этихъ перемѣнъ, остается почти во все время правленія Кабинета довольно многочисленнымъ, чѣмъ рѣзко отличается отъ Сената предшествующей эпохи,—эпохи правленія В. Т. Совѣта, что, впрочемъ, и понятно: Кабинетъ трехъ, а нерѣдко *de facto* и двухъ министровъ не могъ брать на себя, особенно въ первые годы своего существованія, заботъ о всѣхъ сложныхъ административныхъ и иныхъ дѣлахъ управленія, а потому и нуждался во многолюдномъ и дѣятельномъ Сенатѣ. Сенатъ пополнялся поэтому, время отъ времени, новыми членами, по преимуществу, дѣловыми людьми того времени, прошедшими предварительно черезъ длинный рядъ должностей центральной или мѣстной администраціи [5]), Но Сенатъ послѣдующихъ лѣтъ царствованія Анны никогда не подымался, съ точки зрѣнія своего состава, до той высоты, на какую поставилъ его указъ 4 марта 1730 г., временно вмѣстивъ въ него цѣлый рядъ наиболѣе выдающихся людей. Сенатъ послѣдующаго времени, при всемъ

[5]) Оп. Сен. арх., №№ 3731, 3736, 4580, 5575, 7393, 8602; послѣдній указъ, изданный въ правленіе Кабинета уже послѣ Анны Іоановны (17 сентября 1741 г.), констатируя, что „въ нашемъ Сенатѣ для исправленія врученныхъ оному *многихъ* государственныхъ дѣлъ сенаторовъ обрѣтается недовольно, а которые и есть, но и тѣ обязаны другими положенными на нихъ коммиссіями", вновь значительно увеличиваетъ число сенаторовъ.

его важномъ, преимущественно дѣловомъ значеніи, сталъ, послѣ указа 6 ноября 1731 г., подъ *политическое* руководительство Кабинета, министры коего явились непосредственными совѣтниками короны, поскольку, впрочемъ, послѣднее терпѣлось фаворитами, окружавшими императрицу и негласно правившими страною по своему усмотрѣнію. Едва ли поэтому, въ виду всего вышесказаннаго, можно вполнѣ согласиться съ А. Д. Градовскимъ, что „по уничтоженіи Совѣта императрица объявила *твердое* намѣреніе царствовать въ духѣ Петра I. Результатомъ было возстановленіе Сената на прежнемъ основаніи" („Высшая администрація Россіи" и пр., стр. 146). Едва ли также можно серьезно смотрѣть на то, что „просьба генералитета и шляхетства объ уничтоженіи В. Т. Совѣта и *возстановленіи* Сената въ томъ значеніи, какое онъ имѣлъ при Петрѣ Великомъ, была немедленно исполнена (4 марта); число сенаторовъ, какъ именно просили, было назначено 21"—на что обращаетъ вниманіе С. М. Соловьевъ (ibid., XIX, стр. 266). Да, конечно, все это было сдѣлано, но не надолго; Сенатъ былъ возстановленъ, но невполнѣ, при чемъ надъ нимъ вскорѣ всталъ Кабинетъ, а составъ его быстро измѣнился. Едва ли, поэтому, у Анны Іоанновны было „твердое намѣреніе царствовать въ духѣ Петра I"; скорѣе было намѣреніе, не разъ прорывавшееся и позднѣе, прикрыться этимъ великимъ именемъ, не разсуждая долго, насколько возможно или удобно это по обстоятельствамъ времени. Несомнѣнно, что, организуя новыя учрежденія, Петръ В. находилъ возможнымъ не ставить между собою и Пр. Сенатомъ никакого учрежденія; преемница его, а затѣмъ и Анна Іоанновна, именно въ этомъ вопросѣ не пошли по стопамъ его...

Что же такое представлялъ собою Кабинетъ, такъ быстро вставшій надъ возстановленнымъ Сенатомъ, и чѣмъ было вызвано его учрежденіе? Чтобы отвѣтить, хотя кратко, на этотъ вопросъ, необходимо обратить вниманіе на слѣдующее. Какъ раньше, такъ и позднѣе, въ теченіи всего XVIII вѣка обнаружилось ясно, что петровскія учрежденія—не говоря уже о сложности ихъ устройства, обиліи формализма въ дѣлопроизводствѣ и пр., — грѣшили самымъ принципомъ, положеннымъ въ ихъ основаніе: *коллегіальный* принципъ менѣе всего пригоденъ былъ для устройства органовъ власти *исполнительной* [6]). Неудивительно поэтому, что во весь XVIII вѣкъ, подъ разными наименованіями, но постоянно возникаютъ у насъ *личные* администра-

---

[6]) Болѣе подробно объ этомъ см. въ моей „Исторіи Сената", стр. 3 и сл.

тивные органы, министры, большею частію входившіе въ составъ Сената. Административная практика постоянно стремилась поставить этихъ министровъ *внѣ* общаго состава Сената, а затѣмъ и дать имъ, въ интересахъ единства, ту или иную *организацію*. Это стремленіе имѣло за себя, несомнѣнно, немало данныхъ и было естественно. Болѣзненнымъ процессомъ, однако, надо признать то, что эти органы не всегда хотѣли терпѣть подлѣ себя, несмотря на завѣтъ Петра, самостоятельныхъ, закономѣрно-поставленныхъ и закономѣрно-дѣйствующихъ, *коллегіальныхъ* учрежденій, какъ Пр. Сенатъ, Пр. Синодъ, и не отступали иногда передъ ихъ угнетеніемъ. Первою наиболѣе серьозною попыткою объединенія этихъ министерскихъ органовъ въ одномъ учрежденіи является, по нашему мнѣнію, Верховный Тайный Совѣтъ. Указъ 8 февраля 1726 г., коимъ учреждался этотъ Совѣтъ, довольно подробно мотивировалъ причину созданія *новаго* учрежденія, причину, не потерявшую значенія и позднѣе, уже послѣ того, какъ Совѣтъ былъ обреченъ на уничтоженіе (въ силу слишкомъ рѣзко выразившихся ограничительныхъ его тенденцій), а потому и, естественно, приведшую къ образованію Кабинета. Указъ, коимъ создавался Совѣтъ, напоминалъ прежде всего, что Петръ въ 1711 г. „для своихъ *частыхъ* тогда военныхъ походовъ и отлучекъ изволилъ опредѣлить правительство Сената въ нѣсколькихъ персонахъ". Первоначально это „собраніе" Сената состояло, „кромѣ тайныхъ дѣйствительныхъ совѣтниковъ и тайныхъ совѣтниковъ, *изъ другихъ знатнѣйшихъ и повѣренныхъ персонъ*, которыя, кромѣ правленія государственныхъ внутреннихъ дѣлъ, *никакого* другого дѣла не имѣли *и всегда были при своемъ дѣлѣ неотлучно;* а тайные дѣйствительные совѣтники бывали тогда въ походахъ за Его же Величествомъ, а въ нынѣшнемъ сенатскомъ собраніи почитай всѣ тайные дѣйствительные совѣтники". Такимъ образомъ, указъ этотъ констатировалъ вполнѣ справедливо, что при Петрѣ В. былъ опредѣленный составъ членовъ Сената, находившихся „при своемъ дѣлѣ неотлучно"; между тѣмъ теперь Сенатъ почти исключительно состоитъ изъ „тайныхъ дѣйствительныхъ совѣтниковъ", которымъ нѣтъ возможности заниматься только сенатскими дѣлами. Причина этого, по объясненію указа, лежала въ томъ, что„ имъ *и кромѣ сенаторскаго правленія* есть немалый трудъ въ слѣдующихъ дѣлахъ: 1) что они часто имѣютъ по должности своей *яко первые министры*, тайные совѣты *о политическихъ* и другихъ важныхъ государственныхъ дѣлахъ; 2) изъ нихъ же засѣдаютъ нѣкоторые президентами въ первыхъ коллегіяхъ, отчего

въ первомъ и самомъ нужномъ дѣлѣ—*въ Тайномъ Совѣтѣ*—немалое чинится помѣшательство, да и въ Сенатѣ въ дѣлахъ продолженіе отъ того, что они за многодѣльствомъ не могутъ вскорѣ чинить резолюціи на государственныя внутреннія дѣла" (VII, № 4830). Указъ отмѣчаетъ фактъ, подтверждаемый и другими свѣдѣніями, что „первые министры" того времени или „первые сенаторы", какъ ихъ иначе еще называетъ тотъ же указъ—еще ранѣе основанія В. Т. Совѣта составляли изъ себя „тайные совѣты" и *не* сливались всецѣло и нераздѣльно съ остальнымъ составомъ Сената. Уже при Петрѣ В., эти первые министры, обычно„ тайные дѣйствительные совѣтники", играли роль *министровъ*, стоявшихъ во главѣ *особыхъ* частей управленія, которыя, хотя и были построены коллегіально, однако, не могли мѣшать ихъ президентамъ играть роль *личныхъ* довѣренныхъ органовъ верховной власти, если не всегда *de jure*, то во всякомъ случаѣ *de facto*. Учрежденіе В. Т. Совѣта, рядомъ указовъ и постановленій, дало этимъ министрамъ особую стройную организацію и поставило ихъ въ *непосредственное* отношеніе къ верховной власти. Практика послѣпетровскаго времени ясно показала, что Сенату стоять въ такомъ непосредственномъ отношеніи къ власти было труднѣе, какъ вслѣдствіе его болѣе многочисленнаго и менѣе довѣреннаго состава, такъ и потому, что сенаторы имѣли свои особыя функціи по рѣшенію текущихъ, хотя обыденныхъ, но вмѣстѣ и сложныхъ дѣлъ законодательныхъ, судебныхъ и административныхъ. Петръ В., понимая это, учредилъ должность *генерала-прокурора*, назначеніемъ коего было, между прочимъ, установленіе непосредственной связи Сената съ верховною властію. При Петрѣ В., при томъ вниманіи, которое онъ постоянно удѣлялъ дѣятельности Сената, эта связь черезъ *третье* лицо была вполнѣ достаточна; послѣ Петра В. оказалось неудобнымъ въ виду, преимущественно, *личныхъ* счетовъ партій, а частію вслѣдствіе *характера* самихъ носителей верховной власти—поручить представительство этой связи *одному* лицу, почему должность генерала-прокурора фактически уничтожается, знаменитый Ягужинскій получаетъ другое назначеніе, и самъ В. Т. Совѣтъ беретъ на себя сношенія съ государями непосредственно. Спрашивается, послѣ уничтоженія В. Т. Совѣта и такъ называемаго возстановленія Сената, исчезаетъ ли потребность въ *политическомъ* учрежденіи, къ роли коего не былъ всею своею исторіею подготовленъ петровскій сенатъ, исчезаетъ ли нужда видѣть министровъ, объединенными въ одномъ установленіи? Конечно, нѣтъ, и, несомнѣнно, по-

требность въ такомъ учрежденіи должна была скоро сказаться и теперь, разъ только прошло первое и сильное впечатлѣніе отъ той политической задачи, какую взялъ на себя В. Т. Совѣтъ, въ своей попыткѣ, выражаясь словами одного изъ современниковъ, „государства составъ передѣлывать"; несомнѣнно, также, что, какъ раньше при воцареніи Екатерины I, такъ и теперь, при воцареніи Анны, вовсе было неудобно оставлять постъ генерала-прокурора въ рукахъ такого лица, какъ Ягужинскій; и только на первыхъ порахъ, не осмотрясь и не имѣя подъ руками никакого другого учрежденія, можно было возстановить Сенатъ вмѣстѣ съ генералъ-прокуроромъ и не давать никакой организаціи тѣмъ личнымъ министерскимъ органамъ управленія, какіе продолжали и нынѣ существовать, прежде всего въ лицѣ руководителей иностранной и военной коллегіи, а затѣмъ и другихъ лицъ, которыхъ находили удобнымъ поставить въ непосредственное отношеніе къ верховной власти. Нельзя, конечно, отрицать, чтобы на вопросъ объ учрежденіи Кабинета не вліяли тѣ личные счеты и временныя обстоятельства, какія имѣли мѣсто въ началѣ царствованія Анны и на которыя не разъ указывали современники; но не надо, однако, забывать, что и помимо тѣхъ счетовъ и обстоятельствъ, какія могли оказывать извѣстную долю вліянія, какъ на образованіе Кабинета, такъ и на постановку всего дѣла, были причины *органическія*, которыхъ дѣйствіе переходило за предѣлы ближайшей эпохи послѣ Петра В. и простиралось на весь XVIII вѣкъ. Два слоя Сената—„первые сенаторы" или министры, и „вторые" сенаторы, или собственно „члены сенатскаго правленія" (не сливавшіеся никогда вмѣстѣ), необходимость объединенія *первыхъ* въ одномъ общемъ политическомъ учрежденіи, наряду съ неудобствомъ *непосредственнаго* отношенія къ Сенату носителей верховной власти—все это, естественно, требовало теперь, какъ и раньше, созданія *совѣщательнаго* собранія министровъ. Недавній опытъ съ такимъ собраніемъ, быстро вышедшимъ изъ своей первоначальной роли и даже попытавшимся, въ силу благопріятно сложившихся условій царствованія Петра II и пр., предписывать свои „кондиціи" верховной власти въ свою очередь требовалъ, однако, большой осторожности въ созданіи и развитіи организаціи подобнаго учрежденія. И, дѣйствительно, мы видимъ, что въ то время какъ указы, касавшіеся В. Т. Совѣта (въ особенности, извѣстное „мнѣніе не въ указъ" [7]), бывшее какъ бы статутомъ новаго учрежденія), пы-

[7]) О нихъ см. въ моей „Исторіи Сената", стр 29 сл.

таются болѣе или менѣе подробно и обстоятельно очертить устройство и положеніе Совѣта, какъ учрежденія,—акты, относящіеся къ Кабинету, по крайней мѣрѣ, въ первые годы (до знаменитаго указа 9 іюня 1735 г., коимъ приравнивались къ *именнымъ* указы, подписанные тремя кабинетъ-министрами—IX, № 6745), отличаются какъ своей лаконичностью и сдержанностью, такъ и случайностью. Разсматривая ихъ, какъ отдѣльно, такъ и въ цѣломъ, съ большимъ лишь трудомъ можно представить себѣ организацію Кабинета, *какъ учрежденія*, а также и отношеніе его съ другимъ учрежденіямъ и прежде всего — *къ Сенату*. Повидимому, законодатель хотѣлъ принять мѣры, чтобы новое учрежденіе выступило на арену государственной жизни тихо и незамѣтно, не возбуждая особенно ничьего вниманія. Надо употребить поэтому много усилій, чтобы, изучая нестолько законодательныя опредѣленія, касавшіяся Кабинета, сколько *практику* его дѣятельности, получить возможность выяснить себѣ какъ структуру учрежденія, такъ и его роль среди другихъ учрежденій эпохи. Прежде всего по отношенію къ появленію на свѣтъ Кабинета, замѣтимъ, что не только задолго до учрежденія Кабинета стали ходить о немъ слухи (именно, уже тотчасъ почти послѣ воцаренія Анны Іоанновны), но и самъ Кабинетъ сталъ дѣйствовать, хотя въ совершенно, повидимому, неоформенномъ видѣ, за нѣсколько мѣсяцевъ до *оффиціальнаго* его утвержденія по указу 6 ноября 1731 г. По крайней мѣрѣ, уже въ указѣ *10 августа* того же года говорится о подчиненіи важной весьма въ то время Соляной Конторы вѣдомству Кабинета („Соляной конторѣ быть подъ вѣдѣніемъ *нашего Кабинета*"—VIII, № 5827) при чемъ впослѣдствіи, когда, по указу 6 ноября, было объявлено объ учрежденіи Кабинета „при дворѣ Нашемъ", именные указы говорили о послѣднемъ, какъ объ учрежденіи тождественномъ съ первымъ (ibid. №№ 5958 и 6701). Въ одномъ докладѣ, поданномъ Елизаветѣ Петровнѣ 3 Декабря 1741 г., и найденномъ мною въ Государственномъ Архивѣ, прямо утверждалось, что послѣ указа 4 Марта 1730 г. (возстановлявшаго временно власть Сената) „почти черезъ цѣлый годъ (т. е. въ теченіи почти года) *тайно содержался въ рукахъ гр. Остермана Кабинетъ*".

На этотъ весьма характерный фактъ доселѣ не указывалось въ литературѣ. Можно предположить, что Кабинетъ трехъ министровъ, или „Кабинетъ Ея И. Величества", *оффиціально* учрежденный 6 ноября, первоначально возникъ въ видѣ *личнаго* Кабинета императрицы, подобнаго тому, какой существовалъ при

Петрѣ В. и Екатеринѣ I, но былъ уничтоженъ при Петрѣ II. Затѣмъ, нельзя не обратить вниманія на то, что и указъ 6 ноября, коимъ учреждался Кабинетъ министровъ, гласилъ лаконически только слѣдующее: „понеже мы, для лучшаго и порядочнѣйшаго отправленія всѣхъ государственныхъ дѣлъ *къ собственному нашему всемилостивѣйшему рѣшенію подлежащихъ* и ради пользы государственной и вѣрныхъ нашихъ подданныхъ за благо разсудили *учредить при дворѣ Нашемъ Кабинетъ* и въ оный опредѣлить изъ министровъ нашихъ канцлера гр. Головкина, вице-канцлера гр. Остермана, д. т. с. кн. Черкасскаго, того де ради объ ономъ всемилостивѣйше объявляемъ" (VIII, № 5871). Интересно еще отмѣтить, что между *именными* указами, полученными Сенатомъ, сохранился текстъ другого указа объ учрежденіи этого Кабинета министровъ, который былъ данъ Сенату императрицею *еще 18 октября* и который нѣсколько болѣе подробно мотивировалъ причину учрежденія Кабинета [8]); но затѣмъ, очевидно, нашли почему-то неудобнымъ указать и на эту мотивировку, ограничившись въ названномъ указѣ лишь отмѣткою, что новое учрежденіе будетъ касаться всѣхъ дѣлъ „къ нашему всемилостивѣйшему рѣшенію подлежащихъ", и будетъ состоять изъ 3-хъ членовъ, выбранныхъ „изъ министровъ нашихъ"; иначе говоря, нашли нужнымъ указать на составъ Кабинета и отмѣтить,—въ самыхъ, впрочемъ, широкихъ и неопредѣленныхъ чертахъ — его компетенцію. Было, конечно, и изъ этихъ сдержанныхъ выраженій ясно, что Кабинетъ будетъ учрежденіемъ, стоящимъ въ *непосредственномъ отношеніи* къ

---

[8]) „Понеже мы для порядочнѣйшаго отправленія всѣхъ государственныхъ дѣлъ, которыя къ собственному нашему опредѣленію и рѣшенію подлежатъ, всемилостивѣйше заблаго разсудили учредить Кабинетъ и въ оный опредѣлить нѣкоторыхъ особъ изъ нашихъ министровъ, *которые бы намъ обо всѣхъ дѣлахъ и обо всемъ прочемъ, что и нашимъ интересамъ и пользѣ государства и под данныхъ нашихъ касаться можетъ, обстоятельно доносить и состоявшіяся наши всемилостивѣйшія резолюціи, потому порядочно отправлять могли,* того ради мы къ тому и опредѣлили и назначили нашихъ канцлера графа Головкина, вице-канцлера и дѣйст. тайн. сов. гр. Остермана, и д. т. сов. кн. А. Черкасскаго, которымъ для того *при дворѣ* нашемъ дважды и больше, когда дѣла того востребуютъ, въ недѣлѣ съѣзжаться, и учинить, по вышеписанному нашему намѣренію, съ такою чистою вѣрностью и радѣніемъ, какъ присяжная ихъ къ намъ, своей самодержавной государынѣ-императрицѣ, должность требуетъ и они въ томъ всевидящему Богу, предъ страшнымъ судомъ, отвѣчать могутъ, и какъ наша всемилостивѣйшая надежда въ томъ на нихъ положена. Данъ въ Москвѣ. 18 октября 1731 г." (Ар. М. Ю., д. по б. Каб., кн. 1/1631, л. 241; „книга имянныхъ указовъ, отправленныхъ за собственною Ея И. Величества рукою").

верховной власти, и что въ него войдутъ нѣкоторые изъ „первыхъ сенаторовъ“ или министровъ, введенныхъ въ составъ Сената указомъ 4 марта 1730 г., но съ нимъ, однако, неслившихся; но не было ни однимъ словомъ упомянуто ни о положеніи этихъ министровъ вообще, ни о роли ихъ по отношенію къ существующимъ учрежденіямъ въ частности. Что сдѣлано было въ этомъ вопросѣ послѣдующимъ законодательствомъ, будетъ указано нами ниже; но пока нельзя не отмѣтить, какъ характерной черты, той неопредѣленности, съ какою рождалось въ свѣтъ новое учрежденіе. Въ объявленномъ текстѣ указа были даже выброшены слова указа 18 октября—слова, вполнѣ отвѣчавшія дѣйствительному положенію Кабинета (по крайней мѣрѣ, въ первое время), что эти кабинетъ-министры будутъ съ одной стороны *докладчиками* императрицѣ „о всѣхъ дѣлахъ и о всемъ прочемъ, что и нашимъ интересамъ и пользѣ государства и подданныхъ нашихъ касаться будетъ“, а съ другой—будутъ объявлять, кому надлежитъ, ея *резолюціи*,—какъ и найдено излишнимъ упоминать о времени собраній Кабинета и о „присяжной“ членовъ Кабинета „къ намъ, своей самодержавной государынѣ-императрицѣ, должности“ и пр. Неопредѣленность облика, съ которымъ рождалось въ свѣтъ новое учрежденіе, была, впрочемъ, удобна въ томъ отношеніи, что позволяла затѣмъ самой практикѣ жизни дорисовывать въ структурѣ учрежденія то, что не было обозначено или обозначалось лишь эскизно самимъ законодателемъ. Послѣдующее изложеніе будетъ имѣть своею задачею прослѣдить, хотя кратко, организацію Кабинета и его отношеніе къ Сенату въ отдѣльные моменты его жизни. Кажется, удобнѣе всего раздѣлить исторію этой организаціи, слагавшейся постепенно, *на три части*, — Кабинетъ въ первую половину царствованія Анны Іоанновны до указа 9 іюня 1735 г.; Кабинетъ во вторую половину царствованія до кончины императрицы и, наконецъ, Кабинетъ послѣ ея кончины до момента его уничтоженія. Каждый изъ этихъ моментовъ имѣетъ свои особенности, всего рѣзче выступающія именно тогда, когда онѣ разсматриваются отдѣльно, въ ихъ постепенномъ ростѣ и развитіи. Конечно, нашъ очеркъ будетъ краткокъ, но безъ него нельзя обойтись для разрѣшенія главнаго вопроса, нами здѣсь поставленнаго—объ отношеніяхъ Кабинета и Сената.

II.

Одновременно съ указомъ 6 ноября 1731 г., коимъ учреждался Кабинетъ, было дано еще три именныхъ указа. Одинъ изъ нихъ

требовалъ доставленія во вновь учрежденный Кабинетъ всѣхъ сенатскихъ и прочихъ инструкцій, воинскихъ и гражданскихъ регламентовъ, печатнаго Уложенія, гражданскихъ штатовъ, а также картъ Россійской имперіи; другой—повелѣвалъ передать Кабинету, въ точныхъ копіяхъ, всѣ именные указы и высочайшія повелѣнія, состоявшіеся съ 1730 г. по 1 ноября 1731 г. [9]) и наконецъ, 3-й, наиболѣе важный, касался передачи въ Кабинетъ реэстровъ всѣхъ производящихся въ Сенатѣ, Св. Синодѣ, коллегіяхъ, канцеляріяхъ и приказахъ *судебныхъ* дѣлъ и о представленіи впредь такихъ реэстровъ *ежемѣсячно* [10]). Если первые два указа имѣли цѣлью поставить новое учрежденіе въ извѣстность относительно существующихъ узаконеній, то послѣдній хотѣлъ сдѣлать Кабинетъ сосредоточіемъ свѣдѣній о движеніи *судебныхъ* (или „челобитчиковыхъ") *дѣлъ,* не опредѣляя ближе, что долженъ былъ дѣлать съ ними Кабинетъ. Впрочемъ, черезъ нѣсколько дней, именнымъ указомъ 11 ноября, который повелѣно было „во всей нашей имперіи *публиковать*, и въ судныя мѣста разослать изъ Нашего Сената" нашли нужнымъ объяснить это болѣе подробно. Повторяя между прочимъ, буквально почти, слова послѣдняго указа о томъ, что „по учрежде-

---

[9]) Оп. Сен. Арх., № 4060; VIII, № 5869.

[10]) Такъ какъ текстъ этото важнаго указа неизвѣстенъ въ литературѣ, то помѣщаемъ его цѣликомъ: „Указъ Нашему Сенату—понеже Мы, *по учрежденіи Нашего Кабинета*, имѣя попеченіе о вѣрныхъ нашихъ подданныхъ заблагоразсудили изо всѣхъ обрѣтающихся здѣсь судебныхъ правительствъ, *для всемилостивѣйшаго нашего въ челобитчиковыхъ дѣлахъ усмотрѣнія, безволокитно-ль онымъ рѣшенія бываютъ, собирать въ Кабинетъ Нашъ краткіе реэстры помѣсячно,* того ради Нашему Сенату всемилостивѣйше повелѣваемъ, учиня всѣмъ имѣющимся при Сенатѣ челобитчиковымъ дѣламъ такіе краткіе реэстры съ объявленіемъ, съ котораго времени каждое дѣло вступило по нумерамъ и кто именно челобитчики и о чемъ дѣло состоитъ, и въ низу подписавъ перечневую вѣдомость, *взнесть въ Кабинетъ Нашъ въ немедленномъ времени;* противъ тогожъ и въ другія во всѣ здѣшнія судебныя мѣста предложить симъ нашимъ указамъ изъ Сената, чтобы такіе же краткіе реэстры, какъ изъ Синода, такъ изъ коллегій и канцелярій и приказовъ, гдѣ такія дѣла имѣются *подали въ Кабинетъ Нашъ немедленно;* а по подачѣ тѣхъ первыхъ реэстровъ, какъ изъ Сената и изъ Синода, такъ и изъ прочихъ вышеозначенныхъ коллегій, канцелярій и приказовъ о рѣшеніи тѣхъ дѣлъ и какія прибудутъ, подавать краткіе-жъ рапорты *помѣсячно* и при томъ накрѣпко и всемилостивѣйше подтверждаемъ, дабы во всѣхъ судебныхъ мѣстахъ судъ производился безволокитно и во всемъ поступали, какъ о томъ въ прошломъ 1730 г. апрѣля 23 и іюля 30 всемилостивѣйшими Нашими указами (о нихъ — VIII, № 5546 и 5600) объявлено (Ар. М. Ю., ж. и пр. с., кн. 14/2021, л. 38 и об.). Частію этотъ указъ вошелъ въ именной указъ 11 ноября 1731 г. (VIII, № 5872).

ніи Нашего Кабинета заблагоразсудили (мы) изъ всѣхъ... судебныхъ правительствъ... *для собственнаго* нашего всемилостивѣйшаго въ тѣхъ челобитчиковыхъ дѣлахъ *усмотрѣнія*,—безволокитно-ли по онымъ рѣшенія бываютъ,—собирать въ Кабинетъ Нашъ краткіе репорты помѣсячно", указъ добавляетъ, что, „ежели гдѣ такая неправда, въ судахъ происходящая, и волокита, *по поданнымъ въ Кабинетъ нашъ рапортамъ сыщется,* то всеконечно, какъ нижніе, такъ и вышніе суды за преступленія штрафованы будутъ по государственнымъ правамъ и указамъ безъ пощады"... (VIII, № 5872). Такимъ образомъ, по этому указу, Кабинетъ выступалъ передъ всѣми какимъ-то высшимъ всероссійскимъ судебнымъ мѣстомъ, отыскивающимъ „по рапортамъ" происходящую въ судѣ неправду и волокиту „для всемилостивѣйшаго усмотрѣнія" и резолюціи затѣмъ „по челобитчиковымъ дѣламъ" — самой государыни. Состояніе тогдашняго правосудія, какъ это констатируется рядомъ указовъ и другими данными [11]), несомнѣнно, давало поводъ къ созданію такого учрежденія. Этотъ поводъ найдено было удобнымъ указать и *публично* и такимъ образомъ въ глазахъ всѣхъ первоначально Кабинетъ былъ облеченъ, хотя и важною, но *спеціальною* миссіею, при чемъ указъ 6 ноября,—коимъ учреждался Кабинетъ и гдѣ, наоборотъ, очень широко была обозначена компетенція новаго учрежденія („для лучшаго и порядочнѣйшаго отправленія *всѣхъ* государственныхъ дѣлъ, къ собственному нашему всемилостивѣйшему *рѣшенію* подлежащихъ" и пр.) — объявлялся лишь Сенату (и Св. Синоду), съименнымъ повелѣніемъ „въ пристойныя мѣста куда надлежитъ, послать о томъ указы" [12]), т. е., иначе говоря, къ этому указу примѣненъ былъ обычный тогда способъ объявленія его лишь всѣмъ центральнымъ и мѣстнымъ учрежденіямъ. Въ промежутокъ времени между двумя разбиравшимися указами, въ Кабинетъ были назначены два лица, одинъ для исполненія секретарскихъ обязанностей, другой—для счетоводства, а 30 декабря повелѣно было доставлять въ Кабинетъ *ежемѣсячно* изъ всѣхъ присутственныхъ мѣстъ рапорты

---

[11]) VIII, №№ 5546, 5565, 5600 и др. ср. также замѣчательную „вѣдомость юстицъ-коллегіи невершеннымъ дѣламъ", поданную Кабинету (Ар. М. Ю., д. Пр. с. по б. Каб., кн. $^{16}/_{1693}$).

[12]) „По вышеписанному Ея Имп. Величества указу, подписанному собственной Ея И. Величества рукою, Пр. Сенатъ приказали: объ учрежденіи при дворѣ Ея И. Величества *Кабинета* съ вышеписаннаго Ея И. Величества указу *для вѣдома въ коллегіи и канцеляріи и въ губерніи и провинціи послать указы*" (Арх. М. Ю., ж. и пр. С., кн. $^{140}/_{2621}$, л. 34 сл.).

и реэстры о рѣшенныхъ и нерѣшенныхъ дѣлахъ, чѣмъ всѣ учрежденія, *неисключая и Сената*, были поставлены, какъ это видно особенно ясно изъ дѣлъ Кабинета,—подъ общій *контроль* учрежденія, отнынѣ получившаго возможность наблюдать за движеніемъ *всѣхъ*, а не только судебныхъ дѣлъ, время отъ времени представляя о нихъ доклады императрицѣ (Оп. Сен. Ар., № 4134). Въ слѣдующемъ году состоялись именные указы о доставленіи Кабинету мнѣній флагмановъ флота о мѣрахъ къ его развитію, о подчиненіи вѣдомству Кабинета Медицинской Канцеляріи (подобно соляной конторѣ, подчиненной *личному* Кабинету государыни еще указомъ 10 августа 1731 г.), о представленіи Кабинету *на смотръ* недорослей и отставныхъ офицеровъ и, наконецъ, о подчиненіи Кабинету двухъ счетныхъ или контрольныхъ коммиссій военнаго вѣдомства [13]) (провіантской и крикгъ-коммиссаріатской) [14]). Въ апрѣлѣ 1733 г. приказано представлять „Намъ самимъ въ Кабинетѣ нашемъ" назначенныхъ Сенатомъ воеводъ, „а безъ того опредѣленія никуда (ихъ) не отпускать"; въ маѣ—представить въ Кабинетъ писанную вѣдомость, —сколько находится въ арміи и въ прочихъ мѣстахъ „за комплектомъ" штабъ и оберъ-офицеровъ,—а затѣмъ и *именные* списки всѣхъ офицеровъ разныхъ названныхъ въ указѣ полковъ, подавая *впредь* такіе списки въ Кабинетъ черезъ каждые полгода безъ всякаго отлагательства" и пр. [15]); въ 1734 г. подчинена Кабинету главная полицеймейстерская канцелярія, по отмѣненъ вышеприведенный указъ о представленіи въ Кабинетъ назначенныхъ Сенатомъ воеводъ; подчинены Кабинету дѣла полицеймейстерской канцеляріи по „строеніямъ" города Петербурга; повелѣно доставлять донесенія по управленію малороссійскимъ краемъ по важнымъ дѣламъ въ Кабинетъ, по прочимъ—въ Сенатъ [16]) и, наконецъ, въ 1735 г. (до указа 9 іюня, знаменующаго собою новую эру въ положеніи Кабинета), запрещено требовать изъ Соляной конторы счета о приходѣ и расходѣ и т. п. въ Ревизіонъ-коллегію и генеральную счетную коммиссію, въ виду того, что контора эта состоитъ „подъ

---

[13]) Секретарь военной коллегіи В. Козловъ и камерирь (или „надзиратель сборовъ") Камеръ-коллегіи А. Пташковъ—Оп. С. Арх., № 4065, указъ 8 ноября.

[14]) VIII, №№ 5939, 5958, 6127, 6155; другіе менѣе важные указы см. Оп. Сен. Арх., №№ 4172, 4176, 4319, 4432.

[15]) IX, №№ 6384, 618, другіе указы „Оп. Сен. Арх.", №№ 4495 (именной указъ о доставленіи изъ Штатсъ-конторы 1 т. р. на расходы въ Кабинетъ), 4509 и др.

[16]) IX, №№ 6529, 6538, 6591, Оп. С. Ар., № 5005 и др.

вѣдѣніемъ нашего Кабинета", а знаменитый П. И. Ягужинскій назначенъ министромъ Кабинета, гдѣ послѣ смерти канцлера гр. Головкина не доставало одного члена и куда всесильный Биронъ ввелъ Ягужинскаго, въ противовѣсъ усиливавшемуся все болѣе и болѣе вліянію Остермана; повелѣно представлять въ Кабинетъ кандидатовъ „на упалыя мѣста" малороссійскихъ старшинъ... [17]) Мы не безъ цѣли привели этотъ довольно длинный списокъ писанныхъ указовъ, касавшихся Кабинета въ первые годы его утвержденія. Изъ списка этого, заключающаго въ себѣ всѣ важнѣйшіе указы, видно, какъ скромно выступало новое учрежденіе на арену государственной жизни: подъ его вѣдомство отдано нѣсколько правительственныхъ мѣстъ, представлявшихся важными по тѣмъ или инымъ соображеніямъ, но во всякомъ случаѣ второстепенныхъ въ ряду другихъ учрежденій имперіи; за нимъ обезпечено нѣсколькими указами быстрое и постоянное полученіе свѣдѣній по движенію какъ судебныхъ, такъ и всѣхъ прочихъ дѣлъ, разрѣшавшихся во всѣхъ „правительствахъ", не исключая и Сената; приказано доставлять ему тѣ или иныя свѣдѣнія, казавшіяся почему-либо вообще важными и представлять ему „на смотръ" недорослей и оставныхъ офицеровъ; введено два лица въ его канцелярію. Если къ этому прибавить еще нѣсколько указовъ, подобнаго-же характера, то этимъ будетъ исчерпано почти все содержаніе *законодательныхъ* опредѣленій, касавшихся новаго учрежденія въ первую половину царствованія Анны Іоанновны. Все это было, въ общемъ, довольно-блѣдно, какъ-то случайно и мало опредѣленно, особенно по сравненію съ законодательными и иными постановленіями, касавшимися того учрежденія, мѣсто коего долженъ былъ, хотя отчасти, занять Кабинетъ, т. е. В. Т. Совѣта. Было ясно, впрочемъ, одно: Кабинетъ будетъ ближайшимъ *оффиціальнымъ* Совѣтомъ императрицы; онъ, сосредоточивая въ себѣ всѣ свѣдѣнія о движеніи дѣлъ въ учрежденіяхъ и докладывая о нихъ время отъ времени государынѣ, получитъ возможность *контролировать* всѣ дѣйствія учрежденій, хотя-бы прямо и опредѣленно изданныя узаконенія его къ этому и не уполномочивали. На этой благодарной для развитія значенія учрежденія почвѣ и началась его дѣятельность. Къ обзору ея мы теперь и обратимся, имѣя главнымъ образомъ въ виду Сенатъ...

Прежде всего значеніе Кабинета, какъ учрежденія стоявшаго *непосредственно* предъ лицомъ верховной власти, сказа-

---

[17]) IX, № 6701, Оп. С. Ар., № 5164; IX, № 6725.

лось въ той роли, какую онъ сталъ играть въ разборѣ всякаго рода прошеній, на высочайшее имя приносимыхъ. Указъ 11 ноября о „челобитчиковыхъ дѣлахъ", поступившихъ на разсмотрѣніе Кабинета съ одной стороны, неопредѣленность компетенціи Кабинета—съ другой, въ связи съ близостью новаго учрежденія къ императрицѣ, какъ-бы вызывали населеніе на обращеніе *черезъ* Кабинетъ за помощью на высочайшее имя. Если первоначально могло представляться вопросомъ, чѣмъ явится это учрежденіе въ будущемъ, то, несомнѣннымъ представлялось разсмотрѣніе его, какъ особой высшей коммиссіи по всѣмъ прошеніямъ, поступавшимъ къ государынѣ. И Кабинетъ, коему были передаваемы всѣ челобитныя, поступавшія какъ раньше его учрежденія, такъ и послѣ, на первыхъ же порахъ весьма ревностно принялся за ихъ изслѣдованіе. [18]) Первоначально эти прошенія весьма рѣдко поступали прямо на имя Кабинета (примѣръ такого прошенія см. въ названной книгѣ Архива М. Ю., л. 633, гдѣ помѣщено „Ея И. Величества въ высокоучрежден-

[18]) Среди архивныхъ документовъ сохранился обширный матеріалъ, въ высшей степени любопытный въ бытовомъ отношеніи, именно большая весьма книга челобитій и справокъ по нимъ за время съ 1730 г. по 1735 г. (Ар. М. Ю., д. 6. Каб., кн. $^{7}/_{1084}$). Наиболѣе часты здѣсь челобитья служащихъ, ихъ вдовъ и дѣтей, просившихъ о разныхъ милостяхъ и наградахъ, иногда о заслуженномъ уже жалованьѣ и т. п. (л. 2 сл., 30 сл., 32 сл., и мн. др.), Затѣмъ, идутъ и другія прошенія, самаго разнообразнаго содержанія. Такъ, напр., астраханскій епископъ Валаамъ, „егда услышавъ и совершенно увѣдавъ о счастливой коронаціи Ея И. Величества" хочетъ „удостоиться очи видѣть, оглядати и нижайшій поклонъ рабски и богомолчески Ея И. Величеству отдати, токмо не смѣетъ безъ указу Ея И. Величества въ Москву ѣхать" (ів., л. 57) Такъ жена генерала-лейтенанта Дугласса, назначеннаго въ 1731 г. въ низовой походъ, проситъ избавить ея мужа отъ дальней командировки „ради нуждъ и бѣдности" остающейся семьи; а если это сдѣлать нельзя „въ Эстляндіи или Лифляндіи къ пропитанію мнѣ съ дѣтьми дать на аренду деревню" (л. 216 сл). Или, бывшій мануфактуръ-коллегіи Совѣтникъ Ив. Молчановъ, проситъ Ея Величество приказать „поданная *въ Прав. Сенатъ* (его) челобитныя предъ свое Величество принесть и выслушать и тѣ намъ обиды возвратить и отъ гоненія... своимъ милосердіемъ избавить" (л. 49). Сюда-же стали скоро стекаться вообще прошенія на людей болѣе или менѣе сильныхъ, борьба съ коими инымъ путемъ была невозможна (л., 583, 631, 682 и др.). Нѣкоторыя прошенія отлично рисуютъ порядки тогдашней администраціи. Напр., „ригирунгсъ-ратъ" Фитингофъ пишетъ, что, несмотря на то, что въ Лифляндскомъ герцогствѣ по „штату положено быть 2-мъ ригирунгсъ-ратамъ онъ, нижайшій, тѣ дѣла *14 лѣтъ* правилъ *одинъ* для того, что на ваканцію другого ригирунгсъ-рата опредѣлено не было" (л. 534) и другія, тому подобныя. Обозрѣвая въ общемъ всѣ эти многочисленныя прошенія, нельзя не замѣтить того значенія, какой постепенно пріобрѣталъ Кабинетъ, въ силу своей близости къ императорской власти.

ный Кабинетъ всеподданнѣйшее прошеніе“ и пр.), и сама роль Кабинета сначала ограничивалась лишь собираніемъ всякаго рода справокъ по вопросамъ, возбужденнымъ въ этихъ прошеніяхъ, а затѣмъ и докладомъ ихъ государынѣ. Не выступая самостоятельно въ указанной области, Кабинетъ первое время не выступалъ и въ другихъ: въ первый годъ по учрежденіи Кабинетъ не только не издавалъ указовъ, но и не объявлялъ высочайшихъ указовъ или резолюцій; во 2-й годъ мы находимъ всего двѣ объявленныхъ кабинетъ-министрами высочайшихъ резолюціи, и одинъ указъ самого Кабинета камеръ-коллегіи, объявленный впрочемъ, во исполненіе *именного* указа [19]); въ третій [20]) мы находимъ 5 указовъ Кабинета, одно объявленное имъ Высочайшее повелѣніе, три сообщенія въ Сенатъ высочайшихъ повелѣній; въ 1734 г. число указовъ самого Кабинета нѣсколько увеличивается, становясь, впрочемъ, болѣе замѣтнымъ,—въ связи съ другими актами кабинетской дѣятельности, — лишь въ первой половинѣ 1735 г., чѣмъ, такъ сказать, подготовляется постепенно возможность изданія указа 9 іюня [21]). Если такимъ образомъ, говоря вообще, мы можемъ отмѣтить въ первую половину царствованія Анны Іоанновны лишь довольно рѣдкое проявленіе *указной* дѣятельности Кабинета и если въ этотъ періодъ, какъ и до созданія Кабинета, *доминирующими* законодательными и административными актами попрежнему являются *именные* указы, высочайше утвержденные доклады *Сената*, а равно и указы самого Сената [22]), то это служитъ (въ связи съ другими данными) указаніемъ на то, что въ данный періодъ своего существованія, Кабинетъ не получилъ еще возможности выходить изъ той роли чисто-совѣщательнаго учрежденія, состоящаго „при дворѣ нашемъ“, о которой говорилъ указъ 6 ноября и особенно проектъ указа объ учрежденіи Кабинета 18 октября; онъ не дѣйствовалъ еще, какъ случилось позднѣе, отъ своего имени, частію получивъ на это новыя полномочія. Это не значитъ, конечно, что въ это время нельзя отмѣтить, во всѣхъ этихъ высочайше утвержденныхъ докладахъ Сената, коими такъ изоби-

[19]) „Оп. Сен. Арх.“, №№ 4059—4137; 4312, 4326, 4328.

[20]) Ibid, №№ 4517—4519, 4530, 4750; 4625; 4475, 4509, 4749.

[21]) Ibid., №№ 4825, 4949, 5008, 5010, 5034, 5066, 5068, 5070, 5074; 5102, 5115, 5124, 5139, 5151, 5161, 5163, 5165, 5169, 5173, 5174, 5180, 5182 — 5185, 5188, 5191; другіе акты кабинетской дѣятельности, см. между №№ 4825 5191.

[22]) VIII—IX №№ 5510 —6745; Опись Сен. Арх., №№ 3729—5194 (здѣсь отмѣчены указы или ихъ списки со времени возстановленія Сената по 9 іюня 1735 г. включительно).

луетъ изучаемый періодъ существованія Кабинета, а равно и въ *именныхъ* указахъ самой императрицы, вліянія Кабинета [23]), но это значитъ, что въ это время, по крайней мѣрѣ *de jure*, Кабинетъ былъ съ одной стороны докладывающимъ, а съ другой стороны объявляющимъ императорскія резолюціи учрежденіемъ, но и только. Это всего яснѣе подтверждается на отношеніяхъ Кабинета къ Сенату...

Какъ видно уже изъ приведеннаго выше краткаго обзора узаконеній даннаго періода, касавшихся Кабинета, компетенція Сената не была ничѣмъ здѣсь затронута. Возстановленный указомъ 4 марта Сенатъ получилъ право *непосредственныхъ* сношеній съ императорскою властію, прерванныхъ въ періодъ правленія В. Т. Совѣта. Это *de jure* сохранено за нимъ и теперь: сенатскіе доклады поступаютъ прямо на имя императрицы и ею самою дѣлаются на нихъ резолюціи. Кабинетъ, несомнѣнно, разсматриваетъ ихъ [24]); но это еще никакъ не отражается на нихъ *формально*. Это не „резолюціи кабинетъ-министровъ на доклады Сената", какъ будетъ позднѣе (со второй половины 1735 г.), но это, попрежнему, все еще „высочайше утвержденные доклады Сената", въ которыхъ ни словомъ не упоминается о посредствующей роли Кабинета (см. эти доклады въ т. VIII и IX П. С. Законовъ до половины 1735 г., passim). Такъ, послѣ событій, сопровождавшихъ воцареніе новой государыни, и послѣ шума, надѣланнаго „затѣйками" Совѣта, въ теченіе первыхъ 3—4 лѣтъ не находили возможнымъ, по крайней мѣрѣ оффиціально, выставлять какое—либо учрежденіе въ ка-

---

[23]) Напр., 14 марта 1733 г. Сенату былъ данъ *именной* указъ о назначеніи постоянныхъ квартиръ нѣкоторымъ полкамъ. (IX, № 6348). Въ „дѣлахъ Пр. Сен. по быв. Каб." (Ар. М. Ю., кн. $^{6}/_{1083}$, л. 510 сл.) помѣщенъ подлинный „Ея И. Величеству, самодержицѣ всероссійской докладъ" Кабинета о томъ же вопросѣ, давшій буквальное содержаніе вышеуказанному „*именному* указу"; такихъ примѣровъ можно указать много.

[24]) Не говоря уже о практикѣ дѣлопроизводства, которая показываетъ, что доклады Сената императрицѣ шли черезъ Кабинетъ, 15 ноября 1732 г. состоялось высочайшее повелѣніе, „чтобы господа сенаторы поступали о присутствіяхъ ихъ по состоявшемуся Ея И. В. указу сего марта 14 (указъ этотъ, направленный противъ непосѣщенія сенаторами засѣданій - см. VIII, № 6256), а которые за болѣзнями и другими дѣлами быть не могутъ, о посылкѣ къ нимъ на дворы, которые бы, по силѣ сенатской должности, тѣ дѣла слушали и мнѣнія свои давали письменно; и при томъ Ея И. Величество соизволила подтвердить, *чтобы съ тѣмъ посылать и разсужденія требовать къ* канцлеру гр. Гаврилу Ивановичу и къ д. т. с. гр. А. И. Остерману, кн. А. М. Черкасскому", т. е., иначе говоря, къ тремъ кабинетъ - министрамъ (Ар. М. Ю., ж. и пр. С., кн. $^{131}/_{2032}$).

чествѣ *верховнаго*. Далѣе, въ то время, какъ въ правленіе В. Т. Совѣта, Сенатъ, съ начала и до конца его дѣятельности, получалъ отъ него указы, а самъ сносился съ нимъ, подобно всѣмъ другимъ подчиненнымъ учрежденіямъ, доношеніями, Кабинетъ не выработалъ сразу одного термина для обозначенія своихъ отношеній къ Сенату и то отдавалъ ему словесные приказы, то обращался къ нему съ сообщеніями, извѣщеніями (или объявленіями), указами, то клалъ свои резолюціи (со второй половины 1735 г.) на его докладахъ, что также не лишено значенія для характеристики самого учрежденія. Въ свою очередь Сенатъ то обращался къ Кабинету за приказами, то посылалъ къ нему сообщенія, рапорты и доклады (см. *Опись Сен. Арх.,* passim). Затѣмъ нельзя не отмѣтить, что уже въ этотъ первый періодъ дѣятельности Кабинета начинаютъ практиковаться, а затѣмъ и развиваться *общія совѣщанія* Кабинетъ-министровъ съ Сенатомъ. Какъ извѣстно (см. мою „Исторію Сената" и пр., 208 сл.), Екатерина I, уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ учрежденія В. Т. Совѣта, нашла необходимымъ повелѣть *„призывать въ В. Т. Совѣтъ,* по однова или по дважды въ недѣлѣ, *для совѣту сенаторей"*, въ случаѣ „важныхъ дѣлъ"; но, однако, это повелѣніе совсѣмъ не привилось на практикѣ, и только въ царствованіе Анны Іоанновны мы встрѣчаемся иногда какъ съ общими совѣщаніями Кабинета и Сената, такъ и съ общими ихъ резолюціями. Болѣе подробно на этихъ совѣщаніяхъ и резолюціяхъ мы остановимся ниже; пока же замѣтимъ, что въ нихъ несомнѣнно, заключалась здравая мысль: болѣе многочисленный и болѣе близкій къ повседневной административной практикѣ, Сенатъ могъ всегда оказаться полезнымъ для столь небольшаго совѣта трехъ министровъ, какимъ являлся Кабинетъ. Кажется, и авторитетъ петровскаго Сената, особенно въ царствованіе государыни, столь любившей ссылаться на своего великаго дядю, былъ такъ великъ въ общихъ глазахъ, что въ важныхъ случаяхъ, когда это казалось только удобнымъ, охотно пользовались именемъ этого учрежденія...

Въ высшей степени любопытно, по актамъ кабинетскаго и сенатскаго дѣлопроизводства, прослѣдить, какъ слагались фактически отношенія двухъ учрежденій въ этотъ періодъ. Прежде всего, по основаніи Кабинета, въ Сенатъ стали поступать постоянно всякаго рода требованія о доставленіи въ Кабинетъ тѣхъ или иныхъ свѣдѣній. Обычно, это, дѣлалось черезъ секретаря Кабинета В. Козлова, который приказывалъ тому или

иному секретарю Сената, являвшемуся въ Кабинетъ съ дѣлами или спеціально имъ призванному, сообщить Сенату о доставленіи требуемаго. Вотъ, напр., что читаемъ въ „Запискѣ приказомъ (приказамъ) изъ Кабинета Ея И. Величества“, между цѣлымъ рядомъ приказаній, отданныхъ Сенату (о нихъ скажемъ ниже): „въ Кабинетѣ секретарь В. Козловъ секретарю Сената Д. Невѣжину приказывалъ... 4) въ которомъ числѣ, сколько будетъ по чинамъ у присяги, по вся дни подавать въ Кабинетъ репорты“...; или другому секретарю Мокѣеву приказано — въ Сенатѣ „списать копію съ трактатовъ и съ табели и о Карасирскомъ полку и прислать въ Кабинетъ завтрея“; или „принесть изъ Сената вѣдомость, въ 719 году или послѣ было опредѣленіе, сколько въ Сибири велѣно быть вице-губернаторамъ, 3-мъ или 2-мъ“ и т. п. [25])... Затѣмъ, вмѣстѣ съ требованіями о доставленіи тѣхъ или иныхъ свѣдѣній, оправдываемыми необходимостью для Кабинета, докладывая дѣла государынѣ, имѣть всѣ нужныя данныя подъ руками, въ Прав. Сенатъ тѣмъ-же порядкомъ стали поступать „приказанія“ или „приказы“ кабинетъ-министровъ, найденныя Сенатомъ, по своей формѣ, первоначально неудобно-исполнимыми, такъ какъ они не соотвѣтствовали сенатской „должности“; рѣшено было поговорить о томъ съ кабинетными министрами [26]), но дѣло осталось и послѣ этого, какъ кажется, въ томъ же положеніи; по крайней мѣрѣ, для дѣлъ меньшей важности [27]). Приказы эти въ высшей степени характерны, такъ какъ показываютъ ясно, что Кабинетъ уже съ первыхъ шаговъ своей дѣятельности, и при томъ тогда, когда законодательные акты совсѣмъ умалчивали объ отношеніяхъ его къ Сенату и оставляли все въ послѣднемъ „на прежнемъ основаніи“ (кромѣ, разумѣется, новой обязанности, на него возложенной — доставленія рапортовъ Кабинету о рѣшенныхъ и нерѣшенныхъ дѣлахъ и т. п.) — отлично понялъ свое значеніе, какъ учрежденія, стоявшаго непосредственно предъ лицомъ верховной власти и обращался съ Сенатомъ, какъ под-

---

25) Ар. М. Ю., д. С. по б. к., кн. $^{18}/_{1095}$ (за 1731 г.), л. 52 об., 53)об., 54 об.

26) Въ журналахъ Пр. Сената за 1732 г. уже 10 февраля (т. е. черезъ три мѣсяца послѣ учрежденія Кабинета) читаемъ слѣдующую запись: „разсуждали, что *изъ Кабинета о разныхъ дѣлахъ отдаются черезъ секретаря приказы оберъ-секретарю и секретарямъ* (Сената) *словесно*“, при чемъ замѣчено, что по пункту 12-му „должности“—„словесно ничего исполнять не велѣно“ и „*положили о томъ говорить съ кабинетными министрами*“ (ib., журналы Пр. Сената, кн. $^{24}/_{1905}$, л. 20).

27) См., напр., „Записку кабинетскимъ приказомъ и прочему за 1732“ (ibid., д. по б. Каб., кн. $^{18}/_{1095}$, л. 126 л.

чиненномъ ему мѣстомъ. Эти „министерскіе приказы“, какъ называетъ ихъ одна запись, нисколько не удивляютъ Сенатъ сами по себѣ, онъ только находитъ „сумнительнымъ“, что они отдаются словесно. И такъ продолжается во все время существованія Кабинета. Что это были за приказы по своему содержанію, достаточно видѣть изъ нѣсколькихъ примѣровъ. Въ декабрѣ 1731 г., напр., „въ Кабинетѣ секретарь В. Козловъ секретарю Д. Невѣжину приказывалъ: 1) чтобы по поданной въ Кабинетѣ челобитной подполковника ф. Бремзена дѣло разсмотрѣть; 2) дѣло гр. Апраксина, чтобы рѣшить до отъѣзда (двора) въ С.-Петербургъ; 5) въ Петербургъ съ указами и присягами нарочнаго не посылать, а отдать тѣ указы и присяги о приводѣ всѣхъ чиновъ въ Петербургѣ генералу-фельдцейхместеру, понеже онъ того числа отправляется; 6) Марниса, который держится по доимкѣ, чтобы отдать на знатныя поруки, по указу“... Или, напр., въ февралѣ слѣдующаго года, между „приказами кабинетскими“ читаемъ слѣдующіе [28]): „о Фиковой женѣ (женѣ извѣстнаго Генриха Фика) *отправить изъ Сената указъ въ такой силѣ*, чтобы оная съ дѣтьми жила въ оставленной ей мызѣ Полъ и посмотрѣть за ними, какъ выѣдутъ и тотъ указъ вручить генералу-фельд-ц. гр. Миниху, а во первыхъ доложить его сіятельства, она, Фикова жена, со всѣми-ли дѣтьми въ С.-Петербургѣ“; „чтобы г.г. сенаторы, которымъ велѣно присутствовать (по именному указу) для разсужденія о пяти-копѣечникахъ, для онаго были въ Кабинетѣ въ нынѣшній четвертокъ.... Також въ кабинетѣ извѣстно, что г.г. сенаторы нынѣ въ Сенатѣ присутствуютъ для слушанья показанныхъ дѣлъ отъ генерала Дебріеннія и изъ тѣхъ дѣлъ, что нынѣ слушано будетъ, взнесено было-бъ утре въ Кабинетъ доношеніе“; или, въ мартѣ того же года, между прочимъ, было приказано „прислать на письмѣ извѣстіе, зачѣмъ вѣдомость о вотчинахъ къ Невскому монастырю медлится“ (т. е. зачѣмъ не подается) и т. п. Разсматривая внимательно эти „приказы“, въ связи съ другими данными, можно видѣть отчасти ходъ дѣлопроизводства въ Кабинетѣ и Сенатѣ. Еще въ 1726 г. подалъ, напр., нѣкій Бремзенъ жалобу на рѣшеніе гофъ-герихта, а за-

---

[28]) Ibid., л. 136 сл., л. 52 сл. Въ записи журнала 27 декабря 1731 г. читаемъ, что „въ Кабинетѣ Ея И. Величества секретарь В. Козловъ отдалъ въ „*Пр. Сенатъ* секретарю Ив. Богданову... челобитную вдовы Ненилы Бодышковой (Бодышко), которою требуетъ, чтобы долговъ имѣющихся на мужѣ ея, Яковѣ Бодышко, на ней не взыскивать, а взыскивать по компаніи на товарищѣ мужа ея, Францѣ Фандортѣ; по той челобитной *приказъ объявилъ министерской,* чтобы *разсмотрѣніе о томъ учинить въ Сенатѣ*“ (ibid., листъ 35).

тѣмъ и юстицъ-коллегіи по дѣлу его съ генераломъ Лешерномъ, вслѣдствіе чего дѣло и было взято Сенатомъ къ себѣ „на разсмотрѣніе“, но послѣднее, по обыкновенію, затянулось; Бремзенъ подалъ новое челобитье въ Кабинетъ на высочайшее имя, а Кабинетъ приказалъ въ декабрѣ 1733 г. Сенату разсмотрѣть это дѣло. Сенатъ въ мартѣ слѣдующаго года разсмотрѣлъ его и затѣмъ представилъ черезъ Кабинетъ свой докладъ императрицѣ, „всеподданнѣйше требуя указу о всемилостивѣйшей Ея И. Величества“ конфирмаціи этого доклада, что и послѣдовало въ видѣ высочайшей резолюціи— „учинить по сему“ (VIII, № 6000), при чемъ о посредствующей роли Кабинета здѣсь ни словомъ не упоминается. Изъ отмѣтокъ, частію сохранившихся на записяхъ, видно, какъ относился Сенатъ къ этимъ „кабинетскимъ приказамъ“. По отношенію, напримѣръ, къ приказу „о Фиковой женѣ“ читаемъ, что секретарь Сената Невѣжинъ въ тотъ же день „доносилъ“ гр. Миниху о приказаніи Кабинета, на что послѣдній „объявилъ, дабы изъ Сената о томъ *только* прислать указъ (т. е. о проживаніи жены Фика въ оставленной ей мызѣ), а отправленіе ихъ (жены и дѣтей) учинено будетъ отъ его сіятельства; о томъ указъ къ нему (гр. Миниху) отосланъ“. Относительно замедленія отвѣтомъ о вотчинахъ Невскаго монастыря замѣчено, что „о деревняхъ къ Невскому монастырю вѣдомость медлится затѣмъ, что изъ Св. Синода не сообщено, а изъ прочихъ мѣстъ справки собраны“ (ib.). Бывали случаи, когда эти промедленія Сената давали поводъ къ указамъ самой императрицы, и тогда Сенату приходилось, хотя и *черезъ* Кабинетъ, входить со „всеподданнѣйшимъ доношеніемъ“ и объяснить подробно и обстоятельно причину этого. Такъ, напр., въ одномъ изъ такихъ „доношеній“ отъ 27 сентября 1732 г. читаемъ слѣдующее: „Вашего И. Величества *изъ Кабинета* отданы въ Сенатъ черезъ оберъ-секретаря Кириллова 2 реэстра о доношеніяхъ, кои поданы въ Сенатъ изъ Военной коллегіи и изъ канцеляріи артиллеріи и фортификаціи, да экстрактъ поданнымъ-же доношеніямъ... гр. Миниха, на которыя указовъ (Сената) не получено, и объявленъ *Вашего И. Величества указъ*, чтобы справившись, *подать въ Кабинетъ* Вашего Величества, *зачѣмъ по такимъ доношеніямъ въ Сенатъ рѣшенія не учинено*. И потому Вашего И. Величества указу Сенатъ всеподданнѣйше при семъ доношеніи взноситъ экстрактъ учиненный изъ выше упомянутыхъ реэстровъ, со справками изъ дѣлъ“. Изъ дальнѣйшаго содержанія „доношенія“ видно, что Сенатъ по однимъ дѣламъ уже успѣлъ послать указы „прежде отданія тѣхъ реэстровъ“ изъ Кабинета

по другимъ не постановилъ своего рѣшенія „за важными справками", имъ не полученными, при чемъ долженъ былъ объяснить всѣ обстоятельства, помѣшавшія достать эти справки и пр. [29]).

Такъ, наряду съ собственными весьма сложными и многочисленными дѣлами, Сенату приходилось постоянно, то исполнять тѣ или иныя порученія Кабинета по доставленію разнаго рода справокъ и свѣдѣній, то отправлять, по приказамъ Кабинета, указы, то объяснять, нерѣдко путемъ всеподданнѣйшихъ доношеній, причины медленности своего дѣлопроизводства и т. д. Все это, естественно, приводило къ тому, что „приказы гг. кабинетныхъ министровъ" или „министерскіе приказы" держали Сенатъ въ подчиненіи къ Кабинету, какъ учрежденію, непосредственно стоявшему предъ верховною властію.

Какъ было указано выше, Сенатъ получалъ отъ Кабинета словесные приказы, письменныя сообщенія и указы. Въ первый періодъ дѣятельности Кабинета преобладали первыя двѣ формы сношеній, а указы давались рѣдко. Не безъинтересно, однако, отмѣтить, что подъ этою скромною формою „сообщеній", которая заставляла думать о равенствѣ двухъ сносящихся между собою учрежденій, въ дѣйствительности нерѣдко скрывались тѣ же указы, какъ это легко видѣть изъ ихъ текста. Напр., въ одномъ такомъ „сообщеніи" говорится, что Ея Величеству было донесено отправленнымъ въ Украйну кн. Шаховскимъ, что при переписи населенія „явилось въ Трубчевскомъ уѣздѣ поселившихся на дворцовой землѣ малороссіянъ немалое число, которыми *никто не владѣетъ, живутъ свободно, кормятся ремесломъ;* только де берутъ съ нихъ дворцовыхъ волостей управители колесами и куфами, а сколько ихъ мѣстечекъ и душъ по переписи явилось и „почемъ на годъ доходовъ платили, о томъ при ономъ доношеніи пріобщенъ экстрактъ". Затѣмъ ко всему вышеизложенному, носящему, дѣйствительно, характеръ сообщенія, добавлено: „*того ради изъ Кабинета Ея И. Величества черезъ сіе Пр. Сенату сообщается, дабы опредѣлено было*, по оному экстракту,... о показанномъ... управителямъ колесами и куфами платежѣ *изслѣдовать*, оные съ нихъ доходы по какимъ указамъ сбираются и въ казну-ль Ея И. Величества доходили, и въ пріемѣ того имъ квитанціи даются-ли; будежъ оное сбирали съ нихъ партикулярные люди собою, *о томъ бы учинено было надлежащее взысканіе*, какъ указы повелѣваютъ и для того съ онаго экстракта сообщается при семъ копія". Получивъ это „сообще-

---

[29]) Ар. М. Ю., д. по б. Каб., кн. $^{6}/_{1693}$, л. 628, 633.

ніе" Кабинета, содержащее во второй своей части указъ Сенату о производствѣ слѣдствія, Сенатъ приказалъ „о сборахъ тѣхъ изслѣдовать Брянскому воеводѣ съ обрѣтающимся при томъ городѣ на штапномъ дворѣ офицерами" и учинить надлежащее взысканіе, прославъ Сенату немедленно доношеніе о томъ, „что ученено будетъ"... [30]), чтобы затѣмъ своевременно подать о немъ рапортъ въ Кабинетъ, если „сообщенія" о немъ не будетъ почему-либо потребовано Кабинетомъ раньше.

Обратимся теперь къ вопросу о формѣ сношеній Сената съ Кабинетомъ и прежде всего выяснимъ, когда Сенатъ считалъ себя обязаннымъ обращаться къ Кабинету. По указу 6 ноября 1731 г., коимъ учреждался Кабинетъ, къ его компетенціи, какъ совѣта „при дворѣ нашемъ", принадлежали дѣла „къ собственному нашему всемилостивѣйшему *рѣшенію* подлежащія". Поэтому Сенатъ входитъ съ докладами на высочайшее имя, хотя и *черезъ* Кабинетъ, во всѣхъ тѣхъ дѣлахъ, которыя онъ считаетъ подлежащими рѣшенію верховной власти. Прежде всего, конечно, такими дѣлами являются дѣла, на которыя имѣются *именные* указы и которыя могутъ быть перерѣшены тѣмъ же путемъ, какимъ они были рѣшены первоначально. Однажды обнаружилось, напр., что въ военной коллегіи „учинена отмѣна" воинскихъ пунктовъ относительно нѣкоторыхъ условій обмундированія и что военная коллегія, вмѣстѣ съ особою коммиссіею, Сенату „предлагали передъ образцовыми и противъ воинскихъ пунктовъ отмѣну учинить". „Однако же о томъ—читаемъ, между прочимъ, въ докладѣ Сената императрицѣ—„не доложа Вашему И. Величеству, Сенатъ *собою* отмѣны никакой учинить не можетъ потому, что о обоихъ оныхъ дѣлахъ воинскіе пункты и штатъ и генеральнаго криксъ-коммиссаріата инструкція отъ Вашего И. Величества конфирмованы" (IX, № 6441) [31]). За-

---

[30]) Ibid., ж. и пр. С., кн. $^{166}/_{2047}$, л. 139, 141; 19 и 21 февраля 1733 г. Поэтому въ тѣхъ случаяхъ, когда Сенату, дѣйствительно, сообщалось что-либо безъ особаго при этомъ указа сдѣлать то или то, нерѣдко это дѣлалось въ формѣ извѣщенія или „объявленія". Напр., 17 окт. 1734 г., Сенатъ получилъ такое „объявленіе": „изъ Кабинета Ея И. Величества Пр. Сенату – сего октября 16 дня по посланному Ея И. В. указу, за подписаніемъ Ея И. Величества собственныя руки, къ Смоленскому вице-губернатору кн. С. Козловскому, велѣно ему ѣхать, не мѣшкавъ прямо сюда ко двору Ея Величества, а на мѣсто его Ея И. В. изволила опредѣлить въ вице-губернаторы Смоленскаго коменданта, бригадира Ѳ. Шепелева, а на мѣсто его Авр. Шамордина, *и въ томъ Пр. Сенату объявляется* для отправленія о томъ указовъ, куда надлежитъ" (ibid., д. С. по б. Каб., кн. $^{6}/_{1083}$, л. 706).

[31]) *„А Сенатъ*... безъ *особливаго* В. И. Величества указа *того учинитъ*

тѣмъ, на высочайшее имя идутъ всѣ тѣ дѣла, на которыхъ „указа не положено“, какъ тогда говорилось, или которыя вызывали въ Сенатѣ какія-либо сомнѣнія и т. п. [32]). При этомъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда учрежденіе, по поводу коего возникало какое-либо сомнѣніе, было подчинено *непосредственно* Кабинету, Сенатъ входилъ съ своимъ докладомъ объ этомъ на высочайшее имя. Напр., въ мартѣ 1732 г. Сенатъ доложилъ императрицѣ, что де „по именному Вашего И. Величества указу велѣно Медицынской Канцеляріи быть въ вѣдомствѣ Кабинета Вашего Величества и ни откуда (въ нее) повелительныхъ указовъ не посылать“, между тѣмъ Военная Коллегія донесла Сенату, что въ Медицинскую канцелярію поступило одно требованіе генерала ф. Вейсбаха, пересланное ею въ коллегію, а изъ послѣдней, съ ея „мнѣніемъ“ по его поводу, переданное въ Сенатъ. Сенатъ, имѣя въ виду вышеприведенный именной указъ, обращается съ докладомъ къ государынѣ (VIII, № 6014). Такъ въ этомъ періодѣ Кабинетъ, по крайней мѣрѣ, оффиціально еще не стоитъ между Сенатомъ и верховною властію...

Но если такъ было формально, то что дѣлалось на самомъ дѣлѣ и какъ сносился Сенатъ съ Кабинетомъ? Въ одной журнальной записи отъ 3 сентября 1733 г. читаемъ, напр., что „въ Кабинетъ Ея И. Величества къ господамъ министрамъ отъ Пр. Сената *посыланъ* оберъ-секретарь М. Козьминъ *для докладу*, что повелѣно по указу Ея И. Величества вице-адмиралу Змаевичу галеры и будары въ указное число достальное число готовить въ назначенныхъ въ Ея И. Величества указѣ мѣстахъ, а по прежнимъ указамъ строены были во Брянску прамы и галеры, которыя потомъ другими указами строеніемъ отставлены, а въ нынѣшнемъ Ея И. Величества указѣ о достройкѣ тѣхъ судовъ не изображено, *и тѣ суда достраивать ли; и о томъ... докладовано*“ гр. Остерману и кн. Черкасскому, при чемъ „объ-

---

не можетъ и требуетъ всемилостивѣйшаго В. И. Величества указу“ (ibid., № 6323)—говорится въ другомъ подобномъ докладѣ Сената, поданномъ императрицѣ по поводу челобитья нарвскихъ жителей объ отдачѣ имъ церкви и пр.

[32]) По именному указу велѣно было „счесть“ особо назначеннымъ лицамъ бывшій криксъ-коммиссаріатъ и провіантскую канцелярію, но при этомъ не было опредѣлено „въ чьей дирекціи тѣмъ коммисіямъ быть и кому репортовать“, почему Сенатъ „о томъ всеподданнѣйше требуетъ“ указу (VIII, № 6155); или, напр., именными указами велѣно было недорослямъ и отставнымъ офицерамъ являться на смотръ въ Петербургѣ „у герольдмейстерскихъ дѣлъ“; Сенатъ, докладывая объ этомъ, спрашиваетъ, должно ли этихъ недорослей и офицеровъ „въ Сенатѣ разсматривать (какъ было прежде) или Вашему Имп. Величеству предоставлять“ (ib., № 6127) и т. д.

явлена учиненная въ Сенатѣ о тѣхъ судахъ выписка". Въ другой записи, отъ 3 декабря того же года, читаемъ, что „по приказу Пр. Сената секретарь Д. Невѣжинъ *посыланъ былъ въ Кабинетъ Ея И. Величества* съ доношеніемъ" гр. Миниха, на которомъ „подписана резолюція Ея И. Величества о порученіи въ Украйнѣ исправлять дѣла, назначенныя въ томъ доношеніи генералу-квартирмейстеру Дебринію обще съ тѣми, которымъ до сего времени такія исправленія поручены и съ приложенною при томъ спецификаціею, *съ такимъ приказомъ, чтобъ спросить господъ министровъ, вышеописанная Ея И. Величества резолюція на одно-ль то доношеніе, или и на спецификацію?"* Изъ приведенныхъ [33]), какъ и ряда другихъ, имъ подобныхъ записей, видно, что Сенатъ нерѣдко входитъ *съ докладами* въ Кабинетъ по вопросамъ, разрѣшеннымъ высочайшими указами и резолюціями, и у Кабинета требуетъ разъясненія тѣхъ недоразумѣній, какія ими вызываются на практикѣ, такъ какъ никто, кромѣ Кабинета, черезъ посредство коего прошли всѣ эти вопросы, прежде чѣмъ быть разрѣшенными высочайшею волею, и не можетъ дать по ихъ поводу авторитетныхъ указаній. И Кабинетъ даетъ эти указанія Сенату, какъ инстанція не только высшая, но знающая вполнѣ ходъ всего дѣла, возбудившаго недоразумѣніе. Такъ, по первому вопросу Сената о судахъ два кабинетные министра, по прочтеніи выписки Сената, „изволили приказать Пр. Сенату донесть, что о вышеписанныхъ указахъ (о судахъ) они извѣстны, *токмо нынѣ нужды никакой не признали*, а изволили-бъ Пр. Сенатъ приказать суды додѣлывать въ тѣхъ мѣстахъ, о которыхъ именно въ указѣ изображено; а о тѣхъ брянскихъ судахъ, для лучшей предосторожности, не изволитъ ли Пр. Сенатъ сношенія учинить съ генераломъ Вейсбахомъ, надлежитъ-ли оные для нынѣшняго случаю додѣлывать"; по второму, Кабинетъ предложилъ, „чтобъ Пр. Сенатъ изволилъ призвать въ Сенатъ всѣхъ присутствующихъ въ Военной Коллегіи и съ ними обще разсуждать, тѣ дѣла по прежнему-ль положенію исправлять надлежитъ, или что изъ вышеписанной спецификаціи дополнить надлежитъ"... Отвѣтъ Кабинета по первому вопросу не удовлетворилъ, однако, Сената и онъ вновь отправилъ оберъ-секретаря „для докладу о брянскихъ.судахъ", указывая, что „о достройкѣ оныхъ отъ генерала Вейсбаха разсужденія требовать неможно, *понеже оный генералъ и самъ от-*

---

33) Арх. М. Ю., ж. и пр. С., кн. $^{173}/_{2051}$, л. 13 и об., л. 14, л. 41; ibid., дѣла Пр. С. по б. Каб., кн. $^{18}/_{1095}$, л. 222).

правленъ отъ Кабинета Ея И. Величества". Выслушавъ этотъ докладъ, тѣ же министры „изволили сказать, что *какъ о тѣхъ судахъ И. Ю. Трубецкому и б. П. П. Шафирову* (двумъ сенаторамъ, изъ коихъ второй только-что былъ назначенъ къ присутствію въ Сенатѣ) *говорено, такъ и нынѣ объявляютъ свое разсужденіе*, что тѣ суда нынѣ надо-бъ оставить, и отъ генерала Вейсбаха разсужденія о нихъ *не требовать*" (ibid). Интересно также отмѣтить, что въ тѣхъ случаяхъ, когда имѣлось высочайшее повелѣніе, въ предѣлахъ коего Сенатъ долженъ былъ дѣйствовать, Кабинетъ отклонялъ отъ себя участіе въ дѣлѣ. Такъ, напр., Сенатъ послалъ въ кабинетъ оберъ-секретаря „для доклада" съ „инструкціею о заготовленіи въ Украйнѣ 7 магазиновъ провіанта", который долженъ былъ спросить министровъ, „изволятъ-ли тое инструкцію выслушавъ и обще съ Пр. Сенатомъ подписать". Въ Кабинетѣ въ это время былъ одинъ Остерманъ, который, выслушавши докладъ, „изволилъ приказать Пр. Сенату донести, что *въ закрѣпленіи инструкціи можно обойтись и безъ ихъ сіятельства подписки, понеже оной надлежитъ сочиненной быть по силѣ Ея И. Величества указу*" [31]). Въ свою очередь, Сенатъ, въ случаѣ столкновенія приказа Кабинета съ именнымъ указомъ, отказывался рѣшать дѣло и входилъ съ всеподданнѣйшемъ докладомъ. Такъ напр., изъ Кабинета была прислана въ Сенатъ челобитная графини Настасьи Матвѣевой (о дачѣ ей послѣ ея мужа изъ недвижимаго имѣнія „четвертаго жеребья") „*съ такимъ приказомъ*, чтобъ по той челобитной въ Вотчинной коллегіи (дѣло) разсмотрѣть и со мнѣніемъ подать въ Сенатъ, а въ Сенатѣ рѣшить, какъ Вашего И. Величества указы повелѣваютъ, а ежели зачѣмъ рѣшить невозможно, доложить Вашему И. Величеству". Разсматривая челобитье гр. Матвѣевой, Сенатъ увидалъ, что еще въ 1730 г (челобитье разсматривалось въ 1732 г.) было высочайше повелѣно,—вслѣдствіе челобитья-же пасынка просительницы, гр. Ѳ. Матвѣева — „того ихъ дѣла безъ указа Вашего И. Величества не рѣшить". Хотя Сенатъ и не имѣлъ высочайшаго указа, на который была сдѣлана ссылка въ челобитной, „однако-жъ, *по нынѣшнему* изъ Кабинета Вашего И. Величества *словесному объявленію, „Сенатъ опредѣленія учинить не можетъ, а всеподданнѣйше на оное требуетъ всемилостивѣйшаго Вашего И. Величества указу*". Въ послѣдовавшей на этотъ докладъ резолюціи былъ черезъ нѣсколько дней вновь повторенъ прежній *приказъ*,

---

[31]) ibid., ж. и пр. С., кн. $^{174}/_{2055}$, л. 28.

отданный изъ Кабинета [35]). Конечно, указанный выше порядокъ сношеній кабинета съ Сенатомъ, и обратно, не былъ чѣмъ-либо постояннымъ и твердо-сплотившимся, такъ какъ Кабинетъ вообще мало стѣснялся формальными соображеніями; но отмѣченныя черты его все-же проявлялись нерѣдко на практикѣ.

Какъ указывалось выше, 30 декабря 1731 г. послѣдовалъ именной указъ о доставленіи въ Кабинетъ изъ всѣхъ учрежденій ежемѣсячныхъ рапортовъ и реэстровъ о рѣшенныхъ и нерѣшенныхъ дѣлахъ. Этотъ указъ оказалъ большее вліяніе на развитіе значенія Кабинета, такъ какъ позволялъ ему неустанно слѣдить за дѣятельностью всѣхъ учрежденій, не исключая и Сената. Рапорты послѣдняго не были простою формальностью, но, въ общемъ, весьма точно и обстоятельно передавали все то, что въ каждую недѣлю было сдѣлано Сенатомъ. Объ обширности этихъ рапортовъ можетъ дать понятіе указаніе, напр., на то, что книга ихъ за 1732 г. имѣетъ 2346 листовъ, а книга реэстровъ рѣшеннымъ дѣламъ за 1735 г. составляетъ 807 листовъ; или, напр., указаніе на то, что „репортъ Ея Императорскому Величеству“ (таково ихъ обычное наименованіе) занимаетъ 35 листовъ и даетъ отчетъ за время съ 27 мая по 1 іюня 1734 г. [36]). Рапорты эти имѣютъ, обыкновенно, такую форму. Сначала указывается, „что учинено“ (за данное время) по указамъ „Вашего Императорскаго Величества“ или по сообщеніямъ изъ Кабинета. Затѣмъ перечисляется, что рѣшено по вѣдѣніямъ изъ Московской Сенатской конторы, по доношеніямъ тѣхъ или иныхъ учрежденій и лицъ, по предложеніямъ оберъ-прокурора

35) ibid., кн. $^{132}/_{2033}$, л. 17 сл.; срав. Оп. Сен. Арх., № 4439.

36) ibid., д. Пр. Сен. по б. Каб., кн. $^{32}/_{1109}$, кн. $^{53}/_{1130}$, л. 365—388 сл.; ср. еще кн. $^{62}/_{1139}$, (за 1735 г., реэстры по мѣсяцамъ) и др. Вотъ нѣкоторые отрывки изъ этихъ отчетовъ: „Репортъ Ея И. Величеству. Мая съ 27 іюня по 1 число (1734 г.) въ Сенатѣ учинено по указамъ Вашего И. Величества: по 1-му о дачѣ умершаго гетмана Данилы Апостола женѣ, вдовѣ Ульянѣ, на собственныя мужа ея маетности, кромѣ Сорочинецъ, жалованной грамоты, по силѣ того Вашего И. Величества указу, исполненіе учинено; по 3-му о пожаловании ассессора Тихменева въ С.-Петербургскую полицеймейстерскую канцелярію въ Совѣтники оному Тихменеву въ Сенатѣ указъ сказанъ и къ присягѣ приведенъ и отосланъ въ ту канцелярію при указѣ... Съ сообщенной *изъ Кабинета* Вашего Им. Величества съ данной,—за подписаніемъ собственныя Вашего И. Величества руки, отправленному въ извѣстную экспедицію Ст. Сов. Кириллову—инструкціи для надлежащаго исполненія въ Москву, въ Сенатскую контору при вѣдѣніи, а въ Иностранную коллегію при указѣ, точныя копіи, а въ прочія мѣста, о чемъ куда надлежитъ, по силѣ той инструкціи, указы посланы.—Да въ Сенатѣ рѣшено по вѣдѣніямъ изъ Москвы изъ Сенатской конторы.... (ib., кн. $^{53}/_{1130}$, л. 363 л.).

Сената, представленію герольдмейстерской конторы и другихъ, подвѣдомственныхъ Сенату учрежденій и лицъ, наконецъ, по челобитчиковымъ дѣламъ. Общее заключеніе, къ которому надо придти, изучая, по архивнымъ даннымъ, отношенія Кабинета и Сената другъ къ другу, будетъ то, что, если не оффиціально, то фактически Кабинетъ, уже въ этотъ періодъ своего существованія, стоитъ между верховною властію и Сенатомъ, владѣя въ то же время всѣми средствами для контроля надъ его дѣятельностью. Оставалось превратить фактъ въ право, что и было достигнуто Кабинетомъ во вторую половину царствованія Анны Іоанновны.

III.

Какъ указывалось выше, второй періодъ дѣятельности Кабинета начинается съ указа 9 іюня 1735 г., коимъ повелѣвалось „никакихъ нашихъ *словесныхъ* именныхъ указовъ, кромѣ тѣхъ, которые за подписаніемъ собственныя наши руки, *или за руками всѣхъ трехъ нашихъ кабинетныхъ министровъ,* будутъ, не принимать и въ дѣйство не производить“ (IX, № 6745). Поводомъ къ этому указу послужило то обстоятельство, что императрицѣ сдѣлалось извѣстно, что „во многихъ мѣстахъ объявляются словесные наши указы“ а это могло вести на практикѣ къ разнаго рода неудобствамъ [37]). Вопросъ о *словесныхъ* именныхъ указахъ возбуждался нѣсколько разъ съ начала XVIII вѣка. Еще Петръ В. указомъ 11 дек. 1724 г. повелѣлъ, „буде кто впредь станетъ въ Сенатѣ или коллегіяхъ и канцеляріяхъ объявлять Его Величества *словесные указы* о дѣлахъ (идетъ перечисленіе ихъ), *того ни по чьему объявленію*, безъ подписанія собственныя Его И. В. руки, *не дѣлать,* развѣ о какихъ малыхъ дѣлахъ“... Позднѣе, по указу 4 (5) августа 1726 г.,—по тому-же поводу, по которому былъ данъ указъ

[37]) Вотъ одинъ изъ примѣровъ неудобствъ, вытекавшихъ изъ объявленія словесныхъ именныхъ указовъ разными персонами. Гр. Минихъ въ іюлѣ 1732 г. донесъ Сенату, что государыня „изволила указать ему сдѣлать для шествія (ея) на каналъ отъ С.-Петербурга до Шлюссельбурга по берегу Невы дороги“, а затѣмъ объявилъ секретарю Сената, что „на то строеніе“ надо ему 10 т. р. Сенатъ приказалъ отпустить эту сумму изъ наличныхъ денегъ Штатсъ-конторы; но контора эта объявила, что „по приказу изъ Кабинета тѣхъ денегъ до указу отпускать не велѣно“ и, между тѣмъ какъ „министры, такъ и другія лица требуютъ денегъ, а „Сенатъ, за вышеобъявленнымъ приказомъ изъ Кабинета... тѣхъ денегъ выдать не можетъ“, то онъ и требуетъ „всеподданнѣйше... всемилостивѣйшаго указу“ (Арх. М. Ю., Ж. и пр. С., кн. $^{150}/_{2031}$, л. 51).

9 іюня 1735 г.,—повелѣно было „объявленіямъ словеснымъ или письменнымъ, *безъ* подписанія нашея собственныя руки, *или* всего нашего В. Т. Совѣта, отнюдь не вѣрить" (VII, № 4945, ср. мою „Исторію Сената", стр. 182 сл.). Если Петръ В., находившійся въ полномъ обладаніи всѣхъ своихъ державныхъ правъ, запрещалъ въ важныхъ случаяхъ дѣлать что-либо, „по чьему объявленію", „*безъ* подписанія собственныя" его „руки", то Екатерина I, „учинившая", по ея собственнымъ словамъ „сей Совѣтъ *верховнымъ* и *при боку нашемъ* не для чего иного, только дабы оной *въ семъ тяжкомъ бремени правительства* во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ вѣрными своими совѣтами и безпристрастнымъ объявленіемъ мнѣній своихъ намъ вспоможеніе и облегченіе учинилъ"—нашла возможнымъ допустить, наряду съ собственными письменными или словесными указами, указы подписанные руками *всего* В. Т. Совѣта. Анна Іоанновна, въ первые годы своего царствованія обходившаяся (по крайней мѣрѣ, оффиціально) безъ подобнаго уполномочія Кабинета дѣйствовать, въ данной сферѣ, рядомъ съ собою, кончила тѣмъ, съ чего начала Екатерина I. И если слова знаменитаго елизаветинскаго манифеста 12 декабря 1741 г. (коимъ уничтожался Кабинетъ и дѣйствительно возстановлялся Пр. Сенатъ) о томъ, что—„Кабинетъ сочиненъ (былъ) въ равной силѣ, какъ былъ В. Т. Совѣтъ, и *только* имя перемѣнено",—могутъ быть приняты (хотя и съ оговорками, о которыхъ скажемъ ниже), то лишь въ приложеніи къ Кабинету *второй* половины царствованія Анны, когда Кабинетъ *de jure* сталъ дѣйствовать, какъ верховное учрежденіе. И вотъ почему, какъ намъ кажется, указъ 9 іюля 1735 г. можетъ считаться актомъ, знаменующимъ новый особый моментъ въ жизни учрежденія.

Указъ 9 іюня, уравнивая съ именными указами указы, подписанные *тремя* кабинетъ-министрами, повелѣвалъ въ то же время собрать въ Сенатъ обстоятельные рапорты обо всѣхъ *словесныхъ* именныхъ указахъ, объявленныхъ въ „государствованіе" императрицы, и потомъ подать ихъ немедленно въ Кабинетъ. Характерно, однако, что исполненіе этого указа встрѣтило возраженіе со стороны извѣстнаго А. И. Ушакова, завѣдывавшаго тогда Тайною Канцеляріею. Послѣдній доложилъ Кабинету, что въ Тайной Канцеляріи имѣются словесные именные указы, о которыхъ „никому неизвѣстно и хранятся оные секретно; для чего Тайная Канцелярія, безъ именного Ея И. Величества указу (т. е. безъ особаго спеціальнаго указа, относящагося къ этимъ указамъ) *объ ономъ и Сенату объявить*

опасна". Кабинетъ - министры рѣшили не требовать именныхъ указовъ изъ Тайной Канцеляріи (IX, № 6753). Затѣмъ еще черезъ 3 недѣли разъяснено, что указъ 9 іюня „двору нашему и къ дѣламъ придворнымъ не слѣдуетъ", т. е. не примѣняется, почему указы, словесно-объявленные оберъ-гофмаршаломъ и гофмаршаломъ „о правленіи двора нашего и о дѣлахъ придворныхъ" надлежало „исполнять неотмѣнно по прежнему". Такимъ образомъ указъ 9 іюня долженъ былъ лишь „слѣдовать до Сената и до другихъ коллегій и канцелярій и прочихъ судебныхъ мѣстъ". Затѣмъ, для изучаемаго періода существованія Кабинета необходимо отмѣтить нѣсколько другихъ указовъ, его касавшихся. Такъ прежде всего въ это время происходятъ важныя перемѣны въ его составѣ, а затѣмъ значительно расширяется, сообразно росту самого учрежденія, его канцелярія. Какъ замѣчено выше, въ концѣ перваго періода былъ введенъ, по настоянію Бирона, въ составъ Кабинета знаменитый дѣятель петровскаго царствованія П. И. Ягужинскій, съ цѣлію противовѣса вліянію Остермана, этого *перваго* кабинетъ-министра, какъ сталъ онъ называться послѣ смерти канцлера Головкина и чѣмъ былъ онъ на самомъ дѣлѣ уже при Головкинѣ, и тѣмъ болѣе—при третьемъ товарищѣ своемъ по Кабинету—незначительномъ кн. Черкасскомъ. Но Ягужинскій умеръ въ апрѣлѣ 1736 г., а Остерманъ вновь остался одинъ съ Черкасскимъ въ Кабинетѣ, являясь „душею" послѣдняго, полновластнымъ, авторитетнымъ рѣшителемъ всѣхъ важныхъ государственныхъ дѣлъ, черезъ Кабинетъ проходившихъ. Для Бирона вновь предстояла мудреная задача найти человѣка, могущаго съ успѣхомъ противостоять въ Кабинетѣ вліянію Остермана. Такой человѣкъ нашелся въ лицѣ одного изъ знаменитѣйшихъ русскихъ людей этой эпохи—въ Артеміи Петровичѣ Волынскомъ, введенномъ въ Кабинетъ по именному указу 3 апрѣля 1738 г. (Оп. Сен. Арх., № 6549). Биронъ сдѣлалъ Волынскаго кабинетъ-министромъ „въ разсчетѣ на невозможность для Волынскаго держаться самостоятельно", какъ замѣчаетъ Соловьевъ, въ разсчетѣ, что онъ будетъ отнынѣ его вѣрнымъ рабомъ. Разсчетъ этотъ оказался, однако, невѣренъ, и Волынскій хотя и вступилъ въ борьбу съ Остерманомъ за вліяніе въ Кабинетѣ, но не пошелъ рабски за Бирономъ, пытаясь легкомысленно найти себѣ опору въ самой государынѣ, охотно, повидимому, выслушивавшей доклады новаго министра. Путемъ хитро-сплетенныхъ интригъ, на которыхъ было-бы невозможно здѣсь останавливаться, Бирону удалось, какъ извѣстно, раздѣлаться съ Волынскимъ, и знаменитый кабинетъ-министръ, весьма

энергично и много, хотя и непродолжительно, поработавшій въ Кабинетѣ, былъ казненъ 27 іюня 1740 г. Изъ-подъ пера его вылились, между прочимъ, слѣдующія слова, несомнѣнно имѣвшія прямое отношеніе къ Кабинету министровъ и отлично характеризующія кабинетскую дѣятельность въ этотъ періодъ его жизни: „Мы, министры, хотимъ всю вѣрность на себя принять и будто мы одни дѣла дѣлаемъ и вѣрно служимъ. Напрасно намъ о себѣ такъ много думать: есть много вѣрныхъ рабовъ, а мы только что пишемъ и въ конфиденціи приводимъ, тѣмъ ревность и другихъ пресѣкаемъ, *и натащили мы на себя много дѣлъ и ненадлежащихъ намъ, а что дѣлать—и сами не знаемъ*"...

Казнь Волынскаго привела въ трепетъ всѣхъ враговъ фаворита: „гибель Волынскаго была торжествомъ для Бирона," говоритъ Соловьевъ, „но еще большимъ торжествомъ для Остермана, а Остерманъ былъ опаснѣе Волынскаго для Бирона... И Биронъ никакъ не хочетъ, чтобы Остерманъ попрежнему оставался душею Кабинета"... Необходимо было вновь найти третьяго Кабинетъ-министра, и такой былъ найденъ, — и на этотъ разъ безъ ошибки въ разсчетѣ Бирона,—въ лицѣ извѣстнаго А. П. Бестужева-Рюмина, 18 августа 1740 г., назначеннаго въ Кабинетъ (Оп. Сер. Арх., № 7839). Заклятый врагъ Остермана, Бестужевъ вскорѣ сыгралъ въ руку Бирона въ вопросѣ о его регентствѣ. Въ указанномъ выше составѣ Кабинетъ остается до кончины Анны Іоанновны, послѣдовавшей. какъ извѣстно, 17 октября 1740 г.

Что касается состава канцеляріи Кабинета, то послѣдняя, какъ уже сказано, весьма разрастается въ этотъ періодъ, хотя и не пріобрѣтаетъ какой-либо прочной и вполнѣ опредѣленной организаціи до конца изучаемаго періода. Уже по указу 24 іюня 1735 г., т. е. вскорѣ послѣ знаменитаго указа 9 іюня, въ Кабинетъ вводятся, въ качествѣ совѣтниковъ канцеляріи, два лица (Ив. Юрьевъ и К. Бреввернъ) для отправленія иностранныхъ дѣлъ, разрѣшенію коихъ Кабинетъ посвящалъ вообще много вниманія; опредѣляется новый секретарь Ан. Яковлевъ (вмѣсто умершаго кабинетнаго секретаря Козлова—ib., № 5215); позднѣе, когда онъ былъ уволенъ, назначаются въ 1739 г. уже два секретаря, а въ слѣдующемъ году къ нимъ вновь присоединяется тотъ же Яковлевъ, и три секретаря остаются во все почти это время; около нихъ стоятъ, постепенно также увеличиваясь въ числѣ, канцеляристы или подъячіе, подканцеляристы и переводчики; наконецъ, остается и камерирь, о роли коего мы уже

говорили выше. Упоминаются въ это время и два тайныхъ кабинетъ-секретаря (сначала Ив. Черкасовъ, а затѣмъ Ив. Эйхлеръ), бывшіе *личными* секретарями императрицы и передавшіе ея приказы Кабинету [38]). Ихъ роль похожа частію на ту, какую игралъ въ эпоху правленія В. Т. Совѣта знаменитый кабинетъ-секретарь Петра I и Екатерины I А. Макаровъ, безъ того, однако, вліянія, какое имѣлъ послѣдній. Указомъ 21 сент. 1739 г., вслѣдствіе обнаружившихся въ канцеляріи безпорядковъ, повелѣно было: „принадлежащія Кабинету дѣла расписать по *экспедиціямъ*, дабы впредь конфузіи происходить не могли и въ прочемъ о содержаніи кабинетской канцеляріи учинить добрый порядокъ" (X, № 7907). Въ архивныхъ дѣлахъ Кабинета, дѣйствительно, встрѣчаются указанія на эти „экспедиціи", или отдѣленія кабинетской канцеляріи [39]), но не видно, однако, насколько этотъ указъ повліялъ на введеніе „надлежащаго" порядка въ канцеляріи учрежденія, производство котораго не отличалось при томъ сложностью [40]).

Если мы къ этому краткому обзору перемѣнъ въ составѣ какъ самого Кабинета, такъ и его канцеляріи, присоединимъ нѣсколько указовъ объ отпускѣ „на кабинетные расходы" денегъ (первоначально по 5, а затѣмъ по 10 т. руб. въ годъ, что по тому времени представляло значительную сумму); о доставленіи вѣдомостей о приходѣ и расходѣ денегъ изъ Штатсъ-конторы, или о доставленіи ежемѣсячно экстрактовъ о рѣшеніи судебныхъ дѣлъ (изрѣдка — и самыхъ дѣлъ); объ учрежденіи, подъ главнымъ вѣдѣніемъ Кабинета, особой „коммиссіи отъ

---

[38]) Оп. Сен. Арх., №№ 5215, 7484, 7165, 7195 и др.; X, № 7907.

[39]) Именно экспедиціи иностранная, внутренняя (или внутреннихъ дѣлъ) и секретная.

[40]) Насколько мы могли прослѣдить по архивнымъ даннымъ, въ Кабинетѣ не велось ни журналовъ, ни протоколовъ въ современномъ смыслѣ этихъ актовъ, а велись, во 1-хъ т. н. „дневныя записки состоявшимся въ Кабинетѣ приказаніямъ", представлявшія собою отрывочныя и краткія записи каждаго отдѣльнаго, словесно отданнаго приказа министровъ (Арх. И. Д. д. б. Каб., 1736, св. 3 и др.); во 2-хъ, велись иногда записи разсужденіямъ Кабинета или приказаніямъ Кабинета, объявляемымъ словесно (ib., 1739 г., св. № 46, л. 43 и др.: Арх. М. Ю., д. Пр. С. по б. Каб., кн. $^{98}/_{1178}$, л. 508 сл.); въ 3-хъ, велись такъ наз. „протоколы на указы", содержавшіе въ себѣ лишь тексты указовъ, отправляемыхъ изъ Кабинета, и отличавшіеся отъ т. н. „отпусковъ указовъ и сообщеній изъ Кабинета" только тѣмъ, что наверху заглавнаго листа первыхъ писалось слово „протоколъ", чего въ отпускахъ, конечно, не было; въ 4-хъ, клались резолюціи министрами на докладахъ, доношеніяхъ, прошеніяхъ и пр., подаваемыхъ въ Кабинетъ разными учрежденіями и лицами. Таковы важнѣйшіе акты кабинетскаго дѣлопроизводства.

строеній"; о запрещеніи производить какія-либо выдачи безъ указа Кабинета изъ доходовъ конфискованныхъ имѣній; о доставленіи свѣдѣній о поступленіи доимокъ, о количествѣ розданныхъ земель въ тѣхъ или иныхъ мѣстахъ, и рядъ другихъ, имъ подобныхъ; то ими ограничиваются именные и частію кабинетскіе указы, касавшіеся такъ или иначе Кабинета [41]). Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ эти указы (за исключеніемъ, главнымъ образомъ, указа 9 іюня) служатъ лишь весьма блѣднымъ отраженіемъ значенія Кабинета вообще и роли его отношенія къ Сенату въ частности. Необходимо поэтому и теперь, для выясненія этихъ вопросовъ, обратиться къ практикѣ дѣятельности Кабинета и Сената и на основаніи ея данныхъ вывести общее заключеніе о Кабинетѣ и его отношеніяхъ къ Сенату. Надо при этомъ замѣтить, что, сообразно значительности роста учрежденія, весьма расширяется и матеріалъ архивовъ, могущій служить для характеристики Кабинета. Нашъ небольшой очеркъ не имѣетъ, конечно, цѣли исчерпать, хоть сколько-нибудь полно, все содержаніе этого матеріала, но лишь намѣтить пока его главнѣйшія черты.

Если уже раньше Кабинетъ фактически, какъ совѣтъ при особѣ государыни, постепенно дѣлался сосредоточіемъ верховнаго управленія, то теперь онъ выступалъ оффиціально, какъ единый органъ этого управленія. Указъ 9 іюня было повелѣно „объявить во всѣ мѣста", т. е. во всѣ коллегіи и канцеляріи, для исполненія, и если согласиться съ тѣми учеными, которые утверждаютъ, что уже учрежденіемъ В. Т. Совѣта была проведена у насъ грань между управленіемъ *верховнымъ* и управленіемъ *подчиненнымъ*, и что все то, что относилось къ области *непосредственной* дѣятельности императрицы, относилось, слѣдовательно, и къ вѣдѣнію В. Т. Совѣта, то въ указѣ 9 іюня, уравнивавшемъ указы государыни съ указами *трехъ* кабинетъ-министровъ (въ дѣйствительности, даже *двухъ*, такъ какъ *третьяго* министра не было, по крайней мѣрѣ, въ теченіе половины изучаемаго періода), это начало выступило съ новою силою. Всѣ правительственныя лица и учрежденія (за исключеніемъ отчасти Св. Синода) явились теперь по отношенію къ Кабинету органами подчиненнаго управленія, и акты кабинетскаго дѣлопроизводства полны живыми свидѣтельствами этого положенія. Всякаго рода представленія, доношенія, сообщенія (въ сущности, тѣ же доношенія), доклады и пр. поступаютъ то непосредственно

---

41) Опись Сен. Арх., №№ 5252, 5437, 6048, 6546, 6693 и др.; 5373, 5467, 5736, 6017, 6371, 6397, 6561, 6670 и др.

3*

въ Кабинетъ, то на имя императрицы отъ всѣхъ, какъ центральныхъ, такъ и мѣстныхъ, коллегіальныхъ и личныхъ, органовъ управленія [42]). „Ея Величеству, самодержицѣ всероссійской, всеподданнѣйшій репортъ" (или „докладъ") и т. д., и „Ея И. Величеству, самодержицѣ всероссійской, въ высокоучрежденный Кабинетъ, всеподданнѣйшій экстрактъ" или проще—„въ Кабинетъ Ея И. Величества" (изъ Сената и пр.) „всеподданнѣйшее доношеніе", или „сообщеніе" и пр.—таковы заглавія этихъ актовъ, подъ разными наименованіями, обращенныхъ то къ императрицѣ (черезъ Кабинетъ), то къ ея Кабинету непосредственно. Кабинетъ, смотря по важности этихъ актовъ, то докладываетъ о нихъ императрицѣ, испрашивая ея указа, то отвѣчаетъ самъ на нихъ указами и резолюціями,—*безразлично* поступили-ли они на имя государыни, или на имя самого Кабинета. Такъ, напр., Пр. Сенатъ постоянно обращается непосредственно къ императрицѣ съ своими докладами, къ Кабинету-же посылаетъ сообщенія, являющіяся, въ сущности, тѣми-же докладами или даже доношеніями, но Кабинетъ безразлично на тѣ и на другія кладетъ свои резолюціи [43]), такъ какъ все, что относилось къ области *непосредственной* дѣятельности верховной власти, относилось также и къ вѣдѣнію Кабинета, указы коего—какъ внѣшнее выраженіе этого начала— уравниваются съ указами государыни. Представляется весьма затруднительнымъ, по актамъ кабинетскаго дѣлопроизводства, рѣшить вопросъ, по всѣмъ ли дѣламъ и всегда-ли Кабинетъ дѣлалъ свои доклады государынѣ; скорѣе, можно предположить, что это требовалось лишь въ наиболѣе важныхъ случаяхъ; несомнѣнно, однако, что подпись императрицы стояла лишь на важнѣйшихъ актахъ Кабинета, контрасигнированныхъ министрами; въ остальныхъ довольно было подписи ихъ самихъ. Въ поясненіе сказаннаго, интересно привести одинъ *именной* указъ, словесно объявленный Кабинету знаменитымъ министромъ Волынскимъ. Именно, въ декабрѣ 1738 г. послѣдній объявилъ, что „Ея И. Величество изустно приказать изволила: 1) Ея И. Величеству докладывать по дѣламъ Кабинетнымъ министрамъ въ назначенные дни, а именно, въ понедѣльникъ, среду и пятницу, приходя по утрамъ въ 10-мъ часу; 2) *всѣ* поданныя доношенія и сообщенія изъ Се-

---

[42]) Арх. И. Д., д. 6. Каб. 1736 г., № 54, 76 и др., 1737 г., № 2 и др., 1738 г., № 2 и др.

[43]) IX, №№ 6919, 7101, 7057 и многіе другіе доклады Ея Величеству, на которые послѣдовали резолюціи Кабинета; ib. Л., №№ 6984, 6999 и другія сообщенія Кабинету Сената съ резолюціями на нихъ перваго.

ната и изъ коллегій и канцелярій и конторъ и коммиссій и изъ другихъ мѣстъ *разсматривать* ГГ. Кабинетъ-Министрамъ, и безъ всякаго продолженія; *и по которымъ* резолюціи потребны къ подписанію Ея И. Величества, *оныя всѣмъ имъ*, Г.Г. Кабинетъ-Министрамъ, аппробовавъ, *самимъ контрасигнировать*, такъ, какъ и патенты, *и потомъ Ея И. Величеству докладывать и къ подписанію подносить*" [44]).

Весьма трудно вполнѣ точно опредѣлить предѣлъ компетенціи Кабинета, если не ограничиться тѣмъ общимъ утвержденіемъ, что въ немъ, подобно В. Т. Совѣту, сосредоточивались въ изучаемое время всѣ тѣ дѣла верховнаго управленія, въ коихъ „власть монарха дѣйствуетъ *непосредственно*", какъ выражаются наши основные законы. Что бы наглядно видѣть приложеніе этого общаго положенія къ повседневной дѣятельности Кабинета, надо подробно разсмотрѣть всѣ многочисленные указы, резолюціи и прочіе акты Кабинета. Это отняло бы у насъ слишкомъ много времени; а потому, ограничиваясь пока простымъ указаніемъ ихъ списка и опубликованныхъ текстовъ [45]), замѣтимъ, что преимущественно вниманіемъ Кабинета пользовались дѣла иностранныя и военныя, затѣмъ дѣла, такъ или иначесоприкасавшіяся съ интересами фиска; но онъ касался также, конечно, и всѣхъ тѣхъ дѣлъ, которыя восходили на его разсмотрѣніе, непосредственно, или по порученію императрицы. Впрочемъ, подробно касаясь вопроса объ отношеніяхъ Кабинета къ Сенату, мы будемъ имѣть случай отмѣтить попутно и рядъ дѣлъ, восходившихъ на разрѣшеніе Кабинета.

Обращаясь прежде всего къ формѣ сношеній Кабинета съ Сенатотомъ, мы видимъ, что она, попрежнему, довольно разнообразна. Согласно, однако, съ измѣненіемъ оффиціально положенія Кабинета и признанія за его указами, отмѣченнаго выше значенія, преобладающими формами сношеній являются *указы* Кабинета по тѣмъ вопросамъ, которые онъ возбуждалъ самъ, посредственно или непосредственно, и его *резолюціи* на доклады Сената государынѣ, или на *сообщенія* послѣдняго самому Кабинету. Какъ тѣ, такъ и другіе подписываются наличными (тремя или двумя) кабинетными министрами. Сообщенія и приказы, словесные или письменные, попрежнему, встрѣчаются,

---

[44]) Арх. М. Ю., д. С. по б. Каб., кн. *65* 1142, л. 1093. Примѣръ указа, подписаннаго императрицею и контрасигнованнаго министрами, см. ib., кн. 38/1175, л. 572 и сл.

[45]) Оп. Сен. Арх., №№ 5194 — 7953; IX и X томы П. С. Законовъ (соотвѣтствующіе годы)

но не доминирують, какъ въ предъидущій періодъ. Съ учрежденіемъ, по указу 24 іюня 1735 г., должности „совѣтниковъ" кабинетской канцеляріи, послѣдніе нерѣдко „объявляютъ", словесно и письменно, приказы Кабинета Сенату [46]), при чемъ,—что особенно характерно—становятся сами между Кабинетомъ и Сенатомъ, отдавая послѣднему свои распоряженія до доклада Кабинету. Напр., оберъ-секретарь Сената Севергинъ доложилъ Сенату, что-де 6 октября 1739 г. въ Кабинетѣ Ея И. Величества ему, оберъ-секретарю, было объявлено отъ д. с. с. фонъ-Бреверна (который состоялъ тогда совѣтникомъ канцеляріи), „*чтобъ* по доношенію Новгородской губерніи о предосторожности въ Олонецкомъ уѣздѣ.... отъ появившейся на людяхъ смертной заразы, подтверждено было и изъ Пр. Сената въ Новгородскую губернію". Можно предположить, что здѣсь ф. Бревернъ передавалъ оберъ-секретарю приказъ Сенату самого Кабинета, который Сенатъ тотчасъ и исполнилъ. Былъ тотчасъ заготовленъ протоколъ (содержавшій текстъ предполагаемаго къ отправленію указа), который присутствовавшіе сенаторы, выслушавъ, „апробовали и приказали оный объявить въ Кабинетѣ Ея И. В., съ которымъ и посланъ былъ помянутый-же оберъ-секретарь"... До сихъ поръ предъ нами одинъ изъ обычныхъ случаевъ сношеній Кабинета съ Сенатомъ, и обратно. Но,—какъ видно изъ журнала Сената отъ 8 октября того-же года, гдѣ описано все вышесказанное, — дальше произошло слѣдующее: Севергинъ, возвратясь, донесъ, „что онъ тотъ протоколъ объявилъ помянутому д. ст. с. фонъ-Бреверну, который онъ, ф.-Бр., *оставилъ у себя и объявилъ, что онъ по оному доложитъ господамъ министрамъ*; *однако-жъ де, чтобъ такое отправленіе, какъ въ ономъ протоколѣ написано, немедленно учинить, а ежели господа министры изволятъ разсудить, что къ тому еще дополнить, то-де можетъ быть отправлено, впредь на другой почтѣ*".— „Прика-

[46]) Вотъ одинъ изъ такихъ письменныхъ приказовъ изъ Кабинета—„Господа кабинетные министры приказали: чтобъ изъ Пр. Сената въ Адмиралтейскую коллегію, о командующихся (sic) нынѣ въ Брянскъ, по требованію тамошней конторы, матросахъ, *посланъ былъ указъ*, дабы оныхъ для представленныхъ причинъ о крайнемъ здѣсь при флотѣ недостаткѣ въ матросахъ, туда не посылать и когда тѣ матросы для спуска внизъ по Днѣпру до пороговъ судовъ надобны, то мочно исправить оное работники, которыхъ въ пропитаніи лучше довольствовать и провизію морскую, которая потребна на матросовъ, мочно употребить на нихъ, а чтобъ не разбѣжались, придать къ нимъ на суда солдатъ и сверхъ того ихъ препоручить круговою порукою, и чтобъ тамъ, куда надлежитъ, указы послать". Подписано (на подлинникѣ) тако: Бревернъ. Марта 31 дня 1739 г. (Арх. И. Д., д. б. Каб., 1739 г., № 46, л. 43).

зали", добавляетъ къ этому журналъ, „о томъ съ чернаго протокола написать другой и къ подписанію доложить, а по подписаніи отправленіе по оному учинить *сего жъ числа*"... (Сен. Арх., стр. 25 сл., № 15). Потому-ли, что вопросъ, на который давалось опредѣленіе въ упоминутомъ протоколѣ, требовалось разрѣшить быстро, по какой-ли другой причинѣ, но Сенатъ безпрекословно принялъ предложеніе (чтобъ не сказать больше) „совѣтника канцеляріи" и на основаніи его послалъ свой указъ. Интересно также отмѣтить, что вопросъ о формѣ сношеній Кабинета съ Сенатомъ въ концѣ изучаемаго періода обсуждался въ Кабинетѣ, при чемъ найдено было нужнымъ выдѣлить Пр. Сенатъ и его контору, какъ равно и Св. Синодъ, изъ ряда прочихъ учрежденій, что̀ и понятно. Сенатъ въ это время все болѣе и болѣе являлся по отношенію къ Кабинету въ роли его ближайшаго и необходимаго помощника, къ которому самъ Кабинетъ постоянно долженъ былъ обращаться съ разнообразными порученіями, ясно свидѣтельствующими о силѣ, по крайней мѣрѣ, *дѣловаго* значенія учрежденія; равнять его и Св. Синодъ поэтому съ прочими учрежденіями, въ порядкѣ сношеній, и Кабинету казалось неудобнымъ. И вотъ, въ одной кабинетской записи читаемъ, что „1739 г. іюня 17 дня приказано отъ господъ Кабинетъ-министровъ въ Кабинетѣ записать въ журналъ, *чтобъ за подписаніемъ ихъ, господъ Каб.-министровъ, о всякихъ дѣлахъ сообщеніями писать въ Пр. Сенатъ и въ Сенатскую контору и въ Св. Пр. Синодъ*, а въ коллегіи, канцеляріи, и конторы и въ губерніи, провинціи и въ прочія мѣста *писать указами* [47]). Въ сущности, и съ этого времени, какъ и раньше, эти „сообщенія" были тѣми же указами, такъ какъ почти всегда, извѣщая Сенатъ о томъ или иномъ фактѣ, или о „разсужденіи" Кабинета по его поводу, Кабинетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и приказывалъ или указывалъ Сенату поступить здѣсь такъ или иначе (ср., напр., IX, № 7869), но сношенія посредствомъ сообщеній [48]), по крайней мѣрѣ внѣшне, выдѣляли Пр. Сенатъ и Св. Синодъ изъ ряда другихъ учрежденій имперіи.

Какъ указано выше, на сообщенія Сената Кабинету, а также и на его доклады Ея Величеству, Кабинетъ отвѣчаетъ *резолюціями*, постановлявшимися на этихъ же докладахъ или сообщеніяхъ. Высочайше утвержденные доклады Сената, хотя и встрѣчаются въ изучаемый періодъ попрежнему, но уступаютъ, ко-

---

[47]) Арх. М. Ю., д. С. по б. Каб., кн. $^{103}/_{1185}$, л. 129.

[48]) Сенатъ также сносился съ Кабинетомъ, между прочимъ, сообщеніями, которыя, однако, были ничѣмъ инымъ, какъ „доношеніями", или донесеніями.

личественно, свое мѣсто резолюціямъ Кабинета. Резолюціи послѣдняго въ громадномъ большинствѣ случаевъ лишь утверждаютъ *мнѣнія* Сената. Въ тѣхъ случаяхъ, когда Кабинетъ не соглашался въ чемъ-либо съ мнѣніемъ Сената, или когда не представлялось возможности въ самой резолюціи отмѣтить эту разницу между мнѣніемъ Сената и рѣшеніемъ Кабинета, Кабинетъ посылалъ особое „разсужденіе" свое по данному вопросу Сенату, который и передѣлывалъ свой докладъ или доношеніе, согласно приказу министровъ [49]). Напр., въ одной записи кабинетскихъ приказовъ читаемъ, что „приказано отъ гг. Кабинетъ-министровъ поданное изъ Сената доношеніе объ отысканіи земли въ Америкѣ, по доношенію жида Абрагама, *возвратить* для того, что разсужденіе сенатское весьма не въ такой силѣ, какъ по указу, данному за собственною Ея И. Величества высокою рукою [50]), имѣть повелѣно, понеже надлежитъ о томъ разсуждать: 1) о возможности произведенія онаго, какимъ образомъ отправленныхъ туда людей пропитывать, ибо тамъ хлѣбъ не родится, а тамошняго коренья ѣсть не обыкли; 2) не можетъ-ли быть отъ другихъ государей, которые близъ тѣхъ мѣстъ населенія имѣютъ, за противно принято быть; 3) какая польза государству отъ того произойти можетъ; 4) сыскивать способы, кто изъ купцовъ компаніею товары свои отпустить пожелаютъ

---

[49]) Иногда въ Кабинетѣ въ такихъ случаяхъ составлялись такія параллельныя записи: „1737 г., генваря 11 дня, прислано въ Кабинетъ изъ Сената *опредѣленіе* объ опредѣленіи въ службу архіерейскихъ и монастырскихъ слугъ, поповскихъ и прочихъ такихъ дѣтей, *которое въ Кабинетѣ слушано.*

Въ опредѣленіи Сенатскомъ, между прочимъ, написано:

1) чтобы для произведенія на умершія мѣста при церквахъ въ попы и прочій церковный причетъ изъ недѣйствительныхъ толикое-жъ число, сколько дѣйствительно служащихъ при каждой церкви быть опредѣлено, по разсмотрѣніи въ церковную службу достойныхъ; 2) которые изъ помянутыхъ чиновъ до сего времени опредѣлены въ Синодѣ и въ прочихъ подчиненныхъ Синоду мѣстахъ и въ архіерейскихъ домѣхъ канцеляристами, тѣхъ въ службу не брать.

Отъ Кабинета Пр. Сенату въ разсужденіе представлено:

чтобъ на убылыя мѣста писать изъ дѣтей при церквахъ опредѣленныхъ, а чего не достанетъ, то изъ недѣйствительныхъ.

Изъ подъячихъ и изъ другихъ чиновъ только тѣхъ не брать, которые до состоянія сего указа опредѣлены. А дѣтей ихъ переписать, чтобъ сколько ихъ можно вѣдать. И ежели что изъ того за благо принято будетъ, то бъ тому и опредѣленіе учинили.

(Арх. М. Ю., д. б. Каб., кн. $^{18}/_{1095}$, л. 520).

[50]) Именно, 20 дек. 1736 г. повелѣно было императрицею разсмотрѣть въ Сенатѣ два донесенія Абрагама о никѣмъ не занятой въ Америкѣ землѣ на одномъ островѣ, на которомъ возможно устроить поселеніе для развитія русской торговли въ томъ краѣ. (Оп. Сен. Арх., № 5766).

и на своихъ собственныхъ проторяхъ одинъ или нѣсколько кораблей купецкихъ отправить пожелаютъ. И когда все сіе будетъ разсуждено, тогда надлежитъ доложить Ея И. Величеству, *а безъ того никакой резолюціи учинить невозможно*". Въ другомъ случаѣ, поданный Сенатомъ докладъ Кабинету о дачѣ жалованья бывшему президенту Коммерцъ-коллегіи Ильѣ Исаеву повелѣно возвратить „для того, что, имѣя о такихъ дѣлахъ *точные* указы, представлять не надлежитъ" [51]). Нерѣдки случаи возвращенія докладовъ или доношеній Сената для дополненія ихъ тѣми или иными данными, а также и „мнѣніями" самого Сената въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ представлено почему-либо Кабинету не было [52]).

Обращаясь къ указамъ, или сообщеніямъ Кабинета Сенату, надо замѣтить, что они по большей части содержали въ себѣ разнаго рода порученія Сенату по разсмотрѣнію (а иногда и рѣшенію) тѣхъ или иныхъ прошеній, доношеній и т. д., которыя поступали въ Кабинетъ, а также по представленію Кабинету мнѣній Сената, собранію справокъ и пр. Въ Кабинетъ, напр., поступило прошеніе нѣкоего лифляндца Роламба о разсмотрѣніи въ Сенатѣ дѣла по пожалованной еще Петромъ I сыну его „маетности Пурце или Изенгофъ". Кабинетъ отослалъ это прошеніе въ Сенатъ съ своею резолюціею, въ которой требовалъ по нему „немедленное разсмотрѣніе и рѣшеніе учинить" и указывалъ, какъ должно быть разрѣшено это дѣло, „ежели", впрочемъ, „обстоятельства дѣла *такъ*, какъ въономъ прошеніи показано, состоятъ" [53]). Или, напр., еще въ маѣ 1738 г. Ка-

---

[51]) Оба указанные случаи см. Арх. М. Ю., журналы Пр. Сената, кн. $^{65}/_{1142}$, л. 538 сл., 19 апрѣля 1738 г.

[52]) Сентября 1735 г. было, напр., возвращено изъ Кабинета „сенатское доношеніе о дачѣ Чугуевскимъ казакамъ жалованья, *чтобъ подписали мнѣніе*, сколько прибавки учинить имъ надлежитъ и откуда ту прибавочную сумму имъ выдавать надлежитъ"; 18-го сентября „возвращено доношеніе,—съ отпускныхъ здѣшнихъ обывателямъ изъ Ревеля и изъ другихъ портовъ на иностранныхъ корабляхъ, за неимѣніемъ россійскихъ судовъ съѣстныхъ припасовъ, пошлинъ, *для справки*, почему платятъ съ привозныхъ провизій по Невѣ", — „доношеніе о пожалованіи по наслѣдству ассессору ф. Гресингеру, вмѣсто наслѣдственной его мызы, которая продана отъ Ревельскаго магистрата, *для справки*, не получалъ-ли онъ ту мызу откуда денегъ" и т. п. (ibid., д. по б. Каб , кн. $^{18}/_{1098}$, л. 384 сл.).

[53]) Приведемъ цѣликомъ эту резолюцію Кабинета, какъ образецъ другихъ, ей подобныхъ: „по сему прошенію (копія его приложена съ резолюціи) въ Пр. Сенатѣ немедленное разсмотрѣніе и рѣшеніе учинить и ежели обстоятельства дѣла такъ, какъ въ ономъ прошеніи показано, состоятъ, и въ оной маетности Пурце ему, Роламбу, нетокмо одна его часть, но и прочія сонаслѣдниковъ части,—понеже сіе въ опредѣленное время о томъ не явилось—изъ особливой

бинетъ сообщилъ Сенату,—вслѣдствіе доношенія генерала Румянцева, о необходимости отправить въ Малую Россію и въ великороссійскія губерніи, „къ украйнѣ лежащія“,—указы о сыскѣ бѣглыхъ изъ слободскихъ полковъ и отсылкѣ ихъ немедленно на прежнія жилища. Затѣмъ, черезъ полгода гр. Минихъ сообщилъ, что „въ нѣкоторыхъ малороссійскихъ мѣстахъ по Днѣпру и въ слободскихъ полкахъ по Донцу имѣется опасная, (т. е. заразительная) болѣзнь, отъ которой надлежитъ имѣть осторожность и что, ежели нынѣ бѣжавшихъ изъ слободскихъ полковъ и живущихъ въ Малой Россіи обывателей на прежнія жилища ихъ вывозить, то немалой опасности отъ помянутой болѣзни подвержено; къ тому же, хотя оные въ нынѣшнее время туда и вышлются, то паки разбегутся“; поэтому Минихъ просилъ *„высылку бѣглыхъ впредь до способныхъ конъюктуръ оставитъ“*. Сообщая объ этомъ Сенату, Кабинетъ требуетъ „мнѣнія Сената [54]) указывая въ то же время, что по его „разсужденію“ возможно, при извѣстныхъ условіяхъ, удовлетворить прошеніе гр. Миниха. Или, какъ читаемъ въ одномъ „сообщеніи“ Кабинета Сенату, „при собраніи гг. кабинетныхъ министровъ и генерала и кавалера Ушакова было распечатано доношеніе, на конвертѣ коего значилось „къ поданію Ея И. Величества“, а конвертъ этотъ былъ вложенъ въ другой, „подписанный на имя Кабинетъ-секретаря Ан. Яковлева“, и въ немъ была вложена „цыдулка, другою рукою написанная, чтобъ по вложенному при томъ доношенію, гдѣ надлежитъ, доложить немедленно“. Въ доношеніи было извѣстіе „о нѣкоторыхъ интересныхъ дѣлахъ

къ нему милости, возвратно пожалованы, и на такомъ-же основаніи, учиненная имъ и на одно его имя продажа той маетности надлежащимъ порядкомъ конфирмована, то въ томъ ему, Роламбу, отъ стороны сонаслѣдниковъ его нынѣ никакого спору быть (не можетъ) и оные, потерявъ свое, иногда имѣющее въ той маетности право, по причинѣ такому ему, Роламбу, всемилостивѣйшей учиненной реституціи, и потому воспослѣдованной и конфирмованной продажи, никакой претензіи на него, Роламба, учинить не могутъ“.—„Подписано тако: А. Остерманъ, кн. А. Черкасскій, Ар. Волынской. Апрѣля 9 дня, 1739 г.“ (Ар. И. Д., д. б. Каб., 1739 г., св. № 46, л. 45 сл.).

[54]) „Съ того его, генерала-фельдмаршала, доношенія прилагается при семъ, для надлежащаго Пр. Сената *разсужденія копія;* какимъ-же образомъ о семъ дѣлѣ въ Пр. Сенатѣ поступить заблагоразсуждено будетъ, *о томъ требуется въ Кабинетъ сообщенія о томъ мнѣнія;* а по разсужденію Кабинета,—ежели въ платежѣ подушныхъ денегъ, которыя въ слободскихъ полкахъ сбираются отъ того, что высылкою нынѣ изъ Малой Россіи бѣглыхъ удержатся, остановки и препятствія не будетъ — *мнится*, что для показанныхъ въ доношеніи ген.-фельдмаршала, гр. ф. Миниха, причинъ, *до указу* (т. е. временно) на то поступить возможно“ (ibid., св. № 45, л. 5 и об.); ср. Оп. Сен. Арх., № 6888.

и народныхъ обидахъ“, посланное отъ воронежскаго купца Я. Горденина на секретарей Даниловыхъ и другихъ лицъ. Кабинетъ передаетъ это, „доношеніе“ Сенату для изслѣдованія, съ приказаніемъ подать въ Кабинетъ о немъ экстрактъ [55]). Между цѣлымъ длиннымъ рядомъ указовъ, а позднѣе—сообщеній Кабинета Сенату обращаютъ на себя особенное вниманіе тѣ, въ которыхъ Кабинетъ поручаетъ Сенату, то одному, то вмѣстѣ (или „обще“, какъ выражаются указы и сообщенія) разсмотрѣть тѣ или иные вопросы, требующіе законодательнаго или административнаго разрѣшенія. То Сенату дается Кабинетомъ указъ о разсмотрѣніи представленія извѣстнаго Татищева объ отдѣленіи отъ Казанской губерніи Уфимской, Вятской и Камской провинцій (тогдашнія губерніи, какъ извѣстно, подраздѣлялись на провинціи), то о разсмотрѣніи вѣдомостей, представленныхъ Штатсъ-конторою относительно содержанія двора, придворныхъ конюшенъ, гвардейскихъ полковъ и пр., съ приказаніемъ доставить заключеніе о возможной отмѣнѣ или сокращеніи расходовъ по нѣкоторымъ статьямъ; то приказывается разсмотрѣть, вмѣстѣ съ Адмиралтейскою и Коммерцъ-коллегіями, какія мѣры надо предпринять, чтобы прекратить разбои русскихъ людей на Каспійскомъ морѣ; или „обще“ съ Св. Синодомъ разсмотрѣть представленіе казанскаго губернатора о школѣ и мѣрахъ обращенія иновѣрцевъ въ христіанство и т. д. Эти порученія, постоянно даваемыя Кабинетомъ Сенату, въ связи съ тѣми *общими* совѣщаніями членовъ обоихъ учрежденій, какія время отъ времени практикуются какъ въ изучаемый періодъ, такъ и раньше и результатомъ коихъ являются указы, подписанные Кабинетомъ и Сенатомъ вмѣстѣ [56]), служатъ, на нашъ взглядъ, отлич-

---

[55]) Небезъинтересно, для характеристики тогдашнихъ нравовъ, добавить, что Сенатъ, исполняя приказъ Кабинета, нашелъ нужнымъ также „наикрѣпчайше изслѣдовать“ нетолько по существу доноса, но и по вопросу, о томъ, кто его, Гарденина, такое доношеніе писать и подъ такимъ видомъ посылать научалъ, и кто писалъ, и съ чьего позволенья, и для чего такой осужденный человѣкъ (онъ былъ раньше наказанъ и приговоренъ къ ссылкѣ за ложный доносъ) допущенъ такія доношенія писать и несмотрѣніемъ судей такъ слабо содержанъ, что могъ послать ихъ черезъ *ординарную почту*, и винныхъ штрафовать и обо всемъ прислать въ Сенатъ извѣстіе“ (Арх. М. Ю., ж. и пр. С., кн. $^{261}/_{2112}$, л. 472; срав. „Оп. Сен. Арх.“, №№ 7403 и 7762).

[56]) Примѣры „общихъ“ разсужденій Сената съ другими учрежденіями см. „Оп. Сен. Арх.“, №№ 5253, 6229, 6454; ср. также №№ 6252, 6281, 6719, 6887 и мн. др. примѣры *общихъ* именныхъ указовъ (т. е. указовъ, данныхъ за подписью Кабинетъ-министровъ и Пр. Сената) см. X, № 7183; Арх. М. Ю., ж. и пр. С., кн. $^{202}/_{2083}$, л. 4.; ib., д. Пр. С. по б. Каб., кн. $^{98}/_{1175}$, л. 560. По отдѣльнымъ вопросамъ, совѣщанія членовъ Кабинета и Сената, а затѣмъ и общія

ною иллюстраціею того важнаго *дѣлового* значенія, какое и въ это время, какъ и раньше (въ правленіе В. Т. Совѣта), признается за Сенатомъ, безъ дѣятельной и постоянной помощи коего Кабинетъ трехъ, а нерѣдко и двухъ министровъ обойтись не можетъ въ управленіи сложными и многочисленными дѣлами обширнаго государства. Кабинетъ могъ, конечно, — частію въ силу своего положенія при особѣ государыни, частію въ силу ревности министровъ, о которой такъ откровенно засвидѣтельствовалъ А. П. Волынскій,—сосредоточить въ своей канцеляріи самыя разнообразныя дѣла управленія, но всегда разсматривать ихъ подробно и обстоятельно, а затѣмъ и давать по всѣмъ этимъ дѣламъ свои мотивированныя мнѣнія и рѣшенія, не было у него ни времени, ни нужды. Поэтому одни изъ этихъ дѣлъ онъ отдавалъ на рѣшеніе Сената, по другимъ требовалъ представленія „мнѣній", со всѣми нужными данными и справками, какъ отъ Сената, такъ и другихъ учрежденій, которыя съ нимъ „обще" ихъ разрабатывали. Кабинетъ, такимъ образомъ, слагая съ себя всю тяжесть подготовительныхъ работъ по составленію этихъ мнѣній и докладовъ (докладовъ весьма нерѣдко очень обширныхъ и сложныхъ) оставлялъ, однако, за собою *общее руководительство* дѣлами, направляя ихъ по своему и наблюдая за быстрымъ, по возможности, ихъ разрѣшеніемъ. Близость къ верховной власти давала, конечно, Кабинету возможность настаивать на исполненіи своихъ требованій. Когда, напр., обнаружилось, что Сенатъ медлитъ расплатою съ подрядчиками, поставлявшими матеріалъ для строенія Кронштадскаго канала,— несмотря на доношенія Адмиралтейской коллегіи и сообщеніе Кабинета Сенату по поводу этого,—„приказано отъ гг. кабинетъ-министровъ объявить гг. сенаторамъ, чтобъ они (подрядчиковъ) удовольствовали деньгами, а ежели подрядчики заплатою вскорѣ удовольствованы не будутъ и станутъ просить въ Кабинетѣ, *тогда о семъ представлено будетъ Ея И. Величеству*" [57]). Или, когда въ другой разъ обнаружились безпорядки въ управленіи секретарской части Сената, Кабинетъ, — сдѣлавъ замѣчаніе, чтобы впредь секретари „не такъ дѣла слѣдовали, чтобъ токмо указы объ исполненіи отправлены и потомъ забвенію преданы, но дабы всегда о всякомъ дѣлѣ въ память имѣть и стараться и представлять, чтобъ они въ тѣхъ мѣстахъ, дѣйствительно,

---

„мнѣнія" постановлялись иногда не въ Кабинетѣ, а на дому у отдѣльныхъ Кабинетъ-министровъ, напр., у гр. Остермана (по иностраннымъ дѣламъ) — см., напр., А. И. Д., 1737 г., св. № 4, л. 11 (дѣла б. Каб.).

[57]) Ibid., кн. $^{18}/_{1695}$, л. 511; 1 іюля 1737 г.

исполнены были" — потребовалъ отъ Сената немедленнаго доставленія ему ихъ формулярныхъ списковъ. Затѣмъ, черезъ $2^1/_2$ мѣсяца Сенату былъ объявленъ обширный *именной* указъ объ увольненіи негодныхъ изъ службы, о порядкѣ ихъ опредѣленія на службу и пр. [58]).

Перейдемъ теперь къ актамъ сенатскаго дѣлопроизводства и на основаніи ихъ попытаемся охарактеризовать отношенія Сената къ Кабинету.

Какъ уже сказано выше, Сенатъ входилъ съ своими докладами или доношеніями на высочайшее имя черезъ Кабинетъ, и сносился преимущественно „сообщеніями" съ самимъ Кабинетомъ. Послѣднія, впрочемъ, по существу, были тѣми-же докладами или доношеніями, какъ ихъ иногда и называютъ сами кабинетскія и сенатскія записи. Доклады, шедшіе на высочайшее имя, обычно, начинались словами: „Ея И. Величеству, самодержицѣ всероссійской, всеподданнѣйшій докладъ" (или „всеподданнѣйшее доношеніе"), а заканчивались формулою „того ради Вашему И. Величеству Сенатъ всеподданнѣйше свое мнѣніе представляетъ" (или „всеподданѣйше доноситъ"), или-же „и о томъ у Вашего И. Величества Сенатъ всеподданнѣйше требуетъ всемилостивѣйшаго указа". Когда дѣло шло объ испрошеніи какой-либо милости, или вообще чего-либо стоящаго внѣ компетенціи Сената, то доклады оканчивались словами: „а понеже Сенатъ (того-то) *собою*, безъ особливаго Вашего И. Величества указу, учинить не можетъ, то требуетъ всемилостивѣйшаго указу" и т. п. [59]). Какъ уже указывалось, такіе доклады либо получали высочайшую санкцію, либо разрѣшались на основаніи резолюцій самого Кабинета, при чемъ въ высшей степени трудно объяснить какими-либо объективными данными, чѣмъ руководился Кабинетъ, разрѣшая одни доклады или доношенія на высочайшее имя самъ, а другія представляя государынѣ. Если доклады или сообщенія шли прямо на имя Кабинета, то, обычно, они имѣли въ заголовкѣ такую формулу: „Въ Кабинетъ Ея И. Величества изъ Правительствующаго Сената", а заканчивались словами: „и ежели Кабинетъ Ея И. В. съ симъ опредѣленіемъ будетъ согласенъ, о томъ соблаговолено-бъ было въ Сенатъ сообщить письменно", или еще чаще (въ сообщеніяхъ) словами: „чего ради отъ Кабинета Ея И. Величества Прав. Сенатъ че-

[58]) Ibid., л. 586 сл.; 5 августа того-же года; ср. X, № 7410; указъ 22 октября того-же года.

[59]) IX, 6870, 6900, 6914, 6915 и мн. др.; Ар. И. Д., д. б. Каб., 1737 г. св. 11, л. 1 и др.

резъ сіе требуетъ общаго разсужденія". Въ случаѣ, если Сенатъ самъ представлялъ такое разсужденіе, — особенно, когда оно было выработано „обще" съ другими учрежденіями—докладъ заканчивался такъ: „и ежели Ваши Сіятельства съ симъ разсужденіемъ изволятъ быть согласны, о томъ-бы въ Сенатъ приказали сообщить письменно" и т. п. [60]). Въ этихъ, и имъ подобныхъ, обращеніяхъ Сената къ Кабинету характерны двѣ черты: Сенатъ всегда „требуетъ" общаго разсужденія Кабинетъ-министровъ, а затѣмъ, памятуя о своей „должности", настаиваетъ на сообщеніи ему о рѣшеніи Кабинета „письменно". Въ тѣхъ случаяхъ, когда самъ Сенатъ относился къ Кабинету, „письменно", онъ хотѣлъ имѣть и отъ него такой же отвѣтъ. Это не исключало, конечно, необходимости для Сената, - обыкновенно, черезъ своихъ оберъ-секретаря или секретарей, какъ мы частію отмѣтили выше,— входить въ предварительныя сношенія съ Кабинетомъ, по поводу тѣхъ или иныхъ своихъ дѣйствій, и испрашивать отъ него словесныхъ распоряженій; но это былъ, такъ сказать, неоффиціальный или полуоффиціальный путь переговоровъ двухъ учрежденій между собою, установившійся на практикѣ, путь, который оставлялся Сенатомъ, когда онъ оффиціально требовалъ „разсужденій" или „резолюцій" Кабинета, и когда онъ, по крайней мѣрѣ внѣшне, находилъ нужнымъ держаться извѣстныхъ опредѣленныхъ формъ въ сношеніяхъ. Мы уже указывали выше, что Сенату не нравилась форма словесныхъ приказаній, отдаваемыхъ изъ Кабинета, и сенаторы говорили по этому поводу съ министрами. Кабинетъ, повидимому, не былъ склоненъ всегда и во всемъ соблюдать „письменную" форму сношеній, которую предпочиталъ Сенатъ, такъ какъ отдача словесныхъ приказаній была удобнѣе по многимъ причинамъ, да при томъ она и значительно ускоряла дѣлопроизводство. Сенатъ и самъ пользовался этими *словесными* сношеніями, но только какъ *предварительною* формою. Затѣмъ, когда дѣло вступало въ окончательную стадію и выливалось уже въ видѣ доклада или сообщенія, онъ хотѣлъ имѣть на нихъ сообщеніе „письменно". Вообще Сенатъ склоненъ былъ болѣе предавать значенія формамъ дѣлопроизводства, чѣмъ Кабинетъ.

Въ высшей степени любопытно прослѣдить по журнальнымъ записямъ Сената порядокъ какъ словесныхъ, такъ и письменныхъ сношеній Сената съ Кабинетомъ. Въ 1740 г., напр., се-

[60]) Ар. П. Д., д. з. Каб., 1737 г., св. 71 л. 104; ів., 1736 г., св. 54, л. 112; X, № 7185, 7628 и др.

кретарь Сената Даниловъ, доложилъ послѣднему, что онъ „объявилъ въ Кабинетѣ Ея И. В. доношеніе Сибирскаго приказа о находѣ на Корядкую землицу... военною рукою немирныхъ носовыхъ и рѣчныхъ чукчъ и о побитіи карякъ 25 человѣкъ и о взятьѣ женщинъ и дѣтей немалаго числа“ и пр., а также „и о похваленіи ими быть вторично по веснѣ... для разоренія и опустошенія коряцкой земли и раззоренія анадырскаго острога“. Доношеніе это было доложено кн. Черкасскому, а затѣмъ, черезъ секретаря Кабинета, объявлено Данилову, что „его-де сіятельство изволилъ разсуждать, что того недовольно, чтобъ впредь только одну имѣть отъ тѣхъ чукчъ предосторожность, но за вышеписанное причиненное отъ нихъ раззореніе *надлежитъ имъ отмстить и самихъ въ конецъ раззорить* и стараться ихъ въ подданство привесть, и для того, собравъ изъ ближнихъ тамошнихъ мѣстъ людей, военною рукою на нихъ идти“. При этомъ приказано ему, Данилову, „съ тѣмъ его разсужденіемъ“ идти къ гр. Остерману. Послѣдній, выслушавъ это „разсужденіе“ и „высмотря доношеніе“, приказалъ „Правительствующему Сенату на разсужденіе донесть“, что онъ согласенъ съ разсужденіемъ кн. Алексѣя Михайловича (Черкасскаго) и что надлежитъ-де о томъ указы отправить немедленно; „да при томъ-же изволилъ приказать Пр. Сенату донесть, что изъ онаго доношенія неявно, а только показано, что впредь похвалялись (чукчи) быть весною 1739 г. и потому видно, что вышеписанный ихъ приходъ былъ въ 738 г., а изъ Якутска отъ капитана и воеводы Заборовскаго доношеніе о томъ въ Сибирскій приказъ прислано января 30 дня сего 1740 г. и тѣмъ доношеніемъ умедлено *съ два года*; того ради о томъ, *для чего такъ умедленно и кѣмъ то учинено,* надлежитъ накрѣпко *изслѣдовать*“. Получивъ это, „разсужденіе“ министровъ, Сенатъ тотчасъ приказалъ послать въ подлежащія мѣста указы, въ которыхъ буквально повторилъ и слова Остермана, и слова Черкасскаго, подчеркнутыя выше, сдѣлавъ къ нимъ лишь незначительныя добавленія (Сенат. Арх., № 5 сл., стр, 35.). Таковъ довольно-обычный ходъ предварительныхъ переговоровъ Сената съ членами Кабинета [61]), и такъ вліяли „разсужденія“ министровъ на опредѣленія Сената. Нечего говорить, конечно, что резолюціи Кабинета Сенатъ исполнялъ въ точности. Послѣднее и отражалось уже не только по существу, но и по формѣ на его приговорахъ. Получивъ резолюцію Кабинета на свое доношеніе, или на доношеніе

[61]) Другіе примѣры — ibid., стр. 20, 31 сл., 40 сл.

какого-либо другаго учрежденіи, Сенатъ составлялъ „опредѣленіе“ въ такой формѣ: „по указу Ея И. Величества, по резолюціи господъ кабинетныхъ министровъ, подписанной на доношеніи“... (такого-то учрежденія), или „по резолюціи Кабинета Ея И. Величества, подписанной на поданномъ Ея И. Величеству доношеніи“; или — „по указу Ея И. В., Пр. Сенатъ, слушавъ резолюціи Кабинета Ея И. В., подписанной на поданныхъ изъ Пр. Сената доношеніяхъ и сообщеніи“ и т. п. [62]). Если такимъ образомъ словесныя „разсужденія“ кабинетныхъ министровъ вліяли на содержаніе опредѣленій Сената нерѣдко по существу, то письменныя резолюціи и сообщенія уже прямо отражались на нихъ и формально, что, конечно, вполнѣ понятно, такъ какъ именно они-то и были тѣми актами, даваемыми за подписью при томъ самихъ министровъ, которые установились на практикѣ, на основаніи указа 9 іюня 1735 г., тогда какъ словесные „приказы“ и „разсужденія“ Кабинета не покоились на какихъ-либо вполнѣ твердыхъ и точныхъ опредѣленіяхъ закона, а скорѣе вытекали изъ общаго положенія дѣлъ, сложившагося *de facto* съ учрежденіемъ Кабинета; такъ, по крайней мѣрѣ, представляется это намъ...

Кабинетъ, какъ это и понятно само собою, извѣщалъ Сенатъ словесно или письменно о тѣхъ рѣшенныхъ имъ вопросахъ, о которыхъ Сенатъ, въ качествѣ центральнаго органа управленія, долженъ былъ знать [63]). Дѣлалось это, однако, невсегда, что и ставило Сенатъ въ затрудненіе и заставляло его обращаться къ Кабинету съ своими представленіями по этому поводу. Такъ, напр., въ Литву былъ отправленъ нѣкій Дубровинъ для сыска бѣглыхъ русскихъ; Сенатъ не былъ объ этомъ извѣщенъ и вслѣдствіе этого не могъ принять съ своей стороны соотвѣтственныхъ мѣръ. Входя въ Кабинетъ съ докла-

---

[62]) Ibid., стр. 12, 21, № 12 и 13. Въ случаѣ, если по данному вопросу имѣлся и именной указъ, и резолюція Кабинета, опредѣленіе начиналось словами: „*по указу* Ея И. Величества, за подписаніемъ собственныя Ея И. Величества высокой руки... и *по резолюціи* Кабинета Ея И. В., подписанной на поданномъ отъ Сената Ея И. Величеству доношеніи“ (ib., стр. 22; если доношенія и сообщенія подавались въ Кабинетъ, то—„по резолюціи Кабинета Ея И. В., подписанной на поданныхъ изъ Сената доношеніяхъ и сообщеніи“; ib., стр. 27).

[63]) См. примѣры такихъ извѣщеній, а затѣмъ и распоряженій Сената по ихъ поводу—Арх. М. Ю., ж. и пр. С., кн. $^{220}/_{2101}$, л. 42 (реэст. недорослямъ, представленныхъ Кабинету и опредѣленныхъ имъ въ Корпусъ); ib., кн. $^{208}/_{2089}$, л. 11 (о пожалованіи Неплюева въ Тайные совѣтники) и мн. др. Рядъ примѣровъ можно найти также и въ „Описи Сен. Архива“.

домъ объ этихъ мѣстахъ, Сенатъ заключаетъ докладъ такими словами: „а понеже объ отправленіи въ Литву вышеписаннаго отъ гвардіи подпоручика Дубровина понынѣ въ Сенатѣ было неизвѣстно, того ради Ваши сіятельства, не соизволите-ли приказать *впредь какія и куда изъ Кабинета Ея И. Величества отправленія будутъ или о чемъ пошлются указы о принадлежащихъ до Сената дѣлахъ, для извѣстія сообщать, дабы за неизвѣстіемъ въ Сенатѣ не могло объ одномъ дѣлѣ воспослѣдовать разныхъ резолюцій и оттого конфузіи не произошло*" [64]). Другой случай, заставившій Сенатъ обратиться къ Кабинету, показываетъ, что дѣлопроизводство послѣдняго не отличалось вполнѣ образцовымъ порядкомъ, и Кабинетъ иногда забывалъ даже о подчиненныхъ ему непосредственно учрежденіяхъ. Такъ, напр., А. И. Ушаковъ переслалъ въ Сенатъ челобитную „крестьянской жены Ѳ. Фалалѣевой да вдовы Авдотьи Еремѣевой дочерей о потоплой соли и невзысканіи за ту соль денегъ"; Сенатъ переслалъ эту челобитную „для разрѣшенія" въ Соляную контору, какъ извѣстно, подчиненную Кабинету непосредственно. Но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, уже изъ Кабинета была прислана вторая челобитная Авдотьи Еремѣевой, которую Сенатъ также отослалъ въ Соляную контору, приказавъ „о томъ, во извѣстіе взнесть въ Кабинетъ... въ которомъ и то объявить, что по именному Ея И. В. указу... повелѣно медицинской канцеляріи быть въ вѣдомствѣ Кабинета Ея И. Величества, такъ, какъ и Соляная контора состоитъ, и для того во оную ни откуда повелительныхъ указовъ посылать не велѣно", а, слѣдовательно, и Сенатъ не можетъ ей отдавать своихъ приказаній и пр. [65]).

Разсмотримъ нѣсколько сообщеній и докладовъ Сената по существу, чтобы выяснить, хотя бѣгло, въ какихъ случаяхъ Сенатъ считалъ себя обязаннымъ входить въ Кабинетъ.

Прежде всего эти „сообщенія" касались выдачи денегъ, жалованья и пр. Кабинетъ сообщилъ, напр., Сенату, что должно быть выдано жалованье (на генварскую треть 1736 г.) штатскимъ чинамъ и канцелярскимъ служителямъ, что Сенатъ и исполнилъ. Затѣмъ, когда „майской трети (того же года) наступилъ 3-й мѣсяцъ", Сенатъ вновь вошелъ въ Кабинетъ съ представленіемъ о выдачѣ жалованья, вполнѣ основательно отмѣтивъ, что „ежели о выдачѣ тѣмъ штатскимъ чинамъ на всякую треть въ Кабинетъ сообщенія чинить, оттого будетъ

[64]) Арх. М. Д., 1736 г., № 54, л. 96 сл.
[65]) Ар. М. Ю., ж. и пр. С., кн. 231/2132 г. л. 44.

въ настоящихъ дѣлахъ не безъ затрудненія; къ тому же нѣкоторымъ чинамъ и приказнымъ служителямъ жалованье опредѣлено по капитуляціямъ и по особливымъ именнымъ указамъ и отъ неполученія онаго, будучи въ Петербургѣ, могутъ претерпѣвать не малую нужду". Поэтому „приказали" гг. кабинетъ-министрамъ сообщить письменно, что „по разсужденію сенаторскому штатскимъ чинамъ на нынѣшній 1736 г., до аппробаціи отъ Ея И. Величества вновь штата, надлежитъ давать, какъ прежде давано, по прежнимъ окладамъ, по прошествіи каждой трети и требовать на то ихъ общаго разсужденія". Кабинетъ, однако, не согласился съ этимъ „разсужденіемъ" Сената [66]). Въ другомъ случаѣ Сенатъ опредѣлилъ сообщить кабинетнымъ министрамъ, опять-таки письменно, что необходимо выдать „за простойные дни" уѣздныхъ крестьянскихъ подводъ, наряженныхъ „подъ персидскаго посла" (при проѣздѣ его отъ Царицына до Петербурга) по 3985 р. 76 к. „на недѣлю", или зачесть эти деньги въ подушный окладъ, „дабы крестьянство не могло нести напрасныя отъ того (задержанія денегъ) тягостей" [67]).

Пытаясь объяснить себѣ основанія, которыя заставляли Сенатъ входить въ Кабинетъ съ тѣми или иными своими докладами, донесеніями и сообщеніями какъ по вышеуказаннымъ, такъ и другимъ поводамъ, надо сказать, что эти обращенія отчасти, въ однихъ случаяхъ, вызывались спеціальными узаконеніями или приказами, отчасти объяснялись тѣмъ обстоятельствомъ, что данное дѣло получило свое начало вслѣдствіе того или иного приказа или указа Кабинета, а потому и въ дальнѣйшемъ своемъ теченіи должно было подлежать его же „разсужденію"; въ другихъ—тѣмъ, что Кабинетъ, какъ учрежденіе, непосредственно стоящее предъ лицомъ верховной власти, лучше могъ бы положить конецъ тѣмъ или инымъ затрудненіямъ, вытекающимъ на практикѣ изъ несовершенства существующихъ узаконеній, несовершенства, не всегда могущаго получить свое разрѣшеніе отъ Сената, какъ толкователя законовъ; наконецъ, въ третьихъ эти обращенія случались по всѣмъ тѣмъ

---

[66]) Ib.. кн. 213/2094, л. 131; 13 іюля 1736 г. Въ сентябрѣ того же года послѣдовала резолюція Кабинета на это „сообщеніе" Сената, изъ которой видно, что Кабинетомъ „разсуждено было" дать только на майскую треть (ib., кн. 215/2096, л. 109 и об.; ср. Оп. Сен. арх., № 5643). Объяснялось это, вѣроятно, тѣмъ, что предполагалось вскорѣ разсмотрѣніе новыхъ штатовъ жалованья.

[67]) Ibid., кн. 209/2090, л. 106; другія сообщенія Сената о деньгахъ, жалованьѣ и пр. см. „Оп. Сен. Арх.".

дѣламъ, которыя, по мнѣнію Сената, должны были восходить на высочайшее усмотрѣніе *черезъ* Кабинетъ. Могли быть, конечно, и другіе, неуловимые для современнаго изслѣдователя мотивы, какъ могли быть и ошибки Сената, обращавшагося въ Кабинетъ тогда, когда этого вовсе не было нужно (именно тогда, напр., когда для разрѣшенія того или инаго вопроса имѣлись „точные указы") и т. д.; но, въ общемъ, насколько мы могли уяснить себѣ этотъ вопросъ, дѣло объяснялось именно указанными выше соображеніями и основаніями. Кабинетъ, напр., назначилъ нѣкоего Кошелева въ утвержденную отъ малороссійскаго края польскую „коммиссію"; Кошелевъ вмѣстѣ съ своими товарищами и прибылъ на съѣздъ польскихъ коммиссаровъ; но затѣмъ обѣ стороны, установивъ „пункты" для разрѣшенія вопроса (дѣло шло объ обидахъ, учиненныхъ поляками россійскимъ подданнымъ) и „не вступая ни въ какое слѣдствіе съ той коммиссіи отъѣхали, назнача къ съѣзду другой терминъ", а полковникъ Кошелевъ съ товарищами съ этого времени „живутъ праздно". И вотъ Сенатъ подаетъ въ Кабинетъ „сообщеніе" и требуетъ разсужденія, „помянутому Кошелеву съ товарищи, что чинить" [68]). Или, напр., въ Сенатъ поступило изъ Кабинета одно представленіе вице-президента лифляндскаго гофгерихта—„объ отставкѣ (т. е. объ отмѣнѣ) въ Лифляндіи, положеннаго по шведскимъ правамъ церковнаго публичнаго штрафа за прелюбодѣяніе", — которое было передано затѣмъ Сенатомъ на разсмотрѣніе юстицъ-коллегіи лифляндскихъ и эстляндскихъ дѣлъ; послѣдняя также нашла, что нужно эти штрафы „отставить"; тогда Пр. Сенатъ „*приказали:* къ гг. кабинетнымъ министрамъ *сообщить письменно*, что Сенатъ о вышеписанныхъ штрафахъ, съ представленіемъ гофгерихта и юстицъ-коллегіи съ мнѣніемъ согласенъ, и *требовать ихъ Сіятельства общаго разсужденія*" [69]). Или въ Сенатъ поступаетъ челобитье нѣкоего Октавія Герцына о дачѣ ему привиллегіи на приготовленіе гданской и дистиллированной водки, и Сенатъ сообщаетъ въ Кабинетъ свое „разсужденіе" о необходимости согласиться на это предложеніе [70]). Или, напр.,

---

[68]) Ар. И. Д., д. б. Каб., 1737 г. св. № 71, л. 104; ср. еще ib., 1736 г., св. № 54, л. 112 и об.

[69]) IX, № 7014.

[70]) „Въ Кабинетъ Ея И. В. сообщить письменно съ такимъ разсужденіемъ, что оному Герцыну (и для придачи впредь другимъ охоты), дабы оныя, въ Россіи, противъ иностранныхъ (какъ изъ французскаго, такъ и изъ горячаго винъ), водки были строены и чтобъ деньги изъ Россіи вывозиться не могли,

указы требовали отправлять на прядильные дворы „женокъ", подлежащихъ за свои вины наказанію; между тѣмъ обнаружилось, что такихъ дворовъ „и понынѣ" (со времени Петра В.) „не учреждено", почему соотвѣтствующія учрежденія не знаютъ, куда ссылать этихъ женокъ. Опять опредѣляется „въ Кабинетъ *подать сообщеніе*, — что по разсужденію Пр. Сената, для ссылки таковыхъ женокъ, надлежитъ сдѣлать въ Москвѣ, при парусной фабрикѣ, прядильный домъ, на которой такихъ женокъ содержать въ работѣ, а за работу зачитать имъ, и для пропитанія ихъ казенный хлѣбъ давать противъ каторжныхъ невольниковъ—*и требовать о томъ* (у Кабинета) *общаго разсужденія*" [71]) и т. д., Конечно, не всѣ доношенія и сообщенія разрѣшались сразу [72]) и при томъ такъ, какъ разсуждалъ Сенатъ; нѣтъ сомнѣнія также, что *de jure* Сенатъ не могъ воздѣйствовать на Кабинетъ; но болѣе многочисленный по составу, болѣе опытный въ управленіи и лучше устроенный въ рядѣ учрежденій, его окружавшихъ, Сенатъ своими докладами, доношеніями и сообщеніями, нерѣдко весьма обстоятельно при томъ мотивированными, заставлялъ Кабинетъ разрѣшать тѣ или иные вопросы управленія именно такъ, какъ имъ было „разсуждено", почему въ большинствѣ случаевъ, если не ошибаемся, резолюціи Кабинета только утверждали „мнѣнія" и „представленія" Сената. Нечего говорить, что у Сената, кромѣ того, оставалось обширное поле для дѣятельности въ томъ громадномъ кругѣ учрежденій и дѣлъ, какъ центральнаго, такъ и мѣстнаго управленія, во главѣ коихъ онъ, по прежнему, стоялъ, и въ разрѣшеніе коихъ Кабинетъ не находилъ нужнымъ постояннно вмѣшиваться. Разумѣется, такое вмѣшательство *могло* всегда явиться, и по временамъ оно давало себя чувствовать Сенату, какъ это отмѣчалось выше; но малочисленность Кабинета не дозволяла ему въ дѣйствительности всегда и во всемъ пользоваться своимъ положеніемъ верховнаго учрежденія, и уже поэтому его давленіе на Сенатъ было гораздо менѣе замѣтно, чѣмъ въ правленіе В. Т. Совѣта,

---

дать позволенье на 10 лѣтъ" и пр. (излагаются условія привилегіи)—Арх. М. Ю., ж. и пр. С., кн. $^{220}/_{2101}$, л. 118 сл.

71) Ibid., кн. $^{220}/_{2131}$, л. 126.

72) Были случаи, что Сенатъ *повторялъ* свои сообщенія. Такъ, напр., въ одномъ его опредѣленіи читаемъ, что по вопросу „объ отпускѣ позволеннаго привозомъ изъ Литвы къ петербургскому порту поташа, приказали: подать въ Кабинетъ *вторичное сообщеніе* и требовать указу", а Коммерцъ-коллегію, по доношенію которой былъ возбужденъ вопросъ, извѣстить объ этомъ особымъ указомъ—ibid., кн. $^{258}/_{2138}$, л. 245

не говоря уже о томъ, что Кабинетъ вообще меньше допускалъ ломки въ учрежденіяхъ и ихъ компетенціи, чѣмъ В. Т. Совѣтъ. Во всякомъ случаѣ, надо признать, что вторая половина царствованія Анны Іоанновны вполнѣ рельефно выдѣлила Кабинетъ, какъ верховное учрежденіе, и, конечно, Сенатъ, въ качествѣ ближайшаго къ Кабинету правительственнаго установленія, скорѣе всѣхъ почувствовалъ значеніе этого.

Перейдемъ теперь къ третьему періоду существованія Кабинета—отъ кончины Анны Іоанновны до его уничтоженія въ царствованіе Елизаветы Петровны.

IV.

Послѣ кончины Анны Іоанновны до воцаренія Елизаветы Петровны Кабинету, несмотря на кратковременность царствованія младенца-императора Іоанна Антоновича, пришлось пережить двѣ крупныя перемѣны: регентство Бирона и правленіе Анны Леопольдовны. Эти перемѣны не замедлили [73]) прежде всего отразиться на составѣ Кабинета: если по смерти Анны Іоанновны Кабинетъ оставался въ томъ же составѣ, въ какомъ онъ былъ уже въ концѣ ея царствованія, то со сверженіемъ 8 ноября 1740 г. герцога Бирона, естественно, въ немъ не могъ оставаться А. П. Бестужевъ-Рюминъ, угодливость коего передъ знаменитымъ фаворитомъ не была ни для кого тайною. Какъ извѣстно, гр. Минихъ свергнулъ Бирона, а самъ въ новомъ для Россійской Имперіи званіи „перваго министра въ его императорскаго величества консиліяхъ“ сталъ президентомъ Кабинета, въ которомъ, кромѣ Остермана и Черкасскаго, явился еще новый министръ, гр. М. Г. Головкинъ, сынъ канцлера и бывшаго члена В. Т. Совѣта и Кабинета. Впрочемъ, и знаменитый фельдмаршалъ гр. Минихъ, — въ это время удрученный годами, занятый массою другихъ должностей и порученій и принужденный вести тяжелую борьбу въ Кабинетѣ за преобладаніе съ Остерманомъ, что вскорѣ весьма его утомило,— уже въ началѣ слѣдующаго года оставилъ государственную

[73]) Въ виду того, что въ нашей литературѣ существуютъ обстоятельные, на архивныхъ данныхъ основанные очерки, касающіеся Кабинета (А. С. Пестова) и Пр. Сената (В. С. Лазовскаго), мы разсмотримъ лишь въ самомъ краткомъ обзорѣ этотъ послѣдній періодъ существованія Кабинета, отсылая интересующихся вопросомъ ко II-му тому извѣстнаго изданія „Внутренній бытъ русскаго государства съ 17 октября 1740 г. по 25 ноября 1741 года“. (Москва, 1886 г.).

службу, и Кабинетъ до конца царствованія Іоанна Антоновича оставался въ указанномъ выше составѣ трехъ министровъ, причемъ, въ сущности, душею учрежденія являлся, попрежнему, одинъ Остерманъ. Эти перемѣны въ составѣ какъ Кабинета, такъ и „правительства" или регентства, начинали отражаться и на положеніи Кабинета, какъ учрежденія. Регентство Бирона, президентство Миниха, а затѣмъ и фактическій захватъ власти въ Кабинетѣ Остерманомъ при слабомъ правительствѣ Анны Леопольдовны *обѣщали* различное *направленіе* росту и дѣятельности учрежденія; говоримъ -- *обѣщали*, такъ какъ въ дѣйствительности кратковременность и эфемерность всѣхъ этихъ затѣй, быстро смѣнявшихъ другъ друга, не могли серьезно повліять въ томъ или иномъ смыслѣ на развитіе Кабинета. Нельзя поэтому придавать большого значенія замысламъ Бирона по отношенію къ Кабинету, или говорить, какъ проф. Градовскій, что самъ „Кабинетъ получилъ новую организацію" при энергичномъ „первомъ министрѣ" фельдмаршалѣ Минихѣ, которому будто бы „надо было поставить всю администрацію на военную ногу" и пр. Можетъ быть, въ той или иной степени, такъ или иначе всѣ эти стремленія и осуществились бы; но господство всѣхъ этихъ лицъ было столь непродолжительно, что ничего важнаго ими, особенно по сложному вопросу, насъ здѣсь занимающему,— о взаимныхъ отношеніяхъ Кабинета и Сената—не могло быть сдѣлано. Перемѣны эти отражались на отношеніяхъ двухъ учрежденій между собою, но отражались какъ-то сами собою и не находили никакого яркаго выраженія въ измѣненіяхъ ихъ устройства и компетенціи; въ такое неспокойное время этимъ борющимся за власть министрамъ и не было возможности заняться серьезно подобными вопросами. Поэтому нѣтъ нужды останавливаться подробно на всѣхъ мелкихъ особенностяхъ въ устройствѣ названныхъ учрежденій [74]); можно лишь отмѣтить тѣ черты новаго положенія вещей, какія оказали замѣтное вліяніе на отношенія Кабинета и Сената. Кабинетъ въ регентство Бирона, имѣя въ своемъ составѣ лишь одну выдающуюся личность — Остермана (да и то враждебнаго регенту), и не опираясь болѣе на личность монарха, въ близкихъ отношеніяхъ къ коему заключалась вся его сила, чувствовалъ необходимость въ содѣйствіи наличныхъ высшихъ учрежде-

---

74) Кажется, учрежденіе должности особаго рекетмейстера „при дворѣ нашемъ", благодаря чему Кабинетъ избавлялся отъ обязанности разбора массы челобитій, можетъ считаться одною изъ немногихъ значительныхъ перемѣнъ; должность эта, впрочемъ, просуществовала всего лишь нѣсколько мѣсяцевъ.

ній и лицъ. Это наглядно выражалось въ рядѣ фактовъ слѣдующаго характера. Манифестъ о кончинѣ Анны Іоанновны явился изъ Кабинета „за подписаніемъ всего министерства и генералитета“ (въ числѣ послѣдняго были и сенаторы); приговоръ Кабинета о титулованіи регента россійской имперіи Эрнста-Іоганна (Бирона) былъ отданъ въ Кабинетѣ оберъ - секретарю Сената за подписаніемъ „собранія кабинетъ-министровъ, св. Синода, Пр. Сената, генералъ-фельдмаршаловъ и прочихъ генералитета“. Въ журнальныхъ записяхъ Сената отмѣчено такое событіе, (неимѣвшее мѣста въ предыдущее царствованіе): 6 ноября 1740 г., за два дня до своего низложенія, „въ собраніе Пр. Сената изволилъ прибыть его высочество регентъ россійской имперіи, герцогъ курляндскій, *при немъ гг. кабинетные министры* (Черкасскій и Бестужевъ-Рюминъ) и въ присутствіе свое его высочество изволилъ слушать доклады Пр. Сената...., на которыхъ его высочество и резолюціи подписать изволилъ“ (въ царствованіе Анны Іоанновны сенаторы призывались въ Кабинетъ, но сами не являлись въ Сенатъ) [75]). Эти и другіе имъ подобные факты свидѣтельствуютъ о необходимости для Бирона и его Кабинета опираться и на авторитетъ другихъ учрежденій и лицъ, по крайней мѣрѣ, въ первое время его „правленія“, оказавшагося затѣмъ столь непродолжительнымъ...

Что касается слѣдующаго момента—правленія Анны Леопольдовны и ея „перваго министра“, то совершенно невѣрнымъ является утвержденіе покойнаго А. Д. Градовскаго (вполнѣ, впрочемъ, оправдываемое для его времени, когда такъ мало было извѣстно архивныхъ актовъ сенатской дѣятельности), что „вновь преобразованный Кабинетъ, подъ руководствомъ энергичнаго фельдмаршала, наполнилъ государство и присутственныя мѣста своими указами, иногда переходящими въ регламентаторскую дѣятельность; *рѣдко въ теченіе всего управленія Анны Леопольдовны можно встрѣтить сенатскій указъ—все занято распоряженіями Кабинета* („Высшая администрація Россіи“ и пр., стр. 161). *Рѣдко* — если удовольствоваться данными Полнаго Собранія Законовъ, какъ дѣлалъ А. Д. Градовскій; *не менѣе часто*, чѣмъ прежде, если обратиться къ подлиннымъ документамъ дѣлопроизводства Сената [76]); при этомъ также нельзя упускать изъ виду и того обстоятельства, что, какъ извѣстно, гр. Ми-

[75]) Сен. Арх., стр. 43 сл., стр. 103 сл.

[76]) Между прочимъ, кромѣ указаннаго очерка В. С. Лазовскаго, основаннаго на архивныхъ данныхъ, отмѣтимъ еще „Сенатскій Архивъ“ (стр. 113—647), гдѣ указаны многочисленныя опредѣленія Пр. Сената за это время.

нихъ уже указомъ 3 марта 1741 г. былъ уволенъ отъ всѣхъ „воинскихъ и статскихъ дѣлъ“, пробывъ менѣе 4-хъ мѣсяцевъ „первымъ министромъ“, а затѣмъ остальное время правленія Анны Леопольдовны настоящимъ главою Кабинета являлся, по прежнему, Остерманъ, и прошенія Кабинета къ Сенату, поскольку на нихъ отражались перемѣны въ составѣ перваго, уже въ силу этого стали принимать тотъ же характеръ, какой установился въ концѣ предыдущаго царствованія. Если бы правленіе Анны Леопольдовны было болѣе продолжительно, то незначительность личности правительницы, въ связи съ громаднымъ авторитетомъ и энергіею Остермана, стоявшаго во главѣ Кабинета, могли бы повліять значительно на усиленіе значенія Кабинета, и тѣмъ бы могли способствовать паденію Сената; но вскорѣ новое царствованіе уничтожило Кабинетъ и дало иное положеніе Сенату...

Нельзя также не отмѣтить еще одного обстоятельства, характеризуя отношенія Кабинета и Сената въ этотъ періодъ. Какъ извѣстно уже намъ, 28 апрѣля 1740 г., т. е. едва за полгода до кончины Анны Іоанновны, послѣдовало назначеніе кн. Н. Ю. Трубецкаго генералъ-прокуроромъ Сената; кн. Трубецкой оставался въ своей должности и позднѣе, при чемъ около него стоялъ, какъ было и при Петрѣ Великомъ, оберъ-прокуроръ. Возстановленіе этой важной должности генералъ-прокурора, способствуя упорядоченію дѣлопроизводства Сената, начальникомъ канцеляріи коего являлся генералъ-прокуроръ, не могло не отразиться также благотворно и на положеніи Сената по отношенію къ Кабинету. Если для менѣе важныхъ дѣлъ, справокъ и пр. оберъ-секретарь и секретари Сената попрежнему являлись въ Кабинетъ, то важныя дѣла проходили черезъ посредство генералъ-прокурора въ Кабинетъ, гдѣ онъ игралъ, конечно, не ту роль, какую играли секретари Сената, выслушивавшіе лишь приказы кабинетъ-министровъ. Въ одной журнальной записи читаемъ, напр., что генералъ-прокуроръ представилъ Сенату форму титула „Его И. Величества Государыни-Матери“, которая „предложена была на разсмотрѣніе гг. кабинетъ-министрамъ *отъ него* д. тайн. совѣтника“; изъ другихъ видно, что онъ докладывалъ дѣла регенту и „по именному Его Имп. Вел. указу, за подписаніемъ, именемъ Его И. В., его высочества регента россійской имперіи и герцога курляндскаго, *на докладъ д. т. сов. генерала-прокурора*“ и пр., Сенатъ „во исполненіе онаго, приказалъ“ (то-то); въ третьихъ отмѣчается, что „его сіятельство д. т. с. поѣхалъ

въ кабинетъ Ея И. Величества“ и т. д, [77]). Въ общемъ, Сенатъ въ этотъ послѣдній періодъ существованія Кабинета ничего не потерялъ, ни въ своихъ отношеніяхъ къ Кабинету, ни въ своемъ положеніи среди другихъ учрежденій имперіи.

Резюмируя вкратцѣ все вышеизложенное, мы приходимъ къ тому выводу, что если Сенатъ, послѣ созданія Кабинета министровъ, и былъ отодвинутъ на второе мѣсто, то неудачный, съ извѣстной точки зрѣнія, опытъ созданія сильнаго учрежденія, подобнаго Верховному Тайному Совѣту, заставлялъ не спѣшить съ реформою и не выдвигать слишкомъ, по крайней мѣрѣ оффиціально, значенія Кабинета, какъ таковаго. Это косвенно должно было благотворнымъ образомъ отразиться и на Сенатѣ. Затѣмъ, когда позднѣе Кабинетъ измѣнилъ свой первоначальный образъ и сталъ выступать, въ силу указа 9 іюня 1735 г., уже въ новой роли, Сенатъ остался не только его ближайшимъ и необходимымъ помощникомъ, но и учрежденіемъ, важнымъ самимъ по себѣ. Правда, Кабинетъ, выражаясь словами Волынскаго, „натащилъ на себя много дѣлъ и ненадлежащихъ“ министрамъ, но затѣмъ въ разсмотрѣніи, а нерѣдко и въ разрѣшеніи ихъ онъ нуждался всегда въ помощи того же Сената, по преимуществу. То обстоятельство, что между императрицею и Кабинетомъ стояли фавориты, а сама государыня не находила нужды противополагать послѣднимъ такого учрежденія, какъ В. Т. Совѣтъ (въ которомъ Екатерина I искала спасенія противъ чрезмѣрнаго честолюбія и силы Меншикова), было также одною изъ причинъ, почему Кабинетъ не проявлялъ такихъ политическихъ тенденцій и стремленій, какъ его предшественникъ—В. Т. Совѣтъ. Сенатъ, конечно, и при Кабинетѣ долженъ былъ дѣйствовать подъ рукою послѣдняго; но эта рука *de jure*, по крайней мѣрѣ, меньше произвела опустошеній въ его организаціи, чѣмъ правленіе Совѣта. Когда умная и благодушно настроенная дочь великаго императора взошла на престолъ и рѣшила, что „Правительствующій нашъ Сенатъ да будетъ имѣть прежде бывшую (при Петрѣ В.) силу и власть въ правленіи внутреннихъ всякаго званія государственныхъ дѣлъ“, рѣшеніе это было подсказывано всею исторіею учрежденія послѣ Петра В., изъ испытаній которой Сенатъ выходилъ отчасти обезображеннымъ, отчасти обезсиленнымъ, но все еще жизнеспособнымъ и прямо-таки необходимымъ въ общемъ строѣ имперскихъ учрежденій. Было бы въ высшей степени любопытно

[77]) Сен. Арх., т. II, стр. 115; 88, 175; 48; о роли его въ Сенатѣ см. стр. 48, 58, 71, 83, 91, 125–127, 152 и мн. др.

изучить двадцатилѣтній періодъ правленія Пр. Сената, въ качествѣ верховнаго учрежденія, въ царствованіе Елизаветы Петровны. Это изученіе, въ связи съ исторіею учрежденія въ предшествующія царствованія, показало бы наглядно, что возстановленіе Сената подготовлялось само собою, что всѣ эти временныя учрежденія, становившіяся надъ нимъ, несмотря на всю ихъ необходимость съ извѣстной точки зрѣнія, не могли уничтожить потребности въ столь закономѣрно поставленномъ, и въ общемъ, столь закономѣрно дѣйствовавшемъ учрежденіи, какимъ, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, являлся у насъ Сенатъ. Великая имперія всегда нуждалась въ учрежденіи, которое такъ или иначе, но служило бы началу законности въ управленіи, и такимъ учрежденіемъ въ XVIII вѣкѣ, по крайней мѣрѣ, не могло быть никакое другое, кромѣ Сената.

Таково общее заключеніе, къ которому надо придти, изслѣдуя, на основаніи архивныхъ данныхъ, вопросъ о временныхъ отношеніяхъ Кабинета министровъ и Пр. Сената. Какъ, однако, смотрѣли на этотъ вопросъ современники? Любопытный отвѣтъ на это дается въ замѣчательномъ докладѣ, представленномъ императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, 3 декабря 1741 г. „собраніемъ" министровъ и генералитета и найденномъ нами въ Государственномъ Архивѣ. Елизавета Петровна, вступивъ на престолъ 25 ноября 1741 г., уже 2 декабря того же года дала указанному „собранію" [78]) словесный именной указъ, коимъ было повелѣно „имѣть разсужденіе: *есть-ли нужда быть впредь Кабинету или нѣтъ*", при чемъ высказала, что „Ея И. Величества высочайшее намѣреніе въ томъ состоитъ, что нелучше-ли, чтобъ правительство возобновить *на томъ фундаментѣ*, какъ оное было при жизни блаженныя и вѣчно-достойныя памяти государя-родителя Ея Величества, Петра Великаго" [79]). Вслѣдствіе этого, вышеназванное „собраніе" и представило обширный *докладъ* государынѣ, въ которомъ, обозрѣвъ исторію образованія и развитія дѣятельности Прав. Сената отъ Петра В. до конца царствованія Анны Іоанновны, пришло къ выводу о необходимости возстановленія петровскаго Сената [80]). Въ послѣдней, заклю-

[78]) Въ періодъ съ 25 ноября по 12 декабря 1741 г. (день возстановленія Пр. Сената и уничтоженія Кабинета) во главѣ управленія стояло т. н. „собраніе гг. министровъ и генералитета", въ составъ коего входило два Кабинетъ-министра (Черкасскій и Бестужевъ-Рюминъ), нѣсколько сенаторовъ во главѣ съ генералъ-прокуроромъ, и нѣсколько представителей генералитета („Сенатскій Архивъ", томъ V, стр. 301).

[79]) Ibidem, стр. 318 сл.

[80]) Государственный Архивъ, раздѣлъ XVI, д. № 105. Позволяемъ себѣ

чительной своей части докладъ такъ характеризуетъ отношенія Кабинета министровъ къ Пр. Сенату. Замѣтивъ, что „по учрежденіи сперва В. Т. Совѣта, а потомъ Кабинета (ибо хотя имена разныя, а дѣйство почти одно въ обѣихъ было) Сенатъ оставался уже *не въ такой силѣ*“, (какъ было при Петрѣ В.), „но всѣ, подлежащія къ собственному Ея Величества дѣлъ рѣшенію, доклады были подаваемы *чрезъ* Кабинетъ“, „собраніе“ указываетъ, что многіе изъ этихъ докладовъ, „по разсужденію министровъ, возвращаемы были (въ Сенатъ) съ ихъ резолюціями, а иные же и безъ резолюцій паки были отдаваемы съ одними *словесными приказами* ко изъясненію; а по инымъ въ Кабинетъ справки собирались, и объ одномъ дѣлѣ бывало взношено изъ Сената докладовъ или сообщеній по два и по три; но по многимъ нужнѣйшимъ, чрезъ долгое время, резолюціи получаемо *не было*, а по инымъ, хотя резолюціи и получались, токмо зѣло темныя, съ такими затруднительными запросами, что нетокмо въ нѣсколько мѣсяцевъ, но ниже черезъ нѣсколько лѣтъ исправиться (Сенату) не можно“. Но этого мало: по тому же докладу, „сверхъ же того, *мимо Сената*, прямо изъ Кабинета, посыланы были не токмо въ коллегіи, но и въ самыя подчиненныя (Сенату, конечно,) мѣста, и въ губерніи и въ провинціи, о разныхъ дѣлахъ указы, по которымъ чинено исполненіе, *о чемъ въ Сенатъ и извѣстія никакого не было*, и рапорты, тако-жъ и доклады, подаваны мимо Сената изъ тѣхъ мѣстъ прямо въ Кабинетъ, а Сенату о томъ и вѣдать было не давано, отъ чего произошли великіе непорядки“. Такимъ образомъ, докладъ удостовѣряетъ, что, съ одной стороны, Кабинетъ возлагалъ на Сенатъ рядъ порученій и „затруднительныхъ запросовъ“, не давая въ то же время отвѣтовъ на „нужнѣйшіе“ доклады Сената, а съ другой, — „мимо Сената“, посылалъ въ разныя подчиненныя послѣднему мѣста свои указы, чѣмъ разстраивалъ тотъ порядокъ отношеній между этими мѣстами и Сенатомъ, какой былъ установленъ по закону. Но дѣло не ограничивалось и сказаннымъ: по словамъ доклада, „еще-же о разныхъ дѣлахъ,

---

замѣтить, во избѣжаніе недоразумѣній, что наша статья о Кабинетѣ министровъ и Пр. Сенатѣ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ была уже набрана для печати, когда намъ удалось отыскать въ Государственномъ Архивѣ вышеназванный докладъ, трактующій, между прочимъ, и о томъ вопросѣ, котораго мы касаемся въ нашей статьѣ; какъ мнѣніе современниковъ, этотъ замѣчательный докладъ (о которомъ мы подробно скажемъ въ другомъ мѣстѣ) заслуживаетъ большого вниманія, почему мы и приводимъ ниже изъ него наиболѣе важныя мѣста.

не давая Сенату знать, *чинены*, въ разныхъ мѣстахъ, *многія слѣдствія*, кои по окончаніи велѣно было изъ тѣхъ мѣстъ присылать *прямо въ Кабинетъ*, но какъ въ Кабинетъ бывали присыланы, тогда изъ онаго присыланы были для разсмотрѣнія въ Сенатъ, отчего въ сенатскихъ *настоящихъ* дѣлахъ (т. е. тѣхъ дѣлахъ, которыя долженъ былъ отправлять Сенатъ въ силу своей „должности" и другихъ узаконеній) многое помѣшательство и остановка произошла, ибо что было надлежало, разсмотря, рѣшить,—которой коллегіи все то,—по резолюціямъ Кабинетнымъ принуждено разсматривать въ Сенатѣ; что-жъ должно было *прежде* разсмотрѣно быть въ Сенатѣ..., то изъ коллегій и изъ прочихъ мѣстъ подавано было *прямо* въ Кабинетъ, гдѣ и апробовано бывало; и тако никакихъ непорядковъ нетокмо за всѣмъ государствомъ, но и за ближними коллегіями Сенату усмотрѣть невозможно, и чрезъ такое учрежденіе обѣихъ (sic) тѣхъ мѣстъ (яко то Верховнаго Совѣта, а потомъ *Кабинета)* не иное что, *но токмо дѣламъ продолженіе и бѣднымъ челобитчикамъ лишняя волокита послѣдовала*, ибо которыя дѣла (ежели-бъ Сенатъ былъ въ прежней своей власти) по разсмотрѣніи въ Сенатѣ тотчасъ, въ присутствіе Государево, рѣшены быть могли, оныя должно было изъ Сената съ экстрактами и мнѣніями подавать въ Верховный Совѣтъ, а потомъ въ Кабинетъ, гдѣ оныя *паки* вновь разсматривались... или ко изъясненію *паки* въ Сенатъ присыланы, или *прямо* въ Кабинетъ справки сбираны были и отъ того только *продолженіе*, а не иная польза была"... Если и нельзя вполнѣ согласиться съ мнѣніемъ доклада, что послѣ учрежденія Кабинета „послѣдовала бѣднымъ челобитчикамъ *лишняя волокита*", такъ какъ изъ другихъ данныхъ извѣстно, что самъ Сенатъ былъ весьма склоненъ къ промедленіямъ въ рѣшеніи „челобитчиковыхъ дѣлъ", а Кабинетъ очень энергично побуждалъ его рѣшать дѣла быстрѣе, то утвержденіе доклада, что коллегіи ускользали изъ-подъ сенатскаго контроля, благодаря пріемамъ дѣлопроизводства, принятымъ Кабинетомъ, и что Сенатъ былъ утруждаемъ производствомъ дѣлъ, начатыхъ Кабинетомъ „мимо Сената" и пр., представляется совершенно вѣрнымъ. Заслуживаетъ упоминанія и тотъ фактъ, что хотя императрицею и велѣно было Сенату „важныя дѣла слушать и мнѣнія свои *письменно* давать и съ тѣмъ посылать и разсужденія требовать отъ Кабинетъ-министровъ, почему Кабинетъ-министры нѣсколько разъ *обще* съ Сенатомъ и опредѣленія крѣпили", но,—по заключенію доклада,—„*онаго чинено зѣло мало*"... Въ общемъ, этотъ докладъ наглядно показываетъ, какую пута-

ницу въ отношенія между инстанціями вводилъ своими распоряженіями Кабинетъ министровъ, какъ непосильно было ему выполненіе той громадной задачи, какую онъ бралъ на себя по управленію и контролю надъ нимъ, и какъ, наконецъ, поневолѣ приходилось вновь обращаться къ Сенату, какъ единственному учрежденію, которое могло, худо или хорошо, разобраться въ этой путаницѣ и этой массѣ сложныхъ дѣлъ управленія. Докладъ этотъ, подтверждая въ цѣломъ тѣ выводы, къ которымъ пришли и мы выше, обращаетъ на себя вниманіе, какъ свидѣтельство самихъ современниковъ о вопросѣ. Современники живо чувствовали на самихъ себѣ всѣ невыгоды этихъ „помѣшательствъ и остановокъ“ въ дѣлахъ, а потому, естественно, и рѣзко ихъ осудили, требуя возстановленія Пр. Сената „на прежнихъ основаніяхъ, данныхъ“ Петромъ Великимъ.

Александръ Филипповъ,

дѣйствительный членъ
Московскаго Юридическаго Общества.

УЧЕНІЕ МАЛЬТУСА О НАРОДОНАСЕЛЕНІИ [1]).

„Смитъ написалъ книгу, которую всѣ хвалятъ, хотя никто не читаетъ; Мальтусъ же написалъ книгу, которую тоже никто не читаетъ, но всѣ бранятъ“ [2]). Отношеніе общества къ Мальтусу характеризуется, какъ нельзя лучше, этими мѣткими словами его біографа. Кто, въ самомъ дѣлѣ, изъ не-спеціалистовъ, читаетъ въ наше время „Опытъ о народонаселеніи“, и кто же между тѣмъ считаетъ себя недостаточно компетентнымъ, чтобъ обсуждать и осуждать мальтусово ученіе?.. Горько жалуясь на такую несправедливость, мальтузіанцы объясняютъ ее легкомысліемъ публики; было бы правильнѣе, однако, искать причину въ характерѣ и свойствахъ самого „Опыта“.

Что Мальтуса теперь *не читаютъ*,—это вполнѣ понятно. Полемика съ уже отжившими ученіями и критика отмѣненнаго нынѣ законодательства о бѣдныхъ дѣлаютъ „Опытъ о народонаселеніи“ объемистымъ, тяжеловѣснымъ трудомъ, многія части котораго представляютъ только историческій интересъ. Что же касается его общихъ, теоретическихъ главъ, то онѣ имѣютъ свои спеціальные недостатки: чрезмѣрная догматичность изложенія усугубляется въ нихъ весьма малою доказательностью. Объясняется это главнымъ образомъ тѣмъ, что при совершенной неразработанности всѣхъ общественныхъ знаній и въ частности при отсутствіи большого числа вѣрныхъ статистическихъ данныхъ, предпринятое Мальтусомъ въ 1797 г. изслѣдованіе не могло не отразить на себѣ вліянія такихъ, крайне неблагопріятныхъ условій. Въ концѣ XIX в. „Опытъ о народонаселеніи“ уже далекъ, конечно, отъ того, чтобъ быть на уровнѣ совре-

---

1) *Часть* настоящей статьи читана была въ качествѣ реферата въ засѣданіи Московскаго Юридическаго Общества 21 ноября 1895 г.

2) Bonar, Malthus and his Work, 1885, стр. 3.

меннаго знанія, но въ то же время, какъ это мы постараемся доказать всей нашей статьей, онъ все-таки больше соотвѣтствуетъ, чѣмъ противорѣчитъ нашей наукѣ. Уступая такимъ образомъ въ практическомъ значеніи новѣйшимъ статистическимъ трудамъ, сочиненіе Мальтуса не имѣетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и привлекательности очень рѣзкаго контраста съ ними, контраста, который обезпечиваетъ въ публикѣ иногда еще большій успѣхъ, нежели истинныя научныя заслуги.

Что Мальтуса *бранятъ*, это еще менѣе удивительно, чѣмъ то, что его не читаютъ. Знакомясь съ его ученіемъ въ той рѣзко односторонней формулировкѣ, которой самъ Мальтусъ ему не придавалъ, современный читатель не можетъ отнестись иначе, какъ отрицательно, и къ знаменитымъ прогрессіямъ, и къ „нравственному воздержанію", и къ страхамъ перенаселенія,—къ этимъ, какъ его увѣряютъ, тремъ китамъ мальтусова ученія. Прогрессіи отвергнуты наукой, перенаселеніе—оно не страшно, покуда возможны реформы въ области распредѣленія, покуда промышленность стонетъ отъ перепроизводства и недостатка потребителей; а „нравственное воздержаніе"?.. да кто же въ наше время, допуская даже полную неизбѣжность перенаселенія, кто же увѣруетъ въ спасительность такого, вполнѣ „индивидуалистическаго" лѣкарства противъ соціальнаго зла?...

Полное подтвержденіе и дальнѣйшую пищу для своего отрицательнаго отношенія къ Мальтусу читатель находитъ въ популярныхъ сочиненіяхъ по политической экономіи. Вотъ образецъ тѣхъ легкомысленныхъ оцѣнокъ, которыми сопровождается въ подобныхъ сочиненіяхъ стереотипное и одностороннее изложеніе первыхъ главъ „Опыта о народонаселеніи". „Трудно открыть, говоритъ Ингрэмъ [3]), въ чемъ заключается тотъ солидный вкладъ, который Мальтусъ сдѣлалъ въ нашу науку; не легко также опредѣленно указать, какія именно практическія правила (?), кромѣ уже извѣстныхъ, онъ выводилъ изъ своихъ теоретическихъ принциповъ". И нѣсколькими страницами далѣе: „провозглашенная съ такой претензіей, такъ наз. мальтусова теорія населенія, вмѣсто того, чтобъ быть великимъ открытіемъ, какъ многіе это утверждали, или вредоносною новостью, какъ склонны были смотрѣть другіе, является... формальнымъ (?) возвѣщеніемъ очевидныхъ, хотя на время и оставленныхъ безъ вниманія фактовъ".

---

[3]) Исторія политич. экономіи, пер. подъ редакціей проф. Янжула, 1891, стр. 147.

Но каково было бы удивленіе человѣка, знакомаго съ „Опытомъ“ лишь по его изложеніямъ да по суровымъ приговорамъ тѣхъ или иныхъ популяризаторовъ, если бы, обратившись къ капитальнымъ трудамъ по политической экономіи, онъ встрѣтилъ здѣсь благосклонные, а подчасъ и восторженные отзывы о мальтусовомъ ученіи. Прежде всего его поразило бы то обстоятельство, что послѣ выхода въ свѣтъ „Опыта о народонаселеніи“ выводы Мальтуса долгое время казались неоспоримыми наиболѣе выдающимся экономистамъ [4]) и были положены ими въ основу тѣхъ обобщеній, которыя принимаются и понынѣ большею частью изслѣдователей (теорія ренты Рикардо). Онъ удивился бы, далѣе, заявленію многихъ нѣмецкихъ ученыхъ (Моля, Рошера, Рюмелина, Ваппеуса и др.), что мальтусово ученіе является „прочнымъ достояніемъ“ современной науки, что, какъ выражается Конъ [5]), законъ народонаселенія, установленный Мальтусомъ,—„важнѣйшій и непоколебимѣйшій законъ политической экономіи“ и что, согласно А. Вагнеру [6]), „сущность ученія Мальтуса вполнѣ подтверждается всѣми новѣйшими данными“. И, наконецъ, онъ сталъ бы, вѣроятно, совершенно въ тупикъ передъ тѣмъ дифирамбомъ, который поетъ Мальтусу одинъ изъ лучшихъ историковъ экономической науки, Кауцъ, его самого называющій „великимъ мыслителемъ“, а его сочиненія „геніальными, глубокомысленными изслѣдованіями“ [7])..
Конечно, нашъ читатель не остался бы глухъ и къ отзывамъ иного свойства; онъ ознакомился бы съ ругательствами Дюринга, съ рѣзкой соціалистической критикой, съ опроверженіями французскихъ оптимистовъ и отдѣльными неблагопріятными для Мальтуса мнѣніями тѣхъ или иныхъ экономистовъ. Но несомнѣннымъ остался бы для него все же тотъ фактъ, что значительная, даже можетъ быть бо́льшая, часть экономистовъ принимаетъ ученіе Мальтуса о народонаселеніи, какъ истинное въ его существенныхъ чертахъ и какъ вполнѣ согласное съ современной наукой.

---

[4]) Милль (Основанія полит. экон., 1860 г., т. I, стр. 306) признаетъ ихъ „аксіомами“; Рикардо (Сочиненія, 1882 г., стр. 256) говоритъ, что „нападенія противниковъ на это великое произведеніе („Опытъ“) послужили только доказательствомъ его значенія“.

[5]) Ueber internationale Fabrikgesetzgebung въ „Jahrbücher für Nat. Oek. und St.“ Конрада, 3 В. 1881, стр. 365.

[6]) Lehr-u. Handbuch der Pol. Oek., Grundlagen, 2-r Halbband, 1893, 448—449, 453 и пр.

[7]) Die geschichtliche Entwickelung der National-Oekonomie und ihrer Literatur, 1860, 2 Abht., стр. 493—495.

Впрочемъ, помимо болѣе или менѣе благопріятныхъ мнѣній о Мальтусѣ отдѣльныхъ представителей экономической науки, вниманіе безпристрастнаго читателя долженъ привлечь уже самый фактъ оживленныхъ и несмолкающихъ контроверзъ, возбужденныхъ „Опытомъ о народонаселеніи". Литература о Мальтусѣ столь велика, что одинъ ея библіографическій указатель (а въ немъ, кстати сказать, чувствуется серьезная надобность) составилъ бы изрядный томъ, который по своимъ размѣрамъ не уступилъ бы самому „Опыту". И любопытно, что въ наше время интересъ къ Мальтусу не только не ослабѣваетъ, но еще, повидимому, растетъ. Такъ, за одинъ 1894 годъ можно насчитать три спеціальныхъ сочиненія [8]) (не говоримъ уже о сочиненіяхъ общаго свойства и о журнальныхъ статьяхъ), трактующихъ на трехъ различныхъ языкахъ о Мальтусѣ и выдвинутыхъ имъ проблемахъ. Косвенное отраженіе интересъ этотъ получилъ и у насъ въ Россіи, гдѣ только что появился (въ „библіотекѣ экономистовъ" г. Солдатенкова) новый, къ сожалѣнію, сокращенный и совершенно неудовлетворительный переводъ „Опыта" съ вступительной статьей о Мальтусѣ.

При такомъ особенномъ вниманіи къ ученію Мальтуса современной научной литературы, едва ли будетъ признана излишней настоящая попытка пересмотрѣть это ученіе въ связи съ тѣми данными, которыя принесли, съ одной стороны, разнородная критика „Опыта о народонаселеніи", съ другой—новѣйшее развитіе біологіи, статистики и политической экономіи... Задача автора этой статьи—возбудить въ читателяхъ нѣкоторый интересъ къ ученію Мальтуса, затемнямому и извращаемому какъ его противниками, такъ и его сторонниками, и хоть немного заполнить существующую пропасть между обыденнымъ презрительнымъ отношеніемъ къ „Опыту" и современною научною разработкою его основныхъ положеній.

I.

„По мнѣнію Мальтуса народонаселеніе увеличивается въ геометрической прогрессіи, тогда какъ средства продовольствія самое большее лишь въ ариѳметической" [9]). Такова ходячая

---

[8]) La Population, les causes de ses progrès et les obstacles qui en arrètent l'essor, par Edouard van der *Smissen*. Versuch einer Bevölkerungslehre ausgehend von einer Kritik des Malthus'schen Bevölkerungsprincips von D-r Frank *Fetter*. Francesco *Nitti*, La Popolazione e il sistema sociale (послѣднее сочиненіе появилось тотчасъ же и въ англійскомъ переводѣ).

[9]) Отто Элерсъ, „Популярная политич. экономія", 1895, стр. 12.

формулировка популяціонистическаго ученія Мальтуса. Формулировка эта, несмотря на свою общепринятость, покоится на двухъ существенныхъ недоразумѣніяхъ: выдвигая впередъ столь пресловутыя прогрессіи, она, во-первыхъ, оставляетъ въ тѣни то, что составляетъ именно самую сущность ученія, и во-вторыхъ, даже этимъ прогрессіямъ даетъ, съ точки зрѣнія Мальтуса, совершенно невѣрное выраженіе. Попробуемъ въ самыхъ краткихъ чертахъ возстановить сущность ученія, развитію и доказательству котораго посвященъ „Опытъ о народонаселеніи".

Многими писателями, говоритъ Мальтусъ, былъ уже констатированъ фактъ поразительно быстрой размножаемости всѣхъ растительныхъ и животныхъ породъ. „Еслибы, замѣтилъ еще Франклинъ, земная поверхность была свободна отъ другихъ растеній, одной породы, напр., укропа, было бы достаточно, чтобы постепенно обсѣменить и покрыть ее зеленью; а еслибы земля не имѣла другихъ обитателей, одна нація, напр., англичанъ, могла бы совершенно заселить ее въ нѣсколько вѣковъ" [10]). Сдерживается такая чрезмѣрная плодовитость единственно только недостаткомъ мѣста и пищи или еще, среди людей, боязнью предъ наступленіемъ этого недостатка. Препятствія, сдерживающія размноженіе людей, настолько сильны и всеобщи, что въ чистомъ видѣ воспроизводительной способности человѣка никогда не приходится наблюдать. Замѣчено только, что тамъ, гдѣ задерживающія препятствія менѣе сильны, народонаселеніе растетъ быстрѣе и можетъ, какъ это видно на примѣрѣ Соединенныхъ Штатовъ, удвоиваться каждыя 25 лѣтъ. Однако земля, дающая человѣчеству пропитаніе, имѣетъ свои предѣлы. Когда всѣ плодородные участки заняты и обработываются, техническія усовершенствованія, по мнѣнію Мальтуса, не могутъ съ той же быстротой увеличивать плодородіе почвы, съ какой народонаселеніе стремится къ дальнѣйшему размноженію. „Каждому, замѣчаетъ Мальтусъ, кто хоть немного знакомъ съ агрономіей, хорошо извѣстно, что по мѣрѣ расширенія обработки, ежегодное возрастаніе производительности земли постепенно и правильно уменьшается" [11]). Но даже оставляя въ сторонѣ это соображеніе и принимая возможный приростъ продовольствія за постоянную и неизмѣнную величину, и то все-таки, по словамъ Мальтуса, развитіе техники не можетъ

---

[10]) An Essay on the principle of Population, 1890 (Reprinted from the last edition revised by the author), стр. 2.

[11]) Essay, стр. 6.

увеличивать запасовъ продовольствія больше, какъ *на опредѣленное количество*, въ то время, какъ населеніе будетъ расти, умножаясь *въ извѣстное число разъ*.

Если всему этому разсужденію придать математическую форму и выразить двумя отдѣльными рядами цифръ физіологически возможный приростъ населенія и потенціальный приростъ земледѣльческихъ продуктовъ, мы будемъ имѣть въ первомъ случаѣ геометрическую прогрессію: 1:2:4:8:16:32:64:128:256; во второмъ—прогрессію ариѳметическую: 1,2,3,4,5,6,7,8,9...

Сопоставленіе послѣднихъ цифръ двухъ приведенныхъ рядовъ обнаруживаетъ всю рѣзкость того конфликта, къ которому приходитъ человѣчество въ результатѣ неограниченнаго размноженія. Но отсюда же видно, что послѣднее возможно лишь въ отвлеченіи, а не въ жизни. Размноженіе должно остановиться задолго до того, когда $^{9}/_{10}$ людей окажутся безъ пищи. Дѣйствительный ростъ населенія никогда не соотвѣтствуетъ физіологически возможному, а потому и выражающая послѣдній геометрическая прогрессія имѣетъ лишь совершенно гипотетическое значеніе. Но если такимъ образомъ ростъ населенія встрѣчаетъ и не можетъ не встрѣчать постоянныхъ препятствій, любопытно опредѣлить, въ какихъ именно формахъ недостаточность продовольствія обнаруживаетъ свое задерживающее вліяніе на размноженіе. Мальтусъ перечисляетъ цѣлый рядъ неблагопріятныхъ для увеличенія народонаселенія факторовъ, классифицируя ихъ на двѣ группы препятствій *разрушительныхъ* (положительныхъ тожъ) и *предупредительныхъ*. Къ первымъ имъ причисляются „всѣ вредныя для здоровья занятія, тяжелый трудъ, вліяніе дурного времени года, крайняя бѣдность, даваемое дѣтямъ дурное воспитаніе, жизнь въ большихъ городахъ, излишества всякаго рода, повальныя болѣзни, эпидеміи, войны, чума и голодъ“ [12]); вторыя сводятся къ добровольному воздержанію отъ дѣторожденія, воздержанію, которое Мальтусъ называетъ *нравственнымъ* (moral restraint), если только оно не сопровождается развратомъ.

При полной невозможности для человѣка долгое время оставаться безъ пищи и при той силѣ, съ которой постоянно проявляютъ свое дѣйствіе только что перечисленныя разрушительныя препятствія, стремленіе человѣчества къ размноженію даетъ себя знать въ *избыточности рожденій*, приводящей естественнымъ образомъ къ *усиленной смертности*. Большая или

---

[12]) Op. cit., стр. 9.

меньшая заселенность, большее или меньшее богатство данной страны дѣлаютъ болѣе или менѣе рѣзкимъ конфликтъ между спросомъ и предложеніемъ продуктовъ первой необходимости, конфликтъ, который при преобладаніи перваго (спроса) называется *перенаселеніемъ*, а при преобладаніи второго (предложенія)—*перепроизводствомъ* [13]). Особенная сила воспроизводительной способности человѣка дѣлаетъ то, что именно по отношенію къ предметамъ первой необходимости перепроизводство *почти невозможно*; въ лучшемъ случаѣ замѣчается только полное соотвѣтствіе между наличнымъ населеніемъ и наличными запасами пищи, но и это соотвѣтствіе даетъ тотчасъ же такой толчекъ размноженію, что равновѣсіе нарушается и замѣняется перенаселеніемъ.

Всѣ эти разсужденія приводятъ Мальтуса къ выводамъ, которые онъ формулируетъ въ слѣдующихъ трехъ положеніяхъ, представляющихъ собою теоретическое резюме первыхъ двухъ главъ его „Опыта“.

1. Народонаселеніе строго ограничено средствами существованія.

2. Народонаселеніе всегда увеличивается, когда увеличиваются средства существованія, если только оно не будетъ остановлено какой-нибудь могущественной встрѣчной причиной. (Случаи, когда населеніе не достигаетъ уровня средствъ къ существованію, Мальтусъ признаетъ совершенно исключительными).

3. Всѣ препятствія, которыя, ограничивая силу размноженія, держатъ населеніе на уровнѣ средствъ существованія, сводятся въ концѣ концовъ къ нравственному воздержанію, пороку и несчастіямъ [14]).

Читатель видитъ, что въ этой формулировкѣ, которую самъ Мальтусъ даетъ своему ученію, о пресловутыхъ прогрессіяхъ даже не упомянуто. Чѣмъ это объясняется? Единственно только тѣмъ, что въ глазахъ самого Мальтуса „прогрессіи“ не имѣли никакого *принципіальнаго* значенія. Придавая математическую

---

13) Въ своей „Политич. экономіи“ (Principles of political economy, 1820) Мальтусъ выражаетъ увѣренность, что общее перепроизводство товаровъ возможно и объясняетъ имъ промышленные кризисы. Объ его теоріи кризисовъ см. новѣйшее сочиненіе *Бергмана* (Bergmann) „Geschichte der Nationalökonomischen Krisentheorien“ (Stuttgart, 1895), стр. 138 и слѣд., „Промышленные кризисы въ современной Англіи“ г. Туганъ-Барановскаго, 1894, стр. 387 и сл., и *нашу* статью „Экономическіе взгляды Мальтуса“, „Журналъ Юрид. Общества“, 1895, № 6, стр. 87 и сл.

14) Op. cit., стр. 14.

форму своимъ разсужденіямъ, Мальтусъ воспользовался прогрессіями лишь для большой наглядности. Въ его намѣренія не входило утверждать, что населеніе стремится размножаться именно по приведенной имъ геометрической прогрессіи, въ то время какъ средства пропитанія въ своемъ приростѣ придерживаются, самое большее, прогрессіи ариѳметической. Для Мальтуса важна была лишь общая, отмѣченная имъ тенденція населенія размножаться быстрѣе, чѣмъ увеличивается продовольствіе, а доктринерская претензія на математически точное выраженіе этой тенденціи была ему совершенно чужда.

Что, утверждая это, мы ничего не прибавляемъ отъ себя и и слѣдуемъ лишь указаніямъ самого Мальтуса, въ этомъ не трудно убѣдиться. Тотчасъ же вслѣдъ за приведенными выше тезисами мы читаемъ: „первое изъ этихъ положеній едва ли нуждается въ комментаріяхъ. Два другія будутъ достаточно подкрѣплены обзоромъ тѣхъ препятствій, которыя народонаселеніе встрѣчало въ древности и встрѣчаетъ при современномъ состояніи общества; этому обзору посвящены слѣдующія главы“. Итакъ, второй и третій тезисы обосновываются Мальтусомъ (въ достаточной ли степени, вопросъ другой) на фактахъ дѣйствительной жизни. А какъ обстоитъ дѣло съ прогрессіями? Въ одномъ изъ примѣчаній [15]) ко второму изданію своего „Опыта“ Мальтусъ сообщаетъ по этому поводу слѣдующее: „говорятъ, что я написалъ большой томъ in 4° для доказательства той мысли, что народонаселеніе размножается въ геометрической прогрессіи, а продовольствіе возрастаетъ въ ариѳметической. *Это невѣрно.* Одно изъ этихъ двухъ положеній стало для меня очевиднымъ, какъ только была обнаружена степень возрастанія населенія въ Америкѣ, второе же, какъ только оно было формулировано. Главная цѣль моего сочиненія состояла въ изученіи *слѣдствій* и *вліянія* на человѣческое общество этихъ законовъ, которые я разсматривалъ, какъ доказанные на первыхъ страницахъ“. Мы изложили выше первыя страницы „Опыта“, и читатель изъ нашего изложенія могъ убѣдиться, что никакихъ доказательствъ тамъ нѣтъ и въ поминѣ. Въ первыхъ главахъ прогрессіи формулируются, но не доказываются, въ дальнѣйшемъ изложеніи о нихъ упоминается нѣсколько разъ, но уже какъ о чемъ то доказанномъ; это проистекаетъ изъ своеобразнаго къ нимъ отношенія самого Мальтуса. Прогрессія ариѳметическая кажется ему на столько очевидной, что онъ не нахо-

---

15) Op. cit., Appendix, стр. 552.

дитъ нужнымъ подкрѣплять ее какими бы то ни было доказательствами. Прогрессію геометрическую онъ иллюстрируетъ примѣромъ Соединенныхъ Штатовъ, а въ сущности выводитъ изъ слѣдующаго простого соображенія: если отъ одного брака, разсуждаетъ Мальтусъ, рождается въ среднемъ по четыре ребенка и затѣмъ половина ихъ погибаетъ, выжившіе же въ свою очередь обзаводятся семьями, ясно, что населеніе должно расти подобно цифрамъ 1:2:4:8:16 и т. д. Это прямой логическій выводъ изъ всѣмъ извѣстнаго факта; онъ не нуждается въ *доказательствахъ* и потому Мальтусъ ограничивается только однимъ *примѣромъ*—Соединенныхъ Штатовъ. Оказывается такимъ образомъ, что знаменитыя „прогрессіи", къ которымъ обыкновенно сводятъ все ученіе Мальтуса, въ его собственныхъ глазахъ были своего рода трюизмомъ, не требующимъ доказательствъ и имѣющимъ лишь совершенно побочное значеніе.

Чтобы покончить съ ошибочной, но общепринятой формулировкой ученія Мальтуса, намъ остается замѣтить, что ею извращаются даже тѣ самыя прогрессіи, которымъ приписывается такая преобладающая, исключительная роль. Сказать просто: „населеніе растетъ въ геометрической, а продовольствіе въ ариѳметической прогрессіи"—значитъ въ сущности ничего не сказать. Самъ Мальтусъ выражается гораздо опредѣленнѣе. Вотъ, какъ онъ формулируетъ свою прогрессію размноженія: „можно утверждать, говоритъ онъ [16]), что если населеніе въ своемъ ростѣ не встрѣчаетъ препятствій, оно удвоивается каждые 25 лѣтъ *или* растетъ въ геометрической прогрессіи"; что же касается прогрессіи ариѳметической, то тутъ, при томъ же 25-лѣтнемъ періодѣ, вмѣсто постояннаго удвоенія предполагается постоянное присовокупленіе количества, равнаго первому члену, т. е. данному количеству продовольствія. Выраженныя въ этихъ терминахъ (даются знаменатель, разность и срокъ), прогрессіи получаютъ математическую точность, допускающую сравненіе, того же нельзя сказать о расплывчатой вульгарной формулировкѣ, отнимающей отъ прогрессій рѣшительно всякую опредѣленность.

Не менѣе важнымъ заблужденіемъ надо считать и то, что геометрическую прогрессію принимаютъ часто за выраженіе *дѣйствительнаго* роста населенія, несмотря на многочисленныя оговорки Мальтуса, желавшаго выразить такимъ образомъ только одну *возможность*, чистую абстракцію. „Населеніе, го-

[16]) Op. cit., стр. 4.

воритъ Мальтусъ, строго ограничено средствами существованія", слѣдовательно оно никакъ не можетъ расти быстрѣе послѣднихъ, хотя и имѣетъ такую тенденцію. Не вникнувъ въ эту, совершенно понятную, мысль, критики въ родѣ Поля Леруа-Больё думаютъ уничтожить Мальтуса простою ссылкою на одинаковую заселенность земли въ настоящее время и въ древности [17]) (что, впрочемъ, подлежитъ еще очень большому сомнѣнію). А между тѣмъ проведенное Мальтусомъ разграниченіе между дѣйствительнымъ и возможнымъ приростомъ населенія само по себѣ въ высшей степени плодотворно, и современная наука охотно пользуется имъ въ различныхъ цѣляхъ (между прочимъ, и для опроверженія геометрической прогрессіи Мальтуса).

Результатъ, достигаемый сведеніемъ всего Мальтусова ученія къ однѣмъ прогрессіямъ, заключается въ той особенности легкости, съ которой это ученіе можетъ быть тогда опровергнуто. „Наука" доказала ошибочность прогрессій: населеніе удваивается не такъ быстро, а средства существованія не такъ медленно, какъ это предполагаетъ Мальтусъ, значитъ, и вызванный имъ призракъ перенаселенія не долженъ насъ страшить. Такъ просто и легко отдѣлывается большинство критиковъ „Опыта". Но это именно та простота, которая, по русской пословицѣ, хуже воровства. Съ отстраненіемъ Мальтусовыхъ прогрессій, дѣйствительно не подтверждаемыхъ современной статистикой, заключающаяся въ нихъ мысль еще не можетъ почитаться опровергнутой. Что народонаселеніе, размножаясь, не только не встрѣчаетъ, но и не можетъ встрѣтить задержки въ недостаткѣ предметовъ первой необходимости,—это еще нужно доказать критикамъ Мальтуса. Что съ развитіемъ земледѣлія доходъ отъ земли неукоснительно падаетъ и каждый новый капиталъ, прилагаемый къ тому же участку, приноситъ относительно меньшую прибыль, чѣмъ принесъ предъидущій,—это еще имъ надо опровергнуть.

Присоединивъ заключенную въ прогрессіяхъ мысль къ тремъ выставленнымъ самимъ Мальтусомъ тезисамъ, мы такимъ образомъ исчерпаемъ все то, что, составляя сущность „Опыта о

[17]) Leroy-Beaulieu, Précis d'économie politique, 1891, c. 340. Впервые это замѣчаніе сдѣлано было Годвиномъ, см. Recherches sur la population et sur la faculté d'accroissement de l'espèce humaine, contenant une refutation des doctrines de m-r Malthus sur cette matrière, par W. Godwin, traduit par Constancio, 1821. V. 2, p. 467: „il ne parait pas, que la population générale du globe se soit augmentée depuis l'époque la plus reculée". Разъясненіе этого недоразумѣнія см. въ книгѣ Феттера, Versuch einer Bevölkerungslehre ausgehend von einer Kritik des Malthus'schen Bevölkerungsprincips, 1894, стр. 6—12

народонаселенія", оспаривается или принимается въ настоящее время подъ именемъ Мальтусова ученія. О прогрессіяхъ и о построенныхъ только на нихъ возраженіяхъ мы можемъ на время совершенно забыть [18]) такъ, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые ученые, выдѣляющіе и принимающіе сущность ученія Мальтуса, напр., Адольфъ Вагнеръ. Такъ же свободно можемъ мы игнорировать и всѣ тѣ, къ сожалѣнію, весьма многочисленныя возраженія, которыя дѣлаются не противъ *настоящаго* ученія Мальтуса, какъ оно нами изложено на предъидущихъ страницахъ, а противъ ученія *воображаемаго*, придуманнаго самими критиками и иногда идущаго въ разрѣзъ съ самыми недвусмысленными положеніями „Опыта".

На возраженіяхъ послѣдняго рода стòитъ остановиться лишь для курьеза. Одного образчика достаточно, чтобъ показать, какъ побѣдоносно сражаются иные критики съ продуктами собственнаго воображенія. Вотъ, напр., что мы читаемъ въ книгѣ Дюринга „Курсъ національной и соціальной экономіи со включеніемъ наставленія къ изученію и критикѣ теоріи народнаго хозяйства и соціализма" [19]); „Воззрѣніе Мальтуса... принадлежитъ нынѣ исторіи и не можетъ уже претендовать на значительное мѣсто въ сочиненіи, стоящемъ на уровнѣ современной науки (т. е. въ сочиненіи самого Дюринга!). Очевидно, что населеніе есть величина, которая уже по чисто математическимъ (?) основаніямъ *не можетъ возрастать безгранично*". Такъ Дюрингъ одной фразой уничтожаетъ Мальтуса, того самаго Мальтуса, который, какъ намъ извѣстно, утверждалъ что „народонаселеніе въ своемъ возрастаніи строго *ограничено*" и проч.

Возраженія, которыя устраняются простою ссылкою на такую то страницу „Опыта", не могутъ насъ занимать дольше. Намъ слѣдуетъ теперь обратиться къ тѣмъ доводамъ pro и contra, которые имѣютъ въ виду дѣйствительное, а не мнимое Мальтусово ученіе и притомъ основныя положенія этого ученія, а не его внѣшнюю форму. Путемъ разбора такихъ возраженій мы надѣемся выяснить, насколько ученіе Мальтуса должно быть

---

[18]) Читатель поэтому не долженъ удивляться, не найдя у насъ ничего, касающагося знаменитыхъ возраженій Чернышевскаго. Сдѣлавши больше кого бы то ни было для опроверженія построенныхъ на прогрессіяхъ выводовъ, Чернышевскій въ то же время не только не оспаривалъ, но прямо принималъ слѣд. два основныхъ положенія Мальтуса: зависимость размноженія отъ увеличенія продовольствія и законъ уменьшенія доходности земли. Милль, Осн. пол. эк., 1860 г., т. I, приложенія, стр. 409, 422.

[19]) Русскій. Переводъ, С.-Петербургъ, 1893, с. 110.

признано къ нашему времени опровергнутымъ, и въ какой степени, напротивъ, съ нимъ еще приходится считаться современной наукѣ.

II.

Мальтусовъ „Опытъ о народонаселеніи" въ своемъ первоначальномъ видѣ служилъ отвѣтомъ на „Опытъ о скупости и расточительности" Годвина. Послѣдній, въ свою очередь, отвѣтилъ на него обширнымъ сочиненіемъ подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „On populution; an enquiry concerning the power of increase in the numbers of mankind", 1820. Шагъ за шагомъ слѣдя за своимъ противникомъ, Годвинъ старается здѣсь подорвать всѣ выводы Мальтуса, какъ построенные на ложномъ, по его мнѣнію, основаніи и какъ противорѣчащіе нравственности, здравому смыслу и всеблагому Провидѣнію. Написанная въ приподнятомъ тонѣ и крайне витіевато, полная ламентацій, укоровъ, а подчасъ прямо брани, книга Годвина вызвала со стороны Мальтуса лишь слѣдующій краткій, но выразительный отвѣтъ: „съ тѣхъ поръ, какъ появилось послѣднее изданіе этого труда (т. е. „Опыта о народонаселеніи"), гласитъ приписка 1825 года, вышелъ отвѣтъ г. Годвина; однако его характеръ, и въ отношеніи формы, и въ отношеніи содержанія, таковъ, что, какъ я совершенно увѣренъ, всякій серьезный и честный изслѣдователь истины признаетъ его, вмѣстѣ со мною, не заслуживающимъ никакихъ возраженій. Возвращать назадъ всю оскорбительную декламацію Годвина было бы столь же неубѣдительно для читателей, сколько и непріятно для меня; а спорить серьезно съ человѣкомъ, который отвергаетъ самые очевидные и лучше всего засвидѣтельствованные факты касательно развитія (населенія?) Америки, Ирландіи, Англіи и другихъ государствъ и выдвигаетъ съ своей стороны Швецію, одну изъ безплоднѣйшихъ странъ Европы, какъ образчикъ того, чѣмъ можетъ быть естественный приростъ населенія при величайшемъ изобиліи пищи, очевидно, совершенно безполезно, какъ для него самого, такъ и для его читателей, которые съумѣютъ разобраться въ истинѣ". И только: одно презрительное пожиманіе плечами въ отвѣтъ на кропотливое и обстоятельное изслѣдованіе. Нельзя сказать, чтобы Мальтусъ былъ правъ, относясь такимъ образомъ къ труду Годвина, при всѣхъ его внѣшнихъ недостаткахъ заключающему въ себѣ немало серьезныхъ, во всякомъ случаѣ заслуживающихъ нѣкотораго вниманія, замѣ-

чаній. Для насъ эта книга имѣетъ особенно важное значеніе, потому что, сознательно или безсознательно, позднѣйшіе противники Мальтуса черпали изъ нея бо́льшую часть своихъ возраженій. Ознакомившись съ полемикой Годвина [20]), мы съ большею легкостью разберемся въ многообразной критикѣ, которой подвергался „Опытъ“ со стороны столь многочисленныхъ и столь различныхъ его теоретическихъ противниковъ.

Въ приведенной нами выше замѣткѣ Мальтусъ горячо протестуетъ противъ вычисленій Годвина, который на примѣрѣ Швеціи старался доказать, что населеніе не растетъ съ быстротою, приписываемой ему въ „Опытѣ“. Несправедливый къ своему противнику вообще, Мальтусъ неправъ и въ этомъ частномъ случаѣ. Швеція для Годвина отнюдь не служила примѣромъ того, чѣмъ можетъ быть естественный приростъ населенія при изобиліи пищи; сопоставляя данныя шведскихъ переписей, онъ надѣялся вычислить не естественный, а *дѣйствительный* приростъ населенія, и полученные имъ этимъ путемъ выводы безспорно имѣли тогда свою цѣну. Приростъ *возможный* Годвинъ опредѣлялъ совсѣмъ иными и въ общемъ, надо признать, совершенно правильными вычисленіями. На основаніи скудныхъ по тому времени данныхъ о половомъ и возрастномъ составѣ населенія, онъ старался опредѣлить, какой процентъ всего населенія составляютъ взрослыя, способныя къ браку женщины, затѣмъ по таблицамъ рожденій онъ устанавливалъ число дѣтей, приходящихся въ среднемъ на одну семью и тому под., чтобы въ концѣ концовъ придти къ тому выводу, что геометрическая прогрессія Мальтуса преувеличиваетъ быстроту возможнаго прироста. Изъ такихъ, опирающихся на факты, возраженій авторъ „Опыта о народонаселеніи“, еслибы онъ справедливѣе отнесся къ своему аппоненту, могъ бы, несомнѣнно, извлечь себѣ нѣкоторую пользу [21]). Но намъ, интересующимся преимущественно принципіальными возраженіями противъ са-

---

[20]) Въ виду невозможности получить англійскій подлинникъ труда Годвина, составляющій теперь большую библіографическую рѣдкость, мы пользовались его французскимъ переводомъ (полное заглавіе котораго приведено выше).

[21]) Годвиномъ, между прочимъ, указана была впервые ошибка, которую сдѣлалъ Мальтусъ, оставивъ безъ вниманія вліяніе иммиграціи на ростъ населенія въ Америкѣ. Самъ Годвинъ, впрочемъ, относительно Америки поддерживалъ заразъ нѣсколько взаимно исключающихъ положеній: и то, что, если приростъ населенія такъ великъ, приростъ продовольствія еще больше (т. I, стр. 357), чего не отрицалъ и Мальтусъ, и то, что быстрота этого роста зависитъ *исключительно* отъ иммиграціи (т. II, стр. 197), и то, наконецъ, что большого прироста населенія въ Америкѣ вовсе не замѣчается (т. II, ibid).

мыхъ основъ Мальтусова ученія, намъ нечего дѣлать съ поправками, обнаруживающими неточность или даже ошибочность прогрессій. Посмотримъ лучше, какъ оспаривается Годвиномъ выраженная въ прогрессіяхъ мысль о постоянномъ стремленіи населенія превысить средства существованія.

„Общепризнанная истина, говоритъ Годвинъ (т. II, стр. 8), что всякое человѣческое существо одарено отъ природы способностью производить гораздо больше пищи, чѣмъ сколько ему самому нужно для пропитанія". Мысли этой Годвинъ ничѣмъ не доказываетъ, не подтверждаетъ фактами, онъ на нее просто ссылается, какъ на вполнѣ очевидную и общепризнанную истину. Неубѣдительность такого довода на столько очевидна, что остается только удивляться, какъ могъ онъ отъ Годвина перейдти и къ позднѣйшимъ писателямъ, воспроизводящимъ его и до сихъ поръ въ той же рѣшительной, но голословной формѣ. Серьезнѣе выглядитъ на первый взглядъ другое возраженіе Годвина. „Поскольку животныя служатъ пищею человѣку, читаемъ мы въ первомъ томѣ (стр. 556) его трактата, ихъ размноженіе должно подчиняться тому же закону, какъ и ростъ человѣческаго населенія. Если гдѣ-либо замѣчается геометрическая прогрессія, то это, разумѣется, въ растительномъ царствѣ по отношенію къ продуктамъ земли". То же самое, но еще рѣшительнѣе, утверждалъ позднѣе и Сисмонди. „Разсуждая абстрактно, говорилъ онъ [22]), мы должны признать, что размноженіе растеній слѣдуетъ гораздо болѣе быстрой геометрической прогрессіи, чѣмъ размноженіе животныхъ, а послѣднее гораздо болѣе быстро, чѣмъ размноженіе людей".

Однако, поскольку здѣсь дѣло идетъ о растеніяхъ, какъ растеніяхъ, и о животныхъ, какъ животныхъ, въ сущности то же самое говорилъ Мальтусъ, нисколько не отрицавшій ихъ быстраго размноженія (ср. первыя страницы его „Опыта"). Вопросъ нѣсколько измѣнится въ томъ случаѣ, если мы начнемъ смотрѣть на растенія и животныхъ, какъ на *пищу* людей. Ихъ размноженіе тогда уже нельзя разсматривать, какъ сколько-нибудь свободное и безпрепятственное, ибо оно постоянно прерывается потребленіемъ человѣка [23]). Но въ такомъ случаѣ, протестуетъ Годвинъ, а за нимъ и многіе современные критики

---

[22]) Nouveaux principes d'Economie Politique ou de la Richesse dans ses raports avec la Population, 1827, т. I, стр. 271.

[23]) См. Roscher, Systeme der Volkswirtschaft, I B. 5 Buch, § 242. Ср. также Kautsky, Der Einfluss der Volksvermehrung auf den Fortschritt der Gesellschaft, 1880, стр. 106.

(напр., Феттеръ) [24]) нельзя сравнивать тенденцію, *возможный* приростъ населенія, съ дѣйствительнымъ приростомъ продуктовъ первой необходимости: вѣдь не *возможность* геометрической прогрессіи опредѣляется данною быстротою увеличенія продуктовъ, ясно, что поэтому между ними и нѣтъ соотвѣтствія. Но Мальтусъ ничего иного не говоритъ. Половое стремленіе, не сдерживаемое предусмотрительностью, приводитъ, по его словамъ, къ количеству рожденій, превышающему наличные запасы пищи; равновѣсія между рожденіями и продовольствіемъ нѣтъ, но есть искусственное равновѣсіе между наличнымъ населеніемъ и даннымъ количествомъ продовольствія. Населенію, размножающемуся по его собственнымъ законамъ, приходится, слѣдовательно, въ дальнѣйшемъ существованіи, имѣть дѣло съ дѣйствительнымъ приростомъ продовольствія, оттого это послѣднее и позволительно сравнивать съ возможнымъ размноженіемъ людей для опредѣленія того ихъ количества, которое падаетъ жертвою перенаселенія.

Отвергнувъ сначала, какъ мы сейчасъ видѣли, не только наличность, но и самую возможность перенаселенія, Годвинъ тотчасъ же, съ свойственнымъ ему умѣніемъ отстаивать прямо противоположныя утвержденія, начинаетъ доказывать, что замѣчаемый теперь недостатокъ въ продуктахъ первой необходимости ничего фатальнаго въ себѣ не заключаетъ и въ будущемъ никакими опасностями не грозитъ. Недостатокъ этотъ, наличность котораго сначала имъ отрицалась, а теперь признается, обусловленъ, по мнѣнію Годвина, несовершенствомъ техники и существующимъ характеромъ распредѣленіи. Тутъ же [25]), нѣсколько неожиданно, онъ формулируетъ, не заботясь о доказательствахъ, слѣдующій общій *законъ*: „способность людей къ размноженію не превышаетъ способности къ постояннымъ усовершенствованіямъ, которыя человѣческій умъ будетъ постоянно вносить въ дѣло изготовленія предметовъ потребленія“. Съ другой стороны, „земля подѣлена между людьми не такъ, какъ бы это слѣдовало... Пока существуетъ современное ея раздѣленіе, недостаточности продуктовъ нельзя приписывать вліянія на ростъ населенія“ [26]). Къ сожалѣнію, послѣдняго своего замѣчанія, которому, какъ мы увидимъ ниже, суждено сдѣлаться специфически-соціалистическимъ возраженіемъ противъ мальтусова ученія, Годвинъ, одинъ изъ первыхъ соціалистовъ, почти

---

[24]) Versuch einer Bevölkerungslehre etc., стр. 23—24.

[25]) Recherches etc., т. II, стр. 468.

[26]) Op. cit., т. II, стр. 237.

не развиваетъ. Зато онъ предается пространнымъ разсужденіямъ (т. I, стр. 218) о томъ, что было бы, если бы правительства, „выполняя свято свои обязанности, вошли во взаимное соглашеніе и разселили народы по земной поверхности вполнѣ раціонально, наполнивъ безлюдныя, но плодородныя страны“...

Положительные выводы, которые дѣлаетъ Годвинъ изъ своей полемики съ Мальтусомъ, заключаются въ томъ, что человѣчеству нѣтъ никакого основанія бояться перенаселенія, что воздержаніе отъ брака, ненужное въ указанныхъ Мальтусомъ цѣляхъ, безнравственно и нежелательно (исключеніе онъ дѣлаетъ лишь для „развратниковъ“ и „геніальныхъ людей“!), а что желательны *реформы* какъ въ области распредѣленія, такъ и въ области управленія.

Мы познакомились со всѣми теоретическими возраженіями Годвина противъ Мальтуса и могли убѣдиться, что въ сущности они ни мало не опровергаютъ ученія послѣдняго. Неудовлетворительность полемики Годвина заключается, съ одной стороны, въ бездоказательности выставленныхъ имъ тезисовъ, съ другой—въ ихъ полнѣйшей несогласованности между собой. Критикуя „Опытъ о народонаселеніи“ съ самыхъ различныхъ точекъ зрѣнія и поддерживая при этомъ разнообразныя, взаимно исключающія положенія, Годвинъ производитъ впечатлѣніе человѣка, не имѣющаго своего собственнаго твердаго мнѣнія о предметѣ и только задавшагося цѣлью, во что бы то ни стало, сокрушить своего противника. Послѣдняго, впрочемъ, онъ не достигъ, и авторитетъ Мальтуса, пользовавшагося въ то время въ Англіи огромной популярностью, нисколько не былъ умаленъ этой полемикою. Однако доводы Годвина остались все же неопровергнутыми ни самимъ Мальтусомъ, ни его ближайшими послѣдователями; неудивительно, что ими, этими доводами, начинаютъ пользоваться другіе критики „Опыта“. Полемика Годвина теперь, такъ сказать, *расчленяется*: различныя его возраженія воспринимаются различными писателями, стремящимися ихъ обосновать и развить дальше. Такъ возникаютъ, въ полномъ соотвѣтствіи съ троякимъ характеромъ возраженій Годвина, три рода критики „Опыта“.

A. Критика, отвергающая какъ наличность, такъ и возможность перенаселенія.

B. Критика, дающая особое объясненіе фактамъ перенаселенія

и C. Критика, допускающая наличность перенаселенія, но считающая возможнымъ такъ или иначе устранить его въ будущемъ.

Разсмотримъ вкратцѣ всѣ соотвѣтствующія этимъ тремъ установленнымъ нами рубрикамъ возраженія [27]).

А. Мальтусомъ, какъ извѣстно, вопросъ о населеніи былъ впервые поставленъ или, вѣрнѣе, впервые былъ формулированъ въ опредѣленныхъ выраженіяхъ и обставленъ извѣстнымъ количествомъ доказательствъ (предшественниковъ Мальтуса въ этомъ отношеніи мы здѣсь не находимъ нужнымъ касаться). До него среди экономистовъ (исключеніе составляли физіократы [28])) и государственныхъ людей господствовало убѣжденіе, что народонаселеніе никогда не можетъ быть слишкомъ велико. „Такъ какъ въ странѣ не можетъ быть черезчуръ много жителей, говорилъ Юсти, то нужно заботиться прежде всего о томъ, чтобы по возможности усиливать ростъ населенія". И государственные люди того времени дѣйствительно заботились объ этомъ, награждая особыми преміями или освобождая отъ нѣкоторыхъ повинностей отцовъ многочисленныхъ семей, снисходительно относясь къ незаконнымъ рожденіямъ и поощряя иммиграцію. Откуда же проистекала эта вѣра въ полную благодѣтельность многочисленнаго населенія? Человѣка тогда разсматривали съ точки зрѣнія тѣхъ выгодъ, которыя онъ могъ принести государству, и разсуждали такъ: чѣмъ больше людей, тѣмъ больше ремесленниковъ и торговцевъ, тѣмъ, значитъ, государство *богаче*. Чѣмъ больше людей, тѣмъ больше солдатъ и, слѣдовательно, тѣмъ государство *сильнѣе*. Ни одно положеніе государственной науки не казалось въ XVIII в. столь прочно

---

[27]) Иныя классификаціи этихъ возраженій см. въ книгѣ Джемса Бонара, стр. 394 и сл., и въ обстоятельной статьѣ Эльстера; Bevölkerungslehre u. Bevölkerungspolitik (Handwörterbuch der Staatswissensch., т. II, стр. 502).

[28]) Насколько близко подходили эти послѣдніе къ основнымъ положеніямъ Мальтуса, видно изъ слѣдующихъ словъ *Кенэ* и *Летрона*: „Partout, où la population jouit d'une vie paisible, elle s'accroit ordinairement au-delà du produit du territoire (Analyse du tableau économique, стр. 59 по изд. Гильомэна). „Qu'on soit moins attentif à l'augmentation de la population qu'à l'accroissement des revenus" (Maximes, XXVI). „La population... se proportionne toujours aux moyens de subsistance, quoiqu'elle les excède plutôt qu'elle ne reste au-dessous" (Le-Trône, De l'intérêt, social, стр. 897). Но что этотъ теоретическій взглядъ не исключалъ еще у физіократовъ и взгляда прямо противоположнаго, видно изъ слѣд. заявленія того же Кенэ: „L'augmentation des revenus augmente la population et *la population augmente les revenus*" (Grains, стр. 205). Ср. также Maximes du doct. Quesnay, 391. Это обстоятельство, а также полная бездоказательность популяціонистическихъ положеній физіократовъ и были, вѣроятно, причинами того, что соотвѣтственная часть ихъ ученія оказала наименьшее вліяніе на современниковъ, если не считать вліянія, испытаннаго Мальтусомъ.

установленнымъ, какъ это. Сомнѣнія въ возможности для населенія добыть себѣ необходимое пропитаніе почти не возбуждались; наоборотъ, господствовало убѣжденіе, что населеніе, „согласно *естественному* порядку вещей, размножается менѣе быстро, чѣмъ увеличивается производство" (Turgot, Septième lettre sur la liberté du commerce des grains [29]).

Великая, неумирающая заслуга Мальтуса, по словамъ Вагнера [30]), заключается въ томъ, что онъ выступилъ противникомъ оптимистическаго взгляда въ вопросѣ населенія и указалъ на зависимость послѣдняго отъ наличнаго количества и возможнаго умноженія предметовъ потребленія. Сочиненіе Мальтуса однимъ ударомъ повергло въ прахъ оптимистическую вѣру XVIII вѣка; благодаря ему, то̀, что казалось до тѣхъ поръ несомнѣннымъ, сдѣлалось устарѣлымъ предразсудкомъ, а то, что приняли бы раньше за парадоксъ, теперь признавали за аксіому. Однако, несмотря на поразительную рѣзкость происшедшаго въ общественномъ мнѣніи переворота, не всѣхъ, разумѣется, „Опытъ" Мальтуса убѣдилъ въ одинаковой мѣрѣ. Оптимизмъ слишкомъ свойственъ людямъ, чтобъ отъ него такъ легко могли отдѣлаться и въ вопросѣ о населеніи. Такимъ образомъ, первое изъ приведенныхъ нами возраженій Годвина и всѣ подобныя возраженія Бастіа, Кэри и другихъ „гармонистовъ" являются въ сущности простымъ *переживаніемъ* нѣкогда господствовавшаго убѣжденія. Самой исторіей теперь уже осуждена оптимистическая вѣра въ способность человѣка производить всегда, при всякихъ условіяхъ, больше, чѣмъ онъ потребляетъ, а между тѣмъ и до сихъ поръ встрѣчаются такіе противники Мальтуса, которые ограничиваются повтореніемъ этого положенія, не трудясь даже подыскать для него какихъ-либо доказательствъ [31]).

Самъ Мальтусъ, поставивъ вопросъ на вполнѣ опредѣленную почву, какъ бы указалъ своимъ критикамъ, въ какомъ направленіи можно оспаривать его выводъ. Однако, формулированный имъ и развитый Миллемъ законъ уменьшенія доход-

[29]) „La plus grande quantité de salaires offerts et l'aisance du peuple augmentent la population: mais cette augmentation est, suivant l'ordre de la nature, bien moins prompte que celle des productions". Oeuvres de Turgot, Guillaumin, 1844, т. I, p. 221. Физіократъ по своимъ убѣжденіямъ и симпатіямъ, Тюрго такимъ образомъ, отдавая дань господствовавшему въ его время взгляду, отдалялся отъ мнѣній нѣкоторыхъ изъ своихъ единомышленниковъ (ср. приведенныя выше слова Летрона).

[30]) Lehr-und-Handbuch, стр. 453.

[31]) См. „La population" par Edourd van der Smissen, стр. 8 и многія другія мѣста этого обширнаго, но мало содержательнаго труда.

ности земли съ развитіемъ культуры—не встрѣтилъ со стороны „оптимистовъ“ никакихъ фактическихъ опроверженій и нынѣ большинствомъ экономистовъ принимается, какъ несомнѣнный. Возраженіемъ противъ него едва ли можно считать ссылку Джорджа (Progress and Poverty) на законъ сохраненія энергіи, не допускающій будто бы нарушенія равновѣсія между производствомъ и потребленіемъ.

Человѣкъ, въ сущности, говоритъ Джорджъ, [32]), ничего не производитъ и ничего не потребляетъ; количество силъ, заключенныхъ во вселенной, не уменьшается и не увеличивается, оно остается всегда равнымъ себѣ. Отсюда Генри Джорджъ находитъ возможнымъ заключить и къ неистощимости необходимаго для человѣка продовольствія [33]). Подобный логическій скачекъ, однако, ничѣмъ не можетъ быть оправданъ: неистощимость силъ природы (какъ ее понимаетъ Джорджъ) еще не дѣлаетъ невозможнымъ неравномѣрное ихъ распредѣленіе между общею массой питательныхъ веществъ и населеніемъ земного шара. Вѣдь, если $S=a+b$, то оно будетъ равно и $(a-d)+(b+d)$. Иными словами: неуничтожаемость матеріи и силы ничего не говоритъ о характерѣ ихъ воплощенія въ тѣ или иныя формы и нисколько не предрѣшаетъ того отношенія, которое установится между этими формами [34]). Образцомъ поразительной смѣлости Джорджа, не останавливавшагося для опроверженія Мальтуса ни предъ какими, самыми рискованными, утвержденіями, можетъ служить его попытка оспорить существованіе прироста населенія вообще. Исходя изъ того соображенія [35]), что каждый человѣкъ, имѣетъ ли онъ дѣтей или нѣтъ, во всякомъ случаѣ имѣетъ двоихъ родителей, изъ коихъ каждый можетъ также

[32]) Progrès et pauvreté, traduit par Le Monnier, 1887, p. 126.

[33]) Самъ Джорджъ, впрочемъ, дѣлаетъ уступку Мальтусову ученію, признавая, что размноженіе людей можетъ встрѣтить препятствіе въ *ограниченности пространства*. Только эта опасность кажется ему „очень отдаленной“. Въ остальныхъ своихъ возраженіяхъ Джорджъ повторяетъ обычные доводы оптимистовъ.

[34]) Подобно Джорджу, но проще его, разсуждалъ Леру (см. Die Stellung der Socialisten zur Malthus'schen Bevölkerungslehre, von H. Soetbeer, стр. 23), полагавшій, что своимъ удобреніемъ человѣкъ въ достаточной мѣрѣ обезпечиваетъ себѣ пропитаніе. Къ сожалѣнію, тутъ упускалось изъ виду то обстоятельство, что не удобреніе предшествуетъ принятію пищи, а какъ разъ наоборотъ, ѣда—удобренію, и что поэтому тѣ, для кого, по картинному выраженію Мальтуса, „за великимъ пиршествомъ природы не оказалось прибора“, не могутъ себѣ обезпечить дальнѣйшаго пропитанія даже и указаннымъ Леру способомъ.

[35]) Progrès et pauvreté, стр. 105—106.

назвать отца и мать, Джорджъ видитъ въ этомъ какъ бы обратную геометрическую грогрессію, наибольшій членъ которой скрывается во мракѣ древности... Увы. всякая критика теряетъ свою силу, когда читатель начинаетъ безпокоиться за умственныя способности самого критика...

Болѣе умѣреннымъ, но не болѣе основательнымъ оптимизмомъ отличаются взгляды писателей, признающихъ, что единичными усиліями человѣкъ производитъ не всегда столько, сколько онъ потребляетъ, но полагающихъ, что выгоды сотрудничества обращаютъ это отношеніе въ его пользу. Впервые такой доводъ противъ Мальтуса былъ выставленъ Прудономъ, формулировавшимъ свой „законъ" такимъ образомъ: если населеніе увеличивается, слѣдуя прогрессіи 1 : 2 : 4 : 8 и т. д., то производительная сила людей, благодаря развитію коопераціи, растетъ, какъ квадраты этихъ чиселъ: 1 : 4 : 16 : 64... [36]). Подобный же взглядъ развивался и Дюрингомъ. Заявивши сначала, что размноженіе народонаселенія есть увеличеніе производительныхъ силъ, онъ, съ своей стороны, выставляетъ слѣдующій „законъ": „потребности, если только онѣ не расширяются произвольно (?!), по мѣрѣ увеличенія производства, возрастаютъ лишь пропорціонально числу людей, тогда какъ силы послѣднихъ гораздо больше, чѣмъ пропорціонально". Вообще, по мнѣнію Дюринга, „человѣкъ гораздо больше зависитъ отъ самаго себя и отъ устройства сотрудничества, нежели отъ природы" [37]).

Не трудно замѣтить, какъ шатки всѣ эти возраженія. Не говоря уже о полной произвольности всякихъ „законовъ", пре-

[36]) По справедливости названное „системой противорѣчій" (Système des contradictions économiques ou philosophie de la misère), сочиненіе Прудона, кромѣ вышеприведеннаго „спроверженія" мальтусова закона (стр. 367, изд. 1872 г.), содержитъ въ себѣ полное признаніе какъ сущности ученія Мальтуса, такъ и его прогрессій. Вотъ характерныя признанія: „La production et la population sont l'une à l'autre effet et cause" (217). „La misère existe, c'est à dire que la subsistance est insuffisante, et le nombre des bouches à nourrir *trop grand* (!). Cela est incompréhensible, mais enfin cela est. Ce que nous venons d'ajouter *n'en est que le commentaire*" (323). „Accroissement de la population, selon une progression géometrique; augmentation des subsistances, selon une progression arithmétique: ce théorème est *aussi bien* demontré que tous ceux d'algèbre" (325). Признавъ такимъ образомъ наличность и неизбѣжность абсолютнаго перенаселенія, Прудонъ ищетъ далѣе какого-то „равновѣсія между населеніемъ и земнымъ шаромъ" (347) и находитъ его въ указанномъ выше „законѣ". Все это сопровождается невыносимой и безсодержательной декламаціей.

[37]) „Курсъ", русскій переводъ, стр. 94, 95 и 100.

тендующихъ втиснуть въ опредѣленныя рамки не поддающійся никакому учету прогрессъ сотрудничества, самая ссылка на него столь же мало говоритъ противъ Мальтуса, какъ и ссылка Годвина на прогрессъ техники. Роли сотрудничества и техники Мальтусъ не отвергаетъ (хотя и умоляетъ ихъ значеніе), тѣмъ не менѣе, при его постановкѣ всего вопроса, когда ограниченіемъ для размноженія людей принимается не ихъ безсиліе, но ограниченность питательныхъ веществъ въ самой природѣ, никакого *рѣшающаго* значенія роль эта имѣть не можетъ. Намъ думается также, что ближе къ истинѣ былъ Мальтусъ, который, вопреки Дюрингу, полагалъ, что „человѣкъ зависитъ меньше отъ себя, чѣмъ отъ природы".

В. Своей теоріей перенаселенія Мальтусъ, выражаясь его словами, надѣялся объяснить „бо̀льшую часть пороковъ и несчастій и то неравномѣрное распредѣленіе даровъ природы, исправить которое было во всѣ времена заботою просвѣщенныхъ филантроповъ" [38]). Однако, въ приложеніи своей теоріи къ явленіямъ дѣйствительной жизни Мальтусъ былъ менѣе счастливъ, чѣмъ въ чисто научномъ анализѣ различныхъ факторовъ, вліяющихъ на размноженіе людей. Оно и неудивительно: отдѣльное явленіе не всегда легко привести въ непосредственную связь съ дѣйствіемъ общихъ причинъ, затемняемыхъ вліяніемъ многихъ побочныхъ условій. Мальтусъ между тѣмъ охотно игнорировалъ всякаго рода второстепенные факторы, чтобы выдвигать слишкомъ часто на первый планъ неограниченное и непосредственное воздѣйствіе основной и единственной, по его мнѣнію, причины—перенаселенія. Уже Годвинъ, какъ мы видѣли, справедливо указывалъ на невозможность, при объясненіи существующей бѣдности, оставлять безъ вниманія такой могущественный факторъ, какимъ является современное распредѣленіе земельной собственности. Сисмонди это указаніе развилъ съ большою полнотой. „Никогда, говоритъ онъ [39]), населеніе не достигаетъ и никогда, вѣроятно, не достигнетъ предѣловъ возможнаго увеличенія пищи: тѣ, за кѣмъ законъ признаетъ монополію землевладѣнія, не имѣютъ выгоды въ томъ, чтобы извлекать изъ нея все возможное количество продовольствія. Повсюду земельные собственники противились и должны были противиться такой системы обработки, которая имѣла бы исключительной цѣлью увеличеніе продуктовъ, а не

---

[38]) Essay, стр. 2.

[39]) Nouveaux Principes ets., II, стр. 269.

ихъ барышей. Задолго до тѣхъ поръ, когда ростъ населенія столкнется съ неспособностью земли производить больше пищи, онъ остановится отъ отсутствія средствъ *пріобрѣсти* себѣ продовольствіе или возможность его заработать“. До сихъ поръ Сисмонди не говоритъ ничего, чего не было бы извѣстно и Мальтусу [40]). Но Сисмонди идетъ дальше: онъ отвергаетъ всякое вліяніе абсолютнаго перенаселенія на положеніе современнаго рабочаго, онъ его объясняетъ цѣликомъ неудовлетворительностью общественной организаціи, при которой „рабочіе будутъ умирать съ голоду близъ полей, возвращающихся, за отсутствіемъ обработки, къ первобытному состоянію“. „Аристократія, возражаетъ Мальтусу Сисмонди (стр. 174), обладаетъ повсюду достаточнымъ продовольствіемъ; она бы должна поэтому размножиться настолько, что ея потомки впали бы въ крайнюю бѣдность. На дѣлѣ происходитъ обратное“. Причина та, что „немногія семьи“ обращаютъ всегда въ свою пользу достояніе цѣлаго народа. Не сочувствуя искусственнымъ мѣрамъ покровительства размноженію, нашъ авторъ не сочувствуетъ и предложенной Мальтусомъ мѣрѣ—прекратить оффиціальную помощь бѣднякамъ. „Лекарство, говоритъ онъ, надо искать подальше. Надо уничтожить не классъ бѣдняковъ, а классъ поденщиковъ, сдѣлавъ ихъ собственниками“ [41]). При всемъ этомъ, Сисмонди присоединяется къ опасеніямъ Мальтуса относительно возможнаго (но представляющагося ему весьма отдаленнымъ) перенаселенія.

Убѣжденіе Сисмонди, что бѣдствія рабочаго класса обусловливаются современнымъ экономическимъ строемъ и что абсолютное перенаселеніе здѣсь не при чемъ, раздѣляется и современными соціалистами. Но только они идутъ дальше Сисмонди, и притомъ въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, соціалисты не ограничиваются ссылкой на земельныя отношенія, но анализируютъ также, и даже преимущественно, явленія промышленной жизни и, во-вторыхъ, они (или, вѣрнѣе, многіе изъ нихъ) не раздѣляютъ опасеній Сисмонди относительно черезчуръ

---

[40]) См. Essay III, ch. X, и въ особенности заключительныя слова: „существуетъ граница, которой капиталъ и населеніе, возрастая, должны достигнуть, но которой они не могутъ преступить; *эта граница, благодаря частной собственности*, еще весьма *удалена отъ крайняго предѣла* производительной силы земли“.

[41]) Ce n'est pas la classe des pauvres, c'est la classe des jaurnaliers qu'il faut faire disparaitre, qu'il faut faire rentrer dans celle des propriétaires“. Op. cit. 308 стр.

быстраго размноженія людей и отрицаютъ совершенно такъ назыв. мальтусовъ законъ населенія. „Каждому исторически-особенному способу производства, говоритъ Марксъ въ своемъ „Капиталѣ“ [42]), соотвѣтствуетъ свой собственный законъ возрастанія населенія, имѣющій только историческое значеніе. Абстрактный и неизмѣнный законъ размноженія существуетъ лишь для растеній и животныхъ“. А специфически-капиталистическій законъ населенія, по Марксу, состоитъ въ томъ, что, способствуя накопленію капитала и притомъ капитала постояннаго за счетъ оборотнаго, рабочіе, такимъ образомъ, сами вытѣсняютъ себя изъ производства и создаютъ резервную армію безработныхъ или явленіе, именуемое имъ *относительнымъ перенаселеніемъ*. Послѣднее, въ глазахъ Маркса, не имѣетъ никакой связи съ перенаселеніемъ абсолютнымъ и совершенно не зависитъ отъ того, съ какою быстротою размножается человѣчество. Даже больше: для человѣчества не существуетъ вовсе такого общаго закона размноженія, какъ для растительнаго и животнаго міра, гдѣ происходитъ постоянная борьба за существованіе исключительно только въ силу чрезмѣрной плодовитости породъ.

Нельзя сказать, чтобы это отрицаніе приложимости къ человѣческому обществу закона Мальтуса опиралось у Маркса на какія бы то ни было доказательства; въ сущности, оно совершенно голословно и, хотя и находится въ тѣсной связи съ его общимъ соціологическимъ міросозерцаніемъ, тѣмъ не менѣе не является вполнѣ обязательнымъ логическимъ выводомъ изъ него. Въ послѣднемъ мы убѣждаемся лучше всего на томъ фактѣ, что нѣкоторые ученики Маркса, напр., Каутскій, принимающій все его экономическое и соціологическое ученіе цѣликомъ, расходятся со своимъ учителемъ въ этомъ спеціальномъ пунктѣ и признаютъ справедливость установленнаго Мальтусомъ закона. Ниже мы займемся разсмотрѣніемъ этого закона по существу; здѣсь же будетъ достаточно замѣтить, что отрицать его — значитъ отрицать приложимость къ человѣческому обществу ученія Дарвина о борьбѣ за существованіе, значитъ отнимать главную опору у эволюціонной доктрины, значитъ отказываться отъ всѣхъ послѣднихъ пріобрѣтеній въ области соціологіи. Всѣмъ этимъ не слѣдовало бы смущаться въ виду серьезныхъ доводовъ, но все это служитъ нѣкоторымъ противовѣсомъ противъ одного голословнаго заявленія автора „Капи-

---

[42]) Traduction de m-r Roy, т. I, стр. 78—79.

тала". Взглядъ Ланге и Адольфа Вагнера [43]), разсматривающихъ специфическій законъ населенія въ капиталистически организованномъ обществѣ только какъ частный, своеобразно измѣненный случай общаго закона природы, кажется намъ болѣе основательнымъ и справедливымъ.

Основательность соціалистической критики [44]) ограничивается, такимъ образомъ, въ высшей степени важнымъ указаніемъ на существованіе въ современномъ обществѣ перенаселенія, обусловленнаго не общими законами природы, но специфическими особенностями капиталистической формы. Этого Мальтусъ совершенно не понималъ (ибо его разсужденія о значеніи частной собственности не привели его къ такому ясному выводу), а это служитъ важнымъ коррективомъ къ практической части его ученія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ и въ соціалистической критикѣ мы не находимъ опроверженій (а со стороны нѣкоторыхъ соціалистовъ—Марло, Каутскаго и др.—встрѣчаемъ даже прямое признаніе) того, заключеннаго въ прогрессіяхъ, обобщенія Мальтуса, согласно которому населеніе имѣетъ постоянную тенденцію размноженія быстрѣе средствъ къ существованію.

С. Намъ остается сказать лишь нѣсколько словъ о той критикѣ „Опыта", которая, допуская возможность и даже наличность перенаселенія, вѣритъ въ то же время, что въ будущемъ, при помощи разнообразныхъ мѣръ, человѣчеству удастся избавиться отъ его опасностей. Къ этой категоріи критиковъ относятся прежде всего нѣкоторые изъ соціалистовъ, утверждавшіе, что организованное на соціалистическихъ началахъ общество дастъ импульсъ къ распространенію въ населеніи привычекъ къ самообузданію (т. е. мальтусова moral restraint). Такъ въ общемъ, съ нѣкоторыми различіями въ подробностяхъ, думали Томсонъ, Фурье, Луи Бланъ и Марло [45]).

---

[43]) „Рабочій вопросъ" русскій пер. г. Блока, гл. V. Lehr-und-Handbuch стр. 460—461.

[44]) Аналогичные съ Марксомъ взгляды высказывались Энгельсомъ (см. статью Эльстера, стр. 504), въ новѣйшее же время Шиппелемъ: Das moderne Elend u. die moderne Uebervölkerung, 1889, и Бебелемъ: Die Frau und der Socialismus. Neueste Anflage, 1895.

[45]) Томсонъ и Марло признавали возможнымъ, чтобы государство, организованное по ихъ планамъ, строго регулировало размноженіе; Фурье видѣлъ гарантію противъ перенаселенія въ привлекательности труда, прогрессѣ кулинарнаго искусства, укрѣпленіи женскаго организма и большей свободѣ половыхъ отношеній; все это явится въ результатѣ устройства фаланстеровъ. Луи Бланъ разсчитывалъ на упроченіе положенія рабочаго и на его большую предусмотрительность вслѣдствіе этого. Томсонъ, Марло и Луи-Бланъ открыто

Тѣ же разсчеты на сокращеніе размноженія въ будущемъ, хотя и по другимъ причинамъ, питали Грэхамъ, Вейландъ и Сеніоръ, представители чистаго оптимизма [46]). Къ этой категоріи критиковъ надо отнести тѣхъ писателей, которые возлагаютъ надежды на установленіе равновѣсія путемъ увеличенія средствъ пропитанія. Здѣсь надо прежде всего назвать Оуэна, по мнѣнію котораго „Мальтусъ правъ, утверждая, что населеніе постоянно приноравливается къ количеству пищи, производимой для его существованія; напрасно только, возражаетъ Оуэнъ, онъ не упоминаетъ, насколько болѣе пропитанія добудетъ разумный и трудолюбивый народъ отъ даннаго количества почвы сравнительно съ невѣжественнымъ и худо управляемымъ народомъ. Это такое же отношеніе, какъ отношеніе единицы къ безконечности“ [47]). Къ аналогичному выводу пришелъ Ф. Листъ, ожидавшій многаго отъ дальнѣйшаго развитія техники и агрономіи. Сюда же, наконецъ, надо отнести и тѣхъ ученыхъ, которые, подобно Талльквисту и Левассёру, усиленное размноженіе ставятъ въ зависимость отъ бѣдности и утверждаютъ, что съ увеличеніемъ богатства населеніе будетъ увеличиваться все медленнѣе и медленнѣе; такимъ образомъ, будто бы человѣчество и избѣгнетъ всѣхъ бѣдствій перенаселенія. По существу взглядъ этотъ будетъ разсмотрѣнъ нами въ одной изъ слѣдующихъ главъ. Онъ, во всякомъ случаѣ, не помѣшаетъ намъ придти къ тому заключенію, что всѣ писатели этой категоріи ничуть не отвергаютъ и не оспариваютъ истинности Мальтусова ученія, они только возстаютъ противъ того пессимизма, съ которымъ Мальтусъ смотритъ на будущее, и съ своей стороны указываютъ на существованіе различныхъ коррективовъ, которые, съ теченіемъ времени, могутъ смягчить или парализовать дѣйствіе нынѣ ничѣмъ не сдерживаемаго размноженія. Ясно, что о какомъ-нибудь опроверженіи Мальтуса въ этомъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи.

III.

Мы разсмотрѣли вкратцѣ троякую критику „Опыта“, критику, имѣющую своимъ родоначальникомъ Годвина, и выводъ

признавали справедливость Мальтусова закона въ примѣненіи къ современному обществу. См. Soetbeer, op. cit., соотвѣтствующіе §§.

[46]) См. цитированную статью Эльстера, стр. 508—509.

[47]) Объ образованіи характера. Новый взглядъ на общество. Русскій переводъ, 1893, стр. 109. Зётберъ (op. cit. стр. 21) ошибочно утверждаетъ, что Оуэнъ никогда не касался вопроса о населеніи.

нашъ таковъ: ученіе Мальтуса, въ томъ единственномъ пунктѣ, въ которомъ оно до сихъ поръ только и разсматривалось, т. е. въ отношеніи къ указанной Мальтусомъ тенденціи населенія, опровергнутой почитаться не можетъ, но мы еще пока ни словомъ не упомянули о самой важной критикѣ „Опыта", той, которую именуютъ *научной* и которой приписывается заслуга окончательнаго опроверженія всего ученія Мальтуса. Мы разумѣемъ критику біологическую, первымъ представителемъ которой является Дöбельдэ (Doubleday), дальнѣйшимъ, самымъ горячимъ и шумнымъ представителемъ—Кэри (Carey) и, наконецъ, самымъ ученымъ и авторитетнымъ—Гербертъ Спенсеръ. Соотвѣтственно тому рѣшающему значенію, которое придается біологической критикѣ, мы ей удѣлимъ въ нашемъ очеркѣ особенно много мѣста и вниманія.

Въ своемъ „Истинномъ законѣ населенія" („True law of population shewn to be connected with the food of the people", 1840 г.). Дöбельдэ утверждаетъ, что всякая животная порода дѣлаетъ тѣмъ большее усиліе къ самоподдержанію путемъ размноженія, чѣмъ бóльшая опасность грозитъ ей въ видѣ недостаточнаго питанія. „Обильное питаніе, говоритъ онъ, задерживаетъ размноженіе, тогда какъ ограниченное или недостаточное усиливаетъ его". На черезчуръ сильно удобренной почвѣ, поясняетъ Дöбельдэ свою мысль примѣрами, растенія часто не приносятъ плодовъ, точно также и откормленныя на убой животныя перестаютъ плодиться. Тѣ же разсужденія прилагаются имъ къ человѣку. Хуже всего питающійся классъ, рабочихъ, всего сильнѣе и размножается, напротивъ, аристократія, не чувствующая недостатка въ предметахъ первой необходимости, подчасъ даже вымираетъ, благодаря недостаточности своего естественнаго прироста. Отсюда нашъ критикъ почерпаетъ вѣру, противопоставляемую имъ пессимистическимъ предвидѣніямъ Мальтуса, что въ будущемъ, когда питаніе человѣка, и притомъ всѣхъ классовъ людей, значительно улучшится, генезисъ или размноженіе значительно сократится, и перенаселеніе не будетъ имѣть мѣста.

Наиболѣе вѣскую критику изоженныхъ нами біологическихъ соображеній находимъ мы у Спенсера. „По мнѣнію Дöбельдэ, такъ передаетъ его ученіе авторъ „Основаній біологіи" [48]), каковъ бы ни былъ размѣръ естественной способности къ размноженію въ данномъ видѣ, плеторичное состояніе всегда задер-

---

[48]) Русскій переводъ подъ редакціей А. Герда. 1870 г., т. II, стр. 377.

живаетъ, а деплеторичное—неизмѣнно развиваетъ его". Прежде всего, возражаетъ Спенсеръ, надо провести границу между нормальнымъ и ненормальнымъ полносочіемъ, ибо „одно свидѣтельствуетъ о конституціонномъ богатствѣ, другое — о конституціонной бѣдности". „*Нормальное* полносочіе есть то, при которомъ имѣется достаточное количество матеріаловъ какъ для построенія тканей, такъ и для развитія силы. И это-то полносочіе, какъ мы нашли (соотвѣтственныя доказательства Спенсера см. ниже), сопровождается необыкновенною плодовитостью. *Ненормальное* же полносочіе, которое, какъ это справедливо замѣчено, сопровождается безплодіемъ, есть излишество развивающихъ силу матеріаловъ, соединенное либо съ положительною, либо съ относительною недостаточностью тканеобразовательныхъ матеріаловъ" (ibid., 357). Примѣры Дёбельдэ относятся, очевидно, къ этому второму роду ненормальнаго полносочія и ничего не говорятъ противъ усиливающаго генезисъ вліянія полносочія здороваго, нормальнаго. Не удовольствовавшись этимъ вѣскимъ указаніемъ на коренное заблужденіе Дёбельдэ, Спенсеръ показываетъ въ другомъ мѣстѣ (стр. 377), къ какому абсурду приводитъ насъ эта доктрина [49]). „По его (Дёбельдэ) гипотезѣ, необычайная плодовитость, зависящая отъ деплеторичности, вызываетъ большое увеличеніе населенія. Но если послѣдующее поколѣніе болѣе многочисленно вслѣдствіе того, что количество пищи осталось тѣмъ же или, вѣрнѣе, уменьшилось, такъ какъ конкурренція на нее стала больше, то это послѣдующее поколѣніе будетъ въ еще болѣе деплеторичномъ состояніи и станетъ еще болѣе плодовито. Такимъ образомъ, скорость размноженія будетъ все увеличиваться, а количество пищи все уменьшаться, пока видъ не исчезнетъ. Съ другой стороны, положимъ, что представители вида находятся въ необыкновенно плеторичномъ состояніи. Скорость ихъ размноженія, при обыкновенныхъ условіяхъ достаточная, чтобы сохранить ту же численность, окажется недостаточной для сохраненія той же численности. Такимъ образомъ, въ слѣдующемъ поколѣніи явится меньше потребителей и безъ того уже обильной пищи, а ставши относительно еще болѣе обильною, она усилитъ плеторичное состояніе уменьшившихся въ числѣ представителей вида и сдѣлаетъ ихъ еще менѣе плодовитыми, чѣмъ

[49]) Лишь незнакомствомъ съ излагаемой полемикой можно объяснить утвержденіе Нитти, будто Дёбельдэ провидѣлъ (intravvista) ту самую біологическую доктрину, которую ясно формулировалъ Спенсеръ. См. La populazione e il sistema sociale, 1894, стр. 175.

ихъ родители. Такъ что съ повтореніемъ этихъ дѣйствій и воздѣйствій видъ долженъ вымереть отъ безусловнаго безплодія". Во всѣхъ случаяхъ, слѣдовательно, человѣчество, по ученію Дёбельдэ, оказывается обреченнымъ на неизбѣжное вымираніе. Таковъ нелѣпый и далеко не оптимистическій выводъ изъ выставленныхъ имъ противъ Мальтуса біологическихъ соображеній [50]).

Нѣсколько иную біологическую критику находимъ мы въ сочиненіи Кэри: Principles of Social Science, 1858—1860 (преимущественно въ гл. III, XLVI и слѣд.). Горячій поклонникъ „гармоніи", Кэри видитъ ее повсюду,—въ природѣ, въ экономическихъ отношеніяхъ и въ общественной жизни людей. Гармонію же усматриваетъ онъ и въ различныхъ способностяхъ, которыми надѣлено каждое животное. Замѣчательно, говоритъ Кэри, что чѣмъ ниже животное по характеру своей умственной дѣятельности и развитію нервной ткани, тѣмъ оно плодовитѣе. Существуетъ порода термитовъ, королева которыхъ несетъ въ одинъ день до 80 тыс. яицъ, и ее еще превосходитъ рунная гусеница, ежедневная плодовитость которой опредѣляется 8-ю милліонами яицъ. Но чѣмъ выше мы подымаемся по лѣстницѣ, составленной въ порядкѣ большей сложности и бо̀льшого развитія животныхъ породъ, тѣмъ болѣе ограниченный генезисъ приходится намъ наблюдать, и завершается эта лѣстница наименѣе плодовитымъ, а слѣдовательно, по Кэри, и наиболѣе интеллигентнымъ, обладающимъ самой развитой нервной тканью животнымъ—слономъ. Всѣ эти наблюденія приводятъ Кэри къ убѣжденію, что существуетъ общій законъ жизни, который онъ формулируетъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „степень плодовитости измѣняется въ обратномъ отношеніи съ развитіемъ нервной системы, такъ что животное, съ болѣе широкимъ умомъ (with larger brain) наименѣе, а животныя, отличающіяся наименьшимъ умомъ, всегда болѣе плодовиты. Способность самоподдержанія и способность размноженія, находясь между собой

---

[50]) Странно, что Милль, при своемъ мальтузіанствѣ, признавалъ за ними извѣстную силу. „Безспорно, говоритъ онъ (Основанія пол. эк., рус. пер., I т., стр. 307), что положительный излишекъ питанія и у животныхъ, и у фруктовыхъ деревьевъ, неблагопріятенъ воспроизведенію. И очень можетъ быть (хотя еще вовсе не доказано), что физіологическія условія плодородія имѣютъ высочайшую силу тогда, когда количество пищи нѣсколько недостаточно". Г. Бибикову кажется страннымъ, напротивъ, то, что Милль не до конца соглашается съ теоріей Дёбельдэ, „въ пользу которой, по его мнѣнію (Вступ. статья къ русскому перев. „Опыта", стр. 71), стоитъ такое огромное число *полновѣсныхъ* фактовъ".

въ антогонизмѣ, стремятся тѣмъ не менѣе къ установленію равновѣсія“ [51]). Это и служитъ основаніемъ для увѣренности, что съ развитіемъ человѣка все слабѣе становится его воспроизводительная способность, все менѣе вѣроятными поэтому тѣ опасности, которыя предрекалъ Мальтусъ.

Такъ какъ доктрина Кэри, при своей меньшей доказательности, отличается однакоже значительнымъ сходствомъ съ ученіемъ Спенсера, то мы и находимъ болѣе удобнымъ обратиться сначала къ доказательствамъ послѣдняго, чтобы тѣмъ съ бо́льшимъ основаніемъ судить, въ какой мѣрѣ положенія Спенсера-Кэри опровергаютъ популяціонистическое ученіе Мальтуса. Спеціально относительно Кэри замѣтимъ, что, нападая на Мальтуса съ величайшимъ негодованіемъ за его „клевету противъ мудрой природы“, онъ вынужденъ былъ ради цѣльности своей доктрины поддерживать сомнительное превосходство умственныхъ способностей слона надъ человѣкомъ. Мы ниже увидимъ, что этотъ несчастный слонъ плохо укладывается и въ рамки спенсеровскаго ученія, къ которому мы, наконецъ, и обратимся.

Подобно Кэри, Спенсеръ выдвигаетъ на первый планъ равновѣсіе или гармонію силъ природы. Разница, впрочемъ, та, что для перваго гармонія въ природѣ имѣла своимъ непосредственнымъ отраженіемъ гармонію въ интересахъ владѣльцевъ и арендаторовъ, капиталистовъ и рабочихъ, плантаторовъ и рабовъ, тогда какъ для второго гармонія эта не представлялась въ столь публицистической оболочкѣ. „Съ высшей точки зрѣнія, говоритъ Спенсеръ въ „Основныхъ началахъ“ (§ 172), всѣ земныя измѣненія суть частные случаи космическаго равновѣсія“. То, что имѣетъ мѣсто во всемъ мірѣ, какъ цѣломъ, наблюдается и въ отдѣльныхъ организмахъ, силы которыхъ находятся также въ равновѣсіи, конечно, менѣе устойчивомъ, но столь же необходимомъ для продолженія жизни даннаго организма. Индивидуація, поддержаніе индивидуальной жизни (черезъ интеграцію) враждебна генезису (дезинтеграціи). Для соблюденія равновѣсія силъ въ организмѣ, бо́льшій расходъ въ одномъ отношеніи долженъ сопровождаться меньшимъ расходомъ въ другомъ. „Если изъ того запаса силы, которую родительскій организмъ получаетъ изъ окружающаго, много потребляется на его собственную жизнь, то остается мало на произведеніе другихъ жизней и наоборотъ“ [52]). Тотъ же антагонизмъ

51) Principles, т. II, стр. 302. Цитируемъ по статьѣ Эльстера, стр. 510.
52) Основанія біологіи, рус. пер., т. II, стр. 318.

сохраняется и при дальнѣйшемъ развитіи организма. „Каждый шагъ на пути индивидуальнаго развитія будетъ сопровождаться соотвѣтственнымъ ему ослабленіемъ размножаемости расы“. Самъ Спенсеръ это положеніе, напоминающее нами цитированный выше законъ Кэри, называетъ „принципомъ a priori“. И дѣйствительно, это только логическій выводъ изъ самыхъ основъ его философіи. Какіе же факты приводитъ онъ для его доказательства?

Глава V того отдѣла его „Біологіи“, который посвященъ „законамъ размноженія“, трактуетъ объ антагонизмѣ между ростомъ и безполымъ генезисомъ. Приведя примѣры громадной плодовитости одноклѣточныхъ растеній и простѣйшихъ животныхъ (protozoa), Спенсеръ останавливается затѣмъ на значительной плодовитости полиповъ, размножающихся безполымъ способомъ, и наконецъ указываетъ на отсутствіе безполаго размноженія (агамогенезиса) у позвоночныхъ. „Самые мелкіе организмы, говоритъ онъ (§ 337), размножаются безполымъ способомъ съ громадной быстротой, самые большіе организмы никогда не размножаются подобнымъ образомъ, а у организмовъ, занимающихъ среднее положеніе между этими крайними типами, одновременно съ возрастаніемъ ихъ величины наблюдается упадокъ безполаго воспроизведенія“. Въ главѣ VI-й суммированы факты, доказывающіе антагонизмъ между ростомъ и *половымъ* генезисомъ. Самимъ Спенсеромъ однакоже указываются здѣсь явленія, повидимому, противорѣчащія его обобщеніямъ. „Иногда одинаковыя по объему рыбы, говоритъ онъ [53]), производятъ весьма несходное число яицъ; напримѣръ, треска, мечущая ихъ по милліону заразъ, и лосось, мечущій гораздо меньше“. Объясненіе всѣмъ подобнымъ противорѣчіямъ Спенсеръ надѣется найти въ томъ, что у млекопитающихъ, какъ и у птицъ (а у рыбъ?), значеніе несходствъ *затемняется неравенствомъ тратъ на движеніе.*

Гл. VII, „антагонизмъ между *развитіемъ* и генезисомъ, половымъ и безполымъ“, поражаетъ прежде всего своимъ малымъ объемомъ (4 стр., тогда какъ доказательству антагонизма между *ростомъ* и генезисомъ посвящено 15 стр.), а затѣмъ въ еще большей степени чрезвычайною бѣдностью приводимыхъ въ подтвержденіе фактовъ. Если устранить факты, въ которыхъ вліяніе развитія затемнено вліяніемъ роста, примѣрами того положенія, что простые организмы размножаются двоякимъ

---

[53]) Op. cit., стр. 337—339.

способомъ, половымъ и безполымъ, тогда какъ сложные—только половымъ, служатъ *лишь* папоротники въ растительномъ мірѣ, саркода губки и гидра въ животномъ. Такъ скупо обстановлена фактами *прямая* зависимость генезиса отъ развитія! „*Обратную* измѣняемость развитія и полового генезиса, признается самъ Спенсеръ (ibid., стр. 345), прослѣдить *не легко*. Впрочемъ, можно указать на *два-три* примѣра, которые свидѣтельствуютъ о ней“. Приведя для растительнаго міра только *одинъ* примѣръ дерева, которое цѣлые годы тратитъ свои питательныя вещества на превращеніе первоначальной сочной оси въ плотную субстанцію, тогда какъ годичныя растенія въ это время уже цвѣтутъ и сбрасываютъ сѣмена, Спенсеръ говоритъ слѣдующее: „*еще труднѣе подъискать* доказательства (итакъ, сначала устанавливается положеніе, а потомъ уже къ нему подъискиваются доказательства!) антагонизма между сложностью и гамогенезисомъ у животныхъ“. Здѣсь мы позволимъ себѣ привести нѣсколько пространную выписку, потому что дѣло идетъ о самомъ важномъ для насъ пунктѣ спенсеровскаго ученія, который мы не желали бы ни ослаблять, ни усиливать изложеніемъ. „Быть можетъ, наиболѣе достойный вниманія фактъ, говоритъ Спенсеръ, представляетъ различіе, существующее между человѣкомъ и нѣкоторыми другими, сходными съ нимъ по массѣ, млекопитающими. Если сравнить человѣка съ домашнею овцою, которая, не очень разнясь отъ него величиною, сравнительно плодовитѣе, то могутъ, пожалуй, отвѣтить указаніемъ на сравнительную бездѣятельность овцы, и тѣмъ же можно возразить на фактъ, что рогатый скотъ гораздо плодовитѣе человѣка, несмотря на то, что обладаетъ большею величиною. Далѣе, противъ сравненія съ лошадью, которая и больше, и плодовитѣе, чѣмъ человѣкъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ значительно дѣятельна, можно было бы возразить, что здѣсь, какъ и всегда, когда дѣло идетъ о травоядныхъ, результатъ извращается незначительностью труда, потребнаго для добыванія пищи, въ связи съ значительнымъ развитіемъ уподобляющихъ органовъ относительно тѣхъ, которые ими строятся и ремонтируются. Но уже совершенно смѣло можно провести параллель между человѣкомъ и большимъ плотояднымъ. У льва, превосходящаго человѣка по величинѣ и, *можетъ быть*, одинаково съ нимъ, дѣятельнаго, пищеварительная система, сравнительно, не болѣе значительна, чѣмъ у человѣка, и однако левъ плодится быстрѣе... Конечно, очень можетъ быть, что на сторонѣ плотояднаго есть то преимущество, что у него есть излишекъ питательнаго вещества, состоящаго

почти исключительно изъ азотистыхъ матеріаловъ, изъ которыхъ, главнымъ образомъ, формируются тѣла дѣтенышей, но если и принять въ соображеніе всѣ остальныя различія, все же кажется не невѣроятнымъ, что незначительная плодовитость человѣка, сравнительно съ плодовитостью большихъ кошачьихъ, зависитъ отъ большей сложности его организаціи и особенно организаціи его нервной системы".

Нами приведены всѣ факты и выводъ въ формулировкѣ самого Спенсера. Мы видимъ, какъ малочисленны и какъ двусмысленны первые, мы видимъ, какъ остороженъ и какъ несмѣлъ второй. И еслибы еще по крайней мѣрѣ не было фактовъ, прямо противорѣчащихъ обобщенію Спенсера! А то, вѣдь, ему самому приходится признать (373 стр.), что слонъ, менѣе плодовитый и въ то же время менѣе развитой, нежели человѣкъ, представляетъ „исключеніе" изъ общаго правила. Какъ будто у *точныхъ* законовъ, какимъ только и можетъ быть обобщеніе Спенсера, бываютъ такія же исключенія, какъ и у эмпирическихъ!... [54]).

Но это еще не все: нѣсколько далѣе, въ главѣ XI (§§ 362—364) Спенсеръ вноситъ существенное ограниченіе въ формулированный имъ раньше законъ. Дѣло въ томъ, что извѣстное вліяніе на распредѣленіе въ организмѣ вещества между процессомъ индивидуализаціи и генезисомъ имѣетъ выживаніе приспособленнѣйшихъ. Вмѣстѣ съ прогрессомъ, траты на самосохраненіе уменьшаются, поэтому „приращеніе развитія вызываетъ не въ точности пропорціональное, а нѣсколько менѣе, чѣмъ пропорціональное ослабленіе воспроизводительной способности" (стр. 369). И далѣе, „хотя болѣе развитой организмъ абсолютно наименѣе плодовитъ, однако онъ *наиболѣе плодовитъ относительно*". Развѣ это не важная оговорка?

Замѣтимъ еще слѣдующее. Весьма бѣдно обставивъ свою мысль примѣрами изъ растительнаго и животнаго царства, Спенсеръ даже не задумывается надъ тѣмъ, что размноженіемъ человѣка могутъ управлять, кромѣ біологическихъ, также и психологическіе законы (какъ оно и есть на самомъ дѣлѣ). Онъ заявляетъ рѣшительно: „сравнительная плодовитость человѣка, какъ вида,

---

[54]) „Первымъ и самымъ существеннымъ признакомъ *закона* въ глазахъ мыслителя, говоритъ Рюмелинъ („Что такое соціальный законъ?", рус. перев., 1894 г., стр. 17), является невозможность исключеній изъ него; если же мыслитель встрѣчаетъ хотя бы единственный случай, въ которомъ его законъ не оправдывается, несмотря на то, что случай этотъ содержится въ его формулѣ, ему остается только заключить, что законъ невѣренъ".

и измѣненія въ ней, совершающія при измѣненіяхъ условій, *должны* согласоваться съ указанными нами законами". Однако, подобный пріемъ нельзя признать правильнымъ. Спенсеръ смотритъ на человѣка черезчуръ *механически*. „Пусть топливо, сжигаемое въ движущей паровой машинѣ, выражаетъ потребляемую человѣкомъ пищу, паръ, идущій на производство давленія, пусть соотвѣтствуетъ той части потребляемой пищи, которая идетъ на выполненіе отправленій" и т. д.—такими примѣрами [55]) думаетъ онъ уяснить законы, управляющіе размноженіемъ людей.

Есть однако же главы въ излагаемомъ нами отдѣлѣ спенсеровской „Біологіи", поражающія изобиліемъ фактовъ, доказательностью и точностью. И что же? Эти-то именно главы служатъ не для опроверженія, а для вящаго подтвержденія того, что и составляетъ самую сущность мальтусова ученія. Обратимся же къ нимъ, къ этимъ главамъ, которыхъ почему-то не замѣчаютъ ни противники, ни союзники Мальтуса.

Уже изъ предъидущаго понятно, что, находясь въ антагонизмѣ съ тратами на ростъ и на развитіе, генезисъ, очевидно, антагонистиченъ и всякимъ тратамъ организма вообще. Понятно также, что уменьшеніе тратъ или притокъ питательныхъ веществъ должны имѣть своимъ слѣдствіемъ усиленіе генезиса. Фактическому обоснованію этихъ двухъ положеній и посвящены главы VIII и IX. Значеніе обильнаго питанія объясняется Спенсеромъ такимъ образомъ [56]): „Сила размноженія возрастаетъ, когда самоподдержаніе становится легко, а именно въ этомъ легкомъ самоподдержаніи и проявляется дѣйствіе обильнаго корма". Вліяніе траты обнаруживается на примѣрахъ курицы, перестающей нестись зимою, и птицъ, вслѣдствіе употребляемыхъ ими усилій на летанье отличающихся вообще меньшею плодовитостью, чѣмъ равныя имъ по вѣсу млекопитающія. Вліяніе питанія наблюдается очень хорошо на домашнихъ животныхъ, отличающихся обыкновенно большею плодовитостью. „Физіологическій урокъ, даваемый намъ пчелами и муравьями, хотя и не совсѣмъ согласно съ нравственнымъ урокомъ, даваемымъ ими по общепринятому мнѣнію, состоитъ въ томъ, что обильно питаемая бездѣятельность благопріятна плодовитости и что чрезмѣрной дѣятельности сопутствуетъ безплодіе".

Вліяніе тѣхъ же условій Спенсеръ прослѣживаетъ и на че-

---

[55]) Op. cit., стр. 381.
[56]) Ibid. стр. 353.

ловѣкѣ. „Женщины рабочаго класса, говоритъ онъ (стр. 378), годомъ позже достигаютъ половой зрѣлости, и хотя несомнѣнно, что это запаздываніе отчасти зависитъ отъ худшаго питанія, ясно однако, что отчасти оно зависитъ и отъ большей мышечной траты". Вліяніе болѣе или менѣе изобильной пищи на размноженіе людей иллюстрируется имъ примѣрами нѣкоторыхъ дикарей (у Мальтуса, впрочемъ, Спенсеръ этихъ примѣровъ могъ бы найти еще больше).

Припомнимъ теперь положеніе Мальтуса, что народонаселеніе растетъ вмѣстѣ въ увеличеніемъ пищи, и спросимъ читателя, не правильнѣе ли было бы считать Спенсера союзникомъ, а не противникомъ автора „Опыта". На чемъ же покоится противоположное мнѣніе? Преимущественно на тѣхъ конечныхъ выводахъ, къ которымъ приходитъ Спенсеръ въ заключеніе всего своего отдѣла о законахъ размноженія. Вотъ эти выводы: „Цивилизація, говоритъ онъ, которой вездѣ предшествуетъ увеличеніе населенія и слѣдствіемъ которой всюду является уменьшеніе нѣкоторыхъ разрушающихъ расу силъ, дальнѣйшимъ своимъ слѣдствіемъ имѣетъ увеличеніе нѣкоторыхъ другихъ разрушающихъ расу силъ". Расходы по самоподдержанію съ теченіемъ времени должны значительно увеличиваться. „Хотя на первыхъ стадіяхъ цивилизаціи количество пищи можетъ увеличиваться при одномъ и томъ же данномъ количествѣ труда, но должно наступить время, когда каждое новое приращеніе пищи будетъ добываться количествомъ труда бо̀льшимъ, чѣмъ пропорціональнымъ ему, и эта непропорціональность будетъ возрастать все болѣе и болѣе" [57]). Съ увеличеніемъ же расходовъ на индивидуальность, съ неизбѣжнымъ развитіемъ человѣка въ умѣ и ловкости; траты его организма на генезисъ по необходимости сократятся и воспроизводительная дѣятельность ослабнетъ. Сгущеніе населенія тогда прекратится и быстрота размноженія станетъ равною быстротѣ вымиранія.

Вотъ тѣ заключительныя положенія Спенсера, которыя охотно противопоставляются мальтусову ученію, какъ его научное опроверженіе. Посмотримъ, однако, въ самомъ ли дѣлѣ положенія эти такъ „діаметрально противоположны" тому, что утверждалъ авторъ „Опыта", какъ это кажется, напр., его русскому переводчику [58]), и въ какой степени могутъ они быть признаны научнымъ опроверженіемъ мальтусова ученія.

---

57) Op. cit., стр. 391.

58) Мальтусъ, *„Опытъ закона о народонаселеніи" (sic!)*, перев. И. Вер-

Изъ всего изложеннаго, прежде всего, видно, что Спенсеромъ признается наличность указанной Мальтусомъ тенденціи населенія къ размноженію за предѣлы существующихъ средствъ пропитанія. Но въ то же время современному біологу не хуже, чѣмъ экономисту конца XVIII вѣка, извѣстна та зависимость, въ которой населеніе находится отъ существующихъ запасовъ пищи. Ему знакома поэтому та борьба, которая является продуктомъ перенаселенія и которая влечетъ за собою „несчастія и пороки“, выживаніе приспособленнѣйшихъ и гибель неприспособленныхъ. Какъ же относятся къ этой борьбѣ Мальтусъ и Спенсеръ? Совершенно различно, и тутъ только начинается ихъ разногласіе. Согласно съ Мальтусомъ, Спенсеромъ констатируется и неизбѣжное перенаселеніе, и возрастающія трудности при добываніи средствъ пропитанія [59]); но зато, обратно съ Мальтусомъ, Спенсеръ привѣтствуетъ это перенаселеніе и вызываемую имъ борьбу, какъ главный факторъ прогресса, факторъ, на которомъ онъ строитъ свои надежды на лучшее будущее. Эта борьба, представлявшаяся Мальтусу только *борьбой* и ничѣмъ больше, въ глазахъ Спенсера есть могучій рычагъ индивидуальнаго и соціальнаго совершенствованія, совершенствованія, которое, съ своей стороны, приведетъ къ ослабленію генезиса, къ ослабленію борьбы. Но ослабленіе борьбы, спроситъ читатель, развѣ не остановитъ оно успѣховъ цивилизаціи, развѣ не придетъ тогда человѣчество въ стаціонарное состояніе? Да, это самое и утверждаетъ Спенсеръ, утѣшающій себя тѣмъ, что то будетъ равновѣсіе полной гармоніи и наивысшаго счастья...

Однако... не вдались ли мы здѣсь нѣсколько въ утопію? Вѣдь, если вспомнить, что вся эта заманчивая картина *прогресса въ застой* покоится всего только на „не невѣроятномъ“ (см. выше) предположеніи, что „меньшая плодовитость людей сравнительно съ кошачьими“ зависитъ отъ бóльшаго развитія ихъ нервной системы, и если припомнить къ тому же неподдающагося объясненіямъ слона, не покажутся ли намъ тогда нѣсколько смѣлыми предсказанія Спенсера и не поступимъ ли мы раціональнѣе, отбросивъ ихъ и сохранивши изъ его ученія

нера, 1895 г. Вступительная статья, стр. XLVI. Впрочемъ, никакой оцѣнки по существу ни возраженій Спенсера, ни даже положеній самого Мальтуса г. Вернеръ здѣсь не производитъ, ссылаясь на свою „некомпетентность“.

59) Замѣтимъ, что Спенсеръ, какъ видно изъ приведенной выше цитаты, принимаетъ мальтусовъ законъ уменьшающейся производительности почвы.

только анализъ дѣйствительно существующаго и совершающагося. Но что же тогда останется отъ ученія нашего біолога? останется—*ученіе Мальтуса*, обогащенное новыми фактами и разъясненное согласно новымъ даннымъ біологіи.

IV.

Говоря о полемикѣ, возбужденной „Опытомъ о народонаселеніи", его русскій переводчикъ, г. Бибиковъ, еще въ 1868 г. писалъ слѣдующее: „основное положеніе Мальтуса до сихъ поръ всѣми принималось на вѣру и въ сущности *никогда никѣмъ не опровергалось*. Отчего это происходило—рѣшительно *нельзя понять*. Трудно же представить, чтобы никому не приходило въ голову, что поставленное знаменитымъ экономистомъ основное положеніе есть не болѣе, какъ гипотеза, а построенная на ней теорема, въ томъ видѣ, какъ предлагаетъ ее Мальтусъ, есть чистѣйшій софизмъ, затемнявшій всеобщее пониманіе. А между тѣмъ—это оказывается такъ, ибо ни у одного изъ противниковъ Мальтуса я не встрѣчалъ изслѣдованія сущности его основного положенія". 27 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ были написаны эти слова, а между тѣмъ замѣчаніе г. Бибикова остается вѣрнымъ и въ наши дни: сущность ученія Мальтуса не только не опровергнута, но даже рѣдко кѣмъ и опровергается. Остается лишь сговориться, что считать этой сущностью и чѣмъ объяснить отмѣченное г. Бибиковымъ явленіе.

Какъ видно изъ дальнѣйшихъ словъ русскаго переводчика, центръ тяжести критикуемаго имъ ученія лежитъ, по его мнѣнію, въ указанной Мальтусомъ тенденціи населенія размножаться быстрѣе продовольствія. Вотъ этотъ-то пунктъ, полагаетъ г. Бибиковъ, *никѣмъ никогда* не оспаривался и онъ же признается имъ „чистѣйшимъ софизмомъ". Здѣсь будетъ умѣстнѣе, однако, говорить о *„чистѣйшемъ недоразумѣніи"*. Указанная Мальтусомъ тенденція оспаривалась и оспаривается постоянно. Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ она была имъ впервые формулирована (см. полемику Годвина) и до послѣднихъ дней (напр., въ соч. Ванъ-деръ-Смиссена). Въ какой степени ея критики опираются на факты и доказательства и насколько она сама заслуживаетъ названія софизма, объ этомъ мы еще поговоримъ ниже, но что она не можетъ считаться той сущностью ученія, которая, по словамъ Бибикова, „никогда никѣмъ не опровер-

галась", въ этомъ читатель, пробѣжавшій глазами предъидущія главы нашей статьи, едва ли будетъ сколько-нибудь сомнѣваться.

Но если сущностью ученія мы признаемъ то, что самъ Мальтусъ формулировалъ въ трехъ основныхъ своихъ тезисахъ, замѣчаніе г. Бибикова придется признать весьма близкимъ къ истинѣ. Что населеніе ограничено средствами существованія, что оно растетъ вмѣстѣ съ нимъ и сдерживается въ своемъ размноженіи какъ внѣшними неблагопріятными фактами, такъ и волею человѣка,—развѣ положенія эти критикой, о которой мы говорили выше, сколько-нибудь опровергнуты и даже больше—развѣ они обыкновенно опровергаются наиболѣе ожесточенными противниками Мальтуса? „Отчего это происходитъ, рѣшительно нельзя понять". Нѣтъ, понять можно. Сущность ученія Мальтуса оттого не оспаривается, что она почти всѣми, включая и большинство его противниковъ, *признается за истину*.

Да, разумѣется, говорятъ нѣкоторые критики [60]), но это происходитъ оттого, что положенія Мальтуса—„очевидныя истины", что въ основѣ его ученія лежитъ простой трюизмъ, не требующій доказательствъ, но и не допускающій опроверженія. Вѣдь, въ сущности онъ утверждаетъ только то, что человѣкъ не можетъ жить безъ пищи, кто же въ этомъ когда-либо сомнѣвался? Дѣло, однако, стоитъ вовсе не такъ просто, какъ кажется нашимъ критикамъ. Что человѣкъ не можетъ жить безъ пищи, въ этомъ, конечно, никогда никто не сомнѣвался, но очень многіе до Мальтуса не знали, а кое-кто не понимаетъ и теперь, что продовольствіе не есть что-то безграничное, что, напротивъ, оно ограничено и ограничиваетъ собою ростъ населенія. Вопросъ, по нѣсколько наивной, но вѣрной формулировкѣ Мальтуса [61]), заключался въ его время въ томъ, „земледѣліе ли составляетъ причину населенія или населеніе причину замледѣлія". Провозгласивъ и доказавъ своимъ „Опытомъ" первое, когда общественное мнѣніе было всецѣло на сторонѣ второго, Мальтусъ произвелъ настоящую революцію [62]): съ него начинается новая эпоха, какъ въ государственной наукѣ, такъ и въ государственной политикѣ; а если теперь, почти черезъ столѣтіе, его революціонный по тому времени лозунгъ можетъ казаться трюизмомъ,—это свидѣтельствуетъ только о томъ, какой гро-

[60]) Напр. Ингрэмъ, op. cit., стр. 150, Смиссенъ, стр. 154.

[61]) Essay, стр. 432—433.

[62]) Мысли о важности продовольствія для населенія, о зависимости второго отъ перваго, говоритъ Джемсъ Бонаръ (Malthus and his Work, стр. 31), „эти общія мѣста, были тогда парадоксами".

мадный шагъ впередъ мы сдѣлали вмѣстѣ съ Мальтусомъ и какое великое значеніе имѣетъ его „Опытъ о народонаселеніи“.

Хитроумная критика постаралась, однако, внести всю возможную путаницу въ простое и ясное положеніе Мальтуса: „народонаселеніе строго ограничено средствами существованія“. Выраженіе „средства существованія“, возражаетъ, напр., Феттеръ [63]), не представляетъ никакой опредѣленности: количество и качество потребляемой населеніемъ пищи варьируются въ разныхъ странахъ. Далѣе, по признанію самого Мальтуса, дѣло идетъ лишь о томъ продовольствіи, которое дѣйствительно поступаетъ въ распоряженіе всего народа, то же, которое составляетъ предметъ накопленія отдѣльныхъ лицъ, въ разсчетъ идти не можетъ. Феттеръ ссылается здѣсь на характеръ современнаго распредѣленія, узаконяющій такое частое накопленіе, и утверждаетъ, что оно становится на дорогѣ разсчетамъ Мальтуса. Въ заключеніе, подъ увеличеніемъ „средствъ продовольствія“ нашъ критикъ предлагаетъ понимать „возможность производства“, доставляющаго новыя питательныя вещества, ничего не отнимая отъ той части населенія, которая ихъ въ настоящее время имѣетъ.

Всѣ подобныя возраженія, даже и вѣрныя по существу, нисколько не опровергаютъ мысли Мальтуса и не могутъ заставить насъ замѣнить выраженіе „средства продовольствія“ менѣе яснымъ и менѣе соотвѣтствующимъ дѣлу выраженіемъ „*возможность* производства“. Справедливо, что продовольствіе не есть что-либо устойчивое и что поэтому мякина, напр., въ одной странѣ отбрасывается, какъ ненужный соръ, въ другой—служитъ для пропитанія населенія, но это означаетъ только то, что представляемая продовольствіемъ граница для размноженія людей не всегда одинакова и однородна, а вовсе еще не значитъ, будто такой границы не существуетъ. Сколько-нибудь точный подсчетъ здѣсь, разумѣется, затруднителенъ, но истинность общаго положенія не измѣняется и оттого, что извѣстная часть продовольствія служитъ предметомъ накопленія. Оговорка Мальтуса категорична: только наличное, доступное населенію, продовольствіе регулируетъ его размноженіе. Отсюда же видно, какъ неправильно толкованіе Феттера, будто подъ средствами продовольствія можно разумѣть *возможность* производства. Слово „возможность“ противорѣчитъ самымъ опредѣленнымъ указа-

[63]) Versuch. стр. 29 - 32.

ніямъ Мальтуса на то, какъ слѣдуетъ понимать его ариѳметическую прогрессію.

Здѣсь нужно прибавить два слова о томъ, какъ первое положеніе Мальтуса опровергалось у насъ, въ Россіи, г. Бибиковымъ (во вступительной статьѣ къ его переводу „Опыта о народонаселеніи"). Русскій критикъ находитъ, что населеніе ограничивается не средствами продовольстія, а разными иными неблагопріятными условіями и потому никогда не достигаетъ границы, представляемой наличными запасами пищи. Свою мысль г. Бибиковъ иллюстрируетъ слѣдующимъ образомъ: „Въ городскихъ амбарахъ сложено огромное количество пищи, пригодной для мышей; мыши чрезвычайно плодовиты—въ 6—7 разъ плодовитѣе кошекъ, охраняющихъ амбары. Будетъ ли вѣрно заключеніе мое, что размноженіе мышей останавливается недостаткомъ хлѣба. Это нелѣпо, ибо въ дѣйствительности размноженіе мышей останавливается не недостаткомъ пищи, а кошками и множествомъ другихъ условій" (стр. 25). Наивность разсужденія г. Бибикова на столько сама по себѣ очевидна, что оно не заслуживало бы даже простого упоминанія, если бы не фигурировало въ статьѣ, приложенной къ самому сочиненію Мальтуса и потому поневолѣ получающей распространеніе въ русской читающей публикѣ. Какъ мы увидимъ ниже, Мальтусъ никогда не утверждалъ, что голодъ—единственная, задерживающая ростъ населенія причина, наоборотъ—онъ приводилъ цѣлый списокъ такихъ возможныхъ препятствій. Недоумѣнія г. Бибикова точно будто прямо имѣлъ въ виду Лесли Стефенъ, когда писалъ слѣдующее [64]): „Волкъ является просто *одной* изъ ограничивающихъ жизнь овцы силъ, и, еслибы онъ былъ устраненъ, другія силы явились бы на смѣну устраненной. Предоставленная себѣ самой, овца постоянно имѣла бы передъ глазами практическую иллюстрацію къ ученію Мальтуса".

Въ тѣснѣйшей связи съ первымъ тезисомъ находится и второй: „народонаселеніе увеличивается, когда увеличиваются средства существованія". Сообразно тѣмъ различнымъ значеніемъ, которыя можно придать этому положенію, и тѣмъ выводамъ, которые изъ него можно сдѣлать, выписанныя нами слова служатъ поводомъ для сложныхъ контроверзъ, къ которымъ, въ силу ихъ большой научной важности, мы сейчасъ обратимся. Слѣдуетъ, однако, предварительно замѣтить, что въ своемъ

---

[64]) „Этика и борьба за существованіе" (Ethics and struggle for life). Руccкій перев., изд. Юровскаго, Спб., 1895 г., стр. 12.

прямомъ, ближайшемъ значеніи, второй тезисъ Мальтуса не противорѣчитъ тому, что нами сказано относительно сущности всего ученія: онъ представляется, обыкновенно, столь же очевиднымъ, какъ и разсмотрѣнный уже первый тезисъ. „Когда страна богатѣетъ, ея народонаселеніе увеличивается“—вотъ, что хотѣлъ сказать авторъ „Опыта“. И что же? Развѣ современные историки говорятъ что-либо иное? Развертываемъ наудачу „Промышленную исторію Англіи“ Гиббинса и читаемъ въ ней слѣдующее (рус. пер., стр. 30): „обыкновенный урожай зерна въ то время въ Англіи былъ 4 бушеля съ акра и изрѣдка доходилъ до 8 бушелей, *почему* размѣръ населенія не могъ подняться выше 2 милліоновъ“. Стр. 76: „Замѣтное улучшеніе въ земледѣліи и соединенное съ нимъ скопленіе богатствъ повело за собою увеличеніе народонаселенія къ концу XVI в.“. Стр. 109: „Причину быстраго роста народонаселенія въ періодъ съ 1700 по 1760 г. слѣдуетъ искать въ увеличеніи народнаго богатства“ и т. д. Подобныя выписки изъ другихъ историческихъ сочиненій можно привести въ изобиліи и доказать такимъ образомъ, что второй тезисъ Мальтуса въ его ближайшемъ значеніи представляетъ собой въ наше время одну изъ распространеннѣйшихъ истинъ. Это намъ не мѣшаетъ, однако, признать за нимъ силу не болѣе, какъ эмпирическаго обобщенія, отнюдь не обнимающаго собою всѣхъ наличныхъ фактовъ и способнаго порождать недоразумѣнія неопредѣленностью своей формулировки. Необходимо указать, въ какихъ предѣлахъ второй тезисъ Мальтуса можетъ быть принятъ современнымъ изслѣдователемъ.

Прежде всего, Мальтусомъ въ точности не указано, хотя очевидно имъ и имѣлось въ виду, что положеніе его должно относиться къ *цѣлому* народу и ко *всѣмъ* его классамъ, иначе, какъ мы увидимъ ниже, оно можетъ оказаться прямо противорѣчащимъ дѣйствительности. Предполагается, что въ пользованіи увеличившимся богатствомъ страны участвуетъ дѣйствительно все населеніе, а не одна его часть, хотя бы и большая, и утверждается, что въ такомъ случаѣ увеличеніе средствъ продовольствія даетъ толчокъ размноженію. Съ такимъ ограниченіемъ мнѣніе Мальтуса раздѣляется большинствомъ современныхъ ученыхъ. „Народъ, говоритъ Каутскій [65]), примѣняющій несовершенную систему производства и въ то же время страдающій отъ перенаселенія, можетъ избавиться отъ послѣдняго не только путемъ остановки въ размноженіи, но и посредствомъ

---

[65]) Der Einfluss etc., стр. 133.

перехода къ высшей, болѣе совершенной системѣ производства". Въ полномъ согласіи съ ученіемъ Мальтуса, Дюрингъ, напр., этотъ ярый анти-мальтузіанецъ, утверждаетъ [66]), что „каждый видъ экономическаго строя опредѣляетъ собою извѣстную ёмкость страны по отношенію къ населенію, и эта ёмкость не можетъ быть значительно увеличена, если самый хозяйственный строй не получитъ иной формы". Нетрудно замѣтить, однако, что эта теорія различной ёмкости различныхъ экономическихъ стадій, теорія, развитая и воспринятая Левассёромъ, Листомъ, Нитти, Вагнеромъ, Янсономъ и др., является скорѣе уже дальнѣйшей разработкой положенія Мальтуса, нежели простымъ его подтвержденіемъ. Впрочемъ, самая возможность этой дальнѣйшей научной разработки свидѣтельствуетъ въ пользу основной правильности разбираемаго тезиса.

Есть основаніе думать (судя по отдѣльнымъ фразамъ, разбросаннымъ по всему „Опыту"), что самъ Мальтусъ вѣрилъ и въ болѣе непосредственное, и въ болѣе частичное вліяніе „увеличенія средствъ продовольствія". Повидимому, ему представлялось дѣло такимъ образомъ, что благосостояніе вообще содѣйствуетъ, а бѣдность, напротивъ, не благопріятствуетъ плодовитости. Здѣсь, прежде всего, надо условиться относительно смысла столь часто, но не всегда однозначуще, употребляемаго Мальтусомъ выраженія „средства продовольствія". Если подъ послѣднимъ понимать просто пищу (какъ это дѣлаетъ Мальтусъ, сравнивая различную плодовитость дикихъ племенъ), тогда второй тезисъ можетъ быть формулированъ такъ: „улучшенное питаніе способствуетъ плодовитости". Справедливость этого утвержденія подтверждается современною біологіей (припомнимъ доказательства Спенсера). Но иногда, говоря, напр., о благопріятномъ вліяніи землевладѣнія на плодовитость семей, Мальтусъ, подъ выраженіемъ „средства продовольствія", разумѣетъ нѣчто большее, чѣмъ одну пищу, а именно совокупность всѣхъ служащихъ для удовлетворенія людскихъ потребностей вещей и даже вообще— благосостояніе, достатокъ. Тутъ, какъ оказывается, Мальтусъ совершенно не предвидѣлъ (да и не могъ предвидѣть по тогдашнему состоянію статистическихъ знаній), что вопросъ гораздо сложнѣе, чѣмъ это ему представлялось. Вліяніе экономическихъ условій на увеличеніе населенія безспорно, и за Мальтусомъ остается заслуга перваго серьезнаго, т. е. обставленнаго фактами, указанія на это вліяніе, но та

[66]) Курсъ, стр. 99, см. также стр. 105.

прямая зависимость плодовитости отъ благосостоянія, въ которой былъ убѣжденъ авторъ „Опыта", оказывается отнюдь не общимъ правиломъ.

Естественный приростъ населенія слагается, какъ извѣстно, изъ трехъ главныхъ факторовъ: брачности, плодовитости брака и смертности [67]). Значеніе перваго фактора, брачности, обнаруживается въ томъ, что плодовитость замужней женщины въ Европѣ представляетъ собою сравнительно постоянную величину (она колеблется между 29 и 23 на 100, разница 26%), тогда какъ общая женская плодовитость въ тѣхъ же странахъ допускаетъ большое разнообразіе (въ предѣлахъ отъ 17 до 10 на 100; разница 70%). „Слѣдовательно, цитируемъ проф. Янсона [68]), если бы число браковъ было одинаково вездѣ и вездѣ была бы одинакова продолжительность ихъ, то большихъ различій въ рождаемости, такихъ, какія теперь существуютъ, не наблюдалось бы, потому что европейская женщина вездѣ одинаково плодовита". Какое же вліяніе оказываютъ экономическія условія на брачность, при нормальномъ состояніи общества, не возмущаемомъ никакими исключительными обстоятельствами?

„Еслибы весь міръ, говорилъ Торнтонъ [69]), былъ заселенъ одними собственниками, онъ очень скоро опустѣлъ бы отъ недостатка жителей". Преувеличивая истину, замѣчаніе это опирается на справедливое по существу наблюденіе, что среди состоятельныхъ людей замѣчается больше отвращенія отъ брака, чѣмъ среди людей бѣдныхъ, и что такимъ образомъ достатокъ находится какъ бы въ обратномъ отношеніи съ стремленіемъ обзавестись семьей.

Прусскія данныя о бракахъ указываютъ, напр., на характерную зависимость возраста брачущихся отъ ихъ общественнаго положенія и достатка. „Изъ мужчинъ позже всего вступаютъ въ бракъ въ Пруссіи чиновники,—средній брачный возрастъ ихъ — 33,4 года; затѣмъ духовенство — 32,5; далѣе слѣдуютъ: занятые въ трактирной промышленности—32,1; врачи—31,8; ученые, художники и артисты—30,7; занятые въ торговой промышленности—30,5; работники при обработкѣ волокнистыхъ веществъ—30,2; сельскіе рабочіе, фермеры—29,6; всѣ остальные рабочіе—29,5—28,5" [70]). Отсюда видно, что чѣмъ человѣкъ

[67]) Сознавая всю недостаточность приводимыхъ далѣе фактовъ, авторъ проситъ въ нихъ видѣть лишь иллюстрацію нѣкоторыхъ положеній Мальтуса, отнюдь не самостоятельный анализъ данныхъ популяціонистики.

[68]) „Сравнительная статистика населенія" 1893 г., стр. 207.

[69]) Цитируемъ по Нитти, op. cit., стр. 64.

[70]) Э. Ю. Янсонъ. „Сравнительная статистика населенія", стр. 188. Ана-

состоятельнѣе, тѣмъ дольше онъ воздерживается отъ брака. Желаніе пріобрѣсти прочныя средства къ жизни раньше, чѣмъ обзавестись семьею, пересиливаетъ, повидимому, физическую потребность въ половомъ общеніи, находящую себѣ исходъ въ незаконныхъ внѣбрачныхъ связяхъ.

Большинство изслѣдователей сходятся въ признаніи психическихъ факторовъ рѣшающими въ этомъ случаѣ. Но каковы же эти психическіе факторы, мѣшающіе, напр., нѣмецкому чиновнику вступать въ бракъ раньше 32 лѣтъ и побуждающіе, наоборотъ, фабричнаго рабочаго жениться 27 лѣтъ? Можно ли думать, что здѣсь обнаруживается вліяніе тѣхъ или иныхъ нравственныхъ представленій или хотя бы вліяніе большого развитія и образованія представителей разныхъ классовъ? Утверждать это—значило бы пускаться въ область произвольныхъ догадокъ, приводящихъ, напр., Нитти (при всемъ его матеріализмѣ), къ тому курьезному утвержденію, что китайцы отличаются большею плодовитостью, благодаря особенному характеру ихъ нравственныхъ представленій [71]). На несравненно болѣе твердой почвѣ стоятъ тѣ ученые (а ихъ теперь, съ легкой руки Мальтуса, большинство), которые въ полномъ согласіи съ указаніями статистики видятъ совершенно матеріалистическую подкладку во всѣхъ такихъ психическихъ побужденіяхъ. Рабочій, говорятъ они, при нынѣшнихъ экономическихъ условіяхъ, не можетъ разсчитывать на серьезное улучшеніе своей участи; поэтому, вступая въ бракъ, онъ ничего не теряетъ и даже скорѣе выигрываетъ: соединеніе труда мужчины и женщины можетъ быть, въ извѣстныхъ отношеніяхъ, выгодно, а трудъ дѣтей, когда таковыя подрастутъ, является уже и чистымъ выигрышемъ, своего рода преміей для родителей. Иное дѣло молодой буржуа или чиновникъ: въ своемъ стремленіи къ болѣе высокому общественному положенію онъ можетъ быть задержанъ семьей, требующей отъ него расходовъ и не дающей никакихъ выгодъ взамѣнъ. Совершенно справедливо поэтому говоритъ Каутскій [72]) объ отсутствіи у бѣдныхъ классовъ какихъ бы то ни было побужденій къ воздержанности въ дѣлѣ размноженія. „Въ животномъ мірѣ, гдѣ никакихъ предупредительныхъ препятствій нѣтъ, всякое улучшеніе въ жизненныхъ условіяхъ

логичныя данныя для Англіи, Даніи и Италіи имѣются въ книгѣ Феттора, стр. 49—50. Общему правилу не подчиняются Франція и Швейцарія.

[71]) I cinesi sono forse il popolo più fecondo *perché* hanno una morale che li spinge a una solidarietà estrema"..., стр. 135—136.

[72]) Op. cit., стр. 112—113.

сопровождается повышенной плодовитостью, ибо здѣсь физіологическіе факторы наблюдаются внѣ подавляющаго вліянія противоположныхъ соціальныхъ тенденцій". Въ человѣческомъ обществѣ разсчеты матерьяльнаго характера удерживаютъ представителей болѣе состоятельныхъ классовъ отъ черезчуръ свободнаго слѣдованія своимъ естественнымъ наклонностямъ. Этотъ обуздывающій характеръ собственности, достатка, хотя и былъ *извѣстенъ* Мальтусу [73]), но не былъ имъ въ достаточной степени оцѣненъ.

Можно ли, однако, сказать, что приведенныя данныя *опровергаютъ* положеніе Мальтуса и заставляютъ насъ измѣнить его въ прямо противуположномъ смыслѣ? Нѣтъ, даже по отношенію къ брачности, второй тезисъ Мальтуса требуетъ лишь иной формулировки, извѣстныхъ оговорокъ, но не полнаго устраненія, ибо противоположнаго рода тезисъ „брачность увеличивается съ уменьшеніемъ средствъ продовольствія"—гораздо дальше отъ истины. Указанная Мальтусомъ *прямая* зависимость между количествомъ средствъ продовольствія и плодовитостью, по отношенію къ *брачности*, находитъ себѣ подтвержденіе въ томъ вліяніи, которое, какъ оказывается, имѣютъ хлѣбныя цѣны на число заключаемыхъ браковъ. Вліяніе это было обнаружено еще въ 1847 г. Кетлэ и позже было подтверждено изслѣдованіями другихъ писателей. Не такъ давно Гекторъ Дени доказалъ, что въ Бельгіи количество браковъ увеличивается и уменьшается параллельно съ возрастаніемъ и паденіемъ цѣнъ на уголь [74]). Въ цитированномъ уже нами сочиненіи Янсона (стр. 345—354, особенно же стр. 350), мы находимъ нѣкоторыя данныя, подтверждающія ту же зависимость брачности отъ хлѣбныхъ цѣнъ. Авторъ, впрочемъ, оговаривается, что коэффиціенты движенія населенія не всегда одинаково чувствительны къ измѣненіямъ хлѣбныхъ цѣнъ, указываетъ на то, какъ трудно выдѣлить этотъ факторъ изъ ряда другихъ, ему сопутствующихъ, и объясняетъ, что высокія цѣны на хлѣбъ не безусловно неблагопріятны для благосостоянія народа: „для населенія, не покупающаго хлѣба, цѣна его безразлична, а для населенія, продающаго хлѣбъ, неблагопріятна будетъ именно цѣна низкая, а не высокая". И тѣмъ не менѣе высокія хлѣбныя цѣны ока-

[73]) Essay, стр. 494: „въ высшихъ классахъ общества нечего опасаться слишкомъ большого количества браковъ". „Первое условіе для распространенія привычекъ благоразумія—это полная обезпеченность собственности", стр. 479 и др.

[74]) Nitti, стр. 106—107.

зываютъ репрессивное вліяніе на увеличеніе населенія, причемъ наибольшей чувствительностью отличается именно коэффиціентъ брачности. Весьма характерный и засвидѣтельствованный Янсономъ (стр. 182) фактъ, что „въ большинствѣ государствъ maximum браковъ, отъ 25 до 35,5%, заключается осенью, послѣ окончанія жатвы—время наиболѣе изобильнаго питанія".

Итакъ, дѣйствительно, *брачность растетъ съ увеличеніемъ средствъ продовольствія*, съ облегченіемъ жизненныхъ условій, но для отдѣльныхъ классовъ общества вліяніе этого фактора *усложняется вліяніемъ роста потребностей*, тѣхъ или иныхъ запросовъ отъ жизни; если послѣдніе (какъ то имѣетъ мѣсто среди людей болѣе состоятельныхъ) съ увеличеніемъ средствъ существованія увеличиваются несоразмѣрно съ ними, *брачность въ этомъ относительномъ недостаткѣ средствъ къ жизни встрѣчаетъ точно такое же препятствіе, какъ и въ недостаткѣ конкретномъ*. Вотъ та поправка, или вѣрнѣе то дополненіе, которое, изслѣдуя причины колебаній въ коэффиціентѣ брачности, нужно сдѣлать къ общему положенію Мальтуса.

Намъ остается разобрать вкратцѣ вліянія, испытываемыя *рождаемостью и смертностью*. Замѣтимъ прежде всего, что было бы ошибочно высокій брачный возрастъ считать абсолютно неблагопріятнымъ, а низкій, напротивъ, абсолютно благопріятнымъ для плодовитости брака. Наибольшей плодовитости мужчина, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ [75]), достигаетъ лишь 25—26 лѣтъ, когда его плодовитость опредѣляется цифрою 35 на 100, женщина же годамъ къ 20-ти (40 на 100). Но и при повышеніи этого возраста плодовитость не всегда уменьшается, иногда даже замѣчается обратное явленіе. Во Франціи, напр., пониженіе брачнаго возраста между 1851 и 1881 гг. (для мужчинъ съ 30,2 на 29,9, для женщинъ съ 26,3 на 24,7 лѣтъ) сопровождалось пониженіемъ же, а не повышеніемъ рождаемости [76]). Въ той же Германіи, гдѣ какъ мы видѣли, брачный возрастъ правильно повышается съ увеличеніемъ достатка, проф. Янсонъ констатируетъ слѣдующее явленіе: „чѣмъ самостоятельнѣе и обезпеченнѣе соціальное положеніе главы семьи, тѣмъ болѣе на него приходится непроизводительныхъ лицъ, на его счетъ живущихъ, и наоборотъ" [77]). Однако, изслѣдованія Кетлэ для

[75]) См. „De la mesure et des lois de la fecondité conjugale", ст. J. Körösi, Revue d'Economie Politique, 1885, № 1, стр. 6—8.

[76]) Fetter, op. cit., стр. 70.

[77]) Статистика населенія, стр. 121.

Брюсселя, Фарра для Лондона, Виллармэ, Пасси и Шейсона для Парижа показываютъ, что во всѣхъ этихъ городахъ наибольшимъ приростомъ населенія отличаются самые бѣдные кварталы. Не такъ давно въ (Revue Scientifique за 1889 г.) французскій изслѣдователь Chervin произвелъ разсчетъ, аналогичный сдѣланному раньше Бертильономъ, по которому оказалось, что наименьшая рождаемость совпадаетъ съ наибольшею доходностью департаментовъ. Въ извѣстномъ изслѣдованіи Таллькииста „Recherches statistiques sur la tendence à une moindre fecondité des mariages" (Helsingfors, 1886) приведено не мало доказательствъ тому положенію, что рождаемость уменьшается съ увеличеніехъ достатка [78]). Мы имѣемъ здѣсь, очевидно, явленіе совершенно аналогичное тому, которое было констатировано нами относительно брачности, и точно также оно ничуть не свидѣтельствуетъ противъ существованія *прямой* зависимости между рожденіями и „средствами продовольствія".

Замѣчено, прежде всего, что *неожиданно* увеличивающееся благосостояніе значительной массы населенія, т. е. тогда, когда это благосостояніе не успѣетъ еще породить соотвѣтственныхъ *потребностей*, всегда увеличиваетъ рождаемость [79]). Тѣмъ же различіемъ въ потребностяхъ объясняется противорѣчіе (оставленное Янсономъ необъясненнымъ [80]), что въ то время, какъ въ Россіи большіе надѣлы крестьянъ и болѣе сильная рождаемость могутъ быть приведены въ соотношеніе другъ съ другомъ, во Франціи число земельныхъ собственниковъ въ департаментѣ обратно пропорціонально рождаемости.

Вопросъ о соотвѣтствіи прироста населенія среди русскихъ крестьянъ съ ихъ экономическимъ положеніемъ вызвалъ недавно въ нашей литературѣ небольшой обмѣнъ мнѣній, который мы не считаемъ возможнымъ обойти здѣсь молчаніемъ. Весьма убѣдительныя на этотъ счетъ данныя заключаетъ въ себѣ работа г. Щербины: „Крестьянское хозяйство по Острогожскому уѣзду" (Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Воронежской губ., т. III, вып. II, Воронежъ, 1887 г.). Вотъ двѣ небольшія таблицы, указывающія на различный приростъ населенія по разнымъ

---

78) См. также таблицы на стр. 54—63 цитированнаго сочиненія Феттера.

79) Это признается и Феттеромъ, стр. 72. Примѣромъ можетъ служить тотъ толчекъ размноженія, который былъ данъ замѣною рабства крѣпостнымъ состояніемъ (Нитти, op. cit., стр. 159), а затѣмъ въ ближайшее къ намъ время освобожденіемъ крестьянъ въ Россіи. См. Струве, Критическія замѣтки, 1894, стр. 199.

80) Статистика населенія, стр. 202.

группамъ крестьянства и тѣмъ подкрѣпляющія высказанное нами выше положеніе.

Разряды крестьянъ.	Естественный приростъ.	% прибыли или убыли населенія.	Земля на 1 наличный дворъ.	Головъ крупнаго скота на 1 дворъ.
Государственные .	42,4	+26,7	15,8	5,1
Собственники . . .	31,4	+14,5	8,5	3,8
Дарственные . . .	16,9	—14,3	3,2	4,6

Группы.	Средняя семья.	Десятинъ надѣльной земли на 1 дворъ.	Торговопромышленныхъ заведеній на 100 двор.	% хозяйствъ съ батраками.	% бездомовыхъ.	% хозяйствъ безъ рабочаго скота.	% хозяйствъ, не обработывающихъ земли.	Головъ скота на 1 дворъ.	% хозяйствъ безъ рабоч. инвентаря.
Безземельная .	3,8	0	3,1	1,2	16,1	86,5	85,8	0,7	87,9
До 5 дес. . . .	5,5	3,4	6,0	2,8	4,3	37,2	10,0	3,2	36,6
Отъ 5 до 15 дес.	6,3	9,5	8,3	5,1	2,2	24,7	8,0	4,1	25,3
„ 15 „ 30 „	8,4	20,4	15,3	9,2	0,8	7,9	4,4	7,2	8,2
Свыше 30 дес.	12,4	36,7	32,4	15,8	0,3	1,8	1,6	12,7	1,1

Выводъ, къ которому приводятъ автора всѣ эти данныя, формулированъ имъ въ слѣдующихъ словахъ (стр. 83): „Причинная связь между высокимъ размѣромъ крестьянской семьи и наиболѣе благопріятными экономическими условіями, слѣдовательно, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію“. Что низкій уровень потребностей у русскаго крестьянина и слабое ихъ увеличеніе съ улучшеніемъ его экономическаго положенія играютъ здѣсь свою роль, въ этомъ легко убѣдиться изъ другихъ мѣстъ книги. Какъ видно изъ таблицы, помѣщенной на стр. 385, годовой расходъ государственныхъ крестьянъ *на пищу* сравнительно съ затратами на тотъ же предметъ бывшихъ помѣщичьихъ хотя выше, но вовсе не пропорціонально ихъ большему достатку (22,4 рубля на душу вмѣсто 21,0). Траты государственныхъ крестьянъ *на одежду* даютъ *по хозяйствамъ* даже обратное отношеніе (44 р. вм. 45) и самое ничтожное увеличеніе *по душамъ*. Избытокъ доходовъ падаетъ, какъ оказывается, преимущественно на удовлетвореніе „хозяйственныхъ нуждъ“ (36,6 р. вмѣсто 29,2 на 1 душу) и на платежи (31 вмѣсто 16,2 на 1 хозяйство). Ростъ личныхъ потребностей не служитъ, такимъ образомъ, у нашихъ крестьянъ препятствіемъ къ увеличенію ихъ семей, которыя поэтому и находятся въ соотвѣтствіи съ величиной надѣловъ и другими экономическими условіями.

По справедливости придавая большое значеніе сгруппированнымъ имъ такимъ образомъ даннымъ, г. Щербина, однако,

не вникъ достаточно въ ихъ простой смыслъ и нашелъ нужнымъ, для объясненія, выдвинуть какой-то особый „законъ среднихъ потребностей". „Законъ среднихъ потребностей, въ формулировкѣ автора (стр. 449), допускаетъ существованіе только опредѣленнаго количества населенія, разъ у этого населенія нѣтъ надлежащихъ средствъ для поддержанія потребностей на извѣстномъ среднемъ уровнѣ, и въ этомъ заключается роковая сторона вліянія закона на жизнь". Это объясненіе справедливо оцѣнено г. Струве: „Законъ среднихъ потребностей, говоритъ онъ [81]), повторяетъ то *общеизвѣстное* положеніе политической экономіи, что благосостояніе и размноженіе населенія опредѣляется доступными ему средствами существованія". Г. Тулинъ, прямолинейный критикъ г. Струве, который не хотѣлъ простить автору „Критическихъ замѣтокъ" ни малѣйшаго уклоненія отъ завѣтовъ своихъ нѣмецкихъ наставниковъ, особенно строгъ къ его „мальтузіанскимъ" тенденціямъ. Онъ пытается подорвать значеніе данныхъ г. Щербины, свидѣтельствующихъ, по его мнѣнію, лишь о „неудачномъ пріемѣ группировки". „Очень естественно, говоритъ г. Тулинъ, что при не особенно большихъ различіяхъ въ образѣ жизни отдѣльныхъ крестьянскихъ семействъ мы получаемъ мало колеблющіяся среднія, если разобьемъ крестьянъ по группамъ; особенно если за основаніе при дѣленіи на группы возьмемъ размѣръ надѣла, не опредѣляющій непосредственно благосостоянія семьи и достающійся одинаково и богатому, и бѣдному крестьянину". Но г. Щербина не дѣлаетъ вовсе ошибки, приписываемой ему г. Тулинымъ; что размѣръ надѣла не принимается имъ за единственный признакъ благосостоянія, видно изъ приведенной выше таблицы, а равно изъ спеціальнаго анализа, производимаго на стр. 389 (op. cit.), тѣхъ составныхъ частей, изъ которыхъ слагаются доходы отдѣльныхъ группъ крестьянства. Относительно надѣла самъ авторъ, предупреждая г. Тулина, дѣлаетъ такую оговорку: „Надѣльная земля, какъ экономическій признакъ, не представляетъ собою абсолютнаго начала" (стр. 426). Что же касается, наконецъ, раздѣленія крестьянъ на группы, то нѣкоторыя неудобства такого пріема вполнѣ очевидны, но его неизбѣжность доказывается тѣмъ, что и западно-европейская статистика (укажемъ на статьи I. Конрада) безъ него не обходится. Въ общемъ. г. Тулину не удается ни подорвать, ни умалить

81) Критическія замѣтки etc., стр. 175.

значенія данныхъ г. Щербины, подтверждающихъ, хотя и для одного лишь уѣзда Россіи, справедливость второго тезиза Мальтуса.

Намъ остается замѣтить, что хлѣбныя цѣны оказываютъ на рождаемость вліяніе, тождественное съ тѣмъ, которое мы отмѣтили раньше, говоря о брачности. Въ общемъ, и выводъ нашъ по отношенію къ рождаемости не можетъ отличаться отъ того, который былъ сдѣланъ двумя страницами выше относительно брачности.

Что же касается наконецъ *смертности*, то тутъ положеніе Мальтуса оправдывается даже безъ тѣхъ оговорокъ, которыя пришлось внести при разсмотрѣніи явленій рождаемости и брачности. Ни одно положеніе статистики населенія не можетъ считаться столь установленнымъ, какъ то, что экономическія условія оказываютъ рѣшающее вліяніе на смертность. Извѣстно, какъ страшно мало умираетъ людей состоятельныхъ въ раннемъ возрастѣ и какъ ихъ поразительно много среди умершихъ стариковъ. Бертильонъ говоритъ прямо, что профессіи, предполагающія матерьяльную обезпеченность, даютъ вообще весьма слабую смертность. Занятія родителей отражаются и на живучести потомства. Въ Швейцаріи, напр., смертность дѣтей лицъ духовныхъ, врачей и чиновниковъ колебалась между 116 и 144 на 1000 родившихся, тогда какъ для занимающихся обработкой волокнистыхъ веществъ она простиралась до 224 [82]). „Непосильный трудъ, бѣдность, плохія вообще условія жизни, говоритъ Янсонъ (ibid.), ослабляя организмъ матери, дѣлаютъ ребенка еще въ утробѣ матери неспособнымъ къ жизни и не обѣщаютъ ему долговѣчности и послѣ рожденья“.

Такимъ образомъ положеніе Мальтуса по отношенію къ смертности можетъ почитаться совершенно оправданнымъ. А надо замѣтить, какое особенное значеніе имѣетъ этотъ факторъ въ дѣлѣ увеличенія населенія. Смертность, какъ показываетъ статистика и какъ на то указывалъ еще Мальтусъ [83]), обусловливаетъ собою рождаемость, и обратно: рождаемость опредѣляетъ смертность. Когда увеличивается смертность,—увеличивается рождаемость, когда увеличивается рождаемость,--увели-

---

82) Янсонъ, 281 стр. „Бѣдность, писалъ еще Моро де Жоннесъ (Elements de Statistique, 1847, 232–233), есть главная причина, сокращающая жизнь... Въ теченіе 20 лѣтъ, несмотря на улучшенія въ домашней жизни, бѣдность, болѣе могущественная, чѣмъ все сдѣланное добро, учетверила смертность бѣднѣйшихъ кварталовъ Парижа по сравненію съ богатыми“.

83) Essay, B. II, ch. XII.

чивается и смертность [84]). Что же отсюда слѣдуетъ? Предположимъ, что *волею родителей* рождаемость увеличивается, но тотчасъ же, какъ мы знаемъ, должна увеличиться и смертность, такъ что желаніе этихъ добрыхъ людей умножить населеніе своего отечества приведетъ къ неожиданному результату (смерти дѣтей) и останется безъ большого вліянія на размѣры наличнаго населенія. Предположимъ обратный случай: увеличивается смертность (напр., подъ вліяніемъ эпидеміи или неурожая), это должно увеличить рождаемость, которая и восполнитъ потери, понесенныя населеніемъ. Такимъ образомъ вся та особая предусмотрительность или, напротивъ, непредусмотрительность людей при вступленіи въ бракъ и при произведеніи въ свѣтъ потомства, о которой мы говорили выше, играетъ, въ сущности, подчиненную роль по сравненію съ могущественными (и преимущественно экономическими) факторами, опредѣляющими смертность. Это лишній доводъ въ пользу общей основательности второго тезиса Мальтуса. Статистика вообще вполнѣ его подтверждаетъ, подчеркивая лишь, съ своей стороны, вліяніе достатка и связанныхъ съ нимъ потребностей на коэффиціентъ рождаемости и брачности.

Мы говорили до сихъ поръ о первыхъ двухъ тезисахъ Мальтуса. Что же касается третьяго — „препятствія, которыя, ограничивая силу размноженія, держатъ населеніе на уровнѣ средствъ существованія, сводятся къ нравственному воздержанію, пороку и несчастьямъ“,—то этотъ тезисъ не можетъ, разумѣется, претендовать на такое же научное значеніе, какъ первые два. Тѣмъ не менѣе характерно, что и онъ не отвергается нѣкоторыми современными учеными. Феттеръ указываетъ только на неполноту классификаціи Мальтуса, упускающаго изъ виду естественное безплодіе женщинъ. Точно также и Вагнеръ, принимая мальтусову классификацію препятствій на предупредительныя, „т. е. дѣйствующія преимущественно психологически“, и разрушительныя, „дѣйствующія преимущественно физіологически“, говоритъ лишь объ ея дальнѣйшемъ развитіи. Ему кажется [85]) именно, что „психологическіе моменты, играющіе здѣсь свою роль, должны быть рѣзче выдвинуты и разобраны“.

---

[84]) По Янсону, это объясняется большею смертностью дѣтей (стр. 202); однако же, по устраненіи этого фактора (стр. 62), порядокъ, въ которомъ слѣдуютъ государства по размѣрамъ смертности, остается тѣмъ же. Такимъ образомъ смертность увеличиваютъ не дѣти, а прямо-таки большая рождаемость, что вполнѣ подтверждаетъ доктрину Мальтуса.

[85]) Lehr-und Handbuch, стр. 524.

Съ этимъ, дѣйствительно, нельзя не согласиться въ виду огромнаго вліянія на брачность и рождаемость указанныхъ выше и недостаточно оцѣненныхъ Мальтусомъ психическихъ моментовъ, основанныхъ на обладаніи извѣстнымъ достаткомъ и тѣмъ или инымъ общественнымъ положеніемъ.

V.

Лишь немногими учеными, однако, разобранныя три положенія Мальтуса признаются за истинную сущность его ученія. Большинствомъ подобное значеніе приписывается если не прямо прогрессіямъ, то по крайней мѣрѣ выраженной ими тенденціи человѣчества размножаться быстрѣе, чѣмъ увеличиваются средства продовольствія. Что бы мы ни говорили, поэтому, о положеніяхъ, которыми самъ Мальтусъ формулировалъ свое ученіе, какъ бы убѣдительно ни доказывали ихъ истинность, мы всегда можемъ услышать въ отвѣтъ: „это ни мало не подтверждаетъ основной мысли Мальтуса, указанной имъ тенденціи размноженія... Докажите намъ эту тенденцію".

Вопросъ о злополучной „тенденціи" служитъ предметомъ величайшихъ разногласій и нескончаемыхъ, но, къ сожалѣнію, мало вразумительныхъ споровъ между экономистами. Мальтусъ правъ, говорятъ одни изъ нихъ, потребности человѣчества увеличиваются быстрѣе, нежели средства къ ихъ удовлетворенію; Мальтусъ не правъ, говорятъ другіе, — въ дѣйствительности происходитъ прямо обратное; Мальтусъ не правъ, говорятъ наконецъ третьи, „никакого абстрактнаго закона населенія не существуетъ", каждой эпохѣ соотвѣтствуетъ свой особенный законъ. Таковы три взаимно исключающія положенія по этому вопросу современной экономической литературы, положенія, изъ коихъ первое имѣетъ наибольшее количество приверженцевъ, второе — теряетъ, повидимому, уже всякій кредитъ, а третье составляетъ удѣлъ одной группы писателей — соціалистовъ, повторяющихъ въ данномъ случаѣ слова Маркса. Но гдѣ же соотвѣтствующія этимъ тремъ положеніямъ доказательства? Самоувѣренный оптимизмъ такихъ писателей, какъ Бастіа, Вандеръ-Смиссенъ и имъ подобные, въ доказательствахъ вообще не нуждается. Ссылки на Провидѣніе, на предустановлонную гармонію, на здравый смыслъ даютъ имъ уже достаточную, по ихъ мнѣнію, силу для механическаго переворачиванія Мальтусова положенія на изнанку. Но любопытно, что и другіе два взгляда, заслуживающіе полнаго вниманія съ нашей стороны,

при всей ихъ категоричности, опираются такъ же мало на самостоятельный анализъ ихъ сторонниками фактовъ дѣйствительной жизни.

„Каждому исторически особенному способу производства, говоритъ Марксъ, соотвѣтствуетъ свой собственный законъ возрастанія населенія, имѣющій только историческое значеніе". Каковы же, спросимъ мы, эти особенные законы и почему они, по Марксу, стоятъ въ противорѣчіи, а не являются лишь частными случаями общаго Мальтусова закона? Вопросовъ этихъ Марксъ не разрѣшаетъ. Онъ довольствуется анализомъ современнаго относительнаго перенаселенія, не стоящаго якобы ни въ какой связи съ естественнымъ размноженіемъ людей, и заявляетъ прямо, заявляетъ безъ тѣни какихъ-либо спеціальныхъ доказательствъ, хотя, какъ мы уже говорили, и въ духѣ всего своего соціологическаго ученія, что естественный приростъ населенія вообще не играетъ первичной роли: экономическія условія отдѣльныхъ историческихъ эпохъ по своему регулируютъ ростъ населенія. Но до тѣхъ поръ, пока эти особые историческіе законы не формулированы и не намѣчены даже въ самыхъ общихъ чертахъ, ссылка на нихъ не отличается убѣдительностью, что же касается спеціально относительнаго перенаселенія, соотвѣтствующаго капиталистическому строю, то и тутъ, несмотря на всю проявленную Марксомъ глубину анализа, полная независимость этого относительнаго перенаселенія отъ размноженія людей доказанной почитаться не можетъ. Относительное перенаселеніе порождается капиталистической формой промышленности, но самый капитализмъ, не требуетъ ли онъ для своего возникновенія нѣкоторой избыточности рабочихъ рукъ, нѣкотораго перепроизводства работниковъ? Вотъ вопросъ, который ставитъ Ланге и разрѣшаетъ [86]) въ смыслѣ признанія за естественнымъ размноженіемъ людей извѣстнаго вліянія на созданіе современной экономической формы.

Однако, когда тотъ же писатель съ своей стороны заявляетъ (ibid, стр. 290): „изъ всего мальтузіанства мы признаемъ лишь ту простую истину, что и человѣкъ,—хотя въ меньшей степени, чѣмъ почти всѣ остальные организмы,—имѣетъ тенденцію размножаться быстрѣе, чѣмъ допускаютъ производительныя силы данной мѣстности, и что онъ вслѣдствіе этого понынѣ еще остается подъ вліяніемъ борьбы за существованіе",—нельзя

[86]) Рабочій вопросъ, гл. V.

сказать, чтобы эта, по мнѣнію Ланге, „простая" и тѣмъ не менѣе оспариваемая истина получала у него прочное и совершенно убѣдительное обоснованіе; наоборотъ, она является не больше, какъ однимъ изъ членовъ исповѣдуемаго нашимъ философомъ символа вѣры. Чаще всего писатели, принимающіе мальтусову тенденцію, стараются защитить ее ссылкой на авторитеты или на общепризнанность этого явленія. „Большинствомъ экономистовъ въ наши дни, говоритъ проф. Эльстеръ [87]), мальтусово ученіе признается вѣрнымъ въ его существенныхъ чертахъ. Это означаетъ не то, чтобы ими одобрялись отдѣльныя утвержденія, напр., ариѳметическая и геометрическая прогрессіи, но то, что они принимаютъ самое ядро теоріи, т. е. признаютъ, что населеніе имѣетъ тенденцію размножаться быстрѣе, чѣмъ могутъ увеличиваться средства пропитанія". По мнѣнію Каутскаго [88]), означенная тенденція составляетъ ни что иное, какъ „физіологическій фактъ" (physiologische Thatsache), установленіемъ котораго напрасно только ограничились Мальтусъ и его ученики; имъ слѣдовало разобрать причины современной бѣдности.

Таково отношеніе къ разбираемому пункту ученія Мальтуса тѣхъ изъ экономистовъ, которые признаютъ его правильнымъ. Для нихъ это физіологическій фактъ, общераспространенная истина или продуктъ глубокаго убѣжденія. Во всѣхъ такихъ отзывахъ сказывается довольно ясно нежеланіе или неспособность взглянуть глубже въ вопросъ, выходящій, повидимому, изъ сферы компетенціи экономистовъ. Къ кому же намъ обратиться за его разрѣшеніемъ? „Физіологическій фактъ" разсмотрѣнъ съ достаточной полнотою въ двухъ капитальныхъ трудахъ величайшаго изъ біологовъ; мнѣніе его и является особенно авторитетнымъ въ данномъ случаѣ.

Какъ, вѣроятно, уже извѣстно нашимъ читателямъ, ученіе Дарвина сложилось подъ непосредственнымъ вліяніемъ „Опыта о народонаселеніи", чего не скрывалъ и самъ Дарвинъ [89]). Разсужденія Мальтуса казались ему совершенно правильными,

---

87) Bevölkerungslehre etc., стр., 515.

88) Einfluss der Volksvermehrung etc., стр. 28.

89) „Перечитывая сочиненіе Мальтуса, говоритъ онъ („Прирученныя животныя и воздѣланныя растенія", рус. пер. 1868 г., т. I, стр. 10), я тотчасъ же увидѣлъ, что естественный подборъ долженъ быть неизбѣжнымъ результатомъ быстраго размноженія всѣхъ органическихъ существъ; что же касается борьбы за существованіе, то я былъ приготовленъ вполнѣ оцѣнить ее моими долгими наблюденіями надъ нравами и привычками животныхъ".

а доказательства, на которыхъ построены эти разсужденія, настолько убѣдительными, что онъ писалъ: „извѣстно (sic), что у цивилизованныхъ народовъ, при благопріятныхъ условіяхъ, какъ, напр., въ Соединенныхъ Штатахъ, населеніе удваивается въ теченіе 25 лѣтъ; а по вычисленію Эйлера оно можетъ удваиваться даже въ теченіе немного больше, чѣмъ 12 лѣтъ". Къ этому мѣсту сдѣлано примѣчаніе: „см. незабвенный трудъ Мальтуса" и указаны соотвѣтственныя страницы [90]). А вотъ какую, болѣе широкую и болѣе научную формулировку ученіе англійскаго экономиста получаетъ въ сочиненіи англійскаго біолога. „Борьба за существованіе, читаемъ мы въ книгѣ Дарвина „О происхожденіи видовъ" [91]), необходимо вытекаетъ изъ быстрой прогрессіи, въ которой стремятся размножиться всѣ органическія существа. Всякій организмъ, производящій въ теченіе своей жизни много яицъ или сѣмянъ, долженъ подвергаться истребленію въ извѣстные возрасты или въ извѣстныя времена года, не то, въ силу геометрической прогрессіи, число его потомковъ быстро возрастало бы такъ безмѣрно, что никакая страна въ мірѣ не была бы въ силахъ ихъ пропитать". Все это разсужденіе Дарвинъ цѣликомъ примѣняетъ и къ человѣку. „Древніе прародители человѣка, говоритъ онъ, *подобно всѣмъ другимъ животнымъ*, вѣроятно, тоже имѣли наклонность размножаться выше своихъ средствъ къ существованію; поэтому они должны были подвергаться по временамъ борьбѣ за существованіе, а слѣдовательно, подлежать суровому закону естественнаго подбора. Такимъ образомъ всевозможныя полезныя видоизмѣненія были временно или постоянно сохраняемы, а неблагопріятныя исключались". Не слѣдуетъ думать, что борьба за существованіе прекратилась съ выработкой современнаго человѣческаго типа. И до сихъ поръ, „первое и главное препятствіе къ размноженію человѣка есть затруднительность добыванія насущнаго хлѣба" [92]).

Ученіе Дарвина, какъ извѣстно, является господствующимъ въ современной біологіи; на многія другія науки оно наложило печать своего глубокаго вліянія. Съ нимъ невозможно раздѣлаться нѣсколькими презрительными словами, оспаривать же его, обыкновенно, не рѣшаются противники такъ наз. мальтусова закона [93]). Имъ остается поэтому только одно: стараться

[90]) „Происхожденіе человѣка и подборъ по отношенію къ полу", перев. подъ ред. Сѣченова, 1871 г., 145 стр.

[91]) Переводъ Рачинскаго, 1865 г., стр, 51.

[92]) „Происхожденіе человѣка", стр. 150, 145.

[93]) Любопытно, въ какія противорѣчія впадаетъ Нитти, желающій отстоять

ограничить примѣнимость дарвинова ученія, утверждая, что размноженіе человѣка не подчиняется тѣмъ законамъ, которые управляютъ размноженіемъ другихъ животныхъ и растеній. Мы видѣли, однако, что самъ Дарвинъ подобнаго разграниченія не признаетъ. Иначе, разумѣется, онъ и не могъ поступить: важнѣйшія пріобрѣтенія современной біологіи основываются именно на примѣненіи ко *всему* животному міру (включая и человѣка) общихъ методовъ изученія, на уничтоженіи мнимой пропасти между „вѣнцомъ творенія" и другими менѣе привилегированными, продуктами той же творческой силы природы. Лишь какъ звено въ общей цѣпи животныхъ породъ, человѣкъ сталъ объектомъ строго научнаго изслѣдованія, и теперь вдругъ люди науки предлагаютъ намъ разорвать эту цѣпь, чтобы въ одномъ вопросѣ о размноженіи признать полную независимость человѣка. Гдѣ же тѣ вѣскіе доводы, которые бы заставили насъ отказаться отъ примѣнявшихся съ такимъ успѣхомъ методовъ, гдѣ факты, противорѣчащіе добытымъ этимъ путемъ обобщеніямъ? Фактъ относительнаго перенаселенія свойственен, разумѣется, лишь человѣческому обществу, но говоритъ ли онъ что-нибудь противъ примѣнимости къ человѣку общаго біологическаго закона?

Явленія общественной жизни людей отличаются, по сравненію съ жизнью животныхъ, значительною сложностью, однако, эта большая сложность обязываетъ ученаго только внимательно анализировать тѣ силы, которыя могутъ осложнять въ человѣческомъ обществѣ дѣйствіе простыхъ біологическихъ законовъ, вовсе не требуя того, чтобы законы эти объявлялись имъ совершенно непримѣнимыми къ человѣку. Напротивъ, въ самой высокой степени *общественное* животное, человѣкъ не перестаетъ быть животнымъ; служа объектомъ психологическаго и даже соціологическаго изслѣдованія, онъ продолжаетъ давать матеріалъ и для сравнительной физіологіи. Поэтому, имѣя въ виду значительное сходство въ строеніи и въ отправленіяхъ половыхъ органовъ человѣка съ таковыми же у другихъ высшихъ животныхъ, мы вправѣ ожидать для него въ дѣлѣ генезиса лишь тѣхъ особенностей, которыя можетъ создать болѣе развитая психическая дѣятельность, осложняющая, въ отдѣльныхъ случаяхъ быть можетъ даже парализующая, но не

Дарвина, не принимая въ то же время выводовъ Мальтуса. Op. cit. стр., 66—67. Характерна также попытка „стараго трансформиста" (Чернышевскаго) опровергнуть ученіе Дарвина, *какъ оправдывающее антипатичные выводы Мальтуса.*

уничтожающая вполнѣ дѣятельность чисто физіологическую. Собственно говоря, по отношенію къ размноженію, человѣкъ поставленъ не въ болѣе, а въ менѣе выгодныя условія, чѣмъ прочія животныя. „Течка животныхъ (а слѣдовательно и соотвѣтствующее ей возбужденіе полового чувства), читаемъ мы въ спеціальномъ сочиненіи д-ра Гегара [94]), выпадаетъ на ту часть года, когда тепла и корма особенно много. И то, и другое еще застаютъ дѣтеныши“. У людей, напротивъ, половое чувство возбуждается гораздо чаще и легче, оно не связано съ опредѣленнымъ періодомъ или временемъ года и можетъ проявлять свое дѣйствіе безпрерывно, почему и зачатіе способно наступать у женщины при самыхъ невыгодныхъ для жизни будущаго ребенка условіяхъ. Но не встрѣчающее никакихъ особыхъ *физіологическихъ* препятствій размноженіе людей, какъ мы сказали, можетъ парализоваться сознательной человѣческой *волей*.

Въ какихъ же случаяхъ и въ какихъ предѣлахъ слѣдуетъ допустить дѣйствіе этого фактора?

Въ предъидущей главѣ, опираясь на данныя статистики, мы пришли къ тому выводу, что экономическія условія оказываютъ величайшее вліяніе на увеличеніе населенія. Вліяніе это, какъ мы видѣли, отнюдь не непосредственнаго свойства, оно проявляетъ себя чрезъ посредство по преимуществу психическаго момента—потребностей (не только простѣйшихъ, насущнѣйшихъ, но и болѣе сложныхъ, потребностей въ удобствахъ, роскоши, извѣстныхъ наслажденіяхъ). Свойство этихъ потребностей, когда онѣ являются привычными для человѣка, не оказываетъ большого вліянія на то чувство неудовольствія, которое онъ испытываетъ при наступающемъ, вслѣдствіе различныхъ условій, неудовлетвореніи ихъ. Поэтому отказъ отъ нѣкоторыхъ удобствъ со стороны представителя привилегированныхъ классовъ можетъ оказать такое же вліяніе на его склонность къ продолженію рода, какъ для рабочаго—отказъ въ удовлетвореніи наисущественнѣйшей потребности въ пищѣ. Но, во всякомъ случаѣ, ничто иное, какъ именно *неудовлетвореніе* потребностей, слѣдовательно, абсолютный или относительный *недостатокъ* удовлетворяющихъ эти потребности предметовъ, оказывается неблагопріятнымъ для размноженія, недостатокъ, а не изобиліе. Точно также и общая недостаточность предметовъ потребленія въ годы неурожая или другихъ стихійныхъ бѣдствій проявляетъ, какъ мы видѣли, репрессивное дѣйствіе на общій приростъ населенія.

---

[94]) Hegar, Der Geschlechtstrieb, eine social-medizinische Studie, 1894, стр. 2–3.

Итакъ, вліяніе психическаго фактора на плодовитость человѣка обнаруживается здѣсь въ одномъ опредѣленномъ рядѣ случаевъ: при абсолютномъ или относительномъ недостаткѣ абсолютно или относительно необходимыхъ для жизни человѣка предметовъ. Иными словами, только замѣчая ограниченность и истощимость служащихъ для удовлетворенія его потребностей вещей, человѣкъ перестаетъ увеличивать дѣлителя опредѣленной, имъ самимъ раздѣляемой съ другими суммы. А до тѣхъ поръ онъ не находитъ нужнымъ полагать предѣла упражненію своихъ физическихъ способностей.

Такъ ограниченна, повидимому, область примѣненія психологическихъ мотивовъ въ дѣлѣ человѣческаго генезиса, сокращаемаго, обыкновенно, уже тогда, когда „тенденція человѣчества къ размноженію за предѣлы имѣющихся средствъ продовольствія" успѣетъ не только осуществиться, но и дать почувствовать людямъ всѣ свои невыгодныя послѣдствія. Способный къ нѣкоторой долѣ предвидѣнія, человѣкъ, разумѣется, можетъ и не дожидаться этихъ „невыгодныхъ послѣдствій", онъ можетъ предупредить ихъ наступленіе, заранѣе обрекши себя на воздержанность въ половыхъ отношеніяхъ [95]). Но очевидно, что и въ этомъ случаѣ существованіе констатированной Мальтусомъ тенденціи невозможно оспаривать; даже при предположеніи полной дѣйствительности „нравственнаго воздержанія" (предположеніе, какъ мы видимъ, не всегда оправдываемое жизнью), примѣненіемъ этого средства означенная тенденція подвергается только извѣстному контролю и регулированію, что говоритъ, очевидно, не противъ, а въ пользу самой ея наличности.

Такимъ образомъ, ни въ физіологической, ни въ психической природѣ человѣка мы не находимъ тѣхъ свойствъ, которыя бы сдерживали размноженіе людей, такъ сказать, самопроизвольно, совершенно независимо отъ препятствій, поставляемыхъ населенію недостаточностью наличныхъ средствъ продовольствія. Сказаннымъ, какъ намъ кажется, въ значительной мѣрѣ уже оправдывается Мальтусова тенденція, или, что то же—распространеніе непосредственной „борьбы за существованіе" на весь животный міръ, не исключая и человѣческаго общества. Но мы пришли теперь къ вопросу: на столько ли дѣйствительно недостаточенъ общій приростъ продовольствія, чтобы вызвать въ людяхъ стремле-

---

[95]) „Предупредительныя препятствія, поскольку они добровольны, составляютъ особенность человѣка, возникающую изъ превосходства его ума, способнаго взвѣшивать отдаленныя послѣдствія". Essay, стр. 7.

ніе къ сокращенію ихъ размноженія, или недостаточность эта только кажущаяся, порождаемая современной экономической формой. Вокругъ этого-то вопроса, собственно говоря, и вертится большая часть серьезныхъ возраженій, направляемыхъ противъ мальтусова ученія.

Неосновательность пессимистическаго взгляда Мальтуса признается его противниками вполнѣ очевидной; даже его сторонники не могутъ не признать того, что прогрессъ техники и ростъ современной промышленности плохо укладываются въ рамки ариѳметической прогрессіи. Что Мальтусъ не имѣлъ правильнаго представленія о размѣрахъ усовершенствованій, которыя способенъ внести человѣкъ въ обработку и добываніе даровъ природы, противъ этого въ наше время едва ли можно спорить. Для насъ будетъ совершенно достаточно противопоставить его „Опыту" цитированныя выше книжки Каутскаго и Шиппеля, гдѣ хорошо сгруппированы данныя, рисующія всю головокружительную быстроту прогресса современной техники [96]) и нѣкоторыя изъ тѣхъ перспективъ, которыя еще открываются человѣчеству въ будущемъ. Мальтусъ со своими скромными вычисленіями будущихъ урожаевъ не выдержитъ, очевидно, отвѣта предъ минеральнымъ удобреніемъ, земледѣльческими машинами и сложнымъ сѣвооборотомъ нашего времени. Легко замѣтить, что возможность техническихъ усовершенствованій нѣсколько замалчивалась въ „Опытѣ", авторъ котораго данное состояніе земледѣлія и промышленности склоненъ былъ принимать какъ бы за пограничную черту, дальше которой идти уже некуда. Любопытно, что даже въ учетѣ *извѣстныхъ* ему производительныхъ силъ человѣчества Мальтусъ проявлялъ такую же скупость, такъ, напр., онъ совершенно игнорировалъ женскій трудъ, не только трудъ фабричный, что было бы по тому времени вполнѣ понятно и простительно, но вообще всякій трудъ женщинъ, откуда и получалось, что, женясь, человѣкъ будто бы только дѣлитъ свой *прежній* доходъ на большее количество ртовъ.

Не будемъ, однако, останавливаться дольше на томъ, что, многое смягчая въ мрачности выводовъ Мальтуса, не касается ихъ тѣмъ не менѣе по существу. Обратимся лучше къ поставленному выше вопросу и выяснимъ слѣдующія три вещи: во-первыхъ, существуютъ ли признаки перенаселенія въ настоящее

---

96) Идея *прогресса* вообще не созрѣла еще въ умѣ Мальтуса, видѣвшаго во вселенной лишь постоянное *движеніе* средствъ продовольствія и населенія (*πάντα ῥεῖ*).

время, во-вторыхъ, въ какомъ смыслѣ надо понимать выраженіе „перенаселеніе“, и въ-третьихъ, усиливается ли съ теченіемъ времени опасность перенаселенія. Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ трактовать эти въ высшей степени важные вопросы со всей необходимой полнотой, и потому да проститъ намъ читатель, если мы ограничимся нѣсколькими замѣчаніями, необходимыми для выясненія той доли истины, которую заключаетъ въ себѣ въ этомъ отношеніи мальтусово ученіе.

Какъ законъ ренты Рикардо, такъ и законъ уменьшенія доходности земли Мальтуса, оба эти положенія, тѣсно связанныя между собой, принимаются нынѣ большею частью экономистовъ [97]). Непосредственное наблюденіе говоритъ намъ о томъ, что потребности земледѣлія вынуждаютъ людей прибѣгать постоянно къ новымъ участкамъ земли, отвоевывая себѣ пашню отъ луговъ, лѣсовъ и даже моря. Но то же наблюденіе, показывающее такимъ образомъ, что между наличнымъ населеніемъ и наличными запасами пищи обнаруживается отъ времени до времени извѣстное несоотвѣтствіе (несоотвѣтствіе, которое нисколько не опровергается возможностью аграрныхъ кризисовъ и относительнаго перепроизводства въ сельскомъ хозяйствѣ), указываетъ далѣе, что эти наличные запасы пищи не отличаются желательною эластичностью и не всегда могутъ быть по желанію увеличены. Мы уже говорили выше, что положеніе Мальтуса „большая рождаемость сопровождается большею смертностью“ находитъ себѣ полное подтвержденіе, и пояснили тогда, что явленіе это, вопреки мнѣнію проф. Янсона, не находится ни въ какой зависимости отъ смертности дѣтей. Фактъ тотъ, что когда гдѣ-либо увеличивается рождаемость, получаемый такимъ образомъ избытокъ населенія фатальнымъ образомъ становится добычей смерти. Чѣмъ же можно объяснить это явленіе, какъ не трудностью увеличить въ желаемой мѣрѣ существующіе, и, надо прибавить, доступные для населенія запасы продовольствія? А это, въ свою очередь, не есть ли лучшее доказательство наличности *перенаселенія*, понимаего какъ доходящая до невозможности трудность для нѣкоторой части населенія найти себѣ въ любое время необходимое пропитаніе.

Но тутъ на выручку побиваемаго жизнью оптимизма противниковъ Мальтуса, является въ извѣстныхъ отношеніяхъ удобное, но вмѣстѣ съ тѣмъ вносящее столько путаницы раз-

---

[97]) Въ „Основаніяхъ Полит. Эк.“ Милля (т. I, стр. 325—330) читатель найдетъ весьма остроумныя соображенія, которыми англійскій экономистъ объединяетъ и доказываетъ обѣ теоремы.

граниченіе *абсолютнаго* и *относительнаго* перенаселенія. Отчего, спросятъ многіе, происходитъ эта „доходящая до невозможности трудность“. Ужъ будто бы отъ абсолютной неспособности почвы дать пропитаніе увеличивающемуся населенію?

Отчего бы ни происходила, отвѣтимъ мы, для уясненія вопроса о самомъ существованіи перенаселенія — безразлично: перенаселеніе не перестанетъ быть перенасаленіемъ, если мы прибавимъ къ нему эпитетъ—„относительный“. И ошибаются тѣ, которые думаютъ, что они побиваютъ Мальтуса одной этой прибавкой. Положимъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ онъ смѣшивалъ причины экономическія съ естественными (откуда и проистекали многія изъ его ошибокъ по вопросамъ прикладной экономіи), но все-таки онъ никогда не утверждалъ, что существующее перенаселеніе („перенаселеніе уже существуетъ“) есть именно перенаселеніе абсолютное. Напротивъ, онъ указывалъ на ограничивающую роль частной собственности, чѣмъ и давалъ понять, что нелѣпая мысль о невозможности расширить предѣлы современнаго земледѣлія была ему совершенно чужда. Такимъ образомъ и Мальтусъ, говоря о перенаселеніи, не имѣлъ вовсе въ виду перенаселенія абсолютнаго. Если, однако, онъ не дѣлалъ отсюда всѣхъ необходимыхъ выводовъ, то вовсе не по отсутствію у него правильнаго взгляда на природу перенаселенія, но по свойственной всѣмъ тогдашнимъ экономистамъ неспособности отвлечься отъ современныхъ имъ экономическихъ условій и, въ частности, отъ существовавшаго тогда и продолжающаго существовать нынѣ характера распредѣленія.

Остается, слѣдовательно, окончательно условиться, что понимать подъ словомъ „перенаселеніе“. Изъ сличенія разныхъ мѣстъ „Опыта“ нетрудно убѣдиться, что Мальтусъ понималъ подъ нимъ *всякое* несоотвѣтствіе между наличнымъ населеніемъ и существующими запасами продовольствія. И что же? Имѣя въ виду не возможность, а дѣйствительность, не всю сумму заложеннаго въ землѣ продовольствія, а ту его часть, которая въ данный моментъ находится въ распоряженіи главной массы населенія, не вправѣ ли мы сказать вмѣстѣ съ Мальтусомъ, что населеніе часто оказывается превосходящимъ продовольствіе? Фактъ постояннаго существованія разрушительныхъ, по терминологіи Мальтуса, препятствій находитъ себѣ объясненіе именно въ этомъ признаніи наличности перенаселенія, понимаемаго въ указанномъ выше смыслѣ. Что подобное пониманіе плохо гармонируетъ съ односторонними практическими выводами, которые самъ Мальтусъ дѣлалъ изъ своего ученія, съ

этимъ мы не станемъ спорить; но служа лишнимъ доводомъ противъ отвергаемой нами прикладной части мальтусова ученія, оно вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ новую опору его научнымъ основамъ и *примиряетъ* ихъ съ самыми вѣскими возраженіями критиковъ Мальтуса [98]). Мы не можемъ не подчеркнуть, однако, и односторонности этихъ послѣднихъ; слѣдуя его же примѣру, они слишкомъ „перегибаютъ палку въ другую сторону“ (таково заключительное признаніе Мальтуса) и впадаютъ въ противоположную односторонность. Наличные, доступные массѣ населенія запасы пищи могутъ быть увеличиваемы двоякимъ путемъ: реформою распредѣленія и прогрессомъ сельскаго хозяйства. Мальтусъ упускалъ изъ виду первое; его противники зато охотно забываютъ о необходимости второго [99]). Коренная реформа въ области распредѣленія освободитъ извѣстное количество энергіи, которая и направится на поддержаніе новыхъ жизней; это будетъ для избыточнаго населенія нѣчто въ родѣ открытія новаго материка. Но подобно тому, какъ послѣднее открытіе только отсрочитъ, но не уничтожитъ навсегда бѣдствія перенаселенія, также и реформа распредѣленія будетъ лишь временнымъ исходомъ, вліяніе котораго прекратится, когда населеніе перерастетъ и это новое увеличеніе средствъ пропитанія.

Да не подумаетъ читатель, что мы придаемъ мало значенія требуемой противниками Мальтуса реформѣ распредѣленія. Напротивъ, если грѣшно было бы держать подъ спудомъ вновь открытый материкъ, то еще болѣе грѣшно отсрочивать реформу, способную уменьшить число жертвъ возникающаго перенаселенія. Мы дѣлаемъ лишь ту оговорку, что весь вопросъ о перенаселеніи не устраняется еще, по нашему мнѣнію, этой дѣйствительно необходимой реформой, точно такъ же, какъ не рѣшается онъ и другими, указываемыми оптимистами способами. Вопреки предвидѣніямъ Спенсера, генезисъ въ нѣкоторыхъ наиболѣе культурныхъ странахъ не обнаруживаетъ тенденціи

---

[98]) Мысль о такомъ примиреніи кажется г. Ник.—ону сущею нелѣпостью. „Теорія населенія Маркса дополняетъ (?), но не опровергаетъ (!) теоріи Мальтуса“, – въ такомъ видѣ приводитъ онъ слова г. Струве („Рус. Б“, 1895, № 3, стр. 53). Рекомендуемъ г. Ник. – ону заглянуть въ курсъ проф. Вагнера, чтобъ убѣдиться, что подобный взглядъ не можетъ быть приписанъ одному „невѣжеству“ г. Струве.

[99]) Соціалистъ Каутскій, будучи мальтузіанцемъ, этого не забываетъ. „Всякая попытка улучшить распредѣленіе въ пользу угнетенныхъ классовъ, говоритъ онъ (op. cit., стр. 165), должна окончиться неудачей, если она не сопровождается увеличеніемъ производительности земли“.

къ сокращенію [100]). Съ другой стороны, на примѣрахъ Индіи и Китая можно убѣдиться, что крайняя густота населенія сама по себѣ еще не служитъ препятствіемъ для новыхъ и новыхъ рожденій. Болѣе обоснованными представляются намъ разсчеты тѣхъ изъ противниковъ Мальтуса, кто въ улучшеніи матеріальнаго положенія массъ видитъ залогъ противъ опасности перенаселенія. Достатокъ, благосостояніе стоятъ, дѣйствительно, какъ мы говорили, въ антагонизмѣ съ большой плодовитостью браковъ, но, какъ мы убѣдились тогда же, все дѣло, въ сущности, зависитъ отъ уровня потребностей; ростъ послѣднихъ, а онъ неизбѣженъ, можетъ и долженъ въ значительной степени парализовать тѣ выгоды, которыя будутъ достигнуты поднятіемъ жизненныхъ условій для главной массы населенія.

Каковъ же будетъ нашъ окончательный выводъ по вопросу о перенаселеніи? Мы указали выше на признаки избыточности населенія или недостаточности средствъ продовольствія (что все равно) уже въ современномъ намъ обществѣ. Непосредственной причиной этой избыточности или этой недостаточности мы считаемъ господствующую экономическую форму, способствующую концентраціи средствъ продовольствія и образованію искусственнаго перенаселенія [101]). Но эта непосредственная причина не мѣшаетъ намъ видѣть причины болѣе основной, которая проявитъ свое непосредственное дѣйствіе, какъ только будетъ устранена настоящая непосредственная причина. „Если пока, справедливо говоритъ Каутскій [102]), естественное перенаселеніе нигдѣ еще не наблюдается, то это происходитъ оттого, что современное общество носитъ въ себѣ столько разрушительныхъ и предупредительныхъ препятствій, что подобное перенаселеніе становится невозможнымъ... Но не нашимъ далекимъ потомкамъ, не нашимъ дѣтямъ, а намъ самимъ грозитъ опасность перенаселенія, лишь только мы осмѣлимся разрѣшить соціальный вопросъ“.

---

100) Въ Пруссіи, напр., съ 1816—1820 по 1881—1890 гг. рождаемость значительно увеличилась (съ 3,87 до 4,47). Брачная плодовитость средней и восточной Европы съ конца наполеоновыхъ войнъ въ общемъ не измѣнилась. См. ст. Geburtenstatistik, въ Handwörterbuch der Staatswissenschaften, стр. 720. Пониженіе рождаемости въ другихъ странахъ находитъ себѣ объясненіе далекое отъ спенсеровой гипотезы.

101) Попытки оспорить существованіе относительнаго перенаселенія (въ родѣ той, которую дѣлаетъ Зётберъ, Die Stellung der Socialisten, 42—43) едва ли могутъ претендовать въ наше время на какое-либо научное значеніе.

102) Op. cit., стр. 167.

Успокоивать себя тѣмъ, что всякое перенаселеніе можетъ быть уничтожено переходомъ къ высшей промышленной формѣ рѣшительно невозможно [103]): ростъ населенія будетъ идти по пятамъ всѣхъ этихъ „переходовъ". Въ результатѣ такой бѣшеной скачки человѣчество, наконецъ, достигнетъ пограничной черты, дальше которой идти уже некуда: потенціальныя силы вселенной имѣютъ свои предѣлы. „Образованіе органическаго вещества изъ неорганическаго, читаемъ мы въ статьѣ г. Тимирязева „Историческій методъ въ біологіи", есть процессъ эндотермическій, идущій съ поглощеніемъ тепла, процессъ, связанный съ затратой энергіи. Но всѣ источники энергіи, находящіеся на поверхности нашей планеты въ видѣ запаса, представляютъ, очевидно, величину предѣльную. Единственнымъ обезпеченнымъ ежегоднымъ приходомъ энергіи является лучистая энергія солнца. Ее-то растеніе и утилизируетъ въ своемъ синтезѣ органическаго вещества... Существованіе органическаго міра будетъ всегда зависѣть отъ количества пищевыхъ веществъ, а это послѣднее—отъ количества заключенной въ нихъ и, прямо или косвенно, затраченной въ процессѣ ихъ образованія солнечной энергіи. А эта величина, въ смыслѣ годичнаго прихода, величина предѣльная, намъ хорошо извѣстная. Слѣдовательно, и количество жизней, которое осуществимо на нашей планетѣ, величина предѣльная. А между тѣмъ, стремленіе органическихъ веществъ къ размноженію само въ себѣ безгранично. Отсюда ничѣмъ неотразимый выводъ: большая часть возникающихъ живыхъ существъ, рано или поздно, устраняется" [104]).

Зайдя въ область, не подлежащую нашему вѣдѣнію, мы вынуждены были прибѣгнуть къ авторитету спеціалиста (г. Ти-

---

103) А между тѣмъ, на этомъ убѣжденіи американскій экономистъ проф. Паттенъ строитъ свое ученіе о населеніи, формулируемое имъ въ слѣдующихъ словахъ: „The question is not population *versus* the possible means of subsistence, but population *versus* the power in a given society to obtain subsistence". Political Science Quarterly, 1895, March, стр. 46.

104) „Русск. Мысль", 1894 г., № 7, стр., 98. Подобныя же соображенія находимъ мы и въ курсѣ проф. Людоговскаго: „Основы сельскохозяйственной экономіи и сельскохозяйственнаго счетоводства" (С. II, 1875)., „Свѣтъ, читаемъ мы на стр. 81, представляетъ необходимое условіе для жизни культурныхъ растеній, почему на данномъ пространствѣ можетъ рости только извѣстное число ихъ, а слѣдовательно, можетъ быть полученъ только извѣстный ограниченный урожай. Этотъ физически возможный наибольшій урожай представляетъ собой границу, по достиженіи которой интезивность хозяйства уже не можетъ возрастать... Такъ какъ *производительность труда и капитала* съ увеличеніемъ затраты ихъ *уменьшается*, такъ какъ, съ другой стороны,

мирязева) точно такъ же, какъ въ вопросѣ о размноженіи мы сочли необходимымъ обратиться къ сочиненіямъ Дарвина. Въ обоихъ случаяхъ нами руководило желаніе показать, что мрачные или, какъ принято выражаться, *жестокіе* выводы Мальтуса раздѣляются нѣкоторыми видными представителями современнаго естествознанія и уже по этому одному, слѣдовательно, не такъ нелѣпы, какъ это кажется очень многимъ. Оспаривающіе эти выводы должны, по нашему мнѣнію, считаться съ данными агрономіи, геологіи и біологіи, отказавшись отъ тщетной претензіи опровергать Мальтуса „отъ ума", одними отвлеченными соображеніями. Мы далеки, конечно, отъ того, чтобы признавать доводы г. Тимирязева не допускающими возраженій; мы не хотимъ также злоупотреблять въ пользу Мальтуса и авторитетомъ Дарвина. Единственный выводъ, который мы считаемъ себя вправѣ сдѣлать изъ показаній выслушанныхъ нами экспертовъ, состоитъ въ томъ, что вопросъ о формулированной Мальтусомъ тенденціи—вопросъ при современномъ состояніи науки открытый. Блестящая гипотеза, выдвинутая въ концѣ прошлаго вѣка авторомъ „Опыта о народонаселеніи", несмотря на выпавшую ей на долю громадную историческую роль, несмотря на значительное количество собранныхъ для ея подтвержденія фактовъ,—и къ концу XIX столѣтія не сдѣлалась все же закономъ. Но если такимъ образомъ эта часть ученія Мальтуса наукою къ нашему времени еще не вполнѣ подтверждена, во всякомъ случаѣ, она ею и не опровергнута. Что же касается другой части его ученія, формулированной въ трехъ подробно разсмотрѣнныхъ выше тезисахъ, то она, какъ намъ кажется, вполнѣ подтверждается данными современной статистики и въ сущности, прямо или косвенно, принимается большею частью экономистовъ.

Вотъ то, что мы имѣли сказать относительно основныхъ положеній мальтусова ученія. Практическіе выводы, сдѣланные изъ него какъ самимъ Мальтусомъ, такъ и его учениками, насъ здѣсь интересуютъ мало. Насколько прикладная часть „Опыта" противорѣчитъ современнымъ научнымъ представленіямъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ, прежде всего, ея ультраиндивидуалистическій характеръ. „Доктрина Мальтуса, замѣчаетъ Бонаръ, есть горячій призывъ къ личной отвѣтственности".

производимый урожай, трудъ и капиталъ имѣютъ цѣну, то при возвышеніи затраты двухъ послѣднихъ факторовъ долженъ наступать предѣлъ, за которымъ хотя они и могутъ еще возвышать величину урожая, но это возвышеніе не будетъ окупать затраты, посредствомъ которой оно достигнуто".

Уже по этому одному намъ нѣтъ до нея дѣла. Съ нашей современной точки зрѣнія, расширять производство (а это еще очень долго будетъ вполнѣ возможно для человѣчества) во всякомъ случаѣ легче, нежели регулировать размноженіе. Не говоримъ уже о томъ, что современнымъ представленіямъ о справедливости совершенно не соотвѣтствуетъ возложеніе всей отвѣтственности за участь потомства единственно только на главу семьи. Собственно говоря, изъ сущности ученія Мальтуса еще вовсе не слѣдуетъ, чтобъ бѣдствія перенаселенія должна была нести на своихъ плечахъ лишь экономически слабая часть населенія; если такой выводъ и дѣлался Мальтусомъ, то это было продуктомъ его фальшивыхъ публицистическихъ стремленій, нисколько не компрометирующихъ собственно научную часть „Опыта о народонаселеніи“.

Мы говорили до сихъ поръ, въ полномъ соотвѣтствіи съ заглавіемъ настоящаго очерка, лишь о тѣхъ взглядахъ Мальтуса, которые имѣютъ непосредственное отношеніе къ вопросамъ населенія. Но значеніе Мальтуса не исчерпывается постановкой краеугольныхъ камней всей современной популяціонистики. Статистикъ, экономистъ, политикъ и соціологъ должны быть одинаково благодарны автору „Опыта“, пустившему въ обращеніе или взявшему подъ свою защиту немало плодотворныхъ истинъ. Требованіе правильныхъ переписей въ связи съ оцѣнкой имѣвшихся данныхъ по вопросу о движеніи населенія, выясненіе различныхъ вліяній, испытываемыхъ имъ, наконецъ, вѣра въ существованіе постоянныхъ законовъ соціальнаго міра вмѣстѣ съ попыткой ихъ точнаго формулированія,—такова принесенная Мальтусомъ дань дѣлу научной разработки *статистики*. Установленіе правильнаго взгляда на природу и колебанія ренты, взгляда, воспринятаго и въ частностяхъ лишь исправленнаго Рикардо, такова признанная и этимъ послѣднимъ заслуга Мальтуса въ теоретической *экономіи*. Борьба съ одностороннимъ оптимизмомъ манчестерской популяціонистики, борьба съ филантропіей, какъ конечнымъ рѣшеніемъ соціальнаго вопроса (см. его критику „законовъ о бѣдныхъ“), такова его преимущественно отрицательная лепта *ученію объ управленіи*. Установленіе правильной связи между внутренними и внѣшними фактами человѣческаго размноженія и, какъ результатъ этого, перестройка всего ученія о народонаселеніи на новыхъ и оказавшихся вполнѣ плодотворными началахъ,—таковъ его великій вкладъ въ *соціологію*.

Мальтусъ, какъ соціологъ, вотъ крайне заманчивая тема

для изучающаго „Опытъ“. Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ здѣсь взяться за нее; мы укажемъ лишь на одну черту соціологическаго міросозерцанія Мальтуса, дѣлающую его особенно интереснымъ для насъ въ настоящее время. Онъ былъ однимъ изъ первыхъ убѣжденныхъ сторонниковъ такъ наз. экономическаго матеріализма [105]). „Наиболѣе могущественная и универсальная изъ всѣхъ потребностей, читаемъ мы въ книгѣ IV „Опыта о народонаселеніи“ (стр. 442—443), это—потребность въ пищѣ и въ такихъ вещахъ, какъ одежда, жилище и т. д., непосредственно необходимыхъ, чтобы избавить насъ отъ непріятныхъ ощущеній холода и голода. *Всѣми признано* (?), что именно этими потребностями люди всего больше побуждаются къ дѣятельности, улучшающей и совершенствующей условія цивилизованной жизни, и что преслѣдованіе этихъ цѣлей и удовлетвореніе этихъ потребностей составляютъ главный источникъ счастья для большей части человѣчества и въ то же время необходимое условіе для самыхъ изысканныхъ наслажденій другой его части“. Войны, по мнѣнію Мальтуса, порождаются чисто экономическими причинами [106]) и, въ свою очередь, вырабатываютъ спеціальную военную нравственность (B. I. ch. IV). Обычаи и нравственныя представленія народа находятся въ тѣсной зависимости отъ тѣхъ же экономическихъ условій: въ то время, какъ на о. Формозѣ не допускаютъ, чтобы женщина была матерью до 35-лѣтняго возраста, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Азіи обычай повелѣваетъ дѣвушкамъ выходить замужъ не позже 19 лѣтъ. Причина, по мнѣнію Мальтуса, лежитъ въ относительномъ богатствѣ [107]) обѣихъ странъ, способныхъ прокармливать разное количество населенія. Даже добродѣтели, подобно товарамъ, культивируются, когда на нихъ есть спросъ [108]). Многіе историческіе факты, напр., паденіе Рима, великое переселеніе народовъ и проч., объясняются, въ глазахъ Мальтуса, экономическими причинами [109]). Въ этомъ отношеніи

105) Дѣло идетъ, разумѣется, о самой грубой, примитивной формулировкѣ этого ученія.

106) Для характеристики того, на какой точкѣ зрѣнія въ этомъ случаѣ стояли современники и противники Мальтуса, приведемъ слѣдующія слова *Годвина*: „La guerre chez les peuples civilisés, est le fruit de l'orgueil, du caprice et de la manière factice de penser et de vivre“. Op. cit., II, 6.

107) Essay, стр. 49.

108) Ibid., стр. 51.

109) Относительно переселенія народовъ ср. совершенно тождественный взглядъ Лампрехта, „Исторія германскаго народа“, пер. П. Николаева (Москва, 1894), т. I, стр. 44.

Мальтусъ заходитъ такъ далеко, что „безпечность и мятежный духъ ирландцевъ“ приводитъ почти въ непосредственную связь съ „питаніемъ картофелемъ“ [110]).

Возвращаясь къ ученію Мальтуса о народонаселеніи, надо сказать, что, вѣрное по существу, оно едва ли можетъ быть названо вѣрнымъ во всѣхъ подробностяхъ. Напротивъ, принимая его сущность, мы тѣмъ охотнѣе отбрасываемъ опутывающія и затемняющія его детали. Наивная вѣра Мальтуса въ дѣйствительность словесной пропаганды идей такъ наз. нравственнаго воздержанія должна быть нами совершенно оставлена; его стремленіе возложить на одни рабочіе классы расплату за избыточное населеніе должно быть разсматриваемо исключительно, какъ дань публицистическимъ увеличеніямъ; его узкій, близорукій учетъ возможнаго прогресса техники и агрономіи долженъ быть радикально исправленъ; его преувеличенно смѣлыя вычисленія быстроты человѣческаго размноженія должны быть замѣнены новыми, болѣе скромными и болѣе точными.

Но главное, что въ наше время умаляетъ значеніе ученія Мальтуса, это то, что оно *недостаточно*: его общія положенія вѣрны, но мы нуждаемся въ большемъ. Въ двухъ направленіяхъ доктрина Мальтуса должна быть дополнена и расширена. Авторъ „Опыта“ совершенно правильно указалъ на зависимость роста населенія отъ условій экономическаго характера; современнымъ ученымъ слѣдуетъ подробно разобрать и установить настоящій характеръ этой зависимости. Онъ указалъ на основную тенденцію населенія, далъ общій, абсолютный законъ размноженія, позднѣйшими біологическими изслѣдованіями существенно подкрѣпленный, хотя и не получившій еще значенія вполнѣ безспорной истины; современнымъ ученымъ слѣдуетъ заняться изысканіемъ тѣхъ спеціальныхъ законовъ отдѣльныхъ историческихъ эпохъ, которыя, какъ это было доказано критиками Мальтуса, могутъ существеннымъ образомъ измѣнять и затемнять проявленія основной тенденціи. Такимъ образомъ, работа состоитъ въ дальнѣйшемъ наблюденіи за свойственными статическому и динамическому состоянію общества вліяніями, которыя испытываетъ на себѣ человѣческій генезисъ [111]). Законъ

---

[110]) Ibid. стр. 513. Когда въ эмиграціонномъ комитетѣ, какъ разсказываетъ Бонаръ, ему былъ предложенъ вопросъ: „различія въ характерѣ людей вы объясняете разницей въ пищѣ?—Мальтусъ отвѣчалъ: „да, въ значительной степени“. *Bonar*, op. cit., стр. 197.

[111]) „Изъ полового чувства, справедливо говоритъ Вагнеръ (Lehr-und Handbuch, 449), такъ же мало можно дѣлать общіе и точные выводы, какъ

Мальтуса долженъ быть дополненъ другими законами, расчленяющими его, такъ сказать, въ горизонтальномъ и вертикальномъ направленіи: онъ долженъ предусматривать большее количество частныхъ случаевъ, сдѣлаться *детальнѣе,* и большее количество отдѣльныхъ историческихъ эпохъ, сдѣлаться *историчнѣе*. Такова двоякая задача, заданная Мальтусомъ современной популяціонистикѣ.

Заканчивая свою книжку „La Popolazione e il sistema sociale", Нитти сравниваетъ ученіе Мальтуса съ величественными развалинами прекрасной античной постройки. Нѣтъ, не съ разрушеннымъ, а съ недостроеннымъ зданіемъ слѣдовало бы его сравнить: великолѣпный, прочный фундаментъ, крѣпкія, массивныя стѣны, но окна безъ рамъ, и никакая крыша, никакой куполъ не увѣнчиваютъ прекраснаго сооруженія. Однако, оно не заброшено: рабочіе всякихъ профессій трудятся надъ нимъ, чинятъ бреши, причиненныя временемъ, замазываютъ щели и неустанно ведутъ къ завершенію столь геніально начатый великій трудъ.

Н. Водовозовъ,
дѣйствительный членъ
Московскаго Юридическаго Общества.
(† 25 мая 1896 года.)

изъ человѣческаго эгоизма". Правильность дедукціи нарушается вліяніемъ классовъ, профессій, народовъ и эпохъ.

ПОЛОЖЕНІЕ ТРУДА НА ЧАСТНЫХЪ ЗАВОДАХЪ АЛТАЙСКАГО ОКРУГА.

I.

Условія найма характеризуютъ не только положеніе труда въ данной отрасли промышленности, но и положеніе самой промышленности, уровень ея развитія и пр. Вотъ почему я нахожу болѣе удобнымъ начать свой обзоръ именно съ этого пункта.

Всѣ отношенія, существующія между владѣльцемъ промышленнаго предпріятія и его рабочими, насколько это касается производства, возникаютъ на почвѣ взаимнаго соглашенія сторонъ. Письменный договоръ, если онъ равно опредѣляетъ права и обязанности обѣихъ сторонъ, является, какъ извѣстно, лучшей гарантіей владѣльца и рабочихъ.

На громадномъ большинствѣ частныхъ заводовъ Алтайскаго округа, крупныхъ и мелкихъ, никакихъ письменныхъ договоровъ не существуетъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, характеризуютъ наличныя условія найма сами заводчики. Но есть нѣсколько исключеній изъ общаго правила, и, какъ ихъ ни мало, они все же заслуживаютъ, чтобы на нихъ остановиться.

Въ тѣсномъ смыслѣ договоръ встрѣченъ мною только на одномъ заводѣ, на двухъ другихъ – замѣняющіе его „разсчетные листы"; наконецъ, къ одному заводу существуютъ обязательныя отношенія, выраженныя въ мірскомъ приговорѣ крестьянъ сосѣдней деревни. Какъ договоръ, такъ и разсчетные листы находятся и въ настоящее время у меня въ рукахъ; мірской же приговоръ мнѣ видѣть не удалось—заводская контора отрицаетъ даже его существованіе, и я знаю о немъ лишь со словъ крестьянъ.

„Разсчетный листъ“, кромѣ записей заработка, выдачъ, штрафовъ и пр., заключаетъ въ себѣ еще слѣдующее: опредѣленіе срока найма, размѣръ договоренной платы и изложеніе условій работы на заводѣ. Это печатный документъ, скрѣпляемый подписью владѣльца завода или его управляющаго; выдается онъ каждому рабочему на руки, взамѣнъ паспорта, который во все время работы на заводѣ хранится въ конторѣ. Насъ интересуютъ въ данномъ случаѣ только „условія“.

Всѣ условія, внесенныя въ разсчетные листы крупчатнаго завода Ю. и Ш., ограничиваются, собственно говоря, тремя пунктами, опредѣляющими обязанностями рабочихъ къ заводу и его владѣльцамъ. Вотъ эти пункты: „Со дня поступленія на работу, нанявшійся обязанъ вести себя честно и трезво, съ подозрительными людьми никакой связи не имѣть, хозяину и довѣреннымъ отъ него лицамъ отдавать должное уваженіе, быть послушнымъ и трудолюбивымъ, безотлагательно и безотговорочно исполнять всѣ приказанія и распоряженія, работать долженъ безъ лѣности и притворства, не злоупотребляя таковыми во вредъ хозяину“. „Оставить работы и поступить къ кому-либо другому до окончанія срока, опредѣленнаго въ условіи, ни подъ какимъ предлогомъ права не имѣетъ“. Въ послѣднемъ пунктѣ говорится, что разсчетный листъ есть „разсчетный документъ“, который поэтому слѣдуетъ беречь „въ чистотѣ и опрятности“; въ случаѣ утраты листа разсчетъ производится по имѣющейся въ конторѣ книгѣ. Это относительно обязанностей рабочихъ. Что же касается обязанностей владѣльца, то о немъ въ условіи не говорится ни слова, но, взамѣнъ того, ему предоставляется право „за явное неповиновеніе и грубость передъ хозяиномъ или его довѣреннымъ виновнаго подвергнуть, кромѣ отвѣтственности передъ судомъ, денежному штрафу отъ 1 до 2 руб. серебромъ“.

И это все. Далѣе идетъ выписка четырехъ статей изъ I части X т. Св. Зак., рѣшительно ничего не прибавляющихъ къ тому, что было сказано въ условіи[1]). Если подобное усло-

[1]) Ст. 2261 говоритъ о томъ, что всѣ споры, возникающіе между хозяевами и рабочими, разрѣшаются согласно заключенному между ними условію 2262—о томъ, что до истеченія срока рабочій не имѣетъ права уйти безъ согласія на то хозяина; 2263 устанавливаетъ право хозяина „въ случаѣ пьянства, буйства, неповиновенія и худого поведенія“ работника заявить о томъ старостѣ или мірскому обществу и требовать наказанія; наконецъ, 2264 ст. опредѣляетъ, какимъ образомъ въ подобномъ случаѣ обществомъ можетъ быть произведено наказаніе.

віе весьма мало гарантируетъ заводу достаточное количество способныхъ работниковъ, а слѣдовательно, и правильное теченіе дѣятельности всего завода, то прочность положенія рабочихъ уже рѣшительно ничѣмъ не обезпечивается. Въ самомъ дѣлѣ, что содержатъ въ себѣ эти параграфы, кромѣ правилъ личнаго поведенія для рабочихъ („не груби", „отдавай должное уваженіе", „будь послушенъ" и пр.) и права хозяина за нарушеніе этихъ правилъ штрафовать рабочихъ, привлекая ихъ въ то же время къ суду? Рѣшительно ничего. Можно подумать, что передъ нами не промышленное заведеніе съ своими сложными отношеніями, затрогивающими насущные интересы обширнаго круга лицъ, начиная съ самого владѣльца, а какой-то исправительный пріютъ для испорченныхъ рабочихъ, надзоръ за нравственностью которыхъ составляетъ тотъ жизненный центръ заведенія, вокругъ котораго все вращается: будь честенъ, трезвъ, не лѣнись и не притворяйся—все остальное приложится само собою, заводъ расцвѣтетъ, широко развернувъ свои силы.

Если съ точки зрѣнія огражденія интересовъ предпріятія подобныя условія не лишены извѣстной степени комизма, то далеко нельзя того же сказать, если мы взглянемъ на нихъ съ точки зрѣнія интересовъ другой стороны — труда. „Будь послушенъ и трудолюбивъ, безотлагательно и безотговорочно исполняй всѣ распоряженія и приказанія" владѣльца и его довѣренныхъ. Хорошо, но гдѣ та черта, за которую „распоряженія и приказанія" не должны переходить ни въ какомъ случаѣ? Гдѣ мѣра количества труда, которое вправѣ требовать заводъ отъ рабочаго въ теченіе дня, недѣли, мѣсяца? Насколько честность, послушаніе, трудолюбіе, трезвость, которыхъ требуютъ условія, обезпечиваютъ работнику увѣренность въ завтрашнемъ днѣ, увѣренность, что онъ не будетъ разсчитанъ по желанію, простой прихоти хозяина, приказчика, мастера и т. д., и т. д.? Вотъ тѣ вопросы, которые должны возникать у каждаго при чтеніи условій крупчатнаго завода Ю. и Ш.

Совершенно инымъ характеромъ отличаются правила, внесенныя въ разсчетные листы на стеклодѣлательномъ заводѣ П. и К°. Здѣсь къ нанявшимся предъявляются не только правила личнаго поведенія, но и требованія, непосредственно относящіяся къ работамъ, для которыхъ производилась наемка. Условія эти не заключаютъ въ себѣ и тѣни обоюдности, т.-е. свойства, которымъ долженъ обладать всякій дѣйствительный *договоръ;* но зато въ нихъ весьма много и въ весьма опредѣ-

ленной, категорической формѣ говорится объ обязанностяхъ рабочихъ. Изъ десяти пунктовъ, на которые распадаются „условія съ рабочими", девять имѣютъ въ виду или обязанности рабочихъ къ заводу, или тѣ взысканія, которымъ они въ извѣстныхъ случаяхъ подвергаются, и только одинъ параграфъ относится къ управленію завода, но и тотъ говоритъ о его правѣ „отказать мастеру или рабочему во всякое время".

Я не буду перечислять всѣ девять параграфовъ, такъ какъ для насъ достаточно отмѣтить лишь общій характеръ ихъ. Первый же пунктъ „условій", сверхъ „безукоризненнаго поведенія", требуетъ отъ рабочихъ явки на работы въ назначенные часы. Неявка влечетъ за собой штрафы: для мастера въ размѣрѣ 2 руб., для простого рабочаго 50 коп. „и болѣе" за прогульную смѣну или день. Штрафу подвергаются рабочіе „за ослушаніе". За цѣлость ввѣреннаго имущества рабочіе отвѣчаютъ его стоимостью. „За пьянство, лѣность, дурное поведеніе или *по излишеству людей*" каждый рабочій можетъ быть уволенъ съ завода „во всякое время", и т. д. Особенный интересъ представляетъ первая половина четвертаго пункта, которую я позволю себѣ привести здѣсь цѣликомъ: „Не пожелавшіе продолжать на заводѣ службу *далѣе* условнаго времени обязаны заявлять объ этомъ управленію завода за два мѣсяца до истеченія срока. Не объявившій за два мѣсяца впередъ *считается обязаннымъ прослужить на заводѣ еще одинъ годъ*". Не лишенъ также своеобразнаго интереса и десятый пунктъ, устанавливающій *суточный* срокъ для заявки въ контору о неправильныхъ записяхъ въ разсчетномъ листѣ: „пропустившій этотъ срокъ теряетъ право на оспариванье допущенной ошибки".

Будучи совершенно однородны по своему духу съ правилами завода Ю. и Ш., эти условія въ то же время отличаются отъ нихъ цѣльностью, рѣзкой опредѣленностью, систематичнымъ проведеніемъ принципа, вѣрнѣе сказать—побужденія, которое тамъ выражено въ непосредственной до наивности формѣ,—въ этомъ ихъ коренное различіе. Въ особенности хорошъ четвертый пунктъ, дышащій всѣми характерными чертами оригинальной самобытности.

Въ этомъ же родѣ договоръ, заключенный между сосѣднимъ Иткульскимъ винокуреннымъ заводомъ и артелью крестьянъ, такъ что его можно и не разсматривать вовсе. Нужно замѣтить, что какъ на стекольномъ, такъ и на винокуренномъ заводѣ большая часть параграфовъ этихъ условій остается безъ всякаго примѣненія на практикѣ. Это не только увѣренія упра-

влющихъ, но и фактъ, объясненія которому нужно искать въ той затруднительности, съ которою въ Сибири производятся всякаго рода гражданскія взысканія.

На остальныхъ частныхъ алтайскихъ заводахъ условія ограничиваются простыми словесными соглашеніями, дающими самый широкій просторъ для нарушеній какъ съ той, такъ и съ другой стороны. На каждомъ заводѣ можно слышать жалобы на недобросовѣстность рабочихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ слышать и объясненіе, почему не заключаются письменныя условія,—„не стоитъ-де съ ними возиться". Очевидно, будучи совершенно ненормальной, ставя иногда заводъ въ крайне затруднительное положеніе [2]), такая постановка дѣла имѣетъ много выгодныхъ сторонъ для заводовладѣльцевъ, почему и находитъ себѣ повсемѣстное примѣненіе,—Алтайскій округъ въ этомъ отношеніи не составляетъ какого-либо исключенія въ ряду другихъ районовъ отечественной промышленности.

Словесныя условія найма, какъ это и понятно, не отличаются точностью и опредѣленностью: сроки найма почти никогда не устанавливаются: нанимаютъ помѣсячно, кто сколько проработаетъ. На болѣе продолжительные сроки нанимаются мастера, заправляющіе всѣмъ ходомъ производства. Какъ увидимъ ниже, въ извѣстныхъ случаяхъ производится повышеніе платы, но и это устанавливается не столько договоромъ, какъ обычными колебаніями цѣнъ на рабочія руки: не повышай хозяинъ хоть нѣсколько плату на время страды, и на его заводѣ не останется ни одного человѣка. И это вполнѣ понятно. Здѣсь нѣтъ и быть не можетъ постояннаго контингента заводскихъ рабочихъ, для которыхъ заводскій трудъ былъ бы единственнымъ источникомъ существованія: громадное большинство ихъ такъ или иначе связано съ землей, и потому временное повышеніе цѣнъ на земледѣльческій трудъ влечетъ за собой повышеніе цѣнъ и на трудъ заводскій.

Впрочемъ, можно указать заводы, рабочіе которыхъ не имѣютъ вовсе или имѣютъ весьма малую связь съ землей. Таковъ Ивановскій стеклодѣлательный заводъ П. и К°, отчасти и содовый заводъ Пр. въ Барнаулѣ. Стекольное производство требуетъ отъ рабочихъ значительной спеціальной подготовки; сверхъ того, дѣтскій трудъ составляетъ одно изъ основаній

[2]) Недурнымъ въ этомъ отношеніи примѣромъ можетъ служить недавній случай на заводѣ Ф.: мастера-крупчатника переманили на другой заводъ, вслѣдствіе чего г. Ф. долженъ былъ пріостановить производство, пока не подыскалъ новаго крупчатника, что сдѣлать было очень не легко.

этого производства при настоящей его постановкѣ: начавъ работу съ 8—9 лѣтъ, переходя отъ одной отрасли производства къ другой, высшей, требующей большей сноровки и знаній, рабочій остается до старости. Къ этому надо прибавить, что трудъ на стекольныхъ заводахъ настолько тяжелъ, настолько губительно дѣйствуетъ на здоровье, что въ нѣсколько лѣтъ человѣкъ дѣлается почти неспособнымъ ни къ какому другому труду, кромѣ даннаго. Естественно, что при такихъ условіяхъ стекольное производство возможно лишь въ томъ случаѣ. если ему удастся создать достаточный контингентъ постоянныхъ рабочихъ, и каждый заводъ такъ или иначе создаетъ его. Въ Сибири довольно много стекольныхъ заводовъ, и возлѣ каждаго изъ нихъ вы найдете селеніе, жители котораго—заводскіе рабочіе, не знающіе иного труда, кромѣ требуемаго стекольнымъ производствомъ; никакихъ отношеній къ землѣ такое селеніе не имѣетъ — она для него совершенно чужда. Хотя Ивановскій заводъ существуетъ едва 20 лѣтъ, тѣмъ не менѣе его рабочіе—типичные заводскіе рабочіе, неспособные ни на какую иную работу, утратившіе всякую связь съ кормившей ихъ нѣкогда землей; это чистокровные представители того самаго заводскаго пролетаріата, наличность котораго у насъ не всегда признается. Старшее поколѣніе теперешнихъ рабочихъ завода явилось сюда съ заводовъ Тобольской губ., куда мастеровые были выведены съ заводовъ Московскаго промышленнаго района. Такимъ образомъ, у современнаго молодого рабочаго завода П. и К" не только отецъ, но и дѣдъ, даже прадѣдъ были такіе же стекольные мастера и рабочіе, какъ и онъ самъ. Въ этомъ отношеніи Ивановскій заводъ имѣетъ нѣкоторыя общія черты съ алтайскими казенными заводами, хотя внѣшнія формы образованія постояннаго состава заводскихъ рабочихъ во многомъ разнятся.

Подобное же стремленіе создать свой постоянный кругъ заводскихъ рабочихъ наблюдается въ извѣстной степени на содовомъ заводѣ Пр., часть рабочихъ котораго непрерывно работаетъ на немъ съ самаго его основанія. Этому стремленію благопріятствуетъ самое положеніе завода близъ города, мѣщанство котораго, благодаря отношеніямъ къ казенному сереброплавильному заводу, никогда не было связано съ землей; это—полугородской, полузаводскій пролетаріатъ, ряды котораго густо заполняются неудачниками переселенческаго движенія изъ Европейской Россіи. Но заводъ еще слишкомъ недавно возникъ—въ 1864 г., и самое производство еще такъ ново для населенія,

что для образованія постояннаго состава „содовыхъ“ рабочихъ еще не наступило время. Вотъ почему мы видимъ въ лѣтніе мѣсяцы, съ одной стороны, сокращеніе производства и повышеніе платы, съ другой—половина заводскихъ рабочихъ уходитъ на страду.

Обособленіе, специализація труда и, какъ неизбѣжный результатъ этого, оторванность отъ земли наблюдаются среди мастеровъ всѣхъ изслѣдованныхъ производствъ. На крупчатныхъ заводахъ, напр., всѣ мастера—народъ пришлый изъ внутреннихъ губерній Россіи или съ Урала; но это не переселенцы, составляющіе главную рабочую силу большинства алтайскихъ частныхъ заводовъ, а лица, спеціально выписанныя заводчиками. Между подмастерьями встрѣчаются и сибиряки, но рѣдко. Мѣстныхъ, алтайскихъ мастеровъ нѣтъ ни одного. Постоянный составъ мастеровъ наблюдается въ кожевенномъ производствѣ, въ производствѣ восковыхъ свѣчъ и нѣкоторыхъ другихъ. Въ овчинношубномъ, мыловаренномъ, свѣчно-салотопенномъ производствахъ мастерами являются чаще всего сами владѣльцы заводовъ, стоящихъ на границѣ кустарнаго и капиталистическаго производства.

Въ городахъ, каковъ Барнаулъ, а также въ горнозаводскихъ селеніяхъ въ родѣ Змѣиногорска на кожевенныхъ и овчинношубныхъ заводахъ есть извѣстный процентъ рабочихъ, крѣпко держащихся разъ избраннаго производства. Большинство же рабочихъ какъ здѣсь, такъ и на всѣхъ остальныхъ заводахъ округа—народъ подвижной, переходящій съ завода на заводъ, отъ промысла къ промыслу, занимающійся въ лѣтнее время полевыми работами. Чѣмъ меньше данная отрасль производства требуетъ спеціализаціи труда, тѣмъ больше подвижность рабочей силы, и обратно. На кожевенномъ заводѣ С. въ Барнаулѣ, напр., мастера и отдѣльщики много лѣтъ работаютъ безъ перерыва, у нихъ нѣтъ иного заработка, кромѣ доставляемаго даннымъ производствомъ; изъ остальныхъ рабочихъ, занятыхъ собственно выдѣлкой кожи, только одинъ живетъ постоянно, всѣ же другіе переходятъ съ завода на заводъ, отъ одного производства къ другому, отъ земли къ заводу и обратно; есть такіе, что уже четвертый разъ живутъ на этомъ заводѣ; наконецъ, еще болѣе подвижной элементъ представляютъ рабочіе на толчеѣ, занятые перемывкой шерсти и т. п.— эти постоянно смѣняются, и рѣдко кто изъ нихъ работаетъ на заводѣ сколько-нибудь продолжительное время. Почти то же самое пришлось бы сказать и о большинствѣ алтайскихъ заводовъ.

Я уже сказалъ, что главную массу рабочихъ на Алтаѣ составляютъ переселенцы или дѣти переселенцевъ. Коренной алтайскій крестьянинъ, будучи обезпеченъ землею часто свыше наличныхъ потребностей, занимаясь въ широкихъ размѣрахъ скотоводствомъ и извозомъ, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ обратится къ заводскому труду. Въ горнозаводскихъ селеніяхъ, а также въ Барнаулѣ часть рабочихъ составляютъ бывшіе и настоящіе „горнозаводскіе обыватели", т.-е. горнорабочіе, освобожденные закономъ 1861 г. отъ обязательныхъ заводскихъ работъ; въ нѣкоторыхъ же случаяхъ рабочими являются киргизы, приходящіе на заработки изъ-за Иртыша и юго-западныхъ степей Алтайскаго округа. Мнѣ извѣстны два крупчатные завода— г. П. вблизи Барнаула и г. Ж. подъ Колыванью, гдѣ большинство рабочихъ—киргизы. Кромѣ крупчатнаго и отчасти кожевеннаго производства, киргизы встрѣчаются въ промышленныхъ заведеніяхъ, какъ рѣдкое исключеніе.

Изъ всѣхъ обслѣдованныхъ производствъ женскій трудъ находитъ приложеніе только въ двухъ, и то въ незначительныхъ размѣрахъ,—въ садовомъ и кожевенномъ; въ послѣднемъ женщины заняты собственно мойкой, т.-е. обработкой побочнаго продукта производства. Во всѣхъ остальныхъ производствахъ женщинъ нанимаютъ только для приготовленія пищи. На крупчатныхъ заводахъ, правда, женщины занимаются еще шитьемъ мѣшковъ, но работа эта производится внѣ завода, по деревнямъ, куда заводчики сдаютъ холстъ.

Съ дѣтскимъ трудомъ мы встрѣчаемся въ крупчатномъ производствѣ и, главнымъ образомъ, въ стеклодѣлательномъ: здѣсь почти половина всѣхъ работъ лежитъ на дѣтскихъ плечахъ. Въ видѣ рѣдкаго исключенія встрѣчаются подростки въ кожевенномъ производствѣ (мелкіе деревенскіе заводы) и въ овчинномъ.

II.

„Рабочее время", т.-е. время, въ теченіе котораго работникъ отдаетъ свой трудъ производству, на частныхъ алтайскихъ заводахъ—величина весьма непостоянная, подверженная значительнымъ колебаніямъ. Это въ равной степени справедливо, возьмемъ ли мы для сравненій рабочій годъ, или мѣсяцъ, день, смѣну, наконецъ. Колебанія эти наблюдаются не только по отношенію различныхъ производствъ, но и по отношенію однихъ и тѣхъ же производствъ въ разныя времена года, различныхъ отраслей производства и т. д.

Вызывается это явленіе разнообразными причинами: положеніемъ заводовъ относительно промышленныхъ центровъ и рѣкъ, состояніемъ товарнаго рынка и рынка рабочаго, технической стороной производства и пр. Главнѣйшія изъ этихъ вліяній въ смыслѣ удлиненія и сокращенія рабочаго времени необходимо отмѣтить теперь же. Начнемъ съ „рабочаго года".

Изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ заводовъ я могу указать не много такихъ, дѣятельность которыхъ продолжается въ теченіе цѣлаго года. Это—три наиболѣе крупныхъ кожевенныхъ завода въ Барнаулѣ и 4 въ Змѣиногорскѣ, 2 свѣчно-салотопенныхъ и 2 свѣчно-восковыхъ, затѣмъ пивоваренный и содовый; всего, слѣдовательно, 13 заводовъ изъ 31. Къ этому надо прибавить, что свѣдѣнія имѣются о всѣхъ крупныхъ заводахъ Алтайскаго округа, кромѣ 2 пивоваренныхъ—одного въ Бійскѣ и одного въ Барнаулѣ; на мелкихъ же заводахъ — овчинныхъ, кожевенныхъ и пр. круглый годъ производство никогда не продолжается—всегда дѣлаются болѣе или менѣе крупные перерывы въ работѣ.

Для отдѣльныхъ производствъ колебанія годового періода работъ выражаются въ слѣдующихъ цифрахъ. Въ овчинномъ производствѣ на одномъ заводѣ работаютъ 9 мѣсяцевъ, на остальныхъ отъ 7—8 въ теченіе года; въ крупчатномъ — на 4 заводахъ 9 и 10½ мѣс., на одномъ между 8 и 10, на одномъ—10 и, наконецъ, на послѣднемъ—8 мѣсяцевъ въ годъ; на тѣхъ кожевенныхъ заводахъ, на которыхъ работа продолжается не круглый годъ, работаютъ отъ 8 до 10 мѣсяцевъ, вообще же для этого производства, слѣдовательно,—отъ 8 до 12 мѣс.; въ свѣчно-мыловаренномъ—рабочій годъ равняется 6—12 мѣс., въ винокуренномъ—9—10, въ стеклодѣлательномъ—10.

Слѣдовательно, крайнія границы колебаній годового рабочаго періода для болѣе крупной частной промышленности на Алтаѣ будутъ отъ 6 до 12 мѣсяцевъ.

Время перерывовъ, какъ и ближайшія причины ихъ, неодинаковы. На многихъ заводахъ, особенно мелкихъ, еще недавно вышедшихъ изъ числа кустарныхъ мастерскихъ, перерывы совпадаютъ съ періодомъ полевыхъ работъ, когда, какъ уже говорилось выше, цѣны на рабочія руки рѣзко повышаются, таковы, напр., остановки въ овчинномъ производствѣ. Перерывы въ дѣятельности кожевенныхъ заводовъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ тоже совпадаютъ съ этимъ временемъ, но заводовладѣльцы объясняютъ ихъ недостаткомъ матеріала обработки лѣтомъ, когда сохраненіе мяса сопряжено съ большими неудобствами, „заколъ" скота сильно сокращается, достигая въ Пет-

ровскій и Успенскій посты своего минимума, и кожъ на всѣ заводы не хватаетъ; кто обладаетъ болѣе солиднымъ капиталомъ, тотъ производитъ крупныя закупки матеріала зимою; у кого средствъ помоньше, тѣ сокращаютъ производство на всѣ лѣтніе мѣсяцы или только на нѣсколько послѣднихъ. Въ другихъ случаяхъ заводы останавливаются въ концѣ зимы за недостаткомъ „дуба“, два завода стоятъ въ самое холодное зимнее время съ цѣлью сокращенія расходовъ по производству и т. д. Совершенно иными причинами вызываются остановки крупчатныхъ заводовъ, производящіяся дважды въ годъ. Всѣ алтайскія крупчатни работаютъ водой, а не паромъ, почему, во время весенняго ледохода и разлива, а также осенняго рѣкостава, волей-неволей должны останавливаться. Продолжительность остановки зависитъ отъ свойства тѣхъ рѣкъ или рѣчекъ, водою которыхъ дѣйствуютъ заводы. Стекольный заводъ пріостанавливаетъ свою дѣятельность въ видахъ ремонта, винокуренный— изъ боязни перепроизводства и т. д.

Здѣсь для насъ важно лишь одно обстоятельство: исключая крупчатные заводы, пріостановка въ дѣятельности завода влечетъ за собой или прекращеніе выдачи рабочей платы, или же совершенное распущеніе рабочихъ. Трудно сказать, что лучше для рабочаго: сохранить ли мѣсто, лишь временно лишившись заработка, или лишиться мѣста и подвергнуться риску, соединенному съ отысканіемъ новаго заработка. На этотъ вопросъ возможенъ удовлетворительный отвѣтъ не вообще, а по поводу каждаго частнаго случая отдѣльно: при однихъ условіяхъ будетъ выгоднѣе тотъ исходъ, при другихъ иной.

Какъ бы тамъ ни было, подобные перерывы не могутъ не отражаться на общемъ положеніи рабочихъ, внося въ ихъ жизнь неровность заработка, необезпеченность, заставляя ихъ переходить отъ одного заработка къ другому и въ лучшихъ случаяхъ втягиваться въ долги и обязательства. Для рабочихъ, могущихъ заниматься полевыми работами, эти кризисы менѣе тяжелы, такъ какъ рабочая плата земледѣльческому рабочему въ нѣсколько разъ выше платы заводскому, и *„пространдовавъ“*, каждый можетъ заработать столько, что всѣ расходы, сопряженные съ потерей мѣста и заработка, будутъ возмѣщены. Къ сожалѣнію, этого нельзя сказать обо всѣхъ рабочихъ, временно лишающихся заработка на заводахъ.

Я уже сказалъ, что во многихъ изъ мѣстныхъ производствъ мастера настолько оторвались отъ земли, даже отъ всякаго иного труда, что, кромѣ своей заводской работы, ничѣмъ дру-

тимъ заниматься не могутъ; таково, напр., большинство кожевниковъ-„отдѣльщиковъ“, „стругальщиковъ“, мастеровъ-овчинниковъ. Не только мастера, но и среди рабочихъ извѣстный процентъ лицъ совершенно сросся съ даннымъ производствомъ, съ данной отраслью труда. Для всѣхъ такихъ рабочихъ каждый перерывъ въ дѣятельности завода, сопряженный съ временнымъ прекращеніемъ заработка, долженъ быть особенно чувствителенъ. Можетъ быть, эти перерывы еще чувствительнѣе для рабочихъ тѣхъ заводовъ, остановка которыхъ приходится на зимніе мѣсяцы: полевыхъ работъ не можетъ быть, всѣ мастерскія и заводы переполнены, всюду избытокъ рабочихъ силъ, спроса на трудъ никакого.

Я думаю совершенно лишнее прибавлять, что во всѣхъ случаяхъ сокращенія производства или временной пріостановки его, рабочіе, теряющіе заработокъ, не получаютъ отъ заводовладѣльцевъ никакого вознагражденія, никакихъ льготъ. Это само собою понятно, хотя Ивановскій заводъ и нашелъ нужнымъ внести въ условія параграфъ, гласящій, что „по излишеству людей“ каждый рабочій можетъ быть уволенъ съ завода „во всякое время“. Совершенно излишняя предусмотрительность.

Можно установить за общее правило, что рабочихъ дней въ мѣсяцъ тѣмъ больше, чѣмъ ближе заводъ къ Томску. Тѣ праздники, которые гдѣ-нибудь подъ Барнауломъ или Бійскомъ празднуютъ всѣ заводы, не празднуются рабочими подтомскихъ заводовъ, какъ на нихъ не пользуются рабочіе и воскреснымъ отдыхомъ. Я склоненъ объяснять это вліяніемъ болѣе развитой промышленности Томска, тверже ставшей на почву капитализма: гдѣ на барнаульскихъ, бійскихъ и др. болѣе захолустныхъ заводахъ можно встрѣтиться съ извѣстной степенью патріархальности, ротозѣйствомъ и плутоватымъ благодушіемъ, тамъ на томскихъ заводахъ найдете одинъ разсчетъ, выкладку. Чѣмъ полнѣе, послѣдовательнѣе и дальше проведены этотъ разсчетъ и выкладка, тѣмъ болѣе развитою будетъ считаться промышленность, и обратно. Вотъ это-то „развитіе“ и оказываетъ вліяніе на окружающіе заводы: гг. Ж., Ш. и др. просто учатся считать. Ариѳметическій разсчетъ говоритъ, что для завода выгоднѣе, если 52 праздничныхъ дня рабочій употребитъ на заводскую работу вмѣсто того, чтобы проваляться на печи, проиграть на гармоникѣ или, еще того хуже, пропьянствовать, и воскресные дня превращаются въ простые рабочіе, какъ и всѣ остальные праздники, за исключеніемъ двунадесятыхъ, нѣкоторыхъ царскихъ, двухъ послѣднихъ дней масляницы да Пе-

трова и Николина дней. Тотъ же разсчетъ, какъ увидимъ ниже, прилагается и къ другимъ сторонамъ заводской дѣятельности. Особенно хорошо усвоилъ эту своеобразную ариѳметику крупчатникъ Ж., проводящій ее съ большой послѣдовательностью на Елизаветинскомъ заводѣ.

Барнаульскіе, бійскіе и пр. предприниматели до этого еще не дошли; у нихъ, кромѣ двунадесятыхъ и табельныхъ праздниковъ, не работаютъ во всѣ воскресные дни и во многіе изъ второстепенныхъ праздниковъ, напримѣръ, 20 іюля; въ деревняхъ и горнозаводскихъ селеніяхъ заводы имѣютъ еще болѣе праздниковъ, что и понятно. Киргизы на Троицкомъ крупчатномъ заводѣ подъ Барнауломъ работаютъ, по выраженію мастера, „круглый годъ", т. е., кромѣ воскресныхъ дней, они имѣютъ только 6 своихъ магометанскихъ праздниковъ и по одному дню въ Пасху, Рождество и масляницу.

Но возвратимся къ притомскимъ заводамъ. На крупчатнѣ Ш. и Ю. въ воскресенье, по заявленію конторы, не работаютъ, что въ дѣйствительности обозначаетъ слѣдующее: заводъ стоитъ одну смѣну—съ 4 ч. утра до 12 дня; въ это время происходитъ чистка машинъ, т.-е. на отдыхъ остается, самое большее, часа два. На другихъ заводахъ съ чисткой машинъ обходятся еще проще: она производится во время дѣйствія завода, на ходу. На заводахъ Г. и Ж. въ нерабочіе праздники заводъ пускается въ 4—6 час. вечера, такъ что рабочіе пользуются далеко не всѣмъ праздничнымъ днемъ, а если принять во вниманіе распредѣленіе рабочаго времени въ теченіе сутокъ, то окажется, что при такой системѣ праздничнымъ отдыхомъ пользуются и не всѣ рабочіе—въ лучшемъ случаѣ половина ихъ стоитъ на работѣ, а то $^2/_3$, останавливаютъ ли заводъ на 8 или на 12 часовъ въ сутки. На заводѣ Б. работы останавливаются съ вечера наканунѣ праздника; здѣсь, впрочемъ, по словамъ конторы, и воскресные дни празнуются. На заводѣ Г. стараются такъ подогнать, чтобы въ мѣсяцъ рабочіе имѣли два, иногда три дня праздника, и т. д., и т. д. Впрочемъ, и Иткульскій винокуренный заводъ въ этомъ отношеніи стоитъ не въ послѣднихъ рядахъ: здѣсь работы пріостанавливаются лишь на 3 дня Пасхи и на 3 же дня Рождества; во всѣ же остальные воскресные и праздничные дни заводъ идетъ безостановочно. Нѣтъ праздниковъ и на стеклодѣлательномъ заводѣ. Вообще съ этой стороны заводы оставляютъ желать весьма многаго.

Еще бо́льшаго оставляетъ желать распредѣленіе рабочаго времени въ предѣлахъ сутокъ. Начнемъ съ крупчатныхъ заво-

довъ. На всѣхъ семи крупчатныхъ заводахъ Алтая заведенъ одинъ и тотъ же порядокъ: сутки раздѣляются на три равныя „смѣны", по 8 часовъ каждая, рабочіе же только на двѣ смѣны. Вслѣдствіе этого суточный трудъ распредѣляется между рабочими неравномѣрно, и для части рабочихъ онъ сопровождается восьмичасовымъ перерывомъ, что во всякомъ случаѣ не представляетъ какихъ-либо удобствъ для рабочихъ; наконецъ, для той же части рабочихъ количество труда въ сутки слишкомъ велико. Въ самомъ дѣлѣ, если за починъ работы возьмемъ 4 часа воскресенья, то первая смѣна будетъ непрерывно на работѣ до 12 часовъ ночи, когда ее замѣнитъ вторая смѣна, которая будетъ находиться на заводѣ до 8 ч. слѣдующаго утра; въ это время на работу вновь станетъ первая смѣна и проработаетъ до окончанія сутокъ, т.-е. до 8 час. вечера понедѣльника. Такимъ образомъ, первая смѣна въ теченіе сутокъ проработала 16 часовъ, имѣя всего 8 час. для отдыха, пріема пищи и пр.; вторая имѣла 8 час. работы и 16 час. отдыха, раздѣленнаго на двѣ части. Въ слѣдующія сутки, обратно, первая смѣна будетъ работать 8 часовъ, вторая—16 и т. д.

Контора одного изъ заводовъ увѣряетъ, что рабочіе предпочитаютъ такое распредѣленіе времени двухсмѣнному дѣленію сутокъ при 12-ти-часовой непрерывной работѣ. Очень возможно, что рабочіе находятъ для себя какія-либо удобства въ трехсмѣнномъ дѣленіи сутокъ; тѣмъ не менѣе оно безусловно должно быть осуждено какъ съ гигіенической, такъ и съ общественно-нравственной точки зрѣнія. Чрезмѣрное напряженіе силъ въ однѣ сутки не можетъ быть вполнѣ, безъ всякихъ послѣдствій для здоровья возстановлено даже полнымъ отдыхомъ въ слѣдующія сутки, если это продолжается въ теченіе болѣе или менѣе длиннаго періода времени, напр., нѣсколько лѣтъ; тѣмъ труднѣе говорить о полномъ возстановленіи потраченныхъ силъ, если слѣдующій за этимъ отдыхъ въ свою очередь перерывается продолжительнымъ напряженіемъ силъ въ восьми-часовую смѣну вторыхъ сутокъ. Къ этому нужно прибавить, что работа слѣдующихъ сутокъ можетъ прійтись цѣликомъ или частью на ночное время, что послѣ 16-ти часового труда человѣкъ на слѣдующія сутки долженъ вновь стать на работу, употребивъ на отдыхъ, пріемъ пищи, переходы съ завода домой и обратно, какъ бы коротки они ни были, всего 8 часовъ, т.-е. время, котораго послѣ такого напряженія силъ недостаточно даже для того, чтобы просто стряхнуть съ себя чувство физической усталости.

Не меньше неудобствъ представляетъ такое дѣленіе сутокъ и съ общественно-нравственной стороны. Неправильно распредѣляемое рабочее время необходимо должно отражаться на всемъ складѣ жизни рабочаго, всюду должны вноситься безпорядочность, неровности, скачки. Сколько-нибудь регулярный образъ жизни при такихъ условіяхъ рѣшительно невозможенъ не только для самого рабочаго, но и для всей его семьи: время сна, пріемовъ пищи и пр.—все это зависитъ отъ того, какая смѣна работаетъ на заводѣ. 16-ти-часовой отдыхъ можетъ казаться выгоднымъ для рабочаго, но это именно только можетъ казаться. Эти 16 часовъ, раздѣленные 8-часовымъ заводскимъ трудомъ, должны уходить чуть не цѣликомъ на простой физическій отдыхъ, сонъ и пр., на то, чтобы отдохнуть отъ напряженія прошлыхъ сутокъ и подготовиться къ подобнымъ же слѣдующимъ суткамъ, такъ что для употребленія на себя изъ этого времени у рабочаго остается очень немного.

Съ подобнымъ распредѣленіемъ времени мы уже не встрѣчаемся ни на одномъ изъ остальныхъ частныхъ заводовъ Алтайскаго округа. Правда, въ томъ отдѣленіи стекольнаго завода, гдѣ производится разводка „холявъ“ — первоначальная форма оконнаго стекла,— рабочія сутки также раздѣлены на три части, по 8 ч. каждая, но въ то же время на 3 смѣны раздѣлены и сами разводчики, такъ что каждый изъ нихъ работаетъ въ сутки не болѣе 8 часовъ, въ дѣйствительности же часто и менѣе: разводка производится нѣсколько быстрѣе, чѣмъ заготовленіе холявъ, почему разводчики и выгадываютъ извѣстное число часовъ отдыха въ рабочее время. Чаще всего они стараются такъ подогнать, чтобы пользоваться воскреснымъ днемъ, когда всѣ другіе рабочіе заняты на заводѣ. На такихъ же основаніяхъ распредѣляется время и между шуралями—кочегарами при стеклоплавильныхъ печахъ: каждая изъ трехъ смѣнъ работаетъ по 8 часовъ въ сутки.

Вообще же говоря, рабочее время на стеклодѣлательномъ заводѣ распредѣляется чрезвычайно неправильно, что зависитъ отъ общей постановки даннаго производства въ настоящее время, отчасти же отъ недостаточно внимательнаго отношенія къ интересамъ труда со стороны лицъ, управляющихъ Ивановскимъ заводомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ время распредѣляется неравномѣрно и по отношенію отдѣльныхъ отраслей производства, почему будетъ удобнѣе разсмотрѣть вопросъ о продолжительности рабочаго дня въ стекольномъ производствѣ отдѣльно для каждой его отрасли. Сдѣлать это тѣмъ необходимѣе, что придется го-

ворить о характерѣ труда въ каждой изъ отраслей, безъ чего и самое распредѣленіе работъ не будетъ вполнѣ понятно.

Плавильная печь (простая французская) находится въ непрерывномъ дѣйствіи отъ момента окончанія кладки и первой растопки до разрушенія или необходимости произвести серьезный ремонтъ. Продолжительность этого періода зависитъ отъ качества кирпича, кладки и пр., но долѣе 10 мѣсяцевъ на Ивановскомъ заводѣ ни одна печь не выдерживала, до перваго же ремонта долѣе 5 мѣс.; чаще же всего печь держится 7—8 мѣсяцевъ, иногда нѣсколько дольше, иногда меньше.

Въ зависимости отъ характера печи и ея непрерывнаго дѣйствія находится трудъ всѣхъ, возлѣ нея работающихъ. Сюда прежде всего относится трудъ шуравей, о которыхъ уже говорилось нѣсколько выше; непосредственно за ними слѣдуетъ поставить мастера-стекловара или „варилу" и при немъ 4 „матерьяльщиковъ", изъ которыхъ двое находятся съ варилой возлѣ печи, двое другихъ въ особомъ отдѣленіи завода— въ „составной" и заняты приготовленіемъ массы для варки стекла. Варила и его помощникъ находятся у печи во все время варки стекла, которая продолжается, смотря по составу массы, времени года и нѣкоторымъ другимъ условіямъ, отъ 20 до 40 часовъ, чаще же отъ 26 до 32. Въ это время варила и матерьяльщики могутъ поочередно ненадолго отлучаться, чтобы, напр., напиться чаю, пообѣдать; дозволяется также спать на верстакѣ (помостъ, окружающій печь, на которомъ производятся работы). Но ни эти отлучки, ни этотъ сонъ не могутъ имѣть сколько-нибудь серьезнаго значенія при опредѣленіи продолжительности рабочаго дня варилы и другихъ. Нужно только представить себѣ адскую температуру на верстакѣ и всю обстановку „гуты", о чемъ будетъ сказано ниже, чтобы понять, что 2 — 3 часа сна на верстакѣ при 20—40-часовомъ рабочемъ періодѣ никакъ не могутъ идти въ число часовъ отдыха: только чрезмѣрное истощеніе силъ можетъ заставить человѣка заснуть при такихъ условіяхъ. Почти на ходу выпитый чай, кое-какъ проглоченный обѣдъ также едва ли возможно отнести къ какому-либо виду „отдыха". Во время переработки сварившейся массы въ стекло и посуду, что продолжается отъ 8 до 12 часовъ, варила и его два товарища могутъ уходить съ завода и отдыхать дома; затѣмъ слѣдуютъ новые 20 — 40 часовъ работы, и опять отдыхъ 8—12 час. и т. д., до тѣхъ поръ, пока не откажется служить печь. Тогда варила и его два товарища переходятъ на другую печь, гдѣ повторяется та же процедура. Впрочемъ, на Ивановскомъ

заводѣ такой порядокъ соблюдается не всегда; чаще за погашеніемъ печи слѣдуетъ ея разборка и затѣмъ новая кладка, на что употребляется около мѣсяца; въ ходъ пускается уже новая печь. Пока печь разбирается и кладется вновь, варилѣ и его товарищамъ дѣлать почти нечего, но они продолжаютъ получать жалованье въ полномъ размѣрѣ. Эти перерывы нѣсколько облегчаютъ тяжесть условій труда въ разсматриваемой отрасли стекольнаго производства.

Матерьяльщики, занятые приготовленіемъ „состава" стеклянной массы, работаютъ часовъ 12 подъ-рядъ, послѣ чего слѣдуетъ отдыхъ около сутокъ. Въ виду неодинаковости затрачиваемаго матерьяльщиками труда при печи и въ составной варила, въ полномъ распоряженіи котораго они находятся, время отъ времени ихъ мѣняетъ, поочередно назначая къ печи одного, другой же работаетъ здѣсь постоянно и является какъ бы помощникомъ варилы; жалованья онъ получаетъ болѣе остальныхъ трехъ товарищей.

Сварившаяся масса перерабатывается въ оконное стекло и посуду холявными и посудными мастерами, баночниками и хлопчиками. Большая часть баночниковъ—подростки лѣтъ по 14—17, хлопчики же дѣти лѣтъ по 8. Рабочее время посудной и холявной группы неодинаково.

Прежде всего на работу становятся посудники—19 мастеровъ, при каждомъ изъ которыхъ по одному подручному баночнику и по одному хлопчику. Смѣна эта работаетъ три часа, уступая затѣмъ мѣсто второй смѣнѣ посудниковъ—чел. 7—9 мастеровъ съ соотвѣтствующимъ числомъ баночниковъ и хлопчиковъ и 10—12 холявныхъ мастеровъ. Часа въ 3 съ небольшимъ посудники успѣваютъ выработать нужное количество массы и уходятъ домой. Ихъ мѣста занимаютъ также мастера-холявщики и работаютъ до конца, пока остается въ горшкахъ масса. Такимъ образомъ, первая смѣна работаетъ 3 часа *въ варку*, вторая—столько же или нѣсколько болѣе; холявщики—9 час. и 6—5½. Между двумя варками массы холявщики обрѣзываютъ холявы, вынимая ихъ изъ калильной печи, а посудники изъ той же печи относятъ посуду въ браковочное отдѣленіе, а оттуда въ лавку и склады. Все это отнимаетъ у нихъ часа 2—3 и болѣе.

На обѣ смѣны посудныхъ мастеровъ полагается 2 откладчика, обязанность которыхъ состоитъ въ принятіи отъ хлопчиковъ выдутой посуды и помѣщеніи ея въ калильную печь. Первую посудную смѣну работаютъ оба откладчика, вторую—одинъ. Слѣдовательно, въ варку одинъ посудный откладчикъ работаетъ

3 ч., другой—6 и болѣе. Въ слѣдующую варку они мѣняются ролями и такимъ путемъ уравниваютъ затрачиваемое каждымъ количество труда. Холявные откладчики работаютъ наравнѣ со своими мастерами; ихъ также двое. О рабочемъ времени разводчиковъ, т.-е. тѣхъ рабочихъ, которые въ особыхъ печахъ расправляютъ холяву (полый цилиндръ) въ листовое стекло, я уже говорилъ выше.

Всѣ эти разнообразныя работы направлены непосредственно на выработку различныхъ сортовъ стекла; но на заводѣ производится много не менѣе разнообразныхъ подготовительныхъ работъ, суточная продолжительность которыхъ также не всегда одинакова въ разныхъ процессахъ производства.

Въ гончарнѣ, гдѣ изготовляютъ громадные горшки для плавки стеклянной массы—„дойницы", работаютъ отъ 7 ч. утра до 7 ч. вечера, съ тремя перерывами для обѣда и чая, общей сложностью въ 2 ч.; чистаго рабочаго времени, слѣдовательно, 10 ч. въ сутки. На толчеѣ, гдѣ занято человѣкъ 8, работаютъ на двѣ смѣны въ сутки, по 12 час. каждая, съ часовымъ перерывомъ, если заводъ въ полномъ ходу; при уменьшенной дѣятельности—одна смѣна съ 6 ч. утра до 6 и 7½ ч. вечера, смотря по времени года (зимою рабочій день короче). Также великъ рабочій день „поторжныхъ", т.-е. исполняющихъ различныя заводскія работы, но внѣ его стѣнъ, на дворѣ—укупорщики посуды и пр. Въ кузницѣ работаютъ отъ 6 ч. утра до 7—7½ ч. вечера, т.-е. чистой работы приходится около 12 часовъ въ сутки.

Изъ остальныхъ алтайскихъ заводовъ непрерывная въ теченіе цѣлыхъ сутокъ работа производится еще лишь на двухъ: на содовомъ заводѣ Пр. въ Барнаулѣ и на Иткульскомъ винокуренномъ подъ Бійскомъ. И тамъ, и тутъ сутки дѣлятся на двѣ равныя смѣны, по 12 ч. каждая. На содовомъ заводѣ каждая смѣна имѣетъ три получасовыхъ перерыва: въ 8 ч. утра (начало работъ дневной смѣны въ 6 ч. утра, окончаніе—6 ч. вечера), 12 ч. дня и 4 ч. вечера; въ это время рабочіе могутъ обѣдать и пить чай. Тѣ же перерывы и для ночной смѣны. На винокуренномъ заводѣ смѣна становится на работу въ 12 ч. дня, другая—въ 12 ч. ночи. Одна обѣдаетъ, другая ужинаетъ передъ началомъ работъ; чай же пить дозволяется въ продолженіе работъ, въ самомъ заводѣ; особаго времени для этого не назначается, такъ какъ заводскія работы такого сорта, что оставляютъ для этого достаточно времени.

На барнаульскихъ кожевенныхъ заводахъ работа начинается въ 4 часа утра и заканчивается лѣтомъ въ 8, а зимою въ 6 ч.

вечера. Лѣтомъ на обѣдъ дается 2 ч., зимою—1; на чай особаго времени не полагается: предоставляется пить его между дѣломъ, во время работъ; слѣдовательно, рабочій день равенъ 16—14 ч., а съ вычетомъ времени на обѣдъ—14—13 ч. Столько же часовъ работаютъ на нѣкоторыхъ заводахъ Змѣиногорска; но здѣсь же, на заводахъ С., М. и др. продолжительность рабочаго времени мнѣ была опредѣлена иная: отъ 8 ч. утра до 8 вечера съ двумя перерывами въ $2^{1}/_{2}$ ч. (зав. С.) и даже съ 8 ч. утра до 6 вечера съ такими же перерывами, какъ и на предыдущемъ заводѣ (зав. М.). Эти данныя настолько противорѣчатъ всѣмъ другимъ имѣющимся у меня свѣдѣніямъ о продолжительности рабочаго дня на кожевенныхъ заводахъ,—свѣдѣніямъ, полученнымъ мною отъ самихъ владѣльцевъ и ихъ довѣренныхъ,—что я склоненъ объяснить ихъ желаніемъ гг. С., М. и др. скрыть дѣйствительное положеніе дѣла отъ посторонняго глаза.

Еще больше продолжительность рабочаго дня на овчинныхъ заводахъ, гдѣ работы начинаются также въ 4 ч. утра и заканчиваются въ 9 ч. вечера, съ тремя получасовыми перерывами въ 7, 11 и 4 часа для обѣда и чая; лѣтомъ на обѣдъ, вмѣсто $^{1}/_{2}$ часа, дается 1 ч., такъ что въ общемъ всѣ три перерыва даютъ 2 ч., а не $1^{1}/_{2}$, какъ зимой. Иногда работа начинается въ 3 ч. утра и въ такомъ случаѣ заканчивается въ 8 и даже 7 ч. вечера. Рабочій день, слѣдовательно, будетъ 16—17 ч., а чистой работы 15—$15^{1}/_{2}$ ч.

Слѣдующее мѣсто по продолжительности дневныхъ работъ занимаетъ пивоваренный заводъ В.—17 часовъ во время варки и 15 въ остальное, при трехъ перерывахъ въ два часа; затѣмъ свѣчно-мыловаренные и свѣчно-восковые заводы; на нихъ рабочій день 15—13 ч. Въ свѣчно-мыловаренномъ производствѣ, во время подвоза сала, работа продолжается часовъ по 20, въ другое время гораздо меньше. На свѣчно-восковыхъ заводахъ рабочее время распредѣляется болѣе равномѣрно: отъ 5 ч. утра до 8 ч. вечера съ однимъ перерывомъ въ два часа во всякое время года.

Изъ этого краткаго обзора рабочаго времени между прочимъ видно, что тамъ, гдѣ работа производится непрерывно въ теченіе цѣлыхъ сутокъ, распредѣленіе рабочаго времени въ большинствѣ случаевъ чрезвычайно неудачно; гдѣ же работа лишь дневная, тамъ продолжительность работъ слишкомъ велика. Исключеніе составляетъ Ивановскій стеклодѣлательный заводъ, на которомъ въ нѣкоторыхъ отрасляхъ производства рабочій періодъ, взятый самъ по себѣ, невеликъ: отъ 3 до 6

и 7 часовъ. Но надо знать условія самаго производства; надо самому хоть разъ видѣть обстановку, при которой происходитъ работа, чтобы понять, что три часа такой работы стоятъ 15—18 часовъ иной заводской же работы.

III.

Нельзя сказать, чтобы обстановка работы на большинствѣ частныхъ алтайскихъ заводовъ была сколько-нибудь удовлетворительна съ точки зрѣнія требованія фабричной гигіены, хотя бы самыхъ скромныхъ. Можно, правда, назвать рядъ заводовъ, своей внутренней обстановкой производящихъ самое благопріятное впечатлѣніе; таковы, напр., Иткульскій винокуренный заводъ П. и К°, того же владѣльца Троицкій крупчатный заводъ, крупчатные же заводы Повалишинскій Ф. и Бердъ Г. и немногіе другіе. Но это все рѣдкія исключенія, стоящія въ видимомъ противорѣчіи съ общей постановкой дѣла. Особенно въ этомъ отношеніи выдѣляются кожевенные и овчинные заводы, и именно на этихъ заводахъ, какъ мы видѣли, рабочій день особенно длиненъ. Не блещетъ удобствами и единственный не только на Алтаѣ, но и во всей Сибири содовый заводъ, а также Ивановскій стекольный, нѣкоторые изъ крупчатныхъ и др. заводы.

Со стороны внутренняго устройства почти половину крупчатныхъ заводовъ нужно отнести къ разряду неудовлетворительныхъ Главнѣйшіе недостатки ихъ—тѣснота, узость проходовъ между машинами, отсутствіе какихъ-либо ограждeній опасныхъ частей механизмовъ, неудачное расположеніе передаточныхъ ремней, недостатокъ выходовъ, отсутствіе баковъ для воды на случай пожара и т. д.; въ этомъ можно упрекнуть большую часть заводовъ. На такомъ крупномъ заводѣ, напр., какъ Аленинскій Б., мы не находимъ никакихъ ограждeній, кромѣ ограждeній махового колеса и идущаго отъ него привода; шестерни и другія опасныя части механизмовъ не прикрыты, передаточные ремни кожуховъ не имѣютъ и т. д. Лѣстницы чрезвычайно узки, какъ и нѣкоторые проходы, наружныхъ лѣстницъ нѣтъ, только верхній этажъ соединенъ съ сосѣднимъ амбаромъ деревяннымъ помостомъ. Съ тѣми же недостатками мы встрѣчаемся на Чернопятовскомъ, Троицкомъ Ш. и Ю. и нѣк. друг. заводахъ. Особенно же обращаетъ на себя вниманіе по неудовлетворительности своего внутренняго устройства заводъ Ж. подъ Колыванью. Здѣсь тѣснота достигаетъ, кажется, послѣднихъ предѣловъ возможнаго: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ

между машинами пройти вовсе нельзя; въ остальныхъ проходы тѣсны, завалены мѣшками съ мукой; лѣстница только съ одной стороны завода, но и та помѣщается въ какомъ-то закоулкѣ, куда попасть можно, только хорошо зная внутреннее расположеніе зданія. Вторую лѣстницу должны замѣнять два балкона верхняго этажа, къ которымъ приставлены наружныя лѣстницы; польза этихъ балконовъ, однако, весьма сомнительна. Не говоря уже о томъ, что къ балкону трудно пройти вслѣдствіе запутанности переходовъ, тѣсноты и грудъ мѣшковъ съ крупчаткой, самый выходъ въ дверь очень затруднителенъ, если только вообще возможенъ; по крайней мѣрѣ, мои личныя попытки пройти въ дверь ни къ чему не привели, и я долженъ былъ отказаться отъ удовольствія побывать на балконѣ. Дѣло въ томъ, что передъ самой дверью, которая и сама по себѣ не широка, проходитъ передаточная труба, дѣлящая дверь на двѣ части, каждая изъ которыхъ слишкомъ узка, чтобы служить свободнымъ проходомъ для человѣка. Остроуміе подобнаго сооруженія можетъ равняться внимательности владѣльца завода къ человѣческой жизни. Эти балконы имѣютъ спеціальное назначеніе служить для рабочихъ выходомъ въ случаѣ пожара въ верхнихъ этажахъ, откуда одного внутренняго выхода недостаточно. Между тѣмъ, въ случаѣ пожара-то эти балконы всего менѣе могутъ служить: если человѣку такъ трудно попасть туда въ обычное время, то можно представить, какую службу они сослужатъ во время пожара, когда подъ вліяніемъ паники люди бросятся именно сюда, ища спасенія, и здѣсь-то обрѣтутъ себѣ могилу, такъ какъ очень немногимъ изъ толпы удастся проскользнуть въ эти щели. Мастеръ завода увѣряетъ, впрочемъ, что „они пролѣзутъ“. Въ противоположность большинству крупчатныхъ заводовъ, здѣсь положительный недостатокъ дневного свѣта; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прямо темно. Въ ночное время заводъ освѣщается электричествомъ.

Немногимъ лучше обстановка на заводѣ Ш. и Ю. и нѣк. другихъ. Тѣмъ пріятнѣе производятъ впечатлѣніе крупчатный заводъ П. въ Барнаулѣ и еще болѣе заводъ Ф. тамъ же и Бердъ Г. На всѣхъ этихъ заводахъ бросаются въ глаза чистота, свободная разстановка машинъ, широкія, отлогія лѣстницы и пр. Въ этомъ отношеніи лучше всѣхъ обставлены два послѣдніе изъ названныхъ заводовъ. На заводѣ Ф. просторнѣе размѣщены машины, всѣ ремни снабжены кожухами въ нужныхъ мѣстахъ и пр.; у Г. все это, хотя нѣсколько тѣснѣе, но щеголеватѣе, бьетъ на эффектъ. Кожухи имѣются далеко не вездѣ; въ нѣко-

торыхъ этажахъ передаточные ремни расположены недостаточно удобно: при проходѣ постоянно нужно остерегаться, какъ бы не задѣть за скользящіе въ разныхъ направленіяхъ ремни,—то приходится наклоняться подъ ними, то переступать черезъ нихъ. Все это, разумѣется, недостатки и очень серьезные, но послѣ заводовъ, подобныхъ заводу Ж., ихъ положительно не замѣчаешь: чистота, опрятность, обиліе свѣта, просторъ—вотъ что бросается прежде всего въ глаза.

Недостаткомъ всѣхъ заводовъ является устройство самаго нижняго отдѣленія, гдѣ помѣщаются водяныя колеса. Здѣсь низко, тѣсно, сыро и скользко. Постоянно здѣсь никто не работаетъ, но зимой приходится спускаться раза по два въ сутки и чаще одному-двумъ рабочимъ для обиванія настывшаго на колесахъ льда. Эта работа сопряжена съ большими опасностями, такъ какъ исполнять ее приходится во время хода завода, цѣпляться за всякую неровность въ стѣнѣ, за всякій выступъ, чтобы удобнѣе помѣститься. Малѣйшая неосторожность грозитъ моментальной смертью или калѣчествомъ на всю жизнь. Особенно тяжела эта работа ночью, когда одна рука занята свѣчей, задуваемою вѣтромъ. Я знаю случай, когда вѣтеръ задулъ свѣчу, и рабочій нѣсколько часовъ просидѣлъ на морозѣ, гдѣ-то между колесами, боясь пошевелиться, чтобы не сорваться подъ колесо. Крики, заглушаемые шумомъ колесъ, не были услышаны. Черезъ нѣсколько часовъ онъ былъ случайно найденъ другимъ рабочимъ. Это отдѣленіе никогда не освѣщается, да въ него врядъ ли кто и заглядываетъ, кромѣ самихъ рабочихъ. На нѣкоторыхъ заводахъ, впрочемъ, вводятся тюрбины, а вмѣстѣ съ тѣмъ исчезаетъ и самое колесное отдѣленіе. Напр., у Г. отдѣленіе, гдѣ находится тюрбина, производитъ очень хорошее впечатлѣніе: все, что только представляетъ какую-нибудь опасность, предусмотрительно огорожено барьерами и прикрыто щитками.

Другую слабую сторону всѣхъ заводовъ представляетъ обивное или обдерное отдѣленіе, гдѣ производится первоначальная чистка зерна и обдирка его. Мелкая пыль до того наполняетъ это отдѣленіе, что сквозь ея густые слои съ трудомъ можно различить свѣтъ электрической лампочки. Къ счастью, оставаться въ этомъ отдѣленіи рабочимъ приходится не особенно долго, они заходятъ въ него лишь на короткое время, такъ что вредъ для здоровья рабочихъ уменьшается до извѣстной степени; но и недолгаго пребыванія, если оно часто повторяется, совершенно достаточно, чтобы разстроить дыхательные органы.

Вотъ почему было бы желательно, чтобы рабочимъ, вынужденнымъ работать тутъ во время дѣйствія завода, выдавались респираторы, которые хоть нѣсколько защищали бы ихъ отъ вдыханія пыли.

Всѣ крупчатные заводы обладаютъ однимъ общимъ свойствомъ, выгодно выдѣляющимъ ихъ изъ ряда почти всѣхъ остальныхъ. Я говорю о замѣчательной чистотѣ воздуха. Даже заводъ Ж. не составляетъ въ этомъ случаѣ исключенія, хотя на немъ и грязнѣе, чѣмъ на всѣхъ прочихъ.

Обиліемъ, чистотой воздуха и опрятностью всей обстановки отличается также Иткульскій винокуренный заводъ П. и К°. Расположеніе чановъ просторно и удобно, заводъ имѣетъ два выхода, такъ что въ пожарномъ отношеніи представляетъ менѣе опасности, чѣмъ многіе другіе. Особенно хорошо „аппаратное“ отдѣленіе, гдѣ, между прочимъ, помѣщается и контрольный снарядъ. Мнѣ приходилось видѣть и другіе винокуренные заводы въ Сибири, и я долженъ сказать, что по внутреннему благоустройству заводъ П. положительно лучшій.

Изъ всѣхъ кожевенныхъ заводовъ Барнаула, Бійска, Змѣиногорска, Павловска, не говоря уже о деревенскихъ, сколько-нибудь сносно обставленъ лишь одинъ заводъ С. подъ Барнауломъ. Здѣсь всѣ отдѣленія просторны и свѣтлы; даже въ квасильномъ, наиболѣе грязномъ по самому характеру своего производства, нѣтъ того смрада, сырости, непролазной грязи, которые являются столь характерными для алтайскихъ кожевенныхъ заводовъ. Я не могу сказать, что здѣсь сухо, чисто и пр.,— нѣтъ, всѣ недостатки, присущіе вообще сибирскимъ кожевеннымъ заводамъ, мы встрѣчаемъ и здѣсь, но въ гораздо меньшей степени, и въ этомъ коренная разница. Въ другихъ отдѣленіяхъ нѣтъ даже сырости и пр. недостатковъ квасильнаго: помѣщенія просторныя, свѣтлыя, воздухъ, хотя и пропитанъ характернымъ запахомъ кожи, но относительно чистъ и сухъ. Особенно удовлетворительна отдѣлочная мастерская, гдѣ выдѣлывается гамбургскій товаръ и помѣщается сапожная.

Къ сожалѣнію, нельзя сказать и десятой доли того же о всѣхъ другихъ кожевенныхъ заводахъ Алтайскаго округа. Отличительными чертами всѣхъ ихъ служатъ сырость, ѣдкій, губительный воздухъ, въ которомъ тяжело оставаться долѣе нѣсколькихъ минутъ, грязь и темнота—на многихъ такъ мало оконнаго свѣта, что съ трудомъ можно различать предметы, войдя съ улицы, пока глазъ не привыкнетъ къ полумраку. Чаны, какъ квасильный, такъ и зольный, хотя и прикрываются, но чаще

всего плохо, такъ что возможность провалиться въ нихъ всегда достаточно велика. Такова общая физіономія мѣстнаго кожевеннаго завода. Особенности, характеризующія каждый изъ нихъ, придающія ему индивидуальныя черты, сводятся къ большей или меньшей степени неустройства: на одномъ совершенный мракъ, когда на другомъ съ грѣхомъ пополамъ кое-что можно еще разобрать; тамъ воздухъ настолько тяжелъ, что затрудняется дыханіе, здѣсь хотя и скверно, но все же въ переносъ—и т. п. Чтобы составить представленіе объ этихъ заводахъ, возьмемъ нѣсколько для образчика.

Вотъ заводъ, принадлежащій В. С. и считающійся однимъ изъ крупнѣйшихъ мѣстныхъ заводовъ. Это — длинное, низкое бревенчатое зданіе, раздѣленное поперечной стѣной на двѣ части. Въ первомъ отдѣленіи помѣщаются зольные чаны, и носитъ оно названіе „зольни"; во второмъ, называемомъ „дубильня", — дубильные чаны; тутъ же и сушильня. Въ первомъ отдѣленіи вынутыя изъ зольниковъ кожи складываютъ въ „штабеля", гдѣ онѣ и „прѣютъ"; во второмъ ихъ очищаютъ отъ шерсти, скоблятъ и сушатъ. Вотъ и все „заведеніе". Отапливается оно желѣзной печью, труба которой разноситъ тепло по обоимъ отдѣленіямъ. Помѣщеніе очень низкое, едва освѣщаемое крохотными, загрязненными оконцами, черезъ которыя плохо проникаетъ дневной свѣтъ. Вездѣ лужи воды, грязь, слизь, всякая мерзость; это въ первомъ отдѣленіи. Во второмъ та же картина, но къ ней нужно прибавить кучи начищенной шерсти и настроганной мездры (внутренняя сторона кожи); въ первомъ на нарахъ „штабеля", прикрытые рогожами. Воздухъ тяжелый и ѣдкій до того, что щиплетъ глаза. Нѣкоторые рабочіе—полунагіе, въ одной короткой рубахѣ, безъ штановъ, человѣка два въ кожаныхъ фартукахъ. Отдѣлочная мастерская въ особой избѣ: здѣсь работаютъ надъ отдѣлкой кожи; здѣсь же живутъ рабочіе, по стѣнамъ развѣшена одежда; спятъ на станахъ-верстакахъ. Атмосфера тяжелая, ѣдкая, хотя и сухая.

Заводъ М.—низкое, каменное (большая рѣдкость) зданіе, темное, изъ одной комнаты: тутъ и зольня, и дубильня, и сушильня; отдѣлочное и красильное отдѣленія помѣщаются въ особой избѣ; къ каменному зданію сдѣлана пристройка—деревянный сарай для лѣтнихъ работъ, когда заводъ расширяетъ свою дѣятельность. Тѣ же грязь, сырость, удушливый, ѣдкій воздухъ, что и на предыдущемъ заводѣ, только въ усиленной степени.

На заводѣ И. С. первое отдѣленіе — зольня, полъ которой

составляютъ крышки чановъ, мокрыя, грязныя, ослизлыя; несмотря на то, что ворота были открыты настежъ, воздухъ спертый, смрадный. Еще хуже второе отдѣленіе — дубильня: чаны ничѣмъ не ограждены и не прикрыты; воздухъ еще тяжелѣе и ѣдче, грязь не меньшая. Верхній этажъ зданія представляетъ полутемную комнату—это отдѣлочная, она же и казарма. Вдоль одной стѣны нары, на которыхъ во время работы помѣщаются рабочіе, а ночью на нихъ спятъ; въ углу виситъ ихъ одежда, а подъ нарами сундуки. Вездѣ грязь. Слѣдующая комната—сушильня, гдѣ на шестахъ развѣшаны сотни кожъ, распространяющихъ ѣдкій смрадъ. Дверь въ первую комнату, казарму—отдѣлочную, не навѣшена, почему всѣ испаренія отъ сохнущихъ кожъ безпрепятственно проникаютъ туда. Другая сушильня сбоку; входъ въ нее изъ сѣней.

Я могъ бы дѣлать еще и еще выписки изъ записной книжки, но думаю, что и приведенныхъ болѣе чѣмъ достаточно. Мнѣ остается прибавить одно: на всѣхъ этихъ заводахъ я былъ лѣтомъ, когда двери съ улицы не запираются, часть работъ производится внѣ зданія, когда, слѣдовательно, обстановка въ мастерскихъ должна быть хоть нѣсколько сноснѣе—чище воздухъ, меньшая скученность и т. д. Зимой же эти заводы должны производить еще болѣе тяжелое впечатлѣніе, чѣмъ лѣтомъ.

Необходимо сказать два слова о толчеяхъ, имѣющихся при большинствѣ кожевенныхъ заводовъ для измельченія „дуба“ — сухой ивовой коры. Толчея—это небольшой деревянный срубъ, въ родѣ мельничнаго, въ которомъ дѣйствуютъ 10—20 деревянныхъ съ желѣзными наконечниками пестовъ, приводимыхъ въ движеніе водой. Раздробляемая кора отдѣляетъ массу чрезвычайно тонкой пыли, толстымъ слоемъ покрывающей стѣны амбара. Во время работы пестовъ амбарчикъ буквально переполняется пылью, сквозь облака которой не всегда можно различить противоположную стѣну. Никакихъ приспособленій для предохраненія рабочихъ отъ дѣйствія этой пыли ни на одномъ заводѣ нѣтъ; рабочіе нигдѣ даже не повязываютъ себѣ ротъ и носъ тряпкой, которая до извѣстной степени все же задерживала бы пыль. О респираторахъ нечего и говорить — здѣсь о нихъ и не слыхали.

Овчинные заводы также похожи одинъ на другой, и обстановка ихъ еще менѣе удовлетворительна, чѣмъ на кожевенныхъ. Типичнымъ для Алтая свѣчнымъ заводомъ будетъ бревенчатое зданіе, иногда раздѣленное внутренней стѣной на двѣ, даже на три части (послѣднее чрезвычайно рѣдко). Окна неболь-

шія, едва пропускающія дневной свѣтъ. Въ первомъ отдѣленіи помѣщается квасильня, гдѣ овчины подвергаются первоначальной обработкѣ; во второмъ квасильня и сушильня; иногда каждое изъ этихъ отдѣленій помѣщается особо. Мелкая шерстяная пыль, удушливый, ѣдкій воздухъ, отравляемый выдѣленіями изъ квасильнаго чана и красящими веществами, слишкомъ высокая температура, темнота, сырость, непролазная грязь, покрывающая земляной полъ, закопченныя стѣны—все это дѣлаетъ пребываніе въ заводѣ для непривычнаго человѣка почти невозможнымъ долѣе нѣсколькихъ секундъ. Пробывши минуту—двѣ, я выходилъ изъ завода съ отуманенной головой и бьющимся сердцемъ; на нѣкоторыхъ заводахъ воздухъ былъ такъ удушливъ, что не было рѣшительно никакой возможности остаться тамъ даже на такое короткое время, чтобы оглядѣться и поздороваться съ работающими тамъ людьми, и я выскакивалъ на улицу. Такова обстановка овчинныхъ заводовъ въ Барнаулѣ; такова же она и въ другихъ пунктахъ Алтая—ни лучше, ни хуже. Для характеристики же отдѣльныхъ заводовъ я вновь обращусь къ записной книжкѣ, куда мною заносились непосредственныя впечатлѣнія моего знакомства съ частной алтайской промышленностью.

Вотъ заводъ П. С. подъ Барнауломъ, одинъ изъ крупнѣйшихъ и лучшихъ мѣстныхъ заводовъ не въ смыслѣ обстановки, а по качеству вырабатываемаго товара. Мастерскія убійственно дурны: грязны, закопчены, темны, пропитаны ѣдкимъ запахомъ, съ трудомъ переносимымъ. Температура чрезвычайно высока, такъ что всѣ рабочіе безъ рубахъ, въ однихъ штанахъ, босикомъ. Двери выходятъ непосредственно на улицу и постоянно отворяются, причемъ работающихъ обдаетъ волнами врывающагося морознаго воздуха. Отхожее мѣсто помѣщается на улицѣ подъ открытымъ небомъ, рабочіе для надобности выскакиваютъ изъ мастерской въ томъ же видѣ, въ какомъ работаютъ, т.-е. безъ рубахъ и босикомъ. Это дѣлается, впрочемъ, и на всѣхъ другихъ заводахъ, какъ овчинныхъ, такъ и кожевенныхъ, стекольныхъ проч. На заводѣ П. П. мастерскія относительно высоки, но темны и тѣсны; остальное то же, что у С.: жаръ, клубы пара, ѣдкая пыль отъ струганья овчины и расчесыванья шерсти, грязь, копоть, ѣдкія выдѣленія овчинъ и красокъ. Этотъ заводъ вмѣстѣ съ пряничнымъ, сыромятнымъ, мыловаренным и свѣчно-салотопеннымъ заведеніями составлялъ отдѣльную заимку, стоявшую одиноко отъ другихъ подгородныхъ заводовъ. На этой заимкѣ жило довольно много народу, но во время холерной

эпидеміи 1892 года большинство ихъ вымерло вмѣстѣ съ семействомъ владѣльца. Эта заимка, какъ видно изъ доклада А. Н. Недзвецкаго Обществу любителей изслѣдованія Алтая, служила однимъ изъ очаговъ эпидеміи въ Барнаулѣ. Уже одинъ этотъ фактъ достаточно характеризуетъ овчинные заводы со стороны ихъ внутренняго благоустройства.

Съ обстановкой мыловаренно-салотопенныхъ заводовъ насъ познакомитъ заведеніе О. М. въ Змѣиногорскѣ, которое нужно отнести къ числу лучшихъ въ округѣ.

Оба завода, т.-е. мыловаренный и свѣчно-салотопенный, въ сущности составляютъ одно цѣлое: въ одномъ и томъ же чану и мыло варятъ, и на свѣчи сало топятъ. Заводъ помѣщается въ подвалѣ деревяннаго строенія, и въ него ведетъ 5—6 ступенекъ внизъ. Заводъ раздѣляется на два отдѣленія, изъ которыхъ каждое представляетъ довольно тѣсное помѣщеніе, съ землянымъ поломъ, низкимъ потолкомъ, сырыми, ослизлыми стѣнами. Впрочемъ, въ отдѣленіи, гдѣ льютъ свѣчи, полъ деревянный, и оно нѣсколько свѣтлѣе перваго Несмотря на то, что я видѣлъ этотъ заводъ лѣтомъ, когда въ немъ не работали, онъ давалъ себя чувствовать уже довольно далеко, на разстояніи нѣсколькихъ десятковъ саженъ, а спустясь по лѣсенкѣ въ помѣщеніе завода, я вынужденъ былъ платкомъ зажимать носъ,—такъ силенъ былъ исходившій изъ подвала смрадъ. Въ самой мыльнѣ сырость, грязь, гніющіе отбросы сала и т. п. Въ другомъ отдѣленіи меньше сырости, не такъ великъ смрадъ отъ разлагающагося сала, но все же достаточно. Пробывъ на заводѣ съ полчаса, я вышелъ изъ него съ головной болью, совершенно отуманенный. Нужно сказать, что я былъ на заводѣ вскорѣ послѣ очистки его въ ожиданіи развитія холерной эпидеміи. Можно представить, что́ изображаетъ изъ себя заводъ въ обычное время, спокойное теченіе котораго не нарушается никакими „чистками"!

Стекольное производство, какъ извѣстно, принадлежитъ къ числу самыхъ нездоровыхъ, чему способствуетъ до извѣстной степени и обстановка труда. Алтайскій заводъ въ этомъ отношеніи мало чѣмъ отличается отъ громаднаго большинства русскихъ стекольныхъ заводовъ. Благодаря полному отсутствію фабричнаго надзора, здѣсь болѣе примѣняется дѣтскій трудъ, и въ этомъ, можетъ быть, все его отличіе отъ заводовъ Европейской Россіи, подчиненныхъ фабричной инспекціи. Я все же нахожу нужнымъ дать здѣсь хоть краткую характеристику условій труда на Ивановскомъ заводѣ, такъ какъ онъ стоитъ особ-

някомъ не только въ этомъ, но и во многихъ другихъ отношеніяхъ—по распредѣленію рабочаго времени, рабочей платѣ, составу рабочихъ и пр.

Прежде всего обратимся къ тому отдѣленію завода, гдѣ происходитъ плавка стеклянной массы, выработка оконнаго стекла и посуды, закалка ихъ и пр. Отдѣленіе это, какъ и на всѣхъ другихъ заводахъ, носитъ названіе „гуты", а рабочіе, занятые въ немъ, извѣстны подъ именемъ „гутейцевъ.

Гута Ивановскаго завода—обширный бревенчатый сарай съ высокой крышей, безъ оконъ и потолка. Двери замѣняются двумя воротами въ противоположныхъ стѣнахъ; полъ земляной, неровный. Здѣсь помѣщаются: двѣ плавильныхъ печи, гдѣ варится стекло (на противоположныхъ конца сарая), двѣ калильныхъ („ошовъ холявный" и „ошовъ посудный"), печь для обжига плавильныхъ горшковъ („ошовъ горшечный"), наконецъ, печь „разводная". Калильныя печи помѣщаются между плавильными, у стѣнъ, съ каждой стороны по одной; остальныя двѣ — въ одной изъ сторонъ гуты, за плавильной печью.

Плавильная или стекловарильная печь построена въ кругломъ углубленіи, сдѣланномъ въ земляномъ полу гуты, аршина на 1½; самая печь, также круглая, въ верхней части сходится сводомъ и напоминаетъ своей формой киргизскую юрту, только значительно уже. Такимъ образомъ, между стѣнками печи и стѣнками ямы, въ центрѣ которой она выведена, получается корридоръ, аршина въ три ширины, охватывающій печь кругомъ. Верхняя часть внѣшней стѣнки корридора открыта и остается свободной для доступа воздуха. Потолкомъ корридора служитъ деревянный помостъ, охватывающій печь кольцомъ на извѣстной высотѣ и носящій названіе „верстака"; онъ нѣсколько шире корридора. Съ помоста-верстака на полъ гуты ведутъ „сходни",—не особенно широкія, колеблющіяся подъ ногами доски съ прибитыми на нихъ поперечными планками; никакихъ перилъ нѣтъ. Сходни эти — совершенное подобіе тѣхъ, какія употребляются на плохихъ пароходахъ и баржахъ; здѣсь онѣ только гораздо короче, такъ какъ подниматься приходится не особенно высоко—арш. на 2½—3.

Печь имѣетъ двѣ топки, выходящія въ земляной корридоръ, о которомъ говорилось выше. Несмотря на то, что отверстіе топки всего 6 вершковъ въ діаметрѣ, оно, никогда не закрываясь, испускаетъ столько теплоты, что для непривычнаго человѣка даже короткое пребываніе въ корридорѣ нестерпимо. Жаръ становится еще невыносимѣе, когда во время выдѣлки

оконнаго стекла черезъ отверстія въ верстакѣ-потолкѣ поминутно спускаются 12 раскаленныхъ шаровъ стеклянной массы, которыми холявщики медленно размахиваютъ, придавая шару цилиндрическую форму; этими раскачиваніями вызывается движеніе раскаленнаго воздуха. Неудивительно послѣ этого слышать мнѣніе фабричнаго инспектора В. В. Святловскаго, что въ этихъ корридорахъ „буквально адъ“ [3]).

Къ этому нужно еще прибавить разность температуры зимою въ различныхъ пунктахъ земляного корридора. Какъ сказано, внѣшняя стѣнка въ своей верхней части открыта и доступна вліянію воздуха гуты; поэтому зимою шураль испытываетъ одновременно двойную температуру: съ внутренней стороны тѣснаго помѣщенія нестерпимый жаръ, съ внѣшней его обдаютъ волны морознаго вѣтра, постоянно гуляющаго по гутѣ, благодаря раскрытымъ воротамъ, щелеватымъ стѣнамъ и раскаленнымъ печамъ. Все это дѣлаетъ работу шуралей одною изъ самыхъ тяжелыхъ.

Это, такъ сказать, общія неблагопріятныя условія, въ которыя поставленъ трудъ шуралей, встрѣчающіяся едва ли не на всѣхъ россійскихъ стекольныхъ заводахъ. Но есть еще чисто мѣстныя условія, дающія также себя чувствовать и являющіяся уже особенностью даннаго завода. Ивановскій заводъ расположенъ подъ горой, на берегу рѣчки, на болотистой почвѣ, такъ что печи приходится ставить на сыромъ мѣстѣ, что, разумѣется, должно оказывать вліяніе на ихъ прочность. Чтобы отвести изъ-подъ печей воду, въ полу корридора роютъ ямы, въ которыхъ она скопляется; отсюда ее вычерпываютъ и канавкой выводятъ изъ заводскихъ стѣнъ. Вслѣдствіе этого полъ корридора всегда мокрый, стѣны сырыя; къ нестерпимому жару присоединяется еще болотная сырость и испаренія.

Врядъ ли легче работа холявныхъ и посудныхъ мастеровъ, баночниковъ и хлопчиковъ, вообще всѣхъ тѣхъ, что стоятъ на верстакѣ стекловарильной печи. Вмѣсто двухъ топокъ нижняго корридора, здѣсь на высотѣ груди средняго человѣка въ плавильной печи расположено 12 круглыхъ отверстій, вершковъ по 5—6 въ діаметрѣ. Черезъ эти отверстія рабочіе берутъ расплавленную стеклянную массу, и во все время работы на верстакѣ эти отверстія остаются открытыми. Температура стеклянной массы поднимается отъ 1100 до 1700°Ц, на разстояніи же $1^1/_2$ арш. отъ отверстій печи температура воздуха достигаетъ

[3]) В. В. Святловскій. „Фабричная гигіена“. Спб., 1891 г., стр. 541.

60—70°R [1]). Во все время переработки массы рабочіе остаются на верстакѣ, непосредственно возлѣ отверстій, откуда приходится брать расплавленное стекло изъ дойницъ на двухаршинную трубку. Зацѣпивъ на конецъ трубки каплю,—а капля эта иногда вѣситъ 30—40 фун. при выдѣлкѣ оконнаго стекла,—рабочій изъ всѣхъ силъ начинаетъ выдувать ее, какъ мыльный пузырь, взявъ другой конецъ трубки въ ротъ; въ то же время онъ вращаетъ трубку, раскачиваетъ, то поднимаетъ ее вверхъ, то опускаетъ внизъ—вообще, дѣлаетъ самыя разнообразныя движенія, чтобы придать выдуваемой вещи нужную форму. Работа эта требуетъ быстроты и напряженія всѣхъ силъ человѣка, такъ какъ масса довольно быстро стынетъ и дѣлается негодной для обработки; на вещь средней величины—бутылку и т. п.—рабочій затрачиваетъ не болѣе 1—1½ минуты. У каждаго посуднаго мастера есть подручный—баночникъ, съ которымъ они вмѣстѣ работаютъ, и, кромѣ того, хлопецъ, относящій каждую вещь отдѣльно въ калильную печь. Хлопецъ находится въ постоянномъ движеніи: пока выдувается одна бутылка, стаканъ и пр., другую онъ долженъ успѣть отнести въ калильную и возвратиться обратно; чтобы не задерживать работу мастера; для этого ему нужно сбѣжать со сходней, пробѣжать черезъ всю гуту взадъ и впередъ и опять подняться на верстакъ. Тутъ ужъ некогда смотрѣть подъ ноги, почему хлопцы часто падаютъ со сходней, проваливаются чрезъ выемки верстака въ корридоръ шураля, рѣжутъ ноги стекольнымъ „боемъ" и т. д. Холявные мастера сами относятъ готовыя холявы въ калильную печь.

Я не буду подробно описывать работу каждаго изъ стоящихъ на верстакѣ—и изъ сказаннаго уже видно, какъ она должна быть тяжела. Здѣсь же отмѣчу только одну черту, дѣлающую эту работу еще вреднѣе для здоровья.

Столь высокая температура, когда человѣкъ буквально жарится на огнѣ, вызываетъ непрерывную испарину у рабочихъ: потъ градомъ льется съ нихъ, что еще болѣе изнуряетъ ихъ и обезсиливаетъ. Постоянная, ничѣмъ неутолимая жажда томитъ ихъ. Чтобы какъ-нибудь умѣрить вліяніе высокой температуры, рабочіе нѣсколько разъ въ смѣну выбѣгаютъ изъ гуты и бросаются во всей одеждѣ въ воду пруда, какъ бы она ни была холодна, а затѣмъ, едва освѣжившись, опять бѣгутъ на верстакъ. Купанья эти продолжаются, пока не замерзнетъ рѣка.

[1]) В. В. Святловскій. „Фабр. гигіена", стр. 537—539.

Такіе рѣзкіе переходы отъ нестерпимаго жара къ холодной водѣ и обратно не могутъ оставаться безъ вліянія на здоровье, хотя бы самое крѣпкое. Особенно трудно приходится зимой, во время морозовъ. Разница въ температурѣ на верстакѣ бываетъ такъ сильна, что, по словамъ рабочихъ, въ то время, какъ одну сторону тѣла, обращенную къ печи, жжетъ огнемъ, другая мерзнетъ отъ холода; случается, что рубаха обмерзаетъ. Этому можно повѣрить, такъ какъ, по измѣренію проф. Эрисмана, температура гуты на разстояніи 10 аршинъ отъ печныхъ отверстій близко подходитъ къ температурѣ уличнаго воздуха. Постоянные сквозняки дѣлаютъ пребываніе на верстакѣ еще болѣе нездоровымъ. Упомянемъ о грязныхъ корытахъ, наполненныхъ грязной, вонючей водой, въ которой мастера охлаждаютъ разогрѣвшіеся инструменты. Мнѣ приходилось видѣть, какъ баночники и хлопцы, иногда и сами мастера, обезсиленные жаромъ, время отъ времени подбѣгали къ этимъ корытамъ и смачивали изъ нихъ лица, головы, чтобы хоть немного освѣжиться—на грязь и вонь никто уже не обращаетъ вниманія.

Нерѣдко мастера — а хлопцы всѣ — работаютъ босикомъ, почему постоянно происходятъ пораненія ногъ битымъ стекломъ, вездѣ разбросаннымъ; не менѣе часто бываютъ пораненія при купаньѣ въ рѣчкѣ, куда сваливаютъ стекольный бой. Мнѣ приходилось видѣть много и взрослыхъ рабочихъ, и дѣтей, ноги которыхъ были обвязаны грязными тряпками—это все поранившіеся „боемъ“.

Ко всѣмъ непріятнымъ и нездоровымъ условіямъ работы въ гутѣ присоединяются еще неудобства, проистекающія отъ употребленія недоброкачественнаго топлива: иногда топка производится дровами, содержащими много смолы, „смолевыми“, отчего вся гута наполняется клубами густого, чернаго, удушливаго дыма. Къ жару и пр. присоединяется еще невозможность дышать.

Надо сказать еще о губительномъ вліяніи ослѣпительнаго свѣта, испускаемаго печными отверстіями, на зрѣніе рабочихъ. Гутейцы страдаютъ воспаленіемъ сѣтчатой и соединительной оболочки глаза, катарактой. Были дѣлаемы наблюденія, что между выдувальщиками 11,6% страдали катарактой, въ другомъ случаѣ съ катарактами оказались почти 8% подвергшихся осмотру стекольныхъ рабочихъ [5]). Страдаютъ различными глазными болѣзнями и рабочіе Ивановскаго завода.

Калильная и гончарная печи, послѣ плавильной, со стороны вліянія на здоровье рабочихъ, увеличенія тяжести труда и пр.

---

[5]) Тамъ же, стр. 544—545.

уже не представляютъ ничего особеннаго, какъ и разводная печь. Гораздо большій интересъ въ этомъ смыслѣ представляютъ отдѣленія, гдѣ производится размельченіе извести и кварца, а также изготовленіе дойницъ.

Известковый сарай—зданіе безъ потолка, саж. 4 длиною и около 2 шириною, раздѣленное на двѣ неравныя части бревенчатой стѣнкой. Большее отдѣленіе почти до крыши завалено обожженной известью; въ меньшемъ известь просѣиваютъ. Пріемы этой работы совершенно первобытные. На стѣнки открытаго ларя кладется деревянный валекъ, на который помѣщается проволочное сито. Накопавъ въ сито нужное количество извести, толчейщикъ начинаетъ катать его по вальку надъ ларемъ, куда ссыпается мелкая известь, болѣе же крупные куски остаются на проволочномъ днѣ сита; ихъ потомъ размачиваютъ и вновь просѣиваютъ. Во время работы масса пыли поднимается отъ сита и носится въ воздухѣ, осаждаясь всюду толстымъ слоемъ. Толчейщикъ дышетъ этой пылью. Прежде онъ завязывалъ ротъ тряпицей, но потомъ, по его выраженію, „привыкъ къ работѣ" и бросилъ всякія предохранительныя мѣры. Въ стѣнѣ сдѣлано отверстіе, черезъ которое можно пропустить ручку отъ сита на улицу и, стоя тамъ, приводить сито въ движеніе. Но рабочій находитъ неудобнымъ этотъ способъ: сито постоянно соскальзываетъ съ валька, и работа идетъ гораздо медленнѣе, а потому онъ и не практикуетъ его. Отсутствіе надзора въ данномъ случаѣ весьма благопріятствуетъ „усмотрѣнію" толчейщика въ ущербъ его здоровью.

Толчея кварца—въ родѣ тѣхъ, какія бываютъ на кожевенныхъ заводахъ, только песты здѣсь каменные, такъ какъ употреблявшіеся ранѣе чугунные вліяютъ на цвѣтъ стекла. Въ гончарномъ отдѣленіи обращаетъ на себя вниманіе крайне спертый и сырой воздухъ, „парнóй", какъ говорятъ гончары. Другія отдѣленія большого интереса не представляютъ, почему мы, не останавливаясь на нихъ, можемъ на этомъ закончить рѣчь о санитарныхъ условіяхъ труда на стекольномъ заводѣ.

О содовомъ заводѣ намъ придется сказать весьма немного. Первое отдѣленіе завода, гдѣ помѣщается рядъ такъ называемыхъ сульфатовыхъ печей, не что иное, какъ довольно ветхій бревенчатый сарай, безъ оконъ и потолка; двери замѣняются воротами, полъ земляной. Здѣсь работа производится у печей, топки и окна которыхъ не всегда открыты, и уже въ силу одного этого не такъ пагубно должна вліять на здоровье рабочихъ, какъ работа у стеклоплавильныхъ печей. Разница тем-

пературы печи и воздуха сарая даетъ, разумѣется, себя чувствовать, особенно зимою, во время сильныхъ морозовъ. Толчея столь же мало удовлетворительна, какъ и на другихъ заводахъ. Относительно другихъ отдѣленій можно указать лишь на отсутствіе огражденій, напр., у содовыхъ печей, въ которыхъ вываривають кристаллическую соду, и которыя имѣютъ видъ обширнаго котла, вмазаннаго въ печь, и нѣкоторыхъ лѣсенокъ, а также отсутствіе вытяжныхъ колпаковъ, безъ которыхъ работа на заводѣ сопряжена съ большими опасностями для здоровья рабочихъ, и на недостаточное освѣщеніе нѣкоторыхъ отдѣленій ночью. Мнѣ разъ случилось быть на заводѣ вечеромъ. Войдя въ щелочное отдѣленіе, я былъ охваченъ клубами холоднаго пара, такого густого, что на полъ-аршина нельзя было разглядѣть рѣшительно ничего; слышалось журчанье воды, дѣйствіе насоса; гдѣ-то подъ ногами, нѣсколько въ сторонѣ свѣтился огонь, исходившій изъ печныхъ топокъ. Безъ посторонней помощи рѣшительно нельзя было ступить шагу, не рискуя провалиться куда-нибудь въ котелъ или топку. Переходъ въ другое отдѣленіе представлялъ большія затрудненія: приходилось идти „на голосъ“ человѣка, шедшаго только на шагъ впереди и, несмотря на это, совершенно невидимаго, такъ что о самомъ присутствіи его можно было догадываться лишь по звуку его шаговъ. Намъ приходилось спускаться по какимъ-то узкимъ лѣсенкамъ безъ перилъ, то проходить между чанами, то вновь подниматься вверхъ. Поминутно слышались предостереженія: „осторожнѣй, внизу печь“, „наклоните голову“, „теперь идите смѣло“, „осторожнѣй, направо выварочный котелъ—провалиться можно“ и т. д. Во второмъ или третьемъ отдѣленіи паръ не позволялъ опредѣлить, гдѣ мы и сколько прошли; меня остановили въ полутора шагахъ отъ какой-то, какъ мнѣ казалось, ямы въ полу, откуда рабочій черпалъ ковшомъ расплавленную массу и наполнялъ ею желѣзный сосудъ. Эта яма — котелъ; она ничѣмъ не огорожена, и право же, въ нее нетрудно провалиться, когда паръ застилаетъ глаза, по крайней мѣрѣ, для человѣка не вполнѣ знакомаго съ расположеніемъ завода. Только выбравшись на улицу, я могъ свободно вздохнуть. Завѣдующій заводомъ объяснилъ присутствіе пара сильнымъ морозомъ. Можетъ быть, это и такъ, но что же, однако, нужно думать о заводѣ, который превращается въ какой-то паровой котелъ потому, что на дворѣ морозъ трещитъ! Если видъ гуты наводилъ мысль на адъ, то пребываніе на содовомъ заводѣ въ этотъ вечеръ заставляло думать, что и адъ имѣетъ свои отдѣленія.

Тѣмъ пріятнѣе вспомнить свѣчно-восковые заводы. Я имѣлъ случай познакомиться съ тремя такими заводами—однимъ въ Барнаулѣ и двумя въ Змѣиногорскѣ. Всѣ они отличаются большой чистотой и опрятностью. Каждый изъ нихъ, помѣщаясь въ нижнемъ этажѣ жилого дома, состоитъ изъ двухъ комнатъ, не считая кладовыхъ; въ одной приготовляются самыя свѣчи, въ другой ихъ золотятъ и увязываютъ въ пачки. Вездѣ много свѣту, просторно, воздухъ чистый и сухой. Рабочіе здѣсь одѣты также чисто и опрятно и совсѣмъ не напоминаютъ тѣхъ полунагихъ, грязныхъ, изможденныхъ людей, которыхъ приходилось встрѣчать на большинствѣ другихъ заводовъ.

IV.

Большинство частныхъ алтайскихъ заводовъ расположено вдали отъ городовъ и вообще сколько-нибудь крупныхъ пунктовъ. Да и тѣ, которые находятся вблизи городовъ или горнозаводскихъ селеній въ родѣ Змѣиногорска, все же удалены отъ нихъ на нѣсколько верстъ. Для этого имѣются свои причины, которыхъ я здѣсь разсматривать не буду. Для насъ въ данную минуту важно одно изъ неизбѣжныхъ послѣдствій такого положенія заводовъ, а именно необходимость для нихъ держать рабочихъ у себя, давая имъ помѣщеніе, а иногда и все содержаніе. Понятно, что это, въ свою очередь, необходимо должно оказывать вліяніе на рабочую плату, уменьшая ее въ извѣстныхъ предѣлахъ. Только немногіе заводы, напр., содовый, расположенный почти въ городѣ, могутъ имѣть рабочихъ, живущихъ на своихъ квартирахъ въ городѣ и на близъ-лежащихъ заимкахъ; но мастера и здѣсь все же пользуются квартирами отъ завода.

Мѣстная практика выработала два типа рабочихъ жилищъ на заводахъ: общія казармы для холостыхъ и отдѣльные домики-квартиры для семейныхъ рабочихъ. Ознакомимся съ тѣмъ и другимъ по возможности ближе, начавъ свой обзоръ, какъ и ранѣе, съ крупчатныхъ заводовъ.

Лучшія жилища, несомнѣнно, на заводахъ Б., Ф., Г. и П. Вотъ, напр., казарма на Повалишинскомъ заводѣ Ф.: длинное одноэтажное зданіе въ одну комнату, входъ въ которую чрезъ сѣни. Вдоль одной стѣны расположенъ рядъ большихъ оконъ (6), дающихъ много свѣту; у противоположной — двѣ большія русскія печи, въ промежуткѣ между которыми помѣщаются нары въ два яруса. Стѣны, потолокъ, полъ, печи—все чисто, вымыто или выбѣлено. Воздуху въ комнатѣ совершенно достаточно, не-

смотря на то, что рабочихъ въ ней живетъ человѣкъ 20 и болѣе, воздухъ чистый, сухой, никакого запаха, свойственнаго большинству казармъ. У каждаго рабочаго своя постель. Въ печкахъ готовятъ обѣдъ и ужинъ, для чего нанятъ особый человѣкъ—„поваръ“ (на всѣхъ другихъ заводахъ стряпней занимаются исключительно женщины). Общее впечатлѣніе отъ казармы весьма благопріятное.

Недурна также новая казарма на Троицкомъ заводѣ П. Помѣщаясь во второмъ этажѣ (въ первомъ мастерскія—столярная, токарная и пр.), она состоитъ изъ нѣсколькихъ комнатъ-особняковъ, изъ которыхъ каждая пользуется совершенно особымъ ходомъ; въ двухъ изъ этихъ комнатъ живутъ киргизы—въ одной холостые, въ другой семейные. Комнаты достаточно высоки и просторны; окна большія, вдоль одной стѣны нары, въ углахъ противоположной двѣ небольшія печи съ вмазанными въ нихъ котлами для варки пищи и кипяченія воды для чая. Котлы плотно прикрываются желѣзными крышками, не пропускающими запаха; сверхъ того, имѣются вытяжные колпаки. Благодаря всему этому, воздухъ чистъ даже въ киргизскихъ комнатахъ, хотя ароматичность киргизскихъ котловъ пользуется извѣстностью. Всѣ комнаты освѣщены электричествомъ, что составляетъ рѣзкій контрастъ съ киргизскими фигурами, сидящими на нарахъ безъ рубахъ, съ поджатыми подъ себя ногами. Каждый рабочій имѣетъ свое опредѣленное мѣсто на нарахъ, гдѣ и находится его постель, сундукъ и пр. Вездѣ довольно чисто, тепло и сухо.

Семейные рабочіе живутъ въ нѣсколькихъ отдѣльныхъ домикахъ—крестьянскихъ избахъ, въ общемъ довольно чисто содержимыхъ. Каждый изъ этихъ рабочихъ можетъ держать на хозяйскомъ сѣнѣ по одной коровѣ и лошади.

Особенно пріятное впечатлѣніе оставляютъ рабочія помѣщенія на заводахъ Г. и Б. На первомъ изъ этихъ заводовъ квартира семейнаго рабочаго—это обширная изба, раздѣленная деревянными перегородками по 3—4 комнаты. Посрединѣ избы одна или двѣ русскихъ печи, обращенныя топками въ разныя комнаты. На каждую комнату приходится одна — двѣ семьи, смотря по ихъ численности; каждая семья занимаетъ въ комнатѣ свое опредѣленное мѣсто, имѣетъ кровать, нерѣдко прикрытую занавѣской, столъ и пр. По словамъ владѣльца, между квартирантами довольно часто возникаютъ ссоры изъ-за печки: есть квартиры, гдѣ у одной печки толчется 3—4 бабы, каждая со своими горшками (семейные рабочіе продовольствуются сами),—и столкновеніе является неизбѣжнымъ. Въ общемъ эти

квартиры для наличнаго количества семейныхъ рабочихъ нѣсколько тѣсны, что признается и самимъ владѣльцемъ, постепенно строящимъ новые дома, куда переводится часть семейныхъ рабочихъ изъ прежнихъ квартиръ. Несмотря на нѣкоторую скученность, въ общемъ обстановка этихъ квартиръ гораздо лучше, нежели большинство крестьянскихъ избъ: вы здѣсь найдете зеркало, занавѣски, цвѣты и пр., что встрѣчается лишь въ болѣе зажиточныхъ крестьянскихъ домахъ. Незамѣтно также возлѣ домовъ слишкомъ ужъ большой грязи, сора и помоевъ, кольцомъ охватывающихъ рабочіе домики почти на всѣхъ другихъ заводахъ, съ чѣмъ почти безуспѣшна борьба хозяевъ и управляющихъ,—вообще, помѣщеніе содержится довольно чисто для русскихъ рабочихъ.

Казарма состоитъ изъ одной продолговатой комнаты съ довольно высокими окнами, дающими много свѣту. Спятъ рабочіе на нарахъ, расположенныхъ вдоль одной изъ стѣнъ. Помѣщается здѣсь 26 человѣкъ—слишкомъ много для комнаты такихъ размѣровъ. Правда, одновременно они бываютъ лишь въ дни тѣхъ рѣдкихъ праздниковъ, когда заводъ останавливается; въ остальное же время, по крайней мѣрѣ, треть находится на работѣ, тѣмъ не менѣе постели ихъ занимаютъ часть наръ, и это увеличиваетъ тѣсноту. Въ скоромъ времени, впрочемъ, будетъ отстроена другая казарма [1]). Столовая помѣщается въ одномъ зданіи съ казармой и состоитъ изъ двухъ комнатъ, въ одной изъ которыхъ два огромные стола и скамьи—тутъ рабочіе обѣдаютъ и ужинаютъ. Обѣдъ подается въ большихъ чашкахъ, изъ которыхъ ѣдятъ по нѣскольку человѣкъ вмѣстѣ, что само по себѣ вызываетъ неопрятность. Неудивительно поэтому, что на столѣ лужи пролитыхъ щей, застывшее сало и пр. Въ другой комнатѣ печь для варки пищи; тамъ же живутъ женщины, занятыя стряпней.

У Б. казарма имѣетъ двѣ комнаты и отгороженный закоулокъ, гдѣ живетъ старшій рабочій; нары въ два яруса. Тутъ живетъ до 70 чел. Свѣту немного, большая тѣснота и духота; грязь и вонь внушительныя. Обѣдаютъ рабочіе тутъ же; здѣсь же и плита для варки пищи. Совсѣмъ иное впечатлѣніе оставляютъ квартиры семейныхъ рабочихъ. Каждый домъ раздѣленъ на комнаты, имѣющія свою печь; чаще всего семья располагаетъ всею комнатой и имѣетъ отдѣльную печку; но есть и такія квартиры, гдѣ у одной печи двѣ семьи. Въ общемъ, квар-

---

[1]) Теперь она, вѣроятно, готова и часть рабочихъ переведена туда.

тиры просторны, чисты и свѣтлы; не щеголяя внѣшностью, онѣ представляютъ больше удобствъ для рабочихъ, чѣмъ квартиры завода Г.

Было бы утомительно переходить отъ одного рабочаго помѣщенія къ другому на всѣхъ заводахъ, о которыхъ имѣются данныя, да и совершенно излишне для цѣлей настоящей работы—дать возможно точную, но общую картину положенія труда на частныхъ заводахъ округа. Достаточно отмѣтить лишь наиболѣе рѣзкія черты для остальныхъ заводовъ, такъ какъ описанныя помѣщенія могутъ служить типомъ для всѣхъ крупныхъ заводовъ. Рабочія же помѣщенія на мелкихъ заводахъ носятъ совершенно иной характеръ, почему о нихъ придется говорить особо.

У Ш. и Ю. казарма довольно просторна и отдѣлена отъ кухни-столовой. Спятъ на нарахъ, многіе рабочіе не имѣютъ даже подстилки (она должна быть своя); въ столовой духота и грязь. Внѣ казармъ помѣщаются всего двѣ семьи.

На заводѣ Ж., кромѣ отдѣльныхъ помѣщеній для семейныхъ рабочихъ, есть еще особое помѣщеніе для киргизовъ, гдѣ живутъ вмѣстѣ семейные и холостые. Казармы грязны, тѣсны, недостаточно освѣщены; въ одной нары въ два яруса; скопленіе народа чрезмѣрное. Многими постелями пользуются по два человѣка: одинъ—находящійся на работѣ и другой—уже смѣнившійся и отдыхающій,—такъ какъ на всѣхъ не хватаетъ мѣста. Въ самыхъ казармахъ печи для варки пищи; тутъ же рабочіе и ѣдятъ; въ одной поставлено нѣсколько столовъ. Вездѣ желѣзныя печи, холодно; въ одной казармѣ, входъ въ которую прямо съ улицы, случается, что подушки примерзаютъ къ стѣнѣ. Какъ въ казармахъ, такъ и въ другихъ рабочихъ помѣщеніяхъ вездѣ валяется лошадиная сбруя, отравляющая и безъ того скверный воздухъ и увеличивающая грязь и тѣсноту. Столяры и плотники спятъ въ столярной мастерской—грязной, холодной комнатѣ, кто на лавкахъ вдоль стѣнъ, кто на верстакахъ, а многіе прямо на полу, на кучахъ древесныхъ стружекъ. Вообще, всѣ эти помѣщенія, съ санитарной точки зрѣнія, рѣшительно никуда негодны. У киргизовъ отдѣльная изба; грязь и вонь достигаютъ здѣсь своего предѣла; на лѣто киргизовъ переводятъ въ лѣсъ, въ юрту. Отдѣльныя комнаты лучше казармъ; нѣкоторыя изъ нихъ содержатся довольно чисто, но и здѣсь всюду навалены хомуты, узды и пр.

На винокуренномъ и стеклодѣлательномъ заводахъ П. рабочіе или пользуются хозяйскими квартирами (казармъ нѣтъ),

или же живутъ въ собственныхъ домахъ, выстроенныхъ на принадлежащей заводу землѣ; часть рабочихъ, наконецъ, помѣщается на частныхъ квартирахъ сосѣдней деревни Соколовой.

Хозяйскія квартиры того же типа, что и на другихъ заводахъ, съ тою разницей, что здѣсь каждая семья имѣетъ самостоятельную квартиру, не сообщающуюся съ другой непосредственно; соединеніе въ одной квартирѣ двухъ семей крайне рѣдко. Внутри большинства квартиръ довольно чисто и опрятно; во многихъ вы встрѣтите слѣды заботливости объ украшеніи ихъ. Въ общемъ, квартиры просторны; извѣстная тѣснота нѣкоторыхъ объясняется многочисленностью семей живущихъ въ нихъ рабочихъ. Было бы очень интересно провести параллель между двумя названными выше заводами, какъ со стороны жилищъ рабочихъ, такъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ; но это завело бы насъ слишкомъ далеко отъ предмета настоящей работы. Скажемъ только, что разница между рабочими того и другого, бросающаяся въ глаза при первомъ знакомствѣ, проникаетъ во всѣ стороны ихъ жизни. Говоря общими выраженіями, можно сказать, что въ то время, какъ на большинствѣ алтайскихъ заводовъ рабочіе сохранили многія черты жизни крестьянской, деревенской, рабочій стекольнаго завода представляетъ уже типъ настоящаго фабрично-заводскаго рабочаго, что сквозитъ во всемъ, начиная съ убранства жилищъ и кончая манерой держать себя. Собственныхъ квартиръ рабочихъ и ихъ наемныхъ жилищъ мы разсматривать здѣсь не будемъ.

Переходя къ обзору остальныхъ заводовъ, прежде всего надо сказать, что, за исключеніемъ кожевеннаго завода С., гдѣ нѣкоторые, немногіе рабочіе пользуются квартирами (простая изба), на всѣхъ прочихъ заводахъ никакихъ спеціально для рабочихъ назначенныхъ жилищъ нѣтъ, ни казармъ, ни тѣмъ болѣе семейныхъ квартиръ. Рабочіе или уходятъ на ночь домой—весьма рѣдкіе, единичные случаи на подгородныхъ заводахъ, или же ночуютъ въ тѣхъ же самыхъ мастерскихъ, гдѣ работаютъ днемъ. У того же С., заводъ котораго стоитъ на первомъ мѣстѣ среди кожевенныхъ заводовъ, рабочіе живутъ на самомъ заводѣ, въ тѣхъ отдѣленіяхъ, гдѣ они работаютъ. Въ первомъ же зольномъ отдѣленіи можно видѣть рабочихъ, лежащихъ на полу, на кучахъ наваленныхъ кожъ; другіе валяются на какомъ-то помостѣ въ родѣ наръ; въ мастерскихъ же, спятъ строгальщики, отдѣльщики и пр. То же мы видимъ и на другихъ заводахъ, хотя тамъ обстановка, безъ всякаго сравненія, хуже, чѣмъ у С. Въ мастерскихъ же обѣдаютъ и спятъ рабочіе и на

овчинныхъ заводахъ. Выше я уже говорилъ, что представляютъ изъ себя мастерскія этихъ заводовъ. На салотопенно-свѣчныхъ и мыловаренныхъ заводахъ, занимающихъ каждый лишь по нѣскольку человѣкъ, рабочіе живутъ съ хозяиномъ, такъ какъ эти заводы устраиваются всегда гдѣ-нибудь на заимкѣ, гдѣ живетъ хозяинъ или его довѣренный.

Свѣчно-восковые заводы и въ этомъ случаѣ выгодно выдѣляются: хотя рабочіе помѣщаются и въ тѣхъ же мастерскихъ, но чистота этихъ послѣднихъ, достаточное количество хорошаго воздуха, сухость—все это позволяетъ хоть нѣсколько мириться съ обычаемъ дѣлать изъ мастерской въ то же время и жилое помѣщеніе. Впрочемъ, на одномъ заводѣ рабочіе пользуются очень порядочной квартирой.

V.

Недостатокъ свѣта, тѣснота, испорченный воздухъ, отсутствіе огражденій машинъ, котловъ и пр. въ заводскихъ мастерскихъ; тѣснота, испорченный воздухъ и пр. въ жилищахъ; соединеніе въ одно мастерскихъ и жилищъ; излишняя продолжительность рабочаго дня, и т. д., и т. д.—все то, что мы видѣли выше, не можетъ не отражаться на здоровьѣ рабочихъ. Оно, конечно, и оказываетъ вліяніе, но опредѣлить размѣры и границы этого вліянія для алтайскихъ заводовъ нѣтъ рѣшительно никакой возможности за отсутствіемъ какихъ-либо положительныхъ данныхъ.

Въ самомъ дѣлѣ, изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ заводовъ лишь на двухъ имѣется постоянная организованная медицинская помощь, т.-е. имѣется медикъ и аптека съ достаточнымъ количествомъ медикаментовъ и перевязочныхъ средствъ; на двухъ другихъ—медикъ, пріѣзжающій разъ въ мѣсяцъ, помимо экстренныхъ случаевъ, за 30 верстъ изъ города; наконецъ, на одномъ въ широкихъ размѣрахъ практикуется домашняя медицина. Это немного, конечно, особенно если принять во вниманіе удаленность большинства заводовъ отъ городовъ и вообще врачебныхъ пунктовъ

Нечего и говорить, что при такихъ условіяхъ должна совершенно отсутствовать какая бы то ни было статистика заболѣваемости, смертности и несчастныхъ случаевъ на нашихъ заводахъ, а безъ статистики, безъ цифръ какіе же могутъ быть сколько-нибудь точные выводы и заключенія? „У насъ больныхъ не бываетъ“—эту фразу можно слышать на девяти заводахъ

изъ десяти, и хотя смыслъ ея совершенно не вяжется съ окружающей обстановкой, тѣмъ не менѣе она вполнѣ вѣрна: больныхъ нѣтъ, но не потому, чтобы не было случаевъ заболѣваемости, а потому, что каждый сколько-нибудь серьезно заболѣвшій уходитъ съ завода домой. Тѣмъ болѣе на заводахъ не можетъ быть высокой смертности. Почти то же приходится сказать о несчастныхъ случаяхъ съ рабочими: „у насъ несчастій не бываетъ"—это опять-таки наиболѣе распространенная фраза. И при отсутствіи фабричнаго надзора, при отсутствіи какихъ-либо записей случаевъ травматизма и другихъ несчастій приходится съ нею соглашаться, хотя она и находится въ логическомъ противорѣчіи съ окружающимъ.

Вотъ почему я долженъ отказаться отъ всякой попытки дать здѣсь хотя бы самую бѣглую характеристику вліянія обстановки труда и жилища рабочаго на его здоровье, какъ долженъ былъ отказаться и отъ желанія ознакомить читателя съ продовольствіемъ рабочихъ на здѣшнихъ заводахъ. Я не пользуюсь здѣсь тѣми данными, которыя мнѣ удалось собрать по этимъ вопросамъ, потому что они относятся не ко всей частной промышленности или значительной ея части, а лишь къ немногимъ отдѣльнымъ заводамъ. Мнѣ, напримѣръ, извѣстенъ фактъ, что на одномъ изъ заводовъ неудовлетворительность продовольствія вызвала разъ серьезныя недоразумѣнія; но я считаю неудобнымъ пользоваться относящимися сюда данными, такъ какъ, во-1-хъ, это дало бы невѣрное представленіе о заводѣ, благодаря отсутствію общаго фона, а во-2-хъ, обобщеніе единичнаго факта могло бы дать поводъ къ невѣрнымъ заключеніямъ о прочихъ заводахъ. По той же причинѣ я не привожу здѣсь имѣющихся у меня чрезвычайно интересныхъ данныхъ о состояніи здоровья рабочихъ на одномъ изъ самыхъ крупныхъ заводовъ: отсутствіе соотвѣтствующихъ матеріаловъ о другихъ заводахъ придало бы этимъ даннымъ слишкомъ исключительное значеніе, не отвѣчающее дѣйствительности.

Такимъ образомъ, предстоящая задача сводится къ обзору наличной постановки медицинской помощи на тѣхъ немногихъ заводахъ, гдѣ она имѣетъ хоть какую-нибудь организацію. Въ первыхъ рядахъ въ этомъ отношеніи стоятъ крупчатные заводы Г. и Б. Оба эти завода—на сѣверѣ Барнаульскаго округа, въ довольно глухой мѣстности, особенно послѣдній, гдѣ всякая посторонняя медицинская помощь отсутствуетъ.

У Г. медицина организована такимъ образомъ. При заводѣ устроена аптека, гдѣ можно найти всѣ необходимѣйшіе меди-

каменты, которыми завѣдуетъ образованный и свѣдущій медикъ. На медикаменты расходуется 200 руб. и 1000 руб. на жалованье медику. Больницы, къ сожалѣнію, нѣтъ, и всѣ больные пользуются помощью на дому. Для пріема и осмотра больныхъ имѣется особая комната въ домѣ владѣльца. Какъ рабочіе, такъ и другіе служащіе и пріѣзжающіе на заводъ крестьяне пользуются безплатно совѣтомъ медика и лѣкарствами.

По тому же типу поставлено дѣло и на сосѣднемъ заводѣ Б., но аптека здѣсь богаче обставлена, хотя находится въ завѣдываніи фельдшера, получающаго 500 руб. въ годъ; сверхъ того, есть еще акушерка, чего нѣтъ ни на одномъ изъ остальныхъ заводовъ; она получаетъ 180 руб. Стоимость медикаментовъ обходится рублей 300 въ годъ. Лѣченіе безплатное. Больницы нѣтъ и здѣсь. Къ этому нужно прибавить, что завѣдующіе медицинской помощью на томъ и на другомъ заводѣ пользуются почетной репутаціей, какъ свѣдущіе врачи.

Совсѣмъ иную картину представляетъ постановка медицинской помощи на винокуренномъ и стекольномъ заводахъ П. подъ Бійскомъ. Здѣсь нѣтъ ни больницы, ни пріемнаго покоя, ни постоянно живущаго врача или фельдшера. Разъ въ мѣсяцъ долженъ посѣщать заводы приглашенный для этой цѣли алтайскій объѣздной врачъ, хотя имѣющій квартиру въ г. Бійскѣ, но находящійся постоянно въ разъѣздахъ по дѣламъ службы и потому въ городѣ бывающій очень рѣдко. Тотъ же врачъ, а за его отсутствіемъ городовой врачъ, приглашается на заводъ въ случаѣ экстренной надобности для немедленной подачи помощи заболѣвшимъ или пострадавшимъ во время работы на заводѣ. Расходы на медицину не превышаютъ 400 рублей въ годъ, при чемъ врачъ получаетъ 180 руб. Аптека находится въ распоряженіи управляющаго винокуреннымъ заводомъ — простого человѣка, не получившаго образованія.

Если подобная организація дѣла даже на фабрикахъ московскаго района, гдѣ существуетъ фабричный надзоръ, сводится на одну формальность, какъ констатируютъ отчеты фабричныхъ инспекторовъ, то чего же можно ожидать въ такомъ глухомъ городишкѣ, какъ Бійскъ? Даже при самомъ добросовѣстномъ отношеніи врача къ своимъ обязанностямъ — что̀ онъ можетъ сдѣлать, пріѣхавъ на нѣсколько часовъ разъ въ мѣсяцъ? Весьма мало. Между тѣмъ, его прямыя служебныя обязанности весьма часто не позволяютъ ему бывать на заводѣ и разъ въ мѣсяцъ.

Гораздо болѣе дѣйствительная помощь оказывается на Троиц-

комъ крупчатномъ заводѣ того же владѣльца, хотя здѣсь она не имѣетъ никакой организаціи. Супруга владѣльца раздаетъ всѣмъ нуждающимся лѣкарства; въ случаѣ надобности она вызоветъ изъ города врача или инымъ путемъ окажетъ помощь заболѣвшему. Эта помощь настолько дѣйствительная, что я, не задумываясь, скажу, что бѣдный человѣкъ, заболѣвъ на заводѣ или вблизи его, болѣе гарантированъ, нежели въ городѣ, будь то Барнаулъ или Томскъ.

Надо сказать еще о содовомъ заводѣ. Ни врача, ни фельдшера здѣсь нѣтъ; нѣтъ даже комнаты, гдѣ можно было бы помѣстить больного хоть временно. Въ случаѣ экстренной надобности врачъ приглашается изъ города. Владѣлица завода имѣетъ небольшую аптечку, изъ которой безплатно отпускаетъ лѣкарства больнымъ. Требующихъ продолжительнаго лѣченія заводъ отвозитъ въ больницу Краснаго Креста въ Барнаулѣ, причемъ не имѣющихъ права на безплатное лѣченіе заводъ помѣщаетъ на свой счетъ. Какъ часты такіе случаи, и вообще бываютъ ли они, или же заводъ допускаетъ ихъ въ смыслѣ извѣстнаго принципа, не имѣющаго, однако, практическаго примѣненія,—сказать трудно, тѣмъ болѣе, что владѣлица сама не можетъ опредѣлить тратъ на медицинскую помощь.

Кромѣ организаціи медицинской помощи, заботы о заводскомъ населеніи выражаются также въ устройствѣ школъ и другихъ образовательно-воспитательныхъ заведеній для рабочихъ и ихъ дѣтей. Но съ этой стороны алтайскіе частные заводы представляютъ еще болѣе грустное зрѣлище, чѣмъ относительно постановки медицинскаго дѣла: на всѣ заводы здѣсь всего лишь двѣ начальныя школы и одна школа грамотности.

Правда, обѣ начальныя школы должны быть отнесены къ числу лучшихъ въ округѣ, считая въ томъ числѣ и волостныя, и горнозаводскія. Особенна хороша школа на заводѣ Г., оставляющая желать весьма немногаго. Ученическихъ библіотекъ тоже двѣ, да и изъ нихъ одна далеко неважная.

На заводѣ Г. школа существуетъ съ 1888 г. Помѣщается она въ отдѣльномъ, спеціально для нея построенномъ зданіи съ изящной внѣшностью, какъ и большинство рабочихъ помѣщеній этого завода. Школа состоитъ изъ двухъ большихъ, высокихъ и свѣтлыхъ комнатъ, обширной прихожей и кухни; во второмъ этажѣ квартира учительницы. Вездѣ просторно, чисто, опрятно; въ классной комнатѣ правильно расположенный свѣтъ, хорошая вентиляція. Въ школѣ всѣ необходимыя учебныя пособія, до небольшой минералогической коллекціи включительно;

вполнѣ удовлетворительно составленная ученическая библіотека, прекрасная мебель и пр. Преподаваніе со времени открытія училища находится въ рукахъ опытной учительницы, окончившей курсъ въ Томской гимназіи. Жалованье — 240 р. на готовомъ содержаніи. Расходы по школѣ не одинаковы: въ 1890 г., напр., они достигали 1125 р., а въ слѣдующемъ 800 р. (сюда не входитъ содержаніе учительницы). Учащихся 30 чел., въ томъ числѣ 7 дѣвочекъ. Посѣщаютъ школу всѣ дѣти рабочихъ, достигнувшіе извѣстнаго возраста.

Значительно уступаетъ этой школа на винокуренномъ и стекольномъ заводахъ П. Послѣдняя состоитъ изъ одной классной комнаты и довольно тѣсной прихожей, общей съ квартирой учителя—во время перемѣны дѣти должны оставаться въ той же классной, что и за урокомъ, такъ что и въ это время нельзя производить освѣженія воздуха. Вентиляціи недостаточно, почему въ классѣ душно, пока не выставлена двойная рама. Духоту увеличиваетъ желѣзная печь въ прихожей, гдѣ въ обычное время холодно, когда же топится печь, становится слишкомъ жарко и сухо. Вообще, помѣщеніе не отвѣчаетъ наличному числу учащихся (въ 1892 г. было 54 чел.) и требуетъ расширенія. Библіотека довольно жалкая—всего 72 книжки, въ большинствѣ грошевыхъ—изданія Посредника и Глазунова. Изъ журналовъ выписывается только „Родникъ", пригодный лишь для дѣтей старшаго отдѣленія, да и то не всѣхъ. Всѣ учебныя пособія выписываются на счетъ конторы. Завѣдуетъ школой учитель съ спеціальной подготовкой, приглашенный въ эту школу изъ земства одной поволжской губерніи, гдѣ онъ занимался преподаваніемъ нѣсколько лѣтъ. Жалованье учителю — 300 р. Преподаваніе поставлено очень хорошо. Въ только-что закончившійся учебный годъ (1892—93) была приглашена еще учительница, также съ спеціальнымъ педагогическимъ образованіемъ. Въ школѣ введено обученіе башмачному ремеслу, а также огородничеству и садоводству, насколько послѣднее возможно въ Сибири. Несмотря на нѣкоторые существенные недостатки—тѣсноту и пр., школа оставляетъ весьма хорошее впечатлѣніе.

Я уже сказалъ, что въ школѣ обучалось 54 человѣка, изъ этого числа 17—дѣти рабочихъ винокуреннаго завода, 4 крестьянъ сосѣдней деревни, остальные—дѣти со стекольнаго завода; дѣвочекъ считается 11. Несмотря на то, что на стекольномъ заводѣ дѣтскій трудъ играетъ очень видную роль (на 12 взрослыхъ рабочихъ приходится 20 подростковъ и дѣтей), а можетъ быть, и вслѣдствіе того, среди учащихся нѣтъ ни одного ребенка, который

въ то же время работалъ бы на заводѣ, хотя между работающими очень много дѣтей 8—9 лѣтъ, да и всѣ они безъ исключенія находятся еще въ школьномъ возрастѣ. Зато наблюдается другое, не менѣе грустное явленіе: для работъ на заводѣ родители нерѣдко берутъ дѣтей изъ школъ, не давъ имъ сколько-нибудь сносно освоиться съ грамотой. Такъ, напр., изъ 6 мальчиковъ, вышедшихъ изъ школы зимою 1892 г., 4 были взяты для заводскихъ работъ. Вообще, такой порядокъ „практикуется весьма часто“, какъ объяснилъ мнѣ управляющій стекольнымъ заводомъ.

Третья школа—на содовомъ заводѣ. Эта небольшая школка, гдѣ обучается не болѣе 8 — 12 дѣтей, существуетъ довольно давно; первоначально преподаваніемъ въ ней занималась владѣлица завода, а съ 1890-го г. особая учительница за 10 р. въ мѣсяцъ. Учительница эта—дочь одного изъ окрестныхъ заимочниковъ, получившая образованіе въ Барнаульской прогимназіи. Для занятій имѣется особая комната; учебныя пособія пріобрѣтаются отчасти на счетъ владѣлицы завода, отчасти самими учениками. Всѣ расходы на содержаніе этой школы не превышаютъ 150 р. въ годъ. Пользуются школой дѣти рабочихъ и служащихъ въ заводской конторѣ.

Нужно ли прибавлять къ сказанному, что для взрослыхъ рабочихъ нѣтъ на заводахъ ни воскресныхъ школъ, ни вечернихъ классовъ, ни библіотекъ, какъ нѣтъ и многихъ другихъ учрежденій, съ которыми мы встрѣчаемся на фабрикахъ и заводахъ Европ. Россіи и царства Польскаго,—богадѣленъ, рабочихъ кассъ, потребительныхъ обществъ и пр. Для всего этого нуженъ извѣстный уровень развитія, т.-е. то именно, чего недостаетъ большинству алтайскихъ заводчиковъ.

VI.

Чтобы закончить настоящій очеркъ, мнѣ остается разсмотрѣть заработную плату въ связи съ нѣкоторыми другими вопросами заводской жизни. Для удобства я и въ настоящемъ случаѣ буду придерживаться того же порядка изложенія, которымъ руководился ранѣе, т.-е. буду группировать данныя не по размѣрамъ платы, а по производствамъ. Страдая, можетъ быть, относительно систематичности и стройности, такой способъ выигрываетъ въ наглядности и простотѣ. Начнемъ съ крупчатнаго производства.

На крупчатныхъ заводахъ, какъ и на многихъ другихъ, ра-

бочіе раздѣляются на занятыхъ непосредственно на самомъ заводѣ и на работающихъ въ различныхъ вспомогательныхъ мастерскихъ или вообще исполняющихъ работы, которыя имѣютъ второстепенное значеніе для производства. Рабочая плата тѣхъ и другихъ неодинакова, а потому и говорить о каждой изъ этихъ группъ приходится особо.

Число первыхъ изъ названныхъ, т.-е. въ тѣсномъ смыслѣ заводскихъ рабочихъ, колеблется, не считая мастеровъ-крупчатниковъ, отъ 12 (Повалишинскій заводъ Ф.) до 30 (Аленинскій зав. Б.); вторыхъ, отъ 60 до 200, смотря по заводу, времени года и пр.

Мастеръ-крупчатникъ—главное лицо на заводѣ, и тѣмъ не менѣе ни одинъ изъ алтайскихъ мастеровъ не получилъ не только спеціальнаго, но и никакого образованія. На 6 заводахъ крупчатники—простые крестьяне, нѣкоторые даже неграмотные, съ дѣтства работавшіе на уральскихъ крупчатняхъ или въ Москвѣ у Эрлангера и чисто практическимъ путемъ ознакомившіеся съ техникой производства. На заводѣ Ж. мастеромъ—полякъ, также знакомый съ дѣломъ лишь практически, не имѣющій никакого представленія о теоріи мукомольнаго производства, но сравнительно съ другими все же образованный человѣкъ. Принявъ во вниманіе уровень образованія и подготовки этихъ мастеровъ, нельзя не признать, что получаемая ими плата далеко не низка, и во всякомъ случаѣ она не имѣетъ ничего общаго съ платой остальнымъ рабочимъ какъ на тѣхъ же, такъ и на другихъ алтайскихъ заводахъ. На заводѣ „Бердъ" крупчатникъ получаетъ 1800 р. въ годъ, на Елизаветинскомъ—1500, на Аленинскомъ—1200, на Чернопятовскомъ—900 и т. д. Вездѣ имъ дается квартира съ отопленіемъ и освѣщеніемъ, куль крупчатки въ мѣсяцъ, а на заводѣ Ш. и Ю. столъ (600 р. жалованья).

Положеніе подмастера уже гораздо хуже. Онъ также имѣетъ готовую квартиру, но жалованье не поднимается выше 570 р. (на зав. „Бердъ"); на одномъ заводѣ жалованье — 360 р., на двухъ по 300 и т. д. На Чернопятовскомъ заводѣ, кромѣ квартиры и 250 р. жалованья, подмастеръ получаетъ еще и столъ. На большинствѣ заводовъ по одному подмастеру, но есть и такіе, гдѣ ихъ по два—заводы Г. и Ж.

За подмастеромъ слѣдуетъ цѣлый штатъ рабочихъ, отъ которыхъ требуется извѣстное знакомство съ производствомъ и техническій навыкъ: сортировщики, дневальные, вѣйщики, выбойщики и т. д., а затѣмъ чернорабочіе, отъ которыхъ не требуется никакого знанія техники—нужна одна физическая сила.

Жалованье первымъ изъ этихъ рабочихъ отъ 48 до 360 р. въ годъ; малолѣтнимъ—„подметаламъ"—36 р. Всѣ холостые на хозяйскомъ содержаніи; тѣ, которые на своемъ содержаніи, получаютъ рубля на 2 въ мѣсяцъ больше: такъ, изъ 3 разборщиковъ на заводѣ П. одинъ на хозяйскомъ содержаніи получаетъ 10 р. въ мѣсяцъ, двое другихъ на своемъ содержаніи—по 12 р. То же и въ другихъ случаяхъ. Чернорабочіе всѣ на хозяйскомъ содержаніи съ жалованьемъ отъ 6 до 10 р. въ мѣсяцъ.

Чтобы ближе ознакомиться съ этой стороной дѣла, возьмемъ заводъ Г. „Бердъ", какъ расходующій на содержаніе рабочихъ наибольшую сумму; относительно же другихъ отмѣтимъ лишь самыя значительныя особенности. Выше уже была указана заработная плата мастера и его помощника на этомъ заводѣ. За ними слѣдуютъ 2 сортировщика, изъ которыхъ одинъ получаетъ 24, а другой 21 р. въ мѣсяцъ; затѣмъ 2 дневальныхъ съ жалованьемъ въ 18 и 19 р., 2 вѣйщика, получающихъ 12 и 16 р. Изъ этихъ рабочихъ на хозяйскомъ содержаніи одинъ вѣйщикъ (съ жалованьемъ въ 12 р.), всѣ остальные на своемъ. Всѣ слѣдующіе ниже рабочіе получаютъ хозяйское содержаніе: 3 выбойщика, по 11 р. каждый; 2 масленщика—7 и 10 р.; 2 обойщика—по 9 р.; 2 подметалы (малолѣтніе) — по 4 р.; чернорабочіе—отъ 8 до 10 р. каждому въ мѣсяцъ. У Ф. на Повалишинскомъ заводѣ только одинъ рабочій получаетъ 12 р., всѣ остальные на хозяйскомъ содержаніи зимою отъ 6 до 8 р. въ мѣсяцъ; лѣтомъ, во время страды, плата поднимается на 2—5 р., смотря по существующимъ цѣнамъ на земледѣльческій трудъ; мальчикъ-подметало получаетъ 3 р. На Чернопятовскомъ заводѣ, кромѣ мастеровъ и его помощниковъ, рабочіе получаютъ отъ 7 до 9 р., въ три лѣтніе мѣсяца плата поднимается до 13 р.; подростки получаютъ по 4 р. У П. мѣсячное жалованье киргизамъ на 1 р. больше, чѣмъ русскимъ рабочимъ [1]), т.-е. по 10 р. въ мѣсяцъ; мальчики получаютъ — одинъ 4 р., другой—3 р. въ мѣсяцъ.

Также колеблется плата рабочимъ при заводскихъ мастерскихъ. Напр., въ столярной на зав. Бердъ постоянно работаютъ два мастера съ жалованьемъ въ 30 и 36 р. въ мѣсяцъ; содержаніе свое; два подростка получаютъ 5 и 10 р. при хозяйскомъ содержаніи. Мастеръ-слесарь получаетъ 30 р., при немъ подростокъ — 9 р.; кузнецъ-мастеръ — 25 р., молотобоецъ —12 р. Плотниковъ ежедневно работаетъ 12—25 чел., съ платой каж-

[1]) Объясняется работою киргизовъ въ православные праздники.

дому при хозяйскомъ содержаніи по 12, 14 и 16 р. въ мѣсяцъ, смотря по искусству. Различныхъ рабочихъ, занятыхъ надворными работами постоянно, 10 чел. съ жалованьемъ по 8 р.

У Ж. слесарь-мастеръ получаетъ 30 р.; у Ш. и Ю.—15 и 12 р.; столяры-мастера получаютъ на первомъ изъ этихъ заводовъ 35 р., на второмъ—15 р.; кузнецы у Ж.—20—15 р., у П.—20—13 р.; кочегары у Ш. и Ю.—6 р.; кулевозы тамъ же—6 р., у П.—10 р. и т. д., и т. д. Болѣе или менѣе значительныя колебанія заработной платы мы встрѣчаемъ на всѣхъ крупчатныхъ заводахъ.

На кожевенномъ заводѣ С. мастеръ получаетъ 300 р., пользуясь при этомъ квартирой и отопленіемъ; у Г.—500 р. на хозяйскомъ содержаніи, но безъ квартиры. Столь значительная разница въ платѣ объясняется тѣмъ, что на мастерѣ завода Г. лежитъ завѣдываніе не только технической, но и хозяйственной стороной производства, чего нѣтъ на первомъ заводѣ. Остальные рабочіе, занятые первоначальной обработкой кожи, у С. получаютъ отъ 5 до 8 р. на хозяйскомъ содержаніи (столъ); тѣмъ, кто соглашается работать безъ перерыва въ страду, дѣлается на лѣтніе мѣсяцы прибавка въ 2 р., рѣдко въ 3 р. на человѣка, „но никакъ не болѣе“, по объясненію хозяина. На заводѣ Г. эти рабочіе не получаютъ отъ хозяина ничего, кромѣ жалованья, достигающаго 15 р. въ мѣсяцъ для работающихъ круглый годъ; такихъ, которые на страдное время оставляютъ заводскую работу, Г. почти не держитъ, и въ этомъ отношеніи его заводъ рѣзко выдѣляется изъ всѣхъ другихъ. У Б. мѣсячные рабочіе получаютъ 6—8 р. на хозяйскомъ содержаніи, поденные—25—30 к. на своемъ содержаніи. Приблизительно такая же плата и на прочихъ кожевенныхъ заводахъ.

„Отдѣльщики“, т.-е. рабочіе, занятые отдѣлкой уже готоваго кожевеннаго товара, своего рода мастера, вездѣ получаютъ поштучно, „отъ кожи“: за бычью кожу, которую нужно лишь отмять да немного полощить, 5 коп.; за „чирковую“, употреляемую на бродни и чирки, 15 к., такъ какъ ее нужно болѣе тщательно отмять, вылощить и сдѣлать насѣчки; за „выростокъ“, идущій на сапоги, 25 к. и т. д. Заработокъ отдѣльщиковъ колеблется между 50 и 75 к. въ день. Это въ Барнаулѣ; почти то же и въ Змѣевѣ, хотя здѣсь заработокъ изрѣдка поднимается до 1 р. Остальные рабочіе получаютъ 5—6 р. на хозяйскомъ содержаніи, поденные--коп. 25—30. На одномъ заводѣ работаютъ двѣ женщины, заработокъ которыхъ лѣтомъ достигаетъ 30 к. въ день каждой, зимой же бываетъ

нѣсколько ниже. Въ Павловскѣ мѣсячный рабочій получаетъ 4 р. 50 к. на хозяйскомъ содержаніи, и т. д. На толчеяхъ для размельченія корья работа на нѣкоторыхъ заводахъ сдается на отрядъ по 7 и 9 к. съ пуда размельченнаго корья. Средній дневной заработокъ можно опредѣлить такъ: на толчеѣ одновременно работаютъ 2 взрослыхъ и 1 подростокъ при 4 лошадяхъ; въ день переработаютъ около 50 пудовъ корья, что въ переводѣ на деньги дастъ 3 р. 50 к. 4 р. 50 к. въ день на всю артель. Иногда плата поднимается до 10 к. съ пуда или до 5 р. въ день на артель, иногда опускается до 2 р. 50 к. (заводы Т. и С.). На другихъ заводахъ работаютъ помѣсячно: у В. за 5 р., у К. за 2 р. 50 к. (мальчикъ 15 лѣтъ). Перемывка и чистка шерсти производится въ первой половинѣ лѣта и продолжается мѣсяца два. Исполняется эта работа женщинами и дѣвушками-подростками, нанимаемыми поденно съ платою по 15—25 к. на своихъ харчахъ. Занимающіяся собственно растрепкой шерсти получаютъ по 15 к.

Изъ овчинныхъ заводовъ наемнаго мастера мы встрѣчаемъ лишь на одномъ — на заводѣ С. въ Барнаулѣ, гдѣ онъ получаетъ 300 р. въ годъ на хозяйскомъ содержаніи; на всѣхъ прочихъ мастерами являются или сами хозеява, или ихъ сыновья. Остальные рабочіе получаютъ отъ 5 до 7, рѣдко 10 р. въ мѣсяцъ на хозяйскихъ харчахъ, стоимость которыхъ владѣльцы опредѣляютъ въ 3 р. 50 к. — 4 р. на человѣка въ мѣсяцъ. Помѣсячную плату получаетъ, такъ сказать, низшій разрядъ рабочихъ-овчинниковъ,—это тѣ, которые моютъ овчины, мнутъ ихъ, закладываютъ въ квасильные чаны, первоначально красятъ и пр. Рабочіе же, занятые вторичной окраской и окончательной отдѣлкой шкурокъ — строганьемъ ихъ, чисткой и пр., что требуетъ уже нѣкоторыхъ спеціальныхъ знаній и навыка, получаютъ поштучно, отъ сотни. Плата за трудъ послѣдняго рода, повидимому, прочно установилась на мѣстныхъ заводахъ: по 4 р. за сотню нечерненныхъ овчинъ и по 5 р.—черненныхъ. Заработокъ хорошаго работника будетъ коп. 50—60 на хозяйскихъ харчахъ.

На салотопенныхъ и свѣчно-мыловаренныхъ заводахъ рабочая плата еще ничтожнѣе: на двухъ заводахъ мѣсячная плата рабочему 3 р., на одномъ 4 р.; еще на одномъ годовые рабочіе получаютъ 50 — 60 р. Вездѣ содержаніе хозяйское, стоимость котораго оцѣнивается въ 3 р. на человѣка.

Свѣчно-восковые заводы и въ этомъ отношеніи стоятъ впереди другихъ заводовъ, и тѣмъ болѣе только-что разсмотрѣн-

ныхъ. Условія, въ которыхъ стоитъ мастеръ и другіе рабочіе по отношенію заводовъ, не вездѣ одинаковы. Напр. у С. въ Барнаулѣ мастеръ получаетъ съ пуда выработанныхъ свѣчъ по 1 р. 50 к. и съ пуда отбѣленнаго воску—50 к. Принимая во вниманіе, что заводъ въ годъ выработываетъ 500 — 600 пуд. свѣчъ и около 1000 п. воску, плату мастеру опредѣлимъ въ 1250—1400 р. Но эта сумма не вся идетъ въ его пользу: изъ нея онъ долженъ платить двумъ своимъ помощникамъ, изъ которыхъ одинъ получаетъ 300 р., а другой 400 р. въ годъ; такимъ образомъ, дѣйствительный годовой заработокъ мастера будетъ между 550 и 700 р. Какъ онъ, такъ и оба подмастера пользуются отъ хозяина очень порядочными квартирами съ отопленіемъ и освѣщеніемъ. На змѣиногорскомъ заводѣ S. разсчетъ совсѣмъ иной: здѣсь всѣ рабочіе получаютъ жалованіе непосредственно отъ завода, а не отъ мастера; годовой заработокъ послѣдняго всего 300 р. въ годъ; двое его помощниковъ получаютъ по 200 р.; наконецъ, четвертый рабочій—въ роли ученика—60 р. въ годъ. Всѣ они на хозяйскомъ содержаніи.

На винокуренномъ заводѣ обязанности мастера лежатъ на винокурѣ, завѣдующемъ всей технической стороной дѣла; жалованья онъ получаетъ 1000 р. при готовой квартирѣ. Помощникъ винокура, при готовой же квартирѣ, получаетъ 500 р. Какъ того, такъ и другого трудно причислить собственно къ рабочимъ; это далеко не то, что мастеръ на крупчатномъ заводѣ, и ихъ скорѣе нужно причислить къ администраціи завода. Рабочіе въ тѣсномъ смыслѣ заработываютъ, какъ видно изъ условія, заключеннаго заводской конторой съ артелью крестьянъ, отъ 9 до 17 р. въ мѣсяцъ. Это — рабочіе, занятые непосредственно выкуркой спирта. Нѣкоторыя работы, какъ у заторной машины, производятся на отрядъ, по 43 р. въ мѣсяцъ; также производится возка дровъ—15 р. въ мѣсяцъ, льда—30 р., накачиванье воды 20 р.; подрядчикъ уже нанимаетъ рабочихъ, если нужно. Въ различныхъ вспомогательныхъ процессахъ производства плата слѣдующая: солодовщикъ старшій получаетъ 15 р., трое остальныхъ—по 9 р. въ мѣсяцъ; мельникъ—20 р. и его трое подручныхъ—по 10 р.; кузнецъ—20 р., молотобоецъ—15 р., мальчикъ-подростокъ—9 р.; постоянный плотникъ—15 р., мастеръ-бондарь—20 р; 11 бондарей работаютъ издѣльно по 1 р. 30 к. за новую бочку (матеріалъ хозяйскій) и 90 к. за переборку старой; средній заработокъ на человѣка—р. 15 въ мѣсяцъ. Въ бондарнѣ нѣсколько мальчиковъ-учениковъ, которыхъ берутъ въ работу сами бондари, и заводъ съ ними не имѣетъ никакого

дѣла. Конюхи получаютъ по 10 р., а ихъ староста—20 р. въ мѣсяцъ. На этомъ заводѣ всѣ рабочіе безъ исключенія на своемъ содержаніи.

Въ томъ же родѣ плата на пиво-медоваренномъ заводѣ В: солодовщикъ получаетъ 12 р., пять человѣкъ—по 9 р., одинъ—8 и, наконецъ, еще одинъ—5 р. Имѣя на заводѣ помѣщеніе, продовольствуются рабочіе на свой счетъ. Пивоваръ, онъ же завѣдуетъ и хозяйственной частью, получаетъ 5 к. съ ведра сваренпаго пива, что въ годъ даетъ 950—975 р., не считая квартиры съ отопленіемъ и освѣщеніемъ.

На содовомъ заводѣ каждымъ отдѣльнымъ процессомъ производства завѣдуетъ особый рабочій, обладающій извѣстнымъ техническимъ навыкомъ; такихъ „нарядчиковъ" на заводѣ шестеро. Остальные рабочіе не имѣютъ спеціальныхъ обязанностей и выполняютъ ту работу, на какую поставитъ нарядчикъ по своему усмотрѣнію.

Плата нарядчику колеблется между 15 и 25 р. въ мѣсяцъ, „смотря по способностямъ и важности обязанностей". Большинство ихъ пользуется квартирой при заводѣ. Остальные рабочіе получаютъ плату поденно: мужчины отъ 35 к. зимою до 60 к. лѣтомъ во время страды, женщины—отъ 20 до 30 к. Въ лѣтнее время на заводѣ работаютъ 3—4 мальчика-подростка, которыхъ приводятъ съ собой нѣкоторые рабочіе; жалованья отъ завода они не получаютъ, да заводъ и смотритъ на ихъ работу почти какъ на одолженіе: какъ ни какъ они „обучаются дѣлу", изучаютъ производство—какія же тутъ деньги! Нечего и говорить, что это изученіе ничего не даетъ ребенку въ положительномъ смыслѣ, такъ какъ и взрослые рабочіе, за немногими исключеніями, не имѣютъ никакихъ спеціальныхъ обязанностей, которыя требовали бы спеціальной подготовки. Всѣ эти рабочіе на своемъ содержаніи и квартирами отъ завода не пользуются.

На стекольномъ заводѣ работаетъ мастеровъ различныхъ наименованій 47, остальныхъ рабочихъ 76—86, въ томъ числѣ 44—52 малолѣтнихъ. Часть этихъ рабочихъ получаетъ плату помѣсячно, другіе—издѣльно, что нѣсколько затрудняетъ разсчеты.

Изъ мѣсячныхъ рабочихъ стекловаръ получаетъ 30 р., матерьяльщики—одинъ 10 р. и трое по 9 р.; шурали по 9 р.; подливальщикъ—5 р.; 2 откладчика—8 и 10 р.; браковщикъ—20 р.; 2 укупорщика—5 и 9 р.; гончары—по 18 р.; шлифовальщикъ—12 р.; плотникъ—15 р.; кузнецъ—23 р.; молотобоецъ—10 р.; дробильщики гутора—10 р. каждый. *Малолѣтніе* баночники—по 5—6 р., хлопчики—по 3 р. Поштучно получаютъ мастера: холявные—по $^1/_2$ к.

отъ каждой холявы, посудные—по особой таксѣ на посуду, разводчикъ—по 1 к. съ листа (отъ себя нанимаетъ троихъ—двухъ взрослыхъ съ платой по 10 р. и одного подростка за 6 р.). Посудный мастеръ зарабатываетъ отъ 21 р. (въ январѣ 91 г.) до 11 р. (декабрь того же года). Около того же заработываетъ холявный (въ декабрѣ заработокъ былъ 12 р., а въ январѣ холявъ не работали); разводчики 16—24 р. въ мѣсяцъ. Всѣ рабочіе, пользуясь квартирой, столъ имѣютъ свой.

Я уже имѣлъ случай говорить выше, что при стекольномъ заводѣ цѣлый поселокъ, все рабочее населеніе котораго работаетъ или непосредственно на заводѣ, или для него. Я имѣю записи, относящіяся къ 50 семействамъ рабочихъ этого поселка. Оказывается, что въ среднемъ на семью приходится по $1,_3$ взрослыхъ мужчинъ и $0,_4$ малолѣтнихъ, постоянно работающихъ на заводѣ; другими словами, на каждыя 10 семей на заводѣ работаетъ 13 взрослыхъ мужчинъ и 4 ребенка. Средній заработокъ семьи отъ завода—16 р. 21 к. въ мѣсяцъ.

Нашъ очеркъ былъ бы не полонъ, если бы не упомянуть о существованіи на нѣкоторыхъ крупныхъ заводахъ товарныхъ складовъ, изъ которыхъ рабочіе пользуются въ счетъ платы продуктами, а также о задолженности нѣкоторыхъ конторъ изъ числа тѣхъ же заводовъ. Такіе склады есть на заводахъ Г., Ж. и др., а лавки съ крестьянскими товарами — у Ж., Ш. и Ю. и пр. На заводѣ Бердъ рабочіе могутъ брать по *заготовительной* цѣнѣ всѣ хозяйственные продукты; траты на содержаніе склада и пр. относятся заводомъ на счетъ невозвратныхъ расходовъ. Это, какъ и нѣкоторыя другія, уже упоминавшіяся выше черты изъ практики этого завода, чрезвычайно выгодно выдѣляетъ его изъ ряда всѣхъ другихъ заводовъ Алтайскаго края. У Ж. и др. рабочіе берутъ на книжку, и цѣны не всегда соотвѣтствуютъ нормальнымъ. У Ш. и Ю., кромѣ лавки, возлѣ завода имѣется кабакъ. О характерѣ операцій Елизаветинскаго завода Ж. можно судить по слѣдующимъ фактамъ: контора у большинства рабочихъ задерживаетъ плату до разсчета, оставаясь имъ должною, долги эти записываются въ конторскую книгу, и размѣры ихъ весьма почтенны, особенно если принять во вниманіе скудость финансовыхъ средствъ рабочихъ,—у нѣкоторыхъ рабочихъ считается за конторой по 70—80 р. Этому трудно было бы повѣрить, если бы заводская администрація сама не подтверждала дѣйствительности факта. Она же даетъ и объясненіе его: рабочіе сами того желаютъ, боясь покражъ. Существуетъ задолженность конторъ и на нѣкоторыхъ другихъ заводахъ, но нигдѣ,

сколько мнѣ извѣстно, она не достигаетъ такихъ размѣровъ, какъ на заводѣ Ж. На стекольномъ заводѣ П. наблюдается какъ разъ обратное явленіе: задолженность рабочихъ заводу, выражающаяся также десятками рублей—это задатки, выдававшіеся на проѣздъ недавно выписаннымъ съ Урала рабочимъ.

С. Швецовъ,

членъ-корреспондентъ
Московскаго Юридическаго Общества.

ПАМЯТИ Д. Д. ФИЛЬДА.

(Читано въ засѣданіи Московскаго Юридическаго Общества 23 октября 1895 года).

Въ концѣ прошлаго года скончался извѣстный въ англо-американской юридической литературѣ писатель, знаменитый общественный дѣятель въ штатѣ Нью-Іоркъ, Давидъ Додлей Фильдъ. Имя его будетъ неразрывно связано съ одной изъ знаменательнѣйшихъ страницъ въ исторіи англійскаго права. Я имѣю въ виду увѣнчавшіеся блестящимъ успѣхомъ труды Фильда надъ осуществленіемъ кодификаціи права штата Нью-Іоркъ. Общеизвѣстно то движеніе въ Англіи, которое, начавшись еще со времени Бентама, имѣетъ своею цѣлью кодификацію всего гражданскаго права, объединеніе въ одномъ кодексѣ безчисленныхъ статутовъ и нормъ common law, разбросанныхъ въ многихъ томахъ судебныхъ рѣшеній. Года 1855, 1866, 1875 ознаменованы образованіемъ правительственныхъ комиссій съ цѣлью выработки оснований и отдѣльныхъ частей общаго кодекса. Труды всѣхъ этихъ комиссій были безуспѣшны, что, впрочемъ, не остановило начатаго въ Англіи движенія въ пользу кодификаціи, вопросъ о которой продолжаетъ обсуждаться англійскими юридическими изданіями. Впервые цѣли, намѣченныя означеннымъ движеніемъ, получили практическое осуществленіе въ С. А. С.-Штатахъ, гдѣ, какъ извѣстно, почти во всѣхъ штатахъ основаніемъ права является англійское common law и англійскіе статуты, предшествующіе времени объявленія независимости, гдѣ старыя англійскія рѣшенія служатъ однимъ изъ образцовъ для американскихъ судовъ, гдѣ, наконецъ, въ основаніи всей юридической литературы лежитъ трудъ Блакстона, имѣющій здѣсь то же значеніе, что и въ Англіи. Все

это даетъ право считать удавшуюся попытку кодификаціи въ Америкѣ эпохою въ развитіи англійскаго права вообще.

Въ лицѣ Фильда С. А. С.—Штаты потеряли одного изъ дѣятелей, наиболѣе способствовавшаго осуществленію кодификаціи Нью-Іоркскаго гражданскаго права, принятой впослѣдствіи съ нѣкоторыми измѣненіями, весьма незначительными, Калифорніей, Дакота, Идахо, Огайо.

Наука права потеряла въ лицѣ Фильда одного изъ своихъ лучшихъ представителей, при чемъ особенно значительна эта потеря для международнаго права, разработкѣ и кодификаціи котораго Фильдъ посвятилъ не мало трудовъ.

Размѣры моего сообщенія не позволяютъ мнѣ подробно остановиться на біографіи этого выдающагося общественнаго дѣятеля, а потому я позволю себѣ привести лишь главнѣйшіе факты изъ его жизни, основываясь на статьѣ Ролена, переводчика любимаго произведенія Фильда, его международнаго кодекса, и близко знавшаго скончавшагося ученаго.

Д. Д. Фильдъ родился въ Haddam'ѣ въ штатѣ Connecticut'ѣ въ 1805 году. Отецъ его былъ священникъ одной изъ конгрегаціонныхъ церквей, дѣдъ—герой войны за независимость. Получивъ хорошее домашнее воспитаніе, Фильдъ посѣщалъ послѣдовательно нѣсколько коллегій и въ 1826 г. поступилъ въ адвокатскую контору Генри и Роберта Седжвиковъ, обладавшихъ довольно многочисленной кліентурой. Въ 1828 году онъ становится компаніономъ Роберта Седжвика, а въ 1835 году, послѣ смерти своего товарища, открываетъ свою собственную контору. Съ этого времени въ теченіе полувѣка Фильдъ принимаетъ участіе во всѣхъ громкихъ процессахъ Н.-Іорка и завоевываетъ себѣ славу одного изъ лучшихъ, если не перваго, адвокатовъ Америки. Въ 40-хъ годахъ онъ посвящаетъ свои силы политической дѣятельности, и здѣсь, въ особенности, сказывается его сильный и независимый характеръ. Будучи сторонникомъ Джефферсона, демократомъ по своимъ убѣжденіямъ, онъ, тѣмъ не менѣе, расходится съ демократической партіей по вопросу объ освобожденіи негровъ. Мало того, всю силу свою личнаго вліянія Фильдъ посвящаетъ тріумфу борцовъ за освобожденіе, за торжество начала абсолютной свободы человѣческой личности. Говорятъ, что Линкольнъ въ значительной степени былъ обязанъ успѣхомъ своей кандидатуры агитаторской дѣятельности Фильда. Съ 40-хъ годовъ въ общественной жизни С—Штатовъ нѣтъ ни одного болѣе или менѣе значительнаго событія, гдѣ Фильдъ не являлся бы съ своей замѣчательной энергіею, гдѣ онъ не ра-

боталъ бы словомъ и перомъ; нѣтъ ни одного вопроса, касающагося соціальнаго прогресса, филантропіи, развитія началъ полит. экономіи, межд. права, вопроса вызваннаго гуманными стремленіями во имя общей пользы, съ которымъ бы не было связано имя Фильда. Число рѣчей, произнесенныхъ имъ, адресовъ, составленныхъ имъ, политическихъ брошюръ, очень велико.

Но главныя стремленія Фильда въ его общественной дѣятельности были направлены на осуществленіе реформы законодательства, кодификаціи законовъ и статутовъ, штата Нью-Іорка, а также кодификаціи нормъ международнаго права, научной обработкѣ котораго онъ посвятилъ не мало труда. Въ этой дѣятельности онъ видѣлъ главную задачу своего существованія.

Въ 1839 году изданіемъ брошюры, гдѣ развивается планъ реформы права, Фильдъ начинаетъ борьбу, которую и продолжаетъ затѣмъ съ неутомимою энергіею. Когда въ сороковыхъ годахъ конституція штата Н.-Іорка подвергалась пересмотру, агитація Фильда, хотя и не состоявшаго членомъ комиссіи, работавшей надъ пересмотромъ конституціи, была весьма плодотворна. Благодаря именно этой агитаціи, осуществлена весьма серьезная реформа въ судоустройствѣ штата. Традиціонное раздѣленіе судовъ на courts of chancery, основывавшихъ свои рѣшенія на строгомъ слѣдованіи правиламъ common law, и на courts of equity, руководствовавшихся правилами equitas, было уничтожено, новые суды получили право примѣнять, по своему усмотрѣнію, или common law или начала equity. Реформа эта не осталась безъ вліянія на судоустройство въ Великобританіи и ея колоніяхъ. По акту 1873 г. въ Англіи былъ учрежденъ общій верховный судъ для всей страны, а мѣстные суды, подобно Нью-іоркскимъ, не сохранили своего традиціоннаго раздѣленія. За реформою судоустройства въ штатѣ Н.-Іоркъ получила осуществленіе мысль о желательности и необходимости попытокъ къ объединенію всѣхъ остальныхъ областей права, мысль, за которую весьма энергично ратовалъ Д. Д. Фильдъ. Тогда же, въ 1846 году, было образовано двѣ комиссіи: Code commission, для выработки кодексовъ, заключающихъ въ себѣ все матеріальное право; practice commission, для пересмотра правилъ судопроизводства. Работы первой изъ этихъ комиссій не были успѣшны, и она скоро прекратила свое существованіе. Работы второй комиссіи, членомъ коей былъ Фильдъ, ознаменовались выработкою кодексовъ гражданскаго и уголовнаго судопроизводства. Кодексъ гражданскаго судопроизводства въ 1849 году получилъ силу закона. Должно, впрочемъ, замѣтить, что прак-

тика указала цѣлый рядъ недостатковъ этого кодекса и онъ до 1865 года подвергался 14 разъ частичнымъ измѣненіямъ, пока, наконецъ, въ 1877 году не былъ замѣненъ новымъ кодексомъ. И въ послѣдней работѣ вліяніе Фильда было велико.

Кодексъ уголовнаго судопроизводства, выработанный при участіи Фильда, получилъ въ Н.-Іоркѣ законодательную санкцію, благодаря вліянію того же Фильда, лишь въ 1881 году; но за 32-лѣтній промежутокъ времени, протекшій отъ его окончанія до принятія штатомъ, гдѣ онъ былъ созданъ, онъ получилъ законодательную санкцію въ 18 другихъ американскихъ штатахъ. Этотъ кодексъ отмѣченъ высокими достоинствами, при чемъ, по словамъ Ролена, онъ во многихъ случаяхъ существенно отличается отъ европейскихъ законодательствъ. Въ этомъ кодексѣ уголовнаго судопроизводства, напримѣръ, мы встрѣчаемъ многочисленныя постановленія объ обязанности отца и матери по отношенію къ ихъ незаконнымъ дѣтямъ, чрезвычайно скорый процессъ при отысканіи отца, наконецъ, постановленія объ обязанности отца къ матери своего ребенка.

Итакъ, мы видимъ, что результатомъ дѣятельности комиссіи 1846 года, виднымъ членомъ коей былъ Фильдъ, является доказательство возможности кодификаціи англійскаго процессуальнаго права.

Вопросъ о возможности кодификаціи матеріальнаго права, не смотря на неудачу, постигшую его въ 1846 г., возникаетъ вновь и въ 1857 году образуется новая комиссія въ составѣ трехъ членовъ, однимъ изъ коихъ вновь является, Фильдъ. Въ теченіе восьми лѣтъ продолжаются работы комиссіи и въ 1865 г. оканчивается составленіе гражданскаго, уголовнаго и политическаго уложеній штата Нью-Іорка.

Изданія трудовъ вышеуказанной законодательной дѣятельности штата Нью-Іорка занимаютъ 9 томовъ кодексовъ и 10 томовъ отчетовъ. Большая часть работы совершена Фильдомъ: ему, главнымъ образомъ, обязаны соотечественники составленіемъ извѣстнаго проекта гражданскаго уложенія. Проектъ этотъ былъ 8 разъ пересматриваемъ Фильдомъ, и такимъ образомъ, онъ почти осуществилъ требованіе, предъявляемое Гораціемъ къ совершенному литературному произведенію. И дѣйствительно, кодексъ гражданскаго уложенія штата Н.-Іорка, обладая выдающимися научными достоинствами, имѣлъ громадное практическое значеніе. Въ самомъ Н.-Іоркѣ онъ былъ принятъ законодательнымъ собраніемъ, но затѣмъ пріостановленъ, благодаря veto губернатора Hill'я. Главнымъ образомъ противъ

принятія этого кодекса ратовала адвокатская корпорація. Но неудача въ Нью-Іоркѣ не препятствуетъ признанію высокаго практическаго значенія за работою Фильда, такъ какъ гражд. уложеніе, получившее въ Калифорніи законодательную санкцію, есть, въ сущности, проектъ Фильда, подвергшійся лишь весьма незначительной переработкѣ. Калифорнійское уложеніе, въ свой чередъ, оказало громадное вліяніе на кодификаціонныя работы въ другихъ штатахъ, изъ которыхъ имѣютъ кодифицированное гражданское право Джорджія, Дакота, Колорадо, Огайо, Идахо.

Практическія достоинства Калифорнійскаго уложенія общепризнаны американскими юристами и на этотъ фактъ неоднократно указывалъ Фильдъ, стараясь убѣдить Нью-Іоркскихъ юристовъ къ возможности законодательнаго утвержденія выработаннаго имъ проекта. Весьма существенно свидѣтельство предсѣдателя Калифорнійскаго высшаго суда Wallace'a, который говоритъ что Кал. уложеніе, первоначально принятое съ нѣкоторымъ недовѣріемъ, теперь пользуется одинаковымъ одобреніемъ, какъ со стороны судей, такъ и адвокатовъ. Замѣтимъ, что на русскомъ языкѣ мы имѣемъ изданіе перевода Калифорнійскаго уложенія, которому предшествуетъ очень обстоятельное изложеніе его содержанія, съ рельефнымъ оттѣненіемъ особенностей американскаго права. Въ виду незначительныхъ отличій Калифорнійскаго уложенія отъ Нью Іоркскаго означенный переводъ можетъ дать ясное представленіе о характерѣ кодификаціонныхъ работъ Фильда.

Научное значеніе этой работы настолько велико, что она обратила на себя вниманіе не только англо-американской юридической литературы, но и германской и французской и, по свидѣтельству Гольдшмидта, въ высокой степени заслуживаетъ это вниманіе.

Мнѣ кажется, что этихъ краткихъ замѣтокъ достаточно для того, чтобы признать за Фильдомъ почетное мѣсто въ исторіи развитія англо-американскаго права. Надо было имѣть огромный запасъ энергіи, знаній, силы, чтобы возбудить кодификаціонное движеніе, содѣйствовать выработкѣ кодексовъ и домогаться ихъ оффиціальнаго признанія. И дѣйствительно, цѣлый рядъ препятствій необходимо было преодолѣть. Вотъ что пишетъ по этому поводу Фильдъ:

„Комиссія для выработки кодексовъ должна была установить новую систему, комбинировать цѣлый рядъ деталей и, въ тоже время, бороться съ громадной оппозиціей, къ которой при-

надлежала вся корпорація адвокатовъ и магистратуры. Нужно было побѣдить эту оппозицію, которая, не вѣря въ успѣхъ дѣла, относилась къ нему враждебно; нужно было обществу, во главѣ котораго стояли члены этой оппозиціи, дать ясныя доказательства того, что оно можетъ довѣриться небольшому числу реформаторовъ; надо было поколебать систему, покоющуюся на вѣковомъ опытѣ, идти наперекоръ предразсудкамъ нѣсколькихъ тысячъ юристовъ, привычки и образъ дѣйствій коихъ должны были быть измѣнены; надо было свести къ нулю значеніе тысячъ сочиненій, наполняющихъ библіотеки этихъ юристовъ". Такими словами Фильдъ характеризуетъ трудности своей дѣятельности, которую онъ съ горячею вѣрою въ успѣхъ началъ въ 1839 году и которую онъ, достигнувъ блестящихъ результатовъ, продолжалъ 80-лѣтнимъ старцемъ.

Понятно, что Фильдъ, посвятившій свою жизнь практическому осуществленію кодификаціи своего родного права, не могъ не заняться изученіемъ вопроса о кодификаціи международнаго права, разсматриваемаго лучшими представителями англ. и амер. юридической литературы составною частью обычнаго права ихъ отечества.

И дѣйствительно, мы видимъ Фильда во главѣ того движенія, которое ставитъ своею задачею содѣйствіе научной обработкѣ и практическому усовершенствованію международнаго права. Являясь президентомъ и членомъ цѣлаго ряда обществъ, въ программу которыхъ входило изученіе общественныхъ наукъ, Фильдъ содѣйствуетъ основанію „Ассоціаціи для реформы и кодификаціи международнаго права".

Исторія образованія послѣдней весьма интересна. Въ одномъ изъ собраній въ Нью-Іоркѣ, въ маѣ 1872 г., было рѣшено образовать т. н. комитетъ международнаго кодекса, предсѣдателемъ коего былъ избранъ Фильдъ. Комитетъ имѣлъ своею задачею созваніе конференціи изъ публицистовъ различныхъ странъ Европы и Америки съ цѣлью обсужденія наилучшихъ средствъ для выработки кодекса межд. права и способовъ достиженія его принятія. Было рѣшено дѣйствовать безъ замедленія; и дѣйствительно, уже 10 октября въ Брюсселѣ собирается конференція. Мнѣ кажется, что достаточно назвать имена участниковъ этой конференціи, чтобы понять солидное значеніе ея рѣшеній. Предсѣдатель: Д. Д. Фильдъ. Члены: Коши, Кальво, Массе, Пасси, Блюнчли, Гольцендорфъ, Манчини, Піерантони, Трэверъ-Твисъ, Монтöгъ-Бернаръ, Роленъ-Жакменъ, Аренсъ, Лавеле.

По главному вопросу, представленному на обсужденіе этой

конференціи, она высказалась слѣдующимъ образомъ. „Интересы мира заставляютъ желать созданія международнаго кодекса, точно опредѣляющаго права и обязанности націй и ихъ членовъ. Вслѣдствіе этого не должно пренебрегать ничѣмъ для приготовленія и принятія этого кодекса. Разсмотрѣніе вопроса о томъ, поскольку этотъ кодексъ долженъ удовлетворять цѣлямъ науки и поскольку онъ долженъ быть внесенъ въ трактаты и конвенціи, формально принятыя государствами, будетъ сдѣлано впослѣдствіи". Затѣмъ конференція кладетъ начало образованію „Ассоціаціи для реформы и кодификаціи международнаго права", почетнымъ членомъ коей избирается Д. Д. Фильдъ. Между прочимъ, слѣдуетъ отмѣтить, что одною изъ задачъ этой ассоціаціи является учрежденіе цѣлаго ряда мѣстныхъ комитетовъ въ различныхъ странахъ, находящихся въ сношеніи съ бюро ассоціаціи.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что дѣятельность на поприщѣ пропаганды любимой идеи Фильда переходитъ въ области м. права далеко за предѣлы его родины. Въ то же время мы видимъ Фильда однимъ изъ основателей Института м. права, образовавшагося нѣсколькими мѣсяцами раньше „ассоціаціи" и съ которымъ послѣдняя намѣревалась вступить въ тѣсное единеніе.

Вскорѣ послѣ окончанія засѣданій конференціи въ Брюсселѣ мы застаемъ Д. Д. Фильда въ Парижѣ, гдѣ на банкетѣ, данномъ въ честь его обществомъ друзей мира и комитетомъ занятій вопросами кодификаціи междун. законовъ, онъ произнесъ рѣчь, характеризуя возникновеніе двухъ вышеуказанныхъ ученыхъ обществъ, какъ первый шагъ къ достиженію великой цѣли, и приглашая французскихъ ученыхъ содѣйствовать ея дальнѣйшему развитію.

Означенная дѣятельность Фильда въ 70-хъ гг. надъ пропагандою вопроса о кодификаціи м. права является продолженіемъ уже давно начатаго дѣла. Въ 1866 году Фильдъ выступаетъ въ Манчестерѣ въ засѣданіи ассоціаціи общественныхъ наукъ съ предложеніемъ образовать комиссію для выработки проекта кодекса межд. права. Такая комиссія была образована, и въ составъ ея вошелъ Фильдъ. Но онъ скоро убѣдился, что принадлежность членовъ къ различнымъ національностямъ, дальность ихъ мѣстожительства другъ отъ друга мѣшаютъ успѣшному окончанію дѣла, и рѣшилъ окончить его единоличными усиліями. И вотъ въ 1873 г., черезъ 7 лѣтъ послѣ своего предложенія, онъ представляетъ ассоціаціи Draft Outlines of an international Code. Представляя свой проектъ (переведенный потомъ на

французскій, итальянскій и китайскій яз.), онъ былъ далекъ отъ мысли о возможности его принятія, какъ положительнаго закона, и предлагалъ свой проектъ, какъ основаніе для дальнѣйшихъ обсужденій вопроса о кодификаціи межд. права въ средѣ британской ассоціаціи. Допустить противоположный взглядъ, что дѣлается нѣкоторыми писателями, невозможно, такъ какъ участіе Фильда именно въ это же время въ основаніи такихъ учрежденій, какъ Брюссельская ассоціація и Инст. межд. права, ясно показываетъ, что Фильдъ признавалъ необходимость продолжительной и постепенной работы для осуществленія кодификаціи международнаго права.

„Дорогою къ вамъ, говорилъ онъ въ началѣ своей рѣчи при представленіи Британской ассоціаціи плана своего кодекса, пароходъ, на которомъ я переѣзжалъ океанъ, представлялся весьма нагляднымъ доказательствомъ значенія закона въ области міровыхъ сношеній. Пароходъ былъ англійскій, экипажъ также англійскій. Пассажиры принадлежали къ различнымъ націямъ: здѣсь были англичане, американцы, французы, нѣмцы, итальянцы и граждане другихъ государствъ. Грузъ отправлялся въ различные порты Европы. По какимъ же законамъ должно было обсуждать права и обязанности этого смѣшаннаго общества, права и обязанности пассажировъ, матросовъ, хозяина парохода, собственниковъ груза? Во избѣжаніе столкновенія съ другими судами нужно было пользоваться употребленіемъ условныхъ знаковъ, слѣдовать при встрѣчахъ опредѣленному направленію. При встрѣчахъ съ другими судами мы переговаривались съ ними сигналами, извѣстными всѣмъ морякамъ. Ближайшій морской судъ былъ бы компетентенъ, на основаніи обычныхъ морскихъ правилъ, въ случаѣ столкновенія. Этотъ же судъ и тѣ же законы рѣшили бы вопросъ о слѣдуемомъ нашему пароходу вознагражденіи въ случаѣ поданной имъ помощи погибающему судну. Перечисляя далѣе еще рядъ случаевъ, могущихъ вызвать необходимость въ опредѣленной нормѣ для защиты даннаго отношенія, Фильдъ указывалъ на желательность и важность того обстоятельства, чтобы нормы эти не были ограничены предѣлами опредѣленной страны, но были бы общи для всѣхъ странъ“. Проектъ нормъ такого рода, приведенныхъ въ систему, Фильдъ и вырабатывалъ въ теченіе времени отъ 1866 до 1873 гг. Критика, встрѣтившая работу Фильда крайне сочувственно, поскольку она касалась научнаго изложенія догмы м. права, возражала противъ возможности оффиціальнаго принятія кодекса Д. Фильда. Я уже указывалъ на то, что и самъ Фильдъ

едва ли разсчитывалъ на принятіе безъ продолжительной дальнѣйшей работы кодекса, предложеннаго имъ. Если же Фильдъ и относился слишкомъ оптимистически къ возможности осуществленія въ сравнительно недалекомъ будущемъ кодификаціи законовъ, нормирующихъ отношенія между независимыми государствами, то это понятно, когда мы вспомнимъ время, въ которое онъ работалъ надъ вопросами кодификаціи м. права. Шестидесятые и первая половина 70-хъ годовъ представляютъ много такого, что дѣйствительно могло возвысить духъ борцовъ за окончательное торжество права въ междун. отношеніяхъ. Вспомнимъ, что именно эпоха отъ Парижскаго мира называется проф. Мартенсомъ эпохою права. Вспомнимъ, что въ 60-хъ годахъ на страницы положительнаго международнаго права заносятся два такихъ памятника, какъ Женевская и Петербургская конвенціи. Начало 70-хъ годовъ ознаменовано въ лѣтописяхъ международнаго права обращеніемъ двухъ великихъ державъ къ третейскому суду, результатъ дѣятельности котораго возбудилъ много свѣтлыхъ надеждъ. Вскорѣ послѣ этого собирается конференція въ Брюсселѣ для кодификаціи всей области военнаго права. Въ палатахъ Бельгійской, Голландской, Шведской и Англійской выражается желаніе о введеніи третейскаго суда для разбирательствъ споровъ между государствами. Основаніе Revue de droit international, а затѣмъ и Института м. права, образованіе Ассоціаціи для кодификаціи м. права, надъ созданіемъ которыхъ, между прочимъ, работалъ и Фильдъ,—все это необходимо поднимало духъ такого человѣка, какъ онъ и, можетъ быть, заставляло смотрѣть болѣе оптимистически на возможность осуществленія кодификаціи. Но, если кодексъ Фильда и не ускорилъ непосредственно дѣла выработки и принятія государствами м. кодекса, то его научное значеніе признается въ литературѣ межд. права выдающимися интернаціоналистами.

Кодексъ Фильда построенъ на устарѣвшей въ настоящее время системѣ дѣленія на м. право во время мира и на м. право во время войны. Кодексъ этотъ, говорится въ 7 ст., раздѣленъ на двѣ книги. Первая трактуетъ о взаимныхъ отношеніяхъ государствъ и ихъ членовъ, независимо отъ ограниченій, вводимыхъ состояніемъ войны. Вторая трактуетъ объ ограниченіяхъ послѣдняго рода. Затѣмъ первая книга распадается на двѣ части: м. публичное и м. частное право.

М. публичное право разсматриваетъ: отношенія государствъ другъ къ другу; отношенія одного государства къ подданнымъ другого государства и къ ихъ собственности; постановленія,

касающіяся общей пользы всѣхъ государствъ; установленія, имѣющія своею задачею поддержаніе мира. Межд. частное право разсматриваетъ частныя права лицъ, насколько они вытекаютъ изъ международныхъ отношеній, а также организацію судебной защиты этихъ правъ. Та часть кодекса, которая занимается правомъ войны, трактуетъ о воюющихъ, ихъ союзникахъ и нейтральныхъ.

Статьи, составляющія содержаніе кодекса, основаны на близкомъ знакомствѣ съ литературою м. права, на тщательномъ изученіи трактатовъ и конвенцій, а также законодательства и судебной практики. Многія изъ этихъ статей снабжены обстоятельнымъ указаніемъ литературы, весьма цѣнными примѣчаніями и многочисленными данными положительнаго матеріала. Такъ, напримѣръ, введя въ свой кодексъ статьи, трактующія о принятіи государствами единообразной монеты, мѣръ, вѣсовъ, объ принятіи единообразной системы морскихъ знаковъ, Фильдъ сопровождаетъ эти статьи обширнымъ изслѣдованіемъ, касающимся означенныхъ вопросовъ, основаннымъ на историческихъ, математическихъ и техническихъ данныхъ.

Если мы сравнимъ кодексъ Фильда съ другими попытками того же рода, то прежде всего должны будемъ отмѣтить его обширность и полноту. Работы Пародо и Доминъ-Петрушевича охватываютъ далеко не всѣ области даже публичнаго права. Знаменитая работа Блюнчли, многія статьи которой Д. Д. Фильдъ безъ всякихъ измѣненій внесъ въ свой кодексъ, совершенно не касается вопросовъ частнаго международнаго права. Появившійся въ 1890 году кодексъ Фіоре отличается въ послѣднемъ отношеніи отъ кодекса Фильда.

По своему направленію работа Фильда принадлежитъ той школѣ м. права, которую обыкновенно называютъ положительной, „позитивной". Фильдъ, проникнутый сознаніемъ первенствующаго значенія независимости и суверенитета государствъ, говоритъ Роленъ, придающій громадное значеніе коммерческимъ интересамъ, столь жизненнымъ для С.—Штатовъ, является настойчивымъ защитникомъ территоріальнаго закона, выразителемъ слишкомъ односторонняго направленія англо-американской юридической литературы. Но нельзя не замѣтить, что пропагандируемые имъ наиболѣе крайніе взгляды представителей означенной литературы, преимущественно въ области м. частнаго права, въ сильной степени смягчаются цѣлымъ рядомъ благородныхъ и либеральныхъ мыслей по вопросу о положеніи иностранцевъ.

Богатое содержаніе кодекса Фильда заключено въ 1008

статьяхъ. Оно вполнѣ оправдываетъ тѣ положенія, которыя выставляются пр. Даневскимъ при характеристикѣ научныхъ попытокъ кодификаціи положительнаго матеріала въ области межд.—правовой жизни государствъ. По словамъ харьковскаго профессора, значеніе этихъ попытокъ сводится къ слѣдующему:

1) онѣ проливаютъ свѣтъ на матеріалъ и задачи кодификаціи,

2) помогаютъ выясненію руководящихъ началъ международнаго права,

3) даютъ возможность сравнить и сопоставить указанія науки съ дѣйствительностью,

4) представляютъ хорошее разрѣшеніе отдѣльныхъ вопросовъ международнаго права.

Я позволю себѣ остановить ваше вниманіе лишь на томъ отдѣлѣ работы Фильда, который отличаетъ ее отъ другихъ работъ представителей положительной школы. Преклоненіе передъ суверенететомъ государствъ, передъ значеніемъ территоріальнаго закона не препятствуетъ Фильду признать высокое значеніе международной организаціи. Эта послѣдняя, конечно, возможна лишь при условіи ограниченія суверенетета. И дѣйствительно, въ 12 статьѣ кодекса мы читаемъ, что „независимость и свобода каждаго государства не абсолютны; онѣ ограничиваются свободой и независимостью другихъ государствъ, постановленіями означеннаго кодекса, договорами, въ которые вступило данное государство“. Для поддержанія мира между государствами, по мнѣнію Фильда, необходимо соблюденіе условій, изложенныхъ имъ въ статьяхъ отъ 528 до 538 кодекса.

Мысли, высказываемыя Фильдомъ въ означенныхъ статьяхъ, приближаютъ его къ воззрѣнію писателей интернаціоналистовъ, отличающихся своими идеалистическими взглядами на установленіе мирнаго порядка между государствами. Въ литературѣ международнаго права можно указать лишь на мнѣнія Фіоре и Лоримера, которыя, сравнительно съ требованіями, выставленными Фильдомъ въ означенныхъ статьяхъ его кодекса, являются болѣе радикальными по отношенію къ организаціи международнаго общенія.

Охрана нормъ, заключающихся въ предлагаемомъ Фильдомъ кодексѣ, принадлежитъ, по его мнѣнію, всѣмъ членамъ международнаго общенія, которымъ, въ случаяхъ нарушенія этихъ нормъ, принадлежитъ право прибѣгать къ силѣ для ихъ защиты. Члены международнаго союза, говорится въ 538 ст., признающіе обязательность даннаго кодекса, ежегодно посылаютъ въ одну

изъ столицъ своихъ представителей на конференцію для обсужденія постановленій означеннаго кодекса, для ихъ исправленія и для обсужденія всѣхъ вопросовъ, могущихъ содѣйствовать упроченію мира.

Оригинальнымъ образомъ въ 530 ст. опредѣляетъ Фильдъ состояніе мира, какъ время, когда Австрія, Франція, Великобританія, Германія, Италія, Россія, Испанія и Соединенные Штаты находятся въ мирѣ другъ съ другомъ. Сочувствовать подобному опредѣленію, въ особенности внесенному въ отдѣлъ, гдѣ трактуется о международной организаціи, нельзя, такъ какъ изъ него можно заключить къ умаленію значенія второстепенныхъ государствъ.

Признавая, что вопросъ объ окончательномъ уничтоженіи войны принадлежитъ будущему, Фильдъ видитъ въ практикѣ государствъ факты, дающіе возможность ограничить случаи обращенія къ оружію. Вслѣдствіе этого онъ вноситъ въ свой кодексъ требованіе объ предварительномъ обращеніи государства, права коего нарушены, къ государству, обвиняемому въ этомъ нарушеніи, и обязанность послѣдняго дать соотвѣтствующія объясненія. Если переговоры эти не приводятъ къ согласію, то, по постановленію 534 ст., спорящія стороны назначаютъ по 5 комиссаровъ для разрѣшенія предмета ихъ спора.

Слѣдуюшая 535 ст. предусматриваетъ случаи несогласія заинтересованныхъ государствъ съ рѣшеніемъ означенныхъ комиссаровъ. Черезъ годъ по провозглашеніи этого рѣшенія государства, признавшія обязательную силу кодекса, увѣдомляются о несогласіи спорящихъ подчиниться рѣшенію комиссаровъ. Каждое изъ государствъ, членовъ союза, по полученіи увѣдомленія, назначаетъ по 5 членовъ въ списокъ третейскихъ судей. Означенный списокъ представляется на разсмотрѣніе спорящихъ и они послѣдовательно вычеркиваютъ по одному члену, пока не остается семь именъ. Эти семь членовъ и образуютъ третейскій судъ. Гарантируютъ исполненіе рѣшенія этого суда, какъ уже было выше указано, всѣ государства, входящія въ международный союзъ. Замѣтимъ, что въ основу своего предложенія объ избраніи третейскихъ судей Фильдъ положилъ конституцію федераціи С. А. С.-Штатовъ.

Трактуя вопросы международной организаціи, Фильдъ исходитъ изъ вѣрной мысли о необходимости для правильнаго развитія началъ, положенныхъ въ основаніе этой организаціи, ограничить непомѣрно растущій милитаризмъ. Арміи Европы въ мирное время, писалъ онъ, достигаютъ до 3 мил. человѣкъ,

въ военное до 10 мил. Содержаніе этой арміи требуетъ отъ государствъ труда такого же количества человѣкъ. Такимъ образомъ, 6 м. человѣкъ, значительная часть всего способнаго къ труду населенія, притомъ пополняющаяся наиболѣе сильными работниками, не производитъ полезной работы и существуетъ лишь для могущей случиться войны. Тягость эта можетъ быть уменьшена, если государства встанутъ на путь взаимныхъ соглашеній. Затѣмъ, указывая на существованіе между Англіей и С. Штатами трактата, обязывающаго означенныя государства не имѣть военныхъ кораблей на принадлежащихъ имъ великихъ озерахъ, Фильдъ заключаетъ къ возможности единовременнаго сокращенія военныхъ силъ. Весь вопросъ здѣсь сводится лишь къ опредѣленію того минимума, которымъ должна быть ограничена численность войска каждаго государства, тогда какъ принципіальная необходимость постепеннаго разоруженія представляется Фильду несомнѣнною. Вотъ почему въ 528 ст. онъ говоритъ: число солдатъ какъ для сухопутной, такъ и для морской службы не должно превышать одного человѣка на каждую тысячу жителей. Но не желая стѣсненія суверенной независимости державъ въ вопросахъ, связанныхъ съ принятіемъ всевозможныхъ мѣръ для своей защиты, Фильдъ въ 529 ст. указываетъ на право государства строить и вооружать крѣпости и военные корабли, а также ежегодно въ теченіе одного мѣсяца обучать военному искусству все или часть своего мужского населенія въ возрастѣ отъ 20 до 24 лѣтъ, образуя изъ него милицію. Къ дѣйствительной службѣ милиція эта можетъ быть призываема въ случаяхъ внутренней необходимости, нашествія на территорію и для борьбы съ нарушителями постановленій кодекса. Такъ какъ, согласно вышесказанному, всякое нарушеніе нормъ, предписываемыхъ кодексомъ, въ случаѣ отказа въ добровольномъ удовлетвореніи доходитъ до разсмотрѣнія третейскаго суда, то послѣдняя изъ указанныхъ цѣлей употребленія военныхъ силъ является принужденіемъ въ случаяхъ отказа государства подчиниться рѣшенію третейскаго суда.

Ко всѣмъ разсмотрѣннымъ предложеніямъ Фильда, касающимся международной организаціи, критика въ лицѣ Ролена-Жакмэна, редактора „Revue“, отнеслась скептически, поскольку шла рѣчь о возможности немедленнаго принятія означенныхъ предложеній государствами. „Но, добавлялъ Роленъ-Жакмэнъ, трудно утверждать, что намѣченныя Фильдомъ основанія м. организаціи не осуществятся никогда. То, что является уто-

піей для настоящаго времени, черезъ столѣтіе можетъ сдѣлаться дѣйствительностью". И развѣ мало утопій, позволю себѣ добавить слова почтеннаго автора, уже получили осуществленіе, являясь теперь очевидными для всѣхъ истинами?

Я уже останавливался на вопросѣ о томъ, насколько самъ Фильдъ признавалъ возможность немедленнаго осуществленія такого положенія, при которомъ было бы возможнымъ принятіе кодекса, нормирующаго всѣ области международной жизни, а потому ограничусь лишь словами Фильда, характеризующими его взглядъ на одно изъ сильнѣйшихъ препятствій къ окончательному установленію и укрѣпленію мирнаго правового порядка въ международныхъ отношеніяхъ,—его взглядъ на войну.

„Однимъ изъ сильнѣйшихъ бѣдствій, обуревающихъ человѣческій родъ, говорилъ онъ, несомнѣнно является война. Я не утверждаю, чтобы война была самымъ сильнымъ изъ всѣхъ золъ, такъ какъ еще болѣе ужасны: нравственное оскудѣніе, рабство, общая порча. Въ извѣстныхъ случаяхъ война необходима. Тотъ, кто отказывается сражаться, не боясь смерти, за семью, за государство, является гражданиномъ другого міра.

„Я не думаю, чтобы война могла въ скоромъ времени исчезнуть совершенно. Но я хочу надѣяться, что возрастающія сношенія государствъ другъ съ другомъ и общій прогрессъ цивилизаціи сблизятъ людей на пути къ миру. Оружіе, которое въ настоящее время украшаетъ залы феодальныхъ замковъ, амбразуры, служащія лишь украшеніемъ, но не для защиты, прежнія крѣпостныя стѣны, служащія теперь лишь для прогулокъ. не есть ли все это свидѣтельство прогресса?.. Я хочу надѣяться, что международно-правовыя установленія уменьшатъ возможность столкновеній и что слѣдствія войнъ, могущихъ возникнуть при неблагопріятныхъ условіяхъ, будутъ, по крайней мѣрѣ, смягчены".

Мнѣ кажется, что эти слова, въ связи съ вышеприведенными данными, ясно доказываютъ взглядъ Фильда на необходимость продолжительной работы для осуществленія многихъ изъ тѣхъ свѣтлыхъ началъ, которыя выставлены имъ въ кодексѣ.

Понятно, что научныя убѣжденія Д. Д. Фильда, его неутомимая энергія и постоянное стремленіе домогаться практическаго осуществленія намѣченныхъ идей вызвали его дѣятельное участіе въ работахъ Института межд. права.

И дѣйствительно, имя его не только значится въ спискѣ основателей знаменитой академіи межд. права, но встрѣчается во всѣхъ отчетахъ первыхъ годовъ дѣятельности Института

межд. права. Въ числѣ членовъ послѣдняго насчитывается 8 именъ, принадлежащихъ извѣстнымъ американскимъ юристамъ, четверо изъ которыхъ и избраны одновременно съ Фильдомъ; но лишь послѣдній, несмотря на свой уже весьма преклонный возрастъ, въ 1873, 74, 75 и 78 годахъ предпринимаетъ путешествія черезъ океанъ для участія въ съѣздахъ Института.

Засѣданія Института 1873 года, какъ извѣстно, были посвящены выработкѣ статутовъ этого учрежденія, и лишь слѣдующій съѣздъ въ Женевѣ (1874) былъ началомъ обсужденія вопросовъ международнаго права. Здѣсь разсматривался извѣстный докладъ Гольдшмита, знаменитаго цивилиста, о третейскомъ судѣ между государствами.

Докладъ этотъ рѣшено было передать на разсмотрѣніе особой комиссіи, которая и собирается на слѣдующемъ съѣздѣ Института въ Гагѣ. Предсѣдателемъ этой комиссіи избирается Фильдъ. Затѣмъ онъ принимаетъ участіе въ качествѣ члена въ комиссіяхъ для пересмотра Брюссельской декларацiи о законахъ и обычаяхъ войны и для опредѣленія условій распространенія международнаго права на восточныя государства.

Относительно послѣдняго вопроса Фильдомъ былъ написанъ мемуаръ, представляющій особый интересъ въ виду того важнаго значенія, какое имѣетъ для практики международныхъ сношеній разрѣшеніе вопроса о предѣлахъ распространенія дѣйствія нормъ м. права. Прежде чѣмъ приступить къ его разсмотрѣнію, Институтъ пожелалъ получить разъясненія по нѣсколькимъ пунктамъ, изложеннымъ въ вопросникѣ, разосланномъ цѣлому ряду компетентныхъ лицъ въ различныхъ государствахъ. Вопросы сводились къ тому, не существуетъ ли въ религіозныхъ, нравственныхъ и правовыхъ представленіяхъ жителей восточныхъ государствъ такого рода различій отъ однородныхъ представленій государствъ Европы, при которыхъ нельзя допустить между первыми и послѣдними международнаго общенія, регламентируемаго нормами межд. права, а также какимъ образомъ должна быть организована юрисдикція надъ подданными европейскихъ государствъ, жительствующими на Востокѣ. Несмотря на то, что были получены имѣющіе значеніе отвѣты даже изъ Персіи, Китая и Египта, матеріалъ для обсужденія вопроса, порученнаго Институтомъ спеціальной комиссіи, былъ признанъ недостаточнымъ, и задача комиссіи была ограничена обсужденіемъ желательныхъ реформъ въ судебныхъ установленіяхъ государствъ Востока, поскольку эти установленія вѣдаютъ дѣла, въ которыхъ заинтересованы подданные Европы и Америки.

Такимъ образомъ, изъ матеріаловъ по ранѣе поставленному вопросу остался лишь мемуаръ Фильда.

Мемуаръ этотъ, мнѣ кажется, весьма характеренъ для представленія о Фильдѣ, какъ писателѣ-интернаціоналистѣ. Практическіе мотивы, жизненная необходимость такъ или иначе устранить неудобства, какія испытываютъ европейцы отъ неповсемѣстнаго примѣненія нормъ межд. права, обусловливаютъ необходимость разсмотрѣнія затронутаго вопроса, исключительно теоретическій интересъ коего отодвигается на второй планъ. Затѣмъ обиліе положительнаго матеріала даетъ возможность ясно себѣ представить отношеніе государствъ и ихъ взглядъ на распространеніе нормъ межд. права на полуцивилизованныя государства, а также значеніе этого распространенія для послѣднихъ. Въ то же время черта гуманности, признаніе правъ человѣческой личности, отсутствіе религіозной и племенной нетерпимости красною нитью проходятъ по всему докладу Фильда.

Лишь историческія причины, по мнѣнію Фильда, объясняютъ отказъ цивилизованныхъ государствъ признать равныя права на охрану нормами международнаго права отношеній, возникающихъ между ними и между полуцивилизованными государствами.

По его мнѣнію, всѣ государства, восточныя и западныя, христіанскія и языческія, большія и малыя, могутъ подчиниться цѣлому ряду нормъ, установленныхъ въ общемъ интересѣ. Резюмируя свои доводы, изложенные въ мемуарѣ, Фильдъ выставляетъ слѣдующія два положенія:

1) Восточныя, или также нехристіанскія, государства могутъ осуществлять всѣ права и подчиняться всѣмъ обязанностямъ государствъ Запада, христіанской цивилизаціи, т. е. подчиняться нормамъ междун. права, являться субъектами послѣдняго, за однимъ лишь исключеніемъ, изложеннымъ во второмъ пунктѣ.

2) Пока не будетъ осуществлено большее единообразіе между судебными установленіями Запада и Востока, учреждается спеціальный процессъ для разрѣшенія всѣхъ споровъ, публичнаго или частнаго характера, гдѣ заинтересованы американцы или европейцы, пребывающіе на Востокѣ.

Послѣ 1878 г. наступаетъ продолжительный періодъ времени, въ который Фильдъ не участвуетъ въ съѣздахъ Института. Вновь является онъ на съѣздѣ въ Гейдельбергѣ въ 1887 г. Въ это время ему было уже 82 года, но, по словамъ Ролена, онъ сохранилъ еще всю силу своей энергіи, всю ясность своего

ума. Продолжительная и трудная работа, жизнь, всецѣло посвященная борьбѣ за торжество науки и всего, что осуществляетъ въ мірѣ идею человѣчества, постоянная и упорная борьба, длившаяся болѣе 70 лѣтъ, вначалѣ за существованіе, за кусокъ насущнаго хлѣба, а затѣмъ борьба противъ всего, что Фильдъ считалъ неправдою и зломъ, не могли сломить его сильной натуры и ослабить тѣхъ богатыхъ духовныхъ и физическихъ силъ, которыми была одарена эта натура. Онъ умеръ отъ простуды, возвращаясь 89-лѣтнимъ старцемъ изъ продолжительнаго путешествія по Европѣ. Самая внѣшность Фильда носила, говоритъ Роленъ, отпечатокъ мощи и силы, которою характеризуется его продолжительная жизнь. Высокаго роста, худощавый, подвижной, онъ производилъ впечатлѣніе спокойствія и силы, которыя отражались и въ его взглядѣ, одновременно добродушномъ и проницательномъ. Складка его тонкихъ губъ, размѣренные жесты, высокій благородный лобъ—все это говорило о мысли, одухотворенной благородствомъ.

Научное движеніе въ области развитія основъ международно-правовой организаціи, окрѣпшее въ 70-хъ годахъ, продолжается и въ настоящее время, являя въ себѣ задатки къ успѣшному окончанію, въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, дѣла, торжеству котораго такъ сильно сочувствовалъ покойный Фильдъ. Торжество этого дѣла — лучшій памятникъ для Д. Д. Фильда, такъ какъ оно постоянно будетъ вызывать въ нашемъ представленіи образъ высоко-гуманнаго ученаго, посвятившаго всю свою жизнь на созданіе этого памятника.

П. М. Богаевскій,
дѣйствительный членъ
Московскаго Юридическаго Общества.

ТОМСКІЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ ПО ПОДВОРНОМУ ИЗСЛѢДОВАНІЮ 1894 ГОДА.

Лѣтомъ 1894 г. пишущему эти строки поручено было произвести статистическое обслѣдованіе хозяйственнаго положенія переселенцевъ, разселившихся въ районѣ казенныхъ земель Томской губерніи, — въ округахъ Маріинскомъ, Каинскомъ и сѣверной части Томскаго. Въ основу изслѣдованія [1]) положены были поселенный опросъ и сплошная подворная опись, программу которой можно свести къ четыремъ группамъ вопросовъ: хозяйственное положеніе переселенцевъ на родинѣ; условія передвиженія въ Сибирь; быстрота обзаведенія „на новомъ мѣстѣ“ и хозяйственное положеніе въ моментъ подворной описи. Въ теченіе 1895 и 1896 гг. напечатаны были, въ трехъ томахъ, полныя поселенныя описанія и сведенныя по отдѣльнымъ поселкамъ и приселеніямъ цыфровыя данныя, а равно сводныя таблицы по волостямъ, округамъ и по всему изслѣдованному району и комбинаціонныя таблицы; изданъ, словомъ, весь матеріалъ, какъ цыфровой, такъ и описательный [2]). Систематическая разработка этого матеріала должна была составить особый томъ; къ сожалѣнію, масса другихъ разнообразныхъ

---

[1]) Въ изслѣдованіи этомъ приняли участіе бывшіе студенты С.-Петербургскаго университета Е. П. Ростковскій и С. Е. Головинъ; при изученіи же естественно-историческихъ и сельскохозяйственныхъ условій я пользовался до нѣкоторой степени содѣйствіемъ правительственнаго (бывшаго московскаго земскаго) агронома В. Г. Бажаева.

[2]) Изданіе это озаглавлено: „Хозяйственное положеніе переселенцевъ, водворенныхъ на казенныхъ земляхъ Томской губерніи“; 1-й выпускъ (т. I, ч. I) содержитъ разработанный по поселкамъ цыфровой и описательный матеріалъ по Маріинскому округу, 2-ой (т. I, ч. II)—по Томскому, 3-ій (т. I, ч. III и т. II, ч. I)—по Каинскому, а также итоговыя и комбинаціонныя таблицы.

занятій отвлекла меня отъ этого дѣла, а потому я даже приблизительно не могу предвидѣть того времени, когда мнѣ удастся выпустить въ свѣтъ этотъ заключительный томъ. Мнѣ хотѣлось бы, поэтому, въ настоящемъ очеркѣ изложить тѣ главнѣйшіе выводы, къ какимъ можно притти на основаніи собственно цыфрового матеріала; сдѣлать это мнѣ кажется тѣмъ болѣе умѣстнымъ, что этотъ матеріалъ, вообще, былъ замѣченъ лишь немногими органами періодической печати, да и тѣ немногіе рецензіи и рефераты, которые мнѣ пришлось встрѣтить, оставили совершенно незатронутыми многія такія стороны дѣла, которыя мнѣ кажутся особенно существенными.

Путемъ подворной описи въ 82 поселкахъ, 38 болѣе крупныхъ приселеніяхъ и нѣсколькихъ десяткахъ болѣе мелкихъ зарегистровано было всего 4,559 дворовъ переселенцевъ, прибывшихъ въ 15-лѣтній промежутокъ времени, съ 1880 по 1894 годъ. Но переселенцы 1894 года, т. е. прибывшіе въ самый годъ изслѣдованія, не могли быть зарегистрованы сколько-нибудь полно, а потому мы будемъ разсматривать здѣсь лишь тѣхъ переселенцевъ, которые прибыли до 1893 года включительно. Такихъ переселенцевъ оказалось всего 4.307 дворовъ и 25.304 души обоего пола, — изъ нихъ 3.529 дворовъ въ особыхъ поселкахъ, 778 дворовъ—въ селеніяхъ старожиловъ. По округамъ переселенцы распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

въ Томскомъ.	736	дворовъ	и	4,116	душъ.
въ Маріинскомъ . . .	2,631	„	„	15,776	„
въ Каинскомъ	940	„	„	5,212	„

Довольно замѣтная часть этого населенія является, однако, результатомъ естественнаго прироста, имѣвшаго мѣсто уже по прибытіи въ Сибирь, замѣтная часть домохозяйствъ — результатомъ происшедшихъ здѣсь же семейныхъ раздѣловъ; въ моментъ выхода съ родины численность переселенцевъ опредѣлялась всего въ 23,683 души, группировавшіяся въ 3,912 домохозяйства, изъ числа которыхъ 279 домохозяйствъ отдѣлились, для переселенія въ Сибирь, отъ своихъ коренныхъ дворовъ.

По времени водворенія на мѣстахъ, гдѣ ихъ застала регистрація, наличные переселенцы группируются слѣдующимъ образомъ:

съ 1880 по 1885 годъ [3]). . . . . 383 семьи и 2,137 душъ об. пола.

[3]) Переселенцы, прибывшіе въ эти 6 лѣтъ, въ виду ихъ малочисленности слиты при разработкѣ матеріала въ одну группу.

въ 1886 году	59	семей и	339	душъ	об.	пола
„ 1887 „	120	„ „	708	„	„	„
„ 1888 „	611	„ „	4,022	„	„	„
„ 1889 „	726	„ „	4,691	„	„	„
„ 1890 „	640	„ „	3,959	„	„	„
„ 1891 „	564	„ „	3,389	„	„	„
„ 1892 „	343	„ „	1,855	„	„	„
„ 1893 „	466	„ „	2.585	„	„	„

Такимъ образомъ, наплывъ переселенцевъ до 1887 года включительно былъ совершенно незначителенъ: за всѣ восемь лѣтъ въ изслѣдованный районъ прибыло 562 семьи или въ среднемъ—по 70 семей въ годъ; начиная съ 1888 года приливъ переселенцевъ почти удесятеряется и держится три года приблизительно на одномъ уровнѣ; съ 1891 года онъ опять ослабѣваетъ съ тѣмъ, чтобы съ 1894 и особенно съ 1895 года возобновиться съ новой силой.

По сословной принадлежности переселенцы распредѣляются такъ:

бывшихъ крѣпостныхъ (съ дворовыми)	1,850	семей
„ государственныхъ	2,121	„
„ удѣльныхъ	170	„

Остальные принадлежатъ къ различнымъ болѣе мелкимъ группамъ; изъ нихъ особаго упоминанія заслуживаютъ только 17 семей дворянъ, переселившихся по особымъ разрѣшеніямъ и проживающихъ въ числѣ отъ одной до пяти семей въ различныхъ поселкахъ; по образованію, умственному развитію и характеру хозяйства дворяне эти ничѣмъ не выдѣляются изъ крестьянской массы; тѣмъ не менѣе нѣкоторые изъ нихъ твердо помнятъ свое дворянство и потому, пользуясь крестьянскою землею, отказываются нести крестьянскія повинности, что ведетъ къ безконечнымъ тяжбамъ и раздорамъ.

Въ числѣ зарегистрованныхъ переселенцевъ оказались представители самыхъ разнообразныхъ полосъ и губерній Европейской Россіи; впрочемъ, только восемь губерній представлены болѣе, нежели сотнею дворовъ, а именно:

Курская	2.113	дворовъ.	Тобольская	216	дворовъ.
Вятская	396	„	Тамбовская	193	„
Казанская	327	„	Пензенская	119	„
Пермская	265	„	Симбирская	110	„

при чемъ значительная часть тамбовцевъ—мордовскаго происхожденія, симбирцы же, за ничтожными исключеніями,—чуваши. Изъ болѣе мелкихъ группъ вниманія заслуживаютъ католикилитвины изъ Ковенской (41 дв.) и латыши изъ Витебской гу-

берніи (60 дворовъ), образовавшіе въ Томскомъ и Каинскомъ округахъ пять отдѣльныхъ небольшихъ поселковъ.

Такимъ образомъ, почти половину наличнаго числа переселенцевъ составляютъ куряне — выходцы какъ изъ великорусскихъ, такъ и изъ малорусскихъ районовъ Курской губерніи; слѣдующую группу составляютъ казанцы и вятичи — большею частью выходцы изъ мѣстности, лежащей на границѣ той и другой губерніи, лично знакомые между собой и жившіе на родинѣ въ совершенно тождественныхъ естественныхъ и хозяйственныхъ условіяхъ; много общаго между собой имѣютъ и выходцы изъ двухъ слѣдующихъ по порядку губерній—Пермской и Тобольской, которыхъ — забѣгая нѣсколько впередъ— можно признать бѣжавшими не отъ малоземелья, а скорѣе отъ истощенія земель — продукта отживающаго свой вѣкъ залежнаго хозяйства; напротивъ, тамбовцы, пензенцы и симбирцы принадлежатъ къ наименѣе обезпеченнымъ землею и вообще мало состоятельнымъ группамъ крестьянства.

Просматривая таблицу распредѣленія переселенцевъ по мѣстамъ выхода, нетрудно замѣтить, что распредѣленіе это представлялось далеко не постояннымъ, а, напротивъ, изъ года въ годъ сильно измѣнялось; общій характеръ этихъ измѣненій ясно виденъ изъ слѣдующей таблички.

	Число семей, прибывшихъ		
	до 1887 г.	въ 1888—91 г.	въ 1892—93 г.
Изъ Курской губ.	36	1.925	152
„ Вятской и Казанской губ.	185	394	144
„ Пермской губ.	139	87	39
		въ 1888—90 г.	въ 1891—93 г.
„ Тобольской губ.	54	41	121
„ Тамбовской и Пензенской губ.	56	31	225
„ Симбирской губ.	1	—	109
„ Ковенской и Витебской губ.	2	92	7

Такимъ образомъ, курянъ до 1887 г., за исключеніемъ отдѣльныхъ случайныхъ семей или маленькихъ группъ, не было; зато съ 1888 года они двинулись въ изслѣдованный районъ дружною массой, не ослабѣвавшей въ своей численности до 1891 года; послѣдніе два года приливъ ихъ почти прекратился,— подходили только отдѣльныя семьи и небольшія группы, выселявшіяся подъ вліяніемъ писемъ ранѣе водворившихся въ краѣ земляковъ. Главную массу переселенцевъ, прибывшихъ съ 1880 по 1887 годъ, составляли выходцы изъ сѣверо-восточныхъ губерній; при этомъ наплывъ казанцевъ и вятичей не прекращается до самаго послѣдняго времени и наибольшей

интенсивности достигаетъ въ четырехлѣтіе съ 1888 по 1891 г., тогда какъ приливъ пермяковъ ослабѣваетъ довольно замѣтно. Тоболяки понемногу подходили все время, но приливъ ихъ значительно усилился въ началѣ 90-хъ годовъ, подъ вліяніемъ голодовки 1891—1892 годовъ; къ началу же 90-хъ годовъ относится прибытіе значительнаго большинства тамбовцевъ и пензенцевъ, и въ это же время впервые появляются въ краѣ симбирцы. Чтò касается до витебцевъ и ковенцевъ, то почти всѣ они пришли въ край въ 1888 году, когда были основаны всѣ пять „польскихъ" поселковъ, послѣ же этого года подходили лишь отдѣльныя семьи, приселявшіяся къ тѣмъ же самымъ поселкамъ.

По характеру землевладѣнія 3.912 семей переселенцевъ распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

Безземельныхъ	515	семей	или	13,3 %
Общинниковъ	2.697	„	„	69,5 %
Подворниковъ [1])	634	„	„	17,3 %
Со смѣшаннымъ владѣніемъ	38	„	„	

а группировка по размѣрамъ землевладѣнія имѣетъ слѣдующій видъ:

Имѣвшихъ	отъ — до 1 десятины	336	семей	или	8,6 %
„	„ 1 „ 3 „	1.148	„	„	30,6 „
„	„ 3 „ 5 „	613	„	„	15,7 „
„	„ 5 „ 10 „	737	„	„	19,0 „
„	болѣе 10 „	535	„	„	13,8 „

Во владѣніи всѣхъ 3.397 семей, надѣленныхъ землею, состояло 20.051 дес. земли, что составляетъ въ среднемъ на каждую такую семью по 5,9 десятинъ.

Такимъ образомъ, болѣе одной пятой части всѣхъ зарегистрованныхъ домохозяйствъ—21,9 %—могли считаться безусловно необезпеченными землею, т. е. были безземельными или имѣли на семью не свыше одной десятины; почти треть—30,6 %—была очень слабо обезпечена землей, такъ какъ имѣла земли отъ 1 до 3 дес.; еще треть—34,7 %—имѣла отъ 3 до 10 дес. и могла считаться удовлетворительно или посредственно обезпеченною землей, а довольно замѣтная часть переселенцевъ—13,8 % или около одной седьмой—имѣла свыше 10 дес. и, слѣдовательно, говоря вообще, недостатка въ землѣ испытывать не могла. Несомнѣнно, преобладали, такимъ образомъ, дворы, въ боль-

[1]) Въ томъ числѣ 17 семей безземельныхъ, владѣвшихъ участками купчей земли.

шей или меньшей мѣрѣ испытывавшіе недостатокъ въ землѣ, и средній размѣръ надѣльнаго землевладѣнія переселенцевъ былъ болѣе чѣмъ вдвое ниже средняго размѣра для всего вообще населенія Европейской Россіи: переселенцы имѣли въ среднемъ (включая безземельные дворы) по $5,_1$ дес. на семью, тогда какъ въ общемъ выводѣ по 22 губерніямъ, цыфры для которыхъ сведены г. Благовѣщенскимъ, средній размѣръ надѣльнаго землевладѣнія равенъ 11 десятинамъ на семью [5]). Естественно, при такихъ условіяхъ, что аренда земли у переселенцевъ достигала очень значительнаго развитія: арендовали землю 1.999 семей, т. е. $51,_5$ % общаго числа переселенцевъ, и снимали они, не считая покоса и другихъ угодій, 6.111 десятинъ, т. е. въ среднемъ болѣе трехъ десятинъ на арендовавшую семью.

Размѣры хозяйства переселенцевъ изображаются слѣдующими главнѣйшими цыфрами:

Въ среднемъ на дворъ приходилось:

	десятинъ посѣва	$3,_7$
	рабочихъ лошадей	$1,_5$
	дойныхъ коровъ	$1,_2$
% дворовъ:	безъ посѣва	$14,_1$ %
	съ посѣвомъ не свыше 2 десятинъ	$25,_9$ %
	" " " " 5 "	$21,_9$ %
	безлошадныхъ	$19,_8$ %
	съ двумя и болѣе лошадьми	$42,_1$ %
	% дворовъ, имѣвшихъ подспорье:	
	въ батрачествѣ и отхожихъ земледѣльч. заработкахъ	$30,_9$ %
	на заводахъ, фабрикахъ, жел. дорогахъ	$18,_2$ %
	въ ремеслахъ и кустарныхъ промыслахъ	$34,_4$ %

Данныя о распредѣленіи дворовъ по числу рабочаго скота показываютъ, что болѣе $^2/_5$ (42%) общаго числа переселенцевъ (имѣвшіе по двѣ и болѣе головъ) были вполнѣ самостоятельными хозяевами; другія двѣ пятыя ($38,_1$%) имѣли по одной лошади и, слѣдовательно, стояли на рубежѣ, отдѣляющемъ крестьянина отъ полнаго экономическаго упадка, а почти одна пятая ($19,_8$%) была безлошадными и, слѣд., вовсе утратила хозяйственную самостоятельность. Если затѣмъ считать достаточ-

[5]) Н. Благовѣщенскій. Сводный сборникъ хоз. свѣд. по земск. подв. описямъ. Т. I. М. 1893. Стр. 129. Надо замѣтить, что дѣйствительное отношеніе было нѣсколько менѣе неблагопріятно для переселенцевъ: довольно многіе изъ послѣднихъ, особенно пермяки и вятичи, показывали не весь надѣлъ, а одну пашню,—и намъ лишь отчасти удалось исправить проистекавшія отсюда погрѣшности.

ными дворами тѣ, которые засѣвали свыше 5 десятинъ, то къ этой категоріи отнесется, опять-таки, нѣсколько болѣе одной пятой,—21,9% общаго числа переселенцевъ.

Весьма важное значеніе имѣетъ, далѣе, вопросъ, въ какомъ отношеніи стояло благосостояніе переселенцевъ къ благосостоянію всей вообще крестьянской массы мѣстностей выселенія. Разспрашивая переселенцевъ, мы получали по этому вопросу самые разнорѣчивые отзывы: одни говорили, что въ Сибирь идетъ „бѣднота", такъ какъ, „богатому и дома хорошо"; другіе, напротивъ, что въ Сибирь идутъ болѣе состоятельные, ибо „бѣднотѣ тронуться не съ чѣмъ"; третьи утверждали, что двигаются „середняки", „ровненькіе", такъ какъ богатому „незачѣмъ" идти, а бѣдному—„не на что". Очевидно, что подобные отвѣты — совершенно субъективны и случайны, а сколько-нибудь точный отвѣтъ на вопросъ можно получить лишь цыфровымъ путемъ, сопоставляя данныя о хозяйственномъ положеніи переселенцевъ съ таковыми же данными для всего вообще населенія. Къ сожалѣнію, такую параллель можно провести лишь по даннымъ, показывающимъ обезпеченность населенія скотомъ, такъ какъ данныя о размѣрахъ посѣвовъ имѣются далеко не во всѣхъ земскихъ сборникахъ и въ частности—отсутствуютъ по такимъ губерніямъ, какъ Курская, Вятская, Казанская, давшимъ главную массу зарегистрованныхъ переселенцевъ. Относительно же обезпеченности скотомъ мы имѣемъ возможность сопоставить слѣдующія цыфры:

Въ среднемъ на дворъ:	Для зарегистрованныхъ переселенцевъ.	Въ общемъ итогѣ по 22 губерніямъ, изслѣдованнымъ земствами [6]).
Рабочихъ лошадей	1,5	1,5
Дойныхъ коровъ	1,2	1,2
% дворовъ безъ рабочаго скота	19,8	23,1
Съ 2-мя и болѣе головами раб. скота	42,1	46,9

Получается, слѣдовательно, болѣе или менѣе полное совпаденіе цыфръ: среднія цыфры совершенно тождественны, процентныя же цыфры разнятся другъ отъ друга лишь на очень незначительныя величины,—при чемъ разница въ числѣ дворовъ съ двумя и болѣе головами рабочаго скота, вѣроятно, можетъ быть цѣликомъ приписана тому обстоятельству, что въ числѣ двадцати двухъ губерній есть нѣсколько такихъ, гдѣ работаютъ

[6]) Тамъ же, стр. 131—133.

волами, тогда какъ зарегистрованные переселенцы, за исключеніемъ немногихъ единицъ, работали лошадьми.

Такимъ образомъ переселенцы, владѣя вдвое меньшимъ количествомъ земли, по размѣрамъ хозяйства стояли—если разсматривать приведенныя цыфры—на одномъ уровнѣ со всею вообще крестьянскою массой, что и позволяетъ просоединиться къ тому мнѣнію, что среди переселенцевъ преобладаютъ среднесостоятельные хозяева, безхозяйная же бѣднота представлена даже нѣсколько слабѣе, нежели въ общей массѣ крестьянскаго населенія; и это вполнѣ понятно, такъ какъ эта бѣднота, которая, можетъ быть, болѣе всѣхъ нуждалась бы въ переселеніи, по недостатку средствъ нерѣдко не имѣла возможности его предпринять.

Взглядъ на итоговыя таблицы убѣждаетъ, далѣе, въ существованіи въ отношеніи какъ размѣровъ землевладѣнія, такъ и основныхъ элементовъ, характеризующихъ благосостояніе крестьянскаго двора, значительной разницы между болѣе ранними и болѣе поздними переселенцами, при чемъ разница эта обозначается не постепенно, а въ видѣ рѣзкаго скачка, наступающаго отъ 1887 къ 1888 году. Взявъ отдѣльно переселенцевъ, прибывшихъ до 1887 и начиная съ 1888 года, получаемъ слѣдующіе два ряда среднихъ и относительныхъ цыфръ:

	У пересел., прибывшихъ: до 1887 г.	съ 1888 по 1893 г.
Въ среднемъ на семью десятинъ надѣльной земли	9,3	4,4
% безземельныхъ	4,6	14,6
% имѣвшихъ болѣе 10 дес.	33,1	10,1
Въ среднемъ на дворъ дес. посѣва	4,9	3,4
Рабочихъ лошадей	2,0	1,4
Коровъ	1,8	1,1
% безлошадныхъ	5,9	21,9
% имѣвшихъ 2 и болѣе лошадей	57,1	39,2

Разница, очевидно, огромная: средніе размѣры землевладѣнія болѣе раннихъ переселенцевъ превышаютъ средніе размѣры землевладѣнія болѣе позднихъ слишкомъ въ два раза, и притомъ среди первыхъ втрое меньше процентъ безземельныхъ; размѣры хозяйства у болѣе раннихъ переселенцевъ превышаютъ размѣры хозяйства болѣе позднихъ почти въ полтора раза, количество безлошадныхъ у первыхъ почти вчетверо менѣе, а число имѣющихъ по двѣ и болѣе лошадей почти въ полтора раза болѣе, нежели у вторыхъ. Такимъ образомъ землевладѣніе и хозяйство переселенцевъ, прибывшихъ до 1887 г., были значительно крупнѣе, нежели у прибывшихъ съ 1888 по 1893 годъ.

Но было бы ошибкою думать, чтобы этому различію, дѣйствительно, соотвѣтствовала и разница въ благосостояніи: необходимо вспомнить, что до 1887 года преобладали переселенцы изъ сѣверо-восточнаго района, а начиная съ 1888 года подавляющее большинство составляютъ выходцы изъ среднихъ губерній; что первые на родинѣ еще продолжали вести залежное хозяйство, при которомъ десятина надѣльной земли и даже десятина посѣва значитъ далеко не то, что при господствующемъ въ среднихъ губерніяхъ навозномъ хозяйствѣ; что у нихъ въ ходу были, большею частью, двуконныя сохи, и что поэтому у нихъ *пара* лошадей—такой же *минимумъ* самостоятельнаго хозяйства, какимъ въ среднихъ губерніяхъ является *одна* лошадь. Въ виду такихъ обстоятельствъ ясно, что разница въ *размѣрахъ хозяйства* далеко не равнозначуща разницѣ въ *степени благосостоянія*. Судить объ этомъ послѣднемъ мы можемъ, на основаніи нашего матеріала, только по одному признаку [7]), именно, по размѣрамъ средствъ, взятыхъ переселенцами съ собой при выходѣ на новое мѣсто.

Мы знаемъ именно, что зарегистрованныя 3912 семей взяли съ собой, въ общей сложности, 593305 рублей (кромѣ того у 323 лицъ за должниками осталось 29786 р., изъ которыхъ почти половина, 13698 р., были высланы имъ въ Сибирь), что составляетъ въ среднемъ по 153 р. на переселенческую семью. Если теперь выдѣлить группу переселенцевъ, прибывшихъ до 1887 года, то для нихъ соотвѣтствующая средняя цыфра поднимется лишь до 159 рублей, т. е., другими словами, эта группа переселенцевъ почти не выдѣляется, по размѣрамъ своего благосостоянія, изъ общей переселенческой массы. Напротивъ, рѣзко выдѣляются, но уже въ противоположную сторону, переселенцы, прибывшіе въ послѣднее трехлѣтіе, съ 1891 по 1893 годъ; если поэтому разбить всѣхъ переселенцевъ на три группы, то получатся, соотвѣтственно, слѣдующія среднія цыфры:

У переселенцевъ, прибывшихъ	Въ среднемъ на семью взято денегъ
до 1887 г.	159 р.
съ 1888 по 1890 г.	170 р.
съ 1891 по 1893 г.	122 р.

---

[7]) Рѣзкая разница замѣчается въ цыфрахъ батрачества и отхожихъ земледѣльческихъ заработковъ (до 1887 г. отъ 8,3 до 12,5%, съ 1888 по 1893 г. отъ 23,1 до 46,0%); но эта разница въ значительной мѣрѣ объясняется постороннимъ обстоятельствомъ—незначительнымъ развитіемъ на Сѣверо-востокѣ спроса на наемный земледѣльческій трудъ и наоборотъ—выгодностью заводскихъ заработковъ и развитіемъ кустарныхъ и т. п. промысловъ.

Такимъ образомъ съ наименьшими средствами пустились въ путь переселенцы послѣдняго трехлѣтія, что и понятно, такъ какъ среди нихъ значительный процентъ составляютъ „голодные“ переселенцы и такіе бѣдняки, какъ пензенцы и симбирцы; напротивъ, наивысшая цыфра оказывается у переселенцевъ трехлѣтія 1888—1890 г., и это главнымъ образомъ потому, что въ то именно время прибыли куряне-четвертники, которымъ продажа земли доставила нѣкоторый, сравнительно съ другими, избытокъ средствъ.

Изъ общаго числа 3885 семей, для которыхъ имѣются соотвѣтствующія свѣдѣнія, съ установленнаго разрѣшенія прибыло 1786; безъ разрѣшенія, съ паспортами и иными документами—2099 семей. И въ этомъ отношеніи, опять-таки, замѣчается существенная разница между различными по времени прибытія группами переселенцевъ. До 1887 года переселенцы были почти исключительно самовольные; съ разрѣшеніями пришло всего 40 семей, самовольно—515. Самовольное переселеніе продолжается въ значительныхъ размѣрахъ и въ слѣдующее четырехлѣтіе, съ 1888 по 1891 годъ, но преобладаніе въ это время принадлежитъ уже легальнымъ переселенцамъ: ихъ пришло за это время 1594 семьи, самовольныхъ—всего 933. Вслѣдствіе извѣстнаго циркуляра 6 марта 1892 г. выдача разрѣшеній была пріостановлена, и потому въ 1892—93 гг. опять преобладаютъ самовольные переселенцы; ихъ было за эти два года 651 семья, легальныхъ—всего 152 семьи, получившія дозволеніе на переселеніе до воспослѣдованія этого циркуляра.

По важному вопросу о степени сознательности движенія наши таблицы даютъ слѣдующія данныя. Изъ 3885 семей 1557 направлялись въ Сибирь и намѣчали себѣ мѣсто для водворенія по письмамъ ранѣе переселившихся родныхъ или земляковъ, 826 семей—по сообщеніямъ ходоковъ или по собственнымъ развѣдкамъ домохозяевъ или кого-либо изъ членовъ семей, произведеннымъ ранѣе отправленія въ путь цѣлой семьи; остальные не имѣли никакихъ сколько-нибудь опредѣленныхъ свѣдѣній о Сибири и либо шли на-авось, либо направлялись въ мѣстности, указанныя въ полученныхъ ими для переселенія проходныхъ свидѣтельствахъ. Такимъ образомъ, переселенцы, шедшіе въ Сибирь съ болѣе или менѣе опредѣленнымъ знаніемъ того, что ихъ здѣсь ожидаетъ, составляли 60,9%—три пятыхъ общаго числа переселенцевъ. И здѣсь, однако, замѣчаются нѣкоторыя измѣненія въ зависимости отъ времени прибытія переселенцевъ, измѣненія, представляющія нѣкоторый параллелизмъ съ

измѣненіями въ распредѣленіи переселенцевъ на легальныхъ и самовольныхъ. Параллелизмъ этотъ ясно виденъ изъ слѣдующей таблички:

	% шедшихъ по письмамъ и развѣдкамъ.	% имѣвшихъ разрѣшеніе на переселеніе.
До 1887 г.	86,1	7,2
Съ 1888 по 1891 г. . . .	50,9	63,1
Въ 1892 и 1893 г. . . .	74,9	18,9

Такимъ образомъ сознательность движенія (конечно, лишь весьма относительная) тѣмъ больше, чѣмъ болѣе среди переселенцевъ преобладаютъ самовольные: эти послѣдніе, предоставленные самимъ себѣ и разсчитывающіе лишь на себя, не только не пользующіеся никакимъ содѣйствіемъ властей, но даже нерѣдко преодолѣвающіе, чтобы уйти съ родины, разнообразныя препятствія и задержки, представляются въ общемъ элементомъ гораздо болѣе энергичнымъ и разумнымъ, нежели легальные переселенцы, во всемъ, начиная съ выбора мѣста, идущіе на помочахъ и не имѣющіе необходимости проявлять какую-либо самостоятельность.

Затѣмъ, болѣе половины, 2067 семей, дѣйствительно водворились въ тѣхъ самыхъ мѣстностяхъ, куда имѣли въ виду переселиться, когда выходили изъ дому; въ томъ числѣ 1,218 семей имѣли въ виду переселиться именно на тотъ участокъ или въ то селеніе, гдѣ ихъ застала регистрація, 849 семей направлялись въ данную волость и уже по прибытіи сюда такъ или иначе отыскивали себѣ мѣсто для водворенія. Съ точки зрѣнія вопроса о сознательности движенія эти двѣ группы имѣютъ совершенно различный смыслъ: первая — это тѣ переселенцы, которые либо сами высмотрѣли себѣ мѣсто, либо шли въ поселокъ, гдѣ уже ранѣе водворились ихъ родственники и земляки; вторая—въ огромномъ большинствѣ тѣ, которымъ мѣсто водворенія было указано въ проходныхъ свидѣтельствахъ, и которые сами не имѣли опредѣленныхъ свѣдѣній или намѣреній. Согласно этому, вторая группа почти отсутствуетъ (всего 56 семей) между переселенцами, прибывшими до 1887 года, когда легальныхъ переселенцевъ почти не было; двѣ трети ея представителей — 631 семья — пришли въ 1888—1891 гг., т. е. именно въ тѣ годы, когда преобладали разрѣшенные и снабженные проходными свидѣтельствами переселенцы, остальные— въ 1892 и 1893 гг., когда выдача разрѣшеній была пріостановлена, но часть переселенцевъ имѣла еще проходныя свидѣтельства, полученныя до пріостановки.

Едва ли не болѣе интересна другая группа переселенцевъ, попавшихъ *не туда*, куда они имѣли въ виду переселиться. Эта группа охватываетъ почти треть общаго числа зарегистрованныхъ переселенцевъ — 1371 семью; большинство — 822 семьи—имѣло въ виду водвориться либо въ какой-либо другой мѣстности того же округа, либо въ одномъ изъ другихъ округовъ района казенныхъ земель Томской губерніи; 249 семей направлялось на Алтай, остальныя 204 семьи—кто на Амуръ, кто въ Енисейскую губернію, кто въ Петропавловскій уѣздъ или на „Семь-рѣку", и т. п. О причинахъ, заставившихъ переселенцевъ измѣнить свое намѣреніе, наши цыфры не даютъ свѣдѣній; но данныя поселенныхъ опросовъ позволяютъ утверждать, что значительное большинство переселенцевъ этой группы составляютъ отставшіе по бѣдности, болѣзни и т. п. причинамъ отъ партій или не нашедшіе себѣ мѣста на томъ участкѣ или въ томъ селеніи, гдѣ они имѣли въ виду водвориться; меньшинство составляютъ такіе, которые измѣняли свое первоначальное намѣреніе подъ вліяніемъ свѣдѣній, полученныхъ въ пути или на переселенческихъ пунктахъ отъ встрѣчныхъ обратныхъ переселенцевъ, ссыльныхъ, крестьянъ-старожиловъ, или по другимъ случайнымъ причинамъ. Наконецъ, 631 семья пришла въ то мѣсто, гдѣ была зарегистрована, проживя болѣе или менѣе продолжительное время въ какомъ-либо иномъ мѣстѣ; изъ нихъ болѣе половины — 338 семей — прожило на первоначально избранномъ мѣстѣ менѣе года, т. е. успѣло развѣ только присмотрѣться къ мѣстнымъ условіямъ, а никакъ не испытать ихъ на опытѣ; остальные прожили по году и болѣе, нѣкоторые (42 сем.)—по пяти и болѣе лѣтъ, и, слѣд., можно предполагать, что ихъ переходъ на другое мѣсто былъ вызванъ уже какими-либо серьезными соображеніями. Весьма любопытно, далѣе, что количество этого рода переселенцевъ, застигнутыхъ регистраціей послѣ одной или нѣсколькихъ перемѣнъ мѣста жительства, сильно возрастаетъ начиная съ 1890 года: среди переселенцевъ, прибывшихъ съ 1880 по 1889 годъ, они составляли всего 9,6 %; среди прибывшихъ съ 1890 по 1893 г.— 22,2 %, при чемъ процентъ съ каждымъ годомъ правильно возвышается; переселенцы этого рода составляли именно:

въ 1890 г.	17,8 %
„ 1891 г.	22,2 %
„ 1892 г.	23,6 %
„ 1893 г.	27,5 %

Не имѣя положительныхъ данныхъ для объясненія причинъ

такого быстраго роста, мы только предположительно можемъ искать этого объясненія въ томъ, что болѣе ранніе переселенцы находили еще очень много свободнаго мѣста и потому могли сразу селиться тамъ, гдѣ находили все по своему вкусу; начавшійся съ 1888 года массовый приливъ переселенцевъ повелъ къ тому, что всѣ наилучшія мѣста вскорѣ оказались занятыми; переселенцы, утомленные поисками, садились на такіе участки, которые нерѣдко не удовлетворяли ихъ ожиданій, а затѣмъ, посидѣвъ годъ—два и осмотрѣвшись, переходили на мѣсто, которое находили болѣе подходящимъ.

На условіяхъ передвиженія мы остановимся лишь въ самыхъ краткихъ словахъ, такъ какъ этотъ вопросъ съ нашей точки зрѣнія имѣетъ лишь второстепенное значеніе.

Въ отношеніи пути слѣдованія и способовъ передвиженія между болѣе ранними и болѣе поздними переселенцами замѣчается существенная разница. До 1887 г., какъ мы знаемъ, преобладали переселенцы изъ сѣверо-восточныхъ губерній; громадное большинство ихъ находило для себя болѣе удобнымъ дѣлать весь путь на своихъ лошадяхъ, почему этотъ способъ передвиженія оказывается представленнымъ 55,9 % всѣхъ прибывшихъ за это время переселенцевъ; по Уральской желѣзной дорогѣ проѣхало всего 31,6 %,—при чемъ значительное большинство ихъ—29,4 %—въ Тюмени садилось на пароходъ и водой доѣзжало до ближайшей къ намѣченному для водворенія мѣсту пристани,—и только 2,2 % въ Тюмени покупали лошадей и слѣдовали далѣе большимъ Сибирскимъ трактомъ. Съ 1888 г. огромное большинство переселенцевъ составляютъ выходцы изъ внутреннихъ губерній, для которыхъ сдѣлать весь путь на лошадяхъ было бы если не невозможно, то крайне неудобно; около того же времени появляются удешевленные переселенческіе билеты, Уральская дорога доводится до Тюмени, такъ что получается возможность доѣхать, не прибѣгая къ гужевому способу передвиженія, до самаго Томска,—и въ результатѣ число переселенцевъ, сдѣлавшихъ весь путь на лошадяхъ, падаетъ до 10,4 %, а 83,0 % всѣхъ переселенцевъ, прибывшихъ за послѣднее шестилѣтіе, оказываются проѣхавшими на Тюмень, по Уральской жел. дорогѣ; значительное большинство ихъ (62,4 % общаго числа всѣхъ переселенцевъ) въ Тюмени садилось на пароходъ; но замѣтный процентъ (20,6 %),—преимущественно тѣ, кому надоѣдало ожидать очереди попасть на пароходъ, или кого пугала господствовавшая на пароходахъ страшная смертность,—покупалъ въ Тюмени лошадей, на кото-

рыхъ и слѣдовалъ далѣе до мѣста водворенія. Не останавливаясь на другихъ способахъ передвиженія, имѣющихъ меньшее значеніе, отмѣтимъ только одну небольшую, но любопытную группу переселенцевъ, — сдѣлавшихъ пѣшкомъ весь путь или часть его; группа эта охватываетъ всего 133 семьи и составляетъ 3,4 % общаго числа зарегистрованныхъ переселенцевъ. Впрочемъ, до 1890 года эта группа была очень малочисленна и составляла всего 1,5 %; въ 1891—93 гг. переселенцы-пѣшеходы являются гораздо чаще и составляютъ уже 6,9 % общаго числа переселенцевъ: это—„голодные" переселенцы, выгнанные неурожаемъ, по преимуществу Тобольской губерніи и ближнихъ уѣздовъ Пермской и Уфимской.

Мы упомянули о страшной смертности. Смерть косила переселенцевъ и особенно переселенческихъ дѣтей не только въ пути, но и по прибытіи на мѣсто, когда переселенцы, измученные и физически истощенные дорогою, размѣщались и нерѣдко до поздней осени жили въ шалашахъ или плохихъ землянкахъ. По нашей регистраціи, изъ 23683 душъ, вышедшихъ съ родины, умерло: въ пути: 746 душъ въ 554 семьяхъ; на мѣстѣ, не позже истеченія года по прибытіи—676 душъ въ 505 семьяхъ; а всего 1422 души или 6,0% всего числа переселенцевъ, оставившихъ родину; по отдѣльнымъ поселкамъ смертность доходила до 12 — 15%, въ одномъ маленькомъ поселкѣ даже до двадцати пяти процентовъ! Достойно при этомъ замѣчанія, что столь высокаго размѣра (6,0%) смертность стала достигать только съ 1888 г., когда переселенцы двинулись массами и когда огромное большинство ихъ поѣхало по желѣзнымъ дорогамъ и на пароходахъ, гдѣ помѣщалось въ самыхъ невозможныхъ гигіеническихъ условіяхъ; до 1887 г., когда большинство переселенцевъ ѣхало на подводахъ, смертность была сравнительно ничтожна, не превышая 2,2% общаго числа переселенцевъ.

Существенная разница замѣчается далѣе въ отношеніи стоимости пути. Какъ было указано выше, зарегистрованныя 3912 семей взяли съ собой изъ дому всего 593305 рублей, съ собою же онѣ принесли на мѣсто водворенія 196294 рубля. Въ пути было издержано, слѣдовательно, 397011 рублей, что составитъ въ среднемъ на семью съ лишнимъ по 101 рублю. Если затѣмъ разбить переселенцевъ, по времени прибытія, на три группы, то средняя стоимость пути опредѣлится слѣдующимъ образомъ:

У переселенц., прибывш.:	Въ среднемъ на семью. Взято изъ дому.	Принесено на мѣсто водворенія.	Издержано въ пути.
до 1887 г.	159 р.	70 р.	89 р.
съ 1888 по 1890 г. . .	170 »	52 »	118 »
съ 1891 по 1893 г. . .	122 »	39 »	83 »

Такимъ образомъ, переселенцы перваго періода издержали на дорогу значительно (въ ср. на 29 р. на семью) менѣе денегъ, нежели переселенцы 1888—1890 годовъ, что и понятно, такъ какъ почти двѣ трети первыхъ, какъ мы видѣли, шли на лошадяхъ, прокормленіе которыхъ въ лѣтнее время не стоило ничего, или почти ничего; огромное же большинство вторыхъ ѣхало по желѣзной дорогѣ и пароходами и, слѣдовательно, платило за свой проѣздъ. Значительное сокращеніе издержекъ, наблюдаемое въ послѣднее трехлѣтіе, объясняется введеніемъ въ дѣйствіе удешевленныхъ переселенческихъ тарифовъ, а отчасти и развитіемъ безплатной продовольственной помощи переселенцамъ.

Что касается до денежныхъ ссудъ и пособій въ видѣ безплатнаго проѣзда на пароходахъ, то они пошли въ ходъ, въ сущности, только съ 1888 года. Изъ переселенцевъ, прибывшихъ до 1887 г., денежными ссудами воспользовались всего 39 семей (или 6,9% общаго числа переселенцевъ), получившихъ всего 563 рубля, да 6 семей воспользовались безплатнымъ проѣздомъ; изъ переселенцевъ, прибывшихъ съ 1888 по 1893 г., денежными ссудами воспользовались 33,0%—1106 семей, которыя получили 15147 рублей, да безплатнымъ проѣздомъ—13,3% или 444 семьи.

На первоначальное обзаведеніе переселенцы располагали принесенными съ собою деньгами, въ общей суммѣ 196294 р. или въ среднемъ по 51 рублю на семью. Изъ числа зарегистрованныхъ семей болѣе двухъ пятыхъ — 44,8% — пришли на мѣсто безъ копейки денегъ; затѣмъ принесли съ собою:

не свыше 25 р. . .	17,8 %
отъ 26 до 50 »	11,5 »
» 51 » 100 »	11,6 »
» 101 » 200 »	9,0 »
свыше 200 »	5,4 »

Такимъ образомъ, еще около трети общаго числа переселенцевъ (29,3%) принесло незначительныя суммы, не свыше 50 р., и только около одной седьмой (14,4%) пришло съ деньгами, болѣе или менѣе достаточными для обзаведенія жили-

щемъ и необходимыми предметами хозяйственнаго инвентаря. Кромѣ денегъ, болѣе половины переселенцевъ привело съ собою лошадей: 37,9%—по одной, 18,6%—по двѣ и болѣе лошадей.

Разбивая опять-таки переселенцевъ по времени прибытія, получаемъ слѣдующія цыфры:

У переселенц., прибывш.:	Въ среднемъ на семью принесено.	% семей, принесшихъ: ничего.	до 100 руб.	свыше 100 р.
до 1887 г.	70 р.	34,7	41,8	23.5
съ 1888 по 1890 г. . .	52 »	41,4	44,5	14,1
съ 1891 по 1893 г. . .	39 »	52,9	36,4	10,7

Цыфры эти свидѣтельствуютъ о несомнѣнномъ пониженіи состоятельности переселенцевъ: средняя цыфра принесенныхъ денегъ—если сравнивать первый и третій періоды—понижается почти вдвое; болѣе чѣмъ вдвое сокращается число дворовъ, принесшихъ достаточныя средства, а число дворовъ, пришедшихъ безъ всякихъ средствъ, увеличивается болѣе чѣмъ на половину. И это, опять-таки, понятно: переселенцы перваго періода, происходя большею частью изъ сравнительно близкихъ мѣстностей и притомъ сдѣлавъ путь, большею частью, на своихъ лошадяхъ, издержали на дорогу гораздо меньше и могли донести до мѣста гораздо бо́льшую часть взятыхъ съ собою средствъ, нежели переселенцы 1888—1890 гг.; переселенцы же послѣдняго трехлѣтія хотя и сдѣлали путь съ меньшими издержками, но имѣли съ собой, какъ мы видѣли, значительно менѣе денегъ, чѣмъ ихъ предшественники, а потому и разность—остатокъ, принесенный на мѣсто водворенія—оказалась меньше, чѣмъ у переселенцевъ второго періода.

Кромѣ собственныхъ денегъ, значительная часть переселенцевъ располагала для первоначальнаго обзаведенія деньгами, полученными въ ссуду [8]). Изъ дѣлъ бывшаго томскаго губернскаго совѣта видно, что изъ общаго числа 82 обслѣдованныхъ переселенческихъ поселковъ ссуды выдавались по 65 поселкамъ, причемъ по 34 поселкамъ выданы были и домообзаводственныя ссуды, и ссуды на продовольствіе и обсѣмененіе, по 3 поселкамъ—однѣ домообзаводственныя, а по 25—однѣ продовольственныя ссуды. Въ общемъ итогѣ было выдано:

на продовольствіе и обсѣмененіе . . . 44,853 р.
» домообзаводство . . . . 39,485 »

---

[8]) Данныя о ссудахъ не вошли въ табличную разработку, а извлечены частью изъ поселенныхъ описаній, главнымъ же образомъ изъ подлинныхъ подворныхъ карточекъ.

а всего 84338 р., каковая сумма, впрочемъ, не вся можетъ быть отнесена на счетъ зарегистрованныхъ изслѣдованіемъ переселенцевъ: довольно многіе переселенцы, получивъ ссуду, ушли изъ тѣхъ поселковъ, гдѣ ее получали, въ какія-либо другія мѣстности и потому не вошли въ нашу регистрацію. Изъ числа же зарегистрованныхъ 4307 домохозяйствъ ссудами воспользовались 1982, т. е. 46,0% общаго числа; по годамъ прибытія переселенцы, получившіе ссуды, распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

Изъ прибывшихъ:	Число дворовъ, получившихъ ссуды.	% къ общему числу дворовъ, прибывшихъ въ данномъ году.
съ 1880 по 1885 г.	4	0,9
въ 1886 г. . . .	13	19,4
» 1887 »	68	47,5
» 1888 » . . .	458	64,4
» 1889 »	474	58,9
» 1890 »	371	53,2
» 1891 » . .	352	58,9
» 1892 » . . .	112	31,8
» 1893 »	130	26,8

Такимъ образомъ, наиболѣе ранніе переселенцы ссудъ почти не получали: въ наибольшемъ размѣрѣ ими воспользовались переселенцы, прибывшіе съ 1887 по 1891 годъ, при чемъ своего максимума—почти двухъ третей—число получившихъ ссуды достигаетъ среди прибывшихъ въ 1888 году; затѣмъ число это нѣсколько понижается и слѣдующіе три года остается на одномъ уровнѣ, превышающемъ половину общей численности переселенцевъ; въ 1892 г. число получившихъ ссуды опускается ниже трети, а въ 1893 г. падаетъ почти до одной четверти всего числа зарегистрованныхъ домохозяйствъ.

Просмотръ „дѣлъ" по разрѣшенію и выдачѣ ссудъ, равно какъ и непосредственныя впечатлѣнія, полученныя при поселенныхъ опросахъ и подворной регистраціи переселенцевъ, позволяли заключить, что мѣстная администрація не сообразовалась, да и не могла, за недостаткомъ данныхъ, сообразоваться со степенью нужды ходатайствовавшихъ о ссудахъ: если одни поселки остались вовсе безъ ссудъ, другіе получали какія-нибудь сотни, третьи — по многу тысячъ рублей, то это имѣло причиной не различія въ степени нужды, а другія обстоятельства — чаще всего размѣръ имѣвшихся въ распоряженіи администраціи средствъ; внутри поселковъ ссуды тоже распредѣлялись безъ всякаго отношенія къ степени нужды:

домообзаводственныя—по дворамъ, продовольственныя—по ѣдокамъ. Чтобы провѣрить справедливость сказаннаго, любопытно будетъ распредѣлить переселенцевъ, получившихъ ссуды, по размѣрамъ принесенныхъ средствъ. Распредѣленіе это дастъ слѣдующія цыфры [9]):

	Число двор. под. ссуды.	% ихъ къ общему числу двор. данной груп. по степ. обезпечен. средствами.	% ихъ къ общему числу дворовъ, получившихъ ссуды.	% распредѣлен. всѣхъ переселенц. по размѣру принесен. средствъ.
Прибывш. безъ денегъ. .	849	49,0	44,5	44,8
Принесшихъ до 25 р. . .	360	52,0	18,9	17,8
» отъ 26 до 50 р.	220	49,7	11,5	11,5
» » 51 » 100 »	227	50,3	11,9	11.6
» » 101 » 200 »	176	50,4	9,2	9.0
» свыше 200 р.	78	37,3	4,1	5,4

Цыфры эти вполнѣ подтверждаютъ сказанное: сопоставленіе двухъ послѣднихъ столбцовъ показываетъ, что различающіяся по степени состоятельности группы переселенцевъ представлены среди получившихъ ссуды въ совершенно такой же пропорціи, какъ и во всей переселенческой массѣ; а цыфры второго столбца свидѣтельствуютъ, что половина бѣднѣйшихъ переселенцевъ осталась безъ всякихъ пособій, въ то время какъ въ числѣ получившихъ ссуды оказывается половина такихъ, которые имѣли съ собой средства, болѣе или менѣе достаточныя для первоначальнаго обзаведенія; почти полное тождество цыфръ этого столбца вполнѣ убѣждаетъ, что шансы получить ссуду были совершенно одинаковы какъ для тѣхъ, кто въ ней наиболѣе нуждался, такъ и для тѣхъ, кто въ ней не имѣлъ особой, а иногда и никакой необходимости.

Изъ общаго числа 3.912 семей 1.302 или 33,3% имѣли подспорье въ тѣхъ или другихъ видахъ ремесленнаго труда; но главнымъ источникомъ существованія новоселовъ первое время по водвореніи на „новомъ мѣстѣ“ былъ простой земледѣльческій наемъ: по найму работали 3.192 семьи, т. е. болѣе четырехъ пятыхъ, или 81,6 % общаго числа переселенцевъ, а 36,3 % (1.418 семей) отпускали и срочныхъ работниковъ. Если затѣмъ сгруппировать зарегистрованныя семьи по размѣру принесенныхъ средствъ, то получатся слѣдующіе ряды цыфръ [10]).

---

[9]) Въ эти цыфры вошли не 1982, а только 1910 семей: остальныя 72 семьи, получившія ссуды, отдѣлились уже по водвореніи на «новомъ мѣстѣ».

[10]) Цыфры эти взяты изъ комбинаціонной таблицы А.

	Работавшихъ по найму.	Отпускавшихъ срочныхъ работник.	% работающ по найму.	На сто работавшихъ по найму приходилось отпускавшихъ срочныхъ работниковъ.
Изъ пришедшихъ безъ денегъ	1.553	789	91,3	50,8
» принесшихъ до 25 р.	588	251	89,5	42,7
» » 26 » 50 »	319	113	82,7	35,4
» » 51 » 100 »	330	136	76,9	31,2
» » 101 » 200 »	182	51	59,7	28,0
» » болѣе 200 »	74	20	38,7	27,0

Измѣненія относительныхъ цыфръ въ двухъ послѣднихъ столбцахъ имѣютъ, очевидно, совершенно различный характеръ: процентъ продававшихъ вообще рабочую силу въ низшихъ по благосостоянію категоріяхъ понижается очень медленно, въ высшихъ категоріяхъ, напротивъ, очень быстро. Наоборотъ, процентъ домохозяевъ, отпускавшихъ срочныхъ работниковъ, быстро падаетъ именно только въ низшихъ категоріяхъ,—начиная же съ третьей категоріи пониженіе становится очень медленнымъ, и между двумя высшими категоріями разница оказывается всего въ 1%; такимъ образомъ, первые 25—50 рублей очень сильно сокращаютъ необходимость отпускать работниковъ въ срочный наемъ, гораздо сильнѣе, нежели послѣдующія сотни рублей. Обстоятельство это сдѣлается понятнымъ, если обратить вниманіе на зависимость отпуска срочныхъ работниковъ еще отъ другого факта, почти не вліяющаго вообще на продажу труда, — отъ обезпеченности домохозяйствъ рабочею силой; при группировкѣ домохозяйствъ по этому признаку получаются именно слѣдующія цыфры:

	%, вообще, работающихъ по найму.	% отпускающихъ срочныхъ работн.
Въ семьяхъ безъ мужской раб. силы или съ однимъ полуработникомъ	78,3	28,9
» » съ однимъ работникомъ . .	81,8	30,4
» » » $1^1/_2$—$2^1/_2$ » . .	83,4	43,7
» » » тремя и болѣе работник.	88,3	58,4

Первый рядъ цыфръ показываетъ, что работа, вообще, по найму почти не зависитъ отъ экономической *возможности* продавать рабочую силу: одинъ ли работникъ въ семьѣ или три,— все равно, переселенецъ, пришедшій безъ достаточнаго запаса денегъ, *долженъ* наниматься, чтобы жить; напротивъ, отпускъ рабочихъ „въ срокъ“ въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ состава семьи: безрабочій или однорабочій дворъ, какъ бы бѣ-

денъ онъ ни былъ, лишь въ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ прибѣгнетъ къ срочному найму; напротивъ, многорабочій дворъ нерѣдко отдаетъ работника „въ срокъ" даже безъ особой въ томъ необходимости: такая отдача представляетъ для него значительныя выгоды, такъ какъ, не подрывая хозяйства, доставляетъ ему сразу нѣкоторую сумму денегъ, позволяя вмѣстѣ съ тѣмъ сокращать расходъ хлѣба и вообще харчей, а отданный „въ срокъ" членъ семьи изучаетъ во всѣхъ подробностяхъ мѣстное хозяйство и, возвращаясь къ себѣ во дворъ, вноситъ въ него весьма цѣнный запасъ новаго хозяйственнаго опыта.

Итакъ, продажа, вообще, рабочей силы всецѣло опредѣляется нуждою; отпускъ въ срочный наемъ — въ значительной мѣрѣ возможностью, наличностью въ составѣ семьи лишнихъ работниковъ. Возможность эта даетъ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, важное преимущество многорабочему двору передъ однорабочимъ,—и это преимущество въ значительной мѣрѣ уравновѣшиваетъ и въ послѣднемъ счетѣ, какъ мы увидимъ ниже, даже нѣсколько перевѣшиваетъ вліяніе денежной обезпеченности домохозяйства.

Скорость обзаведенія переселенцевъ на новомъ мѣстѣ опредѣляется, прежде всего, именно количествомъ принесенныхъ денегъ: чѣмъ менѣе денегъ принесъ съ собой переселенецъ, тѣмъ дольше онъ живетъ въ землянкѣ или на квартирѣ, тѣмъ дольше онъ не имѣетъ скота и землевладѣльческихъ орудій и либо вовсе не сѣетъ хлѣба, либо сѣетъ въ складчину, выговариваетъ пашню за отработки и т. п. Положеніе это, и само по себѣ ясное, неопровержимо доказывается цыфрами [11]):

	% дворовъ, построившихъ избы		% дворовъ, заведшихъ самостоятельную запашку	
	въ 1-й годъ	во 2-й годъ	въ 1-й годъ	во 2-й годъ
	по прибытіи.			
изъ прибывшихъ безъ денегъ	27,7	23,3	9,1	16,5
» принесшихъ до 25 руб.	43,5	25,7	20,3	23,9
» » 26—50 р.	57,8	25,4	23,6	35,0
» » 51—100 р.	69,0	17,0	30,5	43,4
» » 101—200р.	74,4	16,7	38,0	45,9
» » 201 р. и бол.	78,5	11,5	48,2	42,4

Цыфры эти ясны безъ комментаріевъ; вниманія заслуживаетъ только значительность процента домохозяйствъ, даже при наличности средствъ заводящихъ свою запашку только со вто-

[11]) Изъ той же комбинаціонной таблицы.

рого года,—результатъ того обстоятельства, что переселенцы, большею частью, приходятъ на мѣсто въ срединѣ или даже въ концѣ лѣта, а потому, и при наличности необходимыхъ средствъ, могутъ приступать къ обработкѣ земли не ранѣе слѣдующей весны.

Наряду съ денежною обезпеченностью, на быстроту обзаведенія имѣетъ вліяніе, хотя и менѣе сильное, рабочій составъ домохозяйствъ. Вліяніе это ясно видно изъ слѣдующей таблички:

	% дворовъ, построившихъ избы въ 1-й годъ по прибытіи			% дворовъ, заведшихъ свою запашку въ 1-й или во 2-й годъ 12)		
	для всѣхъ дворовъ	для приш. безъ ден.	для прин. св. 200 р.	для всѣхъ дворовъ	для приш. безъ ден.	для прин. св. 200 р.
Въ семьяхъ безрабоч. или съ одним полураб.	40,1	21,3	100	23,7	4,5	100
» » однорабочихъ	37,1	21,6	73,0	33,1	16,6	83,8
» » $1^1/_2$—$2^1/_2$ работ.	49,5	31,6	79,9	54,3	33,0	91,2
» » съ 3 и бол. раб.	57,2	43,4	77,1	69,0	47.8	91,4

Въ общемъ итогѣ вліяніе обезпеченности рабочею силою представляется, такимъ образомъ, весьма замѣтнымъ: многорабочіе дворы выстраиваютъ избы слишкомъ въ полтора раза скорѣе, чѣмъ однорабочіе, а самостоятельную запашку заводятъ вдвое скорѣе однорабочихъ и втрое скорѣе безрабочихъ дворовъ. Но вліяніе этого обстоятельства далеко не одинаково для неимущихъ и для состоятельныхъ семей; среди первыхъ многорабочія семьи выстраиваютъ избы вдвое и заводятъ запашку втрое скорѣе, нежели однорабочія; среди наиболѣе состоятельной группы между слабыми и сильными по рабочей силѣ дворами въ отношеніи времени заведенія запашки, почти не замѣчается разницы, а по времени постройки избы разницы и вовсе нѣтъ: состоятельный переселенецъ, какова бы ни была рабочая сила его семьи, сразу строитъ себѣ избу, такъ какъ большею частью поручаетъ постройку спеціалисту-плотнику.

Болѣе близкое представленіе о характерѣ роста благосостоянія переселенцевъ могутъ дать нижеслѣдующія погодныя средн нія и относительныя цыфры:

---

12) Эти двѣ группы соединены здѣсь въ виду того указаннаго въ текстѣ обстоятельства, что невозможность завести запашку въ 1-й годъ является очень часто результатомъ поздняго прихода, т. е. обстоятельства съ интересующей насъ точки зрѣнія случайнаго.

	У переселенцевъ, прибывшихъ								
	до 1886 г.	въ 1886 г.	въ 1887 г.	въ 1888 г.	въ 1889 г.	въ 1890 г.	въ 1891 г.	въ 1892 г.	въ 1893 г.
Среднія на дворъ цыфры:									
посѣвной площади	6,6	4,4	5.4	5,3	4,4	4,3	3,7	2,6	1,7
рабочихъ лошадей	3,1	2,4	2,6	2,6	2,2	2,6	1,9	1,5	1,3
дойныхъ коровъ	2,4	1,7	1,9	2,2	1,5	1,6	1,2	1,1	0,8
% дворовъ съ отрицательными въ смыслѣ благосостоянія признаками:									
безъ избы	3,3	6,0	7,0	7,7	9,6	9,7	20,0	32,8	26,2
безъ сохи	18,1	29,8	18,9	16,6	22,1	22,5	34,9	54,7	62,6
безъ посѣва и съ посѣвомъ менѣе 1 дес.	14,3	22,4	15,4	9,8	16,6	14,3	22,1	35,1	44,2
безлошадныхъ	4,7	4,5	7,0	5,6	8,0	8,9	13,0	18,0	22,9
тоже вм. съ однолош.	18,5	29,9	16,1	20,2	24,3	24,2	39,1	50,6	60,1
безъ коровы	4,5	7,5	7,0	7,9	10,1	10,6	16,4	25,5	35,4
% домохозяевъ съ признаками высокаго благосостоянія:									
съ 2 сохами	24,3	8,9	11,8	9,6	6,6	9,6	6,9	2,5	1,5
съ посѣв. бол. 10 дес.	19,4	7,5	14,0	11,0	7,2	5,6	4,3	3,7	0,2
съ 4 и болѣе лошадьми	33,9	17,9	21,7	25,6	15,4	17,8	8,0	4,2	3,1
Распредѣленіе домохозяйствъ по результатамъ хозяйства: % дворовъ,									
покупающихъ хлѣбъ	31,0	46,3	30,0	35,7	47,7	50,9	61,5	81.0	93,8
продающихъ »	58.5	46,3	53,9	45,8	35,8	30,4	21,5	8,8	3,1
работающ. по найму	34,8	37,3	32,9	41,2	54,2	55,6	42,8	75.8	71,5
изъ нихъ отпускаютъ срочн. работниковъ	9,8	14,9	7,0	11,8	19,9	18,1	17,9	23,5	17,6

Разсматривая эту табличку, мы замѣчаемъ, что цыфры большей части строкъ, и въ частности—цыфры, показывающія процентъ дворовъ съ отрицательными въ смыслѣ благосостоянія признаками, слагаются въ ряды съ совершенно аналогичными свойствами: число дворовъ безъ избы, безъ сохи, безъ запашки, число безлошадныхъ и однолошадныхъ, число дворовъ безъ коровы,—всѣ эти величины, очень высокія у переселенцовъ, прибывшихъ въ 1893 году и, слѣд., прожившихъ на новомъ мѣстѣ всего одинъ годъ, быстро сокращаются по мѣрѣ перехода ко второй, третьей и четвертой погодной группѣ, — и у переселенцевъ, прибывшихъ въ 1890 году и, слѣдовательно, проживших на мѣстѣ 4 года, соотвѣтственныя процентныя цыфры, приблизительно, уже втрое ниже; въ слѣдующихъ погодныхъ группахъ замѣчается, если не считать случайныхъ отклоненій,

дальнѣйшее пониженіе этихъ цыфръ, — но пониженіе гораздо болѣе медленное, цыфра же дворовъ безъ посѣва вовсе перестаетъ понижаться и имѣетъ колебательное движеніе. Аналогичный (только, конечно, въ обратномъ направленіи) характеръ имѣетъ и движеніе среднихъ цыфръ посѣва и скота, а также цыфръ, показывающихъ число болѣе обезпеченныхъ рабочимъ скотомъ и инвентаремъ домохозяйствъ,—причемъ особенно любопытны цыфры, показывающія среднее число рабочихъ лошадей: въ первыхъ трехъ погодныхъ группахъ эти цыфры ниже двухъ, т. е. минимума, безъ котораго въ Сибири невозможно самостоятельное хозяйство; у переселенцевъ, прибывшихъ въ 1890 г., соотвѣтственная цыфра сразу поднимается до высокой цыфры 2,6 и затѣмъ имѣетъ уже не возрастающее, а колебательное движеніе. Нѣсколько отстаютъ въ своемъ поступательномъ движеніи только цыфры, показывающія, такъ сказать, *результатъ* земледѣльческаго хозяйства: число покупающихъ хлѣбъ продолжаетъ быстро падать, число продающихъ—расти до шестой погодной группы, и только отсюда движеніе этихъ цыфръ получаетъ колебательный характеръ; и это совершенно понятно, потому что достаточные хлѣбные запасы, этотъ плодъ достигшаго нормальныхъ размѣровъ хозяйства, могутъ явиться лишь *послѣ* того, какъ эти размѣры будутъ достигнуты.

Изложенная правильность, повторяющаяся во всѣхъ важнѣйшихъ рядахъ цыфръ, имѣетъ, кажется намъ, весьма важное значеніе; она показываетъ, что *переселенцы* трехъ послѣднихъ погодныхъ группъ, т. е. *прожившіе на мѣстѣ отъ одного до трехъ лѣтъ, находятся, вообще говоря, въ фазисѣ созданія своего хозяйства, четыре же года представляются*, опять-таки говоря вообще, *достаточнымъ срокомъ для того, чтобы переселенческое хозяйство стало на ноги* и болѣе или менѣе упрочило свое самостоятельное бытіе. И послѣ 4 лѣтъ переселенческое хозяйство продолжаетъ, говоря вообще, медленно расти и крѣпнуть; но это будетъ уже просто ростъ, развитіе, а не процессъ возникновенія хозяйства изъ ничего, какой происходитъ въ теченіе перваго четырехлѣтія.

Если, поэтому, желать составить себѣ понятіе о томъ, каковы хозяйственные результаты переселенія, то для этого слѣдуетъ остановиться лишь на цыфрахъ, рисующихъ хозяйственное положеніе однихъ только тѣхъ переселенцевъ, которые прожили на „новомъ мѣстѣ“ не менѣе 4 лѣтъ и такимъ образомъ уже прошли искусъ первоначальнаго обзаведенія, слѣдовательно въ нашемъ случаѣ—переселенцевъ, водворившихся въ краѣ съ

1880 по 1890 годъ. Для нихъ мы получимъ слѣдующія среднія и относительныя цыфры:

Средній размѣръ посѣвной площади. . .	4,9 дес.
Среднее число рабочихъ лошадей	2,5
» дойныхъ коровъ	1,9
% дворовъ безъ избы	7,9
» » сохи	20,2
» » посѣва и съ посѣвомъ не свыше десятины.	14,1
% безлошадныхъ и однолошадныхъ.	22,1
% дворовъ съ двумя сохами.	11,1
» съ 4 и болѣе лошадьми	21,8
» покупающихъ хлѣбъ	42,0
» продовольствующихся своимъ .	58,0
Изъ нихъ продающихъ хлѣбъ	41,7
% дворовъ, продающихъ рабочую силу . . .	36,3
Изъ нихъ отпускаютъ срочныхъ работниковъ.	15,1

Чтобы имѣть возможность правильно оцѣнить значеніе этихъ цыфръ, представляется полезнымъ сопоставить важнѣйшія изъ нихъ съ цыфрами, характеризующими хозяйственное положеніе переселенцевъ тѣхъ же погодныхъ группъ на родинѣ, и съ цыфрами, относящимися къ хозяйственному положенію старожилаго населенія края.

	Наличные размѣры хозяйства переселенцевъ 1880—1890 гг.	Размѣры ихъ хозяйства на родинѣ.	Размѣры хозяйства старожиловъ Томскаго и Маріинскаго округовъ
Средній размѣръ посѣвной площади. . .	4,9	3,6	5,4—6,0
Среднее число рабоч. лошадей	2,5	1,6	3,5–4,0
» дойныхъ коровъ	1,9	1,3	2,2—2,9
% безлошадныхъ и съ 1 лошадью . . .	22,1	55,2	20—21
» однихъ безлошадныхъ	7,0	19,2	
» дворовъ безъ посѣва	9,7	14,3	
» отпускавш. батраковъ . . .	15,1	16,8	

Такимъ образомъ, размѣры хозяйства переселенцевъ, проживших на „новомъ мѣстѣ“ не менѣе четырехъ лѣтъ и, слѣд., имѣвшихъ время болѣе или менѣе упрочить свое благосостояніе, значительно ниже—особенно въ отношеніи размѣровъ скотоводства,—нежели у окрестнаго старожилаго населенія, но въ то же время значительно выше размѣровъ того хозяйства, которое тѣ же переселенцы вели на родинѣ: среднія цыфры посѣвной площади увеличились приблизительно на одну треть, среднія цыфры рабочаго и дойнаго скота—даже на 50%; количество безлошадныхъ понизилось съ 19,2 до 7,0%, число дво-

ровъ совершенно безъ посѣва—съ 14,3 до 9,7%. Казалось бы, результаты переселенія, въ полномъ смыслѣ слова, блестящи. Но тутъ же мы видимъ, что процентъ дворовъ, отпускающихъ работниковъ въ срочный наемъ, почти не измѣнился; далѣе мы находимъ, что болѣе двухъ пятыхъ общаго числа переселенцевъ продолжаютъ, въ большей или меньшей мѣрѣ, довольствоваться купленнымъ хлѣбомъ, и только у двухъ же пятыхъ земледѣліе достигло уже такого значенія, какое оно должно имѣть въ чисто земледѣльческой странѣ, т. е. даетъ возможность продавать хлѣбъ и этимъ путемъ пріобрѣтать необходимыя денежныя средства. *Результаты* переселенческаго хозяйства оказываются, такимъ образомъ, гораздо менѣе благопріятными, нежели можно было бы судить по его *размѣрамъ*, и причина этого обстоятельства станетъ вполнѣ понятной, если вспомнить, что цыфры земледѣлія и скотоводства въ Сибири и на мѣстахъ выхода переселенцевъ далеко не удобосравнимы: громадное большинство переселенцевъ на родинѣ пахало одноконнымъ орудіемъ, въ Сибири пашетъ пароконнымъ; слѣдовательно, минимумомъ, при которомъ возможно было самостоятельное земледѣльческое хозяйство, на родинѣ была одна лошадь, въ Сибирѣ—двѣ; если же принять въ соображеніе это обстоятельство, то окажется, что количество рабочаго скота въ моментъ изслѣдованія даже менѣе возвышается надъ минимумомъ, нежели возвышалось у переселенцевъ на ихъ родинѣ, а количество безлошадныхъ вмѣстѣ съ однолошадными, т. е. тоже не могущими вести самостоятельнаго хозяйства (22,1%), поднимается выше, нежели было число переселенцевъ, не имѣвшихъ лошади на родинѣ. Что касается до посѣвной площади, то необходимо принять въ соображеніе, что десятина посѣва въ залежномъ хозяйствѣ—далеко не то, что десятина въ господствовавшемъ на родинѣ у большинства переселенцевъ навозномъ трехпольѣ,—первая въ гораздо меньшей мѣрѣ гарантируетъ хозяину постоянный урожай, нежели вторая, и это обстоятельство тоже въ значительной мѣрѣ ослабляетъ, если не вполнѣ уничтожаетъ значеніе той разницы въ среднихъ размѣрахъ посѣвной площади, на которую указываетъ наша табличка.

Ниже мы увидимъ, что относительные результаты переселенія окажутся весьма различными въ зависимости отъ того, каково было благосостояніе той или иной группы переселенцевъ на родинѣ; относительно же всей вообще переселенческой массы приведенныя данныя позволяютъ, какъ намъ кажется, думать, что выигрышъ отъ переселенія былъ далеко не такъ великъ,

какъ можно было бы предполагать на основаніи сравненія однѣхъ только цыфръ, изображающихъ размѣры хозяйства переселенцевъ.

Съ точки зрѣнія задачи настоящаго очерка распредѣленіе переселенцевъ по отдѣльнымъ мѣстностямъ изслѣдованнаго района и вліяніе этого распредѣленія на ихъ благосостояніе имѣетъ лишь второстепенное значеніе. Не входя поэтому въ подробности, мы приведемъ только цыфры, характеризующія состояніе хозяйства успѣвшихъ обжиться на новомъ мѣстѣ переселенцевъ, сгруппированныхъ только по крупнѣйшимъ административнымъ дѣленіямъ—округамъ или уѣздамъ. Цыфры эти представятся въ слѣдующемъ видѣ:

У переселенцевъ въ округахъ:	Томскомъ.	Маріинскомъ.	Каинскомъ.
Средній размѣръ посѣвн. площади .	4,1	5,1	5,2
Среднее число рабочихъ лошадей .	1,9	2,6	2,7
» дойныхъ коровъ. . .	1,7	1,6	2,9
» овецъ.	5,1	6,1	8,2
$^0/_0$ дворовъ безлошадныхъ. . .	10,2	6,5	5,7
» однолошадныхъ . .	21,4	13,0	16,8
» съ 4 и болѣе лош . .	12,4	23,2	24,9
» безъ посѣва и сѣющихъ менѣе 1 дес.	19,2	12,5	15,1
» сѣющ. болѣе 10 дес. .	7,0	10,2	11,9
» продающихъ хлѣбъ .	33,7	42,7	44,9
» отпускающихъ батр. .	14,1	14,2	19,9
» занимающ. ремесл. или куст. промысл. . . .	59,7	32,2	30,7

Цыфры для Каинскаго и Маріинскаго округовъ представляютъ совершенно аналогичные ряды, при чемъ въ глаза бросается только одна особенность,—гораздо большее развитіе у каинскихъ переселенцевъ, сравнительно съ маріинскими, скотоводства и въ частности—разведенія рогатаго скота, объясняемое, вѣроятно, изобиліемъ въ Каинскомъ округѣ превосходныхъ солонцеватыхъ пастбищъ. Цыфры по Томскому округу имѣютъ совершенно другой характеръ и свидѣтельствуютъ о своеобразномъ складѣ хозяйства переселенцевъ: складъ этотъ опредѣляется, съ одной стороны, подборомъ переселенцевъ, среди которыхъ преобладаютъ выходцы изъ сѣверо-восточныхъ губерній, а съ другой—близостью большинства поселковъ къ Томску, позволяющею переселенцамъ пользоваться разнообразными неземледѣльческими заработками и открывающею выгодный сбытъ продуктамъ ремесленнаго и кустарнаго труда; въ результатѣ—значительное, вдвое большее, нежели въ другихъ округахъ,

развитіе ремеслъ и кустарныхъ производствъ, позволяющее переселенцамъ Томскаго округа не такъ гоняться за расширеніемъ запашекъ, какъ гоняются переселенцы другихъ округовъ. Далѣе, во многихъ поселкахъ Томскаго округа замѣчаютъ существованіе особенностей въ области земледѣльческой техники, изъ которыхъ особаго упоминанія заслуживаетъ трехпольное хозяйство съ дѣленіемъ полей на смѣны и распространеніе переселенцами изъ сѣверо-восточныхъ губерній одноконныхъ пахотныхъ орудій; первое изъ этихъ обстоятельствъ, обезпечивая имъ болѣе постоянные урожаи, позволяетъ довольствоваться меньшею посѣвною площадью, второе же значительно сокращаетъ потребность въ рабочемъ скотѣ,—и результатомъ всѣхъ этихъ особенностей являются низшія цыфры запашекъ и рабочаго скота и значительно высшій процентъ безлошадныхъ и особенно однолошадныхъ дворовъ. Эти обстоятельства, однако, особенно въ виду развитія неземледѣльческихъ заработковъ, отнюдь не позволяютъ заключать о болѣе низкомъ уровнѣ благосостоянія переселенцевъ Томскаго округа; противъ такого заключенія говорило бы уже то обстоятельство, что процентъ домохозяйствъ, отпускающихъ батраковъ, среди нихъ не выше, нежели среди переселенцевъ Маріинскаго округа, и значительно ниже, нежели среди каинскихъ.

Посмотримъ теперь, насколько размѣры хозяйства уже обжившихся переселенцевъ зависятъ отъ тѣхъ обстоятельствъ, которыя, какъ мы видѣли, вліяютъ на быстроту ихъ обзаведенія на новомъ мѣстѣ,—отъ размѣра принесенныхъ съ собою денежныхъ средствъ и отъ степени обезпеченности ихъ рабочею силой [13]).

Нижеслѣдующая табличка изображаетъ размѣры хозяйства у всѣхъ вообще переселенцевъ, безъ различія времени ихъ прибытія, въ зависимости отъ одного изъ этихъ обстоятельствъ—отъ размѣра принесенныхъ средствъ.

У переселенцевъ:	Въ средн. на дворъ.			% дворовъ.		% дворовъ.		% дворовъ, продающ. хлѣбъ.	% дворовъ, отпуск. батраковъ.
	рабочихъ лошадей.	дойныхъ коровъ	десятинъ посѣва.	безъ посѣва и сѣющ. менѣе 1 дес.	сѣющихъ болѣе 10 дес.	безлошадн. и однолошадн.	имѣющ. 4 и болѣе лошад.		
пришедш. безъ денегъ .	1,7	1,1	2,8	35,5	2,7	43,2	7,5	16,0	24,2
принесш. не свыше 25 р.	2,1	1,4	3,7	21,1	3,1	31,6	12,9	26,9	16,3
» отъ 26 до 50 р.	2,4	1,7	4,8	13,3	8,5	23,4	17,3	41,7	12,3
» » 51 » 100р.	2,8	2,1	6,0	5,6	10,9	11,9	26,3	52,0	11,7
» » 101 » 200р.	3,2	2,3	7,2	5,9	19,9	11,9	38,5	60,0	4,8
» болѣе 200 р. .	3,7	2,6	9,1	2,2	38,7	7,4	47,8	73,5	2,2

[13]) Цыфры извлечены изъ комбинаціонной таблицы А.

Сильнѣйшее вліяніе количества принесенныхъ съ собою денегъ не можетъ, очевидно, подлежать никакому сомнѣнію: уже первые нѣсколько рублей, — сумма, не превышающая 25 р. и, казалось бы, по своей незначительности не могущая имѣть никакого значенія, — ясно отражаются на размѣрахъ хозяйства переселенцевъ, и притомъ—не столько на среднихъ цыфрахъ, сколько на процентныхъ величинахъ, показывающихъ число дворовъ безхозяйныхъ и вынужденныхъ прибѣгать къ отпуску работниковъ въ срочный наемъ; аналогичная зависимость можетъ быть прослѣжена и во всѣхъ послѣдующихъ строкахъ: чѣмъ больше принесенная сумма денегъ, тѣмъ выше средніе размѣры скотоводства и запашки, тѣмъ ниже процентъ вовсе или почти вовсе безхозяйныхъ дворовъ и тѣмъ выше процентъ дворовъ съ болѣе значительными размѣрами хозяйства; тѣмъ, наконецъ, ниже процентъ дворовъ, отпускающихъ работниковъ въ наемъ, и тѣмъ выше процентъ дворовъ, имѣющихъ возможность продавать хлѣбъ. Присмотрѣвшись ближе къ приведеннымъ цыфрамъ, легко замѣтить, однако, любопытныя и очень важныя особенности въ рядахъ цыфръ, изображающихъ, съ одной стороны, процентъ безлошадныхъ съ однолошадными и безпосѣвныхъ съ сѣющими не болѣе десятины, а съ другой—процентъ имѣющихъ болѣе трехъ лошадей и особенно—сѣющихъ болѣе 10 десятинъ. Цыфры безхозяйныхъ, очень высокія въ первой строкѣ (безъ денегъ), быстро падаютъ до четвертой строки (принесшіе до 100 р.)., а затѣмъ пониженіе этихъ цыфръ почти совершенно прекращается. Цыфры многолошадныхъ и особенно—имѣющихъ значительные посѣвы до той же четвертой строки повышаются медленно, а затѣмъ быстро растутъ при переходѣ къ высшимъ по количеству денегъ группамъ. Очевидно, что уже ничтожная денежная сумма, при дешевизнѣ предметовъ хозяйственнаго инвентаря и выгодности заработковъ, достаточна для того, чтобы помочь переселенцу подняться изъ разряда безхозяйныхъ, а наличность безхозяйныхъ въ высшихъ по обезпеченности деньгами группахъ объясняется уже не недостаткомъ средствъ, а другими, посторонними обстоятельствами; напротивъ, чтобы завести болѣе значительное земледѣльческое хозяйство, нужна уже, говоря вообще, гораздо болѣе значительная сумма денегъ, и потому первые 25—50 р. лишь очень мало вліяютъ на повышеніе соотвѣтствующихъ цыфръ.

Интересно теперь прослѣдить, не измѣняется ли вліяніе разсматриваемаго фактора въ зависимости отъ продолжительности пребыванія переселенцевъ въ мѣстѣ новаго водворенія. Для этого

приведемъ важнѣйшія цыфровыя данныя отдѣльно для переселенцевъ, прибывшихъ въ 1892 и 1893 годахъ [14]) и только еще устраивающихся, и для тѣхъ, которые водворились въ изслѣдованномъ районѣ въ десятилѣтіе съ 1880 по 1889 годъ и, слѣдовательно, могутъ считаться уже въ большей или меньшей мѣрѣ обосновавшимися. Данныя эти изобразятся въ слѣдующей таблицѣ:

Группы переселенцевъ:	А. Переселенцы, прибывшіе въ 1880—1889 гг.				Б. Переселенцы, прибывшіе въ 1892—1893 гг.			
	Въ среднемъ на дворъ			% безлошад. и одно-лошад.	Въ среднемъ на дворъ			% безлошад. и одно лошад.
	рабоч. лошад.	дойн. коров.	десят. посѣва		рабоч. лошад.	дойн. коров.	десят. посѣва	
Пришедшіе безъ денегъ .	2,1	1,4	3,8	31,8	1,1	0,7	1,3	70,9
Принесшіе до 25 р. . . .	2,4	1,5	4,4	22,9	1,4	1,0	1,3	41,9
„ отъ 26 до 50 р.	2,7	1,9	5,5	18,2	1,6	1,1	2,4	48,4
„ „ 51 „ 100 р.	3,1	2,4	6,8	8,2	2,1	1,4	3,3	23,1
„ „ 101 „ 200 р.	3,5	2,5	7,9	8,7	2,2	1,2	3,7	26,8
„ болѣе 200 р.	3,8	2,9	9,5	6,3	2,9	1,8	6,7	9,4

Вліяніе размѣра принесенныхъ средствъ, очевидно, весьма замѣтно и для уже обжившихся, и для еще только устраивающихся переселенцевъ; но у первыхъ оно сказывается далеко не такъ рѣзко, какъ у вторыхъ: у переселенцевъ 1892—1893 гг. количество рабочихъ лошадей въ высшей по размѣру принесенныхъ средствъ суммѣ почти втрое, число коровъ въ $2^1/_2$ раза, размѣры посѣвной площади—слишкомъ впятеро болѣе, нежели для домохозяйствъ, пришедшихъ совсѣмъ безъ денегъ; у переселенцевъ 1880—1889 гг. число лошадей и коровъ въ высшей группѣ менѣе чѣмъ вдвое, размѣры посѣвной площади—всего въ два съ половиной раза превышаютъ соотвѣтственныя числа, изображающія размѣры хозяйства тѣхъ семействъ, которыя вовсе не имѣли денегъ. Необходимо поэтому предположить, что вліяніе степени обезпеченности деньгами, въ первое время по прибытіи переселенца проявляющееся совершенно свободно и почти всецѣло опредѣляющее собой быстроту его обзаведенія, позже встрѣчается съ другимъ вліяніемъ, дѣйствующимъ не параллельно первому и не дающимъ ему проявляться столь же безпрепятственно, какъ оно проявлялось въ первые годы. Такое именно вліяніе имѣетъ обезпеченность семьи рабочею силой.

Нижеслѣдующая табличка наглядно показываетъ значеніе

---

[14]) Мы беремъ здѣсь переселенцевъ послѣдняго двухлѣтія, а не трехлѣтія, какъ дѣлали ранѣе, потому что въ комбинаціонной таблицѣ переселенцы сгруппированы именно по двухлѣтіямъ.

этого фактора по отношенію ко всей вообще массѣ переселенцевъ, независимо отъ времени ихъ прибытія и размѣра принесенныхъ ими средствъ:

Въ переселенческихъ семьяхъ:	Въ среднемъ на дворъ приходится: рабочихъ лошадей.	кодойныхъ коровъ.	десятинъ посѣва.	% домохозяйствъ. Безъ посѣва и сѣющихъ менѣе 1 дес.	Безлошадн. и однолошадныхъ.	Продающ. хлѣбъ.	Отпускающ. батраковъ.
безрабочихъ или съ 1 полуработн.	1,2	0,9	1,9	56,9	64,7	21,3	20,6
однорабочихъ	1,6	1,2	2,7	33,1	44,5	23,1	9,8
съ 1½ 2½ работниками . . .	2,6	1,7	5,1	13,2	19,8	37,7	22,1
съ 3 и болѣе работниками . . .	3,8	2,4	8,7	5,8	5,6	51,9	26,7

Ясно, что факторъ обезпеченности семьи рабочею силой, въ свою очередь, имѣетъ чрезвычайно сильное вліяніе на результаты водворенія переселенцевъ: многорабочія семьи имѣютъ слишкомъ вдвое болѣе скота и засѣваютъ слишкомъ втрое болѣе земли, нежели однорабочія (не говоря уже о безрабочихъ); процентъ безхозяйныхъ семей среди первыхъ въ 6—8 разъ менѣе, нежели среди вторыхъ, а процентъ дворовъ съ удовлетворительнымъ потребительнымъ значеніемъ земледѣлія—слишкомъ вдвое болѣе; совсѣмъ иной характеръ имѣютъ только колебанія цыфръ послѣдняго столбца, — но это потому, что отпускъ срочныхъ работниковъ, какъ уже упоминалось выше, опредѣляется не только нуждой, но и возможностью, т. е. наличностью работниковъ, безъ которыхъ семья можетъ обойтись: однорабочій дворъ, пока имѣетъ малѣйшую возможность сохранять свою хозяйственную самостоятельность, не можетъ отпустить въ срокъ своего единственнаго работника, хотя бы и нуждался въ заработкѣ,—тогда какъ многорабочій дворъ и безъ особой нужды можетъ, не разстраивая своего хозяйства, прибѣгнуть къ такому подспорью.

Такимъ образомъ, мы имѣмъ два фактора, каждый изъ которыхъ имѣетъ порознь весьма сильное вліяніе на размѣры хозяйства переселенцевъ: степень обезпеченности рабочею силой и размѣръ средствъ, которыми семья располагала для первоначальнаго обзаведенія. Любопытно выяснить, который изъ нихъ дѣйствуетъ сильнѣе? Отвѣтъ на этотъ вопросъ дастъ намъ, до нѣкоторой степени, сопоставленіе нижеслѣдующихъ цыфръ, изображающихъ размѣры хозяйства, въ зависимости отъ размѣра принесенныхъ средствъ, отдѣльно для однорабочихъ и отдѣльно для многорабочихъ дворовъ.

У переселенцевъ:	Однорабочіе дворы. В среднемъ на дворъ: рабочихъ лошадей.	дойныхъ коровъ.	десятинъ посѣва.	% безлошадн. и однолошадн.	% продающ. хлѣбъ.	Дворы съ 3 и болѣе рабочими. Въ среднемъ на дворъ: рабочихъ лошадей.	дойныхъ коровъ.	десятинъ посѣва.	% безлошадн. и однолошадн.	% продающ. хлѣбъ.
пришедш. безъ денегъ.	1,3	0,9	1,9	55,7	1,2	3,2	1,7	6,4	12,2	32,0
принесш. до 25 р. . .	1,6	1,1	2,5	46,0	21,5	3,3	1,9	6,4	3,8	40,0
„ 26—50 „ . .	1,9	1,4	3,2	35,5	30,6	4,2	2,6	9,5	—	66,7
„ 51 - 100 „ . .	2,2	1,6	4,3	22,3	40,3	4,7	3,2	11,0	—	68,9
„ 101 - 200 „ .	2,4	1,9	4,9	24,6	50,0	5,0	3,4	14,3	—	81,3
„ болѣе 200 „ . .	2,9	1,8	5,2	15,4	60,0	4,9	3,2	13,4	5,6	75,0

Размѣры хозяйства сильныхъ по рабочему составу дворовъ, хотя бы даже и совершенно не имѣвшихъ денегъ для первоначальнаго обзаведенія, оказываются, такимъ образомъ, даже нѣсколько выше размѣровъ хозяйства дворовъ, пришедшихъ съ значительными денежными средствами, но слабыхъ по своему рабочему составу, — причемъ однако въ отношеніи продовольственнаго результата хозяйства первые еще замѣтно отстаютъ отъ вторыхъ; и это, однако, не представляетъ ничего ненормальнаго: сильные по рабочему составу дворы имѣютъ, въ видѣ общаго правила, и значительный потребительный составъ, по сравненію съ которымъ 6,4 дес. посѣвной площади значатъ гораздо менѣе, нежели 5,2 дес., засѣваемыя высшею группою однорабочихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ—и вообще малочисленныхъ семей [15]). Но уже въ третьей по порядку группѣ, принесшей съ собою отъ 26 до 50 р. денегъ, т. е. сумму, на первый взглядъ, совершенно ничтожную, въ сравненіи съ потребностями большой семьи, средній размѣръ посѣвной площади поднимается до 9,5 дес.,— почти вдвое выше, нежели у богатѣйшей группы однорабочихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ—и потребительное значеніе земледѣлія выражается уже болѣе благопріятною цыфрой, нежели у этой послѣдней, — и такимъ образомъ оказывается, что многорабочій дворъ, принесшій съ собой незначительную сумму денегъ, и по размѣрамъ, и по результатамъ хозяйства стоитъ, въ среднемъ, выше, нежели дворъ, пришедшій съ значительными средствами, но слабый по своему рабочему составу.

Относительное значеніе двухъ разсматриваемыхъ факторовъ—

---

[15]) Средній составъ однорабочихъ дворовъ среди зарегистрованныхъ переселенцевъ — 4,4 души, многорабочихъ—9,6 душъ, т. е. слишкомъ вдвое болѣе.

денегъ и рабочей силы, однако, окажется не одинаковымъ, если сопоставить въ нижеслѣдующей табличкѣ дворы еще обзаводящіеся съ имѣвшими уже время упрочить свое благосостояніе.

Приходится въ средн. на дворъ у переселенцевъ:	А. Пересел. 1880—1889 гг.				Б. Пересел. 1892—1893 гг.			
	Однорабоч.		Многорабоч.		Однорабоч.		Многорабоч.	
	лош.	дес. пос.	лош.	дес. пос.	лош.	дес. пос.	лош.	дес. пос.
пришедш. безъ денегъ.	1,6	2,9	3,5	7,7	0,8	0,9	1,8	2,2
принесш. до 25 р. . .	1,8	3,0	3,7	7,5	1,0	1,2	2,7	3,5
» 26—50 р. . .	2,0	3,6	4,3	10,0	1,3	1,6	2,8	5,0
» 51—100 р. . .	2,4	4,8	5,0	12,4	1,5	2,2	3,7	7,3
» 101—200 р. .	2,8	5,8	5,4	13,1	1,6	3,1	3,5	6,8
» болѣе 200 р. .	2,6	5,4	5,6	14,9	2,2	3,5	3,7	8,7

Среди недавнихъ переселенцевъ многорабочіе дворы, пришедшіе безъ денегъ, по размѣрамъ хозяйства стоятъ, такимъ образомъ, значительно ниже высшей по размѣру денежныхъ средствъ группы одноработчихъ,—нѣсколько ниже даже второй группы и приблизительно наравнѣ съ тою группою однорабочихъ, которая принесла съ собой отъ 51 до 100 р. денегъ,—хотя уже ничтожная сумма, не свыше 25 р., позволяетъ многорабочему двору поднять свое хозяйство до уровня наиболѣе состоятельной группы однорабочихъ, а располагая 26—50 рублями, многорабочая семья сразу заводитъ уже значительно большее хозяйство, нежели однорабочая, хотя бы и обладающая большими деньгами. У домохозяйствъ, проживишхъ на новомъ мѣстѣ пять лѣтъ и болѣе, преимущества многорабочихъ дворовъ обозначаются гораздо рѣзче: даже тѣ изъ нихъ, которые пришли безъ всякихъ средствъ, располагаютъ почти въ полтора раза большею посѣвною площадью, нежели наиболѣе обезпеченная деньгами группа однорабочихъ. Вліяніе рабочаго состава домохозяйствъ, проявляясь съ самыхъ первыхъ дней обзаведенія переселенца, становится, такимъ образомъ, тѣмъ сильнѣе, чѣмъ дольше переселенецъ прожилъ на новомъ мѣстѣ: въ періодъ обзаведенія это обстоятельство лишь до нѣкоторой степени уравновѣшиваетъ вліяніе размѣра принесенныхъ средствъ; когда же переселенецъ прожилъ на новомъ мѣстѣ болѣе продолжительное время и успѣлъ найти полное приложеніе своей рабочей силѣ, вліяніе этого послѣдняго фактора выступаетъ на первый планъ и, говоря вообще, перевѣшиваетъ вліяніе размѣра средствъ, которыми переселенецъ располагалъ для первоначальнаго обзаведенія.

Нашъ очеркъ нѣсколько затянулся; изъ боязни злоупотребить терпѣніемъ читателя, мы обойдемъ, поэтому, молчаніемъ

цѣлый рядъ второстепенныхъ вопросовъ и остановимся только на данныхъ, позволяющихъ до нѣкоторой степени судить объ относительной выгодности переселенія для различныхъ по благосостоянію группъ переселенцевъ [16]). Данныя эти сгруппируются въ слѣдующую табличку [17]):

У переселенцевъ на родинѣ:	На родинѣ имѣли въ среднемъ на семью: рабоч. лошад.	дойн. коровъ.	десят. посѣва.	На новомъ мѣстѣ имѣютъ въ среднемъ: рабоч. лошад.	дойн. коровъ.	десят. посѣва.	Избытокъ (+) или недостат. (—) современ. средн. числа лошад. сравнительно съ размѣрами хозяйства на родинѣ.	размѣра посѣвовъ
не сѣявшихъ хлѣба. .	0,2	0,3	—	1,7	1,3	2,8	+1,5	+2,8
засѣвавш. до 1 дес. . .	0,6	0,7	0,8	2,0	1,3	2,9	+1,4	+2,1
» отъ 1 до 3 дес.	1,3	1,0	2,3	2,3	1,6	4,4	+1,0	+2,1
» » 3 » 6 ».	2,0	1,6	4,7	2,8	2,0	6,2	+0,8	+1,5
» » 6 » 8 »	2,8	2,0	7,3	3,4	2,3	7,7	+0,6	+0,4
» болѣе 8 ».	3,6	2,8	11,5	3,7	2,5	8,7	+0,1	−2,8

Цыфры двухъ послѣднихъ столбцовъ представляютъ поразительную правильность: чѣмъ выше стоитъ группа переселенцевъ по размѣрамъ хозяйства на родинѣ, тѣмъ меньше—даже въ абсолютныхъ, а тѣмъ болѣе—въ относительныхъ цыфрахъ—превышеніе размѣровъ хозяйства на новомъ мѣстѣ надъ размѣрами хозяйства на родинѣ; наличные посѣвы даже третьей группы почти вдвое болѣе, нежели были ея посѣвы на родинѣ; посѣвы предпослѣдней группы—уже всего только на 5,5%, а посѣвы послѣдней, высшей группы даже значительно *меньше*, нежели были посѣвы той же группы на родинѣ. Другими словами: *переселенцы*, говоря вообще, *тѣмъ болѣе выигрываютъ отъ переселенія*, *чѣмъ хуже было ихъ хозяйственное положеніе на родинѣ; для тѣхъ же переселенцевъ*, *которые на родинѣ имѣли сравнительно значительное хозяйство*, *переселеніе,* если

---

[16]) Комбинаціонная таблица Б.

[17]) Въ эту табличку вошли, конечно, только данныя о переселенцахъ, имѣвшихъ уже время обзавестись на новомъ мѣстѣ, т. е. прожившихъ не менѣе 5 лѣтъ; нельзя думать, чтобы на изложенные въ текстѣ выводы могла повліять недостаточная продолжительность этого послѣдняго срока: если взять даже однихъ переселенцевъ, прибывшихъ съ 1880 по 1885 г., т. е. прожившихъ не менѣе 10 лѣтъ, то для высшихъ по размѣру посѣвовъ на родинѣ группъ получатся совершенно аналогичныя цыфры, а именно:

У дворовъ, сѣявшихъ:	На родинѣ было въ средн.: рабоч. лошад.	дойн. коровъ.	десят посѣва.	На новомъ мѣстѣ въ средн.: рабоч. лошад.	дойн. коровъ.	десятин. посѣва.
отъ 6 до 8 дес. . . .	3,4	2,4	7,3	3.8	2,9	8,0
болѣе 8 дес.	3,8	2,8	11,2	3,8	3.0	8,1

даже разсматривать однѣ только абсолютныя цыфры, не вникая въ ихъ значеніе, *положительно невыгодно;* въ Сибири имъ, въ общемъ выводѣ, не удается довести своей запашки даже до тѣхъ размѣровъ, какихъ она у нихъ достигала на родинѣ.

Любопытно, далѣе, посмотрѣть, какъ вліяетъ на результаты переселенія происхожденіе переселенцевъ изъ той или другой мѣстности Россіи. Вліяніе это ясно изъ слѣдующихъ данныхъ:

	На родинѣ было въ средн.:			На новомъ мѣстѣ въ средн.:			Превышеніе (+) или недостат. (—) современ. цыфръ:	
	рабочихъ лошадей.	дойныхъ коровъ.	десят. посѣва.	рабочихъ лошадей.	дойныхъ коровъ.	десят. посѣва.	раб. лош.	дес. пос.
А) *У выходцевъ изъ среднихъ губерній:*								
не сѣявшихъ хлѣба . .	0,1	0,4	—	1,7	1,2	2,8	+1,6	+2,8
засѣвавш. до 1 дес. . .	0,5	0,6	0,8	2,1	1,3	3,2	+1,6	+2,4
» отъ 1 до 3 д.	1,3	0,9	2,3	2,3	1,5	4,5	+1,0	+2,2
» » 3 » 6 »	1,9	1,2	4,6	2,9	1,9	6,6	+1,0	+2,0
» » 6 » 8 »	2,8	1,6	7,2	3,4	2,1	7,9	+0,6	+0,7
» болѣе 8 дес.	3,5	2,1	11,3	3,9	2,5	9,9	+0,4	—1,4
Б) *У выходцевъ изъ сѣверо-восточныхъ губерній и Тобольской:*								
не сѣявшихъ хлѣба . .	0,5	0,3	—	1,7	1,7	2,9	+1,4	+2,9
засѣвавш. до 1 дес. . .	1,0	1,2	0,9	1,6	1,4	1,9	+0,6	+1,0
» отъ 1 до 3 д.	1,5	1,4	2,4	2,4	1,9	4,3	+0,9	+1,9
» » 3 » 6 »	2,2	2,3	4,9	2,7	2,2	5,5	+0,5	+0,6
» » 6 » 8 »	2,9	2,5	7,4	3,4	2,6	7,5	+0,5	+0,1
» свыше 8 д.	3,8	3,6	11,8	3,5	2,6	7,4	—0,3	—4,4

Такимъ образомъ, общій законъ, который мы вывели для всей вообще переселенческой массы, остается въ силѣ и для каждой изъ двухъ важнѣйшихъ составныхъ частей ея: будемъ ли мы разсматривать курянъ и другихъ выходцевъ изъ среднихъ губерній, или вятичей съ казанцами, пермяками и тоболяками,—все равно, въ наибольшемъ выигрышѣ оказываются низшія по благосостоянію группы переселенцевъ, самыя же высшія не только ничего не выигрываютъ, но даже проигрываютъ отъ переселенія.

Если затѣмъ сравнить между собою цыфры, получившіяся для соотвѣтственныхъ группъ у выходцевъ изъ среднихъ губерній и у переселенцевъ изъ сѣверо-восточныхъ и Тобольской губерніи, то между тѣми и другими окажутся существенныя различія: окажется именно, что выходцы съ Сѣверо-востока какъ на родинѣ держали, такъ и въ Сибири держатъ болѣе рогатаго скота, нежели выходцы изъ центра Россіи; напротивъ, число

рабочихъ лошадей у первыхъ нѣсколько менѣе, а размѣры запашекъ—даже значительно меньше, нежели, въ соотвѣтственныхъ группахъ, у вторыхъ; цыфры же послѣднихъ двухъ столбцовъ показываютъ, что выходцы изъ сѣверо-восточныхъ губерній въ низшихъ группахъ выигрываютъ отъ переселенія меньше, а въ высшихъ—теряютъ больше, нежели выходцы изъ среднихъ губерній. Отсюда, казалось бы, слѣдуетъ выводъ, что вторые успѣшнѣе устраиваются въ Сибири, нежели первые; но такой выводъ рѣшительно противорѣчилъ бы всѣмъ даннымъ, добытымъ изслѣдованіемъ,—даннымъ, свидѣтельствующимъ о томъ, что выходцы съ Сѣверо-востока гораздо скорѣе и лучше приспособляются къ естественнымъ и хозяйственнымъ условіямъ Сибири, нежели куряне и т. п.,—хотя бы уже потому, что сибирская природа и хозяйство представляютъ очень много общаго съ природой и хозяйствомъ мѣстъ ихъ выхода. Поэтому вѣрнѣе будетъ искать объясненія указанныхъ различій въ другомъ обстоятельствѣ—въ неполной сравнимости цыфръ, показывающихъ размѣры хозяйства переселенцевъ на мѣстахъ ихъ выхода: и лошадь, и десятина посѣва въ сѣверо-восточныхъ губерніяхъ и Тобольской, при господствѣ залежнаго хозяйства и пароконныхъ пахотныхъ орудій, значатъ гораздо менѣе, нежели въ центрѣ Россіи; группы засѣвавшихъ 1—3, 3—6 и т. д. десятинъ у выходцевъ изъ центра поэтому соотвѣтствуютъ, сравнительно, гораздо высшему уровню благосостоянія, нежели у переселенцевъ съ Сѣверо-востока, — и если бы оказалось возможнымъ ввести въ нашу таблицу соотвѣтственныя поправки и сравнивать не голыя цыфры, а *значенія* этихъ цыфръ, то результаты переселенія едва ли оказались бы болѣе выгодными для выходцевъ изъ Средней Россіи, а скорѣе наоборотъ: то избыточное превышеніе цыфръ, которое наблюдается у переселенцевъ изъ этого района, было бы всецѣло и даже съ избыткомъ поглощено различіями, такъ сказать, въ качественномъ значеніи этихъ цыфръ.

А. Кауфманъ,
дѣйствительный Членъ
Московскаго Юридическаго Общества.

РАСКЛАДКА ПО УѢЗДАМЪ ГУБЕРНСКИХЪ ДОРОЖНЫХЪ КАПИТАЛОВЪ, ОБРАЗОВАННЫХЪ НА ОСНОВАНІИ ЗАКОНА 1 ІЮНЯ 1895 ГОДА.

Законъ 1-го іюня 1895 года освободилъ земскія учрежденія 34 губерній Европейской Россіи отъ уплаты казнѣ пособій на содержаніе преобразованныхъ по закону 12-го іюля 1889 года мировыхъ судебныхъ и по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій, а также отъ расходовъ по содержанію губернскихъ статистическихъ комитетовъ. По предварительному (передъ изданіемъ закона 1-го іюня) подсчету министерства финансовъ опредѣлилось, что означенныхъ пособій казнѣ земства 34 губерній платили 5684737 р., а на содержаніе губернскихъ статистическихъ комитетовъ расходовали 61482 р. [1]). Эти двѣ суммы, составляющія въ итогѣ 5746219 р., тѣмъ же закономъ обращены *въ распоряженіе губернскихъ земствъ 34-хъ губерній* на образованіе *особаго по каждой губерніи* спеціальнаго капитала, расходуемаго на грунтовыя и шоссейныя пути сообщенія, или короче: на образованіе губернскаго дорожнаго капитала. Далѣе, особымъ пунктомъ закона 1-го іюня предусмотрѣно, что обращаемыя имъ съ одного назначенія на другое суммы земскихъ бюджетовъ исчисляются по смѣтамъ губернскаго и уѣзднаго земскаго сбора, а потому и указано, что съ обращеніемъ ихъ въ дорожный капиталъ онѣ уже должны вездѣ включаться въ смѣту губернскаго сбора.

Одно изъ основныхъ правилъ стараго и новаго Положеній о земскимъ учрежденіяхъ заключается въ томъ, что однѣ изъ земскихъ потребностей удовлетворяются общими средствами цѣлой губерніи, а другія отдѣльными средствами каждаго ея

---

[1]) „Вѣстникъ Финансовъ", 1895 г., № 24, стран. 632.

уѣзда. Раздѣленіе потребностей на губернскія и уѣздныя предоставлено губернскимъ земскимъ собраніямъ. Закономъ 1-го іюня 1895 года установлено образованіе губернскихъ дорожныхъ капиталовъ и на общія дорожныя нужды губерній, а потому никто не будетъ возражать противъ того, что этимъ же самымъ закономъ уже и опредѣлено накоплять этотъ капиталъ губернскимъ земскимъ сборомъ, а не уѣздными,—иначе говоря, что законъ обратилъ платежи на дорожный капиталъ въ губернскую повинность. Безъ этого условія суммы дорожнаго капитала и не могли бы, по общему закону о земскихъ учрежденіяхъ, поступить въ распоряженіе губернскаго земства, потому что губернское земство вообще суммами уѣздныхъ сборовъ не распоряжается. Что же слѣдуетъ изъ приведеннаго выше законоположенія, что суммы на составленіе дорожнаго капитала ассигнуются по смѣтѣ губернскаго земскаго сбора? Законъ 1-го іюня не упоминаетъ ни о какой специальной раскладкѣ этихъ суммъ, а потому каждое губернское земское собраніе, руководствуясь только этимъ закономъ, должно было бы все установленное ежегодное ассигнованіе на дорожный капиталъ разверстать между уѣздами на общихъ основаніяхъ раскладки губернскаго сбора. Но, прежде чѣмъ по какой-либо губерніи состоялась такая раскладка губернскаго сбора въ дорожный капиталъ на 1896 годъ, были опубликованы составленныя министромъ финансовъ, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ и государственнымъ контролеромъ, правила о дорожныхъ капиталахъ. Въ этихъ правилахъ оказался особый пунктъ (п. 3), опредѣляющій именно способъ разверстки между уѣздами суммы губернскаго сбора, причитающейся въ дорожный капиталъ. Редакція этого пункта сначала вызвала на губернскихъ земскихъ собраніяхъ различное его толкованіе. Пунктъ этотъ гласитъ слѣдующее: „Доля губернскаго земскаго сбора, причитающаяся на покрытіе расходовъ по составленію дорожнаго капитала, распредѣляется между уѣздами: или въ соотвѣтствіи съ расходами, производившимися уѣздами въ 1895 году на предметы, перечисленные въ ст. 1-й закона 1-го іюня 1895 года (т. е. на судебно-мировыя и по крестьянскимъ дѣламъ учрежденія), или на общемъ основаніи, по соображенію съ цѣнностью или доходностію недвижимыхъ имуществъ, облагаемыхъ земскими сборами, смотря по тому, какой изъ этихъ способовъ раскладки будетъ признанъ губернскимъ земствомъ болѣе удобнымъ“. Съ перваго взгляда и при убѣжденіи многихъ земскихъ гласныхъ, что повинность платежа въ дорожный ка-

питалъ, какъ всякая губернская повинность, должна ложиться на средства отдѣльныхъ уѣздовъ равномѣрно, казалось, что приведенный пунктъ правилъ о дорожныхъ капиталахъ говоритъ о всей суммѣ годового ассигнованія на дорожный капиталъ и предоставляетъ на усмотрѣніе губернскихъ земскихъ собраній одинъ изъ двухъ способовъ разверстки между уѣздами такой общей суммы означеннаго ассигнованія. Но, послѣ бывшихъ на нѣкоторыхъ губернскихъ земскихъ собраніяхъ преній относительно смысла вышеприведеннаго пункта правилъ о дорожныхъ капиталахъ, получило перевѣсъ то мнѣніе, что этимъ пунктомъ отданъ на выборъ губернскихъ собраній способъ разверстки между уѣздами только той, вездѣ небольшой, доли ассигнованія на дорожный капиталъ, которая и прежде, до закона 1-го іюня, назначалась (на другіе предметы) по губернскимъ, а не по уѣзднымъ смѣтамъ и раскладкамъ. По такому толкованію разсматриваемаго пункта правилъ о дорожныхъ капиталахъ оказалось, что разверстка между уѣздами наибольшей доли губернскихъ сборовъ на образованіе этихъ капиталовъ не зависитъ отъ губернскихъ земскихъ собраній и не будетъ соотвѣтствовать общему правилу распредѣленія между уѣздами каждой губерніи губернскихъ земскихъ повинностей. Для читателей не близко знакомыхъ съ земскими бюджетами это важное обстоятельство требуетъ разъясненія.

Беремъ сумму всего, установленнаго закономъ 1-го іюня 1895 года, ежегоднаго ассигнованія по смѣтѣ губернскаго земства одной губерніи на составленіе дорожнаго капитала. Сумма эта 229700 р. и составляла до изданія означеннаго закона ассигнованія по губернской и по уѣзднымъ земскимъ смѣтамъ пособія государственному казначейству на содержаніе преобразованныхъ въ 1889 году судебно-мировыхъ и по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій, а также на содержаніе губернскаго статистическаго комитета. Въ означенной суммѣ было губернскаго сбора лишь около 9300 р. или 4%, а уѣздныхъ сборовъ 96%. Насколько извѣстно, и по всѣмъ 34 губерніямъ съ земскими учрежденіями было приблизительно такое же распредѣленіе между губернскими и уѣздными бюджетами упомянутыхъ ассигнованій, обращенныхъ нынѣ на составленіе дорожныхъ капиталовъ.

До 1890 года ассигнованія эти шли на содержаніе судебно-мирового института, на содержаніе непремѣнныхъ членовъ и канцелярій губернскихъ и уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій и на губернскіе статистическіе комитеты. Вездѣ губернскими земскими собраніями содержаніе судебно-миро-

вого института, какъ не имѣющаго какой-либо губернской инстанціи, сполна относилось на средства отдѣльныхъ уѣздовъ, содержаніе уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій тоже на отдѣльныя средства уѣздовъ. А на губернскій земскій бюджетъ или на губернскую земскую повинность принимались лишь содержаніе губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія и губернскаго статистическаго комитета. Когда въ 1889 году послѣдовало преобразованіе судебно-мировыхъ учрежденій и по крестьянскимъ дѣламъ присутствій въ институтъ земскихъ начальниковъ и содержаніе этого института принято на средства государственнаго казначейства, то бывшіе расходы губернскихъ и уѣздныхъ земствъ на преобразованныя учрежденія обращены въ постоянное пособіе отъ земствъ казнѣ, и это пособіе опредѣлено въ размѣрѣ губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ ассигнованій на тѣ учрежденія по смѣтамъ на 1889 годъ. Закономъ 1-го іюня 1895 года это же пособіе отъ земствъ казнѣ, образовавшееся изъ прежнихъ земскихъ расходовъ на институтъ мировыхъ судей и на присутствія по крестьянскимъ дѣламъ, обращено на составленіе дорожныхъ капиталовъ. Но означенное пособіе казнѣ главнѣйшею частію лежало на уѣздныхъ земствахъ, съ обращеніемъ же его на дорожный капиталъ оно переведено на смѣты губернскаго земства. Земскіе расходы, обязательные и необязательные, выполняемые отдѣльными средствами уѣздовъ, болѣе или менѣе уклоняются отъ того размѣра, какой приходился бы на каждый данный уѣздъ изъ расходовъ на тѣ же самыя потребности, если бы онѣ были приняты на общія средства губерніи. Такъ, напримѣръ, если бы въ какой-либо губерніи все содержаніе судебно-мирового института и присутствій по крестьянскимъ дѣламъ было принято на губернскій сборъ, то однимъ уѣздамъ губерніи пришлось бы платить на эти учрежденія болѣе, а другимъ менѣе того, что они расходовали на тѣ же учрежденія при содержаніи послѣднихъ на уѣздный земскій сборъ. Это объясняется тѣмъ, что въ каждомъ отдѣльномъ уѣздѣ размѣръ ассигнованія на удовлетвореніе всякой уѣздной потребности болѣе или менѣе зависитъ отъ усмотрѣнія земскаго собранія этого уѣзда. А всякая губернская потребность удовлетворяется въ размѣрѣ ассигнованія на нее, сдѣланнаго губернскимъ земскимъ собраніемъ, но при этомъ всякая сумма ассигнованія распредѣляется между уѣздами не случайно и не по исчисленію того, сколько приведется дѣйствительно затратить изъ той суммы на каждый изъ уѣздовъ, а въ точной пропорціональности съ исчисленной для раскладки гу-

бернскаго сбора доходностію имуществъ уѣздовъ. Обязательные земскіе расходы на содержаніе мѣстныхъ правительственныхъ учрежденій обыкновенно нормированы извѣстными штатами. Но эта нормировка ихъ обыкновенно оставляетъ многое на усмотрѣніе земскихъ собраній. Такъ было и съ обязательными земскими расходами на содержаніе судебно-мирового института и присутствій по крестьянскимъ дѣламъ. Уѣздныя земскія собранія признавали необходимымъ большее или меньшее число судебно-мировыхъ участковъ для своего уѣзда, различно опредѣляли расходъ на канцелярію и хозяйственныя надобности съѣздовъ мировыхъ судей и присутствій по крестьянскимъ дѣламъ, различно опредѣляли содержаніе мирового судьи, судебныхъ приставовъ и проч. Въ зависимости отъ постановленій мѣстныхъ земскихъ собраній, въ одной и той же губерніи, въ разныхъ уѣздахъ, иногда почти равныхъ по цыфрѣ населенія, расходъ на судебно-мировыя и по крестьянскимъ дѣламъ учрежденія представлялъ очень крупныя разницы въ абсолютныхъ его суммахъ и ложился далеко не одинаковымъ процентомъ на доходность имуществъ уѣздовъ. Уже тогда, когда означенный расходъ уѣздныхъ земствъ обращенъ былъ въ постоянное пособіе отъ нихъ государственному казначейству на содержаніе института земскихъ начальниковъ, земства, оплачивавшія судебно-мировой институтъ сравнительно дорого, оказались, такъ сказать, въ проигрышѣ. Штаты новыхъ судебно-административныхъ учрежденій совсѣмъ не зависѣли отъ земства и оплачивались казнѣ земскимъ пособіемъ по отдѣльнымъ уѣздамъ неодинаково, не въ зависимости отъ различія платежныхъ средствъ уѣздовъ, а только потому, что земскія ассигнованія на преобразованныя учрежденія были неодинаковы. Но эта неуравнительность общей повинности пособія государственному казначейству не вызывала жалобъ уѣздныхъ земствъ, такъ какъ отъ казны расходовалось на институтъ земскихъ начальниковъ почти въ каждомъ уѣздѣ не менѣе суммы земскаго пособія. Для строя же земскаго дѣла нѣкоторая неуравнительность выплачиваемыхъ уѣздными земствами пособій государственному казначейству значенія не имѣла, такъ какъ суммы пособій изъяты были изъ хозяйственныхъ распоряженій земства. Совсѣмъ иначе дѣло представляется теперь, когда все тѣ же суммы прежнихъ ассигнованій уѣздныхъ земствъ на институтъ мировыхъ судей и на присутствія по крестьянскимъ дѣламъ вновь отданы на земское хозяйство, но не уѣзднымъ земствамъ по принадлежности, а губернскому земству.

Подлежащіе внесенію ежегодно въ смѣты губернскаго земства платежи въ дорожный капиталъ губернскаго же земства, а не уѣздныхъ, по существу ничѣмъ не отличаются отъ всякой другой денежной губернской земской повинности, отбываемой общими средствами губерніи. А во всякой губернской повинности каждый уѣздъ губерніи долженъ участвовать пропорціонально платежнымъ своимъ средствамъ. Платежи на составленіе губернскаго дорожнаго капитала, какъ они производятся въ настоящее время, не соотвѣтствуютъ сказанному основанію распредѣленія между уѣздами губерніи губернскихъ повинностей, не пропорціональны доходности имуществъ отдѣльныхъ уѣздовъ. Будучи введены въ смѣты губернскаго земскаго сбора, эти платежи не слились съ общими раскладками этого сбора, только присоединяются къ такимъ раскладкамъ въ видѣ особыхъ поуѣздныхъ неизмѣнныхъ окладовъ губернскаго сбора, которые потомъ суммируются съ окладами его, исчисленными пропорціонально доходности предметовъ обложенія. Конечно, не въ этомъ усложненіи счета заключается неудобство опредѣленія поуѣздныхъ взносовъ въ дорожный капиталъ не на общемъ основаніи раскладки губернскаго сбора. Съ принципіальной точки зрѣнія нельзя оправдать такого нарушенія общаго строя земскаго дѣла, что одна изъ крупнѣйшихъ губернскихъ повинностей распредѣляется между уѣздами не на одинаковыхъ съ другими повинностями и общеустановленныхъ закономъ основаніяхъ. Это нарушеніе общаго порядка участія уѣздныхъ земствъ въ выполненіи губернской повинности уже успѣло выразиться такими постановленіями губернскихъ земскихъ собраній относительно расходованія дорожнаго капитала, которыя показываютъ, что капиталъ этотъ не признается единымъ и нераздѣльнымъ капиталомъ губернскаго земства. Губернскія земскія собранія постановляютъ вести въ губернской управѣ счетъ дорожнаго капитала отдѣльно по каждому уѣзду и расходовать этотъ капиталъ на потребности отдѣльныхъ уѣздовъ въ предѣлахъ участія каждаго уѣзда въ образованіи капитала. Такимъ образомъ, каждому уѣздному земству предоставляется право собственности на ту долю губернскаго дорожнаго капитала, которая составится изъ взносовъ этого уѣзда. Это значитъ, что губернскій капиталъ раздробляется на уѣздные капиталы, а при этомъ условіи нельзя обосновать изъ Положенія о земскихъ учрежденіяхъ права губернскаго земства распоряжаться дорожнымъ капиталомъ, потому что губернскія земскія учрежденія не завѣдуютъ суммами уѣздныхъ сборовъ и уѣздными земскими

капиталами, не разрѣшаютъ изъ нихъ кредитовъ, не контролируютъ ихъ расходованія. А всякія суммы губернскаго земскаго сбора и губернскихъ земскихъ капиталовъ губернскія земскія собранія ассигнуютъ безразлично на всякій уѣздъ губерніи по мѣрѣ дѣйствительной потребности, удовлетворяемой тѣмъ сборомъ или спеціальнымъ капиталомъ, не справляясь съ тѣмъ, больше или меньше ассигнуемыхъ суммъ платитъ данный уѣздъ на губернскія потребности. Отъ такого же права употребленія безразлично на всѣ уѣзды губерніи суммъ дорожнаго капитала губернскія земскія собранія заранѣе отказываются, и причина такого отказа отъ своего права, безъ сомнѣнія, заключается въ томъ, что взносы уѣздныхъ земствъ въ дорожный капиталъ установлены не на общемъ основаніи участія уѣздовъ въ удовлетвореніи общегубернскихъ потребностей. Разница въ платежахъ уѣздовъ на дорожный капиталъ въ размѣрѣ отмѣненныхъ пособій государственному казначейству или на общемъ основаніи раскладки губернскаго сбора опредѣляется болѣе или менѣе крупными суммами. По сдѣланному у насъ расчету для 12-ти уѣздовъ одной губерніи оказалось, что только двумъ уѣздамъ не составитъ ощутительной разницы платить на дорожный капиталъ по тому или по другому изъ указанныхъ основаній. Пять уѣздовъ при разверсткѣ этихъ платежей на общемъ основаніи раскладки губернскаго сбора должны были бы вносить на составленіе дорожнаго капитала ежегодно на 25 тысячъ рублей больше слѣдовавшихъ съ нихъ пособій государственному казначейству. А пять другихъ уѣздовъ по тому же общему основанію платили бы на 25 тысячъ руб. меньше. Первые пять уѣздовъ черноземные, а другіе пять нечерноземные, и поэтому оцѣнка земель для раскладки губернскаго сбора въ первыхъ уѣздахъ много выше, чѣмъ во вторыхъ. При этомъ оказалось еще, что одинъ большой и черноземный уѣздъ платилъ пособія государственному казначейству и платитъ теперь на дорожный капиталъ 20,000 руб., а по относительной доходности его имуществъ въ ряду уѣздовъ губерніи съ него причиталось бы въ дорожный капиталъ 30,000 руб. Другой нечерноземный уѣздъ, бѣднѣйшій по доходности земель, платилъ пособія казнѣ и платитъ въ дорожный капиталъ около 15,700 руб., а по относительнымъ платежнымъ средствамъ съ этого уѣзда слѣдовало бы въ означенный капиталъ лишь около 5,300 руб. Все дѣло въ томъ, что земство богатаго уѣзда до 1890 года ограничивалось расходами на содержаніе судебно-мировыхъ и по крестьянскимъ дѣламъ

учрежденій въ среднемъ размѣрѣ 60 р. на каждую тысячу населенія уѣзда, а земство бѣднаго уѣзда расходовало на тѣ же учрежденія по 106 р. на тысячу населенія. Такіе неравномѣрные расходы двухъ уѣздовъ на одну и ту же потребность съ 1890 года сдѣлались нормами пособій отъ этихъ уѣздовъ казнѣ на содержаніе института земскихъ начальниковъ, а съ 1895 г. нормами взносовъ отъ тѣхъ же уѣздовъ на составленіе губернскаго дорожнаго капитала.

Вотъ при указанномъ-то крупномъ несоотвѣтствіи взносовъ уѣздныхъ земствъ въ дорожный капиталъ съ общимъ основаніемъ участія ихъ въ выполненіи губернскихъ повинностей губернскія земскія собранія, разумѣется, и затрудняются признать и расходовать дорожный капиталъ, какъ нераздѣльную собственность губернскаго земства. Нельзя безъ совершенно основательныхъ протестовъ со стороны уѣздныхъ земствъ, взносы которыхъ въ дорожный капиталъ превышаютъ общеустановленную долю участія ихъ въ расходахъ губернскаго земства, брать, въ случаѣ надобности, ту или другую часть тѣхъ взносовъ на нужды другихъ уѣздовъ. А считать и расходовать дорожный капиталъ какъ хранимые только въ кассѣ губернскаго земства уѣздные капиталы—не будетъ согласно съ общимъ смысломъ закона 1 іюня 1895 года и въ особенности съ преподанными земству отъ министерствъ правилами расходованія дорожныхъ капиталовъ. Кромѣ того, не установленное закономъ и правилами раздробленіе дорожнаго капитала на отдѣльные капиталы уѣздовъ поведетъ ко многимъ практическимъ затрудненіямъ въ предстоящей усиленной дѣятельности губернскихъ земствъ по устройству нужной сѣти дорогъ въ каждой губерніи.

При условіи закрѣпленія взносовъ на составленіе дорожнаго капитала за каждымъ уѣзднымъ земствомъ по принадлежности въ полномъ неограниченномъ распоряженіи губернскаго земства можетъ еще оставаться тотъ взносъ въ дорожный капиталъ, который долженъ дѣлаться взамѣнъ прежнихъ ассигнованій по губернскимъ смѣтамъ на губернское присутствіе и на статистическій комитетъ. Но эта особая доля губернскаго земства въ дорожномъ капиталѣ, какъ было показано выше, очень незначительна, ея можетъ недоставать даже только на губернское земское управленіе дорожною частію. Между тѣмъ и въ строительныхъ въ тѣсномъ смыслѣ расходахъ изъ дорожнаго капитала всегда должны встрѣчаться такіе, которые затруднительно поставить на счетъ какого-нибудь одного уѣзднаго земства. Нерѣдко бываетъ, что въ поддержкѣ какого-либо транзитнаго

тракта или подъѣзднаго пути къ станціи ж. д. наиболѣе заинтересованы не тѣ уѣзды, по которымъ эти дороги пролегаютъ. По Положенію о земскихъ учрежденіяхъ губернскія земскія собранія дѣлятъ пути сообщенія въ губерніи на губернскіе и уѣздные, и первые должны содержаться на общія средства губерніи, по пропорціональной съ доходностію имуществъ отдѣльныхъ уѣздовъ раскладкѣ потребныхъ на эти губернскіе тракты расходовъ. При неотъемлемости долей уѣздныхъ земствъ въ дорожномъ капиталѣ всегда будетъ возникать затрудненіе при ассигнованіи изъ этого капитала средствъ на улучшеніе старыхъ губернскихъ трактовъ и на проведеніе въ какомъ-либо уѣздѣ новаго пути, въ которомъ наиболѣе нуждается не этотъ уѣздъ, а сосѣдній. На такіе случаи и вообще на недѣлимые поуѣздно расходы изъ дорожнаго капитала нѣкоторыя губернскія собранія назначаютъ уже тотъ или другой процентъ отчисленія изъ взносовъ уѣздныхъ земствъ въ названный капиталъ, чтобы выдѣлить изъ него особый фондъ, который уже будетъ находиться въ безусловномъ распоряженіи губернскаго земства. Но означенныя отчисленія будутъ столько же непропорціональны платежнымъ средствамъ уѣздовъ, какъ и полные годовые взносы послѣднихъ въ дорожный капиталъ. Если же на покрытіе въ строгомъ смыслѣ губернскихъ расходовъ изъ дорожнаго капитала дѣлать извѣстныя отчисленія изъ взносовъ уѣздныхъ земствъ не пропорціонально этимъ взносамъ, а на общемъ основаніи раскладки губернскаго сбора, то это будетъ только вынужденною поправкою непропорціональности означенныхъ взносовъ съ доходностію имуществъ уѣздовъ. А вообще какъ раздѣленіе дорожнаго капитала на отдѣльные уѣздные капиталы, такъ и выдѣленіе изъ него еще особой доли губернскаго земства закономъ и правилами о дорожныхъ капиталахъ не установлено.

Какъ извѣстно однимъ изъ пунктовъ закона 1 іюня 1895 г. (п. 7) предоставлено министру внутреннихъ дѣлъ, по соглашенію съ министромъ финансовъ, разрѣшать, по ходатайствамъ губернскихъ земскихъ собраній, обращеніе суммъ дорожнаго капитала и на иныя, кромѣ устройства дорогъ, потребности земскаго хозяйства, а также зачетъ этихъ суммъ на уменьшеніе земскихъ сборовъ. Если дорожные капиталы будутъ раздѣлены на части, принадлежащія уѣзднымъ земствамъ, то и возможность обращенія суммъ этихъ капиталовъ на другія, кромѣ дорожнаго дѣла, потребности будетъ выясняться по отдѣльнымъ уѣздамъ не одновременно, и губернскимъ земскимъ собраніямъ

приведется испрашивать разрѣшенія на такое употребленіе суммъ дорожнаго капитала особо по каждому уѣзду, въ разное время, при различныхъ обстоятельствахъ отдѣльныхъ уѣздныхъ земствъ и на различныя ихъ нужды. Неизвѣстно еще, будутъ ли признаваться постановленія губернскихъ собраній о закрѣпленіи извѣстныхъ частей дорожнаго капитала за отдѣльными уѣздами имѣющими законную силу подлежащими министерствами. Соотвѣтственно взгляду министерствъ на данный предметъ послѣдуютъ и отвѣты на ходатайства губернскихъ земскихъ собраній относительно того или другого употребленія суммъ дорожнаго капитала по отдѣльнымъ уѣздамъ. Самая возможность употребленія этихъ суммъ не по спеціальному ихъ назначенію будетъ отвергаема, коль-скоро ходатайства по этому предмету будутъ подкрѣпляемы данными о свободномъ излишкѣ тѣхъ суммъ не вообще по губерніи, а лишь по тому или другому уѣзду.

Изъ всѣхъ указанныхъ затрудненій не представляется другого выхода, какъ *примѣненіе къ дорожному капиталу общаго основанія раскладки губернскаго земскаго сбора.* Каждый уѣздъ губерніи долженъ участвовать въ составленіи этого капитала тою долею, какая съ него причитается по доходности его имуществъ, облагаемыхъ земскими сборами, а не тою, въ данномъ случаѣ уже случайною суммою, какую уѣздъ расходовалъ до 1890 года на содержаніе судебно-мировыхъ учрежденій и присутствія по крестьянскимъ дѣламъ. Препятствіе къ уравнительной, пропорціональной съ доходностію имуществъ, раскладкѣ установленнаго ассигнованія по губернскимъ земскимъ смѣтамъ на дорожный капиталъ заключается не въ законѣ 1 іюня 1895 г., а только въ 3 пунктѣ утвержденныхъ 6 ноября того же года правилъ о дорожныхъ капиталахъ. Редакція означеннаго пункта такова, что допускаетъ еще нѣкоторыя сомнѣнія въ правильности принятаго его истолкованія. Но, во всякомъ случаѣ, этотъ пунктъ правилъ, если въ немъ разумѣется все ежегодное ассигнованіе по губернской земской смѣтѣ на дорожный капиталъ, допускаетъ двоякую раскладку такого ассигнованія — общеустановленную для губернскаго земскаго сбора или по нормамъ лежавшаго на земствахъ пособія государственному казначейству. А если упомянутый пунктъ правилъ относится только къ суммѣ пособія казнѣ, лежавшаго на губернскомъ земствѣ, то имъ уже вовсе не допускается пропорціональная доходности имуществъ раскладка наибольшей части объединеннаго въ смѣтѣ губернскаго земства ассигнованія на составленіе

дорожнаго капитала. Между тѣмъ самымъ закономъ 1-го іюня 1895 года вовсе не устраняется такая, по нашему мнѣнію, единственно правильная раскладка на уѣзды каждой данной губерніи общаго по губернской смѣтѣ ассигнованія на дорожный капиталъ. Редакція 1 пункта означеннаго закона такова, что „земскія учрежденія 34-хъ губерній Европейской Россіи освобождаются отъ уплаты казнѣ пособій“. Очевидно, законъ имѣетъ въ виду общія суммы этихъ пособій по губерніямъ, а не поуѣздныя доли этихъ пособій, потому и нѣтъ основанія оставлять неизмѣнными размѣры этихъ долей, установленные по соображеніямъ совершенно постороннимъ назначенію дорожнаго капитала. Далѣе, если законъ 1 іюня обратилъ суммы бывшихъ земскихъ пособій казнѣ въ распоряженіе губернскаго земства и тѣ изъ этихъ суммъ, которыя исчислялись по смѣтамъ уѣздныхъ земствъ, перенесъ въ смѣту губернскаго земскаго сбора, то по Положенію о земскихъ учрежденіяхъ отсюда прямымъ послѣдствіемъ является и раскладка всего ассигнованія на дорожный капиталъ между уѣздами на общемъ основаніи распредѣленія между ними всякой суммы губернскаго сбора.

Кромѣ того существеннаго вопроса, на которомъ мы подробно остановились въ настоящей замѣткѣ, не находя вѣрнаго и совершенно яснаго рѣшенія его въ правилахъ къ закону 1 іюня, утвержденныхъ министромъ финансовъ, правила эти вызываютъ и нѣкоторые другіе вопросы. Въ самомъ законѣ (ст. 5 отд. I) предоставлено на усмотрѣніе губернскихъ земскихъ собраній или обращать суммы дорожнаго капитала на дорожныя сооруженія, исполняемыя распоряженіемъ губернскаго земства, или назначать изъ нихъ пособія уѣзднымъ земствамъ, или же передавать ихъ въ распоряженіе послѣднихъ. Относящіеся къ этой статьѣ закона пункты 7, 8 и 9 правилъ министра финансовъ не разъясняютъ, къ какимъ случаямъ ассигнованія суммъ дорожнаго капитала отъ губернскаго земства уѣзднымъ примѣнима форма отпуска этихъ суммъ въ пособіе уѣзднымъ земствамъ и къ какимъ случаямъ — форма передачи ихъ въ подъотчетное распоряженіе уѣздныхъ земствъ. Правда, изъ 9-го пункта правилъ ясно, что передача суммъ должна быть примѣняема къ расходованію дорожнаго капитала по спеціальному его назначенію. Если работы по устройству дорогъ не будутъ производиться непосредственными распоряженіями губернскаго земства, то нужныя на эти работы суммы передаются уѣзднымъ земствамъ, подъ условіемъ предварительнаго соста-

вленія ими необходимыхъ плановъ и техническихъ исчисленій. Но пункты 7 и 8 правилъ, относящіеся собственно къ случаямъ ассигнованія уѣзднымъ земствамъ пособій изъ дорожнаго капитала, не опредѣляютъ точно предметовъ назначенія такихъ пособій. Тутъ сказано только, что „надлежитъ съ точностію опредѣлять тѣ расходы, производимые уѣзднымъ земствомъ, которые губернское собраніе разрѣшаетъ отнести на счетъ суммъ дорожнаго капитала". О планахъ и техническихъ смѣтахъ здѣсь уже не упомянуто. Намъ кажется, что форма пособій изъ дорожнаго капитала наиболѣе примѣнима къ случаямъ, когда (по ст. 7 закона 1 іюня) суммы дорожнаго капитала губернскія земскія собранія, съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ, будутъ обращать на иныя, кромѣ дорожнаго дѣла, земскія потребности. Объ этихъ случаяхъ только упомянуто въ послѣднемъ 11-мъ пунктѣ правилъ министра финансовъ, гдѣ собственно повторено указаніе статьи 7 закона 1 іюня. Но этою статьею закона допускается обращеніе или, иначе сказать, употребленіе суммъ дорожнаго капитала на иныя, кромѣ устройства дорогъ, потребности земскаго хозяйства, а также зачетъ этихъ суммъ на уменьшеніе земскихъ сборовъ. А въ означенномъ 11-мъ пунктѣ правилъ выраженіе „обращеніе суммъ" замѣнено словами „временныя позаимствованія изъ дорожнаго капитала". Позаимствованія предполагаютъ возвратъ, но едва ли подлежитъ сомнѣнію, что закономъ дозволено безвозвратное употребленіе свободныхъ суммъ дорожнаго капитала „на удовлетвореніе другихъ надобностей земскихъ учрежденій" (какъ сказано въ томъ же 11-мъ пунктѣ правилъ). Разрѣшеніе краткосрочныхъ позаимствованій изъ капиталовъ земства, имѣющихъ опредѣленное назначеніе, Положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ предоставлено земскимъ собраніямъ (пунктъ 10 ст. 62 Положенія).

Есть основаніе думать, что утвержденныя министромъ финансовъ 6 ноября 1895 года правила о дорожныхъ капиталахъ еще неокончательныя и подлежатъ переработкѣ. Отдѣльный пунктъ (отд. II) Высочайше утвержденнаго 1 іюня 1895 года мнѣнія Государственнаго Совѣта гласитъ такъ: „Предоставить министру финансовъ, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, разработать и внести, въ чемъ будетъ слѣдовать, на утвержденіе въ установленномъ порядкѣ правила о порядкѣ составленія, храненія и расходованія спеціальнаго капитала, назначеннаго на содержаніе дорогъ въ губерніяхъ". А статья 8 отд. I того же мнѣнія Государственнаго Совѣта гласитъ

такъ: „Ближайшія указанія о порядкѣ исполненія земскими учрежденіями правила, установленнаго въ ст. 3 сего заключенія. опредѣляются по соглашенію министровъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ и государственнаго контролера". Упомянутая въ этой статьѣ статья 3-я закона опредѣляетъ назначеніе дорожныхъ капиталовъ и то, что они предоставляются въ распоряженіе губернскаго земства. Правила, утвержденныя министромъ финансовъ 6 ноября 1895 года, распубликованы въ „Собраніи узаконеній и распоряженій правительства", при чемъ объявлено, что министръ финансовъ представилъ ихъ 8 ноября 1895 года въ правительствующій Сенатъ для распубликованія, *на основаніи 8 ст. отд. I* закона 1 іюня 1895 года. Такимъ образомъ. слѣдуетъ думать, что правила 6 ноября только предварительныя указанія земствамъ относительно выполненія ст. 3-й закона 1 іюня, и что хотя они по обозначенію ихъ (по заглавію) тождественны съ правилами, изданіе которыхъ предусмотрѣно въ отд. II закона 1 іюня, но въ порядкѣ утвержденія еще не тѣ правила, о которыхъ указано въ этомъ пунктѣ закона.

Н. Романовъ,
Дѣйствительный членъ
Московскаго Юридическаго
Общества.

ДРЕВНЕРУССКІЕ КОСВЕННЫЕ НАЛОГИ [1]).

I.

Косвенные налоги — это налоги на потребленіе. Изъ нихъ въ древней Россіи первое мѣсто по важности занимаютъ внутреннія таможенныя пошлины, второе — налоги на *предметы* потребленія въ тѣсномъ смыслѣ. Первыя отличаются отъ внѣшнихъ таможенныхъ пошлинъ и акцизовъ тѣмъ, что падаютъ на разнообразныя дѣйствія, приближающія товары къ потребленію послѣ ихъ изготовленія отличаются также чрезвычайнымъ разнообразіемъ обложенныхъ дѣйствій. Онѣ оказываютъ по самой своей природѣ неблагопріятное вліяніе на народное хозяйство и кромѣ того и въ финансовомъ отношеніи не представляютъ значительныхъ выгодъ. Несмотря на то внутреннія таможенныя пошлины вездѣ появляются раньше акцизовъ, такъ какъ ясное понятіе *о свойствахъ предметовъ потребленія* появляется сравнительно поздно и кромѣ того при системѣ внутреннихъ таможенныхъ пошлинъ даетъ возможность незамѣтно доводить обложеніе до огромныхъ размѣровъ.

Первоначальное число таможенныхъ пошлинъ въ Россіи

---

1) *Литература предмета:*

1. *Гагемейстеръ*. Разысканія о финансахъ древней Россіи. 1830 г.

2. *Гр. Толстой*. Исторія финансовыхъ учрежденій Россіи. 1848 г.

3. *Осокинъ*. Нѣсколько спорныхъ вопросовъ по исторіи русскаго финансоваго права. 1855 г.

Затѣмъ 40 лѣтъ уже ничего болѣе не появлялось по интересующимъ насъ вопросамъ (если не считать общихъ курсовъ профессоровъ *Лебедева*, *Сергѣевича* и *Владимірскаго-Буданова*). Новѣйшіе же труды по исторіи русскихъ финансовъ (напр. профессоровъ *Милюкова* и *Лаппо-Данилевскаго*) касаются только *прямыхъ* налоговъ. Поэтому наши замѣтки, думаемъ, будутъ далеко не лишними.

очень невелико. Мытъ, вѣсчее, торговое, передмѣръ (Д. А. И. I, стр. 5 [2])—вотъ и все. Да и о нихъ первыя свѣдѣнія имѣемъ лишь отъ конца X в. По мнѣнію г. Осокина и гр. Толстого впервые вводитъ сборы съ продававшихся товаровъ духовенство, завѣдывавшее мѣрами и вѣсами и получавшее часть пошлинъ съ продававшихся товаровъ. Поводомъ къ этимъ привилегіямъ, по мнѣнію гр. Толстого, послужили ярмарки въ праздничные дни. Затѣмъ гр. Толстой рисуетъ такую картину перехода сбора этихъ пошлинъ къ свѣтской власти,—картину, къ сожалѣнію, имѣющую лишь гипотетическій характеръ: сначала пошлины взимаются для духовенства и духовными лицами. Потомъ для облегченія духовенства (sic!) правительство стало назначать особыхъ чиновниковъ, получавшихъ извѣстный процентъ съ пошлинъ, взимаемыхъ ими для духовенства. Наконецъ правительство стало взимать пошлины для себя. Въ дѣйствительности же уже по церковному уставу кн. Владиміра духовенству идетъ лишь % торговыхъ пошлинъ. Со второй половины XIII в. и особенно съ XIV в. таможенные сборы дѣлались гораздо значительнѣе и разнообразнѣе, а съ конца XV в. появляются таможенныя граматы, точно опредѣляющія таможенныя пошлины, ихъ величину и предметы обложенія. Такимъ образомъ, съ конца XV в., если не раньше, утвердилась уже въ Россіи на законномъ основаніи самая разнообразная, сложная и запутанная таможенная система. Сначала таможенныя пошлины взимаются лишь въ торговыхъ центрахъ (Новгородѣ, Кіевѣ и Смоленскѣ) и отсюда медленно и постепенно переходятъ въ другіе города. Монгольское иго имѣло послѣдствіемъ быстрое и насильственное распространеніе таможенныхъ пошлинъ въ Россіи. Монголы вводятъ у насъ даже свою тамгу.

Самая характерная черта древнерусскихъ таможенныхъ сборовъ—это полнѣйшее подчиненіе ихъ силѣ обычая. На обычаѣ основываются и таможенныя граматы при опредѣленіи характера таможенныхъ пошлинъ (А. А. Э. III, 241). Послѣднія остаются въ силѣ въ теченіе вѣковъ. Измѣненія незначительны и зависятъ больше отъ мѣста и времени. Общимъ же правиломъ было „ходить по пошлинѣ", т. е. по обычаю (А. А. Э. I, стр. 1, 3, 5, 6). Вводятся и новыя пошлины, но одновременно существуютъ и старыя. О согласованіи ихъ не заботятся. До-

---

[2]) Цитаты мы дѣлаемъ вездѣ на номера актовъ и этого въ текстѣ уже не оговариваемъ. Если же ссылка нами сдѣлана не на № акта, а на его страницу, то это вездѣ въ текстѣ оговорено нами особо.

говоры междукняжескіе стремятся не допускать никакихъ новшествъ въ этой области (А. А. Э. I, стр. 10; см. также многія мѣста Гос. Гр. и Дог.). Взаимные договоры князей московской линіи не говорятъ вовсе о таможенныхъ пошлинахъ, но это доказываетъ лишь, что обычай имѣетъ болѣе силы и вліянія въ одномъ великомъ княженіи, чѣмъ въ другихъ. Вопреки г. Гагемейстеру и московскіе князья иногда увеличиваютъ количество таможенныхъ пошлинъ противъ старыхъ обыкновеній (С. Г. Г. I, стр. 272). Въ новгородской же землѣ князья не только не могли устанавливать новыхъ таможенныхъ сборовъ, но даже не могли налагать ихъ на новгородцевъ, торговавшихъ и въ другихъ мѣстахъ (С. Г. Г. I, 714). Договорами междукняжескими опредѣляется и однообразная величина пошлинъ по всей Россіи, хотя, по г. Осокину, со своихъ князья берутъ меньше, чѣмъ съ торговцевъ другихъ княженій. Неизмѣняемость таможенныхъ обычныхъ пошлинъ русскіе князья стараются поддержать и въ Литвѣ и въ Польшѣ (А. З. Р. I, стр. 47, 100).

Такимъ образомъ, даже въ XVI и XVII вв. (А. А. Э. III, стр. 360) изъ привязанности къ старому поддерживается самая нестройная и несовершенная система налоговъ на потребленіе, имѣвшая, по гр. Толстому, лишь ту выгоду, что пошлины при ней взимались соразмѣрно количеству и качеству товаровъ. Можно привести еще факты, доказывающіе безусловное преобладаніе въ этой области обычая надъ закономъ. Именно при спорахъ разныхъ лицъ или сословій о правѣ собирать таможенныя пошлины или объ обязанности платить ихъ выигрываетъ дѣло не тотъ, за кого законъ, а тотъ, за кого обычай (А. А. Э. I, стр. 55, III, 248, 260). Граматы въ силу той же причины представляютъ собой не общіе законы, а мѣстные. Поэтому даже въ XVII в., когда бо́льшая часть Россіи страдала подъ тяжестью значительныхъ и разнообразныхъ таможенныхъ пошлинъ, нѣкоторыя ея области отъ нихъ вовсе свободны (А. А. Э. III, стр. 155). Величина податей, количество, способъ взиманія, самое имя различны въ разныхъ мѣстахъ государства. Съ одной стороны множество, разнообразіе, неравномѣрность, неопредѣленность таможенныхъ пошлинъ крайне угнетали народъ, съ другой же и доходы казны были невелики благодаря неустройству таможенныхъ учрежденій (А. А. Э. IV, 64). Наиболѣе вредило имъ множество частныхъ освобожденій отъ платежа этихъ пошлинъ, особенно чернаго духовенства (А. А. Э. I, стр. 3, А. И. I, стр. 358). Потери казны при этомъ уве-

личивались еще оттого, что монастырскіе люди проводили съ собой безпошлинно торговыхъ (А. А. Э. I, стр. 96). Поэтому правительство скоро стало лишь условно и временно освобождать монастыри отъ пошлинъ (А. А. Э. I, стр. 13, 30, 38, и т. д.).

Освобождались отъ нѣкоторыхъ пошлинъ и служилые люди, иностранцы и ихъ непродажные запасы. Иногда же и цѣлые города (Д. А. И. I, стр. 249; А. И. IV, стр. 227) бывали „отарханены". Кромѣ того таможенные сборы (особенно проѣзжіе) отдавались иногда и частнымъ лицамъ въ доходъ (А. А. Э. I, 356), но чаще монастырямъ „за милостные денги" (А. И. III, 94; А. А. Э. I, 352, 363). Признаваемое пр. Лебедевымъ и гр. Толстымъ право мѣстныхъ владѣльцевъ на таможенные доходы (А А. Э. I, 190) относится, по нашему мнѣнію, къ случаямъ такихъ же пожалованій, а не образовалось само по себѣ, какъ это увидимъ ниже.

Такимъ образомъ, таможенные доходы казны были незначительны Г. Аристовъ правда держится противоположнаго мнѣнія, но оно имъ недостаточно обосновано. Духовныя говорятъ и о самыхъ мелкихъ предметахъ домашняго хозяйства. Такимъ образомъ, по упоминанію въ духовныхъ о таможенныхъ сборахъ нельзя судить объ ихъ значительности.

Татарами введенъ откупной способъ взиманія торговыхъ пошлинъ, но затѣмъ онъ постепенно уступилъ мѣсто взиманію черезъ выборныхъ людей.

Теперь намъ остается сказать очень немногое, чтобы завершить очеркъ общей исторіи внутреннихъ таможенныхъ пошлинъ въ Россіи. Онѣ могли въ ней существовать въ своемъ хаотическомъ видѣ лишь при отсутствіи правильнаго понятія о природѣ народнаго богатства и финансовъ. Разъ это понятіе явилось, должна была послѣдовать ихъ реформа. И дѣйствительно, въ 1653 г. большинство мелкихъ сборовъ замѣнено общимъ по 10 денегъ съ рубля.

II.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ внутреннихъ таможенныхъ пошлинъ. Дѣлятся онѣ по своей природѣ на *торговыя* и *проѣзжія*, при чемъ послѣднія взимаются или съ вещей (мытъ съ татарскаго нашествія), или съ людей (головщина, задніе колачи, костки).

Остановимся прежде всего на мытѣ.

Мытъ (τελος, muta, mauth), по Аристову, сперва означало въ древней Россіи мѣсто, гдѣ останавливались возы и лодки, впослѣдствіи стало обозначать самую пошлину (Д. А. И. I, 204). Но какую—проѣзжую, или торговую? Для рѣшенія этого вопроса разсмотримъ источники. О мытѣ говорятъ уже договоры съ греками, но они указываютъ лишь на существованіе мыта въ Греціи, а никакъ не въ Россіи. Съ принятіемъ христіанства мыто вводится и у насъ по совѣту духовенства. По „Рус. Пр.“ мытникъ необходимое при рыночной торговлѣ лицо. Мыто берется при всякой продажѣ; кромѣ того, оно взимается по дорогамъ, гдѣ были заставы (А. А. Э. I, 14). По дог. 1229 г., мыто — прямо проѣзжая пошлина. На основаніи послѣдняго и позднѣйшихъ извѣстій г. Осокинъ склоняется къ мысли, что мытъ былъ проѣзжею пошлиною съ самаго начала; противорѣчіе между дог. 1229 г. и „Рус. Пр.“ онъ думаетъ разъяснить тѣмъ, что до монгольскаго ига понятіе мыта еще не установилось, и что мытомъ могли въ разныхъ мѣстахъ называть разныя пошлины. Мало того: по его мнѣнію, даже въ одно и то же время въ одномъ и томъ же мѣстѣ могли понимать подъ мытомъ различныя пошлины. Но, насколько мы могли понять изъ его дальнѣйшаго изложенія, а также изъ отвѣта г. Бѣляеву, и онъ признаетъ обширное и собирательное значеніе слова „мытъ“, а разъ мы примемъ, какъ это дѣлаетъ В. И. Сергѣевичъ, слово „мытъ“ въ этомъ обширномъ смыслѣ, то въ источникахъ никакого противорѣчія не оказывается. Одинъ оттѣняетъ торговое значеніе мыта, другой—проѣзжее, вотъ и все. Тѣмъ не менѣе, мы нисколько не думаемъ отрицать сбивчивости старинной финансовой терминологіи. Въ этомъ мы вполнѣ согласны съ г. Осокинымъ.

Итакъ, „мытъ“ первоначально родовое названіе всѣхъ торговыхъ и проѣзжихъ пошлинъ. Съ введеніемъ тамги торговое его значеніе переходитъ къ ней, и такимъ образомъ мыто дѣлается исключительно проѣзжею пошлиною, начинаетъ означать лишь сборъ, взимавшійся при провозѣ товаровъ (А. А. Э. I, 130, 333) черезъ внутреннія заставы (А. А. Э. I, 14, 57, 91, 128, 133, 140, 146, 167, 170). Гр. Толстой говоритъ, что мыто еще взималось съ проѣзжавшихъ людей (А. А. Э. I, 130, 133, 140, 141, 167, 170) и даже съ проходившихъ (ib., 338), также съ прогоняемаго скота (ib., 203). Мы просмотрѣли всѣ мѣста, на которыя онъ ссылается, и нашли, что они нисколько не подверждаютъ его мнѣнія. Въ нихъ говорится лишь о мытѣ съ товаровъ. Напротивъ, мы имѣемъ прямыя указанія на то, что пѣшеходы

и люди, ѣхавшіе безъ товара, всегда свободны отъ мыта (С. Г. Г. I, стр. 55, 67, 99 и т. д.). Впрочемъ, съ XIV в. мытъ иногда взимается и съ верховыхъ, но лишь съ ѣдущихъ съ товаромъ (А. А. Э. I, 14), а не просто съ верховыхъ, какъ это утверждаетъ г. Аристовъ [3]). Изрѣдка въ источникахъ мытъ смѣшивается и съ головщиною. Выраженіе „проѣзжая пошлина" позднѣйшаго происхожденія (А. И. I, стр. 358; А. А. Э. III, 458), но уже съ XVI в. мытъ нерѣдко называется просто проѣзжею пошлиною.

Сбираютъ мыто мытники, мытчики (А. А. Э. I, 130, 272, 314; А. И. I, 143), а въ татарскую эпоху заставщики и лодейщики. По способу перевозки товаровъ различается сухое мыто (А. А. Э. I, 242, 243) и водяное (А. И. III, 65). Послѣднее и собираютъ лодейщики. До XIII в. мытъ существуетъ лишь въ большихъ городахъ (Кіевѣ, Новгородѣ, А. А. Э. I, 295), съ XIII же в. появляется и въ селахъ и уѣздахъ (С. Г. Г. I, стр. 3; II, стр. 7). Мнѣніе г. Аристова, что мытъ всегда безразлично существовалъ въ селахъ и городахъ, не подтверждается источниками. Въ XIII в. сухое мыто повсюду называется мытомъ, но потомъ (особенно съ конца XV в.) проѣзжая пошлина съ товарныхъ возовъ нерѣдко называется просто пошлиною съ возовъ и саней, поддужнымъ, полозовымъ (С. Г. Г. III, стр. 306; А. А. Э. III, стр. 360; А. И. II, 5, 12; III, 58, 124). Названіе мыта впрочемъ на ряду съ этимъ попрежнему встрѣчается въ источникахъ. Обыкновенный размѣръ сухого мыта—1 деньга съ воза (А. А. Э. I, 14, 57, 91), также 2 векши (А. А. Э. I, 91), но не вездѣ. Въ XVI в. окладъ увеличенъ, но въ разныхъ мѣстахъ различно ($1\frac{1}{2}$, 2, 3 деньги съ воза). По г. Осокину мыто иногда взимается и съ рубля (А. А. Э. I, 338), но это объясняется смѣшеніемъ его съ другими пошлинами по шаткости терминологіи. При обратномъ проѣздѣ мытъ взимался только съ излишне проѣхавшихъ возовъ противъ первоначальнаго ихъ числа (А. А. Э. III, стр. 458). Водяное же мыто соразмѣрялось съ величиною судовъ (С. Г.Г. I, 32, 386; А. А. Э. I, стр. 10, 137, 296, 432, 490; III, 363), впрочемъ, не всегда (А. А. Э. III, стр. 58). Порожнія суда не платили пошлины (А. А. Э. III 363; А. И. III, стр. 366, 367). Въ XVI в. были свободны отъ пошлины мелкія суда даже съ товаромъ (Д. А. И. I, стр. 164). Сборъ съ судовъ одного размѣра до конца XV в. б. ч. одинаковъ, потомъ различенъ (А. А. Э. I, 296; Д. А. И. I, 410). Русскіе и иностранцы платили водяное мыто въ одинаковомъ размѣрѣ. Съ конца же XV в. по-

[3]) *Аристовъ*. Промышленность древней Руси. 1867 г.

падаются и различныя названія водяного мыта, смотря по различію повода ко взиманію его: посаженное (А. А. Э. I, 338, 356). носовое (А. А. Э. I, стр. 410), шестовое А. А. Э. III, 65, 79), побережное (А. А. Э. I, 17, 21, 56, 78, 97 и т. д.). Взимаютъпобережное побережники смотря по величинѣ и числу судовъ, деньгами или натурою (А. А. Э. I, стр. 137). Г. Аристовъ и гр. Толстой, правда, считаютъ побережное особой позднѣйшей пошлиной, но совершенно неосновательно. Впрочемъ, позднѣе побережнымъ иногда называется оброкъ за право ловить рыбу (А. И. II, стр. 85), но это уже особая статья.

За намѣренное уклоненіе отъ платежа мыта, происшедшее не по винѣ таможника, платится виновными промытъ по 6 алтынъ съ воза и, кромѣ того, заповѣдь по 6 же алтынъ съ человѣка; въ XVI в. размѣръ заповѣди увеличенъ до 2 р. Половина ея идетъ въ казну, половина таможникамъ. Съ XVI же в. промытомъ называется пеня и за уклоненіе отъ платежа другихъ таможенныхъ пошлинъ и даже вообще за нарушеніе уставовъ (А. А. Э. III, стр. 139, 156). Наконецъ, за отклоненіе отъ береговъ съ цѣлью неплатежа мыта позднѣе платится отводъ деньгами, смотря по величинѣ судна (А. И. III, 65).

Право устанавливать мыты принадлежитъ только правительству. Но оно иногда уступаетъ его жалованными граматами частнымъ лицамъ и духовенству (А. А. Э. I, 14; III, 170) съ тѣмъ, чтобы ими дороги и мосты содержались въ исправности. Потерпѣвшій отъ ихъ неисправности вознаграждался на счетъ владѣльцевъ мыта. При этомъ размѣръ мыта, какъ мы уже говорили, опредѣлялся особыми граматами (А. А. Э. I, стр. 137). Иногда сборъ мыта дается должностнымъ лицамъ въ качествѣ корма (ib.). Иногда мыто дѣлится между князьями, иногда (вопреки г. Гагемейстеру) дается отдѣльно отъ поземельнаго владѣнія (С. Г. Г. I, 25, 40). Самовольно учрежденныя мыта уничтожались или отбирались въ казну. За злоупотребленія и притѣсненія и законно учрежденныя мыта отбирались временно въ казенное управленіе (А. А. Э. I, стр. 454).

Свободны отъ мыта, вообще, запасы дворянъ, служилыхъ людей, государевыхъ гонцовъ и запасы иноземцевъ, привозимые не на продажу. Другія изъятія давались жалованными граматами. Не мѣшаетъ сравнить съ нашими проѣзжими пошлинами droits de peage средневѣковой Западной Европы. Злоупотребленія на частныхъ мытахъ были и у насъ, хотя и не столь сильныя, какъ тамъ. Они и привели къ тому, что въ 1596 г. всѣ мыты были взяты въ казенное управленіе. Но скоро опять

появились и откупные и частные мыты. Много злоупотребленій было, конечно, и при казенномъ управленіи. Все это и привело въ концѣ концовъ къ реформѣ 1654 г.

Такова исторія мыта въ смыслѣ проѣзжей пошлины. Оно, какъ мы уже говорили, бралось лишь съ вещей. Съ людей же при проѣздѣ ихъ въ древней Россіи бралась *головщина*, встрѣчающаяся въ источникахъ съ конца XV в. (А. И. III, стр. 75, 132). Взимается она съ людей, сопровождающихъ товаръ при провозѣ его въ города и на торжки, а также при проѣздѣ мимо ихъ (А. А. Э. I, стр. 432; III, 363). Иногда брали головщину и съ людей, находившихся на порожнемъ суднѣ (А. А. Э. III, стр. 363; А. И. III, стр. 366, 367). Размѣръ сбора не зависитъ отъ количества товаровъ и отъ величины судна (ib.), но онъ различенъ по мѣстностямъ и по тому, мѣстные ли жители проѣзжіе, иногородцы ли или чужеземцы. Съ мѣстныхъ жителей иногда вовсе не брали головщины (А. А. Э. I, стр. 432). Окладъ ея ½—6 денегъ съ человѣка. Головщина же, взимавшаяся на обратномъ пути черезъ тѣ же города въ уменьшенномъ размѣрѣ (напр. по ½ деньги съ человѣка), называлась задними колачами (А. А. Э. I, стр. 99, 112, 432). Взимаются, впрочемъ, они не вездѣ.

Наконецъ, въ видѣ дополненія къ мыту взимаются съ проводниковъ, идущихъ при товарѣ, *костки* (А. А. Э. I, 1, 13, 14, 18, 19 и т. д.) по 1 деньгѣ съ человѣка. Въ отличіе отъ головщины требуются онѣ на каждомъ мытѣ. Г. Каченовскій, правда, считаетъ „костки" гостиной пошлиной (отъ „гость"), г. Морошкинъ же береговой (отъ „costa"), но вѣрнѣе мнѣніе г. Снегирева, считающаго ихъ проѣзжею пошлиною (отъ „гостинецъ"). Его принимаетъ В. И. Сергѣевичъ. Принимаемъ его и мы.

III.

Перейдемъ теперь къ *торговымъ пошлинамъ*. Подлежатъ имъ всѣ лица въ государствѣ за небольшими изъятіями по жалованнымъ граматамъ (А. А. Э. IV, 290). Взимаются онѣ за разныя торговыя дѣйствія въ городахъ, сосредоточивающихъ въ себѣ всю древнюю торговлю. Селамъ же право торговли дается лишь съ половины XVI в., притомъ съ большими стѣсненіями и въ видѣ лишь изъятія изъ общаго правила по трудности и дороговизнѣ фискальнаго наблюденія за платежомъ торговыхъ пошлинъ въ селахъ, при чемъ еще наблюдалось, чтобы учрежденіе торговъ въ селахъ съ отдѣльными откупными или казен-

ными таможенными управленіями не наносило ущерба доходамъ, собираемымъ въ городахъ и на торжкахъ. Нѣкоторыя же села для сбора торговыхъ пошлинъ были приписываемы къ городамъ.—О древнѣйшей торговой пошлинѣ—мытѣ въ его первоначальномъ значеніи мы уже говорили. Съ нашествіемъ монголовъ появляется *тамга*; кромѣ того, существуетъ *осмничее* и *порядное*. Всѣ эти три пошлины падаютъ на самое право покупки и продажи товаровъ; *замытъ же*, *явка*, *гостиное*, *амбарное*, *полавочное*, *поворотное*, *дворовое*, *свальное* и *узолки* — на дѣйствія сопровождающія торговлю. Наконецъ, при продажѣ рабовъ взимается *головщина*, а при продажѣ скота—*пятно*, *писчее*, *роговое*, *привязное*.

Разсмотримъ всѣ эти пошлины въ отдѣльности изъ нихъ по доходности первое мѣсто занимаетъ сама тамга. Въ специальномъ смыслѣ ее берутъ со стоимости товара по особой оцѣнкѣ, дѣлавшейся по привозѣ товара прежде, чѣмъ онъ былъ сложенъ (это—чисто татарскій обычай). Введена она у насъ, какъ мы уже говорили, татарами. Сначала, по мнѣнію пр. Лебедева, она была налогомъ въ пользу орды, потомъ стала родовымъ названіемъ всѣхъ торговыхъ пошлинъ, сохранивъ и свое специальное значеніе. Первоначально она существуетъ лишь тамъ, гдѣ владычество татаръ было непосредственнымъ, въ Новгородѣ же и Псковѣ она вводится лишь по покореніи ихъ Москвою. Народу она такъ же ненавистна, какъ и число. Но по содержанію тамга скоро дѣлается чисто русскою пошлиною.

Какъ мы уже говорили, въ древности мытъ былъ и проѣзжею, и торговою пошлиною. Торговое значеніе его стало отдѣляться отъ проѣзжаго уже въ половинѣ XII в. Именно, въ это время мы уже находимъ въ Смоленскѣ „торговое“ (А. А. Э. I, стр. 3). Процессъ выдѣленія продолжался, конечно, и въ послѣдующее время. Татарское нашествіе лишь ускорило его и дало торговой пошлинѣ татарское имя и оболочку; татарское же содержаніе ея, м. б. и существовавшее первое время, вскорѣ исчезло и замѣнилось чисто русскимъ. Этимъ и объясняется то, что тамга удержалась у насъ, между тѣмъ какъ число исчезло. Но во всякомъ случаѣ понятіе этой пошлины утвердилось, отдѣлилось и уяснилось повсемѣстно не ранѣе нашествія монголовъ.—Объектомъ тамги въ специальномъ смыслѣ былъ всякій привозный и продажный товаръ. Непродажные же товары освобождались отъ платежа ея (А. А. Э. I, 369; IV, 55). Но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ количество оставляемыхъ себѣ припасовъ ограничивалось извѣстнымъ размѣромъ (С. Г. Г. II, 138). Слово

„тамга“ значитъ „пятно“, „клеймо“, но тамга берется не съ однихъ товаровъ, подлежавшихъ клейменію, какъ думаетъ г. Гагемейстеръ, а со всякихъ. И *такое* несоотвѣтствіе имени пошлины ея характеру служитъ новымъ подтвержденіемъ исконности ея на Руси.

Не подлежатъ тамгѣ въ виду ея тяжести лишь предметы первой необходимости для жителей, именно хлѣбъ всегда (А. А. Э. I, 263, 356; III, 117; V, 55) и иногда, кромѣ того, соль, рыба, дрова (А. А. Э. I, стр. 222, 409; III, 162). Также вовсе она не берется съ съѣстныхъ припасовъ на сумму, меньшую 2 алтынъ (А. А. Э. III, 241. А. И. III, 94). Подлежатъ тамгѣ съ конца XV в. и деньги, привозимыя чужими торговцами для покупки товаровъ, и въ этомъ случаѣ тамга называется „искуннымъ“ (отъ „куна“.—А. А. Э. I, 282; А. И. III, стр. 51, 126).

Такимъ образомъ, тамга—сборъ за право торговли привознымъ товаромъ. Мѣстные товары не подлежатъ ей (А. А. Э. I, стр. 99; II, 145) за нѣкоторыми исключеніями (А. А. Э. I, стр. 433; II, стр. 360). При перепродажѣ въ томъ же городѣ тамга тоже не берется, но и тутъ есть исключенія (Д. А. И. I, стр. 167). Взимается она съ XIV в. съ цѣны товара, почему иногда называется рублевой пошлиной. Вѣроятно, такъ было и раньше. Если же гдѣ-либо тамга берется по количеству и по качеству товаровъ (А. А. Э. I, стр. 295, 414, 453; II, 64), то мы тутъ имѣемъ дѣло съ тамгой въ обширномъ смыслѣ, или же съ смѣшеніемъ ея съ другими пошлинами. Такъ, напр., гдѣ тамга берется съ мѣстныхъ жителей попредметно (А. А. Э. I, 342, 362, 366; IV, 55), а съ деревенской мелочи по возамъ (А. А. Э. I, 134; II, 21; III, 117), при чемъ взимается иногда и произведеніями (А. А. Э. I, 356), тутъ имѣемъ мы дѣло съ тамгой въ обширномъ смыслѣ. Гдѣ она идетъ со стяга мяса или же съ коровы (А. А. Э. I, 282, 362, 363 и т. д.), тамъ мы имѣемъ дѣло съ поштучнымъ. Гдѣ тамга взимается при продажѣ и мѣнѣ лошадей (А. А. Э. I, 263, 338, 363 и т. д.), тамъ надо подразумѣвать пятенное. Также позднѣе тамгой называется и пошлина при продажѣ домовъ, взимавшаяся съ лица или рубля (А. А. Э. I, 365; II, 65), но бывшая раньше пошлиною „съ угла“ (А. И. III, стр. 48; А. А. Э. I, 278). Наконецъ, и узолки иногда называются тамгою (А. А. Э. II, 65), также померное (А. А. Э. II, стр. 64) и изрѣдка, по Осокину, съ нею смѣшивается мытъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ не можетъ быть и рѣчи о тамгѣ въ тѣсномъ смыслѣ, хотя гр. Толстой (а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и г. Осокинъ) думаетъ иначе.

Платитъ тамгу и продавецъ, и покупщикъ, если и онъ пріѣзжій. Уплата ея происходитъ иногда (а не исключительно, какъ это думаетъ г. Аристовъ, хотя по закону это и должно бы быть такъ) при продажѣ товаровъ, чаще же при самомъ привозѣ ихъ въ города и села. Торговые люди объявляютъ цѣну своихъ товаровъ при самой явкѣ; кромѣ того, ихъ оцѣниваютъ торговые головы и цѣловальники при участіи добрыхъ и лучшихъ людей (А. А. Э. I, 134, 230, 263 и т. д.). Такимъ образомъ, пошлина эта падала не на рыночную цѣну товаровъ, а на оцѣночную. Товары цѣнились, конечно, по возможности выше. Бывали и прямыя злоупотребленія.

При увозѣ оплаченныхъ тамгою, но не проданныхъ товаровъ въ другой городъ для продажи купецъ долженъ былъ брать въ таможнѣ выпись имъ, служившую, такъ сказать, зачетною квитанціею, по предъявленіи коей въ другомъ городѣ тамга уже не платилась.

Размѣръ первоначальной татарской тамги неизвѣстенъ. Междукняжескіе договоры XIV в. опредѣляютъ размѣръ „тамги и осмничего—отъ рубля алтынъ“ (А. А. Э. I, 14), но неизвѣстно, вмѣстѣ ли обѣихъ пошлинъ алтынъ, или же по алтыну той и другой. Вѣроятнѣе, впрочемъ, первое. По таможеннымъ граматамъ размѣръ тамги въ разныя времена и въ разныхъ мѣстахъ различенъ (А. А. Э. I, 134, 230, 263 и т. д.). Именно, съ мѣстныхъ жителей берется $1/2$—2 деньги, съ иногородныхъ 3—7 денегъ, при чемъ это различіе мѣстныхъ жителей и иногородныхъ начинается съ конца XV в. а м. б. и ранѣе. Обыкновенный же размѣръ тамги—съ мѣстныхъ жителей $1\frac{1}{2}$ деньги, съ прочихъ лицъ 4 (А. А. Э. I, 342, 356, 362 и т. д.). Иногда тамга идетъ въ раздѣлъ между князьями. О штрафѣ за неплатежъ тамги г. Осокинъ ничего не говоритъ, гр. Толстой—очень глухо. Вѣроятно, необходимость предварительной явки дѣлала невозможнымъ неплатежъ тамги. Кто же не являлся въ таможню, тотъ и платилъ протаможье, но лишь за неявку, а не за неплатежъ тамги, какъ это думаетъ г. Аристовъ.

Близко къ тамгѣ стоитъ *осменичье* (А. А. Э. I, 18, 19, 21 и т. д.). Испорченное же названіе его—„возмничье“, „возничье“ (А. А. Э. I, стр. 433; III, стр. 112). Первое достовѣрное извѣстіе о немъ имѣемъ отъ 1328 г. (С. Г. Г. I, стр. 32), но это одна изъ древнѣйшихъ пошлинъ. Объ осменикѣ говоритъ ужъ Ярославовъ уставъ о мытахъ. Осмничее—не сборъ съ путныхъ бояръ, не замытъ, также не сборъ въ пользу восменника. Какъ доказалъ г. Осокинъ, это совершенно тождественная съ

тамгою пошлина. Какъ мы уже говорили, отдѣленіе торговаго значенія мыта отъ проѣзжаго началось еще до татарскаго нашествія. Нѣтъ ничего невѣроятнаго, что выдѣлившаяся изъ мыта торговая пошлина, кромѣ „торговаго“, кое-гдѣ называлась и осмничьимъ. Будучи потомъ перекрещена въ тамгу, она продолжала жить одновременно и подъ старымъ названіемъ. Быть можетъ первоначально осмничее отличалось отъ тамги тѣмъ, что бралось съ предметовъ мѣримыхъ, особенно съ хлѣба (отъ „осмина“), тамга же съ клейменныхъ. Но это различіе такъ скоро утратилось, что о немъ не сохранилось извѣстій, такъ какъ приводимыя гр. Толстымъ мѣста изъ актовъ указываютъ лишь на существованіе осмничаго на-ряду съ другими пошлинами. По имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ и тамга, и осмничее съ самаго начала ихъ достовѣрной исторіи представляются уже вполнѣ ассимилировавшимися. Содержаніе ихъ вполнѣ одинаково и равно не соотвѣтствуетъ именамъ той и другой пошлины. Обѣ взимаются при покупкѣ и продажѣ со всякихъ товаровъ, кромѣ хлѣба. Послѣднему какъ-будто противорѣчитъ А. А. Э. I, 100, но это мѣсто мы понимаемъ такъ, что съ товара берется осмничее, а съ жита помѣръ.—И тамга и осмничее берутся съ цѣны товара. Обоимъ подлежатъ и деньги, привозимыя для покупки его. Наконецъ, и размѣръ обоихъ совершенно одинаковъ. Лишь въ XVI в. размѣръ тамги дѣлается сравнительно бóльшимъ. Параллельному же существованію этихъ двухъ совершенно одинаковыхъ пошлинъ при консерватизмѣ древнерусской жизни удивляться нечего. Такъ же параллельно существуютъ рукознобное и подъемное, роговая и привязная пошлины. Но постоянное упоминаніе въ источникахъ вмѣстѣ тамги и осмничаго дѣлаетъ вѣроятною и догадку В. И. Сергѣевича, что первая взималась съ продавца, а послѣднее съ покупщика.

Наконецъ, мѣстный житель, покупая товары для своей лавки, вмѣсто тамги платилъ *порядное* (А. А. Э. I, 282, 363 и т. д.). Размѣръ его—$^1/_2$, 1, 2 деньги съ рубля по оцѣнкѣ. Въ XVII в. берутъ его и съ товарнаго помѣщенія, но это уже позднѣйшее искаженіе первоначальнаго характера пошлины или же мѣстное исключеніе. Берется порядное лишь съ меда, соли, икры, рыбы, хмѣля.

IV.

Изъ прочихъ торговыхъ пошлинъ *замытъ*, повидимому, есть пошлина, замѣняющая мыто, и вообще проѣзжія пошлины (Д. А. И. I, стр. 167). Иногда источники и смѣшиваютъ ее съ мытомъ

(А. А. Э. I, стр. 433; III, 360. А. И. III, стр. 121). Но въ дѣйствительности мытъ есть пошлина за проѣздъ съ товаромъ, замытъ же—за пріѣздъ съ правомъ торговать (А. А. Э. I, стр. 447; IV, 73). Взимается замытъ и за пріѣздъ для покупки (С. Г. Г. II, 132). Размѣръ замыта—1 деньга съ рубля безъ различія товара, мѣста, откуда онъ привезенъ, и пути. Падаетъ онъ на всякій продажный товаръ и также на деньги, предназначенныя для покупки его. Оцѣнку товара дѣлаютъ таможенные цѣловальники. Съ денегъ замытъ тоже, вѣроятно, взимается въ таможнѣ. Бывали случаи взиманія замыта и съ мѣстныхъ торговцевъ (А. А. Э. III, стр. 360).

Необходимое условіе взноса таможенныхъ пошлинъ, какъ это можно видѣть изъ предыдущаго,—предварительная явка торговцевъ въ таможню и объявленіе ими товара. Поэтому всѣ мимо ѣдущіе съ товаромъ обязаны являться въ таможню (А. А. Э. I, стр. 295), при чемъ и бралась *явка* (А. А. Э. I, 13, 60, 77 и т. д.). Взимается она и при привозѣ товаровъ и при продажѣ ихъ (А. А. Э. I, 42, 258). Размѣръ ея 1, 2, 3 деньги съ человѣка (А. А. Э. I, 332). Съ иногородныхъ, особенно же съ иностранцевъ, берется явки больше, чѣмъ съ ближнихъ торговцевъ (А. А. Э. I, стр. 401, 433). Также съ большихъ судовъ и ватамановъ, а по гр. Толстому, явка берется бо̀льшая, чѣмъ съ мелкихъ. Мѣстные торговцы, хотя и предъявляли товаръ въ таможню, но явки не платили (А. А. Э. I, стр. 408, 433 и т. д.). Исключенія изъ этого правила попадаются лишь временныя (С. Г. Г. II, стр. 59).

Освобожденіе отъ явки, по гр. Толстому, производится особыми жалованными граматами. Собираютъ явку черные явщики (А. А. Э. I, 190), при чемъ записываютъ въ особыя книги имена явившихся, мѣсто жительства, предметъ торговли и время явки „для спору“ (А. А. Э. I, 332). За неявку въ таможню платится протаможье (А. А. Э. III, 241). Размѣръ его съ рублеваго товара 80 к., съ двухрублеваго и выше — 2 р. (А. А. Э. I, 369; II, 21,65). Впрочемъ, взимается протаможье и въ другихъ размѣрахъ (А. А. Э. I, 282; III, 241). Предварительное сношеніе явщика съ его начальствомъ увеличиваетъ размѣръ штрафа (А. А. Э. I, 342, 362, 366). Мѣстами отбирается и весь товаръ или же часть его (С. Г. Г. II, стр. 56, 58, 136). Лица, у которыхъ былъ сложенъ необъявленный товаръ, подвергались одинаковому штрафу съ необъявившими о немъ (Д. А. И. I, стр. 164).

Затѣмъ уже въ смол. уст. 1150 г. упоминается о *гостиномъ*. Сначала это личный сборъ („гостиная дань“), однородный съ

явкой (А. А. Э. I, стр. 432). Но въ концѣ XV в. появляется послѣдняя и вмѣстѣ съ тѣмъ гостиное дѣлается сборомъ за пользованіе казенными гостинными дворами (С. Г. Г. I, стр. 389). Уже при Иванѣ III запрещается пріѣзжимъ торговцамъ складывать товары внѣ этихъ дворовъ. Позднѣе, вездѣ, гдѣ были казенные амбары и лавки, пріѣзжіе были обязаны складывать товары въ нихъ, у большихъ дворниковъ, гостинщиковъ, которые и собирали гостиное (А. А. Э. I, стр. 56, 211, 225 и т. д. Купецъ безъ товаровъ могъ останавливаться, гдѣ хотѣлъ (А. А. Э. I, стр. 361). Но въ нѣкоторыхъ городахъ даже привезшіе деньги на покупку товара должны были останавливаться на гостиномъ дворѣ (А. А. Э. I, стр. 409). Мѣстные же жители были вообще свободны отъ этой повинности (А. А. Э. I, 331; II, 65) за нѣкоторыми исключеніями (А. А. Э. II, стр. 147). Иногородцы освобождались отъ нея, лишь уплативъ амбарщину (С. Г. Г. II, стр. 139), или же особый процентный сборъ за освобожденіе отъ складки (С. Г. Г. II, стр. 90). Съ товаромъ, стоившимъ менѣе 2 р., можно было и не заѣзжать въ казенные гостиные дворы, но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя было заѣзжать съ нимъ и на подворья, а надо было стоять на торгу (А. А. Э. I, стр. 225). Кромѣ того, такой товаръ иногда облагался подворнымъ (А. А. Э. II, стр. 147). Отъѣзжающій купецъ могъ помѣстить непроданный товаръ, гдѣ ему угодно (А. А. Э. I, стр. 361).

Изъ мѣстныхъ отступленій отъ общаго правила отмѣтимъ два: псковичи и нѣмцы ставятся въ Новгородѣ на своихъ дворахъ (А. А. Э. I, стр. 361). На Двинѣ же въ концѣ XVI в. вѣсчій товаръ тоже складывался внѣ гостиныхъ дворовъ (А. А. Э. I, стр. 409).

Съ купца, не явившагося дворникамъ, и съ того, у кого онъ сложилъ свой товаръ (А. А. Э. I, 338; II, 65), взимался штрафъ съ обоихъ 50 к.—2 р., смотря по цѣнности товара и амбара и по тому, сколько времени купецъ уклонялся отъ этой повинности. Иногда конфисковались самые товары или даже и заѣзжіе дворы (С. Г. Г. II, стр. 59). Провинившіеся же иностранцы высылались изъ города (А. А. Э. III, стр. 264).

Очень близко къ гостиному стоятъ *амбарное, полавочное, подворное, поворотное*. Первыя двѣ пошлины можно даже назвать видовыми понятіями родового „гостинное". Амбарное (А. А. Э. I, 230, 338) взимается за наемъ амбаровъ на гостиномъ дворѣ. Размѣръ его различенъ, смотря по спросу на амбары (А. А. Э. I, 298) и по качеству товара, именно 1—4 деньги въ не-

дѣлю (А. А. Э. I, 356). Взимается оно или по оцѣнкѣ съ рубля (А. А. Э. I, 338), или поштучно, или съ амбара (А. А. Э. I, 263, 356, 298). Въ нѣкоторыхъ городахъ берутъ меньше съ мѣстныхъ жителей, чѣмъ съ пріѣзжихъ (А. А. Э. I, стр. 409). Иногда сборъ этотъ отдавался на откупъ (Д. А. И. I, стр. 132). Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ городахъ за наемъ казенныхъ лавокъ и за торговлю въ своихъ взимается полавочное, или поземъ, смотря по величинѣ лавокъ или же по качеству товаровъ. Наконецъ, при вывозѣ съ гостинаго двора товаровъ платится поворотное или дворовое (А. А. Э. I, 331), имѣвшее цѣлью обложить не потребителя, а купца, покупавшаго товаръ для перепродажи (С. Г. Г. II, стр. 89). Поэтому и платится оно преимущественно съ большихъ количествъ товаровъ. Платитъ же его покупатель съ вѣсу или поштучно, при чемъ иногда обращается вниманіе и на достоинство товара (А. А. Э. I, стр. 225; II, 145).

Что же касается *свальнаго*, то оно платилось за выгрузку товара изъ возовъ, саней и судовъ (А. А. Э. I, 3, 35, 38 и т. д). Платится оно съ воза, пуда и судна. Оклады его въ разныхъ мѣстахъ различны.

Теперь намъ остается упомянуть только объ *узолкахъ*, или же отвозѣ (А. А. Э. III, 241, 314). Существуетъ эта пошлина не вездѣ. Взимается она при представленіи вывозимыхъ изъ города товаровъ въ таможни для наложенія на нихъ таможенныхъ пломбъ—узолковъ (А. А. Э. I, 282, 356 и т. д.), чтобы нельзя было продавать товары безпошлинно во время пути. Съ вѣсчихъ товаровъ берутся узолки съ каждаго товарнаго мѣста по ½, 1, 2 деньги, съ невѣсчихъ—съ воза. Иногда же узолки берутся съ рубля (А. А. Э. III, 241). Наконецъ, если вывозимыхъ товаровъ немного, то они совсѣмъ освобождаются отъ платежа узолковъ (А. А. Э. I, 282).

Изъ мелкихъ сборовъ отмѣтимъ еще *поплашное* (ib.), платившееся при торговлѣ лѣсомъ, и *поштучное* при торговлѣ мясомъ.—Что же касается пошлинъ *даражской*, *путевой*, *судовой*, позднѣйшей *торговой*, *подъѣздной* (А. А. Э. I, 42, 104), *грузовой* (А. А. Э. I, 338, 356) и *подзорной* (А. А. Э. I, 42, 104), то это не самостоятельныя пошлины, какъ это думаетъ относительно нѣкоторыхъ изъ нихъ гр. Толстой, а лишь родовыя, или синонимическія названія уже извѣстныхъ намъ пошлинъ.

Разсмотримъ теперь пошлины съ рабовъ и скота. Съ продажи человѣка „въ полницу“ берется *головщины* 6 денегъ (А. А. Э. I, 134, 282). За привязываніе же рогатаго скота на торгу

платится *роговою* (А. А. Э. I, 158, 252) и *привязного* (А. А. Э. I, 332) 1½—2 деньги со штуки съ продавца и съ покупщика. Иногда же привязнымъ называется и пошлина съ причала судовъ. *Писчее* (А. А. Э. I, 332) и *пятно* (Ц. С.) взималось за клейменіе и пятнаніе лошадей для удостовѣренія дѣйствительности ихъ покупки. Пятнаютъ лошадей въ Москвѣ пятенщики, въ областяхъ пошлинные люди подъ надзоромъ намѣстниковъ и волостелей. Непродажныя и доморощенныя лошади не пятнались. Платятъ пятно (1—2 деньги) и писчее (1 деньгу) продавецъ и покупатель поровну.

Такъ какъ пятнаніе приносило не только пользу частнымъ лицамъ, но и доходъ казнѣ и кромѣ того избавляло правительство отъ разбора многихъ судебныхъ дѣлъ, то за продажу лошадей безъ пятна платилось пропятненья 2 р. пополамъ продавцомъ и покупщикомъ.

Другіе сборы съ лошадей—*пошерстное*, *поводное* (А. А. Э. I, 363; IV, 55, А. И. III, 94), *поворотное* (А. А. Э. I, стр. 433). Изъ нихъ поводное взимается только съ покупателя за врученіе ему пятенщикомъ купленной лошади. Также позднѣе иногда пятно и писчее взимаются только съ покупщика, а продавецъ платитъ лишь рублевую пошлину (А. А. Э. I, 363; IV, 55).

Иногда размѣръ пошлинъ съ лошадей зависитъ отъ мѣста жительства лицъ, совершившихъ сдѣлку, а также и отъ мѣста происхожденія лошадей (А. А. Э. I, стр. 239, 401). Иногда эти пошлины отдаются въ кормъ должностнымъ лицамъ. Монастыри освобождаются отъ платежа ихъ жалованными граматами, иногда же получаютъ право имѣть свое пятно (А. А. Э. I, 134, 217, 234, 258; А. И. III, 94) и брать пошлину въ свою пользу. Наконецъ, сборъ казенныхъ пятенныхъ пошлинъ состоялъ нерѣдко на откупу.

Таковы проѣзжія и торговыя пошлины древней Руси. Но картина косвенныхъ налоговъ ея не будетъ полна, если мы не скажемъ хоть нѣсколько словъ о питейныхъ и соляныхъ сборахъ, уже зарождающихся въ этотъ періодъ, хотя, къ сожалѣнію, по недостатку мѣста и не можемъ поговорить о нихъ такъ подробно, какъ они этого заслуживаютъ [1]).

[1]) О казенномъ кабакѣ, также о вѣрной и откупной системахъ сборовъ любознательный читатель можетъ подробнѣе прочесть въ прекрасной статьѣ пр. *Дитятина*, помѣщенной въ недавно вышедшемъ сборникѣ его статей.

Добыча *соли* въ Россіи существуетъ уже во времена Геродота, но наши лѣтописи [5]) о ней молчатъ. По пр. Лебедеву соляные источники принадлежатъ большею частью казнѣ и раздаются ею частнымъ лицамъ за опредѣленную плату или за поставку въ казну части добычи. Соль частныхъ промышленниковъ тоже издавна облагалась сборомъ въ пользу казны (А. А. Э. I, 99, 200, 299). По грам. Свят. 1137 г. берется съ соли „на морѣ отъ чрена и отъ салги по пузу“ (толкованіе этого мѣста см. у В. И. Сергѣевича). Монастыри вообще варили соль безпошлинно, но и они иногда платили запросныя деньги по числу цреновъ.

Что же касается *питейныхъ сборовъ*, то медовая дань извѣстна съ X в. „Слати медовара по городамъ“—одна изъ княжескихъ привилегій. Брашная пошлина (съ солода, хмеля и меда) извѣстна съ XI в. Также корчмы очень рано облагаются „кормчитой“. Позднѣе заводятся княжескія корчмы и преслѣдуются вольныя. Съ Ивана III появляется, по пр. Лебедеву, винная монополія, но цѣль ея сначала не фискальная, а нравственная.

Этимъ мы и кончимъ наши замѣтки. На окончательное рѣшеніе вопросовъ, затронутыхъ въ нихъ, мы, конечно, не претендуемъ, но будемъ счастливы и тѣмъ, если намъ удастся ими привлечь вновь ученыя силы къ разработкѣ вопросовъ, 40 лѣтъ лежавшихъ подъ спудомъ.

С. Шумаковъ,
дѣйствительный членъ
Московскаго Юридическаго Общества.

---

5) См. нашу замѣтку о лѣтописяхъ въ майской книжкѣ „Книговѣдѣнія“ за 1894 годъ.

МОСКОВСКОЕ ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

въ 1895—96 году

(годъ тридцать третій).

Засѣданіе 20 февраля 1895 года (годичное).

Засѣданіе открыто въ 8 ч. 30 мин. подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя Общества почетнаго члена **С. А. Муромцева** при товарищѣ секретаря **В. В. Пржевальскомъ**, въ присутствіи почетныхъ членовъ: **А. М. Фальковскаго** и **А. И. Чупрова** и дѣйствительныхъ членовъ: **И. П. Боголѣпова, П. И. Бѣляева, Г. Л. Вербловскаго, Н. А. Вокача, В. Н. Вольтмана, А. Э. Ворчса, М. Я. Герценштейна, В. А. Гольцева, И. Я. Гурлянда, Д. Н. Загоскина, Н. А. Зачинскаго, Н. А. Каблукова, И. Д. Корженевскаго, В. А. Косинскаго, А. Р. Ледницкаго, С. А. Лилина, В. С. Малченко, Л. Н. Марессъ, А. С. Никитенко, А. Я. Перельмана, А. А. Раевскаго, А. В. Розенблюма, С. Е. Сабинина, В. В. Сиротинина, В. И. Сторожева** и **Н. Е. Эфросъ**.

I.

Товарищъ секретаря прочелъ слѣдующій отчетъ секретаря за 1894—95 годъ:

Милостивые Государи!

Истекшій годъ является 32-мъ годомъ существованія Московскаго Юридическаго Общества. Въ теченіе года вступило въ Общество 13 дѣйствительныхъ членовъ, 2 члена-корреспондента; кромѣ того, въ годичномъ засѣданіи 18 февраля 1894 года Юридическое Общество избрало въ почетные члены Родольфа Дареста, ученаго юриста, извѣстнаго своими трудами по исторіи русскаго права, и Карроля Райта, знаменитаго статистика Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Юридическое Общество въ истекшемъ году понесло потери въ лицѣ умершихъ членовъ Н. І. Нерсесова, профессора Московскаго

университета, Н. М. Астырева, земскаго статистика и писателя, Н. П. Колюпанова, земскаго дѣятеля, и В. Е. Станицкаго. Къ настоящему дню Московское Юридическое Общество состоитъ изъ 28 почетныхъ членовъ, 249 дѣйствительныхъ членовъ и 5 членовъ-корреспондентовъ.

Въ отчетномъ 1894—95 году состоялось 10 публичныхъ засѣданій, въ которыхъ были доложены слѣдующія работы членовъ Общества: 1) *Гр. Л. А. Камаровскаго:* „Международный третейскій судъ въ Парижѣ 1893 г.“. 2) *В. В. Пржевальскаго:* „Объединеніе уголовнаго законодательства въ Швейцаріи“. 3) *Гр. Л. А. Камаровскаго:* „Опытъ кодификаціи частнаго международнаго права. Конференція въ Гаагѣ 1893 г.“. 4) *А. С. Алексѣева:* „Къ ученію о юридической природѣ государства и государственной власти (по поводу книги г. Коркунова: „Указъ и Законъ“)“. 5) *И. Т. Тарасова:* „Вотчинный уставъ и вотчинныя учрежденія по новымъ проектамъ“. 6) *А. А. Орлова:* „Замѣчанія на проектъ вотчиннаго устава“. 7) *В. С. Малченко:* „Къ вопросу о переработкѣ правилъ объ окончаніи предварительнаго слѣдствія“. 8) *Гр. Л. А. Камаровскаго:* „Съѣздъ Института Международнаго Права въ Парижѣ 1894 г.“. 9) *П. И. Бѣляева:* „Право и процессъ въ эпоху Русской Правды“. 10) *И. Я. Гурляндъ:* „Французскій мыслитель Ле-Пле и его ученіе“. 11) *В. В. Святловскаго:* „Воззрѣнія Брентано по прикладной политической экономіи“.

Согласно постановленію годичнаго засѣданія 18 февраля 1893 г., Московское Юридическое Общество продолжало издавать „Сборникъ правовѣдѣнія и общественныхъ знаній“, котораго вышли III и IV томы; въ означенномъ изданіи печатались рефераты и другія ученыя работы членовъ Общества, а также протоколы засѣданій Юридическаго Общества и его Статистическаго Отдѣленія.

Съ 28 марта 1894 г. возобновили свою дѣятельность существующія при Обществѣ коммиссіи по гражданскому и уголовному праву; первая поставила своей ближайшей задачей разсмотрѣніе новаго проекта вотчиннаго устава и составленнаго В. Д. Спасовичемъ проекта „Положенія объ авторскомъ правѣ“; вторая занялась разсматриваніемъ вопроса объ организаціи судебно-медицинской экспертизы.

Лѣтомъ 1894 г. предсѣдатель Юридическаго Общества поздравилъ отъ лица Общества почетнаго члена Д. А. Ровинскаго по случаю 50-лѣтняго его юбилея.

28 Октября 1894 г. представители Юридическаго Общества присутствовали на собраніи представителей ученыхъ Обществъ г. Москвы, обсуждавшемъ вопросъ о возложеніи вѣнка на гробъ въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра III отъ московскихъ ученыхъ Обществъ. На этомъ собраніи были избраны представители отъ московскихъ ученыхъ Обществъ, которые и выполнили возложенное на нихъ

порученіе о возложеніи вѣнка. Въ 40-й день послѣ кончины Государя Императора Александра III Московское Юридическое Общество, въ лицѣ бюро и членовъ, присутствовало при заупокойной литургіи въ университетской церкви.

Бюро Московскаго Юридическаго Общества состояло въ отчетномъ году изъ слѣдующихъ лицъ: предсѣдателя С. А. Муромцева, товарищей предсѣдателя графа Л. А. Камаровскаго и Г. Л. Вербловскаго, секретаря М. Н. Соболева, товарищей секретаря В. В. Пржевальскаго и П. М. Богаевскаго, казначея В. В. Сиротинина и библіотекаря А. Ф. Акулова.

II.

Секретарь Статистическаго Отдѣленія прочелъ слѣдующій отчетъ о состояніи и трудахъ Статистическаго Отдѣленія Московскаго Юридическаго Общества въ 1894—1895 г.:

Въ отчетномъ году Статистическое Отдѣленіе выслушало и обсудило слѣдующіе доклады:

А. А. Кауфмана: „Организація и главнѣйшіе выводы хозяйственно-статистическаго изслѣдованія Иркутской и Енисейской губерній“.

М. А. Ольховскаго: „Опытъ въ примѣненіи къ статистическимъ изслѣдованіямъ“.

С. В. Блеклова: }
В. Н. Григорьева: } О вновь вышедшихъ статистическихъ изданіяхъ.

А. М. Беркенгеймъ: „Развитіе колонизаціи и устройство земледѣльческихъ поселеній въ Аргентинѣ“.

Проф. *А. И. Чупрова*: „О монографическомъ методѣ, какъ способѣ пополненія и обновленія данныхъ основнаго статистическаго изслѣдованія“.

Проф. *А. Ѳ. Фортунатова*: „Статистическій семинарій въ Ново-Александрійскомъ Институтѣ осенью 1894 года“.

Въ теченіе отчетнаго года, при содѣйствіи черниговскаго губернскаго земства, вышли въ свѣтъ „Труды подсекціи статистики IX Съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей“. Въ засѣданіяхъ подсекціи принимали участіе члены Статистическаго Отдѣленія, и сами „Труды“ составлены членами Отдѣленія подъ редакціей предсѣдателя Отдѣленія проф. А. И. Чупрова.

Въ библіотеку Статистическаго Отдѣленія въ истекшемъ году выписывались слѣдующія изданія:

1) Handwörterbuch der Staatswissenschaften.

2) Conrad's Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik за 1893 и 1894 года.

3) Braun's Archiv für sociale Gesertgebung und Statistik.

4) Journal of the Statistical Society of London за 1893 и 1894 гг. и 5) Journal de la Société Statistique de Paris.

Бюро Отдѣленія составляли: предсѣдатель почетный членъ проф. *А. И. Чупровъ*, товарищъ предсѣдателя прив.-доц. *Н. А. Каблуковъ*, секретарь *В. А. Косинскій* и товарищъ секретаря *Л. Н. Марессъ*.

III.

Доложенъ и утвержденъ отчетъ казначея Общества о приходѣ и расходѣ денегъ въ 1894 году, и, по предложенію предсѣдателя, выражена благодарность Общества казначею В. В. Сиротинину за его труды.

IV.

Товарищъ секретаря, за отсутствіемъ А. Ф. Акулова, прочелъ нижеслѣдующій отчетъ библіотекаря къ засѣданію Московскаго Юридическаго Общества 20 февраля 1895 года:

Въ истекшемъ отчетномъ году въ библіотеку Общества поступило и занесено въ инвентарный каталогъ книгъ—всего 148 названій въ 283 томахъ, изъ нихъ, за исключеніемъ лишь 8 названій при 15 томахъ—юридическаго содержанія, 140 названій при 268 томахъ приходится на Статистическое Отдѣленіе. Въ настоящее время весь численный составъ библіотеки, по алфавитному и инвентарному каталогамъ, можно опредѣлять приблизительною цифрою въ 1445 названій и въ 2955 томовъ. Въ виду значительнаго прилива книгъ на Статистическое Отдѣленіе за послѣднее время и наступающей тѣсноты въ двухъ шкафахъ, отведенныхъ для помѣщенія вновь поступающихъ книгъ, въ настоящее время предстоитъ, вмѣстѣ съ составленіемъ добавочнаго алфавитнаго для этихъ книгъ каталога, также и размѣщеніе ихъ по тѣмъ шкафамъ, въ которыхъ находятся книги прежнихъ лѣтъ, внесенныя въ алфавитный каталогъ, и въ которыхъ есть еще свободное мѣсто; при этомъ представляется желательнымъ возможно тщательный пересмотръ существующаго алфавитнаго каталога, а также и разборка поступавшихъ за послѣднее время книгъ, съ цѣлію исключенія изъ библіотеки безполезнаго и ненужнаго матеріала. Къ этой работѣ предполагалось приступить до рождественскихъ каникулъ, при чемъ нѣсколько членовъ Общества, по моей просьбѣ, изъявили свое желаніе принять въ ней участіе; но планъ этотъ не удался частію за выѣздомъ нѣкоторыхъ изъ этихъ лицъ изъ Москвы, частію по невозможности установить опредѣленное свободное для каждаго лица время для совмѣстныхъ занятій въ библіотекѣ, такъ что та мѣра, на которой еще въ прошломъ году остановилось бюро Обще-

ства по отношенію къ библіотекѣ, а именно—составленіе специальной библіотечной временной коммиссіи изъ членовъ Общества и его Статистическаго Отдѣленія—является, по моему мнѣнію, наиболѣе желательной, какъ наиболѣе надежная.

Предсѣдатель доложилъ объ отказѣ А. Ф. Акулова отъ новой баллотировки въ библіотекари Общества и предложилъ выразить ему благодарность Общества за его многолѣтніе труды въ должности библіотекаря.

Постановлено: выразить А. Ф. Акулову благодарность Общества.

V.

Доложенъ и утвержденъ отчетъ по изданію I-го, II-го, III-го и IV-го томовъ „Сборника Правовѣдѣнія".

VI.

Предсѣдатель довелъ до свѣдѣнія Общества, что онъ получилъ 5 февраля 1895 года отъ почетнаго члена В. А. Легонина заявленіе о томъ, что супруга дѣйствительнаго члена Общества К. Д. Анциферова Елизавета Петровна желаетъ пожертвовать Обществу библіотеку ея супруга съ тѣмъ, чтобы 1) жертвуемая библіотека хранилась въ отдѣльномъ шкафу, который носилъ бы имя К. Д. Анциферова, 2) расходы по перевозкѣ библіотеки изъ Петербурга въ Москву приняты были на счетъ Общества.

Н. А. Вокачъ сообщилъ, что въ бытность свою нѣсколько дней тому назадъ въ Петербургѣ онъ осматривалъ библіотеку К. Д. Анциферова и нашелъ ее интересною и вполнѣ заслуживающею принятія со стороны Общества.

Единогласно постановлено: принять жертвуемую Е. П. Анциферовою библіотеку въ даръ Обществу на условіяхъ, изложенныхъ въ письмѣ почетнаго члена В. А. Легонина отъ 5 февраля 1895 года на имя предсѣдателя Общества, и выразить искреннюю признательность Общества Елизаветѣ Петровнѣ Анциферовой за ея пожертвованіе.

VII.

Предсѣдатель предложилъ Обществу высказаться по вопросу объ участіи Общества въ учрежденіи „Союза московскихъ ученыхъ и художественныхъ обществъ", напомнивъ, что Общество постановило отложить сужденіе по сему предмету до годичнаго засѣданія, и предложивъ предварительно выслушать по сему вопросу сообщеніе товарища секратаря.

Товарищъ секретаря прочелъ протоколъ засѣданія представителей московскихъ ученыхъ и художественныхъ обществъ по вопросу объ основаніи въ Москвѣ Союза подобныхъ обществъ отъ 21 декабря 1894 года, которое происходило подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества графини П. С. Уваровой при секретарѣ В. К. Трутовскомъ. Какъ видно изъ этого протокола, въ засѣданіи были прочитаны и обсуждаемы: записка проф. Н. Я. Грота касательно необходимости образованія „Союза“ и приблизительныхъ его цѣлей и назначенія, и составленный гр. П. С. Уваровою предварительный проектъ организаціи „Союза“ въ его части, касающейся центральнаго управленія „Союза“,—а затѣмъ было постановлено: разослать всѣмъ ученымъ и художественнымъ Обществамъ и учрежденіямъ ирotоколъ засѣданія и записку проф. Н. Я. Грота, и просить гр. П. С. Уварову, проф. Н. Я. Грота и В. К. Трутовскаго выработать на основаніи мнѣній, высказанныхъ въ засѣданіи, проектъ основанія „Союза“, главнымъ образомъ, въ той его части, которая касается цѣлей и задачъ „Союза“, отношеній къ нему Обществъ и учрежденій и организаціи его управленія и состава. Далѣе, въ томъ же засѣданіи было постановлено разослать этотъ проектъ, по его изготовленіи, всѣмъ ученымъ обществамъ Москвы и вновь собраться представителямъ, для дальнѣйшихъ обсужденій, 15 марта 1895 года.

По предложенію предсѣдателя С. А. Муромцева, единогласно постановлено: рѣшительное сужденіе по вопросу объ участіи Общества въ учрежденіи „Союза московскихъ ученыхъ обществъ“ отложить до слѣдующаго годичнаго засѣданія, поручивъ Бюро Общество въ случаѣ, если имъ полученъ будетъ проектъ устава „Союза“, собрать необходимыя свѣдѣнія и, разработавъ вопросъ, внести его на обсужденіе Общества въ слѣдующемъ годичномъ засѣданіи.

VIII.

Доложенъ и утвержденъ слѣдующій бюджетъ Общества на 1895 годъ:

ПРИХОДЪ.

	Руб.	Коп.
1. Остатокъ отъ прошлаго года	19	32
2. Членскіе взносы	1,500	
3. °/₀ по купонамъ 11-ти билетовъ	52	25
4. За дипломы	—	—
Итого	1,571	57
За вычетомъ предполагаемаго расхода	1,873	—
Дефицитъ	301	43

РАСХОДЪ.

Первая категорія.

	Руб.	Коп.
1. Жалованье дѣлопроизводителю.	120	—
2. „ ст. служителю.	108	—
3. Плата временно-наемнымъ служителямъ	20	—
4. Праздничпыя	37	—
5. Страхованіе билетовъ	18	—
6. Храненіе билетовъ	3	—
7. Хозяйств. расх. Общества, отдѣл. и коммис.	20	—
8. Почтовые и канцелярскіе расходы.	20	—
9. Объявленія въ газетахъ.	120	—

Вторая категорія.

1. Библіотека Общества	200	—
2. На изданіе трудовъ Общества въ размѣрѣ половины взносовъ, поступив. въ 1893 г., 825 р., а за вычетомъ поступившихъ 188 р.	637	—
3. Тоже въ размѣрѣ половины взносовъ, поступившихъ въ 1894 г.	570	—
Итого . . .	1,873	—

IX.

Почетн. членъ *А. И. Чупровъ* отъ имени Статистическаго отдѣленія предложилъ избрать въ почетные члены Общества профессора политичесской экономіи и статистики университета въ Галле *Іоганна Конрада,* издателя лучшаго экономическаго журнала въ Германіи— „Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik"—и безпримѣрнаго еще труда, громадной эпцеклопедіи общественныхъ наукъ —Handwörterbuch der Staatswissenchaften", въ знакъ признанія его заслугъ какъ ученаго, организатора и общественнаго дѣятеля самаго симпатичнаго направленія. По мнѣнію проф. А. И. Чупрова, избраніе І. Конрада въ почетные члены Общества въ настоящее время тѣмъ болѣе умѣстно, что этимъ актомъ Общество почтило бы Галльскій Университетъ, въ минувшемъ году отпраздновавшій 400-лѣтній юбилей своего существованія.

Секретаремъ Статистическаго Отдѣлепія *В. А. Косинскимъ* прочтено изъ протокола годичнаго засѣданія Отдѣленія отъ 20 февраля 1895 года постановленіе Отдѣленія, коимъ Статистичсское Отдѣленіе рѣшило предложить къ избранію въ почетные члены Общества профессора Іоганна Конрада.

Произведенною затѣмъ закрытою баллотировкою *проф. Іоганнъ Конрадъ* единогласно избранъ въ почетные члены Общества.

X.

По предложенію проф. *А. И. Чупрова*, единогласно постановлено: благодарить *Черниговскую Губернскую Земскую Управу* за напечатаніе въ приложеніи къ ея трудамъ „Трудовъ подсекціи статистики IX Съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей“ и Александра Александровача *Русова* за его содѣйствіе осуществленію этого изданія.

XI.

Избраны въ должностныя лица Общества: предсѣдателемъ Общества почетный членъ *С. А. Муромцевъ*, товарищами предсѣдателя- *Г. Л. Верблоескій* и *графъ Л. А. Камаровскій*, секретаремъ *М. Н. Соболевъ*, товарищами секретаря—*В. В. Пржевальскій* и *Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ*, казначеемъ *В. В. Сиротининъ* и библіотекаремъ *А. Э. Вормсъ*.

Засѣданіе закрыто въ 10 ч. 30 минутъ.

Засѣданіе 6 марта 1895 года.

Засѣданіе открыто въ 8¼ часовъ вечера предсѣдателемъ Общества **С. А. Муромцевымъ** при секретарѣ **М. Н. Соболевѣ** и товарищѣ секретаря **Ѳ. Ѳ. Кокошкинѣ**, въ присутствіи почетнаго члена **А. М. Фальковскаго** и дѣйствительныхъ членовъ: **В. В. Быховскаго, Н. В. Водовозова, Н. А. Бокача, В. Н. Вольтмана, А. Э. Вормса, Д. Н. Загоскина, А. М. Краевскаго, С. А. Лилина, И. В. Мандельштама, С. П. Мокринскаго, В. В. Пржевальскаго, А. А. Раевскаго, А. В. Розенблюма, В. Н. Сергѣева, В. П. Сторожева, И. Т. Тарасова** и **В. П. Юргенсона.**

I. Читаны и утверждены протоколы засѣданій 23 и 30 января и годичнаго засѣданія 20 февраля 1895 г.

II. Избраны въ дѣйствительные члены Общества *С. Н. Булгаковъ* и *П. Н. Лухмановъ*

III. Предложены къ избранію въ дѣйствительные члены Общества: *Михаилъ Васильевичъ Комаревскій*, судебный слѣдователь XI участка г. Москвы, *Петръ Наркизовичъ Обнинскій*, бывшій прокуроръ Московскаго окружнаго суда, *Никита Мартыновичъ Тэріанъ*, кандидатъ правъ, *Влоцлавъ Ивановичъ Витковскій*, старшій кандидатъ на судебныя должности при Московскомъ окружномъ судѣ, *Тигранъ Нерсесовичъ Іоаннисянцъ*, помощникъ присяжнаго повѣреннаго, *Александръ Павловичъ Золотаревъ*, оставленный при Демидовскомъ Юридическомъ Лицеѣ для приготовленія къ профессорской каѳедрѣ по государственному праву, *Михаилъ Ивановичъ Туганъ-Барановскій*, магистръ политической эко-

номіи, *Александръ Ивановичъ Ѳоминъ* и *Михаилъ Евстафіевичъ Земцовъ*, статистики, работавшіе въ Тобольской губерніи

IV. Доложено отношеніе Севастопольской Офицерской Морской Библіотеки съ просьбой къ Обществу о совѣтахъ и указаніяхъ для пополненія имѣющагося въ ней отдѣла правовѣдѣнія. Признано желательнымъ, для оказанія содѣйствія Библіотекѣ, выяснить предварительно путемъ запроса, изъ какихъ именно сочиненій состоитъ въ настоящее время ея отдѣлъ правовѣдѣнія. Снестись съ упомянутой библіотекой въ этомъ смыслѣ взялъ на себя библіотекарь Общества, А. Э. Вормсъ.

V. Дѣйствительный членъ *В. В. Пржевальскій* прочелъ докладъ: „Профессоръ Францъ Листъ, и его основныя воззрѣнія на преступленіе и наказаніе“ (Напечатанъ въ *VI т. „Сборника Правовѣдѣнія“, стр. 70—127)*.

А. Э. Вормсъ замѣтилъ, что для оцѣнки воззрѣній Листа необходимо обратить вниманіе на ихъ происхожденіе, и особенно на связь ихъ съ ученіемъ Іеринга, сочиненіе котораго „Zweck im Recht“ легло въ основу первыхъ §§ учебника Листа. Вліяніе Іеринга на науку права было, конечно, въ общемъ благотворно и способствовало простому и ясному разрѣшенію многихъ вопросовъ. Но идея цѣли, выдвинутая на первый планъ Іерингомъ, привела многихъ учениковъ его къ одностороннему раціонализму. Листъ преувеличиваетъ ту реакцію противъ исторической школы, которая является уже нѣсколько преувеличенной у самого Іеринга. Наказаніе нельзя разсматривать исключительно съ точки зрѣнія его цѣлесообразности. Общество не tabula rasa, не объектъ для научныхъ экспериментовъ, производимыхъ при помощи „цѣлевого аппарата“ права. Живущая въ обществѣ идея справедливости не допускаетъ вполнѣ послѣдовательнаго примѣненія принципа цѣлесообразности къ карательной системѣ.

А. Б. Розенблюмъ, присоединяясь къ мнѣнію докладчика, что развиваемая Листомъ идея цѣлесообразности представляетъ единственный возможный принципъ наказанія, указалъ, что эта мысль у Листа также мало оригинальна, какъ и все его ученіе. Родоначальникомъ раціонализма въ области уголовнаго права нужно считать Бентама, который понималъ цѣлесообразность весьма широко, включая сюда и необходимость считаться съ существующими въ обществѣ воззрѣніями. Соціологическое изученіе преступленія, какъ продукта общественной среды, задолго до Листа проповѣдывали соціалисты, какъ, напримѣръ, Оуэнъ. Наконецъ, въ изображеніи историческаго развитія наказанія Листъ точно также не даетъ намъ ничего новаго, сравнительно съ своими предшественниками: Мэномъ, Росси, Іерингомъ. Въ частности, нельзя согласиться съ докладчикомъ въ томъ, что наказаніе въ томъ

смыслѣ, въ какомъ оно понимается уголовно-соціологической школой, примѣнимо и къ душевно-больнымъ. Въ этомъ отношеніи болѣе правильно мнѣніе Листа, полагающаго вмѣстѣ съ антропологами-криминалистами, что наказаніе въ примѣненіи къ душевно-больнымъ безполезно, такъ какъ уголовная угроза не можетъ имѣть на нихъ вліянія.

В. В. Пржевальскій, отвѣчая А. Э. Вормсу, отстаивалъ воззрѣнія Листа на основанія наказанія. Стоя на почвѣ утилитаризма, докладчикъ не считаетъ возможнымъ противополагать справедливое цѣлесообразному. Всѣ абсолютныя теоріи вводятъ, въ томъ или другомъ видѣ, и принципъ цѣлесообразности. Но само собой разумѣется, что законодатель, руководящійся этимъ принципомъ, считается и съ распространенными въ данное время воззрѣніями на справедливость. Такъ смотритъ на дѣло и Листъ. Онъ далекъ отъ крайностей отвлеченнаго раціонализма и, по его собственнымъ словамъ, предлагаетъ не революцію, а реформацію въ области уголовнаго права.

Въ отвѣтъ А. Б. Розенблюму докладчикъ замѣтилъ, что Листъ, какъ и всякій другой ученый, безъ сомнѣнія, вырабатывалъ свои взгляды подъ извѣстнымъ вліяніемъ своихъ предшественниковъ. Онъ самъ ссылается на Бентама и признаетъ свою генетическую связь съ Іерингомъ, и въ особенности, съ криминалистомъ 20-хъ годовъ, Генке. Въ докладѣ указано, кромѣ того, вліяніе Кетле на соціологическое ученіе о преступленіи. Но заслуга Листа заключается въ томъ, что идеи, нерѣдко мелькающія въ предшествующей нѣмецкой криминалистической литературѣ лишь въ видѣ слабыхъ проблесковъ, получаютъ у него всестороннее освѣщеніе и защищаются блестящей аргументаціей, подобной которой мы не находимъ въ первоисточникахъ.

Н. В. Водовозовъ находилъ, что Листа слѣдуетъ упрекать не въ чрезмѣрномъ раціонализмѣ, а напротивъ въ недостаточномъ усвоеніи раціональнаго взгляда на наказаніе. Мысли, заимствованныя Листомъ у соціалистовъ, обоснованы у этихъ послѣднихъ гораздо лучше, чѣмъ у него, и развиты болѣе послѣдовательно. Подобно всѣмъ криминалистамъ-детерминистамъ, Листъ хочетъ сопоставить несовмѣстимое. Отвергая идею возмездія, онъ въ то же время старается во что бы то ни стало отстоять принципъ наказанія и прибѣгаетъ для этого къ софистическимъ построеніямъ, какимъ, напримѣръ, является его ученіе о значеніи уголовнаго права для гарантій личной свободы и о „правѣ преступника на наказаніе". Какъ и другіе детерминисты, защищающіе наказаніе съ точки зрѣнія цѣлесообразности, Листъ не приводитъ никакихъ фактовъ, которые бы подтверждали вліяніе наказанія на уменьшеніе преступленій.

В. В. Быховскій, согласившись съ сдѣланной докладчикомъ оцѣнкой Листа, какъ великаго систематика въ уголовно-правовой наукѣ и

подтвердивъ ее примѣрами вліянія Листа на русскихъ криминалистовъ (Фойницкаго и Сергѣевскаго), обратилъ вниманіе на антипатичное направленіе, возникшее въ связи съ уголовной соціологіей, особенно ярко выраженное французскимъ ученымъ Жоли и наблюдаемое также у Листа, именно склонность къ усиленію уголовной репрессіи. Листъ требуетъ суроваго обращенія въ тюрьмахъ и предпочитаетъ смертную казнь современному „нѣжничанью съ преступниками".

С. Н. Булгаковъ замѣтилъ, что утвержденіе Листа, повидимому, раздѣляемое и докладчикомъ, будто преступленіе и наказаніе вѣчны, какъ и само общество, является произвольнымъ и бездоказательнымъ. Въ историческомъ ходѣ соціальнаго развитія замѣчается тенденція къ ослабленію преступности. Ничѣмъ не обоснованное мнѣніе о вѣчности преступленія особенно странно слышать отъ соціолога-позитивиста который не можетъ не признавать, что понятіе преступленія относительно и представляетъ собой продуктъ измѣнчивыхъ и разнообразныхъ общественныхъ условій.

А. Э. Вормсъ, возражая докладчику, а также А. Б. Розенблюму и Н. В. Водовозову, настаивалъ на несостоятельности чистаго раціонализма въ области права вообще, и уголовнаго въ частности. Бентамъ, котораго одинъ изъ оппонентовъ признаетъ родоначальникомъ и лучшимъ выразителемъ правильныхъ воззрѣній на наказаніе, предлагалъ очевидно невозможный общій уголовный кодексъ для всѣхъ народовъ. То же увлеченіе идеей цѣлесообразности привело новѣйшихъ итальянскихъ криминалистовъ къ чудовищнымъ выводамъ. Такъ, Гарофало считаетъ полезнымъ казнить ежегодно въ одной Италіи отъ 2 до 3 тысячъ человѣкъ. Смертная казнь, равно какъ и нѣкоторые другіе виды уголовной репрессіи, отвергаются въ наше время, независимо отъ того, цѣлесообразны они или нѣтъ, но прежде всего потому, что они противорѣчатъ нравственному чувству современнаго человѣка. Самъ Листъ не выдерживаетъ своей основной точки зрѣнія и, какъ бы въ видѣ корректива, присоединяетъ къ ней принципъ охраны личной свободы.

Н. В. Водовозовъ возразилъ, что начало цѣлесообразности не оправдываетъ не только смертной казни, но и наказанія вообще. Можно считать признаннымъ, что всѣ карательныя мѣры не достигаютъ цѣли.

В. В. Пржевальскій высказалъ въ отвѣтъ своимъ оппонентамъ слѣдующее:

Не раздѣляя всѣхъ воззрѣній Листа, докладчикъ, однако, считаетъ несправедливыми упреки въ отсутствіи оригинальности и послѣдовательности, дѣлаемые этому писателю. Какъ было уже указано ранѣе, отношеніе Листа къ его предшественникамъ нельзя сводить къ простому заимствованію. Находя извѣстныя идеи у другихъ писателей въ

зародышѣ, онъ подвергаетъ ихъ основательной разработкѣ и возводитъ на степень научно достовѣрныхъ положеній. Въ видѣ примѣра можно указать на разграниченіе уголовнаго права и уголовной политики, которое еще довольно смутно обрисовывается у Генке и совершенно ясно и опредѣленно проводится Листомъ. Сопоставленіе различныхъ мыслей въ ученіи Листа не имѣетъ ничего общаго съ поверхностнымъ эклектизмомъ. Вопреки мнѣнію Н. В. Водовозова, детерминизмъ не только не противорѣчитъ идеѣ наказанія, но, напротивъ, даетъ ей обоснованіе, ибо только детерминистъ можетъ вполнѣ признать возможность опредѣленія воли мотивомъ уголовной угрозы. Признаніе докладчикомъ наказуемости душевно-больныхъ, являющееся дальнѣйшимъ развитіемъ этой мысли, не представитъ ничего страннаго, если мы будемъ понимать наказаніе какъ борьбу съ индивидуальными факторами преступности, измѣняющуюся въ зависимости отъ свойствъ преступнаго дѣятеля, и, въ случаѣ надобности, организуемую въ формѣ лѣченія. Современная психіатрія признаетъ возможность воздѣйствія на душевно-больныхъ путемъ устрашенія. Съ другой стороны, наказаніе психически-здороваго человѣка, имѣющее цѣлью его исправленіе, приспособленіе къ условіямъ соціальной жизни, въ сущности, есть тоже своего рода *соціальное* лѣченіе.

Ученіе Листа объ ограниченіи карательной власти гарантіями личной свободы составляетъ не чуждый придатокъ къ его теоріи, но логическое послѣдствіе широко понимаемаго принципа цѣлесообразности. Право преступника быть наказаннымъ въ опредѣленныхъ границахъ и до извѣстной мѣры—не софистическое измышленіе Листа. Эта мысль была впервые высказана Фихте и поддерживается современнымъ криминалистомъ Гейнце, который полагаетъ, что государство, наказывая преступника, какъ бы предоставляетъ ему возможность цѣной опредѣленнаго выкупа остаться въ средѣ даннаго общества. Что касается взгляда Листа на преступленіе, какъ на явленіе постоянное, то въ пользу его говорятъ и статистическія цифры, показывающія, за послѣднія десятилѣтія, почти во всѣхъ европейскихъ государствахъ не ослабленіе, а возрастаніе преступности, чему, по преимуществу, нужно приписать и успѣхъ антропологической школы. Понимая преступленіе какъ неприспособленность къ даннымъ общественнымъ условіямъ, мы можемъ съ полнымъ правомъ говорить о его вѣчности.

Наконецъ, по поводу обвиненія Листа въ склонности къ жестокимъ репрессивнымъ мѣрамъ нужно замѣтить, что Листъ, какъ и Ломброзо, суровъ только къ неисправнымъ рецидивистамъ, „хроническимъ преступникамъ", какъ онъ ихъ называетъ. Напротивъ, для преступниковъ случайныхъ, составляющихъ вездѣ большинство, онъ требуетъ смягченія существующихъ карательныхъ мѣръ, возставая особенно

противъ широкаго примѣненія лишенія свободы за маловажные проступки. Докладчикъ имѣлъ случай убѣдиться изъ личнаго разговора съ Листомъ, что онъ не принадлежитъ къ числу принципіальныхъ сторонниковъ смертной казни, но только считаетъ ее менѣе вредной для общества, чѣмъ существующія тюрьмы съ ихъ развращающимъ вліяніемъ на заключенныхъ.

Предсѣдатель Общества *С. А. Муромцевъ* отмѣтилъ, какъ выясненный преніями фактъ, несомнѣнное вліяніе Листа на современную уголовно-правовую науку, объясняющееся, главнымъ образомъ, личными свойствами его, какъ писателя, и, прекращая, въ виду поздняго времени, обсужденіе доклада, выразилъ отъ имени Общества надежду возвратиться къ нему въ будущемъ.

Засѣданіе закрыто въ 11$^3/_4$ часовъ вечера.

Засѣданіе 13 марта 1895 года.

Открыто въ 8$^1/_4$ час. веч. предсѣдателемъ Общества **С. А. Муромцевымъ**, при секретарѣ **М. Н. Соболевѣ**, въ присутствіи почетнаго члена **А. М. Фальковскаго**, дѣйствительныхъ членовъ: **С. Н. Булгакова, Г. Л. Вербловскаго, гр. Л. А. Камаровскаго, И. Н. Сахарова, В. А. Гольцева, В. Н. Вольтмана, А. Э. Ворнса, С. Е. Сабинина, В. Н. Сторожева, П. И. Бѣляева, П. Н. Лухманова, Ѳ. Ѳ. Кокошкина. В. В. Пржевальскаго, В. В. Сиротинина, С. А. Лилина, В. Н. Сергѣева.**

I. Читанъ и утвержденъ протоколъ засѣданія 6 марта 1895 г.

II. Избраны въ дѣйствительные члены Общества: *М. И. Туганъ-Барановскій*, магистръ политической экономіи, *А. И. Золотаревъ*, оставленный при Демидовскомъ лицеѣ по каѳедрѣ государственнаго права, *А. И. Ѳоминъ* и *М. Е. Земцовъ*, статистики Тобольской губерніи, *Т. Н. Іоаннисянцъ*, помощникъ прис. пов., *В. И. Витковскій*, кандидатъ на суд. должности при Московскомъ окружномъ судѣ, *Н. М. Тэріанъ*, кандидатъ правъ, *П. Н. Обнинскій*, бывшій прокуроръ Московскаго окружнаго суда, *М. В. Комаревскій*, судебный слѣдователь г. Москвы.

III. Дѣйствительный членъ графъ *Л. А. Камаровскій* прочиталъ докладъ: „О книгѣ Б. Н. Чичерина: „Курсъ государственной науки" (напечатанъ въ „Журналѣ Юридич. Общества при Спб. Университетѣ", апрѣль, 1895, стр. 23—38).

В. А. Гольцевъ указалъ на выдающееся значеніе Б. Н. Чичерина, какъ юриста. Его „Областныя учрежденія", „Исторія политическихъ ученій" составляютъ эпоху въ исторіи науки русскаго права. Однако референтъ, повидимому, даетъ слишкомъ преувеличенную оцѣнку новому труду Б. Н. Въ этомъ сочиненіи замѣчаются и всѣ недостатки, и всѣ достоинства той школы, къ которой принадлежитъ авторъ. Школа эта—Гегелевская, положившая въ основаніе ученія идею о

тріадѣ; первая форма правленія переходитъ во вторую и третью, и затѣмъ народъ опять возвращается къ первой формѣ. Однако, разсматриваемая школа потерпѣла за послѣднюю четверть вѣка значительные удары, такъ какъ были произведены изслѣдованія первобытнаго права, давшія вопросу совершенно иную постановку, и т. д. Далѣе, слѣдуетъ отмѣтить глубокое пренебреженіе Чичерина къ Огюсту Конту, Спенсеру и другимъ мыслителямъ того же направленія; конечно, можно не сочувствовать извѣстнымъ направленіямъ, но нельзя ихъ игнорировать, потому что такой пріемъ ненаученъ. Точно также Чичеринъ совершенно игнорируетъ историческія изысканія, что даетъ ему возможность рѣзко высказываться противъ американской жизни, именно говорить, будто демократія не можетъ иначе управляться, какъ подлогами. Это положительно невѣрно. Въ послѣднее время, какъ свидѣтельствуетъ Брайсъ и др., американскій народъ энергично борется съ системой подлоговъ; эта система—плодъ плутократіи, а не демократіи. У Чичерина есть ссылка на Штейна; указывается, что изъ всѣхъ новыхъ писателей одинъ Штейнъ стоитъ на правильной дорогѣ. Это весьма знаменательно, потому что Штейнъ—гегеліанецъ, хотя онъ и не сторонникъ сословнаго государства, какимъ является Б. Н. Достоинствами Чичерина являются стройность изложенія, ясность, точность; но отъ его сочиненія не вѣетъ живымъ духомъ изслѣдованія, что̀ обусловливается принадлежностью его къ устарѣвшей и отжившей школѣ.

Ѳ. Ѳ. *Кокошкинъ* высказался по поводу упрека, сдѣланнаго гр. Л. А. Камаровскимъ Б. Н. Чичерину за его взглядъ на абсолютизмъ государственной власти. Слово „абсолютизмъ" имѣетъ двоякое значеніе: 1) оно обозначаетъ свойство государственной власти, суверенитетъ, 2) извѣстную политическую теорію. Чичеринъ, повидимому, понималъ это слово въ первомъ смыслѣ. Государственная власть, конечно, верховна, и потому неограничена; хотя она и дѣйствуетъ въ предѣлахъ закона, но сама диктуетъ себѣ законы. Другими словами, государственная власть сама себя ограничиваетъ. Обыкновенно, когда говорятъ, что государственная власть имѣетъ предѣлы, указываютъ на права гражданъ, конституціонныя права и т. п. Однако, конституціонныя права исходятъ точно также отъ государственной власти, которая можетъ измѣнить ихъ на совершенно закономѣрномъ основаніи. Другое дѣло—абсолютизмъ, какъ политическая теорія, требующая дѣятельнаго вмѣшательства государства во всѣ стороны народной жизни. Конечно, нельзя спорить противъ существованія извѣстныхъ политическихъ и нравственныхъ границъ, поставленныхъ государственной власти, но эти границы чисто нравственнаго характера, а не юридическаго; онѣ измѣняются вмѣстѣ съ измѣненіями въ обще-

ственномъ самосознаніи. Слѣдуетъ помнить, что нравственныя границы, на которыя указываютъ противники абсолютизма государственной власти, составляютъ политическій принципъ и не имѣютъ юридическаго характера.

П. И. Бѣляевъ возразилъ Θ. Θ. Кокошкину, что его положенія вызываютъ недоумѣніе: государство, какъ обладающее суверенной властью, абсолютно; но утвержденіе этой абсолютности должно быть оговорено и можетъ быть одностороннимъ. Смотрѣть на дѣло такимъ образомъ можно развѣ только съ точки зрѣнія государственнаго права. Самое первое ограниченіе—въ международной области. Можно ли называть государство абсолютнымъ, когда въ силу самосознанія новой цивилизаціи надъ государствомъ возвышается международный союзъ? Это сознаніе получаетъ себѣ выраженіе въ нѣкоторыхъ учрежденіяхъ, создаваемыхъ международнымъ союзомъ для защиты противъ отдѣльныхъ государствъ, напр., въ международныхъ судахъ. Почему сугодарственное право игнорируетъ международныя отношенія? Можетъ ли оно считать себя настолько выше международнаго права, чтобы его игнорировать? Правда, въ международной области нѣтъ высшаго суда, однако существуютъ средства защиты и принужденія. Такимъ образомъ, нельзя не признать одностороннимъ проведеніе идеи абсолютности государства точно такъ же, какъ односторонне говорить объ абсолютности права собственности. Другое замѣчаніе на слова Θ. Θ. Кокошкина можно сдѣлать относительно терминологіи. Оппонентъ высказывалъ, что государство является свободнымъ какъ въ установленіи какого-нибудь права, такъ и въ его отмѣнѣ, что нельзя считать государство связаннымъ какими бы то ни было правами, такъ какъ оно само есть источникъ всякихъ правъ. Здѣсь слѣдовало бы различать формальный и реальный моментъ. Съ формальной точки зрѣнія, государство есть источникъ права; но съ реальной стороны, государство не только связано нравственными принципами, но и подчиняется пріобрѣтеннымъ правамъ лицъ и корпорацій; послѣднія права принудительно руководятъ государствомъ. Такъ, напр., формально шаріатъ на Кавказѣ былъ признанъ государствомъ; но государство *должно* было признать шаріатъ въ видахъ общественной безопасности и интереса. Наконецъ, кромѣ нравственныхъ соображеній, существуютъ и фактическія силы, принуждающія государство.

Θ. Θ. Кокошкинъ указалъ на то, что обязанности, налагаемыя международнымъ правомъ, взяты государствомъ добровольно, на основаніи свободнаго договора. Международный союзъ не имѣетъ принудительной власти, которая властвовала бы. Фактическія же отношенія и силы, полагающія границы для государственной власти, не имѣютъ юридическаго значенія и потому не могутъ быть принимаемы въ соображеніе при выясненіи юридическихъ формъ.

А. М. Фальковскій указалъ на то, что Б. Н. Чичеринъ игнорируетъ новыя доктрины о государствѣ. Чтобы составить правильное ученіе о государствѣ, нужно руководиться не отвлеченными соображеніями, а запастись историческими и фактическими данными. Только такимъ путемъ можно выяснить ученіе о формахъ государства, о суверенитетѣ его и т. д. Въ пренебреженіи къ историческимъ изысканіямъ заключается главный недостатокъ Чичерина. Но зато онъ признаетъ могущество идей; въ этомъ большая его заслуга.

Графъ Л. А. Камаровскій сказалъ, что рефератъ, конечно, далеко не исчерпалъ всего богатаго содержанія книги Чичерина. Главная цѣль доклада была обратить вниманіе на эту книгу. Если Чичеринъ думаетъ, что наука государственнаго права не двинулась впередъ за послѣднія 25 лѣтъ, то это не указываетъ на его незнакомство съ новыми работами и новыми теченіями. Онъ стоитъ на общей, отвлеченной точкѣ зрѣнія. По его мнѣнію, масса новаго матеріала накопилась, но не освѣщена философскими обобщеніями. Въ этомъ онъ правъ: дѣйствительно, государственная наука въ творческой области не двинулась впередъ. Нѣтъ новыхъ стройныхъ, законченныхъ системъ, какія были въ первой половинѣ XIX вѣка. Мы больше знаемъ, но мыслимъ менѣе оригинально. Нельзя далѣе согласиться съ замѣчаніями Ѳ. Ѳ. Кокошкина. Государство, несомнѣнно, не абсолютно; оно ограничено не только фактически, но даже и юридически. Оно не есть послѣдній источникъ права. Такъ, хотя договоръ не создаетъ права, но признаетъ то, что вырабатывается всей жизнью. Государство ограничено уже, какъ членъ извѣстнаго цѣлаго, именно международнаго союза, точно такъ же, какъ ограниченъ человѣкъ, являясь членомъ общества. Сами государства признавали, что они ограничены всѣмъ международнымъ союзомъ. „Ordre social высится надъ отдѣльными государствами“, сказано въ Лондонской декларацiи 1831 года. Далѣе, государство ограничено, какъ человѣческое учрежденіе, своей внутренней природой. Абсолютно только то, что внѣ времени и пространства. Государство не можетъ быть абсолютнымъ, такъ какъ оно преслѣдуетъ земные интересы.

А. П. Золотаревъ замѣтилъ, что трудъ Б. Н. Чичерина свободенъ отъ упрека въ абстрактности, въ схоластикѣ. Это доказываетъ его взглядъ на неограниченность государственной власти. Если держаться мысли, что право существуетъ тамъ, гдѣ есть принужденіе, то слѣдуетъ согласиться съ учеными, признающими за государствомъ неограниченную власть. Такъ какъ ничто въ настоящее время не можетъ принудить само государство къ чему-либо, то нельзя говорить объ ограниченіи государства. Совершенно другой вопросъ, какова государственная власть въ реальности. Чичеринъ дѣлаетъ различіе

между идеальнымъ и реальнымъ субъектомъ верховенства. Идеальный субъектъ—само государство, реальный субъектъ—органъ власти. Возьмемъ ли мы демократію или абсолютную монархію, вездѣ есть государственная власть, и вездѣ она неограничена. Иное дѣло, неограниченъ ли реальный субъектъ верховенства. Говорятъ, что государство необходимо должно имѣть представителя, который будетъ неограниченъ, какъ представитель неограниченнаго государства. Однако, представитель—только первый органъ государства, а не отнюдь не неограниченный субъектъ. Правда, у Чичерина проглядываетъ коегдѣ абсолютистическая точка зрѣнія. Вообще Чичеринъ не имѣлъ стройной юридической конструкціи, и, съ этой точки зрѣнія, его нельзя судить. Зато онъ говорилъ о жизненныхъ вопросахъ: его книга носитъ гораздо болѣе жизненный характеръ, чѣмъ сочиненія современныхъ нѣмецкихъ ученыхъ.

А. Э. Вормсъ замѣтилъ, что существуютъ и юридическія, чисто логическія средства для доказательства ограниченности государственной власти. Въ предшествующемъ обмѣнѣ мыслей идея договора была взята изъ гражданскаго права старой школы. Понятіе договора шире, чѣмъ это думаетъ Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ. Договоры создаютъ правоотношенія и ограничиваютъ волю. Юридическое лицо, стоящее надъ членами, возникло, правда, по согласію членовъ, но оно ограничиваетъ членовъ. Таковы международные договоры, напр., договоръ объ образованіи Германской имперіи, которому подчинились суверенныя государства.

В. Н. Вольтманъ остановился на центральномъ вопросѣ въ преніяхъ—вопросѣ объ абсолютизмѣ государственной власти. Утверждаютъ, что государство ограничивается международнымъ союзомъ, свободой личности, церковью и гражданскимъ союзомъ. Однако, международный союзъ не ограничиваетъ суверенитета отдѣльныхъ государствъ; еслибы этотъ союзъ былъ абсолютенъ, то отдѣльныя государства потеряли бы суверенитетъ. Что касается свободы личности, то, конечно, государство появилось позднѣе общежитія. Чтò же возводитъ лицо въ юридическую личность и дѣлаетъ правоспособнымъ? Только государство. Съ точки зрѣнія политической доктрины, каждая личность должна быть правоспособна; но пока рабъ не получилъ отъ государства свободы, онъ не юридическая личность. Личность есть то, что создается государствомъ; поэтому она и не можетъ ограничивать государства. Церковь, далѣе, есть организація болѣе высокаго порядка, чѣмъ государство, такъ какъ она преслѣдуетъ болѣе высокіе интересы. Но изъ этого не слѣдуетъ, что церковь ограничиваетъ государственный абсолютизмъ. Христіанство, напр., неспособно ограничивать государство, какъ юридическій принципъ; оно

даетъ высшіе принципы, но только нравственнаго характера. Наконецъ, и гражданскій союзъ является юридическимъ только въ силу признанія со стороны государства.

Въ заключеніе, предсѣдатель *С. А. Муромцевъ* отмѣтилъ большое значеніе книги Б. Н. Чичерина, докладъ о которой возбудилъ массу принципіальныхъ и весьма важныхъ вопросовъ.

Засѣданіе было закрыто въ $11^1/_2$ час. вечера.

Засѣданіе 20 марта 1895 года.

Засѣданіе открыто въ 8 ч. 20 мин. предсѣдателемъ Общества **С. А. Муромцевымъ** при товарищѣ секретаря **В. В. Пржевальскомъ**, въ присутствіи гг. дѣйствительныхъ членовъ: **В. В. Выховскаго, Г. Л. Верблавскаго, В. Н. Вольтмана, І. И. Иллюстрова, Т. Н. Іоаннисянца, Ѳ. Ѳ. Кокошкина, С. А. Лилина, Г. Я. Лопатина, П. Н. Лухманова, Л. Е. Мандельштама, С. П. Мокринскаго, А. Я. Перельмана, В. Н. Сергѣева, Н. М. Тэріана и Н. Я. Фрейнда.**

I. Предложенъ къ баллотировкѣ въ дѣйствительные члены Общества *Николай Николаевичъ Кашкинъ*, исправляющій должность помощника секретаря Московской судебной палаты.

II. Дѣйствительный членъ *Г. Я. Лопатинъ* прочелъ докладъ „О недостаткахъ предварительнаго слѣдствія съ практической точки зрѣнія“.

І. И. Иллюстровъ замѣтилъ, что нѣкоторыя положенія докладчика уже давно извѣстны большинству и мало вносятъ новаго, но нѣкоторыя изъ нихъ даже вошли въ жизнь и осуществлены въ нашемъ военно-уголовномъ процессѣ. Указаніе докладчика на большое вліяніе прокуратуры на слѣдователя не выдерживаетъ критики. Докладчикъ много говорилъ о неопытности товарищей прокурора, но не коснулся здѣсь одинокаго положенія слѣдователя: слѣдователю обыкновенно спросить совѣта не у кого; гражданскій слѣдователь, большею частью, практически не подготовленъ къ своей дѣятельности. Военными слѣдователями назначаются помощники военныхъ прокуроровъ; этотъ порядокъ назначенія слѣдовало бы ввести и въ гражданскіе суды. Положеніе гражданскаго судебнаго слѣдователя, дѣйствительно, тяжелое, но г. Обнинскій, имѣющій за собою 20-лѣтній опытъ, не признаетъ подавляющаго вліянія прокурорскаго надзора на слѣдователей. Гражданскіе слѣдователи обязаны вести большое количество (9) излишнихъ канцелярскихъ книгъ, между тѣмъ, какъ военные слѣдователи ведутъ лишь 4 книги: настольный реестръ, входящій, исходящій и денежную книгу для расходовъ на разъѣзды. Въ сущности говоря, для слѣдователя можно ограничиться 3 первыми книгами. Положеніе судебнаго слѣдователя гражданскаго вѣдомства жалкое и забитое: онъ

пользуется далеко не всѣми прерогативами судебныхъ органовъ. Слѣдователь, говоря словами Обнинскаго, „стоитъ на аванпостахъ правосудія", а, вѣдь, служба на аванпостахъ вездѣ считается самою тяжелою. Онъ—то же, что пожарный: никогда не можетъ располагать своимъ временемъ. Слѣдователь считается членомъ окружнаго суда для судебныхъ засѣданій, а каникулярнаго времени не имѣетъ, какъ его имѣютъ члены суда. На должность слѣдователя надо назначать людей опытныхъ, уже довольно послужившихъ, и сократить для слѣдователей срокъ выслуги пенсій.

Г. Я. Лопатинъ объяснилъ, что въ своемъ докладѣ онъ хотѣлъ возразить, главнымъ образомъ, на статью г. Обнинскаго, прекрасную, но слишкомъ теоретичную. Обнинскій сказалъ, что „слѣдователь долженъ, какъ охотникъ, быть на слѣду преступленія", но это возможно лишь въ городѣ. Одинокость и забытость слѣдователя всѣмъ извѣстны. Въ слѣдователи люди попадаютъ все-таки не прямо со школьной скамьи и о полной неопытности слѣдователей не можетъ быть рѣчи; увлеченія слѣдователя можетъ сдерживать прокуратура.

В. В. Пржевальскій находилъ, что докладчикъ, обстоятельно изобразивъ многіе крупные недостатки нашего предварительнаго слѣдствія, не указалъ источника, изъ коего большая часть ихъ проистекаетъ. Между тѣмъ, для того, чтобы наши мѣропріятія, направленныя къ устраненію этихъ недостатковъ, не были простыми палліативами, надо воздѣйствовать на самую причину, коею обусловливается неудовлетворительное состояніе нашей слѣдственной части. Эта коренная причина лежитъ въ самомъ строѣ нашего уголовнаго процесса. Уголовный процессъ по судебнымъ уставамъ 1864 года принадлежитъ къ господствующему нынѣ на континентѣ Европы типу процесса *смѣшаннаго* или *слѣдственно-обвинительнаго*. Проводя въ стадіи главнаго производства обвинительное начало съ большею послѣдовательностью, чѣмъ германскій уставъ уголовнаго судопроизводства, нашъ уголовный процессъ въ гораздо меньшей степени проникнутъ обвинительнымъ началомъ въ стадіи предварительнаго производства, чѣмъ процессъ германскій, а тѣмъ болѣе—австрійскій. Реформированіе всего нашего уголовнаго процесса вообще, въ особенности же предварительнаго слѣдствія, должно производиться въ духѣ все бо́льшаго и бо́льшаго проникновенія его обвинительнымъ началомъ. Усиленіе обвинительнаго начала въ нашемъ процессѣ можетъ быть въ значительной мѣрѣ достигнуто 1) тѣмъ, что законнымъ поводомъ къ начатію предварительнаго слѣдствія будетъ служить лишь предложеніе прокурорской власти, и исключительно прокурорскому надзору предоставлено будетъ право возбужденія уголовнаго преслѣдованія; 2) широкимъ допущеніемъ защиты въ теченіе всего предварительнаго слѣдствія. Про-

курору должно быть дано право отказывать и лицамъ, считающимъ себя пострадавшими отъ преступленія, въ производствѣ предварительнаго слѣдствія (отмѣна 303 ст. уст. уг. суд.). Съ другой стороны, нѣтъ никакого основанія допускать защиту на предварительномъ слѣдствіи лишь при предъявленіи обвиненія и при предъявленіи обвиняемому всего слѣдственнаго производства (ст. 476), какъ предлагаетъ докладчикъ. Защиту должно допустить при всѣхъ слѣдственныхъ дѣйствіяхъ: при допросахъ, осмотрахъ и т. п. Судебный слѣдователь есть судья, а прокуроръ и обвиняемый со своимъ защитникомъ—двѣ стороны. Далѣе, должно къ числу дѣлъ, не требующихъ обязательно производства предварительнаго слѣдствія, отнести случаи такъ называемаго „flagrant délit“, понимая это выраженіе въ томъ широкомъ смыслѣ, какой ему приданъ въ ст. 41-й французскаго Code d'instruction criminelle. Конечно, прокурорской власти и обвиняемому слѣдуетъ и въ этихъ случаяхъ дать право просить судъ о производствѣ предварительнаго слѣдствія.

Необходимость усиленія обвинительнаго начала въ слѣдственномъ производствѣ признана была еще въ проектѣ реформы предварительнаго слѣдствія, явившемся результатомъ трудовъ Высочайше учрежденной въ 1869 году подъ предсѣдательствомъ сенатора Петерса коммиссіи для изслѣдованія недостатковъ слѣдственной части. По этому проекту, возбуждать уголовное преслѣдованіе предоставлялось лишь прокурорскому надзору, и учреждалась судебная полиція. Быть можетъ, лучше, вмѣсто созданія особой судебной полиціи, поручать производство дознаній въ уѣздахъ не полицейскимъ урядникамъ — какъ это имѣетъ мѣсто теперь,—а выборнымъ должностнымъ лицамъ сельскаго и волостнаго самоуправленія. По крайней мѣрѣ, старые судебные дѣятели держатся того мнѣнія, что до 1878 года дознанія въ уѣздахъ, поручавшіяся тогда сельской полиціи, велись гораздо успѣшнѣе и скорѣе, нежели они теперь производятся становыми и урядниками. Нельзя согласиться съ мнѣніемъ докладчика о томъ, что неисполненіе слѣдователемъ предложеній прокурора и представленіе объ этомъ въ судъ обостряетъ отношенія между слѣдователемъ и прокуроромъ.

Г. Я. Лопатинъ возражалъ, что приводимая В. В. Пржевальскимъ причина главныхъ недостатковъ нашего предварительнаго слѣдствія — общеизвѣстна, а потому онъ и не считалъ нужнымъ на нее указывать. Докладчикъ ограничиваетъ допущеніе защиты на предварительномъ слѣдствіи двумя главными моментами послѣдняго не по принципіальнымъ соображеніямъ, а потому, что даже для этихъ двухъ моментовъ трудно найти достаточное число защитниковъ.

С. П. Мокринскій указалъ, что ему извѣстны и почтенные старцы - слѣдователи, у коихъ предварительное слѣдствіе идетъ плохо.

Значитъ, причину неудовлетворительнаго состоянія нашей слѣдственной части нельзя видѣть исключительно или, главнымъ образомъ, въ неподготовленности слѣдователей. Нашъ слѣдственный процессъ, дѣйствительно, мало проникнутъ обвинительнымъ началомъ. Англійскій обвинительный процессъ, съ теоретической точки зрѣнія, выше русскаго, но что хорошо въ Лондонѣ, то плохо у насъ. Во всякой странѣ такой процессъ, котораго она заслуживаетъ. При „flagrant délit" во Франціи слѣдствіе производитъ прокуроръ. „Oeffentliche Klage" у насъ непримѣнима, ибо у насъ крестьянинъ черезчуръ безправенъ, а защитниковъ взять негдѣ. Относясь скептически къ возможности перенесенія къ намъ французскаго и германскаго процесса, намъ можно обойтись своими средствами. Главная бѣда наша—неорганизованность дознанія. Необходимо ввести выборную сельскую полицію для производства дознаній—какъ это было до 1878 года.

Л. Е. Мандельштамъ видѣлъ главный недостатокъ предварительнаго слѣдствія въ неподготовленности слѣдователей. Слѣдователь долженъ быть слѣдственнымъ судьею и выбираться изъ членовъ суда. Неподготовленные слѣдователи не умѣютъ соблюсти тонкую разницу между гражданскою и уголовною неправдами. Выдача копій должна, въ интересахъ быстроты хода слѣдствія, производиться самимъ слѣдователемъ, а не судомъ—какъ это предлагаетъ докладчикъ. Дознаніе черезъ окольныхъ людей будетъ играть большую роль, если слѣдователь будетъ слѣдственнымъ судьею.

В. В. Быховскій не соглашался со взглядами I. И. Иллюстрова и Л. Е. Мандельштама на слѣдовательскую должность, какъ на нѣчто временное, какъ на промежуточную ступень. Слѣдователь долженъ смотрѣть на свою должность, какъ на идеалъ завершенія практической дѣятельности человѣка. Нельзя назначать въ слѣдователи членовъ суда, которымъ, говоря словами Ганса Гросса,—„уже чужда наука жизни". Судебную слѣдственную функцію надо выдѣлить въ самостоятельную часть. Слѣдственный судья долженъ быть начальникомъ самостоятельной части. Эта должность должна завершать жизненный путь и хорошо оплачиваться. Слѣдователь долженъ быть мастеромъ среди учениковъ — напримѣръ, кандидатовъ, помощниковъ. Не слѣдуетъ съуживать контингентъ лицъ, изъ коихъ могутъ быть выбираемы защитники на предварительномъ слѣдствіи, и не допускать къ этой защитѣ частныхъ повѣренныхъ. Пока у насъ правосознаніе слабо, нельзя устранить частныя жалобы изъ числа законныхъ поводовъ для начатія предварительнаго слѣдствія.

Г. Я. Лопатинъ находилъ идеалъ слѣдователя у В. В. Быховскаго смутнымъ. Докладчикъ отрицаетъ не частныя жалобы вообще какъ законные поводы къ начатію предварительнаго слѣдствія, а лишь

жалобы дутыя. Онъ желаетъ лишь видоизмѣненія процедуры дознанія черезъ окольныхъ людей, т. е. чтобы его производила полиція, а слѣдователь лишь провѣрялъ.

С. П. Мокринскій полагалъ, что нельзя культивировать въ странѣ процессъ, принятіе котораго въ странѣ не раціонально. Мы недостаточно культурны для англійскаго процесса. Нашъ крестьянинъ нуждается въ правительственной опекѣ. Частныхъ повѣренныхъ на предварительномъ слѣдствіи въ качествѣ защитниковъ допускать не слѣдуетъ.

В. В. Пржевальскій замѣтилъ, что нельзя видѣть главную причину неудовлетворительности нашего предварительнаго слѣдствія въ неорганизованности дознанія, ибо дознанія имѣютъ мѣсто далеко не во всѣхъ дѣлахъ, по коимъ производится предварительное слѣдствіе. Если нашъ народъ и не такъ культуренъ, какъ англійскій, то это не мѣшаетъ намъ реформировать наше право, пользуясь данными науки и опыта запада. Нельзя отрицать воспитательнаго вліянія законодательства на народъ. Защитниками на предварительномъ слѣдствіи можно назначать и кандидатовъ на судебныя должности.

С. А. Муромцевъ замѣтилъ, что частные повѣренные признаны самими судами, и потому можно говорить о недопущеніи къ защитѣ на предварительномъ слѣдствіи только остальныхъ частныхъ защитниковъ. Знаменательно, что въ теченіе короткаго времени въ Юридическомъ Обществѣ читается уже второй докладъ о предварительномъ слѣдствіи. Очевидно, это вопросъ, сильно интересующій Общество.

Засѣданіе закрыто въ 11 часовъ.

Засѣданіе 10 апрѣля 1895 года.

Засѣданіе открыто въ 8 часовъ 20 мин. вечера подъ предсѣдательствомъ гр. **Л. А. Камаровскаго**, при товарищѣ секретаря **В. В. Пржевальскомъ**, въ присутствіи почетнаго члена **А. М. Фальковскаго** и дѣйствительныхъ членовъ: **И. А. Базанова, П. И. Бѣляева, Н. А. Вокача, В. Н. Вольтмана, А. Э. Ворисa, Ю. С. Гамбарова, М. Я. Герценштейна, Н. А. Зачинскаго, А. П. Золотарева, Т. Н. Іоаннисянца, А. М. Краевскаго, С. А. Лилина, А. Н. Миклашевскаго, И. Н. Миклашевскаго, С. П. Мокринскаго, В. В. Сиротинина, Н. М. Тэріана и А. Е. Фаворскаго.**

I. Прочитанъ и утвержденъ протоколъ засѣданія 20 марта 1895 года.

II. Товарищемъ секретаря доложено о книгахъ, поступившихъ въ даръ Обществу, и объ отношеніи Московскаго Архитектурнаго Общества отъ 27 марта 1895 года, въ коемъ Архитектурное Общество, вслѣдствіе постановленія II-го Съѣзда Русскихъ Зодчихъ, обращается

къ Юридическому Обществу съ просьбою оказать ему содѣйствіе въ разработкѣ вопроса объ авторскомъ правѣ зодчаго на его произведенія.

III. Предсѣдатель довелъ до свѣдѣнія Общества отношеніе Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества отъ 15 марта 1895 года, въ коемъ Археологическое Общество предлагаетъ отложить дальнѣйшія совѣщанія и рѣшенія по вопросу объ образованіи „Союза Московскихъ ученыхъ и художественныхъ Обществъ“ до осени.

IV. Избранъ въ дѣйствительные члены Общества *Николай Николаевичъ Кашкинъ*.

V. Дѣйствительный членъ *И. Н. Миклашевскій* прочелъ докладъ „Водное право и водное законодательство въ Россіи“ (Напечатанъ въ „Русской Мысли“, 1895 г.).

А. М. Фальковскій замѣтилъ, что въ докладѣ собранъ богатый матеріалъ по обычному и статутному праву разныхъ народовъ, но что докладчикъ не высказалъ своего принципіальнаго взгляда.

Въ данномъ вопросѣ надо согласить принципъ права частной собственности съ принципомъ государственнаго вмѣшательства. Для разрѣшенія вопроса, слѣдовало бы сдѣлать болѣе точный и критическій обзоръ современныхъ законодательствъ. Главное дѣленіе водъ — двучленное: публичныя и частныя воды. Воды текучія надо урегулировать на началахъ государственнаго права. Оппонентъ согласенъ съ тенденціею докладчика — расширить публичное право государства на всѣ текучія воды. По отношенію къ судоходнымъ рѣкамъ, необходимо считаться еще со многими условіями и интересами: экономическими, стратегическими и т. д. Наше законодательство, за исключеніемъ законовъ, дѣйствующихъ въ Остзейскихъ губерніяхъ, слишкомъ мало развито по отношенію къ сервитутному праву въ водахъ частнаго обладанія. Очень жаль, что референтъ остановился на полудорогѣ и не высказалъ своего принципіальнаго взгляда.

Ю. С. Гамбаровъ, соглашаясь съ указаніями референта на несовершенство нашего воднаго законодательства и на значеніе вопроса для жизни, отмѣтилъ нѣкоторыя неточности и пробѣлы въ докладѣ. Докладчикъ упустилъ изъ виду важнѣйшія и образцовыя законодательства по водному праву — итальянское и испанское. Ознакомившись съ ними, онъ не сказалъ бы, что слѣдовало бы въ Закавказьѣ установить относительно верховьевъ рѣкъ иныя правила, чѣмъ для нижняго теченія.

Невѣрно указаніе, что во французскомъ правѣ лишь судоходныя рѣки принадлежатъ къ „domaines publics“. Такого взгляда держится лишь меньшинство французскихъ юристовъ, высшія же административныя учрежденія, кассаціонный судъ и большинство юристовъ — того мнѣнія, что и несудоходныя и сплавныя рѣки — предметъ общаго

пользованія. Референтъ мало остановился на временныхъ правилахъ, дѣйствовавшихъ относительно Маріинскаго канала и Кароякской степи и послужившихъ основою для теперешняго закона. Референтъ, передавъ содержаніе закона 1890 года, сказалъ, что насъ не должно безпокоить отсутствіе въ законѣ точнаго опредѣленія, кому принадлежитъ право собственности на воду. Одна статья этого закона говоритъ, что вода принадлежитъ частнымъ лицамъ. Это—недостатокъ закона. Воды должны составлять предметъ общественнаго обладанія. Отсутствіе подобнаго опредѣленія во французскомъ кадексѣ повело къ безконечнымъ спорамъ; пришлось раскапывать исторію воднаго права, рыться въ феодальномъ правѣ. Законъ долженъ точно сказать, есть ли это право собственности, или пользованія, и за кѣмъ оно признается. Съ пользованіемъ водою связано такъ много интересовъ и оно требуетъ такихъ затратъ, что его нельзя ставить въ зависимость отъ частнаго произвола. Всякое же регламентированіе ведетъ здѣсь къ уничтоженію права собственности, которое здѣсь недопустимо. Ограниченія существуютъ и въ нашемъ правѣ.

А. М. Фальковскій указалъ, что въ законѣ 1893 года есть статья, говорящая, что нѣкоторыя воды принадлежатъ частнымъ лицамъ. И по нашему праву, верховное обладаніе всѣми недвижимыми имуществами принадлежитъ государству.

Ю. С. Гамбаровъ объяснилъ, что, говоря о дѣленіи водъ на публичныя и частныя, мы остаемся въ области гражданскаго права. Мы говоримъ объ общественно-государственномъ пользованіи водою. Оппонентъ — не сторонникъ теоріи „доманистовъ", господствовавшей въ 17 и 18 вѣкахъ.

И. Н. Миклашевскій заявилъ, что онъ раздѣляетъ точку зрѣнія Ю. С. Гамбарова. Тутъ есть лишь недоразумѣніе. Докладчикъ не рекомендуетъ для Закавказскаго закона постановленій итальянскаго и испанскаго законодательства и ожидалъ возраженій по поводу французскаго права, ибо это вопросъ спорный. Докладчика тоже безпокоитъ отсутствіе общаго опредѣленія въ законѣ для Закавказья. Пусть, однако, законодатель не даетъ опредѣленій, если ихъ боится.

Предсѣдательствующій *Гр. Л. А. Камаровскій* выразилъ докладчику благодарность Общества за интересное сообщеніе и пожеланіе, чтобы въ Общество побольше представлялось докладовъ, основанныхъ, подобно сегодняшнему, на непосредственномъ изученіи жизненныхъ и правовыхъ отношеній.

Засѣданіе закрыто въ 11 час. 35 мин.

Засѣданіе 17 апрѣля 1895 года.

Засѣданіе открыто въ $8^{1}/_{2}$ часовъ вечера предсѣдателемъ Общества **С. А. Муромцевымъ** при товарищѣ секретаря **Ѳ. Ѳ. Кокошкинѣ**, въ присутствіи дѣйствительныхъ членовъ: **С. Н. Булгакова, В. В. Быховскаго, П. И. Бѣляева, В. Н. Витковскаго, Н. А. Вокача, В. Н. Вольтмана, Ю. С. Гамбарова, А. Г. Гусакова, А. П. Золотарева, Т. Н. Іоаннисьянца, Н. Н. Кашкина, А. М. Краевскаго, С. А. Лилина, И. В. Мандельштама, С. П. Мокринскаго, И. Х. Померанцева, В. В. Сиротинина, М. Н. Соболева, В. Н. Сторожева, Н. М. Тэріана, И. Я. Фрейнда.**

Дѣйствительный членъ *В. Н. Сторожевъ* прочелъ докладъ: „Къ вопросу о гарантіяхъ личной свободы въ Англіи (по поводу изслѣдованія профессора В. Ф. Дерюжинскаго о Habeas Corpus Act)“.

Изложивъ въ главныхъ чертахъ содержаніе книги В. Ф. Дерюжинскаго: „Habeas Corpus Актъ и его пріостановка по англійскому праву“, и отмѣтивъ наиболѣе важные и интересные выводы автора, докладчикъ пришелъ къ слѣдующему заключенію относительно научнаго значенія разобраннаго имъ труда. Главный упрекъ, который слѣдуетъ сдѣлать профессору Дерюжинскому, относится къ узкой постановкѣ вопроса въ его сочиненіи. Авторъ ограничиваетъ свою задачу изученіемъ приказа Habeas Corpus ad Subjicendum, въ его примѣненіи къ публично-правовымъ отношеніямъ и въ томъ видѣ, въ какомъ этотъ институтъ является въ законодательствѣ собственно Англіи. Желательно было бы, расширивъ рамки изслѣдованія, остановиться на другихъ видахъ приказа Habeas Corpus, кромѣ H. C. ad Subjicendum, а также выяснить значеніе этого послѣдняго въ частно-правовыхъ отношеніяхъ и формы примѣненія его внѣ предѣловъ Англіи, въ особенности, въ С. А. Соединенныхъ Штатахъ. Вообще, должно пожалѣть объ отсутствіи въ книгѣ общаго очерка гарантій личной свободы въ другихъ законодательствахъ, кромѣ англійскаго. Далѣе, нельзя не указать, что въ разбираемомъ трудѣ, въ противоположность извѣстному сочиненію Дайси, на которое онъ отчасти опирается, слишкомъ слабо подчеркнуто значеніе Habeas Corpus, какъ процессуальной нормы, созданной чисто-практическими потребностями. Не выясненъ также съ надлежащей полнотой практическій характеръ полномочій правительства при пріостановкѣ Habeas Corpus Акта.

Указанные недостатки изслѣдованія проф. В. Ф. Дерюжинскаго съ избыткомъ выкупаются его выдающимися достоинствами, позволяющими этой работѣ занять видное мѣсто не только въ русской, но и въ общеевропейской юридической литературѣ. Сюда относится, прежде всего, высокій научный и общественный интересъ темы изслѣ-

дованія, привлекающей къ себѣ вниманіе не только спеціалистовъ, но и всякаго образованнаго читателя. Благодаря солидной научной подготовкѣ, автору удалось выдвинуть на первый планъ все существенное въ затронутомъ имъ вопросѣ, а добросовѣстное изученіе фактическаго матеріала и широкое знакомство съ литературой предмета дало ему возможность не только отмѣтить неправильное освѣщеніе Habeas Corpus Act'a въ нѣмецкой юриспруденціи, но и исправить ошибки въ историческомъ очеркѣ этого института у такихъ выдающихся англійскихъ писателей, какъ Дайси и Мей. Въ особенную заслугу автору нужно поставить то обстоятельство, что онъ возстановляетъ по первоисточникамъ фактическую обстановку пріостановокъ Habeas Corpus Act, встрѣчающихся въ англійской исторіи, и ясно доказываетъ ошибочность весьма распространеннаго воззрѣнія, сближающаго эту мѣру съ т. н. „осаднымъ“ или „военнымъ положеніемъ“ континентальныхъ государствъ Европы.

Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ указалъ на нѣкоторую неполноту оцѣнки, данной въ докладѣ книгѣ В. Ф. Дерюжинскаго. Отдавая справедливую дань достоинствамъ этого сочиненія, докладчикъ упустилъ изъ виду нѣкоторые существенные его недостатки. Такимъ недостаткомъ нужно признать отсутствіе въ книгѣ теоретическаго освѣщенія предмета. Habeas Corpus принадлежитъ къ категоріи т. н. „правъ свободы“ (Freiheitsrechte), юридическая конструкція которыхъ представляетъ спорный вопросъ современной публицистической науки. Между тѣмъ авторъ разбираемаго труда не даетъ опредѣленія юридической природы занимающаго его института и не указываетъ его мѣста въ общей системѣ государственнаго права. Этотъ пробѣлъ находится въ связи съ общимъ характеромъ книги В. Ф. Дерюжинскаго, въ которой описательно-историческій элементъ преобладаетъ надъ чисто-юридическимъ. Авторъ довольно подробно останавливается на перипетіяхъ междуусобныхъ войнъ, вызывавшихъ пріостановку Habeas Corpus Act въ Англіи, на связанныхъ съ этой мѣрой парламентскихъ преніяхъ, которыя въ сущности оказываются весьма однообразными. Между тѣмъ, сравненіе пріостановки Habeas Corpus Act съ исключительными мѣрами континентальныхъ государствъ, представляющее значительно большій юридическій интересъ, занимаетъ слишкомъ скромное мѣсто. Между прочимъ, въ этомъ сравненіи не принято во вниманіе австрійское законодательство, отличающееся нѣкоторыми существенными особенностями отъ германскаго и французскаго.

В. Н. Сторожевъ возразилъ, что отмѣченные оппонентомъ недостатки сочиненія проф. Дерюжинскаго, именно отсутствіе теоретическаго изслѣдованія института Habeas Corpus и сравненія его съ гарантіями личной свободы въ другихъ государствахъ, были указаны

и въ докладѣ. Что же касается упрека въ чрезмѣрной подробности исторической части, то онъ представляется докладчику несправедливымъ. Описанія межуусобныхъ войнъ вовсе не занимаютъ у В. Ф. Дерюжинскаго столь значительнаго мѣста, а подробное изложеніе парламентскихъ преній можетъ показаться излишнимъ только на первый взглядъ и, напротивъ, явится въ совершенно иномъ свѣтѣ, какъ скоро мы примемъ во вниманіе, что оно составляетъ плодъ самостоятельныхъ изслѣдованій автора, который въ этомъ пунктѣ не могъ опереться на готовые выводы предшественниковъ.

А. П. Золотаревъ замѣтилъ, что въ послѣднее время научная критика обращаетъ слишкомъ мало вниманія на теоретическую сторону юридическихъ работъ, отдавая преимущество точному и добросовѣстному изслѣдованію фактовъ. Это направленіе, благопріятствующее и безъ того усиливающейся спеціализаціи знаній, отразилось въ частности на сдѣланной докладчикомъ оцѣнкѣ книги В. Ф. Дерюжинскаго, въ смыслѣ преувеличенія заслугъ автора. Разбираемый трудъ, какъ это признаетъ самъ референтъ, носитъ до нѣкоторой степени „антикварный" характеръ. Кромѣ того, онъ является и слишкомъ спеціальнымъ, такъ какъ содержаніе его составляетъ въ сущности мелкій вопросъ. Habeas Corpus Act есть не что иное, какъ *одна* изъ гарантій личной свободы, входящихъ въ свою очередь, какъ часть въ одинъ изъ отдѣловъ юридической науки.

В. Н. Сторожевъ возразилъ, что замѣчаніе А. П. Золотарева отчасти основано на недоразумѣніи. Докладчикъ нигдѣ не приписывалъ труду проф. Дерюжинскаго „антикварнаго" характера и несогласенъ съ такой его характеристикой. Авторъ изучаетъ живой, дѣйствующій институтъ, но изучаетъ его исторически, а потому, естественно, не можетъ не вдаваться въ нѣкоторыя историческія подробности. Что касается „мелкости" избраннаго вопроса, то врядъ ли можно примѣнить этотъ эпитетъ къ институту, составляющему, въ глазахъ самихъ англичанъ, „гордость британской націи".

А. П. Золотаревъ объяснилъ, что, называя Habeas Corpus „мелкимъ" вопросомъ, онъ имѣлъ въ виду не практическую, а исключительно научную точку зрѣнія. Историческій элементъ, конечно, необходимъ и въ юридическомъ изслѣдованіи. Но выводы самаго доклада, въ общемъ, производятъ такое впечатлѣніе, что сочиненіе, о которомъ идетъ рѣчь, является, такъ сказать, „черной работой", собраніемъ фактовъ, цѣннымъ для будущихъ изслѣдователей. Не отрицая важнаго значанія подобныхъ работъ, оппонентъ хотѣлъ только указать на чрезмѣрное возвеличеніе добросовѣстности и тщательности научныхъ трудовъ, замѣчаемое въ современной критикѣ.

В. Н. Сторожевъ замѣтилъ, что уваженіе къ добросовѣстности

научнаго труда врядъ ли можно ставить въ упрекъ критику. Наше время страдаетъ скорѣе противоположеннымъ недостаткомъ.

С. А. Муромцевъ выразилъ пожеланіе, чтобы въ Обществѣ установился обычай систематическихъ сообщеній о текущей юридической литературѣ, подобныхъ выслушанному реферату, и, коснувшись затѣмъ вызванныхъ послѣднимъ преній, задалъ докладчику вопросъ: причисляетъ ли онъ трудъ проф. Дерюжинскаго къ догматическимъ или историческимъ изслѣдованіямъ? Отъ того или другого рѣшенія этого вопроса зависитъ и значеніе теоретическаго элемента, отсутствіе котораго въ книгѣ отмѣтили оппоненты докладчика. Въ сочиненіяхъ догматическаго типа теоретическія обобщенія должны занимать первенствующее мѣсто, въ изслѣдованіяхъ по исторіи права—подчиненное.

В. Н. Сторожевъ отвѣтилъ, что разсмотрѣнное имъ сочиненіе должно отнести скорѣе къ категоріи историко-юридическихъ работъ.

Засѣданіе закрыто въ 10 часовъ 40 м. вечера.

Засѣданіе 24 апрѣля 1895 г.

Засѣданіе открыто въ $8^{1}/_{4}$ час. веч. подъ предсѣдательствомъ **Н. А. Зачинскаго**, при секретарѣ **М. Н. Соболевѣ**. Присутствовали: почетный членъ **А. М. Фальковскій** и дѣйствительные члены: **С. А. Лилинъ**, князь **Ѳ. В. Мещерскій**, **В. В. Сиротининъ**, **В. В. Пржевальскій**, **Н. Н. Кашкинъ**, **П. И. Бѣляевъ**, **А. Э. Вормсъ**, **Н. М. Тэріанъ**, **В. И. Витковскій** и **А. М. Краевскій**.

I. Читанъ и утвержденъ протоколъ засѣданія 13 марта 1895 г.

II. Дѣйствительный членъ *гр. Л. А. Камаровскій* прочиталъ докладъ: „Вторая конференція по частному международному праву въ Гаагѣ 1894 г.“ (напечатанъ въ V томѣ „Сборника Правовѣдѣнія“).

А. М. Фальковскій указалъ на то, что многіе принципы, которые только теперь приняты гаагской конференціей, давно уже получили признаніе въ наукѣ. Таковъ, напримѣръ, вопросъ о признаніи національнаго закона. Напрасно, далѣе, гаагская конференція отклонила обсужденіе вопроса о несостоятельности. При современномъ развитіи торговли и промышленности, необходимо единство законодательныхъ нормъ во всѣхъ государствахъ. Въ наслѣдственной области конференція высказала, что все опредѣляется личнымъ станутомъ мужа. Однако иногда приходится принимать въ соображеніе и статутъ жены, потому что въ противномъ случаѣ можно создать несправедливость. Это было упущено изъ виду собраніемъ. Можно считать смѣлостью

попытку въ короткое время рѣшить всѣ сложные вопросы и привести къ единству разнообразнѣйшія юридическія нормы.

Гр. Л. А. Камаровскій. Дѣйствительно, странна мысль браться среди праздниковъ, въ короткое время за рѣшеніе сложныхъ вопросовъ, о которыхъ ученые спорили въ теченіе вѣковъ. Однако, условія работы современныхъ юристовъ теперь иныя. Въ городъ съѣзжаются знатоки дѣла, выдающіеся юристы. Сборники всѣхъ дѣйствующихъ законодательствъ были переданы имъ заранѣе. Въ кабинетахъ были ими выработаны взгляды. На съѣздѣ подводятся только итоги, происходитъ обмѣнъ мыслей. Конференція не можетъ и не должна высказывать новое; она отправляется отъ существующаго и старается разрѣшать столкновенія между дѣйствующими правами. Конечно, конференція еще не затронула многихъ вопросовъ, но это вѣдь только начало работы.

А. М. Краевскій выразилъ недоумѣніе, почему коференція не остановилась на вексельномъ правѣ. Разъ она коснулась несостоятельности, было естественно обратиться къ векселямъ.

Гр. Л. А. Камаровскій отвѣтилъ, что это объясняется новостью дѣла. Оно недавно начато, и потому многіе вопросы еще не подверглись обсужденію.

Засѣданіе закрыто въ 10 ч. вечера.

Засѣданіе 8 мая 1895 года.

Засѣданіе открыто въ 8 час. 20 мин. вечера предсѣдателемъ Общества **С. А. Муромцевымъ** при товарищѣ секретаря **Ѳ. Ѳ. Кокошкинѣ**, въ присутствіи почетнаго члена **А. М. Фальковскаго** и дѣйствительныхъ членовъ: **Н. В. Васнина, Г. Л. Вербловскаго, А. Э. Ворме, В. И. Витковскаго, Т. Н. Іоаннисянца, И. Б. Мандельштама, С. П. Мокринскаго, А. Я. Перельмана, А. В. Розенблюма, В. Н. Сергѣева, В. В. Сиротинина, Н. М. Тэріана, А. Э. Штейнфинкеля, Г. Л. Юровскаго.**

I. Читанъ и утвержденъ протоколъ засѣданія 17 апрѣля 1895 г.

II. Дѣйствительный членъ *Г. Л. Вербловскій* прочелъ докладъ: „Къ пересмотру Судебныхъ Уставовъ (уставъ гражданскаго судопроизводства)“. (Напечатанъ въ „Журналѣ Минист. Юстиціи“, 1895, іюнь и октябрь).

По предложенію предсѣдателя С. А. Муромцева, пренія отложены до одного изъ ближайшихъ засѣданій 1895—96 академическаго года.

Засѣданіе закрыто въ $10^1/_2$ часовъ вечера.

Засѣданіе 2 октября 1895 года.

Засѣданіе открыто въ 8¹/₄ час. веч. предсѣдателемъ **С. А. Муромцевымъ**, при секретарѣ **М. Н. Соболевѣ**, въ присутствіи дѣйствительныхъ членовъ: **Г. Л. Вербловскаго, Н. А. Каблукова, И. Н. Миклашевскаго, А. Н. Миклашевскаго, князя Ѳ. В. Мещерскаго, В. В. Сиротинина, В. Н. Сторожева, В. А. Косинскаго, Н. А. Карышева, И. Х. Озерова, С. Н. Булгакова, А. А. Раевскаго, А. Э. Вормса, А. В. Горбунова, П. И. Бѣляева и В. В. Пржевальскаго.**

I. Предсѣдатель Общества, открывая засѣданіе, указалъ на чувствительную потерю, понесенную Россіей въ лицѣ почетнаго члена Юридическаго Общества Дмитрія Александровича Ровинскаго. Покойный началъ свою служебную дѣятельность еще въ до-реформенномъ судѣ, но уже тамъ сумѣлъ высоко поставить себя въ качествѣ губернскаго прокурора. Въ эпоху реформъ мы видимъ Д. А. въ числѣ первыхъ борцевъ за новыя юридическія начала. Такъ, Д. А. выступилъ рѣшительнымъ противникомъ тѣлесныхъ наказаній; ему же принадлежитъ честь подачи первой записки въ пользу введенія суда присяжныхъ. Съ введеніемъ Судебныхъ Уставовъ Д. А. явился выдающимся дѣятелемъ судебной корпораціи и именно въ Москвѣ. До самаго конца жизни Д. А. былъ представителемъ свѣтлой и плодотворной эпохи пятидесятыхъ годовъ. Вспоминая дѣятельность Д. А., мы должны почтить его память.

По предложенію предсѣдателя, Юридическое Общество стоя выслушало слѣдующую резолюцію: Московское Юридическое Общество, вспоминая особенныя заслуги своего почетнаго члена Дмитрія Александровича Ровинскаго въ дѣлѣ проведенія судебной реформы и въ области науки и искусства, съ чувствомъ глубокаго прискорбія заноситъ въ свой протоколъ извѣстіе о его кончинѣ.

II. Товарищъ предсѣдателя Статистическаго Отдѣленія *Н. А. Каблуковъ* произнесъ рѣчь по поводу кончины извѣстнаго земскаго дѣятеля, Дмитрія Алексѣевича Наумова, бывшаго одно время членомъ Юридическаго Общества. Ораторъ остановился на томъ, почему Юридическое Общество не можетъ не отозваться на потерю этого замѣчательнаго земскаго дѣятеля. Покойный былъ земскимъ дѣятелемъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Онъ сумѣлъ поставить московское земство на должную высоту и сдѣлать его образцовымъ. У него было замѣчательное умѣніе привлекать лучшія силы къ работѣ по земству. Въ немъ соединялись черты характера, особенно цѣнныя въ общественномъ дѣятелѣ. Онъ весь былъ поглощенъ своей дѣятельностью; въ качествѣ предсѣдателя губернской земской управы, онъ не подавлялъ никого своимъ авторитетомъ, а, наоборотъ, предоставлялъ просторъ

инициативѣ каждаго. Когда въ земствѣ назрѣвала какая-нибудь новая потребность, Д. А. умѣлъ всегда уловить ее и употреблялъ всѣ силы для ея удовлетворенія. Такъ, онъ принималъ чрезвычайно дѣятельное участіе въ устройствѣ кустарной выставки въ Москвѣ, которая послужила основаніемъ для кустарнаго музея московскаго земства. Много было сдѣлано Дмитріемъ Алексѣевичемъ и въ дѣлѣ народнаго образованія. Вотъ почему, я предлагаю Обществу выразить чувство сожалѣнія по поводу смерти выдающагося земскаго дѣятеля и занести это въ протоколъ.

По предложенію предсѣдателя, Общество стоя выслушало слѣдующую резолюцію:

Московское Юридическое Общество, высоко цѣня безкорыстное и плодотворное служеніе Дмитрія Алексѣевича Наумова дѣлу русскаго земства и народнаго просвѣщенія, выражаетъ свое глубокое прискорбіе по поводу его кончины.

III. Предсѣдатель довелъ до свѣдѣнія Общества, что 30 сентября сего года почетный членъ Анатолій Ѳедоровичъ Кони праздновалъ 30-лѣтній юбилей своей научной и судебной дѣятельности, и предложилъ послать отъ имени Общества привѣтственную телеграмму.

Общество изъявило свое согласіе.

IV. Читаны и утверждены протоколы засѣданій 8 мая 1895 г. и 10 апрѣля 1895 г.

V. Предложены къ избранію въ дѣйствительные члены: *Сергѣй Александровичъ Шумаковъ*, помощникъ редактора описей Архива Министерства Юстиціи, *Борисъ Осиповичъ Ильинъ*, кандидатъ на судебныя должности при московскомъ окружномъ судѣ, *Сергѣй Васильевичъ Сперанскій*, магистрантъ полицейскаго права при Московскомъ университетѣ, *Леонидъ Алексѣевичъ Бѣлогрицъ-Котляревскій*, профессоръ Кіевскаго университета.

VI. Дѣйствительный членъ *И. Х. Озеровъ* прочиталъ докладъ: „Кустарно-промышленный банкъ Пермскаго губерскаго земства". (Напечатанъ въ „Русской Мысли", 1895 г.).

Н. А. Каблуковъ сказалъ, что онъ, подобно референту, имѣлъ случай нынѣшнимъ лѣтомъ познакомиться съ Пермскимъ банкомъ, но вынесъ нѣсколько иное впечатлѣніе. Въ рефератѣ совсѣмъ отсутствуетъ критика, между тѣмъ, многое въ дѣятельности банка подлежитъ спору. Самая организація банка и особенно агентура можетъ считаться удачной, до извѣстной степени даже образцовой. Однако, можно указать и на нѣкоторые недостатки. Такъ, докладчикъ указываетъ, что ссуды банка выдаются необыкновенно скоро — черезъ 3 недѣли. Этотъ срокъ, особенно, при существованіи агентовъ является слишкомъ продолжительнымъ. При наличности агентовъ можно было

бы устроить такъ, чтобы кредитъ оказывался даже такимъ кустарямъ, которые не могутъ дать матеріальнаго обезпеченія; агенты могутъ хорошо узнать личность кустаря, слѣдить за нимъ и т. д. Референтъ ставитъ въ заслугу банка, что требованія на ссуды сильно возрастаютъ; это показываетъ только, насколько велика потребность въ ссудѣ. Въ докладѣ придается особенное значеніе тому факту, что 25% прибыли банка отчисляется на улучшеніе кустарныхъ промысловъ, но это 25% составляютъ всего 409 руб., сумму, не имѣющую практическаго значенія. Вообще, на основаніи полуторогодичной дѣятельности банка нельзя дѣлать опредѣленныхъ и, тѣмъ болѣе, оптимистическихъ заключеній. Наконецъ, можно возразить и противъ мысли создавать склады кустарныхъ издѣлій при лавкахъ потребительныхъ обществъ. И существующіе примѣры не доказываютъ цѣлесообразности такого порядка, и теоретически это представляется спорнымъ. Нельзя ставить содѣйствіе кустарной промышленности въ связь съ потребительными обществами помимо земства. Непонятно, какъ можно производить сбытъ кустарныхъ издѣлій черезъ потребительныя общества, которыя имѣютъ свои задачи, часто несовмѣстимыя съ цѣлями земства въ дѣлѣ поощренія промысловъ.

И. Х. Озеровъ возразилъ, что 3-недѣльный срокъ на покажется длиннымъ, если принять во вниманіе огромные размѣры губерніи. Осторожность въ выдачѣ ссудъ, особенно въ первое время, надо поставить въ особую заслугу администраціи банка. Для правильнаго развитія дѣла слѣдуетъ выдавать ссуды при извѣстной гарантіи въ имущественномъ состояніи. Ростъ ссудъ именно указываетъ на то, что Пермскій земскій банкъ оказался пригоднымъ учрежденіемъ, такъ какъ, напр., Государственный банкъ, хотя и выдаетъ ссуды кустарямъ, но не можотъ указать на возрастаніе ихъ; его дѣятельность въ этой сферѣ въ 40 разъ меньше дѣятельности кустарнаго банка. Далѣе, конечно, 400 руб. немного значатъ, но это пока начало, и такое отчисленіе характеризуетъ общее направленіе дѣятельности банка. Говорятъ, что рано дѣлать выводы. Но у насъ есть факты, несомнѣнно, благодѣтельные. Зачѣмъ же намъ закрывать на нихъ глаза? Наконецъ, нѣтъ основаній говорить противъ участія въ сбытѣ кустарныхъ издѣлій потребительныхъ обществъ. Такое соединеніе существуетъ въ Богородскомъ уѣздѣ и дало блестящіе результаты.

М. Н. Соболевъ выразилъ сомнѣніе въ экономической возможности соединенія кустарныхъ складовъ съ потребительными обществами. Тогда какъ для потребительныхъ обществъ важно возможно болѣе раздробиться и разсѣяться по массѣ селеній и городовъ, кустарные склады должны быть концентрируемы. Это требуется уже самыми задачами такихъ складовъ. Такъ какъ въ нихъ сосредоточивается огром-

ная масса издѣлій, то сбытъ ихъ долженъ имѣть крупные размѣры; иначе нельзя имѣть прикащиковъ, разъѣзжающихъ по разнымъ городамъ для сбыта издѣлій, нельзя отправлять партіи товаровъ и т. п. Трудно себѣ вообразить, какъ выполнили бы потребительныя Общества такую важную и сложную функцію, какъ организація сбыта кустарныхъ издѣлій.

И. Х. Озеровъ возразилъ, что потребительныя Общества должны, конечно, брать на себя сбытъ кустарныхъ товаровъ только для мѣстныхъ потребителей. Центральный губернскій складъ необходимъ и долженъ существовать особо.

В. А. Косинскій замѣтилъ, что врядъ ли можно считать удачнымъ рѣшеніе банкомъ вопроса о выдачѣ ссудъ наиболѣе нуждающимся лицамъ. Если банкъ выдаетъ ссуду подъ залогъ готовыхъ товаровъ, то это еще не гарантируетъ кустаря отъ зависимости отъ скупщика, такъ какъ онъ остается должнымъ послѣднему по старымъ долгамъ. Было бы вполнѣ возможно ссудить самыхъ бѣдныхъ кустарей, устанавливая лишь надзоръ за ними со стороны агентовъ.

И. Х. Озеровъ полагалъ, что съ организаціей сбыта и пріобрѣтенія сырья устранится всякая возможность для скупщика оказывать давленіе на кустаря, берущаго ссуду у банка. Выдавать же 20—30 р. кустарю и слѣдить за нимъ представляетъ въ настоящую минуту совершенно непосильную задачу для банка.

И. Н. Миклашевскій высказалъ, что прочитанный докладъ служитъ новымъ подтвержденіемъ того, что въ Пермскомъ земствѣ возникаютъ хорошія начинанія. Не такъ давно это земство стало извѣстнымъ благодаря установленію имъ агрономическаго надзора для поднятія сельскаго хозяйства; при введеніи агрономическихъ смотрителей высказывали самыя радужныя надежды, говорили, что скотъ долженъ улучшиться, вредныя насѣкомыя исчезнуть и т. д. Однако, въ результатѣ оказалось, что скотъ попрежнему тощъ, насѣкомыя попрежнему кушаютъ хлѣбъ. Прежняя исторія этого агрономическаго надзора даетъ основаніе сомнѣваться и въ дѣятельности кустарнаго банка. Намъ разсказываютъ о чудесахъ, которыя дѣлаетъ банкъ. Въ его распоряженіи оказалось болѣе 100 лицъ, которыя подъ вліяніемъ сердечныхъ влеченій взяли на себя, безъ всякаго вознагражденія, сложный трудъ агентуры. Однако, эти агенты вызываютъ невольное сомнѣніе. Банкъ есть прежде всего кредитное учрежденіе, и исполнителемъ его дѣла не можетъ быть всякій, предлагающій свои услуги подъ вліяніемъ сердца. Что связываетъ такихъ лицъ съ банкомъ, что они получаютъ за свои услуги? На одномъ сердечномъ отношеніи нельзя построить коммерческаго дѣла. Другой вопросъ, невольно напрашивается, а именно тотъ, какъ относится банкъ къ разнымъ промысламъ губер-

ніи. Въ рефератѣ нѣтъ очерка развитія кустарныхъ промысловъ въ связи съ исторіей капиталистической промышленности. Между тѣмъ, этотъ очеркъ далъ бы намъ понятіе о томъ, какъ и въ какой мѣрѣ оказывается банкъ полезнымъ для поддержки кустарнаго производства. Что касается организаціи складовъ, артелей и разныхъ посредническихъ обязанностей, которыя беретъ на себя банкъ, то онѣ представляются совершенно непонятными съ точки зрѣнія банка, какъ такового. Эта дѣятельность настолько далека отъ непосредственныхъ задачъ банка, что можетъ только повредить ихъ правильной постановкѣ и развитію. Наконецъ, напрашивается одинъ вопросъ по поводу роста ссудъ, отмѣчаемаго докладчикомъ и объясняемаго имъ нуждой въ деньгахъ. Не слишкомъ ли ужъ легко даютъ деньги агенты банка, которые руководятся сердечными склонностями?

И. Х. Озеровъ отвѣтилъ, что онъ описалъ то, что видѣлъ, о будущемъ же не говорилъ. Оппонентъ считаемъ настоящую постановку агентуры несостоятельной, но пока этого не замѣчается. Сердечность же отношеній, о которой такъ много говоритъ И. Н., отнюдь не вредитъ дѣлу; напротивъ того, она вноситъ въ дѣло преданность, горячность и энергію. Агенты не разъ обращались сами въ банкъ съ просьбой указывать ихъ промахи и недостатки. Очень возможно, что въ будущемъ, когда дѣло разовьется и понадобится больше агентовъ, въ мѣстномъ населеніи не найдется уже новыхъ силъ; очень возможно, что перейдутъ и къ платной агентурѣ. Одно только несомнѣнно,—что нынѣшніе агенты ведутъ дѣло добросовѣстно и толково. Интересно отмѣтить одинъ проектъ, по которому банкъ долженъ быть только средоточіемъ средствъ, а агентами его хотѣли сдѣлать ссудосберегательныя товарищества. Этимъ, конечно, цѣль вспомоществованія кустарямъ не была бы достигнута, такъ какъ почти всѣ ссудо-сберательныя товарищества находятся въ рукахъ скупщиковъ. Слѣдуетъ отмѣтить, что дѣйствительно, до сихъ поръ банкъ не дѣлалъ выбора между кустарными промыслами, но его дѣятельность еще только началась и главныя заботы были направлены на распространеніе свѣдѣній о банкѣ.

А. Н. Миклашевскій находилъ, что, въ виду кратковременности дѣятельности банка, точныхъ данныхъ о ней нѣтъ и быть не можетъ. Референтъ представилъ докладъ не столько о дѣятельности кустарнаго банка, сколько о его желаніяхъ. Но возникаетъ вопросъ, дѣйствительно ли дѣло поставлено тамъ на прочную почву. Банкъ задумалъ очень широкую программу. Ясна ли для него почва, на которой онъ хочетъ работать? Изъ реферата не видно, хочетъ ли банкъ поощрять только мѣстныя производства или и производства на широкій сбытъ. Имѣетъ ли далѣе банкъ въ виду содѣйствіе крестьянамъ—

земледѣльцамъ, занимающимся кустарнымъ промысломъ, какъ побочнымъ занятіемъ, или кустарямъ, оторваннымъ отъ земли? Вѣдь, при извѣстномъ направленіи дѣятельности банка можетъ оказаться, что онъ окажетъ помощь такимъ кустарямъ, которые при помощи ссуды обратятся въ мелкихъ промышленниковъ и даже фабрикантовъ-капиталистовъ. Жаль, что въ рефератѣ нѣтъ ничего объ отчетахъ агентовъ банка. Вѣроятно, они сообщаютъ немало интересныхъ и цѣнныхъ свѣдѣній по этимъ вопросамъ.

И. Х. Озеровъ отвѣтилъ, что банкъ выдаетъ ссуду кустарю, не обращая вниманія на то, есть ли у него земли или нѣтъ. Трудно предположить, чтобы банкъ былъ въ состояніи порвать связь кустаря съ землей, такъ какъ она слишкомъ сильна. Что касается матеріаловъ сообщаемыхъ агентами, то они утилизируются только для даннаго конкретнаго случая; на статистическую ихъ разработку нѣтъ средствъ.

С. Н. Булгаковъ полагалъ, что фактическая постановка разобрана достаточно, но остается невыясненной теоретическая сторона. Вопросъ еще, насколько можетъ быть поддержана кустарная промышленность. Отчего она захудала? Референтъ объясняетъ это неорганизованностью сбыта, но такое объясненіе противорѣчитъ фактамъ. Главное дѣло въ томъ, что ремесло побивается фабрикой. Кустарный банкъ хочетъ удешевить для кустарей сырье и облечить сбытъ издѣлій, но онъ ничего не предпринимаетъ для организаціи производства. Кустарный банкъ предполагаетъ поддерживать всякіе промыслы; это—прямо невозможная задача. Можно поддерживать только тѣ промыслы, въ которыхъ нѣтъ конкурренціи фабрики.

И. Х. Озеровъ возразилъ, что банкъ, конечно, поддерживаетъ тѣ отрасли кустарной промышленности, которыя не гибнутъ отъ конкурренціи фабрикъ. Но и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ существуетъ фабричная конкурренція, возможно существованіе и развитіе кустарныхъ промысловъ, разъ они, какъ это показываютъ нѣкоторыя данныя, переходятъ къ крупному производству.

М. Н. Соболевъ замѣтилъ по поводу возраженія С. Н. Булгакова, что исторія западно-европейской промышленности показываетъ намъ слѣдующее: въ 16—17 вѣкахъ, когда еще не было фабрикъ, кустарное ремесло стало приходить въ упадокъ именно вслѣдствіе неорганизованности сбыта; потому-то скупщики, взявшіе въ свои руки сбытъ, и получили господствующее значеніе, получаютъ его и въ настоящее время въ Россіи. Кустарный банкъ, принимая на себя роль посредника въ сбытѣ, желаетъ вытѣснить скупщиковъ, эксплоатирующихъ кустарей, и стремится къ упорядоченію кредита для кустарей, который служитъ въ рукахъ скупщиковъ главнымъ средствомъ закрѣпощенія мастеровъ.

Н. А. Каблуковъ, соглашаясь съ тѣмъ, что для кустаря сбытъ является неорганизованнымъ, считалъ дѣятельность учрежденія, замѣняюшаго скупщика, весьма цѣлесообразной. Однако, дѣло помощи кустарной промышленности очень сложное и трудное. Въ настоящее время еще нельзя дѣлать выводовъ изъ немногихъ отдѣльныхъ фактовъ. Участіе въ разсматриваемомъ дѣлѣ потребительныхъ обществъ сомнительно. Они не стоятъ въ тѣсной связи съ земствомъ и банкомъ, и потому трудно было бы объединить все дѣло выдачи ссудъ. Если же потребительныя общества будутъ брать издѣлія на комиссію, то они будутъ содѣйствовать скупщикамъ, а не бѣднымъ кустарямъ. Изъ всѣхъ преній вытекаетъ, что нельзя рекомендовать дѣятельность Пермскаго банка, какъ образецъ для другихъ. Онъ ставитъ кредитныя операціи—свою ближайшую цѣль—на второй планъ.

И. Х. Озеровъ указалъ на то, что потребительныя общества не только принимаютъ издѣлія на комиссію, но и выдаютъ подъ нихъ ссуды.

В. А. Косинскій отмѣтилъ возможность для Пермскаго банка поддерживать ссудами не настоящихъ кустарей-работниковъ, а мелкихъ предпринимателей, работающихъ при помощи наемныхъ рабочихъ.

И. Х. Озеровъ возразилъ, что этой категоріи производителей банкъ выдаетъ ссуды только въ особенно важныхъ случаяхъ, напр., когда Пермскому земству понадобились усовершенствованные плуги.

Предсѣдатель, резюмируя пренія, указалъ на важность знакомства съ различными экономическими предпріятіями земства и закрылъ засѣданіе въ 11½ час. вечера.

Засѣданіе 9 октября 1895 года.

Засѣданіе открыто въ 8¼ час. веч. предсѣдателемъ Общества **С. А. Муромцевымъ**, при секретарѣ **М. Н. Соболевѣ**, въ присутствіи дѣйствительныхъ членовъ: **Н. А. Калбукова, В. В. Пржевальскаго, И. Н. Сахарова,** князя **Ѳ. В. Мещерскаго, В. В. Сиротинина, М. Е. Зенцова, А. А. Раевскаго, П. И. Бѣляева, И. Х. Озерова, В. А. Косинскаго, С. Н. Булгакова, А. Е. Фаворскаго, А. В Погожева, В. В. Святловскаго, А. В. Горбунова, И. П. Боголѣпова, И. Н. Гранатъ, А. Э. Ворнса, С. Е. Сабинина, А. А. Мануилова** и **А. Н. Миклашевскаго.**

I. Читанъ и утвержденъ протоколъ засѣданія 24 апрѣля 1895 г.

II. Предложены къ избранію въ дѣйствительные члены: *Владиміръ Анатольевичъ Ждановъ*, кандидатъ правъ, статистикъ, и *Григорій Самуиловичъ Фельдштейнъ* кандидатъ правъ.

III. Избраны въ дѣйствительные члены Общества: *С. В. Сперанскій*, магистрантъ полицейскаго права, *Л. А. Бѣлогрицъ-Котляревскій*,

профессоръ Кіевскаго университета, *С. А. Шумаковъ*, помощникъ редактора описей Архива Министерства Юстиціи, и *Б. О. Ильинъ*, кандидатъ на судебныя должности при Московскомъ Окружномъ Судѣ.

IV. Библіотекарь А. Э. Вормсъ доложилъ Обществу о полученіи библіотеки г. Анциферова, въ которой заключается болѣе 1,000 томовъ, въ томъ числѣ полный экземляръ Журнала Уголовнаго и Гражданскаго Права за всѣ годы, всѣ матеріалы по пересмотру Уголовнаго Уложенія и много другихъ цѣнныхъ изданій.

V. Дѣйствительный членъ *С. Н. Булгаковъ* прочиталъ докладъ: „Что такое трудовая цѣнность? (по поводу статьи проф. Зомбарта въ Archiv für sociale Gesetzgebung)“ (напечатанъ въ VI т. „Сборника Правовѣдѣнія“).

А. А. Мануиловъ указалъ на то, что Обществу рѣдко удается слышать рефератъ по теоретической экономіи. Это объясняется, конечно, трудностью. Тѣмъ болѣе слѣдуетъ быть благодарнымъ референту за то, что онъ поставилъ на обсужденіе вопросъ капитальной важности. Извѣстно, что, согласно трудовой теоріи цѣнности, продукты обмѣниваются по количеству затраченнаго на нихъ производство труда. Однако, при такой формулировкѣ вопроса встрѣтилось затрудненіе. Она оказывается вѣрной только въ томъ случаѣ, если продукты произведены равнымъ трудомъ и съ равнымъ капиталомъ. Другое дѣло, если капиталы неодинаковаго состава. Предположимъ, что продуктъ производится капиталомъ стоимостью въ 100 единицъ цѣнности, при чемъ 80 составляютъ постоянный капиталъ, а 20—перемѣнный; цѣнность продукта равняется 120 (100 постояннаго капитала + 20 перемѣннаго капитала + 20 прибавочной цѣнности). Если же цѣнность капитала распадается на 60 единицъ цѣнности постояннаго капитала и 40 единицъ перемѣннаго, то цѣнность продукта будетъ равна 100 + 40 + 40 прибавочной стоимости, итого 140. Итакъ, прибыль въ обоихъ случаяхъ будетъ неодинакова. Противники трудовой теоріи выводятъ отсюда заключеніе о невѣрности этой теоріи. Послѣ появленія III тома „Капитала“ возникъ цѣлый рядъ попытокъ разрѣшить происходящее отсюда затрудненіе. Одна изъ такихъ попытокъ принадлежитъ Зомбарту. Его основная мысль въ томъ, что для теоріи цѣнности является второстепеннымъ вопросомъ, обмѣниваются ли товары по количеству труда; товары только стремятся такъ обмѣниваться. Цѣнность, однако, образуется внѣ обмѣна. Сущность теоріи Маркса заключается въ томъ, что товары произведены трудомъ и въ основѣ ихъ цѣнности лежитъ трудъ. Ни Марксъ, ни его сторонники никогда не думали, что товары реально обмѣниваются всегда по количеству труда. Сущность дѣла лишь въ томъ, что трудъ производитъ цѣнность. Эта мысль даетъ основаніе для рѣшенія вопроса

о происхожденіи прибыли. По мнѣнію референта, цѣнность есть мѣновое отношеніе. Нѣтъ, цѣнность не историческая категорія, а имманентная сущность. При такой постановкѣ, вопросъ о равенствѣ прибылей отступаетъ на второй планъ и вполнѣ разъясняется соображеніями, приведенными въ III томѣ „Капитала“.

А. Н. Миклашевскій. Докладчикъ много разъ говорилъ о томъ, что онъ хочетъ найти точное объективное выраженіе цѣнности; но, повидимому, онъ не вполнѣ выяснилъ, что̀ преслѣдовала теорія трудовой цѣнности и что̀ она значитъ. Докладчикъ полагаетъ, что нельзя разсматривать хозяйство съ общей точки зрѣнія, а можно разсматривать только съ точки зрѣнія капиталистовъ. Между тѣмъ, заслуга Маркса именно въ томъ, что онъ взглянулъ на вопросъ абстрактно. Напрасно думаетъ докладчикъ, что нѣтъ общественнаго хозяйничанья. Земля продолжаетъ, вѣдь, существовать, а капиталъ — работать. Всякій предприниматель есть только ничтожное звено, которое приводитъ въ движеніе хозяйственную жизнь при современной организаціи производства. Важно только, чтобы общественная машина шла, чтобы продуктовъ было достаточно, чтобы они размѣнивались. Я думаю, что при нашихъ разсужденіяхъ мы должны исходить изъ представленія о національномъ продуктѣ и выяснять, какъ онъ распредѣляется, игнорируя нѣкоторыя отклоненія отъ абстрактнаго закона. Возьмемъ, напр., вопросъ о прибыли при разной производительности капитала. Съ точки зрѣнія индивидуальнаго хозяйства, мы натолкнемся на непреодолимыя трудности, на неравенство прибылей и т. д.; между тѣмъ, съ точки зрѣнія общественнаго хозяйства, мы получаемъ удовлетворительное объясненіе. Опасно, далѣе, утверждать, что Марксъ смотрѣлъ на цѣнность, какъ на исключительно историческую категорію. Законъ, что цѣнность опредѣляется трудомъ, есть неизбѣжная экономическая аксіома. Отъ историческихъ условій зависитъ только способъ размѣниванія національнаго продукта между отдѣльными лицами. Трудовая теорія представляется намъ завершенной въ настоящую минуту, но именно при помощи представленія объ общемъ продуктѣ.

С. Н. Булгаковъ замѣтилъ, что понятіе о цѣнности составляется изъ историческаго и надъисторическаго элементовъ. Послѣдній заключается именно въ признаніи, что трудъ лежитъ въ основѣ цѣнности.

В. А. Косинскій. Докладчикъ отмѣтилъ существованіе теоріи предѣльной полезности, которая кладетъ въ основу субъективное воззрѣніе. Но что такое трудъ? Въ понятіе труда тоже входятъ извѣстныя психологическія свойства. Трудовая цѣнность и предѣльная полезность, напр., у Джевокса и др., не исключаютъ другъ друга. Такимъ образомъ, референтъ неправъ въ своемъ упрекѣ по адресу

школы предѣльной полезности; ему можно возразить, что въ трудовую теорію слѣдуетъ включить психическіе моменты. Что касается вопроса объ одинаковой прибыли при разномъ составѣ капиталовъ, то трудовая теорія, дѣйствительно, не даетъ объясненій этого затрудненія.

С. Н. Булгаковъ указалъ, что, конечно, затрата труда представляется съ двухъ сторонъ: 1) какъ затрата мускульно-нервной энергіи и 2) съ субъективной стороны, какъ тяжелое, непріятное ощущеніе труда.

М. Н. Соболевъ. Развѣ понятіе мѣновой цѣнности присуще только капиталическому строю хозяйства? Вѣдь, и въ древнемъ мірѣ съ рабскимъ трудомъ, и въ хозяйствѣ среднихъ вѣковъ, и въ какомъ-нибудь общественномъ хозяйствѣ общины предметы создаются разными лицами. Одни, занимающіеся производствомъ данной категоріи хозяйственныхъ благъ, нуждаются въ другихъ благахъ. При обмѣнѣ тѣхъ и другихъ, какъ бы обмѣнъ ни былъ организованъ, должна существовать оцѣнка мѣновыхъ отношеній, слѣдовательно, должна быть мѣновая цѣнность.

Н. А. Каблуковъ объяснилъ, что приходитъ всегда въ смущеніе, когда къ теоріи трудовой цѣнности предъявляютъ требованіе, чтобы она объясняла каждый фактъ жизни. Какъ только отыскивается фактъ, который оказывается необъясненнымъ теоріей, такъ вся теорія объявляется невѣрной. Между тѣмъ, къ общимъ теоретическимъ началамъ слѣдуетъ относиться такъ же, какъ къ среднимъ числамъ въ статистикѣ. Марксъ въ своемъ I томѣ „Капитала“ именно выдвигаетъ такую чистую среднюю величину. Онъ говорилъ, что количество рабочаго времени есть мѣрило мѣновыхъ отношеній. Но при осложненіяхъ привходятъ новые элементы, видоизмѣняющіе дѣло; такъ происходитъ въ капиталистическомъ строѣ, гдѣ всѣ отношенія слагаются подъ вліяніемъ капитала. Сила трудовой цѣнности въ томъ, что нарушенія происходятъ въ извѣстныхъ предѣлахъ, полагаемыхъ трудомъ. Дѣйствительно, встрѣчается рядъ случаевъ отклоненій отъ трудовой цѣнности вслѣдствіе различія въ составѣ капитала, однако, эти отклоненія происходятъ въ предѣлахъ, допускаемыхъ трудовымъ началомъ цѣнности, а слѣдовательно, отнюдь не уничтожаютъ трудовой теоріи.

Засѣданіе закрыто въ 11³/₄ час. вечера.

Засѣданіе 23 октября 1895 года.

Засѣданіе открыто въ 8 ч. 30 м. подъ предсѣдательствомъ **С. А. Муромцева** при товарищѣ секретаря **В. В. Пржевальскомъ**, въ присутствіи гг. дѣйствительныхъ членовъ: **Н. М. Богаевскаго, П. И. Бѣляева, Г. Л. Вербловскаго, В. Н. Вольтмана,** графа **Л. А. Камаровскаго, В. А. Косинскаго, А. М. Краевскаго, А. Я. Перельмана, И. Х. Померанцева, С. Е. Сабинина, В. В. Рождественскаго, С. В. Сперанскаго** и **В. В Сиротинина.**

I. Товарищемъ секретаря доложено о поступившихъ въ Общество новыхъ книгахъ.

II. Предсѣдатель довелъ до свѣдѣнія Общества, что, согласно постановленію Общества, почетному члену *А. Ѳ. Кони* была послана по поводу тридцатилѣтняго его юбилея привѣтственная телеграмма, въ отвѣтъ на которую А. Ѳ. Кони письмомъ на имя предсѣдателя выражаетъ Обществу свою глубокую благодарность.

III. Дѣйствительный членъ *П. М. Богаевскій* прочелъ докладъ „Памяти Фильда". (напечатанъ въ VII т. „Сборника Правовѣдѣнія").

Гр. *Л. А. Камаровскій* отмѣтилъ прекрасную характеристику Фильда, представленную въ докладѣ. Жизнь Фильда очень замѣчательна и съ практической, и съ научной точки зрѣнія. Сынъ практической Америки, Фильдъ въ практической борьбѣ закалилъ свои силы. Ролленъ, переводчикъ его главнаго труда, создаетъ очень симпатичный и замѣчательный образъ Фильда. Фильдъ былъ выдающимся адвокатомъ, знатокомъ американскаго права, но въ то же время и глубокимъ теоретикомъ. Въ своемъ трудѣ по кодификаціи права онъ показалъ себя замѣчательнымъ и практикомъ, и теоретикомъ. Своими работами онъ далъ лучшій отвѣтъ тѣмъ, кто отрицаетъ возможность кодификаціи международнаго права. Этотъ его трудъ—блестящая, геніальная попытка, одна изъ наиболѣе великихъ въ XIX вѣкѣ. Изъ исторіи права мы знаемъ, что правительственной кодификаціи предшествовала кодификація, производившаяся частными лицами; частные составители правовыхъ сборниковъ прокладывали въ этомъ направленіи путь государству. Поучительно, что необходимость кодификаціи международнаго права созналъ юристъ практической Америки. Вообще жизнь Фильда поучительна не только для юриста, но и для каждаго человѣка.

IV. Избраны въ дѣйствительные члены Общества: *Григорій Самуиловичъ Фельдштейнъ* и *Владиміръ Анатольевичъ Ждановъ*.

V. Предложенъ къ баллотировкѣ въ дѣйствительныя члены Общества *Владиміръ Алексѣевичъ Телесницкій*, товарищъ прокурора Московскаго окружнаго суда, С. А. Муромцевымъ и В. В. Пржевальскимъ.

Засѣданіе закрыто въ 9 час. 30 минутъ.

Засѣданіе 30 октября 1895 года.

Засѣданіе открыто въ 8 час. 20 мин. подъ предсѣдательствомъ **С. А. Муромцева**, при товарищѣ секретаря **В. В. Ржевальскомъ**, въ присутствіи гг. дѣйствительныхъ членовъ: **А. С. Алексѣева, Е. М. Богаевскаго, П. И. Бѣляева, В. Н. Вольтмана, А. Э. Ворикса, В. А. Гольцева, Н. А. Зачинскаго, Д. И. Загоскина, С. Г. Зимарева, Б. О. Ильина,** графа **Л. А. Камаровскаго, Ѳ. Ѳ. Кокошкина, В. А. Косинскаго, А. М. Краевскаго, И. В. Мандельштама,** князя **Ѳ. В. Мещерскаго, И. Д. Новикъ, А. Я. Перельмана, В. В. Рождественскаго, С. Е. Сабинина, В. В. Сиротинина, Н. М. [illegible]ріана, Г. С. Фельдштейна** и **В. П. Юргенсона.**

I. Читанъ и утвержденъ протоколъ засѣданія 23 октября 1895 г.

II. Предсѣдателемъ доложено отношеніе ректора Императорскаго Московскаго университета о доставленіи ему свѣдѣній о дѣятельности Общества за 1895 годъ къ 1 декабря.

III. Избранъ въ дѣйствительные члены Общества *Владиміръ Алексѣевичъ Телесницкій.*

IV. Предложенъ къ избранію въ дѣйствительные члены *Николай Васильевичъ Троицкій*, присяжный стряпчій, С. Г. Зимаревымъ и С. А. Муромцевымъ.

V. Дѣйствительный членъ графъ *Л. А. Камаровскій* прочелъ докладъ „Международное право, какъ предметъ самообразованія“ (напечатанъ въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“, Декабрь, 1895, стр. 46—68).

А. С. Алексѣевъ указалъ на то, что рефератъ далъ гораздо больше, чѣмъ обѣщало его заглавіе: передъ нами развернулась полная картина литературы по международному праву. Но съ другой стороны, докладъ далъ меньше, чѣмъ отъ него можно было ожидать. Мы не видимъ изъ него, что понимаетъ референтъ подъ самообразованіемъ, какое мѣсто международное право должно занимать въ общей системѣ знаній, необходимыхъ для самообразованія. Докладчикъ отвелъ международному праву черезчуръ широкое мѣсто, указавъ много сочиненій, нужныхъ лишь для спеціалиста. А между тѣмъ, для самообразованія достаточно классическихъ сочиненій Кальтенборна, Витона, Лорана, Бульмеринга и Блюнчли. Указавъ ихъ достоинства и значеніе, докладчикъ принесъ бы большую пользу.

В. А. Гольцевъ выразилъ свое несогласіе съ пріемами самообразованія, указанными докладчикомъ, въ обширной области международнаго права. Докладчикъ рекомендуетъ для самообразованія столь сырой матеріалъ, какъ „Исторія Россіи“ Соловьева, а между тѣмъ для этой цѣли надо рекомендовать лишь сочиненія, вводящія въ систему этой науки и въ ея основныя понятія. Пусть эта наука развивалась исторически, но нельзя рекомендовать простое изученіе внѣшней исто-

рiи дипломатическихъ сношенiй. Предметовъ для самообразованiя много, а времени мало, а потому достаточно ознакомиться съ однимъ основнымъ сочиненiемъ. Къ числу лучшихъ пособiй для ознакомленiя съ международнымъ правомъ, особенно съ исторiею его, относятся труды самого докладчика.

Графъ Л. А. Камаровскiй по поводу этихъ замѣчанiй высказалъ слѣдующее: Я сдѣлалъ лишь первую попытку. Легко рекомендовать одно—два сочиненiя, имѣя въ виду опредѣленнаго, конкретнаго человѣка. Но я имѣлъ въ виду вообще мыслящаго человѣка. Я читалъ докладъ сокращенно, но напечатанъ онъ былъ подробнѣе. Надо дать людямъ интересующимся самимъ возможность разобраться въ представленной мною программѣ. Лучше всего профану начать съ исторiи дипломатическихъ сношенiй Соловьева; этотъ сырой матерiалъ я рекомендовалъ лишь для тѣхъ, кто интересуется исторiею русскихъ внѣшнихъ сношенiй. Кромѣ того, я дѣлалъ различiе между читатетелями, знающими иностранные языки, и не знающими ихъ. Такихъ сочиненiй, которыя въ живомъ историческомъ очеркѣ излагали бы исторiю дипломатическихъ сношенiй съ принципiальной стороны, пока нѣтъ.

В. Н. Вольтманъ предложилъ докладчику два вопроса: 1) считаетъ ли онъ для лицъ, которымъ даетъ свою програму, необходимою юридическую подготовку; 2) есть-ли международное право по самому существу своему предметъ самообразованiя.

Графъ *Л. А. Камаровскiй* отвѣчалъ такъ. Конечно, съ принципiальной и научной точки зрѣнiя желательно, чтобы лица, приступающiя къ изученiю международнаго права, были уже знакомы съ остальными юридическими науками; но основныя положенiя и принципы международнаго права нужны для каждаго образованнаго человѣка, напр., и для образованной женщины. Научныя рамки международнаго права такъ широки, что вопросы его интересны для каждаго образованнаго или мыслящаго человѣка. Оно—общеобразовательный предметъ по самому общему характеру и практическому значенiю въ современной жизни.

П. М. Богаевскiй замѣтилъ, что лишь исторiя можетъ дать правильное пониманiе значенiя международнаго права. Нельзя согласиться съ докладчикомъ, что изученiе древней исторiи ненужно; оно необходимо для того, чтобы рѣзче оттѣнить разницу между прежнимъ и новымъ порядкомъ международной жизни. Существуетъ лишь одно хорошее и вполнѣ отвѣчающее современному состоянiю науки изслѣдованiе по древней исторiи международныхъ сношенiй—статья Гольтцендорфа и надо надѣяться на изданiе ея въ русскомъ переводѣ Сочиненiе барона Таубе, написанное 30 лѣтъ тому назадъ, устарѣло.

Гр. Л. А. Камаровскiй отвѣчалъ послѣднему оппоненту, что со-

чиненіе Таубе написано очень популярно и излагаетъ и общія руководящія начала международнаго права. Нельзя отрицать значеніе изученія древности, но международнаго права тогда и въ средніе вѣка, вопреки мнѣнію проф. Александренко, не было. Нельзя смѣшивать болѣзненные зачатки международнаго права съ его современнымъ могучимъ здоровымъ развитіемъ.

Предсѣдатель *А. С. Муромцевъ*, заключая пренія, отмѣтилъ тотъ фактъ, что международное право заняло почетное мѣсто въ трудахъ Юридическаго Общества, благодаря докладчику. Двѣ стороны обращаютъ здѣсь на себя наше вниманіе. Мы слышимъ не холодный докладъ ученаго, а голосъ ученаго, искренно любящаго свою науку. Вотъ почему докладчикъ въ каждой работѣ по международному праву видитъ нѣчто хорошее и ему хочется, чтобы всѣ прочли все, что есть хорошаго у разныхъ авторовъ. Всѣ работы докладчика связаны одною общею идеею международнаго общенія, которая развертывалась постепенно передъ нами въ его докладахъ. Пользуюсь настоящимъ случаемъ, чтобы еще разъ выразить докладчику благодарность Общества за его труды.

Засѣданіе закрыто въ 10 час. 10 м. вечера.

Засѣданіе 6 ноября 1895 года.

Засѣданіе открыто въ 8¼ час. вечера предсѣдателемъ Общества **С. А. Муромцевымъ**, при секретарѣ **М. Н. Соболевѣ**, въ присутствіи дѣйствительныхъ членовъ: **В. В. Пржевальскаго, В. А. Долячко**, князя **Ѳ. В. Мещерскаго, И. Т. Тарасова, Е. М. Варанцевича, В. В. Выховскаго, И. Х. Померанцева, П. И. Бѣляева, С. В. Сперанскаго, А. В. Горбунова, Н. М. Тэріанъ, И. И. Петрункевича, Г. С. Фельдштейна, В. В. Святловскаго, Н. А. Каблукова, В. Н. Вольтмана, А. А. Раевскаго, П. М. Богаевскаго, В. О. Ильина, Г. Л. Вербловскаго**, графа **Л. А. Камаровскаго, В. Н. Сторожева, И. А. Вазанова, А. Я. Перельмана, А. Г. Гусакова**. Присутствовали, кромѣ того, протоіерей **Г. П. Смирновъ-Платоновъ** и профессоръ **В. И. Герье**.

I. Читаны и утверждены протоколы засѣданій 2 и 9 октября 1895 года.

II. Предложенъ въ дѣйствительные члены Общества *Петръ Ивановичъ Числовъ*, приватъ-доцентъ Московскаго университета.

III. Избраны въ дѣйствительные члены Общества *С. А. Жигаревъ*, ревизоръ Контрольной Палаты, магистрантъ международнаго права, и *Н. В. Троицкій*, присяжный стряпчій.

IV. Дѣйствительный членъ *С. В. Сперанскій* прочиталъ докладъ: „Труды правительственной комиссіи по реформѣ дѣйствующаго законодательства о призрѣніи бѣдныхъ“.

В. И. Герье замѣтилъ, что референтъ опровергалъ мнѣнія оппонента, высказанныя имъ въ комиссіи по реформѣ законовъ о призрѣніи бѣдныхъ, въ силу недоразумѣній. В. И. никогда не питалъ сочувствія къ приказамъ общественнаго призрѣнія, что было высказано и въ запискѣ, представленной въ комиссію. Точно также В. И. былъ противъ комитета по разбору нищихъ, противъ котораго онъ атаку въ московской думѣ еще въ 70-хъ годахъ. Цѣль В. И.— замѣнить тюрьму исправительнымъ пріютомъ, а отнюдь не оставить безъ вниманія Судебные Уставы. Весьма важно не допустить казенной организаціи благотворительности, а предоставить ее въ руки земства. Это и имѣла въ виду поданная записка.

П. Т. Тарасовъ высказалъ удовольствіе по поводу хорошаго изложенія трудовъ комиссіи въ докладѣ, но при этомъ указалъ на два недостатка: 1) на погрѣшности въ формѣ изложенія, ибо иронизировать не значитъ полемизировать, 2) на отсутствіе въ рефератѣ указаній на общія основы благотворительности въ разныхъ государствахъ, особенно на различіе системы волунтаризма и системы обязательнаго призрѣнія. Какъ извѣстно, первая представляетъ дѣло благотворительности дѣломъ религіи, добраго сердца, элементъ принудительности долженъ отсутствовать. Вторая система дѣлится на 1) государственное призрѣніе, когда это дѣло находится въ рукахъ самого государства; такія попытки были въ древности и въ концѣ 18 вѣка во Франціи, и на 2) общественное призрѣніе, при которомъ благотворительность находится въ рукахъ общества. Здѣсь мѣстныя общины и земства завѣдуютъ всѣмъ и ведутъ дѣло, а высшій надзоръ находится въ рукахъ правительства. Далѣе, можно возразить докладчику на его положеніе, что обязанности призрѣвать не соотвѣтствуетъ право на призрѣніе. Съ публично-правовой точки зрѣнія, такое право существуетъ, и это совершенно правильно, такъ какъ люди сплошь и рядомъ впадаютъ въ бѣдственное положеніе безъ всякой вины съ своей стороны, а вслѣдствіе общественныхъ и экономическихъ условій. Что касается бѣдныхъ, впавшихъ въ это состояніе по собственной винѣ, то общество должно употребить извѣстныя мѣры воздѣйствія на нихъ—пріучить ихъ къ труду, исправить.

В. В. Пржевальскій отмѣтилъ упрекъ докладчика по адресу подкомиссіи, что она не касается принудительныхъ мѣръ, а принимаетъ только терапевтическія мѣры. Общественное призрѣніе и не можетъ этимъ задаваться; оно не можетъ перераспредѣлять богатство, не можетъ предупреждать бѣдности. Почему помощь нуждающемуся не есть обязанность? Если лицо не имѣетъ возможности получить средства къ существованію иначе, какъ кражей, государство *должно* дать ему возможность трудиться. Далѣе, можно замѣтить докладчику, что нельзя

отдѣлять вопросъ о бродяжничествѣ отъ вопроса отъ нищенствѣ. Это призналъ и пенитенціарный конгрессъ 1895 г. въ Парижѣ, раздѣлившій бродягъ на 1) неспособныхъ къ труду, 2) случайныхъ и 3) профессіональныхъ. Къ случайнымъ бродягамъ вполнѣ примѣнимо то средство, которое осуждаетъ референтъ, именно—внушеніе, т. е. своего рода выговоръ. По отношенію къ третьей категоріи должны быть приняты самыя рѣшительныя мѣры. Весь вопросъ въ томъ, передать ли власть надъ профессіональными бродягами и нищими суду, или администраціи. Конечно, слѣдуетъ стоять за власть суда, какъ это имѣетъ мѣсто въ Бельгіи, гдѣ мировой судья приговариваетъ профессіональнаго нищаго въ рабочій домъ на срокъ до 7 лѣтъ. И этотъ порядокъ даетъ весьма удовлетворительные результаты: число нищихъ уменьшается съ каждымъ годомъ. Россіи точно также необходимо вступить на путь энергичной борьбы съ профессіональными нищими и бродягами. Заслуга проекта проф. Герье въ томъ, что онъ обратилъ вниманіе на необходимость этой репрессіи.

С. В. Сперанскій остановился на системахъ призрѣнія; система волунтаризма, по которой призрѣніе бѣдныхъ есть не обязанность, а право общественныхъ органовъ, нигдѣ не проведена послѣдовательно; она не можетъ касаться брошенныхъ дѣтей, сумасшедшихъ. Эта система находитъ себѣ защитниковъ главнымъ образомъ среди французскихъ писателей. Послѣдніе являются противниками обязательности призрѣнія потому, что 1) она поощряетъ тунеядство и парализуетъ энергію, 2) ведетъ къ росту налога для бѣдныхъ ad infinitum, грозя поглотить всю собственность и всѣ доходы, 3) уничтожаетъ въ обществѣ стремленіе къ милосердію. Эти доводы опровергаются слѣдующими соображеніями: общественное призрѣніе оказываетъ помощь въ минимальныхъ размѣрахъ и въ тяжелой формѣ; помощь почти всегда связана съ требованіемъ работы, притомъ на болѣе тяжелыхъ условіяхъ, чѣмъ при добровольномъ наймѣ. Налогъ для бѣдныхъ возрасталъ ужасающимъ образомъ въ Англіи во второй половинѣ 18 вѣка, но на это были особыя причины, которыя исчезли въ 19 вѣкѣ; съ 1834 г. налогъ сталъ падать. И доводъ этическаго характера опровергается примѣромъ Англіи, гдѣ, несмотря на публичное призрѣніе бѣдныхъ, на ряду съ нимъ существуетъ весьма развитая частная благотворительность. Взаимодѣйствіе общественной и частной благотворительности растетъ также въ германскихъ городахъ. По поводу возраженій В. В. Пржевальскаго замѣчу, что право на помощь понималось въ рефератѣ съ гражданско-правовой точки зрѣнія; этотъ вопросъ вообще не имѣетъ практическаго значенія, ибо, если даже дать право иска бѣдняку, то онъ врядъ ли имъ воспользуется. Внушеніе, высказываемое нищему при выпускѣ изъ рабо-

чаго дома, обозначаетъ безсиліе этого учрежденія. Конечно, репрессивныя мѣры должны налагаться судебными органами, какъ это и бываетъ въ Англіи, Германіи и большинствѣ западныхъ государствъ. Въ этомъ отношеніи и нужно возражать противъ проекта профессора В. И. Герье.

Протоіерей *Г. П. Смирновъ-Платоновъ* указалъ на значеніе доклада въ виду происходящихъ работъ по пересмотру законодательства о призрѣніи бѣдныхъ.

Предсѣдатель *С. А. Муромцевъ*, указавъ не невыясненность нѣкоторыхъ теоретическихъ вопросовъ, какъ, напр., о сущности государственнаго призрѣнія бѣдныхъ, о степени стѣсненія личной свободы, объ органахъ власти, налагающихъ мѣры стѣсненія, выразилъ пожеланіе, чтобы этимъ вопросамъ былъ посвященъ одинъ или нѣсколько докладовъ въ будущемъ.

Засѣданіе закрыто въ $11^{3}/_{4}$ час. вечера.

Засѣданіе 13 ноября 1895 года.

Засѣданіе открыто въ 8 часовъ 25 минутъ вечера предсѣдателемъ **С. А. Муромцевымъ**, при товарищѣ секретаря **Ѳ. Ѳ. Кокошкинѣ**, въ присутствіи дѣйствительныхъ членовъ: **А. С. Алексѣева, Е. М. Баранцевича, Д. С. Варшева, П. М. Богаевскаго, В. В. Быховскаго, П. И. Бѣляева, В. Н. Вольтмана, А. Э. Вормса, М. А. Ермолова, С. А. Жигарева,** графа **Л. А. Камаровскаго, Н. П. Кашкина, В. О. Ключевскаго, А. М. Краевскаго, С. А. Лилина, И. Н. Миклашевскаго, В. В. Пржевальскаго, А. А. Раевскаго, В. В. Рождественскаго, А. В. Розенблюма, С. Е. Сабинина, Ѳ. А. Савей-Могилевича, В. В. Сиротинина, И. Т. Тарасова, Н. М. Тэріана, Г. С. Фельдштейна, Н. Я. Фрейнда, В. М. Хвостова.**

I. Читанъ и утвержденъ протоколъ засѣданія 30 октября 1895 г.

II. Предсѣдатель доложилъ Обществу о полученномъ имъ заявленіи присяжныхъ засѣдателей октябрьской сессіи московскаго окружнаго суда, заключающемъ въ себѣ просьбу предложить на обсужденіе Общества и, если возможно, возбудить ходатайство о скорѣйшемъ измѣненіи порядка предварительнаго заключенія, продолжительность котораго часто не соотвѣтствуетъ винѣ подсудимаго и налагаемому закономъ наказанію.

По предложенію предсѣдателя, постановлено поручить бюро представить въ одномъ изъ ближайшихъ засѣданій свои соображенія относительно упомянутаго заявленія.

III. Избранъ въ дѣйствительные члены Общества *П. И. Числовъ*.

IV. Дѣйствительный членъ *А. С. Алексѣевъ* прочелъ докладъ:

„Возникновеніе Верховнаго Тайнаго Совѣта и его политическая роль въ царствованіе Екатерины“ (напечатанъ въ „Русской Мысли“ 1895 г.).

П. И. Бѣляевъ замѣтилъ, что докладъ удовлетворяетъ двумъ существеннымъ требованіямъ, предъявляемымъ къ изслѣдованіямъ въ области исторіи учрежденій. Здѣсь, прежде всего, должно имѣть въ виду историческій континуитетъ и помнить, что всякое учрежденіе, существовавшее и имѣвшее силу въ теченіе извѣстнаго періода времени, возникло не случайно, но подъ вліяніемъ исторически сложившихся условій. Это требованіе нерѣдко нарушается историками или, вѣрнѣе, диллетантами, работающими въ области исторіи. Напротивъ. изъ прочитаннаго доклада ясно, что Верховный Тайный Совѣтъ возникаетъ въ силу назрѣвшей потребности въ соотвѣтствующемъ учрежденіи. Историческія работы часто упускаютъ изъ виду и другое требованіе. Многіе представляютъ себѣ, что то или другое учрежденіе является само собой, безъ всякаго сознательнаго участія человѣческой воли, какъ бы въ силу какой-то схемы. Ошибочность этого взгляда обнаруживается ясно при изслѣдованіи новѣйшихъ близкихъ къ намъ учрежденій, но болѣе раннія эпохи оставляютъ ему значительный просторъ. Референтъ въ своихъ тщательныхъ, микроскопическихъ изслѣдованіяхъ показываетъ намъ, какъ много значатъ личныя вліянія и стремленія въ исторіи образованія учрежденій.

Замѣчанія, которыя можно сдѣлать относительно доклада, сводятся къ слѣдующимъ двумъ пунктамъ, оставшимся не совсѣмъ выясненными для слушателей. Вооружаясь противъ „легенды“ о партіи, создавшей Верховный Тайный Совѣтъ, докладчикъ старается разрушить ее, главнымъ образомъ, посредствомъ указаній на тѣ личныя интриги, которыя имѣли своимъ результатомъ учрежденіе Верховнаго Тайнаго Совѣта. Но, вѣдь, наличность интригъ, личныхъ цѣлей, сама по себѣ, еще не исключаетъ возможности существованія если не партіи, то, по крайней мѣрѣ. извѣстной общей тенденціи, связующей разрозненныя стремленія отдѣльныхъ лицъ. Было бы желательно, чтобы референтъ остановился подробнѣе на доводахъ сторонниковъ оспариваемаго имъ мнѣнія и разобралъ ихъ по пунктамъ. Другой вопросъ, вызываемый рефератомъ, касается того, въ какой степени возможно прилагать юридическую конструкцію къ явленіямъ болѣе раннихъ эпохъ. Тамъ, гдѣ мы имѣемъ систему выработанныхъ юридическихъ понятій, какъ, напр., въ гражданскомъ правѣ даже въ первые періоды его исторіи, конструкція, конечно, вполнѣ примѣнима. Но гражданское право, благодаря рецепціи римскаго, въ этомъ отношеніи счастливѣе другихъ отраслей правовѣдѣнія. Иное дѣло — область публичнаго права. Безъ сомнѣнія, и здѣсь были теоріи, но можно ли ихъ считать дѣйствительно юридическими теоріями? Не были ли это скорѣе

политическія тенденціи и чаянія? Разрѣшеніе этого вопроса зависитъ отъ того, насколько вообще мы можемъ придавать значеніе терминологіи. Докладчикъ методически сопоставляетъ цѣлый рядъ терминологическихъ указаній, какъ, напр., употребленіе въ актахъ слова „Совѣтъ“ и др. Но спрашивается: имѣютъ ли эти выраженія въ устахъ современниковъ значеніе юридическихъ терминовъ? Тамъ, гдѣ, вмѣсто твердыхъ юридическихъ понятій, мы имѣемъ, въ сущности, лишь полусознанныя тенденціи, гдѣ юридическая терминологія не отличается опредѣленностью, важно обратить вниманіе на реальное отношеніе политическихъ силъ. Оно само по себѣ не право, но мы можемъ считать его показателемъ юридическихъ идей, основываясь на предположеніи согласія между міромъ идей и міромъ реальныхъ явленій. Поэтому, при изученіи учрежденій болѣе ранняго времени особенно интересна ихъ реальная сторона. Примѣняя сказанное къ Верховному Тайному Совѣту, слѣдуетъ, кажется, признать, что онъ проявлялъ стремленія, плохо согласовавшіяся съ терминомъ „совѣтъ“. Таковы его разрушительныя тенденціи относительно Сената, выразившіяся, между прочимъ, въ отнятіи у послѣдняго нѣкоторыхъ важныхъ функцій, какъ, напр., контроля надъ коллегіями, конфирмаціи уголовныхъ приговоровъ и др. Недаромъ Сенатъ не могъ помириться съ учрежденіемъ Верховнаго Тайнаго Совѣта. Вспомнимъ, наконецъ, инцидентъ при восшествіи на престолъ Анны Іоанновны. Несомнѣнно, у Верховнаго Тайнаго Совѣта были какія-то особыя тенденціи. Конечно, можно возразить, что онѣ исходили, собственно, отъ отдѣльныхъ временщиковъ, которыхъ не могъ обуздать Совѣтъ, но, въ общемъ, все-таки является впечатлѣніе, что подобныя притязанія терпѣлись, даже признавались, представляли собой полусознанную юридическую идею.

А. С. Алексѣевъ находилъ, что П. И. Бѣляевъ весьма мѣтко указалъ тѣ пробѣлы, которые, безспорно, существуютъ въ прочитанномъ докладѣ и объясняются недостаткомъ времени. Именно по этой послѣдней причинѣ авторъ долженъ былъ ограничиться изложеніемъ собственныхъ воззрѣній на возникновеніе и значеніе Верховнаго Тайнаго Совѣта и не могъ подробно остановиться на доводахъ противниковъ. Въ той формѣ, какую настоящее сообщеніе получитъ въ печати, пробѣлъ этотъ устраняется, равно какъ и другой недостатокъ, подмѣченный оппонентомъ. Дѣйствительно, общія положенія протоколовъ и указовъ недостаточно доказываютъ совѣщательный характеръ разсматриваемаго учрежденія. Онъ можетъ быть вполнѣ освѣщенъ лишь подробнымъ изученіемъ содержанія дѣятельности Верховнаго Тайнаго Совѣта. Если прослѣдить шагъ за шагомъ обычную, такъ сказать, будничную дѣятельность Совѣта, какъ это и сдѣлано авто-

ромъ въ тѣхъ частяхъ его работы, которыя за недостаткомъ времени не могли быть прочитаны,—то совѣщательный характеръ Верховнаго Тайнаго Совѣта выступаетъ какъ нельзя болѣе ярко. Нѣтъ ни одного указа, который не былъ бы утвержденъ Императрицей.

Обыкновенно, дѣло происходитъ такъ, что Императрица отдаетъ свои проекты на разсмотрѣніе Совѣта, и, выслушавъ его мнѣніе, или исправляетъ проектъ, или издаетъ его, какъ указъ, въ первоначальномъ видѣ. Словомъ, съ этой стороны Верховный Тайный Совѣтъ представляетъ полное сходство съ современными совѣщательными учрежденіями, раздѣляющими сферу непосредственной дѣятельности суверечнаго органа.

Коснувшись указаній П. И. Бѣляева на мѣропріятія Верховнаго Тайнаго Совѣта, клонившіяся будто бы къ умаленію значенія Сената, докладчикъ оспаривалъ ихъ справедливость. Правда, Градовскій и, вслѣдъ за нимъ, другіе писатели видятъ въ возстановленіи Ревизіонъ-коллегіи, которое, повидимому, имѣетъ въ виду и оппонентъ, мѣру, направленную противъ Сената. Но по разсмотрѣніи дѣла оказывается, что преобразованіе это было сдѣлано по просьбѣ самого Сената. Всѣ указы, въ которыхъ видятъ акты узурпаціи со стороны Верховнаго Тайнаго Совѣта, на самомъ дѣлѣ или исходятъ отъ самой Государыни или вызываются потребностями дѣйствительной жизни, на которыя указываютъ Совѣту низшія учрежденія.

С. А. Муромцевъ въ заключительномъ словѣ отмѣтилъ, что докладъ, развертывая передъ слушателями живую картину того, какъ изъ запутаннаго сплетенія личныхъ интригъ и вліяній, въ концѣ концовъ возникаетъ нѣчто стройное, невольно приводитъ на память мысль философа который однимъ изъ первыхъ высказался о закономѣрности историческихъ событій: намъ можетъ казаться, что дѣятельности отдѣльныхъ лицъ произвольны, но, въ дѣйствительности, они—актеры, разыгрывающіе драму, исходъ которой предопредѣленъ исторіей.

Засѣданіе закрыто въ $10^3/_4$ часовъ вечера.

Засѣданіе 20 ноября 1895 года.

Засѣданіе открыто въ 8 часовъ 20 минутъ вечера предсѣдателемъ **С. А. Муромцевымъ** при товарищѣ секретаря **Ѳ. Ѳ. Кокошкинѣ**, въ присутствіи дѣйствительныхъ членовъ: **М. И. Бруна, С. Н. Булгакова, В. В. Быховскаго, Г. Л. Вербловскаго, К. А. Вернера, Н. В. Водовозова, Н. А. Вокача, В. Н. Вольтмана, А. В. Горбунова, В. А. Жданова, М. Е. Земцова, Д. Н. Загоскина, І. И. Иллюстрова, Н. А. Каблукова, Н. Н. Кашкина, П. Н. Лухманова,** князя **Ѳ. В. Мещерскаго, И. Д. Новикъ, И. И. Петрункевича, В. В. Пржевальскаго, А. А. Раевскаго, С. Е. Сабинина, В. В. Сиротинина, М. Н. Соболева, Г. С. Фельдштейна, Г. Л. Юровскаго** и члена-корреспондента **В. В. Святловскаго.**

I. Читанъ и утвержденъ протоколъ засѣданія 13 ноября 1895 г.

II. Предсѣдатель довелъ до свѣдѣнія Общества о предполагаю-

щемся чествованіи дѣйствительнаго члена Общества В. М. Пржевальскаго по случаю исполнившагося 25-лѣтія дѣятельности его въ качествѣ присяжнаго повѣреннаго и предложилъ Обществу, съ своей стороны, почтить юбиляра привѣтствіемъ.

Постановлено: уполномочить предсѣдателя, С. А. Муромцева, привѣтствовать В. М. Пржевальскаго отъ имени Юридическаго Общества.

III. Дѣйствительный членъ *Н. В. Водовозовъ* прочелъ докладъ: „Ученіе Мальтуса о народонаселеніи“ (напечатанъ въ „Сборникѣ Правовѣдѣнія“, т. VII, стр. 62—129).

Н. С. Булгаковъ находилъ, что докладчикъ ограниченіями, сдѣланными имъ относительно теоріи Мальтуса, произвелъ надъ ней смертельную операцію, попытка же его гальванизировать трупъ оказалась неудачной. Въ теоріи Мальтуса нужно отличать двѣ стороны: 1) чисто-экономическую, куда должно отнести три основные закона, указанные въ первомъ тезисѣ референта и 2) соціальную. Экономическое ученіе Мальтуса не является характернымъ для его соціальной теоріи, напротивъ, оно можетъ быть связано и съ иными воззрѣніями на соціальные вопросы. Не Мальтусъ первый констатировалъ три упомянутые выше факта, которые онъ почему-то называетъ законами; уже физіократы, напр., Кенэ, полемизируя съ меркантилистами, ратовавшими за увеличеніе народонаселенія во что бы то ни стало, указываютъ, что съ увеличеніемъ богатствъ возрастаетъ и народонаселеніе. Дюпонъ указываетъ на тотъ же фактъ—быстрое возрастаніе народонаселенія въ Америкѣ, какъ и Мальтусъ, но дѣлаетъ изъ него другіе выводы, болѣе вѣрные, чѣмъ выводы Мальтуса. Съ другой стороны, и послѣдующіе экономисты, являющіеся противниками Мальтуса, признаютъ существованіе фактовъ, о которыхъ идетъ рѣчь. Такъ въ основѣ „желѣзнаго закона заработанной платы Мальтуса“ и теоріи относительнаго перенаселенія Маркса — лежатъ эти самые законы. Но если экономическое ученіе Мальтуса, какъ мы видимъ, не носитъ отпечатка оригинальности, то, дѣйствительно, характерна его соціальная теорія. Мальтусъ выставляетъ въ качествѣ великаго и неизмѣннаго закона человѣческой природы постоянное стремленіе размножаться быстрѣе, чѣмъ увеличиваются средства существованія. Не нужно забывать, что его теорія имѣла практической задачей объяснить нищету, развившуюся съ Англіи во времена Мальтуса до колоссальныхъ размѣровъ. Это явленіе объясняется различными историческими условіями, а въ особенности, переходомъ отъ мануфактурнаго производства къ фабричному, оставившимъ тысячи людей безъ заработка. Между тѣмъ, теорія Мальтуса абсолютна, и претендуетъ на значеніе вездѣ и во всѣ времена. Отсюда и получается тотъ результатъ, что единственнымъ рецептомъ противъ гибельныхъ послѣдствій перенаселенія

Мальтусъ выставляетъ нравственное воздержаніе. Референтъ не соглашается съ характернымъ ученіемъ Мальтуса о нравственномъ воздержаніи; онъ полагаетъ также, что современныя соціальныя бѣдствія зависятъ не отъ перенаселенія, а отъ существующаго порядка распредѣленія. Но докладчикъ сохраняетъ—и это именно можно назвать попыткой гальванизировать трупъ—положеніе Мальтуса, согласно которому населеніе увеличивается быстрѣе средствъ существованія. Положеніе это докладчикъ подкрѣпляетъ ссылкой на авторитетъ Дарвина. Дарвинъ, несомнѣнно, авторитетъ, но лишь въ сферѣ біологіи, а не соціальныхъ знаній. Докладчикъ считаетъ возможнымъ цѣликомъ переносить законы біологіи нъ область соціальныхъ отношеній, которая будто бы лишь нѣсколько осложняетъ ихъ дѣйствіе; и приравниваетъ совершенно среду общественную къ средѣ животной. Здѣсь пунктъ кореннаго разногласія съ нимъ оппонента. Изъ общежительной природы человѣка вытекаетъ цѣлый рядъ выводовъ. Самый важный изъ нихъ тотъ, что человѣкъ обладаетъ культурой. Въ основѣ культуры лежитъ рядъ фактовъ, которые политическая экономія изучаетъ подъ именемъ производства. Степень развитія производительныхъ силъ опредѣляетъ соціальную структуру общества. Эволюція общественныхъ отношеній выдвигаетъ цѣлую сѣть причинъ, которыя видоизмѣняютъ дѣйствіе основныхъ законовъ біологіи. Не соглашаясь съ тѣмъ положеніемъ, что абстрактный законъ размноженія дѣйствуетъ лишь въ животномъ мірѣ, докладчикъ упрекаетъ сторонниковъ этого воззрѣнія въ томъ, что оно у нихъ ничѣмъ не мотивировано спеціально, кромѣ соотвѣтствія общему духу ученія. Но соотвѣтствіе съ духомъ всего ученія есть лучшая мотивировка. Соціальная среда, въ которой стоитъ человѣкъ, накладываетъ свою печать на его основныя потребности. Такъ, напримѣръ, при капиталистическомъ производствѣ, потребленіе есть потребленіе платящее, т. е. опредѣляющееся покупательной способностью населенія, производство же имѣетъ цѣлью возрастаніе стоимости капитала, а не удовлетвореніе потребностей населенія. Въ итогѣ получается относительное перепроизводство и относительное перенаселеніе. Правда, для другихъ эпохъ вопросъ о перенаселеніи не разработанъ такъ, какъ для капиталистической. Но относительное перенаселеніе нужно предположить и въ эпохи рабства и крѣпостничества, когда потребность въ увеличивающемся народонаселеніи опредѣляется специфическими условіями производства этихъ эпохъ. Такимъ образомъ относительно цѣлаго ряда эпохъ нельзя ставить вопроса объ абсолютномъ перенаселеніи. Сколько бы статистическихъ данныхъ о брачности и рожденіи мы не собрали, пока перенаселеніе относительно, возможность абсолютнаго перенаселенія уничтожается. Оппонентъ можетъ допустить, вмѣстѣ съ докладчикомъ, воз-

можность абсолютнаго перенаселенія для отдаленнаго будущаго, когда количество средствъ существованія не можетъ быть увеличено, допустить въ качествѣ логическаго вывода изъ ограниченности площади земли, доступной къ обработкѣ, и неограниченной способности къ размноженію человѣческаго рода. Но характеръ перенаселенія и тогда опредѣлится историческими условіями. Въ настоящее же время, напрасно браться за рѣшеніе вопросовъ, которые представятся будущему человѣчеству и которые оно сумѣетъ разрѣшить своими силами. Подводя итогъ сказанному, нужно признать методологической ошибкой перенесеніе законовъ біологіи въ область соціальную. Соціальные законы слагаются изъ ряда другихъ законовъ, въ томъ числѣ и біологическихъ, но слагаются не механически, а такъ, что законы біологическіе, подобно химическому элементу, входятъ въ составъ сложнаго цѣлаго, не похожаго на свои составныя части. Потому вопросъ о перенаселеніи съ ссылкою на біологическіе законы является ненаучнымъ и празднымъ.

Н. В. Водовозовъ замѣтилъ, что въ своемъ рефератѣ онъ не касался вообще предшественниковъ Мальтуса, но онъ и не говоритъ нигдѣ, что Мальтусъ впервые указалъ на тѣ экономическіе законы, о которыхъ идетъ рѣчь. Но разъ коснувшись предшественниковъ, какъ это сдѣлалъ Н. С. Булгаковъ, односторонне ограничиваться одними физіократами и не упоминать о многихъ другихъ писателяхъ, высказывавшихъ тѣ же взгляды. Кромѣ того, физіократы, во всякомъ случаѣ, не сказали всего того, что сказалъ Мальтусъ. Они высказываютъ тѣ же положенія, но не подтверждаютъ ихъ фактами, такъ что заслуга обоснованія данныхъ воззрѣній останется все-таки за Мальтусомъ.

Что касается до упрека въ перенесеніи законовъ біологіи въ соціальную сферу, то здѣсь упускается изъ виду, что вопросъ о размноженіи есть вопросъ чисто біологическій. Говоря о томъ, что законъ, доказанный для животныхъ, нельзя распространять на человѣка, оппонентъ повторяетъ абстрактное положеніе Маркса о ненаучности перенесенія біологическихъ законовъ въ соціологію, къ сожалѣнію, не прибавляя къ этому положенію ни одного новаго слова и не подкрѣпляя его никакими доказательствами. Конечно, законы біологическіе осложняются въ общественной сферѣ психологическими, но только ими и никакими иными.

С. Н. Булгаковъ возразилъ, что, указывая на физіократовъ, онъ не думалъ исчерпать этимъ указаніемъ писателей, раздѣляющихъ экономическія воззрѣнія Мальтуса, но хотѣлъ лишь привести примѣръ того, что эти воззрѣнія могутъ являться въ сочетаніи съ совершенно иными, чѣмъ у Мальтуса, принципами. Указаніе на то, что оппонентъ не при-

бавилъ ничего новаго къ положенію Маркса, врядъ ли можетъ быть обращено въ упрекъ. Иногда отсутствіе новаго слова лучше, чѣмъ присутствіе его. Указаніе это, сверхъ того, и не совсѣмъ вѣрно. Оппонентъ говорилъ о томъ, что удовлетвореніе человѣческихъ потребностей, въ отличіе отъ міра животнаго, совершается путемъ производства.

М. Н. Соболевъ указалъ, что, по мнѣнію референта, вопросъ о народонаселеніи рѣшенъ Мальтусомъ. Между тѣмъ, онъ далеко не рѣшенъ, несмотря на громаднѣйшую литературу. Вопросъ этотъ и не можетъ быть правильно рѣшенъ, пока въ рукахъ ученыхъ не будетъ достаточно точныхъ фактическихъ матеріаловъ. Для выясненія того, правъ ли Мальтусъ, нужно собрать за десятки лѣтъ статистическія данныя о населеніи, его возрастаніи, удвоеніи и проч.; съ другой стороны, необходимо собрать за многіе годы статистику производства хлѣба и другихъ пищевыхъ продуктовъ, вычислить, сколько приходится всѣхъ продовольственныхъ средствъ на одного жителя, и только тогда будетъ ясно, хватаетъ ли пищи для возрастающаго населенія или это послѣднее растетъ быстрѣе средствъ продовольствія. Мальтусъ въ своихъ теоретическихъ построеніяхъ пошелъ совсѣмъ другимъ путемъ. Слѣдуя духу своего времени, онъ исходилъ изъ идеи *естественнаго* порядка: онъ выдвигалъ естественное размноженіе, которое идетъ быстрѣе роста средствъ существованія; утверждалъ, что естественное удвоеніе населенія происходитъ черезъ 25 лѣтъ и т. д. Интересно отмѣтить, что Адольфъ Вагнеръ, который особенно сильно настаиваетъ на началѣ исторической эволюціи, въ данномъ вопросѣ остается на точкѣ зрѣнія Мальтуса. Онъ точно такъ же пытается вычислить путемъ сложныхъ соображеній естественную плодовитость женщины и естественную размножаемость человѣчества. Эта послѣдняя принимается имъ за 2—3 процента въ годъ и, слѣдовательно, періодъ естественнаго удвоенія населенія за 25 лѣтъ. Но что это за естественное размноженіе и удвоеніе народонаселенія, которое нигдѣ и никогда не существовало въ дѣйствительности? Такой абсолютный законъ Мальтуса, годный для всѣхъ временъ и народовъ, оказывается плодомъ фантазіи и не основанъ на фактахъ дѣйствительности. Въ центральномъ вопросѣ теоріи народонаселенія, вопросѣ о перенаселеніи, Мальтусъ идетъ слишкомъ далеко, утверждая, что всегда и вездѣ населеніе имѣетъ тенденцію увеличиваться быстрѣе средствъ существованія. Правда, бываютъ случаи, когда при данныхъ условіяхъ времени и мѣста, при извѣстныхъ пріемахъ хозяйства и техники, можетъ произойти перенаселеніе, но это перенаселеніе будетъ только относительнымъ, т. е. существовать въ отношеніи къ даннымъ условіямъ техники и хозяйства; абсолютнаго

же перенаселенія *никогда* и *нигдѣ* быть не можетъ. Возьмемъ, въ видѣ примѣра, охотничій народъ, живущій на опредѣленной территоріи. Положимъ, что тысяча человѣкъ находитъ себѣ достаточно пищи, охотясь на своей территоріи; если же населеніе возрастетъ до 2000 человѣкъ, территорія можетъ и не прокормить всѣхъ охотниковъ. Значитъ ли это, что здѣсь есть перенаселеніе? Нѣтъ. Достаточно перейти къ пастушескому хозяйству, чтобы та же самая территорія была въ состояніи прокормить въ нѣсколько разъ большее населеніе, а при самомъ грубомъ воздѣлываніи клочка земли, на той же территоріи можетъ жить и кормиться населеніе, въ десятки разъ превышающее число возможныхъ охотниковъ. Правда, на болѣе высокихъ ступеняхъ земледѣлія, встрѣтится и осложненіе. Когда вся земля будетъ обращена подъ обработку, удвоеніе населенія и удвоеніе труда не будетъ сопровождаться удвоеніемъ продукта. Эта идея была положена Рикардо въ основаніе его теоріи поземельной ренты и поддержана извѣстнымъ агрономомъ фонъ-Тюненомъ. Послѣдній рядомъ наблюденій и цифровыхъ вычисленій доказалъ, что вдвое болѣе глубокая вспашка не ведетъ къ удвоенію продукта, вдвое большее удобреніе не даетъ вдвое большаго урожая и т. д. Однако, рядъ новѣйшихъ агрономовъ поддерживаетъ ту мысль, что, если отдѣльныя культурныя улучшенія не сопровождаются параллельнымъ увеличеніемъ продукта, то совокупность этихъ усиленныхъ затратъ труда вполнѣ даетъ параллельное увеличеніе продукта. Слѣдовательно, нечего бояться, что увеличеніе населенія будетъ сопровождаться относительнымъ уменьшеніемъ производства сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Но, съ другой стороны, нельзя такъ категорически, какъ Мальтусъ, утверждать относительно медленнаго роста производства пищи; онъ упускаетъ изъ виду успѣхи техники, химіи и проч. Въ заключеніе, слѣдуетъ отмѣтить въ докладѣ чрезмѣрно преувеличенную оцѣнку значенія Мальтуса. Для правильнаго сужденія о немъ и объ его теоріи нужно припомнить тѣ историческія условія, при которыхъ появилась его работа. Теорія народонаселенія сложилась у Мальтуса подъ вліяніемъ полемическихъ задачъ, которыя онъ преслѣдовалъ въ борьбѣ съ распространившимся въ концѣ 18-го вѣка мнѣніемъ, будто всѣ общественныя бѣдствія происходятъ отъ неудовлетворительныхъ человѣческихъ и въ частности политическихъ учрежденій. Мальтусъ, въ качествѣ представителя реакціонной и консервативной партіи, попытался выдвинуть другія причины, которыя объяснили бы бѣдность среди его современниковъ. Съ другой стороны, въ концѣ 18-го вѣка сталъ сильно расти налогъ для бѣдныхъ. Мальтусъ, опять-таки въ качествѣ сторонника аристократической землевладѣльческой партіи въ Англіи, выступилъ противъ практиковавшейся системы призрѣнія бѣдныхъ. Онъ хотѣлъ освободить классъ землевладѣльцевъ отъ возра-

ставшей тягости налога для бѣдныхъ и потому объяснялъ въ своей теоріи причину бѣдности чрезмѣрнымъ размноженіемъ самихъ низшихъ классовъ и отрицалъ всякую необходимость государственнаго призрѣнія бѣдныхъ.

Н. В. Водовозовъ находилъ, что М. Н. Соболевъ, въ сущности, соглашается со всѣми важнѣйшими пунктами его реферата. Въ рефератѣ говорится, что теорія Мальтуса слишкомъ абстрактна, что перенаселеніе въ наше время относительно, что Мальтусъ не обратилъ должнаго вниманія на прогрессъ техники, но референтъ не можетъ согласиться съ замѣчаніемъ М. Н. Соболева относительно реакціоннаго направленія Мальтуса. Наука не можетъ быть реакціонна. Она истинна или неистинна. Для насъ теперь совершенно безразлично, какіе мотивы вліяли на литературную дѣятельность Мальтуса.

М. Н. Соболевъ замѣтилъ, что законъ Мальтуса есть такая абстракція, которая противорѣчитъ фактамъ дѣйствительности, и потому должна быть отвергнута.

Н. В. Водовозовъ возразилъ, что это — абстракція въ истинномъ смыслѣ слова, т. е. отвлеченіе отъ фактовъ дѣйствительности.

В. В. Святловскій замѣтилъ, что имя Мальтуса принадлежитъ къ числу тѣхъ, съ которыми связываются ходячія ученія. Докладчикъ, повидимому, полагаетъ, что ученіе Мальтуса есть то самое ученіе о перенаселеніи, которое циркулируетъ въ настоящее время. Конечно, ходячее ученіе о пропорціяхъ осталось въ томъ же видѣ, въ какомъ оно было создано Мальтусомъ. Но вопросъ, затронутый Мальтусомъ, послѣ него не переставалъ разрабатываться теоретически и практически. Такъ, на послѣднихъ курсахъ, устроенныхъ извѣстнымъ Verein für Socialpolitik, чтенія Конрада, посвященныя этому вопросу, привлекли массу слушателей. Рядъ ученыхъ производитъ изслѣдованія въ этомъ направленіи. Мнѣніе докладчика, что экономисты не въ состояніи разрѣшить упомянутый вопросъ, представляется необоснованнымъ. Если экономисты должны при этомъ пользоваться выводами другихъ наукъ, то изъ этого не слѣдуетъ, что они должны устранить себя отъ рѣшенія поставленной Мальтусомъ проблемы. Въ настоящее время изслѣдователи интересуются не столько вопросомъ о соотвѣтствіи увеличенія пищевыхъ средствъ росту населенія, сколько вопросомъ о вредѣ перенаселенія вообще.

Н. А. Каблуковъ. Докладчикъ самъ признаетъ, что абстрактный законъ Мальтуса долженъ быть сдѣланъ конкретнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ упрекаетъ Маркса въ томъ, что тотъ изслѣдуетъ лишь отдѣльныя стадіи экономическаго развитія. Между тѣмъ, только такимъ образомъ законъ Мальтуса и можетъ быть сдѣланъ конкретнымъ. Тотъ, кто хочетъ перенести законы біологіи въ область общественныхъ от-

ношеній, долженъ доказать возможность такого перенесенія; на немъ лежитъ onus probandi. Разъ идетъ рѣчь объ общественныхъ явленіяхъ, мы должны прежде всего обратить вниманіе на эпоху и условія, при которыхъ они имѣютъ мѣсто. Марксъ, утверждая, что каждая эпоха имѣетъ свой законъ перенаселенія, тѣмъ самымъ приглашаетъ насъ къ изслѣдованію, при помощи котораго мы можемъ провѣрить абстрактный законъ Мальтуса. Марксъ даетъ намъ правильную постановку вопроса и разрѣшаетъ его относительно капиталистической эпохи, указывая, что въ эту эпоху существуетъ лишь относительное перенаселеніе.

Н. В. Водовозовъ возразилъ, что онъ также ставитъ въ заслугу Марксу приглашеніе къ изслѣдованію отдѣльныхъ стадій общественнаго развитія, но упрекаетъ его лишь въ томъ, что, изслѣдовавъ только одну такую стадію капиталистическую, Марксъ заключаетъ, что абстрактнаго закона перенаселенія вообще не существуетъ. Такое заключеніе произвольно. Докладчикъ вовсе не хочетъ переносить цѣликомъ біологическіе законы въ область соціологіи: онъ полагаетъ лишь, что разъ рѣчь идетъ о фактѣ, между прочимъ, и біологическомъ, то нельзя игнорировать выводы біологіи. Только чисто экономическое явленіе можно изслѣдовать съ одной экономической точки зрѣнія.

Н. А. Каблуковъ настаивалъ, что на сторонникахъ гипотезы Мальтуса лежитъ обязанность доказать ее спеціальными изслѣдованіями. Изъ особенностей капиталистической эпохи нельзя вывести, что законъ относительнаго перенаселенія не примѣнимъ къ другимъ эпохамъ, напр., къ эпохамъ рабства и крѣпостничества, на которыя уже указывалъ С. Н. Булгаковъ. Экономистъ не можетъ ограничиться ссылкой на біологовъ, онъ долженъ самостоятельно изслѣдовать, какъ біологическіе законы видоизмѣняются въ соціальной средѣ. Мы знаемъ уже, что теорія Мальтуса неприложима къ капиталистической эпохѣ и не имѣемъ еще никакихъ доказательствъ въ пользу того, что она приложима къ какой-либой иной эпохѣ. Напротивъ, вездѣ можно видѣть лишь относительное перенаселеніе, какъ упоминалъ объ этомъ С. Н. Булгаковъ. Если же для каждой эпохи будетъ выясненъ свой законъ перенаселенія, то падаетъ самъ собой абстрактный законъ въ томъ обоснованіи, какое ему даетъ Мальтусъ.

Н. В. Водовозовъ отвѣтилъ, что отдѣльные законы не противорѣчатъ существованію общаго закона, частными случаями котораго они являются. Одинъ изъ выдающихся авторовъ, Ланге, признаетъ, что абсолютное перенаселеніе имѣетъ значеніе и для капиталистическаго строя. У сторонниковъ противоположнаго взгляда нѣтъ рѣшающихъ доказательствъ.

Н. А. Каблуковъ возразилъ, что вопросъ въ настоящее время поставленъ такъ: при настоящемъ положеніи науки, тѣ основанія, на которыхъ строитъ свой законъ самъ Мальтусъ, падаютъ, новыхъ же основаній пока никакихъ нѣтъ.

В. Н. Вольтманъ полагалъ, что докладчику слѣдовало бы разобрать подробнѣе доводы анти-мальтузіанцевъ. Считается ли докладчикъ съ тѣми біологическими возраженіями, которыя были сдѣланы Мальтусу, именно съ тѣми, которыя основываются на гипотезѣ Спенсера (слѣдующаго въ данномъ случаѣ за Кэри), что развитіе индивида дѣйствуетъ задерживающимъ образомъ на размноженіе рода? Въ русской литературѣ сторонникомъ этой теоріи является проф. Исаевъ.

Н. В. Водовозовъ согласился, что оппонентъ указалъ дѣйствительный пробѣлъ въ прочитанномъ докладѣ. Возраженіе Спенсера наиболѣе научно изъ всѣхъ аргументовъ, приводимыхъ противъ теоріи Мальтуса. Референтъ за недостаткомъ времени не могъ остановиться на немъ, но теперь оппонентъ даетъ ему случай указать, что и это самое серьезное возраженіе противъ Мальтуса, въ сущности, весьма слабо обосновано. Прежде всего, нельзя не замѣтить, что Спенсеръ, выставляя свой законъ антагонизма между индивидуальнымъ развитіемъ и генезисомъ, говорилъ объ этомъ вопросѣ весьма мало, всего на какихъ-нибудь двухъ-трехъ страницахъ. Доказательства, приводимыя имъ въ пользу этого закона, малочисленны и двусмысленны; самъ Спенсеръ формулируетъ свои выводы въ самыхъ осторожныхъ выраженіяхъ (онъ называетъ ихъ не невѣроятными) и вноситъ въ нихъ существенныя ограниченія. Кромѣ того, Спенсеръ тутъ дѣлаетъ ошибку, не принимая въ разсчетъ психологическихъ законовъ, которые, на ряду съ біологическими, управляютъ размноженіемъ. Эксплоатируя эту, сравнительно слабую часть ученія Спенсера, противники Мальтуса почему-то проглядѣли несравненно болѣе богатыя содержаніемъ и доказательныя главы Спенсера, изъ которыхъ можно было бы извлечь аргументы въ пользу Мальтусовской теоріи. Всѣ эти соображенія докладчикъ подкрѣплялъ подробнымъ разборомъ многочисленныхъ цитатъ изъ Спенсера.

В. Н. Вольтманъ, не считая возможнымъ переносить споръ на почву біологіи, выразилъ сомнѣніе въ томъ, чтобы референту удалось опровергнуть соображенія Спенсера.

С. А. Муромцевъ, заканчивая пренія, указалъ на поучительность обмѣна мыслей по поводу отвлеченныхъ вопросовъ и на выясненный докладчикомъ фактъ необходимости пересмотра одного изъ крупныхъ вопросовъ политической экономіи.

Засѣданіе закрыто въ 11 ч. 15 мин. вечера.

Засѣданіе 27 ноября 1895 года.

Засѣданіе открыто въ 8 ч. 25 м. предсѣдателемъ **С. А. Муромцевымъ**, при товарищѣ секретаря **В. В. Пржевальскомъ**, въ присутствіи почетнаго члена **А. И. Чупрова** и гг. дѣйствительныхъ членовъ: **И. А. Вазанова, П. М. Богаевскаго, М. И. Бруна, П. И. Бѣляева, А. Э. Вормса, М. Я. Герценштейна, И. Н. Миклашевскаго, В. В. Сиротинина, С. В. Сперанскаго, И. В. Троицкаго, Н. М. Тэріана, Г. С. Фельдштейна** и **И. И. Янжула**.

I. Читанъ и утвержденъ протоколъ засѣданія 13 ноября 1895 г.

II. Товарищемъ секретаря доложено о поступившихъ въ Общество книгахъ.

III. Предложенъ къ баллотировкѣ въ дѣйствительные члены Общества *Всеволодъ Дмитріевичъ Протопоповъ*, помощникъ присяжнаго повѣреннаго,—С. А. Муромцевымъ и М. И. Бруномъ.

IV. Дѣйствительный членъ *И. Н. Миклашевскій* прочелъ докладъ „Новый проектъ закона о пользованіи оросительными водами въ Крыму“ (напечатанъ въ журналѣ „Министерства Юстиціи“, № 3, мартъ 1896 года).

И. И. Янжулъ замѣтилъ, что о значеніи мусульманскаго права много говорится въ книгѣ Ковалевскаго объ „Общинномъ землевладѣніи“; результатомъ игнорированія этого права завоевателями въ Индіи и Алжирѣ было разрушеніе общиннаго землевладѣнія. Въ виду этого, заслуживаетъ вниманія мысль докладчика о необходимости считаться у насъ въ Крыму съ мусульманскимъ воднымъ правомъ. Мусульмане вообще съ большимъ уваженіемъ, благоговѣйно относятся къ водѣ. Въ Крыму скорѣе не безвластіе въ области воднаго хозяйства, а самовластіе. Безъ установленія твердаго, на законномъ основаніи, порядка пользованія водою, крымское садоводство никогда не займетъ подобающаго ему мѣста.

И. Н. Миклашевскій объяснилъ, что исторія крымскаго воднаго хозяйства представляетъ собою мартирологъ.

А. Э. Вормсъ находилъ, что какъ докладчикъ, такъ и г. Дингельштедтъ признаютъ фактъ отсутствія порядка въ водномъ хозяйствѣ Крыма. Въ цѣломъ рядѣ долинъ распредѣленіе воды совершается на основаніи договоровъ: значитъ, сила обычнаго права невелика и на него одного полагаться нельзя. Его надо замѣнить закономъ писанымъ. Воззрѣнія Дингельштедта на обычай устарѣвшія. Бентамъ считаетъ обычай фикціею въ томъ смыслѣ, что его лишь допускаетъ законъ. Въ мусульманскомъ водномъ правѣ два основныхъ начала: 1) общественное обладаніе водою; 2) самоуправленіе въ дѣлѣ распредѣленія воды. Въ штатѣ Wyoming вода не есть предметъ обще-

ственнаго обладанія, а каждый можетъ захватить ее; вотъ почему тамъ необходимо государственное вмѣшательство. Должно различать полицейскій, петиторный порядокъ охраненія правъ на воду отъ поссессорнаго. Не надо поэтому особыхъ водныхъ судовъ. Техническій надзоръ, предлагаемый Дингельштедтомъ, необходимъ и существуетъ и въ Калифорніи. Водное право мусульманъ достигло высокой ступени развитія и на его началахъ построено законодательство южной Испаніи. Всей Россіи предстоитъ великая задача укрѣпить обычное водное право посредствомъ закона.

И. Н. Миклашевскій возразилъ, что онъ говорилъ, что въ Wyoming'ѣ вода принадлежитъ штату. Кромѣ су-башей референтъ имѣлъ въ виду тѣ органы, которые существовали въ Закавказьѣ, и тѣхъ лицъ, которыхъ частныя лица выбираютъ въ своихъ договорахъ для разрѣшенія споровъ по мелкимъ техническимъ нарушеніямъ полицейскаго характера. Въ Италіи эти дѣла вѣдаются водными судами, а крупныя уголовныя дѣла общими судами. Надо самому знать водное право, чтобы понять значеніе того обстоятельства, что, напр., каналъ былъ открытъ лишній часъ и т. п. Выбросить тотъ водный судъ, который существовалъ вѣка, врядъ ли слѣдуетъ. За сохраненіе этихъ судовъ стоитъ такой выдающійся и компетентный государственный человѣкъ, какъ баронъ Николаи.

А. Э. Вормсъ отвѣчалъ, что до сихъ поръ Крымъ, кромѣ су-башей, обходился безъ особыхъ водныхъ судовъ. Докладчикъ предлагаетъ для Крыма нововведеніе. Нельзя человѣка, уполномоченнаго по договору, разсматривать какъ судью.

И. Н. Миклашевскій находилъ, что договаривающіяся стороны здѣсь лишь регулируютъ обычное право.

С. А. Муромцевъ спросилъ *А. Э. Вормса*, допускаетъ ли онъ хотя бы ограниченную компетенцію, напр., поссессорную, этихъ спеціальныхъ органовъ?

А. Э. Вормсъ объяснилъ, что эти органы не возстановляютъ нарушенія, а лишь не допускаютъ его. Тутъ нѣтъ и судебнаго разрѣшенія поссессорнаго иска; они могутъ налагать штрафъ не свыше 3 рублей; это—функціи полицейскія. De lege ferenda я не говорю—это вопросъ законодательной политики.

И. Н. Миклашевскій. Я хотѣлъ лишь подчеркнуть, что выбрасывать эти учрежденія, какъ предлагаетъ г. Дингельштедтъ, нельзя. Я недостаточно ярко и рѣзко изобразилъ компетенцію этихъ учрежденій, но это и не было моею цѣлью. Земство въ Крыму уже имѣетъ своего гидрогеолога, проф. Головкинскаго, и, по закону, должно вѣдать вопросы техническіе, точно также и санитарные. Зачѣмъ же эти функціи отдавать особому учрежденію?

И. И. Янжулъ замѣтилъ, что Бентамъ и Дингельштедтъ говорятъ о разныхъ вещахъ. Бентамъ имѣлъ въ виду common law, когда говорилъ объ обычаѣ, но, вѣдь, это—судебные прецеденты, судейскій законъ. Дингельштедтъ говоритъ о томъ народномъ законѣ, который слагался исторически, а потому онъ и не имѣлъ никакого права говорить объ этомъ законѣ такъ рѣзко. Для американскихъ судей существуетъ 16 тысячъ томовъ рѣшеній, и тамъ можно найти прецедентъ по всякому вкусу.

А. Э. Вормсъ полагалъ, что тутъ иное недоразумѣніе. Бентамъ, дѣйствительно, очень враждебно относился къ common law, но здѣсь онъ стоитъ на точкѣ зрѣнія господствовавшей тогда теоріи, согласно которой обычное право дѣйствуетъ лишь постольку, поскольку его допускаетъ дѣйствующій писанный законъ. Поэтому предполагалось, что законадатель санкціонировалъ обычное право, фингируя его.

По предложенію *С. А. Муромцева*, находившаго, что рефератъ И. Н. Миклашевскаго относится къ числу такихъ, по которымъ возможны и рѣшенія, Общество единогласно *постановило:* занести въ протоколъ засѣданія слѣдующую резолюцію: Юридическое Общество соглашается съ тѣми заключеніями реферата, что водопользованіе въ Крыму должно быть предметомъ законодательнаго регулированія, основаннаго на внимательномъ изученіи дѣйствующаго обычнаго права, причемъ основными принципами должны быть: а) общественное обладаніе водами, в) самоуправленіе населенія водами и с) участіе земства въ административно-техническомъ управленіи водами.

По выраженіи предсѣдателемъ благодарности Общества докладчику, засѣданіе было закрыто въ 10 час. 40 мин. вечера.

Засѣданіе 4 декабря 1895 года.

Засѣданіе открыто въ 8 часовъ 25 минутъ вечера товарищемъ предсѣдателя графомъ **Л. А. Камаровскимъ**, при товарищѣ секретаря **Ѳ. Ѳ. Кокошкинѣ**, въ присутствіи дѣйствительныхъ членовъ: **П. М. Богаевскаго, П. И. Бѣляева, Н. В. Водовозова, А. Э. Вормса, Ю. С. Гамбарова, А. Г. Гусакова, князя Ѳ. В. Мещерскаго, С. П. Мокринскаго, И. Х. Померанцева, С. В. Сабинина, С. В. Сперанскаго, В. Н. Сторожева, М. Н. Соболева, Г. С. Фельдштейна.**

I. Читанъ и утвержденъ протоколъ засѣданія 6 ноября 1895 г.

II. Избранъ въ дѣйствительные члены Общества *В. Д. Протопоповъ.*

III. Дѣйствительный членъ *Г. С. Фельдштейнъ* прочелъ докладъ: „Первый выпускъ трудовъ Международнаго Общества сравнительнаго правовѣдѣнія и политической экономіи въ Берлинѣ“.

А. Э. Вормсъ полагалъ что исторія возникновенія берлинскаго Общества, о которомъ идетъ рѣчь, и разсмотрѣнный докладчикомъ первый томъ его трудовъ, въ общемъ, не даютъ права возлагать на это Общество большія надежды. Но статья Бернгёфта, выводы которой опровергаетъ докладчикъ, указываетъ, что Обществу, можетъ быть, предстоитъ и серьезное будущее. Бернгёфтъ дѣлитъ методы изученія права на этнологическій, историческій и догматическій. Докладчикъ находитъ это дѣленіе неправильнымъ, т. к. оно основано на двухъ различныхъ признакахъ: изслѣдуемомъ матеріалѣ и цѣли изслѣдованія. Но, въ дѣйствительности, Бернгёфтъ дѣлитъ пріемы изслѣдованія по ихъ цѣли. Дѣлить методы изслѣдованія на основаніи матеріала вообще нельзя, т. к. одинъ и тотъ же матеріалъ можетъ быть изучаемъ различными науками съ различныхъ точекъ зрѣнія, хотя, конечно, нельзя отрицать, что цѣль изслѣдователя вліяетъ и на выборъ матеріала. Опровергая дѣленіе Бернгёфта, докладчикъ ссылается на М. М. Ковалевскаго, который дѣлитъ методы изслѣдованія на историко-сравнительный и историческій. Въ сущности, то же дѣленіе мы находимъ и у Бернгёфта; разница только въ томъ, что онъ выражается осторожнѣе Ковалевскаго. Методъ этнологическій, по его мнѣнію, открываетъ „поразительное сходство" между различными народами при переходахъ ихъ отъ одной стадіи культуры къ другой. Это выраженіе „поразительное сходство" замѣняетъ болѣе рѣшительное и смѣлое слово „соціальные законы", употребляемое М. М. Ковалевскимъ. Этнологическій методъ Бернгёфта вполнѣ совпадаетъ съ историко-сравнительнымъ методомъ М. М. Ковалевскаго. Далѣе, докладчику должно поставить въ упрекъ то, что онъ совсѣмъ не охарактеризовалъ 3-го метода, именно того, примѣненіе котораго ставитъ своею цѣлью данное Общество и во главѣ его Бернгёфтъ,— метода догматическаго, имѣющаго, прежде всего, въ виду практическія цѣли примѣненія права въ современной жизни. Онъ долженъ исправить недостатки прежняго сопоставительнаго метода, который, сравнивая институты различныхъ народовъ, не сравнивалъ ихъ основаній и такимъ образомъ не могъ привести ихъ, такъ сказать, къ одному знаменателю. Референтъ недостаточно ясно отмѣтилъ практическія цѣли Общества, которыя сводятся къ слѣдующимъ 3-мъ задачамъ: 1) дать возможность отдѣльнымъ лицамъ ознакомиться съ дѣйствующимъ правомъ сосѣднихъ народовъ, 2) облегчить работу законодателя, представляя въ его распоряженіе обширный сравнительно-правовой матеріалъ, 3) быть можетъ, отдаленная, но тѣмъ не менѣе просвѣчивающая въ дѣятельности Общества цѣль — унифицировать право, создать на почвѣ международнаго общенія новое jus gentium, прежде всего въ торговыхъ отношеніяхъ.

Г. С. Фельдштейнъ находилъ въ возраженіяхъ А. Э. Вормса рядъ противорѣчій. Оппонентъ полагаетъ, что берлинское Общество не имѣетъ будущности, и, въ то же время, видитъ признаки серьезной будущности въ статьѣ Бернгёфта. Оппонентъ сближаетъ взгляды Бернгёфта и Ковалевскаго и при этомъ, соглашаясь съ Бернгёфтомъ, возстаетъ противъ доклада, въ которомъ поддерживаются мнѣнія М. М. Ковалевскаго. Утвержденіе, что Бернгёфтъ дѣлитъ методы изслѣдованія только по цѣли ихъ ошибочно. Онъ выставляетъ совершенно ясно и отчетливо два признака дѣленія: цѣль и матеріалъ, и одинъ пополняетъ другимъ. У Бернгёфта нѣтъ чистыхъ несмѣшанныхъ дѣленій. Оппонентъ относится, повидимому, скептически къ соціальнымъ законамъ, о которыхъ говоритъ М. М. Ковалевскій, но вмѣстѣ съ тѣмъ защищаетъ законы Бернгёфта. О практическихъ цѣляхъ Общества въ рефератѣ говорится.

А. Э. Вормсъ возразилъ, что упрекъ въ непослѣдовательности съ бо̀льшимъ правомъ можетъ быть обращенъ на самого докладчика. Разъ онъ отстаиваетъ взглядъ М. М. Ковалевскаго, то ему не слѣдовало бы упрекать Бернгёфта, который, въ сущности, подходитъ весьма близко къ первому: Бернгёфтъ лишь осторожнѣе. Онъ не вѣритъ, повидимому, въ открытіе общихъ соціальныхъ законовъ и ограничивается тѣмъ, что отмѣчаетъ поразительное единообразіе въ развитіи права различныхъ народовъ. Что же касается до признака дѣленія методовъ у Бернгёфта, то оппонентъ указываетъ лишь на то, что признакъ цѣли лежитъ въ *основѣ* различія между этнологическимъ и историческимъ методомъ, а отъ различія цѣли зависитъ уже и различіе матеріала. Референтъ упоминалъ о практическихъ цѣляхъ Общества, но не выяснилъ съ достаточной полнотой, что задача Общества есть сравнительное изслѣдованіе права съ практическими цѣлями.

Г. С. Фельдштейнъ настаивалъ на томъ, что между Бернгёфтомъ и М. М. Ковалевскимъ существуетъ значительная разница воззрѣній. Бернгёфтъ указываетъ два признака дѣленія (матеріалъ и цѣль) и три метода, Ковалевскій—одинъ признакъ и два метода.

А. Э. Вормсъ возразилъ, что различіе въ матеріалѣ есть только послѣдствіе различія въ цѣли. Этнологическое изслѣдованіе стремится охватить правовую жизнь всѣхъ народовъ и при томъ (о чемъ именно и не упомянуто въ докладѣ) въ первобытную эпоху; историческое—преимущественно имѣетъ въ виду современное право и интересуется институтами близкими у родственныхъ народовъ.

А. Г. Гусаковъ, соглашаясь съ замѣчаніями А. Э. Вормса, счелъ нужнымъ дополнить ихъ слѣдующими соображеніями. Въ изложеніи докладчика воспроизведены нѣсколько засѣданій берлинскаго Общества, но самый союзъ потонулъ. Не выяснена его цѣль, и отъ этого упущена

изъ виду самая интересная сторона его дѣятельности. Докладчикъ обратилъ вниманіе лишь на то, что имѣетъ чисто историческое значеніе. Далѣе нужно замѣтить, что Бернгёфтъ нигдѣ не говоритъ о трехъ методахъ, но о *направленіяхъ* одного и того же метода. Есть только одинъ методъ историко-сравнительнаго изученія права, но въ предѣлахъ его возможны различные нюансы, обусловливаемые различіемъ цѣли и матеріала изслѣдованія. Таковы отдѣльныя направленія историко-сравнительнаго метода, которыя можно связать съ именами Поста, Фюстель-де-Куланжа, Лейста, пожалуй, Іеринга. Возможность такихъ нюансовъ еще ранѣе Бернгёфта показалъ Нейкампфъ. Какъ справедливо отмѣтилъ А. Э. Вормсъ, референтъ недостаточно выяснилъ цѣли сравнительно-правового изслѣдованія. Слѣдовало бы обратить вниманіе, что въ Берлинѣ существуютъ два журнала по историко-сравнительному правовѣдѣнію, выходящіе подъ редакціей одного и того же лица, Бернгёфта. Такимъ образомъ, онъ выступаетъ представителемъ двухъ различныхъ направленій, различныхъ именно по своимъ цѣлямъ. Общество и журналъ, которые разсматриваетъ докладчикъ, выдвигаютъ на первый планъ изученіе вопросовъ современности путемъ сравнительно-историческаго изслѣдованія.

Г. С. Фельдштейнъ замѣтилъ, что въ его задачу не входила оцѣнка цѣлей журнала параллельно съ другими журналами. Онъ ограничивается лишь разборомъ отдѣльныхъ статей. Въ докладѣ указано, что три метода Бернгёфта, собственно говоря, суть лишь оттѣнки одного и того же метода.

А. Г. Гусаковъ полагалъ, что имя Ковалевскаго можетъ быть сопоставлено не съ тѣмъ направленіемъ въ области правовѣдѣнія, о которомъ говорится въ докладѣ, а съ другимъ, о которомъ только что было упомянуто,—иначе говоря, съ тѣмъ же самымъ Бернгёфтомъ, но въ другой обложкѣ.

Г. С. Фельдштейнъ возразилъ, что онъ указываетъ не сходство, а различіе между М. М. Ковалевскимъ и Бернгёфтомъ. Онъ не понимаетъ, почему, говоря о берлинскомъ Обществѣ и его журналѣ, нельзя приводить для сравненія воззрѣнія Ковалевскаго.

А. Г. Гусаковъ отвѣтилъ, что въ разбираемомъ журналѣ Бернгёфтъ преслѣдуетъ цѣли, чисто практическія.

Н. В. Водовозовъ замѣтилъ, что ему не ясна цѣль доклада. Референтъ съ величайшей подробностью излагаетъ статьи, имѣющія, по его собственному мнѣнію, лишь отрицательное значеніе. Далѣе, критическіе пріемы референта черезчуръ просты. Таково, напримѣръ, опроверженіе воззрѣній Бернгёфта путемъ сопоставленія ихъ съ мнѣніемъ М. М. Ковалевскаго. Обращаясь къ предмету спора между докладчикомъ и предшествующими оппонентами, нельзя не задать вопроса,

о какихъ особыхъ методахъ можетъ идти рѣчь въ правовѣдѣніи. Есть только общіе логическіе методы индукціи и дедукціи. Если же угодно называть методами отдѣльныя направленія, то ихъ можно различать лишь на основаніи различія въ матеріалѣ. Стремленіе указать особые методы для юриспруденціи является общей теоретической ошибкой юристовъ. Но въ настоящее время въ области правовѣдѣнія возникаетъ новое направленіе. Съ этой точки зрѣнія, въ разсмотрѣнной докладчикомъ статьѣ, въ общемъ, состоящей изъ банальныхъ опредѣленій, интересно одно замѣчаніе, приведенное въ самомъ концѣ доклада, именно то, въ которомъ говорится, что историки права слишкомъ мало глядятъ въ будущее. Это замѣчаніе тѣсно связано съ вышеупомянутымъ теоретическимъ заблужденіемъ. Юристъ и не долженъ смотрѣть въ будущее. Въ послѣдней статьѣ сборника, отъ обсужденія которой докладчикъ, къ сожалѣнію, отказался, поднимается старый, но вѣчно новый вопросъ о правахъ человѣка въ отношеніи къ государству. Вѣчная ошибка, которая повторяется при обсужденіи этого вопроса, заключается въ томъ, что право разсматривается, какъ элементъ, активно реагирующій на общественныя отношенія. Эта постановка вопроса въ основѣ ошибочна. Въ настоящее время въ нѣмецкой и, особенно, въ австрійской юриспруденціи все болѣе упрочивается направленіе, которое отодвигаетъ на второй планъ отысканіе наилучшихъ условій общественной жизни. Дѣло ученаго—констатировать и изучать существующее. Напротивъ, въ разсмотрѣнной докладчикомъ статьѣ Фіори мы находимъ противоположное, утопическое направленіе. Къ сожалѣнію, оно не ограничивается международнымъ правомъ, наиболѣе благодарной для него областью, но и проникаетъ въ гражданское право. Въ противоположность ему, современное воззрѣніе, выдающимся представителемъ котораго является Менгеръ, утверждаетъ, что правовыя отношенія представляютъ собой лишь надстройку надъ общественнымъ (нѣкоторые говорятъ даже—экономическимъ) строемъ.

Г. С. Фельдштейнъ въ отвѣтъ Н. В. Водовозову замѣтилъ, что, приводя воззрѣнія Ковалевскаго, онъ придавалъ вожность не самому имени его, но лишь высказанному имъ мнѣнію, которое говоритъ само за себя. Не будучи спеціалистомъ по международному праву и политической экономіи, докладчикъ отказывается вступать въ пренія по существу взглядовъ Фіори на эти вопросы.

Гр. Л. А. Камаровскій въ заключительнномъ словѣ отмѣтилъ симпатичность и плодотворность цѣлей, преслѣдуемыхъ новымъ юридическимъ Обществомъ въ Берлинѣ. Ставя своей задачей сравнительное изученіе законодательствъ, оно въ то же время подчеркиваетъ потребность международнаго сближенія, ощущаемую въ настоящее время

и юристами-практиками. Въ этомъ отношеніи берлинское Общество идетъ еще далѣе, чѣмъ Общество сравнительнаго законодательства въ Парижѣ. Петербургское Юридическое Общество заключило уже съ берлинскимъ Обществомъ соглашеніе, въ силу котораго члены петербургскаго Общества считаются членами берлинскаго во время пребыванія своего въ Берлинѣ и наоборотъ. Желательно было бы, чтобы и Московское Юридическое Общество установило болѣе или менѣе прочную связь съ учрежденіемъ, столь отвѣчающимъ потребностямъ современной жизни.

Засѣданіе закрыто въ 11 час. 45 мин. вечера.

Засѣданіе 15 января 1896 года.

Засѣданіе открыто въ $8^1/_4$ час. вечера подъ предсѣдательствомъ **С. А. Муромцева**, при секретарѣ **М. Н. Соболевѣ**. Присутствовали дѣйствительные члены Общества: гр. **Л. А. Камаровскій, Г. Л. Вербловскій, А. Э. Ворисъ, Г. С. Фельдштейнъ, С. А. Жигаревъ, П. М. Богаевскій, Н. М. Тэріанъ, П. И. Бѣляевъ, П. А. Столповскій, В. А. Долячко, П. И. Числовъ, В. В. Сиротининъ, С. А. Лилинъ, Н. Я. Фрейндъ, Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ, В. В. Пржевальскій.**

I. *С. А. Муромцевъ* открылъ засѣданіе рѣчью въ память А. М. Фальковскаго, почетнаго члена Московскаго Юридическаго Общества, скончавшагося въ началѣ 1896 года. Въ лицѣ покойнаго А. М. Общество находилось въ непосредственной связи съ группой дѣятелей перваго періода жизни Юридическаго Общества. Его имя красуется въ старѣйшемъ спискѣ членовъ. Сколько воспоминаній пробуждаетъ это имя! Достаточно раскрыть любой протоколъ Общества, и мы увидимъ, что А. М. всегда присутствовалъ въ засѣданіяхъ и постоянно, до самыхъ послѣднихъ дней своихъ, участвовалъ въ трудахъ Общества. Его рѣчи всегда были проникнуты широкой гуманностью, преданностью началамъ Судебныхъ Уставовъ и интересомъ къ теоретической мысли. Добромъ слѣдуетъ помянуть и то, что въ теченіе 9 лѣтъ (1871—1879 гг.) А. М. былъ, вмѣстѣ съ В. Н. Лешковымъ, редакторомъ „Юридическаго Вѣстника". Въ лицѣ А. М. Фальковскаго, мы, несомнѣнно, потеряли дѣятельнаго сотрудника, отличавшагося рѣдкой преданностью идеаламъ.

Гр. Л. А. Камаровскій отмѣтилъ, что А. М. Фальковскій, будучи по преимуществу практическимъ дѣятелемъ, отличался живымъ, воспріимчивымъ умомъ, отзывчивымъ на теоретическіе вопросы. Онъ интересовался всѣми областями научнаго познанія и посвящалъ много времени научнымъ занятіямъ. Примѣръ такой связи людей-практиковъ съ теоріей является весьма поучительнымъ и заслуживаетъ подра-

жанія. Кромѣ того, намъ дорога память А. М. и по его интересу къ наукѣ международнаго права.

П. А. Столповскій прочиталъ рѣчь дѣйствительнаго члена *Г. А. Джаншіева*, въ которой А. М. Фальковскій характеризуется, какъ общественный дѣятель.

Къ прочитанному *П. А. Столповскій* прибавилъ слѣдующее: Я не могу не подѣлиться нѣкоторыми воспоминаніями о человѣкѣ, котораго зналъ въ теченіе 22 лѣтъ и съ которымъ я началъ свою дѣятельность присяжнаго повѣреннаго. Я познакомился съ А. М. на студенческой скамьѣ, когда онъ читалъ намъ курсъ гражданскаго судопроизводства. При окончаніи курса, многіе студенты, въ томъ числѣ и я, обратились къ А. М. съ просьбой принять насъ въ число своихъ помощниковъ, такъ какъ для насъ онъ былъ ближе всѣхъ, его мы знали и къ его помощи обратились. А. М. съ охотой исполнилъ эту просьбу. Помощниковъ у него были десятки, и для всѣхъ онъ находилъ дружескіе совѣты, со всѣми онъ занимался. Онъ относился къ намъ, какъ старшій товарищъ и учитель, и былъ чуждъ всякой идеи о дисциплинированіи и обузданіи. Въ адвокатской дѣятельности А. М., которая прошла передъ глазами всѣхъ насъ, не было громкихъ процессовъ, которые создали бы ему извѣстность, но зато онъ не велъ ни одного сомнительнаго дѣла, которое могло бы бросить тѣнь на его репутацію. Дай Богъ, чтобы было побольше людей съ такимъ твердымъ нравственнымъ міросозерцаніемъ, которые всю жизнь съумѣли бы удержаться на высотѣ своихъ нравственныхъ идеаловъ.

Въ заключеніе, предсѣдатель *С. А. Муромцевъ* предложилъ почтить память А. М. Фальковскаго вставаніемъ и занести въ протоколъ слѣдующую резолюцію:

„Вспоминая многолѣтнюю неутомимую и благородную дѣятельность Адама Михайловича Фальковскаго на пользу Московскаго Юридическаго Общества и сохраняя глубокую благодарность къ его памяти, Общество съ чувствомъ сердечной печали принимаетъ извѣстіе о его кончинѣ".

Предложеніе г. Предсѣдателя было принято единогласно и приведено въ исполненіе.

II. Предсѣдатель *С. А. Муромцевъ* довелъ до свѣдѣнія Общества, что имъ получена благодарность В. М. Пржевальскаго за поздравленіе съ 25-лѣтнимъ юбилеемъ, принесенное отъ имени Общества.

III. Читаны и утверждены протоколы засѣданій 27 ноября и 4 декабря 1895 г.

IV. Предложены къ избранію въ дѣйствительные члены Общества: *Леонидъ Николаевичъ Раевскій*, членъ-корреспондентъ Моск. Юрид. Общества, *Евгеній Даниловичъ Синицкій*, магистрантъ уголовнаго права, членъ-корресп. Моск. Юрид. Общества, *Леонтій Даниловичъ*

Синицкій, членъ-корресп. Моск. Юрид. Общества, *Тимофей Архиповичъ Ясаковъ*, статистикъ Московскаго Земства, *Иванъ Ивановичъ Флоринскій*, контролеръ Московскаго Земства, *Викторъ Эмиліевичъ Брунстъ*, статистикъ Московскаго Земства, *Александръ Карловичъ фонъ-Меккъ*, членъ Правленія Общества для содѣйствія русскому торговому мореходству.

Предложенъ въ члены-корреспонденты:

Лонгинъ Лонгиновичъ Гавришевъ, преподаватель гимназіи, секретарь Николаевскаго Отдѣленія Русскаго Техническаго Общества.

V. *В. В. Пржевальскій* указалъ на имѣющій быть на дняхъ 50-лѣтній юбилей Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Это Общество поставило своею цѣлью разработку географіи, этнографіи и статистики Россіи и сопредѣльныхъ съ нею странъ. Его заслуги въ разработкѣ естествознанія и географіи неоцѣненны. Дѣятельность Географическаго Общества соприкасается съ Юридическимъ Обществомъ особенно близко двумя сторонами: отдѣломъ этнографіи, собравшимъ массу матеріаловъ по обычному праву, и отдѣломъ статистики, разработавшимъ не мало важныхъ вопросовъ, какъ, напр., о переселеніяхъ, о крестьянской общинѣ. Многіе труды Янсона, Тройницкаго, Тернера и др. увидѣли свѣтъ, благодаря Географическому Обществу. Я предлагаю Московскому Юридическому Обществу, въ виду трудовъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества въ области наукъ естественныхъ и соціальныхъ и въ виду его выдающейся роли въ развитіи русской общественности и въ дѣлѣ сближенія русской науки съ наукой Запада, поручить своему Бюро привѣтствовать Географическое Общество адресомъ въ день его пятидесятилѣтняго юбилея.

Общество постановило: принять это предложеніе.

VI. Дѣйствительный членъ гр. Л. А. Камаровскій прочиталъ докладъ: „Съѣздъ Института международнаго права въ 1895 г.“ (напечатанъ въ „Сборникѣ правовѣдѣнія“, т. VI, ст. 33—57).

С. А. Муромцевъ просилъ докладчика разъяснить: въ какой мѣрѣ заключенія съѣзда Института международнаго права приняты правительствами и есть ли изъ практики прежняго времени примѣры, что правительства слѣдовали рѣшеніямъ съѣздовъ?

Гр. Л. А. Камаровскій отвѣтилъ, что на послѣднемъ Кэмбриджскомъ съѣздѣ былъ возбужденъ вопросъ о томъ, чтобы доводить рѣшенія института до свѣдѣнія правительствъ, но съѣздъ рѣшилъ держаться прежняго порядка. Рѣшенія по вопросамъ практическаго характера могутъ быть сообщаемы правительствамъ тѣмъ или другимъ членомъ Института, если онъ найдетъ это нужнымъ. Это одинъ способъ. Другой способъ — препровожденіе рѣшеній Института отъ

бюро съѣзда. Нѣкоторыя государства увѣдомляли о полученіи ими рѣшеній, большинство же и не увѣдомляло. Такимъ образомъ, сношенія заставляютъ желать еще многаго. Тѣмъ не менѣе, многія постановленія Института вошли въ международные акты. Когда праздновалось 25-лѣтіе Института, была издана особая таблица, гдѣ говорилось о вліяніи постановленій Института на международную практику. Это вліяніе несомнѣнно, хотя часто случается, что лица, предлагающія извѣстное рѣшеніе на международныхъ конференціяхъ, даже не упоминаютъ объ источникѣ ихъ предложенія — постановленіи Института. Укажемъ, напр., на неприкосновенность плаванія по Суэцкому каналу, установленную Институтомъ и принятую Константинопольской конференціей, на охрану международныхъ кабелей, на третейскіе международные суды, на уничтоженіе торговли неграми, на свободу плаванія по Конго и Нигеру и пр. Вообще вліяніе Института на практику несомнѣнно и значительно.

П. М. Богаевскій остановился на пяти основныхъ пунктахъ о подданствѣ, принятыхъ Институтомъ. Здѣсь отсутствуетъ важное положеніе, особенно для насъ, русскихъ. Какъ извѣстно, 3 года назадъ выработанъ проектъ о потерѣ подданства и ея послѣдствіяхъ, который долженъ разсматриваться въ Государственномъ Совѣтѣ. По проекту, утрата русскаго подданства влечетъ рядъ тяжелыхъ послѣдствій (напр., запрещеніе возвращаться назадъ). Слѣдовало бы высказать, что оставленіе подданства не должно влечь за собой репрессивныхъ мѣръ. Желательна международная охрана этого права.

Гр. Л. А. Камаровскій отвѣтилъ, что это положеніе само собой вытекаетъ изъ права оставлять подданство.

Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ замѣтилъ, что представленный въ Государственный Совѣтъ законопроектъ о принятіи и утратѣ русскаго подданства, насколько можно судить по статьѣ о немъ проф. Коркунова, помѣщенной въ одной изъ послѣднихъ книжекъ „Журнала Министерства Юстиціи", не совсѣмъ таковъ, какимъ представляетъ его П. М. Богаевскій. Проектъ этотъ не устанавливаетъ никакихъ карательныхъ мѣръ за оставленіе русскаго подданства. Напротивъ, въ отличіе отъ дѣйствующаго законодательства, онъ устраняетъ вѣчное изгнаніе, какъ кару за произвольное оставленіе отечества, и такимъ образомъ принимаетъ то начало современнаго международнаго права, согласно которому государство не имѣетъ права навязывать другимъ государствамъ своихъ подданныхъ, но обязано терпѣть ихъ на своей территоріи.

Засѣданіе было закрыто въ 11 час. вечера.

Засѣданіе 5 февраля 1896 года.

Засѣданіе открыто въ 8 час. 25 мин. веч. товарищемъ предсѣдателя графомъ **Л. А. Камаровскимъ** при товарищѣ секретаря **Ѳ. Ѳ. Кокошкинѣ**, въ присутствіи почетнаго члена **С. А. Муромцева** и дѣйствительныхъ членовъ: **С. И. Булгакова, В. В. Быховскаго, Г. Л. Верблов**с**каго, В. И. Вольтмана, А. Э. Ворм**с**а, Ю. С. Гамбарова, А. В. Горбунова, А. П. Золотарева, И. Н. Кашкина, С. А. Лилина, П. И. Лухманова, И. Б. Мандельштама,** князя **Ѳ. В. Мещерскаго, И. Д. Новика, И. Х. Померанцева, В. В. Пржевальскаго, Е. Е. Сабинина, В. И. Сергѣева, В. В. Сиротинина, М. И. Соболева, И. М. Тэріана, Г. С. Фельдштейна, В. М. Хвостова.**

I. Избраны въ дѣйствительные члены Общества: *В. Э. Брунстъ, А. К. фонъ-Меккъ, Л. Н. Расвскій, Е. Д. Синицкій, Л. Д. Синицкій, И. И. Флоринскій, Т. А. Ясаковъ.*

II. Приняты въ Общество членами-корреспондентами: *Антонъ Львовичъ Рубиновскій,* кандидатъ правъ (по предложенію С. А. Муромцева и В. В. Пржевальскаго) и *Лонгинъ Лонгиновичъ Гавришевъ*, секретарь Николаевскаго Отдѣленія Русскаго Техническаго Общества (по предложенію А. И. Чупрова и М. Н. Соболева).

III. Почетный членъ *С. А. Муромцевъ* прочелъ докладъ: „Вопросъ о возникновеніи юридическаго лица въ примѣненіи къ поземельной общинѣ“.

Ю. С. Гамбаровъ находилъ, что судебное рѣшеніе, о которомъ идетъ рѣчь, было неправильно, поскольку весь вопросъ былъ сведенъ къ тому, что за обществомъ „старожиловъ“ не было признано юридическаго лица. Можно было бы, не отказывая имъ вполнѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ признать и за городской общиной право на часть земли. Такъ рѣшался вопросъ въ Германіи въ случаяхъ, когда городская община вступала въ споръ съ первоначальной поземельной общиной. Городъ получалъ часть земли въ вознагражденіе за расходы по управленію, но и за поземельной общиной признавалось фактическое корпоративное существованіе. Въ данномъ случаѣ старожилы по акту пожалованія получили несомнѣнное право на землю, но часть этой земли должна была поступить въ пользу городского общества, выгодами котораго пользовались старожилы. Что касается вопроса о возникновеніи юридическаго лица, то здѣсь слѣдуетъ присоединиться къ воззрѣнію докладчика. Фактически существующія корпораціи должны быть признаваемы юридическими лицами, за исключеніемъ только тѣхъ, которыя прямо запрещены закономъ. Требованіе спеціальнаго на каждый случай утвержденія государственной власти оставлено современной юриспруденціей. Въ сущности, юридическое лицо утверждается объективнымъ правомъ, которое устанавливаетъ условія его

возникновенія. Утвержденіе же со стороны государственной власти имѣетъ не конститутивное значеніе (которое переносится на законъ), а декларативное: оно только констатируетъ фактъ возникновенія юридическаго лица. Такъ смотритъ на дѣло и германская судебная практика, которая въ подобныхъ случаяхъ признаетъ, если можно такъ выразиться, корпорацію безъ корпоративныхъ правъ или юридическую личность безъ юридическаго лица, причемъ въ судебныхъ рѣшеніяхъ подчеркивается, что такая корпорація не есть societas. Итакъ, въ разсматриваемомъ случаѣ мы, несомнѣнно, имѣемъ дѣло съ юридическимъ лицомъ.

Г. Л. Вербловскій. Въ средѣ судей иногда приходится слышать мнѣніе, что для разрѣшенія гражданскихъ дѣлъ нѣтъ надобности въ „такъ называемой теоріи права". Какъ извѣстно, этотъ взглядъ нашелъ даже себѣ выраженіе въ одномъ изъ сенатскихъ рѣшеній, которое, является, къ счастію, исключительнымъ. Огромное число сенатскихъ рѣшеній носитъ, напротивъ, явные слѣды вліянія со стороны теоріи права. Чтобы удостовѣриться въ этомъ, достаточно вспомнить новые институты, выработанные сенатомъ въ вопросѣ о negotiorum gestio, о душеприкащикахъ и др. Докладъ С. А. Муромцева какъ нельзя лучше иллюстрируетъ, насколько необходимо содѣйствіе теоріи въ судебной практикѣ. Теоретическій вопросъ о возникновеніи юридическаго лица имѣетъ существенное значеніе въ разбираемомъ казусѣ. Если не признавать старожиловъ юридическимъ лицомъ, то они и на судѣ должны дѣйствовать отдѣльно; въ противномъ случаѣ, у нихъ долженъ быть общій представитель. При разрѣшеніи поставленнаго вопроса нужно прежде всего имѣть въ виду, что всякое право создается для жизни. Если сложившіяся жизненныя отношенія представляютъ всѣ признаки юридическаго лица, то въ санкціи государственной власти нѣтъ необходимости. Въ данномъ случаѣ, старожилы въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ владѣли землей, платили за нее налоги, сдавали ее даже въ аренду городу, выступая во всѣхъ этихъ случаяхъ, какъ совокупность лицъ, составляющихъ одного субъекта права. Слѣдовательно, ихъ должно признать юридическимъ лицомъ. Если же они—юридическое лицо, то—при доказанномъ истеченіи срока давности—у нихъ является на землю пріобрѣтенное право, котораго не могло уничтожить новое Городовое Положеніе. Но въ такомъ случаѣ здѣсь непримѣнимо и то рѣшеніе изъ германской судебной практики, которое приводитъ Ю. С. Гамбаровъ и согласно которому часть земли должна отойти городу.

Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ. Докладъ С. А. Муромцева затрогиваетъ одинъ изъ основныхъ вопросовъ общей теоріи права, для разрѣшенія котораго необходимо предварительно точно установить понятіе юридиче-

скаго лица. Наукою давно отвергнуто то воззрѣніе, согласно которому юридическое лицо представляетъ собой произвольное созданіе государственной власти. Въ основѣ юридическаго лица, несомнѣнно, лежитъ опредѣленный фактъ, опредѣленное явленіе дѣйствительной жизни. Это явленіе есть *общественный интересъ*. По примѣру нѣмецкихъ юристовъ, различающихъ Gemeinzweck и gemeinsamer Zweck, общественный интересъ нужно отличать отъ *общаго интереса*. Общій интересъ есть ни что иное, какъ сумма индивидуальныхъ интересовъ. Нѣсколько лицъ имѣютъ одинаковыя цѣли и для лучшаго достиженія ихъ дѣйствуютъ сообща. Самыя цѣли при этомъ остаются чисто личными, эгоистическими; солидарность распространяется лишь на способъ осуществленія ихъ. Ясно, что общій интересъ, понимаемый въ этомъ смыслѣ, представляетъ собой одно цѣлое лишь извнѣ, въ противоположеніи интересамъ постороннихъ лицъ; напротивъ, внутри самаго союза онъ распадается на свои составные элементы — индивидуальные интересы отдѣльныхъ участниковъ даннаго отношенія. Поэтому мы имѣемъ здѣсь не одного, а многихъ субъектовъ права, не юридическое лицо, а юридическое отношеніе. Прототипъ такого рода соединеній—societas; но сюда же относится и современное торговое товарищество, которое, въ отличіе отъ римскаго, обладаетъ организаціей, придающей ему внѣшнее единство. Въ области международнаго права соотвѣтствующее явленіе—союзъ государствъ. Юридическое лицо, въ противоположность товариществу, имѣетъ своимъ основаніемъ не просто общій, а общественный интересъ. Общественный интересъ представляетъ собой не сумму индивидуальныхъ интересовъ, а средній выводъ изъ нихъ и поэтому противополагается, какъ самостоятельная величина, не только окружающей средѣ, но и частнымъ цѣлямъ отдѣльныхъ членовъ союза. Если общественный интересъ признанъ, какъ таковой, положительнымъ правомъ, то и основанный на немъ союзъ становится юридическимъ лицомъ, т. е. выступаетъ въ юридической жизни въ качествѣ особаго субъекта правъ и обязанностей. Признаніе со стороны объективнаго права возводитъ союзы общественнаго интереса, или какъ можно было бы ихъ назвать, *органическіе союзы*, на степень юридическихъ лицъ, но сами по себѣ они могутъ существовать и безъ такого признанія. Возможны даже органическіе союзы, запрещенные закономъ, какъ показываетъ примѣръ нѣкоторыхъ религіозныхъ сектъ. Чтобы уяснить себѣ подобныя явленія, нужно имѣть въ виду, что въ средѣ каждаго народа, кромѣ положительнаго права, провозглашаемаго и охраняемаго государственной властью, существуетъ множество другихъ нормъ юридическаго характера, которыя имѣютъ обязательную силу въ опредѣленныхъ кружкахъ и слояхъ общества. Каждый органическій союзъ

является центромъ особаго правопорядка, который онъ защищаетъ своими собственными дисциплинарными средствами. Но государство отличается отъ другихъ союзовъ тѣмъ, что поддерживаемый имъ порядокъ защищается наиболѣе совершеннымъ принудительнымъ механизмомъ и, притомъ, распространяется на всѣхъ безъ исключенія жителей данной территоріи, независимо отъ ихъ субъективныхъ свойствъ. Когда мы говоримъ о „правѣ“ вообще, не прибавляя особыхъ оговорокъ, то всегда подразумѣваемъ именно этотъ всеобщій и абсолютный правопорядокъ, признаваемый и охраняемый государственной властью. А поэтому и юридическимъ лицомъ мы можемъ назвать не всякій органическій союзъ (хотя бы онъ и являлся таковымъ, съ точки зрѣнія своего частнаго правопорядка), но только тотъ, который признанъ въ этомъ качествѣ государствомъ. Изъ этого, однако, не слѣдуетъ, что для возникновенія юридическаго лица требуется *спеціальная на каждый случай санкція* государственной власти. Санкція можетъ быть дана разъ навсегда въ общемъ законѣ, устанавливающемъ условія возникновенія юридическихъ лицъ. Съ другой стороны, и спеціальное признаніе, которое необходимо за отсутствіемъ общей нормы, не должно быть непремѣнно выражено въ формѣ прямого утвержденія; оно можетъ быть также молчаливымъ, можетъ вытекать изъ конклюдентныхъ дѣйствій государственныхъ учрежденій. Это послѣднее условіе мы и имѣемъ налицо въ разсматриваемомъ конкретномъ случаѣ и, съ этой точки зрѣнія, можно присоединиться къ мнѣнію докладчика, считающаго общество „старожиловъ“ юридическимъ лицомъ.

В. В. Быховскій замѣтилъ, что изъ доклада видно, какую важную роль въ гражданскомъ процессѣ играетъ дѣятельность сторонъ. Участіе просвѣщенныхъ представителей адвокатуры, идущихъ навстрѣчу широкимъ требованіямъ жизни, можетъ значительно расширить постановку того или другого вопроса гражданскаго права.

С. А. Муромцевъ, отвѣчая на сдѣланныя по поводу доклада замѣчанія, указалъ на то обстоятельство, что ученіе о необходимости государственнаго признанія для юридическаго лица, явившееся лишь въ XIX вѣкѣ (подъ вліяніемъ убѣжденія, будто корпоративная организація придаетъ людямъ особую силу, нуждающуюся въ контролѣ со стороны государства), въ послѣднее время теряетъ кредитъ на своей родинѣ, въ Германіи. Одинъ изъ выдающихся нѣмецкихъ романистовъ (Регельсбергеръ) рѣшительно высказывается въ своемъ курсѣ пандектъ противъ требованія государственной санкціи. Онъ идетъ даже далѣе и находитъ, что и въ томъ случаѣ, когда законодатель установляетъ извѣстныя условія для возникновенія юридическихъ лицъ, союзы, не удовлетворяющіе этимъ условіямъ, не явля-

ются eo ipso неправоспособными; только запрещенныя общества нельзя признавать юридическими лицами. Гражданская правоспособность государства, церкви и другихъ корпорацій устанавливается, по мнѣнію упомянутаго писателя, силою обычая. Но такъ какъ въ наше время обычное право все болѣе становится фикціей, то правильнѣе будетъ сказать, что возникшія фактически корпораціи могутъ быть признаны *авторитетомъ гражданской жизни*. Авторитетъ нашей русской гражданской жизни, несомнѣнно, признаетъ поземельную общину юридической личностью и признавалъ ее таковой гораздо ранѣе, чѣмъ законодательство, которое подошло къ общинѣ лишь въ недавнее время, и то, преимущественно, какъ къ политической корпораціи.

Одинъ изъ оппонентовъ указываетъ на необходимость, для разрѣшенія вопроса, предварительно установить точное понятіе юридическаго лица, причемъ въ основаніе этого послѣдняго кладетъ принципъ общественнаго интереса. Нужно здѣсь различать юридическія лица публичныя и гражданскія. Несомнѣнно, что въ сферѣ публичнаго права государство даетъ признаніе лишь тѣмъ союзамъ, въ основѣ которыхъ лежитъ общественный интересъ. Но остается обширная область гражданско-правовыхъ отношеній, гдѣ это правило непримѣнимо.

Сенатъ рѣшилъ дѣло не въ пользу старожиловъ, но рѣшеніе пока не опубликовано, такъ что и мотивы его еще неизвѣстны. Во всякомъ случаѣ, нужно оставить въ сторонѣ актъ пожалованія, такъ какъ въ данномъ случаѣ онъ подвергнутъ сомнѣнію. Слѣдуетъ устранить также вопросъ о правахъ города, какъ не касающійся главной сущности дѣла. Основной вопросъ, поставленный въ докладѣ, можно представить въ чистомъ его видѣ такъ: люди сѣли на землю и образовали на ней фактическую общину; можетъ ли она быть признана юридическимъ лицомъ?

Графъ Л. А. Камаровскій въ заключительномъ словѣ указалъ, что прочитанный докладъ имѣетъ двоякое значеніе. Затрогивая интересный и спорный теоретическій вопросъ и рельефно оттѣняя его существенныя черты, докладъ въ то же время стоитъ въ живой и непосредственной связи съ русской судебной практикой и подчеркиваетъ важность тѣснаго союза между практикой и теоріей.

Засѣданіе закрыто въ 10¾ часовъ вечера.

Засѣданіе 12 февраля 1896 года.

Засѣданіе открыто въ 8 ч. 20 м. веч. подъ предсѣдательствомъ гр. Л. А. Камаровскаго, при товарищѣ секретаря В. В. Пржевальскомъ, въ присутствіи гг. дѣйствительныхъ членовъ: Е. М. Варанцевича, В. В. Выховскаго, В. Э. Дена, В. А. Долячко, Н. Н. Кашкина, Н. В. Мандельштама, Л. Е. Мандельштама, И. Х. Померанцева, Е. Д. Синицкаго, В. В. Сиротинина, М. Н. Соболева, Н. В. Троицкаго, Г. С. Фельдштейна и И. И. Янжула.

I. Читанъ и утвержденъ протоколъ засѣданія 15 января 1896 года.

II. Избранъ въ дѣйствительные члены Общества *Петръ Ивановичъ Куркинъ*.

III. Секретаремъ доложено о вновь поступившихъ въ Общество книгахъ.

IV. Дѣйствительный членъ *В. Э. Денъ* прочелъ докладъ: „Прямые налоги въ Пруссіи и Австріи и ихъ взиманіе и взысканіе“.

М. Н. Соболевъ отмѣтилъ, что въ рефератѣ указаны чрезвычайно любопытные пріемы взысканія прямыхъ налоговъ въ Пруссіи и Австріи. Возникаетъ вопросъ о примѣнимости нѣкоторыхъ изъ этихъ способовъ взысканія и у насъ въ Россіи. Интересно было бы знать мнѣніе докладчика по вопросу о томъ, годятся ли эти органы и пріемы взиманія и взысканія и въ Россіи. Врядъ ли пригодны наши сельскіе старосты, въ качествѣ органовъ взиманія; не лучше ли поручить это дѣло податнымъ инспекторамъ? Въ Россіи поземельный налогъ черезчуръ высокъ и, по изслѣдованіямъ проф. Янсона, во многихъ мѣстностяхъ поглощаетъ весь доходъ крестьянскихъ земельныхъ надѣловъ. Вопреки мнѣнію референта, спорно, чтобы возможно было брать прямые налоги въ размѣрахъ 23—28% чистаго дохода.

В. Э. Денъ отвѣчалъ, что въ Пруссіи старосты находятся подъ надзоромъ провинціальной кассы и начальника уѣзда. Староста годенъ въ Пруссіи, гдѣ налоги поступаютъ очень исправно. Иное дѣло въ Австріи и у насъ, въ Россіи, гдѣ чрезмѣрно высокъ процентъ налога. У насъ надо поручить взысканіе, по примѣру Австріи, финансовымъ органамъ, а не полиціи. Прусскія мѣры взысканія, въ виду чрезмѣрно высокаго оклада поземельнаго налога, у насъ врядъ ли приложимы безъ тѣхъ широкихъ льготъ и изъятій, которыя существуютъ въ Пруссіи и, особенно, въ Австріи. Строгости мѣръ не слѣдуетъ бояться, если онѣ точно опредѣлены въ законѣ, а органы взысканія устроены хорошо. Австрійское обложеніе черезчуръ высоко и потому нежелательно.

М. Н. Соболевъ возразилъ, что однѣхъ льготъ недостаточно, пока обложеніе такъ высоко, что покрываетъ собою весь чистый доходъ населенія.

В. Э. Денъ замѣтилъ, что и у насъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, слѣдовало бы слагать недоимки.

Е. М. Баранцевичъ находилъ, что черезъ податныхъ инспекторовъ въ Россіи взыскивать невозможно, въ виду обширности пространства и характера населенія. У насъ возможно взысканіе лишь черезъ старосту, но надо улучшить способъ избранія и условія службы старосты. Староста лучше знаетъ имущественное положеніе крестьянъ и время, когда тотъ или другой крестьянинъ получилъ хорошія деньги отъ заработка. Податной инспекторъ живетъ въ уѣздномъ городѣ; иногда одинъ инспекторъ приходится на два уѣзда. Докладъ представляетъ для насъ немалое значеніе, ибо многія его положенія примѣнимы и у насъ. У насъ тоже многіе предметы крестьянскаго хозяйства не могутъ быть проданы за недоимки, но въ городахъ для ремесленниковъ такой льготы и охраны нѣтъ, и судебные пристава сплошь и рядомъ описываютъ предметы, нужные для ремесла. Такія бѣдствія, какъ побитіе градомъ всего посѣва, не даютъ у насъ права на отсрочку взысканія налога. У насъ можно описать за неплатежъ повинностей недвижимое имѣніе и безъ разрѣшенія судебной власти. Желательно ввести многіе изъ описанныхъ въ рефератѣ западныхъ порядковъ и въ нашу жизнь.

Предсѣдательствующій *гр. Л. А. Камаровскій* отмѣтилъ, что докладъ интересенъ съ двухъ сторонъ: 1) онъ даетъ сравненіе развитого прусскаго финансоваго хозяйства съ нашимъ, 2) заключаетъ въ себѣ много фактическихъ данныхъ по прусскому финансовому законодатальству, которое гораздо выше австрійскаго. Прусское законодательство мудро и гуманно; общины участвуютъ тамъ въ финансовомъ управленіи, причемъ благопріятное вліяніе грамотности населенія сказывается и въ немъ. Въ финансовомъ отношеніи, Пруссія страна образцовая, а потому докладъ интересенъ и съ общегосударственной стороны.

Затѣмъ, выразивъ докладчику благодарность Общества, предсѣдатель закрылъ засѣданіе въ 10 час. 25 мин. вечера.

Засѣданіе 26 февраля 1896 года.

Засѣданіе открыто въ 8 ч. 20 м. веч. товарищемъ предсѣдателя **гр. Л. А. Камаровскимъ**, при секретарѣ **М. Н. Соболевѣ**, въ присутствіи дѣйствительныхъ членовъ: **В. В. Пржевальскаго, П. М. Богаевскаго, В. В. Сиротинина, А. М. Краевскаго, П. Н. Бѣляева, С. А. Лилина, Н. М. Тэріана, Г. С. Фельдштейна, А. Э. Вормса, В. Н. Вольтмана, В. Н. Сторожева** и **А. Я. Перельмана**.

I. *Графъ Л. А. Камаровскій* указалъ на то, что Москва понесла на дняхъ большую потерю въ лицѣ Эспера Николаевича Сумбула; и Московское Юридическое Общество лишилось въ немъ своего почетнаго члена. Судебная дѣятельность Э. Н. протекла главнымъ образомъ въ Москвѣ, гдѣ онъ былъ товарищемъ предсѣдателя окружнаго суда. Онъ состоялъ такъ же членомъ - учредителемъ и предсѣдателемъ Общества пособія нуждающимся студентамъ. Покойный Э. Н. стоялъ въ близкомъ отношеніи къ Юридическому Обществу. Онъ былъ первымъ секретаремъ Общества; онъ же былъ избранъ однимъ изъ первыхъ почетныхъ членовъ. Въ 1872 г. былъ избранъ первый почетный членъ—В. Н. Лешковъ, въ 1873 г.—Н. В. Калачевъ, С. И. Баршевъ и Э. Н. Сумбулъ. Покойный Э. Н. былъ выдающимся образованнымъ юристомъ, отличался неутомимой дѣятельностью, гуманностью и отзывчивостью. Въ виду всего этого, для Юридическаго Общества потеря такого члена представляется весьма чувствительной.

Послѣ этого *В. В. Пржевальскій* произнесъ слѣдующую рѣчь:

„Если Московское Юридическое Общество проводило вчера до могилы одного изъ своихъ учредителей и старѣйшаго почетнаго члена, то Москва похоронила въ лицѣ Эспера Николаевича Сумбула одного изъ достойнѣйшихъ своихъ гражданъ, все русское общество—мудраго и праведнаго судью, судебные уставы—ревностнаго и незамѣнимаго служителя, а судебная магистратура—свою справедливую гордость и лучшую свою красу. Дивнымъ образомъ сочетала судьба въ этой замѣчательной личности богатѣйшія природныя дарованія—мощный умъ, доброе сердце и стойкость и независимость характера—съ глубокою и широкою эрудиціею и житейскимъ тактомъ. Рѣдкое соединеніе столь выдающихся качествъ, сдѣлавъ почившаго горячимъ поклонникомъ Судебныхъ Уставовъ 1864 года, подарило Россіи идеальнаго судью. По своей стойкости и независимости судейской Эсперъ Николаевичъ смѣло можетъ быть поставленъ рядомъ съ покойнымъ славной памяти первымъ предсѣдателемъ Московскаго Окружнаго Суда Е. Е. Люминарскимъ. Снисходительной къ другимъ, Э. Н. былъ въ высшей степени строгъ къ самому себѣ и къ выполненію своихъ обязанностей. Онъ всегда одинаково внимательно относился

ко всякому дѣлу, какъ бы незначительно оно ни было. Онъ не щадилъ своихъ силъ на службѣ дѣлу правосудія, и его организмъ, вѣроятно, еще не одинъ годъ устоялъ бы въ борьбѣ со злымъ недугомъ, еслибы онъ до послѣднихъ дней своей жизни не изнурялъ себя непосильною работою. Отнимавшія такъ много времени и силъ, отвѣтственныя судейскія обязанности не позволяли Э. Н. принимать въ послѣдніе годы дѣятельное участіе въ трудахъ Юридическаго Общества, но онъ всегда живо интересовался его судьбами. Но и очень рѣдко бывая за послѣдніе годы въ засѣданіяхъ нашего Юридическаго Общества, покойный продолжалъ неустанно служить въ своей судейской дѣятельности тѣмъ же цѣлямъ, что и наше Юридическое Общество. По § 1 нашего устава, цѣль Общества — „теоретическая и *практическая* разработка права и *распространеніе* юридическихъ свѣдѣній". Въ тысячахъ судебныхъ рѣшеній, вышедшихъ изъ подъ его пера, Э. Н. мастерски разработано многое множество практическихъ вопросовъ права. Печать могучаго, способнаго къ самому тонкому и тщательному юридическому анализу ума, печать отсутствія того обыденнаго узкаго кругозора, который весь заключенъ между сводомъ законовъ и сборникомъ сенатскихъ рѣшеній, печать гуманности лежитъ на его судебныхъ работахъ, которыми въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій онъ дѣйствительно распространялъ въ обществѣ правильныя юридическія понятія и насаждалъ въ немъ чувство законности.

Въ лицѣ Э. Н. сходитъ въ безвременную могилу послѣдній изъ тѣхъ благородныхъ дѣятелей, которые не только созидали Московское Юридическое Общество, но своими трудами опредѣлили характеръ и направленіе всей послѣдующей его дѣятельности. Неуклонное слѣдованіе основнымъ началамъ судебной реформы 1864 года, вѣрное служеніе идеямъ свободы, права и правды, тѣсная и неразрывная связь со старѣйшимъ изъ русскихъ университетовъ, непоколебимая вѣра въ необъятныя силы науки—вотъ главныя начала, положенныя ими въ основу дѣятельности Юридическаго Общества и завѣщанныя ими послѣдующимъ поколѣніямъ его членовъ".

По предложенію *гр. Л. А. Камаровскаго*, Гг. члены Общества стоя выслушали слѣдующую резолюцію:

„Московское Юридическое Общество, высоко цѣня выдающіяся заслуги своего почетнаго члена Эспера Николаевича Сумбула въ дѣлѣ созиданія и развитія Юридическаго Общества и его плодотворную и гуманную дѣятельность судьи, съ чувствомъ глубокаго прискорбія заноситъ въ протоколъ своего засѣданія извѣстіе о его кончинѣ".

II. *П. М. Богаевскій* прочиталъ докладъ дѣйствительнаго члена *П. Е. Казанскаго*: „Всемірный каталогъ и международный библіографическій союзъ".

В. Н. Сторожевъ замѣтилъ, что рефератъ по своей темѣ и содержанію скорѣе могъ бы занять вниманіе библіографическаго Общества, чѣмъ Юридическаго. Обращаясь къ реферату, можно сказать, что основная идея его не возбуждаетъ сомнѣній и возраженій. Вопросъ заключается въ осуществимости этой идеи и въ цѣлесообразности классификаціи. Авторъ, повидимому, слишкомъ увлекается, рисуя цѣлый рядъ благодѣтельныхъ послѣдствій отъ осуществленія всемірнаго каталога и международнаго библіографическаго союза. Такъ, онъ думаетъ этимъ подвинуть впередъ книжное дѣло, создать библіотеки, защитить авторскія права, устранить пустое многописаніе, дать толчекъ наукѣ и пр. Первыя два явленія врядъ ли могутъ быть созданы катологами; здѣсь дѣло идетъ скорѣе о пересмотрѣ цензурнаго устава. Наука можетъ идти впередъ не благодаря улучшеніямъ въ техникѣ полученія библіографическихъ свѣдѣній и т. д. Вообще неясно, какой практическій урокъ можно было бы извлечь изъ реферата.

П. М. Богаевскій указалъ, что тема доклада весьма близко относится къ вѣдѣнію Юридическаго Общества. Онъ отмѣчаетъ стремленіе въ Европѣ огранизовать союзъ, который долженъ быть регламентированъ юридическими нормами международнаго права. Это одно уже даетъ право на вниманіе къ вопросу со стороны Общества. И референтъ даетъ рядъ положеній, которыя могутъ быть положены въ основу организаціи библіографической уніи. Вопросъ лишь въ томъ, слѣдуетъ ли сейчасъ же вооружить эту унію юридическими нормами. Вѣдь, она окажется жизнеспособной только тогда, когда будетъ удовлетворять назрѣвшей потребности. Между тѣмъ, относительно библіографическаго права этого сказать нельзя. И правительство разныхъ странъ смотрятъ на вопросъ въ этой области слишкомъ различно, и библіографическіе пріемы черезчуръ неодинаковы. Разъ придется вступать въ унію государствамъ съ различной постановкой дѣла, унія кажется пока преждевременной.

А. Э. Вормсъ отмѣтилъ практическія затрудненія при заключеніи уніи. Десятичная система, принятая для всемірнаго каталога, разсчитана на англійскій алфавитъ и непригодна для книгъ съ другимъ шрифтомъ, какъ, напр., для книгъ на восточныхъ языкахъ, на русскомъ языкѣ. Тогда придется, пожалуй, завести отдѣльный каталогъ, что чрезвычайно усложнитъ дѣло. Болѣе существенной и цѣлесообразной казалось бы мысль объ устройствѣ въ Россіи института для приведенія въ порядокъ и для регистраціи русскихъ сочиненій.

Предсѣдательствующій *графъ Л. А. Камаровскій* объяснилъ, что рефератъ и не ставитъ практическихъ задачъ, а лишь знакомитъ Общество съ новымъ явленіемъ. Оказывается, что и въ библіографіи

проявляется стремленіе къ объединенію разныхъ странъ. Цѣлый рядъ новыхъ и оригинальныхъ мыслей выдвинутъ при попыткѣ этой новой международной организаціи, которыя и отмѣчены въ докладѣ. Многіе вопросы, какъ, напр., о единствѣ научной классификаціи, представляютъ интересъ для каждаго ученаго Общества. Интересенъ вопросъ, почему Бельгія беретъ на себя руководительство дѣломъ международнаго объединенія библіографіи? Почему великія державы оставляютъ этотъ вопросъ въ сторонѣ? Несомнѣнно, желательно, чтобы организовалась библіографическая унія, и правительства должны взять въ свои руки объединеніе библіографическаго дѣла.

Засѣданіе было закрыто въ 11 час. вечера.

СТАТИСТИЧЕСКОЕ ОТДѢЛЕНІЕ

МОСКОВСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

въ 1894—96 годахъ.

Засѣданіе 13 января 1894 года.

Засѣданіе было открыто въ $8^1/_2$ час. вечера подъ предсѣдательствомъ **А. И. Чупрова** при секретарѣ **В. А. Косинскомъ**.

А. А. Кауфманомъ былъ прочтенъ докладъ: „Организація и главнѣйшіе выводы хозяйственно-статистическаго изслѣдованія Иркутской и Енисейской губерніи" (напечатанъ въ IV томѣ „Сборника Правовѣдѣнія и общественныхъ знаній").

В. Г. Бажаевъ указалъ, что вопросъ объ емкости изслѣдованныхъ губерній не можетъ рѣшаться категорически, въ виду отсутствія детальнаго физико-географическаго изслѣдованія.

А. Н. Леонтьевъ замѣтилъ, что отмѣчаемое докладчикомъ малоземелье должно объясняться современными условіями переселеній. Когда въ Сибирь направятся болѣе зажиточные и сильные знаніями новоселы, принеся съ собой высшую культуру, они пустятъ въ дѣло многія изъ тѣхъ обширныхъ пространствъ, которыя остаются нынѣ пустопорожними и на этомъ основаніи считаются негодными для хозяйства. Въ сказанномъ убѣждаетъ насъ, между прочимъ, исторія заселенія Новороссіи въ прошломъ столѣтіи. Пространства между Бугомъ и Днѣстромъ, гдѣ нынѣ находятся превосходныя пшеничныя земли, тогда обѣгались колонистами.

В. Н. Григорьевъ оспаривалъ положеніе докладчика о независимости сельско-хозяйственныхъ порядковъ Сибири отъ всякихъ воздѣйствій со стороны пришлаго населенія и ссылался въ подтвержде-

ніе своего мнѣнія на работу г. Голубева объ Алтайскомъ округѣ, гдѣ приводится много указаній на разнородныя улучшенія въ сельско-хозяйственной культурѣ, вносимыя переселенцами. Воздѣйствіе переселенцевъ бываетъ незначительно, пока они разбросаны немногочисленными группами среди сторожиловъ; но стоитъ образоваться большимъ скопленіямъ новоселовъ, какъ это произошло, напр., на Алтаѣ, въ Бійскомъ и Барнаульскомъ округахъ, и тогда они получаютъ возможность завести такой порядокъ хозяйства и такія формы владѣнія землей, какіе они практиковали на старинѣ и какіе они считаютъ наилучшими. Недостаточны и тѣ данныя, какими мы располагаемъ въ настоящее время для сколько-нибудь категорическихъ заключеній о малой будто бы емкости сибирскихъ пространствъ, о неспособности ихъ вмѣстить устремляющихся въ Сибирь переселенцевъ и т. п.

А. И. Чупровъ, указавъ на высокую государственную важность вопроса о колонизаціи Сибири и заявивъ, что докладчикъ заслуживаетъ признательности за его сообщеніе, отмѣтилъ настоятельную необходимость изученія Сибири какъ колонизаціонной области. Безъ такого изученія нѣтъ фактическихъ основаній ни для чрезмѣрно оптимистическихъ, ни для чрезмѣрно пессимистическихъ воззрѣній на будущее Сибири. Такое изученіе должно предшествовать широкимъ практическимъ мѣрамъ по части изученія Сибири.

Засѣданіе 9 марта 1895 года.

Засѣданіе было открыто въ $8^1/_4$ час. вечера предсѣдателемъ **А. И. Чупровымъ**, при товарищѣ секретаря **Л. Н. Марессъ**, въ присутствіи 5 членовъ отдѣленія.

С. М. Блекловымъ были доложены его замѣчанія на „Сборникъ" г. Благовѣщенскаго. Сборникъ этотъ представляетъ сводку главнѣйшихъ данныхъ земско-статистическаго матеріала по 123 уѣздамъ, поэтому онъ заслуживаетъ большаго вниманія по своему интересу и по важности. Къ сожалѣнію, онъ заключаетъ въ себѣ весьма много фактическихъ ошибокъ, такъ что требуетъ большой осторожности въ пользованіи имъ. Референтомъ было сопоставлены нѣкоторыя цифровыя данныя г. Благовѣщенскаго съ данными, заключающимися въ самыхъ статистическихъ сборникахъ, при чемъ обнаружилась невѣрная передача во многихъ мѣстахъ. Ошибки особенно часты въ отдѣлахъ: „Хозяйство на надѣльной землѣ", и „Промыслы". Другіе отдѣлы, какъ, напр., отдѣлъ о скотоводствѣ, являются болѣе удачными. Изъ общихъ пріемовъ, употребленныхъ авторомъ, весьма спорнымъ и рискованнымъ представляется счетъ общинъ, произведен-

ный по горизонтальнымъ строкамъ въ отдѣлѣ землевладѣнія. Тамъ, гдѣ нѣтъ основаній заподозрѣвать ошибки въ статистическихъ сборникахъ, правильнѣе и безопаснѣе было бы держаться числа общинъ, даннаго самими земскими статистиками.

И. П. Боголѣповъ и *В. Н. Григорьевъ* выразили удивленіе, что у г. Благовѣщенскаго въ нѣкоторыхъ случаяхъ общинъ оказывается больше, чѣмъ это дается земскими статистиками, между тѣмъ какъ пріемъ, который употребляетъ авторъ, скорѣе заставляетъ ожидать, что общинъ получится меньше.

С. М. Блекловъ. Когда въ Тверской губерніи приходилось подсчитывать общины, мы считали дѣйствительное ихъ число, и потому слившіяся общины считали за одну. Что въ этомъ случаѣ у Благовѣщенскаго общинъ больше, чѣмъ въ Сборникѣ, это понятно, но такихъ случаевъ немного.

В. Н. Григорьевъ. Въ земско-статистическихъ сборникахъ общины нерѣдко соединялись ради удобства печатанія. Въ Рязанской губерніи статистики въ одномъ селеніи насчитали 67 общинъ по 34 двора на общину, но для удобства однородныя общины соединялись вмѣстѣ. Въ Московской губерніи былъ случай, что цѣлая волость была дана, какъ одна община.

А. Н. Фортунатовъ. Желательно было бы продолжить анатомическія изслѣдованія, начатыя докладчикомъ. Какъ нужны сводныя работы, такъ нужна и критика ихъ. Въ настоящемъ случаѣ она особенно нужна, такъ какъ для колоссальной работы Благовѣщенскаго данные имъ комментаріи, конечно, далеко не достаточны.

В. Н. Григорьевъ. Не удалось ли вамъ выяснить, какія графы особенно неточны и какія, напротивъ, точны?

С. М. Блекловъ. Очень мало точны графы, касающіяся способовъ обработки земли и промысловъ. Общее число населенія не заключаетъ ошибки. Графа „работники" не совсѣмъ точна. Безнадѣльное населеніе не вѣрно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (Петер. губ.). Распредѣленіе населенія по признаку скотоводства въ нѣкоторыхъ случаяхъ не полно (Нижегор. губер.). Въ купчей землѣ много пропусковъ; въ числѣ безлошадныхъ есть ошибки.

А. И. Чупровъ. Провѣрки, выполненной вами, врядъ-ли достаточно, чтобы судить о всей работѣ Благовѣщенскаго; между тѣмъ предыдущими замѣчаніями работа эта окончательно дискредитируется. Пріемы автора отличаются нѣкоторой субъективностью; намъ нужны были бы его личныя объясненія. Мы можемъ упрекать его за неточную терминологію, но не можемъ говорить, что пріемы не вѣрны, такъ какъ мы не знаемъ ихъ.

С. М. Блекловъ. При счетѣ общинъ у Благовѣщенскаго постоянно

встрѣчаются несовпаденія съ первоисточниками, потому я и считаю его пріемъ невѣрнымъ по существу.

А. И. Чупровъ. Мы не найдемъ ни одного сводного труда безъ ошибокъ. Мы должны оцѣнивать трудъ по отношенію числа правильностей къ числу неправильностей. Извѣстную часть отдѣловъ вы не провѣрили, для опороченныхъ рубрикъ вы не указали % ошибочныхъ въ нихъ выводовъ и % правильныхъ; далѣе, вы не отмѣтили, что нѣкоторыя графы удовлетворительны. Однимъ словомъ, ваше заключеніе очень рѣзко.

С. М. Блекловъ. Отдавая въ печать свою работу, я, конечно, отмѣчу тѣ стороны, на которыя вы указываете. Я вовсе не хочу умалять значеніе труда г. Благовѣщенскаго, тѣмъ не менѣе я не могу назвать этотъ трудъ удавшимся, — итогами по большинству графъ нельзя пользоваться.

Затѣмъ *А. И. Чупровымъ* было указано на значеніе работы докладчика, обнаружившей многіе дефекты въ трудѣ г. Благовѣщенскаго. За ознакомленіе Статистическаго Отдѣленія съ этой работой послѣднее выразило докладчику благодарность.

Послѣ небольшого перерыва *А. Ѳ. Фортунатовъ* прочиталъ докладъ М. А. Олѣховскаго — „О почвахъ въ примѣненіи къ статистическимъ изслѣдованіямъ“.

При установленіи существующихъ раскладокъ поземельнаго налога мѣстныя учрежденія руководствовались настолько разнообразными соображеніями, что правительство не могло принять произведенныя ими разцѣнки земель и на нихъ основать предполагаемыя измѣненія въ поземельномъ обложеніи. До послѣдняго времени для этой цѣли ему служили данныя о цѣнности земель, разработанныя въ Министерствѣ Финансовъ въ 1882 г., основаніе, которое новымъ закономъ 1893 г. признается совершенно недостаточнымъ.

Изъ практикующихся у насъ въ Россіи способовъ оцѣнки земель наиболѣе раціональнымъ представляется путь, избранный нижегородскимъ земствомъ. Оно раньше, чѣмъ какое-либо другое земство, рѣшило всесторонне изслѣдовать почвы своей губерніи, считая, что почвы даютъ самое простое, наглядное и постоянное основаніе для опредѣленія доходности и цѣнности пахотныхъ земель. Изслѣдованія эти, выполненныя проф. Докучаевымъ объективнымъ, научнымъ способомъ, сначала велись въ 10-верстномъ масштабѣ съ тѣмъ, чтобы дать основанія для погубернской раскладки земскихъ налоговъ между отдѣльными уѣздами. Затѣмъ, когда понадобилось произвести раскладку внутри каждаго изъ уѣздовъ, изслѣдователи увеличили масштабъ до 2 вер. въ дюймѣ и ввели дополнительныя обозначенія, позволяющія пользоваться почвенной картой для расцѣнки владѣній

внутри уѣзда. Эти изслѣдованія предшествовали статистическимъ и детализировались одновременно съ экономическими данными, отчего, конечно, выиграли и самыя статистическія работы.

Относительно достоинства почвъ было представлено въ оцѣночныхъ цифрахъ, для вывода которыхъ служили конкретныя величины, опредѣляющія важнѣйшія физическія свойства почвы, главнымъ образомъ содержаніе въ ней питательныхъ составныхъ веществъ.

Рязанское земство еще раньше (до 1884 г.) направилось было по тому же пути. Къ сожалѣнію, оно не поручило изслѣдованія ученымъ спеціалистамъ и агрономамъ, опасаясь сопряженныхъ съ такимъ изслѣдованіемъ затратъ и торопясь окончить оцѣночныя работы; оно выполнило все изслѣдованіе, такъ сказать, домашнимъ способомъ, положивши въ основу раздѣленіе губерніи на мѣстности не научныя изысканія, а чисто практическія соображенія. Понятно, что и результаты получались мало удовлетворительные.

Значительно уступаютъ нижегородскимъ изслѣдованіямъ и естественно-историческіе матеріалы къ оцѣнкѣ земель, имѣющіеся у полтавскаго земства. Во первыхъ, оно располагаетъ одной 10-ти-верстной почвенной картой. Такой карты было бы достаточно при разверсткѣ налога между отдѣльными уѣздами; но такъ какъ по новому закону должны быть выработаны основанія для болѣе равномѣрной раскладки налоговъ внутри уѣздовъ между отдѣльными владѣніями, то необходимо составить болѣе детальную карту, по крайней мѣрѣ въ трехъ-верстномъ масштабѣ, для чего, конечно, потребуются еще и дополнительныя почвенныя изслѣдованія. Во-вторыхъ, естественно-историческое изслѣдованіе въ Полтавской губерніи слѣдовало за статистическими. Поэтому въ настояшее время представляется крайне затруднительнымъ сопоставлять тѣ и другія изслѣдованія; придется вновь детализировать почвенныя изслѣдованія, причемъ самыя экономическія данныя придется переработать, дополняя ихъ, можетъ быть, новыми, недостающими свѣдѣніями.

Нижегородское земство оказалось въ болѣе выгодномъ положеніи, чѣмъ рязанское и полтавское. По систематичности, ясности и практическимъ результатамъ его работы стоятъ выше работъ всѣхъ другихъ земствъ и могутъ служить образцомъ, достойнымъ подражанія.

Къ прочтенному докладу *А. Ѳ. Фортунатовымъ* были сдѣланы слѣдующія замѣчанія. Вѣроятный мотивъ доклада—лишній разъ обратить вниманіе ученаго общества на необходимость мѣстныхъ работъ по почвенной географіи. О такой необходимости особенно умѣстно говорить въ Москвѣ, гдѣ, несмотря на то, что имѣются такіе крупные научные центры, какъ Московскій Университетъ и только что закрытая Петровская Академія, такъ мало сдѣлано для почвенной

географіи. Почвовѣдѣніе—разительный примѣръ научной области, гдѣ плодотворная работа возможна только viribus unitis и гдѣ статистикъ обладаетъ совершенно равноправнымъ голосомъ съ геологомъ, химикомъ, физикомъ, ботаникомъ, гигіенистомъ. Если на будующемъ X съѣздѣ естествоиспытателей вновь возникнетъ подсекція или, можетъ быть, даже секція статистики, трудно подыскать иную группу вопросовъ, помимо почвенныхъ, которые настолько годились бы для соединенныхъ засѣданій статистической секціи съ другими секціями съѣзда. Что касается способа изслѣдованія почвъ, то опросъ мѣстныхъ жителей, несомнѣнно, составляетъ весьма важную часть знакомства съ почвами; въ этомъ направленіи сдѣлано многое, причемъ совершенно выдающееся мѣсто принадлежитъ работамъ почтеннаго адъюнктъ-профессора Ново-Александрійскаго Института Ник. Мих. Сибирцева.

Затѣмъ *А. Ѳ.* было выражено пожеланіе, чтобы и Москва, имѣющая въ своей средѣ научныя собранія статистиковъ, агрономовъ, географовъ и натуралистовъ вообще, имѣющая старинное общество хозяевъ-практиковъ, сдѣлала наконецъ что-нибудь для выясненія почвенныхъ условій хозяйства въ своей губерніи.

И. П. Боголѣповъ. Вопросъ о необходимости почвенныхъ изслѣдованій для переоцѣнки земель выдвигается только въ нѣкоторыхъ губерніяхъ. Это обстоятельство не случайно: въ этихъ губерніяхъ населеніе существуетъ земледѣліемъ; тамъ различіе почвъ имѣетъ существенно важное значеніе. Другое дѣло — Московская губернія. Подъ Москвой наиболѣе дорогими являются песчаныя почвы, всегда наименѣе производительныя; на югѣ Московской губерніи наиболѣе хозяйственное населеніе живетъ на песчаныхъ почвахъ; въ Дмитровскомъ уѣздѣ песчаная почва самая дорогая и т. д. Все это показываетъ, что въ Московской губерніи почвенныя изслѣдованія не важны, почему и вопросъ объ нихъ не возникаетъ.

А. Ѳ. Фортунатовъ. Дѣйствительно, значеніе, какое имѣютъ почвенныя условія, въ послѣднее время сильно раздуто. Особенное значеніе этотъ вопросъ имѣетъ лишь для губерній переходныхъ между черноземомъ и не черноземомъ. Поэтому такое изслѣдованіе, напримѣръ, очень важно для Вятской губерніи и не имѣетъ большого значенія для Московской губерніи. Однако изслѣдователямъ почвъ нельзя придавать только то значеніе, какое они имѣютъ для оцѣночныхъ работъ. Такія ислѣдованія даютъ еще умѣнье заключать о нуждахъ культуры, а такое умѣнье имѣетъ значеніе вездѣ. Мы лично не можемъ оцѣнить всего значенія почвовѣдѣнія. Оно имѣетъ приложеніе во многихъ областяхъ; напримѣръ, санитарная статистика постоянно дѣлаетъ запросы о почвахъ.

С. М. Блекловымъ было указано на то, что опросъ мѣстныхъ

жителей о почвахъ можно вести только описательно; выражать почвенныя условія въ цифрахъ не представляется возможнымъ.

А. Ѳ. Фортунатовъ. Безъ статистическаго метода обойтись нельзя, такъ какъ приходится составлять карту. Нужно еще замѣтить, что таксаціонная подготовка, несомнѣнно, у крестьянъ есть. Конечно, при заключеніяхъ нужна, все-таки, крайняя осторожность.

А. И. Чупровъ. У насъ не разъ уже поднимается вопросъ о почвенныхъ изслѣдованіяхъ. Мы сейчасъ, повидимому, не можемъ высказать опредѣленнаго сужденія объ ихъ значеніи. Безспорнымъ представляется только то, что эти изслѣдованія безусловно важны въ губерніяхъ переходныхъ, гдѣ они фактически и возникли. Для тѣхъ же мѣстностей, которыя выходятъ изъ переходной полосы, ихъ необходимость для оцѣнки земель еще не представляется очевидной. Но и для нихъ такія изслѣдованія важны для уясненія задачъ сельско-хозяйственной культуры, санитарнаго дѣла и иныхъ цѣлей земскаго хозяйства. Въ засѣданіяхъ подсекціи статистики также поднимали вопросъ о почвахъ. Въ виду предстоящей во многихъ мѣстахъ переоцѣнки земель, вопросъ этотъ имѣетъ существенное практическое значеніе, почему было бы важно заняться имъ подробнѣе и продолжать пренія.

Въ заключеніе *А. И.* было указано на желательность, чтобы отсутствующіе члены для поддержанія связи знакомили со своими работами Статистическое Отдѣленіе, и М. А. Олѣховскому была выражена благодарность за присылку доклада.

Засѣданіе было закрыто въ 12 часовъ.

Засѣданіе 30 марта 1894 года.

Засѣданіе открыто въ $8^1/_4$ час. вечера подъ предсѣдательствомъ **А. И. Чупрова**, при исполнявшемъ обязанности секретаря **М. Н. Соболевѣ**, въ присутствіи 14 членовъ.

А. М. Беркенгеймомъ былъ прочитанъ докладъ: „Развитіе колонизаціи и устройство земледѣльческихъ поселеній въ Аргентинѣ" (напечатанъ въ журналѣ „Русская Мысль").

И. Т. Тарасовъ отмѣтилъ нѣкоторыя стороны вопроса, на которые въ рефератѣ не дано отвѣта. Такъ, не указаны условія отчужденія земель. Референтъ говорилъ въ концѣ своей рѣчи, что во многихъ случаяхъ установлена система вѣчной аренды, причемъ уподобляетъ ее системѣ, существующей въ Британской Индіи; врядъ ли это удачная ссылка, такъ какъ Индія находится въ совершенно иныхъ условіяхъ, чѣмъ Аргентина: въ Индіи населеніе туземное, а земля

считается завоеванной. Затѣмъ возникаетъ недоумѣніе относительно контингента поселенцевъ (по профессіямъ, націямъ и т. д.). Референтъ указалъ лишь на сбродъ, состоящій изъ булочниковъ, портныхъ и др. лицъ, который оказался прекраснымъ земледѣльческимъ населеніемъ. Такой фактъ требуетъ во всякомъ случаѣ поясненія. Интересно также выяснить организацію управленія колоніями. Построена ли она на началѣ централизаціи или автономіи? Невыяснено, какое участіе принимаетъ государство въ тѣхъ предварительныхъ работахъ по колонизаціи края, которыя безусловно необходимы при правильной постановкѣ переселенческаго дѣла (напр., въ работахъ по разверстанію угодій, проложенію дорогъ, расчисткѣ земель и пр.). Эти работы должны находиться непремѣнно въ рукахъ государства. Далѣе референтъ описалъ цѣлый рядъ неудачныхъ попытокъ колонизаціи; послѣ этого вдругъ развивается частная иниціатива и даже спекуляція. На какомъ основаніи? Референтъ считаетъ причиной выселенія русскихъ евреевъ въ Аргентину законъ 1889 г. о жительствѣ на 50-верстномъ разстояніи.

Здѣсь есть фактическая неточность. Законъ 1889 г. не новая норма, а старинный законъ, постоянно нарушаемый и часто повторяемый. Принципіальная ошибка также—утверждать, будто государство непригодно для колонизаціонной дѣятельности, и потому колонизація должна находиться въ рукахъ частной иниціативы и общественной самодѣятельности. Иммиграціонная область есть именно *государственное* дѣло; государство *должно* имѣть здѣсь иниціативу и главенство. Конечно, оно не должно монополизировать этого дѣла, но ему принадлежитъ во всякомъ случаѣ руководящая роль. Только при такомъ условіи будутъ устранены злоупотребленія и эксплоатація частныхъ лицъ. Позволительно спросить, почему авторъ настаиваетъ на надѣленіи каждой семьи 100 гектарами, если и 50 гект., какъ показываетъ опытъ, вполнѣ достаточно для обезпеченія благополучія семьи. Было вычислено, что долги за землю и все устройство могутъ быть погашены поселенцемъ въ 40 лѣтъ? Развѣ это не крайне выгодныя условія, которыя требовалось бы еще улучшать увеличеніемъ земельныхъ участковъ, какъ предлагаетъ референтъ? Между тѣмъ обширность участковъ уничтожаетъ возможность поселенія иммигрантовъ селами, а дѣлаетъ необходимой хуторную систему. Съ матеріальной стороны эта послѣдняя хороша, но за то страдаютъ нравственныя, духовныя, культурныя стороны.

А. М. Беркенгеймъ. Я не говорилъ, что арендная система установлена въ Аргентинѣ; она не существуетъ еще, но лишь предполагалась. Объ условіяхъ отчужденія земель я не говорилъ. Существуютъ особые контракты съ правительствомъ, въ которыхъ установлены срока пла-

тежа, причемъ имѣется въ виду обратить поселенца возможно скорѣе въ собственника. Мнѣ не пришлось говорить о составѣ эмигрантовъ. Фактъ удачной колонизаціи сброда и обращенія послѣдняго въ хорошихъ земледѣльцевъ замѣчателенъ настолько, что обратилъ на себя вниманіе даже англійскаго правительства. Это можно объяснить условіями хозяйства: легкостью работы и существованіемъ усовершенствованныхъ земледѣльческихъ машинъ. Что касается управленія, то принципъ централизаціи существовалъ въ началѣ устройства колоній, но позднѣе сталъ замѣняться началомъ автономіи. Для предварительныхъ государственныхъ работъ существуетъ особый правительственный органъ, занимающійся изслѣдованіемъ земель, размежеваніемъ и пр.; между прочимъ онъ слѣдитъ и за строгимъ выполненіемъ плановъ частныхъ компаній.

Я указывалъ, что инціатива переселенческому дѣлу была дана государствомъ. Однако по опыту оказалось, что въ Аргентинѣ только частная инціатива можетъ довести это дѣло до конца. Я не хочу сказать, что спекулятивная форма желательна. Государство должно слѣдить и въ дѣйствительности слѣдитъ за дѣломъ колонизаціи; однако его непосредственная дѣятельность въ этой области только испортила дѣло. Наконецъ, участки въ 100 гектаровъ нужны для того, чтобы поселенцы жили не впроголодь, а могли черезъ 5—10 лѣтъ сдѣлаться собственниками своего участка, уплативъ всѣ лежавшіе на немъ долги.

И. Т. Тарасовъ. Но это идетъ въ разрѣзъ съ Австралійской системой колонизаціи и противорѣчитъ положеніямъ Милля, которыя онъ высказываетъ по поводу Уэкфильдской системы.

Биркенгеймъ. Величина надѣловъ зависитъ отъ условій рынка. Такъ какъ въ Аргентинѣ цѣны на сырые продукты вдвое ниже европейскихъ, то и надѣлы поселенцевъ должны быть больше.

Предсѣдатель *А. И. Чупровъ* въ своемъ резюмэ отмѣтилъ важность работы, доложенной въ статистическимъ отдѣленіи, такъ какъ въ русской литературѣ до сихъ поръ не было изложенія исторіи и современнаго положенія колонизаціи въ Аргентинѣ. Между тѣмъ Аргентина должна привлекать вниманіе русскихъ, какъ конкуррентъ по производству хлѣба и какъ примѣръ въ дѣлѣ устройства переселенцевъ. Интересно узнать, какъ устраиваются люди при сходныхъ условіяхъ экономической жизни. Особенное вниманіе возбуждаютъ колоссальныя суммы денегъ, затрачиваемыя нѣкоторыми обществами на колонистовъ. Это очень поучительный фактъ. Оказывается, что чѣмъ больше кредитуютъ поселенца, тѣмъ скорѣе онъ становится на ноги. Въ виду многихъ интересныхъ и поучительныхъ данныхъ, представленныхъ въ докладѣ, предсѣдатель выразилъ референту отъ лица Статистическаго Отдѣленія благодарность.

Засѣданіе 12 октября 1894 года.

Засѣданіе открыто предсѣдателемъ Отдѣленія **А. И. Чупровымъ** при секретарѣ **В. А. Косинскомъ** въ присутствіи 11 членовъ.

1. Предсѣдатель Отдѣленія проф. *А. И. Чупровъ* обратился къ Отдѣленію съ рѣчью, посвященной памяти Н. М. Астырева. Въ этой рѣчи *А. И. Чупровъ* отмѣтилъ полную энергіи и горячей любви дѣятельность почившаго въ качествѣ земскаго статистика, изслѣдователя Восточной Сибири, талантливаго художника-беллетриста и наконецъ члена Статистическаго Отдѣленія Юридическаго Общества, въ которомъ онъ сдѣлалъ такъ много сообщеній самаго разнообразнаго содержанія и въ которомъ онъ былъ сначала помощникомъ секретаря, а затѣмъ и секретаремъ. На предложеніе предсѣдателя почтить вставаніемъ память дѣятельнаго и талантливаго сочлена, всѣ присутствовавшіе въ залѣ засѣданія—и члены, и посторонніе посѣтители единодушно поднялись со своихъ мѣстъ.

2. Было доложено Отдѣленію о поступленіи въ библіотеку Отдѣленія книгъ.

3. Затѣмъ руководство дальнѣйшими занятіями Отдѣленія взялъ на себя товарищъ предсѣдателя Н. А. Каблуковъ, а почетный членъ проф. А. И. Чупровъ прочелъ докладъ: „О монографическомъ методѣ какъ способѣ обновленія и пополненія данныхъ основного статистическаго изслѣдованія".

Докладъ этотъ напечатанъ въ „Трудахъ Подсекціи Статистики IX Съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей". Прежде чѣмъ приступить къ чтенію своего сообщенія, референтъ пояснилъ, что предлагаемое сообщеніе имѣетъ цѣлью исполнить одно изъ обязательствъ, взятыхъ на себя Отдѣленіемъ передъ подсекціей статистики на IX Съѣздѣ русскихъ естествоиспытателей и врачей. На Съѣздѣ было постановлено просить Статистическое Отдѣленіе Юридическаго Общества заняться разсмотрѣніемъ вопроса о монографическомъ методѣ. Нѣкоторые изъ членовъ Съѣзда изъявили согласіе принять участіе въ разработкѣ этого вопроса, при чемъ предложили сосредоточить разработку въ Статистическомъ Отдѣленіи Юридическаго Общества, куда и будутъ присланы всѣ изслѣдованія по названному предмету, произведенныя отдѣльными членами подсекціи.—Во исполненіе такихъ обязательствъ Отдѣленія предъ подсекціей статистики IX Съѣзда р. е. и в. докладчикъ и имѣетъ въ виду предложить на обсужденіе членовъ Отдѣленія свое сообщеніе.

В. И. Серебряковъ. Очень трудно—по мнѣнію оппонента—прилагать

монографическій способъ къ изслѣдованію нѣкоторыхъ случаевъ. Напримѣръ—при изслѣдованіи противопожарныхъ условій нашихъ селеній: какъ распространить при этомъ монографическій методъ на изслѣдованіе обезпеченія водою, на посадку, на пожарные инструменты и т. д.

А. И. Чупровъ вовсе и не хочетъ утверждать, что монографическій методъ приложимъ всюду и ко всѣмъ случаямъ. Но, какъ думаетъ докладчикъ, монографическій методъ приложимъ и къ изслѣдованію противопожарнаго состоянія и при томъ въ томъ самомъ смыслѣ, въ какомъ его можно прилагать къ изслѣдованію сельскохозяйственныхъ явленій. Напримѣръ, имѣя данныя предварительнаго массоваго обслѣдованія, можно было бы разбить мѣстность, подлежащую повторному обслѣдованію, на районы по различнымъ признакамъ крышъ (желѣзныя, соломенныя, деревянныя и т. д.), строенія (каменныя, деревянныя и т. д.), по роду устройства печей и т. п. Избравши затѣмъ въ каждомъ изъ такихъ районовъ одно или нѣсколько болѣе или менѣе типичныхъ, нормальныхъ для этого района селеній, а въ этихъ селеніяхъ по одной или по нѣсколько типичныхъ строеній, мы при помощи монографическаго изслѣдованія могли бы многое уяснить себѣ въ смыслѣ пониманія противопожарнаго состоянія различныхъ мѣстностей. Тутъ методъ монографическій явился бы только пополненіемъ либо обновленіемъ тѣхъ свѣдѣній, какія добыты массовымъ изслѣдованіемъ, но вѣдь въ докладѣ и идетъ рѣчь именно о такой роли монографическаго изслѣдованія.

И. И. Янжулъ выразилъ полное сочувствіе мыслямъ, высказаннымъ въ докладѣ, но думаетъ, что подобнаго рода наблюденія могутъ иногда отличаться нѣкоторою шаткостью: при такомъ способѣ изслѣдованія слишкомъ многое будетъ зависѣть отъ индивидуальности наблюдателя: одинъ подмѣтитъ типичное въ явленіи, другой обратитъ главное вниманіе на случайное (путешествія Карамзина и Фонвизина яркій тому примѣръ). Въ виду такихъ опасныхъ сторонъ предлагаемаго способа наблюденія слѣдовало бы, по мнѣнію И. И., выработать такую программу, которая по возможности парализовала бы указанную зависимость наблюденія отъ индивидуальныхъ чертъ наблюдателя, заставляя его обращать вниманіе на существенное.

А. И. Чупровъ въ отвѣтъ на замѣчаніе И. И. Янжула сказалъ, что, несомнѣнно, при монографическомъ иследованіи есть нѣкоторая опасность отъ слишкомъ субъективной окраски всего изслѣдованнаго; но, вѣдь, это изслѣдованіе разбивается на цѣлый рядъ детальныхъ вопросовъ, которые могутъ даже контролировать другъ друга, такъ что едва ли возможно предположить, чтобы индивидуальность наблюдателя значительно извратила истину. Въ особенности

мало можно бояться этого извращенія тамъ, гдѣ уже есть массовое изслѣдованіе: при послѣднемъ условіи монографическое описаніе мѣстности можно поставить на вполнѣ объективныя основанія. Что касается путешествій, то понятное дѣло, что наблюденія не привыкшихъ къ изслѣдованію путешественниковъ, да къ тому же производимыя безо всякой опредѣленной программы не могутъ дать сколько нибудь заслуживающихъ довѣрія данныхъ; но вѣдь есть и иного рода наблюденія путешественниковъ—напримѣръ, Юнга, Де-Фо,—которыя схватываютъ самую суть и до сихъ поръ признаются заслуживающими полнаго вниманія.

Сами массовыя наблюденія заключаютъ въ себѣ также много поводовъ для наблюдателя проявить свои индивидуальныя склонности: вѣдь каждый отдѣльный изслѣдователь разсматриваетъ изслѣдуемыя имъ явленія съ личной, субъективной точки зрѣнія.

А. Н. Миклашевскій. Въ настоящее время сплошь и рядомъ приходится слышать, что массовыя явленія подмѣчаютъ общій характеръ событій, не достаточно углубляясь въ эти послѣднія.

Недостаточно указать общій характеръ правильностей, замѣчаемыхъ въ общественныхъ явленіяхъ, необходимо показать какъ дѣйствуетъ человѣкъ въ жизни, какъ приспособляется онъ къ жизненнымъ условіямъ такимъ образомъ, что въ результатѣ получается отмѣчаемая закономъ большихъ чиселъ правильность. А для этого необходимо глубже войти въ разсмотрѣніе условій психической жизни человѣка въ обществѣ, что можетъ дать только монографическое изслѣдованіе. А. Н. Миклашевскій указалъ при этомъ на изслѣдованія Le-Play, который довольно часто примѣнялъ монографическій методъ; его изслѣдованія бюджетовъ освѣтили довольно многое въ смыслѣ только что указанномъ.

И. Х. Озеровъ сослался на свой личный опытъ во время работы надъ книгой о потребительныхъ обществахъ. Имѣя подъ руками массовое изслѣдованіе потребительныхъ обществъ, произведенное въ 1874 году, онъ могъ составить различныя группы потребительныхъ обществъ и изслѣдовать эти группы. Но только личныя наблюденія надъ отдѣльными потребительными обществами по монографическому способу уяснили ему импульсъ, ту силу, которая заставляетъ эти общества такъ энергично развиваться въ извѣстномъ направленіи. Изъ своихъ личныхъ наблюденій И. Х. Озеровъ вынесъ, такимъ образомъ, убѣжденіе, что монографическое изслѣдованіе является необходимымъ *довершеніемъ* массоваго статистическаго изслѣдованія.

А. И. Чупровъ, присоединяясь къ тому, что сказали А. Н. Миклашевскій и И. Х. Озеровъ, прибавилъ: качественная сторона явленія не укладывается въ законъ большихъ чиселъ, ее можно уяснить

себѣ только путемъ монографическаго обслѣдованія, какъ это и имѣло мѣсто у И. X. Озерова, тоже самое утверждалъ и В. И. Орловъ, при своихъ обслѣдованіяхъ общинъ Московскаго уѣзда. Нельзя ограничиться исключительно массовымъ наблюденіемъ безъ присоединенія монографическаго.

М. Н. Соболевъ сказалъ слѣдующее: „Для меня возникаетъ по поводу прочитаннаго доклада слѣдующій вопросъ. Если не трудно поставить на правильную почву монографическое изслѣдованіе тамъ, гдѣ раньше уже произведено общее статистическое ислѣдованіе, то какъ можно его организовать въ мѣстностяхъ, не имѣющихъ основрыхъ статистическихъ описаній? Вѣдь, для правильности монографическаго изслѣдованія нужно разбить всѣ мѣстности на группы, изъ этихъ группъ въ свою очередь выбрать типичныя селенія. Какими данными можемъ мы руководствоваться въ этихъ случаяхъ“?

А. И. Чупровъ отвѣтилъ: мы всегда имѣемъ болѣе или менѣе точныя массовыя наблюденія. Разъ мы имѣемъ дѣло съ мѣстами населенными, то такія массовыя наблюденія имѣются, напримѣръ, у старожиловъ, людей бывалыхъ и т. д. Эти лица могутъ указать наиболѣе типичныя селенія, которыя уже и нужно будетъ подвергнуть монографическому обслѣдованію. Впрочемъ, даже и случайно выбранныя селенія, разъ они подробно обслѣдованы монографически, для малонаселенной или мало обслѣдованной мѣстности могутъ дать кое-что характерное.

Н. А. Каблуковъ думаетъ, что если нельзя сдѣлать какихъ-либо массовыхъ изслѣдованій, то монографія нужна, но что И. X. Озеровъ и А. Н. Миклашевскій нѣсколько преувеличили значеніе монографическаго метода. Къ тому же подворное массовое обслѣдованіе всегда предшествуется или сопровождается поселеннымъ изслѣдованіемъ, ведущимся по монографическому методу; такъ что монографія имѣется на лицо при многихъ существующихъ у насъ массовыхъ описаніяхъ. Что касается опасности для результата наблюденія, происходящей отъ вліянія индивидуальности наблюдателя, то такая опасность существуетъ и при массовомъ наблюденіи. Но при массѣ наблюденій подобнаго рода уклоненія отъ истины сглаживаются, парализуются многочисленностью данныхъ, тогда какъ при монографическомъ наблюденіи такая поправка отсутствуетъ.

М. Н. Соболевъ думаетъ, что изъ высказанныхъ въ Обществѣ соображеній ясно вытекаетъ то заключеніе, что монографическимъ пріемомъ слѣдуетъ пользоваться съ большою осторожностью, такъ какъ онъ можетъ повести къ невѣрнымъ обобщеніямъ. Если мы будемъ изслѣдовать монографически какія-нибудь селенія, выбранныя на основани такихъ неточныхъ и шаткихъ данныхъ, какъ мнѣнія старо-

жиловъ, устарѣлыя данныя Центральнаго Статистическаго Комитета, то легко можетъ случиться, что мы выберемъ селенія, не типичныя для данной мѣстности. Между тѣмъ итоги изслѣдованія будутъ обобщаться на всю мѣстность, и здѣсь могутъ даже небольшія отклоненія отъ среднихъ величинъ вести къ серьезнымъ заблужденіямъ.

Н. А. Каблуковъ утверждаетъ, что монографическимъ пріемомъ изслѣдованія слѣдуетъ пользоваться только тогда, когда массовое изслѣдованіе отсутствуетъ; преимуществъ у перваго (монографическаго метода) передъ послѣднимъ (массовымъ) нѣтъ никакихъ,—все можно включить въ програму массоваго обслѣдованія. Сплошное изслѣдованіе не исключаетъ возможности постановки широкой программы; въ эту программу могутъ быть включены и тѣ вопросы, о которыхъ говорилъ выше И. X. Озеровъ и А. Н. Миклашевскій.

И. И. Янжулъ не рѣшается сказать, что у монографическаго метода нѣтъ никакихъ преимуществъ передъ массовымъ обслѣдованіемъ. Во многихъ случаяхъ монографія есть единственный пріемъ изслѣдованія явленія. Разныя сложныя стороны соціальнаго вопроса, напр., могутъ быть освѣщены иногда только при посредствѣ монографіи. Примѣромъ можетъ служить изслѣдованіе о кризисахъ, произведенное Вашингтонскимъ Бюро Труда. При этомъ изслѣдованіи всегда допрашивались не всѣ предприниматели, а десятки, сотни (въ разныхъ мѣстахъ). Данныя, полученныя такимъ способомъ, часто совпадали съ теоретическими выводами науки, что доказывало такъ сказать, типичность этихъ данныхъ.—Словомъ: монографическое изслѣдованіе, при всѣхъ его недостаткахъ, имѣетъ, однако, то высокое достоинство, что является во многихъ случаяхъ *единственно* возможнымъ способомъ изслѣдованія.

А. М. Беркенгеймъ высказалъ мысль, что при посредствѣ монографическаго метода могутъ быть обслѣдованы и нѣкоторыя количественныя соотношенія явленій. Напр., такимъ способомъ можетъ быть рѣшенъ вопросъ о бюджетахъ, вопросъ несомнѣнно количественнаго характера.

То же самое имѣетъ мѣсто по отношенію къ цѣнѣ скота: достаточно опредѣлить цѣны немногихъ типовъ лошадей, чтобы по полученнымъ такимъ способомъ даннымъ судить о цѣнѣ лошадей въ данной мѣстности.

В. А. Косинскій, вполнѣ присоединяясь къ мнѣніямъ, высказаннымъ относительно монографическаго метода А. И. Чупровымъ, И. X. Озеровымъ и А. Н. Миклашевскимъ, думаетъ однако, что монографическій методъ можетъ имѣть не только дополнительное, подсобное значеніе, но и вполнѣ самостоятельное; при посредствѣ этого метода могутъ быть рѣшены съ полной научной основательностью и такіе

вопросы, которые допускаютъ рѣшеніе и при помощи сплошного обслѣдованія; въ этихъ случаяхъ, слѣдовательно, монографическій методъ стоитъ рядомъ съ методомъ массовымъ и можетъ вполнѣ замѣнить этотъ послѣдній. Какъ на примѣръ подобнаго рѣшенія вопроса можно указать то мѣсто изъ книги В. В. (В. П. Воронцова „Крестьянская община"), гдѣ говорится о мотивахъ, которыми руководствуется крестьянское населеніе при постановленіи приговора относительно передѣловъ, если этотъ приговоръ дѣлается по свободнымъ побужденіямъ. Оказывается, что требуемаго положеніемъ большинства $^2/_3$ для постановки указаннаго приговора никакимъ образомъ не можетъ образоваться изъ тѣхъ лицъ, которыя получаютъ выгоду отъ передѣла; это большинство $^2/_3$ голосовъ образуется отъ присоединенія къ группѣ заинтересованныхъ въ передѣлѣ лицъ той группы населенія, которая не выигрываетъ и не проигрываетъ отъ передѣла въ томъ смыслѣ, что надѣлы этой группы лицъ не увеличиваются при передѣлѣ, но и не уменьшаются, хотя лицамъ такой незаинтересованной въ земельномъ отношеніи группы все же приходится нести извѣстныя пожертвованія на покрытіе расходовъ по передѣлу. При опросѣ указанныхъ незаинтересованныхъ въ передѣлѣ лицъ, обнаружилось, что мотивы, побуждающіе ихъ подавать голосъ за передѣлъ, чисто альтруистическаго характера: желаніе дать возможность малонадѣленнымъ землею сообщинникамъ принять большее участіе въ пользованіи землею, участіе, болѣе соотвѣтствующее требованіямъ справедливости. Такія подачи голосовъ и опросъ относисительно мотивовъ были произведены только на сравнительно небольшомъ районѣ. Но обстановка описаннаго явленія, какъ бытовая, такъ и экономическая и психологическая настолько типична для приговора о коренномъ передѣлѣ, что едва-ли можно что-либо сказать противъ распространенія выводовъ, полученныхъ при обслѣдованіи такого незначительнаго района вообще на всѣ мѣстности, гдѣ существуетъ община и передѣлы. Мало того: едва ли можно сомнѣваться, что полученные такимъ образомъ выводы настолько прочно обоснованы, что массовое изслѣдованіе, которое, сказать къ слову, здѣсь вполнѣ возможно, дѣлается просто таки излишнимъ.

А. И. Чупровъ замѣтилъ, что, еслибы использовать весь имѣющійся матеріалъ массоваго обслѣдованія, то, пожалуй, можно было бы обойтись и безъ монографіи. Но дѣло въ томъ, что статистическій матеріалъ сплошныхъ изслѣдованій въ значительной степени остался неутилизированнымъ. Напримѣръ, масса черновыхъ замѣтокъ, сдѣланныхъ В. И. Орловымъ при обслѣдованіи московскихъ общинъ, погибли вмѣстѣ съ его смертью, такъ какъ въ этихъ замѣткахъ могъ разобраться только самъ Орловъ, — велись онѣ начерно. Статисти-

ческій матеріалъ курскаго сплошного обслѣдованія подавилъ своею массою курское статистическое бюро и разработывать его даже не пытались. Все, это вмѣстѣ съ недостаткомъ силъ и матеріальныхъ средствъ, и дѣлаетъ особенно цѣнными монографическія излѣдованія. Да и при сплошномъ обслѣдованіи мѣстности, монографія имѣетъ крайне существенное значеніе: только детальное описаніе отдѣльныхъ селеній по монографическому методу можетъ придать жизненную яркость результатамъ массоваго изученія явленій. Стоитъ только вспомнить тѣ монографическія описанія селеній Московскаго уѣзда, которыя сдѣланы были Орловымъ: сколько свѣту проливали они на различные общиннные распорядки. Вмѣстѣ съ тѣмъ эти распорядки были настолько типичны, что В. И. Орловъ имѣлъ полную возможность распространить ихъ на всѣ общины.

Для нѣкоторыхъ случаевъ, особенно типичныхъ, массовое наблюденіе дѣйствительно излишне: цѣна лошади, хлѣба и т. под. явленія могутъ быть вполнѣ обслѣдованы и путемъ обстоятельнаго излѣдованія отдѣльныхъ явленій,—вся суть здѣсь въ томъ, чтобы описываемыя явленія были на самомъ дѣлѣ типичны, а не представляли собою какихъ-либо исключительныхъ уклоненій. Но главное назначеніе монографическаго метода не замѣнить собою сплошное изслѣдованіе, а служить подспорьемъ этому послѣднему: пополнять и обновлять данныя основного излѣдованія, равно какъ и добывать свѣдѣнія относительно мѣстностей, не подвергшихся еще массовому обслѣдованію.

Конечно, при монографическомъ описаніи возможенъ субъективизмъ, но опытный и дѣльный изслѣдователь сумѣетъ избѣжать его, да и возможно установить извѣстные способы провѣрки. Задача настоящей нашей работы и состоитъ въ томъ, чтобы намѣтить тѣ случаи, въ какихъ это изслѣдованіе возможно, какіе недостатки существуютъ при такихъ изслѣдованіяхъ, и какія мѣры слѣдуетъ принять для того, чтобы избѣжать этихъ недостатковъ.

Н. А. Каблуковъ въ своемъ заключительномъ словѣ высказалъ пожеланіе, чтобы статистическое отдѣленіе обратилось къ разсмотрѣнію программы монографическаго изслѣдованія; при этомъ предложилъ Отдѣленію просить докладчика познакомить членовъ Отдѣленія съ программой Василенко, съ присоединеніемъ замѣчаній, какія необходимо къ ней сдѣлать; для чего желательно было бы, чтобы программа Василенко была просмотрѣна докладчикомъ совокупно съ нѣкоторыми членами Отдѣленія, которыхъ онъ пригласилъ бы по своему усмотрѣнію; кромѣ того, было бы также желателно обратиться къ Н. Н. Романову, Ѳ. А. Щербинѣ, И. М. Красноперову, Н. Ѳ. Анненскому, С. М. Блеклову (которые на IX Съѣздѣ русскихъ естествоиспытателей и врачей изъявили свое согласіе принять участіе въ разра-

боткѣ названной программы), чтобы они прислали свои заявленія по интересующему вопросу въ Статистическое Отдѣленіе Московскаго Юридическаго Общества.

Отдѣленіе присоединилось къ предложенію предсѣдательствующаго.

Вслѣдъ затѣмъ отъ имени Отдѣленія докладчику была высказана горячая благодарность за его сообщеніе.

Засѣданіе закрыто въ 11 $^1/_2$ часовъ веч.

Засѣданіе 14 декабря 1894 года.

Засѣданіе было открыто подъ предсѣдательствомъ **Н. А. Каблукова**, при секретарѣ **В. А. Косинскомъ**.

Проф. А. Ѳ. Фортунатовъ прочелъ докладъ: „Статистическій семинарій въ Ново-Александрійскомъ институтѣ осенью 1894 года". Упирая на то положеніе, что центръ тяжести всякихъ занятій въ высшей школѣ лежитъ въ самостоятельномъ примѣненіи учащимися научныхъ методовъ къ отысканію истины, референтъ полагаетъ, примѣнительно къ данному случаю, что семинаріи должны имѣть цѣлію коллективную провѣрку самостоятельныхъ работъ. Для практическихъ упражненій профессоръ предлагалъ своимъ ученикамъ или разрабатывать отдѣльные вопросы обществовѣдѣнія съ помощью статистическаго метода, или производить географическія характеристики населенія; въ предѣлахъ этихъ главныхъ вопросовъ выборъ частичныхъ темъ лежалъ на усмотрѣніи учащихся. Въ изложеніи работъ предоставляется возможно широкій просторъ индивидуальнымъ силамъ авторовъ, а при разборѣ работъ критикѣ для всѣхъ присутствующихъ въ аудиторіи. Въ заключеніе А. Ѳ. Фортунатовъ высказался всецѣло за совопросническій способъ преподаванія, какъ дающій, судя по опыту, очень отрадные результаты, и противопоставилъ его систематически-лекціонному методу.

Нѣкоторые изъ оппонентовъ (А. Н. Миклашевскій, М. А. Саблинъ, И. И. Янжулъ, И. Х. Озеровъ) принципіально возражали противъ такой системы обученія. Они указывали, что послѣдняя встрѣчаетъ на практикѣ массу существенныхъ неудобствъ, даетъ отрывочныя свѣдѣнія, не заинтересовываетъ учащихся. Но никто не отрицалъ, что, при извѣстныхъ обстоятельствахъ и обстановкѣ, польза совопросническаго метода обученія несомнѣнна.

Засѣданіе 20 февраля 1895 года (годовое).

Засѣданіе открыто предсѣдателемъ Отдѣленія профессоромъ **А. И. Чупровымъ**, при секретарѣ Отдѣленія **В. А. Косинскомъ**.

1. Прочитанъ отчетъ о состояніи и трудахъ Статистическаго Отдѣленія въ истекшемъ 1894—1895 году.

2. По предложенію проф. А. И. Чупрова постановлено: просить предсѣдателя Отдѣленія выразить глубокую благодарность Черниговской губернской земской управѣ и А. А. Русову за ихъ содѣйствіе при изданіи „Трудовъ Подсекціи IX Съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей".

3. По предложенію предсѣдателя Отдѣленія проф. А. И. Чупрова постановлено: предложить Юридическому Обществу избрать въ почетные члены проф. въ Halle Johann'a Conrad'a.

4. Постановлено просить Юридическое Общество выписать:

1. Conrad's Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik за 1895 годъ.

2. Braun's Archiv für Sociale Gesetzgebung und Statistik.

3. Journal of the Royal Statistical Society of London за 1895 г.

и 4. Journal de la Société Statistique de Paris.

5. Произведены выборы членовъ бюро причемъ избраны: предсѣдателемъ почетный членъ *А. И. Чупровъ*, товарищемъ предсѣдателя *Н. А. Каблуковъ*, секретаремъ *В. А. Косинскій* и товарищемъ секретаря *Л. Н. Марессъ*.

Засѣданіе 19 апрѣля 1895 года.

Засѣданіе открыто товарищемъ предсѣдателя **Н. А. Каблуковымъ**, при секретарѣ **В. А. Косинскомъ**.

Дѣйствительный членъ *М. Е. Земцовъ* прочелъ докладъ „Къ вопросу о передвиженіи переселенцевъ въ Сибирь".

Докладчикъ имѣлъ въ виду выяснить черты жизни переселяющихся въ Сибирь во время ихъ слѣдованія съ родины до мѣста водворенія. Обращаясь прежде всего къ разсмотрѣнію оффиціальныхъ данныхъ объ общемъ числѣ переселенцевъ, прослѣдовавшихъ черезъ пункты Тобольской губерніи въ теченіе послѣдняго десятилѣтія, референтъ замѣтилъ, что съ 1885 г. здѣсь удалось зарегистрировать всего 380,124 души (или 63,000 семей), при чемъ цифры пересенцевъ колебались по годамъ между 9,678 (за 1885 г.) и 80,015 (за 1892 г.). Что касается свѣдѣній о мѣстѣ выхода переселенцевъ, то за указан-

ный періодъ времени наибольшее количество послѣднихъ падало на долю Курской губерніи (75,138 д., или 19% общей суммы), потомъ слѣдуетъ Полтавская (47 т.—12,4%) далѣе—Тамбовская (45 т.-11,9%), затѣмъ—Воронежская (30 т.—8%), Вятская (тоже) Пермская (25 т.—7%) и т. д. Такимъ образомъ, хотя районъ переселенія захватываетъ 60 губерній и областей, но около 66% всего числа переселенцевъ выпускаютъ 6 названныхъ губерній, наименѣе же слабое развитіе эмиграціи наблюдается въ промышленныхъ мѣстностяхъ. Если взглянуть на то, какъ распредѣляется переселенческое движеніе въ Азіатской Россіи, можно видѣть, что имъ захвачено всего 10 сибирскихъ областей и губерній, но центромъ его всегда служила и служитъ Томская губ., гдѣ осѣлось за послѣднія 9 лѣтъ 244,099 душъ, или 74% общаго числа переселенцевъ; другія болѣе или менѣе важныя для иммиграціи мѣстности — Тобольская и Енисейская губерніи, Приамурскій край, области Семипалатинскак и Акмолинская—принимаютъ ежегодно въ среднемъ 9,167 переселенцевъ. Великая Сибирская дорога призвана, конечно, радикально повліять на измѣненіе мѣстъ распредѣленія переселенцевъ.—Переходя далѣе къ своей непосредственной темѣ, референтъ представилъ яркую картину многочисленныхъ испытаній, начинающихъ преслѣдовать переселенца еще до выхода его съ мѣста жительства, продолжающихся на желѣзнодорожномъ пути по направленію къ волжскимъ пристанямъ, увеличивающихся съ посадкой на пароходъ и потомъ—опять на „чугунку", принимающихъ особенно значительные размѣры при слѣдованіи по сибирскимъ водамъ и во время невольныхъ стоянокъ. Тюменскія цифры смертности достаточно краснорѣчиво говорятъ о положеніи переселенцевъ на главныхъ пунктахъ ихъ движенія. Каждая изъ 60-ти тысячъ, прошедшихъ въ 1894 г. чрезъ Тюмень, обрекала на смерть 16 человѣкъ. Взрослыхъ губилъ преимущественно тифъ, дѣтей—смертность ихъ въ особенности громадна—сводили въ могилу корь и дифтеритъ. Медицинская помощь для большинства больныхъ была совсѣмъ недоступна. Референтъ обрисовалъ въ общихъ чертахъ бытъ переселенцевъ въ Тюмени, гдѣ въ моментъ оживленнаго движенія скопляется иногда до 10 тыс. человѣкъ. Бараки, въ которыхъ биткомъ набивается до 4 тыс. человѣкъ, продставляютъ изъ себя очаги заразы, тѣмъ болѣе опасные, что дезинфекція здѣсь совершенно немыслима. Кромѣ того толпы переселенцевъ помѣщаются на барачномъ дворѣ подъ брезентами или просто подъ тряпьемъ. Большая же часть ихъ съ багажемъ и инвентаремъ располагается лагеремъ на площади и полѣ близъ бараковъ, подвергаясь разнообразнымъ атмосферическимъ вліяніямъ. Воды хватаетъ далеко не на всѣхъ, и у колодцевъ, которые даютъ ежедневно воды тысячи на три человѣкъ,

идутъ изъ-за нея непрерывныя пререканія. Кромѣ того, лавченки и лотки, предлагающіе провизію, самымъ безсовѣстнымъ образомъ эксплоатируютъ „господъ самоходовъ". Для врачебной помощи переселенцамъ на разныхъ пунктахъ въ минувшемъ году былъ приглашенъ отрядъ изъ 21 медика и 31 фельдшерицы. Собственно въ Тюмени постоянно находились: одинъ студентъ—въ амбулаторіи и одинъ врачъ — въ больничныхъ баракахъ съ одной фельдшерицей. При аптекѣ состояла еще фельдшерица, да и то не постоянно. Одинъ медикъ завѣдывалъ посадкой переселенцевъ на баржи; санитарія находилась въ рукахъ четвертаго. Нечего и распространяться о томъ, что крайній недостатокъ въ медицинскомъ персоналѣ, въ больницахъ, койкахъ, бѣльѣ и т. п. въ высшей степени затруднялъ дѣло медицинской помощи. Затѣмъ докладчикъ разсмотрѣлъ условія дальнѣйшаго передвиженія переселенцевъ по водному пути. Прямо съ поѣздовъ, подвозящихъ народъ въ Тюмень, переселенецъ обыкновенно бросается на пристань въ надеждѣ тотчасъ же попасть на пороходъ; однако проходитъ иногда мѣсяцъ и болѣе прежде, нежели этого удается достигнуть. 91% всѣхъ отправляющихся водою движется на баржахъ, гдѣ обнаруживается громадная смертность отъ болѣзней. Но какъ бы то ни было, послѣ невѣроятныхъ лишеній переселенецъ достигаетъ Томской губ. и отсюда уже теряется изъ глазъ наблюдателя среди обширныхъ сибирскихъ равнинъ и лѣсовъ.

В. Н. Григорьевъ спросилъ относительно того, какъ и кѣмъ зарегистрованы данныя, надъ которыми работалъ докладчикъ, и не можетъ ли способъ регистраціи повлечь за собою повторныхъ записей. При этомъ оппонентъ указалъ на то, что данныя относительно передвиженія переселенцевъ, собранныя чиновникомъ Дуровымъ въ Томскѣ, нѣсколько меньше тѣхъ данныхъ, которыя приведены въ рефератѣ, и просилъ докладчика объяснить эту разницу.

М. Е. Земцовъ отвѣтилъ, что данныя, съ которыми онъ имѣлъ дѣло въ своемъ сообщеніи, собраны переселенческими чиновниками за время съ 85 по 93 годъ въ различныхъ пунктахъ Тобольской губ., что данныя эти повторныхъ записей содержать не могутъ, такъ какъ переселенческое движеніе идетъ черезъ пункты, въ которыхъ данныя собирались, такъ сказать, параллельно, и ни одинъ изъ этихъ пунктовъ не лежитъ на томъ пути, по которому должны идти переселенцы, прошедшіе черезъ другой пунктъ, въ которомъ производилась регистрація. Что касается разницы между данными, собранными въ Томскѣ, и данными, которыя приведены въ докладѣ, то она, очевидно, проистекаетъ изъ того, что не всѣ изъ переселенцевъ направляющихся въ Томскую губ. и зарегистрированныхъ въ различныхъ пунктахъ Тобольской губер., дѣйствительно туда попадаютъ: иные

останавливаются гдѣ нибудь на пути къ раньше намѣченному мѣсту поселенія, не дойдя до этого послѣдняго, другіе же подъ вліяніемъ различныхъ, часто чисто случайныхъ причинъ измѣняютъ направленіе своего пути.

Проф. *А. И. Чупровъ* обратилъ вниманіе на то обстоятсльство, что смертность рисуетъ тяжелую картину санитарнаго положенія переселенцевъ: громадная скученность на мѣстахъ, въ которыхъ приходится переселенцамъ ожидать пароходовъ либо отправки по желѣзной дорогѣ, та же ужасная скученность и при дальнѣйшемъ передвиженіи,—слѣдствіе: очень высокая заболѣваемость и весьма большая смертность. Было бы желательно распредѣленіе заболѣваній и смертности переселенцевъ по возрастамъ, такъ какъ обыкновенно при такихъ условіяхъ гибнутъ всего больше дѣти. Далѣе проф. Чупровъ указалъ на то, что во главѣ губерній, дающихъ переселенцевъ, стоятъ Курская и Полтавская; причиной такого большаго числа переселеній изъ этихъ губерній является, очевидно, малоземелье. Но не совсѣмъ понятно, почему Тамбовская губернія занимаетъ мѣсто вслѣдъ за этими двумя губ., такъ какъ Тамбовская губ. не стоитъ на третьемъ мѣстѣ по малоземелью.

М. Е. Земцовъ отвѣтилъ, что данныя относительно возрастнаго состава заболѣвшихъ и умершихъ имѣются только для тѣхъ изъ нихъ, которые попали въ больницу; число лицъ послѣдней категоріи крайне незначительно, и потому сдѣлать какой-либо выводъ изъ данныхъ послѣдняго рода положительно невозможно.

Проф. *А. И. Чупровъ* спросилъ о причинахъ скопленія такого большаго числа переселенцевъ на пароходныхъ пристаняхъ въ виду проходящихъ мимо пароходовъ.

Н. К. Кушъ замѣтилъ на это, что сибирское пароходное движеніе приспособлено главнымъ образомъ къ товарному движенію; интересы пароходовладѣльцевъ побуждаютъ ихъ въ весеннее время въ половодье прежде всего спустить запасы хлѣба, и для переселенцевъ на пароходахъ не хватаетъ мѣстъ.

В. А. Косинскій сказалъ, что, смотря на діаграмму смертности и скученности переселенцевъ въ городѣ Тюмени, должно придти къ заключенію, что главнымъ факторомъ заболѣваемости и смертности среди переселенцевъ является зараженность помѣщенія, въ которыхъ они помѣщаются, такъ какъ несмотря на то, что скученность населенія въ Тюмени къ концу іюня нѣсколько уменьшилась, число умершихъ не только не уменьшилось, но даже увеличилось.

Н. А. Каблуковъ прибавилъ къ этому, что, кромѣ зараженности, на заболѣваемость и смертность вліяютъ еще и общія условія, которыя отнимаютъ силы переселенцевъ, напр., длина пути, время, потраченное на ожиданіе, дурное питаніе и т. д.

М. Е. Земцовъ замѣтилъ, что причина, указанная Н. А. Каблуковымъ, имѣетъ мѣсто только для заболѣваемости и смертности на пароходахъ во время передвиженія, но отнюдь не для того населенія, которое находится въ Тюменскихъ баракахъ, такъ какъ діаграмма, которая приложена къ реферату, имѣетъ въ виду постоянно мѣняющееся населеніе: то населеніе, которое сегодня не заполняло бараки, можетъ завтра уйти, и его мѣсто займетъ другое, не бывшее въ баракахъ населеніе, и между тѣмъ смертность между этимъ вновь прибывшимъ регулярно увеличивается, слѣдовательно тутъ вліяетъ не продолжительность нахожденія въ тяжелыхъ барачныхъ условіяхъ, а прямо таки зараженность барачныхъ помѣщеній.

В. А. Косинскій обратилъ вниманіе докладчика на то, что въ его рефератѣ есть мѣсто, говорящее о томъ, что переселенцы везутъ съ собою земледѣльческія орудія. Эти орудія несомнѣнно могутъ служить средствомъ распространенія различныхъ улучшеній земледѣльческой культуры.—Нѣтъ ли какихъ либо фактическихъ указаній, но то, что такія вліянія дѣйствительно имѣли мѣсто?

М. Е. Земцовъ сказалъ, что переселенцы дѣйствительно везутъ съ собою много земледѣльческихъ орудій, которыя, по всей вѣроятности, вносятъ улучшенія въ земледѣліе, но о фактахъ такого вліянія ему слышать не приходилось.

Н. К. Кушъ замѣтилъ, что переселенцы дѣйствительно иногда очень много орудій везутъ съ собой, лично Н. К. наблюдалъ это при своихъ изслѣдованіяхъ въ Соколовской волости Тобольской губ. Одна партія переселенцевъ-колонистовъ изъ Мелитопольскаго уѣзда везла съ собою 3500 пуд. земледѣльческихъ орудій по преимуществу сѣялки и жнейки; нѣкоторыя жнейки стоили дороже 200 руб.

Н. А. Каблуковъ объявилъ пренія законченными и отъ имени Отдѣленія высказалъ благодарность докладчику за интересное сообщеніе.

Засѣданіе 25 апрѣля 1895 года.

Засѣданіе открыто товарищемъ предсѣдателя Отдѣленія **Н. А. Калбуковымъ**, при секретарѣ **В. А. Косинскомъ**.

1. Доложенъ и утвержденъ протоколъ засѣданія Статистическаго Отдѣленія отъ 19 апрѣля 1895 года.

2. *С. Ѳ. Рудневъ* прочелъ докладъ „Переселеніе крестьянъ изъ Остзейскаго края во внутреннія губерніи Россіи“.

Переселеніе крестьянъ изъ Остзейскаго края, направленное преимущественно въ Петербургскую, Новгородскую, Псковскую и Тверскую

губерніи, любопытно во многихъ отношеніяхъ и констатируется цѣлымъ рядомъ изслѣдованій, произведенныхъ за послѣдніе годы земствомъ, правительствомъ и отдѣльными лицами. По словамъ А. Харузина, автора вышедшаго недавно труда о крестьянскомъ землевладѣніи въ Эстляндской губерніи, передвиженіе крестьянъ изъ этой послѣдней началось съ конца 50-хъ гг.; въ періодъ съ 1865—71 гг. новгородское земство принимало дѣятельное участіе по водворенію переселенцевъ-латышей въ губерніи, израсходовавъ тогда на вспоможеніе имъ около 14,000 руб. Остзейцы являлись то въ качествѣ простыхъ рабочихъ, то какъ арендаторы, главнымъ образомъ, некультурныхъ угодій или запущенныхъ имѣній; обзаводясь постепенно земельною собственностью, многіе изъ этихъ колонизаторовъ осѣдали на мѣстахъ водворенія. Изслѣдованіе частновладѣльческихъ хозяйствъ Петербургской губерніи, произведенное въ 1886—88 гг., обнаружило тамъ около 57,000 дес. (или 2,6% всей частновладѣльческой земли), принадлежащихъ остзейцамъ (отчасти финляндцамъ) на правахъ частной собственности и распредѣленныхъ между 670 хозяевами; но гораздо болѣе остзейцевъ (около 2,000) являлось арендаторами частновладѣльческихъ земель (въ количествѣ свыше 37,000 дес.). По даннымъ для Петербургской губерніи, средняя величина участка, арендуемаго колонистами, равняется приблизительно 20 дес., колеблясь въ отдѣльныхъ случаяхъ между 5 и 50 дес. Арендная плата составляетъ по уѣздамъ 2—4½ р. причемъ она не ниже той, какая отмѣчается г. Харузинымъ для Эстляндской губерніи. Арендные договоры заключаются чаще всего на сроки отъ 10 до 14 лѣтъ. Что касается причинъ переселенія, то для Эстляндской губерніи онѣ обусловливались и обусловливаются безземельемъ крестьянъ, и неравномѣрностью распредѣленія земельныхъ богатствъ.

А. И. Чупровъ. Почему крестьяне Остзейскаго края не ищутъ арендныхъ участковъ на мѣстахъ своей родины, а переселяются для арендованія земли въ другія губерніи, — что гонитъ остзейцевъ изъ прибалтійскаго края?

С. Ѳ. Рудневъ. На 60% земель прибалтійскаго края ведется правильное лѣсное хозяйство и потому земли для земледѣлія тамъ очень мало.

С. Н. Булгаковъ. Какъ велико процентное отношеніе между бѣдными и богатыми переселенцами? Почему переселяются изъ прибалтійскаго края богатѣи, если на новыхъ мѣстахъ ихъ ожидаютъ такія тяжелыя условія?

С. Ѳ. Рудневъ Точнаго процентнаго отношенія между богатыми и бѣдными переселенцами указать нельзя. Несомнѣнно, что крестьяне, перечисленные Казенною Палатою, являются болѣе состоятельною

частью переселенцевъ; дѣло въ томъ, что „перечисленными" являются тѣ переселенцы, которые и на мѣстѣ своей родины владѣли землей на правѣ частной собственности и потому, сравнительно съ остальною массою переселенцевъ, съ безземельными,—оказываются болѣе обезпеченными.

Богатѣи идутъ въ Петербургскую, напр., губ. или для земледѣльческихъ цѣлей, или для того, чтобы заниматься перепродажею земель. На трудную жизнь богатѣй не пойдетъ.

В. Н. Григорьевъ. Нельзя ли объяснить то обстоятельство, что остзейцы переселяются во внутреннія губерніи, несмотря на то, что условія аренды, включая и арендную плату, въ мѣстахъ, куда переселеніе направляется, нисколько нелегче тѣхъ условій аренды, которыя господствуютъ и въ прибалтійскомъ краѣ,—тѣмъ, что въ прибалтійскихъ губерніяхъ въ аренду сдаются худшія изъ пахатныхъ земель, тѣхъ земель, которыя не эксплоатируются, за невыгодностью, въ крупныхъ хозяйствахъ?

С. Ѳ. Рудневъ. Едва ли возможно объяснить переселеніе только такою разностью, хотя весьма вѣроятно, что въ аренду въ прибалтійскихъ губерніяхъ сдается сравнительно худшая земля. Есть очень много основаній объяснить движеніе остзейцевъ изъ прибалтійскаго края безземельемъ и неравномѣрностью распредѣленія земельныхъ богатствъ.

В. Н. Григорьевъ. Изъ доклада видно, что переселеніе остзейцевъ, главнымъ образомъ, направляется въ сосѣднія нечерноземныя губерніи,—почему переселенцы изъ прибалтійскаго края не идутъ въ черноземныя губерніи?

С. Ѳ. Рудневъ. Движеніе остзейцевъ отличается большою медленностью: сначала появляются въ извѣстной, сосѣдней съ прибалтійскимъ краемъ, мѣстности одиночки, затѣмъ передвигаются семьи этихъ одиночекъ, наконецъ, замѣчается переселеніе цѣлыхъ группъ; подобная медленность объясняется незнаніемъ мѣстности, куда переселеніе направляется, равно какъ и незнаніемъ русскаго языка; только постепенно, съ большимъ трудомъ, преодолѣваются эти препятствія, одиночки, ознакомившись нѣсколько съ мѣстностью и оріентировавшись сколько-нибудь въ новыхъ условіяхъ, перезываютъ къ себѣ сначала свои семьи, а затѣмъ и цѣлыя группы сосѣдей. Понятно, что такого рода переселенческое движеніе должно сначала распространиться на сосѣднія къ Остзейскому краю мѣстности и затѣмъ *медленно* распространяться на другія губерніи. Хотя впрочемъ, встрѣчаются переселенія и въ Сибирь, въ Саратовскую, Уфимскую и др. губерніи; только эти переселенія очень рѣдки.

В. Н. Григорьевъ. Въ докладѣ сказано, что Новгородское земство

ассигновало на водвореніе каждой семьи 320 руб. Почему ассигновало земство такую большую сумму?

С. Ѳ. Рудневъ. На продовольствіе семьи въ 4 — 5 человѣкъ до полученія перваго урожая (что, считая съ момента поселенія, составитъ 22 мѣсяца), требуется приблизительно 220 руб., на покупку лошади и коровы 45 руб., на содержаніе въ теченіе 22 же мѣсяцевъ скота 25 рублей, на пріобрѣтеніе самыхъ необходимыхъ орудій 5 р., на сѣмена 25 руб. Практика Новгородскаго земства при водвореніи 54 семей переселенцевъ на государственныхъ земляхъ показала правильность такого разсчета земства.

В. Н. Григорьевъ. Все же нельзя считать вполнѣ разрѣшеннымъ вопросъ, кто переселяется изъ Остзейскихъ провинцій,—богатѣи или бѣдняки. Г. Харузинъ высказывается за то, что переселяются люди съ крайне небольшими достатками, — на какихъ основаніяхъ приходитъ онъ къ этому выводу?

С. Ѳ. Рудневъ. Харузинъ не указываетъ какимъ путемъ пришелъ онъ къ такому убѣжденію; вѣроятно, основаніемъ для такого мнѣнія послужили какія-либо мѣстныя свѣдѣнія, извѣстныя г. Харузину.

А. И. Чупровъ. Въ докладѣ сказано, что 58,6% всего населенія Остзейскаго края состоитъ изъ безземельныхъ, прилагающихъ свой трудъ къ земледѣльческимъ занятіямъ. Интересно было бы знать, отчего при такихъ условіяхъ земли въ Прибалтійскомъ краѣ, даже вблизи крупныхъ центровъ, каковы Ревель, Балтійскій портъ, Либава— не поднимаются, тогда какъ, казалось бы, для повышенія цѣнъ на землю имѣются на лицо всѣ условія: плодородная земля, близкій рынокъ для сбыта продуктовъ и большая нужда въ землѣ со стороны населенія, способнаго къ земледѣльческому труду. Между тѣмъ это, нуждающееся въ землѣ населеніе не стремится пріобрѣтать землю на мѣстѣ своей родины, а выселяется. Тутъ явленіе вполнѣ аналогично тому, какое наблюдалось въ Ирландіи,—тамъ при совершенно такихъ же условіяхъ цѣны на землю не поднимались, а ирландцы массами переселялись въ Америку. Объясняютъ это явленіе для Ирландіи тѣмъ, что сельскохозяйственная культура въ этой странѣ очень высока и требуетъ большихъ затратъ капитала, совершенно недоступныхъ для бѣдной безземельной массы населенія, и это послѣднее стремилось туда, гдѣ экстензивная культура земли не требовала большихъ затратъ капитала, и гдѣ, слѣдовательно, земледѣліе не было недоступно для неимущаго люда. Можетъ быть подобнаго рода объясненіе имѣетъ силу и для тѣхъ переселеній изъ Остзейская края во внутреннія губерніи Россіи, о которыхъ мы только что выслушали докладъ. Можетъ быть, интензивная система сельскаго хозяйства въ Прибалтійскихъ губерніяхъ дѣлаетъ недоступнымъ земледѣліе въ этой

мѣстности для безземельной бѣдной массы, не смотря на то, что и земля тамъ плодородна, и сбытъ земледѣльческихъ продуктовъ легокъ и нужда въ землѣ велика. Этимъ же, можетъ быть, объясняется и отсутствіе спроса на землю въ Остзейскомъ краѣ, и отсутствіе возвышенія цѣнъ на эту послѣднюю. На самомъ дѣлѣ, нѣтъ ли указаній на то, что во внутреннія губерніи изъ Прибалтійскаго края переселяются безкапитальные люди, которые въ мѣстахъ своего новаго жительства являются въ качествѣ безкапитальныхъ фермеровъ?

С. Ѳ. Рудневъ. Только что высказанная гипотеза подтверждается петербургскими статистиками: переселенецъ на новыя мѣста своего жительства является сначала въ качествѣ малоимущаго арендатора и затѣмъ только, когда онъ путемъ громадныхъ усилій пріобрѣтетъ себѣ нѣкоторый капиталъ, уже стремится обзавестись земельной собственностью. Ясно, что здѣсь мы имѣли дѣло съ безкапитальнымъ, но энергичнымъ, трудолюбивымъ человѣкомъ, стремящимся стать на собственныя ноги, выбиться изъ нужды.

М. Н. Соболевъ. Насколько показываютъ наблюденія надъ переселенцами изъ Остзейскаго края въ Смоленскую губернію, эти переселенцы оказываются очень непрочными, неустойчивыми арендаторами.

С. Ѳ. Рудневъ. И изслѣдованія Осташковскаго уѣзда тоже подтверждаютъ, что арендаторы-переселенцы изъ Прибалтійскаго края являются элементомъ неустойчивымъ, переходнымъ.

В. А. Косинскій. Но переходное, неустойчивое состояніе арендаторовъ-переселенцевъ изъ Остзейскаго края есть результатъ стремленія новоселовъ улучшить свое положеніе, перейти изъ положенія арендатора въ болѣе обезпеченное, болѣе самостоятельное положеніе собственника. Это не неустойчивое состояніе слабаго человѣка, безсильнаго удержать занятую имъ позицію, а результатъ настойчиваго стремленія энергичнаго и сильнаго человѣка къ лучшей жизни. Вотъ если бы можно было доказать, что выселившіеся, напр., въ Смоленскую губернію вновь возвращались на свою родину, тогда мы имѣли бы основанія утверждать, что переселенцы изъ Прибалтійскаго края не могутъ, не въ силахъ удержаться на новыхъ мѣстахъ и вынуждены возвращаться назадъ; но вѣдь подобныхъ указаній въ изслѣдованіяхъ нѣтъ.

А. И. Чупровъ. Въ шестидесятыхъ годахъ были обратныя переселенія остзейскихъ новоселовъ въ Прибалтійск. губ. изъ губерній центральныхъ, но эти переселенія вызваны были не экономическими причинами, эти переселенія вызваны были дѣятельностью извѣстнаго Вольдемара, преслѣдовавшаго вовсе не экономическія цѣли.

И. П. Боголѣповъ. Въ докладѣ сказано, что въ Московскую губ.

переселенцы изъ Прибалтійскаго края приходятъ съ цѣлью занятія какими-либо промыслами, либо съ цѣлью поступленія въ услуженіе куда-либо; между тѣмъ на границѣ Волоколамскаго и Можайскаго уѣздовъ приходилось наблюдать колонію латышей, переселившихся сюда исключительно для земледѣлія.

Н. А. Каблуковъ. Каковы условія арендованія земли мѣстными жителями во внутреннихъ губерніяхъ Россіи, и каковы отношенія арендаторовъ—мѣстныхъ жителей къ арендаторамъ-переселенцамъ изъ Прибалтійскаго края: не оказываются ли послѣдніе конкуррентами туземныхъ арендаторовъ?

С. Ѳ. Рудневъ. Остзейцы селятся преимущественно на пустопорожнихъ, заброшенныхъ земляхъ, такъ что столкновенія между латышами и мѣстными старожилами до сихъ поръ не наблюдалось. Нужно имѣть въ виду, что переселеніе изъ Прибалтійскаго края направляется въ мѣстности съ населеніемъ очень рѣдкимъ, гдѣ есть довольно много заброшенныхъ крупныхъ имѣній.

А. Н. Миклашевскій. Не оказывается ли арендованіе земли латышами въ Петербургской и др. губерніяхъ водвореніемъ въ этихъ мѣстностяхъ фермерскаго хозяйства? И откуда берутъ капиталъ остзейцы-новоселы, разъ они поселяются въ заброшенныхъ имѣніяхъ?

С. Ѳ. Рудневъ. Я не рѣшился бы утверждать, что остзейцы, переселяясь въ Петербургскую, Тверскую и др. губ., несутъ съ собою туда и фермерское хозяйство; какъ уже говорено было раньше, остзейцы-арендаторы не являются прочно-осѣвшимъ элементомъ: они при первой же возможности стремятся стать собственниками и выйти изъ положенія арендатора. Что касается капиталовъ, которые необходимы для латышей-арендаторовъ, то эти капиталы составляются самими арендаторами. Въ заброшенныхъ имѣніяхъ капиталовъ нѣтъ, но эти имѣнія и отдаются въ аренду обыкновенно на болѣе или менѣе долгій срокъ, при чемъ первыя 2—5 лѣтъ арендаторы освобождаются отъ платы за аренду; въ теченіе этихъ льготныхъ годовъ и могутъ быть образованы необходимые для веденія хозяйства капиталы. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ на помощь приходитъ земство, какъ, напр., въ Новгородской губ. Иногда тѣ изъ латышей, которые переселились въ центральныя губерніи не съ цѣлью вести самостоятельное земледѣльческое хозяйство, а съ цѣлью покупки земли и перепродажи ея новоселамъ, въ своихъ личныхъ интересахъ, чтобы получить отъ покупателя сумму, за которую земля продана, также ссужаютъ новопоселенцамъ необходимыя суммы и предоставляютъ имъ разныя льготы по уплатѣ долга.

Н. А. Каблуковъ. Въ прошлое засѣданіе мы прослушали докладъ о невзгодахъ, претерпѣваемыхъ переселенцами изъ внутреннихъ гу-

берній во время ихъ пути въ Сибирь, сегодня же намъ было прочитано сообщеніе о переселеніяхъ во внутреннія губерніи Россіи. Невольно хочется сблизить эти два реферата. Итакъ, бѣдность въ остзейскихъ губерніяхъ, бѣдность въ губерніяхъ внутреннихъ; нужда въ землѣ крестьянъ внутреннихъ губерній, нужда помѣщиковъ этихъ же губерній въ рабочихъ рукахъ; заброшенныя имѣнія; крутыя условія арендованія земли латышами, не знающими ни русскаго языка, ни экономической обстановки Россіи,—крутыя условія, на которыя латыши соглашаются, только имѣя въ виду приспоспособиться, оріентироваться въ мѣстныхъ обстоятельствахъ, чтобы затѣмъ воспользоваться первой возможностью и оставить эти тяжкія условія аренды. А рядомъ съ этими заброшенными имѣніями, пустующими вслѣдствіе недостатка рабочихъ рукъ, мы видимъ многотрудное переселеніе изъ внутреннихъ губерній въ далекую Сибирь сотенъ тысячъ людей, не знающихъ ни физическихъ, ни соціальныхъ свойствъ той мѣстности, куда они идутъ, не имѣющихъ ни достаточныхъ средствъ, ни достаточныхъ знаній для того, чтобы улучшить хоть сколько-нибудь свое невыносимо тягостное положеніе во время пути. Такова яркая картина неустройства нашихъ аграрныхъ отношеній, которая представляется намъ въ результатѣ двухъ прочитанныхъ докладовъ.

Затѣмъ докладчику была высказана благодарность за интересный и обстоятельно составленный докладъ.

Засѣданіе 3 мая 1895 года.

Засѣданіе открыто предсѣдателемъ отдѣленія **А. И. Чупровымъ**, при секретарѣ **В. А. Косинскомъ**.

Дѣйствительный членъ *Н. К. Кушъ* прочелъ докладъ: „Неурожай 1891 г. и его послѣдствія въ южной части Тобольской губерніи, по мѣстнымъ изслѣдованіямъ“.

Н. К. Кушъ представилъ собранію результаты изслѣдованій, произведенныхъ имъ по спеціальному порученію въ Ишимскомъ округѣ. Главною цѣлью этихъ изслѣдованій было выясненіе степени разоренія крестьянскихъ хозяйствъ послѣ неурожаевъ 1891 и 92 гг. Еще до голодныхъ годовъ экономическій уровень ишимской деревни былъ невысокъ, что обусловливается, по мнѣнію референта, примитивными пріемами земледѣлія и землепользованія, низкими цѣнами на продукты, отсутствіемъ промысловъ, отсутствіемъ правильнаго сбыта и рынковъ, тяжестью налоговаго обложенія и, наконецъ, обремененіемъ мѣстности элементами ссыльнаго пролетаріата. Безотрадное состояніе хозяйствъ

особенно обострилось послѣ неурожайныхъ лѣтъ. Явилось, во-первыхъ, сокращенiе на 31,1% площади посѣва у старожиловъ и переселенцевъ, а у ссыльныхъ даже на 49,9%, и во-вторыхъ, образовалось значительное число дворовъ, совершенно отставшихъ отъ хлѣбопашества; процентъ такихъ дворовъ для старожиловъ-переселенцевъ равнялся 7,3, для ссыльныхъ же дошелъ до 30. Съ другой стороны, измѣненiя характеризовались увеличенiемъ площади посѣва менѣе взыскательныхъ хлѣбовъ—ржи и ярицы—на счетъ болѣе прихотливой пшеницы. Дальнѣйшимъ слѣдствiемъ неурожаевъ явилось рѣзкое паденiе арендныхъ цѣнъ, сосредоточенiе крупныхъ земельныхъ участковъ въ рукахъ немногихъ представителей деревни, сильный упадокъ скотоводства, громадный ростъ количества ушедшихъ на заработки и, наконецъ, колоссальная сумма частныхъ долговъ и казенныхъ недоимокъ.

В. Н. Григорьевъ. Изслѣдованiе производилось при посредствѣ сплошной переписи отдѣльныхъ селенiй и волостей. Какiя же главныя причины неурожая 1891 г. обнаружило это изслѣдованiе? Можно ли объяснить неурожай 1891 г. только кобылкой?

Н. К. Кушъ. Много условiй благопрiятствовало тому, что кобылка произвела такiя страшныя опустошенiя,—засуха, истощенiе почвы крайне несовершенные прiемы обработки и т. под. неблагопрiятныя климатическiя и сельско-хозяйственныя условiя подготовили кобылкѣ возможность произвести эти опустошенiя.

В. Н. Григорьевъ. Какова площадь надѣльной земли на душу?

Н. К. Кушъ. Государственные крестьяне имѣютъ надѣлъ въ 18 дес.; эти 18 десятинъ распредѣляются такъ: 15 десятинъ отводится въ надѣлъ на 1 душу и 3 десятины на ссыльныхъ, приписываемыхъ къ обществу.

В. Н. Григорьевъ. 15 десятинъ на душу—это довольно много. Какъ же истощается земля при подобныхъ условiяхъ?

Н. К. Кушъ. Главной причиной истощенiя земли является плохая культура ея.

В. Н. Григорьевъ. Въ докладѣ приведены цифровыя данныя относительно недоимочности и задолженности населенiя; но какъ собраны эти данныя и можно ли относиться къ нимъ, въ особенности къ даннымъ относительно задолженности, съ довѣрiемъ?

Н. К. Кушъ. Данныя эти заслуживаютъ полнаго довѣрiя, такъ какъ населенiе было подготовлено къ подобнаго рода вопросамъ незадолго передъ тѣмъ производившимся статистическимъ обслѣдованiемъ. По вопросу относительно недоимочности населенiя имѣлись и волостныя данныя, которыми оказалось возможнымъ воспользоваться.

В. Н. Григорьевъ. Какъ велики семьи старожиловъ и ссыльныхъ? Одинаковы ли онѣ или замѣчается нѣкоторое различiе?

Н. К. Кушъ. Размѣръ семьи старожиловъ опредѣляется въ среднемъ $5_{,19}$; раньше собранныя данныя показывали $5_{,17}$. Что касается данныхъ относительно размѣра семьи у ссыльныхъ, то такихъ собрать не удалось, такъ какъ очень многіе изъ ссыльныхъ, принадлежа къ сравнительно болѣе бѣдному классу населенію, сильнѣе чувствовали на себѣ тяжесть неурожая и въ значительномъ числѣ должны были уйти на заработки въ другія мѣста; свѣдѣнія же собирались только относительно наличнаго населенія.

Н. А. Каблуковъ. Низкая культура земли, какъ сказано въ докладѣ, обусловила собою степень вреда нанесеннаго кобылкой; въ докладѣ же высказывается мысль, что на благосостояніи населенія вредно отражалось также отсутствіе рынковъ и низкія цѣны на сельско-хозяйственные продукты. Эти положенія требуютъ, какъ мнѣ кажется, нѣкоторыхъ разъясненій. Прежде всего: какъ земля плохо ни обрабатывается, она все таки даетъ такой урожай, который оказывается достаточнымъ для прокормленія населенія?

Н. К. Кушъ. По урожайности всю обслѣдованную мѣстность можно разбить на три района: 1) районъ, гдѣ земля даетъ больше того сколько нужно для прокормленія живущаго въ этомъ районѣ населенія; 2) районъ, въ которомъ только пшеница сѣется на продажу и даетъ нѣкоторый доходъ, а остальные продукты сельскаго хозяйства въ продажу не идутъ и служатъ для потребленія самими хозяевами; 3) наконецъ, районъ, гдѣ хлѣба не хватаетъ для нуждъ самихъ хозяевъ.

Н. А. Каблуковъ. Такимъ образомъ высокія цѣны на рожь могутъ оказаться выгодными только для перваго района; для второго они не имѣютъ никакого значенія; для третьяго же выгодны низкія цѣны. Слѣдовательно, нельзя объяснять отсутствіемъ рынковъ упадокъ хозяйствъ населенія и низкую культуру земли. Низкая культура земли и упадокъ экономическаго благосостоянія населенія объясняются какими-либо другими причинами, а не отсутствіемъ рынковъ. Такъ какъ во второмъ и третьемъ районахъ населеніе производитъ хлѣбъ исключительно для удовлетворенія своихъ потребностей, то моментомъ, опредѣляющимъ собою высоту земледѣльческой культуры, является здѣсь не цѣна, а нужда въ хлѣбѣ для личнаго продовольствія, и еслибы оказалось, что хлѣба нужно больше, чѣмъ его производится теперь, то культура улучшилась бы, и увеличилось бы количество добываемаго хлѣба; разъ такого улучшенія культуры не замѣчается даже въ третьемъ районѣ, не смотря на несомнѣнную нужду здѣсь въ хлѣбѣ, то ясно, что тутъ развитію культуры препятствуютъ какія-то другія причины, а не низкія цѣны, не имѣющія въ данномъ случаѣ никакого значенія.

Н. К. Кушъ. Но крестьянину, живущему даже въ третьемъ районѣ приходится продавать хлѣбъ осенью для уплаты повинностей, хотя весной и приходится ему покупать хлѣбъ для продовольствія. Слѣдовательно, онъ заинтересованъ въ рынкѣ, въ цѣнѣ.

Н. А. Каблуковъ. Но въ такомъ случаѣ для крестьянина важна разница между осенними и весенними цѣнами, а не общій высокій уровень цѣнъ. Служитъ ли скотоводство источникомъ денежнаго дохода крестьянства въ Тобольской губ.?

Н. К. Кушъ. Скотъ выводится на рынокъ только въ годы неурожая. Въ средніе годы крестьяне скота не продаютъ. Въ Тобольской губ. крестьянинъ въ скотоводствѣ видитъ только выращиваніе живого инвентаря для собственнаго хозяйства, а не выращиваніе скота на продажу.

Н. А. Каблуковъ. Не увеличивалась ли выдача годовыхъ паспортовъ? Это могло бы служить косвеннымъ указателемъ того, что мѣстныхъ промысловъ недостаточно для занятія труда и поддержанія сколько-нибудь сноснаго существованія и что вслѣдствіе этого развиваются отхожіе промыслы.

Н. К. Кушъ. Выдача годовыхъ паспортовъ увеличилась.

И. П. Боголѣповъ. Въ докладѣ, въ которомъ говорится о голодной порѣ, замѣчается очень существенный пропускъ: ничего не говорится относительно организаціи продовольственнаго дѣла, имѣющаго значеніе важной предохранительной мѣры именно въ годы неурожаевъ.

Н. К. Кушъ. Для обслѣдованія продовольственнаго дѣла были организованы продовольственныя коммиссіи, которыя и изслѣдовали продовольственную организацію; мы же этого вопроса не изслѣдовали, почему онъ и пропущенъ въ докладѣ.

А. И. Чупровъ. Какъ видно изъ доклада, мѣстность, о которой идетъ рѣчь, была обслѣдована монографическимъ методомъ: сначала выбирались районы, а въ районахъ избирались отдѣльныя селенія и волости, которыя и подвергались подворной переписи. Районы избирались по урожайности почвы, а какъ избирались селенія въ районахъ, этого не видно. Есть даже указаніе на то, что выборъ селеній былъ совершенно случайный, напр., обслѣдовано селеніе съ веревочнымъ промысломъ въ Ларихинской волости; веревочный промыселъ вовсе не является типичнымъ для обслѣдованнаго района и потому такія селенія, какъ только что указанное, нужно было бы просто таки исключать, такъ какъ распространить выводы, полученные при изученіи такого селенія, на цѣлый районъ положительно невозможно. Кромѣ того, распредѣлять районы по признаку урожайности безъ отношенія къ другимъ признакамъ, какъ, напр., развитіе промысловъ будетъ также не совсѣмъ правильно, такъ какъ развитіе промыс-

ловъ существенно измѣняетъ самый характеръ экономической жизни мѣстности. Кромѣ того, въ докладѣ поставлены рядомъ районы, волости и округа. Тогда какъ для опредѣленія границъ района принятъ экономическій признакъ, волость и округъ — дѣленія чисто административныя и, слѣдовательно, сопоставленія этихъ разныхъ дѣленій сдѣлать нельзя.

Н. К. Кушъ. Говоря о волостяхъ и округахъ, я имѣлъ въ виду мѣстности, лежащія по тракту и отличающіяся большимъ развитіемъ промысловъ; говоря же о районахъ, я разумѣю мѣстности почти исключительно земледѣльческія. Слѣдовательно, ставя рядомъ волости и округа съ одной стороны и районы съ другой, я только старался избѣжать той односторонности, о которой только что шла рѣчь, а именно—я не хотѣлъ ограничиваться однимъ признакомъ урожайности почвы, я хотѣлъ принять во вниманіе и развитіе промысловъ.

А. И. Чупровъ. Колебаніе въ цѣнахъ, на которыя указывается въ докладѣ, какъ на одну изъ причинъ упадка сельскаго хозяйства въ сущности нисколько не отличается отъ колебанія цѣнъ въ Европейской Россіи. Кромѣ того, пріемъ, употребленный для опредѣленія этихъ колебаній, едва ли правиленъ: на діаграммѣ сопоставлены цѣны, которыя наблюдались весною и осенью одного и того же гражданскаго года, между тѣмъ, напр., весною 1891 года мы имѣли дѣло съ урожаемъ, снятымъ осенью 1890 г., а осенью 1891 года—съ урожаемъ, снятымъ осенью 1891 года; слѣдовательно, говоря о колебаніяхъ цѣнъ при такого рода сопоставленіяхъ, мы говоримъ въ сущности о цѣнахъ въ различные хозяйственные годы и вовсе не касаемся колебаній въ предѣлахъ одного и того же года. Если же сравнить колебанія цѣнъ на хлѣбъ въ предѣлахъ одного и того же хозяйственнаго года, то окажется, что колебанія эти велики.

Въ докладѣ затронутъ также очень интересный вопросъ о вліяніи высшей культуры земли на распространеніе вредныхъ насѣкомыхъ. Объ этомъ уже неоднократно приходилось слышать, но цифры характеризующія эту разницу ужъ слишкомъ велики: истребленіе кобылкою въ мѣстахъ низкой культуры чуть не вдвое больше истребленія въ мѣстахъ высшей культуры. Нѣтъ ли здѣсь какой-либо ошибки?

Н. К. Кушъ. Эти послѣднія цифры принадлежатъ ученикамъ красноуфимской школы, производившимъ сплошное изслѣдованіе трехъ волостей. Они указываютъ, что болѣе глубокая вспашка и вспахиваніе осенью (на зябь) ведетъ къ засыпанію и уничтоженію кобылки.

А. И. Чупровъ. Заканчивая наше сегодняшнее засѣданіе, мы должны сказать, что рефератъ представляется очень интереснымъ во многихъ отношеніяхъ. Во 1-хъ, онъ интересенъ райономъ, къ кото-

рому относится: въ статистическомъ отдѣленіи намъ приходится, сравнительно, очень рѣдко выслушивать доклады о Сибири. Во 2-хъ, докладъ представляетъ намъ описанный районъ въ два разные момента времени и слѣдовательно даетъ возможность сдѣлать кое-какія заключенія относительно эволюціи хозяйственныхъ явленій разсмотрѣнной мѣстности. Правда, обслѣдованная площадь незначительна, но нѣкоторыя явленія настолько типичны, что даютъ возможность распространить заключенія, полученныя въ докладѣ и на болѣе широкій районъ. Напр., уменьшеніе запашки и количество скота, значительная недоимочность и частая задолженность—все это дѣйствительно характеризуетъ печальное экономическое положеніе населенія. Правда также, что нѣкоторыя причины въ докладѣ мало проанализированы, объ условіяхъ жизни ссыльныхъ было сказано также немного; но зато просмотрѣнъ цѣлый рядъ очень характерныхъ и очень важныхъ вопросовъ—паденіе арендныхъ цѣнъ, концентрація землевладѣнія и т. д. Все это побуждаетъ насъ высказать докладчику нашу искреннюю благодарность за его сообщеніе.

Засѣданіе закрыто въ $11^1/_2$ часовъ вечера.

Засѣданіе 22 ноября 1895 года.

Засѣданіе происходило подъ предсѣдательствомъ **А. И. Чупрова,** въ присутствіи 11-ти членовъ, при и. об. секретаря **С. Ѳ. Рудневѣ.**

По открытіи этого, перваго послѣ каникулярнаго перерыва, засѣданія, *А. И. Чупровъ* произнесъ слѣдующую рѣчь въ память Николая Христіановича Бунге:

Н. Х. Бунге скончался 3-го іюня 1895 года. Вся его жизнь съ конца 40-хъ годовъ и до послѣднихъ дней была неустаннымъ служеніемъ на пользу наукѣ и обществу. Первое научное сочиненіе Н. Х.— „Изслѣдованіе началъ торговаго законодательства Петра Великаго“ появилось въ 1847 году. Въ 1852 году Н. Х. защитилъ докторскую диссертацію „Теорія кредита“. Въ 50-хъ годахъ Н. Х. вошелъ въ кружокъ Журавскаго, задавшійся цѣлью, путемъ свода статистическихъ матеріаловъ, изучить Юго-западный край; онъ взялъ на себя изученіе губерній Кіевскаго учебнаго округа, въ результатѣ чего въ 1856 году былъ изданъ трудъ Н. Х. „Изслѣдованія о желѣзно-дорожной промышленности въ губерніяхъ Кіевскаго учебнаго округа“. Съ 1850 года Н. Х. былъ профессоромъ Кіевскаго Университета и въ качествѣ профессора привлекъ лучшія симпатіи молодежи; онъ развивалъ въ ней духъ самостоятельнаго изслѣдованія и критики. Въ 1865 году Н. Х. издалъ курсъ статистики по системѣ Кетле; курсъ дѣлится

на 2 части, въ первой изложены: а) понятіе о статистикѣ в) о собираніи и обработкѣ статистическихъ свѣдѣній, с) исторія научной обработки статистическихъ матеріаловъ; во 2-ой части говорится о народонаселеніи. Особенный интересъ курса заключается въ главѣ объ изученіи статистическихъ признаковъ, опредѣляющихъ народное благостояніе. Въ 70-мъ году появился трудъ Н. Х. „Русскія бумажныя деньги" переводъ соч. Вагнера; обширныя приложенія къ этому труду представляютъ самостоятельное статистическое изслѣдованіе Н. Х. Почти одновременно появился другой трудъ Н. Х. „Основанія политической экономіи" (1870 г.). Изучая политическую экономію, Н. Х. заинтересовался полицейскимъ правомъ и въ промежутокъ съ 1873 по 1877 г. издалъ въ 5 вып. „Курсъ Полицейскаго Права". Въ это же время время онъ сотрудничалъ въ журналѣ Безобразова „Сборникъ Государственныхъ знаній", гдѣ статья Н. Х. „Товарные склады и варранты" представляетъ трудъ самостоятельнаго изслѣдованія частнаго желѣзнодорожнаго хозяйства. Въ 1877 г. появился трудъ Н. Х. „О возстановленіи металическаго обращенія въ Россіи"; въ 1878 году „О востановленіи постоянной денежной единицы въ Россіи". Съ начала 80-хъ годовъ произошелп перерывъ въ научной дѣятельности Н. Х.; онъ былъ призванъ къ высшимъ государственнымъ должностямъ, сначала въ качествѣ товарища Министра Финансовъ (1880 г.), потомъ Министра Финансовъ (1881 г.), а затѣмъ Предсѣдателя Комитета Министровъ (1886 г.). Но и при исполненіи этихъ сложныхъ и трудныхъ государственныхъ обязанностей онъ не покидалъ науку. Въ 1890 г. появился трудъ Н. Х. „Государственное счетоводство и финансовая отчетность въ Англіи"; въ этомъ же году онъ былъ избранъ ординарнымъ академикомъ. Въ 1893 году имъ была представлена записка объ отмѣнѣ налога на соль; эта записка представляетъ самостоятельный статистическій трудъ, въ ней излагается исторія отмѣны налога на соль и послѣдствія отмѣны налога. Въ 1895 году, въ апрѣлѣ вышелъ сборникъ статей Н. Х., подъ названіемъ „Очерки экономической литературы", въ него вышли статьи раньше печатавшіяся въ журналѣ Безобразова, съ новыми дополненіями. Въ своемъ обзорѣ новѣйшей литературы Н. Х. дѣлаетъ замѣчанія о 3 т. „Капитала" К. Маркса, обнаруживающія внимательное и глубокое изученіе этого труда, вышедшаго въ свѣтъ всего нѣсколько мѣсяцевъ назадъ.

Практическая дѣятельность Н. Х. въ качествѣ Министра Финансовъ дорога русскому обществу. Въ 1881 году онъ провелъ реформу о пониженіи выкупныхъ платежей на 12 милл.; въ 1882 г. объ учрежденіи Крестьянскаго Банка, въ 1885 г. объ отмѣнѣ подушной подати. Образовавшіеся вслѣдствіе этихъ реформъ недочеты въ государствен-

ной кассѣ Н. X. переложилъ на болѣе состоятельные классы, проведя реформы: о 3°/₀ сборѣ съ акціонерныхъ предпріятій; о взиманіи пошлинъ съ безмезднаго перехода имуществъ; о 5°/₀ сборѣ съ процентныхъ бумагъ. Эти реформы составляютъ заслугу не меньшую, чѣмъ научные труды Н. X., и сохранятъ память о немъ въ русскомъ обществѣ.

По окончаніи рѣчи Статистическое Отдѣленіе Юридическаго Общества почтило помять Н. X. Бунге вставаніемъ.

М. Н. Соболевъ прочелъ докладъ „Къ вопросу объ организаціи статистики отхожихъ земледѣльческихъ промысловъ".

Вопросъ этотъ возбудилъ живой интересъ въ подсекціи статистики на IX съѣздѣ естествоиспытателей и врачей въ Москвѣ, гдѣ и было, между прочимъ, постановлено просить Статистическое Отдѣленіе Юридическаго Общества разработать программу для изслѣдованія и обсудить способы регистраціи передвиженій сельско-хозяйственныхъ рабочихъ. Указавъ, что очень важно детальное изученіе ежегодно повторяющихся массовыхъ передвиженій крестьянъ на югъ, и что лишь статистическое изслѣдованіе можетъ дать прочныя основанія для урегулированія этого движенія, докладчикъ познакомилъ затѣмъ съ пріемами изслѣдованія и программами свѣдѣній, употреблявшимися при подобныхъ опытахъ (херсонскимъ земствомъ и харьковскимъ статист. комитетомъ), а также съ указаніями имѣющихся въ литературѣ (проектъ д-ра Уварова и т. п.). Съ своей стороны докладчикъ полагалъ, что идеальною организаціей была бы такая, при которой земскіе статистики лѣтомъ совершали бы экспедиціоннымъ путемъ объѣздъ губерній и производили перепись пришлыхъ рабочихъ на индивидуальныя карточки. Но въ виду трудности и дороговизны такой организаціи докладчикъ предложилъ на обсужденіе и другой, болѣе удобоисполнимый планъ изслѣдованія, а именно, высказался за желательность организаціи врачебно-продовольственныхъ пунктовъ въ мѣстахъ наибольшаго скопленія рабочихъ, по примѣру Херсонскаго земства; на этихъ пунктахъ и должно производить опросъ проходящихъ рабочихъ; количественный учетъ рабочихъ долженъ производиться по экономіямъ.

Говоря о врачебно-продовольственныхъ пунктахъ, какъ о мѣстѣ, гдѣ возможно путемъ опроса выяснять различныя стороны отхода, докладчикъ указалъ, съ другой стороны, что, по его мнѣнію, при этихъ пунктахъ возможно устроить посредническія бюро, объединенныя между собою, эти бюро могутъ быть весьма полезныи въ цѣляхъ урегулированія самаго движенія рабочихъ и условій найма и т. д.

Н. А. Каблуковъ указалъ. что проектъ производства переписи въ іюлѣ, путемъ экспедиціоннымъ, для опредѣленія точнаго количества пришлыхъ рабочихъ, практически мало осуществимъ, во 1-хъ потому,

что неудобно производить статистическія изслѣдованія въ разгаръ сельскохозяйственныхъ работъ, во и 2-хъ потому, что для начала такой работы потребовался бы предварительно съѣздъ общественныхъ дѣятелей всѣхъ южныхъ губерній и областей, что находитъ необходимымъ и докладчикъ. По мнѣнія Н. А. Каблукова для выясненія количества рабочихъ, приходящихъ въ южный край и нѣкоторыхъ другихъ сторонъ отхода нѣтъ надобности въ спеціальномъ изслѣдованіи: подойти къ приблизительно точнымъ цифрамъ количества пришлыхъ рабочихъ возможно на основаніи данныхъ основной статистики. Въ цѣляхъ практическихъ точно также нѣтъ надобности въ спеціальномъ изслѣдованіи: цѣлью изслѣдованія должно быть не упорядоченіе даннаго явленія и выясненіе условій быта семей, отпускающихъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ, а также и другихъ условій какъ тѣхъ мѣстностей откуда уходятъ рабочіе, такъ и куда приходятъ; по выясненіи всѣхъ такихъ условій основанія для упорядоченія движенія выступятъ сами собою. Качественную сторону отхода можно уяснить по записямъ врачебно-продовольственныхъ пунктовъ Херсонской губ. и по нѣкоторымъ другимъ имѣющимся матеріаламъ. Вообще имѣющіяся уже данныя могутъ дать довольно полную и вѣрную картину всѣхъ условій отхода. Относительно переселенія крестьянъ въ южныя губерніи, въ цѣляхъ урегулированія и даже прекращенія отхода, на что указываетъ докладчикъ, слѣдуетъ замѣтить, что нельзя совершенно уничтожить отходъ, такъ какъ въ сельскомъ хозяйствѣ бываютъ моменты, когда невозможно обходиться одними наличными постояными рабочими. Затѣмъ Н. А. Каблуковъ замѣтилъ, что нельзя безусловно говорить, что отходъ имѣетъ деморализующее вліяніе, онъ имѣетъ и просвѣтительное вліяніе, поэтому относиться совершенно отрицательно къ отхожимъ промысламъ нельзя.

М. Н. Соболевъ объяснилъ, что, по его мнѣнію, учетъ пришлыхъ рабочихъ путемъ сплошнаго экспедиціоннаго изслѣдованія далъ бы самую точную цыфру отхода сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, въ этомъ смыслѣ онъ и говоритъ о переписи всѣхъ рабочихъ въ іюлѣ, не касаясь вопроса о томъ, насколько она практически осуществима. Совершенно точный количественный учетъ рабочихъ, который далъ бы правильное представленіе о необходимомъ для южнаго края количествѣ пришлыхъ рабочихъ желательно имѣть, такъ какъ имѣющіяся данныя основной статистики не удовлетворяютъ такому требованію уже потому, что изслѣдованія въ различныхъ губерніяхъ и уѣздахъ производились неодновременно; данныя же о землевладѣніи тоже даютъ неправильное представленіе о необходимомъ количествѣ рабочихъ.— Организація текущей статистики врачебно-продовольственныхъ пунктахъ весьма желательно, она прежде всего важна для бюро.

Н. А. Каблуковъ заявилъ, что онъ не противъ текущей регистраціи рабочихъ и Херсонской организаціи, но не можетъ согласиться съ программой, представленной докладчикомъ: въ ней, по сравненію съ Херсонской программой, мало вопросовъ врачебныхъ и, наоборотъ, имѣются вопросы экономическіе, свѣдѣнія по которымъ должны быть собираемы на мѣстахъ осѣдлости рабочихъ,

Н. А. Карышевъ заявилъ, что практически экспедиціонное изслѣдованіе не можетъ быть произведено одновременно во всѣхъ мѣстахъ, куда приходятъ рабочіе, такъ какъ лишь въ немногихъ губерніяхъ этого района, даже изъ числа земскихъ, есть готовый персоналъ, для производства изслѣдованія. Проектируемый докладчикомъ съѣздъ представителей всѣхъ губерній, куда приходятъ рабочіе, сошлется поэтому прежде всего на отсутствіе органовъ для регистраціи рабочихъ, затѣмъ на непосильные расходы и, наконецъ, скажетъ, что изслѣдоніе важно для цѣлей научныхъ и общегосударственныхъ, поэтому незачѣмъ тратить на это мѣстныя средства.—Кромѣ того, экспедиціонный способъ изслѣдованія на мѣстахъ работъ не былъ бы совершенъ и въ научномъ отношеніи, такъ какъ изслѣдованіе коснулось бы безработныхъ, скитающихся по дорогамъ изъ одного мѣста въ другое. Количественный учетъ болѣе достижимъ на мѣстахъ осѣдлости, а не отхода. Изслѣдованіе на мѣстахъ осѣдлости рабочихъ имѣетъ и то преимущество, что оно можетъ опираться на документальную почву. Для цѣлей практическихъ нѣтъ надобности въ изслѣдованіи исчерпывающаго характера, достаточно анкеты, систематическаго изученія отхода. Возражать противъ бюро трудно; бюро полезны. Но при настоящихъ условіяхъ учрежденіе бюро неисполнимо: пришлые рабочіе распредѣляются въ немногихъ пунктахъ южнаго края,—извѣстные большіе пункты скопленія рабочихъ тонутъ въ массѣ мелкихъ, какими являются въ базарные и праздничные дни почти каждая площадь при церкви. Поэтому надо задуматься о количествѣ необходимыхъ бюро. Бюро, устроенныя только въ важнѣйшихъ пунктахъ скопленія рабочихъ, будутъ лишены возможности дѣйствовать быстро и эластично, а между тѣмъ цѣны на рабочія руки мѣняются на югѣ каждую недѣлю, что зависитъ: отъ созрѣванія одного хлѣба за другимъ, а также отъ случайныхъ явленій: сѣнокосъ поправляется въ нѣсколько дней, хорошая жатва черезъ день дѣлается плохой. Цѣна можетъ быстро измѣниться и отъ стачки нѣсколькихъ крупныхъ нанимателей, разсылающихъ артельнымъ способомъ агентовъ въ разныя губерніи для найма рабочихъ большими партіями. Поэтому за недѣлю впередъ нельзя бываетъ предсказать цѣну на рабочія руки. Бюро не могутъ оказывать благодѣянія населенію и по культурнымъ условіямъ, такъ какъ телеграфъ въ селѣ исключеніе, почта въ недѣлю 1 разъ—роскошь.

М. Н. Соболевъ, ссылаясь на матеріалы врачебно-продовольственныхъ пунктовъ Херсонской губ., доказывалъ полезноеть учрежденія даже однихъ центральныхъ бюро; въ существующіе въ Херсонской губ. врачебные пункты обращается ежегодно до 60 тысячъ рабочихъ.

Н. Ѳ. Анненскій замѣтилъ, что статистическая часть доклада не охватываетъ всей схемы изслѣдованія. Схема изслѣдованія отхода рабочихъ на югъ имѣетъ двѣ категоріи вопросовъ, согласно чему и изслѣдованіе отхода должно быть съ одной стороны сплошнымъ, исчерпывающаго характера, которое можно назвать экстенсивнымъ, и съ другой стороны — монографичечкимъ, или интенсивнымъ. Экстенсивное изслѣдованіе должно выяснить размѣры отхода, откуда идутъ рабочіе и куда идутъ, пути движенія рабочихъ. Все это необходимо изучать во времени и при этомъ выяснить причины возрастанія или паденія отхода. Интенсивное изслѣдованіе должно выяснить: 1) на мѣстѣ отхода—какія группы населенія отпускаютъ рабочихъ, 2) на мѣстѣ работъ—въ какія условія попадаетъ пришлый рабочій людъ, условія жизни на сторонѣ и т. д. Въ пути можно изучать условія и обстановку движенія. Насколько возможно подобное изслѣдованіе при всѣхъ настоящихъ условіяхъ отвѣтить отрицательно нельзя; необходимо предварительно разобраться и выяснить условія, необходимыя для выполненія подобнаго изслѣдованія. Возможно однако категорически утвержать, что нельзя изучать отходъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ только на мѣстахъ прибытія ихъ; онъ долженъ быть изученъ во всѣхъ трехъ моментахъ: на мѣстахъ осѣдлости, въ пути движенія и на мѣстахъ работъ. Для экстенсивнаго изслѣдованія матеріялъ даютъ сплошныя переписи, записи волостныхъ правленій о выдачѣ паспортовъ, а также данныя желѣзнодорожной статистики. Данныя волостныхъ правленій и желѣзнодорожной статистики даютъ возможность прослѣдить отходъ во времени и поэтому имѣютъ большую цѣнность. Съ увеличеніемъ рабочихъ поѣздовъ и съ введеніемъ новаго тарифа, желѣзнодорожная статистика будетъ давать весьма богатый матеріалъ и поэтому необходимо обратить на нее вниманіе. На мѣстахъ прихода рабочихъ нельзя ограничиваться регистраціею при бюро, для полнаго изученія вопроса необходимо также монографическое изслѣдованіе, его полезно производить и на мѣстахъ осѣдлости рабочихъ.

М. Н. Соболевъ высказалъ сомнѣніе въ томъ, что свѣдѣнія о паспортахъ, а также желѣзнодорожная статистика могутъ дать цѣнный матеріалъ; такъ какъ паспорта нерѣдко берутся не на весь срокъ отхода, а сперва краткосрочные и затѣмъ съ мѣста работъ выписываются на болѣе продолжительный срокъ; желѣзнодорожная статистика даетъ число пассажировъ по классамъ, не выдѣляя пассажировъ рабочихъ.

В. Н. Григорьевъ сказалъ, что вопросъ о сельскохозяйственномъ отходѣ довольно сложный, поэтому, чѣмъ больше способовъ изслѣдованія будетъ примѣнено при изученіи этого вопроса, тѣмъ лучше. Присоединяясь вполнѣ къ схемѣ изслѣдованія, указанной Н. Ѳ. Анненскимъ и находя, что при настоящихъ условіяхъ путь массоваго обслѣдованія вообще маловѣроятенъ, В. Н. Григорьевъ высказался за регистраціи, практикуемыя въ Херсонской губерніи при врачебно-продовольственныхъ пунктахъ, хотя на мѣстахъ работъ, какъ показываетъ практика по изученію переселенческаго вопроса, весьма трудно изучать причины отхода. Записи волостныхъ правленій о выдачѣ паспортовъ—плохой матеріалъ, и тѣмъ не менѣе ихъ нельзя игнорировать; желѣзнодорожную статистику тоже нельзя игнорировать, хотя пользованіе ею требуетъ массы труда; цѣнный матеріалъ можетъ дать текущая статистика и опросъ партій въ пути, какъ это практиковалъ Гурвичъ. Вообще для изученія отхода необходимо составить нѣсколько особыхъ программъ.

И. П. Боголѣповъ высказался за данныя волостныхъ правленій о выдачѣ паспортовъ, какъ единственный почти путь для количественнаго учета отхожихъ рабочихъ. По его мнѣнію, выработать такую форму книгъ, чтобы записи удовлетворяли требованіямъ статистики, нетрудно.

А. И. Чупровъ сообщилъ, что въ 80-хъ годахъ ему пришлось ознакомиться съ желѣзнодорожной статистикой и тогда имъ было замѣчено, что данными этой статистики весьма трудно пользоваться. Но съ того времени произошло множество перемѣнъ въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ въ цѣляхъ облегченія передвиженія вообще и приспособленія поѣздовъ къ движенію рабочихъ партій. Имѣя въ виду что рабочіе движутся партіями, въ извѣстные моменты, съ извѣстныхъ станцій, не трудно ввести маленькія приспособленія, чтобы возможно было затѣмъ выдѣлить рабочихъ въ особую группу пассажировъ. Въ такомъ случаѣ желѣзнодорожная статистика давала бы массу матеріала и весьма важнаго.

Н. К. Кушъ указалъ на необходимость пополнить программу, представленную докладчикомъ, вопросами о результатахъ отхода, каковыя свѣдѣнія возможно собирать на мѣстахъ постояннаго жительства рабочихъ, по возвращеніи ихъ съ заработковъ. Введенные докладчикомъ въ личную карточку вопросы объ имени и фамиліи опрашиваемыхъ затруднятъ изслѣдованіе причинъ и результатовъ отхода, какъ показываетъ это практика по изслѣдованію переселенческаго движенія.

Въ концѣ засѣданія *А. И. Чупровъ* отмѣтилъ существеннѣйшія замѣчанія, сдѣланныя по поводу выслушеннаго доклада и объявилъ,

что за позднимъ временемъ Статистическое Отдѣленіе не можетъ выполнить въ настоящемъ засѣданіи порученіе подсекціи статистики IX Съѣзда Естествоиспытателей и Врачей, о выработкѣ программы для изученія отхода на сельскохозяйственныя работы; предложилъ просить М. Н. Соболева сообщить въ одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій краткій обзоръ матеріаловъ по разсматриваемому вопросу, а также просить И. Б. Боголѣпова составить форму книги для записи паспортовъ, которая удовлетворяла бы и требованіямъ статистики.

Засѣданіе 29 ноября 1895 года.

Засѣданіе происходило подъ предсѣдательствомъ **А. И. Чупрова**, въ присутствіи 13 членовъ, при и. д. секретаря **С. Θ. Рудневѣ**.

Л. Д. Синицкій прочелъ докладъ „Къ вопросу о нищенствѣ въ Москвѣ", составленный имъ и *Л. Н. Раевскимъ*.

Оговорившись, что дѣлаемые ими выводы, вслѣдствіе неполноты и неточности матеріала (отчеты Комитета о просящихъ милостыню въ Москвѣ), должны быть признаны лишь вѣроятными, референты познакомили затѣмъ Общество съ дѣятельностью московскихъ учрежденій по разбору и призрѣнію нищихъ, а также съ составомъ нищихъ и причинами нищенства.

Съ 1839 по 1892 г. московскихъ нищихъ вѣдалъ Комитетъ о просящихъ милостыню. Благія намѣренія Комитета не увѣнчались осязательными результатами, вслѣдствіе бюрократическаго строя учрежденія, неприспособленности его къ условіямъ времени и крайней скудости средствъ. Въ 1893 г. функціи Комитета, состоявшій при немъ работный домъ и благотворительныя учрежденія были переданы Городскому Присутствію по разбору и призрѣнію нищихъ.

За періодъ съ 1877 по 1892 годъ чрезъ Комитетъ прошло 27833 нищихъ; въ 1894 году ихъ было 636 и за первые 9 мѣсяцевъ 1895 года—1855 человѣкъ. Болѣе $^2/_3$ всѣхъ нищихъ, прошедшихъ чрезъ Комитетъ, составляютъ мужчины. Среди мужчинъ преобладаютъ люди молодые, во цвѣтѣ лѣтъ: въ возрастѣ отъ 15 до 45 лѣтъ ихъ было 54,6%, а въ рабочемъ возрастѣ 84%; среди женщинъ молодыя почти отсутствуютъ, а старухи въ возрастѣ свыше 45 лѣтъ составляютъ 73,2% общаго числа женщинъ нищихъ. Здоровыхъ среди нищихъ бываетъ до 70%. Крестьяне составляютъ свыше $^1/_2$ всѣхъ нищихъ г. Москвы, обращавшихся въ Комитетъ; мѣщане и цеховые около 40%, привиллегированные около 5%. Грамотность мужской части нищихъ почти та же, что и для населенія г. Москвы,—женской значительно ниже. О семейномъ составѣ нищихъ, данныя за послѣдніе

два года показываютъ, что среди мужчинъ преобладаютъ холостые (52%), среди женщинъ вдовы (48%). По мѣсту родины нищіе, обращавшіеся къ помощи Комитета въ періодъ съ 1877 по 1892 годъ, распредѣляются такъ: нищіе изъ г. Москвы составляли 17%, изъ уѣздовъ Московской губ. 38,5%, изъ 6 губерній смежныхъ съ Московской 36,5%, изъ остальныхъ губерній 7,5%, иностранцевъ 0,4%.

Причины нищенства лежатъ, по мнѣнію докладчиковъ, въ экономическихъ условіяхъ быта низшихъ классовъ населенія. Самъ Комитетъ о нищихъ, хотя и указываетъ на пьянство и тунеядство, какъ на главныя причины нищенства, но при детальномъ распредѣленіи ихъ, только $1/_5$ квалифицировалъ злостными, остальныхъ же призналъ впавшими въ нищенство по несчастнымъ, независимымъ обстоятельствамъ.

Колебанія по годамъ въ количествѣ захваченныхъ въ Москвѣ нищихъ показываютъ, что за исключеніемъ 1880 года замѣчается совпаденіе въ измѣненіяхъ количества, высоты урожаевъ и цѣнъ на хлѣбъ. Данныя о нищихъ Московской губ. показываютъ, что послѣдовательность въ измѣненіи числа нищихъ по уѣздамъ губерніи находится въ извѣстномъ соотношеніи со степенью экономическаго благосостоянія уѣздовъ и развитіемъ въ нихъ мѣстныхъ промысловъ. Уклоненіе отъ этого представляютъ цифры по Московскому у., самому близкому къ столицѣ, по Верейскому, въ Вышегородской вол. котораго существуетъ профессіональное нищенство, и по Подольскому, въ которомъ къ мѣщанамъ г. Подольска приписана масса бездомнаго пролетаріата. На основаніи всего этого представляется вѣроятнымъ, что большая часть нищихъ, попадавшихъ въ московскій работный домъ, дѣйствительно нуждалась въ помощи со стороны общества. Анализъ цифровыхъ данныхъ заставляетъ предполагать, что женщины-нищія нуждаются преимущественно въ пріютѣ, въ богадѣльнѣ или въ больницѣ; мужчины же нуждаются, главнымъ образомъ, въ работѣ, которая бы давала имъ возможность существовать.

Комитетъ по призрѣнію нищихъ лишь въ ничтожной долѣ выполнялъ эту задачу: изъ всѣхъ нуждавшихся въ богадѣльнѣ онъ помѣстилъ туда едва $1/_4$ часть; болѣе $1/_4$ всѣхъ нищихъ онъ отпустилъ тотчасъ по доставленіи ихъ полиціей, что называлось „уволены со внушеніемъ не нищенствовать"; $27^1/_2$% были удалены изъ города съ проходными свидѣтельствами или этапнымъ порядкомъ; часть была отдана на поруки, отправлена въ сословныя учрежденія, къ мировымъ судьямъ и т. д. и только о $1/_4$ приведенныхъ нищихъ Комитетъ принялъ заботу на себя. За 1877—92 годы нищіе провели въ работномъ домѣ, по однодневной сложности, 1,042,951 сутокъ; заработали за это время 4,195 р. 61 к., что составляетъ 0,4 к. въ сутки.

Содержаніе же приговоренныхъ къ подневольному бездѣлью обошлось Комитету за указанный періодъ въ 359,961 р. 94 к., такъ что стоимость содержанія въ день обошлась въ $34^1/_2$ коп. или въ годъ 126 р.

Городское Присутствіе, смѣнившее прежній Комитетъ, дѣйствуетъ немного успѣшнѣе; вмѣсто прежней $^1/_4$ оно оставляетъ въ работномъ домѣ болѣе $^1/_2$ приходящихъ или приводимыхъ. Съ начала 1895 года для оставляемыхъ заведены работы; въ первые 5 мѣсяцевъ работами были заняты 28%, а въ послѣдующіе 4 мѣсяца болѣе половины всѣхъ призрѣваемыхъ. Заработокъ ихъ колебался отъ 4 до 24 коп. Призрѣваемые, по выходѣ изъ работнаго дома раньше совершенно терявшіеся изъ виду Комитетомъ, теперь могутъ подпасть подъ наблюденіе попечительствъ. Послѣднія и въ настоящее время дѣйствуютъ съ большой пользой для населенія; въ будущемъ же помощь, оказываемая ими, можетъ быть еще полнѣе и цѣлесообразнѣе, если они въ своей дѣятельности объединятся какъ между собою, такъ и съ Городскимъ присутствіемъ по разбору нищихъ.

Проф. И. И. Янжулъ привелъ рядъ фактовъ изъ своихъ личныхъ воспоминаній о работномъ домѣ въ г. Москвѣ за періодъ 1862—65 годовъ, на основаніи которыхъ полагалъ, что работный домъ былъ учрежденіемъ безполезнымъ: онъ не удовлетворялъ своему назначенію. То или иное количество нищихъ въ работномъ домѣ иногда опредѣлялось распоряженіемъ полиціи; составъ нищихъ въ работномъ домѣ съ одной стороны былъ довольно постоянный, въ немъ жили все одни и тѣже лица; съ другой стороны былъ случайнымъ, въ него попадали иногда и не нищіе, а лица, случайно подобранныя на улицѣ. Поэтому нельзя предполагать какого-либо правильнаго соотношенія между количествомъ нищихъ въ работномъ домѣ и въ г. Москвѣ; данныя о нищихъ, проходившихъ чрезъ работный домъ, не характерны для всѣхъ нищихъ Москвы.

С. В. Сперанскій находилъ, что данныя отчетовъ Комитета, которыми пользовались докладчики, слишкомъ не надежны для какихъ бы то ни было обобщеній; знакомство съ ними показываетъ, что они составлялись полуграмотнымъ человѣкомъ, который исполнялъ и статистическую работу—распредѣлялъ призрѣваемыхъ по сословіямъ, возрастамъ и т. п.

Л. Д. Синицкій, возражая оппонентамъ, сказалъ: въ началѣ доклада была оговорена неполнота и неточность данныхъ отчетовъ Комитета; въ грубыхъ чертахъ отчеты характеризуютъ составъ лицъ проходившихъ чрезъ Работный домъ. Правильность же въ колебаніяхъ въ проходившихъ чрезъ Работный домъ нищихъ и въ колебаніяхъ урожаевъ и цѣнъ на хлѣбъ показываетъ, что отчетами можно пользоваться и выводы, построенные на нихъ, можно обобщать.

В. Н. Григорьевъ отмѣтилъ разницу между впечатлѣніями отдѣльнаго лица и правильными статистическими изслѣдованіями: первыя относятся лишь до немногихъ, наиболѣе рѣзкихъ фактовъ, вторыя имѣютъ дѣло со многими данными за цѣлый рядъ лѣтъ, совокупность которыхъ только и можетъ служить основаніемъ для заключеній о соотношеніи и закономѣрности явленій. Раскрытыя докладомъ постоянство и правильность между различными явленіями ослабляютъ и сомнѣнія въ надежности матеріала.

Н. А. Каблуковъ отмѣтилъ чрезвычайно удачную разработку матеріала въ докладѣ, благодаря чему удалось показать законосообразность въ самыхъ, повидимому, произвольныхъ явленіяхъ и такимъ образомъ подтвердить ошибочность ходячихъ мнѣній и личныхъ впечатлѣній.

Протоіерей Г. П. Смирновъ-Платоновъ высказалъ пожеланіе, чтобы въ виду высокой важности вопроса о нищенствѣ была возможно скорѣе предпринята точная регистрація нищихъ.

Предсѣдатель отдѣленія *А. И. Чупровъ* присоединился къ этому пожеланію, отмѣтивъ въ то же время, что, пока нѣтъ исчерпывающаго познанія фактовъ, цѣнно знакомство съ ними и на основаніи имѣющагося матеріала, внутренняя достовѣрность котораго должна признаваться несомнѣнною, какъ скоро констатированы постоянство и правильность соотношеній. Обращаясь къ докладу А. И. Чупровъ отмѣтилъ, что докладчики пользовались весьма скуднымъ матеріаломъ, но правильно разработали его и извлекли весьма цѣнные выводы, заслуживающіе особаго вниманія и въ виду того, что вопросъ о нищенствѣ привлекаетъ въ настоящее время усиленныя заботы московскаго общества.

Засѣданіе 8 января 1896 года.

Засѣданіе открылось подъ предсѣдательствомъ **А. И. Чупрова**, въ присутствіи 9 членовъ, при и. д. секретаря **С. Ѳ. Рудневѣ**.

I. *Л. Л. Гавришевъ* прочелъ докладъ: „Вліяніе общаго образованія на продуктивность труда рабочихъ по статистическимъ изслѣдованіямъ въ г. Николаевѣ“. На основаніи данныхъ, относящихся къ 1,500 человѣкъ рабочихъ по желѣзнодорожнымъ мастерскимъ и заводамъ г. Николаева, докладчикъ показалъ, что поденная рабочая плата, взятая имъ за признакъ производительности труда, не только вообще выше у грамотныхъ рабочихъ, чѣмъ у неграмотныхъ, но и обнаруживаетъ извѣстную тенденцію прогрессивно возрастать въ зависимости

отъ степени грамотности. Все это докладчикъ наглядно показалъ на діаграммахъ, подраздѣливши грамотныхъ и неграмотныхъ рабочихъ по мастерствамъ и особо по времени пребыванія ихъ въ общеобразовательныхъ заведеніяхъ.

А. И. Чупровъ замѣтилъ, что выводы докладчика были бы несравненно цѣннѣе, еслибы онъ изучилъ при этомъ и вліяніе возраста рабочихъ на ихъ заработную плату.

Л. Л. Гавришевъ объяснилъ, что при разработкѣ матеріала, онъ подмѣтилъ вліяніе возраста на заработную плату, но малое число наблюденій заставило его воздержаться отъ принятія во вниманіе и этого фактора при выясненіи вліянія образованія на продуктивность труда.

И. И. Янжулъ обратилъ вниманіе на иной пріемъ изслѣдованія по данному вопросу, практикуемый американскими учеными, а именно опросъ хозяевъ или управляющихъ фабриками и заводами. Изслѣдованія американскихъ ученыхъ намѣчаютъ цѣлый рядъ вопросовъ, которые можно предлагать хозяевамъ фабрикъ. Они, напримѣръ, отмѣчаютъ такія преимущества грамотнаго рабочаго предъ неграмотнымъ: 1) грамотный лучше бережетъ инструменты, 2) со стороны его замѣчается большая экономизація матеріала, 3) онъ требуетъ гораздо меньше контроля, 4) обладаетъ особенною ловкостію. Затѣмъ И. И. Янжулъ высказался, что едва ли можетъ быть плодотворнымъ изслѣдованіе вопроса о производительности труда тамъ, гдѣ плата сдѣльная или поштучная. Сдѣльная плата зависитъ отъ множества неподдающихся изученію факторовъ: и отъ личности рабочаго, и отъ общихъ условій, въ какихъ находится въ данный моментъ производство и т. д. Болѣе плодотворнымъ для изслѣдованія представляется брать не сдѣльныхъ рабочихъ, а мѣсячныхъ.

Н. А. Карышевъ замѣтилъ, что всякое общественное явленіе зависитъ отъ массы факторовъ, но задача строго научнаго статистическаго изслѣдованія въ томъ и заключается, чтобы изолировать случайные факторы, что является возможнымъ при массовыхъ наблюденіяхъ.

Н. М. Бычковъ находилъ заключенія докладчика мало убѣдительными, такъ какъ докладчикъ не принялъ во вниманіе вліяніе различнаго типа школъ.

Н. К. Кушъ указалъ на неудобство опросовъ хозяевъ, какъ способа, вносящаго въ изслѣдованіе субъективный элементъ.

Въ заключеніе *А. И. Чупровъ* отмѣтилъ важность точнаго выясненія вліянія образованія на продуктивность труда, въ особенности въ данное время, когда идутъ большіе толки о всеобщемъ обученіи. Если подобное изслѣдованіе покажетъ намъ, что образованіе увеличиваетъ

продуктивность труда только на 10 или 5%, то въ общемъ по Россіи эти цифры составятъ такую колоссальную величину, предъ которой предстанутъ крайне малыми затраты, необходимыя для всеобщаго обученія. Обращаясь къ методамъ изслѣдованія А. И. Чупровъ высказался за предпочтительность массоваго чисто статистическаго изслѣдованія предъ опросомъ свѣдущихъ людей. Фактъ вліянія образованія на продуктивность труда и заработную плату можно констатировать путемъ опроса рабочихъ и съ другой стороны записями о выработкѣ рабочихъ по нѣкоторымъ производствамъ. Особенно цѣнно было бы производить такія изслѣдованія тамъ, гдѣ практикуется сдѣльная плата, такъ какъ на заработную плату и продуктивность труда сроковыхъ рабочихъ могутъ влiять множество другихъ факторовъ не поддающихся точному уясненію. Въ концѣ Статистическое отдѣленіе, по предложенію А. И. Чупрова выразило пожеланіе, чтобы изслѣдованія о вліяніи образованія на продуктивность труда были произведены по возможно большему числу производствъ и вездѣ гдѣ возможно.

II. Послѣ небольшого перерыва засѣданіе возобновлено подъ предсѣдательствомъ *Н. А. Каблукова.*

А. А. Новиковъ прочелъ докладъ „Экономическія нужды Вятскаго края". На основаніи данныхъ сплошного экономическаго изслѣдованія Вятской губ. докладчикъ указалъ элементы и условія крестьянскаго сельскаго хозяйства въ краѣ, отмѣтивъ особенности ихъ по отдѣльнымъ мѣстностямъ множествомъ поволостныхъ картограммъ. Указавъ, что крестьянскія общества обезпечены землей неодинаково, что въ 36 волостяхъ и 4-хъ заводахъ на 1 крестьянскій дворъ въ среднемъ приходится менѣе 10 десятинъ, а также что во многихъ мѣстностяхъ Глазовскаго, Яранскаго и Сарапульскаго уѣздовъ наблюдается свыше 10% дворовъ безземельныхъ, докладчикъ высказался за расширеніе крестьянскаго землевладѣнія въ такихъ мѣстахъ при посредствѣ Крестьянскаго банка и за переселенія крестьянъ на казенныя земли. Въ другихъ мѣстностяхъ губерніи при надѣлѣ свыше 10 десятинъ на 1 дворъ наблюдается скученность населенія въ немногихъ поселкахъ, почему отдѣльныя угодья оказываются удаленными отъ селеній. Здѣсь наблюдается много пустошей, такъ называемой запольной пашни (по Котельническому у. 21,474 д., по Орловскому 25,018 д., по Глазовскому 22,981 д., по Яранскому 25,174 д.). Въ такихъ мѣстахъ, по мнѣнію докладчика, полезно было бы разселеніе крестьянъ въ цѣляхъ наивыгоднѣйшей эксплуатаціи земельныхъ угодій. Причиною большого количества пустошей въ нѣкоторыхъ мѣстахъ губерніи оказывается также неумѣлое пользованіе естественными богатствами и несовершенство техники земледѣлія. На послѣднее указываютъ и такіе факты,

какъ скудные урожаи, недостатокъ въ продовольственныхъ средствахъ при достаточномъ количествѣ земель; также и отношеніе сѣнокосныхъ угодій къ пашнѣ въ рѣдкихъ случаяхъ достигаетъ желательной нормы, луга вообще низкаго качества (съ заливныхъ собираютъ въ среднемъ 90 пуд., сь суходольныхъ 50 пуд., съ болотныхъ 43,6 пуд.); нужда въ сѣнѣ наблюдается, за исключеніемъ Вятскаго и Орловскаго уѣздовъ, по всѣмъ остальнымъ 8-ми уѣздамъ. Количество удобряемой пашни, только по одному Котельническому уѣзду достигаетъ 44%, по тремъ другимъ оно колеблется отъ 23 до 33%, а по остальнымъ 6 уѣздамъ не превышаетъ 14,6% и спускается до 3,8%. Наряду съ этимъ наблюдается малое количество скота, большой процентъ дворовъ безлошадныхъ и большая задолженность крестьянъ. Все это указываетъ на необходимость 1) установленія въ крестьянскомъ хозяйствѣ цѣлесообразныхъ отношеній какъ между земельными угодьями, такъ и между живымъ инвентаремъ и величиною земельной площади, 2) улучшеній въ техникѣ хозяйства, 3) на необходимость въ правильной организаціи кредитовъ, меліораціоннаго, сельско-хозяйственнаго мелкаго, подъ залогъ хлѣба и т. п. 4) въ установленіи соразмѣрности между платежной способностью населенія и лежащимъ на немъ налоговымъ бременемъ, 5) въ возможно выгодной для крестьянъ организапіи сборовъ повинностей и 6) въ облегченіи сбыта сельско-хозяйственныхъ продуктовъ путемъ устройства улучшенныхъ путей сообщенія и т. д. Но всѣ эти мѣры, по мнѣнію докладчика, могутъ оказаться полезными лишь при условіи поднятія общей культурности населенія, при широкой постановкѣ въ губерніи образованія какъ общаго, такъ и спеціальнаго.

А. И. Чупровъ отмѣтилъ важность той детальной разработки статистическаго матеріала, какую представилъ докладчикъ, а также и обилія пособій въ видѣ картограммъ .

Н. А. Карышевъ и *Н. А. Каблуковъ* высказали пожеланіе, чтобы вмѣстѣ съ этой детальной поволостной разработкой статистическаго матеріала по Вятской губ. была сдѣлана и болѣе общая по-губернская сводка матеріала.

ЧАСТНОВЛАДѢЛЬЧЕСКОЕ ХОЗЯЙСТВО ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Санктпетербургская губернія является первою губерніею съ законченными и напечатанными результатами мѣстнаго изслѣдованія частновладѣльческихъ хозяйствъ, исполненнаго земскою статистикою. Общая текстовая обработка матеріаловъ по цѣлой губерніи появилась въ свѣтъ только въ 1895 году [1]), хотя мѣстное изслѣдованіе произведено было еще въ 1887—1888 годахъ. Главными исполнителями изслѣдованія явились лица съ агрономическимъ образованіемъ (В. В. Телѣжинскій, Л. К. Чермакъ, Д. А. Тушинскій и нѣкоторые другіе). Матеріалъ подвергнутъ былъ тщательной табличной сводкѣ, причемъ всѣ имѣнія сгруппированы по нѣсколькимъ территоріальнымъ, естественнымъ, правовымъ и транспортнымъ признакамъ. Такая группировка значительно облегчила возможность послѣдующей обработки количественныхъ данныхъ; съ нѣкоторыми результатами обработки (исполненной преимущественно В. В. Телѣжинскимъ и Л. К. Чермакомъ) мы намѣрены познакомить здѣсь лицъ, которыя интересуются недавнимъ прошлымъ русскаго помѣщичьяго хозяйства нечерноземной полосы, но не имѣютъ возможности заглядывать въ земско-статистическіе сборники.

Площадь С.-Петербургской губерніи превышаетъ 4 милліона десятинъ (4108031, 2 дес. по Стрѣльбицкому); несмотря на тщательность исполненія, земско-статистическій учетъ не досчиталъ 2,3% этой площади. Частнымъ владѣльцамъ принадлежитъ болѣе половины губерніи (53,8%) [2]); ихъ территорія чуть не вдвое превышаетъ площадь крестьянскихъ надѣловъ (28,6%) губерніи. Изъ восьми уѣздовъ наи-

---

[1]) Матеріалы по статистикѣ народнаго хозяйства въ С.-Петербурской губерніи. Выпускъ XVII. Спб., 1895.

[2]) Абсолютная площадь частнаго владѣнія 2152082,2 десятинъ.

болѣе богатъ частными землями Лужскій (62,2), а менѣе половины площади частныя земли занимаютъ только въ двухъ уѣздахъ: Вавскомъ (47,6%) и Царскосельскомъ (39,5); но и въ этихъ 2 уѣздахъ крестьянскимъ надѣламъ принадлежитъ значительно менѣе земли, чѣмъ помѣщикамъ. По сословію владѣльцевъ преобладаетъ земля дворянъ и чиновниковъ (57,3%); купеческая (16,3%) и крестьянская внѣнадѣльная земля (15,4%) представлены почти одинаковыми величинами; немного разнятся между собою выдѣленныя въ особыя группы земли мѣщанъ (2,8), остзейцевъ и финлядцевъ (2,6) и иностранцевъ (2,1%). Наиболѣе дворянскій уѣздъ—С.-Петербургскій (84,9%), наиболѣе купеческій—Царскосельскій (33,1%); крестьянская внѣнадѣльная собственность всего сильнѣе развита въ Гдовскомъ уѣздѣ. Свыше двухъ третей частной собственности (68,2) принадлежитъ крупнымъ землевладѣльцамъ (болѣе 1000 десятинъ у каждаго), 17,2%—среднимъ и 11,6% мелкимъ (менѣе 100 десятинъ у каждаго). Мобилизація земель разсмотрѣна за 20 лѣтъ (1868—87); въ этотъ срокъ подверглось продажѣ 81% частной земли, т. е. приблизительно по 4% въ годъ; въ первыя 3 пятилѣтія мобилизація усиливалась, въ послѣднее пятилѣтіе нѣсколько сократилась. Дворянская площадь уменьшилась особенно значительно; замѣтно также сократилась площадь владѣнія Августѣйшихъ Особъ; прочія сословія пріобрѣтали землю; одновременно съ мобилизаціею происходило дробленіе земли, усилившееся во второе десятилѣтіе, когда крестьяне и остзейцы сильнѣе стали закупать землю. Владѣльцы С.-Петербургской губерніи преимущественно ведутъ счетъ на казенныя десятины въ 2400 к. с.; значительно рѣже встрѣчается хозяйственная десятина въ 3200 кв. саженъ. Мелкіе землевладѣльцы измѣряютъ пахотную землю кулями т. е. количествами высѣваемой ржи. По числу имѣній 72%, и по количеству земли 57,3% расположены безъ черезполосицы. Черезполосица тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше размѣры имѣній (въ мелкихъ 21,5%, въ среднихъ 39%, въ крупныхъ имѣніяхъ 45% площади). Наименьшая черезполосица во владѣніяхъ остзейцевъ (13,5%).

Въ почвенномъ отношеніи несомнѣнное хозяйственное значеніе принадлежитъ залеганію известковаго (силурійскаго) плитняка; этотъ расположенный въ подпочвѣ плитнякъ помогаетъ дренированію верхняго почвеннаго слоя. 10,8% площади имѣній лежитъ всецѣло на плитнякѣ, 9,3% отчасти. Наибольшее распространеніе плиты встрѣчается въ уѣздахъ Петергофскомъ и Ямбургскомъ, затѣмъ въ Царскосельскомъ. Въ Лужскомъ, Петербургскомъ и Новоладожскомъ уѣздахъ преобладаютъ глинистыя и иловатыя подпочвы, въ Гдовскомъ сравнительно широко распространены песчаныя и хрящевыя. На плитѣ чаще встрѣчаются тяжелыя почвы, а на песчаныхъ подпочвахъ лег-

кія. Изъ общей площади имѣній тяжелая почва занимаетъ 11%, средняя 44,4%, рыхлая 16,5%; остальные 28,1% приходятся на почвы смѣшанныя. Средній размѣръ владѣнія за вычетомъ земель, купленныхъ цѣлыми крестьянскими обществами, составляетъ 271 десятину, владѣнія привиллегированныхъ сословій около 670 десятинъ, имѣнія съ запашкой 465 десятинъ.

Хозяйственная жизнь губерніи тяготѣетъ къ Петербургу. Въ общемъ имѣнія, ближе расположенныя къ столицѣ, обладаютъ бо́льшимъ среднимъ размѣромъ, чѣмъ отдаленныя. Съ приближеніемъ къ желѣзнымъ дорогамъ увеличивается средній размѣръ имѣній: ближе 10 вер. отъ станціи онъ составляетъ 687 дес., въ 10 — 20 верстахъ 599, далѣе 20 верстъ 528 десятинъ.

Распредѣленіе угодій выяснено для 86,5% частнаго владѣнія. Главнымъ угодьемъ является лѣсъ, занимающій почти три четверти (71,4%) площади имѣній (въ имѣніяхъ съ запашкою 67,7%, безъ запашки 75,3%, въ имѣніяхъ не сельско-хозяйственныхъ 39,3%). Пашня занимаетъ только 3,8% площади (даже въ имѣніяхъ съ запашкой только 5,5%), покосы и выгоны вмѣстѣ вдвое больше (покосы 6,5%, выгоны 1,2%). Болѣе осьмой доли площади (13,7%) находится подъ неудобными землями. Самый лѣсистый уѣздъ Новоладажскій (80,7), наиболѣе распаханный С.-Петербургскій (6,6%). По мѣрѣ уменьшенія размѣровъ имѣній возрастаетъ процентъ пашни, покосовъ, выгоновъ, перелоговъ и усадебъ, и уменьшаются проценты лѣсовъ и неудобной земли. На плитѣ замѣчается наибольшій процентъ пашни и наименьшій процентъ неудобныхъ земель. На плотныхъ и среднихъ нивахъ пашни и сѣнокосовъ больше, чѣмъ на смѣшанныхъ и рыхлыхъ, гдѣ зато больше лѣса и неудобныхъ земель. Вдали отъ столицы и отъ желѣзныхъ дорогъ лѣса и неудобныхъ земель относительно больше.

Въ трехъ уѣздахъ: С.-Петербургскомъ, Петергофскомъ и Царскосельскомъ болѣе половины имѣній не имѣютъ сельскохозяйственнаго характера. Изъ имѣній сельскохозяйственнаго характера 61,2% съ половиною (50,8%) площади ведетъ за пашку. Процентъ имѣній съ запашкою значительнѣе среди мелкихъ имѣній, и при размѣрѣ ниже 100 десятинъ имѣнія съ запашкою уже преобладаютъ надъ имѣніями безъ запашки. На плитѣ и въ имѣніяхъ съ тяжелыми почвами собственная запашка встрѣчается чаще, чѣмъ при иныхъ почвенныхъ условіяхъ. Ближе 20 верстъ отъ желѣзной дороги владѣльческая запашка встрѣчается чаще, чѣмъ на болѣе далекомъ разстояніи.

Въ 2050 имѣніяхъ съ владѣльческой запашкой безъ построекъ оказалось немногимъ болѣе 1%, а изъ 1300 имѣній безъ запашки 59% не снабжены постройками. На 10 имѣній съ постройками прихо-

дится какъ въ имѣніяхъ съ запашкой, такъ и безъ запашки по 16 построекъ для скота и по 52 разныхъ постройки, кромѣ жилыхъ; жилыхъ же построекъ на 10 имѣній съ запашкою 20, безъ запашки 30. На десятину запашки приходится 207 р. 50 к., на десятину всей земли 10 р. 50 к. капитала въ постройкахъ (по банковскимъ оцѣнкамъ послѣдняя цыфра составляетъ 11 р. 60 к. Для 35 имѣній издержки на ремонтъ составляютъ 1,75% стоимости построекъ.

Среди пахотныхъ орудій соха еще преобладала надъ плугомъ во время производства мѣстнаго изслѣдованія. Плуги зарегистрованы въ 38,5% числа имѣній; средній размѣръ запашки для этихъ имѣній 40 десятинъ, а для имѣній безъ запашки только 12 десятинъ. У колонистовъ всѣ имѣнія, у дворянъ около двухъ третей (68%) снабжены плугами. На одинъ плугъ приходится 12,5 десятинъ полевой площади (съ травами), въ томъ числѣ 7,3 десятины площади, ежегодно обрабатываемой владѣльческимъ инвентаремъ. Наиболѣе распространены плуги шведскіе. На соху приходится около 11,5 десятинъ. Машинный посѣвъ отмѣченъ только въ 6% числа имѣній съ владѣльческой запашкой, машинный обмолотъ въ 11%. На сѣялку приходится 96,5 дес. запашки, на молотилку 81,5 десятина. Вѣялки встрѣчаются въ 22% числа имѣній. Мертвый инвентарь съ телѣгами, но безъ сбруи даетъ 14 р. 39 коп. на десятину запашки. Въ имѣніяхъ съ запашкою на 100 десятинъ запашки приходится лошадей 16,3, взрослаго рогатаго скота 42 головы, нетелей 6,9, телятъ 7,3, овецъ 15,3, свиней 6,8. При переводѣ всего скота въ крупный *) на 100 десятинъ всей земли имѣется въ 2008 хозяйствахъ съ владѣльческой запашкой только 3,16 головъ, на 100 десятинъ запашки 65,3 головъ владѣльческаго скота. По мѣрѣ уменьшенія размѣровъ запашки неизмѣнно возрастаетъ количество всѣхъ видовъ скота, отнесенное къ площади. По мѣрѣ удаленія имѣній отъ столицы увеличивается количество мелкаго скота, особенно овецъ. Чѣмъ дальше лежатъ имѣнія отъ желѣзныхъ дорогъ, тѣмъ больше въ нихъ всякаго скота. Изъ общаго числа лошадей 81% служитъ сельско-хозяйственной работѣ. На одну лошадь приходится среднимъ числомъ около 4 дес. запашки, обрабатываемой ежегодно и притомъ владѣльческимъ инвентаремъ.

Чѣмъ крупнѣе размѣры имѣній, тѣмъ рѣже владѣльцы въ нихъ живутъ; въ среднемъ владѣльцы отсутствуютъ по 15% (14,9) имѣній съ запашкой, но для дворянскихъ имѣній процентъ этотъ доходитъ почти до 50 (48,5). Для владѣній крестьянъ и колонистовъ процентъ отсутствія меньше 1%. Для всѣхъ имѣній процентъ отсут-

*) По расчету 1 лош.=1 гол. кр. рог. ск.=2 нет.=4 тел.=10 ов.=10 свин.

ствія 40,7%. Крестьяне, мѣщане и остзейцы даже при крупныхъ размѣрахъ имѣній въ большинствѣ случаевъ управляютъ имѣніями сами. Для всѣхъ имѣній съ запашкой жалованье администраціи составляетъ въ среднемъ 17 коп. на десятину удобной земли, или около 3 рублей (2 р. 95 к.) на десятину запашки. Жалованье администраціи составляетъ 535 рублей въ среднемъ для тѣхъ хозяйствъ, которыми владѣльцы не завѣдуютъ. Изъ 1993 имѣній съ запашкою 1797 состоятъ въ управленіи владѣльцевъ и 196 поручены наемнымъ управляющимъ; въ томъ числѣ только 3 лица администраціи оказались съ сельско-хозяйственнымъ образованіемъ. На 100 десятинъ владѣльческой запашки приходится у крестьянъ, мѣщанъ, остзейцевъ и колонистовъ по 6,2 постоянныхъ рабочихъ (годовыхъ и лѣтнихъ), а у дворянъ и прочихъ владѣльцевъ слишкомъ вдвое болѣе—по 13,5. Сторожа и спеціальные рабочіе встрѣчаются тѣмъ чаще, чѣмъ крупнѣе запашка. Средняя плата годовому рабочему на хозяйскихъ харчахъ 75 руб., женщинѣ 48 руб., на своихъ 161 р. и 112 р. Годовыя харчи исчисляются въ среднемъ около 65 рублей.

При работѣ за долю продукта рабочимъ платится отъ $^1/_2$ до $^1/_3$ урожая въ зернѣ (за вычетомъ сѣмянъ) и отъ $^1/_2$ до $^1/_4$ соломы или лугового сѣна. Средняя плата поденщику на своихъ харчахъ за пахоту 56 коп., за сѣнокосъ 77, за молотьбу 46 коп. Повсемѣстно встрѣчается работа за угодья. На 100 дес. запашки приходится въ губерніи 21 упряжной отработочный день и 37 пѣшихъ. Издѣльно чаще всего производится уборка хлѣба (по 5–6 коп. за суслонъ въ 10 сноповъ ржи). Въ Гдовскомъ и Лужскомъ уѣздахъ изъ 235 дворянскихъ имѣній съ запашкою оказалось только 13 такихъ, въ которыхъ семья владѣльца принимала личное участіе въ сельско-хозяйственныхъ работахъ.

Изъ 2050 имѣній, ведущихъ запашку, менѣе двухъ третей (62,7%) обладали трехпольемъ, въ 21,3% найденъ правильный многопольный сѣвооборотъ, въ остальныхъ вольный, неправильный или неустроенный. При сословномъ распредѣленіи многопольный сѣвооборотъ найденъ чаще всего у остзейцевъ (46,3), потомъ у дворянъ (31,7), рѣже всего у мѣщанъ (2,5) и крестьянъ (5,7); владѣнія менѣе 100 десятинъ даютъ меньшее распространеніе многополья (16,4), чѣмъ среднія (23,9) и особенно крупныя (46%) имѣнія. При размѣрахъ запашки свыше 50 десятинъ многополье захватываетъ болѣе половины общаго числа имѣній.

Изъ общей площади запашекъ паръ занимаетъ 21,1%; наибольшіе проценты подъ паромъ въ уѣздахъ Новоладожскомъ и Лужскомъ (по 26,5%), наименьшій въ Петербургскомъ (2,7%). Травы занимаютъ нѣсколько бóльшую часть пашни (21,7%), чѣмъ паръ, а въ Петер-

бургскомъ уѣздѣ превосходятъ двѣ трети (68,7%). Главными полевыми растеніями являются почти равные между собою рожь (21,1) и овесъ (20,7), затѣмъ гораздо менѣе распространенные ячмень (6) и картофель (3,3). Культура овса (27,5) и картофеля (6,2) имѣетъ относительно наибольшее значеніе въ Шлиссельбургскомъ уѣздѣ, культура ячменя въ Гдовскомъ (11,3%). Подъ льномъ сравнительно больше всего земли въ Лужскомъ уѣздѣ (7,7%). Процентъ площади, занятой паромъ, рожью, ячменемъ и льномъ, возрастаетъ по мѣрѣ удаленія отъ Петербурга, а отъ желѣзнодорожныхъ станцій—процентъ подъ травами, напротивъ, при этомъ падаетъ; уменьшеніе размѣровъ имѣній и запашки дѣйствуетъ такъ же, какъ удаленіе отъ Петербурга. Паръ всего чаще встрѣчается у мѣщанъ и крестьянъ (28,4 и 27,1) и почти отсутствуетъ у колонистовъ (0,4); совершенно обратное отношеніе наблюдается для травъ (5,4, 2,2 у первыхъ, 42,8 у колонистовъ). Колонисты выдѣляются по культурѣ картофеля (21,7), крестьяне по культурѣ льна (11,2%). Въ имѣніяхъ съ песчаной подпочвой процентъ ржи болѣе, чѣмъ въ имѣніяхъ съ подпочвой глинистой.

На удаленныхъ отъ усадьбы участкахъ встрѣчается лядинная система, и только такіе участки не подвергаются удобренію. Вообще почти пятая часть (19,7%) владѣльческой запашки удобряется ежегодно; если исключить траву и паръ, то удобряемая площадь доходитъ въ среднемъ до 35,8% культурной, а въ Петербургскомъ уѣздѣ поднимается до 60%. На разстояніяхъ ближе 100 верстъ приближеніе къ столицѣ сопровождается усиленіемъ удобренія. Чѣмъ крупнѣе размѣры имѣній и запашекъ, тѣмъ меньшую долю занимаетъ удобряемая площадь относительно всей запашки. На плитѣ размѣры удобренія меньше, чѣмъ внѣ плиты. Въ имѣніяхъ, расположенныхъ ближе 50 верстъ къ Петербургу, удобряемая площадь превосходитъ паровую и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ ближе къ столицѣ. Съ приближеніемъ къ столицѣ уменьшается количество скота, приходящееся на одну удобряемую десятину. Въ Петербургѣ навозъ можно имѣть лѣтомъ безплатно, зимою же по цѣнѣ отъ 15 до 30 коп. за возъ конскаго навоза. Искусственныя удобренія значительно распространены подъ столицею, и вдали отъ нея—только въ болѣе крупныхъ хозяйствахъ.

На 100 десятинъ пахотной площади за вычетомъ посѣвныхъ травъ приходится около 72 (71,7) десятинъ, обрабатываемыхъ экономическимъ инвентаремъ; остальная доля распредѣляется приблизительно поровну между обработкою исключительно крестьянскимъ инвентаремъ и смѣшанною обработкою. Съ повышеніемъ размѣра имѣній и размѣра запашекъ совершенно правильно падаетъ процентъ земли, обрабатываемой экономическимъ инвентаремъ, и, напротивъ, возрастаетъ

значеніе иныхъ способовъ обработки. По сословіямъ наемный инвентарь играетъ наибольшую роль въ дворянскихъ хозяйствахъ, гдѣ владѣльческимъ инвентаремъ исключительно воздѣлывается только 52,3%, и спускается до нуля въ хозяйствѣ колонистовъ, вовсе не прибѣгающихъ къ найму инвентаря. Плуги примѣняются преимущественно къ взмету и рѣдко къ двоенію и троенію.

Преобладающее время посѣва ржи—первая половина августа, преобладающее время уборки—около Ильина дня. Средняя густота владѣльческаго посѣва ржи *) безъ малаго 9 четвериковъ (8,9) на казенную десятину; по уѣздамъ эта величина колеблется отъ 11,3 въ Петербургскомъ до 8,4 въ Лужскомъ. Густота овсяного посѣва составляетъ въ среднемъ 19,5 четвериковъ, ячменнаго 10 четвериковъ, картофельнаго 95, льняного 4,8. Высокая густота овсяного посѣва, можетъ быть, отчасти объясняется недоброкачественностью сѣмянъ; въ качествѣ сѣменного овса у мелкихъ владѣльцевъ распространенъ такъ называемый „яичный" овесъ, которымъ перекладывались яйца на баркѣ и который самъ отзывается тухлыми яйцами. Уборка хлѣба производится преимущественно серпомъ; молотьбѣ предшествуетъ овинная сушка сноповъ.

Средняя величина урожая ржи, вычисленная по всѣмъ конкретнымъ записямъ, найденнымъ въ хозяйствахъ, составляетъ 7,1 четвертей съ десятины. За пятилѣтіе 1882—86 средняя цыфра 6,96; лучшій годъ 1886 далъ безъ малаго 9 четвертей (8,8), худшій 1884—6 четвертей. За трехлѣтіе 1884 — 86 гг. можно сопоставить данныя, собранныя въ имѣніяхъ, со свѣдѣніями Департамента Земледѣлія и Центральнаго Комитета: первый источникъ даетъ 7,2, второй 6,8, третій 5,7 четвертей (кулей) ржи съ десятины **). Высшими урожаями по конкретнымъ записямъ совпадаютъ уѣзды Шлиссельбургскій (10,2 ч.), Петербургскій (18,5) и Царскосельскій (8,3) ***). Наименѣе урожайные уѣзды Лужскій (6,8) и Гдовскій (6,2), гдѣ преобладаетъ трехполье. Свѣдѣнія, почерпнутыя изъ банковскихъ оцѣночныхъ описей, своимъ среднимъ итогомъ (самъ 7,1 или 7,6 четв. съ десятины) немного превосходятъ итогъ конкретныхъ записей. Амплитуда колебанія урожаевъ по отдѣльнымъ имѣніямъ измѣряется разницею максимальнаго и минимальнаго урожаевъ, выраженныхъ въ процентахъ средняго уро-

*) Эта величина выведена по 268 записямъ.

**) Цыфра, вычисленная нами за десятилѣтіе (Урожаи ржи, стр. 230), 7,23 четверти, нѣсколько выше той, которая получена изъ всѣхъ записей и совпадаетъ съ данными трехлѣтія.

***) По нашимъ вычисленіямъ за десятилѣтіе на первомъ мѣстѣ стоятъ тѣ же уѣзды, только въ другомъ порядкѣ (С.-Петербургскій 8,55, Царскосельскій 8,49, Шлиссельбургскій 7,84).

жая всего больше въ малоурожайномъ Лужскомъ уѣздѣ (97,5%) и всего менѣе въ высокоурожайномъ Шлиссельбургскомъ (35.2%). Въ имѣніи съ 21-лѣтними записями Петергофскаго уѣзда, гдѣ средній урожай былъ самъ 6,8, годомъ наилучшаго урожая оказался 1886 (самъ 10), а наихудшаго 1881 (самъ 1,5). Для этого хозяйства второе непрерывное десятилѣтіе (1875 — 84) было гораздо менѣе удачнымъ, чѣмъ первое (1865—74): въ первомъ урожай былъ самъ 7,4, во второмъ самъ 5,8; погодная измѣнчивость для перваго десятилѣтія была 18,1%, для второго 30,7% *).

Урожай овса въ среднемъ по 397 записямъ, относящимся къ 1877—86 годамъ, составляетъ 10,8 четвертей, урожай ячменя 8 четвертей, посѣвныхъ травъ 160 пудовъ, суходольныхъ луговъ 70 пудовъ съ десятины.

Въ общемъ составѣ стадъ, принадлежащихъ владѣльцамъ, лошади занимаютъ 17,2%, рогатый скотъ 59,5%, овцы 16,2, свиньи 7%. Коневодство играетъ относительно важнѣйшую роль съ Петербургскомъ уѣздѣ (25,9%), наименьшую въ Гдовскомъ; содержаніе рогатаго скота всего сильнѣе развито въ Новоладожскомъ (71,3%), сравнительно слабѣе въ Шлиссельбургскомъ. Процентъ овецъ достигаетъ максимума въ глухомъ Гдовскомъ уѣздѣ (21,4), а свиней въ Петербургскомъ (10,6%). Изъ отдѣльныхъ сословій коневодствомъ и свиноводствомъ относительно сильнѣе всего занимаются колонисты (42,8 и 18,6), содержаніемъ рогатаго скота дворяне (68,7%), овцеводствомъ остзейцы (31,6%). Въ мелкихъ имѣніяхъ процентъ рогатаго скота замѣтно меньше, чѣмъ въ среднихъ и крупныхъ; число овецъ и свиней возрастаетъ съ уменьшеніемъ размѣровъ хозяйства, а число лошадей почти одинаково. На одну голову скота, переведеннаго въ крупный, приходится 2,4 десятины естественныхъ луговъ и 2,7 дес. всей кормовой площади. Максимумъ кормовой площади въ Шлиссельбургскомъ (7,9 дес.), минимумъ въ Гдовскомъ (1,3). Наибольшее обезпеченіе скота кормовою площадью отмѣчено въ дворянскихъ хозяйствахъ (3,7), наименьшее въ остзейскихъ (1,1).

По мѣрѣ увеличенія размѣровъ имѣній возрастаетъ количество естественныхъ луговъ на голову; напротивъ, при увеличеніи размѣровъ запашки это количество уменьшается; уменьшается оно также по мѣрѣ удаленія отъ Петербурга для имѣній, отстоящихъ далѣе 10 верстъ.

Изъ рабочихъ лошадей распространены, кромѣ мѣстныхъ, финка и

*) Для 7 имѣній, по которымъ располагали десятилѣтними записями (въ одномъ имѣніи за 2 десятилѣтія), средній урожай 8,1 отъ 6,05 до 12,2; измѣнчивость отъ 10,6 до 32,9%.

остзейскій клепперъ; отмѣчены нѣсколько заводовъ рысистыхъ лошадей и одинъ заводъ арденокъ. Средняя цѣна мѣстной рабочей лошади 76 рублей.

Главная цѣль содержанія рогатаго скота—молочное хозяйство; но изъ общей суммы 2050 имѣній только 18% (17,8%) сбываютъ молочные продукты; въ этихъ имѣніяхъ зато сосредоточивается $^3/_5$ общаго числа коровъ. Наименьшій сбытъ молока на сторону по числу хозяйствъ въ Гдовскомъ уѣздѣ, а по числу коровъ въ Новоладожскомъ; наибольшій сбытъ по первому признаку въ Петергофскомъ, по второму въ Ямбургскомъ. На 100 коммерческихъ молочныхъ хозяйствъ 54 сбываютъ скопы, 37 свѣжее молоко, 9 то и другое. Сбытъ свѣжаго молока преобладаетъ въ ближайшихъ къ столицѣ уѣздахъ: С.-Петербургскомъ, Шлиссельбургскомъ, Петергофскомъ и Царскосельскомъ; въ остальныхъ 4 уѣздахъ преобладаетъ сбытъ скоповъ. Изъ дворянскихъ хозяйствъ сбытомъ молочныхъ продуктовъ занимается почти половина (47,7% по числу хозяйствъ, около 80% по числу коровъ). Съ увеличеніемъ размѣровъ имѣній увеличиваются и относительные размѣры сбыта. Въ районѣ до 25 верстъ отъ Петербурга сбывается исключительно молоко; сбытъ свѣжаго молока преобладаетъ надъ сбытомъ скоповъ при разстояніи до 10 верстъ отъ станціи желѣзной дороги; далѣе 200 верстъ отъ Петербурга сбытъ молокомъ совершенно прекращается. Составъ стада рогатаго скота выражается по губерніи такими средними процентными отношеніями: коровъ 70,5, быковъ 4,5, нетелей 12,1%, телятъ 12,9%. Сбыту свѣжаго молока соотвѣтствуетъ большій процентъ коровъ въ стадѣ. По мѣрѣ удаленія отъ столицы и отъ желѣзныхъ дорогъ въ общемъ возрастаетъ процентъ телятъ; отдаленныя мѣстности болѣе занимаются выпаиваньемъ телятъ. На одного быка приходится въ среднемъ около 16 коровъ (отъ 11 въ Гдовскомъ до 20 въ Ямбургскомъ уѣздѣ). Наиболѣе распространенная форма сбыта продуктовъ животноводства—продажа на мѣстѣ скупщику; непосредственною доставкою продуктовъ на рынокъ занимаются только самые крупные и наиболѣе мелкіе хозяева. Въ большинствѣ хозяйствъ скотъ стоитъ всю зиму на навозѣ. Періодъ лѣтняго кормленія колеблется отъ $4^1/_2$ до 6 мѣсяцевъ. „Постояннаго“ выгона на голову крупнаго скота приходится только по $^1/_2$ десятинѣ; достаточная площадь выгоновъ наблюдается лишь въ Шлиссельбургскомъ (3,7) и Петербургскомъ (2,2) уѣздахъ. Въ дѣйствительности скотъ пользуется лѣснымъ пастбищемъ, которое въ общемъ доброкачественно, кромѣ песчаныхъ почвъ Гдовскаго и Лужскаго уѣздовъ. Зимнее кормленіе весьма разнообразно: въ хозяйствахъ, сбывающихъ молоко, значительно примѣняется концентрированный кормъ; въ хозяйствахъ съ преобладаніемъ полеводства главный кормъ

скота—плохое сѣно и солома. Къ мѣстнымъ породамъ принадлежитъ среди коровъ 71,4%, среди быковъ 73,1%; къ ярославской, холмогорской и метисамъ изъ коровъ 24,2, изъ быковъ 16,7; наконецъ, къ иностраннымъ породамъ изъ коровъ 4,4%, изъ быковъ 10,2%. Улучшеннаго скота сравнительно всего больше у дворянъ. По мѣрѣ удаленія отъ города, отъ желѣзныхъ и шоссейныхъ дорогъ возрастаетъ процентъ мѣстныхъ породъ. Изъ иностранныхъ породъ сравнительно наибольшимъ распространеніемъ пользуется ангельнская (въ 43 имѣніяхъ изъ 111 съ иностраннымъ скотомъ), потомъ голландская (21), айрширская (14) и альгауская (10).

Ремонтъ стадъ большею частью совершается совмѣстно выращиваніемъ, покупкою подростковъ и взрослыхъ экземпляровъ. Племенныя хозяйства имѣются только для привознаго скота. Средняя цѣна мѣстной коровы 39 рублей, ярославки 87, холмогорки 144 (для быковъ соотвѣтственныя цѣны 43, 82, 146 р.). Самыя частыя цыфры среднихъ удоевъ отъ 100 до 125 ведеръ на голову. Рабочіе при скотѣ составляютъ 71,6% годовыхъ мужчинъ, 92,6% годовыхъ женщинъ, 28,4% полѣтчиковъ и 7,4% полѣтчицъ. Въ мелкихъ хозяйствахъ на голову скота требуется втрое меньше наемныхъ рабочихъ, чѣмъ въ крупныхъ и среднихъ. Особенно большой спросъ къ наемному уходу предъявляетъ скотъ дворянскихъ хозяйствъ, а среди дворянскихъ хозяйствъ крупныя имѣютъ относительно меньше рабочихъ, чѣмъ мелкія. Мужчина на хозяйскихъ харчахъ получаетъ 97, женщина 49 р. Въ дворянскихъ имѣніяхъ расходъ на рабочихъ даетъ около 11 р. 50 коп. на голову скота; въ крупныхъ хозяйствахъ расходъ этотъ меньше, въ мелкихъ больше. Средній валовой доходъ съ коровы при сбытѣ молока 72 р. 10 к., при сбытѣ скоповъ втрое меньше (23 р. 80 к.). Удаленіе отъ столицы рѣзко отражается на паденіи дохода; желѣзныя дороги сильнѣе отражаются на сбытѣ скоповъ, чѣмъ молока, но вліяютъ и на послѣдній.

Промышленное огородничество развито преимущественно въ Петербургскомъ уѣздѣ; тамъ зарегистрованы 62 огородныя хозяйства, изъ которыхъ 30 ведутся владѣльцами и 30 арендаторами. Изъ общаго числа грядъ болѣе половины занято капустою (53%), четверть картофелемъ (25%). На одного рабочаго приходится менѣе десятины (0,84), на одну лошадь около $2^1/_2$ (2,4) дес. огорода. Арендная плата за огородную землю составляетъ въ среднемъ 102 р. 40 коп. съ десятины. Большинство арендаторовъ и рабочихъ на огородахъ составляютъ крестьяне Ярославской губерніи. Сильнѣйшимъ соперникомъ петербургскихъ огородовъ были до послѣдняго времени огороды подмосковные, а теперь Петербургъ получаетъ все бóльшія и бóльшія массы зелени изъ губерній Царства Польскаго.

Въ заключенiе остановимся на той отрасли хозяйства, которая охватываетъ наибольшую площадь въ имѣнiяхъ С.-Петербургской губернiи. Подъ лѣсами, какъ уже упомянуто, состоитъ 71,4% общей площади; это даетъ 82,7% площади удобныхъ земель. Въ крупныхъ имѣнiяхъ процентъ лѣса больше, чѣмъ въ мелкихъ. Близость столицы влiяетъ на уменьшенiе лѣсовъ на разстоянiяхъ до 150 верстъ; при бóльшихъ разстоянiяхъ процентное отношенiе лѣса къ общей площади и къ удобной землѣ не поднимается. Въ полосѣ десятиверстной близости къ желѣзнымъ дорогамъ лѣсовъ меньше, чѣмъ на болѣе далекомъ разстоянiи. Правильное лѣсное хозяйство встрѣчается рѣдко: преобладаетъ лѣсоистребленiе. Громадныя владѣнiя лѣсопромышленниковъ составились преимущественно въ первое время послѣ освобожденiя крестьянъ. Отъ безпорядочной рубки особенно пострадали старые боровые лѣса, т.-е. сосновые лѣса на песчаной почвѣ. Изъ хвойныхъ породъ преобладаютъ ель и сосна, изъ лиственныхъ береза, осина и ольха. Въ частныхъ лѣсахъ въ послѣднее время лиственныя породы преобладаютъ надъ хвойными. Въ казенныхъ и удѣльныхъ лѣсахъ, напротивъ, хвойнымъ принадлежитъ 56% (и только въ Царскосельскомъ и Ямбургскомъ уѣздахъ процентъ ихъ ниже 50); въ лѣсахъ этой категорiи хвойный лѣсъ болѣе чѣмъ на половину представленъ сосною (54), а лиственный березою (57%) *).

Только треть владѣльческой лѣсной площади оказалось возможнымъ раздѣлить по возрасту на лѣсъ строевой (11,9%), дровяной (41,1%) и мелкiй (47,0%); максимальный процентъ строевого лѣса — въ Петербургскомъ уѣздѣ (37,6%), въ которомъ вообще лѣсное хозяйство оказывается наиболѣе устроеннымъ. Съ уменьшенiемъ размѣровъ имѣнiй процентъ строевого лѣса падаетъ. До послѣдняго времени была сильно распространена такъ называемая продажа на вырубку въ годы, причемъ не производится никакого учета выработаннаго матерiала, и промышленнику уступается право рубить что угодно на опредѣленной площади или по всему лѣсу въ теченiе нѣкотораго числа лѣтъ.

Мѣстный спросъ на лѣсные матерiалы ничтоженъ; мѣстная цѣна лѣса опредѣляется главнымъ образомъ стоимостью доставки на рынокъ. На лѣсныхъ заготовкахъ работаютъ преимущественно мѣстные крестьяне. Колебанiя цѣнъ при продажѣ на вырубку въ годы громадны: отъ 6 до 166 рублей на десятину. Въ предшествовавшее регистрацiи десятилѣтiе лѣсъ, повидимому, дорожалъ. Готовыя березовыя дрова на мѣстѣ продаются по 8 р. 18 к. за кубическую сажень, попенъ по 5 р. 7 коп.; смѣшанныя дрова готовыя по 5 р.

---

*) Осина занимаетъ 27%, ольха 16% лиственнаго лѣса.

60 к., попенъ по 3 р. 5 коп. За сдачу лѣсной земли подъ выгонъ крестьянамъ выручается въ среднемъ 88 коп. съ десятины; сравнительно больше выручается за право охоты, около 1 р. 50 к. на десятину. Данныя о лѣсной стражѣ собраны почти для $^2/_3$ лѣсной площади. На одного лѣсника приходится въ среднемъ 909 десятинъ лѣса. Лѣсничихъ со спеціальнымъ образованіемъ очень мало. Лѣсопилки съ промышленными цѣлями зарегистрованы только въ 25 имѣніяхъ.

Единственный случай искусственнаго лѣсовозобновленія въ частныхъ лѣсахъ (помимо казенныхъ и удѣльныхъ) найденъ былъ въ лѣсной дачѣ Нарвской суконной мануфактуры.

А. Фортунатовъ,
дѣйствительный членъ
Московскаго Юридическаго Общества.

СТАЧКИ И ЛОККАУТЫ ВЪ ВАЖНѢЙШИХЪ ГОСУДАРСТВАХЪ ЕВРОПЫ И СОЕДИНЕННЫХЪ ШТАТАХЪ.

(Bulletin of the commissioner of labour. № 1, 2. Washington. 1895—6).

Данныя третьяго и десятаго годичныхъ отчетовъ Commissioner of labour знакомятъ насъ со стачками и локкаутами, происходившими въ Соединенныхъ Штатахъ съ 1881 по 1894 годъ.

Въ продолженіе тринадцати съ половиной лѣтъ, съ 1881-го по 1894 годъ, въ Соединенныхъ Штатахъ было 14,390 стачекъ въ 69,167 заведеніяхъ; это даетъ среднимъ числомъ одну стачку на 4,8 заведенія. Разсмотримъ по годамъ прогрессивный ростъ стачекъ, число рабочихъ безъ занятій и число заведеній, въ которыхъ были стачки.

Года.	Абсолютныя числа стачекъ.	Измѣненіе числа стачекъ по отношенію къ наименьшему числу, принятому за 100.	Число заведеній.	Число рабочихъ, потерявшихъ заработокъ.
1881	471	106	2928	129521
1882	454	102	2105	154671
1883	478	107	2759	149763
1884	443	*100*	2367	147054
1885	645	145	2284	242705
1886	1432	323	10053	508044
1887	1436	324	6589	379726
1888	906	204	3506	147704
1889	1075	242	3786	249559
1890	1833	413	9424	351944
1891	1718	387	8117	299064
1892	1298	293	5540	206671
1893	1305	294	4555	265914
1894	896	202	5154	482066
	14390	—	69167	3714406

Наибольшее число стачекъ приходится на 1890 годъ, когда онѣ въ четыре раза превышаютъ 443,—наименьшее число стачекъ, по

отношенію къ которому мы разсматриваемъ прогрессивный ростъ ихъ *). Вмѣстѣ съ возрастаніемъ стачекъ возрастаетъ и число потерявшихъ заработокъ рабочихъ, хотя прямой зависимости между числомъ стачекъ и числомъ лишившихся заработка рабочихъ нѣтъ; такъ, наибольшее число послѣднихъ приходится на 1886 годъ, наибольшее же число стачекъ на 1890 годъ.

Наибольшее число стачекъ встрѣчается въ слѣдующихъ производствахъ:

Производства.	Число заведеній:	
	абсол. число.	въ проц.
Торговля строительнымъ матеріаломъ.	26860	43 %
Производство угля и кокса.	8018	12 %
Выдѣлка табаку	5465	8.8%
Приготовленіе одежды.	4769	7.6%
» пищев. продуктовъ . .	3817	6.1%

Локкауты, за тринадцать съ половиной лѣтъ, были въ шести производствахъ.

Производства.	Число заведеній, въ кот. были локк.:	
	абсол. число.	въ проц.
Торговля строевымъ матеріаломъ . .	2431	49.4%
Приготовленіе бѣлья	1204	24.5%
Ломка и граненіе камня.	513	10.4%
Приготовленіе обуви	285	5.7%
Приготовленіе табаку	277	5.6%
Добываніе металловъ и производство метал. вещей	204	4.1%

Какъ же отразились стачки и локкауты на рабочихъ? Мы уже видѣли, что благодаря стачкамъ 3,714.406 рабочихъ потеряли заработокъ, а благодаря локкаутамъ было выброшено за бортъ 366.690 рабочихъ.

Глядя на эти внушительныя цыфры, невольно задаешься мыслью: какъ же выходятъ изъ своего затруднительнаго положенія эти рабочіе? Лишившись своего заработка, куда обращаются они за помощью? Ущербъ рабочихъ, потерявшихъ заработокъ изъ-за стачекъ, равенъ за тринадцатилѣтній періодъ 163,807.866 $; локкауты нанесли ущербъ рабочимъ, на сумму 26,685.516 $; цыфра, въ которой выражается помощь рабочихъ организацій, поистинѣ ничтожна: въ первомъ случаѣ она равна 10,914.406 $, а во второмъ—2,524.298 $; по отношенію къ общей суммѣ потери рабочихъ, пострадавшихъ и во время стачекъ, и во время локкаутовъ, помощь организацій составляетъ

*) Пониженіе числа стачекъ въ 1894 году объясняется тѣмъ, что данныя взяты не за полный годъ, а за 6 мѣсяцевъ.

всего 7.05%. Стачки и локкауты приносятъ ущербъ не однимъ рабочимъ; страдаютъ отъ нихъ и хозяева, но въ значительно меньшей степени; за тринадцатилѣтній періодъ хозяева изъ-за стачекъ потеряли 82,590.386 $ (почти половину того, что потеряли рабочіе); изъ-за локкаутовъ за тотъ же періодъ хозяева потеряли 12,235.451 $, что составляетъ значительно меньше половины потери рабочихъ. Не безъинтересно отмѣтить, что средняя продолжительность стачекъ за тринадцатилѣтній періодъ равна 25.4 днямъ; она колеблется въ предѣлахъ между 12,8—37.8. Средняя же продолжительность локкаутовъ равна 47.6 днямъ, а предѣлы колебаній составляютъ: 18.7—105.0 дней. Очевидно, что столь значительная разница между средней продолжительностью стачекъ и локкаутовъ происходитъ вслѣдствіе большей матеріальной обезпеченности участниковъ локкаутовъ. Большая часть устраиваемыхъ стачекъ и локкаутовъ были руководимы организаціями; наибольшее число стачекъ, руководимыхъ организаціями, приходится на 1886 годъ и составляетъ 87.53%, а наименьшее на 1894 годъ и составляетъ 63.8%. Число руководимыхъ организаціями локкаутовъ колеблется между 11.11% и 84.89%.

Мотивами большинства стачекъ являются требованіе увеличенія рабочей платы или протестъ противъ ея пониженія. Второе мѣсто занимаютъ требованія уменьшенія рабочихъ часовъ. Къ какимъ же результатамъ въ концѣ концовъ привели стачки и локкауты за тринадцатилѣтній періодъ? Оказывается, что за весь этотъ періодъ было:

Удавшихся стачекъ въ	44.49%	общ. числа забаст. зав.
Удавшихся отчасти стачекъ въ .	11.25%	» » » »
Неудавшихся » » .	44.23%	» » » »
Удавшихся локкаутовъ было въ .	40 33%	общ. числа локкаут. зав.
Удавшихся отчасти » » .	9.58%	» » » »
Неудавшихся » » .	47.75%	» » » »

Данныя, касающіяся стачекъ и локкаутовъ, за 5 лѣтъ, съ 1889 по 1893 годъ, въ Соединенномъ Королевствѣ, мы можемъ почерпнуть въ годовыхъ отчетахъ департамента труда (Board of Trade). Въ Соединенныхъ Штатахъ стачки имѣли рѣзкую тенденцію къ повышенію; въ Соединенномъ Королевствѣ наблюдается какъ-разъ обратное: число стачекъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе понижается; лишь 1893 годъ составляетъ въ этомъ отношеніи исключеніе:

Года.	Абсолютн. числа стачекъ:	Принимая наим. чис. стач. за сто:
1889	1145	165
1890	1028	148
1891	893	129
1892	692	100
1893	768	110

То же стремленіе къ пониженію показываютъ и локкауты, и пожалуй, еще въ болѣе рѣзкой степени; причемъ и для локкаутовъ 1893 годъ составляетъ исключеніе.

Года.	Абсолютн. числа локкаутовъ:	Принимая нами число за сто:
1889	66	825
1890	12	150
1891	13	162
1892	8	*100*
1893	14	175

Всего за пятилѣтній періодъ стачекъ было 4.526. Изъ нихъ

удавшихся	40.1%
удавшихся отчасти	23.3%
неудавшихся	28.4%
стачекъ, которыхъ нѣтъ достаточн. свѣд . .	8.2%

Вопросы, касающіеся заработной платы, главнымъ образомъ—ея увеличенія, вызвали больше половины, а именно 59.5% всѣхъ стачекъ.

Въ 3428 стачкахъ, т. е. въ стачкахъ, о которыхъ есть точныя свѣдѣнія, число пострадавшихъ лицъ равно 1,852.193.

Изъ всего этого числа лицъ, пострадавшихъ въ

удавшихся стачкахъ, было	44 5%
въ удавшихся отчасти	32.9%
въ неудачныхъ стачкахъ	20.7%
въ стачкахъ, о кот. нѣтъ свѣдѣній	1.9%

Средняя продолжительность стачекъ за разсматриваемый нами періодъ равна 23.2 днямъ, съ колебаніями между 32.1 и 17.3 днями.

Число всѣхъ пострадавшихъ лицъ за періодъ отъ 1890—1893 годъ равно 1,653.626; почти половина пострадавшихъ лицъ, а именно 49.4% приходится на каменоломни и копи.

Наибольшее число стачекъ и локкаутовъ приходится на слѣдующія четыре производства:

Въ ткацкомъ производствѣ было .	20.4%	общ. числа
Въ металлич. » » .	18.4%	» »
Въ строител. » » .	17.1%	» »
Въ каменоломняхъ и копяхъ » .	14.5%	» »

Данныя относительно того, какимъ путемъ прекращались стачки, мы имѣемъ лишь за трехлѣтній періодъ отъ 1891 по 1893 годъ. Оказывается, что наибо́льшее число стачекъ прекратилось путемъ примиренія.

Путемъ обоюднаго примиренія.	50.8%	общ. ч.
Благодаря тому, что рабоч. покорились .	15.4%	» »
Благодаря тому, что рабочіе были возвращены на старыя мѣста	11.4%	» »

Данныя, касающіяся локкаутовъ, мы имѣемъ за трехлѣтній періодъ съ 1891 по 1893 годъ; за это время всего было 35 локкаутовъ, но свѣдѣнія касательно числа пострадавшихъ лицъ мы имѣемъ лишь для 33 локкаутовъ; въ 33 локкаутахъ пострадало всего 123.433 лица, что составляетъ 3740 человѣкъ на каждый локкаутъ, между тѣмъ на каждую стачку пострадавшихъ лицъ приходится всего 540 человѣкъ.

Средняя продолжительность локкаутовъ равна 35.6 днямъ, причемъ она не спускается ниже 31 и не поднимается выше 373 дней.

Разсмотримъ тѣ причины, по которымъ возбуждались локкауты за трехлѣтній періодъ.

Изъ-за измѣненія установленнаго порядка въ работѣ—сокращенія рабочаго дня и способовъ расплаты	40%
По поводу вопроса о пользованіи услугами рабочихъ, принадлежащихъ къ союзу, по поводу раб. платы, установляемой союзами . .	28%
Противъ увеличенія раб. платы и др. требов. .	17%
Изъ-за сокращенія рабочей платы.	11%
Съ цѣлью прекратить долго продолжающ. стачку	2.8%

Такъ какъ полныхъ данныхъ относительно потери рабочихъ во время стачекъ и локкаутовъ нѣтъ, то мы и оставляемъ этотъ вопросъ въ сторонѣ.

Въ Соединенныхъ Штатахъ стачки имѣли рѣзкую тенденцію къ повышенію, въ Соединенномъ Королевствѣ къ пониженію; во Франціи мы не замѣчаемъ ни того, ни другого. Данныя, касающіяся стачекъ во Франціи, мы имѣемъ за пятилѣтній періодъ съ 1890 по 1894 годъ (Office du travail, Statistique des grèves и Recours à la conciliation et à l'arbitrage survenus pendant l'année 1894). Число стачекъ за этотъ періодъ измѣнялось въ слѣдующемъ порядкѣ:

Года.	Абсолютныя числа стачекъ.	Принимая нами число за сто.
1890	313	119
1891	267	102
1892	261	*100*
1893	634	242
1894	391	149

Число стачекъ 1894 года превышаетъ число стачекъ, бывшихъ въ 1890 году, на самую незначительную величину.

За пятилѣтній періодъ съ 1890 по 1894 годъ:

	Проценты.	Абсолют. числа стачекъ.
Число удавшихся стачекъ	25.24%	471
Отчасти удавшихся	29.26%	546
Неудавшихся стачекъ	44.64%	833
Стачекъ, о кот. нѣтъ свѣдѣній . .	0.86%	16

За весь пятилѣтній періодъ было 1866 стачекъ въ 7698 заведеніяхъ съ 500.475 участниками; потеряно ими было всего за это время 5,156.480 дней, что составляетъ 2763 дня на каждую стачку.

Что касается мотивовъ стачекъ, то данныя имѣются лишь за 1894 годъ, въ которомъ было 448 стачекъ; изъ нихъ больше половины, а именно 57.8%, возбуждалось по поводу заработной платы, изъ-за увеличенія ея или противъ ея сокращенія.

Въ четырнадцати производствахъ изъ всего числа рабочихъ стачечниковъ среднимъ числомъ приходится 19.83 на тысячу. Большинство стачекъ было крайне непродолжительно; больше половины всѣхъ стачекъ, а именно 59.3%, длилось семь дней.

Стачки въ Италіи за пятнадцатилѣтній періодъ съ 1879 по 1893 годъ (Statistica degli Scioperi avvenuti nell' Industria e nell 'Agricoltura durante gli anni 1892 e 1893) имѣютъ рѣзко выраженную тенденцію къ возрастанію.

Года.	Стачки.	Наимен. число принят. за сто.	Число стачечн.	Среднее число стачечн. на стачку.	Стачки, объ участник. кот есть точныя свѣдѣнія.
1879	32	118	4011	143	28
1880	27	*100*	5900	227	26
1881	44	162	8272	212	39
1882	47	174	5854	130	45
1883	73	270	12900	193	67
1884	81	300	23967	296	81
1885	89	329	34166	397	86
1886	96	355	16951	177	96
1887	69	255	25027	368	68
1888	101	374	28974	203	99
1889	126	466	23322	187	125
1890	139	514	38402	289	133
1891	132	488	34733	271	128
1892	119	440	30800	263	177
1893	131	485	32109	253	127

Число стачекъ за 1893 годъ, какъ видно изъ этой таблицы, въ восемь разъ превышаетъ число стачекъ 1879 года. Число стачечниковъ, приходящихся на каждую стачку, колеблется въ предѣлахъ между 130 и 397. Мотивами стачекъ въ Италіи, такъ же какъ во Франціи, Великобританіи и Соединенныхъ Штатахъ, является, главнымъ образомъ, стремленіе къ увеличенію заработной платы или протестъ противъ ея сокращенія; стачки, вызванныя этими мотивами, составляютъ 57% всей суммы стачекъ, возбужденныхъ по различнымъ мотивамъ. Относительно успѣшности стачекъ мы можемъ судить по даннымъ, касающимся шестнадцатилѣтняго періода съ 1878 по 1893 годъ. Изъ общаго числа стачекъ, 1233, о которыхъ получены точныя свѣдѣнія, было:

Удавшихся	17.5%
Удавшихся отчасти	41.2%
Неудавшихся	41.2%

Если разсматривать, какъ измѣнялись по годамъ удавшіяся, удавшіяся отчасти и неудавшіяся стачки, то окажется:

Года:	Удавш:	Удавш. отчасти:	Неудав.	Общее число стачекъ:
1878—1891	15.9%	42.9%	41.0%	998
1892	21.0%	28.9%	50.0%	114
1893	28.0%	38 0%	33.0%	121

Какъ показываетъ таблица, процентъ удачныхъ стачекъ съ годами растетъ; процентъ удачныхъ отчасти и неудачныхъ сокращается, но менѣе правильно.

Свѣдѣнія относительно распредѣленія стачекъ по производствамъ крайне скудны; они касаются лишь 1892 и 1893 годовъ. Наибольшее число стачекъ было среди ткачей и рудокоповъ, а именно 34.4% въ 1892 году и 33.5% въ 1893 году общаго числа стачекъ приходится на ткачей, а на рудокоповъ—16.6% въ 1892 году и 14.5% въ 1893 году.

Свѣдѣнія касательно стачекъ въ Австріи (XI томъ Иностранныхъ Отчетовъ Британской Королевской Коммиссіи труда) относятся лишь къ 1891 и 1892 годамъ и полнотою не отличаются. Всѣхъ стачекъ за 1891 годъ было 104. Изъ 40486 рабочихъ, бывшихъ въ заведеніяхъ, о которыхъ есть свѣдѣнія, въ стачкахъ участвовало 14.025, что составляетъ 346 человѣкъ на тысячу. Причиною 67% всѣхъ стачекъ былъ вопросъ о заработной платѣ.

За увеличеніе заработной платы	52.8%
Противъ пониж. „ „	14.4%
По всѣмъ другимъ причинамъ.	32.6%

Распредѣляя стачки по ихъ успѣшности, видимъ, что за 1891 годъ было:

Удавшихся стачекъ	22.1%
Удавшихся отчасти.	25.0%
Неудавшихся	49.0%
Стачекъ, по кот. не было точныхъ свѣдѣній .	3.9%

За 1892 годъ всѣхъ стачекъ было 101. Изъ всего числа рабочихъ 24621 тѣхъ заведеній, о которыхъ имѣются свѣдѣнія, участвовало въ стачкахъ 14025, что составляетъ 569 человѣкъ на тысячу. Потерянныхъ дней было 150.992. Изъ всѣхъ стачекъ значительно больше половины было возбуждено по поводу заработной платы, а именно 66%.

За увеличеніе заработной платы	45 5%
Противъ сокр. „ „	20 7%
По остальнымъ причинамъ	33.5%

По степени успѣшности стачки распредѣляются такъ:

Удавшихся стачекъ было	25.7%
Удавшихся отчасти „	28.7%
Неудавшихся „	45.5%

Восьмой отчетъ Главнаго Комитета Швейцарской Рабочей Федераціи 1894 года содержитъ историческій обзоръ стачекъ, локкаутовъ и требованій рабочихъ, предъявленныхъ помимо стачекъ, за періодъ времени съ 1860 по 1894 годъ включительно. За этотъ періодъ требованій, предъявленныхъ рабочими помимо стачекъ, было 204. Изъ нихъ было:

Удовлетворенныхъ	55.3%
Удовлетворенныхъ отчасти	12.2%
Неудовлетворенныхъ	18.1%
Требованій, о кот. нѣтъ точныхъ свѣдѣній	14.2%

Стачекъ за весь 35-лѣтній періодъ было 306. Изъ нихъ было:

Удавшихся	52 6%
Удавшихся отчасти	11.4%
Неудавшихся	250%
Стачекъ, по которымъ нѣтъ свѣдѣній	110%

Локкаутовъ было за этотъ періодъ 10:

Удавшихся было	2
Неудавшихся	5
Локкаутовъ, о которыхъ нѣтъ свѣдѣній	3

Если разсматривать вмѣстѣ стачки и требованія, возбужденныя рабочими помимо стачекъ, изъ общаго числа 510—52.7% возбуждались по поводу заработной платы и 38.0% по поводу продолжительности рабочаго времени. Мы видимъ, что и въ Швейцаріи, какъ во всѣхъ остальныхъ разсмотрѣнныхъ нами странахъ, первое мѣсто между причинами, по которымъ возбуждались стачки и требованія, предъявленныя помимо стачекъ, занимаетъ вопросъ о заработной платѣ.

Число требованій, предъявленныхъ помимо стачекъ, относится какъ 40 къ 60; то, что требованія такъ часто предъявляются помимо стачекъ, чего мы не замѣчаемъ въ другихъ странахъ, можно объяснить образцовой организаціей рабочихъ союзовъ и дѣятельностью ихъ исполнительнаго комитета.

Если сравнить 1894 годъ съ 1860 годомъ, то увидимъ, что число стачекъ возросло въ одиннадцать разъ, а число требованій почти въ четыре раза.

Итакъ, въ Соединенныхъ Штатахъ, въ Италіи и Швейцаріи стачки имѣютъ тенденцію къ возрастанію; въ Соединенномъ Королевствѣ число стачекъ съ теченіемъ времени понижается, во Франціи же не замѣчается тенденціи ни къ повышенію, ни къ пониженію. Повсемѣстно больше половины всѣхъ бывшихъ стачекъ возбуждалось по поводу

заработной платы. Въ Соединенныхъ Штатахъ, Соединенномъ Королевствѣ и въ Швейцаріи было около половины удавшихся стачекъ, но во Франціи, Италіи и Австріи число удавшихся стачекъ колеблется между четвертью и пятой всѣхъ стачекъ, въ Италіи спускаясь до 17.5%; впрочемъ въ Италіи процентъ удавшихся стачекъ съ годами возрастаетъ.

СБОРНИКЪ

ПРАВОВѢДѢНІЯ

и

ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ЗНАНІЙ.

ТРУДЫ

ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА, СОСТОЯЩАГО ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ, И ЕГО СТАТИСТИЧЕСКАГО ОТДѢЛЕНІЯ.

8

ТОМЪ ВОСЬМОЙ.

МОСКВА.
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА
ЛЕОНТЬЕВСКІЙ ПЕР., Д. МАМОНТОВА.
1898

ОГЛАВЛЕНІЕ VIII ТОМА.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Московское Юридическое Общество, озабочиваясь печатаніемъ своихъ протоколовъ и другихъ работъ Общества, его Статистическаго Отдѣленія и Коммиссій и признавая вмѣстѣ съ тѣмъ, что Общество призвано, въ предѣлахъ доступныхъ ему средствъ, содѣйствовать печатанію работъ своихъ членовъ, въ годовомъ засѣданіи своемъ 18 февраля 1893 года постановило издавать, начиная съ 1893 года, Сборникъ, подъ заглавіемъ: „Сборникъ правовѣдѣнія и общественныхъ знаній". Сборникъ этотъ выходитъ въ свѣтъ отдѣльными томами по мѣрѣ накопленія матеріала, одинъ или два раза въ годъ. Въ Сборникѣ помѣщаются какъ работы членовъ Московскаго Юридическаго Общества по предметамъ, входящимъ въ кругъ преподаванія на юридическихъ факультетахъ, такъ и труды самого Общества, выражающіеся въ протоколахъ засѣданій Общества, его Отдѣленія и Коммиссій, въ составляемыхъ имъ по разнымъ предметамъ проектахъ и заключеніяхъ и т. п.

Въ настоящее время, во исполненіе изложеннаго постановленія, выпускается въ свѣтъ восьмой томъ Сборника.

СПЕЦІАЛЬНОЕ НАЗНАЧЕНІЕ СУДЕЙ И СУДЕБНАЯ ГРАМОТА ВЪ ДРЕВНЕМЪ РУССКОМЪ ПРОЦЕССѢ *).

(Сравнительный очеркъ).

Большинство дошедшихъ до насъ процессовъ отъ 15 до 17 в. отмѣчаютъ тотъ фактъ, что судья или судьи (имя рекъ) судили по вел. князя слову [1]), по грамотѣ вел. князя Ивана Васильевича [2]), по приказу государя [3]), по цареву и в. князя слову и по наказному списку [4]), по государеву указу [5]). Тѣ же выраженія сопровождаютъ текстъ постановленія судьи, которому дѣло шло въ докладъ: „и по великаго князя слову Ивана Васильевича всея Русіи князь Данило Александровичъ (которому дѣло было взнесено на докладъ) велѣлъ судьямъ и т. д.“ [6]), а также текстъ приговора судьи первой инстанціи [7]). Для объясненія

---

*) Читано въ засѣданіи М Ю. Общества 27 января 1897 г.

1) Акты до юр. б. Калачева № 52, 4, 7, Федотовъ-Чеховской, Акты, относящіеся до гражданской расправы, I, №№ 16, 19, 24, 25, 31, 63, Собраніе историческ. актовъ И. Д. Бѣляева - Лебедева, № 15, по великого князя слову Ивана Васильевича всея Руси, сіи судъ судилъ князь Иванъ Юрьевичъ и мног. друг.

2) Мейчикъ, грамоты 14 и 15 в., Приложенія III_3, А. до юр. б. № 52II, по гсдаря своего грамотѣ великого княз Ивана Васильевича сии судъ судилъ Иванъ Харламовъ, Фед. Чех. I, №№ 33, 65, Лихачевъ. Сборникъ актовъ 1895 г., вып. II, правыя грамоты №№ 2, 3, 4, 7, 8, 9 по государевымъ грамотамъ и друг.

3) Сборн. Лихач., II, № 6.

4) Фед. Чех. I, № 70, стр. 151, срв. ibid. № 64 по наказу.

5) Русск. историч. библіот., томъ 14, Акты Холмогорской и Устюжской епархіи, томъ II, стр. 919.

6) Фед. Чех. I, № 7, срв. ibid. №№ 13, 21, 22, 26, 41, 53 etc., А. Юрид. №№ 5, 6, 11; по имянному Нашему указу Фед. Чех. II, № 134, р. 346.

7) Фед. Чех. I, №№ 7, 13, 19, 21—26, 41, 45, 49 etc., Ак. Юрид. №№ 4—7, 9, 11, 13, 14, Фед. Чех. II, № 55, стр. 85: по В. князя слову... и по докладу

означенныхъ выраженій приведемъ слѣдующіе тексты: били намъ (царю) челомъ... Шубины... на Григорья да на Ѳедора... да на ихъ людей... и сказываютъ: что деи пашутъ они у нихъ сильно... двѣ обжи: и мы (царь)... о томъ писали къ боярину своему и намѣстнику ко князю... Курлятеву и къ дьякамъ, и по нашей деи грамотѣ князь Д. Курлятевъ, и діяки въ томъ дѣлѣ ихъ съ ними судили [8]), и тотъ... дьяконъ Иванъ билъ челомъ... архіепископу Пимену и тебѣ, боярину и намѣстнику нашему на ту старицу Е... въ томъ своемъ убыткѣ о управѣ, и вы деи ему безъ нашіе грамоты управы на нихъ не дали [9]). Повидимому производство суда въ древней Руси сопровождалось посланіемъ какой-то грамоты къ судьѣ по данному процессу со стороны представителей высшей власти; иногда отсутствіе такой грамоты препятствовало даванію суда по данному дѣлу, и къ ней-то относятся нѣкоторыя изъ вышеприведенныхъ выраженій: грамота, наказной списокъ. Для объясненія другихъ вышеприведенныхъ выраженій приведемъ нѣсколько мѣстъ, указывающихъ на то, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ князь не судилъ лично самъ, а приказывалъ дать судъ какому-либо другому лицу, чаще всего зависимому отъ него оффиціальному лицу. Такихъ мѣстъ множество, и онѣ восходятъ ко времени болѣе раннему, чѣмъ до насъ дошли процессы. Такъ мы читаемъ: и царь... велѣлъ про тотъ бой и грабежъ и про землю... обыскати князю... Ростовскому... да подъячему Макарову: на чьей землѣ починокъ П. стоялъ и хто зжегъ; и дву Никитъ да Федоровы люди монастырскихъ слугъ и крестьянъ бивали ль и грабливали ль и людей ихъ къ себѣ сваживали ль? да хто что про все то скажетъ и Царь... велѣлъ то все на списокъ писати да велѣлъ тотъ списокъ и чертежъ передъ собою положити. И лѣта 7063-го передъ Царемъ... князь... Ростовской да подъячей... Макаровъ положили суда своего судной и обыскной списокъ... и въ списку пишетъ... по Цареву... слову и по наказному списку, ставъ передъ судьями... тягалися.... Троицкіе Сергіева монастыря

боярина Кубенскаго, писцы Бѣлозерскіе... оправили и т. д., № 75, стр. 215: и по цареву наказу... и по приговору боярина... Яковлева Нижегородскіе писцы... оправили, № 104, стр. 356: и по нашему указу, Ак. Юрид. № 25: и по государеву указу, Фед. Чех. I, № 67, стр. 142, по цареву приказу, срв. А. Ю. № 3, стр. 6.

[8]) Дополн. къ Акт. Историч., I, № 51_3.

[9]) Ibid., № 51_{12}; срв. и я И. билъ челомъ твоимъ государевымъ воеводамъ... о сыску, чтобы пожаловали государя моего крестьянину сыскавъ зипуны велѣли отдать. И князю О... съ товарищи приказали сыскать про государя моего крестьянина грабежъ сотнику стрѣлецкому Б. Арх. Эксп., I, № 142, 1609.

слуги... съ Кудашомъ [10]), се били челомъ царю... дѣти боярскіе (имя реки)... на окольничаго Квашнина. Приказалъ казначеямъ своимъ... Головину да Сукину, а велѣлъ ихъ съ Квашнинымъ судить, да себѣ сказать [11]) билъ челомъ Царю... слуга монастырской... Кунеевъ на... княжъ Семеновыхъ людей... и Царь... меня архимандрита з братіею пожаловалъ далъ намъ грамоту ко Якову... Наумова и велѣлъ нашего слугу въ ихъ грабежу... съ княжъ Семеновыми людми... судити [12]), — цитаты относятся къ XVI в. [13]). Подобныя указанія находятся въ Судебникѣ и Уложеніи: а государю и боярамъ и всѣмъ приказнымъ людямъ по ищеину челобитью судіи на землю не посылати [14]), а судити ихъ (стороны) иному судьѣ, кому Государь укажетъ [15]). Такое приказаніе высшей власти произвести судъ и расправу иногда называется даваніемъ судьи: что князь Борисъ Васильевичъ присылалъ къ Вел. кн. Ивану Вас. да и суда просилъ и князь Велики и судью далъ [16]); соотвѣтственно этому говорится, что стороны взяли себѣ судей, напр. Игуменъ І. билъ челомъ государю... на М. о земляхъ... да и судьи... у великаго князя взялъ В. Кайсарова да В. Выповскаго [17]), откуда терминъ данные судьи: и мы

---

10) Фед. Чех., I, № 70, стр. 151.

11) Ibid., № 74, стр. 201.

12) Ibid., № 78, стр. 220.

13) Срв. А до Юр. б. Калачева, № 52—4, стр. 178: и князь велики... меня приказалъ разслушати князю Палецкому, Акты Бѣляева, № 116, Историко-Юридич. матерьялы Москов. архива, указная книга помѣстнаго приказа, VI, 72, стр. 88: и по государеву указу то дѣло—идетъ рѣчь о судебномъ производствѣ—велено вѣдать боярину князю... Мезетцкому да дьяку... Переносову, Фед. Чех. I, № 94, стр. 264: и... святѣйшій Филаретъ Патріархъ Московскій... выслушавъ челобитные указалъ крайчему своему... Биркину да діаку Шипулину... судить и сыски всякими сыскать, № 97, стр. 298: патріархъ указалъ въ тѣхъ рыбныхъ ловляхъ дати на Троетцкихъ властей судъ, № 99, стр. 315, Фед. Чех. II, № 134, стр. 315—316, № 139, стр. 372—373, доп. къ Акт. Ист. I, № 157, стр. 275.

14) Суд., II, ст. 84, срв. ст. 100, срв. собраніе Госуд. грам. и догов., I, № 33: а ударитъ ми челомъ Москвитинъ на Москвитина... а послати ми къ своимъ Намѣстникомъ, ини исправу учинятъ, договоръ 1388 г.

15) Улож. X_3, срв. XX, 80.

16) Собр. Госуд. Гр. и Д., I, № 117, 1483 г., межевое производство, Акт. Бѣляева, V, 3, межевой процессъ 1467 — 1474 г., срв. мѣста въ А до Юр... б. № 53п, 1507 г., Фед. Чех. I, №№ 33, 44, цитованныя ниже, также Фед. Чех. I, 37, 55, стр. 78, №№ 56, 67, стр. 134—135, № 71, стр. 165, Акты Юрид. №№ 155, 269, Акты Лихачева, II, № 9, стр. 183, 186, № 12, стр. 230.

17) А до Юр. б. № 70 г. 1498 — 1499, срв. Ак. Юрид. № 154, Ак. Лихач. II, № 12, стр. 229, Мейчикъ, IV, 5; доп. къ Ак. Истор. I, № 51, I, 15, А. Арх. эксп. I, № 209; срв. Псков. суды грам. ст. 10 по хрестоматіи Влад. Буданова: а исца оба возмутъ межниковъ.

били челомъ тебѣ о судьяхъ и пожаловалъ еси Государь далъ намъ судей... Языкова да Жукова... были же у насъ судьи даные... Языковъ... да Жуковъ [18]). Приведенные мѣста не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что значатъ вышеуказанные термины: по слову, по приказу, по наказу, по указу; термины эти показываютъ, что въ означенныхъ случаяхъ судъ низшаго судьи возбуждался волею высшей власти [19]). Вышеприведенныя цитаты указываютъ также на процедуру, сопровождавшую даванiе таковыхъ приказовъ о судѣ и назначенiе судей. Стороны являются передъ носителемъ высшей власти, словесно излагаютъ ему свои жалобы или же приносятъ письменныя челобитныя, просятъ его о судѣ и о даванiи судей, въ отвѣтъ на что и получаютъ судью [20]); даванiе судьи сопровождается даванiемъ грамоты къ этому судьѣ, о которой стороны также бьютъ челомъ высшему судьѣ [21]). Прося себѣ судью, стороны часто указывали на опредѣленныхъ лицъ, коихъ они желали взять себѣ въ судьи: билъ мнѣ (т. е. царю) челомъ... Тененевъ о судьяхъ... на тѣ земли... о Козлове да о тобе о Шемяте (имена судей); и язъ къ вамъ и грамоту велѣлъ послати [22]), при чемъ на каждую сторону дается по одному или по нѣсколько судей [23]). Тотъ и другой порядокъ, именно множественность судей и назначенiе ихъ по указанiю сторонъ, придающiй судьямъ третейскiй характеръ, отмѣняется

---

[18]) Фед. Чех. I, № 67, стр. 134—135, Ак. Юрид. № 155, Ак. Лихачева II, № 12, стр. 230.

[19]) Особенно это видно въ вышецитованныхъ Фед. Чех. I, № 70, стр. 151, № 94, стр. 264, см. выше текстъ, который продолжается такъ: и по указу... Филарета... краичей Иванъ Васильевичъ, да дьякъ Шипулинъ велѣли и т. д., Указн. книга Помѣстн. прак. VI, 72, текстъ приведенъ выше.

[20]) Срв. вышецитованное С. Госуд. Гр. и Д., I, № 117, А до Юр. б. №№ 53п, 70, Фед. Чех. I, № 67, Судебн. 2 ст. 84.

[21]) Фед. Чех. I, 78, 70, Акты Лихачева II, № 12, стр. 228: и мы на нихъ били челомъ... государю и грамоту судимую и обыскную на нихъ свезли тебѣ Василью Петровичу т. е. судьѣ, какъ въ цитованной выше А до юр. б. № 53п, сторона проситъ у высшей власти судью на своего противника, срв. Ак. Холмогор. II, № 75, стр. 144: Корельского монастыря старцы ѣздили къ Москвѣ бити челомъ государю о грамотѣ на меня ко государеву воеводѣ... Вяземскому, Сборн. Лихачева II, № 9, стр. 186: мы Облязу т. е. отвѣтчику о томъ починкѣ не молчяли, какъ... учялъ у насъ пахать сильно, и мы... били челомъ государю и государь насъ пожаловалъ: далъ намъ грамоты къ вамъ судьямъ, ibid. духовн., стр. 93 внизу, Фед. Чех. I, № 86, стр. 145.

[22]) Фед. Чех. I, № 62, обиженные взявшею ихъ стороною судьи говорятъ: а они жъ... о насъ били челомъ государю и судьями насъ взяли, Ак. Лихачева, № 12, стр. 229.

[23]) Срв. вышецитованную А до Юр. б. № 53п, Фед. Чех. I, №№ 61, 62.

вторымъ Судебникомъ [24]). Въ одномъ процессѣ высшій судья обращается къ сторонѣ съ вопросомъ: и судья вамъ на ту землю надобѣ ли?, при чемъ получаетъ въ отвѣтъ: а на землю, Г-рь, дай намъ судью [25]). Въ процессѣ 1529 г. правитель даетъ обѣщаніе бьющей челомъ сторонѣ дать судью: и государь... ялся намъ судеи дати и далъ намъ... на ту землю васъ судеи [26]). Даваніе судей и грамоты сопровождается иногда длиннымъ производствомъ въ формѣ состязательнаго производства. Такого рода предварительное производство мы имѣемъ въ слѣдующемъ случаѣ. Зависимые люди нѣкихъ Чулковыхъ обвиняютъ Троицкихъ слугъ и крестьянъ въ насильственномъ завладѣніи землей и въ грабежѣ и предъявляютъ на нихъ жалобницу Царю. Послѣдній формально призываетъ къ отвѣту Троицкихъ слугъ и крестьянъ („отвѣчай“) [27]) и по разъясненіи вопроса, кто за кого отвѣчаетъ, требуетъ доказательствъ у истцовъ („чѣмъ ты ихъ въ томъ уличаешь?“) и когда послѣдніе указали на свои доказательства и процессуальныя средства, спрашиваетъ отвѣтчиковъ, принимаютъ ли они предложенныя противной стороной доказательства, на что отвѣтчики даютъ отчасти утвердительный отвѣтъ, отчасти предъявляютъ отводы. Послѣ этого отвѣтчики предъявляютъ встрѣчный искъ въ грабежѣ и насиліи, и Царь повторяетъ процедуру, пройденную по поводу перваго иска. И только послѣ этого Царь даетъ судей и наказъ судьямъ обыскать это дѣло, при чемъ наказъ предлагается въ видѣ ряда пунктовъ (цитованныхъ выше) [28]). Въ другомъ случаѣ наказная грамота посылается послѣ обоюднаго челобитья сторонъ, послѣ сыска, вызваннаго челобитьемъ, и послѣ того, какъ уже были отправлены къ разнымъ судьямъ наказы по тому же дѣлу [29]). Тѣмъ не менѣе придавать означенной предварительной процедурѣ [30]) значеніе установленія процессуальнаго отношенія, видѣть въ ней litiscontestatio было бы рискованно, ибо, какъ мы видимъ въ томъ же процессѣ, судьи, назначенные царемъ для разсмотрѣнія предъявленныхъ исковъ, вновь, хотя въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, повторяютъ всю процедуру (призывъ къ

---

[24]) Ст. 84. [25]) Фед. Чех. I, № 70, стр. 149, 151.

[26]) Акты Лихачева, II, № 7, стр. 165.

[27]) Срв. объ этомъ Сборникъ Правовѣдѣнія, томъ V, стр. 7—8.

[28]) Фед. Чех. 1, № 70, стр. 147—151, № 37, 44 цитовано ниже; срв. Фед. Чех. I, № 79: и данную... на деревню передъ нами старецъ Н. т. е. истецъ клалъ; подобное производство находится у Фед. Чех. I, № 107, стр. 373—374.

[29]) Ак. Арх. Эксп. III, № 144, 1613 г.

[30]) Фед. Чех. I, № 70, Ак. Арх. Эксп., III, № 144 и другія вышеприведенныя мѣста.

отвѣту, спросъ о доказательствахъ и т. д.) [31]). Скорѣе всего вся эта процедура, гдѣ стороны въ формѣ состязательнаго производства предъявляютъ свои жалобы и возраженія, приводятъ доказательства и отводы противъ послѣднихъ, просятъ суда, судей и судебной грамоты, является подготовительной стадіей съ административнымъ характеромъ (о чемъ ниже) и служитъ къ тому, чтобы дать князю матерьялъ для составленія судебной грамоты. За подготовительный характеръ этого производства говоритъ то, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ даваніе судьи и грамоты прямо безъ всякаго судоговоренія происходило въ отвѣтъ на челобитную одной стороны [32]), что назначенные для даннаго процесса судьи всегда начинаютъ производство съ призванія къ отвѣту обвиняемаго, съ призванія, съ котораго и начинался собственный процессъ. Остановимся нѣсколько подробнѣе на этомъ призваніи къ отвѣту. Древнерусскій процессъ XV, XVI и до XVII в., происходитъ ли онъ передъ даннымъ судьею или передъ всякимъ другимъ (въ тѣхъ случаяхъ когда все производство проходило въ одной инстанціи, безъ участія высшей власти), начинается съ призванія отвѣтчика къ отвѣту и съ опроверженія отвѣтчикомъ пунктовъ, выставленныхъ противъ него истцомъ. Иллюстрируемъ эту процедуру процессомъ половины XVI в. Передъ воеводою Васильемъ Головинымъ ищетъ старецъ Дудина монастыря Митрофанъ на Арбузовыхъ и ихъ людяхъ. Пункты обвиненія слѣдующіе: 1) „пріѣхали, господине, на ту деревню (на монастырскую деревню Семиху) Ильины дѣти“ и т. д. 2) „и пріѣхав, господине, на монастырской дворъ, да меня Митрофана... били и грабили... и дьяка монастырского и слуг и крестьян и крестьянок били и грабили“ (какъ и другихъ лицъ, бывшихъ при этомъ) 3) „да из тое, господине, деревни пріѣхали въ другую деревню манастырскую, да крестьянъ, господине, манастырских и крестьянок били и грабили, а иных крестьянок соромотили и силу надъ ними чинили“. Слѣдуетъ призывъ къ отвѣту „и Василей (судья) спросилъ Шелехмета и его товарыщев (отвѣтчиковъ): отвечяйте“. Слѣдуетъ отвѣтъ и опроверженіе истцовыхъ пунктовъ, одного за другимъ, „и Шелехмет и его товарыщи тако ркли: *отвѣчаем* господине за собя... 1) (опроверженіе перваго пункта истцовой жалобы) въ манастырские, господине, деревни... мы не пріѣжживали силно 2) (опроверженіе втораго

---

[31]) Ibid., стр. 151—160.

[32]) Срв. Фед. Чех. I, №№ 38, 60, 94, стр. 264, дополн. къ Ак. Истор. I, № 51, 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, № 51, 9, 10 etc.

пункта) и на монастырском дворѣ старцев Митрофана... и дьяка манастырского и слуг и крестьян и крестьянокъ... не бивали не грабливали 3) (опроверженіе третьяго пункта) и крестьянок не соромачивали и силы над ними не чинивали, 4) (опроверженіе всей истцовой жалобы) ни знаем, ни вѣдаем, тѣм нас клеплют". Между отвѣтомъ и жалобой замѣчается параллелизмъ, формула нападенія и формула защиты соотвѣтствуютъ другъ другу не только въ чередованіи пунктовъ, но и въ отдѣльныхъ выраженіяхъ, которыя почти тѣ же въ жалобѣ и въ отвѣтѣ, „слово противу слова" Русской Правды [32a]). Этотъ моментъ древне-русскаго процесса, символически изображающій борьбу сторонъ, соотвѣтствуетъ древнегерманскому моменту, обозначающемуся выраженіемъ Klage и Antwort и также отличающемуся строгимъ формализмомъ и параллелизмомъ, а также имѣетъ аналогіи въ древне-римскомъ производствѣ in jure (напр. древнія виндикоціонныя формулы); и съ него то, вѣроятно, начинались въдревнерусскомъ процессѣ матерьяльныя и процессуальныя послѣдствія для иска, какъ въ римскомъ процессѣ послѣ litis contestatio. Судебная грамота часто вручалась высшимъ судьей сторонамъ въ руки, и они уже доставляли ее низшему судьѣ [33]). но нерѣдко она непосредственно пересылалась высшимъ судьею судьѣ, компетентному по данному процессу [34]). Иногда низшій судья получалъ нѣсколько такихъ наказовъ по одному и тому же дѣлу отъ стоящихъ надъ нимъ инстанцій, какъ, напр., Новгородскій владыка Геннадій получилъ въ процессѣ о еретикахъ одну грамоту отъ великаго князя, а другую отъ митрополита, послѣ того, какъ процессъ уже прошелъ нѣсколько стадій [35]). По назначеніи высшей властью судьи, стороны являются къ послѣд-

---

[32a]) Ак. Лихач., II, № 12, стр. 225—227, другіе примѣры таковой процедуры ibid. II, № 6, стр. 139—141, № 10, стр. 198, № 11, стр. 212, доп. къ А. И., I, № 157, Ѳед. Чех. I, № 45, стр. 49, А. Ю. №№ 17, 22, срв. также Ак. Лихач., II, №№ 1, 2, 4, 7 и мног. друг.

[33]) Срв. вышецитованную грам. въ Акты Лихач., II, № 12, стр. 228, Акты Холмогор. II, стр. 817, 832, А. до Юрид. быта № 155ii: что на насъ билъ челомъ государю... старецъ С... и грамоту государеву судную и межевую свезъ въ Нижней Новгородъ къ воеводѣ Оксакову; иногда указъ высшей власти о судѣ по данному дѣлу надписывался на исковой челобитной, срв. Фед. Чех. I, № 97, стр. 298, № 98, стр. 308, Ак. холмог. II, № 301, стр. 674, Акты до Юрид. быта, № 370v.

[34]) Срв. вышецитован. допол. къ Ак. истор. I, № 51v, Фед. Чех. I, № 62, Ак. Холм. II, № 32, стр. 921: и по твоему, государь, указу прислана твоя государева грамота на Устюгъ.

[35]) Арх. Эксп., I, № 380, 1490 г.

нему и на основаніи даннаго выше приказа просятъ его учинить судъ, причемъ слова сторонъ имѣютъ характеръ формулы подобно древне-салической формулѣ tangano, обращенной къ судящей общинѣ [36]): ставъ передъ судьями... арханьильской протопопъ Михайло да попъ Иванъ... а ркучи... били есмя, господине, (обращаясь къ судьѣ) челомъ великому князю, а просили у него судьи язъ, господине, протопопъ М. да попъ И... на анхимарита Ѳ. и князь велики, господине, намъ далъ на ту землю судью тебя Юрья Безобразова (противная сторона повторяетъ тѣ же слова къ своему судьѣ) [36]), став передъ Матфеемъ... тако рекъ Облязъ: билъ есми челомъ... князю Андрею Ив. на того... Л... вступается у насъ въ землю И... а называетъ... ту землю своею землею... и Г-рь Князь Андрей Ивановичъ далъ намъ на ту землю тебя Матфея судьею и розъѣщика [38]), ставъ передъ судьями... тако ркли... Кокора да Митинъ (т. е. стороны) что г-не, судьи, государи наши били челомъ... В. князю о судьяхъ на спорную землю и... князь. В. далъ судьею г-рю моему Володимеру тебя... Копытова, а... Ѳедку Дмитрееву... тобя Руготина [39]).

Наиболѣе ранніе случаи такого отряженія судей мы находимъ въ столь распространенныхъ въ древнѣйшее время межевыхъ процессахъ, имѣющихъ однако всѣ признаки гражданскаго процесса: такъ уже въ Псков. грамотѣ мы встрѣчаемъ въ земельныхъ процессахъ межниковъ, коихъ берутъ стороны для размежеванія: а исца оба возмутъ межниковъ [40]). Можетъ быть уже въ Русской Правдѣ мы имѣемъ такое отряженіе судьи на процессъ съ дивизорнымъ характеромъ въ ст. 117 (по Карамз. см.): аще братиа растяжоутся предъ княземъ о задници, то которыи дѣтьскыи идеть ихъ дѣлити, тому взяти гривна кунъ. И въ послѣдующее время мы находимъ массу отряженій судей на межевые процессы [41]). Назначеніе судей на производство

---

36) Brunner Deutsche Rechtsgeschichte, II, § 101, стр. 355.

37) А. до Юр. б., № 53II.

38) Фед. Чех., I, № 33.

39) Ibid., № 44, стр. 45; о формализмѣ и о судебныхъ формулахъ въ древнерусскомъ процессѣ см. мою статью въ Сборн. Правовѣд., томъ V, стр. 1—12.

40) Хрестомат. Владимір. Буданова, вып. I, ст. 10, срв. для XV вѣка, Мейчикъ приложенія $IV_{1,3}$, V_3: се билъ челомъ князе Андрею Васильевич старецъ... П... а ркучи: дай намъ гне своего дозорщика и розѣжщика, чтобы г-не розѣхалъ твои земли отъ нашихъ земль, Новгород. Судн. грам.: а кой посадникъ, межника давъ, у Влад. Будан., ст. 28; Ак. Юрид. №№ 140, 141 etc., А. до Юр. б. № 307I, Мейч. IV_1, съ докладомъ.

41) Для XVI в. см. Ак. Юрид. №№ 151, 152, А. до Юрид. б. № 307, IV, V, VII, Ѳ. Чех. I, №№ 50, 76 etc.

суммарнаго свойства съ исполнительнымъ или инымъ характеромъ также нерѣдко встрѣчаются въ нашихъ памятникахъ [42]) и восходитъ къ 13 в. [43]). Что же касается до даванія судей въ спорномъ производствѣ несуммарнаго характера (о межевыхъ процессахъ мы говорили выше), то свѣдѣнія о немъ восходятъ къ 15 в. [44]) и можетъ быть уже заключаются въ Псков. судн. грам.: а которому псковитину імать грамота оу князя и оу по... о своемъ дѣлѣ за рубежъ; и отъ той грамотѣ княжому писцу взять денга; а печатная деньга [45]). Мы уже не говоримъ о назначеніяхъ разныхъ лиоъ на производства охранительнаго порядка или же на какія-либо дѣйствія, составляющія часть процесса, напр., на исполненіе приговора, представленіе отвѣтчика въ судъ, отдѣльные обыски и досмотры; такихъ назначеній компетентныхъ для этого лицъ, также сопровождающихся даваніемъ грамотъ (обыскныхъ, отказныхъ etc.), встрѣчается множество въ нашемъ древнемъ процессѣ. Вообще жс мы въ данномъ очеркѣ разсматривали и будемъ разсматривать назначеніе судей и даваніе судебной грамоты только тогда, когда то и другое относится къ состязателъному процессу, полному или сокращенному въ его цѣломъ, а не къ части процесса. Отмѣтимъ только одинъ любопытный случай назначенія судьи не на процессъ въ его цѣломъ. Такъ иногда высшій судья приказывалъ низшему, до сихъ поръ неимѣвшему никакого отношенія къ данному процессу, произнести приговоръ; такъ въ одномъ процессѣ XVI в., послѣ того какъ судьи стали къ докладу передъ Царемъ „и Царь и В. Князь сего списку и обыску слушалъ и чертежу смотрилъ и приказалъ Околничему... Салтыкову (судьями же собственно были писцы Лодыгинъ и Гиреевъ съ товарищами) ищею... оправити а отвѣтчиковъ... обинити. И по Царя... приказу Околничей .. Салтыковъ... велѣлъ писцомъ... Лодыгину... съ товарищы... ищею... оправити, а отвѣтчиковъ... обинити [46]).

Среди назначенныхъ ad hoc судей выдѣляются въ земель-

---

[42]) Для XV в. см. Мейчикъ III, для XVI—Ѳед. Чех. I, № 79, доп. къ Ак. Историч. I, № $51_{2, 3}$.

[43]) Срв. догов. Смолен. кн. съ Ригой 1229 г., ст. 21, текстъ подтвердительнаго договора: аже боудѣть Смольняниноу Немьчичь дължьнъ въ Ризѣ... правити емоу, поемъши дѣтьскыи оу соудье, Владимір. Будан., вып. I-й, стр. 104, прим. 28, просити дѣтского оу тиоуна... а не исправить за 8 днии товара etc, ст. 21 Смолен. договора.

[44]) Мейчикъ, $III_{2, 3}$, Акт. до Юрид. б. № 52II, Ак. Юрид. №№ 5, 6, Акты Бѣляева, № 15.

[45]) Ст. 83 по Владимір. Будан.

[46]) Ѳед. Чех., I, № 67, стр. 142, № 75, стр. 215.

ныхъ процессахъ, какъ мы говорили выше, судьи съ третейскимъ характеромъ. Это судьи, даваемые высшей инстанціей для·земельныхъ процессовъ по одному или по нѣсколько на каждую сторону, по выбору послѣдней, судьи, которые имѣютъ себѣ предшественниковъ въ межникахъ Псковской грамоты [47]) и которые отмѣняются вторымъ Судебникомъ [48]).

Изображаемый нами порядокъ битья челомъ великому князю или Царю о даваніи судей и слѣдуемаго за этимъ отряженія судей и посланія судебной грамоты оставилъ послѣ себя слѣды въ разнаго рода формальностяхъ, уже давно переставши существовать реально. Истцы продолжаютъ подавать челобитныя на имя Государя, хотя и прямо въ руки низшимъ судьямъ, судьи продолжаютъ приговаривать по указу Государя, хотя о реальномъ вмѣшательствѣ въ процессъ нѣтъ и помину: такъ еще „лѣта 7143 г. авг... билъ челомъ государю царю... Михайло Өеод... крестьянинъ... М. и челобитную онъ подалъ... земскому судейкѣ Васильеву, а въ челобитной его пишетъ (слѣдуетъ текстъ челобитной)". Затѣмъ у земскаго судейкѣ слѣдуетъ судоговореніе, въ которомъ о какомъ-либо участіи Царя нѣтъ и рѣчи, и произносится приговоръ, гласящій такъ: „лѣта 7144 г. окт... по государеву... указу земской судейка Васильевъ... съ цѣловалники... оправили" [49]). Черезъ весь 18 вѣкъ и вплоть до новыхъ Судебныхъ Уставовъ прошенія пишутся на имя Государя, при чемъ употребляются такія выраженія, какъ: и дабы Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества указомъ повелѣно было... а въ окончаніи: Всемилостивѣйшій Государь, прошу Вашего Импер. Вел. о семъ моемъ прошеніи рѣшеніе учинить [50]), а судебные приговоры и до нашихъ дней пишутся отъ имени Императорскаго Величества [51]), „по указу Его Императорскаго Величества". Подобную привычку судей ссылаться на имя Государево имѣетъ, вѣроятно, въ виду указъ сент. 26, 1663 г.,

---

[47]) Ст. 10.

[48]) Ст. 84, срв. Өед. Чех., I, № 107 къ половинѣ XVII в., стр. 374—375, гдѣ *излюбленные* сторонами *люди, излюбленные ихъ третьие* исполняютъ въ процессѣ функціи старыхъ межниковъ—къ половинѣ XVII в.

[49]) А. до Юр. б., № 277, срв. подобные же процессы въ А. до Юр. б., № 104, стр. 643, 1646 г., № 155, 1694 г., Арх. Эксп., III, № 78, 1616 г., Ак. Холмог., II, № 10, стр. 837, 1615 — 1616 г., № 24, стр. 874, для XVI в. Ак. Юрид. № 24.

[50]) Михайловъ, Русск. Граждан. Судопроизвод. отъ Улож., стр. 94—95, Малышевъ, Курсъ Гражд. Судопроизв., I, стр. 261.

[51]) Уст. Уголовн. Судопроизвод. ст. 796, срв. Линовскій, Опытъ историч. изысканій о слѣдствен. судопроизвод., стр. 212—214.

гдѣ губной староста и губной дьякъ подвергаются сильнымъ наказаніямъ за то, что первый „въ отпискѣ своей Великаго Государя именованье прописалъ“, а второй за то, что „ту отписку читалъ передъ Разбойнымъ приказомъ“ [52]). Формальность составленія прошеній на имя Государя и приговоровъ отъ имени Государя (по указу etc.) есть по нашему мнѣнію явленіе позднѣйшее, переживаніе раньше существовавшаго порядка даванія судей высшей власти и посыланія указовъ къ этимъ послѣднимъ. По крайней мѣрѣ въ болѣе раннія времена подобныя ссылки на имя Государя, какъ мы думаемъ, были въ связи съ реальнымъ вмѣшательствомъ высшей власти въ процессъ [53]) и поэтому встрѣчаются далеко не во всѣхъ процессахъ [54]).

То обстоятельство, что большинство изъ дошедшихъ до насъ процессовъ проводятся судьями, назначенными ad hoc носителемъ верховной власти, объясняется прежде всего тѣмъ фактомъ, что княжескій непосредственный судъ былъ переполненъ дѣлами и требовалъ по необходимости передачи хотя бы части дѣлъ въ руки зависимыхъ лицъ. Такое переполненіе, вызвавшее при Иванѣ IV учрежденіе Челобитеннаго приказа, необходимо должно было получиться въ такомъ центральномъ мѣстѣ, какъ княжескій судъ, тѣмъ болѣе, что на послѣдній подданные смотрѣли какъ на наиболѣе гарантирующій справедливость и безпристрастіе судъ, что послѣднему было подчинено множество лицъ и учрежденій въ силу изъятія ихъ изъ мѣстной подсудности разнаго рода льготами [55]). Любопытно, что развитіе франкской королевской юрисдикціи и королевскаго спеціальнаго назначе-

52) П. С. З. № 351, срв. Линовскій ibid., стр. 212—214.

53) Срв. цитован. выше доп. къ Ак. Ист., I, № $51_{5, 12}$, Ѳед. Чех., I, № 70, № 94, стр. 264, № 67, Указн. кн. помѣстн. прик. № 72, стр. 88 и др.

54) Такой ссылки на указъ высшей власти нѣтъ, напр., въ жалобахъ и приговорахъ въ Ак. Юрид. № 8, 1498 — 1505 г., № 18, 1530 г., Ак. Бѣляева, № 16, XV в., Ак. Холмогор., II, № 17, стр. 20: сей судъ судилъ Двинского намѣстника.... О. тіунъ Н. Никоновъ... ставъ передъ судіями.. тегался Ѳедко Кузминъ... съ Л... Тако рекъ Ѳедко Кузминъ... — начинается челобитная — жалоба ми, господине, на того на Л.... живетъ.... тотъ Л.... на владѣньи.... отца моего.... силно.... И по тому тіунъ.... Н. Никоновъ отвѣтчиковъ Л. оправилъ, а ищею.... Кузмина.... обинилъ, жалобы въ Ак. Юрид., № 4 и 6,—о вмѣшательствѣ высшей инстанціи въ процессъ ни слова.

55) Дмитріевъ, Исторія судебныхъ инстанцій, стр. 120, § 99, срв. цитаты на стр. 144—147, Владимір. Будановъ. Обзоръ исторіи русск. прав., стр. 196—199, объ изъятіяхъ посредствомъ жалованныхъ грамотъ, Ак. Арх. Эксп., I, № 15, срв. приведенныя ниже цитаты, гдѣ судъ княжескій выговаривается рядомъ съ судомъ его боярина введенаго, дворецкаго etc.

нія судей также, какъ и у насъ, стояло въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что королевскій трибуналъ считался наиболѣе справедливымъ и гуманнымъ судомъ сравнительно съ народными судами (Volksgericht) [56]). Это въ свою очередь дѣлаетъ понятнымъ, почему дошедшія до насъ грамоты, заключающія въ себѣ процессы, по большей части содержатъ въ себѣ производства съ спеціально назначенными судьями, ибо эти грамоты въ большинствѣ случаевъ происходятъ изъ монастырскихъ архивовъ (напр. изъ архива Троице-Сергіевской лавры), т. е. изъ архивовъ такихъ учрежденій, которыя, главнымъ образомъ, и выговаривали себѣ подобныя привилегіи. Такое даваніе судей было вызываемо еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что по техническимъ особенностямъ древне - русскаго земельнаго процесса земельные иски рѣшались на мѣстѣ спорныхъ территорій, слѣдовательно не тамъ, гдѣ находилась высшая инстанція, и что, слѣдовательно, послѣдней далеко не было удобно принимать личное участіе во всѣхъ таковыхъ процессахъ: „и тѣ, господине, Кириловскіе хрестьяне..., говоритъ истецъ къ судьѣ ...лѣсъ посекли сильне нашого монастыря С. а даи съ немъ (съ отвѣтчикомъ) судъ и передъ тобою лѣсъ сѣченъ ново и не посохлъ, а на томъ, господине, пенье стоишь“; отсюда видно, насколько присутствіе на спорной землѣ помогало судьѣ оріентироваться въ дѣлѣ [57]). Но цѣнился и искался какъ привилегія не одинъ только судъ высшей власти, а также и судъ того, кому высшая власть прикажетъ: кому будетъ дѣло до Троицкихъ старцевъ.... ино ихъ изъ самъ сужу царь... или кому прикажу [58]). Это выраженіе „кому прикажетъ“ легко объясняется изъ всего предыдущаго, какъ указывающее на такихъ спеціально даваемыхъ для отдѣльныхъ процессовъ судей [59]). Давая судью на какойлибо процессъ, правитель этимъ самымъ только удовлетворялъ праву сторонъ, облеченныхъ привилегіями. Такъ нѣкто Ѳедко жалуется Ивану IV, что тіунъ, превышая свою власть, заставилъ передъ собою отвѣчать крестьянина Бутака, принадле-

[56]) Brunner. Deutsche Rechtsgeschichte II, § 77.

[57]) Ѳед. Чех., I, № 20, А. Ю. № 3: ставъ на пустошахъ на М. да на П... (на спорныхъ пустошахъ) тако рекъ старець Кирило т. е. истецъ, — № 11: ставъ передъ писци... на сѣчѣ, Новгород. Судн. грам. у Владимір. Буданова, ст. 28, Акты Археограф. эксп., I, № 183, срв. Мейчикъ, грамоты XIV и XV в., стр. 29.

[58]) Арх. Стар. дѣлъ П. Иванова, стр. 230, кому прикажемъ стр. 234 — цитаты относятся къ XVI в., Ак. Арх. Эксп., I, № 135.

[59]) Срв. цитованные выше Ак. Лихачева, II, № 6, Ѳед. Чех., I, №№ 70, 74, А. до Юр. б., № 52IV, Указ. Кн. помѣст. прик. VI, 72.

жавшаго господину этого Ѳедки, Шатилову: а у государя его у Ивана Шатилова, говорится въ грамотѣ Ивана IV, моя царева и великаго князя грамота жаловалная, что людей его и крестьянъ судити вамъ, дьякомъ нашимъ, во всякихъ дѣлѣхъ. Поэтому царь приказываетъ дьякамъ судить этого крестьянина Бутака и посылаетъ имъ наказъ [60]). Въ другихъ случаяхъ жалованными грамотами выговаривался судъ князя или его введенаго боярина [61]), сокольничаго [62]), дворецкаго [63]). Помимо другихъ гарантій правосудія, связанныхъ съ тѣмъ обстоятельствомъ, что отъ князя шла иниціатива процесса, выражающаяся въ даваніи судей, цѣнность подобныхъ процессовъ съ назначенными на нихъ судьями заключалась еще и въ томъ, что князь не ограничивался даваніемъ судьи, но продолжалъ оказывать вліяніе на процессъ посредствомъ данной имъ судебной грамоты. Княжеское вліяніе и связанныя съ этимъ гарантіи были присущи, стало быть, не только процессамъ съ назначенными ad hoc судьями, но всѣмъ вообще, которые только сопровождались посланіемъ судебной грамоты. Явленія, аналогичныя древне-русскому даванію судей для процесса, весьма распространены въ исторіи гражданскаго процесса: мы встрѣчаемъ ихъ въ позднѣйшемъ римскомъ, въ византійскомъ, въ древне-германскомъ и въ обще-германскомъ процессахъ, въ древне-англійскомъ, норманскомъ, въ древне-французскомъ судопроизводствѣ. Въ означенныхъ процессахъ мы также находимъ какъ бы двѣ стадіи процесса, первую подготовительную, гдѣ правитель или высшій судья даетъ по выбору сторонъ или по своему выбору судью на отдѣльный процессъ. Аналогія съ древне-русскимъ процессомъ еще болѣе увеличивается вслѣдствіе того, что въ римскомъ и средневѣковомъ процессѣ даваніе судьи также сопровождается посланіемъ этому судьѣ грамоты, наказа, таковы: римскій rescriptum, являющійся прототипомъ всѣхъ позднѣйшихъ судебныхъ наказовъ, въ рескриптномъ процессѣ [64]), indiculi regales въ меровингскомъ и королингскомъ процессахъ [65]), commissorium въ общегерманскомъ процессѣ [66]), breve и writ въ норманскомъ и древне-англійскомъ процессахъ [67]). И съ древнѣйшими формами римскаго

[60]) Доп. къ Ак. Истор., I, № 51_{24}.

[61]) Ак. Арх. Эксп., I, №№ 44, 46, 51, 60, 75, 88 etc.

[62]) Ак. Арх. Эксп., I, № 147 для сокольниковъ.

[63]) Ак. Арх. Эксп., I, №№ 159, 171.

[64]) Bethmann Hollweg, der Römische Civilproz. III, § 164.

[65]) Brunner, Entstehung der Schwurgerichte, стр. 76—83.

[66]) Wetzell, System des ordentlichen Civilproz. § 35, стр. 408, и слѣд.

[67]) Brunner, Entstehung der Schwurg., стр. 293, 399, 404 и слѣд.; о рескриптѣ

процесса, съ legis actio и съ формулярнымъ процессомъ представляетъ нѣсколько аналогій техническаго свойства нашъ древній процессъ. И тамъ, какъ и у насъ, мы встрѣчаемъ двѣ стадіи. Въ первой стадіи in jure магистратъ давалъ сторонамъ судью и формулу (edere actionem), которая доминировала въ формулярномъ процессѣ и въ зачаточномъ видѣ, вѣроятно, была уже въ легисакціонномъ; то же самое и у насъ дѣлаетъ высшій судья въ подготовительной стадіи процесса. Разница, впрочемъ, та, что въ то время, какъ римскому истцу достаточно было указать уже готовую въ album'ѣ формулу, и изложеніе обстоятельствъ дѣла сравнительно занимала немного мѣста; у насъ, наоборотъ, истецъ обычно излагаетъ обстоятельства дѣла въ формѣ челобитной и затѣмъ происходитъ нѣкоторое судоговореніе (какъ, впрочемъ, и въ производствѣ in jure), на основаніи чего и составляется каждый разъ вновь судебная грамота; приведеніе истцомъ доказательствъ существуетъ въ производствѣ in jure, какъ и у насъ въ вышеуказанномъ приготовительномъ производствѣ [68]). Далѣе и въ древнемъ римскомъ процессѣ замѣчается дифференціація судейскаго персонала на judices и arbitri, какъ и у насъ (вышеуказанные судьи съ третейскимъ характеромъ), при чемъ arbitri являются по нѣскольку на одинъ процессъ и завѣдуютъ нѣкоторыми исками дивизорнаго характера (jurgia); у насъ также процессы, гдѣ функціонируютъ судьи съ третейскимъ характеромъ, представляются въ значительной степени тѣми же дивизорными процессами [69]). Общи нашему древнему и римскому процессу просьбы сторонъ, обращенныя къ правителю дать имъ опредѣленныхъ лицъ въ судьи и выраженія: давать судью, judicis datio, *взять* себѣ судей, sumere judicem [70]). Еще болѣе аналогій съ назначаемыми у насъ спеціально для извѣстнаго процесса судьями представляетъ болѣе поздній въ римскомъ процессѣ институтъ judices pedanei. Первая стадія, гдѣ назначались компетентной властью эти судьи, и вторая — самый процессъ передъ этими судьями соотвѣтствуютъ въ юридическомъ отношеніи стадіямъ нашего процесса съ назначенными судьями, подготовительной и собственно судебной, каковыя соотвѣтствія, какъ увидимъ ниже, нельзя подыскать въ древнемъ римскомъ процессѣ [71]).

въ византійскомъ процессѣ срв. Zachariä von Lingenthal, Gesch. des Griech. Römischen Rechts, стр. 356–358.

[68]) Keller, der Römische Civilproz., 6-e Ausgabe, § 50.

[69]) Keller, ibid. §§ 5, 7, 17, Cuq. Institut. jurid. des Romains, pp. 415—422.

[70]) Keller, ibid. § 9, Cuq., ibid. стр. 418, № 4.

[71]) Bethm. Hollw., der röm. Civilproz, III, § 140, стр. 126—129.

Дифференціація judices pedanei на judices и arbitri, вліяніе сторонъ на назначеніе именно извѣстныхъ judices pedanei, назначеніе judices pedanei на однородныя съ нашими межевыми процессами actiones finium regundorum, неудобныя по техническимъ условіямъ для высшихъ судей, сближаютъ означенный институтъ judices pedanei съ нашими даваемыми для отдѣльныхъ процессовъ судьями [72]). Но, замѣтимъ, аналогіи между нашимъ древнимъ и древне-римскимъ процессомъ болѣе техническаго, чѣмъ юридическаго свойства. Юридическое отношеніе между стадіями процесса совершенно иное въ древне-римскомъ процессѣ, чѣмъ у насъ и чѣмъ въ сходномъ въ этомъ пунктѣ съ нами институтѣ judices pedanei (о чемъ выше). Въ то время, какъ въ римскомъ процессѣ производство in jure есть начало процесса, установляетъ процессуальное отношеніе (послѣдствіе древней litiscontestatio), а производство in judicio есть такимъ образомъ продолженіе процесса, у насъ, какъ мы уже говорили выше, существенные въ юридическомъ отношеніи моменты процесса, начиная съ litiscontestatio, протекаютъ во второй стадіи, а первая имѣетъ лишь подготовительное для процесса значеніе. Равнымъ образомъ трудно усмотрѣть сходство въ юридическомъ отношеніи между магистратомъ и judex'омъ съ одной стороны, и между правителемъ и низшимъ судьей у насъ. Тамъ judex независимый отъ магистрата человѣкъ, зависимый развѣ только на время процесса, у насъ низшій судья обыкновенно слуга или чиновникъ, подчиненный князю (за исключеніемъ, конечно, третейскихъ судовъ). Прохожденіе черезъ двѣ стадіи необходимо для римскаго процесса, для нашего—только возможно и часто практикуемо. Съ другой стороны мы не имѣемъ никакихъ указаній въ терминологіи нашего процесса и въ текстѣ нашихъ судебныхъ грамотъ, которыя позволили бы предполагать, что юридическое основаніе для дѣятельности низшаго судьи въ нашемъ древнемъ процессѣ то же, что и въ вышеуказанныхъ западныхъ судопроизводствахъ[73]). Тамъ господствуютъ понятія-mandatum'а и делегаціи, заимствовавшей много чертъ отъ mandatum'а [74]). Въ основаніи судебной дѣятельности низшаго судьи у насъ лежитъ понятіе приказа, указа (судьи судили по приказу, по государеву указу, по цареву наказу, по слову, по грамотѣ etc. см.

---

72) Bethm. Hollw., ibid. § 140, № 47.

73) Срв., напр., Дмитріева, Истор. судебн. инс., стр. 151, по мнѣнію коего данные судьи „это judices delegati".

74) Wetzell, System, стр. 411--412; Mommsen, Abriss des römisch. Staatsrechts, стр. 142—147, 150—152.

выше), т. е. простого акта управленія (Verfügungsact), являющагося въ формѣ указа, односторонняго волеизъявленія, принадлежащаго представителю высшей власти, дѣлающаго обязательнымъ для подчиненнаго послѣднему лица исполненіе этой воли[75]). Судебная грамота, воплощающая этотъ приказъ, по формѣ не отличается отъ другихъ указовъ высшей власти. Въ одномъ вышеприведенномъ случаѣ царскій приказъ обращенъ къ судьямъ, и безъ того компетентнымъ для того дѣла, по поводу коего послана грамота [76]); стало быть нѣтъ и рѣчи о какомъ либо перенесеніи судебныхъ функцій на лицо, до сихъ поръ ими не обладавшее, о перенесеніи, заключающемся въ понятіи jurisdictio delegata и jurisdictio mandata [77]), а только о возбужденіи путемъ акта управленія дѣятельности лицъ, уже компетентныхъ въ данномъ процессѣ [78]). Такимъ образомъ древнерусскій судъ съ спеціально назначенными судьями распадается на двѣ стадіи, на *преимущественно-административную* и *судебную*. Первая стадія, имѣющая подготови тельное значеніе для послѣдующаго процесса, направленная къ тому, чтобы дать матеріалъ для составленія судебной грамоты и завершающаяся спеціальнымъ назначеніемъ судьи на данный процессъ (указомъ) и посланіемъ къ нему судебной грамоты, есть, главнымъ образомъ, *актъ внутренняго управленія*, процедура административнаго характера. Вторая стадія — *судебная*, процессъ въ собственномъ смыслѣ, начиная съ призванія къ отвѣту и кончая приговоромъ. Сходства между нашимъ древнимъ даваніемъ судей и таковыми же явленіями въ исторіи западнаго процесса болѣе техническаго, реальнаго характера; различія же касаются юридическихъ идей, проникающихъ разсматриваемыя нами явленія въ нашемъ и въ западномъ процессѣ.

П. Бѣляевъ,

дѣйствительный членъ
Московскаго Юридическаго Общества.

---

75) Срв. возраженія Ваха противъ понятія Auftrag въ аналогичныхъ разсматриваемому нами случаяхъ Ad. Wach, Handb. des deutsch. Civilprozessrechts, § 26, II.

76) Доп. къ А. И., I, № 51.

77) Wetzell, System, стр. 402 -- 403; Bethm. Hollw., Röm. Civilproz. III, § 140.

78) Срв. Арх. Эксп. I, № 380, 1490 г.

ИСТОРИКО-ЭКОНОМИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ НОВОРОССІИ.

I.

Десятинщики въ Херсонской губерніи.

Трудно, мнѣ кажется, найти мѣстность, которая могла бы дать изслѣдователю народной жизни и хозяйства столько живого, цѣннаго и интереснаго матеріала, сколько даетъ Херсонская губ. и вообще вся Новороссія. Но рѣдко, въ то же время, всестороннее изслѣдованіе края сопряжено бываетъ съ такими трудностями, какія приходится встрѣчать на каждомъ шагу здѣсь.

Научное изслѣдованіе Новороссіи еще, собственно говоря, только зарождается. До сихъ поръ нѣтъ сколько-нибудь связной и исчерпывающей исторіи ея заселенія; не собраны и не изданы переполняющія архивы свѣдѣнія о первыхъ шагахъ земледѣлія, промышленности и торговли, однимъ словомъ, нѣтъ данныхъ, доступныхъ для всякаго читателя, на основаніи которыхъ можно было бы составить опредѣленное понятіе о культурномъ и экономическомъ развитіи края. Особенно страдаетъ въ этомъ отношеніи область свѣдѣній о древности черноморскихъ степей. Данныя объ этой эпохѣ разбросаны отрывками въ многочисленныхъ замѣткахъ путешественниковъ, большей частью иностранцевъ, смотрѣвшихъ на все удивленными, недоумѣвающими глазами. Этимъ объясняется та масса противорѣчій, какую встрѣчаетъ современный читатель при сличеніи двухъ авторовъ, наблюдавшихъ край въ одно и то же время. Разобраться въ этихъ противорѣчіяхъ, не имѣя сколько-нибудь опредѣленнаго критерія истины, крайне трудно, а иногда и прямо невозможно. Приходится сравнивать описанія одного и того же событія у нѣсколькихъ авторовъ и пестрить текстъ

многими выписками и отступленіями, утомительными для читателя.

Поэтому я рѣшилъ историческую часть своей работы свести до возможнаго минимума и ограничиться самыми общими и безусловно достовѣрными свѣдѣніями.

Здѣсь же я считаю еще необходимымъ сказать нѣсколько словъ о томъ, чтò руководило мною при выборѣ такой, второстепенной, на первый взглядъ, темы для первой работы по исторіи и экономической статистикѣ Новороссіи. Главными мотивами, заставившими меня остановиться именно на этомъ вопросѣ, были слѣдующіе: во-первыхъ, экономическое положеніе десятинщиковъ, подъ вліяніемъ условій, о которыхъ я буду говорить ниже, прогрессивно и очень быстро ухудшается; для улучшенія же его до сихъ поръ еще ничего не предпринято, а очень скоро наступитъ время, когда и предпринимать что-либо будетъ уже поздно; во-вторыхъ, образованіе группы десятинщиковъ и ея современное положеніе тѣсно связаны со всей исторіей Новороссіи и являются какъ бы результатомъ всѣхъ пережитыхъ ею бѣдъ и неурядицъ; и, наконецъ, въ-третьихъ, насколько мнѣ извѣстно, кромѣ небольшой замѣтки г. Воропонова („В. Е." 84 г., 3), въ періодической печати никогда не подымался вопросъ объ этомъ забытомъ и обиженномъ во всѣхъ отношеніяхъ сословіи. Думаю, что мотивы эти вполнѣ оправдываютъ мой выборъ.

1.

Заселеніе черноморскихъ степей славянскими и, въ частности, русскими народностями началось задолго до оффиціальнаго присоединенія ихъ къ Россіи [1]). Гнетъ польской шляхты и евреевъ въ Украинѣ и правительственныя преслѣдованія религіозныхъ сектантовъ въ Россіи были главными стимулами, вы-

[1]) При составленіи исторической части своей работы я пользовался слѣдующими матеріалами: *Скальковскій*, „Хронологическое обозрѣніе Новороссійскаго края"; *его же*, „Исторія Новой Сѣчи"; *его же*, „Опытъ хозяйственной статистики Херс. губ."; *Попко*, „Черноморскіе казаки въ ихъ военномъ и гражданскомъ быту"; пр. *Багалѣй*, „Колонизація Новороссійскаго края и первые шаги его по пути культуры"; пр. *Антоновичъ*, „Изслѣдованіе о крестьянахъ Ю.-З. Россіи"; *Эварницкій*, „Архивные матеріалы для исторіи Запорожья"; *его же*, „Запорожье въ остаткахъ старины и преданіяхъ народа"; *его же*, „Сборникъ матеріаловъ для исторіи запорожскихъ казаковъ"; *Путевыя замѣтки* Эриха Ласоты, множество замѣтокъ, разбросанныхъ въ „Зап. Одесск. общ. исторіи и древностей", „Кіевской Старинѣ" и др., и, наконецъ, Полное Собраніе Законовъ.

звавшими еще въ XIV вѣкѣ движеніе на Югъ недовольныхъ протестующихъ элементовъ, создавшихъ главный контингентъ знаменитаго запорожскаго войска и давшихъ Югу первыхъ колонизаторовъ-земледѣльцевъ. Въ то время, какъ запорожцы основывали на берегахъ рѣкъ Днѣпра и Буга и на островахъ, вплоть до лимановъ, множество куреней, населенныхъ боевымъ людомъ, подъ ихъ прикрытіемъ и защитой шло заселеніе бассейновъ этихъ рѣкъ земледѣльцами. Эрихъ Ласота, посолъ австрійскаго императора Рудольфа II-го, посѣтившій запорожцевъ на островѣ Базавлукѣ еще въ 1594 г., въ дневникѣ своемъ отмѣчаетъ уже существованіе степныхъ хуторовъ на границѣ съ Украиной, жители которыхъ въ мирное время занимались земледѣліемъ и скотоводствомъ, а въ случаѣ надобности должны были становиться въ ряды запорожскаго войска. Разумѣется, сколько - нибудь устойчивая сельскохозяйственная жизнь не могла сложиться здѣсь въ то время, такъ какъ частые набѣги татаръ разрушали все созданное трудами мирныхъ колонизаторовъ, а слабая еще запорожская община не могла бороться съ ними. Она только въ XVII вѣкѣ дѣлается серьезной защитой отъ вторженія кочевниковъ.

Первыми земледѣльцами были здѣсь выслужившіеся запорожцы. Они обыкновенно устраивались зимовниками неподалеку отъ запорожскихъ куреней, жили съ челядью (рабочими) и занимались, главнымъ образомъ, скотоводствомъ, какъ промысломъ, менѣе связывающимъ ихъ съ мѣстомъ жительства и болѣе доходнымъ въ то время, чѣмъ земледѣліе. Къ выслужившимся казакамъ стали постепенно присоединяться выходцы изъ центральныхъ областей, селившіеся тоже подъ защитой запорожскаго войска. Но широкіе размѣры эта народная колонизація приняла только въ первой половинѣ XVIII вѣка, когда жизнь въ центральныхъ малорусскихъ областяхъ сдѣлалась для крестьянства положительно невыносимой и гнала въ далекія, дикія и безъизвѣстныя степи не только одинокихъ людей и молодежь, которыхъ привлекала на свое лоно Запорожская Сѣчь, но и настоящихъ хозяевъ, уходившихъ цѣлыми семьями съ единственной цѣлью—отдаться въ просторныхъ вольныхъ степяхъ самостоятельному хозяйству. Только съ усиленіемъ этого семейно-бурлацкаго движенія черноморскія степи стали пріобрѣтать болѣе жилой, болѣе хозяйственный видъ. Оживлявшіе ихъ до этого времени, кой-какъ сколоченные, одинокіе зимовники да громадныя стада скота стали постепенно замѣняться настоящими селеніями, окруженными пашнями, огородами и садами. Пер-

выми по времени такой колонизаціи подверглись оба берега Днѣпра въ мѣстности, занимаемой теперь уѣздами Херсонскимъ и Александрійскимъ (Херс. губ.), Павлоградскимъ и Новомосковскимъ (Екатеринославской). Особенно сильный наплывъ семейныхъ пришельцевъ начался въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія, когда сами запорожцы должны были принять мѣры для урегулированія колонизаціи своего „посполъства".

Установить точно характеръ отношеній, существовавшихъ между фактическими хозяевами края—запорожцами и посполъствомъ, очень трудно, такъ какъ ни одинъ изъ дошедшихъ къ намъ документовъ не даетъ по этому вопросу точныхъ и опредѣленныхъ свѣдѣній. Знаемъ только, что, хотя земля, находившаяся въ пользованіи казаковъ и посполъства, была юридически собственностью всей запорожской общины, но на самомъ дѣлѣ принципъ общиннаго пользованія, въ его чистомъ видѣ, примѣнялся только къ рѣчнымъ рыбнымъ ловлямъ. Общинное же пользованіе землей имѣло мѣсто только въ самую раннюю пору казачества, и то только по отношенію къ новымъ поселенцамъ „посполитымъ". Старшина же и заслуженные казаки владѣли землей безконтрольно, какъ своею собственностью. Знаемъ также, что посполъство несло въ пользу казацкой общины подати, которыя раздѣлялись на постоянныя и временныя, денежныя и натуральныя. Размѣры тѣхъ и другихъ почти ежегодно колебались и потому не поддаются точному опредѣленію.

Характеръ и размѣры хозяйствъ семейнаго посполъства находились въ прямой зависимости отъ мѣстныхъ условій и главнымъ образомъ отъ степени безопасности отъ вторженія татаръ. Въ мѣстахъ болѣе безопасныхъ развивалось земледѣліе, менѣе безопасныхъ—скотоводство.

Но далеко не всѣ выходцы изъ сѣверныхъ провинцій селились въ предѣлахъ запорожскихъ владѣній. Много ихъ направлялось въ глубь степей и селилось на земляхъ татаръ. Положеніе этихъ поселенцевъ было ужасно. Платежныя отношенія ихъ къ татарамъ, хотя и опредѣлялись десятой долей „всякаго прибытка", но на самомъ дѣлѣ дикіе хозяева брали столько, сколько имъ заблагоразсудится. Не была даже гарантирована личная свобода поселенца. Слишкомъ тяжелы, значитъ, были условія жизни на родинѣ, подъ сѣнью писанныхъ законовъ, когда изъ года въ годъ изъ подъ этой сѣни убѣгали тысячи измученныхъ, озлобленныхъ людей, селившихся въ дикихъ степяхъ, гдѣ не было ни законовъ, ни какой бы то ни было юридической защиты, а господствовалъ дикій произволъ дикихъ хозяевъ.

Русское правительство до 1760 года, т.-е. до времени присоединенія сѣверо-восточныхъ окраинъ Новороссіи, очень мало интересовалось судьбою своихъ выходцевъ. Съ этого же времени начинается рядъ правительственныхъ мѣропріятій, имѣвшихъ цѣлью вернуть выходцевъ на родину. Но мѣропріятія эти не имѣли существенныхъ послѣдствій.

Въ 1791 году вся нынѣшняя Херсонская губ. была присоединена къ Россіи. Вмѣстѣ съ этимъ народная колонизація, достигшая въ то время своего апогея, вдругъ оборвалась, заглохла. Богатый, оживавшій уже край опустѣлъ. Земли, добытыя кровью запорожскаго войска, вспаханныя и оживленныя трудами его мирныхъ потомковъ, привыкшихъ смотрѣть на нихъ какъ на свою собственность, очутились вдругъ въ рукахъ невѣдомо откуда нахлынувшихъ помѣщиковъ, а коренное населеніе изъ самостоятельныхъ хозяевъ почти все превратилось въ безземельныхъ, бездомныхъ бродягъ.

Помѣщикамъ раздавались земли крупными участками отъ 1500 до 25—30 тысячъ десятинъ,—раздавались почти безъ всякаго разбору. Всѣ штабъ- и оберъ-офицеры земли русской, всѣ чиновники, начиная регистраторами и оканчивая дѣйствительными статскими и тайными совѣтниками, могли вдругъ сдѣлаться крупными владѣльцами. Новые помѣщики въ теченіе десяти лѣтъ освобождались отъ всякихъ повинностей, но должны были въ теченіе этого срока поселить по 13 дворовъ крѣпостныхъ на каждыя 1500 д. жалованной имъ земли. Но и это ничтожное обязательство не было выполнимо для тогдашнихъ помѣщиковъ, отчасти потому, что большинство ихъ не имѣло вовсе крѣпостныхъ, отчасти потому, что даже и имѣвшіе боялись переводить ихъ сюда въ виду почти поголовныхъ побѣговъ въ устья южныхъ рѣкъ, почти недоступныя для властей.

Впрочемъ, многіе болѣе предпріимчивые помѣщики скоро нашли выходъ изъ этого затруднительнаго положенія. Они всякими способами, всякими заманчивыми обѣщаніями стали привлекать на свои земли бродягъ, переполнявшихъ тогдашнюю Новороссію. Этими-то бродягами и было заложено основаніе того класса безземельныхъ пахарей-десятинщиковъ, изученію котораго посвящена настоящая работа.

Изданіемъ указа о временно-обязанныхъ поселянахъ правительство невольно пришло на помощь помѣщикамъ. Указомъ этимъ разрѣшалось всѣмъ бродягамъ селиться на частновладѣльческихъ земляхъ и обрабатывать ихъ издольно. Но жадныя притязанія помѣщиковъ, смотрѣвшихъ на поселянъ какъ на своихъ крѣ-

постныхъ, сдѣлали то, что до 1796 года все почти населеніе Новороссіи находилось въ постоянномъ броженіи, переходя ежегодно съ мѣста на мѣсто. Въ этомъ году былъ изданъ указъ [2]), который запрещалъ обязаннымъ поселянамъ переходъ съ мѣста на мѣсто. Указъ этотъ, несмотря на всю свою суровость, не могъ прикрѣпить къ землѣ узнавшее прелесть свободной жизни населеніе. Въ 1804 г. онъ былъ повторенъ еще разъ и продленъ закономъ до 1829 г., и только съ этого времени поселянамъ были разрѣшены переходы и съемка земель по добровольному соглашенію съ владѣльцами. Всѣ перечисленные выше указы значительно повліяли на бытъ и правовое положеніе только той части бродячаго населенія, которая успѣла къ этому времени обзавестись кое-какимъ хозяйствомъ и приписаться къ городамъ въ мѣщане. Положеніе этого класса было въ то время болѣе, чѣмъ сносно. Помѣщики дорожили имъ и если повторяли свои попытки закрѣпощенія, то только по отношенію къ безхозяйственной и безправной голытьбѣ. Къ этому послѣднему классу и правительство относилось очень строго. Съ 1828 г. начались преслѣдованія и ловля безпаспортныхъ, продолжавшіяся вплоть до паденія крѣпостного права. Несмотря на это, притокъ бродягъ изъ центральной Россіи не только не прекращался, но росъ съ каждымъ годомъ.

Начало 40-хъ годовъ ознаменовалось на Югѣ быстрымъ подъемомъ сельскаго хозяйства. Экспортъ хлѣба за границу черезъ черноморскіе порты достигъ въ нѣсколько лѣтъ громадныхъ размѣровъ. Явился спросъ на рабочія руки, и изъ центральныхъ губерній хлынулъ впервые на Югъ потокъ рабочихъ. Рядомъ съ вольными крестьянами и помѣщичьими оброчными двинулись и массы бѣглыхъ, шедшихъ съ тѣмъ, чтобы больше не вернуться на постылую родину.

Такимъ образомъ росъ и увеличивался контингентъ безземельнаго бродячаго люда въ Новороссіи. Въ концѣ 50-хъ годовъ, руководимые той же призрачной надеждой, которая загнала сюда тысячи настоящихъ бродягъ,—надеждой найти землю, довольство и волю, хлынули въ большомъ количествѣ актовые крестьяне, отпущенные помѣщиками до реформы. Надежды ихъ, разумѣется, не сбылись, и имъ пришлось стать въ ряды бродягъ-десятинщиковъ или простыхъ рабочихъ. Къ сожалѣнію, у насъ положительно нѣтъ точныхъ данныхъ относительно количества безземельныхъ на территоріи Херсонской

---

[2]) П. С. З., XXIV, № 17638, стр. 233—279, 339.

губ. въ послѣдніе годы дореформенной эпохи, но результаты реформы, съ которыми мы ознакомимся ниже, показали, что число ихъ было очень и очень велико.

2.

Ко времени крестьянской реформы земледѣльческое населеніе Херсонской губ. состояло изъ значительнаго количества казенныхъ поселянъ, государственныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ и, наконецъ, десятинщиковъ. Первыя двѣ категоріи владѣли землей въ количествѣ 8—9 десятинъ на душу мужского пола, вторыя землей еще не были обезпечены и обрабатывали помѣщичьи земли. Въ распоряженіи первыхъ двухъ группъ, состоявшихъ изъ 371,594 душъ об. пола, было 1.563,398 дес. Помѣщичьихъ крестьянъ было 321,250 душъ об. пола, а земли у нихъ въ пользованіи 642,102 дес. Что же касается десятинщиковъ, то количество ихъ передъ реформой нельзя опредѣлить по той причинѣ, что большинство ихъ принадлежало къ мѣщанскому сословію и числилось городскими жителями. Выдѣлить десятинщиковъ изъ всей массы этого сословія можно только путемъ спеціальныхъ подворныхъ переписей. Это было сдѣлано мѣстными земскими статистическими изслѣдованіями въ 1886—87 годахъ, и только благодаря имъ были опредѣлены отношенія къ землѣ и земледѣлію громаднаго класса мѣщанъ.

Обращаясь непосредственно къ результатамъ крестьянской реформы въ Херсонской губ., мы не можемъ не остановить своего вниманія на томъ странномъ фактѣ, что изъ всей массы помѣщичьихъ крестьянъ получило надѣлы сравнительно небольшое количество. Причина этого ненормальнаго явленія лежитъ въ быстромъ и ничѣмъ необъяснимомъ увеличеніи числа дворовыхъ людей въ послѣдніе предреформенные годы. Сравнивая между собой результаты IX-й ревизіи, произведенной въ 1850 г., и X-й, произведенной въ 1858 г., мы замѣчаемъ рѣзкую разницу въ распредѣленіи крѣпостныхъ: % дворовыхъ за эти восемь лѣтъ поднялся отъ 4,8 % до 19,5 % всѣхъ помѣщичьихъ крестьянъ. Объяснить это явленіе чисто мѣстными хозяйственно-экономическими условіями невозможно. Мы знаемъ, что нужда въ крестьянинѣ-земледѣльцѣ не только не уменьшилась, но наоборотъ, достигла самыхъ большихъ размѣровъ подъ вліяніемъ того быстраго подъема и расширенія сельскаго хозяйства на Югѣ, о которомъ упоминалось выше. Слѣдовательно, основываясь на мѣстныхъ условіяхъ, можно было бы пред-

положить совершенно противное тому, что̀ случилось на самомъ дѣлѣ.

Самое вѣроятное объясненіе этого явленія даетъ г. Тройницкій [8]), который предполагаетъ, „что поводомъ къ этому послужили слухи при производствѣ послѣдней (IX-й) переписи, что при предстоящемъ преобразованіи положенія крѣпостного сословія дворовые люди будутъ выкуплены правительствомъ, или по крайней мѣрѣ изъяты изъ поземельнаго надѣла". Естественно, что въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ распространились эти слухи, помѣщики пожелали заблаговременно отдѣлаться отъ надѣленія своихъ крестьянъ.

Реформа оставила всѣхъ дворовыхъ безъ земли, и такимъ образомъ изъ 160,673 ревизскихъ помѣщичьихъ душъ — 31,076 душъ попало въ число безземельныхъ. Къ нимъ присоединилось еще значительное количество крестьянъ, отпущенныхъ помѣщиками на волю до реформы и отказавшихся отъ надѣловъ на основаніи 8-й ст. Положенія о выкупѣ. Такимъ образомъ, послѣ реформы всѣ бывшіе помѣщичьи крестьяне разбились на три группы:

Первая, въ колич. 116,182 ревизск. душъ, т.-е. 72,3% всѣхъ пом. крестьянъ, получила надѣлы указные, половинные или дарственные; *вторая*, въ количествѣ 31,076 душъ, т.-е. 19,3% всѣхъ пом. кр., не получила надѣловъ вовсе, и *третья*, 13,415 душъ, или 8,6%, отказалась отъ нихъ.

Слѣдовательно, крестьянская реформа увеличила число безземельныхъ на территоріи Херсонской губ. на 44,591 ревизскую душу, создала значительный контингентъ десятинщиковъ и, расширивши эту группу въ количественномъ отношеніи, измѣнила ее и качественно, введя въ нее новые элементы и новыя измѣненія въ бытовомъ и хозяйственно-экономическомъ складѣ ея жизни.

Лишившись и того незначительнаго количества крѣпостныхъ, которое имъ удалось удержать до реформы, помѣщики новороссійскіе очутились послѣ нея въ крайне неблагопріятныхъ условіяхъ. Мѣстные, надѣленные землей крестьяне приложили всѣ силы къ устройству своего хозяйства, отказывались работать въ частныхъ имѣніяхъ и даже первое время почти не прибѣгали къ арендѣ земель. Въ то же время значительно сократился и наплывъ рабочихъ изъ центральныхъ губерній, такъ какъ

[8]) *Тройницкій*, „Крѣпостное населеніе Россіи по Х-й народной переписи", стр. 26—27.

гораздо большее число ихъ могло найти работу въ мѣстныхъ экономіяхъ. А между тѣмъ спросъ на продукты земледѣлія и цѣны на нихъ росли съ поразительной быстротой. Вотъ тутъ-то десятинщики и, отчасти, бѣдно надѣленныя группы бывш. пом. крестьянъ спасли землевладѣльцевъ отъ разоренія.

Конечно, при такихъ условіяхъ помѣщики не могли не дорожить десятинщиками и не стараться удержать ихъ на своихъ земляхъ. Десятинщики, въ свою очередь, были, повидимому, довольны своимъ положеніемъ, и имъ, вѣроятно, и въ мысль не приходила неизбѣжность тѣхъ тягостныхъ условій, въ которыхъ имъ пришлось очутиться впослѣдствіи. Коренное крестьянское населеніе Новороссіи, привыкшее къ широкимъ земельнымъ просторамъ, привыкшее пользоваться землей почти безъ всякихъ ограниченій, вообще очень легко относилось къ своей будущности и положительно не вѣрило въ замѣну земельныхъ просторовъ земельной тѣснотой. Этимъ только и можно объяснить, почему крестьяне съ легкимъ сердцемъ отказывались отъ полныхъ надѣловъ, удовлетворяясь дарственными и уменьшенными. Имъ въ то время представлялось болѣе выгоднымъ платить натуральныя повинности помѣщику, чѣмъ денежныя— казнѣ. Какъ ни ошибочно было такое поведеніе крестьянъ, но оно находило полное оправданіе въ опытѣ ихъ прошлой жизни и съ этой точки зрѣнія было вполнѣ естественно и законно.

Вообще надо сказать, что реформа не измѣнила кореннымъ образомъ жизнь десятинщика и только, улучшивши временно его положеніе, отдалила его отъ мысли о печальной будущности. Десятинщики попрежнему продолжали кочевать со всѣмъ своимъ скорбомъ отъ одного помѣщика къ другому, ища лучшей и болѣе обезпеченной жизни.

Платежныя отношенія ихъ къ помѣщикамъ сводились тогда къ слѣдующему. За землю десятинщикъ вносилъ, обыкновенно, часть урожая; разумѣется, и тогда уже отъ десятой доли оставалось лишь одно сладкое воспоминаніе, но все-таки условія съемки были еще довольно выгодны, и доля въ пользу владѣльца рѣдко превышала $^1/_5$—$^1/_6$ часть урожая. За хаты и усадьбы отрабатывали, причемъ обязанность эта лежала почти исключительно на женщинахъ. Онѣ работали дней двадцать въ году и, кромѣ этого, должны были поставить ежегодно извѣстное количество домашней птицы и яицъ. Скотъ десятинщиковъ пасся въ стадѣ помѣщика, но пастуховъ они должны были давать своихъ. За выпасъ отрабатывали возкой сноповъ съ поля или хлѣба на рынки. Кромѣ всего этого, существовалъ

еще обычай „послухать“, т.-е. выйти нѣсколько разъ въ годъ на работу безплатно или за незначительное вознагражденіе по первому зову помѣщика. Вообще размѣръ и характеръ натуральныхъ повинностей были крайне разнообразны и опредѣлялись какъ мѣстными условіями, такъ и личными качествами владѣльца.

Такое, все-таки завидное во многихъ отношеніяхъ, положеніе десятинщиковъ не было продолжительнымъ. Уже въ началѣ 70-хъ годовъ въ судьбѣ ихъ наступилъ поворотъ къ худшему. Громадную роль въ этомъ сыграли не только измѣнившіяся экономическія условія и естественный переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному, но и такой, на первый взглядъ второстепенный факторъ, какъ расширеніе нѣмецкаго землевладѣнія и нѣмецкихъ арендъ. Нѣмцы, представляя изъ себя множество дружныхъ и сплоченныхъ въ хозяйственномъ отношеніи группъ, обладая бо̀льшими знаніями и бо̀льшими матеріальными средствами, чѣмъ туземное населеніе, сдѣлались почти непобѣдимыми соперниками не только крестьянъ и десятинщиковъ, но даже и крупныхъ владѣльцевъ. Они внесли въ новороссійское хозяйство совершенно новую струю, поставили его на чисто коммерческую почву и на этой почвѣ начали побѣдоносную борьбу со своими несильными и недружными соперниками.

Извѣстно, что приливъ нѣмецкихъ колонистовъ не прекратился съ окончательной пріостановкой отвода имъ казенныхъ земель. Онъ продолжался еще очень долго, и пришлые элементы должны были покупать землю въ личную собственность или прибѣгать къ арендамъ. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ они дѣйствовали во вредъ десятинщикамъ. Во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ они поддерживались и поощрялись своими соотечественниками, пользовались ихъ опытомъ, вліяніемъ и матеріальной помощью. Съ другой стороны, и помѣщики, если только имъ представлялся выборъ между десятинщиками мѣстнаго происхожденія и арендаторами-нѣмцами, всегда предпочитали послѣднихъ. Для помѣщика арендаторы-нѣмцы представляютъ много выгодъ. Во-первыхъ, они снимаютъ землю товариществами, занимаютъ сразу большіе участки и правильный взносъ платежей обезпечиваютъ круговой порукой; во-вторыхъ, какъ болѣе зажиточные и обладающіе лучшими средствами производства, они не только лучше, чѣмъ мѣстные десятинщики, обрабатываютъ землю, но и бываютъ всегда болѣе исправными плательщиками.

Вредно отразилось на бытѣ десятинщиковъ расширеніе нѣмецкихъ арендъ еще и въ томъ отношеніи, что нѣмцы первые замѣнили отработки денежными платами. Они очень высоко цѣнятъ свой трудъ и свою независимость, никогда не допускаютъ, чтобы члены ихъ семей работали на сторонѣ. Поэтому замѣна натуральныхъ платъ денежными была для нихъ очень выгодна. Для десятинщика же совсѣмъ иное: свой личный трудъ, какъ и трудъ каждаго изъ членовъ своей семьи, онъ цѣнитъ очень низко. Постоянная необезпеченность, постоянная погоня за лишнимъ грошемъ научили его дорожить отработками, тѣмъ болѣе такими, вся тяжесть которыхъ лежала на женщинѣ, въ силу особыхъ условій десятинщицкаго хозяйства свободной бо̀льшую часть года отъ работы подлѣ своего скуднаго добра. Раньше плата за хату была почти незамѣтной и не отражалась особенно на убогомъ бюджетѣ десятинщика; теперь же съ ней приходится считаться: 15—20 р. слишкомъ большія деньги для десятинщика, и добыть ихъ ему нелегко. Замѣнились также денежной платой и отработки за выпасъ скота. Такимъ образомъ, хозяйственная дѣятельность десятинщиковъ значительно осложнилась, и вмѣстѣ съ тѣмъ ухудшилось и ихъ матеріальное положеніе. Отъ прежнихъ натуральныхъ повинностей осталась только скопщина, да и она встрѣчается лишь въ большихъ „отсталыхъ“ имѣніяхъ; тамъ же, гдѣ хозяйство ведется „образцово“, на „коммерческую ногу“, десятинщики, если и не вытѣснены нѣмцами, то влачатъ жалкое существованіе.

Такова, въ общихъ чертахъ, историческая судьба интересующей насъ группы. Изъ этого краткаго очерка читатель могъ замѣтить, что нѣтъ никакого основанія ожидать измѣненія этой судьбы къ лучшему безъ посторонняго вмѣшательства. Посмотримъ теперь, какое участіе принимало правительство и земство въ судьбѣ десятинщиковъ. Для безземельныхъ хозяевъ участіе это, разумѣется, прежде всего должно было выразиться надѣленіемъ свободными казенными землями, помощью въ пріобрѣтеніи земель въ собственность и, наконецъ, урегулированіемъ и облегченіемъ арендованія казенныхъ и частновладѣльческихъ земель.

Поселеніе безземельныхъ на казенныхъ земляхъ началось еще въ 1868 г. и было предпринято, какъ говоритъ земскій изслѣдователь Херсонскаго уѣзда [1]), „для окончательнаго ликвиди-

[1]) Матеріалы для оцѣнки земель Херс. губ., т. VI, 164 - 5 стр.

рованія грѣховъ крѣпостного права, которое въ наслѣдіе оставило много безземельныхъ дворовыхъ и отпущенныхъ людей, а также для земельнаго устройства отставныхъ и безсрочно отпускныхъ солдатъ старой службы, которые не находили мѣста и надѣловъ въ своихъ прежнихъ обществахъ". Право на полученіе надѣла имѣли только завѣдомо безземельные крестьяне. Больше всего свободныхъ казенныхъ земель оказалось при бывшихъ военно-поселенческихъ селахъ въ предѣлахъ Херсонскаго и южной части Елисаветградскаго уѣздовъ, а потому здѣсь и былъ сосредоточенъ отводъ земель для новыхъ поселенцевъ. Заселеніе казенныхъ земель, законченное только въ 1892 году, распадается на два періода, значительно разнящіеся между собой какъ по результатамъ, такъ и по характеру. Въ первый періодъ, по закону 1869 года, на полученіе надѣловъ имѣли право главнымъ образомъ отставные солдаты, безземельные крестьяне и однодворцы изъ сосѣднихъ губерній. Въ періодъ этотъ возникло 66 новыхъ обществъ съ 67 поселками, изъ которыхъ многіе были очень велики. Впрочемъ, результаты этого періода не представляютъ для насъ существеннаго интереса, такъ какъ въ немъ почти не принимали участія десятинщики.

Гораздо интереснѣе для насъ второй періодъ, когда законами 1881 и 1887 годовъ были внесены въ дѣло заселенія казенныхъ земель нѣкоторыя измѣненія. Земля отводилась поселенцамъ этого періода на правахъ 12-ти-лѣтней аренды, причемъ арендный оброкъ долженъ былъ уплачиваться въ сроки взноса крестьянскихъ платежей, т.-е. 1-го мая и 1-го ноября (2-й пунктъ условія) [5]), и

---

[5]) Подробный текстъ условія „сдачи казенныхъ земель безземельнымъ людямъ, водворяемымъ въ видѣ сельскихъ обществъ на земляхъ Херсонской губ.", таковъ:

1) Отведенною намъ землею мы обязаны пользоваться въ границахъ, означенныхъ на приложенномъ къ сему контракту чертежѣ и указанныхъ намъ въ натурѣ. Объ указаніи намъ границъ отведенной земли въ натурѣ мы должны дать особую подписку.

2) За пользованіе означенною выше землею мы обязываемся уплачивать въ Херсонское казначейство оброкъ ежегодно по 000 руб. и 00 коп. въ тѣ сроки, какіе установлены закономъ для взноса поземельныхъ крестьянскихъ платежей, а именно: 1 мая и 1 ноября, причемъ за своевременный платежъ оброка мы отвѣтствуемъ круговою нашею другъ за друга порукою.

3) Отведенную намъ землю мы обязываемся, по указанію чиновника Управленія Государственными Имуществами, разбить на три равныя поля, съ проведеніемъ межъ, и засѣвать каждогодно не болѣе двухъ полей, а третье оставлять въ пару; причемъ одно и то же поле не должно быть подъ посѣвами болѣе двухъ лѣтъ къ ряду. За нарушеніе сего порядка пользованія отведенною

своевременность его гарантировалась круговой порукой. По истеченіи срока аренды поселенцы обязаны были принять землю въ надѣлъ, если только „Правительство признаетъ нужнымъ учинить таковой, на тѣхъ же самыхъ условіяхъ, на какихъ земля эта предоставлена намъ нынѣ во временное пользованіе...“ (пунктъ 6 условія). Характернымъ отличіемъ между первымъ періодомъ поселенія и вторымъ являлось то обстоятельство, что въ первый періодъ имѣли право на надѣленіе лишь безземельные, принадлежащіе къ крестьянскому сословію; во второй же могли селиться *всѣ земледѣльцы*, живущіе въ предѣлахъ Херсонской губ. и ничѣмъ не разнящіеся по образу жизни отъ крестьянъ. Такимъ образомъ, только во второй періодъ десятинщики, большинство которыхъ принадлежало къ мѣщанскому сословію, получили возможность превратиться въ

намъ землею мы подвергаемся взысканію штрафа за каждую излишне или неправильно засѣянную десятину вчетверо больше арендной платы.

4) На предоставленной намъ въ арендное пользованіе землѣ мы обязываемся водвориться съ возведеніемъ необходимыхъ жилыхъ и хозяйственныхъ построекъ непремѣнно въ теченіе первыхъ четырехъ лѣтъ со времени отвода намъ сей земли.

5) Если во время содержанія кто-либо станетъ оспаривать владѣніе части или всей земли, то защита правъ нашихъ въ семъ случаѣ лежитъ на обязанности Управленія Государственными Имуществами. Если же какая-нибудь часть оброчной земли выйдетъ изъ нашего пользованія, то плата за нее, соразмѣрно отошедшему числу десятинъ, отъ насъ не требуется впредь до возвращенія намъ отнятой земли.

6) Мы обязываемся означенную выше землю принять въ надѣлъ, если Правительство найдетъ нужнымъ учинить таковой, на тѣхъ же самыхъ условіяхъ, на коихъ земля эта предоставлена намъ нынѣ во временное пользованіе, и не имѣемъ права въ періодъ временнаго пользованія отдавать оную въ аренду постороннимъ лицамъ.

7) За несоблюденіе какихъ-либо изъ указанныхъ выше условій Управленіе Государственными Имуществами отведенную намъ, согласно настоящему контракту, землю въ правѣ отобрать у насъ во всякое время со взысканіемъ съ насъ могущихъ произойти отъ такой нашей неисправности казенныхъ убытковъ.

8) Арендаторы казенныхъ оброчныхъ статей, сверхъ платежа арендныхъ денегъ, обязаны исполнять существующія натуральныя повинности, или которыя будутъ установлены въ теченіе арендного срока Правительствомъ и земскими учрежденіями по истребленію на арендуемой землѣ вредныхъ животныхъ и насѣкомыхъ, подвергаясь за неисполненіе сихъ постановленій установленному взысканію.

9) Въ заключеніе контрактъ сей съ обѣихъ сторонъ соблюдать свято и ненарушимо; подлинный съ ручательнымъ мірскимъ приговоромъ хранить при дѣлахъ Управленія, а намъ получить засвидѣтельствованную копію сего контракта вмѣстѣ съ чертежомъ на отведенную землю.

осѣдлыхъ сельскихъ хозяевъ. Въ этотъ періодъ, т.-е. до 1892 г., устроено было 36,931 надѣльн. душ. Но подробныя свѣдѣнія о сословномъ составѣ поселенцевъ мы имѣемъ лишь относительно $^{1}/_{5}$ всего ихъ числа, т.-е. относительно 7,709 душъ. Свѣдѣнія эти извлечены г. Осадчимъ [6]) изъ дѣлъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, въ вѣдѣніи котораго находится поселенческій вопросъ. Всѣ зарегистрованные такимъ путемъ поселенцы по сословіямъ и мѣстамъ выхода распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

Сословіе.	% ко всему чис. посел.	Число душъ.	Мѣста выхода. Херс. губ.	Кіев. губ.	Подол. губ.	Полт. губ.	Бесс. губ.
Крестьяне	51,8	3997	3575	391	17	14	—
Мѣщане	43,2	3333	2647	60	62	—	564
Казаки и друг. сосл. .	5	379	—	—	—	—	—
Всего . .	100%	7709	6222(80,7%)	451	79	14	564

Слѣдовательно, изъ числа поселенцевъ завѣдомо принадлежитъ къ жителямъ Херсонской губ. 6222 души, или 80,7%. Если предположить, что такое же отношеніе сохранится и для остальной массы поселенцевъ, что̀ весьма вѣроятно, такъ какъ свѣдѣнія извлечены безъ выбора и относятся къ первымъ годамъ поселенія, когда десятинщики мѣстнаго происхожденія встрѣчались среди поселенцевъ гораздо рѣже, чѣмъ въ послѣдніе годы, то ясно увидимъ, что главная масса поселенцевъ принадлежала къ жителямъ Херсонской губ. и что главный контингентъ ея составляли десятинщики.

Величина отводимыхъ надѣловъ не была одинакова въ теченіе всего періода. Въ первые годы, когда среди поселенцевъ преобладали крестьяне, и когда никто не предполагалъ, что число желающихъ поселиться на казенной землѣ достигнетъ тѣхъ громадныхъ размѣровъ, какіе имѣли мѣсто въ послѣдніе годы отвода земли,—поселенцамъ нарѣзывали земли въ размѣрѣ указныхъ надѣловъ бывш. помѣщичьихъ крестьянъ, т.-е. по 4,5—5,5 дес. на наличную душу мужск. пола. Но съ 1887 года, послѣ разъясненія министра о правѣ на землю не только крестьянъ, но и вообще всѣхъ земледѣльцевъ [7]), мѣщане-десятинщики хлынули на землю въ такомъ громадномъ коли-

[6]) *Осадчій*, „Крестьянское надѣльное землевладѣніе въ Херс. губ.“, стр. 41.

[7]) Хотя въ законахъ 1881 и 1887 годовъ ясно сказано о правѣ на землю мѣщанъ-земледѣльцевъ, но мѣстная администрація слишкомъ осторожно обращалась съ этимъ правомъ, до разъясненія министра.

чествѣ, что явилась необходимость сократить размѣръ надѣла до 3-хъ десятинъ, а спустя нѣсколько лѣтъ, въ 1890 году, и вовсе прекратить отводъ казенныхъ земель. Въ прекращеніи отвода министръ государственныхъ имуществъ руководствовался тѣмъ, что отсутствіе среди крестьянскихъ владѣній свободныхъ для аренды казенныхъ земель можетъ слишкомъ вредно отразиться на благосостояніи коренного земледѣльческаго населенія. Въ силу этихъ же причинъ отводъ казенныхъ земель жителямъ другихъ губерній былъ прекращенъ значительно раньше. Въ 1890 году всѣмъ безземельнымъ, уже подавшимъ ходатайства (2412 душъ) о надѣленіи, предложено было переселиться въ Самарскую губ., гдѣ надѣлъ былъ увеличенъ до 6—8 дес. Но бѣдность поселенцевъ и отдаленность земель не позволили имъ воспользоваться этимъ предложеніемъ.

Такимъ образомъ, въ теченіе второго періода поселено было на казенныхъ земляхъ 37117 душъ, изъ которыхъ 7840—получили указные надѣлы отъ $3,_5$ до $5,_5$ дес., смотря по мѣстности; всѣ же остальные, за недостаткомъ земли,—всего лишь по 3 дес. на душу. Сравнивая между собой результаты двухъ періодовъ заселенія, мы видимъ, что второй періодъ далъ гораздо больше поселенцевъ, чѣмъ первый, и что число ихъ увеличили главнымъ образомъ десятинщики; мы видимъ также, что по земельному обезпеченію и въ платежномъ отношеніи поселенцы перваго періода были поставлены въ болѣе благопріятныя условія; но если мы примемъ во вниманіе, что во второй періодъ землей воспользовались наиболѣе нуждающіеся слои населенія и что періодъ этотъ значительно прорѣдилъ ряды десятинщиковъ, то придемъ къ тому заключенію, что второй періодъ заселенія достигъ болѣе серьезныхъ результатовъ и больше приблизился къ цѣли, чѣмъ первый.

Конечные результаты заселенія казенныхъ земель приведены въ слѣдующей таблицѣ.

	Образовалось обществъ.		Всѣхъ дворовъ.		Надѣловъ.		Налич. нас. об. пола.		Земли.	
	%	Число.	%	Число	%	Число.	%	Число.	%	Число.
1-й періодъ.	30,7	66	27,5	4833	24,2	11812	27,6	27975	35,4	65836,3
2-й „ .	69,3	149	72,5	12831	75,8	36931	72,4	73231	64,6	120103,5
Всего . .	100	215	100	17665	100	48743	100	111206	100	185939,8

За все время, значитъ, пристроено къ землѣ 17665 дворовъ съ 111,206 душами об. пола и отведено имъ земли 185,939,8 десят., что составляетъ на дворъ $10,_3$ дес., а на душу об. пола $1,_8$ д. Вопросъ о надѣленности въ различные періоды требуетъ болѣе подробнаго разсмотрѣнія. Полное представленіе объ этомъ даетъ слѣдующая таблица, въ которой всѣ поселенцы распредѣлены на группы по величинѣ надѣловъ [8]).

Размѣръ надѣла.	Александр. уѣздъ.		Елисаветгр. уѣздъ.		Ананьевскій уѣздъ.		Одесскій уѣздъ.		Херсонскій уѣздъ		По губерніи.		Всего.	%
	1-й періодъ.	2-й періодъ.	1-й періодъ.	2-й періодъ.	1-й періодъ.	2-й періодъ.	1-й періодъ.	2-й періодъ.	1-й періодъ.	2-й періодъ.	1 й періодъ	2-й періодъ.		
3 десятины.	—	5899	—	12193	—	1161	—	168	—	10175	—	29596	29596	60,7
3,5 „ .	—	579	271	2089	—	—	—	—	—	—	271	2668	2939	6,0
4 „ .	—	—	—	—	241	330	—	—	—	210	241	540	781	1,6
4,5 „ .	717	1221	1820	1244	—	—	—	—	—	—	2537	2465	5002	10,3
5,5 „ .	—	—	—	—	185	—	—	956	6000	706	6185	1662	7847	16,1
6—8 „ .	—	—	—	—	978	—	—	—	1600	—	2578	—	2578	5,3
Итого. .	717	7699	2091	15526	1404	1491	—	1124	7600	11091	11812	36931	48743	99,9

Слѣдовательно, изъ всей массы поселенцевъ $60,_7\%$, т.-е. большинство, получило въ надѣлъ по 3 дес. на душу, $17,_9\%$— отъ $3,_5$ до $4,_5$, $16,_1\%$—по $5,_5$ и $5,_3$—отъ 6 до 8 дес. на душу. Земельная же площадь распредѣляется такъ: на долю первой категоріи (съ над. въ 3 дес.) придется $47,_5\%$ всей земли, на долю второй ($3,_5$—$4,_5$)—$19,_8\%$, на долю третьей—$23,_2\%$, на долю 4-й—$9,_5\%$.

Таковы итоги надѣленія безземельныхъ казенной землей. Какъ ни скудны они въ количественномъ отношеніи, но вліяніе ихъ на хозяйственно-экономическую жизнь (Новороссіи) Херс. губ. все-таки очень значительно. Надѣленіе безземельныхъ вырвало громадную площадь казенныхъ земель изъ рукъ эксплоататоровъ-пересдатчиковъ, вытягивавшихъ всѣ соки изъ нуждающагося въ землѣ населенія, и передало ее въ руки тѣхъ, кто дѣйствительно въ ней нуждается; оно дало пристанище нѣсколькимъ тысячамъ десятинщиковъ и облегчило этимъ не только участь тѣхъ, кто получилъ землю, но также и тѣхъ, кто остался попрежнему жить и хозяйничать на чужой землѣ,

[8]) *Т. И. Осадчій*, „Кр. над. землевл. въ Херс. губ.“, стр. 71.

такъ какъ отыскать свободный клокъ земли для аренды стало значительно легче. Въ виду всего этого, въ нашихъ глазахъ, отводъ казенныхъ земель безземельному населенію дѣйствительно является единственной разумной попыткой исправить грѣхи крестьянской реформы, особенно тяжело отразившіеся на жизни населенія Херсонской губ.

До сихъ поръ мы говорили объ отводѣ десятинщикамъ казенной земли въ предѣлахъ Херсонской губ. Здѣсь же, конечно, долженъ явиться вопросъ,—насколько сильно среди десятинщиковъ стремленіе къ переселенію въ мѣстности болѣе отдаленныя, и въ какой формѣ выразилось это стремленіе. Такъ какъ десятинщики преимущественно народъ бродячій, не связанный ничѣмъ съ опредѣленнымъ мѣстомъ жительства и, вдобавокъ ко всему этому, мечтающій о собственномъ клочкѣ земли и всѣми силами стремящійся осуществить свои мечтанія, то естественно предположить, что переселенческое движеніе среди нихъ можетъ задерживаться только отсутствіемъ средствъ. На самомъ дѣлѣ такъ и есть. Немногочисленныя и очень печально окончившіяся попытки переселенія въ Самарскую губернію,—окончившіяся печально именно въ силу бѣдности переселявшихся,—надолго отбили у десятинщиковъ охоту двигаться за предѣлы Херсонской и Таврической губ.

Перейдемъ теперь къ покупкамъ десятинщиками земли съ помощью Крестьянскаго банка и на свои собственныя средства. Десятинщики только сравнительно недавно уравнялись настолько, что образовали группу, болѣе или менѣе однородную по имущественному обезпеченію. Теперь нѣтъ уже среди десятинщиковъ хозяевъ, обладающихъ десятками головъ скота и распахивающихъ своими силами сотни десятинъ земли, а когда-то такихъ хозяевъ было очень много. Послѣ реформы почти всѣ они превратились въ собственниковъ и значительно расширили группу мѣщанъ-землевладѣльцевъ. Теперь, разумѣется, ничего подобнаго произойти не можетъ, теперь десятинщикъ не только не можетъ дѣлать въ банки тысячные вклады, но едва-едва прокармливаетъ себя и свою семью. Слѣдовательно, хотя покупки земли на собственныя средства и совершались членами группы десятинщиковъ, но явленіе это отошло уже въ область преданій, и повторенія его ждать очень трудно. Гораздо интереснѣе для насъ товарищескія покупки десятинщиковъ съ помощью Крестьянскаго банка. На нихъ мы остановимся нѣсколько подробнѣе. Какъ извѣстно, вопросъ о необходимости земельнаго кредита для крестьянъ и мелкихъ

земледѣльцевъ былъ поднятъ впервые земствами и нѣкоторыми сельско-хозяйственными обществами. Въ 1879 году херсонская губернская управа, по просьбѣ московскаго общества сельскаго хозяйства, принимала участіе въ разработкѣ устава „Земской кассы поземельнаго кредита“. Въ своемъ докладѣ собранію она ясно и категорически выразила мысль о недостаточности крестьянскихъ надѣловъ, о необходимости такъ или иначе устроить массу безземельныхъ, оставленныхъ реформой въ наслѣдіе грядущимъ поколѣніямъ, о крайне тяжелыхъ условіяхъ арендованія земель, которыя крестьянамъ почти повсюду приходится снимать изъ вторыхъ и даже третьихъ рукъ, отдавая трудовые гроши всевозможнымъ предпринимателямъ-пересдатчикамъ. Съ цѣлью окончательнаго выясненія этихъ вопросовъ, въ слѣдующемъ году предприняты были работы по изслѣдованію крестьянскаго землевладѣнія. Изслѣдованія эти выяснили, что земли у крестьянъ дѣйствительно мало, что свободныхъ частновладѣльческихъ земель, не приносящихъ ихъ владѣльцамъ почти никакого дохода, очень много и что всѣ онѣ, при посторонней помощи, могли бы перейти въ руки нуждающагося въ нихъ населенія. И вотъ собраніе, для цѣлей расширенія крестьянскаго землевладѣнія, ассигнуетъ довольно ничтожную сумму— 13 тыс. руб. Но и она произвела на крестьянъ магическое дѣйствіе. Лишь только разнесся слухъ, что земство помогаетъ крестьянамъ покупать земли, ходатайства полились безъ конца. Управа, разумѣется, могла удовлетворить только очень немногихъ, но все-таки при ея помощи нѣсколько крестьянскихъ обществъ пріобрѣли прилегающіе къ ихъ надѣламъ и очень нужные имъ клочки частновладѣльческой земли. Этимъ и закончилась непосредственная дѣятельность херсонскаго земства по расширенію крестьянскаго землевладѣнія.

18 мая 1882 г. былъ Высочайше утвержденъ уставъ Крестьянскаго банка, а въ апрѣлѣ слѣдующаго года отдѣленіе его появилось въ Херсонѣ. Разумѣется, при первомъ же столкновеніи съ дѣйствительностью въ уставѣ банка обнаружились многіе пробѣлы и погрѣшности. Первымъ и главнымъ недостаткомъ новаго учрежденія было слишкомъ строгое ограниченіе предѣловъ его дѣятельности. Банкъ выдавалъ ссуды только крестьянамъ, а между тѣмъ мы знаемъ, что на нихъ точно такое же право имѣли мѣщане-десятинщики, такіе же исконные земледѣльцы, какъ и крестьяне, ничѣмъ не отличающіеся отъ нихъ ни по занятіямъ, ни по образу жизни. Вторымъ, и тоже очень крупнымъ недостаткомъ въ дѣятельности банка была

слишкомъ низкая оцѣнка земель. Такъ, въ сѣверной части губерніи земля была оцѣнена банкомъ въ 40—45 р. и только какъ исключеніе—въ 60, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности покупали ее не дешевле 80—90 р. На Югѣ разница была еще болѣе чувствительной; земля здѣсь была оцѣнена всего лишь въ 25—30 р., а покупали ее крестьяне почти по такой же цѣнѣ, какъ и на Сѣверѣ губерніи,—въ виду того, что здѣсь сильными конкурентами крестьянъ при покупкѣ земель были нѣмцы, покупавшіе земли въ громадномъ количествѣ и платившіе за нихъ сравнительно дорого. Всѣ недостатки банка ярко обнаружились въ томъ фактѣ, что онъ не только не расширяетъ своей дѣятельности, но, наоборотъ, постепенно и неуклонно сокращаетъ. Такъ, до 1893 г. включительно, т.-е. за десять лѣтъ существованія банка, совершено было всего 111 покупокъ, въ которыхъ принимало участіе 6,316 хозяйствъ съ 18,907 душами мужского пола. Земли было пріобрѣтено 41,325 дес. Вся земля по размѣрамъ ежегодныхъ покупокъ распредѣлилась въ десятилѣтіе такъ [9]).

Купленная въ теченіе года земля составляетъ всей площади:

Въ 1883 г.	13,4%	Въ 1889 г.	3,3%
„ 1884 „	34,3	„ 1890 „	5,5
„ 1885 „	17,8	„ 1891 „	1,2
„ 1886 „	8,9	„ 1892 „	0
„ 1887 „	9,6	„ 1893 „	1,8
„ 1888 „	4.2		

Вся скудость дѣятельности банка выразится особенно рѣзко, если мы сопоставимъ съ банковскими покупками: a) общую площадь Херсонской губерніи, b) площадь частнаго землевладѣнія, c) площадь надѣльнаго землевладѣнія:

Вся площадь губерніи равна	6,376,912 дес., покупка 41,325	0,65%
„ „ частнаго землевл.	3,516,560	1,18
„ „ надѣльнаго „	2,012,511	2,05

Единственную причину такого печальнаго положенія дѣлъ можно видѣть только въ томъ, что разница между банковской оцѣнкой земель и ихъ дѣйствительной стоимостью растетъ очень быстро, въ силу этого размѣры доплаты растутъ, устраняя отъ покупокъ болѣе бѣдное населеніе. Такимъ образомъ,

[9]) *Осадчій*, „Крестьянскія земельныя пріобрѣтенія въ Херс. губ.“. Зап. Ю.-Р. Общ. С. Х., 7—8, 94 г., 29 стр.

Крестьянскій банкъ очутился между двухъ стульевъ; съ одной стороны бѣдное крестьянство съ ростомъ доплатъ теряетъ возможность пользоваться его помощью, а съ другой—богатое и зажиточное крестьянство не особенно дорожитъ этой помощью, такъ какъ предѣльная ссуда 500 р. на хозяйство для него слишкомъ незначительна. Съ увѣренностью можно сказать, что если бы не постоянный обходъ банковскихъ правилъ — искусственное увеличеніе числа семей, приглашеніе въ товарищество фиктивныхъ членовъ и проч., то банкъ давно бы уже превратился въ безжизненное и бездѣятельное учрежденіе.

Съ 1885 года, благодаря, главнымъ образомъ, ходатайству земства, вопросъ о разрѣшеніи ссудъ десятинщикамъ некрестьянскаго происхожденія былъ разрѣшенъ утвердительно. Закономъ 19 іюня 1885 г. десятинщикамъ Одесскаго, Тираспольскаго и Ананьевскаго уѣздовъ предоставлено право пользоваться банковскими ссудами наравнѣ съ крестьянами. Но къ этому времени доплаты возросли настолько, что покупка земель стала для десятинщиковъ почти невозможной. Это вполнѣ ясно видно изъ того, что съ 1886 г., когда десятинщики получили право обращаться въ банкъ за помощью, количество покупокъ не только не возросло, но даже понизилось. Отсюда было бы, разумѣется, ошибочно заключить, что Крестьянскій банкъ ничего не сдѣлалъ для десятинщиковъ. Онъ косвенно повліялъ на ихъ участь въ томъ же направленіи, какъ и заселеніе казенныхъ земель. Кромѣ того, надо замѣтить, что помощью банка десятинщики съумѣли воспользоваться еще задолго до обнародованія закона 19 іюня. Дѣло въ томъ, что во всѣхъ почти товариществахъ, покупавшихъ землю съ помощью банка, въ первые годы жизни на новомъ мѣстѣ происходили неурядицы и ссоры, вслѣдствіе которыхъ многіе члены оставляли товарищество, бросая свою землю на произволъ судьбы, или, рѣже, продавая ее постороннему лицу. Взамѣнъ выбывшихъ членовъ товарищество приглашало на свободныя земли новыхъ. Этими-то новыми членами и являлись въ большинствѣ случаевъ десятинщики, такъ какъ изъ всѣхъ земледѣльческихъ сословій только они одни ничѣмъ не рисковали, вступая въ ненадежное и непрочное товарищество. Они привыкли ко всякаго рода лишеніямъ, и жизнь въ новомъ поселеніи для нихъ не была такъ страшна, какъ для крестьянъ-собственниковъ; тѣмъ болѣе, что въ перспективѣ все-таки была надежда навсегда разстаться съ неприглядной кочевой жизнью. Такимъ образомъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ десятинщики являлись подставными,

такъ сказать, членами товариществъ, и потому уже опредѣлить точно число успѣвшихъ пристроиться къ землѣ очень трудно. Кромѣ того, неполность и необстоятельность нашихъ свѣдѣній о земельныхъ пріобрѣтеніяхъ десятинщиковъ усугубляется еще и тѣмъ, что десятинщики-крестьяне при покупкѣ земли товариществами не выдѣлялись, а прямо причислялись къ безземельнымъ. Съ другой стороны, невозможно опредѣлить число покупщиковъ изъ мѣщанъ-десятинщиковъ, такъ какъ и здѣсь банкъ не отдѣлялъ ихъ отъ всего сословія мѣщанъ, значительная доля котораго принадлежала къ числу пригородныхъ земледѣльцевъ, хозяйничавшихъ на городскихъ земляхъ. Такимъ образомъ, мы положительно не имѣемъ возможности опредѣлить точно количество десятинщиковъ, пріобрѣвшихъ земли при помощи Крестьянскаго банка. Да это, собственно говоря, и не имѣетъ для насъ существеннаго значенія. Намъ прежде всего важно узнать,— насколько вообще доступны для десятинщиковъ земельныя покупки, и можетъ ли нормальная банковская ссуда поставить на ноги десятинщика и сдѣлать его вполнѣ самостоятельнымъ хозяиномъ-собственникомъ. Общее число безземельныхъ, устроившихся при помощи Крестьянскаго банка, количество купленной ими земли, размѣры банковской ссуды и личныхъ доплатъ сведены въ слѣдующей таблицѣ [10]).

Всего дворовъ безземельныхъ херс. губ.	% къ общ. числу покупщиковъ	Куплено земли всего.	Земли.		Покуп. стоим.		Ссуда.		Доплаты.	
			На хоз.	На душу.	На хоз.	На душу.	На хоз.	На душу.	На хоз.	На душу.
482	11,1	3229,4	6,7	2,4	490,8	177,6	373,4	135,1	117,4	42,5

Изъ этой таблицы мы видимъ, что размѣры покупокъ безземельныхъ довольно высоки, значительно выше указныхъ надѣловъ бывш. помѣщ. крестьянъ, принятыхъ за норму земельной обезпеченности земледѣльческаго населенія Херс. губ.; но и они не освобождаютъ десятинщика отъ необходимости искать для аренды земли на сторонѣ. Изъ этой же таблицы намъ становится яснымъ — сколькихъ усилій стоитъ обыкновенно десятинщику покупка земли даже и при помощи банка. Мы видимъ, что въ среднемъ каждый дворъ доплачивалъ къ покупной стоимости помимо ссуды еще своихъ 117,4 р. Сумма эта для десятинщика

[10]) *Осадчій*, тамъ же, 9—12, 94 г.

очень велика. Чтобы добыть ее, ему необходимо продать по крайней мѣрѣ половину своего добра. Кромѣ того, на новомъ мѣстѣ ему необходимо сколотить хоть какое-нибудь жилище; все это въ громадномъ большинствѣ случаевъ или заставляетъ десятинщика идти въ кабалу къ деревенскимъ кулакамъ, или распродавать все свое имущество, идти на нѣсколько лѣтъ въ рабочіе, а купленную землю сдавать въ аренду и льстить себя надеждой—жить въ будущемъ человѣческой жизнью. Ясно, что на такой шагъ рѣшаются немногіе десятинщики, немногіе рѣшаются жертвовать всѣмъ въ виду будущихъ благъ. Отсюда выводъ одинъ: Крестьянскій банкъ, если только хотятъ, чтобы онъ былъ дѣйствительно полезнымъ учрежденіемъ и чтобы онъ хоть немного улучшилъ бытъ десятинщиковъ, долженъ примѣнять при выдачѣ имъ ссуды правила, которыя уравняли бы шансы десятинщиковъ съ шансами крестьянскихъ надѣленныхъ сословій. Крестьянинъ, покупая землю въ товариществѣ, или остается попрежнему жить въ своей деревнѣ, если купленная земля расположена недалеко, или переѣзжаетъ на купленный участокъ и тамъ устраивается жильемъ. Въ первомъ случаѣ онъ не дѣлаетъ затратъ на устройство новаго жилья, во второмъ—онъ продаетъ старую усадьбу и на эти деньги строитъ новую. Однимъ словомъ, при покупкѣ земли съ помощью Крестьянскаго банка члены надѣленныхъ крестьянскихъ группъ имѣютъ, въ большинствѣ случаевъ, полную возможность сразу устроиться болѣе или менѣе прочно и избѣжать тѣхъ ужасовъ нищеты и голодовокъ, какіе приходится переживать безземельнымъ и десятинщикамъ, остающимся обыкновенно послѣ покупки безъ гроша и вдобавокъ съ значительнымъ долгомъ на шеѣ.

Такимъ образомъ, однѣ изъ причинъ, тормозящихъ дѣло земельнаго обезпеченія десятинщиковъ, лежатъ въ условіяхъ дѣятельности Крестьянскаго банка, другія—въ бытовыхъ условіяхъ жизни самихъ десятинщиковъ.

Я уже нѣсколько разъ упоминалъ о томъ, что всѣ вообще десятинщики, и въ особенности мѣщане, представляютъ изъ себя вполнѣ разрозненное и лишенное всякой внутренней связи сословіе. Живя въ селахъ и деревняхъ среди крестьянъ, десятинщики не могутъ сблизиться съ ними уже потому, что не принимаютъ участія въ ихъ самоуправленіи и всѣхъ общественныхъ дѣлахъ. Живя отдѣльными хуторами, десятинщики сближаются другъ съ другомъ только временно, такъ какъ населеніе хутора постоянно мѣняется—одни приходятъ, другіе уходятъ. Кромѣ того, и въ отношеніяхъ къ владѣльцу деся-

тинщики всегда дѣйствуютъ каждый за себя; каждый самостоятельно снимаетъ землю и самостоятельно несетъ всѣ свои повинности. Этотъ же принципъ единоличности десятинщики переносятъ и на земельныя пріобрѣтенія. Даже въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда они группируются для покупки земли въ товарищества, общность интересовъ и нѣкоторая солидарность имѣютъ мѣсто только въ отношеніяхъ къ банку и въ земельныхъ распорядкахъ. Во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ десятинщики, въ качествѣ собственниковъ, сохраняютъ всѣ свойства и привычки, выработанныя въ нихъ долгими годами бродячей жизни. Въ этомъ отношеніи они глубоко отличаются отъ нѣмцевъ, которые не только при покупкѣ земли, но и при арендѣ селятся поселками и создаютъ свое самоуправленіе, свой судъ и свои земельные порядки. Въ жизненной борьбѣ эта склонность къ общинному быту даетъ нѣмцамъ много лишнихъ шансовъ, и, главнымъ образомъ, благодаря ей они такъ прочно и хорошо устроились на Югѣ, что даже конкурренція Крестьянскаго банка для нихъ не страшна и не мѣшаетъ имъ покупать на свои личныя средства все новые и новые земельные просторы въ то время, какъ десятинщики даже и при помощи Крестьянскаго банка покупаютъ землю очень рѣдко и, купивши, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ ведутъ самую упорную борьбу съ бѣдностью и съ внутренними разладами и безпорядками. На слабую распространенность десятинщицкихъ покупокъ вліяло еще и то обстоятельство, что въ южныхъ уѣздахъ, гдѣ преимущественно сосредоточилось это сословіе, земли съ помощью Крестьянскаго банка покупались въ очень незначительномъ количествѣ, во-первыхъ—вслѣдствіе слишкомъ низкой оцѣнки земель, сравнительно съ ихъ покупной стоимостью, и во-вторыхъ—благодаря все тѣмъ же нѣмцамъ, повысившимъ своими покупками цѣны. Земли съ помощью Крестьянскаго банка покупались, главнымъ образомъ, въ сѣверныхъ уѣздахъ—Александрійскомъ, Елисаветградскомъ и Ананьевскомъ. Десятинщики Юга не могли, конечно, принимать дѣятельнаго участія въ этихъ покупкахъ, такъ какъ большинство свободныхъ земель сейчасъ же пріобрѣталось обществами и товариществами мѣстныхъ крестьянъ или товариществами переселенцевъ изъ сосѣднихъ губерній—Кіевской, Подольской и Харьковской.

Слѣдующая таблица, показывающая покупки мѣстнаго населенія поуѣздно, подтверждаетъ только-что сказанное [11]).

---

[11]) *Осадчій*, тамъ же, 9—12, 94 г.

Уѣзды:	Число товар.	Дворовъ; д. мужск. пол.	Колич. земли.
Александрійскій.	14	751/2431	5051,21
Елисаветградскій	29	1550/5177	9314,14
Ананьевскій	15	982/2761	8883,34
Тираспольскій	15	874/2367	6645,49
Одесскій	2	24/70	311,62
Херсонскій.	5	161/471	1708,21
Всего . . .	80	4372/13277	31914,66

Ясно, такимъ образомъ, что до сихъ поръ Крестьянскій банкъ не оказалъ существеннаго вліянія на бытъ десятинщиковъ, и мы, на основаніи всего изложеннаго, съ увѣренностью можемъ сказать, что и не окажетъ до тѣхъ поръ, пока кореннымъ образомъ не измѣнитъ характера своей дѣятельности, не начнетъ примѣнять къ десятинщикамъ и безземельнымъ иныхъ правилъ, чѣмъ тѣ, какія практикуются по отношенію къ другимъ группамъ, и не увеличитъ ссуду до такихъ размѣровъ, чтобы она давала десятинщику возможность сразу стать твердо на ноги и не подвергаться ужасамъ нищеты и голодовокъ. До сихъ поръ Крестьянскій банкъ не сдѣлалъ и шагу въ этомъ направленіи.

Мы покончили съ тѣми мѣрами, какія примѣнялись когда-либо для земельнаго обезпеченія десятинщиковъ.

Урегулированіе арендъ никогда не останавливало на себѣ вниманія ни правительства, ни земства. Разумѣется, ждать въ данномъ случаѣ вмѣшательства въ отношенія десятинщиковъ къ частнымъ владѣльцамъ было бы неразумно, но зато вполнѣ естественно думать, что сдача казенныхъ земель должна принять характеръ мѣры, косвенно вліяющей на урегулированіе этихъ отношеній. Правда, вопросъ объ этомъ уже нѣсколько разъ поднимался въ правящихъ сферахъ, и не дальше какъ весною этого года газеты сообщали, что на сдачу казенныхъ земель рѣшено смотрѣть не какъ на статью государственнаго дохода, а какъ на средство расширить крестьянскія аренды и поднять благосостояніе крестьянскихъ массъ, Но примѣненія этого благого принципа въ жизни мы еще не видимъ.

До сихъ поръ не только десятинщики, но и крестьяне къ арендѣ казенныхъ земель прибѣгаютъ только въ случаяхъ крайней земельной тѣсноты, такъ какъ аренда эта сопряжена съ множествомъ ненужныхъ и обременительныхъ формальностей.

3.

Покончивъ съ прошлымъ десятинщиковъ, въ этой послѣдней главѣ я остановлюсь на ихъ современномъ положеніи и нарисую возможно полную и вѣрную картину ихъ внутренняго и экономическаго быта.

Въ настоящее время десятинщики являются сословіемъ забытымъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, и предоставленнымъ самому себѣ. Отводъ казенныхъ земель въ предѣлахъ Херсонской губ. прекращенъ, помощь Крестьянскаго банка недоступна, средствъ для пріобрѣтенія земли въ личную собственность и для переселенія нѣтъ—нѣтъ, значитъ, и надежды сдѣлаться, когда бы то ни было, собственникомъ. Съ другой стороны, постоянное сокращеніе аренднаго фонда, постоянное расширеніе крестьянскихъ и нѣмецкихъ арендъ отрываютъ десятинщиковъ отъ земли, гонятъ ихъ въ города, и скоро, очень скоро придетъ время, когда всѣ 20 слишкомъ тысячъ исконныхъ хозяевъ принуждены будутъ отказаться отъ своего занятія и искать новаго—имъ непривычнаго и несимпатичнаго. На территоріи Херсонской губерніи въ настоящее время, по даннымъ земской статистики, насчитывается 20020 дворовъ десятинщиковъ По уѣздамъ они распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

Уѣзды:	Дворовъ: Все земл. нас.	Деся-тинщ.	% ко всему земл. нас.
Ананьевскій	37188	5757	15,40
Одесскій	23258	4640	20,40
Тираспольскій.	27804	4458	16,01
Елисаветградскій.	74006	2378	3,40
Херсонскій	48898	1988	4,10
Александрійскій	54219	799	1,5
Всего	265373	20020	7,5

Больше всего десятинщиковъ и въ количественномъ, и въ процентномъ отношеніи въ западной части губерніи, т.-е. въ той именно мѣстности, гдѣ процентъ не получившихъ надѣловъ послѣ реформы, какъ мы видѣли раньше, особенно высокъ. Это

обстоятельство могло бы дать поводъ думать, что десятинщики— сословіе неподвижное, не любящее часто мѣнять мѣсто жительства и старающееся возможно дольше оставаться на одномъ мѣстѣ. Но въ данномъ случаѣ неподвижность ихъ объясняется иначе: въ западной части Херсонской губ. сосредоточена главная масса частновладѣльческихъ земель, составляющихъ для десятинщиковъ главный источникъ арендъ. Вся земельная площадь *западной части губерніи* распредѣляется по владѣніямъ слѣдующимъ образомъ:

Уѣзды.	Общее пространство.	Частная собствен.		Надѣльная собствен.		Остальныя земли.	
		Число десятинъ.	% къ общ. пр.	Число десятинъ.	% къ общ. пр.	Число десятинъ.	% къ общ. пр.
Ананьевскій. .	828125,4	578638,7	69,8	183843	22,2	65742,9	8
Одесскій . . .	871551	547061	63,8	110687	12,7	214003	24,5
Тираспольскій.	659076	391282,7	59,4	164108,9	24,9	103685,4	15,7
Всего . .	2358752,4	1516982,4	63,4	458638,9	19,4	383431,3	17,2

а въ *восточной*:

Уѣзды.	Общее пространство	Частная собствен.		Надѣльная собствен.		Остальныя земли.	
		Число десятинъ.	% къ общ. пр.	Число десятинъ.	% къ общ. пр.	Число десятинъ.	% къ общ. пр.
Херсонскій . .	1765969,7	867942,9	49,8	538620,7	30,5	359406,1	19,7
Елисаветград. .	1428306,8	757941,1	53,1	582330,4	40,8	88035,3	6,1
Александр. . .	885621,7	373693,8	41,3	432397,5	48,8	79530,4	9,9
Всего . .	4079898.2	1999577,8	49,1	1553348,6	37,3	526971,7	13,6

Сравнивая итоги двухъ половинъ губерніи, мы получимъ:

Западная . .	2358752,4	1516982,4	**63,4**	458638,9	**19,4**	383431,3	17,2
Восточная. . .	4079898,2	1999577,8	**49,1**	1553348,6	**37,3**	526971,7	13,6

Отсюда ясно видно, что десятинщики устроились въ той именно мѣстности, гдѣ они скорѣе всего могутъ надѣяться на удовлетвореніе своей земельной потребности.

Опредѣлить болѣе или менѣе точно площадь ежегодно запахиваемой десятинщиками земли возможно только путемъ помноженія среднихъ подворныхъ запашекъ, размѣры которыхъ установлены изслѣдованіями 1886 и 1887 годовъ, на общее число десятинщиковъ. Сдѣлавъ такого рода подсчетъ, мы получимъ:

Уѣзды:	Запашка 1-го хоз. десятин.	Количество хозяйствъ.	Общая площадь запашки.	% къ частному землевладѣнію.
Александрійскій	7,7	799	6152,3	1,7
Елисаветградскій	8,3	2378	19737,4	2,6
Ананьевскій	10,7	5757	61600	10,6
Тираспольскій.	11,1	4458	49483,8	12,7
Одесскій	17,3	4640	80332	14,8
Херсонскій	21,1	1988	51886,8	5,9
По губерніи . .	13,4	20020	269152,3	6,3

Слѣдовательно, въ пользованіе десятинщиковъ поступаетъ ежегодно 269,152,8 дес. пахотной земли, составляющей 6,3% всѣхъ частновладѣльческихъ земель и 30,1% частновладѣльческой пахоты [12]). Уже однѣ эти цыфры ясно говорятъ, каково значеніе десятинщика въ хозяйственно-экономической жизни Новороссіи, какова его зависимость отъ частныхъ владѣльцевъ и участь въ будущемъ, при расширеніи самостоятельныхъ владѣльческихъ запашекъ. Постараемся теперь на основаніи этихъ данныхъ опредѣлить земельную обезпеченность десятинщиковъ, т.-е., другими словами, постараемся узнать, насколько находящаяся въ ихъ пользованіи земля можетъ удовлетворять ихъ насущныя потребности.

Для этой цѣли мы прежде всего опредѣлимъ, какое количество земли необходимо запахивать ежегодно десятинщику, чтобы удовлетворить ея продуктами въ минимальныхъ размѣрахъ свои насущнѣйшія нужды. При опредѣленіи мы будемъ также принимать во вниманіе количество рабочаго скота десятинщиковъ, такъ какъ объ этомъ есть довольно вѣрныя и подробныя свѣдѣнія. Этими двумя факторами—нуждами и производительными

[12]) Пахотная земля въ частномъ владѣніи составляетъ ежегодно 1,336,292 дес., или 38% всего частнаго землевладѣнія.

силами—можно опредѣлить очень точно размѣры необходимой для десятинщика запашки, и затѣмъ, сравнивши полученное теоретически съ тѣмъ, чтó даетъ жизнь, мы получимъ довольно точное представленіе объ экономической сторонѣ жизни десятинщика.

Среди насущнѣйшихъ нуждъ у десятинщика, такъ же какъ и у всякаго другого земледѣльца, на первомъ планѣ стоятъ двѣ—пищевая и платежная. Относительно нихъ только мы и будемъ учитывать нашу предполагаемую площадь запашки. Конечно, десятинщика одолѣваютъ не только эти потребности; ему нужно одѣться, ему нужно затратить значительно больше, чѣмъ собственнику, на такіе продукты, какъ овощи, фрукты и пр., безъ которыхъ нельзя обойтись и которыхъ нѣтъ тоже возможности получать въ своемъ хозяйствѣ. Все это необходимо было бы принимать въ расчетъ еще и потому, что десятинщикъ меньше, чѣмъ всякій другой сельскій житель, можетъ прибѣгать къ заработкамъ на сторонѣ—для этого у него нѣтъ ни времени, ни подходящихъ условій. Во-первыхъ, онъ живетъ большей частью вдали отъ большихъ селеній, гдѣ скорѣе всего можно найти работу, и, во-вторыхъ, долженъ слишкомъ много времени посвящать работамъ въ своемъ хозяйствѣ или выполненію всевозможныхъ урочныхъ работъ въ пользу владѣльца. Все говоритъ, однимъ словомъ, что слѣдовало бы при подсчетѣ принять болѣе широкій кругъ потребностей, но сдѣлать это почти невозможно, да и безполезно въ томъ смыслѣ, что полученная путемъ такого точнаго подсчета норма запашки будетъ настолько призрачна и далека отъ дѣйствительности, что потеряетъ всякое значеніе. Какъ это ни странно, но свѣдѣнія, добытыя въ время подворной переписи въ сѣверныхъ уѣздахъ, показываютъ такіе размѣры десятинщицкихъ запашекъ, что даже при самомъ скромномъ разсчетѣ доходъ съ нихъ едва удовлетворяетъ половину насущнѣйшихъ потребностей десятинщика.

Чѣмъ же и какъ живетъ онъ?—спроситъ нетерпѣливый читатель. На этотъ очень естественный вопросъ я дамъ отвѣтъ въ концѣ настоящей работы.

Всѣ изслѣдователи Херсонской губ., разсматривая ее не по административнымъ единицамъ, а какъ одно цѣлое, разбиваютъ ея территорію на двѣ полосы, разнящіяся между собой какъ въ естественномъ почвенно-климатическомъ, такъ и въ экономическомъ отношеніи. Сѣверная полоса захватываетъ уѣзды Александрійскій, Елисаветградскій и сѣверную часть Ананьевскаго; южная—уѣзды Херсонскій, Одесскій и южную часть Ананьевскаго.

Первая полоса характеризуется большимъ плодородіемъ и, въ частности, преобладаніемъ мелкой собственности. Вторая полоса носитъ чисто степной характеръ, меньше плодородна, чѣмъ первая, слабѣе населена, и крупная земельная собственность въ ней значительно преобладаетъ надъ мелкой.

Для своихъ цѣлей мы тоже должны принять такое дѣленіе. Для насъ оно важно еще и въ томъ отношеніи, что въ сѣверной полосѣ была произведена земствомъ въ 1886 и 1887 гг. подворная перепись, всесторонне освѣтившая жизнь земледѣльческаго населенія. Для южной полосы такихъ точныхъ данныхъ нѣтъ.

Продовольственная норма на душу об. пола и всевозможныхъ возрастовъ равна 18 пуд. хлѣба въ зернѣ [13]), или на семью, состоящую изъ пяти членовъ, 90 пуд.

Платежныя повинности десятинщиковъ сводятся къ слѣдующему:

	Сѣверн. пол.	Южная пол.
Плата за хату	12 р.	10 р.
„ за выпасъ скота .	25,50 „	30 „
Подати мірскія [14]) . . .	3 „	1,50 „
„ мѣщанскія . . .	7 „	7 „
	47,50 р.	48,50 р.

Сюда мы не причислили пока платы за землю, тогда какъ она и натурой, и въ переводѣ на деньги равна $^1/_3$ валового дохода, другими словами—изъ каждыхъ трехъ десятинъ засѣянной земли въ пользу владѣльца поступаетъ одна въ видѣ сжатаго и свезеннаго на экономическій токъ хлѣба.

Среднимъ урожаемъ на крестьянскихъ земляхъ за цѣлый рядъ лѣтъ можно считать:

	Рожь.	Пшеница. яр.	Пшеница. озим.	Ячмень.	Овесъ.	Кукур.
Для сѣверн. полосы . .	24 п.	20 п.	26 п.	27 п.	25 п.	35 п.
„ южной „ . .	20 „	16 „	22 „	21 „	20 „	45 „

[13]) Собственно, нормой для взрослаго крестьянина Херс. губ., какъ по показаніямъ самихъ крестьянъ, такъ и по даннымъ, выработаннымъ гигіеной, принято считать 24 пуд., но взрослое населеніе составляетъ $^1/_2$ всего населенія, для невзрослаго пай уменьшается вдвое, отсюда норма—18 пуд.

[14]) Десятинщики въ большинствѣ случаевъ и до сихъ поръ уплачивали мірскія подати и несли мірскія повинности, но съ этого года, послѣ разъясненія Правительствующаго Сената о томъ, что въ несеніи денежныхъ и натуральныхъ мірскихъ повинностей должны одинаково участвовать всѣ лица, имѣющія осѣдлость въ селахъ и деревняхъ, повинности сдѣлаются для десятинщиковъ обязательными.

Отношеніе между площадями посѣвовъ различныхъ хлѣбовъ для этихъ полосъ таково: всей пахоты занимаетъ

Пшеница озим.	Яровая.	Рожь.	Ячмень.	Овесъ.	Кукур. и проч.
15%	30%	20%	15%	10%	10%

Цѣны на зерновые продукты, какъ среднее за послѣднее десятилѣтіе, таковы: пшеница 60 к., рожь 45 к., ячмень 35 к., овесъ 40 к., кукуруза 30 к.

Вычисливши теперь, соразмѣрно запашкѣ, сборъ различныхъ хлѣбовъ и приведя все къ одному показателю—ячменю, мы получимъ слѣдующее:

	Ржи.	Пшен.	Ячм.	Овса.	Кукур.	Всего.
Въ сѣверн. полосѣ при запашкѣ въ 9,7 дес. получ. . . .	46,5	95	39	24	33,9	238,4
Въ южной полосѣ при запашкѣ въ 16,4 дес. получ.	65,6	147,6	51,7	32,8	73,8	271,5

Переведя всѣ хлѣба въ ячмень и вычтя изъ валового сбора третью долю въ пользу владѣльца, получимъ:

Сѣверн. полоса, собрано . . .	309,7, уплачено владѣльцу	103,2, остат.	206,5
южная „ „ . . .	476,3, „ „	158,7, „	317,6

Переведемъ теперь всѣ потребности десятинщика, выраженныя нами раньше въ рубляхъ, въ пуды ячменя.

	Сѣверн.	Южная.
Плата за хату	34,2 п.	28,8 п.
„ „ выпасъ . . .	72,8 „	85,8 „
подати мірскія	8,6 „	4,2 „
„ мѣщанскія. . .	20 „	20 „
Пища	90 „	90 „
Всего	225,6 п.	228,8 п.

Сравнивъ количество полученнаго десятинщикомъ хлѣба съ количествомъ нужнаго, увидимъ, что:

въ сѣверн. полосѣ . . . 206,5—225,6=−19,1—хлѣба не хватаетъ.
„ южной „ . . . 317,6—228,8=+88,6—хлѣба излишекъ.

Отсюда мы ясно видимъ, что у десятинщика сѣверной полосы хлѣба не хватаетъ даже для удовлетворенія такихъ потребностей, какъ пищевая и платежная. Въ южной полосѣ хотя и есть нѣкоторый излишекъ, но онъ существеннаго вліянія на хозяйство и благосостояніе десятинщика не оказываетъ, такъ какъ съ увеличеніемъ запашки увеличиваются и расходы,

и то, что десятинщикъ южной полосы получаетъ хлѣба больше, чѣмъ десятинщикъ сѣверной, еще не значитъ, что онъ живетъ лучше его.

Если мы захотимъ выразить недостатокъ и излишекъ хлѣба у всей группы десятинщиковъ по-полосно, то увидимъ, что для десятинщиковъ сѣверной полосы весь недостатокъ хлѣба выразится въ 170,639 пудахъ (ячменя), или въ переводѣ на деньги въ 60,133,$_{85}$ р., для десятинщиковъ южной полосы излишекъ выразится въ 981,219,$_{6}$ пуд., или въ переводѣ на деньги въ 343,426,$_{76}$ р. Сдѣлавши такого рода вычисленіе для всей губерніи, мы получимъ слѣдующую весьма интересную картину:

	Всего дворовъ.	Запашка.	Общій сборъ въ пудахъ.	Расходы въ пудахъ.	Остатокъ.	На семью.
Въ сѣверной полосѣ	8934	87389,7	2766859	2937498	—170639	—19,1
„ южной „ .	11086	181762,6	5280261	4294042	+981219,5	+88,6
По губерніи . . .	20020	269152,3	8047120	7231540	805580	40,2

т.-е. значитъ, въ среднемъ по губерніи на каждый дворъ (семью) десятинщиковъ остается послѣ удовлетворенія пищевыхъ и платежныхъ потребностей 40.$_{2}$ пуд. хлѣба, или въ переводѣ на деньги 14 р. 7 к. Насколько ничтожна эта цыфра, мы увидимъ ясно, когда сравнимъ средства къ жизни десятинщика со средствами представителя другой группы земледѣльческаго населенія—государственнаго крестьянина, положеніе котораго признано вполнѣ удовлетворительнымъ—потому, главнымъ образомъ, что онъ можетъ хозяйничать вполнѣ самостоятельно, сводя концы съ концами, не разоряясь, хотя, разумѣется, и не богатѣя.

При вычисленіи бюджета государственнаго крестьянина мы будемъ также принимать во вниманіе только двѣ потребности—пищевую и платежную.

Всѣхъ государственныхъ крестьянъ (безъ ново-поселенцевъ, надѣлы которыхъ далеко не удовлетворяютъ потребностямъ группы, и которыхъ скорѣе можно причислить по земельному обезпеченію къ бывшимъ помѣщичьимъ крестьянамъ)—32800 дворовъ. Слѣдующая таблица подробно показываетъ ихъ численность и земельное обезпеченіе.

	Дворовъ.	Душъ об. п.	Земли всего.	Пахоты.	На дворъ всего.	Пахоты на дворъ.	Пахоты на душу.
Сѣверная полоса	8895	42169	75332,3	47302,4	8,4	5,4	1,1
Южная полоса	23905	139590	332499,3	220125	13,9	9,2	1,6
По губерніи . .	32800	171759	407831,6	267427,4	12,4	8,1	2,7

Общій сборъ хлѣба этой группы, выраженный въ пудахъ ячменя, равенъ:

	Всего.	На дворъ.	На душу об. п.
для сѣверной полосы. . .	1394420	157,8	33,3
„ южной „ .	6163500	257,9	44

Платежныя и продовольственныя нужды государственныхъ крестьянъ по вычисленіямъ г. Осадчаго [15]) сводятся къ слѣдующему:

	Сѣверная полоса:		Южная полоса:		По губерніи:	
	на дворъ.	на душ. об. п.	на дворъ.	на душ. об. п.	на дворъ.	на душ. об. п.
Платежная потребность	26,0	5,3	29,1	5,3	27,1	5,2
Продовольствен. потребность [16]) . .	94,6	21,9	97,6	18	95,4	18
Всего . . .	120,6	27,2	126,7	23,3	122,5	23,2

Для всей же группы по губерніи потребности эти выразятся въ слѣдующихъ цыфрахъ:

продовольственная потребность. . .	3,207,546 пуд.
платежная „ . . .	902,107 „
	4,109,653 пуд.

Весь же сборъ по губерніи равенъ 7,557,920 п., въ остаткѣ, значитъ, будетъ 3,448,267 пуд., чтò составитъ на дворъ 105,1 п. Въ общемъ сравнительная картина обезпеченія десятинщиковъ и государственныхъ крестьянъ видна изъ слѣдующей таблицы:

	На дворъ среднее по губерніи.			
	Запашки.	Сборъ хлѣба на дворъ.	Расходы.	Остатокъ.
Государственный крестьянинъ	7,8	230,4	122,5	107,9
Десятинщикъ	13,4	401	360,6	40,4
У десятинщика сравнит. съ госуд. кр.	+5,6	+170,1	+233,1	−67,5

Табличка эта довольно краснорѣчиво говоритъ о той пропасти, которая отдѣляетъ жизнь госуд. крестьянина отъ жизни десятинщика. Но чтобы не оставлять въ читателѣ никакихъ сомнѣній, я остановлюсь болѣе подробно на отличительныхъ

15) *Осадчій*, „Крест. над. землевл. Херс. губ. и платежи крестьянъ", 112—113 стр.

16) Потребности выражены въ пудахъ ячменя.

чертахъ этихъ двухъ сословій. Госуд. крестьянинъ и десятинщикъ—это первая и послѣдняя ступень новороссійскаго крестьянства [17]). Коренной государственный крестьянинъ, не знавшій ни гнета крѣпостной зависимости, ни режима военныхъ поселеній, окончательно устроенный на землѣ за много лѣтъ до крестьянской реформы и пользовавшійся правами свободнаго человѣка, когда вокругъ него царилъ произволъ рабовладѣльцевъ и тяжелая дисциплина начальниковъ военныхъ поселеній, когда всюду еще свистѣли кнутъ и палка,—естественно являлся наиболѣе здоровымъ элементомъ среди мѣстнаго крестьянства и занялъ среди него первое, во всѣхъ отношеніяхъ, мѣсто. Государственный крестьянинъ занимаетъ самое лучшее экономическое положеніе, и среди этой группы процентъ беззземельныхъ и безлошадныхъ болѣе низокъ, чѣмъ среди другихъ группъ. Сносное экономическое положеніе позволяетъ ему обратить вниманіе на умственно-нравственную сторону жизни, и мы видимъ, что эта группа даетъ наибольшій процентъ грамотныхъ. Однимъ словомъ, всѣ условія сложились такъ, что выдвинули госуд. крестьянина на первый планъ и сдѣлали изъ него наиболѣе стойкаго и сильнаго хозяина, и нашъ не только не избалованный, но прямо измученный судьбою десятинщикъ кажется предъ нимъ какимъ-то паріемъ, карликомъ. Присмотримся внимательнѣе къ приведенной выше таблицѣ, чтобы окончательно выяснить разницу между этими двумя представителями новороссійской деревни. Мы видимъ, что запашка десятинщика на цѣлыхъ $5,_6$ десятинъ больше запашки госуд. крестьянина; мы видимъ, что у перваго хлѣба получается на 170 п. больше, чѣмъ у второго, и, наконецъ, видимъ, что за вычетомъ самыхъ неизбѣжныхъ расходовъ у перваго остается свободнаго хлѣба значительно меньше, чѣмъ у второго, т. е., другими словами, десятинщикъ работаетъ почти вдвое больше государственнаго крестьянина, а получаетъ вдвое меньше ($107._9$—$40,_4$). Такое отношеніе было бы тогда, если бы госуд. крестьянинъ удовлетворялся только обработкой своего надѣла; но на самомъ дѣлѣ этого нѣтъ. Подворная перепись, произведенная въ трехъ сѣверныхъ уѣздахъ, очень точно опредѣлила количество арендуемой отдѣльными крестьянскими группами земли. Изъ добытыхъ ею данныхъ видно, что госуд. крестьянинъ прибѣгаетъ

[17]) Хотя десятинщики въ юридическомъ отношеніи и не принадлежатъ къ крестьянскому сословію, но по ихъ роду жизни и занятіямъ мы можемъ ихъ свободно причислить къ массѣ русскаго крестьянства.

къ арендѣ земель въ такой же мѣрѣ, какъ и другія, болѣе бѣдно надѣленныя группы. Уже по одному этому можно заключить, что государственный крестьянинъ пользуется очень завидной, сравнительно съ другими группами, долей, и потому противоставленіе ему десятинщика, представителя того же труда, но труда связаннаго съ необезпеченностью, граничащей нерѣдко съ нищетой, вполнѣ естественно.

Такимъ образомъ, при сравненіи мы беремъ десятинщика какъ образецъ бѣдности и обездоленности, а государ. крестьянина—какъ образецъ благоденствія. Но можно ли на самомъ дѣлѣ безотносительно сказать, что государств. крестьянинъ благоденствуетъ? Конечно, нѣтъ. Вѣдь все благоденствіе его сводится къ тому, что онъ болѣе независимъ, чѣмъ представители другихъ группъ, немного полнѣе, чѣмъ они, можетъ удовлетворять своимъ минимальнымъ и примитивнымъ потребностямъ и въ дѣятельности своей болѣе или менѣе независимъ отъ гнета нужды. Вотъ и всѣ его преимущества передъ десятинщикомъ. Ясно, что образцомъ благоденствія онъ можетъ считаться лишь по сравненію съ этимъ послѣднимъ; на самомъ же дѣлѣ онъ далекъ отъ того уровня хозяйственной обезпеченности, который позволяетъ жить вполнѣ человѣческой жизнью, позволяетъ трудиться, расширять свое хозяйство и не думать о завтрашней голодовкѣ.

Мы могли бы здѣсь съ большей полнотой сравнить обезпеченность десятинщика съ обезпеченностью другихъ группъ, ближе стоящихъ къ нему, чѣмъ крестьянинъ, но это вышло бы слишкомъ длинно и въ результатѣ только еще болѣе сгустило бы тѣ сѣрыя краски, которыми я окрасилъ, не по моей, конечно, винѣ, жизнь десятинщика.

Выяснивши, насколько позволили имѣющіеся по этому вопросу матеріалы, экономическую сторону жизни десятинщиковъ, я обращусь теперь къ бытовой, такъ какъ безъ раскрытія всѣхъ подробностей оригинальнаго быта этого сословія невозможно полное, всестороннее представленіе о его жизни. Къ наиболѣе рѣзко бросающимся въ глаза особенностямъ жизни десятинщика надо отнести его бродяжничество и всегдашнее отсутствіе своего собственнаго угла. Эти условія кладутъ очень сильный отпечатокъ на его жизнь. Живетъ ли онъ на особомъ хуторѣ, среди такихъ же, какъ и онъ, бездомныхъ хозяевъ, живетъ ли онъ въ деревнѣ вмѣстѣ съ другими сословіями, характернымъ отличіемъ его является отсутствіе собственнаго жилья. На хуторѣ десятинщикъ живетъ въъ избѣ владѣльца, платя

ему за это ежегодно рублей 10—15, а въ деревнѣ селится или подлѣ помѣщичьей усадьбы, тоже въ избѣ помѣщика, или нанимаетъ хату у крестьянина. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаяхъ временное обладаніе жильемъ лишаетъ его возможности окружить себя даже самыми примитивными удобствами. Онъ даже не всегда рѣшается дѣлать хлѣвы и загоны, такъ что по внѣшнему виду дворъ десятинщика трудно признать жилищемъ земледѣльца; въ немъ все запущено, безпорядочно и убого. Впечатлѣніе, производимое хуторами, населенными исключительно десятинщиками, положительно удручающее. Представьте себѣ два, три дэсятка низкихъ, словно вросшихъ въ землю, землянокъ, брошенныхъ среди пустынной, безводной степи. Землянки стоятъ, вытянувшись въ нѣсколько рядовъ по сторонамъ пыльной дороги, и каждый дворъ въ отдѣльности представляетъ самое жалкое зрѣлище. Чтобы читатель получилъ возможно полное представленіе объ этомъ оригинальномъ жилищѣ, получившемъ права гражданства только, кажется, у насъ на Югѣ, я разскажу вкратцѣ процессъ его возведенія. На томъ мѣстѣ, гдѣ предполагается. землянка, роютъ яму въ 10—15 аршинъ длиною, 6—8 шириною и аршинъ—полтора глубиною; землю изъ этой ямы выбрасываютъ тутъ же на края, поливаютъ водой, перемѣшиваютъ съ половой (мякиной) или прѣлой мелкой соломой и, превративши эту смѣсь въ густую липкую массу, лѣпятъ изъ нея землянку. Изъ массы этой возводятся стѣны, подымающіяся не выше $1^1/_2$—2 аршинъ надъ землею и служащія прямымъ продолженіемъ стѣнокъ ямы, и коньки, на которыхъ примащивается длинная жердь (по-здѣшнему — сволоко), а поперекъ укладываются скатами на двѣ стороны болѣе тонкія жерди, однимъ своимъ концомъ лежащія на „сволокѣ", другимъ на стѣнахъ. Поверхъ этихъ жердей настилаютъ лознякъ, камышъ или стебли кукурузы, затѣмъ слой соломы и, наконецъ, все это присыпаютъ вершка на 3—4 землей, и жилище вчернѣ готово; остается только отдѣлать внутренность: примазать глиной торчащіе изъ потолка (и крыши вмѣстѣ съ тѣмъ) стебли или прутья, выравнять и выбѣлить стѣны, вставить маленькія оконца и привѣсить дверь, возвести, наконецъ, изъ той же массы печь самаго первобытнаго устройства, съ прямой выводной трубой—и жилище готово. Хотя, конечно, и этому обиталищу золотыя руки русской женщины сумѣютъ придать жилой и даже уютный видъ, но въ гигіеническомъ отношеніи землянка такъ и останется чѣмъ-то поистинѣ ужаснымъ. Лѣтомъ въ ней душно, а въ остальное время года или сыро, или и сыро и холодно. Поч-

венная вода просачивается внутрь землянки и иногда положительно заливаетъ полъ. Потолокъ тоже всегда сырой, такъ какъ влага, падающая на земляную и очень покатую крышу, не стекаетъ съ нея, а просачивается вглубь и выступаетъ каплями на потолкѣ. Если прибавить ко всему этому удобство печи съ прямой выводной трубой, въ которую свободно проникаетъ вѣтеръ и гонитъ дымъ обратно въ землянку, если прибавить еще и то, что жилое помѣщеніе въ землянкѣ только одно, т. к. другая половина лишена оконъ и играетъ роль кладовой, и потому въ пространствѣ четырехъ-пяти кубическихъ саженъ должно ютиться пять, шесть человѣкъ, а зимой, во время сильныхъ морозовъ, еще и телята, поросята и проч.,—то получимъ такую картину *нормальной* жизни десятинщика, отъ которой брезгливо отвернется всякій, даже и не особенно впечатлительный интеллигентъ. А между тѣмъ такая жизнь для десятинщика, дѣйствительно, можетъ считаться нормальной. Истинныя пытки и страданія начинаются только тогда, когда онъ въ силу тѣхъ или иныхъ условій, между которыми пустой, не основанный даже на расчетѣ, произволъ помѣщиковъ играетъ немаловажную роль, долженъ покидать насиженное мѣсто и искать новаго. При этихъ обстоятельствахъ жизнь на крестьянскомъ задворкѣ, въ амбарѣ или клѣти еще лучшій исходъ.

Можетъ ли быть при такихъ условіяхъ рѣчь о сколько-нибудь устойчивой сельско-хозяйственной дѣятельности? Десятинщикъ не можетъ держать хорошаго скота, т. к. для этого онъ не обезпеченъ ни помѣщеніемъ, ни даже кормомъ. Скотъ у него стоитъ зимой на открытомъ воздухѣ, въ лучшемъ случаѣ защищенный отъ вѣтра скирдомъ соломы; о какихъ бы то ни было хлѣвахъ, сараяхъ и загонахъ нѣтъ и помину, т. к. возведеніе ихъ для десятинщика, не знающаго, будетъ ли онъ завтра ими пользоваться, слишкомъ большая и непроизводительная затрата времени, силъ и средствъ. Не имѣетъ десятинщикъ хорошаго скота, не имѣетъ и не можетъ имѣть сносныхъ орудій обработки, и хотя въ количественномъ отношеніи рабочимъ скотомъ и орудіями они обезпечены почти такъ же, какъ и другія земледѣльческія группы, какъ это видно изъ приведенной здѣсь таблицы, но въ качественномъ отношеніи у него все значительно хуже, чѣмъ у другихъ. Уже изъ этого одного видно, что при изученіи жизни десятинщика нельзя руководствоваться одними экономическими признаками. Для читателя, незнакомаго близко съ условіями этой оригинальной жизни, приведенная выше табличка не будетъ такъ понятна, какъ мнѣ, много разъ

наблюдавшему жизнь десятинщика на мѣстахъ. Читатель изъ приведенныхъ выше данныхъ можетъ даже вывести то, невѣрное, конечно, заключеніе, что десятинщикъ въ хозяйственномъ отношеніи стоитъ не ниже другихъ группъ земледѣльческаго населенія.

На дворъ по губерніи приходится:

Группы.	Рабочаго скота.			Орудій обработки.					Орудій уборки.				Орудій транспорта.		
	Воловъ.	Лошадей.	Всего.	Плуговъ.	Боронъ.	Ралъ.	Букеровъ	Всего.	Жатокъ.	Вѣялокъ и сортир	Молотилокъ	Всего.	Возовъ.	Фургон.	Всего.
Б. военн. посел.	1,40	0,65	2,05	0,50	1,20	0,31	0,005	2,015	0,0015	0,024	0,0012	0,0267	1,11	0,29	1,40
Б. госуд. крест.	1,17	1,20	2,37	0,48	1,02	0,26	0,06	1,82	0,017	0,045	0,00201	0,0401	0,94	0,24	1,18
Б. пом. крест. .	1,45	0,64	1,09	0,49	1,14	0,40	0,001	1,031	0,0005	0,026	0,0018	0,0283	1,03	0,08	1,11
Десятинщ. . . .	1,21	0,96	2,17	0,45	1,03	0,26	0,05	1,79	0,002	0,025	0,0009	0,0279	0,95	0,22	1,17

Другой очень важной особенностью десятинщицкаго быта является его прямая и непосредственная зависимость отъ совершенно частнаго лица—землевладѣльца. Десятинщикъ живетъ въ чужой избѣ, воздѣлываетъ чужую землю, на чужой землѣ пасетъ не только свой скотъ, но и свою домашнюю птицу. Все это налагаетъ на него такую массу обязанностей, опутываетъ его такими густыми сѣтями зависимости, что свободная земледѣльческая дѣятельность замѣняется чуть ли не барщиннымъ трудомъ, въ болѣе смягченной, конечно, и облагоображенной формѣ.

Десятинщики селятся на землѣ помѣщиковъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ безъ всякихъ письменныхъ договоровъ, не опредѣляя даже числа лѣтъ аренды. Обѣ стороны прекрасно знаютъ, что такія многосложныя отношенія, какія имѣютъ обыкновенно мѣсто между десятинщикомъ и помѣщикомъ, не поддаются даже приблизительному учету и не могутъ быть выражены цыфрами. Кромѣ того, знаютъ они также и то, что никакой контрактъ не въ состояніи удержать десятинщика на землѣ, если только общія условія хозяйничанья окажутся слишкомъ тяжелыми, и предпочитаютъ полагаться во всемъ на временное добровольное соглашеніе. Однако, въ послѣдніе годы, особенно въ имѣніяхъ, гдѣ отработки и взносы натурой сведены до минимума и замѣнены денежными платами, стали появляться писанные договоры, которые вмѣняютъ обѣимъ сторонамъ въ обязан-

ность все то, что раньше дѣлалось по добровольному соглашенію. Приведу здѣсь одинъ изъ такихъ договоровъ, чтобы внутренняя сторона отношеній между помѣщиками и десятинщиками не оставалась для читателя загадкой.

„1888 года сентября 3-го дня мы, нижеподписавшіеся. заключили настоящее условіе съ Н. И. М. въ нижеслѣдующемъ:

1) М. долженъ дать намъ каждому хозяину отдѣльную хату, въ которыя мы имѣемъ право перейти только весной къ Пасхѣ будущаго 1885 г.; въ хаты окна и двери мы должны вставить сами; по окончаніи жизни нашей въ оныхъ хатахъ мы имѣемъ право забрать наши окна и двери; въ случаѣ поправки этихъ хатъ, какъ каменной, такъ и деревянной, то М. долженъ исправить на свой счетъ. Цѣна за каждую хату въ годъ 12 рублей.

2) Каждый изъ насъ имѣетъ право занимать землю по 5 руб. десятину, или за оторъ, считая, что за каждыя три десятины мы должны оторать одну десятину, которую мы должны засѣять своими сѣменами, скосить въ снопы, или копицы по желанію М. и свезти на мѣсто, указанное г. М. Глубина оранки должна быть 3 вершка; оторъ мы должны сами засѣять и волочить (боронить) столько разъ, сколько г. М. найдетъ нужнымъ. Оторъ мы должны обсѣменить своими сѣменами, и сѣмена эти должны въ сентябрѣ каждаго года сдать въ магазинъ; при сѣвбѣ М. сѣмена долженъ вывозить своими подводами и по первому требованію его мы должны посѣять и заволочить, тоже давая количество боронъ по указанію г. М. Возовицу мы должны начать по первому требованію г. М.; но до окончанія жнивъ г. М. не имѣетъ права заставить насъ возить его хлѣбъ.

3) Скотъ какъ гулевой, такъ и рабочій мы должны выпасать на степи г. М. съ условіемъ, что мы имѣемъ право выпасать на выпасѣ, который намъ г. М. долженъ отвести; при отводѣ выпаса г. М. долженъ считать три штуки взрослаго скота или лошадей на десятину, полтораки и двухъ-лѣтки—пять штукъ на десятину, а подъ свиньи и телята особый выпасъ не отводится. По окончаніи жнивъ скотъ нашъ имѣетъ право ходить вездѣ, гдѣ ходитъ скотъ г. М.; исключая, гдѣ выпасаются волы г. М. Плата за скотъ и лошадей взрослыхъ по три руб. за штуку, а за полтораки лошадей и скотъ по 2 р. Свиньи и телята взрослые по 50 к. отъ штуки, а овцы по 75 отъ штуки; до выхода на выпасъ мы должны представить счетъ правильный безъ утайки; въ противномъ случаѣ за каждую лишнюю штуку мы должны уплатить 10 р. штрафу.

4) Деньги, слѣдуемыя г. М. за хаты, землю, скотъ, лошади,

свиньи, телята и овцы мы должны уплатить разъ въ годъ двѣнадцатаго сентября. Въ случаѣ намъ нужно перемѣнить поля, то г. М. по осмотрѣ ихъ долженъ перемѣнить таковыя.

5) Согласно условію между нами г. М. не можетъ удалить насъ раньше срока его посессіи (исключая случаевъ неисполненія сего условія по всѣмъ пунктамъ); набавка цѣны на землю и скотъ можетъ быть сдѣлана только по желанію г. М.; а М. можетъ увеличить цѣну на все только въ томъ случаѣ, если цѣны въ окружности повысятся; въ чемъ и подписываемся...“

Въ этомъ очень характерномъ условіи недостаетъ еще одного пункта, который имѣетъ мѣсто почти во всѣхъ договорахъ. Этотъ пунктъ я возьму изъ другого аналогичнаго договора:

... „3) Мы обязываемся, подъ страхомъ уничтоженія силы настоящаго договора и немедленнаго выселенія изъ усадебъ,—нигдѣ не нанимать земли для посѣва, не брать земли за скопщину и не отдавать скота на выпасъ, а какъ снять хлѣбъ, такъ и выпасать скотъ мы должны только въ Бешбоерацкомъ имѣніи“.

Другой интересный пунктъ, встрѣчающійся въ большинствѣ контрактовъ, гласитъ:

... „4) Свободное отъ домашнихъ занятій время, а также въ случаѣ экстренной необходимости въ работникахъ въ управленіи мы должны по мѣрѣ силъ нашихъ работать за поденную плату, какая будетъ практиковаться въ данное время для рабочихъ въ имѣніи“.

Бываютъ еще и такіе пункты:

... „24) Въ случаѣ невыполненія кѣмъ-либо изъ насъ—поселянъ какого-либо пункта сего контракта, (то) владѣлецъ имѣнія Кошарки или его уполномоченный имѣетъ право немедленно удалить изъ имѣнія неисправнаго плательщика или нарушившаго другой пунктъ сего контракта и отдать его землю другому, причемъ всѣ сдѣланныя имъ постройки остаются въ пользу имѣнія и его владѣльца безплатно и удаленный не вправѣ простирать какія-либо претензіи или жалобы на это распоряженіе“.

Уже по этимъ немногочисленнымъ выдержкамъ можно судить о дѣйствительномъ характерѣ отношеній десятинщика къ своему помѣщику. Прежде всего бросается въ глаза полное безправіе десятинщика. Просмотрите всѣ контракты и ни въ одномъ изъ нихъ вы не найдете пункта, который бы защищалъ безусловно интересы десятинщиковъ. И послѣ внимательнаго изученія текстовъ договоровъ и провѣрки ихъ въ дѣйствительной жизни

ясно видишь, что всѣ они пишутся для помѣщика, десятинщику же нѣтъ отъ нихъ положительно никакой выгоды. Какъ при существованіи письменнаго договора, такъ и при отсутствіи его помѣщикъ всегда можетъ согнать съ земли не понравившагося ему, почему-либо, десятинщика, забрать у него, безъ всякаго вознагражденія, воздвигнутыя имъ строенія и пустить по міру съ голыми руками. Слѣдовательно, придавать особое значеніе письменнымъ договорамъ неосновательно. Въ этомъ случаѣ на основаніи наблюденій дѣйствительныхъ условій жизни можно придти къ совершенно противоположному выводу—что десятинщику и живется во всѣхъ отношеніяхъ плохо тамъ, именно, гдѣ онъ связанъ по рукамъ и ногамъ договоромъ. Заключеніе письменныхъ условій уже говоритъ о томъ, что между сдатчикомъ земли и съемщикомъ нѣтъ взаимнаго довѣрія, а безъ него невозможны нормальныя отношенія даже при существованіи самыхъ строгихъ и все предусматривающихъ договоровъ. Правота, наружная, по крайней мѣрѣ, будетъ всегда на сторонѣ болѣе сильнаго, т.-е. въ данномъ случаѣ на сторонѣ сдатчика, съемщикъ же всегда почти будетъ оказываться виновнымъ. Десятинщикъ прекрасно понимаетъ это и очень неохотно идетъ на земли, сдаваемыя по контрактамъ и всякаго рода письменнымъ договорамъ.

Письменные условія и договоры имѣли бы смыслъ только въ томъ случаѣ, если бы они вполнѣ точно опредѣляли платежныя отношенія десятинщиковъ къ помѣщикамъ; но на самомъ дѣлѣ этого нѣтъ, такъ какъ наряду съ чисто денежными платами и нѣкоторыми натуральными, напр. скопщина, оторъ и др., поддающимися точному учету, существуетъ, какъ я уже упоминалъ, множество мелкихъ натуральныхъ платъ и повинностей, большинство которыхъ не только не поддается учету, но даже прямо не можетъ быть опредѣлено болѣе или менѣе точно. Для примѣра приведу здѣсь нѣсколько образцовъ натуральныхъ повинностей этого рода.

Владѣлецъ дер. *Ново-Выжна*, Тираспольск. уѣзда, Малаештской вол., при отдачѣ земли за скопщину сверхъ $^1/_4$ урожая требуетъ отъ десятинщиковъ доставить своимъ скотомъ молотилку для молотьбы и доставить на вокзалъ все зерно. Кромѣ того, десятинщики обязаны вымолотить весь хлѣбъ владѣльца по существующимъ цѣнамъ, безплатно набить ледникъ зимою, поправлять плотины, заравнивать рытвины на поляхъ [18]).

[18]) „Мат. для оцѣнки зем. Херс. губ.", т. IV, приложенія, стр. 2.

Въ дер. *Хорошей*, Тирасп. уѣзда, Діордіештской волости, десятинщики, кромѣ платъ за землю, хаты и выпасъ скота, несутъ еще слѣдующія повинности: 1) 4 дня возить навозъ на плотину; 2) во время жатвы работать одинъ день парой (косарь и вязальникъ); 3) съ каждой пары рабочаго скота отвезти на вокзалъ (5 верстъ) *пять* четвертей хлѣба, и 4) бабы должны *„драть перья“* [19]).

Въ дер. *Водяной*, Бервинцевской вол., Херс. уѣзда, съ каждой десятины, кромѣ доли урожая ($^1/_3$) взимается 50 к. деньгами и 10 овражковъ, или вмѣсто 50 к. выкопать 5 саженъ рва. На *хуторѣ г. Волохиной* (той же волости) за каждыя десять десятинъ снятой земли десятинщикъ долженъ вспахать, засѣять сѣменами владѣльца и убрать одну десятину [20]). Владѣлецъ деревни *Екатериновки* (Ульяновской вол., Херс. уѣзда) за землю подъ огороды, кромѣ очень высокой денежной платы (20—35 р. съ десятины), можетъ выбрать любую грядку капусты и, кромѣ того, получаетъ 300 бураковъ, 500 помидоръ и 500 огурцовъ. Въ сел. *Ульяновкѣ* десятинщики, кромѣ всѣхъ издольныхъ и денежныхъ платъ, должны вносить ежегодно владѣльцу пару куръ, десять яицъ, работать одинъ пѣшій день и одинъ съ подводой и выходить каждую ночь на сторожу по 2 человѣка [21]). Въ деревнѣ *Шмидтовкѣ* (Вавиловской вол., Херс. уѣзда) за каждыя 10 дес. снятой земли десятинщики обязаны, кромѣ доли ($^1/_3$), свезти въ гор. Николаевъ (40 в.) 50 пуд. хлѣба. Доля владѣльца указывается на полѣ еще до уборки (скопщина за отрѣзъ); кромѣ всего этого, десятинщики обязаны „послухать“ т.-е. по первому зову помѣщика возить лѣсъ изъ Херсона, перевозить солому, убирать дворъ и т. п. [22]).

Уже изъ этихъ немногихъ примѣровъ видно, насколько разнообразны натуральныя повинности десятинщиковъ и какъ трудно поддаются онѣ учету.

Эти же примѣры говорятъ еще объ одномъ, глубоко важномъ обстоятельствѣ: они указываютъ ясно, что десятинщикъ зависитъ не только отъ чисто экономическихъ условій той мѣстности, гдѣ онъ живетъ, но и отъ такой непостоянной причины, какъ личныя качества владѣльца занимаемой имъ земли.

Чтобы закончить настоящій очеркъ, намъ остается сказать нѣсколько словъ объ административномъ и общественномъ

---

19) Ibidem, стр. 14.

20) „М. для оц. зем. Херс. губ.“, т. VI, прилож., стр. 11.

21) Ibid., 12—13.

22) Ibid., 15.

положеніи десятинщиковъ, о распространенности среди нихъ грамоты и, наконецъ, объ ихъ возможной будущности и тѣхъ мѣрахъ, какія могутъ смягчить ея несомнѣнныя бѣды.

Административное и общественное положеніе десятинщиковъ-крестьянъ ничѣмъ, разумѣется, не отличается отъ положенія всей массы крестьянства, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда они живутъ слишкомъ далеко отъ своей волости. Тогда въ положеніи ихъ замѣчаются нѣкоторая двойственность; состоя юридически членами того крестьянскаго общества, откуда они вышли, они не могутъ принимать въ его дѣлахъ никакого участія, такъ какъ интересы ихъ положительно не соприкасаются съ интересами остальныхъ сообщинниковъ. Членами же того общества, вблизи котораго они живутъ, десятинщики не могутъ быть въ силу чисто административно-юридическихъ причинъ. Такимъ образомъ, неся повинности въ два общества,—государственныя, земскія и мірскія—въ свое родное, постоянное, и всѣ натуральныя и часть мірскихъ—во временное, по мѣсту жительства,—десятинщики фактически не принадлежатъ ни къ одному изъ нихъ.

Еще болѣе неопредѣленно и тягостно положеніе десятинщиковъ-мѣщанъ. Всѣ они юридически принадлежатъ къ городскому сословію, несутъ значительную часть городскихъ податей и повинностей, несмотря на то, что не имѣютъ ничего общаго съ городомъ. Къ несенію повинностей сводятся отношенія десятинщиковъ-мѣщанъ и къ деревенскому міру. Въ силу этихъ условій они очутились въ положеніи „овецъ безъ стада", въ полномъ смыслѣ этого выраженія; они подвергаются „неукоснительной" стрижкѣ съ двухъ сторонъ и положительно не имѣютъ возможности защищать свою шерсть отъ слишкомъ притязательныхъ ножницъ. Эта административная неопредѣленность особенно тяжело отражается на десятинщикахъ въ неурожайные года, когда своего хлѣба не хватаетъ, и приходится прибѣгать къ ссудамъ. Объ этомъ мы находимъ небезъинтересныя свѣдѣнія въ отчетахъ членовъ губернской земской управы, командированныхъ для обезпеченія населенія хлѣбомъ для продовольствія и обсѣмененія полей въ неурожай 1882 года. Составитель отчета говоритъ: „Особенно нуждаются десятинщики; требованіе отъ нихъ представленія поручительства породило въ Горьевской волости (Тирасп. уѣзда) новый видъ самой безсовѣстной эксплоатаціи ихъ. Такъ, владѣлецъ 17 десятинъ, получившій самъ ссуду отъ земства, началъ ручаться за живущихъ съ нимъ въ сосѣдствѣ десятинщиковъ, требуя за свое поручи-

тельство отъ каждаго хозяина уборку одной десятины хлѣба. Крайняя нужда заставила многихъ согласиться на эти тяжкія условія. Такимъ образомъ, земская безпроцентная ссуда обходится десятинщику около 50%. Поэтому Тираспольской управѣ, какъ и Одесской, разрѣшено въ крайнихъ случаяхъ выдавать десятинщикамъ ссуды на продовольствіе, не стѣсняясь представленіемъ поручительства, а взявъ только подписку, что они обязываются возвратить полученную ссуду 1 октября". Другой составитель, посѣтившій Ананьевскій уѣздъ, говоритъ слѣдующее: „Десятинщики во многихъ мѣстахъ затрудняются въ пріисканіи поручителей, почему нами признано необходимымъ разрѣшать имъ ссуду безъ установленнаго поручительства, тѣмъ болѣе, что люди эти, поставленные особнякомъ, внѣ того покровительства и тѣхъ попеченій, какими пользуются крестьяне, нерѣдко нуждаются гораздо болѣе послѣднихъ" [23]). Очевидно, что случай, замѣченный въ Горьевской волости, не представлялъ собою единичнаго явленія, иначе гг. члены управы не приняли бы такихъ общихъ мѣръ. Въ данномъ случаѣ отрадно то, что дѣломъ завѣдывали люди, сумѣвшіе проникнуться бѣдствіемъ десятинщиковъ и выступившіе имъ на помощь. Но что̀ было бы, если бы на ихъ мѣстѣ были бюрократы, ставящіе выше всего „предписаніе", „постановленіе" и пр. прелести канцелярщины?

Хотя до сихъ поръ положительно нѣтъ цыфровыхъ данныхъ о распространенности грамотности среди десятинщиковъ, но мы, зная, приблизительно, условія ихъ жизни, а priori можемъ придти къ тому заключенію, что процентъ грамотныхъ среди десятинщиковъ очень низокъ, значительно ниже, чѣмъ у другихъ земледѣльческихъ группъ.

Обучать дѣтей грамотѣ десятинщикъ можетъ только въ томъ случаѣ, когда онъ живетъ въ большой деревнѣ или селѣ. Но вѣдь въ такихъ условіяхъ находится меньшинство. Большинство обитаетъ небольшими поселками, въ 10—20 избъ, и не имѣетъ возможности ни пользоваться чужой школой, ни строить свою собственную. Владѣльцы почти никогда не приходятъ имъ на помощь въ такихъ случаяхъ, и намъ извѣстенъ только одинъ случай существованія въ десятинщицкомъ хуторѣ школы, содержимой на средства владѣльца и обучающей десятинщицкихъ дѣтей безплатно (хуторъ *Николенка*, Херс. уѣзда, Бѣлозерской вол.).

Послѣ всего изложеннаго уже въ настоящей работѣ гово-

---

[23]) „Сборникъ Херс. Земства" 1883 г., № 2, стр. 5 и 9.

рить о будущности десятинщиковъ я считаю лишнимъ, такъ какъ всякому прочитавшему внимательно мою работу это будетъ понятно и безъ особыхъ поясненій.

Въ заключеніе считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ о тѣхъ мѣрахъ, какія должны быть приняты для того, чтобы смягчить слишкомъ суровую будущность десятинщиковъ и дать имъ возможность переходомъ въ разрядъ земельныхъ собственниковъ гарантировать себѣ сносную жизнь. Мѣры эти таковы:

1) Надѣленіе казенной землей въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ это возможно.

2) Если казенныя земли, отводимыя въ надѣлъ, расположены слишкомъ далеко отъ настоящаго мѣста жительства десятинщиковъ, то—матеріальная поддержка при переселеніи.

3) Болѣе раціональная постановка дѣятельности Крестьянскаго банка.

4) Переводъ всѣхъ десятинщиковъ въ крестьянское сословіе, съ припиской къ крестьянскимъ обществамъ безъ права на надѣлъ [24]).

К. Свирскій,
Членъ-Корреспондентъ
Московскаго Юридическаго Общества.

---

[24]) Желающихъ ближе ознакомиться съ мѣропріятіями по улучшенію быта десятинщиковъ отсылаю къ прекрасной замѣткѣ г. Воропонова („В. Е." 84 г., 3), гдѣ они сгруппированы съ такой полнотой, что мнѣ пришлось бы только повторить все сказанное г. Воропоновымъ.

ФИНЛЯНДІЯ И РОССІЯ.

По поводу статьи профессора Георга Іеллинека „О государственныхъ фрагментахъ“ (Гейдельбергъ, 1896).

I.

Осенью 1896 года, ко дню 70-лѣтія великаго герцога Баденскаго, члены юридическаго факультета Гейдельбергскаго университета издали особый сборникъ статей и посвятили его великому герцогу, какъ ректору университета. Сборникъ этотъ представляетъ изъ себя рядъ статей самаго разнообразнаго содержанія, подписанныхъ такими именами, какъ Г. Мейеръ, Гейнце, Е. Беккеръ и др. Особенный интересъ для русскаго юриста представляетъ статья профессора Георга Іеллинека, озаглавленная „Ueber Staatsfragmente“. Кромѣ того, что она написана такимъ выдающимся ученымъ, она имѣетъ для насъ особое значеніе въ томъ отношеніи, что въ ней Іеллинекъ удѣляетъ вниманіе опредѣленію государственно-правоваго положенія великаго княжества Финляндскаго.

Вопросъ объ отношеніи великаго княжества Финляндскаго къ Россійской имперіи—одинъ изъ щекотливыхъ и крайне сложныхъ вопросовъ государственнаго права. Съ одной стороны, онъ связанъ съ такими спорными отдѣлами государственной науки, какъ опредѣленіе государства и отличіе его отъ общины, опредѣленіе суверенитета, ученіе о соединеніи государствъ и т. д., съ другой стороны, это—вопросъ настолько животрепещущій и такъ близко соприкасающійся съ внутренней политикой Россіи, что не всегда легко при его обсужденіи сохранить должное безпристрастіе и хладнокровіе.

Литература предмета довольно обширна, но по характеру своему не всегда удовлетворительна. Въ большинствѣ случаевъ—это

произведенія чисто полемическаго характера, обладающія всѣми недостатками политическихъ памфлетовъ. Русская партія стремится во что бы то ни стало доказать, что Финляндія не имѣетъ права притязать на сохраненіе своей политической обособленности, а финляндскіе публицисты съ энергіей отстаиваютъ свою самостоятельность; въ пылу полемики обѣ стороны не стѣсняются средствами для достиженія своей цѣли.

Г. Ординъ въ своей книгѣ „Покореніе Финляндіи“ не щадитъ красокъ для того, чтобы выставить финляндскихъ дѣятелей въ самомъ дурномъ свѣтѣ: смѣется надъ незнаніемъ сеймовымъ маршаломъ дворянскаго сословія де-Гееромъ французскаго языка [1]), обвиняетъ перваго генералъ губернатора Финляндіи Спренгтпортена въ воровствѣ [2]) и даже обвиняетъ статсъ-секретаря Ребиндера въ подлогѣ [3]).

Съ своей стороны, гельсингфорскій профессоръ Рихардъ Даніельсонъ въ своихъ возраженіяхъ на книгу Ордина указываетъ на непочтительное отношеніе послѣдняго къ памяти Императора Александра I и удивляется, какъ русская академія наукъ могла наградить сочиненіе Ордина преміей [4]).

Г. Еленевъ, въ одномъ изъ своихъ трудовъ, въ доказательство лицемѣрія финляндцевъ, приводитъ „разсказъ“ русскихъ, служившихъ въ Гельсингфорсѣ, о томъ, „что дѣвицы и дамы тамошняго высшаго круга подобострастно цѣлуютъ руки у женъ русскихъ высокопоставленныхъ лицъ“ [5]).

Эти примѣры могутъ дать извѣстное понятіе о характерѣ полемики. Нечего говорить объ ежедневной прессѣ, гдѣ пріемы полемики являются еще болѣе развязными [6])...

Въ финляндскомъ вопросѣ очень оригинальная роль выпала на долю Георга Іеллинека. Въ 1882 году онъ издалъ, будучи еще мало извѣстнымъ приватъ-доцентомъ Вѣнскаго университета, книгу подъ заглавіемъ: „Die Lehre von den Staatenverbindungen“. Книга эта, сразу доставившая автору солидное положеніе въ наукѣ, является драгоцѣннымъ и единственнымъ въ своемъ родѣ изслѣдованіемъ о соединеніяхъ государствъ. Въ ней посвящено, между прочимъ, и тридцать шесть строкъ Финляндіи. Основываясь на крайне недостаточномъ матеріалѣ, Іел-

1) „Покореніе Финляндіи“, т. II, стр. 318, прим. 2.
2) Тамъ же, т. I, стр. 242—245.
3) Тамъ же, т. II, стр. 338—340.
4) Даніельсонъ, „Соедин. Финляндіи съ Россійс. Державою“, 1890, стр. 132 (I)
5) Еленевъ, „Совр. финл. вопр.“, стр. 176 (I).
6) „Финляндская окраина Россіи“. Москва, 2 т., 1891 и 1894 г.

линекъ отрицаетъ государственность Финляндіи. Само собою разумѣется, что ему и въ голову не приходило, что изъ его маленькой замѣтки о Финляндіи сдѣлаютъ орудіе партійной борьбы. Русская партія постоянно, въ доказательство вѣрности своихъ доводовъ, ссылается на безпристрастное мнѣніе „извѣстнаго вѣнскаго профессора Іеллинека". Этотъ авторитетъ Іеллинека принимаетъ иногда даже комическій оттѣнокъ и доказываетъ скорѣе малую его извѣстность въ Россіи. Такъ Еленевъ, считающій Іеллинека „извѣстнымъ профессоромъ" [7]), въ одной изъ своихъ многочисленныхъ брошюръ по финляндскому вопросу, полемизируя съ Даніельсономъ, между прочимъ, говоритъ слѣдующее: „Г-нъ Даніельсонъ сперва подтверждаетъ ученіе о реальной уніи Финляндіи съ Россіей ссылками на какихъ-то, по его мнѣнію (?), весьма авторитетныхъ профессоровъ, въ родѣ Нордстрема, Бри, Гефкена, но потомъ вдругъ заявляетъ..., что онъ выработалъ себѣ особый взглядъ, на основаніи сочиненія профессора Лабанда. Что же это за новый взглядъ, вычитанный г-мъ Даніельсономъ *у какого-то* Лабанда?" [8])—восклицаетъ г-нъ Еленевъ.

Итакъ, одинъ изъ столповъ современной юридической науки въ Германіи, курсъ государственнаго права котораго уже былъ изданъ въ 1876 году, т.-е. за шесть лѣтъ до книги Іеллинека, оказывается „какимъ-то Лабандомъ"!

Узнавъ о томъ, какое впечатлѣніе произвела въ Россіи его незначительная замѣтка о Финляндіи, Іеллинекъ отнесся къ этому вопросу болѣе внимательно и сдѣлалъ соединеніе Финляндіи съ Россіей однимъ изъ предметовъ изслѣдованія въ своей вышеприведенной статьѣ.

II.

Характеръ присоединенія Финляндіи къ Россіи опредѣляется Фридрихсгамскимъ мирнымъ трактатомъ 5/17 сентября 1809 г. [9]). Изъ разсмотрѣнія этого трактата необходимо вытекаетъ, что завоеванная русскимъ оружіемъ Финляндія была инкорпорирована Россіей, а, слѣдовательно, изъ характера этого присоединенія никакъ нельзя вывести какихъ-либо договорныхъ отношеній между Россіей и великимъ княжествомъ.

---

7) Еленевъ, I, 72.

8) Еленевъ, Ученіе о финл. гос., 28 (II).

9) I, П. С. З. № 23883. Договоръ этотъ приведенъ in extenso у Ордина, т. II, прил. № 125.

Статья 4-я мирнаго договора гласитъ: „Его величество король шведскій какъ за себя, такъ и за преемниковъ его престола и королевства Шведскаго отказывается неотмѣняемо и навсегда въ пользу Его Величества Императора Всероссійскаго и преемниковъ его престола и Россійской имперіи отъ всѣхъ своихъ правъ и притязаній на губерніи, ниже сего означенныя, завоеванныя оружіемъ Его Императорскаго Величества въ нынѣшнюю войну отъ державы шведской... Губерніи сіи со всѣми жителями, городами, портами, крѣпостями, селеніями и островами, а равно ихъ принадлежности, преимущества, права и выгоды будутъ отнынѣ состоять въ собственности и державномъ обладаніи имперіи Россійской и къ ней навсегда присоединяются“. Такимъ образомъ, шведскій король уступилъ часть своей территоріи русскому императору, передавъ ее, такъ сказать, изъ рукъ въ руки. При этомъ не надо забывать, что довольно большая часть теперешняго великаго княжества была уже присоединена къ Россіи раньше, по мирнымъ трактатамъ 1721 г. и 1743 г., и только манифестомъ 11/23 декабря 1811 года, не безъ затрудненій, эта прежде завоеванная часть была присоединена къ великому княжеству [10]).

Финляндія, какъ таковая, въ мирныхъ переговорахъ никакого участія не принимала. Правда, со стороны сословій была подана императору петиція о допущеніи ихъ къ переговорамъ, но она была отклонена [11]).

Фридрихсгамскій мирный договоръ былъ заключенъ въ сентябрѣ 1809 года, а уже за полтора года до этого Александръ I-й извѣстилъ иностранныя державы о присоединеніи Финляндіи декларацієй 16 марта 1808 года, затѣмъ русское населеніе—манифестомъ 20 марта и, наконецъ, финляндскихъ жителей—манифестомъ 5 іюня 1808 года.

Такая поспѣшность зависѣла отъ убѣжденія императора въ неминуемомъ завоеваніи страны, а также отъ того, что онъ войнѣ этой не придавалъ серьезнаго значенія [12]). Судьба Финляндіи была собственно уже рѣшена на тильзитскомъ свиданіи его съ

---

[10]) См. объ этомъ Schybergson, Gesch. Finnlands, 1896. 442—453, 561, 615. Ср. П. С. З. 1811, дек. 11 (24907) и дек. 31 (24934).

[11]) Петиція эта приведена у Ордина, т. II, прил. 74; ср. также прил. №№ 75 и 111.

[12]) См. по этому поводу интересный разговоръ французскаго посла Коленкура съ Александромъ I, приведенный у Вандаля—„Napoléon I et Alexandre I“ (Paris 1891, 1-er volume), стр. 319. Французскій посолъ сказалъ Александру I: „L'Empereur désire bien que Votre Majesté soit en possession de la Finlande et

Наполеономъ I [13]), почему Александръ и полагалъ, что покореніе Финляндіи есть вопросъ времени. Слѣдствіемъ этого явилось то нѣсколько странное обстоятельство, что, несмотря на оффиціальное объявленіе о присоединеніи Финляндіи, русскія войска потерпѣли черезъ нѣсколько недѣль послѣ этого серьезныя пораженія: 15 апрѣля—при Револаксѣ, а 20—при Пулькилло. Съ весны начались возстанія крестьянъ, которыя сильно затрудняли движенія русскихъ войскъ. Только въ ноябрѣ мѣсяцѣ (перемиріе въ Олькіоки) великое княжество было очищено отъ шведскихъ войскъ и театръ войны перенесенъ въ Швецію [14]). Послѣ нѣсколькихъ экспедицій русскихъ войскъ въ Швецію, послѣ того какъ король шведскій Густавъ IV былъ свергнутъ съ престола, начались, наконецъ, мирные переговоры, окончившіеся Фридрихсгамскимъ договоромъ.

Съ одной стороны, убѣжденный въ скоромъ окончаніи войны, а съ другой – желая расположить къ себѣ населеніе края, императоръ Александръ еще задолго до окончанія войны предпринялъ цѣлый рядъ дѣйствій по устроенію великаго княжества. Въ іюнѣ 1808 года былъ отданъ приказъ [15]) о производствѣ выборовъ членовъ депутаціи, которая должна была явиться въ Петербургъ для обсужденія правительственныхъ мѣропріятій. Выборы произошли только въ августѣ, и депутація собралась осенью 1808 года въ Петербургѣ. 18 или 19 ноября депутація представила императору докладную записку, въ которой депутаты изъясняли, что они не считаютъ себя въ правѣ участвовать въ обсужденіи плановъ организаціи вновь присоединенной Финляндіи, такъ какъ они не являются законно избранными представителями великаго княжества, и въ заключеніе просятъ о созывѣ сословій на сеймъ, сообразно съ закономъ страны [16]). Непосредственно послѣ этого императоръ подписалъ [17]) поло-

pour l'avantage personnel de Votre Majesté et pour que les belles de Pétersbourg n'en entendent plus le canon",—на что императоръ отвѣтилъ: „Je remercie et pour moi et pour les belles de Pétersbourg; il est toujours aimable pour moi.“ Рѣчь шла о завоеваніи обширнаго края, но по тону разговора можно подумать, что дѣло идетъ о какомъ-то незначительномъ подаркѣ. Переписка Наполеона съ Александромъ I о присоединеніи Финляндіи приведена у Ордина, II, 92 и прил. №№ 127 и 128.

[13]) См. Vandal, I, 501, и Тильзитскій договоръ.

[14]) См. Schybergson, 476–508; Ординъ, I, гл. X.

[15]) Ординъ, II, 165.

[16]) Меморія депутаціи приведена у Ордина, т. II, прил. № 132.

[17]) Полемику по вопросу о томъ, было ли это сдѣлано подъ вліяніемъ меморіи депутатовъ, см. Ординъ, II, 219; Danielson, I, 91—92; Schybergson, 528; Mechelin, Staatsrecht 247.

женіе объ учрежденіи главнаго правленія въ новой Финляндіи [18]), въ ст. 15-й котораго объявлялось о созывѣ сейма въ январѣ 1809 года.

Во исполненіе этого обѣщанія состоялось Высочайшее повелѣніе 20 января (1 февраля) 1809 года [19]) о созваніи сейма въ Борго. Сеймъ былъ торжественно открытъ 13/25 марта въ присутствіи императора, и занятія его длились до іюля мѣсяца.

Здѣсь, конечно, не мѣсто входить въ подробное описаніе боргоскихъ событій. Самымъ интереснымъ изъ нихъ является принесеніе сословіями присяги, послѣ чего, согласно церемоніалу, составленному Сперанскимъ и утвержденному государемъ, генералъ-губернаторъ долженъ былъ объявить, что: „Sa Majesté Impériale a daigné confirmer solennellement la constitution de la Finlande en la sanctionnant de sa signature; il lira à haute voix l'acte de confirmation et le remettra au Maréchal de la noblesse“ [20]).

Такъ какъ это „утвержденіе“ императора Александра I имѣетъ большое значеніе, то я привожу его здѣсь цѣликомъ [21]). „Произволеніемъ Всевышняго, вступивъ въ обладаніе Великаго Княжества Финляндіи, признали Мы за благо симъ вновь утвердить и удостовѣрить религію, коренные законы, права и преимущества, коими каждое состояніе сего Княжества въ особенности и всѣ подданные, оное населяющіе, отъ мала до велика по конституціямъ ихъ доселѣ пользовались, обѣщая хранить оныя въ ненарушимой и непреложной ихъ силѣ и дѣйствіи; во удостовѣреніе чего и сію грамоту собственноручно подписаніемъ Нашимъ утвердить благоволили“.

Толкованіе этой грамоты въ литературѣ самое различное. Одни полагаютъ, что ею подтверждены только гражданскія, не политическія права финляндцевъ [22]). Другіе, наоборотъ, видятъ въ ней какой-то сепаратный договоръ двухъ государствъ [23]). И то и другое утвержденіе — крайность. Если съ формальной стороны инкорпорація Финляндіи состоялась лишь два мѣсяца спустя послѣ перваго сейма въ Борго, то фактически она совершилась гораздо раньше. Какъ сказано выше, еще весною 1808 года Александръ I-й объявилъ о присоединеніи Финляндіи,

---

[18]) Это положеніе приведено у Ордина, II, 240 и слѣд.

[19]) См. Бореніусъ, Акты, стр. 1—2.

[20]) Этотъ любопытный церемоніалъ приведенъ у Ордина, т. II, прил. № 70.

[21]) Бореніусъ, стр. 3.

[22]) Ординъ, Еленевъ.

[23]) Mechelin.

а съ осени того же года онъ вступилъ въ полное владѣніе этой страной. Съ этого времени заключеніе мира было своего рода формальностью, которая могла только констатировать положеніе вещей. Поэтому на всѣ мѣропріятія Александра относительно Финляндіи, предпринятыя имъ до заключенія мира, надо смотрѣть какъ на реформы, проводимыя завоевателемъ въ завоеванной странѣ. Ни въ одномъ актѣ и ни въ одной рѣчи императора нельзя усмотрѣть, чтобы въ эту эпоху онъ считалъ Финляндію страной, еще не инкорпорированной. Но, съ другой стороны, изъ факта инкорпораціи Финляндіи, происшедшей девяносто лѣтъ тому назадъ, никакъ нельзя выводить какихъ-либо слѣдствій по отношенію къ современному ея положенію [24]). Для того, чтобы опредѣлить, что̀ такое представляетъ изъ себя Финляндія съ государственно-правовой точки зрѣнія, возможенъ только одинъ путь. Сперва надо дать ясное опредѣленіе юридическаго понятія государства и его отличіе отъ общины и затѣмъ посмотрѣть, къ которой изъ этихъ двухъ публично-правовыхъ формъ подходитъ Финляндія.

III.

Какъ извѣстно, Іеллинекъ придерживается теоріи Гербера-Лабанда и видитъ отличительный признакъ юридическаго понятія государства въ исключительно ему принадлежащемъ правѣ самостоятельнаго принудительнаго властвованія [25]).

Государство есть общественный союзъ (Gemeinwesen),—говоритъ онъ,—съ собственной территоріей и собственной властью, которая или совершенно независима отъ всякой внѣшней силы, т.-е. суверенна, или въ различныхъ отношеніяхъ ограничена властью высшаго, суввереннаго государства, т.-е. несуверенна [26]).

Но наблюденіе надъ различными формами политическихъ союзовъ показываетъ, что существуютъ такія образованія, которыя, хотя и не государства, но имѣютъ зачатки (Rudimente) его. Это—государственные фрагменты, которые и не государства и не провинціи. Ихъ можно обозначить общимъ техническимъ терми-

[24]) Ср. Германсонъ, „Госуд.-правовое положеніе Финляндіи", II, 125.

[25]) Ср. „Gesetz und Verordnung", стр. 189—205; „System d. subj. Rechte", 12—39, 262. Этой же теоріи придерживается въ русской литературѣ и проф. Н. М. Коркуновъ, но въ то время, какъ Іеллинекъ считаетъ признаніе государства публично-правовымъ субъектомъ краеугольнымъ камнемъ государственнаго права, проф. Коркуновъ пытается его опредѣлить какъ юридическое отношеніе государственнаго властвованія („Русск. гос. право", т. I, § 2).

[26]) „Ueber Staatsfr.", стр. 266.

номъ „край“ (Land), подразумѣвая подъ этимъ терминомъ „ту промежуточную форму, которая находится между государствомъ и провинціальнымъ союзомъ“. Какъ примѣръ такихъ фрагментовъ Іеллинекъ приводитъ цѣлый рядъ гибридныхъ формъ современной государственной жизни. Такъ, сюда онъ относитъ колоніи Германской имперіи, которыя, съ одной стороны, имѣютъ собственную территорію и собственныхъ подданныхъ, но, съ другой стороны, совершенно не имѣютъ характера государственной личности; онѣ—не субъекты, а объекты государственной дѣятельности [27]), а потому ихъ и нельзя признать государствомъ. Далѣе, государственными фрагментами являются англійскія колоніи вообще, и въ частности Канада. Хотя у этой послѣдней есть собственная территорія, государственные органы, но нѣтъ собственнаго высшаго органа государственной власти, мѣсто котораго занимаетъ англійскій парламентъ, а потому колонію эту нельзя назвать государствомъ [28]). Подъ это понятіе государственнаго фрагмента подойдутъ и Исландія [29]), и земли Австрійской короны [30]), и Сѣверо-Американскія территоріи [31]), и Эльзасъ-Лотарингія, и герцогство Саксенъ-Кобургъ-Готское [32]), и наконецъ, главнымъ образомъ, Кроація-Славонія и Финляндія,—двѣ области, которымъ Іеллинекъ удѣляетъ и наибольшее вниманіе. Подробное выясненіе взглядовъ Іеллинека на отношеніе Кроаціи-Славоніи къ Венгріи завело бы слишкомъ далеко, и я перейду прямо къ интересующему насъ вопросу о Финляндіи.

Во-первыхъ, Іеллинекъ признаетъ инкорпорацію Финляндіи со стороны Россіи, но послѣ инкорпораціи Финляндія получила, по его мнѣнію, такую организацію, которая не позволяетъ причислить ее къ провинціальнымъ союзамъ. У нея есть собственная территорія, собственные подданные, которые не суть въ то же время русскіе подданные, и собственное управленіе, за исключеніемъ дѣлъ иностранныхъ и военныхъ, которыя у нея общія съ Россіей. Такимъ образомъ, „Финляндія была бы, несомнѣнно, государствомъ, если бы Александръ I отдѣлилъ свою сферу дѣятельности въ качествѣ Императора отъ таковой же въ качествѣ Великаго Князя“ [33]).Но это правовое раздѣленіе личности

[27]) Тамъ же, стр. 271—273.
[28]) Тамъ же, стр. 275—279.
[29]) Тамъ же, стр. 279—280.
[30]) Тамъ же, стр. 281—284.
[31]) Тамъ же, стр. 284—285.
[32]) Тамъ же, стр. 285—289.
[33]) Тамъ же, стр. 295.

русскаго монарха могло бы имѣть мѣсто лишь при посредствѣ специальнаго законодательнаго акта, такъ какъ иначе объявленная императоромъ инкорпорація Финляндіи остается въ своей силѣ. Сообразно съ симъ, соединенная, по 4-й статьѣ Основныхъ Законовъ, съ Россійскимъ престоломъ Финляндія не имѣетъ отдѣльнаго закона о престолонаслѣдіи,—въ ней дѣйствуетъ русскій законъ, который можетъ быть измѣненъ безъ всякаго участія Финляндіи. Для того, чтобы стать государствомъ, „Финляндіи недостаетъ собственной самостоятельной монархической власти".

Но тѣмъ не менѣе изъ наблюденія надъ правоотношеніемъ Финляндіи къ Россіи слѣдуетъ, что правовое положеніе Финляндіи не можетъ быть измѣнено безъ ея согласія, несмотря на то, что она не государство, а только государственный фрагментъ. „Кто же утверждаетъ, что суверенное государство можетъ нарушить эти границы своихъ правомочій по отношенію къ подчиненному ему „краю", тотъ становится на ту точку зрѣнія, которая отождествляетъ суверенитетъ съ неограниченностью, отрицаетъ возможность самоограниченія и смѣшиваетъ силу съ правомъ" [34]).

Такова въ краткихъ чертахъ новая теорія, проводимая Іеллинекомъ со свойственнымъ ему остроуміемъ и талантомъ. Когда читаешь его статью, то начинаешь съ нимъ соглашаться, но затѣмъ цѣлый рядъ соображеній заставляетъ отказаться отъ возможности принять предлагаемое имъ новое понятіе „края". Во-первыхъ, противъ этого говорятъ уже соображенія чисто практическія. Надо принципіально остерегаться излишняго расчлененія политическихъ формъ и образованій. Іеллинекъ вставляетъ между общиной и государствомъ новое понятіе „края", поэтому приходится признать, что цѣпь политическихъ образованій идетъ въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) община, 2) край, 3) несуверенное государство, 4) суверенное государство. Но такая длинная цѣпь понятій того-же порядка неизбѣжно должна вести къ ихъ полной неопредѣленности. Специфическіе признаки, свойственные каждому понятію, становятся все менѣе и менѣе характерными, все болѣе и болѣе случайными, и, наконецъ, контуры сливаются. Но, кромѣ этого принципіальнаго соображенія, заставляющаго относиться съ нѣкоторой опаской къ этой новой конструкціи, кажется, что и по существу едва ли съ нею можно согласиться. Такъ, прежде всего возникаетъ вопросъ: въ чемъ же заключается тотъ твердо опредѣленный признакъ, по которому Іеллинекъ группируетъ въ одно цѣлое всѣ тѣ разно-

[34]) Тамъ же, стр. 298—300.

родныя образованія, о которыхъ мы говорили выше. „Государство,—говоритъ Іеллинекъ,—есть общественное цѣлое, имѣющее собственную территорію, собственныхъ подданныхъ и собственную власть, которая или совершенно независима отъ всякой внѣшней силы, т.-е. суверенна, или ограничена въ различныхъ отношеніяхъ властью высшаго суверееннаго государства, т.-е. несуверенна. Но всѣ эти три части (власть, территорія и подданные) необходимы для существованія государства. Если одна изъ этихъ частей отсутствуетъ, то нѣтъ государства, а есть только подчиненное ему образованіе“ [35]). Важнѣйшій изъ этихъ трехъ элементовъ есть, конечно, самостоятельная государственная власть. „Первый признакъ самостоятельной власти состоитъ въ томъ, что она обосновывается на собственныхъ, не чужихъ законахъ. Второй, вытекающій изъ перваго признакъ состоитъ въ томъ, что обладающее самостоятельною властью политическое образованіе обладаетъ всѣми существенными органами и функціями государства. Поэтому государство должно имѣть какъ органы законодательства, управленія и суда, такъ и отправлять функціи законодательства, управленія и суда. Общественный союзъ безъ собственныхъ законовъ, правительства и судовъ не есть государство. Если ему чего-нибудь изъ этого недостаетъ, то онъ не подпадаетъ подъ понятіе государства. Государство можетъ быть ограничено въ объемѣ этихъ функцій, въ компетенціи своихъ органовъ, но онѣ всѣ должны быть налицо, чтобы сохранить ему его государственный характеръ“.

„...Всѣ современныя несуверенныя государства проявляютъ самостоятельный кругъ дѣятельности во всѣхъ значительныхъ областяхъ государственной жизни [36]).

„...На основаніи вышеизложеннаго вытекаетъ критерій для опредѣленія несуверееннаго государства, которое отличаетъ его отъ негосударственныхъ образованій вообще. Несуверенное государство при отпаденіи властвующаго надъ нимъ государства пріобрѣтаетъ этимъ самымъ характеръ суверееннаго государства. Ему остается только расширить при посредствѣ своихъ наличныхъ органовъ власти свою компетенцію... Другими словами, ему нужно только измѣнить свою конституцію для того, чтобы стать суверееннымъ государствомъ, тогда какъ часть государства для того, чтобы, фактически освободившись изъ-подъ власти суверееннаго государства, встать въ положеніе незави-

---

[35]) Тамъ же, стр. 266.
[36]) Тамъ же, стр. 269—270.

симаго государства, должна себя прежде организовать, иначе она будетъ представлять изъ себя анархію" [37]).

Всѣ эти разсужденія недостаточно обоснованы и не даютъ искомаго признака различія.

Хотя государственная власть, территорія и населеніе — суть три необходимыхъ элемента для понятія государства, но элементъ государственной власти есть первѣйшій и необходимѣйшій. Государственная власть обнимаетъ и подданныхъ и территорію. Территорія есть граница властвованія; отношеніе же подданства есть специфически государственно-правовое отношеніе, возможное лишь въ государствѣ. Другими словами, понятіе государственной власти уже содержитъ въ себѣ объектъ этой власти—подданство и границы этой власти— территорію. Іеллинекъ самъ это отчасти признаетъ, говоря, что властвованіе есть важнѣйшій элементъ,—но тогда какъ же можно признавать германскія колоніи государственнымъ фрагментомъ потому, что, хотя у нихъ и есть собственная территорія и подданные, но нѣтъ собственной государственной власти? Здѣсь кроется непримиримое противорѣчіе.

Анализируя понятіе государственной власти, Іеллинекъ приходитъ къ тому выводу, что политическіе союзы безъ собственныхъ законовъ, управленія и суда не суть государства; дальше же онъ поясняетъ, что несуверенныя государства проявляютъ самостоятельную дѣятельность „въ значительныхъ областяхъ государственной жизни". Не говоря уже о томъ, что Іеллинекъ вдается здѣсь въ чисто фактическія обстоятельства объема компетенціи даннаго государства, мнѣ кажется, и самое утвержденіе его едва ли правильно. Достаточно обратить вниманіе на какое-нибудь маленькое государство Германской имперіи, вродѣ Вальдека, въ которомъ чуть не всѣ органы управленія находятся въ вѣдѣніи Пруссіи, чтобы видѣть, что точно опредѣлить минимальный объемъ компетенціи, необходимой для несувереннаго государства—немыслимо.

Выставляемый авторомъ попутно критерій для отличія несувереннаго государства отъ подчиненныхъ ему союзовъ (т.-е. провинціи и фрагментовъ) именно въ возможности правомѣрнаго возстановленія его суверенитета при распаденіи государственнаго соединенія — также неубѣдителенъ. Если община или „край" должны пережить въ противоположность несуверенному государству извѣстный періодъ анархіи до обрѣ-

[37]) Тамъ же, стр. 271.

тенія суверенитета, то, вѣдь, это можно, сказать и о суверенномъ государствѣ, входившемъ, напр., въ унію и послѣ ея распаденія становящемся простымъ государствомъ. Едва ли, Норвегія послѣ отпаденія отъ Швеціи можетъ правомѣрно, только посредствомъ измѣненія своей конституціи, избѣгнуть періода анархіи, періода фактическихъ отношеній. Первое, что̀ ей надо будетъ сдѣлать, это—измѣнить параграфъ конституціи, гласящій, что Норвегія соединена со Швеціей подъ властью единаго монарха. Но для правомѣрнаго измѣненія этой статьи необходимо или согласіе короля, котораго нѣтъ, или одобреніе трехъ послѣдовательныхъ стортинговъ (§ 79)—условія, которыя едва ли осуществимы [38]).

Предположимъ однако, что между „краемъ" и несувереннымъ государствомъ есть твердый признакъ различія; но тогда въ чемъ же различіе между общиной и „краемъ"? Изъ статьи Іеллинека его вывести нельзя. Опредѣленіе, даваемое имъ, чисто отрицательнаго характера. „Край" есть то политическое образованіе, которое обладаетъ нѣкоторыми, но не всѣми признаками государства [39]).

Въ изслѣдованіи каждаго отдѣльнаго случая Іеллинекъ сначала констатируетъ наличные государственные элементы, чѣмъ „край" отличается отъ общины, а затѣмъ и недостающіе, благодаря чему „край" приближается къ общинѣ, и изъ этихъ посылокъ выводитъ заключеніе, что данное образованіе есть государственный фрагментъ. Казалось бы, путь совершенно логичный, но дѣло въ томъ, что констатированіе наличныхъ государственныхъ элементовъ есть вопросъ крайне спорный. Я уже говорилъ выше о тѣсной связи всѣхъ государственныхъ элементовъ и о первенствѣ между ними государственной власти. Отсюда слѣдуетъ, что если государственная власть будетъ констатирована въ данномъ союзѣ, то она есть государство, если нѣтъ, то она—община. Понятіе же государственнаго фрагмента, которое дается Іеллинекомъ, получается, въ сущности, въ тѣхъ случаяхъ, когда констатированіе съ полной очевидностью искомаго признака—затруднительно. Другими словами, объединяющимъ признакомъ всѣхъ анализируемыхъ Іеллинекомъ образованій является неправильность этихъ образованій. Всѣ политическіе союзы, о характерѣ которыхъ существуетъ разногласіе въ литературѣ, Іеллинекъ

---

[38]) Ср. Iellinek, „Staaten-Verbindungen", стр. 217. Brie, „Theorie der Staatenverb.", 71.

[39]) „Ueber Staatsfragmente", 271.

старательно соединилъ въ одно цѣлое и представилъ въ видѣ новаго понятія „края“, т.-е., въ сущности, онъ оставилъ вопросъ совершенно неразрѣшеннымъ. Въ краткихъ словахъ его отвѣтъ гласитъ: изслѣдуемые объекты имѣютъ съ одной стороны признаки общины, а съ другой — признаки государства. Другого вывода изъ его разсужденій сдѣлать нельзя.

IV.

Итакъ, всѣ разбираемые Іеллинекомъ случаи надо распредѣлить на двѣ группы: одни изъ нихъ подвести подъ понятіе государства, другіе—подъ понятіе общины. Для отвѣта на вопросъ — куда отнести великое княжество Финляндское, надо начать съ разсмотрѣнія современной организаціи верховной власти въ Финляндіи и ея отношенія къ таковой же въ имперіи. Въ этомъ лежитъ корень вопроса. Вѣдь если Финляндія обладаетъ такимъ правительствомъ, право принудительнаго властвованія котораго самостоятельно и основано на ея собственныхъ финляндскихъ законахъ, то, *съ точки зрѣнія Іеллинека*, не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что Финляндія есть государство, и обратно—если великій князь не есть отдѣльный отъ императора публично - правовой субъектъ, если вся организація верховной власти въ Финляндіи основана на русскомъ законѣ, то приходится причислить Финляндію къ провинціямъ. Вопросъ о томъ, имѣетъ ли Финляндія своихъ подданныхъ и свою территорію, не можетъ имѣть рѣшающаго значенія. Если верховная власть Финляндіи имѣетъ всѣ признаки власти государственной, то очевидно, что *объектомъ* ея явятся подданные, а *границей*—государственная территорія.

Организація финляндскаго правительства представляется въ слѣдующемъ видѣ: великимъ княжествомъ управляетъ монархъ [40]) при посредствѣ сейма — органа народнаго представительства. Представительство это основано на старыхъ шведскихъ конституціонныхъ законахъ [41]), конечно, съ тѣми измѣненіями, которыя повлекло за собой присоединеніе княжества къ Россіи, и затѣмъ на новѣйшемъ законѣ 1869 года [42]). Вопросъ о томъ,

---

[40]) Пока оставляю совершенно въ сторонѣ вопросъ о томъ, есть ли это императоръ или великій князь.

[41]) Regeringsform 21 авг. 1772 г. и Förenings-och Säkerhets-akt 21 февр. и 3 апр. 1789 г.

[42]) Сеймовый уставъ (Landtagsordning) 3—15 апр. 1869 г.

Здѣсь не мѣсто входить въ обсужденіе вопроса о томъ, каковъ былъ характеръ монархической власти въ Швеціи по законамъ 1772 и 1789 гг., но

были ли признаны Александромъ I-мъ основные шведскіе законы, является въ литературѣ спорнымъ [43]). Дѣйствительно, всѣ законодательные акты относительно Финляндіи, принадлежащіе къ эпохѣ Александра I-го, страдаютъ нѣкоторой неопредѣленностью [44]), но самый фактъ подтвержденія Александромъ I-мъ шведскихъ законовъ и ихъ дѣйствіе въ Финляндіи съ извѣстными измѣненіями не можетъ быть отрицаемъ на основаніи какихъ-либо точныхъ доказательствъ.

Но если даже мы и допустимъ, что Александръ I-й сохранилъ финляндцамъ, по толкованію Еленева [45]), только ихъ гражданскія права, выраженныя въ „уложеніи Швеціи, принятомъ въ сеймѣ 1734 года и Е. И. В. утвержденномъ для Финляндіи“ [46]), то, во всякомъ случаѣ, впослѣдствіи эти основные шведскіе законы были признаны русскими императорами въ такой формѣ, толкованіе которой не допускаетъ никакихъ сомнѣній. Такъ, сеймовый уставъ 1869 года былъ утвержденъ императоромъ Александромъ II-мъ съ спеціальной оговоркой о сохраненіи за собою всѣхъ правъ, предоставленныхъ монарху формой правленія 1772 года и актомъ соединенія и охраненія 1789 года, поскольку они не отмѣнены уставомъ 1869 г. [47]). Кромѣ

если эти законы и свидѣтельствуютъ о постепенномъ расширеніи власти монарха, то сопоставленіе §§ 9, 5 и 6 акта 1789 г. съ § 40 и слѣд. закона 1772 г. приводитъ къ тому несомнѣнному заключенію, что власть эта была ограничена. Ср. Германсонъ, I, 55—65; Aschehoug, Marquardsen's Handbuch, стр. 8.

Любопытно, что въ 1790 г. Густавъ III въ бесѣдахъ съ Адлербетомъ высказалъ ту мысль, что онъ хотѣлъ въ сущности сдѣлать изъ риксдага совѣщательную камеру. подъ предсѣдательствомъ короля; но этотъ планъ не осуществился, такъ какъ представители трехъ не-дворянскихъ сословій на это не соглашались ни въ какомъ случаѣ. Nordenpflicht, „Die schwedische Staatsverfassung“, стр. 327—328.

[43]) Ординъ, „Покор. Финляндіи“, II, 335—341, 386; Еленевъ, I, 74—120, II, 30 и сл., III, „Prétentions“ 7—23 и сл., IV, Уставъ о воинск. повин., 21—31.

[44]) Неопредѣленность дѣйствующихъ основныхъ законовъ Финляндіи продолжается и до сихъ поръ; это было признано даже съ высоты престола—въ Высочайшемъ рескриптѣ на имя финл. ген.-губ. отъ 28 февр. 1891 г. (см. Сборн. постановл. в. кн. Финляндскаго, 1891 г., № 13). Въ этомъ рескриптѣ говорится, что „несогласованность нѣкоторыхъ постановленій Финляндіи съ общими государственными узаконеніями и недостаточная опредѣлительность законоположеній, касающихся отношеній Великаго Княжества къ Имперіи, подаютъ, къ сожалѣнію, поводъ къ превратному пониманію дѣйствительнаго значенія мѣръ, принимаемыхъ въ видахъ достиженія цѣлей, общихъ всѣмъ частямъ государства Россійскаго“.

[45]) См. выше, прим. 43.

[46]) Еленевъ, I, 99.

[47]) Бореніусъ, стр. 50—51. „Сохраняя за собою принадлежащее Намъ право

этого, манифестомъ 1886 года [48]) право законодательной инициативы было предоставлено финляндскому сейму въ формѣ отмѣны пункта 6-го акта 1789 года, который гласилъ: „Государственные чины въ теченіе сейма должны только заниматься тѣми предметами, кои предлагаются королемъ“.

Здѣсь не мѣсто входить въ подробное разсмотрѣніе организаціи и функціи народнаго представительства Финляндіи [49]). Скажемъ только, что, сообразно второму параграфу устава, сеймъ долженъ созываться, по крайней мѣрѣ, каждыя пять лѣтъ. Затѣмъ, по параграфу 83-му весь сеймовый уставъ признанъ основнымъ закономъ и, согласно параграфу 71-му того же устава, можетъ быть измѣненъ, какъ законъ основной, только по инициативѣ великаго князя съ согласія всѣхъ сословій [50]).

Что финляндскіе основные законы несовершенны, съ этимъ едва ли кто-либо будетъ спорить. По вѣрному замѣчанію Н. М. Коркунова, вся организація сейма „проникнута строгимъ сословнымъ духомъ“. „Въ основу его дѣятельности положено начало полной сословной разобщенности“ [51]). По его мнѣнію, финскій народъ „продѣлываетъ заднимъ числомъ то, что продѣлала уже страна, когда-то владѣвшая Финляндіей“ [52]); что „финляндскія

въ томъ видѣ, какъ оно установлено въ формѣ правленія отъ 21 авг. 1772 г. и въ актѣ соединенія и охраненія отъ 21 февраля и 3-го апрѣля 1789 г. и не измѣнено точными словами въ вышеизложенномъ сеймовомъ уставѣ, Мы Высочайше одобряемъ и утверждаемъ сей уставъ, какъ ненарушимый основной законъ“. Ср. Dareste, „Les const. modernes“, II, 186; Еленевъ (I, 136—139, и II, 38) объявляетъ эту форму утвержденія „ошибкой“, на которую натолкнули верховную власть „финляндскіе патріоты“, и, по его мнѣнію, надлежитъ какъ можно скорѣе исправить эту ошибку.

[48]) Сборн. постановл. в. к. Финляндскаго, 1886 г., № 22. „Высочайшій Е. И. В. Манифестъ объ измѣненіи §§-овъ 51 и 52 сеймоваго устава в. к-ва Финляндскаго отъ 15 (3) апрѣля 1869 года, заключающемъ въ себѣ дополненіе касательно предоставленія земскимъ чинамъ края права предложенія. Данъ въ Петергофѣ, 25 (13) іюня 1886 г.“ „Мы Александръ III..., объявляемъ чрезъ сіе, что, соотвѣтственно выраженнымъ по § 71 сеймоваго устава отъ 15 (3) апр. 1869 года одобренію и согласію земскихъ чиновъ Финляндіи, Мы признали за благо, съ отмѣною 6 п. акта соединенія и охраненія отъ 21 февр. и 3 апр. 1789 г., Высочайше постановить и повелѣть, чтобы §§ 51 и 52 сказаннаго сеймоваго устава, въ виду дополненія къ оному о предоставленіи земскимъ чинамъ права предложенія, получили слѣдующее измѣненное содержаніе“.

[49]) Mechelin, „Staatsrecht“, 284—305; Коркуновъ, „Гос. право“, II, 150—158.

[50]) Ср. Герм., II, 240—247, объ измѣненіи государственнаго правового положенія Финляндіи.

[51]) Русск. гос. пр., II, 158.

[52]) Русск. гос. пр., II, 151.

учрежденія суть учрежденія совершенно отжившія, давно исчезнувшія въ другихъ странахъ“ [53]).

Съ этимъ положеніемъ нельзя не согласиться [54]), но вѣдь это вопросы de lege ferenda, и какъ бы ни былъ матеріально несовершененъ законъ, онъ формально все-таки остается закономъ, не взирая ни на какіе вопросы цѣлесообразности [55]).

Если же въ Финляндіи существуетъ верховная власть вышеуказаннаго характера, то отсюда уже логически вытекаетъ то слѣдствіе, что великій князь финляндскій есть нѣчто отличное отъ императора всероссійскаго, и что въ лицѣ русскаго монарха соединяются два различныхъ публично-правовыхъ субъекта. Мы видѣли выше, что только отсутствіе собственной монархической власти въ Финляндіи, только неясно выраженное раздѣленіе субъектовъ—великаго князя и императора заставляютъ Іеллинека отнять у Финляндіи государственный характеръ. Дѣйствительно, это самая трудная сторона дѣла, но разъ мы признаемъ эти двѣ личности совершенно ясно и опредѣленно разграниченными между собою, то для Іеллинека уже не будетъ никакихъ препятствій признать Финляндію государствомъ.

Если Финляндія есть только „русская окраина“ [56]), и, слѣдовательно, положеніе объ ея управленіи могло бы найти свое мѣсто въ II томѣ Свода Законовъ, то всѣ признаки самодержавной власти русскаго императора необходимо должны были быть присущи этой власти и при проявленіи ея въ предѣлахъ финляндской окраины. Но этого нѣтъ, и признаніе тождества власти великаго князя и императора неминуемо приводитъ къ противорѣчіямъ. Инициатива законовъ, принадлежащая въ Россіи исключительно монарху [57]), принадлежитъ въ Финляндіи также и сословіямъ [58]). Отмѣна закона, которая, согласно ст. 73 Зак. Осн.,

---

[53]) Русск. гос. пр., II, 158.

[54]) Германсонъ (I, 66 и слѣд.) дѣлаетъ попытку доказать, что было бы совершенно неправильно считать шведскій общественный строй средневѣковымъ сословнымъ строемъ; но его доводы малоубѣдительны.

[55]) В. М. Грибовскій считаетъ тѣхъ лицъ, которыя признаютъ полную законность дѣйствій, основанныхъ (хотя бы и на дурномъ) законѣ, „пѣснопѣвцами насилія“ (Ж. Ю. О. 1896 г. № 9, отдѣл. библ., стр. 32).

[56]) Сборн. статей о Финляндіи, изданный „Московск. Вѣдом.“, называется „*Финляндская окраина Россіи*“.

[57]) Н. М. Коркуновъ признаетъ право законодательной иниціативы и за нѣкоторыми органами подчиненнаго управленія (II, 62—68). Но и при такомъ взглядѣ на дѣло все-таки иниціатива принадлежитъ въ Россіи исключительно правительству.

[58]) § 51 сейм. устава.

„происходитъ порядкомъ, означеннымъ..... для составленія законовъ“, то-есть зависитъ исключительно отъ самодержавной воли монарха,—по отношенію къ финляндскимъ основнымъ законамъ можетъ быть произведена только при согласіи всѣхъ сословій [59]). Существованіе въ Финляндіи такихъ правовыхъ нормъ съ очевидностью доказываетъ, что характеръ верховной власти въ Финляндіи отличенъ отъ таковой же въ имперіи.

Это противорѣчіе вполнѣ понималъ Ординъ, но, вопреки очевидности, онъ выводилъ отсюда то слѣдствіе, что Александръ I не ввелъ въ Финляндіи шведскихъ конституціонныхъ законовъ [60]). Не входя въ полемику съ Ординымъ, замѣчу, что, можетъ быть императоромъ оттого не было удѣлено должнаго вниманія на уясненіе этихъ противорѣчій, что онъ считалъ ихъ затрудненіями чисто временнаго характера, возможными лишь впредь до осуществленія въ Россіи различныхъ проектированныхъ имъ реформъ. Но проектъ реформъ былъ вскорѣ оставленъ, и раздвоеніе юридической личности монарха явилось необходимымъ слѣдствіемъ такого положенія вещей.

Казалось бы, исходъ изъ указанныхъ противорѣчій можетъ быть найденъ въ признаніи юридической раздѣльности между императоромъ и великимъ княземъ. Іеллинекъ говоритъ, что это разграниченіе не можетъ быть допущено на томъ основаніи, что оно не выражено ни въ одномъ юридическомъ актѣ, вслѣдствіе чего порядокъ замѣщенія финляндскаго престола опредѣленъ не финляндскими законами, а закономъ имперскимъ, который можетъ быть и въ дѣйствительности былъ измѣненъ безъ всякаго участія Финляндіи [61]). Слѣдовательно, нѣтъ великаго князя финляндскаго, а есть только императоръ всероссійскій.

Но отсутствіе формальнаго акта, опредѣляющаго раздѣльность верховной власти финляндской и имперской, не можетъ быть признано имѣющимъ рѣшающее значеніе; иначе неминуемо приходится считаться съ противорѣчіями. Что же касается до того обстоятельства, что въ великомъ княжествѣ дѣйствуетъ русскій законъ о престолонаслѣдіи, то этому обстоятельству также не слѣдуетъ приписывать преувеличеннаго значенія. Вѣдь если существуетъ ст. 4 Зак. Осн., гласящая: „Съ Импе-

---

59) § 71 сейм. устава.

60) Ординъ, II, 337.

61) Iellinek, „Staatsfragm.“, 297. Проектъ кодификаціи Финл. Осн. Зак., составленный коммиссіей Вейссенберга, признаетъ русскій законъ о престолонаслѣдіи единственнымъ имперскимъ закономъ, примѣнимымъ въ Финляндіи (см. Еленевъ, „Prétentions„ III, стр. 155).

раторскимъ Всероссійскимъ престоломъ нераздѣльны суть престолы Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго", то изъ нея необходимо слѣдуетъ, что лицо, имѣющее право, по русскимъ законамъ, на императорскій престолъ, есть этимъ самымъ великій князь финляндскій. Здѣсь существуетъ аналогія съ ст. 11-ою германской конституціи, опредѣляющей, что „das Präsidium des Bundes steht dem Könige von Preussen zu, welcher den Namen Deutscher Kaiser führt". Отсюда выводится всѣми признаваемое слѣдствіе, что измѣненіе прусскаго закона о порядкѣ престолонаслѣдія обязательно для имперіи [62]). Если прусскій законъ обязателенъ для суверенной Германской имперіи, то отчего же не можетъ быть обратнаго явленія въ Россіи по отношенію къ Финляндіи? На это можно возразить, что если изъ ст. 4 Зак. Осн. вытекаетъ необходимость примѣненія русскаго закона въ Финляндіи, то вѣдь, съ другой стороны, и сама ст. 4 Зак. Осн. есть слѣдствіе законодательнаго акта Русской имперіи, а не Финляндіи. Посмотримъ же, на какихъ источникахъ построена ст. 4. Изъ десяти цитатъ, подведенныхъ подъ этой статьей, спеціально до Финляндіи относятся только три: 1808 года марта 20, 1811 года декабря 11 и 31. Цитаты 1815 и 1832 годовъ имѣютъ отношеніе къ Царству Польскому, а остальныя пять цитатъ суть манифесты о восшествіи на престолъ и назначеніи опеки и попечительства на случай кончины императора до совершеннолѣтія наслѣдника. Изъ источниковъ, спеціально относящихся до Финляндіи, главное значеніе имѣетъ манифестъ, объявлявшій русскому населенію о присоединеніи Финляндіи: „Страну сію", читаемъ мы въ манифестѣ, „оружіемъ Нашимъ, такимъ образомъ, покоренную, Мы присоединяемъ отнынѣ навсегда къ Россійской Имперіи и, вслѣдствіе того, повелѣли Мы принять отъ обывателей ея присягу на вѣрное Престолу Нашему подданство". Марта 20 (22911). Манифестъ этотъ въ Финляндіи, кажется, опубликованъ не былъ [63]), но тамъ былъ изданъ манифестъ отъ 5 (17) іюня, сходный по содержанію съ манифестомъ 20 марта. Въ немъ объявлялось, что „въ чредѣ народовъ скипетру Россіи подвластныхъ и единую Имперію составляющихъ, обыватели Финляндіи съ сего времени вос-

[62]) Ср. G. Meyer, „Deutsches Staatsrecht", стр. 385.

[63]) Германсонъ, I, 36, и II, 213 прим., утверждаетъ, что манифестъ 20 марта въ Финляндіи опубликованъ не былъ, у Ордина же (II, 95—96) разсказывается исторія перевода его на шведскій и финляндскій языки для обнародованія въ Финляндіи.

пріяли навсегда свое мѣсто". Этотъ манифестъ въ Полномъ Собраніи Законовъ напечатанъ не былъ.

Законы 1811 г. о присоединеніи Выборгской губерніи къ Финляндіи и объ ея устройствѣ суть также не только русскіе, но и финляндскіе законодательные акты. О манифестахъ относительно вступленія на престолъ это само-собою разумѣется. Итакъ, ст. 4. Осн. Зак., скодифицированная впервые въ 1832 г., т.-е. черезъ 23 года послѣ заключенія мира, основана на однородныхъ законодательныхъ актахъ финляндскихъ и русскихъ, и, слѣдовательно, выраженное въ ней положеніе есть не только русскій, но и финляндскій законъ, съ той только разницей, что въ Россіи онъ принялъ форму кодификаціонной статьи, въ Финляндіи же онъ скрытъ въ тѣхъ источникахъ, которые подведены подъ ст. 4 и, главнымъ образомъ, въ манифестѣ 5 (17) іюня 1808 года[64]).

Все вышеизложенное заставляетъ придти къ тому выводу, что верховная власть въ Финляндіи основывается на финляндскомъ законѣ, и что юридически она отдѣлена отъ имперской верховной власти. Мы видѣли выше, что главной причиной, заставляющей Іеллинека отрицать государственный характеръ Финляндіи, является отсутствіе самостоятельной, отдѣльной отъ имперской, финляндской верховной власти[65]).

Но если вышеприведенныя соображенія правильны, то сомнѣнія Іеллинека должны отпасть, и, слѣдовательно, съ его точки зрѣнія необходимо признать великое княжество государствомъ, но не „краемъ".

V.

Если Финляндія—государство, то какого же рода соединеніе государствъ представляетъ собою Россійская имперія?

Всѣ сложныя государства можно разбить на три группы:

1) Соединенія на основаніи полнаго равенства (напр., реальная унія). Члены этого соединенія находятся въ равноправномъ

---

[64]) Юридическое значеніе Свода законовъ спорно. Коркуновъ („Теорія права", 332) не считаетъ Сводъ новымъ закономъ. Таганцевъ (Лекціи, § 152) считаетъ Сводъ „единственнымъ непосредственнымъ источникомъ права". Въ практикѣ, повидимому, 1-му изд. Свода придается значеніе закона, поскольку онъ не отмѣненъ позднѣйшими законодательными актами. Послѣдующія же изданія Свода признаются обязательными лишь настолько, насколько они дѣйствительно воспроизводятъ содержаніе узаконеній, на которыхъ основаны.

[65]) См. выше, стр. 68.

положенiи и не подчинены ни оба вмѣстѣ, ни каждое порознь, никакой высшей, внѣ ихъ стоящей власти.

2) Соединенiя на началахъ неравенства. Одно государство имѣетъ въ своемъ подчиненiи другiя (напр., Оттоманская имперiя).

3) Соединенiя, представляющiя изъ себя нѣчто среднее между двумя вышепоименованными. Съ одной стороны, члены государственнаго соединенiя этого типа находятся по отношенiю другъ къ другу въ положенiи равенства (координацiи), но съ другой стороны они соподчинены высшей центральной власти, въ образованiи коей участвуютъ всѣ члены государственнаго соединенiя. Примѣромъ можетъ служить союзное государство [66]).

Едва ли подлежитъ сомнѣнiю, что соединенiе Финляндiи съ Россiей никоимъ образомъ нельзя подвести подъ соединенiя третьей группы, такъ какъ очевидно, что онѣ не соподчинены на равныхъ правахъ никакой высшей власти. Поэтому намъ надо обратить вниманiе только на первыя двѣ группы и подвести подъ одну изъ нихъ изслѣдуемое нами государственно-правовое отношенiе.

Большинство писателей, отстаивающихъ за Финляндiей характеръ государства, опредѣляютъ соединенiе ея съ имперiей какъ реальную унiю, т.-е. относятъ его къ первой группѣ соединенiй. Но это опредѣленiе отношенiй Финляндiи къ Россiи должно быть безусловно отвергнуто. Реальная унiя есть основанное на договорѣ соединенiе двухъ независимыхъ другъ отъ друга государствъ, въ лицѣ общаго монарха. Правооснованiемъ унiи является договоръ. Бри утверждаетъ, что возможны также случаи образованiя унiи на основанiи обычая или даже закона высшаго суверреннаго государства [67]). Но это утвержденiе неубѣдительно. Во-первыхъ, онъ самъ признаетъ, что всѣ современныя унiи основаны на договорѣ [68]), въ томъ числѣ и унiя Финляндiи съ Россiей. Далѣе, что касается утвержденiя, что въ XVII и XVIII вѣкахъ возможны были неза-

[66]) Brie, Grünh. 109—111 „Theorie der Staatenverb.“, 24—26. Ср. G. Meyer, „Staatsrecht“, § 12. Іеллинекъ („Staatenverb.“, 58) разбиваетъ госуд. соединенiя на двѣ группы: Verbindungen mit Ueber- und Unterordnung der Glieder, m. a. W. völkerrechtliche und staatsrechtliche Verbindungen, но при этой группировкѣ не получаетъ надлежащаго мѣста „союзное государство“, стоящее на рубежѣ между этими двумя группами (ср. Brie Grünh. 109).

[67]) Brie, „Theorie“, 70—71. Grünh, 136—137. G. Meyer, § 12

[68]) Тамъ же, стр. 71, прим. 2.

мѣтные переходы изъ личной уніи въ реальную [69]), то этотъ примѣръ изъ эпохи феодально-патримоніальнаго государства едва ли можетъ имѣть значеніе въ концѣ XIX вѣка. Наконецъ, что касается утвержденія, что унія можетъ основываться на законѣ верховнаго государства, которому подчинены оба государства, входящія въ унію, то этотъ случай относится къ области вымысла. Дѣло въ томъ, что Бри совершенно правильно вноситъ въ опредѣленіе уніи примѣнимость ея только къ монархіямъ [70]). Въ такомъ случаѣ основаніе уніи на законѣ высшей, стоящей надъ соединенными государствами воли, возможно только въ союзномъ государствѣ, членами котораго являются и монархіи, т.-е. изъ извѣстныхъ намъ союзныхъ государствъ только въ Германской имперіи. Но въ компетенцію имперіи [71]) на основаніи конституціи, которая построена на томъ принципѣ, что все не предоставленное спеціальному вѣдомству имперіи находится въ вѣдѣніи отдѣльныхъ государствъ, вовсе не входитъ правомочіе соединять два государства, даже вопреки ихъ волѣ [72]).

По этимъ соображеніямъ, а также на томъ основаніи, что если кто и утверждаетъ, что Финляндія находится въ уніи съ Россіей, то, главнымъ образомъ, потому, что событіямъ въ Борго весною 1809 года придается договорный характеръ, мнѣ кажется, нѣтъ никакой надобности считаться съ мнѣніями Бри при выясненіи русско-финляндскихъ отношеній [73]).

Еще въ 30-хъ и 40-хъ годахъ возникла полемика между финляндскими юристами относительно того, была ли присоединена Финляндія къ Россіи какъ шведская провинція или она заключила въ Борго въ качествѣ государства сепаратный договоръ съ Россіей [74]). На этой почвѣ вращается споръ и до нынѣшняго времени. Всѣ защитники существованія уніи усматриваютъ договорные элементы въ боргоскихъ событіяхъ и доказываютъ, что Финляндія перестала быть шведской провинціей и преобразилась въ государство еще до Фридрихсгамскаго мира.

---

69) Grünh, стр. 136, № 124.

70) „Theorie“, 69—70.

71) G. Meyer, 209.

72) Ср. по этому поводу Iellinek, „System“, 294, и Laband, Staatsrecht. I, § 13.

73) Поэтому упреки Даніэльсона (II, 7 — 10) и Германсона (II, 235) по адресу Н. М. Коркунова въ томъ, что онъ не опровергаетъ положеній, высказанныхъ Зигфридомъ Бри,—едва ли основательны.

74) См. Абовъ, Изъ исторіи ученій финляндскаго государственнаго права. Ж. М. Ю., 1895 г. № 8.

Не отрицая юридическаго значенія за актами въ Борго [75]) для послѣдующей судьбы великаго княжества, я все-таки не могу признать, чтобы Финляндія находилась въ эпоху перваго сейма въ равноправныхъ отношеніяхъ съ Россіей,—отношеніяхъ, которыя служили бы доказательствомъ самой возможности какихъ-либо договорныхъ соглашеній. Финляндія формально инкорпорирована, какъ часть Шведскаго государства, Фридрихсгамскимъ договоромъ, въ составленіи котораго она не участвовала. Фактически же эта инкорпорація совершилась еще за годъ до заключенія мира. Положимъ, и Норвегія была уступлена Швеціи по Кильскому договору 14 января 1814 года, заключенному между Швеціей и Даніей, но Норвегія этому воспротивилась и даже взялась за оружіе для защиты своей самостоятельности. Такимъ образомъ, тотъ основной законъ 6-го августа 1815 года, на которомъ покоится реальная унія обоихъ государствъ, является по своей формѣ договоромъ, заключеннымъ между двумя воюющими державами [76]).

Центръ тяжести лежитъ, въ сущности, не здѣсь; унія между Россіей и Финляндіей невозможна не только потому, что великое княжество было присоединено къ Россіи какъ шведская провинція, но, главнымъ образомъ, потому, что между двумя государствами, изъ которыхъ одно суверенно, а другое нѣтъ, уніи быть не можетъ [77]).

Когда одно изъ государствъ подчинено другому, то нѣтъ соединенія, основаннаго на координаціи, а есть соединеніе, основанное на субординаціи, т.-е. нѣтъ уніи, а есть одностороннее подчиненіе несувереннаго государства государству суверенному [78]).

Здѣсь мы соприкасаемся съ понятіемъ суверенитета. Если суверенитетъ и не есть [79]) необходимый признакъ понятія государства [80]), то во всякомъ случаѣ онъ получаетъ значеніе въ ученіи о соединеніяхъ государствъ [81]) Я не буду входить въ обсужденіе различныхъ контраверзъ, возникшихъ въ литературѣ относительно этого понятія; скажу только, что суверен-

---

[75]) Германсонъ, I, 45, II, 126—128.

[76]) Iellinek, „Staatsverb.“, 223; Dareste, II, 102; Aschehoug.

[77]) Ср. Iellinek, „Staatsverb.“, 204, 205. „System“, 295.

[78]) Ср. Германсонъ, II, 101—108.

[79]) Вопреки мнѣнію Seydel'я, Zorn'а, Borel'я и др.

[80]) Это признается: Лабандомъ, Іеллинекомъ, Г. Мейеромъ, Бри, Розиномъ и др.

[81]) Iellinek, „Staatsverb.“, 58; Розинъ, „Souveränität“ etc., 38; Liebe, „Studien“, I, 6—7, 48. Brie („Theorie“, 10) признаетъ, что основаніемъ для группировки

ное государство находится въ обладаніи высшей властью, т.-е. оно не только не подчинено никакой другой власти, но и само обладаетъ болѣе высокой властью, чѣмъ всѣ входящіе въ него союзы. Слѣдовательно, понятіе суверенитета есть въ сущности понятіе отрицательнаго характера; оно не опредѣляетъ положительныхъ правомочій, присущихъ суверенной власти [82]), а выдвигаетъ только отрицательный моментъ, а именно—что суверенная власть не имѣетъ надъ собою никакой другой власти, которая имѣла бы право связывать ее своими нормами [83]). Суверенное государство можетъ быть юридически связано только по собственной волѣ [84]).

Если, исходя изъ этихъ соображеній, мы взглянемъ на соединеніе Финляндіи и Россіи, то съ очевидностью выступаетъ тотъ фактъ, что Финляндія находится въ отношеніи подчиненія къ суверенной имперіи, что есть цѣлая область государственныхъ функцій, изъятая изъ компетенціи Финляндіи,—область, въ которой интересы несуверенной Финляндіи должны безусловно быть подчинены интересамъ имперіи [85]). Послѣдствіемъ инкорпораціи великаго княжества является не только то обстоятельство, что международные интересы Финляндіи находятся въ рукахъ Россія, но и вообще Финляндія не есть субъектъ международнаго права. По отношенію къ иностраннымъ державамъ Россія есть единое государство [86]).

Если Норвегія и Венгрія фактически и не обладаютъ международнымъ представительствомъ, то это основано исключительно на началахъ цѣлесообразности, юридически же онѣ имѣютъ полное право имѣть отдѣльныхъ представителей. Извѣстно даже, что въ Норвегіи партія сепаратистовъ требуетъ учрежденія норвежскихъ консульствъ, отдѣльныхъ отъ Швеціи. Ничего подобнаго нѣтъ въ Финляндіи, она не только не можетъ имѣть собственныхъ представителей, но даже ея существова-

---

соединеній государствъ суверенитетъ служить не можетъ, но нѣкоторое значеніе для различія отдѣльныхъ группъ суверенитетъ имѣетъ. Laband, 1, 52 и сл. G. Meyer (§ 6, № 6) говоритъ: „Gerade für die Bestimmung des Verhältnisses mehrerer Gemeinwesen zu einander besitzt er (der Souveränitäts-Begrift) eine erhebliche Bedeutung."

[82]) Laband, I, 67; Iellinek, „Gesetz und Verordn.", 196—200.

[83]) Laband, I, 67.

[84]) Iellinek, „Staatsverb.", 34.

[85]) Тѣ государственные интересы, при выполненіи коихъ Финляндія является частью имперіи, разобраны у Германсона, II, 226—240.

[86]) См. объяснительную записку къ проекту уголовнаго уложенія, т. I, гл. I (Спб., 1895 г.).

ніе не обезпечено никакими международными актами. Если Россія, въ нарушеніе правомѣрнаго порядка, уничтожитъ обособленность Финляндіи, то ей не придется давать по этому поводу никакихъ объясненій иностраннымъ державамъ. Это есть дѣло чисто внутренняго характера, не могущее подлежать международному обсужденію. Это съ такой очевидностью доказываетъ несуверенность Финляндіи и ея зависимость отъ Россіи, что о существованіи реальной уніи между ними не можетъ быть никакой рѣчи. А потому въ детальное обсужденіе тѣхъ доводовъ, которые приводятся въ пользу уніи и которые кроются въ толкованіи спорныхъ по своему юридическому значенію событій въ Борго, до заключенія Фридрихсгамскаго мира,—мы входить не будемъ.

Но если соединеніе Финляндіи не подходитъ ни подъ I, ни подъ III группу, то его мѣсто—во II группѣ соединеній на началахъ неравенства, на началахъ подчиненія.

Дѣйствительно, въ послѣднее время въ литературѣ [87]) встрѣчаются мнѣнія, основывающія соединеніе Финляндіи на началахъ подчиненія и констатирующія черты сходства между отношеніями Финляндіи и Россіи, со одной стороны, и Турціи къ подчиненнымъ ею вассальнымъ княжествамъ—съ другой. Между отношеніями Болгаріи, напр., къ Турціи и Финляндіи къ Россіи есть нѣкоторыя черты сходства [88]).

Какъ Болгарія, такъ и Финляндія суть два несуверенныхъ государства, находящихся въ отношеніи подчиненія къ суверенному государству [89]). Какъ Болгарія, такъ и Финляндія не

---

[87]) Danielson, II. Германсонъ, „Государственное правовое положеніе Финляндіи, 1892. Bornhak, „Einseitige Abhängigkeits-Verhältnisse“, 1896.

[88]) Еленевъ („Ученіе о финляндскомъ государствѣ“, стр. 30) находитъ „изумительной“ ту теорію, по которой „Александръ III, какъ великій князь финляндскій, есть вассалъ Александра III, какъ Императора Россійскаго“. Напомнимъ, что король прусскій, которому въ то же время принадлежитъ первенство (Präsidium) въ имперіи, находится въ аналогичномъ положеніи. Никого не удивляетъ, что прусскій король, напр., въ отношеніи командованія арміей подчиненъ германскому императору (конст., §§ 63—68), т. е. самому себѣ. V. Stengel („Staatsrecht des Königreichs Preussen“ 1894, стр. 575) говоритъ: „Da der König von Preussen gleichzeitig Deutscher Kaiser ist, so tritt in Preussen die Theilung der Befugnisse zwischen Landesherr und Kaiser äusserlich nicht zu Tage. Trotzdem besteht rechtlich die Sonderung zwischen den beiden Gruppen von Befugnissen und ist sie auch für die Entscheidung von Fragen namentlich auf dem Gebiete der sogenannten Militärverwaltung von massgebender Bedeutung.“

[89]) См. Iellinek, „Staatenverb.“, 147—150; Германсонъ, II, 65—70; Bornhak, I, 52; Brie, „Theorie“, 28-37.

суть субъекты международнаго права[90]). Какъ въ Болгаріи, такъ и въ Финляндіи основные законы, обусловливающіе ихъ самостоятельность, не могутъ быть измѣнены безъ ихъ согласія[91]). Но между ними есть также различіе, имѣющее крупное юридическое и политическое значеніе. А именно, Болгарія имѣетъ собственнаго монарха, тогда какъ великій князь финляндскій соединенъ въ одномъ лицѣ съ русскимъ императоромъ. Если это единство монарховъ, составляя одинъ изъ юридическихъ признаковъ понятія уніи, и наталкиваетъ на неправильное утвержденіе о существованіи уніи между Финляндіей и Россіей, то съ другой стороны, эта же общность монарховъ является препятствіемъ для признанія отношенія Россіи къ Финляндіи аналогичнымъ съ отношеніемъ сюзереннаго государства къ вассальному.

Такъ, Борнгакъ прямо говоритъ[92]), что „отношеніе Финляндіи къ Россіи было бы совершенно тождественнымъ съ отношеніемъ Болгаріи къ Турціи, если бы султанъ былъ въ то же время княземъ болгарскимъ“. Но такъ какъ этого нѣтъ, то Борнгакъ для опредѣленія изслѣдуемаго явленія воскрешаетъ старое понятіе „неполной инкорпораціи“.

Ходъ разсужденій Борнгака слѣдующій: Финляндія на сеймѣ въ Борго образовала изъ себя государство подъ властью русскаго императора, какъ великаго князя. Только послѣ этихъ событій былъ заключенъ миръ между Швеціей и Россіей, признавшей данное состояніе вещей. Эти событія не даютъ основаній причислять соединеніе имперіи съ великимъ княжествомъ къ уніи (личной или реальной) или считать Финляндію за провинцію. Личную унію исключаетъ постоянное, лишенное случайностей, правовое соединеніе обоихъ государствъ. Для реальной уніи нѣтъ равноправности положенія этихъ политическихъ образованій. Но Финляндія не есть также провинція—это скорѣе государство, управляющееся сообразно собственнымъ конституціоннымъ законамъ. Но государствомъ Финляндія является только по отношенію къ своимъ подданнымъ и къ имперіи, чтò и лишаетъ возможности подвести это соединеніе подъ какой-нибудь извѣстный типъ соединеній государствъ, основанныхъ на подчиненіи[93]), а потому Борнгакъ относитъ это соединеніе къ неполной инкорпораціи.

---

[90]) Мартенсъ, „Международное право“, т. I, 257.

[91]) Самостоятельность Болгаріи гарантирована, кромѣ того, актами Берлинскаго конгресса 1878 г.

[92]) „Abhäng. Verh.“, 65.

[93]) Ibid, 63—65.

Не говоря уже о томъ, что это устарѣлое понятіе неполной инкорпораціи настолько же противорѣчитъ современной идеѣ государства, какъ и понятіе дѣлимости суверенитета [94]), такое рѣшеніе дѣла все-таки не даетъ отвѣта на вопросъ: что̀ такое не вполнѣ инкорпорированная страна—провинція или государство? Борнгакъ объявляетъ, что Финляндія—государство, но не потому, что она „не совершенно инкорпорирована", а потому, что она управляется по собственнымъ законамъ [95]). Выходитъ, что Финляндія—государство потому, что она не вполнѣ инкорпорирована, но не вполнѣ инкорпорирована потому, что она—государство [96]).

Также и Германсонъ [97]) изъ-за формальнаго признака общности монарховъ не считаетъ возможнымъ отнести Россійскую имперію къ типу вассальнаго государства.

Нельзя отрицать, что эта особенность имѣетъ юридическое, а главнымъ образомъ — политическое значеніе. Но сочинять ради этой характерной особенности разсматриваемаго нами соединенія какую-нибудь новую юридическую фигуру, или во что бы то ни стало настаивать на полной параллели этого соединенія съ отношеніемъ Турціи къ Болгаріи — и безполезно и неправильно. Достаточно *въ общихъ чертахъ отмѣтить его правовыя основанія, а жизнь* уже сама дастъ ему болѣе опредѣленную форму въ предѣлахъ, намѣченныхъ правомъ.

Д. В. Философовъ,
Дѣйствительный членъ
С.-Петербургскаго Юридическаго Общества.

---

94) Iellinek, „Staatenverb.", 68—70.

95) Борнгакъ, I, 65.

96) Въ своемъ позднѣйшемъ трудѣ „Allgemeine Staatslehre" Bornhak уже не упоминаетъ объ „incorporatio minus plena" и говоритъ, что отношеніе Финляндіи къ Россіи есть „ein rechtlich der Suzeränität entsprechendes, aber politisch wesentlich abweichendes Verhältniss" (стр. 219).

97) II, 115.

КЪ ИСТОРІИ МЕЖЕВОГО ДѢЛА.

(Замѣтка по поводу слуховъ о реформѣ межевой части).

Въ послѣднее время въ печать проникли слухи о преобразованіи межевой части въ Россіи; газеты сообщали, что при Государственномъ Совѣтѣ, подъ предсѣдательствомъ д. т. с. Н. И. Стояновскаго, образована коммиссія для разсмотрѣнія межевого проекта, представленнаго министерствомъ юстиціи. Такимъ образомъ, тридцатилѣтнія надежды межевыхъ на реформу близятся какъ-будто къ осуществленію, и мы, можетъ-быть, вскорѣ увидимъ паденіе обветшалаго, полусгнившаго зданія межевыхъ учрежденій и законовъ. Ихъ ветхость и несоотвѣтствіе современнымъ нуждамъ землевладѣнія и общественной жизни давно чувствовалась и сознавалась; попытки радикальной реформы межевого дѣла уже имѣютъ свою тридцатилѣтнюю исторію и, надо замѣтить, весьма поучительную.

Первая попытка относится къ началу 60-хъ годовъ, когда, съ обновленіемъ государственнаго и общественнаго строя Россіи, особенно рельефно выступили всѣ несообразности и анахронизмы межевыхъ законовъ императрицы Екатерины II. Въ 1863 году была учреждена, подъ предсѣдательствомъ Буткова, коммиссія для выработки новаго межевого устава примѣнительно къ главнымъ началамъ преобразованія судебной части въ имперіи; эта коммиссія, на основаніи матеріала, собраннаго чинами межевого вѣдомства и изданнаго въ пяти частяхъ подъ заглавіемъ „Матеріалы для преобразованія межевой части въ Россіи“, составила проектъ новаго устава, принявъ въ принципѣ переходъ всѣхъ судебно-межевыхъ дѣлъ въ вѣдѣніе общихъ судовъ и подчинивъ межеваніе частной инициативѣ. Въ 1870 году управляющій межевою частью И. М. Гедеоновъ, дѣятельности кото-

раго многимъ обязаны предпринятыя работы, оставилъ межевое вѣдомство; къ тому же времени относится окончаніе пересмотра проекта во II отдѣленіи Собственной Его Величества Канцеляріи; съ этого момента дальнѣйшее движеніе его пріостановлено.

Семидесятые года представляются періодомъ какого-то ревниваго оберeганія старыхъ межевыхъ порядковъ; общая реформа вѣдомства была позабыта, а частичныя измѣненія въ судебно-межевомъ разбирательствѣ и кое-какія упрощенія въ дѣлопроизводствѣ служили слабымъ отзвукомъ общихъ реформъ. Въ началѣ 80-хъ годовъ „полная безпринципность межевой практики,—говоритъ С. Д. Рудинъ,—явное несоотвѣтствіе межевыхъ законовъ съ новыми началами судебной реформы и городского и земскаго самоуправленія, отсутствіе опредѣленныхъ правилъ для регулированія поземельныхъ отношеній, явившихся какъ слѣдствіе крестьянской реформы, до крайности устарѣлые техническіе пріемы,—все это заставило снова взяться за дѣло реформы межевой части" [1]). Примѣнительно къ предполагавшемуся введенію ипотечной системы, въ 1882 году при межевомъ управленіи былъ составленъ проектъ новаго устава и разосланъ для обсужденія въ подвѣдомственныя учрежденія, а также напечатанъ былъ въ „Межевомъ Вѣстникѣ" (№№ 3 и 4 за 1883 г.). Новый проектъ далеко уступалъ своему предшественнику въ раціональности и обдуманности проектируемыхъ положеній, было сдѣлано отступленіе отъ принципа частной иниціативы, а многія статьи страдали неясностью и шаткостью. Въ какой степени проектъ 1863 г. обязанъ неуспѣхомъ внѣшнимъ условіямъ, въ такой же степени новый проектъ носилъ въ себѣ невозможность своего осуществленія.

Въ силу ли непріятнаго впечатлѣнія отъ гласнаго обсужденія проекта въ 1883 г., или по инымъ соображеніямъ, послѣдующія работы были ведены въ кабинетной тиши канцелярій, и проектъ 1888 года явился продуктомъ дѣятельности коммиссій, образованныхъ изъ высшихъ представителей межевого вѣдомства; послѣ негласнаго канцелярскаго обсужденія новый проектъ, наконецъ, былъ напечатанъ и къ нему составлена очень обширная пояснительная записка. Въ главныхъ чертахъ онъ напоминаетъ проектъ 1863 года и нерѣдко вмѣстѣ съ нимъ раздѣляетъ его недостатки; съ другой стороны, въ устройствѣ межевого

[1]) „Къ вопросу о реформѣ межевой части" („Меж. Вѣстн." 1883 г. №№ 1, 2, 4, 6).

вѣдомства по проекту 1888 года сказалось вліяніе времени съ его стремленіемъ къ правительственной опекѣ.

Не касаясь детальнаго обзора этихъ проектовъ, я остановлюсь на историческомъ ходѣ межевого дѣла, тѣмъ болѣе, что вышеозначенныя коммиссіи не оставили безъ вниманія этой стороны,—въ ихъ трудахъ мы нерѣдко находимъ историческое освѣщеніе проектируемыхъ правилъ. Въ мою задачу войдетъ лишь бѣглый обзоръ основныхъ моментовъ исторіи межеванія съ бытовой точки зрѣнія,—съ той точки зрѣнія, о которой мнѣ приходилось уже говорить по поводу книги Германа [2]). Мнѣ думается, нѣсколько общихъ замѣчаній, на основаніи печатнаго матеріала, съ этой точки зрѣнія, прибавятъ кое-какіе новые штрихи къ характеристикѣ историческаго хода межевыхъ работъ и тѣмъ самымъ представятъ болѣе вѣрное и ясное историческое толкованіе межевыхъ принциповъ и нормъ прежняго законодательства. Бо̀льшее вниманіе мы обратимъ на цѣли и иниціативу межеванія въ различные періоды русской исторіи и отмѣтимъ частно правовой характеръ межеванія въ отличіе отъ кадастровыхъ описаній.

На протяженіи всей многовѣковой исторіи межеванія выступаютъ два рода межевыхъ работъ, опредѣляемыхъ терминологіей Свода Законовъ: 1) государственное межеваніе съ цѣлью „приведенія въ извѣстность количества земель и угодій, какъ всѣхъ вообще, такъ въ частности казнѣ принадлежащихъ“, и 2) „утвержденіе спокойствія владѣльцевъ постановленіемъ правильныхъ и несомнѣнныхъ границъ поземельнаго владѣнія“. Съ нашей точки зрѣнія крайне интересно прослѣдить судьбу и взаимодѣйствіе двухъ основныхъ типовъ межеванія съ ихъ различными цѣлями.

Въ первомъ періодѣ, конецъ котораго можно отнести ко второй половинѣ XV ст., эти двѣ цѣли рѣзко раздѣляются въ межевой практикѣ и преслѣдуются совершенно различными путями. Первая цѣль находитъ выраженіе въ переписяхъ населенія, а вторая, за рѣдкими исключеніями, достигается однѣми законодательными нормами; первая составляетъ одну изъ функцій правительственной власти, вторая вполнѣ зависитъ отъ иниціативы землевладѣльцевъ. Сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній относительно развитія указанныхъ отдѣловъ первичнаго межеванія.

Восточно-европейская равнина, гдѣ поселились наши предки, была покрыта сплошными непроходимыми лѣсами и обладала

[2]) Во 2-мъ томѣ „Сборника Правовѣдѣнія“.

множествомъ болотъ, озеръ и рѣкъ. Такой характеръ страны обусловливалъ преобладаніе звѣроловныхъ, пчеловодныхъ и рыбныхъ промысловъ надъ земледѣльческимъ трудомъ. Благодаря рѣдкости населенія и обширности страны, этотъ послѣдній имѣлъ подвижной и хищническій характеръ. „Ежели въ XVI ст. возможно было,—говоритъ И. Д. Бѣляевъ,—бросать расчищенную землю и селиться на другой, конечно въ X, XI и XII ст. это было гораздо удобнѣе, и для тогдашняго хозяйства выжиганіе лѣса и подыманіе цѣлины представляло болѣе выгодъ, нежели удобреніе земли, истощенной многократными посѣвами“ [3]). Все вышесказанное свидѣтельствуетъ о малоцѣнности земель въ глазахъ древне-русскаго человѣка; первоначальное занятіе земли служило основаніемъ права собственности, а границы опредѣлялись полетомъ птицъ, коровьимъ рыкомъ, поемомъ водъ.

Съ другой стороны, принимая во вниманіе слабое развитіе юридическихъ понятій въ первоначальную эпоху русской исторіи, мы необходимо должны придти къ тому выводу, что собственно межеваніе, какъ разграниченіе поземельной собственности, не имѣло мѣста во времена удѣловъ и монгольскаго ига,—оно ограничивалось частными случаями установленія, а съ развитіемъ письменности и описанія границъ при совершеніи юридическихъ сдѣлокъ въ случаяхъ перехода поземельныхъ владѣній отъ однихъ лицъ къ другимъ. Если имѣлась потребность въ установленіи границъ, то землю отводило одно изъ заинтересованныхъ лицъ въ присутствіи постороннихъ свидѣтелей, но безъ участія какой-либо общественной власти. Юридическое межеваніе, въ продолженіе всего періода, лежало на доброй волѣ землевладѣльцевъ и скорѣе было необходимымъ придаткомъ, а не самостоятельнымъ правовымъ институтомъ.

Болѣе замѣтное вліяніе оказали событія даннаго періода на видоизмѣненія другого вида межевыхъ работъ, имѣвшаго своимъ основаніемъ финансовыя задачи.

Появленіе княжеской власти среди славянъ и платимая ими дань положили начало переписямъ. Русскіе князья, съ распространеніемъ своихъ владѣній и усложненіемъ отношеній къ подданнымъ, въ началѣ удѣльнаго періода, должны были перейти отъ огульнаго собиранія дани, отъ такъ называемаго полюдья, къ другимъ способамъ, основаннымъ на распредѣленіи ея между всѣми жителями; въ большинствѣ случаевъ это влекло за собой

---

[3]) „Нѣсколько словъ о земледѣліи въ древней Руси“ (Врем., 22 т.).

перепись населенія и его имущества, о чемъ и свидѣтельствуютъ уставныя грамоты нѣкоторыхъ князей. Монгольское владычество увеличило количество и значеніе переписей, которыя первоначально производились самими монголами. Около 1245 г. была сдѣлана перепись жителямъ Кіева и южной Россіи; въ 1257 г.— жителямъ центральной Россіи (Суздальскому краю) и въ 1259 г.— Новгороду; въ 1273 г. была произведена вторичная перепись. О позднѣйшихъ переписяхъ сохранились лишь нѣкоторыя указанія, между тѣмъ самое собираніе дани перешло въ руки князей. Увеличеніе поборовъ съ населенія вслѣдствіе сбора дани въ ханскую казну вынуждало князей распространять финансовыя описанія земель; для этого рода дѣятельности князья имѣли особыхъ чиновниковъ, именовавшихся писцами, описчиками, бѣльщиками. „Главнѣйшимъ дѣломъ писца,—говоритъ К. А. Неволинъ,—было, описавши источникъ дохода каждаго изъ мѣстныхъ жителей, раздѣлить ихъ на сохи и опредѣлить, какого рода и въ какомъ количествѣ они должны платить подати и исправлять повинности“ [4]).

Съ возрастаніемъ власти московскихъ князей, съ увеличеніемъ ихъ земельныхъ владѣній, характеръ финансовыхъ описаній постепенно получаетъ оттѣнокъ вмѣшательства княжеской власти въ опредѣленіе границъ поземельной собственности; фискальныя задачи описаній осложняются опредѣленіемъ земельныхъ владѣній князей; раздача же помѣстій постепенно мѣняетъ частно-правовой характеръ установленія поземельныхъ границъ.

Въ слѣдующемъ періодѣ,—періодѣ писцовыхъ межеваній, въ зависимости отъ развитія помѣстной системы, работы по описанію земель окончательно обращаются къ распредѣленію поземельной собственности между служилыми людьми, между помѣщиками и вотчинниками; въ обязанности писцовъ входятъ не только описанія казенныхъ и частныхъ владѣній и опредѣленіе платежной способности ихъ, но и повѣрка поземельныхъ правъ владѣльцевъ, ревизія и редукція земельной собственности. Съ Ивана Грознаго побудительной причиной посылки писцовъ являются не финансовыя соображенія, а потребность въ правильномъ распредѣленіи помѣстныхъ и вотчинныхъ земель между служилымъ сословіемъ. Въ силу общественныхъ условій, частное землевладѣніе пріобрѣтаетъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ государственный характеръ, а два отдѣльные вида межевыхъ работъ сливаются въ писцовыхъ межеваніяхъ и получаютъ обязатель-

---

[4]) „Объ успѣхахъ государственнаго межеванія“ (Сочин., 6-й т.).

ный характеръ; на-ряду съ этимъ является мысль о валовомъ всеобщемъ размежеваніи Россіи.

Характеръ московскаго государства, его понятія и состояніе общественности обусловили новое движеніе въ сферѣ межевого права. Постепенное образованіе московскаго государства тѣсно связано съ развитіемъ идеи единоцарствія и самодержавія, въ чемъ и находятъ свое объясненіе многія явленія политической жизни того времени. Историческій ходъ событій до-монгольскаго и московскаго періодовъ необходимо вліялъ на сплоченіе государственныхъ силъ Россіи и въ высшей степени способствовалъ распространенію византійскаго ученія о происхожденіи и значеніи царской власти. Власть московскаго государя почти не знала никакихъ ограниченій; по понятіямъ того времени, царь былъ полнымъ хозяиномъ-владыкою какъ государственной территоріи, такъ и лицъ, населяющихъ ее. „Такая власть,—говоритъ В. О. Ключевскій,—была здѣсь не вчерашнимъ явленіемъ: она прямо развилась изъ значенія удѣльнаго князя-хозяина, окруженнаго слугами, холопами“ [5]). Московскіе государи усвоили взглядъ своихъ предковъ на отношенія къ своимъ подданнымъ и, главнымъ образомъ, къ служилому сословію. Во взаимодѣйствіи политическихъ понятій и расшатанности экономическаго строя московской Руси и лежитъ основная причина того порядка поземельныхъ отношеній, который извѣстенъ подъ именемъ помѣстнаго права.

Зародыши помѣстной системы можно видѣть еще въ обычаѣ удѣльныхъ князей жаловать своихъ дружинниковъ землею за службу. Истощеніе государственной казны во времена монголовъ, скопидомство московскихъ князей и большое количество свободныхъ княжескихъ земель способствовали распространенію стараго обычая пожалованій, который, наконецъ, при Иванѣ III получилъ опредѣленную организацію въ помѣстной системѣ. Наряду съ этимъ развивается мысль о принадлежности всей русской территоріи князьямъ; вотчинники и помѣщики являются лишь владѣльцами земель, а не полными собственниками. „Съ одной стороны,—говоритъ В. П. Мордухай-Болтовскій,—вотчинникъ среди своего владѣнія является самовластнымъ хозяиномъ, и съ этой стороны право его твердо, но у этого права нѣтъ самостоятельности: оно принадлежитъ вотчиннику настолько, насколько онъ служилый человѣкъ и подручникъ княжескій“ [6]).

---

[5]) „Боярская дума въ древней Руси“. М. 1882 г.

[6]) „Межевые законы“. Спб. 1893 г.

Такимъ путемъ поземельная собственность въ понятіяхъ общества стала носить характеръ государственнаго происхожденія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и пріобрѣтать бо̀льшее значеніе; правительство начинаетъ также нуждаться въ правильномъ распредѣленіи земель между владѣльцами, — силою вещей и межеваніе теряетъ частный характеръ и сливается съ финансовыми описаніями земель, при чемъ фискальныя цѣли постепенно вытѣсняются стремленіемъ установить прочныя границы поземельной собственности въ интересахъ административныхъ. Иванъ III, по завѣщанію отца, посылаетъ писцовъ „для сошнаго письма“ въ присоединенные и присоединяемые области и города; его сынъ, Василій IV, слѣдуетъ примѣру отца; но уже при Иванѣ Грозномъ оказываются недостаточными подобныя мѣры, и въ 1556 г. царь повелѣлъ служилыхъ людей „въ помѣстьяхъ землемѣріемъ уверстати, и учинити комуждо что достойно, а излишки раздѣлити неимущимъ“.

Въ началѣ XVII ст. въ обязанность писцовъ вмѣняется не одно опредѣленіе платежной способности податныхъ сословій, но и размежеваніе помѣстныхъ и вотчинныхъ дачъ; при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ производится большой поземельный сыскъ; къ концу же этого вѣка, по писцовому наказу 1684 г., писцы вовсе устраняются отъ расписыванія жителей на сохи и выти, да и перепись населенія ведена была особо, что̀ видно изъ ссылки наказа на переписныя книги 1678 и 1679 гг. Такимъ образомъ, главной задачей писцовыхъ описаній постепенно становится установленіе границъ, перепись населенія выступаетъ въ качествѣ провѣрки старыхъ правительственныхъ свѣдѣній. Основой писцовыхъ наказовъ, по которымъ производилось межеваніе, былъ административный интересъ распредѣленія поземельной собственности между „государевыми холопами“, а потому межеваніе по наказамъ носитъ обязательный характеръ; прежнія установленія границъ частными лицами въ присутствіи свидѣтелей теряютъ всякое значеніе и переходятъ въ руки правительства.

Въ обязанности писцовъ входили повѣрка правъ на владѣніе, разбирательство споровъ о границахъ и о владѣніи, отводъ пожалованныхъ земель и другія работы межевого характера; владѣльцы должны были только находиться при межеваніи или высылать повѣренныхъ и предъявлять крѣпости и прочіе документы на право собственности. Высшее наблюденіе надъ писцовыми межеваніями имѣлъ Помѣстный приказъ, въ дѣятельности котораго соединены были задачи межеванія, ипотеки и

кадастра. Здѣсь вѣдались служебныя передвиженія въ помѣстныхъ и вотчинныхъ дачахъ, и совершались всѣ сдѣлки о переходѣ имѣній изъ рукъ въ руки; владѣльцы обязывались заявлять въ Помѣстномъ приказѣ о всѣхъ долгахъ, лежащихъ на ихъ земляхъ; такимъ образомъ, въ немъ сосредоточивались свѣдѣнія о помѣстьяхъ и ихъ владѣльцахъ. Кромѣ того, Помѣстный приказъ былъ слѣдующей за писцами инстанціей межевого суда; на его же обязанности лежала посылка писцовъ по спорамъ, частнымъ просьбамъ и для валовыхъ межеваній. Въ руководство писцамъ въ Помѣстномъ приказѣ составлялись наказы; въ 1556 г. Иванъ Грозный повелѣлъ сочинить наказъ, о которомъ не сохранилось свѣдѣній; въ 1627 или 1628 г. былъ составленъ новый наказъ для всеобщаго размежеванія; наконецъ, съ 1680 по 1686 г. ежегодно составлялись новые или дополнялись старые наказы, изъ которыхъ бо̀льшаго вниманія заслуживаетъ наказъ 1684 г.

Несмотря на то, что постановленія послѣднихъ писцовыхъ наказовъ отличались достаточной опредѣленностью, производство межеванія во многомъ еще покоилось на стародавнемъ обычаѣ описанія земель; дачи описывались крайне неопредѣленной мѣрою и съ полнымъ отсутствіемъ геометрическихъ способовъ; вслѣдствіе указанныхъ пріемовъ, цѣль разграниченія поземельной собственности далеко не могла быть достигнута, а писцовыя межеванія породили большую путаницу въ поземельномъ владѣніи. Посошковъ въ своемъ сочиненіи „О скудости и богатствѣ“ слѣдующимъ образомъ отзывается о результатахъ писцовыхъ межеваній: „а сіе весьма неправо дѣется: писцы и переписчики и дозорщики пустоши и жилыя деревни, какъ коя слыветъ именно, пишутъ, и колико въ коемъ урочищѣ четвертныя пашни и сѣнные покосы, пишутъ же и пишучи, не тобъ, чтобы ее смѣрять, но и глазами не видавъ, пишутъ все по крестьянскимъ сказкамъ... И въ такомъ расположеніи только одна смута“. Путаница землевладѣнія и была движущей пружиной попытокъ какъ валовыхъ, такъ и генеральныхъ межеваній. Реформа Петра Великаго прежде всего коснулась техники межеванія; въ 1719 году была сдѣлана первая попытка составить писцовый наказъ по правиламъ геометріи; другія государственныя нужды отвлекли вниманіе Петра I, и наказъ не былъ оконченъ; при Петрѣ было начато только геометрическое размежеваніе въ Ингерманландіи и другихъ вновь пріобрѣтенныхъ губерніяхъ. Такимъ же неуспѣхомъ окончилось составленіе наказа при Аннѣ Іоанновнѣ, и только въ 1754 г., при Ели-

саветѣ Петровнѣ, эти работы увѣнчались успѣхомъ. Инструкція 1754 г. установила геометрическое межеваніе, оставивъ въ силѣ юридическія основанія писцовыхъ наказовъ. Въ силу установившагося за время писцовыхъ межеваній обычая, елисаветинскій межевщикъ обязанъ былъ межевать и измѣрять всѣ земли, разсматривая и утверждая права на поземельное владѣніе. Такимъ образомъ была устранена неопредѣленность измѣреній и описаній писцами, но была сдѣлана крупная, генеральная ошибка: составители инструкціи не приняли во вниманіе новыхъ условій поземельнаго владѣнія „въ россійской имперіи".

Къ концу XVII в. относится сліяніе вотчинъ съ помѣстьями; въ силу обычая и долговременнаго владѣнія помѣстьями одного и того же служилаго рода различіе вотчинъ и помѣстій теряло свой raison d'être. Съ другой стороны, Петръ Великій, при учрежденіи регулярнаго войска, началъ замѣнять старую систему вознагражденія жалованьемъ, а въ 1714 г. уже de jure помѣстья сравнены съ вотчинами подъ общимъ именемъ недвижимыхъ имуществъ. Условія поземельнаго владѣнія совершенно измѣнились, а помѣстная система рушилась; характеръ писцовыхъ межеваній, служившихъ основаніемъ этой послѣдней, уже не могъ удовлетворять требованіямъ времени, а потому продолжавшееся на тѣхъ же основаніяхъ генеральное межеваніе должно было произвести еще бо̀льшую путаницу въ землевладѣніи. Отыскиваніе излишнихъ, такъ называемыхъ примѣрныхъ земель, имѣвшее смыслъ при помѣстной системѣ, съ отмѣною ея теряло свое значеніе; интересы правительства уже не имѣли того мѣста въ распредѣленіи поземельной собственности, получившей частно-правовой характеръ; повѣрка правъ владѣнія могла только осложнять дѣйствія землемѣра, а главное, вредить спокойствію владѣнія; елисаветинская инструкція, положившая въ основаніе юридическіе принципы наказовъ, была анахронизмомъ и возбудила ненависть къ межеванію среди помѣщиковъ. Недовольство было громадно; несмотря на строгость и даже жестокость карательныхъ мѣръ инструкцій, елисаветинское межеваніе сопровождалось упорнымъ сопротивленіемъ и частыми убійствами на межѣ. Если мы къ этому присоединимъ картину грубаго матеріальнаго быта въ помѣстьяхъ, каковою она рисуется, напр., въ „Недорослѣ" и другихъ произведеніяхъ XVIII ст., намъ понятна будетъ ненависть къ тому межеванію, которое, урѣзывая земли частныя, весьма чувствительно затрогивало матеріальные интересы помѣщиковъ. Значеніе межеванія по елисаветинской инструкціи оказалось крайне ничтож-

нымъ,—за 11 лѣтъ, съ 1754 по 1765 г., обмежевано 359 дачъ съ количествомъ земли около 57 т. десятинъ. Елисаветинская инструкція была заключительнымъ актомъ писцовыхъ порядковъ; новая эра въ межеваніи должна была открыться примѣненіемъ противоположныхъ принциповъ, и, конечно, нетрудно было предугадать оживленіе и восторгъ владѣльцевъ при такомъ предпріятіи.

Сознаніе ошибокъ ея предшественницы и гуманное направленіе первыхъ лѣтъ царствованія Екатерины II создали знаменитый манифестъ 19 сентября 1765 г. и затѣмъ обезпечили успѣхъ предпринятаго межеванія. „Сей славный манифестъ о межеваніи,—говоритъ современникъ его, А. Т. Болотовъ,—произвелъ во всемъ государствѣ великое потрясеніе умовъ и всѣхъ владѣльцевъ деревенскихъ заставилъ много мыслить, хлопотать и заботиться о всѣхъ своихъ земляныхъ дачахъ и владѣніяхъ“. Послѣдовавшая за манифестомъ инструкція 1766 года оставила примѣрныя земли за безспорными владѣльцами, и эта благодѣтельная мѣра сразу расположила къ себѣ всѣхъ помѣщиковъ; затѣмъ другія практическія мѣропріятія—межеваніе по дачамъ и ослабленіе власти землемѣровъ—ускорили межевыя работы. Совокупность этихъ причинъ и изгнанія началъ ревизіи и редукціи земель и создало удивительный успѣхъ екатерининскаго межеванія, хотя оно преслѣдовало въ большой степени чисто-государственные интересы.

Въ самомъ дѣлѣ, генеральное межеваніе по екатерининской инструкціи носитъ отпечатокъ тѣхъ же административныхъ и публично-правовыхъ цѣлей, которыми руководилось прежнее межевое законодательство. Послѣ писцовыхъ описаній еще Петръ В., на-ряду съ составленіемъ наказа въ 1719 г., повелѣлъ-было сочинить поземельныя книги въ финансовыхъ интересахъ, но ограничился затѣмъ одной ревизіей; впослѣдствіи при составленіи инструкцій на первомъ планѣ имѣлось опредѣленіе „количества земель и угодій, какъ всѣхъ вообще, такъ въ частности казнѣ принадлежащихъ“. Государственная власть въ XVIII ст. серьезно нуждалась въ опредѣленіи своихъ силъ и народнаго богатства, такъ какъ основнымъ мотивомъ ея дѣятельности было экономическое и политическое преуспѣяніе Россіи. „Переворотъ, извѣстный подъ именемъ Петровыхъ преобразованій,—говоритъ С. М. Соловьевъ,—былъ именно тотъ переворотъ, котораго необходимымъ слѣдствіемъ было освобожденіе села черезъ поднятіе города“. Подъемъ экономическаго быта и регламентація почти всѣхъ сторонъ народной жизни

проникаютъ всѣ реформы Петра В. и дѣятельность его преемниковъ; государственный интересъ является исключительнымъ мѣриломъ всѣхъ правительственныхъ и общественныхъ предпріятій. Правда, и общественное сознаніе нашихъ предковъ XVIII ст. очень рѣдко восходило выше этихъ понятій: „государевы холопы“ уступили мѣсто классу рабовладѣльцевъ, съ малолѣтства записанныхъ въ тѣ же ряды государственной службы. На такой-то почвѣ создались и дѣйствовали условія екатерининскаго межеванія: законодательницей руководилъ государственный интересъ; нужды и спокойствіе владѣльцевъ были принимаемы въ расчетъ, какъ тормазящія или благопріятствующія условія предпринимавшихся работъ. Передача владѣльцамъ примѣрныхъ земель требовалась для успѣха межеванія, а установленіе границъ безспорныхъ необходимо было въ видахъ внутренняго спокойствія и точнаго опредѣленія экономическихъ силъ государства, которыми послѣ Петровыхъ реформъ замѣняются прежнія платежныя единицы. Нагляднымъ выраженіемъ статистическихъ стремленій Екатерины II были губернскіе атласы съ экономическими и камеральными примѣчаніями. Таковы основные мотивы межеванія по инструкціи 1766 г.; совпаденіе интересовъ владѣльцевъ и правительства было главною причиною ея успѣха.

При Екатеринѣ II генерально обмежеваны 19 губерній, и въ 5-ти губерніяхъ межеваніе оканчивалось; при Павлѣ I кончено межеваніе въ 4-хъ и начато въ 6-ти губерніяхъ; въ царствованіе Александра I—въ 2-хъ губерніяхъ закончено и въ 3-хъ открыто; въ царствованіе Николая I — въ 7-ми закончено и въ 2-хъ открыто; при Александрѣ II — въ 2-хъ губерніяхъ межеваніе открыто; въ минувшее царствованіе межеваніе въ этихъ губерніяхъ окончено. Мы видимъ изъ сказаннаго, какъ постепенно замирала дѣятельность генеральныхъ землемѣровъ, хотя впереди имъ предстояло немало дѣла. Въ 30-хъ гг. высшими властями, ревизовавшими межевое вѣдомство, констатировано было его плачевное состояніе, а въ 80-хъ гг. дѣятельность пермской коммиссіи вызвала нареканія въ своей безполезности. Мнѣ думается, упадокъ силъ вѣдомства слѣдуетъ именно объяснить замираніемъ генеральнаго межеванія и, кромѣ того, общимъ характеромъ тогдашней администраціи. Въ XVIII ст. исполнителями „мудрыхъ предначертаній императрицы“ были охотники, принадлежавшіе къ различнымъ слоямъ русскаго общества. Къ концу же этого вѣка межевое вѣдомство принимаетъ бюрократическую опредѣленную форму, централизуется

въ Москвѣ, принимаетъ работниковъ, получившихъ спеціальную подготовку, однимъ словомъ—входитъ въ общій правительственный механизмъ и получаетъ его окраску; землемѣръ, органъ исполнительной власти, въ XIX ст. теряетъ характеръ вольнаго техника и обращается въ обыкновеннаго чиновника, глубоко проникнутаго формализмомъ и буквой еще обязательнаго тогда екатерининскаго закона; плодотворная и успѣшная работа генеральныхъ землемѣровъ смѣняется мелкой канцелярской казуистикой въ исполненіи устарѣлаго закона. Между тѣмъ, назрѣвали новыя задачи, а межевое законодательство не могло ихъ удовлетворить; настоятельно требовалось уничтоженіе чрезполосицы и общаго владѣнія въ дачахъ генеральнаго межеванія ради интересовъ и спокойствія исключительно частныхъ лицъ, а между тѣмъ предлагались мѣры, основанныя на отжившихъ началахъ екатерининской инструкціи. Надо замѣтить, что правительство николаевскаго времени должно было въ особенности сочувствовать генеральнымъ порядкамъ съ ихъ обязательнымъ характеромъ. Замѣчательны слова императора Николая I по поводу переименованія межевыхъ въ военное званіе: посѣщая въ 1849 году Константиновскій межевой институтъ, онъ сказалъ: „Я бы желалъ институтъ поставить на военную ногу,—тѣмъ болѣе, что межевой корпусъ сроденъ съ этимъ; этимъ кончатся мелочные споры на межахъ“ [7]). По своимъ традиціямъ, правительство видѣло въ межеваніи одно изъ принудительныхъ средствъ къ водворенію спокойствія среди опекаемыхъ имъ владѣльцевъ. Между тѣмъ, сознаніе общества въ XIX ст. было нѣсколько выше и чище грубаго матеріализма своихъ предковъ; нельзя забывать, что это было наканунѣ великихъ реформъ, когда помѣщичья среда насчитывала въ своихъ рядахъ Тургеневыхъ, Аксаковыхъ, Самариныхъ и другихъ убѣжденныхъ противниковъ крѣпостного права. Въ интересахъ владѣльцевъ начинало играть роль не только соблюденіе матеріальныхъ выгодъ, но и сознаніе своего права на землю въ извѣстныхъ опредѣленныхъ границахъ, настоятельно требовавшее уничтоженія общаго владѣнія.

Инструкція 1766 г. дозволяла уже спеціально-коштное межеваніе черезъ генеральныхъ землемѣровъ; затѣмъ въ 1806 г. опредѣлены правила спеціальнаго межеванія черезъ уѣздныхъ землемѣровъ; наконецъ, въ 1836 году указомъ отъ 10 февраля

[7]) „Очеркъ исторіи Константиновскаго межевого института“ А. Л. Апухтина.

опубликовано мнѣніе Государственнаго Совѣта о приготовительныхъ мѣрахъ къ спеціальному размежеванію земель въ государствѣ. Этими правилами требовалось собрать вѣрнѣйшія свѣдѣнія о дачахъ общаго и чрезполоснаго владѣнія и въ трехгодичный срокъ согласить владѣльцевъ на полюбовный разводъ. Въ 1839 году учреждены для соглашенія посредническія коммиссіи и посредники, а срокъ продленъ еще на два года; по истеченіи назначеннаго срока потребовались новыя отсрочки, и въ 1850 г. срочная мѣра обращена въ безсрочную.

Какъ видно, правительственныя мѣры по жгучему вопросу объ уничтоженіи чрезполосицы не приводили къ желаннымъ результатамъ. Понудительный характеръ въ соединеніи съ канцеляризмомъ и устарѣлостью дѣйствующаго законодательства служилъ главнымъ тормазомъ быстроты и успѣшности работъ; къ тому же, участіе казны въ общемъ владѣніи невыгодно отражалось на ходѣ соглашеній, — представители ея интересовъ имѣли слишкомъ туманное понятіе о государственной собственности. Въ заключеніе всего, въ 1853 г. изданы были правила судебно-межевого разбирательства, въ основаніе которыхъ положена опять-таки инструкція 1766 г. Совокупность всѣхъ указанныхъ условій сильно замедляла спеціальное размежеваніе, а главное—вредно отозвалась на качествѣ его работъ. Результаты спеціальнаго межеванія вопіющимъ образомъ указываютъ на несостоятельность екатерининскихъ законовъ относительно размежеванія общихъ и чрезполосныхъ дачъ; начиная съ приготовительныхъ мѣръ и кончая современными работами въ юго-западныхъ губерніяхъ, постоянно констатируется несоотвѣтствіе сказокъ и плановъ съ натурой, — иными словами, многое совершается лишь на бумагѣ за невозможностью или недобросовѣстностью исполненія. Принудительный характеръ межеванія, несоотвѣтствіе закона современнымъ требованіямъ, косность и формализмъ межевого вѣдомства влекутъ за собой неуспѣхъ межеванія и сомнительное равнодушіе общества къ нему и къ его исполнителямъ. Въ межевой литературѣ за 1883—84 гг. появился спеціальный журналъ, гдѣ нѣсколько статей было посвящено недостаткамъ межевого дѣла; изъ этихъ статей, написанныхъ близко знакомыми съ дѣломъ лицами, явствуетъ полный анахронизмъ нынѣшняго межевого строя, что̀ въ особенности замѣчается послѣ освободительныхъ реформъ Александра II. Старый межевой судъ, въ главныхъ чертахъ сохранившійся до сего времени, подвергся слабымъ перемѣнамъ, и, понятно, его существованіе ничѣмъ не оправдывается; другія

реформы коснулись чисто земельныхъ интересовъ, сильно качнули старое зданіе помѣщичьяго быта, пробудили русское общество отъ крѣпостного сна къ общественной самодѣятельности, а межевое вѣдомство съ устарѣвшими законами Екатерины II мирно почиваетъ въ своемъ консерватизмѣ и формализмѣ былыхъ временъ; общественная жизнь вокругъ него кипитъ, волнуется и сокрушаетъ его старыхъ товарищей, а его бытіе хочетъ повторить легенду о вѣчномъ жидѣ.

Подводя итоги нашего обзора исторіи межеванія съ точки зрѣнія развитія общественности, необходимо, думается намъ, сдѣлать слѣдующій выводъ изъ уроковъ прошлаго: изученіе всѣхъ періодовъ межеванія указываетъ, что 1) межеваніе составляетъ право, а не обязанность землевладѣльцевъ, оно носитъ частно-правовой характеръ; фискальныя и кадастровыя задачи составляли особый видъ описаній и вторгались въ область межеванія только въ силу политическихъ понятій даннаго періода; что, какъ отсюда слѣдуетъ, 2) успѣхи и направленіе межеваній въ большой мѣрѣ зависятъ отъ состоянія и правосознанія общества. Наконецъ, замѣтной нитью проходитъ черезъ всѣ періоды стремленіе законодательства и землевладѣльцевъ къ полюбовному разводу и мѣстному разбирательству межевыхъ споровъ.

Въ практическомъ приложеніи сказаннаго къ современной дѣйствительности, краеугольными камнями новаго зданія межевой части должны быть: 1) переходъ всѣхъ судебно-межевыхъ дѣлъ въ общія судебныя установленія, вѣдѣнію которыхъ подлежатъ всѣ вообще сдѣлки гражданскаго характера; 2) строгое проведеніе въ жизнь принципа частной иниціативы въ межеваніи; 3) наиболѣе интенсивное участіе заинтересованныхъ владѣльцевъ и 4) самостоятельность землемѣра, какъ техника и первоначальнаго примирителя заинтересованныхъ сторонъ.

Какимъ же образомъ воспользовались уроками исторіи составители прежнихъ проектовъ? Разборъ частныхъ положеній этихъ проектовъ, основанный на детальномъ изученіи современнаго межевого строя, въ нашу задачу не входитъ, и мы ограничимся нѣсколькими замѣчаніями относительно общихъ принциповъ, легшихъ въ основу указанныхъ проектовъ. Коммиссія 1863 г., дабы согласовать межевое законодательство съ Судебными Уставами императора Александра II, нашла необходимымъ не только передать всѣ судебно-межевыя дѣла въ вѣдѣніе общихъ судовъ, но и строго провести въ межеваніи принципъ частной иниціативы; проектъ по цѣлесообразности и глу-

бинѣ своихъ основныхъ положеній представляетъ прекрасный памятникъ теоретической мысли въ сферѣ межевой литературы; неуспѣхъ его всецѣло слѣдуетъ отнести къ излишней сложной организаціи межевого вѣдомства, требовавшей значительныхъ расходовъ. Кромѣ того, прекрасная мысль объединенія землемѣрныхъ техническихъ работъ мѣшала болѣе раціональному проведенію частной инпціативы. Съ другой стороны, было обращено недостаточное вниманіе на самостоятельность землемѣра,—сложность организаціи вѣдомства должна была вредно отразиться на положеніи землемѣра-чиновника.

Мы уже видѣли, что проектъ 1888 г. повторилъ многіе изъ недостатковъ своего предшественника; проектъ 1888 г. есть не что иное, какъ боязливое канцелярское толкованіе межевыхъ идей 1863 г., а поэтому ихъ примѣненіе къ практикѣ по новому проекту находится подъ сильнымъ вліяніемъ современнаго межевого строя. Производство межеванія въ сильной степени подчинено частной инпціативѣ, за исключеніемъ очередного межеванія, смѣнившаго генеральное; это послѣднее носитъ обязательный характеръ и должно производиться съ Высочайшаго соизволенія. Остальные виды межевыхъ работъ, различаемые новымъ проектомъ, производятся по иниціативѣ землевладѣльцевъ и освобождены отъ сложнаго формализма дѣйствующаго законодательства; въ этой части проекта сказалось въ большей степени вліяніе проекта 1863 г., но въ организаціи межевого вѣдомства новый проектъ съ небольшими варіаціями повторилъ современный строй. Современное центральное учрежденіе, межевая канцелярія, замѣняется межевыми палатами, районъ дѣятельности которыхъ совпадаетъ съ округами судебныхъ палатъ; межевыя палаты находятся въ подчиненіи управленія межевой части и служатъ средоточіемъ межевыхъ работъ и землемѣровъ своего района; для очереднаго межеванія учреждаются по надобности межевыя конторы, а для размежеванія дачъ—посредническія коммиссіи; кромѣ того, при губернскихъ правленіяхъ имѣются губернскіе землемѣры съ помощниками, обязанности и положеніе которыхъ мало отличаются отъ обязанностей и положенія таковыхъ же современныхъ установленій. Такимъ образомъ, мы видимъ, что проектируемыя учрежденія сильно напоминаютъ современный межевой строй и въ особенности его основные мотивы; здѣсь заключается главный тормазъ къ осуществленію идей 1863 г.

Насколько разсматриваемый проектъ—мертворожденное дитя проекта 1863 г., настолько же проектъ 1882 г.—недоношенный

плодъ мысли своихъ составителей. Проектъ 1882 г., сильно напоминающій положеніе о закавказскомъ межеваніи, былъ приспособленъ къ предполагавшемуся введенію въ Россіи ипотечной системы, вслѣдствіе чего онъ построенъ на принципѣ обязательности межеванія. Въ межевой литературѣ по этому поводу былъ поднятъ горячій споръ; принципъ частной иниціативы нашелъ убѣжденнаго защитника въ лицѣ г. Рудина, статьи котораго представляютъ сводъ дѣльныхъ и вѣрныхъ соображеній въ пользу указаннаго принципа и критику противоположныхъ мнѣній. Такому же обстоятельному обсужденію были подвергнуты и другія мѣры проекта 1882 г.; слабость аргументовъ въ проектѣ, конечно, не могла выдержать дружной критики и, по всей вѣроятности, провалила проектъ.

Нельзя обойти молчаніемъ почтенной и исключительной заслуги проекта 1882 г., а именно идеи института присяжныхъ землемѣровъ. Эта симпатичная и разумная мѣра имѣла въ проектѣ шаткія основанія, страдала слабой разработкой, а главное, была проведена не во всей полнотѣ. Принципъ частной иниціативы и характеръ самостоятельной технической работы служатъ лучшими оправданіями цѣлесообразности института; но интересы владѣльцевъ и землемѣровъ получатъ только тогда лучшую гарантію, когда институтъ будетъ имѣть прочное основаніе, когда онъ будетъ имѣть плотную и дружную организацію, когда онъ будетъ имѣть характеръ артельнаго союза землемѣровъ съ техническимъ бюро въ интересахъ объединенія работъ. Регулированіе занятій между землемѣрами, нравственный товарищескій контроль надъ ихъ дѣйствіями и взаимопомощь въ теоретическихъ и практическихъ вопросахъ дѣятельности будутъ лучшими залогами успѣха межевыхъ работъ и благосостоянія землемѣровъ. Землевладѣлецъ будетъ имѣть дѣло не съ единичной личностью, но съ цѣлой корпораціей, ручающейся за успѣхъ и правильность работы; землемѣръ, членъ корпораціи, необходимо долженъ удовлетворять извѣстному умственному и нравственному цензу, устанавливающемуся мнѣніемъ общества своихъ собратьевъ по оружію; съ другой стороны, весьма понятно, не исключается и правительственный контроль черезъ ревизоровъ и черезъ отзывы владѣльцевъ. При обсужденіи проекта въ литературѣ были сдѣланы замѣчанія, что врядъ ли получившій образованіе въ высшемъ межевомъ учебномъ заведеніи промѣняетъ какое-нибудь хорошее мѣсто на государственной службѣ на шаткое и необезпеченное положеніе присяжнаго землемѣра. Мнѣ кажется, что при образо-

ваніи крѣпкаго и плотнаго союза необезпеченность положенія не имѣетъ мѣста,—регулированіе работъ и взаимопомощь совершенно должны устранить возможность этого возраженія; между тѣмъ, при подобной организаціи межевой техникъ является самостоятельнымъ работникомъ, къ тому же тѣсно связаннымъ съ своей корпораціей, а не бюрократической машиной, заботящейся лишь о скоромъ окончаніи дѣла и формальной его обстановкѣ; здѣсь въ высшей степени возможно живое отношеніе къ дѣлу. Техническое бюро при союзѣ можетъ объединить и урегулировать всѣ землемѣрныя работы въ Россіи, чѣмъ дастъ заработокъ всему наличному числу землемѣровъ. Въ настоящее время, во-первыхъ, бо̀льшая часть межевыхъ техниковъ живутъ частными работами, а во-вторыхъ, и казенной работы такъ много, что чувствуется недостатокъ въ исполнителяхъ. Мнѣ думается, что и сказаннаго вполнѣ достаточно для признанія за идеей института присяжныхъ землемѣровъ цѣлесообразности и полезности. Изъ всего изложеннаго видно, какъ неполно воспользовались уроками исторіи всѣ описанные проекты. Сообразно съ указаніями исторіи и требованіями современной общественности, новой реформѣ предстоитъ осуществить въ жизни принципъ частной инициативы во всей его полнотѣ и идею института присяжныхъ землемѣровъ,—что̀ будетъ залогомъ новаго успѣха межеванія, этого „Богу угоднаго и достохвальнаго предпріятія“ (ук. Прав. Сената 20 янв. 1766 г.).

С. Поляковъ,
дѣйствительный членъ
Московскаго Юридическаго Общества.

ПРИРОДА УМЫСЛА*).

Безъ вины нѣтъ наказанія! Вотъ положеніе, которое въ наши дни кажется всѣмъ аксіомой. Но иначе думаютъ люди на зарѣ культуры. Древнѣйшія законодательства почти всѣ безъ исключенія знакомы съ принципомъ, такъ называемаго, объективнаго вмѣненія. Для наличности отвѣтственности, съ ихъ точки зрѣнія, вполнѣ достаточно, чтобы лицо вызвало, обусловило результатъ. Случайное убійство, по взглядамъ римскаго права въ сакральный періодъ его исторіи, въ такой же мѣрѣ требуетъ искупленія передъ божествомъ, какъ и убійство умышленное. Древне-германское право въ эпоху „народныхъ правдъ“ знаетъ кровную месть, направляющуюся противъ всего рода обидчика, независимо отъ того, убилъ ли послѣдній случайно или умышленно.

Но, съ теченіемъ времени, начинаютъ наблюдаться слабые проблески иного принципа вмѣненія. Общество перестаетъ довольствоваться одной объективной связью съ правонарушеніемъ для примѣненія отвѣтственности. Открывается эпоха субъективнаго взгляда на преступленіе. Примѣненіе уголовной реакціи къ нарушителю правопорядка начинаютъ ставить въ зависимость отъ его субъективной связи съ результатомъ. Рѣшающее значеніе начинаютъ придавать психическому настроенію лица, нарушившаго правопорядокъ.

Быстрота этого процесса дифференціаціи началъ субъективнаго вмѣненія и хода постепеннаго уясненія внутренней при-

*) Работа эта представляетъ собой лекцію, читанную въ Императорскомъ Московскомъ университетѣ 9 октября 1897 г. и съ нѣкоторыми добавленіями догматическаго характера доложенную 8 декабря того же года въ засѣданіи Московскаго Юридическаго Общества.

роды правонарушенія—прямо пропорціональна прогрессу уголовнаго права. Ученіе о виновности и его бо́льшая или меньшая глубина есть какъ бы барометръ уголовнаго права. Оно лучшій показатель его культурнаго уровня. Но прогрессъ уголовнаго права находится въ самой тѣсной зависимости отъ умственнаго прогресса вообще; онъ неразрывно связанъ съ выходомъ человѣческаго сознанія изъ того младенческаго состоянія, въ которомъ находится, въ отношеніи интеллектуальнаго развитія, первобытное общество. Болѣе полное пониманіе окружающаго міра, болѣе правильное представленіе о взаимной связи явленій и ихъ причинности—вотъ условія, которыя, наряду съ другими, побуждаютъ людей начинающей созрѣвать культуры переходить отъ вмѣненія объективнаго къ субъективному.

Въ числѣ факторовъ, содѣйствовавшихъ, ближайшимъ образомъ, дифференціаціи субъективнаго вмѣненія у народовъ новѣйшихъ, нѣкоторые изслѣдователи не безъ основанія указываютъ на доктрину христіанской церкви. И дѣйствительно, христіанство, какъ извѣстно, уже очень рано выдвинуло на первый планъ грѣховную, злую волю, какъ истинную причину наказанія. Но другіе изслѣдователи смотрятъ на этотъ вопросъ иначе. Они утверждаютъ, что первенствующую роль въ дѣлѣ фактической замѣны порядка объективнаго вмѣненія субъективнымъ у новыхъ народовъ съиграло римское право. Подъ косвеннымъ вліяніемъ греческой нравственной философіи оно впервые, думаютъ эти изслѣдователи, начинаетъ придавать рѣшающее значеніе неправомѣрной волѣ нарушателя правопорядка, начинаетъ конструировать ее, какъ умыселъ—dolus, и дѣлаетъ этотъ послѣдній однимъ изъ необходимыхъ признаковъ преступленія въ томъ смыслѣ, что—нѣтъ налицо этой противозаконной воли, нѣтъ и уголовной отвѣтственности. Но вопросъ о томъ, римскому ли праву принадлежитъ пальма первенства въ провозглашеніи этого еще рудиментарнаго принципа субъективнаго вмѣненія, или нѣтъ, на нашъ взглядъ, несущественъ. Важно, какъ намъ кажется, только то, что римское право послужило главнымъ проводникомъ этого принципа въ юридическую жизнь европейскихъ народовъ. Только благодаря римскому праву реакція противъ правонарушенія стала реакціей противъ неправомѣрной воли, только оно опредѣлило собой исторію ученія о виновности у народовъ новѣйшихъ и надолго наложило на него свою печать. Римскій dolus, этотъ умыселъ, отождествляемый съ неправомѣрной волей, въ продолженіе многихъ вѣковъ раз-

сматривался какъ единственная форма виновности. Вина неосторожная, такъ называемая culpa, дифференцировалась еще не скоро и неосторожныя послѣдствія дѣянія обсуждались по тѣмъ же принципамъ, что и случайныя.

Но конструированіе всей области виновности, какъ dolus'а, въ указанномъ нами выше смыслѣ, современемъ перестало удовлетворять все постепенно возраставшее правосознаніе массъ. Жизнь стала выдвигать требованія, чтобы въ нѣкоторыхъ комбинаціяхъ, и не подходящихъ подъ римскій dolus, нарушитель признавался подлежащимъ уголовной реакціи. И вотъ, въ отвѣтъ на это требованіе, у теоретиковъ XII вѣка впервые появляется принципъ, по которому: „versanti in re illicita imputantur omnia, quae sequuntur ex delicto“ [1]).

Въ переводѣ на практическій языкъ принципъ этотъ, кстати сказать, черезъ мѣру расширявшій область вмѣненія, означалъ, ближайшимъ образомъ, слѣдующее: римская конструкція умысла, какъ неправомѣрной воли, направленной на правонарушеніе, не есть единственная форма связи преступнаго дѣятеля съ правонарушеніемъ,—не есть единственная форма виновности; рядомъ съ ней, между прочимъ, должны быть поставлены и тѣ случаи, когда лицо, совершая запрещенное дѣяніе, только сознаетъ возможность преступныхъ послѣдствій. Съ XII в. анализъ комбинацій, обнимающихъ собою случаи вмѣненія преступнику не только того, что онъ прямо желаетъ, но и того, что онъ только сознаетъ возможнымъ послѣдствіемъ своего недозволеннаго дѣянія, становится излюбленнымъ предметомъ изслѣдованія итальянскихъ средневѣковыхъ юристовъ. Германское общее право заимствуетъ освѣщеніе комбинацій этого рода отъ итальянцевъ и начинаетъ конструировать случаи, сюда относящіеся, какъ, такъ называемый, dolus indirectus, какъ умыселъ непрямой. Въ законодательствахъ и позднѣйшей доктринѣ уголовнаго права форма субъективной связи преступнаго дѣятеля съ наказуемымъ дѣяніемъ, извѣстная подъ именемъ непрямого умысла, подвергается значительной переработкѣ; но о результатахъ этихъ преобразованій и ихъ характерѣ мы будемъ имѣть случай высказаться только нѣсколько ниже.

Изъ нашего краткаго историческаго обзора судебъ субъективнаго вмѣненія могутъ быть сдѣланы слѣдующіе выводы:

---

[1]) *Bernardus Papiensis.* Summa decretalium (1191 — 1198), lib. V, tit. 10 de homicidio voluntario vel casuali, §§ 2, 5, 7 (ed. Laspeyres). *Löffler.* Die Schuldformen des Strafrechts. Leipzig. 1895. S. 139, 140.

во-первыхъ, субъективная связь преступнаго дѣятеля съ правонарушеніемъ выступаетъ, прежде всего, подъ формой, такъ называемаго, умысла, а наличность этого послѣдняго характеризуется волей преступника, направленной на правонарушеніе; во-вторыхъ, потребности практической жизни выставляютъ требованіе необходимости уголовной реакціи и въ тѣхъ комбинаціяхъ, гдѣ лицо, хотя и не желаетъ прямо правонарушенія, но сознаетъ его возможность.

Эти данныя исторіи уголовнаго права представляютъ собой ту почву, на которой расцвѣла, обильная контроверзами, новѣйшая уголовно-правовая доктрина XIX в. объ умыслѣ. Мы постараемся дать общую характеристику господствующихъ въ ней теченій и попытаемся, вмѣстѣ съ тѣмъ, отвѣтить на вопросъ о томъ, что̀ такое умыселъ, каковы его составные элементы и каковы его виды.

Все огромное количество разнообразныхъ опредѣленій умысла, встрѣчающееся въ новѣйшей доктринѣ, можетъ быть, по господствующему мнѣнію, распредѣлено безъ остатка между двумя, неравными по числу ихъ защитниковъ и обыкновенно другъ другу противополагаемыми, группами. Бо́льшую изъ нихъ образуютъ опредѣленія сторонниковъ, такъ называемой, волевой доктрины (Willenstheorie), меньшую — опредѣленія эпигоновъ защитниковъ непрямого умысла; опредѣленія, другими словами, тѣхъ криминалистовъ, у которыхъ общимъ является то, что всѣ они требуютъ для наличности умысла одного только сознанія возможности наступленія правонарушенія (Vorstellungstheorie).

Защитниками волевой теоріи, криминалистами, выставляющими волю основнымъ элементомъ умысла, условіемъ sine qua non для его бытія, являются, по преимуществу, тѣ ученые, мощными усиліями которыхъ создана въ основныхъ чертахъ наука уголовнаго права въ ея современномъ состояніи. Мы здѣсь встрѣтимъ и *Фейербаха*, и всѣхъ криминалистовъ гегеліанцевъ, и обильное количество криминалистовъ другихъ направленій. Общая принадлежность ихъ къ волевой теоріи означаетъ, однако, какъ и слѣдовало ожидать, единство ихъ взглядовъ только въ существенномъ, но не тожество въ деталяхъ.

Мы не станемъ останавливаться на разборѣ даже всѣхъ главныхъ оттѣнковъ волевой теоріи умысла. Это потребовало бы значительнаго времени. Еще менѣе цѣлесообразно было бы

заняться подробной критикой тѣхъ погрѣшностей отдѣльныхъ опредѣленій, которыя носятъ непринципіальный характеръ и которыя легко могутъ быть избѣгнутыми безъ того, чтобы явилась необходимость покинуть почву волевой теоріи. Для ознакомленія съ особенностями послѣдней мы считаемъ вполнѣ достаточнымъ ограничиться приведеніемъ двухъ, трехъ примѣровъ конструированія умысла на ея почвѣ.

Умыселъ это—воля, направленная на извѣстное правонарушеніе, какъ цѣль, въ связи съ сознаніемъ противозаконности послѣдней, говоритъ знаменитый *Фейербахъ* [2]). Умыселъ это—воля, направленная на совершеніе какого-либо сознаваемаго и запрещеннаго дѣйствія, полагаетъ *Луденъ*. Немыслимо, думаетъ при этомъ послѣдній криминалистъ, чтобы кто-нибудь хотѣлъ чего-либо такого, чего онъ себѣ не представляетъ.

Въ этихъ опредѣленіяхъ, наряду съ моментомъ воли, умыселъ характеризуется еще сознаніемъ совершаемаго. Но, поступая такимъ образомъ, *Фейербахъ* и *Луденъ*, какъ и большинство другихъ криминалистовъ, никогда не стремились проводить строгой демаркаціонной черты между явленіями сознанія и воли, какъ между двумя обособленными классами психическихъ фактовъ. Сознаніе совершаемаго понималось при этомъ огромнымъ большинствомъ сторонниковъ волевой теоріи въ смыслѣ сознанія тѣхъ или другихъ условій запрещенности дѣянія [3]). Мы увидимъ впослѣдствіи, что именно этому элементу сознанія не слѣдуетъ придавать существеннаго значенія и что признакъ этотъ благоразумно опускается большинствомъ новѣйшихъ сторонниковъ волевой теоріи умысла. Такъ или иначе, но особенностью этой послѣдней теоріи является то, что уже и наиболѣе старые представители ея, не говоря о новѣйшихъ, включаютъ въ волю и элементъ сознанія. Но если послѣднее обстоятельство выступаетъ въ приведенныхъ нами опредѣленіяхъ, какъ сходное въ различномъ, то нѣтъ недостатка и въ чертахъ различія въ предѣлахъ самаго сходнаго. Съ точки зрѣнія *Фейербаха* умыслъ есть воля, направленная на преступленіе, какъ на конечную цѣль. Но такъ ли это? Не лежитъ ли цѣль преступника въ большинствѣ случаѐвъ внѣ самаго правонарушенія? *Кестлинъ*, стоявшій также на почвѣ волевой теоріи, требовалъ для наличности умысла гармоніи между пред-

[2]) *Feuerbach*. Revision, II, S. 54, 61. Bibliothek f. peinliche Rechtswis., II, 1. S. 199.

[3]) Напр., *Heffter*, *Abegg*, *Mittermaier*, *Marezoll* и др. Ср. *Köstlin*. Neue Revision der Grundbegriffe des Criminalrechts. S. 254, 255.

ставляемымъ и осуществленнымъ [1]). Но не опасно ли, спрашивается, предъявлять такія требованія по отношенію къ умышленнымъ правонарушеніямъ? Не дается ли этимъ самымъ возможности преступнику избѣгать отвѣтственности за умыселъ, ссылаясь на то, что осуществленное имъ не является точнымъ отраженіемъ преднамѣреннаго?

Подъ волевую теорію подводится обыкновенно и то опредѣленіе умысла, которое встрѣчается у большинства современныхъ криминалистовъ. По формулѣ ихъ, преступленіе признается умышленнымъ не только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ субъектъ прямо хочетъ правонарушенія, но и въ тѣхъ, гдѣ онъ только допускаетъ его, относясь къ нему индифферентно. Есть, однако, достаточное основаніе думать, что для субъекта, находящагося въ состояніи вмѣняемости, безразличное отношеніе къ противозаконному послѣдствію является, вообще, совершенно немыслимымъ. Гораздо естественнѣе предполагать, что во всѣхъ тѣхъ комбинаціяхъ, гдѣ господствующая доктрина принимаетъ индифферентизмъ виновнаго, этотъ послѣдній желаетъ въ дѣйствительности только того, чтобы преступное послѣдствіе, въ виду его невыгодности, было избѣгнуто и, такъ или иначе, не наступало. Но и вообще, какое бы объясненіе мы ни давали индифферентному отношенію преступника къ наступленію преступныхъ послѣдствій или, какъ выражаются нѣкоторые, его „преступному безразличію“, нетрудно видѣть, что въ высшей степени непослѣдовательно подводить эту разновидность психическаго настроенія виновнаго подъ волевую теорію умысла; съ ея точки зрѣнія, умыселъ квалифицируется, какъ неправомѣрная воля и только; но вѣдь и сами защитники „преступнаго безразличія“ признаютъ, что оно не болѣе, какъ состояніе, характеризующееся пассивностью момента воли.

Такъ или иначе, волевая теорія умысла въ ея прошломъ и настоящемъ, въ ея самыхъ разнообразныхъ построеніяхъ всегда считалась съ необходимостью включенія въ понятіе умысла, наряду съ моментомъ воли, и элемента сознанія совершаемаго. Въ этомъ отношеніи криминалисты далеко превзошли своихъ современниковъ-психологовъ, которые, какъ показываетъ еще недавнее состояніе психологіи, ограничивали понятіе воли только предѣлами внѣшнихъ волевыхъ дѣйствій, совершенно игнорируя, притомъ, связь отдѣльныхъ классовъ психическихъ феноменовъ. Психологія, по мнѣнію такихъ авторитетовъ ея,

---

[1]) *Köstlin.* System des deutschen Strafrechts. S. 158.

какъ *Вундтъ* [5]), почти до недавняго времени совершенно упускала изъ вниманія тѣ элементы волевого процесса, которые подготовляютъ внѣшнее дѣйствіе. Въ отношеніи игнорированія даже такихъ элементовъ, наиболѣе часто выступающихъ въ качествѣ мотивовъ внѣшняго проявленія воли, какъ представленія, типично ученіе о безсознательной волѣ *Гартмана* и отчасти *Шопенгауэра*. Попытка *Биндинга* примѣнить къ уголовному праву и, въ частности, къ понятію умысла доктрину безсознательной воли окончилась полной ноудачей. Ученый этотъ и до сихъ поръ являотся одиноко стоящимъ защитникомъ своей теоріи.

Обратимся теперь ко второй, меньшей по числу ея защитниковъ, группѣ опредѣленій умысла, — къ группѣ, извѣстной подъ именемъ Vorstellungstheorie и противополагаемой обыкновенно волевой теоріи. Vorstellungstheorie изгоняетъ изъ умысла элементъ воли. Она не требуетъ отъ виновнаго воли, направленной на правонарушеніе, и довольствуется однимъ сознаніемъ возможности наступленія правонарушенія.

Для правильнаго пониманія этой теоріи важно выяснить ея генезисъ. Мы уже замѣтили выше, что она развилась на почвѣ ученія объ умыслѣ непрямомъ. Ученіе же о dolus indirectus сложилось въ томъ видѣ, какъ оно понималось въ до-фейербаховскій періодъ ученія объ умыслѣ, подъ вліяніемъ двухъ условій: отождествленія умышленной вины съ сознаваемой и ученія о презумпціи умысловъ и его элементовъ. Благодаря первому условію, для умысла было достаточно, чтобы виновный сознавалъ наступившее нарушеніе, какъ возможное послѣдствіе его дѣйствій, а благодаря второму—о наличности сознанія заключали по обстановкѣ дѣйствія, какъ, напр., по оружію, къ которому прибѣгъ виновный, по силѣ удара и т. д. Особенно неудовлетворительнымъ въ этой доктринѣ было то, что фактъ наличности сознанія у виновнаго о возможности наступленія правонарушенія презумировался, предполагался на основаніи побочныхъ обстоятельствъ и могъ быть прямо не доказанъ. Если, напр., кто-либо смертоноснымъ оружіемъ наносилъ легкую рану и она случайно осложнялась, то этого было достаточно для того, чтобы онъ былъ признанъ дѣйствовавшимъ cum dolo indirecto. Система эта уже потому была обречена на кратковременное существованіе, что игнорировала тотъ

---

[5]) *В. Вундтъ.* Очеркъ психологіи. Русск. пер. подъ редакціей Н. Грота, 1897, стр. 230.

общепризнанный гуманный принципъ уголовнаго права новѣйшей формаціи, что признаніе умысла въ каждомъ данномъ случаѣ требуетъ точныхъ доказательствъ. Съ высвобожденіемъ понятія dolus indirectus отъ прочно переплетавшейся съ нимъ системы презумпцій, разработка его съ этого момента направляется по двумъ русламъ. Криминалисты, вѣрные римскимъ традиціямъ и волевой природѣ умысла, выдѣляютъ значительную часть случаевъ, относимыхъ къ dolus indirectus, въ область вины неосторожной, а частью конструируютъ ихъ, какъ комбинаціи совпаденія умысла и неосторожности (подъ именемъ culpa dolo determinata). Но мало этого. На обломкахъ ученія о dolus indirectus они строятъ еще ученіе о „преступномъ безразличіи“, о которомъ мы выше уже имѣли случай упомянуть. Но теченіе это было не единственнымъ. Законодательства (отчасти и русское), а въ особенности нѣкоторые криминалисты, открыто выступаютъ на другой путь. Они берутъ подъ свою защиту старый dolus indirectus, эманципированный отъ презумпцій, и начинаютъ разсматривать отличительныя его черты, какъ признаки, характеризующіе умыселъ вообще.

Однимъ изъ наиболѣе видныхъ представителей такимъ образомъ возникшей Vorstellungstheorie является въ западно-европейской литературѣ извѣстный проф. *Листъ,* а въ русской—проф. *Сергѣевскій.*

Въ наиболѣе рудиментарной и несовершенной формѣ конструируетъ умыселъ на почвѣ Vorstellungstheorie проф. *Сергѣевскій.* Уголовная отвѣтственность, говоритъ этотъ ученый, можетъ быть возлагаема лишь на тѣхъ лицъ, которыя способны понимать свойство и значеніе совершаемаго и руководить своими поступками, принимая законъ въ число мотивовъ своей дѣятельности. Область вмѣненія образуется совокупностью всѣхъ тѣхъ дѣяній, при совершеніи которыхъ лицо, обладающее *вообще* способностью къ вмѣненію, *дѣйствительно* понимало свойство совершаемаго, *дѣйствительно* предусматривало или предвидѣло послѣдствія, *дѣйствительно* сознавало запрещеніе закона и *дѣйствительно* имѣло возможность принять это запрещеніе въ руководство своей дѣятельности. Это-то необходимое для вмѣненія отношеніе познавательной способности человѣка къ его дѣянію, именно *сознаніе совершаемаго, предвидѣніе послѣдствій и сознаніе противозаконности дѣянія*, издавна опредѣляется терминомъ *умыселъ, dolus* [6]).

---

[6]) *Сергѣевскій.* Русское уголовное право. Изд. 3, стр. 262, 263, 265.

Въ этой своей формулировкѣ, Vorstellungstheorie приходится выдерживать большинство тѣхъ упрековъ, которые дѣлаются этой доктринѣ представителями противоположнаго лагеря. „Понятіе вины мыслимо только въ примѣненіи къ субъекту *дѣйствующему*, а не къ субъекту, что-либо себѣ *представляющему*“, говоритъ убѣжденный сторонникъ волевой теоріи проф. *Меркель*. „Ошибочныя представленія, продолжаетъ онъ, не обосновываютъ еще собой вины; не обосновываютъ ея и представленія правильныя... Виновность поэтому ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть тождественна съ отношеніемъ міра представленій преступнаго дѣятеля къ наступившему послѣдствію“ [7]). И, дѣйствительно, нельзя не согласиться съ убѣдительностью этого возраженія. Релевантнымъ для уголовнаго права является только такая психическая связь дѣятеля съ преступнымъ дѣяніемъ, которая проявилась вовнѣ въ какомъ-нибудь произвольномъ дѣйствіи. Недостатки разумѣнія, будутъ ли они зависѣть отъ прирожденныхъ недостатковъ дѣйствующаго, или отъ недостаточности его развитія,—его незнанія,—неспособности напрягать свои умственныя силы и т. п., сами по себѣ, не имѣютъ значенія для уголовнаго права. Велѣнія и запреты послѣдняго относятся только къ дѣятельности лица. Гдѣ нѣтъ волимаго внѣшняго дѣйствія лица, тамъ не можетъ быть и рѣчи о преступленіи.

Несравненно болѣе глубоко обоснованной выступаетъ Vorstellungstheorie въ построеніи проф. *Листа*. Виновность, говоритъ этотъ послѣдній, можетъ быть опредѣлена, какъ отвѣтственность за наступившія послѣдствія. Видами ея являются умыселъ (Vorsatz), т.-е. *предвидѣніе* послѣдствій, и неосторожность, т.-е. *непредвидѣніе* послѣдствій. Умыселъ, продолжаетъ проф. *Листъ*, точнѣе можетъ быть опредѣленъ, какъ представленіе о причиняющемъ значеніи даннаго дѣйствія или бездѣйствія, а умышленное дѣйствіе должно быть сведено на такой произвольный или, что то же, волимый актъ, который сопровождается представленіемъ о причиняющемъ значеніи этого акта. При этомъ проф. *Листъ* оговаривается, что подъ воленіемъ, волей, онъ разумѣетъ только напряженіе мускуловъ и что волимымъ, съ его точки зрѣнія, является только физическое движеніе организма (Körperbewegung), а не самый результатъ [8]). Еще въ болѣе точныхъ выраженіяхъ свой взглядъ на природу

---

7) *Merkel*. Lehrbuch des deutschen Strafrechts. S. 72.

8) *Fr. v. Liszt*. Lehrbuch des deutschen Strafrechts. 5 Aufl. §§ 37, 38 и др.

умысла формулируетъ проф. *Листъ* въ послѣднемъ, седьмомъ изданіи своего курса уголовнаго права. Умыселъ, говоритъ онъ, есть *предвидѣніе противозаконнаго послѣдствія, осуществленнаго или невоспрепятствованнаго при помощи реализаціи воли* (Vorsatz ist Voraussicht des durch die Willensbethätigung bewirkten oder nicht gehinderten rechtswidrigen Erfolges [9]). Въ такой формулировкѣ проф. *Листъ* противополагаетъ свой взглядъ, какъ примыкающій къ Vorstellungstheorie, взглядамъ защитниковъ волевой теоріи, настаивающихъ на хотѣніи произвольнаго движенія со включеніемъ противозаконнаго результата, какъ на необходимомъ элементѣ умысла.

Въ такомъ построеніи Vorstellungstheorie, очевидно, уже не можетъ быть сдѣланъ тотъ упрекъ, который вполнѣ заслуженно дѣлается ей въ конструкціи проф. *Сергѣевскаго*. Но зато теорія проф. *Листа*, какъ намъ кажется, и, несомнѣнно, болѣе близка къ волевой теоріи. Вѣдь и въ построеніи проф. *Листа* умыселъ слагается изъ *представленія* о возможности наступленія результата—изъ элемента, принимаемаго и сторонниками волевой теоріи, и, кромѣ того, изъ элемента *воли*, изъ хотѣнія. Но подъ волей проф. *Листъ* разумѣетъ только тотъ психическій актъ, при помощи котораго двигательные нервы непосредственно приводятся въ дѣйствіе. Онъ считаетъ для субъекта, дѣйствующаго cum dolo, психологически возможнымъ хотѣть только внѣшняго движенія, ведущаго къ представляемому имъ себѣ послѣдствію, и психологически невозможнымъ хотѣть *этого движенія, со включеніемъ всего противозаконнаго результата*, какъ думаютъ сторонники волевой теоріи. Умыселъ, направленный на убійство, слагается, такимъ образомъ, согласно взгляду, защищаемому проф. *Листомъ*, изъ представленія возможности наступленія смерти намѣченнаго субъекта, изъ представленія, далѣе, о причинной связи предпринимаемаго дѣйствія съ представляемымъ результатомъ и изъ хотѣнія этого дѣйствія, которое къ этому представляемому результату ведетъ [10]). Съ точки же зрѣнія защитниковъ волевой теоріи, умышленный убійца хочетъ не только внѣшняго дѣйствія, ведущаго къ смерти жертвы, но хотѣніе его направлено на все данное преступное дѣяніе. Разница между этими двумя воззрѣніями, листовскимъ

---

[9]) *Fr. v. Liszt.* Lehrbuch des deutschen Strafrechts. 7 Aufl. § 38, S. 149, 150.

[10]) И желаніе, говоритъ проф. *Liszt*, можетъ заключать въ себѣ представленіе объ имѣющихъ наступить измѣненіяхъ, но въ немъ отсутствуетъ представленіе о причинной связи предпринимаемаго умыслившимъ дѣйствія съ имѣющими наступить измѣненіями. Lehrbuch, 7 Aufl., S. 150.

и господствующимъ, сводится, такимъ образомъ, къ различному рѣшенію проблеммы чисто психологической. Разница зависитъ единственно отъ діаметрально противоположныхъ отвѣтовъ, даваемыхъ *Листомъ* и господствующей доктриной на вопросъ о томъ, направляется ли воля на весь результатъ, или она способна направляться исключительно на внѣшнее дѣйствіе, ведущее къ результату, а послѣдній можетъ быть только объектомъ представленія. Проф. *Листъ* считаетъ психологически возможнымъ только послѣднее направленіе воли и потому тѣ комбинаціи, въ которыхъ, согласно обычному словоупотребленію, говорятъ о хотѣніи *всего* результата, онъ конструируетъ исключительно, какъ представленіе или (что то же) предвидѣніе результата, въ качествѣ побудительнаго мотива дѣйствія. Этотъ случай является, такимъ образомъ, подведеннымъ подъ общую формулу Vorstellungstheorie только потому, что защитникъ ея проф. *Листъ,* какъ мы это уже неоднократно повторяли, ограничиваетъ волевыя явленія исключительно тѣми психическими актами, въ силу которыхъ приводятся въ дѣйствіе двигательные нервы, и считаетъ психологически невозможнымъ хотѣть всего результата. Вся разница между волевой теоріей и Vorstellungstheorie въ построеніи проф. *Листа* сводится, слѣдовательно, главнымъ образомъ, къ спору о границахъ *сознанія* и *воли*, какъ психологическихъ элементовъ, къ различнымъ отвѣтамъ на вопросъ о томъ, гдѣ кончается область сознанія и начинается сфера воли.

Сторонники волевой теоріи умысла, безъ сомнѣнія, нѣсколько черезъ мѣру расширили предѣлы воли на счетъ явленій сознанія. Въ этомъ отнюдь, однакоже, не заключается чего бы то ни было достойнаго безусловнаго осужденія. Напротивъ, взглядъ этотъ сослужилъ немалую службу въ дѣлѣ выясненія тѣсной связи отдѣльныхъ элементовъ нашей психики и немало содѣйствовалъ обнаруженію, такъ называемой, „внутренней условности“ образованія отдѣльныхъ классовъ психическихъ феноменовъ.

Но новѣйшая психологія обнаруживаетъ въ отношеніи объясненія волевыхъ явленій, послѣ временнаго поворота въ сторону мнѣнія криминалистовъ, тенденцію какъ-разъ противоположную. Она исходитъ прежде всего изъ того, что всякое сознаніе связано съ двигательными процессами, и формулируетъ законъ, по которому „всякое представленіе движенія вызываетъ въ извѣстной степени соотвѣтствующее движеніе, которое всего рѣзче проявляется въ тѣхъ случаяхъ, когда его не

задерживаетъ никакое другое представленіе, находящееся одновременно съ первымъ въ сферѣ нашего сознанія" [11]). Современные психологи принимаютъ, что процессъ сознанія, по самой природѣ своей, при достаточной степени интензивности, импульсивенъ, что движеніе не есть нѣкоторый особый динамическій элементъ, который долженъ быть прибавленъ къ возникшему въ нашемъ сознаніи ощущенію или мысли, и что, наконецъ, самое воленіе уже имѣется всегда налицо тамъ, гдѣ есть извѣстное устойчивое состояніе сознанія въ видѣ моторной идеи, достаточно интензивной для произведенія внѣшняго движенія.

Сфера воли въ современной психологіи, такимъ образомъ, сильно съуживается и, притомъ, на счетъ области сознанія. На долю волевыхъ феноменовъ выпадаютъ только внѣшнія проявленія приведенія въ дѣйствіе двигательныхъ нервовъ. Мы не сильно ошибемся, если скажемъ, что явленія воли разлагаются въ новѣйшей психологіи почти безъ остатка на явленія сознанія. Трудно, конечно, сказать, правиленъ ли путь, на который вступила въ наши дни экспериментальная психологія; но несомнѣнно то, что съ выводами ея приходится считаться и что на листовскую Vorstellungstheorie слѣдуетъ смотрѣть, какъ на уступку новымъ теченіямъ въ области науки о духѣ [12]).

Самый фактъ принятія Vorstellungstheorie, съ извѣстными оговорками относительно границъ феноменовъ сознанія и воли, далеко, такимъ образомъ, не означаетъ еще отреченія отъ тѣхъ составныхъ и, такъ сказать, имманентныхъ элементовъ умысла, которые являются нераздѣльными съ его сущностью. А это обстоятельство, въ свою очередь, позволяетъ намъ примирять Willenstheorie и Vorstellungstheorie,—сближать тѣ доктрины, которыя, по господствующему взгляду, другъ другу противоположны и другъ друга исключаютъ. Но своеобразное конструированіе явленій воли, позволяющее намъ не исключать изъ умысла элемента хотѣнія и оставаться въ то же время на почвѣ Vorstellungstheorie, не должно быть истолковано въ томъ смыслѣ, что измѣненіе взгляда на природу волевыхъ феноменовъ остается уже безъ всякаго замѣтнаго вліянія на ученіе объ умыслѣ. Перемѣнная величина, введенная въ качествѣ множителя, дѣлаетъ перемѣннымъ и все произведеніе, и нѣсколько ниже,

---

11) *Джемсъ*. Психологія. Пер. Лапшина. 1896 г., стр. 353 и вообще гл. XVI.

12) Впрочемъ, честь конструированія этого оттѣнка Vorstellungstheorie, разсмотрѣннаго нами съ такой подробностью, принадлежитъ не исключительно проф. *Liszt*'у; еще до него сходные взгляды были высказаны *Bünger*'омъ.

когда мы перейдемъ къ изложенію окончательныхъ выводовъ по вопросу о понятіи уголовно-правового умысла, мы коснемся тѣхъ модификацій, которыя постулируетъ въ области dolus'a новая психологическая доктрина, въ примѣненіи, главнымъ образомъ, къ комбинаціямъ, извѣстнымъ подъ именемъ „преступнаго безразличія".

Наши замѣчанія на оба оттѣнка взглядовъ по вопросу о составныхъ элементахъ уголовно-правового умысла опредѣляютъ съ необходимостью наши выводы по этому предмету. Съ нашей точки зрѣнія, для признанія наличности умысла у того или другого субъекта достаточно ограничиться констатированіемъ *предвидѣнія этимъ субъектомъ наказуемаго дѣянія, осуществляемаго или невоспрепятствуемаго имъ при помощи реализаціи воли.* Умыселъ, конструированный такимъ образомъ, обнимаетъ собой два элемента: представленіе и направленіе воли.

Элементъ представленія слагается въ немъ: 1) изъ *представленія* себѣ виновнымъ произвольнаго движенія, ведущаго къ противозаконному дѣянію, и 2) изъ *представленія* самаго наказуемаго дѣянія, поскольку это представленіе необходимо для понятія преступленія. При, такъ называемыхъ, преступныхъ содѣяніяхъ требуется, кромѣ того, еще 3) *представленіе* о томъ, что данное, наступившее дѣяніе стоитъ въ причинной связи съ даннымъ произвольнымъ дѣйствіемъ виновнаго, а при преступныхъ упущеніяхъ—4) *представленіе* о томъ, что при предпринятіи упущеннаго дѣйствія представлявшееся упущеніе не состоялось бы.

Кромѣ момента представленія, въ умыселъ входитъ еще элементъ *направленія воли.* Для наличности психическаго настроенія, именуемаго dolus, необходима еще воля или активное проявленіе сознанія, выраженное въ формѣ физическаго тѣлеснаго движенія, ведущаго къ реализаціи противозаконнаго дѣянія.

Умыселъ, въ разсмотрѣнномъ выше смыслѣ, можетъ имѣть мѣсто не только въ тѣхъ комбинаціяхъ, гдѣ предвидѣніе преступнаго дѣянія является побудительнымъ мотивомъ дѣйствія виновнаго, гдѣ оно выступаетъ въ качествѣ главнаго представленія, дающаго толчекъ физическому движенію виновнаго [13]),

---

[13]) Комбинаціи, въ которыхъ представители волевой теоріи говорятъ о хотѣніи преступнаго результата или наказуемаго дѣянія вообще.

но и въ тѣхъ комбинаціяхъ, гдѣ предвидѣніе не является побудительнымъ мотивомъ [14]). Если владѣлецъ дома поджигаетъ принадлежащее ему жилое помѣщеніе съ цѣлью погубить ненавистнаго ему квартиранта, то онъ, безъ всякаго сомнѣнія, становится виновнымъ въ умышленномъ убійствѣ этого послѣдняго. Но владѣлецъ дома будетъ виновенъ въ умышленномъ лишеніи жизни своего квартиранта и въ томъ случаѣ, если онъ поджигаетъ домъ съ единственною цѣлью получить за сгорѣвшее имущество страховую премію. Но при этомъ, само собой разумѣется, точно долженъ быть доказанъ тотъ фактъ, что владѣлецъ дома сознавалъ возможность погибели своего жильца.

Въ тѣхъ комбинаціяхъ, гдѣ предвидѣніе нѣкоторыхъ послѣдствій не является побудительнымъ мотивомъ дѣйствій виновнаго, возможны два оттѣнка. Во-первыхъ, тотъ случай, когда виновный считаетъ преступное послѣдствіе, или, точнѣе, преступное дѣяніе *необходимымъ* послѣдствіемъ своей дѣятельности, и, во-вторыхъ, тотъ случай, когда онъ считаетъ его только послѣдствіемъ *возможнымъ*. Оттѣнковъ этихъ, однако, строго различать, въ сущности, не слѣдуетъ, такъ какъ человѣкъ никогда не можетъ съ полной несомнѣнностью разсчитывать на необходимость наступленія послѣдствія. Наступленіе это въ громадномъ большинствѣ случаевъ зависитъ столько же отъ дѣятельности виновнаго, сколько отъ цѣлаго ряда другихъ условій, благопріятствующихъ или противодѣйствующихъ.

Изъ сказаннаго нами выше о конструкціи умысла можно, между прочимъ, заключить, что представленіе послѣдствія дѣйствія виновнаго для того, чтобы оно могло быть сочтено за dolus, должно выступать въ формѣ болѣе или менѣе опредѣ-

---

[14]) Въ этихъ комбинаціяхъ представители волевой теоріи господствующаго оттѣнка говорятъ о dolus eventualis, о, такъ назыв., *допущеніи* преступнаго послѣдствія, — „о преступномъ безразличіи". Правильнѣе, однако, съ ихъ точки зрѣнія, какъ мы выше видѣли, говорить въ этихъ случаяхъ о *нежеланіи* преступнаго послѣдствія. Такъ и поступаютъ наиболѣе послѣдовательные сторонники Willenstheorie, какъ, напр., проф. *Колоколовъ* (О соучастіи, 1881, стр. 106—108; О покушеніи, 1884, стр. 216 и сл.). Но, при избраніи такого крайняго пути, для случаевъ этихъ приходится создавать особую форму вины неосторожной,—форму, по своей высокой наказуемости in abstracto, приближающуюся къ умыслу, что врядъ ли цѣлесообразно. Между тѣмъ, съ точки зрѣнія Vorstellungstheorie случаи эти безъ затрудненія подводятся подъ общее понятіе умысла. Въ нихъ есть мѣсто представленію возможности наступленія правонарушенія и волѣ, проявленной въ формѣ физическаго движенія, ведущаго къ реализаціи противозаконнаго дѣянія, а слѣдовательно, имѣются и всѣ тѣ элементы, которые въ совокупности даютъ право говорить о наличности умысла.

ленной. Виновный долженъ предвидѣть въ общей формѣ связь звеньевъ въ той цѣпи событій, которую онъ обусловливаетъ своимъ дѣйствіемъ.

Что же касается самыхъ предѣловъ этой опредѣленности представленія, то лишь ученіе объ ошибкѣ призвано указать тотъ рубежъ, съ переходомъ за который неправильность представленій достигаетъ той степени интензивности, что исключаетъ умышленность дѣянія.

Нашъ анализъ элемента представленія при умыслѣ мы закончимъ изслѣдованіемъ спорнаго въ доктринѣ вопроса о томъ, должно ли считать сознаніе противозаконности дѣянія существенной составной частью уголовно-правового умысла, или нѣтъ.

Господствующая доктрина отъ времени *Фейербаха* до недавняго времени, какъ мы имѣли случай замѣтить уже выше, высказывалась за рѣшеніе этого вопроса въ утвердительномъ смыслѣ. Она требовала бы бытія dolus'а со стороны виновнаго сознанія того, что онъ дѣйствуетъ противозаконно. Въ томъ же смыслѣ рѣшали этотъ вопросъ лучшіе комментаторы, напр., *Шварце* [15]), *Ольсгаузенъ* [16]) и, въ общемъ, прусская судебная практика. Въ новѣйшее время взглядъ этотъ защищаетъ *Биндингъ* [17]), а изъ русскихъ криминалистовъ проф. *Сергѣевскій* [18]) и *Таганцевъ* [19]) въ курсѣ уг. права. Противъ этого господствующаго мнѣнія выступилъ однимъ изъ первыхъ *Вехтеръ* [20]), а въ послѣднее время *Г. Мейеръ* [21]), *Листъ* [22]), *Меркель* [23]). Съ нашей точки зрѣнія для правильнаго рѣшенія вопроса о томъ, слѣдуетъ ли признавать сознаніе противозаконности необходимымъ элементомъ умысла, должно быть принято во вниманіе слѣдующее: государство въ сферѣ дѣятельности уголовно-правовой вооружается и реагируетъ, по преимуществу, противъ такого образа дѣйствій своихъ отдѣльныхъ членовъ, который почему бы то ни было кажется ему недопустимымъ; но, посту-

---

15) *v. Schwarze.* Anm. zu § 59.

16) *Olshausen.* № 12 zu § 59.

17) *Binding.* Die Normen und ihre Uebertretung. Leipzig. 1877. B. II, § 64, S. 486 ff.

18) *Сергѣевскій.* Русское уг. право. Изд. 3, 1896, стр. 265.

19) *Таганцевъ.* Курсъ. Вып. II, стр. 34.

20) *v. Wächter.* Zur näheren Bestimmung des Dolusbegriffes въ Gerichtsal, XVI, S. 56.

21) *Hugo Meyer.* Lehrbuch des deutschen Strafrechts. S. 209 ff. IV Aufl. 1888.

22) *Fr. v. Liszt.* Lehrbuch des deutschen Strafrechts. 7 Aufl. 1895. § 40. S. 158 ff.

23) *A. Merkel.* Lehrbuch des deutschen Strafrechts. S. 80 и др.

пая такимъ образомъ, государство соображается исключительно съ свойствами самихъ дѣяній и не справляется съ знаніемъ или незнаніемъ дѣйствующаго объ этихъ особыхъ свойствахъ. Подобно тому, какъ дѣянія, заслуживающія похвалы, являются таковыми въ силу присущихъ имъ свойствъ, а не въ силу того одобренія, которое имъ расточаетъ общественное мнѣніе, и независимо отъ знанія объ этомъ одобреніи лица, поступающаго похвально, точно такъ же и преступныя дѣянія являются таковыми и заслуживающими уголовной реакціи независимо отъ знанія или незнанія объ этой ихъ преступности лицъ, дѣйствующихъ преступно. Если бы для наказуемости какого-нибудь дѣянія требовать сознанія его противозаконности, то этимъ самымъ государство сдѣлало бы свое право на наказаніе зависимымъ отъ колеблющихся воззрѣній на право и отъ большей или меньшей чуткости совѣсти подданныхъ. Но невозможно, чтобы государство, какъ законодатель, хотѣло этого. Невозможно потому, что, какъ нами было уже замѣчено выше, тѣ интересы и блага, которые оно защищаетъ уголовно-правовымъ путемъ, нуждаются въ абсолютной охранѣ. „Государство, говоритъ одинъ изъ убѣжденныхъ противниковъ требованія сознанія противозаконности, которое хотѣло бы вложить въ ножны карающій мечъ правосудія передъ погрѣшностями въ сферѣ чувства права, этимъ самымъ отказалось бы отъ своего права на существованіе“. Но пойдемъ дальше. *Кестлинъ* [24]) совершенно правильно замѣчаетъ: „Противорѣчитъ здравому смыслу выставлять сознаніе противозаконности правонарушенія положительнымъ признакомъ (positives Requisit) умысла и объявлять въ то же время, что знаніе правонарушителя о родѣ и размѣрахъ угрожающаго ему наказанія является излишнимъ“. И дѣйствительно, выставляя существеннымъ моментомъ умысла сознаніе противозаконности и оставаясь послѣдовательнымъ, не должно вмѣнять преступнику за dolus тѣхъ дѣйствій, относительно которыхъ ему неизвѣстно, какъ оцѣниваетъ законодатель мѣру ихъ наказуемости. Но такъ поступать, очевидно, нераціонально. Этимъ путемъ преступнику была бы предоставлена прямая возможность избѣгать наказанія, ссылаясь на то, что онъ не зналъ мѣры назначаемаго за его дѣяніе взысканія.

[24]) Ту же мысль выражаетъ проф. *Liszt*, когда замѣчаетъ, что понятіе умысла едино въ сферѣ дѣятельности правомѣрной и неправомѣрной,—едино для дѣятельности релевантной въ уголовно-правовомъ отношеніи и иррелевантной. Deutsches Reichsstrafrecht, стр. 109. Ср. по вопросу о сознаніи противозаконности *Liszt*, Lehrbuch, Aufl. V, § 39, Anm. 1.

Не подлежитъ, такимъ образомъ, сомнѣнію, что понятіе умысла, какъ одной изъ главныхъ формъ виновности, или, другими словами, того психическаго настроенія, которое придаетъ дѣянію наказуемый характеръ, должно выступать въ этическомъ и юридическомъ отношеніи какъ бы безцвѣтнымъ. Какъ обнаруживаетъ, вдобавокъ, опытъ, понятіе умысла и умышленнаго дѣйствованія можетъ совершенно обходиться безъ сознанія того, что данное дѣяніе противозаконно. Умышленное взиманіе лихвенныхъ процентовъ существовало, очевидно, и въ тѣ времена, когда оно не было запрещено подъ угрозой наказанія [25]). Старая доктрина смѣшивала умыселъ съ понятіемъ злого умысла (dolus malus) римскаго права, который характеризовался опредѣленной этической и юридической окраской. Но въ этомъ dolus malus римскаго права соединялись моменты, которые могутъ быть разъединенными не только въ смыслѣ логическомъ, но диссоціація которыхъ имѣетъ и огромное практическое значеніе для уголовнаго права вообще. На практикѣ легко можетъ возникнуть потребность поставить подъ угрозу уголовнаго закона рядъ умышленныхъ дѣяній, независимо отъ того, знаетъ ли дѣйствующій о томъ, что данный образъ дѣйствій запрещенъ. Можетъ быть абсолютно и при всякихъ условіяхъ запрещена, напр., быстрая ѣзда по улицамъ и т. д. Но удовлетвореніе этой потребности значительно затрудняется, если умыселъ обременяется понятіемъ сознанія противозаконности и потому становится непригоднымъ для примѣненія его къ цѣлой области правонарушеній.

Сознаніе противозаконности, однако, не только не входитъ непосредственно въ понятіе умысла, но его нельзя разсматривать и какъ нѣчто самостоятельное, но привходящее въ понятіе умысла. Принятіе послѣдняго требованія, постулируемаго съ точки зрѣнія теоріи психологическаго принужденія, значительно затруднило бы отправленіе правосудія. Даже болѣе, оно дѣлало бы почти невозможнымъ правильное функціонированіе этого послѣдняго, налагая на обвинительные органы бремя доказательства того, что виновникъ зналъ нарушаемую имъ норму.

Единственнымъ исключеніемъ изъ выставленнаго нами общаго правила о несущественности сознанія противозаконности для наличности умысла является только тотъ случай, когда

---

[25]) *Köstlin*. Neue Revision der Grundbegriffe des Criminalrechts. 1845. S. 255. Криминалистъ этотъ отрицаетъ необходимость сознанія противозаконности для наличности умысла вообще, но считаетъ такое сознаніе составной частью dolus'a при полицейскихъ нарушеніяхъ. Ibid., S. 258.

самъ законъ требуетъ, въ качествѣ необходимаго элемента состава преступленія, сознанія противозаконности. Въ этихъ комбинаціяхъ сознаніе это должно, конечно, безусловно требоваться на сторонѣ дѣятеля, и отсутствіе этого сознанія имѣетъ рѣшающее значеніе.

Намъ остается коснуться еще вопроса о *видахъ* умысла. Въ доктринѣ мы встрѣчаемъ обильное количество всякихъ дѣленій dolus'а. По замыслу криминалистовъ, предлагавшихъ тѣ или другія раздѣленія, послѣднія должны были выяснить различные оттѣнки умышленной вины, имѣющіе значеніе при опредѣленіи мѣры наказанія; но нельзя не сознаться, что въ лучшемъ случаѣ предлагавшіяся дѣленія были совершенно безполезны, а въ подавляющемъ большинствѣ комбинацій оказывались прямо ошибочными, какъ вытекающія изъ той или иной конструкціи умысла, неправильной по существу. Типиченъ въ этомъ отношеніи былъ, напр., dolus subsequens, который усматривался въ случаяхъ одобренія преступленія, уже совершившагося. Одной изъ основныхъ причинъ неудачности попытокъ классификаціи видовъ умысла является, несомнѣнно, недостаточное укорененіе того принципа, что удовлетворительное разрѣшеніе этой проблеммы возможно только съ перенесеніемъ ея на почву опытной психологіи.

Какъ на дѣленіе, уцѣлѣвшее отъ разрушительной критики науки уголовнаго права новѣйшаго періода, какъ на дѣленіе, имѣющее значеніе для мѣры наказуемости еще и понынѣ, нѣкоторые ученые, а въ особенности законодательства, указываютъ на, такъ называемое, *предумышленіе* (dolus praemeditatus) и умыселъ *внезапный* (dolus repentinus). Подъ первымъ видомъ разумѣютъ умыселъ, образовавшійся обдуманно, умыселъ, предполагающій хладнокровіе, спокойствіе, а подъ второй подводятъ умыселъ порывистый, умыселъ, возникшій въ состояніи аффектированномъ. Умыселъ внезапный разсматривается при этомъ, по общему правилу, какъ менѣе наказуемый. Въ такой обрисовкѣ выступаютъ эти виды умысла, когда характеристика ихъ дѣлается по психическому состоянію лица въ *моментъ дѣйствія*. Нѣсколько иная схема получается въ тѣхъ случаяхъ, когда характеристика этихъ видовъ дѣлается по психическому состоянію лица въ *моментъ сформированія умысла*. Въ послѣдней комбинаціи различаютъ обыкновенно три оттѣнка: *1)* умыселъ аффектированный—impetus; *2)* случаи, когда преступная

воля, сложившись въ хладнокровномъ состояніи духа, приводится въ исполненіе немедленно по возникновеніи — dolus repentinus; наконецъ, 3) тѣ случаи, когда виновный заранѣе обдумалъ всѣ существенные моменты предпринимаемаго имъ дѣйствія, сдѣлалъ тщательную оцѣнку плана — dolus praemeditatus [26]).

Но и это дѣленіе не можетъ быть принято безъ нѣкоторыхъ существенныхъ оговорокъ и пріобрѣтаетъ второстепенное значеніе, отодвигаясь на задній планъ, по мѣрѣ того, какъ масштабомъ виновности при вмѣненіи уголовномъ становится не исключительно свойство преступнаго намѣренія и степень энергіи, но и качество мотивовъ, вызвавшихъ данное дѣяніе.

Опираясь на детальныя историческія изслѣдованія, еще въ началѣ 70 гг. проф. *Гольтцендорфъ* указывалъ, что никогда въ прежнія времена не придавалось такого рѣшительнаго значенія моменту предумышленія, какъ въ современныхъ дѣйствующихъ законодательствахъ [27]). Находя такой порядокъ заслуживающимъ безусловнаго осужденія, ученый этотъ высказывался въ томъ смыслѣ, что степененіе наказуемости отдѣльныхъ видовъ умышленныхъ деликтовъ [28]) должно быть поставлено въ зависимость отнюдь не отъ наличности предумышленія или внезапнаго умысла, но, главнымъ образомъ, отъ свойства мотивовъ [29]). По мнѣнію *Гольтцендорфа*, тѣ же мотивы, которые наиболѣе часто выступаютъ при предумышленіи, не менѣе часто имѣютъ мѣсто и при внезапномъ умышленномъ совершеніи преступленій [30]). Моралисты, думаетъ онъ, придаютъ совершенно неправильное значеніе моменту предумышленія. Нельзя абсолютно утверждать, что предумышленный убійца всегда и безнравственнѣе и испорченнѣе убійцы, дѣйствующаго по умыслу внезапному. Напротивъ, очень часто бываетъ какъ-разъ наоборотъ. Между тѣмъ, какъ на сторонѣ убійцы, дѣйствующаго по умыслу внезапному, мы встрѣчаемся съ ничтожнымъ ува-

---

[26]) *Таганцевъ*. Лекціи по русск. уголовн. праву. Вып. II, стр. 676, 677.

[27]) *Fr. v. Holtzendorff*. Die Psychologie des Mordes. 1875. S. 9 ff.

[28]) *Holtzendorff* говоритъ собственно объ умышленномъ убійствѣ, но нѣтъ никакого основанія не распространять его выводовъ и на другіе виды умышленныхъ преступленій.

[29]) Если честь перваго провозглашенія этого принципа, ставшаго въ наши дни однимъ изъ прочныхъ устоевъ уголовной политики, и не принадлежитъ *Holtzendorff*'у, то нельзя отказать этому ученому въ томъ, что онъ первый сдѣлалъ попытку классификаціи мотивовъ убійства. *Fr. v. Holtzendorff*. Die Psychologie des Mordes. Passim. S. 14—35.

[30]) *Fr. v. Holtzendorff*. Die Psychologie des Mordes. S. 35.

женіемъ передъ человѣческой жизнью, готовымъ прорваться наружу при самомъ незначительномъ поводѣ, мы можемъ натолкнуться у убійцы предумышленнаго на какъ-разъ противоположную картину душевной жизни. Только, можетъ-быть, послѣ долгой борьбы, ослабившей дѣйствіе нравственныхъ мотивовъ, убійца поддается искушенію совершить свое преступленіе, съ самой мыслью о реализаціи котораго онъ долго напрасно боролся. И дѣйствительно, тотъ промежутокъ, который, по господствующей доктринѣ, является обстоятельствомъ, усиливающимъ наказуемость, есть, можетъ статься, на самомъ дѣлѣ, тотъ моментъ, въ который дѣлаются со стороны будущаго убійцы такія нравственныя усилія, которыя у лица, дѣйствующаго по умыслу внезапному, никогда и не возникали. Между тѣмъ, послѣднее обстоятельство получаетъ рѣшающее значеніе особенно въ виду того, что наказаніе, въ его примѣненіи, имѣетъ главною цѣлью исправленіе преступника, а, слѣдовательно, и мѣра наказанія должна зависѣть отъ степени испорченности преступника. То обстоятельство, что убійца по умыслу внезапному способенъ на болѣе скорое и глубокое раскаяніе послѣ совершенія преступленія, чѣмъ убійца предумышленный [31]), *Гольтцендорфъ* считаетъ заблужденіемъ, къ сожалѣнію, широко укоренившимся у юристовъ, но совершенно не подтверждающимся пенитенціарной практикой и статистическими данными о числѣ судебныхъ признаній. Данныя прусской статистики убѣждаютъ, вдобавокъ, *Гольтцендорфа* и въ томъ, что отсутствіе предумышленія выступаетъ не въ качествѣ преимущества, свидѣтельствующаго о той болѣе высокой нравственной ступени, на которой стоитъ преступникъ, но, напротивъ, обнаруживаетъ только притупленіе нравственныхъ понятій и является результатомъ общаго ослабленія [32]).

Намъ кажется, что, несомнѣнно, неправильно подчеркивать во взглядѣ *Гольтцендорфа* то обстоятельство, къ принятію котораго, повидимому, склоняется этотъ ученый, что предумышленіе, хотя бы въ большинствѣ случаевъ, говоритъ о болѣе высокомъ нравственномъ уровнѣ преступника. Если доктрина, господствующая въ законодательствахъ [33]), ошибочна въ томъ

[31]) Ibid., S. 40.

[32]) Ibid., S. 41.

[33]) Нашъ Проектъ уголовнаго уложенія редакціонной коммиссіи игнорируетъ, какъ извѣстно, дѣленіе умысла на предумышленіе и умыселъ внезапный. Объяснительная записка (объясн. къ ст. 1 ч. особ.) указываетъ въ числѣ прочихъ мотивовъ невнесенія упомянутаго дѣленія въ Проектъ на нѣкоторыя весьма

смыслѣ, что презумируетъ при предумышленности бо́льшую испорченность, то нужно остерегаться ошибки и въ противоположную сторону. Разъ, однако, приходится признать, что предумышленіе далеко не по общему правилу можетъ являться болѣе наказуемымъ, то, очевидно, что моменту этому не должно придавать и особаго, такъ сказать, діагностическаго значенія. Даже болѣе. Моментъ этотъ долженъ быть отвергнутъ, какъ непригодный для распознаванія тѣхъ свойствъ преступнаго дѣятеля, которыя могутъ имѣть большее или меньшее значеніе при опредѣленіи ему цѣлесообразнаго наказанія. Моментъ этотъ долженъ отступить на задній планъ передъ другими, болѣе надежными критеріями. Однимъ изъ такихъ критеріевъ, какъ мы замѣтили выше, является свойство мотивовъ [34]).

поучительныя соображенія. Несмотря на кажущееся тожество основного признака дѣленія, замѣчаютъ составители Проекта, въ дѣйствительности въ законодательствахъ усматривается крайнее разнообразіе опредѣленій предумышленія и умысла внезапнаго. Положеніе это ярко иллюстрируется въ объяснительной запискѣ тѣми обильными сомнѣніями, которыя возбуждаетъ на практикѣ подведеніе того или другого случая убійства подъ Mord или Todschlag германскаго уложенія, assassinat или meurtre французскаго Code pénal и т. д. Но еще существеннѣе другой аргументъ противъ принятія упомянутаго дѣленія, также приводимый редакторами Проекта. Какое бы опредѣленіе предумышленности ни было взято, замѣчаютъ послѣдніе, оно окажется или неохватывающимъ всѣхъ случаевъ убійства, въ которыхъ энергія преступной воли представляется наиболѣе опасной, или же столь широкимъ, что не представляется возможнымъ провести точную границу между умышленнымъ и предумышленнымъ лишеніемъ жизни. Взамѣнъ введенія въ Проектъ послѣдняго дѣленія, редакціонная коммиссія предоставляетъ суду, при назначеніи мѣры наказанія, принимать во вниманіе обдуманность дѣйствій подсудимаго, хладнокровіе, выказанное имъ при совершеніи злодѣянія, и т. п. во всѣхъ тѣхъ случахъ, какъ скоро эти обстоятельства свидѣтельствуютъ: объ укорененіи въ подсудимомъ преступныхъ наклонностей, объ особой энергіи порочныхъ свойствъ его характера и объ особо злостномъ направленіи его воли.— При обсужденіи Проекта особенной части въ его первой редакціи въ Московскомъ Юридическомъ Обществѣ въ 1884—1886 гг. дѣйств. чл. Общества *Дриль* находилъ необходимымъ удержать въ законѣ дѣленіе убійства на предумышленное и умышленное въ виду того, что лицо, совершающее убійство съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ, съ значительными приготовленіями, тѣмъ самымъ обнаруживаетъ болѣе испорченную, порочную организацію, а потому по отношенію къ нему и должны быть приняты болѣе сильныя мѣры исправленія. Но за такую поправку высказалось только 2 голоса изъ числа 24 присутствовавшихъ.

[34]) Въ пользу этого критерія высказывается, между прочимъ, и голосъ судебной практики. Во Франціи, какъ свидѣтельствуетъ статистика, наибольшее число оправданій падаетъ на убійство изъ родовой мести, убійство изъ ревности мужьями любовниковъ ихъ женъ, убійство женщинами бросившихъ ихъ любовниковъ и т. д.; между тѣмъ, въ большей части случаевъ этого рода,

За приданіе въ дѣлѣ уголовнаго вмѣненія первенствующаго значенія свойству мотивовъ высказывается въ наши дни большинство лучшихъ представителей современной науки уголовнаго права [35]). Достойное мѣсто мотиву отводитъ, вмѣстѣ съ другими новѣйшими проектами, и проектъ обще-швейцарскаго уголовнаго уложенія,—тотъ проектъ, который, будучи принятымъ, составитъ, по справедливому мнѣнію спеціалистовъ, одинъ изъ лучшихъ памятниковъ уголовнаго законодательства нашего времени. Въ нашемъ проектѣ уголовнаго уложенія редакціонной коммиссіи мы встрѣчаемся также съ мотивомъ въ качествѣ момента, вліяющаго, болѣе или менѣе широко, на наказуемость [36]).

Г. С. Фельдштейнъ,
дѣйствительный членъ
Московскаго Юридическаго Общества.

несомнѣнно, существуетъ предумышленность; наоборотъ, при убійствѣ изъ корыстныхъ цѣлей присяжные рѣдко признаютъ даже наличность обстоятельствъ, смягчающихъ вину, а между тѣмъ весьма часто подобные случаи убійства совершаются по внезапнымъ побужденіямъ, безъ предумышленія. Ср. Объясненія къ Проекту редакціонной коммиссіи (ч. особ.), in fol., стр. 11.

[35]) *Liszt*, *Lamasch*, *Hugo Meyer* и др. Ср. въ особен. *Fr. v. Liszt*. Die psychologischen Grundlagen der Kriminalpolitik. Zeitschrift für die gesammte Strafrechtswissenschaft. B. XVI. H. 4. Разборъ этой статьи у *Stooss*'а въ ст. „Das Motiv im Entwurf zu einem Schweiz. Strafgesetzbuch" въ Zeitschr. f. Schweiz. Strafr. B. IX. H. 3., а также въ ст. *Kraus*'а „Das Motiv. Zur psychologisch-ethischen Grundlegung des Strafrechts" въ Zeitschr. f. d. gesam. Strafrechtswis. B. XVII. H. 4 и 5. *Günther*. Die Idee der Wiedervergeltung. Abth. III. 1 Hälfte. 1895. S. 509. Вопросу о значеніи мотива въ дѣлѣ уголовнаго вмѣненія посвящены, кромѣ того, работы: *Fuld*'а, Das Motiv im deutschen Strafgsb., G. A. XXXI, отчасти *Durchholz*'а, Betrachtungen über die Strafabmessung nach dem deutschen Stgb., G. A. XXXV, *Wahlberg*'а, Gesammelte kleinere Schriften, II, *v. Holtzendorff*'а, кромѣ упомянутой выше, Das Verbrechen des Mordes und die Todesstrafe. 1875, *Hundhausen*'а, Das Motiv im Strafrecht. 1877 и др.

[36]) Ср. *В. В. Пржевальскій.* Проектъ уголовнаго уложенія и современная наука уголовнаго права. Журналъ Юрид. Общ. 1897 (отд. оттискъ), стр. 31 и слѣд.

СЛѢДОВАТЕЛЬ, ПОЛИЦІЯ И ПРОКУРАТУРА ВЪ ИХЪ ВЗАИМНЫХЪ ОТНОШЕНІЯХЪ.

(По поводу тридцатипятилѣтія основныхъ положеній уголовнаго судопроизводства).

„Низводить органы слѣдственной власти на низшую ступень, это значитъ не желать усовершенствованія въ этомъ институтѣ и мѣшать приливу способныхъ и опытныхъ дѣятелей". *Вердье* *).

Обыкновенно признается межевою гранью между старымъ и новымъ порядкомъ судопроизводства въ Россіи *20-е ноября 1864 года.* Дѣйствительно, если считать въ дѣлѣ судопроизводства граничною линіею не начало *примѣненія* новаго закона на практикѣ, а лишь законодательное *объявленіе* о грядущемъ введеніи его, то означенное признаніе имѣетъ за себя полное основаніе. Однако и съ *этой точки зрѣнія* едва ли не будетъ правильнѣе усмотрѣть межевую грань между новымъ и старымъ судомъ въ законодательномъ утвержденіи *29 сентября 1862 года* основныхъ положеній судебной реформы.

Провозглашеніе *принципа* новаго судебнаго строя Императоромъ Александромъ II вѣдь послѣдовало именно 29 сентября 1862 г., а тѣмъ самымъ былъ данъ рѣшительный толчокъ и назначено русло для новаго судебнаго теченія.

Величайшій актъ этотъ впослѣдствіи какъ-то померкъ въ славѣ дня 20 ноября 1864 года. Если это извинительно еще сколько-нибудь для дѣятелей „рѣшающей" стадіи процесса уголовнаго, то большимъ грѣхомъ забвеніе „основныхъ положеній уголовнаго судопроизводства" было для русской прокуратуры и

*) Юридич. Вѣстн. 1884 г., № 11, стр. 546.

для русскихъ слѣдователей. Грѣхъ этотъ сопровождался важными послѣдствіями, отслоился роковымъ образомъ на нашемъ предварительномъ слѣдствіи. Забвеніе дня 29 сентября 1862 года прокуратурою и слѣдователями можно бы сравнить съ потерею блуждающимъ путникомъ руководящей свѣтлой точки на далекомъ горизонтѣ.

Вотъ отправная мысль всего послѣдующаго изложенія [1]).

I.

Впервые институтъ судебныхъ слѣдователей получилъ осуществленіе у насъ 8 іюня 1860 года.

Въ предшествовавшемъ періодѣ, т.-е. до 1860 г., нашъ уголовный процессъ уже зналъ широкое отдѣленіе органовъ преслѣдованія отъ органовъ, постановлявшихъ приговоръ. На этой стадіи процесса судебная власть (въ обширномъ значеніи этого понятія) уже расчленяется обыкновенно на отдѣльные органы, вѣдающіе различныя уголовныя функціи, т.-е. на слѣдственнаго судью, на мирового судью, на общій судъ и т. д.; параллельно и гармонично-связно съ судебною сферою подвизается власть обвинительная (прокурорская) и власть охранная (полицейская). Въ нашемъ же уголовномъ процессѣ до 1860 года не было проведено выдѣленія особой судебно-слѣдственной власти.

По Своду Законовъ 1857 года, производство уголовныхъ дѣлъ состояло „1) въ слѣдствіи или въ изысканіи всѣхъ обстоятельствъ дѣла или происшествія, составляющаго преступленіе, и въ собраніи доказательствъ къ открытію и обличенію виновнаго; 2) въ судѣ, который состоитъ въ повѣркѣ слѣдствія, въ сужденіи по силѣ доказательствъ и уликъ о винѣ или невинности подсудимаго и въ постановленіи приговора по закону; 3) въ исполненіи приговора“, а „производство слѣдствія и всѣ мѣры, къ оному относящіяся, принадлежали полиціи“ [2]).

Несмотря однакоже на соединеніе въ рукахъ полиціи всего слѣдственнаго дѣла, Сводъ Законовъ различалъ слѣдствіе предварительное и слѣдствіе формальное. Подъ первымъ терминомъ разумѣлась совокупность мѣръ, предназначенныхъ для удостовѣренія признаковъ преступленія въ данномъ событіи и для обна-

---

[1]) Было доложено 29 сентября 1897 г. въ Московск. Юридич. Обществѣ.

[2]) Св. Зак. 1857 г., т. XV, ч. 2, ст. 1 и 2.

руженія виновныхъ, подъ вторымъ—рядъ дѣйствій, которыя должны были предприниматься для установленія доказательствъ къ изобличенію заподозрѣнныхъ и для приведенія всего слѣдственнаго матеріала въ тѣ формы, которыя указаны были закономъ (формальная теорія доказательствъ), и въ которыхъ судъ только и могъ принять дѣло къ постановкѣ приговора.

Процессуальное раздѣленіе это не имѣло на дѣлѣ никакого существеннаго значенія. Слѣдствіе производила вѣдь отъ начала до конца полицейская власть и притомъ одинъ и тотъ же чинъ ея, ибо внѣ городовъ не существовало даже расчлененія земской полиціи на слѣдственную и исполнительную. Само собою разумѣется, что если одно и то же лицо уполномочено и на розыскъ и на слѣдственныя дѣйствія, то оно едва ли всегда убережется отъ слитія обѣихъ ступеней слѣдствія, а слитіе (вмѣсто преемственной послѣдовательности) предварительнаго слѣдствія съ формальнымъ въ корнѣ уничтожало всю суть системы, имѣющей за себя нѣкоторыя вѣскія соображенія.

Намѣреніе законодателя на дѣлѣ, такимъ образомъ, не осуществлялось, главнымъ образомъ, благодаря качественному составу тогдашней полиціи, благодаря господствовавшей тогда системѣ формальныхъ доказательствъ и благодаря вообще письменному строю процесса. Но нельзя не усмотрѣть въ раздѣленіи слѣдствія на предварительное и формальное почина (быть-можетъ, совсѣмъ не предполагавшагося, даже не сознававшагося) размежевать предварительную стадію уголовнаго процесса на (употребляя современные термины) дознаніе, розыскъ и предварительное слѣдствіе; нельзя—съ другой стороны—не пожалѣть, что впослѣдствіи этотъ починъ не получилъ дальнѣйшаго развитія именно въ этомъ направленіи, и что все вниманіе было, наоборотъ, сосредоточено лишь на разработкѣ предварительнаго слѣдствія, а къ „формальному“ не было предъявлено при реформѣ никакихъ запросовъ и не сдѣлано никакихъ позаимствованій *для новаго предварительнаго*.

Хотя въ 1860 г. и послѣдовало впервые повсемѣстное раздѣленіе дѣятельности слѣдственной и дѣятельности полицейской, но сдѣлано это было не въ видахъ необходимости спеціализировать слѣдственное дѣло, а въ моментъ завершенія крестьянской реформы. Проведеніе этой реформы въ государственную жизнь озабочивало правительство какъ со стороны предстоявшаго усложненія полицейской дѣятельности, такъ и по причинѣ ожидавшихся крестьянскихъ бунтовъ, т.-е. въ моментъ моби-

лизаціи и концентраціи полицейскихъ силъ. Иниціативу и разработку отдѣленія власти слѣдственной отъ полицейской тогда взяло на себя Мининистерство Внутреннихъ Дѣлъ, а не Юстиціи; мотивировался приступъ къ этому преобразованію въ слѣдующихъ выраженіяхъ [3]):

„Государь Императоръ, принявъ во вниманіе, что прежде введенія будущаго Положенія о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, необходимо дать уѣздной полиціи средства къ успѣшному выполненію всѣхъ тѣхъ обязанностей, которыя будутъ при этомъ на нее возложены; что, при обширности теперешнихъ занятій полиціи, она не можетъ исполнять свои обязанности съ надлежащимъ успѣхомъ, безъ нѣкотораго улучшенія ея состава и круга дѣйствій... изволилъ приказать... ограничиться въ настоящее время тѣми только улучшеніями и измѣненіями, кои существенно необходимы... Въ числѣ такихъ мѣръ первое мѣсто занимаетъ отдѣленіе теперь же части слѣдственной отъ части полицейской съ учрежденіемъ для сего особыхъ слѣдственныхъ приставовъ или судей. Мѣра сія будетъ чрезвычайно полезна, облегчивъ занятія уѣздной полиціи и давъ ей возможность къ успѣшному исполненію прочихъ затѣмъ обязанностей...“

Такое Высочайшее повелѣніе было объявлено предсѣдателемъ государственнаго совѣта 16 мая 1860 г., а 8 іюня того же года „учрежденіе судебныхъ слѣдователей“, „наказъ“ имъ и „наказъ полиціи“ уже были изготовлены и получили силу закона. Высочайшій указъ отъ 8 іюня 1860 г. начинался такъ: „Желая дать полиціи болѣе средствъ къ успѣшному исполненію ея обязанностей, столь важныхъ для порядка и спокойствія жителей всѣхъ состояній, и опредѣлить точнѣе свойство и кругъ ея дѣйствій, Мы признали за благо отдѣлить отъ полиціи вообще производство слѣдствій по преступленіямъ и проступкамъ, подлежащихъ разсмотрѣнію судебныхъ мѣстъ...“

По закону 8 іюня 1860 г. [4]), „къ обязанности полицейскихъ и другихъ, не принадлежащихъ судебному вѣдомству, лицъ относится только первоначальное изысканіе и раскрытіе тѣхъ существенныхъ обстоятельствъ, которыя могутъ вести къ заключенію, что въ изслѣдуемомъ происшествіи заключается преступленіе или проступокъ. Къ обязанности судебныхъ слѣдователей относятся всѣ дальнѣйшія слѣдственныя дѣйствія, необхо-

[3]) *А. А. Соколовъ*. Основные принципы предварительнаго производства въ уголовномъ процессѣ, 2-е изд., стр. 204.

[4]) Второе Полное собраніе законовъ, т. XXXV, ст. 35,890.

димыя для того, чтобы изыскать, получить и сохранить вмѣстѣ свѣдѣнія и доказательства, которыя нужны для произнесенія правильнаго приговора о преступленіи или проступкѣ и о лицахъ, обвиняемыхъ въ совершеніи преступленія или проступка, подлежащаго вѣдѣнію судебныхъ мѣстъ“ (ст. 9 учр. суд. слѣд.). Въ дополненіе къ этому узаконенію можно привести еще 22 ст. наказа полиціи, которая гласитъ: „Всѣ свѣдѣнія..., поступившія въ полицію послѣ передачи или представленія дознанія по принадлежности, полиція передаетъ..., исполняя собственною властью... дѣйствія, не терпящія отлагательства“ [5]).

Вотъ и всѣ пункты закона 1860 года, отмежевавшіе границу между дѣятельностью полиціи и обязанностями судебныхъ слѣдователей. Они не отличаются рельефностью и точностью ни по существу, ни въ редакціонномъ отношеніи. Кромѣ того, въ законѣ нѣтъ опредѣленія тѣхъ терминовъ, которые встрѣчаются въ текстѣ и заложены въ основу угла предварительнаго уголовнаго изслѣдованія; нѣтъ въ законѣ даже и описательнаго поясненія относительно содержанія и объема техническихъ выраженій, какъ „первоначальное изысканіе“, „свѣдѣнія, необходимыя для правильнаго приговора“, „дѣйствія, не терпящія отлагательства“, и т. д.

Все это не могло, разумѣется, весьма невыгодно не отразиться на практикѣ. Особенно же диссонантною представляется ст. 18 полицейскаго наказа. Въ первоначальномъ проектѣ коммиссіи, составлявшей законъ 8 іюня 1860 года, можно было найти указанія на то, что полиціи вмѣнялась обязанность обнаруживать слѣды не только преступленія, но и самого преступника; изъ этой обязанности разумная практика могла бы постепенно привести къ правильному распредѣленію ролей между полиціей и слѣдователемъ, сдѣлать послѣдняго болѣе *судебнымъ* органомъ, нежели розыскнымъ. Статья 18 наказа полиціи отняла возможность придти къ такому результату или хоть направить слѣдственную часть къ такому болѣе „состязательному“ началу; въ ней сдѣлана уступка даже въ объемѣ свѣдѣній о фактѣ преступленія, которыя должна полиція добыть для возбужденія слѣдствія. Вотъ текстъ этой статьи: „По удостовѣреніи въ томъ, что происшествіе, заключающее въ себѣ, *по всей вѣроятности*, проступокъ или преступленіе, подлежащіе разсмотрѣнію судебныхъ мѣстъ, дѣйствительно совершилось, или же по прибытіи на мѣсто судебнаго слѣдователя, полиція немедленно передаетъ

---

[5]) Второе Полное собраніе законовъ, т. XXXV, ст. 35.892.

ему произведенное дознаніе, *хотя бы виновный и не былъ обнаруженъ*".

Нельзя не сказать, что безъ подчеркнутыхъ мною фразъ текстъ 18 ст. много бы выигралъ въ ясности взаимоотношеній полиціи и слѣдователя.

Нетрудно себѣ представить, къ какимъ послѣдствіямъ привелъ означенный законъ 8 іюня 1860 г. „Учрежденіе судебныхъ слѣдователей" раздѣлило работу по производству слѣдствій, находившуюся прежде въ однѣхъ рукахъ полиціи, между двумя дѣятелями—полицейскимъ чиновникомъ и судебнымъ слѣдователемъ. Трудъ перваго оно назвало дознаніемъ, работу второго—собственно слѣдствіемъ; точной опредѣленной грани—какъ уже выше отмѣчено—между тѣмъ и другимъ оно не положило. Отсюда на практикѣ возникла путаница, возбудились пререканія о томъ, какое участіе каждый изъ этихъ дѣятелей долженъ принимать въ раскрытіи истины [6]).

„Полиція, — говоритъ Квачевскій [7]), современникъ и дѣятель преобразованія,—опираясь на различныхъ статьяхъ своего наказа, то оставляла всю работу на долю слѣдователя, то слишкомъ осложняла свой трудъ, переходила за предѣлы правъ, ей предоставленныхъ. Приноравливая дознаніе къ прежней практикѣ своей по навыку считать дознаніе и слѣдствіе цѣльнымъ производствомъ, находящимся въ рукахъ одного лица, полиція считала достаточнымъ принятіе жалобы, объявленія о преступленіи, доноса и собраніе по нимъ какихъ-нибудь свѣдѣній, не обращая вниманія, подтверждаютъ ли они дѣйствительность преступленія или нѣтъ. Предполагая въ судебномъ слѣдователѣ сыщика, полиція мало заботилась о доставленіи пригоднаго ему матеріала, о разъясненіи преступленія, о собраніи признаковъ его по горячимъ слѣдамъ, объ открытіи указаній на виновника, не выполняла дѣйствій, не терпящихъ отлагательства и необходимыхъ для предупрежденія побѣга или сокрытія преступника; всю розыскную часть слѣдствія возлагала на самого слѣдователя, думая, что эта часть, составляя принадлежность изслѣдованія, лежитъ на самомъ слѣдователѣ, какъ прежде лежала на полиціи. Послѣдствіемъ бездѣйствія полиціи была неудача слѣдствій: слѣдователю приходилось дѣлать то, что̀ обязана была дѣлать полиція, добывать свѣдѣнія, когда прошло удобное время, приступать къ слѣдствію, когда еще

[6]) По Квачевскому; Ж. М. Ю., 1864 г., № 4.
[7]) *Квачевскій*. Объ уголовномъ преслѣдованіи, т. II, стр. 123.

самое преступленіе не удостовѣрено, начинать его безъ достаточнаго основанія и потомъ убѣждаться, что въ слѣдствіи нѣтъ надобности. Съ другой стороны, полиція въ своихъ дѣйствіяхъ по дознанію дѣлала болѣе, чѣмъ требуется отъ нея и на что она имѣетъ право. Ссылаясь на 7 и 8 ст. наказа, предоставляющія ей записывать подробно показанія свидѣтелей и производить слѣдственныя дѣйствія, и увлекаясь прежнею своею широкою ролью въ слѣдствіяхъ, полиція превращала дознаніе въ полное слѣдствіе. Излишекъ полицейской дѣятельности сопровождался едва ли не бо́льшимъ вредомъ, чѣмъ недостатокъ ея. Юридически неспособная къ формальному слѣдствію, полиція усложненіемъ дознанія свыше дѣйствительной необходимости и производствомъ слѣдственныхъ дѣйствій вмѣсто собиранія свѣдѣній запутывала дѣло, такъ что потомъ нельзя было его распутать самому искусному слѣдователю, замедляла слѣдствіе; формальныя доказательства вины и невинности такъ установлялись, что слѣдователь не могъ повѣрить ихъ, и судъ становился въ затрудненіе произнести правильный приговоръ".

Впрочемъ, я остановился нѣсколько подробно на законѣ 8 іюня 1860 г. объ учрежденіи слѣдователей не столько для характеристики тогдашней слѣдственной части, сколько для анализа первыхъ же взаимоотношеній, установившихся на первыхъ порахъ по отдѣленіи власти слѣдственной отъ полицейской, главнымъ же образомъ потому, что свойство этого взаимоотношенія сохраняется и до нашихъ дней. Что касается собственно слѣдственнаго дѣла той эпохи, то корень зла лежалъ всеконечно въ старой системѣ уголовнаго судопроизводства съ ея письменностью, келейностью, формализмомъ доказательствъ и т. п.

II.

Едва прошло два года со введенія закона объ учрежденіи слѣдователей, какъ провозглашенъ былъ новый законъ, обѣщавшій уже не частичную поправку въ обветшавшій правительственный механизмъ, а полное его обновленіе. Я говорю о законѣ 29 сентября 1862 г., которому сегодня минуло 35 лѣтъ ровно.

Если въ учрежденіи судебныхъ слѣдователей 8 іюня 1860 г. необходимо признать созданіе новой власти слѣдственной и одновременно *починъ* отдѣленія власти судебной отъ власти исполнительной, то утвержденіе 29 сентября 1862 г. основныхъ положеній судоустройства и судопроизводства явилось вѣнцомъ этого робкаго начала.

Въ 1860 г. произведено въ сущности отдѣленіе отъ полиціи слѣдственныхъ дѣлъ, какъ это было Высочайше повелѣно сдѣлать еще указомъ отъ 25 марта 1859 г., но отдѣленіе не полное и какъ бы случайное; никто и не думалъ при этомъ спеціально о раціональномъ устройствѣ самостоятельной *судебно*-слѣдственной власти; главная забота была направлена на облегченіе полиціи, и потому „учрежденіе судебныхъ слѣдователей вылилось не изъ началъ судебнаго права, а изъ началъ права полицейскаго“ [8]). Совсѣмъ не то и не такъ ощущается въ законѣ 29 сентября 1862 года.

Къ выработкѣ основныхъ положеній судебной реформы приступлено было въ январѣ 1862 г., и авторамъ Высочайше повелѣно было „изложить въ общихъ чертахъ соображенія Государственной канцеляріи и прикомандированныхъ къ ней юристовъ о тѣхъ главныхъ началахъ, *несомнѣнное* достоинство коихъ признано въ настоящее время наукою и опытомъ европейскихъ государствъ и по коимъ должны быть преобразованы судебныя части въ Россіи“ [9]).

Такъ какъ по закону 29 сентября 1862 г. власть судебная вполнѣ и цѣликомъ отдѣлена была отъ исполнительной, административной и законодательной, то и на мѣсто слѣдователей 1860 г., назначавшихся губернаторомъ, намѣчены были судебные слѣдователи, „кои считаются—сказано въ 7 ст. положеній судоустройства—членами окружнаго суда“, а тѣмъ самымъ предварительное слѣдствіе передано было изъ рукъ губернаторскаго чиновника по слѣдственной части, чѣмъ былъ въ концѣ концовъ слѣдователь по учрежденію 8 іюня 1860 года, въ руки слѣдователя-судьи.

„Основныя положенія уголовнаго судопроизводства“ содержатъ въ главѣ *„общія правила“* всего нѣсколько статей спеціально о предварительномъ слѣдствіи, но въ этихъ немногихъ статьяхъ заключенъ зародышъ всѣхъ основныхъ правилъ. Сюда нужно отнести: *ст. 2.* „Преслѣдованіе виновныхъ въ преступленіяхъ и проступкахъ начинается и производится учрежденными для сего властями, кромѣ тѣхъ означенныхъ въ законѣ случаевъ, въ которыхъ оно можетъ быть начато не иначе, какъ по жалобѣ частныхъ лицъ“. *Ст. 4.* „Власть обвинительная, т.-е. обнаруженіе преступленій и преслѣдованіе виновныхъ, принадлежитъ прокурорамъ“. *Ст. 6.* „Приговоръ постановляется не

---

[8]) *Соколовъ.* Основные принципы, стр. 193.

[9]) *Джаншіевъ.* Эпоха великихъ реформъ, стр. 387.

иначе, какъ по повѣркѣ и дополненіи въ засѣданіи суда доказательствъ, обнаруженныхъ предварительнымъ слѣдствіемъ". *Ст. 8.* „Теорія доказательствъ, основанная единственно на ихъ формальности, отмѣняется. Правила о силѣ судебныхъ доказательствъ должны служить только руководствомъ при опредѣленіи вины или невинности подсудимыхъ по внутреннему убѣжденію судей, основанному на совокупности обстоятельствъ, обнаруженныхъ при производствѣ слѣдствія и суда".

Такимъ образомъ, судебный слѣдователь, сопредѣльный по закону 8 іюня 1860 года только съ полицейскою властью, поставленъ по закону 29 сентября 1862 г. впервые лицомъ къ лицу еще и съ прокуратурою.

Какъ же теперь опредѣлились взаимоотношеніе и раздѣленіе труда у слѣдователя, прокуратуры и полиціи?

Приведенными статьями основныхъ положеній угол. суд., помѣщенными въ главѣ подъ заголовкомъ *„общія правила"*, законодатели явно и рѣшительно склонились къ типу предварительнаго слѣдствія чисто обвинительному. Дѣйствительно, „обнаруженіе и преслѣдованіе преступниковъ" возложено на прокурора, коему подчинена въ сферѣ уголовныхъ розысковъ полиція, предварительное же слѣдствіе нужно только для „обнаруженія" доказательствъ, предъявленныхъ обвинителемъ. При такой постановкѣ дѣла и раздѣленіе труда и взаимоотношенія у слѣдователя, прокуратуры и полиціи выходили безусловно цѣлесообразными и гармоничными.

Однако, не только въ 1862 году, но даже и въ наши дни нигдѣ на земномъ шарѣ не было и нѣтъ положительнаго закона, усвоившаго предварительному слѣдствію состязательно-обвинительный типъ, какъ нѣтъ еще и литературно-научнаго одногласія относительно возможности такого типа предварительнаго слѣдствія. При подобныхъ условіяхъ составители основныхъ положеній судебной реформы и затѣмъ Судебныхъ Уставовъ естественно не могли, въ виду цитированнаго Высочайшаго повелѣнія [10]), игнорировать смѣшанную форму процесса, т.-е. состязательно-слѣдственную. Разъ этотъ вопросъ стоялъ такъ, имъ ничего другого не оставалось, какъ приспособить къ своему кодексу текстъ „наказа слѣдователямъ". Это могло быть тѣмъ соблазнительнѣе, что законъ 8 іюня 1860 г. существовалъ всего два года и, слѣдовательно, не устарѣлъ, недостатки его ставились цѣликомъ на счетъ только прежней системы уголовнаго

---

10) На стр. 133.

судопроизводства, а дѣла съ созданіемъ Уставовъ было страшно много. Если даже теперь, послѣ 30-лѣтней судебной практики, коммиссіи пересмотра Судебныхъ Уставовъ 1864 г. пришлось усиленно сосредоточиться на вопросѣ о судѣ присяжныхъ, то какая же борьба изъ-за этого вопроса или еще изъ-за раздѣленія властей должна была происходить въ 1862 г.!

И сличеніе закона 8 іюня 1860 г. съ отдѣломъ дѣйствующаго устава о предварительномъ слѣдствіи, и отзывы такихъ юристовъ, какъ гг. Квачевскій, Фойницкій и Соколовъ, приводятъ къ несомнѣнному выводу, что наше предварительное слѣдствіе должно быть названо вторымъ, измѣненнымъ и дополненнымъ изданіемъ того самаго порядка, какой установленъ помянутымъ учрежденіемъ судебныхъ слѣдователей 8 іюня 1860 года.

Не удержусь здѣсь подчеркнуть, что если бы законъ 1860 г. былъ подвергнутъ коренному пересмотру, то творцамъ Судебныхъ Уставовъ 1864 г. пришлось бы, несомнѣнно, подробно остановиться на роли прокуратуры въ предварительномъ слѣдствіи, ибо въ законѣ 1860 г. о судебныхъ слѣдователяхъ прокурорскому надзору не посвящено ни одной статьи; пришлось бы разработать и вопросъ о роли полиціи. Это было бы неизбѣжно, такъ какъ перемѣнилась роль слѣдователя, сдѣланнаго изъ губернаторскаго чиновника судьею, измѣнялись и функціи прокуратуры. Однако, участіе полиціи и прокуратуры на предварительномъ слѣдствіи въ Судебныхъ Уставахъ означено самыми поверхностными и несогласованными штрихами, какъ можетъ статься лишь при спѣшномъ исправленіи чужого текста и какъ не повторяется ни въ одномъ изъ другихъ отдѣловъ кодекса.

III.

Когда знаменитый Миттермайеръ ознакомился съ проектомъ Судебныхъ Уставовъ 20 ноября 1864 г., то въ своемъ отзывѣ объ этой работѣ сдѣлалъ такую общую оговорку: „Если въ страну вводятся учрежденія, вполнѣ отличныя отъ существовавшихъ до тѣхъ поръ, если создаются совершенно новыя отношенія, то законъ долженъ непремѣнно содержать довольно много мелочей и подробностей относительно новыхъ установленій. Иначе юристы, свыкшіеся съ старымъ порядкомъ, не могутъ скоро проникнуть въ духъ новыхъ законовъ и узнать особенности новыхъ положеній и при примѣненіи къ данному случаю будутъ находиться въ нерѣшимости, а потому непроизвольно

будутъ руководствоваться существовавшими до тѣхъ поръ взглядами“ [11]).

Со времени этого замѣчанія прошло болѣе 30 лѣтъ, Судебные Уставы 1864 г. вошли въ народное сознаніе и привычки, русскіе юристы съ ними освоились и не затрудняются уже примѣнять „къ данному случаю“ заключающіяся въ Уставахъ правила... Но есть отдѣлъ въ разсмотрѣнномъ Миттермайеромъ уставѣ уголовнаго судопроизводства,—отдѣлъ о предварительномъ слѣдствіи, относительно котораго слова нѣмецкаго ученаго до сихъ поръ сохраняютъ пророческое значеніе и всю свою силу. Въ самомъ дѣлѣ, до сихъ поръ тѣ изъ русскихъ юристовъ, въ томъ числѣ даже прокуроры и судебные слѣдователи, которые теоретически занимались вопросами предварительнаго слѣдствія, не перестаютъ задавать вопросъ: „что̀ такое слѣдователь по уставу угол. суд. 1864 г.?“ [12]), а даваемые ими отвѣты не сходятся между собою не только въ подробностяхъ, но даже и по существу.

Вотъ нѣсколько цитатъ. „Когда дѣло кончено,—всѣ ошибки, пробѣлы и неправильные шаги видны опытной судейской средѣ, обладающей сотнею глазъ; а тутъ, при предварительномъ слѣдствіи—ихъ только пара; ни помощи, ни совѣта, ни указаній ни откуда... Слѣдователь не сыщикъ,—говорятъ намъ; но и не судья,—добавлю я, а вѣрнѣе—козелъ отпущенія. Слѣдователь выходитъ изъ избы на улицу, а тамъ его ждутъ развѣдки, пробы, ознакомленія съ нравами, жизнью, людьми, необходимость набросать программу работы, взять вѣрный тонъ ея, приготовить свидѣтелей, подлежащихъ допросу, и найти нить работы... Все сторонится; свидѣтель разыскивается въ темнотѣ... До сихъ поръ не установленъ еще взглядъ на самую задачу слѣдователя“... [13]) —„Чѣмъ ближе и непосредственнѣе стоитъ слѣдователь къ изслѣдуемой средѣ, тѣмъ больше выигрываетъ достоинство слѣдствія. Намъ приходилось знавать слѣдователей, которые, принимаясь за дѣло, желали только одного, — чтобы имъ „не мѣшала полиція“,—не изъ опасеній какого-либо „сокрытія слѣдовъ“ или какихъ-либо пристрастныхъ дѣйствій, а просто изъ той любительской ревности, по которой опытный охотникъ избѣгаетъ товарища, способнаго несвоевременнымъ выстрѣломъ спугнуть дичь или „испортить поле“... Живой сти-

---

11) Ж. М. Ю. 1864 г., № 10, стр. 16—17.

12) Напр., г. Скворцовъ въ Ж. М. Ю., 1895 г., № 6, стр. 107.

13) Ж. М. Ю., 1895 г., № 6, стр. 120 и 124.

мулъ—угадать, раскрыть, прочесть таинственную книгу—слабѣетъ, когда приходится только провѣрять и развивать полицейское дознаніе, чѣмъ зачастую и ограничиваются шаблонныя слѣдствія"... [14]) — „Вмѣсто дѣятелей, обязанность которыхъ должна заключаться въ томъ, чтобы разобрать и привести въ надлежащую ясность и юридическую форму тѣ доказательства и улики, которыхъ количество и качества могутъ быть признаны достаточными для преданія суду лицъ, обвиняемыхъ въ самыхъ тяжкихъ преступленіяхъ,—стали дѣйствовать, на основаніи устава уголовнаго судопроизводства, такіе слѣдователи, которые, руководствуясь 266 ст. этого устава, сочли своею главною задачею собираніе уликъ и доказательствъ во что бы то ни стало, собственными силами и по каждому дѣлу"... [15])

Можно бы привести и много другихъ однородныхъ отвѣтовъ на вопросъ: „что̀ такое судебный слѣдователь по уставу 1864 г.?" Но вся совокупность этихъ отвѣтовъ сведется къ слѣдующимъ двумъ признаніямъ: 1) „Судебная реформа за все время ея существованія мало повліяла даже на развитіе и установленіе взглядовъ на предварительное слѣдствіе, а не только на выработку и признаніе общихъ пріемовъ его, соотвѣтствующихъ по своей законности и пригодности практическимъ цѣлямъ правосудія"... [16]) 2) „Въ массѣ дѣлъ... отражается или розыскная сторона дѣятельности слѣдователей съ замѣтною тенденціею къ обвиненію... или же чисто-формальное отношеніе слѣдователей къ дѣлу... *Лучшіе наши слѣдователи*, проникшись задачами розыска, чаще идутъ въ первомъ направленіи"... [17])

Въ большой публикѣ повсемѣстно держится до сихъ поръ одинъ и тотъ же взглядъ на задачу и идеалъ судебнаго слѣдователя. Кромѣ развѣ столицъ, нигдѣ нѣтъ двухъ мнѣній о слѣдовательской дѣятельности. Здѣсь какъ только зайдетъ разговоръ объ уголовщинѣ, о нераскрытомъ убійцѣ, о необнаруженномъ поджигателѣ и т. д.,—здѣсь вся вина неспособности и бездѣйствія переносится на одного судебнаго слѣдователя, который въ этомъ популярномъ освѣщеніи является единственнымъ козломъ отпущенія за грѣхи всѣхъ и вся, такъ какъ единственно къ *его* обязанности пріурочивается покой и безо-

---

[14]) *П. Н. Обнинскій*. Юридич. Вѣстн. 1891 г., № 1, стр. 81.

[15]) *Е. А. Пушкинъ*. Юридич. Вѣстн. 1882 г., № 3, стр. 495.

[16]) *Д. Базилевичъ*. Причины упадка предварительнаго слѣдствія и мѣры къ его поднятію. Орелъ, 1896 г., стр. 9.

[17]) *Проф. В. П. Даневскій*. Наше предварительное слѣдствіе, его недостатки и реформа. Москва, 1895 г., стр. 12—13.

пасность населенія въ уголовномъ отношеніи. Популярный взглядъ этотъ, сейчасъ же при упоминаніи о слѣдователѣ, приводитъ въ образецъ и примѣръ „Порфирія Петровича". Такое отношеніе къ оцѣнкѣ слѣдовательской дѣятельности находитъ себѣ отголосокъ и въ судебномъ вѣдомствѣ. Порфиріи Петровичи среди слѣдовательской корпораціи есть, еще больше есть подражателей Порфирія Петровича. Это—цѣлый типъ, продолжающій дѣйствовать и до нашихъ дней. О немъ, какъ о существующемъ фактѣ, съ особою симпатіей отозвался не очень давно Н. В. Муравьевъ [18]) въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Добросовѣстное увлеченіе ею (многосодержательною профессіей слѣдователя), не чуждое горячности, въ связи съ природною пытливостью и впечатлительностью, создали сравнительно рѣдко встрѣчающійся, но въ высшей степени оригинальный типъ *слѣдователя-художника*; онъ является то тѣмъ своеобразнымъ, глубоко искреннимъ, хотя и нѣсколько болѣзненнымъ, мыслителемъ-психологомъ, котораго Достоевскій очертилъ въ лицѣ Порфирія Петровича (слѣдователя надъ Раскольниковымъ въ „Преступленіи и наказаніи"), то тѣмъ слишкомъ поддающимся воображенію, но все-таки замѣчательнымъ слѣдователемъ по призванію, какихъ порою выдвигала судебная служба съ тѣхъ поръ, какъ слѣдователь сталъ въ ней виднымъ и самостоятельнымъ лицомъ. На канвѣ дѣлъ и фактовъ передъ такимъ субъектомъ рисуются живые образы, воспроизводятся полныя цѣльности и смысла картины преступленія со всею обстановкою его и мотивами, даже съ его соціальнымъ общественнымъ значеніемъ. Слѣдователи этой категоріи, всегда талантливые, могутъ одерживать блестящія побѣды надъ преступленіемъ, поражая вѣрностью чутья и мѣткою проницательностью... Малоспособные для ординарныхъ вседневныхъ дѣлъ, они обыкновенно сосредоточиваютъ все свое вниманіе и свои усилія на дѣлахъ выдающихся, на преступленіяхъ загадочныхъ, и въ раскрытіи ихъ полагаютъ съ извѣстною страстностью свою въ служебномъ смыслѣ безкорыстную заслугу".

Рядомъ съ этимъ типомъ стоитъ, но только гораздо болѣе распространенъ, *слѣдователь-моралистъ*, который тоже увлекается своими обязанностями и одушевленъ самыми благими цѣлями, но въ страстномъ порывѣ отыскать по каждому дѣлу виновнаго переходитъ границу, не имѣетъ столько самообладанія или столько талантливости, чтобы удержаться въ предѣлахъ

---

[18]) Юридич. Вѣстн. 1886 г., № 9, стр. 258—259.

исканія только истины и не окунуться въ сферу обнаруженія во что бы то ни стало виновности заподозрѣннаго лица. Въ пылу погони за уликами такой слѣдователь обращается въ *сыщика*, т.-е. беретъ на себя лично нѣкоторыя розыскныя полицейскія дѣйствія.

Разница послѣднихъ двухъ разновидностей слѣдователя отъ чистаго вида Порфирія Петровича очевидна. Тогда какъ онъ поглощенъ исканіемъ внутренней правды преступнаго событія, слѣдователь-моралистъ и слѣдователь-сыщикъ увлекаются преимущественно и даже исключительно задачей раскрыть матеріальную оболочку и обстановку преступленія.

Все это, такъ сказать, активные слѣдователи. Противъ умѣстности ихъ дѣятельности, которую иные обзываютъ только „сыскною способностью", возстаетъ большинство судейцевъ-практиковъ, а тѣ изъ нихъ, которые симпатизируютъ „Порфиріямъ Петровичамъ", оговариваются: „*ихъ* слѣдовательская дѣятельность, превращаемая какъ бы въ служеніе по влеченію особому искусству, нерѣдко представляетъ тяжелую борьбу со всевозможными препятствіями... Она почтенна и полезна, хотя для обезпеченія правосудія и должна быть обставлена надежными внѣшними гарантіями", ибо такіе слѣдователи, „увлекаемые своей фантазіей и неразлучною съ нею предвзятостью мысли, могутъ впадать и въ самыя прискорбныя ошибки, упорно стремясь по ложнымъ слѣдамъ, на ложномъ пути, къ невѣрной цѣли" [19]).

Итакъ, даже панегиристы этого популярнаго типа слѣдователей-борцовъ не могутъ скрыть его дефектовъ и опасности для личной свободы обывателей.

Противоположность слѣдователей-борцовъ составляютъ *слѣдователи-формалисты*. „Мы не сыщики, а судьи; ни ухищреній, ни насилій Судебные Уставы не допускаютъ". Утрируя смыслъ этой формулы, слѣдователь-формалистъ теряетъ всякую самодѣятельность, идетъ наугадъ и безъ плана, и все его производство отличается нерѣшительностью и случайностью по существу, хотя всѣ формы безукоризненно соблюдены и дѣло съ внѣшней стороны блеститъ. Нѣмцы называютъ такого слѣдователя „экспедитивнымъ", по-русски наиболѣе подходящимъ словомъ будетъ „прилизанный". „Онъ никогда не жалуется на излишекъ работы, у него и въ дѣйствительности нѣтъ никогда слишкомъ большого числа дѣлъ, они у него сплавляются легко

---

19) *Н. В. Муравьевъ*. Юридич. Вѣстн., 1886 г., № 9, стр. 259.

и быстро, онъ даетъ имъ направленіе прежде, чѣмъ они—при условіи, конечно, всесторонняго и тщательнаго разслѣдованія—успѣютъ принять внѣшность многотомнаго труда“ [20]).

Разновидностей этого типа множество. Одну изъ нихъ превосходно очертилъ гр. Толстой въ своемъ Иванѣ Ильичѣ. Помните эту страницу, широкою кистью нарисовавшую портретъ во весь ростъ! „Въ служебныхъ дѣлахъ онъ былъ, несмотря на свою молодость и склонность къ легкому веселью, чрезвычайно сдержанъ и даже строгъ... никогда не злоупотреблялъ своею властью, напротивъ, старался смягчить ея выраженія; но сознаніе этой власти и возможность смягчать ее составляли для него главный интересъ и привлекательность (слѣдовательской) службы. Въ самой же службѣ, именно въ слѣдствіяхъ, Иванъ Ильичъ очень быстро усвоилъ пріемъ отстраненія отъ себя всѣхъ обстоятельствъ, не касающихся службы, и облеченія всякаго самаго сложнаго дѣла въ такую форму, при которой бы дѣло только внѣшнимъ образомъ отражалось на бумагѣ, и при которомъ исключалось совершенно его личное воззрѣніе и, главное, соблюдалась бы всякая требуемая формальность“.

Побужденія къ такой пассивности весьма различны: у однихъ *(слѣдователь-баринъ)*—брезгливое предубѣжденіе противъ черной сыскной работы, у другихъ *(слѣдователь-инвалидъ)* — природная вялость или благопріобрѣтенная апатія и усталость; у третьихъ *(слѣдователь-карьеристъ)*—опасеніе рѣшительнымъ шагомъ вызвать неудовольствіе сильныхъ міра сего, у иныхъ *(слѣдователь-жрецъ)*—манія безстрастія и наивная робость принизить себя, переступивъ грань судейской нелицепріятности, понимаемой въ смыслѣ безучастности, и т. д.

Вотъ двѣ противоположныхъ категоріи, два типа нашихъ современныхъ слѣдователей. Между ними, конечно,—масса промежуточныхъ оттѣнковъ и видовъ, а также неожиданныхъ перемѣщеній качествъ.

Я не сталъ бы такъ долго останавливаться на означенныхъ разновидностяхъ слѣдователей, если бы онѣ обусловлены были лишь личными качествами дѣятелей, а не существующими воззрѣніями на *задачу* дѣятельности; но каждая разновидность вѣдь всегда имѣетъ аргументы въ пользу именно своего способа веденія слѣдствій и цитируетъ статьи устава уголовнаго судопроизводства, возбраняющія, по ея мнѣнію, иной взглядъ или методъ.

---

[20]) *Гансъ Гроссъ.* Руководство для судебныхъ слѣдователей. Смоленскъ, 1895 г., стр. 66.

Гдѣ же правда и гдѣ тотъ средній типъ, тотъ нашъ идеалъ русскаго *слѣдователя-судьи*, котораго задумали наши Судебные Уставы и котораго характеризуетъ „дѣйствіе въ мѣру, вó-время, съ соблюденіемъ и пониманіемъ коренныхъ началъ современнаго уголовнаго правосудія, при неуклонномъ стремленіи чистыми путями къ обдуманной и вѣрной цѣли“? [21])

Въ литературѣ такого идеальнаго образца я не встрѣчалъ, въ жизни онъ мнѣ не попадался. Хочется вѣрить, что онъ есть, но нельзя закрыть глазъ на то, что такимъ слѣдователемъ быть сверхъестественно-трудно.

По крайней мѣрѣ, Е. А. Пушкинъ, желая представить изъ жизни и наблюденій образецъ такого судебнаго слѣдователя, пишетъ: „Судебный слѣдователь... обыкновенно находитъ, что въ виду доказаннаго на опытѣ поверхностнаго отношенія полиціи къ поручаемымъ ей дознаніямъ и отсутствія всякой дѣйствительной отвѣтственности ея... обращеніе къ ней за какой-либо помощью составляетъ дѣйствіе исключительно формальное и безполезное..., онъ въ то же время считаетъ несогласнымъ ни съ закономъ, ни съ чувствомъ собственнаго достоинства принимать на себя добровольно исполненіе обязанностей, возложенныхъ на полицію, вслѣдствіе чего вынужденъ бываетъ ограничиваться въ большей части тщательнымъ и добросовѣстнымъ изслѣдованіемъ объективной стороны преступленія, предоставляя разъясненіе стороны субъективной лицамъ потерпѣвшимъ, доносчикамъ и случайно приходящимъ на выручку обстоятельствамъ. Хорошо, если при этомъ подобный судебный слѣдователь обладаетъ юридическою опытностью и знаніемъ жизни,— чтò на практикѣ... встрѣчается весьма рѣдко,—тогда еще есть надежда на то, что изъ случайно добытаго матеріала онъ сумѣетъ извлечь относительно достаточное количество свѣдѣній, необходимыхъ для разъясненія истины; но въ большинствѣ случаевъ единственный удѣлъ слѣдствій, произведенныхъ этимъ способомъ—прекращеніе ихъ, на основаніи 277 ст. уст. угол. суд., за необнаруженіемъ виновныхъ“ [22]).

Добавить что-либо къ этой правдивой характеристикѣ современнаго—средняго между борцомъ и формалистомъ—типа „слѣдственнаго судьи“ едва ли нужно. Но если сверхъестественно-трудно въ наши дни быть слѣдователемъ-судьею, то въ чемъ причина этой трудности, кто ближайшій виновникъ и гдѣ выходъ?

---

[21]) *Н. В. Муравьевъ*. Юридич. Вѣстн. 1886 г., № 10, стр. 260.

[22]) Юридич. Вѣстн. 1882 г., № 3, стр. 485—486.

IV.

Чтобы отвѣтить на послѣдній вопросъ (гдѣ выходъ?), съ которымъ въ связи стоятъ и разрѣшаются остальные, нужно бы предварительно оріентироваться въ массѣ законодательныхъ новеллъ и руководственныхъ циркуляровъ да указовъ, направлявшихъ слѣдовательскую работу послѣ 1864 г. Изученіе ихъ, однако, представляетъ столь сложную задачу, что не укладывается въ рамки настоящаго очерка. Несомнѣнно одно,—при сравнительномъ изученіи всѣхъ этихъ „предначертаній" невольно вспоминается возница, обязавшійся доставить трехъ пассажировъ въ три различныхъ пункта одной мѣстности. Пока у него ясенъ порядокъ послѣдовательныхъ заѣздовъ съ пассажирами, онъ хорошо различаѐтъ и ту точку, которой нужно достигнуть, чтобы отъ нея начать развозить пассажировъ. Но когда послѣдніе разссорились изъ-за очереди попасть домой, то смутили возницу, который затѣмъ не только перепуталъ строго обдуманный планъ цѣлесообразнѣйшаго исполненія своей задачи, но даже потерялъ и основную путеводную точку изъ глазъ, т.-е. подвергъ себя всѣмъ зигзагообразнымъ случайностямъ брести въ потемкахъ и даже риску направиться назадъ отъ цѣли.

Въ наши дни судебная практика именно и утратила чутье относительно *коренной* путеводной точки для усовершенствованія предварительнаго слѣдствія.

Юридическія явленія подчинены законамъ эволюціи, ихъ нельзя разсматривать съ точки зрѣнія покоя; нельзя и постановку слѣдователя въ законѣ 1864 г. изучать безъ сравненія со слѣдственною частью въ предшествовавшихъ кодексахъ. Когда и предупрежденіе, и пресѣченіе, и разслѣдованіе преступленій было сосредоточено въ рукахъ одной и той же полиціи нераздѣльно, то, конечно, только она и являлась всецѣло виновною въ уголовной безопасности гражданъ, а послѣдніе не могли не признавать „Порфирія Петровича" идеаломъ слѣдователя. Но... въ большихъ массахъ *доселѣ* цѣлъ популярный взглядъ на Порфирія Петровича какъ на типъ наилучшаго судебнаго слѣдователя. Популярное освѣщеніе задачи нашего современнаго судебнаго слѣдователя до извѣстной степени находитъ оправданіе въ дѣйствующемъ законѣ, а еще болѣе въ судебной практикѣ.

Дѣйствительно, „учрежденіе судебныхъ слѣдователей" 8 іюня 1860 г. явилось подъ давленіемъ желанія освободить полицію

отъ слѣдственной части, нашъ первый слѣдователь имѣлъ миссію облегчить полицію; текстъ означеннаго „учрежденія“ списанъ безъ особой переработки въ отдѣлъ Судебныхъ Уставовъ 1864 г. о предварительномъ слѣдствіи, такъ что современный слѣдователь не могъ, разумѣется, не сохранить черты своего предтечи. Но по духу времени онъ не могъ равнымъ образомъ и забыть, что при полицейскихъ по существу обязанностяхъ онъ носитъ все-же судебный мундиръ. Натура его въ виду этого представляется менѣе цѣльною, чѣмъ могла бы быть.

Въ самомъ дѣлѣ, не является ли въ наши дни судебный слѣдователь какимъ-то триликимъ Янусомъ? вѣдь онъ вынужденъ совмѣщать въ себѣ тройственную дѣятельность. Онъ и *судья*, т.-е. ему приходится оцѣнивать матеріалъ и составлять постановленія о достаточности или недостаточности уликъ, о возможности или невозможности предъявить обвиненіе данному лицу, объ оштрафованіи свидѣтелей, экспертовъ, понятыхъ, о принятіи гражданскаго иска и др. мѣръ; онъ же и *обвинитель*, потому что приводитъ въ извѣстность обстоятельства, уличающія обвиняемаго, собираетъ доказательства бытія преступленія, сохраняетъ слѣды его и т. д.; онъ же и *защитникъ* обвиняемаго, такъ какъ долженъ приводить въ извѣстность обстоятельства, оправдывающія обвиняемаго.

„Смѣшеніе при предварительномъ слѣдствіи въ одномъ лицѣ функцій всѣхъ органовъ, входящихъ въ уголовный процессъ, не можетъ не влiять гибельно на существо производящагося слѣдствія. Функціи эти несовмѣстимы въ одномъ лицѣ. Нѣтъ возможности быть въ одно и то же время и обвинителемъ, и защитникомъ, и судьей. Отъ человѣка, руководившаго розыскомъ, положившаго огромный трудъ на разысканіе обстоятельствъ, уличающихъ обвиняемаго, нельзя требовать безпристрастной оцѣнки, съ одной стороны, своего личнаго труда, а съ другой—доводовъ обвиняемаго, которые въ большинствѣ случаевъ будутъ казаться такому лицу сомнительными. Не безпристрастіе и притомъ полное, какъ требуетъ законъ, будетъ естественнымъ со стороны такого лица, а съ его стороны вполнѣ естественнымъ является пристрастіе и увлеченіе. Еще менѣе и на томъ же основаніи можетъ такое лицо исполнить обязанности судебныя“ [23]).

[23]) Матеріалы пересмотра законоположеній о порядкѣ производства предварительныхъ слѣдствій. Изд. М. Ю., 1882 г., ч. 2, отзывъ оберъ-прокурорскаго надзора, стр. 64—65.

Психологически фальшивое положеніе слѣдователя создано, впрочемъ, какъ я постараюсь доказать, не столько Судебными Уставами 20 ноября 1864 г. и еще менѣе основными положеніями уголовнаго судопроизводства 29 сентября 1862 г., сколько судебной *практикой*, на которую, какъ оказалось—ошибочно, творцы Судебныхъ Уставовъ возлагали слишкомъ много упованій, выразившись, что „удовлетворительное отправленіе правосудія зависитъ болѣе отъ достоинствъ судей, чѣмъ отъ совершенства законовъ“ [24]).

На первыхъ порахъ это предположеніе, можетъ-быть, и было вѣрно, но чѣмъ далѣе отходила эпоха великихъ реформъ, тѣмъ болѣе судебное вѣдомство забывало идеи и обстоятельства, руководившія реформой, а къ этому присоединились историческія условія, приведшія къ умаленію престижа судебной власти, вообще, и слѣдовательской, въ частности.

Полиція не забывала, что въ 1860 г. судебные слѣдователи были созданы для ея облегченія, а ежедневная практика ей указывала, что Судебные Уставы, сравнительно съ прежнимъ закономъ, не вооружили судебнаго слѣдователя никакими новыми и дѣйствительными правами противъ полицейской бездѣятельности. Отсюда было естественно охлажденіе полиціи къ уголовному розыску, отрывавшему ее отъ тѣхъ обязанностей внѣшняго благочинія и фиска, за которыя начальство карало либо награждало безъ вниманія къ успѣху или бездѣйствію по уголовному дѣлу. Слѣдователь, дѣйствуя въ средѣ мало-культурной и неотзывчивой еще къ добровольному и идейному несенію гражданскаго долга и не встрѣчая содѣйствія со стороны полиціи, оказался въ трагическомъ положеніи. Ему оставалось либо самому замѣнить, гдѣ только можно, полицію, и тогда онъ становился „Порфиріемъ Петровичемъ“ или однимъ изъ его подражателей (смотря по степени талантливости и удачливости), либо, памятуя о своемъ судейскомъ званіи, махнуть на все рукою (fiat justitia, pereat mundus) и стать слѣдователемъ-формалистомъ болѣе или менѣе пассивнымъ.

Могъ ли выработаться при такихъ условіяхъ средній типъ слѣдователя-судьи? Да, если бы этому содѣйствовала наша прокуратура.

Сводъ Законовъ 1857 г., какъ извѣстно, зналъ форму процесса чисто-слѣдственную, редакторы Судебныхъ Уставовъ или,

---

[24]) Судебные Уставы съ изложеніемъ разсужденій, изд. Госуд. канц., 1866 г., ч. 3, стр. XXXVI.

вѣрнѣе, государственный совѣтъ предпочли систему слѣдственно-обвинительную, то-есть на предварительномъ слѣдствіи сохранили розыскной порядокъ, на судебномъ чисто-состязательный; но всѣ симпатіи ихъ склонялись къ системѣ чисто-обвинительной. Если бы наша судебная практика развивалась въ духѣ тѣхъ разсужденій, которыя легли въ основаніе кодекса и были опубликованы, а не подчинилась вліянію предшествовавшихъ судебныхъ навыковъ, какъ это предсказывалъ Миттермайеръ, то роль слѣдователя было бы, вѣроятно, совсѣмъ иная. Препятствовала развитію и усовершенствованію слѣдственной части, главнымъ образомъ, инертность—вольная или невольная—прокурорскаго надзора.

По основнымъ положеніямъ уголовнаго судопроизводства „*власть обвинительная отдѣляется отъ судебной*", причемъ опредѣлено было содержаніе и объемъ ея: „власть обвинительная, т.-е. *обнаруженіе* преступленій и *преслѣдованіе* виновныхъ". Означенное опредѣленіе вышло не случайно, оно повторено и въ 51 ст. основныхъ положеній судопроизводства: „сущность прокурорской обязанности заключается: 1) въ наблюденіи за единообразнымъ и точнымъ примѣненіемъ закона; 2) въ обнаруженіи и преслѣдованіи предъ судомъ всякаго нарушенія законнаго порядка и въ требованіи распоряженій къ его возстановленію, и 3) въ предложеніи суду предварительныхъ заключеній въ случаяхъ, означенныхъ въ уставахъ гр. и угол. суд.".

Ни одного штриха въ уставѣ уголовнаго судопроизводства, гдѣ бы съ прокуратуры прямо снималась или умалялась обязанность обнаруживать преступленія и преслѣдовать преступниковъ, найти нельзя, а опереться въ подтвержденіе этой обязанности можно.

Прежде всего это *253 ст.* уст. угол. суд., въ силу которой голословное указаніе на преступленіе должно быть предметомъ только дознанія полицейскаго, и *ст. 312*, предписывающая, что „прокуроръ и его товарищи не должны требовать начатія слѣдствія безъ достаточныхъ къ тому основаній. Въ сомнительныхъ случаяхъ они обязаны собрать свѣдѣнія посредствомъ негласнаго полицейскаго развѣдыванія". Затѣмъ опереться можно *на 279 ст.*: „По производству дознаній о преступныхъ дѣяніяхъ, полицейскіе чины состоятъ въ непосредственной зависимости отъ прокуроровъ и ихъ товарищей". Наконецъ, *545 ст.* очень ясно говоритъ: „По дѣламъ о преступленіяхъ и проступкахъ, не влекущихъ за собою лишенія всѣхъ правъ состоянія или всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ

и преимуществъ, къ судебному производству можетъ быть приступлено и безъ предварительнаго слѣдствія, если прокуроръ по доставленнымъ ему свѣдѣніямъ и доказательствамъ или по самому свойству дѣла признаетъ возможнымъ предложить суду обвинительный актъ и если судъ и съ своей стороны не усмотритъ надобности въ предварительномъ слѣдствіи".

Если бы эти статьи устава уголовнаго судопроизводства получили надлежащее развитіе со стороны прокуратуры на практикѣ, то нашъ слѣдователь не былъ бы тѣмъ триликимъ Янусомъ, какимъ онъ поневолѣ сталъ теперь, а прокуратура дѣйствительно стала бы тою *живою* силою, о которой такъ краснорѣчиво распространяется авторъ „Прокурорскаго надзора".

„Правильная государственная жизнь,—учитъ Штейнъ,—та, въ которой каждый органъ выполняетъ только свою функцію. Неорганизованною она становится тогда, когда одинъ органъ захватываетъ функцію другого". Именно такого рода неорганизованность наблюдается на нашемъ предварительномъ слѣдствіи, участіе въ которомъ полиціи и прокуратуры закономъ твердо не обозначено. Этотъ пробѣлъ подчеркнулъ еще проф. Миттермайеръ, высказавши: „Желательна была бы бóльшая опредѣленность отношеній прокурора къ слѣдственному судьѣ" [25]).

Конечно, въ уголовномъ процессѣ *смѣшаннаго* типа, гдѣ въ стадіи предварительнаго слѣдствія нѣтъ рѣзкаго раздѣленія обвинительной и судебной властей, трудно провести конкретно грань между дѣятельностью слѣдователя и прокурора. Однако, бóльшая или меньшая путаница стоитъ въ зависимости отъ modus vivendi и отъ того *направленія*, куда намѣчено итти въ судебной практикѣ. Если бы modus vivendi прочно усвоилъ въ качествѣ руководственнаго принципа смыслъ 3 и 4 ст. основныхъ положеній уголовнаго судопроизводства 1862 г., то, несомнѣнно, въ дѣятельности нашихъ слѣдователей постепенно возобладалъ бы элементъ судебный, а розыскная наклонность притупилась бы.

При всякомъ планѣ раздѣлить трудъ между двумя работниками едва ли не самымъ важнымъ является начальный моментъ—приступъ къ работѣ. Когда въ играющемъ оркестрѣ инструментъ послѣ паузы вступитъ и поведетъ мелодію своевременно, все идетъ гладко;—но если вступленіе его мало-мальски опоздаетъ, либо, наоборотъ, забѣжитъ впередъ, гармонія нарушится, ладу не выйдетъ. Въ 312 ст. уст. угол. суд. императивно указано:

---

[25]) Журн. Мин. Юст., 1864 г., № 10, стр. 18.

„Прокуроръ и его товарищи не должны требовать начатія слѣдствій безъ достаточныхъ къ тому основаній. Въ сомнительныхъ случаяхъ они обязаны собрать свѣдѣнія посредствомъ негласнаго полицейскаго развѣдыванія". Не менѣе повелительно редактирована и ст. 262 уст. угол. суд.: „Предварительное слѣдствіе не можетъ быть начато судебнымъ слѣдователемъ безъ законнаго къ тому повода и достаточнаго основанія". Отъ толкованія и пониманія встрѣчающихся здѣсь выраженій (достаточное основаніе, законный поводъ, сомнительный случай) зависитъ то или иное раздѣленіе труда прокуратуры и слѣдователя на предварительномъ слѣдствіи.

Если бы судебная практика твердо и устойчиво стремилась, во-первыхъ, къ раздѣленію властей судебной и обвинительной во *всѣхъ* стадіяхъ уголовнаго процесса, какъ это въ видѣ общаго начала возвѣщено въ 3 ст. основныхъ положеній уголовнаго судопроизводства (29 сентября 1862 г.), и если бы прокуратура памятовала ст. 4 того же закона, опредѣлившую содержаніе и объемъ обвинительной власти, то наша прокуратура очень ревниво оберегала бы свои права по *возбужденію дѣлъ* (тоже основное понятіе!) и не сложила бы на другую власть вытекающія изъ нихъ активныя и симпатичныя обязанности.

Прежде всего выросло бы значеніе 262 ст. уст. угол. суд., той самой, которая теперь какъ-то чуть не атрофирована. По этой статьѣ „предварительное слѣдствіе не можетъ быть начато судебнымъ слѣдователемъ безъ законнаго повода и достаточнаго основанія". Существуетъ только одинъ законный поводъ къ начатію слѣдствія—наличность преступнаго дѣянія или признаковъ преступленія, при условіяхъ подсудности послѣдняго окружному суду (249 ст.), безусловной необходимости предварительнаго слѣдствія (544, 545 ст.), отсутствіи законныхъ причинъ, погашающихъ уголовную отвѣтственность (16 ст.), или другихъ причинъ, указанныхъ въ ст. 27, 1006, 1080, 1089, 12135—и т. д. [26]). Если несомнѣнная наличность въ происшествіи факта преступленія еще не доказана, признаки преступленія сомнительны или не соблюдены извѣстныя условія, то не могло бы и рѣчи быть о наличности законнаго повода къ слѣдствію, такъ какъ только такая наличность условій вызываетъ дѣятельность лишь полицейскую (ст. 253) и прокурорскую (ст. 279).

Не трудно было бы вывести и объясненіе другого основ-

---

26) *А. А. Соколовъ*. Практ. руководство для судебн. слѣдов., т. I, стр. 136.

ного термина (262 ст.)—*достаточное основаніе*. Задача слѣдствія заключается въ изысканіи виновника преступнаго дѣянія и въ собраніи доказательствъ его вины. Личность преступника по законному дѣлу обнаруживается изъ совокупности всѣхъ обстоятельствъ, коими сопровождалось преступленіе. Вотъ совокупность-то указаній на личность преступника и доказательства его вины и составляютъ достаточное основаніе для слѣдствія [27]). Такой выводъ можно сдѣлать, между прочимъ, и изъ текста 310 ст., которая даже по явкѣ съ повинною запрещаетъ слѣдователю начать слѣдствіе, если нѣтъ въ ней доказательствъ вины или если повинная опровергается имѣющимися у слѣдователя свѣдѣніями.

Если бы прокуратура наша желала такъ понять смыслъ 262 ст. у. у. с. или хоть не противилась его пониманію, то въ наши дни коммиссія пересмотра Судебныхъ Уставовъ могла бы, вѣроятно, обсудить вопросъ и о полномъ проведеніи состязательнаго начала, нынѣ принятаго лишь въ судебномъ слѣдствіи, въ сферу предварительнаго слѣдствія.

Но въ дѣйствительности этого не произошло. Судебная практика признала, что въ 297 ст. уст. угол. суд. выраженіе „законный поводъ“ есть юридическій терминъ, тогда какъ въ ней перечисляются въ сущности только способы, форма огласки преступленій [28]), а о терминѣ „достаточное основаніе“ мало заботится.

Благодаря благопріятному стеченію служебныхъ отношеній, прокурорскій надзоръ получилъ верховенство надъ судебнымъ слѣдователемъ, вся карьера послѣдняго стала складываться по аттестаціямъ прокурорскимъ. Однимъ словомъ, въ концѣ-концовъ 545, 544, 312, 262, 282 ст. уст. угол. суд. атрофировались, а значеніе 281, 311, 512 ст. необыкновенно выросло. Иногда прокуратура стала доходить до узурпированія власти, навязывать слѣдователю производство слѣдствія по всякому своему предложенію, независимо отъ внутренней законности его. По крайней мѣрѣ, въ брошюрѣ г. Базилевича [29]) указываются случаи, когда прокуроръ, получивъ по 309 ст. уст. угол. суд. отъ слѣдователя дознаніе, въ которомъ полиціей не обнаружены признаки преступленія, возвращалъ слѣдователю переписку съ такою мотивировкою: „Въ виду того, что полиціею

---

[27]) *А. А. Соколовъ*. Руководство, т. I, стр. 137.

[28]) *А. А. Соколовъ*. Основные принципы предварительнаго производства въ уголовномъ процессѣ. 2 изд., стр. 31.

[29]) Причины упадка предварительнаго слѣдствія. Орелъ, 1896 г., стр. 15.

не обнаружены признаки преступленія, предлагаю вамъ приступить къ производству слѣдствія". Дѣло дошло, наконецъ, до того, что 30 ноября 1889 г. за № 3720 разосланъ былъ сенатскій указъ, опредѣлившій порядокъ и право слѣдователя вступать съ прокуратурою въ споръ и пререканіе по вопросу о законности прокурорскихъ предложеній.

Итакъ, наша прокуратура, вмѣсто развитія той обвинительной власти, которая намѣчена ей въ 4 ст. основныхъ положеній уголовнаго судопроизводства, избрала или обстоятельствами вынуждена была избрать себѣ иной путь дѣятельности. Благодаря этому, а также и стеченію разныхъ политическихъ событій, не окрѣпла и не выяснилась въ должной мѣрѣ равнымъ образомъ роль и цѣль полицейскаго дознанія для предварительнаго слѣдствія, не говоря уже объ уголовномъ розыскѣ.

Обнаруженіе преступленій дѣлается путемъ дознанія, а дознаніе должно руководиться прокуроромъ; на это императивно указываетъ 279 и 252 ст. уст. угол. суд. Преслѣдованіе виновныхъ осуществляется путемъ розыска; объемъ и содержаніе послѣдняго въ уставахъ не опредѣлены, но это случилось, между прочимъ, потому, что редакторы возлагали очень большое упованіе на наказы, гдѣ такія опредѣленія должны были найти себѣ мѣсто. Прокуратурѣ въ лицѣ прокурора судебной палаты и предоставлено полное право руководить полицейскою дѣятельностью путемъ наказовъ. Однако, наказы палатской прокуратуры въ этомъ направленіи почти ничего не сдѣлали и даже въ нѣкоторыхъ округахъ не составлены вовсе или, по крайней мѣрѣ, не напечатаны.

А между тѣмъ прокурорскіе наказы могли и должны были и прокуратурѣ окружныхъ судовъ уяснить обязанность ея въ сферѣ руководства дознаніемъ и наблюденія за слѣдствіемъ, такъ какъ обязанность эта въ дѣйствующемъ законѣ выражена довольно туманно. Въ самомъ дѣлѣ, прокурорскому надзору „при производствѣ предварительнаго слѣдствія закономъ предназначена спеціально роль наблюдательная какъ надъ производствомъ слѣдствія, такъ и надъ полиціей (ст. 278, 279). Указаніемъ на *активное* участіе лицъ прокурорскаго надзора въ дѣлѣ розыска можетъ служить лишь ст. 279, подчиняющая полицейскихъ чиновъ власти прокурорскаго надзора. Изъ нея можно вывести то заключеніе, что прокурорскій надзоръ, въ качествѣ начальства, можетъ возлагать на чиновъ полиціи собраніе, путемъ дознанія, тѣхъ свѣдѣній, которыя необходимы надзору для правильнаго теченія предварительнаго слѣдствія.

Категорически такого рода активное участіе лицъ прокурорскаго надзора въ розыскѣ закономъ не установлено“ [30]).

На это и ссылается обыкновенно наша прокуратура, приводя кромѣ того еще и 281 ст. уст. угол. суд.; но она совершенно упускаетъ изъ виду, что по 136 ст. учр. суд. уст. ей принадлежитъ право инициативы въ дѣлѣ законодательнаго толкованія дѣйствующихъ порядковъ и судебной практики, и что въ этомъ направленіи ею не сдѣлано ничего даже для разъясненія объема и содержанія термина „наблюденіе“, упоминаемаго въ 278 ст. уст. угол. суд.

Несомнѣнно, тѣмъ или инымъ путемъ терминъ этотъ былъ бы уже разъясненъ, если бы положеніе судебнаго слѣдователя не принизилось въ дѣйствительности и если бы его судьба была менѣе въ зависимости отъ прокурорской рекомендаціи, т.-е. если бы его связи съ окружнымъ судомъ были посильнѣе и поцѣльнѣе. Вѣдь разъяснено же Сенатомъ (но почти всегда не по почину прокуратуры) въ направленіи усиленія *судебнаго элемента въ слѣдователѣ* немало процессуальныхъ вопросовъ предварительнаго слѣдствія; и въ томъ числѣ даже вопросъ о *допущеніи адвокатуры* при примѣненіи 303^1 ст. уст. угол. суд.! Но больше, къ сожалѣнію, было противоположныхъ указаній и требованій.

Что же вышло?

Отрекшись отъ попытки принять активное участіе въ уголовномъ розыскѣ и осуществлять *обвинительную* власть на предварительномъ слѣдствіи, прокуратура тѣмъ самымъ умалила для себя возможность быть истинно живою силою. „Нашъ прокурорскій надзоръ скорѣе отличается вялостью, чѣмъ наоборотъ, и главнымъ образомъ занятъ перепискою да отпискою“,— утверждаетъ одинъ изъ высшихъ чиновъ прокурорскаго надзора, г. Закревскій. „Наблюденіе прокурорскаго надзора за слѣдствіемъ во время его производства крайне рѣдко способствуетъ успѣху слѣдствія“,—добавляетъ П. Н. Обнинскій [31]), и т. д. Въ то же время инертность прокуратуры отразилась и на полицейской помощи слѣдователю. „Можно съ увѣренностью сказать,—гласитъ авторитетный отзывъ совѣщанія лицъ оберъ-прокурорскаго надзора при кассаціонномъ уголовномъ департаментѣ Правительствующаго Сената [32]), — что въ настоящее

---

[30]) Отзывъ совѣщанія лицъ оберъ-прокурорскаго надзора при уголовномъ кассаціонномъ департаментѣ Правительствующаго Сената, стр. 62.

[31]) Юрид. Вѣстн., 1891 г., № 1, стр. 65.

[32]) Матеріалы для пересмотра законоположеній о предварительномъ слѣдствіи, стр. 63.

время существуетъ не розыскъ въ строгомъ смыслѣ этого слова, а лишь замедляющая ходъ уголовнаго дѣла, совершенно излишняя переписка, чисто формальнаго свойства, между органами слѣдствія и полиціи".

V.

Все это, вмѣстѣ взятое, въ связи съ общеизвѣстнымъ фактомъ приниженія на дѣлѣ слѣдовательской должности привело къ упадку уголовной репрессіи съ одной стороны, къ жалобамъ на безуспѣшность и неосмотрительность слѣдователей—съ другой.

Чтобы точнѣе обрисовать ту работу, которая навязывается слѣдователю, совершенно излишне и напрасно отвращаетъ его вниманіе и энергію отъ настоящаго уголовнаго матеріала, можно привести вычисленіе А. А. Соколова [33]). Г. Соколовъ взялъ 100 слѣдствій, поступившихъ подъ-рядъ въ окружный судъ, и убѣдился, что нужно изъ нихъ прекратить: 19 за отсутствіемъ признаковъ преступленія, 26 за недоказанностью факта преступленія, 23 за необнаруженіемъ виновныхъ, 15 за состоявшимся примиреніемъ, 1 за смертью обвиняемаго, 13 по недостаточности уликъ; 3 возвращено къ дослѣдованію. Черезъ годъ онъ взялъ еще 100 дѣлъ подъ-рядъ, и изъ нихъ пришлось прекратить: 34 за отсутствіемъ признаковъ преступленія, 32 по бездоказательности факта преступленія, 2 въ виду неправильнаго возбужденія слѣдствія, 32 за необнаруженіемъ виновныхъ. Такимъ образомъ, безъ законнаго повода произведено было въ первомъ учетѣ 53%, во второмъ 66%, т.-е. слѣдователи взялись за дѣло только въ предположеніи, нѣтъ ли въ оглашенныхъ предъ ними происшествіяхъ преступленія. Развѣ это не нарушеніе 253 и 262 ст. у. у. с.?!

Къ такимъ фактамъ и свѣдѣніямъ наша судебная практика относится „сурово-величаво", „спокойно зритъ" на возможность и неизбѣжность пререканія прокурора со слѣдователемъ въ случаяхъ, подобныхъ указанному г. Базилевичемъ [34]).

Но если спокойно зритъ и сурово-величаво относится къ возможности пререканій и бездѣйствія прокуратура, не въ состояніи принять на себя роль Пимена судебный слѣдователь, менѣе изолированный отъ біенія жизни, нежели прокуроръ.

---

[33]) Практич. руководство для судебн. слѣдователей, т. II, кн. 3, стр. 22 и 609.

[34]) См. выше 29-ю выноску.

Слѣдователь нашъ потому—производитъ дознаніе, погружается въ розыскъ, дѣлаетъ развѣдки, лишь бы не упустить моментъ, лишь бы не безвозвратно пропало дѣло, ибо невозможно ему и больно смотрѣть „постыдно-равнодушно“ на горе людей, пострадавшихъ отъ преступленія. Не безъизвѣстно слѣдователямъ, конечно, что это не ихъ обязанность, но если обязанность эту никто не беретъ на себя, то приходится и переступить кругъ своихъ профессіональныхъ дѣйствій. Отсюда-то и беретъ свое начало преобладаніе между нашими *лучшими* слѣдователями типа, родственнаго Порфирію Петровичу, типа слѣдователя-фанатика.

Однако... совмѣстимо ли такое направленіе слѣдовательской работы съ тѣмъ понятіемъ, которое соединено со словами „судебная власть“? Не узурпировалъ ли нашъ слѣдователь власть обвинительную? Не является ли онъ *по существу* представителемъ власти обвинительной (а не судебной), синонимомъ прокурора (а не судьи)?

Отвѣтить нужно утвердительно на всѣ вопросы, кромѣ одного. Присвоить можно лишь то, что̀ принадлежитъ другому; но я старался доказать, что прокурорская власть на предварительномъ слѣдствіи отсутствуетъ. Мало того, она отсутствуетъ по принципу, а не вслѣдствіе, такъ сказать, *личныхъ* пассивныхъ склонностей прокурорскаго надзора; по крайней мѣрѣ одинъ изъ прокуроровъ прямо разъяснилъ: „Прокуроръ не только во время производства предварительнаго слѣдствія, но и на судѣ можетъ быть и долженъ быть *судьею,* но не французскимъ прокуроромъ“ [35]).

Мнѣ мало понятно, что̀ собственно хотѣлъ авторъ сказать этими словами. По выраженію Бентама, защита общественнаго блага вызываетъ страсть; страстность и борьба присущи самой природѣ уголовнаго иска; „безпристрастіе, по Іерингу, должно быть выше сторонъ; сторона и безпристрастіе едва ли могутъ быть соединены другъ съ другомъ“; требовать безпристрастія отъ обвинителя—не значитъ ли исключать необходимость суда? Но увлеченіе и страстность, столь необходимыя обвинителю, не должны, разумѣется, заслонять въ немъ самообладанія добросовѣстности, безъ которыхъ, какъ и безъ увлеченія, успѣхъ его сомнителенъ [36]). Если подъ выраженіемъ „быть судьею“ г. Хрулевъ рекомендовалъ прокурору добросо-

---

[35]) *С. Хрулевъ.* Юрид. Вѣстн., 1884 г., № 11, стр. 120.

[36]) *А. А. Соколовъ.* Руководство, т. III, кн. 4, стр. 32, 146, 152 и др.

вѣстность и самообладаніе, то это только неточное словоупотребленіе; если же онъ разумѣлъ полное безстрастіе судьи, то съ этимъ взглядомъ едва ли многіе согласятся.

Слѣдователь, сказалъ я, становится у насъ синонимомъ „прокурорскаго замѣстителя“ въ первой стадіи уголовнаго процесса,—развѣ это не такъ? Допустите на минуту, что нашъ слѣдователь получилъ право руководить полиціею, согласно 253, 279, 485 и друг. ст. уст. угол. суд.; развѣ тогда не предстанетъ передъ нами слѣдующая картина: прокуроръ и его товарищи представляютъ въ округѣ принципъ легальности и выступаютъ въ судебныхъ засѣданіяхъ окружнаго суда обличителями обвиняемыхъ, а слѣдователи (эпитетъ „судебный“ отбросимъ) несутъ обязанность обвинителей въ предварительномъ уголовномъ процессѣ, т.-е. (какъ сказано въ 4 ст. основн. положеній угол. суд. 1862 г.) обнаруживаютъ, дознаютъ преступленія и преслѣдуютъ, разыскиваютъ преступниковъ.

Отъ такой метаморфозы едва ли произойдетъ существенный ущербъ для правъ и свободы гражданъ, но слѣдователь, переставъ быть судебнымъ и по формѣ (по существу онъ и сейчасъ почти не судебный), будетъ менѣе стѣсненъ формальностями, безъ которыхъ немыслимо судейское дѣйствіе,—натура слѣдователя стала бы цѣльнѣе... Да, пожалуй, тогда дождались бы скорѣе и „менѣе важныя“ дѣла (т.-е. подсудныя мировымъ судебнымъ установленіямъ) того вниманія обвинительной власти (слѣдователь вѣдь тогда сталъ бы органомъ послѣдней), которое теперь у насъ совсѣмъ имъ не удѣляется и безъ котораго глохнетъ уголовная безопасность.

VI.

Это замѣчаніе, впрочемъ, вырвалось у меня мимоходомъ; не о такой постановкѣ *предварительнаго слѣдствія* я мечтаю.

Мечтать полезно, однако, въ тѣхъ видахъ чтобы создать идеалъ, къ которому нужно стремиться неуклонно и планомѣрно. Мечтать не вредно, если стремленіе къ лучшему будущему не умаляетъ энергіи и бодрости въ настоящемъ. Идеальное построеніе и размежеваніе дознанія, розыска и предварительнаго слѣдствія не входило въ планъ моего сообщенія; (оно, кстати сказать, и дано уже А. А. Соколовымъ въ его книгѣ „Основные принципы предварительнаго производства въ уголовномъ процессѣ“). Я хотѣлъ только напомнить, что

35 лѣтъ назадъ намѣчался планъ постановки судебнаго слѣдователя, какъ носителя власти чисто судебной, и что сама жизнь указываетъ modus vivendi для нашего предварительнаго слѣдствія.

Сводъ Законовъ 1857 года зналъ чистую слѣдственно-инквизиторіальную форму его; законъ 8 іюня 1860 г. ввелъ слѣдственно-обвинительный порядокъ, въ которомъ Судебные Уставы 20 ноября 1864 г. произвели перемѣну въ положеніи слѣдователя, а жизнь заставляетъ повернуть уголовное судопроизводство даже въ стадіи предварительной къ обвинительно-состязательной системѣ, зачатки которой указаны императоромъ Александромъ II, утвердившимъ 29 сентября 1862 года основныя положенія уголовнаго судопроизводства.

В. С. Малченко,
дѣйствительный членъ
Москов. Юридическаго Общества.

СУДЕБНО - АДМИНИСТРАТИВНЫЯ УЧРЕЖДЕНІЯ ТВЕРСКОЙ ГУБЕРНІИ ЗА ПЯТИЛѢТІЕ 1892—1897 ГОДОВЪ.

Съ 1 іюля 1891 года въ Тверской губерніи, взамѣнъ административныхъ присутствій по крестьянскимъ дѣламъ и судебно-мировыхъ установленій, введенъ институтъ земскихъ начальниковъ.

Пятилѣтній періодъ вполнѣ достаточенъ, чтобы судить, въ какой степени новыя учрежденія оправдали возлагавшіяся на нихъ закономъ надежды. Отчеты о дѣятельности судебно-административныхъ учрежденій, ежегодно помѣщаемые въ „Обзорахъ Тверской губерніи“ (приложенія къ всеподданнѣйшимъ отчетамъ губернаторовъ), представляютъ довольно богатый, хотя и не всегда достаточно систематизированный и точный матеріалъ. Къ числу недостатковъ отчетности, кромѣ многихъ погрѣшностей въ подсчетахъ, относятся: случайность помѣщенія свѣдѣній о дѣятельности волостныхъ судовъ (только за одинъ годъ), отсутствіе единства программы въ отчетахъ о дѣятельности губернскаго присутствія и невозможность выдѣлить изъ отчетовъ о дѣятельности уѣздныхъ съѣздовъ свѣдѣнія о числѣ дѣлъ, возникшихъ по жалобамъ на рѣшенія городскихъ судей.

Кромѣ того, свѣдѣнія о дѣятельности новыхъ судебно-административныхъ учрежденій не могутъ быть сравниваемы съ предшествующею дѣятельностью упраздненныхъ крестьянскихъ и судебно-мировыхъ установленій и должны быть разсматриваемы сами по себѣ, главнымъ образомъ потому, что, въ видахъ возможнаго облегченія судебной дѣятельности земскихъ начальниковъ и предоставленія имъ широкой возможности быть дѣйствительно „твердой правительственной властью“ въ сельскихъ мѣстностяхъ, значительно расширена компетенція во-

лостныхъ судовъ и учреждены новыя должности городскихъ судей и уѣздныхъ членовъ окружнаго суда, къ которымъ и отошло много дѣлъ, разрѣшавшихся прежде мировыми судьями.

Слѣдуетъ замѣтить, что ранѣе, напр. въ 1890 г., весь институтъ мировыхъ судей губерніи (44 участка) стоилъ земству 78,756 рублей, или въ среднемъ по 1,790 рублей на участокъ, и 42,100 рублей тратилось земствомъ же на содержаніе губернскаго и 12-ти уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій; въ настоящее время замѣнившіе ихъ 63 земскихъ начальника и 12 городскихъ судей, получающихъ по 2,200 рублей въ годъ, обходятся казнѣ въ 165,000 рублей, 12 уѣздныхъ членовъ окружнаго суда стоятъ 39,600 рублей, на содержаніе губернскаго присутствія тратится 10,500 рублей. Въ 1890 году населеніе губерніи на волостные суды (244) расходовало 13,580 рублей, послѣ же реформы—уже 53,980 рублей.

Такимъ образомъ, новыя судебно-административныя учрежденія обходятся населенію въ настоящее время въ 269,080 руб. или на 134,644 рубля въ годъ болѣе, чѣмъ стоили судебно-мировыя учрежденія.

Въ имѣющемся у насъ источникѣ—„Обзоры Тверской губерніи“ за 1892—1896 гг.[1])—даны отчеты по губернскому присутствію, по съѣздамъ земскихъ начальниковъ, о дѣятельности земскихъ начальниковъ и, наконецъ, за одинъ годъ—о дѣятельности волостныхъ судовъ губерніи.

Дѣятельность новыхъ учрежденій распадается на административную и судебную.

Судебная дѣятельность губернскаго присутствія выражается въ ежегодномъ разсмотрѣніи въ среднемъ 1022 гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ. Всѣ 1022 дѣла, а въ 1895 году—1200, обыкновенно разрѣшаются въ 11—12 засѣданій. Часто на одно засѣданіе назначается значительно больше 100 дѣлъ; такъ,—какъ видно изъ публикацій въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ,—на 11 января 1897 г. было назначено 119 дѣлъ, на 30 апрѣля—126 и на 30 мая — 106 дѣлъ. Предполагаемый закономъ порядокъ засѣданій этого высшаго мѣстнаго судебно-административнаго органа таковъ: послѣ доклада дѣла однимъ изъ непремѣнныхъ членовъ, которыхъ двое [2]), выслушиваются объясненія сторонъ, если таковыя налицо, и заключеніе прокурора; послѣ обсужденія дѣла пишется уже то или другое рѣшеніе.

[1]) Отчеты за послѣднее полугодіе 1891 г. нами не разсматриваются.

[2]) Въ завѣдываніи одного находятся судебныя, а другого — административныя дѣла.

Казалось бы, меньше десяти минутъ на дѣло, въ большинствѣ случаевъ путаное и сложное, прошедшее уже двѣ инстанціи, потратить никоимъ образомъ нельзя, что при 126 дѣлахъ, назначенныхъ на 30 апрѣля 1897 г., потребовало бы 20-ти часовъ непрерывнаго засѣданія; между тѣмъ губернское присутствіе обыкновенно кончаетъ свои занятія къ 5—7 часамъ дня, начавъ ихъ въ 1—2 часа дня.

Число судебныхъ дѣлъ въ губернскомъ присутствіи возрастаетъ, но незначительно: съ 988 дѣлъ въ 1892 г. до 1066 въ 1896 году. Число отмѣненныхъ рѣшеній уѣздныхъ съѣздовъ достигло въ 1896 году значительныхъ размѣровъ—25,3% противъ 18,6% въ 1892 году. Число нерѣшенныхъ дѣлъ къ концу 1896 года равнялось 13,4% всѣхъ дѣлъ.

Число судебныхъ засѣданій въ съѣздахъ въ 1896 году достигло въ среднемъ 27 на съѣздъ (отъ 11 до 38). Число апелляціонныхъ, кассаціонныхъ и частныхъ жалобъ на рѣшенія и приговоры земскихъ начальниковъ и городскихъ судей, равно какъ и число жалобъ на рѣшенія волостныхъ судовъ ежегодно увеличивается. Число жалобъ на рѣшенія земскихъ начальниковъ и городскихъ судей съ 2642 въ 1892 году возросло до 3154 въ 1896 году; число жалобъ на рѣшенія волостныхъ судовъ съ 4638 въ 1892 г. возросло до 5781 въ 1895 г. и 5193 въ 1896 г. Здѣсь, какъ своеобразное явленіе, слѣдуетъ отмѣтить полное отсутствіе кассаціонныхъ жалобъ на рѣшенія волостныхъ судовъ по уголовнымъ дѣламъ въ тверскомъ и старицкомъ съѣздахъ, въ то время какъ ржевскій съѣздъ представляетъ исключеніе въ обратную сторону, съ преобладаніемъ кассаціонныхъ жалобъ надъ апелляціонными.

Тотъ или другой размѣръ % отмѣненныхъ рѣшеній и приговоровъ въ особенности характеризуетъ судопроизводство. Какъ видно изъ отчетовъ, изъ дѣлъ по жалобамъ на рѣшенія земскихъ начальниковъ и городскихъ судей отмѣнены въ 1892 году 20,7%, въ 1893—40,0%, въ 1894—31,4%, въ 1895—25,0%, въ 1896—20,8%, а по отношенію ко всѣмъ рѣшеніямъ и приговорамъ 7,9% за послѣдній годъ.

По жалобамъ на рѣшенія волостныхъ судовъ отмѣняется всегда болѣе половины общаго числа обжалуемыхъ дѣлъ: въ 1892 году отмѣнено 53,4%, въ 1893—52,8%, въ 1894—51,4%, въ 1895 — 53,3% и въ 1896 — 58,7%, въ среднемъ — 54%, а по отношенію ко всѣмъ дѣламъ волостныхъ судовъ—5,0% за послѣдній годъ.

Число дѣлъ, находившихся въ производствѣ болѣе трехъ

мѣсяцевъ, возросло болѣе чѣмъ въ два раза: съ 408 въ 1893 г. до 924 въ 1896 году. Наибольшею медленностью судопроизводства въ 1896 г. отличались два уѣздныхъ съѣзда: новоторжскій (376) и корчевской (114), съ 53% всѣхъ дѣлъ этой категоріи по губерніи.

Такимъ образомъ, несмотря на постепенное и значительное, какъ увидимъ ниже, сокращеніе судебныхъ дѣлъ у земскихъ начальниковъ, число жалобъ на рѣшенія ихъ возрастаетъ параллельно съ возрастаніемъ и медленности производства въ уѣздныхъ съѣздахъ.

Число судебныхъ дѣлъ въ производствѣ земскихъ начальниковъ, постепенно сокращаясь, достигло въ 1896 году 12361 (по 196 дѣлъ на одного земскаго начальника) вмѣсто 13411 въ 1892 г., но при этомъ значительно возросло и число жалобъ въ съѣздъ на рѣшенія ихъ (въ среднемъ по 50 жалобъ изъ 196 на одного земскаго начальника въ 1896 г., на 8 жалобъ болѣе, чѣмъ въ 1892 году). Увеличилось, какъ и въ съѣздѣ, значительно число дѣлъ, находящихся въ производствѣ болѣе трехъ мѣсяцевъ: вмѣсто 897 дѣлъ въ 1892 году—1208 въ 1895 г. и 1161—въ 1896 году. Особою медлительностью въ 1896 году отличались земскіе начальники уѣздовъ: Зубцовскаго (157), Осташковскаго (197) и Старицкаго (202), съ 48% всѣхъ дѣлъ этой категоріи въ губерніи.

Число нерѣшенныхъ къ концу отчетнаго года дѣлъ также указываетъ на усиленіе канцелярщины и медлительность въ производствѣ. Несмотря на сокращеніе общаго числа дѣлъ у земскихъ начальниковъ, число нерѣшенныхъ къ концу отчетнаго года дѣлъ абсолютно почти не уменьшилось (1072—1061).

Число нерѣшенныхъ дѣлъ къ концу 1896 г. особенно значительныхъ размѣровъ достигло у земскихъ начальниковъ 4-хъ уѣздовъ: Тверского (131), Старицкаго (144), Новоторжскаго (163) и Осташковскаго (188), съ 56,9% всѣхъ такихъ дѣлъ въ губерніи.

Не говоритъ также въ пользу института земскихъ начальниковъ и уменьшеніе числа дѣлъ, оконченныхъ примиреніемъ (съ 829 до 588), и увеличеніе числа заочныхъ рѣшеній. Послѣднія при вторичномъ разбирательствѣ въ большинствѣ случаевъ оставались въ силѣ: вмѣсто 505 въ 1892 году, въ 1895 году ихъ было 640, причемъ рѣшенія измѣнены только по 43 дѣламъ.

Число дѣлъ, возбуждаемыхъ по усмотрѣнію земскихъ начальниковъ, возросло съ 76 до 147. Число принятыхъ словесныхъ жалобъ съ 1123 въ 1892 году упало до 803 въ 1896 году. По-

слѣднее обстоятельство—сильное сокращеніе числа словесныхъ жалобъ — несомнѣнно является результатомъ усиленія канцелярщины и формализма въ производствѣ земскихъ начальниковъ, которымъ всегда гораздо легче имѣть дѣло съ написанной, даже и малограмотнымъ деревенскимъ ходатаемъ, жалобою, чѣмъ тратить время на записываніе ея со словъ самихъ жалобщиковъ, хотя то или другое рѣшеніе по жалобѣ несомнѣнно находится въ извѣстной зависимости отъ того, насколько ясно и опредѣленно изложены требованія и обстоятельства дѣла въ первоначальномъ заявленіи. Съ другой стороны, не мало претензій, при записываніи жалобъ со словъ, конечно, не дошло бы до разбирательства, и сторона удовлетворилась бы простымъ разъясненіемъ неосновательности ея жалобы. Уменьшеніе числа принятыхъ словесныхъ жалобъ особенно сильно въ уѣздахъ: Зубцовскомъ (22), Вышневолоцкомъ (50), Калязинскомъ (51) и Бѣжецкомъ (61), съ 8,9% всѣхъ такихъ жалобъ.

Изъ приговоровъ волостныхъ судовъ къ тѣлесному наказанію въ разсмотрѣніи земскихъ начальниковъ было:

	1892 г.	1893 г.	1894 г.	1895 г.	1896 г.
	879	717	566	390	283
Изъ нихъ замѣнены земскими начальниками другими наказаніями %.	30,7	31,9	43,1	43,6	54,4

Здѣсь нужно порадоваться, главнымъ образомъ, тому, что въ населеніе проникаетъ сознаніе непригодности этого позорнаго наказанія, почему и число приговоровъ къ тѣлесному наказанію годъ отъ года становится все меньше и меньше (въ 1881 году волостными судами губерніи было приговорено къ тѣлесному наказанію 2720 человѣкъ), и, съ другой стороны, тому, что и земскіе начальники приходятъ къ этому же убѣжденію: если въ 1892 и въ 1893 гг., ими были утверждены $^2/_3$ приговоровъ къ тѣлесному наказанію, то въ 1896 г. — менѣе $^1/_2$ послѣднихъ.

Слѣдуетъ оговориться, что въ отчетахъ о дѣятельности земскихъ начальниковъ рѣчь идетъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ по числу приговоровъ, а не о числѣ лицъ приговоренныхъ. По отчету же о дѣятельности волостныхъ судовъ въ 1896 г. всѣхъ приговоренныхъ оказывается 494 человѣка, изъ которыхъ тѣлесное наказаніе замѣнено земскими начальниками и уѣздными съѣздами другими наказаніями только для 165 человѣкъ.

Отмѣтимъ, что есть уѣзды, въ которыхъ, какъ видно изъ

отчетовъ о дѣятельности волостныхъ судовъ, тѣлесныя наказанія почти не практикуются: это—Ржевскій и Старицкій, гдѣ изъ 6 приговоренныхъ на оба уѣзда наказанъ только одинъ—въ Старицкомъ; Зубцовскій, гдѣ изъ 10 приговоренныхъ наказаны четверо. Но, съ другой стороны, есть такіе уѣзды, какъ Вышневолоцкій, гдѣ изъ 146 лицъ, приговоренныхъ къ тѣлесному наказанію, подвергнуто ему 98; Бѣжецкій съ 31-мъ наказаннымъ изъ 54-хъ приговоренныхъ; Новоторжскій, въ которомъ изъ 78 приговоренныхъ освобождены были отъ позорнаго наказанія только четверо; Весьегонскій, въ которомъ изъ 68 приговоренныхъ наказано 43 человѣка.

Насколько намъ извѣстно, ранѣе въ Новоторжскомъ уѣздѣ тѣлесныя наказанія не имѣли мѣста.

По отчетамъ о дѣятельности земскихъ начальниковъ картина получается другая, и, если вѣрить имъ, въ Бѣжецкомъ, Весьегонскомъ, Новоторжскомъ и Калязинскомъ уѣздахъ случаи примѣненія тѣлесныхъ наказаній встрѣчаются не часто (2—10 на уѣздъ). Чьи цифры ближе къ истинѣ — земскихъ начальниковъ или волостныхъ судовъ, трудно судить, хотя отчеты о волостныхъ судахъ проходятъ черезъ руки земскихъ начальниковъ, что̀ и должно бы служить гарантіею, если не правильности ихъ, то того, чтобы цифры земскихъ начальниковъ и волостныхъ судовъ не противорѣчили другъ другу. Цифрами отчетовъ о волостныхъ судахъ мы пользовались еще съ большею осторожностью, чѣмъ цифрами отчетовъ о дѣятельности самихъ земскихъ начальниковъ. Въ отчетахъ о волостныхъ судахъ встрѣчаются, напр., такіе перлы: по Калязинскому уѣзду показано оставшихся дѣлъ къ 1896 году 223, вновь поступившихъ—2494, изъ нихъ разсмотрѣно уголовныхъ—258, гражданскихъ—388 дѣлъ, по которымъ постановлено приговоровъ и рѣшеній уголовныхъ—842, гражданскихъ—1229, обжаловано—275 (въ съѣздъ поступило—213), неразсмотрѣнныхъ—255; по Вышневолоцкому уѣзду осталось 271 дѣло, поступило — 5318 дѣлъ, изъ нихъ разсмотрѣно 1466 дѣлъ, по которымъ постановлено приговоровъ и рѣшеній—4965, не рѣшенныхъ—324; по Ржевскому уѣзду осталось—798, поступило—5869, разсмотрѣно—8783, не рѣшено—875; по Бѣжецкому разсмотрѣно уголовныхъ дѣлъ—3151, по 1074 дѣламъ обвинено—2260 лицъ, подвергнуто же наказанію—1549 лицъ, кончено примиреніемъ и оправданіемъ—1041 дѣло и т. д.

По этому отчету (нижеприводимыя цифры болѣе или менѣе правдоподобны) общая картина дѣятельности волостныхъ судовъ

губерніи представляется таковою: въ теченіе 1896 года въ 244 волостные суда Тверской губерніи поступило—60985 дѣлъ, по 250 дѣлъ въ среднемъ на волостной судъ и по 10 дѣлъ въ среднемъ на одно засѣданіе суда; изъ общаго числа дѣлъ было— $^1/_3$ уголовныхъ и $^2/_3$ гражданскихъ.

Изъ 18254 разсмотрѣнныхъ уголовныхъ дѣлъ 28% окончены примиреніемъ, 26%—оправданіемъ и 46%—обвиненіемъ. По послѣднимъ дѣламъ приговорены къ наказаніямъ: выговорамъ—605 человѣкъ, денежнымъ взысканіямъ—4296 человѣкъ (на сумму 7327 рублей), аресту простому—4920 человѣкъ, строгому—на хлѣбѣ и водѣ—1140 и къ тѣлеснымъ наказаніямъ—494 человѣка, изъ которыхъ для 165 лицъ тѣлесныя наказанія замѣнены другими. Изъ разсмотрѣнныхъ неокончательно 23645 дѣлъ обжалованы въ съѣзды въ апелляціонномъ порядкѣ 17%, изъ 35664 окончательныхъ приговоровъ и рѣшеній обжалованы въ кассаціонномъ порядкѣ—3%. Изъ разсмотрѣнныхъ 18254 уголовныхъ дѣлъ обжалованы 7,5%, а изъ 41055 гражданскихъ—9%; въ общемъ, обжаловано 8,5% всѣхъ рѣшеній и приговоровъ волостныхъ судовъ. Число жалобъ въ съѣзды возросло *) съ 4638 въ 1892 г. до 5781 въ 1895 г. и до 5193 въ 1896 г. Число случаевъ отмѣны съѣздами обжалованныхъ рѣшеній и приговоровъ съ 2467 въ 1892 г. возросло до 3046 въ 1896 г. (51—59%), не считая дѣлъ, переданныхъ для новаго разсмотрѣнія въ другіе волостные суды. Отмѣненные съѣздами въ 1896 году рѣшенія и приговоры составляютъ 5% всѣхъ постановленныхъ и 59%—всѣхъ обжалованныхъ приговоровъ и рѣшеній волостныхъ судовъ.

Общее число административныхъ дѣлъ въ губернскомъ присутствіи постепенно сокращается. Такъ, вмѣсто 2362 дѣлъ въ въ 1892 году, въ теченіе 1896 года поступило уже 1635 дѣлъ. Сокращеніе падаетъ, главнымъ образомъ, на дѣла по выкупу надѣльныхъ земель. Обратно, число жалобъ въ порядкѣ надзора на дѣйствія земскихъ начальниковъ и волостныхъ старшинъ постоянно возрастаетъ; такъ, въ 1893 году жалобъ поступило 190, въ 1894 г.—256, въ 1895 г.—458 и въ 1896 г.—476 (29,1 всѣхъ административныхъ дѣлъ въ присутствіи). Изъ 476 поступившихъ въ 1896 г. жалобъ въ порядкѣ надзора, 310 было на непредставленіе земскими начальниками въ уѣздный съѣздъ жалобъ на рѣшенія волостныхъ судовъ, 33 на медленность земскихъ начальниковъ, 20 на неправильныя дѣйствія и медленность волостныхъ старшинъ.

*) Изъ отчетовъ о дѣятельности уѣздныхъ съѣздовъ.

О большинствѣ остальныхъ административныхъ дѣлъ свѣдѣнія, кромѣ 1896 г., неполны.

Дѣлъ по поземельному устройству крестьянъ въ производствѣ присутствія въ 1896 г. было—313, дѣлъ о повинностяхъ—83, о выдачѣ видовъ на жительство—33, по семейнымъ раздѣламъ—40, по опекѣ—96, по увольненію и удаленію изъ общества—273, по непринятію въ общество—74, по переселеніямъ въ Сибирь—26. Другія 221 дѣло не поддаются точной и ясной классификаціи.

Непремѣнными членами присутствія обревизовано дѣлопроизводство 3-хъ съѣздовъ и дѣлопроизводство земскихъ начальниковъ 3½ уѣздовъ. Иныхъ свѣдѣній о дѣятельности губернскихъ присутствій у насъ нѣтъ; можно только пожелать, чтобы административныя дѣла рѣшались не съ такою быстротой, какъ судебныя.

Насколько разностороння компетенція губернскихъ присутствій по административнымъ дѣламъ, настолько же ограничена компетенція уѣздныхъ съѣздовъ, и то или другое количество дѣлъ въ съѣздахъ находится въ прямой зависимости отъ того, сколько пришлютъ земскіе начальники сельскихъ и волостныхъ приговоровъ для кассаціи и уѣздные исправники — описей по продажѣ имуществъ.

Число административныхъ засѣданій въ съѣздахъ достигало въ 1896 году въ среднемъ 13 (9—22). Общее число административныхъ дѣлъ въ съѣздахъ съ 2566 въ 1893 г. уменьшилось до 2264 (по 185 дѣлъ на съѣздъ) въ 1896 году. Уменьшеніе произошло преимущественно за счетъ дѣлъ по порученіямъ, даваемымъ съѣздами земскимъ начальникамъ объ исполненіи приговоровъ съѣздовъ. Число отмѣняемыхъ сельскихъ и волостныхъ приговоровъ также значительно уменьшилось. Въ среднемъ, земскими начальниками въ съѣзды ежегодно представляется волостныхъ и сельскихъ приговоровъ, какъ незаконныхъ или нарушающихъ интересы обществъ и лицъ—1113 (по 18 приговоровъ на одного земскаго начальника и по 93 приговора на одинъ уѣздный съѣздъ), изъ коихъ съѣздами въ среднемъ ежегодно отмѣняется 961 [1]) приговоръ. Наиболѣе осторожно къ отмѣнѣ сельскихъ и волостныхъ приговоровъ относятся съѣзды: Осташковскій (76) и Старицкій (87). Дѣлъ по продажѣ крестьянскихъ имуществъ за недоимки поступаетъ въ

[1]) Въ отчетахъ о дѣятельности земскихъ начальниковъ свѣдѣнія по этимъ же вопросамъ значительно не совпадаютъ съ только-что приведенными.

съѣзды отъ 500 до 668; жалобъ на земскихъ начальниковъ по дѣламъ опеки—по 14—19 въ годъ, о правонарушеніяхъ, учиненныхъ выборными должностными лицами волостного и сельскаго управленія, поступаетъ отъ земскихъ начальниковъ ежегодно отъ 150 до 183 дѣлъ, по которымъ предается суду отъ 35 до 57 и увольняется безъ суда отъ 75 до 103 лицъ.

Число административныхъ дѣлъ въ производствѣ земскихъ начальниковъ, постепенно сокращаясь, въ 1896 г. достигло 8826 (по 140 дѣлъ на одного земскаго начальника) вмѣсто 12945 дѣлъ [2]) въ 1892 году. Значительно сократилось число ревизій волостныхъ правленій, волостныхъ судовъ, волостныхъ банковъ, ссудосберегательныхъ товариществъ и другихъ сельскихъ учрежденій. Всѣхъ ревизій земскими начальниками было произведено въ 1892 году—3416, въ 1895 г.—1043 и въ 1896 г.—570. Въ одномъ изъ уѣздовъ, Тверскомъ, число ревизій понизилось до 11 въ годъ на 15 волостей. Производится дознаній лично земскими начальниками по разнымъ дѣламъ въ среднемъ ежегодно—1930, въ 1896 году—1854. Особенно мало дознаній за 1896 годъ было произведено въ 3 уѣздахъ: Зубцовскомъ (28), Калязинскомъ (64), Ржевскомъ (68).

Дѣла о растратахъ должностными лицами сельскаго и волостного управленія прогрессируютъ такимъ образомъ:

всего произведено въ	1892 г.	1893 г.	1894 г.	1895 г.	1896 г.
растратъ	75	86	120	160	125
на сумму руб.	7549	6491	12609	14198	14778

Смѣна волостныхъ и сельскихъ писарей годъ-отъ-году идетъ слабѣе; такъ было уволено:

въ	1892 г.	1893 г.	1894 г.	1895 г.	1896 г.
писарей	59	36	40	29	17

Здѣсь можетъ быть сдѣлано два предположенія: или составъ писарей дѣйствительно улучшается, или же—„новая метла чище мететъ“: въ первые годы у земскихъ начальниковъ было много горячности, усердія, возни и т. п., а послѣ—усталость, менѣе ревностное отношеніе къ дѣлу.

Число уволенныхъ по представленіямъ земскихъ начальни-

[2]) Въ отчетѣ за 1892 г. число ревизій показано 732, но въ объясненіяхъ къ отчету—по двѣ ревизіи на каждое волостное правленіе и по 12 ревизій на каждый волостной судъ, всего 3416, кромѣ ревизій банковъ, ссудосберегательныхъ товариществъ и проч. Нами взято послѣднее число ревизій и общее число административныхъ дѣлъ вмѣсто 10261—12945.

ковъ и преданныхъ съѣздами суду другихъ должностныхъ лицъ волостного и сельскаго управленія также, какъ видно по отчетамъ о дѣятельности уѣздныхъ съѣздовъ, нѣсколько сократилось: 128 въ 1896 году, вмѣсто 138 въ 1892 году.

Сокращеніе числа увольняемыхъ должностныхъ лицъ должно бы говорить въ пользу улучшенія состава ихъ; но возрастаніе числа растратъ и растраченныхъ суммъ, увеличеніе, какъ увидимъ ниже, числа жалобъ со стороны частныхъ лицъ и учрежденій на должностныхъ лицъ волостного и сельскаго управленія и многое другое свидѣтельствуютъ о противномъ.

Жалобъ по 28 ст. пол. о земск. нач. на должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія къ земскимъ начальникамъ въ 1892 г. поступило 2308, въ 1895 г.—2552 и въ 1896 г.—2350; изъ нихъ получили дальнѣйшее движеніе въ 1892 г.— 561 (24,3% всѣхъ жалобъ) и въ 1896 г.— 358 (15,2%); по жалобамъ наложено взысканій въ 1892 г.—546 (23,7% всѣхъ жалобъ) и въ 1896 г.— 611 (26,0%).

Какъ видно, число жалобъ по 28 ст. пол. о земск. нач. нѣсколько возросло, число же подвергнутыхъ наказаніямъ по нимъ увеличилось и абсолютно, и относительно.

Число наказаній, налагаемыхъ по усмотрѣнію самихъ земскихъ начальниковъ на должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія, значительно,—и это очень характерно въ сопоставленіи съ увеличеніемъ взысканій по жалобамъ,—уменьшилось: наложено взысканій въ 1892 г.—353, въ 1896 г.—122.

Редакція этой части отчетовъ нѣсколько запутана; статья 28 пол. о земск. нач. даетъ земскому начальнику право разрѣшать жалобы на должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія собственною властью, а статья 62-я опредѣляетъ предѣлы власти земскаго начальника въ наложеніи наказаній по этимъ жалобамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ отчетахъ со свѣдѣніями о числѣ жалобъ помѣщаются свѣдѣнія о числѣ дѣлъ, получившихъ дальнѣйшее движеніе, и о числѣ наложенныхъ взысканій по жалобамъ. Дѣла, получившія дальнѣйшее движеніе, должны поступить на заключеніе съѣздовъ, но въ отчетахъ съѣздовъ ихъ оказывается ежегодно раза въ три меньше. Въ графахъ отчетовъ о числѣ наложенныхъ взысканій на должностныхъ лицъ по 62 ст. пол. о земск. нач. приводятся цифры также совершенно другія, тогда какъ цифры эти должны представлять несомнѣнно одно и то же: взысканія съ должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія за маловажные проступки по должности— замѣчанія, выговоры, штрафы до 5 руб. и аресты до 7 дней.

Особенно велика разница за 1892 годъ. По 62-й ст. пол. о земск. начальн. на должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія по жалобамъ и по усмотрѣнію земскихъ начальниковъ за маловажные проступки по должности наложено взысканій:

1892 г.	1893 г.	1894 г.	1895 г.	1896 г.
1874	1200	1061	992	745

Въ 1896 году сравнительно мало было наказаній по 62 ст. въ уѣздахъ: Зубцовскомъ (13), Тверскомъ (24) и Корчевскомъ (28), на Бѣжецкій же (157), Весьегонскій (84), Вышневолоцкій (115) и Новоторжскій (90) приходится 60,0% всѣхъ случаевъ взысканій.

За неисполненіе законныхъ распоряженій или требованій земскихъ начальниковъ лицами, подвѣдомственными крестьянскому общественному управленію, земскими начальниками, согласно 61 ст. пол. о земск. нач., безъ всякаго формальнаго производства подвергнуто аресту до 3-хъ дней или штрафу до 6 рублей:

въ	1892 г.	1893 г.	1894 г.	1895 г.	1896 г.
лицъ	1701	1861	2135	1195	614

Въ 1896 году болѣе или менѣе рѣдко встрѣчались взысканія по 61 ст. въ шести уѣздахъ: Ржевскомъ (6), Зубцовскомъ (6), Старицкомъ (7), Тверскомъ (13), Корчевскомъ (18), Калязинскомъ (30), на остальные же шесть уѣздовъ падаетъ 87% всѣхъ случаевъ, причемъ особенно выдѣляются: Осташковскій (161), Бѣжецкій (113) и Весьегонскій (103) уѣзды.

Въ отчетѣ за 1896 годъ по этому поводу говорится: „по 61 ст. пол. о земск. нач. наложено взысканій 614 вмѣсто 1195 въ 1895 г. Обстоятельство это показываетъ, что земскіе начальники правомъ, предоставленнымъ имъ 61 ст., пользуются съ должной осторожностью. Сравнительно большое примѣненіе 61 ст. безъ должныхъ къ тому основаній наблюдалось во 2-мъ участкѣ Старицкаго уѣзда, земскій начальникъ котораго оставляетъ нынѣ службу. Такія же результаты законнаго воздѣйствія дискреціонной власти представляютъ и случаи примѣненія 62 ст., которыхъ въ 1896 году было 745—на 247 случаевъ менѣе 1894"... *).

Эти объясненія представляются прежде всего неточными: во всемъ-то Старицкомъ уѣздѣ случаевъ примѣненія ст. 61 было только 7; а потомъ, — за что же наказывалось ранѣе,

*) Всеподданнѣйшій отчетъ губернатора по Тверской губ. за 1896 годъ.

сверхъ этихъ 1359 лицъ, болѣе чѣмъ по 2000 ежегодно? Можетъ-быть, слѣдовало бы отнестись къ этому праву съ еще большею осторожностью, и тогда цифра наказанныхъ спустилась бы до десятковъ.

Къ той же категоріи дѣлъ принадлежатъ и случаи примѣненія земскими начальниками 3 прим. ст. 51 общ. о крест. полож., т.-е. случаи наложенія взысканій на участниковъ сельскихъ сходовъ, созванныхъ, по мнѣнію земскаго начальника, или неправильно, или постановившихъ приговоръ по предметамъ, ихъ вѣдѣнію не подлежащимъ. Этихъ взысканій, несомнѣнно, къ удовольствію населенія, теперь также меньше: въ 1892 г. ихъ было 125, въ 1896 г.—и только въ 7 уѣздахъ—76. Изъ сельскихъ и волостныхъ приговоровъ, составленныхъ, по мнѣнію земскаго начальника, несогласно съ законами, либо клонящихся къ явному ущербу для сельскихъ обществъ и нарушающихъ права отдѣльныхъ лицъ, на заключеніе съѣздовъ, въ среднемъ ежегодно представляется 1065 (отъ 811 до 1286), изъ которыхъ съѣздами отмѣняется въ среднемъ 908 (81,7%) въ годъ (отъ 696 до 1024). Въ 1896 году въ съѣзды было представлено 1009 такихъ приговоровъ, изъ коихъ только по тремъ уѣздамъ: Старицкому (114), Новоторжскому (210) и Бѣжецкому (233)—55,2% всѣхъ приговоровъ по губерніи.

Интересно было бы, конечно, знать общее число составленныхъ населеніемъ и утвержденныхъ земскими начальниками приговоровъ.

Сравнительно мало было волостными и сельскими сходами составлено и земскими начальниками представлено въ съѣзды приговоровъ объ измѣненіи порядка взиманія и храненія сборовъ, порядка учета должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія и о соединеніи мелкихъ обществъ, хотя подобные приговоры имѣютъ важное значеніе для населенія. Такихъ приговоровъ съѣздами ежегодно утверждается отъ 19 до 24-хъ.

Дѣлъ по опекамъ, учреждаемымъ надъ личностью и имуществомъ сиротъ сельскаго состоянія, надзоръ надъ которыми возложенъ закономъ на земскаго начальника, разсматривается ежегодно, въ среднемъ, по губерніи только 348, въ 1896 г.—399, причемъ надзоръ этотъ слабъ и такихъ дѣлъ уже очень мало: въ Старицкомъ уѣздѣ (5), Калязинскомъ (9) и Зубцовскомъ (9).

Число дѣлъ по поземельному устройству крестьянъ понизилось съ 1822 въ 1892 г. до 1166 въ 1896 г. Въ Бѣжецкомъ и Старицкомъ уу. этихъ дѣлъ въ 1896 г. совсѣмъ не было.

Число дѣлъ по вводу во владѣніе, что въ особенности мало для цѣлой губерніи, колеблется между 105 въ 1892 г. и 28 въ 1896 г.

Дѣлъ по отводу усадебныхъ мѣстъ въ производствѣ у земскихъ начальниковъ не больше—отъ 53 до 121, въ среднемъ—98 въ годъ, въ 1896 — 110 и то только въ 9 уѣздахъ, кромѣ Осташковскаго, Зубцовскаго и Ржевскаго.

По 25 ст. пол. о земск. нач., земскими начальниками губерніи внесено предложеній на обсужденіе волостныхъ сходовъ *) въ 1892 г.—170, въ 1896 г. по 11 уѣздамъ, кромѣ Зубцовскаго,—144.

Резюмируя все сказанное, отмѣтимъ нѣкоторыя наиболѣе характерныя черты того пути, по которому направлена дѣятельность новыхъ судебно - административныхъ учрежденій. Этотъ путь уже теперь, черезъ пять лѣтъ по открытіи учрежденій, даетъ возможность опредѣлить ихъ будущность, съ ихъ дѣятельностью, направленною въ разныя стороны, съ ихъ обязанностями съ одной стороны—судебными, съ другой—по попечительству надъ сельскими обывателями, съ желаніемъ охватить и урегулировать всѣ стороны крестьянской жизни, до мельчайшей подробности включительно.

Только двойственностью дѣятельности и можно объяснить всѣ неблагопріятныя стороны новыхъ учрежденій.

Судебно-мировыя установленія вошли въ жизнь населенія и, дѣйствуя въ одномъ опредѣленномъ направленіи, заслужили симпатіи его. Въ производствѣ мировыхъ судей въ 1890 г., напр., было 13149 только уголовныхъ дѣлъ, т.-е. на 788 дѣлъ больше, чѣмъ всѣхъ судебныхъ дѣлъ у земскихъ начальниковъ. У насъ нѣтъ подъ руками свѣдѣній о числѣ гражданскихъ дѣлъ у мировыхъ судей, но ихъ, несомнѣнно, было болѣе, чѣмъ въ настоящее время административныхъ у земскихъ начальниковъ (8826 въ 1896 году). Судебная дѣятельность требуетъ значительно больше вниманія и труда, чѣмъ административныя дѣла, въ числѣ которыхъ масса не дѣлъ въ общепринятомъ смыслѣ, а распоряженій на ходу, какъ взысканія по 61 и 62 ст. пол. о земск. нач. etc., и, несмотря на это, никогда мировыя судебныя учрежденія не были въ томъ положеніи, въ какомъ въ настоящее время находится институтъ земскихъ начальниковъ: это—сознаніе непригодности многихъ сторонъ своей дѣятельности. Послѣднее, какъ показано выше, особенно рельефно выразилось

*) Въ подлинныхъ отчетахъ за всѣ пять лѣтъ ошибочно печатается: „предложеній на обсужденіе волостныхъ судовъ“.

въ сильномъ сокращеніи примѣненія тѣлесныхъ наказаній, взысканій по 61 и 62 ст. пол. о земск. нач. и по 3 примѣч. къ 51 ст. общ. пол. о крест.

Размѣръ % отмѣненныхъ рѣшеній и приговоровъ въ особенности характеризуетъ судопроизводство и, если судить только по общему % обжалованныхъ приговоровъ и рѣшеній (8,5% для волостныхъ судовъ и 20% для земскихъ начальниковъ) или по процентному отношенію отмѣненныхъ съѣздами къ общему числу постановленныхъ волостными судами и земскими начальниками приговоровъ и рѣшеній (5% для волостныхъ судовъ и 5,3 (въ 1896 г.—7,9%) для земскихъ начальниковъ),—земскіе начальники и волостные суды функціонируютъ удовлетворительно, но слѣдуетъ имѣть въ виду, что число отмѣненныхъ съѣздами приговоровъ и рѣшеній составляетъ въ среднемъ для волостныхъ судовъ—54% (въ 1896 г.—59%) и для земскихъ начальниковъ—27%.

Нельзя считать нормальнымъ существующее положеніе вещей, когда при наличности факта отмѣны 53,8% (51,4—58,7%) всѣхъ обжалованныхъ приговоровъ и рѣшеній волостныхъ судовъ и 26,8% (20,7 — 40,0%) всѣхъ обжалованныхъ приговоровъ и рѣшеній земскихъ начальниковъ поступаетъ въ съѣзды жалобъ на рѣшенія и приговоры волостныхъ судовъ 8,5%, а на рѣшенія и приговоры земскихъ начальниковъ — не болѣе 20% [1]) (въ 1896 г.—26%) всѣхъ приговоровъ и рѣшеній: число обжалованныхъ рѣшеній и приговоровъ должно было бы быть выше 8,5 и 20%.

Невѣроятно, чтобы населеніе обжаловало исключительно несправедливые, по его мнѣнію, приговоры и рѣшенія. Нужно имѣть въ виду съ одной стороны, особенно по дѣламъ волостныхъ судовъ, желаніе населенія избѣжать, даже часто въ ущербъ собственнымъ интересамъ, судебной волокиты (поѣздки въ волостной судъ для подачи жалобы и въ городъ—для явки въ съѣздъ и т. д.) и, съ другой стороны, ту нѣкоторую трудность обжалованія рѣшеній и приговоровъ волостныхъ судовъ и земскихъ начальниковъ, которая очевидна изъ массы жалобъ на земскихъ начальниковъ въ порядкѣ надзора (476 жалобъ, или 9,1% всѣхъ обжалованныхъ рѣшеній) и частью случаевъ возвращенія земскими начальниками подавшимъ апелляціонныхъ и кассаціонныхъ жалобъ (въ 1896 г. возвращено 64 жалобы—

---

[1]) Въ дѣйствительности менѣе, такъ какъ въ числѣ дѣлъ есть жалобы на рѣшенія городскихъ судей.

1,2% обжалованныхъ рѣшеній). Кромѣ того, должна быть налицо и нѣкоторая боязнь населенія оспаривать мнѣнія и совѣты земскихъ начальниковъ, очень часто могущихъ примѣнить къ протестанту не „съ должною осторожностью“ ст. 61 пол. о земск. нач.

Очень скромно по ходу дѣлъ число обжалованныхъ рѣшеній и приговоровъ волостныхъ судовъ въ Осташковскомъ (5,1%), Корчевскомъ (7%), Весьегонскомъ (7,1%), Новоторжскомъ (7,3%) и Старицкомъ (7,0%) уѣздахъ.

Неестественно низокъ по ходу дѣлъ % обжалованія рѣшеній и приговоровъ земскихъ начальниковъ въ уѣздахъ: Весьегонскомъ (11%), Ржевскомъ (17), Старицкомъ (20) и Кашинскомъ (22%).

Число обжалованныхъ рѣшеній волостныхъ судовъ въ 1896 году достигло 15% въ Тверскомъ, 12% въ Кашинскомъ и 11% въ Ржевскомъ уѣздѣ.

Очень значителенъ въ 1896 г. % обжалованныхъ рѣшеній и приговоровъ земскихъ начальниковъ въ уѣздахъ: Тверскомъ (64%), Корчевскомъ (51), Новоторжскомъ (46) и Зубцовскомъ (33%) и, наоборотъ, малъ въ Весьегонскомъ (11%), Ржевскомъ (17) и Старицкомъ (20%).

Число отмѣненныхъ рѣшеній земскихъ начальниковъ достигло въ 1896 г. въ Тверскомъ уѣздѣ 23%, Корчевскомъ 11%, Кашинскомъ 10 и Калязинскомъ 12.

Такимъ образомъ, положеніе новыхъ учрежденій представляется намъ въ такомъ видѣ:

Въ производствѣ земскихъ начальниковъ, въ среднемъ, въ настоящее время по 196 судебныхъ и по 140 административныхъ, а всего по 336 дѣлъ; число дѣлъ постепенно и значительно уменьшается, случаи же обжалованія рѣшеній и приговоровъ земскихъ начальниковъ, медленность въ производствѣ судебныхъ дѣлъ и канцелярщина — возрастаютъ; случаи примѣненія тѣлесныхъ наказаній сильно сокращаются; число ревизій крестьянскихъ учрежденій сократилось; растутъ растраты общественныхъ суммъ; случаи увольненій безъ суда и преданій суду должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія и число взысканій съ нихъ по усмотрѣнію земскихъ начальниковъ за проступки по должности — сокращаются, но число жалобъ на должностныхъ лицъ со стороны учрежденій и частныхъ лицъ, и наказаній — увеличиваются и, наконецъ, случаи примѣненія 61 и 62 ст. пол. о земск. нач. и 3 примѣч. къ 51 ст. общ. пол. о крест. сократились очень значительно.

Въ среднемъ, въ производствѣ одного уѣзднаго съѣзда находится 696 судебныхъ и 185 административныхъ, а всего 881 дѣло въ годъ.

Несмотря на сокращеніе числа судебныхъ дѣлъ у земскихъ начальниковъ, число судебныхъ дѣлъ въ съѣздахъ значительно увеличивается; увеличивается и число жалобъ на волостные суды; возрастаетъ значительно и медленность въ производствѣ. За пять лѣтъ съѣздами отмѣнены 53,8% всѣхъ обжалованныхъ рѣшеній и приговоровъ волостныхъ судовъ и 26,8% — всѣхъ обжалованныхъ рѣшеній и приговоровъ земскихъ начальниковъ. Административная дѣятельность съѣздовъ незначительна и въ прямой зависимости отъ дѣятельности земскихъ начальниковъ и частью уѣздныхъ исправниковъ.

Въ производствѣ губернскаго присутствія въ 1896 г. было 1066 судебныхъ и 1635 административныхъ, а всего 2701 дѣло. Число судебныхъ дѣлъ -- жалобъ на рѣшенія съѣздовъ, число отмѣняемыхъ рѣшеній и приговоровъ съѣздовъ—возрастаетъ; дѣлопроизводство въ присутствіи отличается такою удивительною быстротой, что можно смѣло еще разъ пожелать ему большей медлительности; число административныхъ дѣлъ вообще сокращается, но сильно увеличивается число дѣлъ въ порядкѣ надзора по жалобамъ на земскихъ начальниковъ.

За пятилѣтіе 1884 — 1888 гг. изъ 2,198,061 гражданскихъ дѣлъ, рѣшенныхъ выборными мировыми судьями Россіи, обжаловано населеніемъ 19% и изъ 1,770,508 уголовныхъ дѣлъ— 15%, изъ которыхъ мировыми съѣздами отмѣнено 25%; кромѣ того, изъ перенесенныхъ въ кассаціонный департаментъ сената 112970 (въ десятилѣтіе съ 1881—1890 г.) отмѣнены 34% *).

Рѣшеніями и приговорами земскихъ начальниковъ населеніе остается недовольно нѣсколько чаще (% обжалованія болѣе 20%), съѣздами земскихъ начальниковъ отмѣняется нѣсколько большій % обжалованныхъ приговоровъ и рѣшеній (26,8%), но губернское присутствіе дѣйствуетъ нѣсколько слабѣе, чѣмъ сенатъ. Причины послѣдняго обстоятельства могутъ быть ясны, если мы вспомнимъ ту поразительную быстроту, съ какою рѣшаются дѣла въ присутствіи и обратимъ вниманіе на составъ его: губернаторъ, губернскій предводитель дворянства, вице-губернаторъ, прокуроръ окружнаго суда или его товарищъ и два непремѣнныхъ члена; кромѣ нихъ въ засѣданія присутствія приглашаются: въ судебныя—предсѣдатель окружнаго суда, въ

*) Энциклопедическій Словарь Брокгауза и Ефронъ.

административныя—управляющіе казенною палатою и государственными имуществами, а также и предсѣдатель губернской земской управы. Очевидно, весь составъ присутствія — люди очень занятые своими непосредственными обязанностями и не могущіе посвятить много времени и вниманія дѣламъ губернскаго присутствія.

Итакъ, новый институтъ, вѣдающій дѣла, хотя и маловажныя, но захватывающія вполнѣ область повседневной жизни населенія, гдѣ та или иная судебная и административная организація такъ или иначе скажетъ о себѣ, институтъ, стоющій, не считая затратъ населенія на разныя строительныя фантазіи иниціаторовъ — земскихъ начальниковъ *), очень не дешево (269,000 р. въ годъ), своею дѣятельностью даетъ много основаній относиться къ нему по меньшей мѣрѣ отрицательно. Такъ какъ новый институтъ есть говорящій и дѣйствующій отголосокъ молчаливаго закона, то нельзя не высказать пожеланія, чтобы наше законодательство въ этой области являлось отголоскомъ здравыхъ требованій общественности.

С. А. Михайловскій.
Членъ-корреспондентъ
Московскаго Юридич. Общества.

*) Такіе случаи часты и достаточно общеизвѣстны, чтобы много говорить о нихъ.

ГЕРМАНСКАЯ И КЕЛЬТСКАЯ ФОРМЫ РАЗСЕЛЕНІЯ ВЪ ГРЕМАНІИ *).

I.

При всемъ томъ разнообразіи, какое встрѣчается въ крестьянскомъ землевладѣніи Германіи съ точки зрѣнія характера разселенія, мы можемъ отмѣтить двѣ типичныя формы. Первая изъ нихъ носитъ названіе *дворовой системы (Hofsystem)*, вторая — *деревенской системы (Dorfsystem)*. Я постараюсь дать краткую характеристику каждой изъ нихъ.

Отличительною чертой первой формы является то обстоятельство, что отдѣльные крестьянскіе дворы разбросаны по всей территоріи данной общины, и что каждый такой дворъ представляетъ изъ себя одно замкнутое цѣлое. Принадлежащія къ нему земли расположены вокругъ него и лежатъ въ одномъ кускѣ; для цѣлей хозяйства онѣ раздѣлены на круглые или квадратные участки (Kämpe), огороженные заборомъ или окруженные рвомъ или живою изгородью. Лишь какъ исключеніе мы встрѣтимъ группы домовъ, расположенныхъ въ видѣ поселковъ или деревень; но эти группы обыкновенно населены не крестьянами, но главнымъ образомъ мелкими ремесленниками, чиновниками и т. п.

Понятно, что при свойственномъ этой формѣ поселенія расположеніи земель, принадлежащихъ данному двору, каждый хозяинъ вполнѣ самостоятеленъ въ выборѣ той или другой системы хозяйства. Одиночные дворы встрѣчаются главнымъ обра-

*) Пробная лекція, читанная въ Московскомъ университетѣ 12 марта 1898 года.

зомъ въ сѣверозападной Германіи (къ западу отъ р. Везера) и въ гористыхъ мѣстностяхъ южной Германіи.

Совсѣмъ иное представляетъ изъ себя другая форма, при которой населеніе живетъ не въ одиночныхъ дворахъ, разбросанныхъ по всей территоріи общины, но въ *деревняхъ*.

Деревня представляетъ изъ себя сплошную группу жилыхъ и хозяйственныхъ построекъ, расположенныхъ на близкомъ разстояніи одна отъ другой. Эти постройки размѣщены либо въ безпорядкѣ, либо по опредѣленному плану; онѣ окружены дворами, садами и огородами. За деревенскою чертой тянутся поля, луга, лѣса и другія угодія, принадлежащія деревнѣ. Поля раздѣлены на большое количество мелкихъ участковъ, имѣющихъ форму полосъ, иногда весьма узкихъ и длинныхъ. На каждаго землевладѣльца деревни приходится большее или меньшее число такихъ полосъ, разбросанныхъ по всему полю.

Таковы двѣ системы разселенія, встрѣчаемыя въ Германіи. Между этими двумя крайними типами встрѣчается рядъ переходныхъ формъ, о которыхъ я буду имѣть случай говорить ниже.

Въ мою задачу не входитъ всесторонняя оцѣнка хозяйственнаго и соціальнаго значенія того различія, которое представляютъ обѣ эти системы. Поэтому лишь въ видѣ иллюстраціи я сдѣлаю нѣсколько замѣчаній по этому вопросу.

Представленное мною описаніе деревенской формы поселенія было бы не полно, если бы я не указалъ на одну, и при томъ весьма важную характерную черту, всюду встрѣчавшуюся въ Германіи при этой системѣ и устраненную лишь въ XIX в. такъ наз. законодательствомъ о земельной культурѣ (Landeskulturgesetzgebung), къ которому я вернусь ниже. Эта черта— слабое развитіе полевыхъ дорогъ и неудобное положеніе ихъ по отношенію къ отдѣльнымъ полосамъ. Оба эти обстоятельства ведутъ къ тому, что многія полосы вовсе не прилегаютъ ни къ какой дорогѣ. Поэтому къ нимъ хозяинъ можетъ добраться только въ томъ случаѣ, если у него есть право прохода и проѣзда черезъ прилегающіе къ дорогѣ участки сосѣдей.

Это ведетъ къ весьма важному въ хозяйственномъ отношеніи послѣдствію, а именно къ такъ наз. *принудительной культурѣ*. Дѣйствтельино, пользованіе правомъ прохода и проѣзда черезъ чужіе участки [1]) возможно только въ томъ случаѣ, если

[1]) Къ праву прохода и проѣзда слѣдуетъ присоединить также право оборота земледѣльческихъ орудій на чужихъ участкахъ.

какъ обработка, такъ и посѣвъ и жатва на всемъ протяженіи деревенской полевой земли будутъ производиться всѣми хозяевами одновременно. А для этого необходимо, чтобы всѣ хозяева въ каждомъ полѣ воздѣлывали одинъ и тотъ же хлѣбъ, требованіе, которое достижимо только въ томъ случаѣ, если всѣ они подчинятся извѣстному, заранѣе опредѣленному сѣвообороту, обязательному для всѣхъ. Такой обязательный сѣвооборотъ, въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи—главнымъ образомъ въ южныхъ гористыхъ мѣстностяхъ—существуетъ и до настоящаго времени; а въ недавнемъ прошломъ онъ господствовалъ всюду въ Германіи, гдѣ только преобладала деревенская система поселеній.

Форма, въ которой проявляется принудительная культура, достаточно извѣстна: вся пахатная земля деревни дѣлится на извѣстное число равныхъ по своимъ размѣрамъ полей: 2, 3 или болѣе, въ зависимости отъ принятой въ данной мѣстности системы полеводства и безъ вниманія къ распредѣленію земли между отдѣльными собственниками [2]).

Необходимость принудительной культуры, вытекающая изъ недостатка въ полевыхъ дорогахъ, въ значительной степени усиливается обычаемъ *общей пастьбы* деревенскаго стада. Этотъ обычай тѣсно связанъ съ недостаточнымъ количествомъ корма, добываемаго при низкихъ системахъ земледѣльческой культуры. Кромѣ того, онъ представляетъ и ту выгоду, что даетъ возможность всей деревнѣ держать только одного пастуха. Общей пастьбѣ подлежатъ какъ паровое поле, такъ и жнивье; и лишь во время роста хлѣбовъ засѣянное поле огораживается деревяннымъ заборомъ для защиты отъ скота; въ постановкѣ этого забора ежегодно участвуетъ каждый владѣлецъ пропорціонально размѣрамъ своего владѣнія. По окончаніи установленнаго для жатвы срока заборъ снимается, и поле превращается въ пастбище для деревенскаго стада; кто не успѣлъ убрать своего хлѣба, тотъ теряетъ его, точно такъ же какъ онъ долженъ отказаться отъ обработки своей земли, какъ только прошелъ срокъ, въ

[2]) Однако, понятно, что хозяйственная цѣль этого раздѣленія въ то же время требуетъ, чтобы каждый собственникъ въ каждомъ полѣ имѣлъ приблизительно одинаковую площадь. Только этимъ путемъ можетъ быть достигнуто необходимое хозяйственное равновѣсіе и можетъ быть удовлетворено желаніе каждаго хозяина ежегодно получать приблизительно одинаковые урожаи каждаго хлѣба и примѣнять приблизительно одинаковый инвентарь и одинаковое количество рабочихъ силъ.

теченіе котораго онъ можетъ пользоваться своимъ правомъ прохода и проѣзда черезъ чужіе, сосѣдніе участки.

Принудительная культура и связанная съ нею зависимость одного лица отъ способа хозяйства, принятаго всѣми, на низкихъ ступеняхъ хозяйственнаго развитія оказываетъ полезное вліяніе и даже представляетъ изъ себя явленіе прогрессивное. Она пріучаетъ нехозяйственныхъ крестьянъ къ извѣстной дисциплинѣ и заставляетъ ихъ вести свое хозяйство по извѣстной сравнительно высокой системѣ. Однако, съ другой стороны, когда вслѣдствіе роста населенія появляется необходимость перехода къ болѣе интенсивному хозяйству, принудительная культура становится препятствіемъ всякому дальнѣйшему сельскохозяйственному прогрессу и удерживаетъ всѣхъ на уровнѣ извѣстной посредственности.

Кромѣ принудительной культуры, съ деревенской формой поселенія тѣсно связаны и другія условія, весьма вредно отражающіяся на сельскохозяйственномъ прогрессѣ.

Прежде всего уже сама разбросанность полосъ, входящихъ въ составъ одного владѣнія, ведетъ къ децентрализаціи рабочихъ силъ хозяйства и благодаря этому увеличиваетъ издержки производства. Далѣе обработка слишкомъ мелкихъ полосъ представляетъ большія затрудненія, въ особенности, если къ малому размѣру присоединяется неудобная форма.

Между тѣмъ, вслѣдствіе наслѣдственныхъ раздѣловъ, дареній и продажъ парцелляція доходила въ Германіи иногда до ужасающихъ размѣровъ. Такъ, напр., изъ прусскаго округа Кассель (пров. Гессенъ) извѣстны случаи, когда земельное владѣніе въ 10—15 ha. распадалось на 200—300 парцеллъ.

При сильной чрезполосности, далѣе, большое количество земли теряется вслѣдствіе многочисленныхъ межъ и дорогъ [3]).

Наконецъ, большое значеніе имѣетъ разстояніе полосъ отъ центра хозяйства; чѣмъ далѣе онѣ отстоятъ отъ двора, тѣмъ выше растутъ издержки производства.

Всѣхъ этихъ неудобствъ нѣтъ при системѣ одиночныхъ дворовъ, которая даетъ возможность каждому владѣльцу вести свое хозяйство вполнѣ самостоятельно и независимо отъ системы хозяйства, принятой его сосѣдями. Вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ принять во вниманіе, что съ развитіемъ культуры все

---

[3]) Такъ, напр., вычислено, что, если парцелляція земли доходитъ до $^1/_4$ моргена, то на межи теряется 5% площади (*Roscher*, Nationaloekonomie des Ackerbaues, 12 Auflage, Stuttgart, 1888, § 76, прим. 2).

болѣе теряютъ значеніе нѣкоторыя преимущества, свойственныя деревенской формѣ разселенія на низкихъ ступеняхъ исторической жизни. Такъ, напр., эта форма въ значительной степени обезпечиваетъ защиту отъ нападенія дикихъ звѣрей, враговъ и разбойниковъ, тѣмъ болѣе что при принудительной культурѣ всѣ полевыя работы производятся одновременно и въ одномъ мѣстѣ. При средневѣковой необезпеченности съ этимъ обстоятельствомъ приходится считаться. Въ настоящее время оно, конечно, уже не имѣетъ никакого значенія. Далѣе, деревенская форма облегчаетъ исполненіе нѣкоторыхъ задачъ въ области управленія, посѣщеніе школъ и т. д., и вообще представляетъ всѣ тѣ выгоды, которыя даетъ совмѣстная жизнь людей. Однако, при современномъ развитіи городовъ, усовершенствованіи путей сообщенія, распространеніи газетъ и облегченіи всякаго рода обмѣна мыслей—эти выгоды въ значительной степени начинаютъ терять свою силу. Поэтому, напр., указаніе на вредныя стороны изолированности отдѣльныхъ хозяевъ при дворовой системѣ, поддерживающей будто бы въ нихъ неподвижность и безъ того уже сильную приверженность крестьянскаго населенія къ установившимся испоконъ вѣка пріемамъ хозяйства,—это указаніе имѣетъ лишь относительное значеніе; и по справедливому замѣчанію *Зеринга* [1]) самостоятельная энергія и сильная индивидуальность, въ одинаковой мѣрѣ отличающія сѣверо-американскихъ фермеровъ и ихъ родственниковъ въ Германіи, нижне-саксонцевъ, должны быть въ значительной степени приписаны системѣ одиночныхъ дворовъ, повсемѣстно встрѣчающихся какъ въ Сѣв.-Американскихъ Штатахъ, такъ и въ Германіи по лѣвую сторону отъ рѣки Везера.

Неудобства, связанныя съ чрезполосностью и принудительною культурой, на извѣстной ступени развитія сдѣлались столь стѣснительными, что для ихъ устраненія потребовалось государственное вмѣшательство.

Въ Германіи этотъ процессъ (Flurbereinigung) произошелъ главнымъ образомъ въ теченіе XIX вѣка путемъ такъ наз. разверстанія земель, введеннаго упомянутыми выше *законами о земельной культурѣ*.

Эти законы можно раздѣлить на двѣ группы.

Болѣе радикальные изъ нихъ ставили себѣ цѣлью соединеніе мелкихъ полосъ въ болѣе крупные участки (Zusammenle-

---

[1]) *Max Sering*, Die landwirtschaftliche Konkurrenz Nordamerikas in Gegenwart und Zukunft. Leipzig, 1887, стр. 109.

gung) и такое проведеніе полевыхъ дорогъ, которое сдѣлало бы каждый участокъ доступнымъ безъ права проѣзда черезъ чужіе участки. Менѣе радикальные задавались только проведеніемъ полевыхъ дорогъ, какъ самостоятельнымъ мѣропріятіемъ, безъ уменьшенія черезполосицы (Flurbereinigung въ тѣсномъ смыслѣ)[5]).

Примѣромъ перваго рода можетъ служить прусское законодательство. Соединеніе полосъ въ болѣе крупные участки было предусмотрѣно здѣсь закономъ 7 іюня 1821 г., который вмѣстѣ съ тѣмъ устанавливалъ раздѣлъ общинныхъ земель и отмѣну полевыхъ и другихъ сервитутовъ[6]).

Идеалъ, къ которому стремится соединеніе полосъ, состоитъ въ *полномъ округленіи владѣній* (Vereinödung, Abbauten), т.-е. въ достиженіи такого состоянія, при которомъ вся принадлежащая къ данному владѣнію земля сосредоточивалась бы въ одномъ участкѣ вокругъ двора. Этотъ путь ведетъ къ замѣнѣ деревенской формы разселенія системою одиночныхъ дворовъ. Однако для такой замѣны требуется не только обмѣнъ полосъ между владѣльцами, но и снесеніе всѣхъ жилыхъ и хозяйственныхъ построекъ и возведеніе ихъ на новомъ мѣстѣ. Поэтому эта мѣра примѣнима только къ болѣе крупнымъ владѣніямъ и встрѣчается лишь въ видѣ исключенія. Особенною извѣстностью въ этомъ отношеніи пользуется въ Германіи территорія, принадлежавшая къ архіепископству Kempten (въ южн. Баваріи), гдѣ полное округленіе земельныхъ владѣній началось уже съ 1540 г.[7]). Въ этой области одиночные дворы наиболѣе соотвѣтствуютъ мѣстнымъ природнымъ условіямъ, и огругленіе владѣній было въ ней значительно облегчено преобладаніемъ деревянныхъ построекъ, болѣе легкихъ для переноски съ одного мѣста на другое. Далѣе, полное округленіе было произведено въ теченіе XVIII вѣка въ Шлезвигъ-Гольштиніи, Даніи, Швеціи и въ нѣкоторыхъ южно-германскихъ (напр., вюртембергскихъ) общинахъ, гдѣ его осуществленію способствовало преобладаніе крупныхъ крестьянскихъ владѣній. Наконецъ въ теченіе XIX в. оно было произведено въ нашихъ прибалтійскихъ губерніяхъ

---

[5]) Объ этомъ см. *А. Посниковъ*, Общинное землевладѣніе, Выпускъ II, изд. 2-ое, Одесса, 1878, стр. 91 и слѣд.

[6]) Для тѣхъ частей Пруссіи, которыя были пріобрѣтены послѣ 1821 г., были изданы особые законы.

[7]) Первоначально оно производилось по добровольному соглашенію заинтересованныхъ лицъ; съ 1692 начинается и принудительное округленіе.

и въ нѣкоторыхъ частяхъ Пруссіи. Въ обоихъ послѣднихъ случаяхъ оно было проведено властью помѣщиковъ.

По общему же правилу законодательство ставитъ себѣ болѣе скромную задачу, а именно, способствовать соединенію полосъ въ одинъ или нѣсколько участковъ, безъ перенесенія построекъ и безъ уничтоженія прежней формы разселенія. Для устраненія главныхъ неудобствъ, вытекающихъ изъ чрезполосности, эта мѣра оказывается вполнѣ достаточною, и на ея проведеніи сосредоточило свое главное вниманіе законодательство какъ въ Пруссіи, такъ и въ другихъ сѣверо-германскихъ и средне-германскихъ государствахъ. Размѣры, въ которыхъ реформа была проведена въ Пруссіи, видны изъ того, что здѣсь до 1887 г. включительно она (вмѣстѣ съ раздѣломъ общинныхъ земель и съ отмѣною сервитутовъ) коснулась *2.093.970 владѣній* съ площадью въ *20.094.776 ha!*

Вмѣстѣ съ соединеніемъ полосъ была создана новая система полевыхъ дорогъ, благодаря которой каждый участокъ сдѣлался доступнымъ безъ проѣзда черезъ сосѣдніе участки.

Менѣе энергично взялись за дѣло южно-германскія государства, въ которыхъ соотвѣтствующіе законы были изданы только въ серединѣ настоящаго столѣтія и главное вниманіе было направлено не на соединеніе полосъ въ болѣе крупные участки, но на проведеніе полевыхъ дорогъ, какъ на самостоятельную мѣру. Но и въ этихъ предѣлахъ изданные здѣсь законы въ значительной степени оставались мертвою буквой до послѣдняго времени, когда они были видоизмѣнены новыми законами: въ Баваріи закономъ 29 мая 1886 г., въ Вюртембергѣ закономъ 30 марта 1886 г., въ Баденѣ закономъ 21 мая 1886 г., въ Гессенѣ закономъ 28 сентября 1887 г.[8]).

II.

Изъ изложеннаго мы видимъ, что переходъ отъ деревенской системы къ дворовой можетъ совершаться лишь съ большими затрудненіями и лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Съ другой стороны, какъ мы увидимъ ниже, въ тѣхъ случаяхъ, когда

[8]) Недавно появился отчетъ коммиссіи, завѣдующей реформою въ Баваріи (Flurbereinigungskommission) за періодъ съ 1887—1896 гг. Пространство земли, на которомъ въ теченіе этого десятилѣтія были соединены полосы или проведены полевыя дороги, составляетъ 14.922 ha, которые принадлежатъ 13.859 землевладѣльцамъ. Достигнутыя при этомъ выгоды оцѣниваются коммиссіей въ $4^1/_2$ милл. марокъ. (*Brentano.* Agrarpolitik, I Theil, Stuttgart, 1897, стр. 87).

одиночные дворы постепенно превращаются въ поселки и даже деревни, послѣднія носятъ на себѣ такія черты, которыя ихъ отличаютъ отъ типичной германской деревни. Уже одно это должно навести насъ на мысль о древнемъ происхожденіи обѣихъ формъ разселенія. Мысль эта дѣйствительно и подтверждается данными исторіи, которыя показываютъ, что на самыхъ раннихъ ступеняхъ культуры въ Германіи наряду съ деревенской формой поселенія встрѣчается и дворовая. Уже изъ словъ Тацита, съ сожалѣнію столь краткихъ, можно вывести, что онъ былъ знакомъ съ обѣими формами; хотя видно, что, описывая бытъ Германцевъ, онъ въ особенности имѣлъ въ виду такія области, которыя характеризуются преобладаніемъ дворовой системы [9]). Далѣе, и другія историческіе памятники показываютъ, что преобладаніе одиночныхъ дворовъ въ главныхъ областяхъ ихъ современнаго распространенія существовало уже съ весьма ранняго времени и можетъ быть документально удостовѣрено начиная со второй половины среднихъ вѣковъ и вплоть до настоящаго времени [10]). Отсюда близко до вывода, что одиночные дворы въ этихъ областяхъ существуютъ уже съ самаго перехода населенія къ осѣдлому образу жизни и къ правильной обработкѣ земли [11]). Этотъ выводъ въ сильнѣйшей степени подтверждается трудностью, съ которой сопряженъ переходъ отъ одной системы разселенія къ другой. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, представляется вопросъ: чѣмъ объясняется то обстоятельство, что однѣ мѣстности были заселены одиночными дворами, а другія—замкнутыми деревнями?

Обычный отвѣтъ на этотъ вопросъ до послѣдняго времени состоялъ въ томъ, что объясненія слѣдуетъ искать въ хозяйственныхъ моментахъ, связанныхъ съ природными условіями данной мѣстности. Это объясненіе было, напр., предложено извѣстнымъ австрійскимъ статистикомъ и историкомъ германскаго народнаго хозяйства *Инама-Штернеггомъ* по отношенію къ *альпійскимъ* одиночнымъ дворамъ.

Существованіе послѣднихъ Инама-Штернеггъ объясняетъ „внутренними хозяйственными причинами“. Народъ, по мнѣнію этого писателя, заселяя осѣдлымъ образомъ какую-нибудь страну, тѣмъ болѣе принаравливалъ свои хозяйственныя формы

---

9) *K. Th. von Inama-Sternegg.* Untersuchungen über das Hofsystem im Mittelalter mit besonderer Beziehung auf deutsches Alpenland. Innsbruck 1872, стр. 27, 43.

10) Ibidem, стр. 68—70, 87—88, 111, 126—128.

11) Ibidem, 99—100, 127.

къ даннымъ условіямъ внѣшней природы, чѣмъ менѣе на низкой ступени своей культурной жизни онъ умѣлъ управлять ею и господствовать надъ нею. Въ Альпахъ эти условія внѣшней природы сводятся главнымъ образомъ къ двумъ обстоятельствамъ: прежде всего здѣсь встрѣчается большое число участковъ, абсолютно неплодородныхъ и не поддающихся никакой обработкѣ, или годныхъ только для опредѣленнаго способа эксплуатаціи (абсолютныя лѣсныя или пастбищныя пространства) или только при болѣе высокой степени культуры. Всѣ подобныя земли, будучи разбросаны по странѣ среди участковъ, удобныхъ для воздѣлыванія — составляютъ первый естественный поводъ къ разселенію населенія по системѣ одиночныхъ дворовъ. Дѣйствительно, вслѣдствіе разбросанности удобныхъ для воздѣлыванія земель, концентрація хозяйства для наилучшаго использованія всѣхъ его силъ становится болѣе необходимою, чѣмъ гдѣ-либо. Невыгоды, связанныя съ чрезполосностью сказались бы здѣсь съ особою силою. Это и заставляетъ населеніе отказаться отъ выгодъ, представляемыхъ совмѣстною жизнью въ деревняхъ [12]).

Другая причина распространенія одиночныхъ дворовъ въ Альпахъ по мнѣнію Инама-Штернеггъ лежитъ въ томъ, что эта форма разселенія въ гораздо большей степени, чѣмъ деревенская даетъ возможность каждому хозяину независимо отъ своихъ сосѣдей выбрать систему хозяйства, наиболѣе подходящую къ условіямъ данной мѣстности и къ конъюнктурамъ рынка. Между тѣмъ при указанномъ уже разнообразіи свойствъ альпійской почвы эта возможность приноровляться къ мѣстнымъ условіямъ имѣетъ особенно важное значеніе, что подтверждается хотя бы тѣмъ разнообразіемъ въ системахъ хозяйства, которое можетъ быть наблюдаемо въ области альпійскихъ одиночныхъ дворовъ и теперь [13]).

Нѣтъ сомнѣнія, что разсужденія Инама-Штернегга заслуживаютъ полнаго вниманія. Однако, они касаются только гористыхъ мѣстностей. Но чѣмъ же объяснить сплошное господство одиночныхъ дворовъ въ сѣверо-западной, низменной части Германіи, а именно: въ Вестфаліи, Ганноверѣ, Ольденбургѣ, а также и въ другихъ государствахъ, какъ напр. въ Ирландіи, въ южной и притомъ большей половинѣ Франціи, Бельгіи, Го-

---

[12]) l. c. стр. 7 и слѣд. На вліяніе этой же причины въ Швеціи и Норвегіи указываетъ Гансенъ (10).

[13]) Ibidem 15–17.

ландіи? И здѣсь старались связать преобладаніе одиночныхъ дворовъ съ хозяйственными причинами — но приводимыя при этомъ объясненія носятъ весьма мало доказательный характеръ. Такъ напр., нельзя считать достаточнымъ объясненіемъ часто встрѣчаемое въ литературѣ указаніе на то, что въ Вестфаліи на лучшихъ почвахъ преобладаютъ деревни, а на худшихъ, песчаныхъ почвахъ—одиночные дворы [14]). Столь же мало объясняетъ, напр. утвержденіе *Рошера,* что наибольшее число деревень встрѣчается въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ при большомъ плодородіи почвы долго продолжалась средневѣковая необезпеченность (въ видѣ примѣра Рошеръ указываетъ на Венгрію, Южную Россію, Испанію, Южную Португалію, Сицилію [15]).

III.

Недавно вышло замѣчательное изслѣдованіе, принадлежащее перу профессора Берлинскаго университета *Августа Мейтцена*, и ставящее себѣ задачею между прочимъ и разрѣшеніе разбираемаго нами вопроса о происхожденіи разныхъ системъ разселенія въ Германіи [16]).

Изслѣдованіе это настолько важно, что, прежде чѣмъ изложить отвѣтъ, который оно даетъ на этотъ вопросъ, слѣдуетъ хотя бы въ нѣсколькихъ словахъ остановиться на общемъ характерѣ книги и на личности ея автора.

Проф. Мейтценъ родился въ 1822 г. Въ 1848 г. онъ получилъ степень доктора, но уже съ 1846 г. онъ находился на государственной службѣ въ разныхъ вѣдомствахъ. Въ 1853 г. онъ былъ избранъ городскимъ головой въ гор. Гиршбергѣ, а въ 1856 г. снова поступилъ на государственную службу, причемъ былъ назначенъ комисаромъ по регулированію отношеній между помѣщиками и крестьянами. Въ 1861 г. Мейтценъ былъ назначенъ комисаромъ въ Силезіи по производству земельнаго

---

[14]) *Roscher*, l. c. § 75, прим. 2; *InamaSternegg*, l. c., стр. 11, прим.

[15]) *Roscher*, l. c. § 75. Инама-Штернегъ въ позднѣйшемъ своемъ сочиненіи также поднимаетъ вопросъ о происхожденіи одиночныхъ дворовъ въ Сѣверозападной Германіи, но не даетъ ему никагого разрѣшенія (Deutsche Wirtschaftsgeschichte, томъ I, Leipzig 1879, стр. 40—52).

[16]) Siedelung und Agrarwesen der Westgermanen und Ostgermanen, der Kelten, Römer, Finnen und Slawen. Von *August Meitzen*, Berlin 1895. 3 тома. Къ сочиненію приложенъ атласъ, заключающій въ себѣ 125 топографическихъ картъ и рисунковъ.

кадастра для новаго прусскаго поземельнаго налога, только что введеннаго закономъ 1861 г. Такимъ образомъ мы видимъ, что уже служебныя обязанности давали Мейтцену поводъ близко ознакомиться съ разными формами разселенія и съ связанными съ ними различіями въ распредѣленіи полевой земли между отдѣльными владѣніями. Наряду съ этимъ Мейтценъ занимался архивнымъ изученіемъ аграрной исторіи пров. Силезіи. Плодомъ этого изученія явилось изданное имъ въ 1863 г. сочиненіе изъ этой области, составившее 4-й томъ такъ наз. „Codex diplomaticus Silesiae". Уже здѣсь онъ проводилъ ту мысль, что первоначальное устройство и состояніе нѣмецкихъ колоній, основанныхъ въ XIII в. въ Силезіи, и въ настоящее время можетъ быть опредѣлено съ большою точностью.

Въ 1865 г. прусскимъ правительствомъ было поручено Мейтцену составленіе большого сочиненія, вышедшаго въ 1868—71 г.г. подъ заглавіемъ „Der Boden und die landwirtschaftlichen Verhältnisse der preussischen Staates nach dem Gebietsumfange von 1866", которое пользуется заслуженною извѣстностью въ ученомъ мірѣ. Въ 1868 г. Мейтценъ былъ назначенъ членомъ прусскаго статистическаго бюро, въ каковой должности онъ состоялъ до 1882 г., а съ 1875 г. онъ состоитъ профессоромъ Берлинскаго университета. Все это время Мейтценъ продолжалъ изученіе аграрной исторіи.

При этомъ онъ все болѣе и болѣе убѣждался въ томъ, что все, что сдѣлано пока въ области изученія первоначальнаго разселенія, носитъ еще весьма отрывочный характеръ, и что цѣль этого изученія будетъ достигнута только тогда, когда будетъ найдена общая историческая или національная связь между различными относящимися сюда явленіями. Между тѣмъ Мейтценъ сознавалъ, что средствомъ къ достиженію этой цѣли должно быть, во-первыхъ, всеобъемлющее, систематическое и детальное наблюденіе всѣхъ разнообразныхъ особенностей въ характерѣ разселенія на всемъ протяженіи современныхъ культурныхъ государствъ, наблюденіе, отличающееся почти статистическою полнотою, и, во-вторыхъ, тщательное критическое изученіе полученныхъ путемъ этого наблюденія данныхъ съ помощью всѣхъ имѣющихся у насъ историческихъ свѣдѣній.

Понятно, что такая задача едва ли могла быть подъ силу одному человѣку. Это обстоятельство однако не остановило Мейтцена, и онъ принялся за ея разрѣшеніе и въ теченіе болѣе 25 лѣтъ работалъ надъ нею. Вышедшая въ 1895 году книга представляетъ изъ себя результатъ этихъ долголѣтнихъ изслѣдованій.

Какъ показываетъ ея заглавіе, она ставитъ себѣ цѣлью выяснить характеръ первоначальнаго разселенія и аграрнаго быта народовъ, занявшихъ сѣверную половину Европы, т.-е. германцевъ, кельтовъ, римлянъ, финновъ и славянъ, и объяснить тѣ различія, которыя въ этомъ отношеніи встрѣчаются между ними.

Еще до 1895 г. Мейтценъ въ теченіе болѣе 25 лѣтъ печаталъ статьи по этому вопросу. Въ особенности слѣдуетъ указать на двѣ статьи, въ которыхъ онъ изложилъ основныя положенія своей теоріи о происхожденіи различныхъ формъ разселенія у народовъ Европы къ Сѣверу отъ Альпъ, а именно на статьи: „Agrarpolitik im engeren Sinne“ (въ Schönberg's Handbuch der Politischen Oekonomie, t. II) и „Ansiedelung“ (въ Handwörterbuch der Staatwissenschaften). Въ новой работѣ своей Мейтценъ этимъ основнымъ положеніямъ даетъ детальное обоснованіе и всестороннее развитіе. Тѣмъ не менѣе онъ думаетъ, что и теперь та громадная задача, которую онъ себѣ поставилъ, не можетъ считаться вполнѣ разрѣшенной. Какъ онъ самъ говоритъ (хотя и съ преувеличенною скромностію) въ введеніи къ своему труду, — эта цѣль могла быть достигнута имъ въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ. Однако и такой результатъ, по его мнѣнію, имѣетъ значеніе, такъ какъ здѣсь было важно провести съ извѣстною очевидностью главныя черты общей картины, а уже затѣмъ дальнѣйшему мѣстному изслѣдованію будетъ нетрудно заполнить пробѣлы и поправить ошибки. Мало-того: Мейтценъ даже думаетъ, что эти основныя черты должны были быть проведены рукою именно одного человѣка, безъ чего не могло бы быть сохранено единство картины.

При этомъ онъ сознаетъ, что его выводы не вездѣ одинаково полны и достовѣрны. „И теперь“—говоритъ онъ [17]), „авторъ не безъ извѣстнаго колебанія сводитъ итоги своихъ изслѣдованій. Несомнѣнно, что нѣкоторымъ вопросамъ можно было бы дать дальнѣйшее освѣщеніе и что нѣкоторыя гипотетическія утвержденія можно было бы подвергнуть дальнѣйшей провѣркѣ. Однако число лѣтъ, остающихся въ распоряженіи автора (въ 1895 г., т.-е. въ годъ изданія сочиненія, ему было 73 года!) уже не можетъ быть велико, главные же вопросы могутъ считаться настолько выясненными, что и въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ не могли быть достигнуты достовѣрные результаты,

---

17) Томъ I, стр. 31.

все же указаны тѣ проблемы, которыя должны быть подвергнуты разсмотрѣнію, и тотъ путь, съ помощью котораго онѣ могутъ быть разрѣшены".

Работа, произведенная авторомъ, поистинѣ громадна. Онъ съ научною цѣлью объѣздилъ всѣ государства Германіи, Австро-Венгрію, Россію, Англію, Францію, Швейцарію и Италію, всюду отыскивая кадастровыя и другія карты, снимая копіи съ картъ тѣхъ поселеній, которыя казались ему характерными, и подыскивая въ архивахъ и разныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ документы и другіе матеріалы, касающіеся аграрной исторіи этихъ поселеній. По собственному увѣренію Мейтцена (томъ I, стр. 30), число просмотрѣнныхъ имъ картъ значительно превосходитъ 10.000! Къ этому знакомству съ картами присоединяется громадная эрудиція.

Вотъ что говоритъ о Мейтценѣ одинъ французскій писатель: „Мейтценъ—представитель лучшей части нѣмецкихъ профессоровъ, тѣхъ, которые ищутъ истины и только истины, и которые преслѣдуютъ эту цѣль съ неутомимою и безпримѣрною энергіей и терпѣніемъ [18]).

И дѣйствительно, среди всѣхъ современныхъ ученыхъ въ области первоначальнаго аграрнаго быта, Мейтценъ безспорно занимаетъ первое мѣсто.

Главною, отличительною и наиболѣе оригинальною чертою изслѣдованій Мейтцена является ихъ *методъ*. Правда, что пріемы, примѣняемые Мейтценомъ, могутъ быть найдены и у нѣкоторыхъ прежнихъ писателей; однако у нихъ они являются лишь въ видѣ случайнаго вспомогательнаго средства и играютъ лишь второстепенную роль. Книга Мейтцена составляетъ эпоху въ томъ отношеніи, что въ ней впервые эти пріемы получаютъ вполнѣ самостоятельное систематическое значеніе и полагаются въ самое основаніе изслѣдованія.

Въ чемъ же состоятъ эти пріемы?

Исходною точкою Мейтцена является та мысль, что многія поселенія и въ настоящее время сохранили черты своего древнѣйшаго устройства, и что, поэтому, въ современныхъ кадастровыхъ и т. п. картахъ, поскольку онѣ относятся ко времени, предшествующему проведенію законовъ о земельной культурѣ, въ значительной степени могутъ быть найдены слѣды того

---

[18]) Supplément au nouveau dictionnaire d'Economie Politique de *Léon Say* et *Joseph Chailly-Bert*, Paris 1897. Статья „Colonisation ancienne en villages ou en fermes séparées". Стр. 87. Авторъ этой статьи, *N. C. Frederiksen,* раздѣляетъ теорію Мейтцена и излагаетъ ея основныя положенія.

первоначальнаго разселенія, которое образовалось при переходѣ населенія къ осѣдлому образу жизни. „Дѣйствительно“, говоритъ Мейтценъ, „каждое современное поселеніе представляетъ изъ себя до извѣстной степени развалины прошедшаго времени, и притомъ развалины, которыя по возрасту далеко оставляютъ за собою романтическіе обломки средневѣковыхъ замковъ и городскихъ стѣнъ. На каждомъ шагу, и въ усадьбѣ, и въ полѣ, мы можемъ встрѣтить слѣды древнѣйшаго осѣданія, и топографическія карты владѣній представляютъ изъ себя своеобразное письмо, которое передаетъ намъ идеи и цѣли основателей, изображенныя какъ бы въ гіероглифахъ“ (томъ I, стр. 28). Такимъ образомъ въ основаніи изученія древняго аграрнаго строя должно быть положено изученіе современныхъ топографическихъ картъ, т.-е. наблюденіе надъ такими фактами, которые могутъ (или могли быть) непосредственно констатированы еще и въ настоящее (или въ весьма недавнее) время.

Понятно, что если мысль Мейтцена справедлива, то изученію древняго аграрнаго быта открываются совершенно новыя перспективы; появляется новый источникъ для него, что особенно важно при скудости всѣхъ остальныхъ матеріаловъ, имѣющихся въ этой области. Но, спрашивается, справедлива ли эта мысль? Мейтценъ подробно разсматриваетъ этотъ вопросъ. Правда, говоритъ онъ [19]), что почти на всемъ протяженіи умѣреннаго пояса осѣдлое заселеніе произошло въ доисторическое время, а въ теченіе перваго вѣка послѣ начала нашей эры уже вездѣ было въ существенныхъ чертахъ закончено. Однако, со времени конца переселенія народовъ, мы въ общемъ можемъ прослѣдить судьбу существовавшихъ тогда поселеній. Мы знаемъ когда и гдѣ въ нихъ могли произойти измѣненія вслѣдствіе разныхъ потрясеній, какъ-то вторженія славянъ, нѣмецкой колонизаціи востока, проведенія законодательства о земельной культурѣ и т. д. Вездѣ же, гдѣ мы о такихъ потрясеніяхъ не знаемъ, или гдѣ они представляются невѣроятными, могли происходить только тѣ измѣненія, которыя встрѣчаются при обычномъ ходѣ вещей. Сюда относятся измѣненія, вызываемыя перемѣнами въ лицѣ владѣльцевъ, переходомъ къ новымъ системамъ хозяйства, ростомъ потребностей, перемѣнами въ правовомъ строѣ и несчастными случаями.

Однако всѣ эти измѣненія, происходящія при обычномъ ходѣ вещей, могли оказать лишь весьма незначительное вліяніе.

---

[19]) Томъ I, стр. 15 и слѣд.

Къ наиболѣе глубокимъ послѣдствіямъ могло повести возникновеніе крупныхъ хозяйствъ; но и оно не могло окончательно стереть слѣдовъ стараго порядка, который и здѣсь часто можетъ быть реконструированъ. Перемѣны, происходящія вслѣдствіе переходовъ по наслѣдству, выдѣловъ, обмѣновъ, отчужденій, совершаются въ предѣлахъ опредѣленныхъ границъ или межъ, и поэтому почти не измѣняютъ общей картины прежняго устройства. Поэтому, по общему правилу они не могутъ изгладить слѣдовъ стараго поселенія. Нельзя, далѣе, не принять во вниманіе, что переходъ къ осѣдлой жизни всегда связанъ съ большой затратою труда на постройки, на сооруженіе заборовъ, проведеніе рвовъ и дорогъ, посадку деревьевъ, копаніе колодцевъ, раздѣленіе полей и т. д. Поэтому всякій преемникъ по владѣнію — будь онъ мирный наслѣдникъ или побѣдоносный врагъ — непремѣнно будетъ стараться воспользоваться всѣми тѣми сооруженіями и работами, которыя были созданы его предшественниками. Текущія нужды хозяйства оставляютъ мало времени и охоты ко всякимъ нововведеніямъ. Послѣднія становятся еще менѣе доступными тогда, когда для ихъ проведенія требуется соглашеніе съ сосѣдями. Въ этомъ случаѣ имъ препятствуетъ цѣлый рядъ установившихся правъ и обязанностей.

На основаніи изложеннаго Мейтценъ приходитъ къ тому выводу, что главныя черты въ современномъ расположенія поселеній и распредѣленія земельныхъ участковъ даютъ достаточно вѣрную точку опоры для опредѣленія характера первоначальнаго разселенія. „Каждое поселеніе", говоритъ онъ, „есть живой организмъ, который, правда, прежде всего долженъ удовлетворять современнымъ требованіямъ, но который, подобно языку, получилъ свои основныя черты при весьма первобытныхъ условіяхъ и сохранилъ въ себѣ важные слѣды этого происхожденія, которые легко могутъ быть замѣчены опытнымъ глазомъ" [20]).

Наиболѣе радикальнымъ образомъ слѣды стараго порядка были стерты современнымъ законодательствомъ о земельной культурѣ, примѣры котораго я привелъ выше. Но въ то же время самая необходимость изданія такого законодательства свидѣтельствуетъ о той устойчивости, съ какою сохраняются слѣды первоначальнаго заселенія: когда эти слѣды становятся помѣхою дальнѣйшему развитію сельскохозяйственной культуры, ихъ уничтоженіе становится возможнымъ только съ помощью государственнаго вмѣшательства.

---

[20]) Томъ I. стр. 28.

IV.

Итакъ, систематическое и какъ бы статистически полное изученіе современныхъ топографическихъ картъ является у Мейтцена главнымъ пріемомъ изслѣдованія. Какъ я уже указалъ, этотъ методъ находилъ примѣненіе и у нѣкоторыхъ прежнихъ писателей [21]). Можно даже сказать, что съ него началось изученіе первобытнаго аграрнаго строя.

Уже *Юстусъ Мёзеръ* во второй половинѣ XVIII вѣка выставлялъ требованія о томъ, чтобы составлялись топографическія карты съ подробнымъ нанесеніемъ на нихъ не только всѣхъ владѣній, но и всѣхъ парцеллъ. Мёзеръ жилъ въ Вестфаліи, какъ извѣстно, странѣ одиночныхъ дворовъ. Близкое знакомство съ окружавшимъ его поземельнымъ строемъ послужило ему исходной точкой для изслѣдованій по цѣлому ряду вопросовъ аграрной исторіи. Результатомъ этихъ изслѣдованій явилась извѣстная теорія Мёзера, что одиночные дворы представляютъ изъ себя первобытную германскую форму поселенія и что деревни лишь впослѣдствіи развились вслѣдствіе разрастанія или соединенія одиночныхъ дворовъ.

Вскорѣ послѣ Мёзера выступилъ датчанинъ *Олуфсенъ* (1764—1827), бывшій сначала землемѣромъ, а затѣмъ профессоромъ и академикомъ. Также какъ и Мёзеръ онъ въ своихъ изслѣдованіяхъ исходилъ изъ современныхъ ему формъ разселенія въ одной изъ областей, принадлежавшихъ Даніи. Знакомство съ этими формами было пріобрѣтено имъ во время практическихъ межевыхъ и картографическихъ работъ.

Однако въ противоположность Мёзеру, Олуфсенъ въ изслѣдованной имъ мѣстности всюду нашелъ замкнутыя деревни, которыя онъ и выставилъ въ качествѣ первобытной формы разселенія. Эти описываемыя имъ деревни имѣютъ всѣ характерныя черты германскихъ деревень съ раздѣленіемъ полей на коны и полосы. Единственное различіе заключается въ расположеніи усадебъ, которое въ деревняхъ Олуфсена носитъ тотъ же характеръ, какъ у славянскихъ рядовыхъ деревень, на которыхъ я подробнѣе остановлюсь ниже. Самъ Олуфсенъ не сообщаетъ, въ какихъ частяхъ Даніи были произведены его наблюденія. Однако, на основаніи расположенія усадебъ нужно думать, что это была югозападная часть Шлезвигъ-Гольштиніи

[21]) Томъ I, стр. 19 и слѣд.

(такъ наз. Вагрія) и о. Фэмарнъ, такъ какъ обѣ эти мѣстности лежатъ въ чертѣ славянской колонизаціи.

Между тѣмъ, такъ какъ распредѣленіе полей въ германскихъ и въ славянскихъ деревняхъ одинаково, то изслѣдованія Олуфсена оказали важное вліяніе и на пониманіе германской деревенской формы и разъяснили многія непонятныя до того мѣста въ нѣкоторыхъ старыхъ законодательныхъ памятникахъ XIII вѣка.

Изслѣдованія Олуфсена сдѣлались извѣстными главнымъ образомъ благодаря *Георгу Гансену*, который въ то же время далъ имъ дальнѣйшее развитіе[22]). Съ одной стороны онъ привелъ ихъ въ связь съ аграрнымъ бытомъ древнихъ германцевъ, поскольку онъ извѣстенъ изъ описаній Цезаря и Тацита, а съ другой стороны онъ сопоставилъ ихъ съ періодическими жеребьевками земли, сохранившимися въ нѣкоторыхъ деревняхъ прусскаго округа Триръ (въ такъ наз. Gehöferschaften). И то, и другое привело его къ убѣжденію, что частная собственность на землю не представляетъ у германцевъ института первоначальнаго, но что она лишь постепенно развилась у нихъ изъ общественной собственности болѣе крупныхъ политическихъ союзовъ, при которой земля распредѣлялась между отдѣльными лицами лишь для временнаго пользованія.

Это ученіе скоро нашло новую поддержку со стороны *А. фонъ Гакстгаузена*, который въ своемъ сочиненіи объ аграрномъ строѣ въ княжествѣ Падерборнъ и Корвей, появившимся въ 1829 г.[23]), совершенно независимо отъ Олуфсена, правильно выставилъ основныя черты устройства германскихъ деревень. Кромѣ того Гакстгаузенъ, какъ извѣстно, изучилъ и впервые описалъ аграрное устройство Россіи[24]): послѣднее какъ по раздѣленію полей на коны и полосы, такъ и по періодическимъ жеребьевкамъ обнаруживало большое сходство съ Трирскими Gehöferschaften; между тѣмъ русское аграрное устройство покоилось на общинномъ владѣніи, и считалось даже въ Россіи за первоначальный славянскій институтъ (мнѣніе, которое теперь можно считать окончательно оставленнымъ). Отсюда недалеко было до ученія, что частной собственности на землю въ Германіи предшествовала общественная собственность съ періодическими жеребьевками,

---

22) *Georg Hanssen*. Agrarhistorische Untersuchungen, 1881.

23) *A von Haxthausen*. Ueber die Agrarverfassung in dem Fürsten-thum Paderborn und Corvey. Berlin, 1829.

24) *Его же*. Studien über die inneren Zustände, das Volksleben und insbe sondere die ländlichen Einrichtungen Russlands. Hannover und Berlin, 1847—1852, 3 тома.

и это ученіе вскорѣ сдѣлалось господствующимъ, хотя еще въ 1854 г. *Вайтцемъ* было доказано, что оно не находитъ никакого подтвержденія въ дошедшихъ до насъ памятникахъ, которые всегда изображаютъ Германію страною съ частною собственностью на землю. Съ другой стороны *Лампрехтъ* на основаніи тщательнаго изученія историческихъ памятниковъ и кадастровыхъ картъ доказалъ, что происхожденіе трирскихъ Gehöferschaften носитъ помѣстный характеръ и можетъ быть отнесено не ранѣе, какъ къ XII столѣтію [25]).

Затѣмъ слѣдуетъ указать еще на нѣкоторыхъ писателей, и прежде всего на *Виктора Якоби* [26]), который, исходя изъ изученія современныхъ кадастровыхъ картъ, впервые указалъ на различныя національныя формы поселенія, а именно на славянскія кругообразныя и рядовыя деревни и на германскія деревни съ распредѣленіемъ полей на коны и полосы и лѣсныя колоніи (Waldhufen). Къ этимъ видамъ *Георгъ Ландау* присоединилъ еще особую форму деревень на маршахъ (Marschhufen) [27]). Наконецъ *Фр. Сибомъ* [28]), исходя изъ подробной карты деревни Хитчинъ (Hitschin) около Лондона, доказалъ, что замѣчаемая на этой картѣ чрезполосица обнаруживаетъ слѣды того земельнаго строя, который, судя по памятникамъ, существовалъ уже въ VII столѣтіи; этотъ строй состоялъ въ томъ, что поля дѣлились на коны и полосы, причемъ вся полевая площадь деревни распадалась на извѣстное число равныхъ долей (гуфъ), и на каждую изъ этихъ долей отводилась полоса въ каждомъ полѣ. Кромѣ того Сибомъ, опять таки исходя изъ современныхъ картъ, подробно изучилъ древній аграрный строй кельтовъ въ Ирландіи и Уэльсѣ [29]).

V.

Выводъ, къ которому привели Мейтцена его изслѣдованія, состоитъ въ томъ, что различія въ современныхъ формахъ разселенія, замѣчаемыя въ сѣв. половинѣ Европы, въ значитель-

---

25) *C. Lamprecht*. Deutsches Wirtschaftsleben im Mittelalter. 1885.

26) V. *Jacobi*. Forschungen über das Agrarwesen des altenburgischen Osterlandes. 1845.

27) *G. Landau*. Die Territorien in Bezug auf ihre Bildung und ihre Entwickelung. 1854.

28) *F. Seebohm*. The english village community. London, 1883. (Нѣмецкій переводъ Бунзена: Heidelberg, 1885).

29) Объ этомъ см. также его сочиненіе. The tribal system in Wales. London, 1895.

ной степени возникли уже при первоначальномъ осѣдломъ заселеніи этой территоріи, и что эти различія носятъ *національный* характеръ. Въ то время, какъ *кельтское* племя при переходѣ къ осѣдлому образу жизни основывало одиночные дворы, *германское* племя основывало деревни особаго типа. Соображенія, которыя привели Мейтцена къ этому выводу, и составятъ предметъ дальнѣйшаго изложенія.

Среди всѣхъ народовъ, занимающихъ ту часть Европы, которая расположена къ сѣверу отъ Альпъ, только германцы обладаютъ территоріею, которая съ самаго начала была заселена ими же и никогда впослѣдствіи не подпадала чужому вліянію, и которая, слѣд., и до настоящаго времени могла сохранить *чисто-національные* слѣды первоначальнаго заселенія [30]).

Дѣйствительно, весь кельтскій и римскій югъ (Франція, Южная Германія, Швейцарія) во время переселенія народовъ былъ захваченъ восточными и западными германцами, которые, хотя и подверглись римскому вліянію, но все же остались господами въ завоеванной территоріи. Британскіе острова постепенно были завоеваны англо-саксами и датчанами. Россія рано попала въ руки варяговъ, а затѣмъ татаръ. Страна лапландцевъ и финновъ была покорена скандинавами. Страна же, занятая западными славянами, отчасти уже раньше была занята римлянами, отчасти же съ конца среднихъ вѣковъ подверглась широкой германской колонизаціи. Нельзя, конечно, утверждать, чтобы чужое вліяніе во всѣхъ этихъ странахъ совершенно уничтожило слѣды первоначальнаго національнаго заселенія. Однако здѣсь въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ подлежитъ особому разсмотрѣнію вопросъ, насколько эти слѣды сохранились еще въ чистомъ и нетронутомъ видѣ, и не были ли они стерты вліяніемъ новыхъ условій.

Но не вся территорія, занятая въ настоящее время германскимъ племенемъ, можетъ считаться областью первоначальнаго чисто германскаго разселенія: нѣкоторыя изъ занятыхъ германцами земель до этого уже были населены кельтами; другіе же земли, хотя и были первоначально заселены германцами, впослѣдствіи временно переходили къ другимъ народамъ. Однако и теперь еще въ рукахъ германцевъ есть такія земли, которыя съ самаго начала были заселены ими и которыя въ теченіе всего дальнѣйшаго хода исторіи не выходили изъ ихъ власти и не подвергались чужеземному вліянію.

---

[30]) См. I томъ, отдѣлъ II, стр. 33 и слѣд.

Какія же земли должны быть сюда отнесены?

На *западѣ* и *югѣ* земли, занятыя германцами, граничили съ территоріею, первоначально населенной *кельтскими* племенами. Изъ послѣднихъ еще Цезарь знаетъ менапіевъ, жившихъ по правую сторону Рейна по теченію р. Липпе, гельветовъ, жившихъ къ сѣверу отъ Дуная до Тюрингенскихъ горъ, и бойевъ, занимавшихъ современную Богемію. Изслѣдованія Мюлленгофа показали, что земли, населенныя кельтскими племенами, первоначально простирались до р. Везера на сѣверѣ и до Тюрингенскихъ горъ на югѣ. Впослѣдствіи часть Германіи была завоевана римлянами. Однако, хотя римляне въ своихъ походахъ и проникали далеко въ глубь Германіи, прочное вліяніе они оказали на бытъ германцевъ только въ такихъ частяхъ германской территоріи, которыя первоначально были заняты кельтами и которыя поэтому и безъ того уже должны быть исключены нами изъ области чисто-германскаго первоначальнаго заселенія. При императорѣ Тиверіи былъ проведенъ такъ наз. limes въ качествѣ границы между Римскою имперіей и германскими народами, жившими по ту сторону отъ него. Послѣдніе были предоставлены самимъ себѣ, и римское вліяніе на аграрный строй германцевъ могло сказаться только въ предѣлахъ limes [31]).

И переселеніе народовъ не измѣнило опредѣленной Мюлленгофомъ и упомянутой выше западной и южной границы области чисто-германскаго заселенія.

Что касается *восточной* границы этой области, то слѣдуетъ замѣтить, что, начиная съ VI вѣка, въ германскія земли все болѣе и болѣе стали проникать славяне. Первоначально они заняли Богемію и Тюрингенъ, а начиная съ 600 г. они въ теченіе короткаго времени заселили все пространство, лежащее къ востоку отъ р. Эльбы. Предѣлъ ихъ распространенію былъ положенъ такъ наз. limes sorabicus, проведеннымъ Карломъ Великимъ въ 805 и 808 гг. Черезъ эту границу вліяніе славянъ не перешло.

Такимъ образомъ разсматриваемая нами область чисто германскаго заселенія ограничена на западѣ и югѣ предѣлами первоначальнаго распространенія кельтовъ, а на востокѣ—предѣлами, поставленными славянскому разселенію Карломъ Великимъ. Если мы взглянемъ на карту современной Германіи,

[31]) Изъ территоріи современной Германіи остались по сю сторону limes и, слѣд., могли подвергнуться римскому вліянію югозападный уголъ Вел. Герц. Гессенъ, почти весь Баденъ и Вюртембергъ и южная половина Баваріи.

то увидимъ, что эта область образуетъ сплошную полосу, ограниченную на западѣ р. Везеръ, затѣмъ линіей, идущей отъ р. Везеръ до р. Зигъ; на югѣ—линіей, идущей отъ р. Зигъ до Тюренгенскихъ горъ; на востокѣ — линіей, идущей приблизительно по теченію р. Залы и Эльбы [32]).

Кромѣ того внѣ предѣловъ Германіи эта полоса заключаетъ въ себѣ всю Данію, южную половину Швеціи и часть Норвегіи.

Каковъ же характеръ поселеній въ этой области?

Изслѣдованія Мейтцена привели къ тому замѣчательному результату, что на всемъ протяженіи этой области—если исключить сравнительно незначительныя группы поселеній, о которыхъ достовѣрно извѣстно, что они возникли лишь въ болѣе позднее время [33])—характеръ разселенія представляется удивительно однообразнымъ. А именно, всѣ поселенія имѣютъ форму *деревень* съ весьма опредѣленными отличительными свойствами.

Эти деревни состоятъ изъ замкнутаго, окруженнаго заборомъ поселенія. Въ размѣщеніи построекъ не обнаруживается опредѣленнаго плана. Усадьбы въ безпорядкѣ разбросаны вдоль кривыхъ и угловатыхъ улицъ и переулковъ, часто тѣсныхъ, иногда тупыхъ. Даже главныя улицы безпорядочно идутъ въ разныя стороны. По положенію усадебъ видно, что первоначально въ деревнѣ состояло извѣстное число дворовъ, изъ которыхъ на каждый приходилось около $^1/_2$ ha, и что съ теченіемъ времени это число вслѣдствіе раздѣловъ увеличилось, отчего площадь усадебъ уменьшилась, и усадебная земля получила новыя неправильныя очертанія.

Принадлежащая къ деревнѣ культурная площадь занимаетъ обыкновенно пространство въ 300—400 ha. Вся пахатная земля

[32]) Эта полоса заключаетъ въ себѣ часть баварской провинціи Нижней Франконіи, расположенную къ сѣверу отъ р. Майна, большую часть Тюрингенскихъ государствъ (за исключеніемъ незначительной восточной части ихъ), югозападную часть прусской провинціи Саксоніи, герцогство Брауншвейгъ, часть герцогства Ангальтъ, расположенную къ западу отъ р. Залы, оба княжества Липпе, княжество Вальдекъ, прусскую провинцію Гессенъ, за исключеніемъ юго-западнаго угла, сѣверо-восточную часть великаго герцогства Гессенъ, незначительную западную часть прусской провинціи Вестфаленъ, часть прусской провинціи Ганноверъ, расположенную на востокъ отъ р. Везеръ (за исключеніемъ незначительнаго восточнаго угла), и прусскую провинцію Шлезвигъ-Гольштинію, за исключеніемъ восточной ея части, такъ наз. Вагріи.

[33]) Сюда относятся лѣсныя колоніи и такъ наз. Marschhufen въ приморскихъ низменностяхъ (о тѣхъ и другихъ см. ниже), а также всѣ поселенія, созданныя позднѣйшимъ хозяйственнымъ развитіемъ, куда относятся фабрики, горныя предпріятія, гостинницы, мельницы, помѣщичьи усадьбы; сюда же относятся города.

раздѣлена на довольно большіе, по возможности четырехугольные участки, коны (Gewanne), границы которыхъ по большей части совпадаютъ съ различіями въ качествахъ почвы. Всѣ эти коны раздѣлены на небольшое число длинныхъ и узкихъ полосъ. Нѣсколько коновъ составляютъ одно поле. На каждаго владѣльца приходится извѣстное число полосъ, разбросанныхъ по разнымъ конамъ.

Описанная форма поселенія носитъ на себѣ явныя слѣды стараго поземельнаго строя, извѣстнаго подъ именемъ Hufenverfassung, и состоявшаго у древнихъ германцевъ въ слѣдующемъ. Каждый членъ племени имѣлъ равныя политическія права и обязанности. Поэтому и при распредѣленіи земли онъ имѣлъ право на полученіе равной со всѣми другими доли земли, какъ по количеству, такъ и по качеству. Для достиженія такого равенства вся земля, предназначенная для обработки подъ пашню, дѣлилась на коны въ зависимости отъ различій въ качествѣ почвы, въ ея конфигураціи, въ разстояніи земли отъ деревни и т. д., какъ это и теперь дѣлается у нашихъ крестьянъ при передѣлахъ. Въ каждомъ конѣ каждое уполномоченное лицо по жребію получало полосу одинаковыхъ размѣровъ, при чемъ коны отмѣривались обыкновенно такой величины, чтобы на каждую полосу пришлось пространство земли, могущее быть вспаханнымъ въ одинъ день, т.-е. размѣромъ въ 1 моргенъ (рѣже въ $1/2$ моргена). Такимъ образомъ, вся земля деревни распадалась на опредѣленное число равныхъ между собою по величинѣ и качеству долей, носившихъ названіе *гуфъ* (Hufen), числомъ обыкновенно отъ 10 до 30. Эти *гуфы* представляютъ собою равныя идеальныя доли участія въ деревенской землѣ, изъ которыхъ каждая предполагалась достаточною для содержанія одной крестьянской семьи и могла быть обработана ея трудомъ.

Въ настоящее время [34]) равенство отдѣльныхъ владѣній, конечно, давно нарушено: въ то время. какъ одни владѣнія заключаютъ въ себѣ нѣсколько гуфъ (2, 3 и т. д.), другія заключаютъ въ себѣ только доли гуфы ($1/2$, $1/3$, $1/4$, $1/8$ и т. д.). Тѣмъ не менѣе слѣды стараго порядка сохранились въ раздѣленіи пахотной земли на коны и въ раздѣленіи коновъ на полосы [35]).

[34]) Мы разумѣемъ время, когда слѣды стараго порядка еще не были разрушены законами о земельной культурѣ.

[35]) Среди коновъ слѣдуетъ различать тѣ, которые поступили въ обработку съ самаго начала, отъ тѣхъ, которые были взяты въ обработку позднѣе. Первые были расположены на лучшей, а также болѣе ровной и сухой почвѣ.

Во всѣхъ описанныхъ деревняхъ до проведенія законовъ о земельной культурѣ испоконъ вѣка существовала принудительная культура.

Кромѣ пахотной земли на деревенской территоріи расположены другія угодья: выгоны, луга, лѣса. До разверстанія общинныхъ земель выгоны и лѣсъ находились въ общинномъ пользованіи, что вело къ тому, что состояніе ихъ было въ большинствѣ случаевъ плачевное. Даже и луга во многихъ мѣстахъ еще до недавняго времени ежегодно дѣлились по состоянію травъ и распредѣлялись по жребію; или же производилась совмѣстная уборка сѣна, послѣ чего оно дѣлилось соразмѣрно долѣ участія каждаго.

Вотъ эту-то форму поселенія Мейтценъ и считаетъ національно-германскою формой, созданною германцами уже тогда, когда они впервые перешли къ осѣдлому, земледѣльческому образу жизни. Какъ извѣстно, этотъ переходъ произошелъ въ періодъ времени между Цезаремъ и Тацитомъ; и Мейтценъ дѣлаетъ весьма интересную попытку сопоставить показанія этихъ двухъ писателей, къ сожалѣнію столь краткія, съ результатами изученія картъ и другими данными, чтобы этимъ путемъ возстановить тотъ процессъ, посредствомъ котораго этотъ переходъ совершился.

Свѣдѣнія, приводимыя Тацитомъ о германцахъ, свидѣтельствуютъ о томъ, что въ его время Германія была вездѣ уже осѣдло заселена. Но у насъ есть прямыя указанія на то, что такое состояніе наступило въ Германіи весьма незадолго до Тацита. Какъ Цезарь, такъ и Страбонъ описываютъ германцевъ, какъ народъ пастушескій, легко переносящій свои жилища, не обрабатывающій земли или обрабатывающій ее лишь въ незначительныхъ размѣрахъ и питающійся главнымъ образомъ продуктами скотоводства.

Такимъ образомъ, переходъ германцевъ къ осѣдлой жизни произошелъ за періодъ времени между Цезаремъ и Тацитомъ.

Чѣмъ объяснить это обстоятельство?

Уже раньше Германія была настолько сильно населена, что при пастушескомъ образѣ жизни она не могла прокормить все свое населеніе. Отсюда тѣ постоянныя выселенія, исходною точкой

Лишь съ ростомъ населенія и раздѣленіемъ хозяйствъ стали брать худшія, а послѣ надлежащаго осушенія—и болѣе сырыя земли. Такъ какъ новые коны были часто втиснуты въ пространство земли, остававшееся между старыми, то они часто носили неправильную форму. Иногда впослѣдствіи происходило новое раздѣленіе пахотной земли на коны (Gewannregulirung).

которыхъ служитъ средняя часть Германіи. Между тѣмъ этимъ выселеніямъ былъ положенъ предѣлъ появленіемъ римлянъ въ Германіи при Августѣ и установленіемъ твердой границы между Римской Имперіей и Германіею при Тиверіи. Это обстоятельство и повлекло за собою необходимость перехода къ осѣдлому образу жизни.

Поэтому этотъ переходъ представляетъ изъ себя результатъ кризиса въ германской народной жизни, быстро развившагося въ теченіе одного столѣтія. Возможно, что переходъ происходилъ не сразу на всемъ протяженіи занятой германцами территоріи, но постепенно и можетъ быть даже съ большими перерывами распространялся съ одной области на другую. Но все же нужно думать, что въ своихъ главныхъ чертахъ онъ въ предѣлахъ каждой отдѣльной области носилъ общій характеръ, при томъ въ извѣстной степени планомѣрный и сознательный. Такой взглядъ, по мнѣнію Мейтцена, находитъ подтвержденіе въ повѣствованіи Цезаря о германцахъ: Neque quisquam agri modum certum aut fines habet proprios, sed magistratus ac principes in annos singulos gentibus cognationibusque hominum, qui una coierunt, quantum et quo loco visum est agri attribuunt atque anno post alio transire cogunt. Ejus rei multas afferunt causas: ne assidua consuetudine capti studium belli gerendi agricultura commutent; ne latos fines parare studeant, potentioresque humiliores possessionibus expellant; ne accuratius ad frigora atque aestus vitandos aedificent; ne qua oriatur pecuniae cupiditas, qua ex re factiones dissensionesque nascuntur; ut animi aequitate plebem contineant, cum suas quisque opes cum potentissimis aequari videat" (VI, Cap. XXII).

У современныхъ пастушескихъ народовъ на содержаніе каждой семьи требуется извѣстное количество скота, колеблющееся въ тѣсныхъ рамкахъ. Лица, у которыхъ этого количества нѣтъ, впадаютъ въ зависимость отъ владѣльцевъ большихъ стадъ. Одно изъ главныхъ отличій свободнаго господина отъ зависимаго отъ него лица состоитъ въ томъ, что первый возлагаетъ на послѣдняго ту незначительную обработку земли, которая встрѣчается уже при пастушескомъ бытѣ. Свободные же люди рѣшаются взяться за земледѣліе лишь въ крайнемъ случаѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, въ такомъ переходѣ лежитъ для нихъ единственное средство сохранить свою независимость отъ владѣльцевъ большихъ стадъ. Послѣднимъ, поэтому, такой переходъ невыгоденъ, тѣмъ болѣе, что онъ не только уменьшаетъ контингентъ лицъ зависимыхъ, но сверхъ того ограничиваетъ

количество пастбищныхъ земель, остающихся въ распоряженіи богатыхъ.

Съ помощью этихъ наблюденій надъ бытомъ современныхъ кочевыхъ народовъ Мейтценъ и старается объяснить приведенныя слова Цезаря. Пастбищныхъ земель въ Германіи уже рано оказалось недостаточно для возраставшаго населенія, и этотъ недостатокъ уже рано пришлось заполнять спорадическою обработкой земли. Эта обработка первоначально производилась обѣднѣвшими свободными лицами въ полномъ согласіи съ желаніями богатыхъ лицъ. Однако, постепенно эта обѣднѣвшая масса стала сознавать, сколь неблагопріятна для нея такая временная обработка земли, не дававшая ей тѣхъ выгодъ, которыя связаны съ переходомъ къ осѣдлому быту, и вмѣстѣ съ тѣмъ не ограждавшая личной самостоятельности. Поэтому весьма вѣроятно, что богатые владѣльцы стадъ, т.-е. знать (principes), приводили всѣ тѣ доводы, которые перечисляетъ Цезарь, для того, чтобы удержать своихъ бѣдныхъ соплеменниковъ отъ перехода къ осѣдлой земледѣльческой жизни. Что среди этихъ доводовъ мы не видимъ главной причины, упомянутой выше, т.-е. боязни лишиться контингента зависимыхъ лицъ и части свободныхъ пастбищъ— это только говоритъ въ пользу того, что Цезарь дѣйствительно точно передаетъ все то, что слышалъ отъ знатныхъ германцевъ.

Такъ какъ, однако, при демократической организаціи мелкихъ германскихъ племенныхъ государствъ всѣ рѣшенія зависѣли отъ большинства лицъ, способныхъ носить оружіе, то весьма вѣроятно, что знати, наконецъ, пришлось уступить. При этомъ она постаралась сдѣлать предстоявшій переходъ наименѣе невыгоднымъ для своихъ интересовъ, т.-е., сохранить возможно большое пространство пастбищныхъ земель для своего скота. Результатомъ этого компромисса и явилась та система поселеній, которая обнаруживается намъ въ германскихъ деревняхъ и окружающихъ ихъ маркахъ. Главная масса отцовъ семействъ, которые хотѣли осѣсть, была раздѣлена на группы умѣренныхъ размѣровъ; этимъ группамъ были отведены наиболѣе годные, плодородные и до этого уже находившіеся въ временной обработкѣ части территоріи, причемъ каждая группа получала столько земли, сколько казалось достаточнымъ для безбѣднаго содержанія входившихъ въ ея составъ семей и сколько могло быть обработано ихъ силами. Остальная земля по-прежнему оставалась въ хозяйственномъ пользованіи тѣхъ, которые сохранили пастбищный бытъ, причемъ, однако, извѣстныя права

пользованія этими землями могли быть даны и тѣмъ, которые перешли къ земледѣлію.

Свободные члены у германскихъ племенъ раздѣлялись на особыя территоріальныя группы, носившія названіе *сотенъ* и заключающія въ себѣ 120 отцовъ семействъ. Границы сотенъ ясно сохранились въ Шлезвигѣ и въ Даніи, и изъ свѣдѣній о ихъ пространствѣ видно, что на каждую сотню приходится въ среднемъ 5,3 □ миль (30,067 ha) и 37 деревень.

По мнѣнію Мейтцена, это раздѣленіе на сотни коренится въ хозяйственныхъ потребностяхъ пастушескаго быта.

Скотъ у кочевыхъ народовъ не можетъ пастись въ одиночку; онъ долженъ быть соединенъ въ стада, находящіяся подъ наблюденіемъ пастуховъ, достаточно многочисленныхъ и вооруженныхъ, чтобы быть въ состояніи давать отпоръ нападеніямъ враговъ и дикихъ звѣрей. При этомъ величина и составъ каждаго стада опредѣляются цѣлымъ рядомъ условій, въ силу которыхъ каждой группѣ людей приходится образовать изъ своего скота не одно, но нѣсколько стадъ. Благодаря этому увеличивается и число людей, необходимыхъ для защиты скота. Прежде всего величина стада не должна выходить за извѣстные предѣлы, такъ какъ для слишкомъ большого стада пастбище могло бы дать кормъ на слишкомъ короткое время. Далѣе, не всякое пастбище одинаково пригодно для всѣхъ видовъ скота. Кромѣ того, раздѣленіе скота на стада (по роду скота, возрасту и т. д.) необходимо и для лучшаго использованія и безъ того недостаточныхъ пастбищъ. Наконецъ, молочный скотъ долженъ пастись вблизи отъ мѣстопребыванія женъ и дѣтей. Слѣдуетъ также принять во вниманіе, что для охраны этихъ послѣднихъ часть мужчинъ должна оставаться при нихъ. Кромѣ того, часть времени у мужчинъ уходитъ на охоту и обработку земли. Изъ всего изложеннаго вытекаетъ, что пастушескій бытъ требуетъ соединенія людей въ извѣстныя группы. Для совмѣстнаго веденія хозяйства германская сотня, или 120 семей, можетъ считаться группой, вполнѣ удобною для этой цѣли.

По разсчетамъ Мейцена выходитъ, что для содержанія 120 семействъ требуется 3600 коровъ, для пастбы которыхъ необходила территорія въ 3 □ мили [36]) [37]).

---

[36]) *Мейтценъ* считаетъ, что на человѣка въ годъ при 50 kg. хлѣба требуется около 200 kg. мяса и 2400 литровъ молока, и что это количество пищи для семьи въ 8 человѣкъ можетъ быть получено съ 30 коровъ. Далѣе, Мейтценъ считаетъ, что на 1 корову нужно въ годъ около 4745 kg. сѣна; въ такомъ случаѣ, считая по 1000 kg. съ гектара, окажется, что для стада въ

Возможно, что сначала въ предѣлахъ каждаго племени сотни занимали пастбищныя земли по очереди. Со временемъ сотни превратились въ территоріальныя дѣленія съ точными границами. Во всякомъ случаѣ, послѣ перехода къ земледѣльческому быту даже у наименѣе крупныхъ сотенъ оказался большой излишекъ незанятой земли, на которой прежніе владѣльцы стадъ могли продолжать вести свое пастушеское хозяйство.

По разсчетамъ Мейтцена, описанная Цезаремъ страна суэвовъ, занимавшая среднюю Германію, охватывала пространство въ 2400 □ миль, на которомъ жило около 1 милліона жителей, т.-е. около 1000 сотенъ. Такимъ образомъ на сотню приходилось 2,4 □ мили. Этого могло еще быть достаточно для потребностей пастушеской жизни, но именно какъ разъ только достаточно. Между тѣмъ въ мирное время населеніе легко могло удвоиться въ 40 лѣтъ. Такой быстрый ростъ рано или поздно долженъ былъ повести къ необходимости перехода къ осѣдлой жизни.

Вмѣстѣ съ переходомъ къ осѣдлой жизни возникала потребность въ точномъ отграниченіи новыхъ поселеній и отведенныхъ имъ земель отъ марки: послѣдняя и впредь должна была остаться въ общемъ пользованіи. Безъ такого отграниченія мирная культурная работа обитателей деревни не была бы возможна, и ей всегда угрожали бы вторженія стадъ, пасшихся на маркѣ. Поэтому каждой деревнѣ былъ отведенъ особый участокъ земли (Dorfmark, Gemarkung, Flur). Этотъ участокъ состоялъ какъ изъ воздѣлываемой, такъ и изъ невоздѣлываемой земли. Послѣдняя, однако, не входила въ составъ марки, которая начиналась лишь за ея предѣлами; она находилась въ общемъ пользованіи жителей деревни и подъ именемъ *альменды* (Almende) отличалась какъ отъ воздѣлываемой земли деревни, такъ и отъ марки.

Право участія въ пользованіи маркою также требовало точнаго опредѣленія. Отъ такого участія не были исключены и жители деревень, перешедшіе къ земледѣлію.

3600 коровъ требуется около 3 □ миль. Этимъ цифрамъ Мейтценъ, конечно, не придаетъ значенія точныхъ данныхъ. Онѣ, по его мнѣнію, должны дать только самую общую точку опоры и служить доказательствомъ лишь того, что весь приведенный у Мейтцена кругъ представленій не заключаетъ въ себѣ ничего несообразнаго.

[8]) О размѣрѣ *сотенъ* имѣются также свѣдѣнія, касающіяся южной части Швеціи. Здѣсь средняя площадь сотни составляла 12,9 □ миль, но изъ нихъ только 2,48 □ мили представляли изъ себя культурную землю.

Мейтценъ пытается доказать, что какъ техническая, такъ и юридическая сторона всѣхъ этихъ отграниченій и опредѣленій была вполнѣ посильна населенію древней Германіи. Что касается технической стороны, то нигдѣ нельзя найти болѣе тонкаго знанія мѣстности и большей способности проводить на ней точныя границы и запоминать ихъ, чѣмъ у кочевыхъ народовъ. Что же касается правовой стороны, то Мейтценъ думаетъ, что переходъ къ осѣдлой жизни долго служилъ предметомъ обсужденія и борьбы на племенныхъ собраніяхъ, и что онъ совершился при участіи этихъ собраній. Деревни германскаго типа не могли возникнуть тайно и безъ вѣдома всѣхъ членовъ сотни, онѣ не могли возникнуть и по принужденію.

VI.

Таково происхожденіе германскихъ національныхъ деревень. Однако, кромѣ этихъ деревень, въ области чисто-германскаго заселенія встрѣчаются и двѣ другія формы поселеній, которыя, впрочемъ, могутъ быть найдены и въ другихъ частяхъ Германіи.

Сюда относится прежде всего та форма поселенія, которая встрѣчается на такъ наз. *маршахъ*, т.-е. приморскихъ низменностяхъ, по прибережью какъ Сѣвернаго, такъ и Прибалтійскаго морей. Эти поселенія носятъ названія *Marschhufen*. Отличительную черту ихъ составляютъ длинныя и прямыя гряды шириною въ сажень, идущія параллельно другъ другу между глубокими рвами и однимъ концомъ упирающіяся въ плотину. Необходимость этихъ грядъ и рвовъ, также какъ и плотинъ, объясняется тѣмъ, что уровенъ маршей вездѣ ниже уровня моря, вслѣдствіе чего требуется ихъ осушеніе. Гряды и рвы идутъ перпендикулярно къ плотинѣ, которая, обладая особою прочностью, служитъ главною улицей деревни. Усадьбы построены длиннымъ рядомъ вдоль этой улицы по внутреннему склону плотины: вслѣдствіе этого онѣ остаются доступными и могутъ служить убѣжищемъ и въ случаѣ разрыва плотины, и при наводненіяхъ.

Описанное раздѣленіе земли объясняется тѣмъ, что уровень земли по мѣрѣ приближенія къ плотинѣ поднимается, вслѣдствіе чего почва становится лучшаго качества: благодаря раздѣленію на полосы, перпендикулярныя къ плотинѣ, всѣ владѣльцы получаютъ одинаковое участіе какъ въ лучшей, такъ и въ худшей землѣ.

При изученіи древняго заселенія страны описанная форма разселенія значенія не имѣетъ. Она возникла съ развитіемъ помѣстнаго землевладѣнія путемъ раздачи земли со стороны крупныхъ землевладѣльцевъ. Первыя Marschhufen въ Германіи были заложены выходцами изъ Голландіи въ XII вѣкѣ (Vahr около Бремена въ 1106 г).

Таковъ же характеръ возникновенія и другой формы поселенія, встрѣчаемой въ Германіи, такъ называемыхъ *лѣсныхъ колоній (Waldhufen)*: и онѣ возникли путемъ раздачи земли крупными землевладѣльцами. Лѣсныя гуфы въ значительномъ количествѣ встрѣчаются въ длинной полосѣ, идущей къ западу отъ Тюрингенскаго лѣса, т.-е. на Рудныхъ горахъ, Лаузицкомъ горномъ хребтѣ и на Судетахъ. Кромѣ того, онѣ встрѣчаются въ горахъ Шварцвальда, Оденвальда, Шпессарта и Рёна. Подобно Marschhufen, усадьбы въ лѣсныхъ гуфахъ расположены по одной линіи: онѣ длиннымъ рядомъ слѣдуютъ одна за другой вдоль тянущейся по долинѣ деревенской улицѣ. Каждая усадьба расположена на принадлежащей къ ней землѣ, которая длинною полосой идетъ въ гору по одну или по обѣ стороны отъ деревенской улицы и приблизительно перпендикулярно къ ней, и доходитъ до лежащей на высотѣ горыграницы деревенской земли.

И эти поселенія должны быть исключены при изученіи первоначальнаго осѣдлаго занятія края: они стали основываться на невоздѣланной и покрытой лѣсомъ землѣ лишь во второй половинѣ среднихъ вѣковъ. Поэтому обратимся къ тѣмъ формамъ поселеній, которыя встрѣчаются внѣ области чисто-германскаго разселенія.

Прежде всего въ той части Германіи, которая расположена за предѣлами восточной границы этой области, т.-е. за limes sorabicus, большинство поселеній было основано еще тогда, когда страна заселялась славянами. Эти *славянскія поселенія* носятъ вполнѣ опредѣленный характеръ и представляютъ двѣ формы: *кругообразныя деревни (Runddörfer)* и *рядовыя деревни (Strassendörfer)*.

Въ кругообразныхъ деревняхъ усадьбы въ видѣ широкаго кольца расположены вокругъ круглой или овальной площади. Это кольцо первоначально только въ одномъ мѣстѣ прорывалось дорогой, соединявшей площадь съ лежащими за усадьбами полями. Дворы и находящіяся на нихъ постройки размѣщены клинообразно въ направленіи къ площади. За постройками идутъ засаженные высокими деревьями сады, которые также

имѣютъ клинообразную форму и заканчиваются заборомъ, окружающимъ всю деревню и имѣющимъ почти форму круга. Такія деревни встрѣчаются по всей линіи къ востоку отъ limes sorabicus, а именно въ юговосточной части прусской провинціи Шлезвигъ-Гольштиніи, въ великихъ герцогствахъ Мекленбургъ, въ восточной части провинціи Саксоніи, въ западной части провинціи Бранденбургъ, въ провинціи Силезіи и въ Богеміи.

Вторая форма славянскихъ поселеній, *рядовая деревня*, представляетъ изъ себя прямую, не очень длинную улицу, къ которой по обѣимъ сторонамъ примыкаютъ усадьбы. Усадьбы эти тѣснятся одна подлѣ другой и имѣютъ прямоугольную форму. Улица въ серединѣ деревни настолько расширяется, что здѣсь образуется какъ бы площадь: на послѣдней нерѣдко стоитъ церковь или помѣщается кладбище, а рядомъ почти всегда виднѣется яма съ водою, образовавшаяся вслѣдствіе вывозки глины и служащая водопоемъ для скота. Усадебныя мѣста тянутся больше въ глубину, чѣмъ въ ширину, и отдѣляются другъ отъ друга заборами. Постройки по большей части потеряли свой прежній славянскій характеръ: почти всюду здѣсь встрѣчается франкскій типъ дома, проникшій сюда вмѣстѣ съ нѣмецкою колонизаціей уже въ XIII и XIV вв За постройками лежатъ сады и огороды, которые своею внѣшнею стороной упираются въ заборъ, окружающій всю деревню и придающій ей форму часто довольно правильнаго параллелограмма. Деревенская улица по обѣимъ сторонамъ уходитъ въ поле; иногда она въ серединѣ пересѣкается поперечною улицей. На западъ отъ Одера эта форма встрѣчается лишь рѣдко; въ равнинѣ же, лежащей на востокъ отъ Одера, она всецѣло господствуетъ. Какъ исключеніе обѣ славянскія формы встрѣчаются и въ области чисто-германскаго заселенія (въ Гарцѣ и въ Тюрингіи).—Расположеніе и раздѣленіе полей какъ въ кругообразныхъ, такъ и въ рядовыхъ деревняхъ такое же, какъ и въ деревняхъ германскаго типа [38]).

Значительную часть своего изслѣдованія Мейтценъ посвящаетъ изученію происхожденія славянскихъ деревень. Я эту часть его изложенія оставлю совсѣмъ въ сторонѣ и обращусь только къ тѣмъ формамъ поселенія, которыя встрѣчаются за предѣлами западной и южной границы области чисто-германскаго заселенія, и къ теоріи, посредствомъ которой Мейтценъ старается объяснить происхожденіе этихъ формъ.

[38]) Выше мы уже указали на то, что деревни, описанныя *Олуфсеномъ*, относятся къ типу славянскихъ рядовыхъ деревень.

1. Если мы перейдемъ черезъ южную границу этой области, идущую отъ р. Зигъ до limes sorabicus, то на протяженіи южной Германіи, Швейцаріи, Тироля и Австріи мы найдемъ смѣшеніе разныхъ формъ поселеній: здѣсь встрѣчаются мѣстами одиночные дворы, мѣстами—деревни германскаго типа, мѣстами—особый видъ поселковъ.

2. Если мы переправимся черезъ р. Везеръ и такимъ образомъ перейдемъ черезъ западную границу области, то мы немедленно окажемся въ странѣ, покрытой одиночными дворами. Столь же рѣзкій переходъ наблюдается и на всемъ протяженіи западной границы вплоть до р. Зигъ.

Итакъ въ дальнѣйшемъ изложеніи мы должны себѣ поставить два вопроса:

1) Чѣмъ объяснить разнообразіе формъ, встрѣчаемыхъ за южною границей области чисто-германскаго заселенія, т.-е. въ южной Германіи, Швейцаріи и нѣкоторыхъ частяхъ Австріи? и

2) Чѣмъ объяснить сплошное распространеніе одиночныхъ дворовъ къ западу отъ этой области?

VII.

Прежде однако, чѣмъ отвѣтить на эти два вопроса, мы должны ознакомиться съ тѣми формами поселенія, которыя основывались *кельтами* при переходѣ ихъ къ осѣдлому образу жизни. Слѣды первобытнаго кельтскаго аграрнаго быта нигдѣ не могутъ быть найдены въ такой чистотѣ, какъ въ *Ирландіи* [39]).

Ирландія занимаетъ пространство въ 1493 □ мили. Весь островъ покрытъ одиночными дворами, расположенными на умѣренномъ разстояніи одинъ отъ другого. Лишь весьма рѣдко, а именно только тамъ, гдѣ скрещиваются дороги или гдѣ построены церкви, замѣчаются болѣе сплоченныя группы домовъ, образующія поселки. Ясное понятіе о характерѣ и размѣрѣ этихъ поселеній даютъ карты такъ называемаго Ordnance Survey of Ireland, въ особенности болѣе крупныя изъ нихъ (такъ называемая Six inch map, сдѣланная въ масштабѣ $^1/_{10.560}$).

Изъ этихъ картъ оказывается, что—за исключеніемъ городовъ—вся страна распадается на участки земли, размѣромъ въ 640 англ. акровъ (= 259,2 ha), а въ нѣкоторыхъ графствахъ съ неплодородною почвой—въ 1280 акровъ (= 518,4 ha) каждый.

---

39) Томъ I, отдѣлъ III, стр. 174 и слѣд.

Такой участокъ называется *townland* или *baile*. Каждый townland имѣетъ свое особое названіе и распадается на 4 участка. Послѣдніе въ настоящее время не имѣютъ никакого значенія; часто большое количество ихъ сосредоточено въ рукахъ одного землевладѣльца; въ свою очередь они обыкновенно распадаются на нѣсколько фермъ. И въ коммунальной жизни они не играютъ роли. Тѣмъ не менѣе ихъ границы всюду извѣстны, и они считаются за давнишнее раздѣленіе земли. Каждый участокъ имѣетъ свое особое названіе кельтскаго происхожденія; эти названія часто оканчиваются на Cartron, Carrow или Quarter— окончанія, которыя въ Ирландіи встрѣчаются больше 600 разъ. Эти участки въ прежнее время распадались на 4 (иногда 6) tates по 40—80 акровъ въ каждой. Границы tates иногда извѣстны и до настоящаго времени, и нерѣдко сами tates сохранили особыя названія. Слово tate означаетъ на кельтскомъ языкѣ крестьянскій дворъ; и tates первоначально были—на подобіе германскихъ гуфъ—самостоятельными крестьянскими хозяйствами, расположенными въ формѣ одиночныхъ дворовъ, окруженныхъ принадлежащими къ нимъ землями и занимавшихъ около 16—32 ha.

Раздѣленіе полей въ предѣлахъ townland и его частей весьма характерно: оно образуетъ многочисленные неправильные, четыреугольные, прямоугольные или закругленные участки различной величины, обыкновенно отъ ½ до 4 ha. Эти участки отдѣлены одинъ отъ другого рвами, заборами или стѣнами—не для обозначенія границъ собственности, но для цѣлей хозяйства.

Спрашивается: образовалась ли эта система непосредственно при первоначальномъ осѣдломъ заселеніи острова, или же она является результатомъ коренного и систематическаго регулированія, произведеннаго уже въ болѣе позднее время? На этотъ вопросъ можетъ пролить свѣтъ богатая памятниками исторія Ирландіи, а равно и исторія Уэльса, также населеннаго кельтами.

Изъ этихъ памятниковъ оказывается, что описанное раздѣленіе земли на townlands и т. д. весьма древняго происхожденія. Уже одна старинная пѣснь X вѣка говоритъ о томъ, что Ирландія въ VI или VII вѣкѣ была раздѣлена на 184 *Tricha Ceds* или клана, изъ которыхъ каждый заключалъ въ себѣ 30 townlands или bailes (итого—5520), что каждый townland распадался на 4 quarters, изъ которыхъ каждый содержалъ полное стадо въ 75 коровъ, и что quarter въ свою чередь распадался на 3 seisrighs по 120 ирланд. акровъ (= 160 англ. акровъ). Такимъ образомъ, по этому памятнику выходитъ, что на quarter

приходилось 480 англ. акровъ. По всѣмъ другимъ памятникамъ на quarter приходится 160 или 320 англ. акровъ, что соотвѣтствуетъ описанному выше современному дѣленію.

Кланъ состоялъ изъ лицъ, происходившихъ отъ одного родоначальника, носившихъ одно имя и разсматривавшихъ извѣстное пространство земли какъ свою общую семейную собственность. Во главѣ каждаго клана стоялъ выборный главарь (Cean Cinneth, Cean Finne). Кромѣ того, во главѣ каждаго изъ 4 округовъ, на которые распадался островъ, стоялъ особый старѣйшина или король; одинъ изъ этихъ старѣйшинъ являлся государемъ или главнымъ королемъ надъ всей Ирландіей.

Организацію клана мы узнаемъ за такое время, когда весь островъ уже былъ осѣдло заселенъ и уже существовало описанное выше дѣленіе земли. Однако наслѣдственной собственности на землю первоначально не было, но каждый членъ клана имѣлъ право на достаточное надѣленіе землею; послѣ его смерти эта земля возвращалась въ кланъ. Власть главаря носила патріархальный характеръ; на его обязанности лежало распредѣленіе земли между членами клана; сверхъ того часть земли (Demesneland) находилась въ его полномъ распоряженіи: онъ могъ посадить на нее подчиненныхъ ему полусвободныхъ лицъ. Члены клана обязаны были дѣлать ему извѣстные взносы натурою.

Существуетъ, однако, рядъ указаній, съ помощью которыхъ мы можемъ себѣ представить жизнь ирландскихъ кельтовъ уже при пастушескомъ бытѣ, а также и тотъ процессъ, путемъ котораго они перешли къ окончательной осѣдлости.

Въ особенности поучительны въ этомъ отношеніи дошедшія до насъ свѣдѣнія о *домахъ*, въ которыхъ жили древніе ирландцы. Дома эти всѣ были построены по одному образцу. Остовъ дома состоялъ изъ шести крѣпкихъ столбовъ, расположенныхъ въ два параллельныхъ ряда по три столба въ каждомъ. Эти столбы были либо согнуты, либо на каждомъ изъ нихъ оставалась неотрубленною одна вѣтвь: благодаря этому верхніе концы двухъ противоположныхъ столбовъ сходились; въ мѣстахъ скрещиванія они связывались. На этихъ столбахъ помѣщалась крыша дома, которая, однако, съ обѣихъ сторонъ шла дальше столбовъ и такимъ образомъ, кромѣ главной части дома, расположенной въ серединѣ между столбами, образовывала двѣ боковыя части, заключавшіяся между столбами и сдѣланными изъ плетня наружными стѣнами, о которыя опиралась нижняя часть крыши. Каждая изъ этихъ боковыхъ частей дѣлилась поперекъ на двѣ

части; въ каждой изъ послѣднихъ было по 4 ложа (gwely, gwele, wele=лат. lectus). Такимъ образомъ, во всемъ домѣ было всего 16 ложъ, по 8 съ каждой стороны.

Изъ памятниковъ мы узнаемъ, что кругъ жившихъ въ домѣ лицъ, носившій названіе gwellygord, распадался на 4 gavaels, а каждая gavael раздѣлялась на 4 randirs или gwelys. Каждое gwely соотвѣтствовало одной семьѣ. Такимъ образомъ, описанный старый домъ былъ разсчитанъ на 16 семействъ (около 90 человѣкъ). Это число семействъ, населявшихъ домъ, носило не случайный характеръ: оно коренилось въ кельтскомъ пастушескомъ бытѣ и соотвѣтствовало его своеобразной организаціи.

Дѣйствительно, мы видѣли, что въ VI — VII вѣкѣ каждому клану было отведено пространство земли для пастьбы скота въ размѣрѣ 9000 коровъ. На одно townland или baile приходилось 4 стада, заключавшихъ въ себѣ всего 300 коровъ. Между тѣмъ 16 семей могутъ какъ разъ считаться достаточнымъ числомъ людей для ухода за 300 коровами, въ особенности если присоединить сюда и остальныя нужды хозяйства (нѣкоторое земледѣліе, орудія и постройки, а также требованія военной, судебной и т. д. службы). Съ другой стороны, продуктъ 300 коровъ можетъ считаться достаточнымъ для содержанія 16 семей [40]), въ особенности если присоединить къ нему продуктъ, получаемый отъ небольшой запашки.

Однако, пространство въ 259,2 ha, которое въ настоящее время обыкновенно заключается въ townland, далеко недостаточно для прокормленія 300 коровъ (=0,8 ha на корову). Поэтому нельзя считать, чтобы современный размѣръ townland соотвѣтствовалъ его размѣру при пастушескомъ бытѣ [41]).

Напротивъ того, нужно думать, что въ тѣ времена вся территорія страны была болѣе или менѣе равномѣрно раздѣлена между всѣми кланами.

Дѣйствительно, вся Ирландія занимаетъ пространство въ 1493 □ мили; изъ нихъ $^1/_5$ представляетъ очень плохую почву. Если исключить эту $^1/_5$, а остальную землю раздѣлить поровну между 184 кланами, то на долю каждаго придется 6,7 □ миль или 38,684 ha, и на каждую корову придется нѣсколько больше

[40]) Мейтценъ считаетъ, что на 1 человѣка при такихъ условіяхъ приходилось въ годъ около 2000 литровъ молока (= 162,6 ведра) и 120 килогр. мяса.

[41]) Слово *townland* означается огороженную землю, мѣстожительство для людей и скота, окруженное заборомъ или валомъ. И въ настоящее время на картахъ Ordnance Survey of Ireland можно найти остатки нѣсколькихъ тысячъ такихъ огороженныхъ валомъ мѣстъ.

4 ha пастбища. Такъ какъ это пространство нельзя считать большимъ, то нужно думать, что свѣдѣнія, по которымъ число коровъ въ кланѣ составляло 9000, относятся къ такому времени, когда уже близко предстояла необходимость перехода къ осѣдлой жизни. Это подтверждается и словомъ Tricha Ced (= кланъ), которое, вѣроятно, означаетъ 30 сотенъ и въ такомъ случаѣ соотвѣтствовало 3000 коровъ. Старый кланъ въ такомъ случаѣ заключалъ бы около 900 человѣкъ и близко подходилъ бы къ германской сотнѣ, которая, какъ мы видѣли, по мнѣнію Мейтцена, была также пастушескаго происхожденія. Число коровъ, приходившихся на одинъ кланъ, съ ростомъ населенія увеличилось. Ростъ населенія заставилъ наконецъ перейти къ осѣдлому земледѣльческому образу жизни, и этотъ переходъ вѣроятно совершился около 600 г.

Нужно думать, что тогда же было произведено то раздѣленіе земли на townlands, quarters и т. д., слѣды котораго сохранились и донынѣ. Въ пользу этого взгляда говоритъ прежде всего сходство между раздѣленіями стараго кельтскаго дома и дѣленіемъ земли: въ соотвѣтствіи съ 4 gavaels возникли 4 quarters, въ соотвѣтствіи съ 4 gwelys — 4 tates. Раздѣленіе дома на 16 семействъ отразилось на раздѣленіи земли на 16 самостоятельныхъ хозяйствъ. Существуетъ, кромѣ того, рядъ другихъ указаній, по большей части косвенныхъ, которыя также подтверждаютъ, что дѣленіе земли на townlands и т. д. непосредственно возникло уже при переходѣ населенія Ирландіи къ земледѣльческому быту. Вмѣстѣ съ тѣмъ такое однообразное раздѣленіе территоріи представляется вполнѣ возможнымъ, если принять во вниманіе силу той патріархальной власти, которая находилась въ рукахъ лицъ, стоявшихъ во главѣ клановъ—съ одной стороны, и 4 старѣйшинъ и главнаго короля—съ другой.

Послѣ того какъ кланы пришли къ осѣдлому образу жизни, оставались еще значительныя пространства земли, на которыхъ могли основываться новыя townlands. И дѣйствительно, въ 1598 г. число townlands составляло уже 6814 (вмѣсто 5520 въ VI—VII вѣкѣ).

При раздѣленіи земли главари клановъ сверхъ упомятутыхъ выше земель, находившихся въ ихъ распоряженіи (Demesneland), получали вѣроятно также и отдаленныя пастбища и лѣса, которыя они эксплуатировали съ помощью труда людей подчиненныхъ и обѣднѣвшихъ. Главная же масса населенія обратилась къ правильному земледѣлію.

Первоначально каждый отецъ семейства получалъ свою tate

пожизненно. Однако постепенно владѣніе землею стали пріобрѣтать наслѣдственный характеръ, и такимъ образомъ развилась частная поземельная собственность. Вмѣстѣ съ тѣмъ наступило распаденіе кланового устройства. Дѣйствительно, еще до перехода къ земледѣльческому быту въ предѣлахъ клановой жизни развились весьма крупныя сословныя различія между дворянствомъ и просто-свободнымъ классомъ, при чемъ первое обусловливалось не рожденіемъ, но богатствомъ, состоявшимъ въ скотѣ. Однако клановый строй пошатнулся лишь съ переходомъ къ земледѣльческому быту и съ развитіемъ частной поземельной собственности. Нѣкоторыя лица сосредоточили въ своихъ рукахъ крупныя пространства земли, и такимъ образомъ развилась поземельная аристократія. Съ другой стороны, вслѣдствіе наслѣдственныхъ раздѣловъ многіе члены клановъ обѣднѣли и изъ свободныхъ превратились въ кліентовъ, зависимыхъ отъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Этимъ было подготовлено то состояніе, въ которое впослѣдствіи впалъ ирландскій народъ и которое сдѣлало изъ Ирландіи классическую страну земельнаго пролетаріата.

VIII.

Итакъ, мы разсмотрѣли двѣ весьма несходныя формы первоначальнаго заселенія: деревни германскаго типа и одиночные дворы, и мы видѣли, что Мейтценъ этимъ двумъ формамъ придаетъ національный характеръ, считая первую изъ нихъ—формою національно-германскою, а вторую—формою національно-кельтскою. Посмотримъ, насколько этотъ выводъ можетъ подтвердиться при объясненіи тѣхъ разнообразныхъ формъ поселенія, которыя мы встрѣчаемъ въ Германіи.

При этомъ мы сначала обратимся къ разрѣшенію перваго изъ поставленныхъ нами выше вопросовъ, а именно вопроса о возникновеніи тѣхъ разнообразныхъ формъ поселеній, которыя встрѣчаются въ земляхъ, расположенныхъ за южною границей области чисто-германскаго заселенія и тянущихся отъ limes sorabicus на востокѣ до границы съ Галліей на западѣ. Эти земли охватываютъ такъ назыв. Верхнюю Германію, т.-е. южную Германію, Швейцарію и западныя провинціи Австріи [42]).

Заселяя эту территорію, германцы занимали мѣста, которыя

[42]) Томъ I, отдѣлъ V, стр. 378 и сл.

во всѣхъ своихъ доступныхъ частяхъ были уже покрыты осѣдлыми поселеніями. Какъ мы уже знаемъ, на протяженіи всего сѣвера этой территоріи жили кельты, а отчасти сюда проникли римляне. Относительно гористаго юга трудно рѣшить, былъ ли онъ населенъ кельтами или римлянами, или какимъ-нибудь другимъ народомъ. Мало-по-малу вся эта территорія была занята германцами. Но, спрашивается, сохранились ли слѣды старыхъ обитателей и ихъ поселеній? Этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ только съ помощью топографическихъ картъ.

Вглядываясь же въ послѣднія, мы видимъ, что *деревни германскаго типа* широко распространены по разсматриваемой нами территоріи, въ особенности въ сѣверныхъ и западныхъ частяхъ ея. На востокѣ онѣ встрѣчаются вплоть до самой границы славянскихъ поселеній, которыя изъ современныхъ частей Германіи захватываютъ сѣв.-восточную часть Баваріи (почти всю пров. Верхнюю Франконію и сѣверную половину провинціи Верхній Пфальцъ). Граница славянскихъ поселеній пересѣкаетъ Дунай у р. Энсъ, такъ что по сю сторону ея, кромѣ остальной Баваріи, остаются Верхняя Австрія, Зальцбургъ и бо́льшая часть Тироля.

Другая, менѣе опредѣленная граница германскихъ деревень проходитъ тамъ, гдѣ, приблизительно у подножья горъ, начинается область одиночныхъ дворовъ, которые занимаютъ всѣ болѣе узкія долины Альпъ.

На протяженіи всей описанной области деревни носятъ на себѣ всѣ типичныя черты германскихъ деревень; вездѣ существуетъ или по крайней мѣрѣ до послѣдняго времени существовала принудительная культура.

Спрашивается, когда эти деревни возникли? Для того, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, мы должны привести данныя исторіи о томъ, *когда* эта страна была заселена германцами. Изъ этихъ данныхъ въ связи съ данными топографическихъ картъ мы увидимъ, что всюду, куда проникали германцы, они приносили съ собою изъ своей родины и свою національную форму поселенія.

1. Ранѣе всѣхъ другихъ германскихъ племенъ въ верхней Германіи поселились *вангіоны*, *неметы* и *трибоки:* они принадлежали къ войску Аріовиста, и уже до Цезаря имъ была уступлена $^1/_3$ области секвановъ и медіоматриціевъ на лѣвомъ берегу Рейна между р. Наэ и Мозэромъ (т.-е. главн. образомъ сѣв. часть Эльзаса, баварскій Пфальцъ и южная часть Вел. Герц. Гессенъ). Такъ какъ число ихъ было велико въ сравне-

ніи съ уступленною имъ территоріей, то они вынуждены были перейти къ осѣдлому образу жизни. Какъ видно изъ современныхъ топографическихъ картъ, поселенія, которыя они основали, всюду имѣли форму германскихъ деревень.

2. Далѣе, во времена Августа мѣстность, расположенная по среднему теченію Майна, была уступлена *гермундурамъ,* корые и сохранили эту мѣстность окончательно (части баварскихъ провинцій Верхней, Средней и Нижней Франконіи и Верхняго Пфальца). И здѣсь мы видимъ германскія деревни.

3. *Алеманны* при Августѣ получили незначительное пространство земли, около 120 □ миль, между Майномъ и Неккаромъ. Со временъ Марка Аврелія они стали расширять свою территорію и къ времени Каракаллы заняли около 40 □ миль такъ наз. *Agri Decumates*. Впослѣдствіи они значительно расширили свои владѣнія и заняли не только значительныя пространства по правую сторону Рейна до р. Иллера (Баденъ, Вюртембергъ и часть Вел. Герц. Гессенъ), но и Эльзасъ и нѣмецкую часть современной Швейцаріи. Всюду они приносили съ собою обычай селиться деревнями германскаго типа. Такія деревни возникали и на земляхъ, занятыхъ до того римскими виллами. Главнымъ образомъ онѣ встрѣчаются во всѣхъ ровныхъ мѣстностяхъ разсматриваемой области.

4. Пространство между рѣками Дунаемъ, Иллеромъ, Лехомъ и Боденскимъ озеромъ (современную баварскую провинцію Швабенъ) заняли *ютунги*. И они основывали всюду деревни германскаго типа. Если въ настоящее время часть ихъ территоріи, а именно округи Кемптенъ, Имменштадтъ и Брегенцъ, покрыты альпійскими одиночными дворами, то это объясняется тѣмъ округленіемъ земельныхъ владѣній, которое началось здѣсь уже съ XVI в. (1540) и продолжалось до начала XIX вѣка.

5. Наконецъ, *баювары* первоначально занимали незначительную мѣстность, расположенную къ сѣверу отъ Дуная, изъ которой они въ 5 и 6 вв. почти всецѣло были вытѣснены славянами, занявшими части современныхъ баварскихъ провинцій Верхней Франконіи и Верхняго Пфальца. Значительная часть расположенныхъ въ этой мѣстности лѣсовъ въ горахъ Баварскаго и Богемскаго Лѣса были расчищены и заселены лишь въ XI вѣкѣ. Въ остальныхъ частяхъ этой мѣстности (зап. части пров. Верхній Пфальцъ) всюду встрѣчаются деревни германскаго типа. Впослѣдствіи баювары перешли на южный берегъ Дуная и заняли здѣсь пространство къ востоку отъ р. Лехъ (современныя провинціи Верхняя и Нижняя Баварія). Въ до-

линахъ рѣкъ и здѣсь встрѣчаются всюду деревни германскаго типа: на западѣ онѣ прямо граничатъ съ швабскими деревнями этого же типа; на востокѣ онѣ исчезаютъ вскорѣ за Мюнхеномъ.

Такимъ образомъ, всѣ вторгавшіяся въ Верхнюю Германію германскія племена—суэвы Аріовиста, гермундуры, алеманны, ютунги, баювары—при первомъ же бурномъ завладѣніи кельто-римскими землями заселяли ихъ по старой своей національной формѣ, принесенной съ родины, т.-е. основывали деревни германскаго типа съ полями, раздѣленными на коны и полосы, предоставляя каждому члену племени равную долю участія въ каждомъ конѣ. Поэтому такія деревни со всѣми ихъ особенностями встрѣчаются во всѣхъ частяхъ Верхней Германіи, съ сѣвера до Альпъ и даже еще въ долинахъ Инна въ Тиролѣ.

Однако, наряду съ деревнями германскаго типа, въ разсматриваемой нами области встрѣчаются и другія формы поселеній.

Прежде всего здѣсь встрѣчаются уже знакомыя намъ лѣсныя гуфы, о происхожденіи которыхъ мы уже говорили выше.

Но затѣмъ мы въ Верхней Германіи находимъ форму поселенія, которой въ области чисто германскаго заселенія почти совсѣмъ нѣтъ, и которая въ Верхней Германіи встрѣчается иногда на небольшихъ пространствахъ, иногда же цѣлыми массами. Это такъ наз. *поселки (Weiler)*. Поселокъ представляетъ изъ себя небольшую неправильно расположенную группу домовъ, составляющихъ небольшое число дворовъ, обыкновенно отъ 3 до 6. Эта группа окружена принадлежащею къ ней землею, которая состоитъ изъ разбросанныхъ въ безпорядкѣ мелкихъ участковъ разныхъ размѣровъ и разнообразной формы: иногда четырехугольной или закругленной, а по большей части неправильной (blockartige Vertheilung der Grundstücke). Отъ деревни германскаго типа поселокъ отличается, такимъ образомъ, какъ *меньшимъ числомъ дворовъ*, такъ и *формою* и *расположеніемъ участковъ*, составляющихъ одно владѣніе. Съ другой стороны здѣсь, какъ и въ германскихъ деревняхъ, замѣтны слѣды Hufenverfassung: каждое владѣніе заключаетъ въ себѣ 1, 2, 3 и т. д. или $^1/_2$, $^1/_4$ $^1/_8$ и т. д. гуфы. И здѣсь гуфы служили единицею при распредѣленіи какъ общественныхъ, такъ и частныхъ повинностей.

Принципъ распредѣленія земли по отдѣльнымъ владѣніямъ въ поселкахъ совсѣмъ другой, чѣмъ въ германскихъ деревняхъ. Въ послѣднихъ раздѣленіе полей на коны и полосы вело къ достиженію полнаго равенства между участниками: въ силу такого распредѣленія всякій споръ какъ бы вовсе исключался или

легко могъ быть рѣшенъ. Распредѣленіе земли, существующее въ поселкахъ, этому требованію не удовлетворяетъ. Дѣйствительно, раздача столь различныхъ участковъ между равноправными членами по жребію никогда не могла бы привести къ вполнѣ равномѣрвому надѣленію всѣхъ. Поэтому, распредѣленіе земли, существующее въ поселкахъ, не можетъ считаться результатомъ добровольнаго соглашенія; оно могло возникнуть лишь въ силу авторитета высшей власти. Отецъ могъ такъ раздѣлить землю между сыновьями. Но наиболѣе вѣроятнымъ и простымъ представляется предположеніе, что поселки возникли вслѣдствіе раздачи земли крупными землевладѣльцами свободнымъ или зависимымъ отъ нихъ людямъ за извѣстную плату. Въ такомъ случаѣ, дѣйствительно, можно было обойтись безъ точнаго уравненія, а требовалось лишь достиженіе извѣстнаго соотвѣтствія между количествомъ земли и платежами.

Итакъ, за поселками должно быть признано помѣстное происхожденіе. На это, къ тому же, указываютъ и названія поселковъ, такъ какъ слово Weiler, vilare, которымъ эти названія весьма часто оканчиваются, происходитъ отъ латинскаго villa. Правда, что римскія виллы разрушались вторгавшимися германцами; однако есть свидѣтельства, что германцы (алеманны) сами устраивали виллы на подобіе римскихъ. Первоначально такія виллы заселялись не обществами или союзами лицъ, но отдѣльными лицами. Однако, съ теченіемъ времени онѣ могли превратиться въ поселки, а иногда даже и деревни: но и послѣднія сохраняли слѣды своего помѣстнаго происхожденія въ распредѣленіи полей, которыя состоятъ не изъ коновъ и полосъ, но по большей части изъ квадратныхъ или безформенныхъ участковъ разныхъ размѣровъ, разбросанныхъ безъ всякаго плана. Что касается примѣненія Hufenverfassung, то оно объясняется тѣмъ, что помѣщики, раздававшіе свои земли, нуждались въ однообразномъ основаніи для исчисленія повинностей [43]).

---

[43]) Поселки встрѣчаются въ разныхъ частяхъ Верхней Германіи, но главныя области ихъ распространенія слѣдующія:

1. Часть Вел. Герц. Гессенъ, расположенная между Рейномъ и Майномъ, и сѣв.-восточныя части Бадена и Вюртемберга.

2. Баварская пров. Средняя Франконія.

3. Юго-восточная часть баварской пров. Верхняго Пфальца и сѣв.-вост. часть баварской пров. Нижней Баваріи (до Дуная).

4. Южная и западная части Верхней Баваріи и юго-вост. часть Нижней Баваріи.

Причину распространенія поселковъ въ томъ или другомъ мѣстѣ нельзя видѣть въ географическихъ условіяхъ почвы и т. д., хотя обзоръ картъ и оставляетъ впечатлѣніе, что деревни господствуютъ въ ровныхъ, а поселки—въ холмистыхъ мѣстностяхъ. Послѣднее обстоятельство объясняется тѣмъ, что лучшія земли были уже заняты германскими деревнями, поселкамъ же пришлось располагаться въ мѣстахъ, менѣе благопріятныхъ вслѣдствіе меньшаго плодородія или неровности почвы. Однако, съ другой стороны, въ юго-восточной части корол. Баваріи поселки расположены на прекрасной почвѣ, весьма пригодной для деревень германскаго типа. Краснорѣчивымъ доказательствомъ того, что населеніе не всегда селилось въ формахъ, соотвѣтствующихъ мѣстнымъ географическамъ условіямъ, служитъ округленіе владѣній въ округахъ Кемптенъ, Имменштадтъ и Брегенцъ, начавшееся уже въ 1540 г. и не разъ мною уже упомянутое. Чѣмъ больше однако мы будемъ направляться на югъ въ разсматриваемой нами территоріи, тѣмъ больше мы будемъ проникать въ область, въ которой гористый характеръ мѣстности и разнообразіе почвенныхъ условій оказали важное вліяніе на формы заселенія. Здѣсь мы окажемся въ области распространенія *альпійскихъ одиночныхъ дворовъ,* среди которыхъ лишь въ долинахъ встрѣчаются поселки.

Не подлежитъ сомнѣнію, что происхожденіе альпійскихъ одиночныхъ дворовъ должно быть въ значительной степени отнесено ко времени, предшествовавшему германскому заселенію. Но представляется весьма труднымъ опредѣлить, какою національностью они были первоначально основаны.

Во времена Цезаря Noricum, Rhaetia и Vindelicia были заняты кельтами. Эти страны принадлежали къ давнишнимъ владѣніямъ послѣднихъ и въ разсматриваемое время уже были покрыты осѣдлыми поселеніями. Альпы также принадлежатъ къ стариннымъ кельтскимъ землямъ, на что указываетъ кельтское происхожденіе названій всѣхъ притоковъ Дуная, протекающихъ черезъ Альпы.

Одиночные дворы безслѣдно исчезли всюду, куда проникли германцы съ ихъ деревнями. Однако въ расположеніи полей землевладѣльческихъ поселковъ замѣчается извѣстное сходство съ распредѣленіемъ полевыхъ участковъ въ кельтскихъ одиночныхъ дворахъ. Между тѣмъ доказать, что альпійскіе оди-

---

5. Горы Шварцвальда, а также Альпы въ Форарльбергѣ (до округленія владѣній).

ночные дворы и поселки являются результатомъ кельтскаго влiянія, весьма трудно. Такое доказательство должно было бы исходить изъ соображеній обще-историческихъ и филологическихъ, такъ какъ альпiйское аграрное устройство лишь въ незначительной степени даетъ возможность какихъ-либо выводовъ о его національномъ происхожденіи.

Причина этого даже и у тѣхъ поселеній, кельтское происхожденіе которыхъ не подлежитъ сомнѣнію, заключается въ томъ, что естественныя условія на Альпахъ почти никогда не допускаютъ того правильнаго и равномѣрнаго распредѣленія земли, какое встрѣчается, напр., въ Ирландіи [44]). Правда, что альпійская природа требуетъ извѣстнаго разъединенія дворовъ; но во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ она подчиняетъ разселеніе совершенно другимъ условіямъ, чѣмъ тѣ, которыя обнаруживаются въ ирландскомъ распредѣленіи полей. Земли, годныя къ культурѣ, безпорядочно разбросаны среди неудобныхъ для обработки пространствъ; расположенныя же на горныхъ высотахъ и склонахъ пастбища и лѣса требуютъ общиннаго пользованія. Все это ведетъ къ тому, что національный характеръ поселенія могъ бы быть обнаруженъ только въ тѣхъ альпійскихъ долинахъ, которыя заключаютъ въ себѣ достаточно мѣста для большого числа усадебъ, и которыя въ то же время не подвергались вліянію деревень германскаго типа и землевладѣльческихъ поселковъ. Кромѣ того, здѣсь представляется еще слѣдующая трудность: если бы мы даже и знали, что жители данной мѣстности въ Альпахъ были извѣстны римлянамъ, какъ кельты, то это все же еще не значило бы, что кельты въ этой мѣстности явились первымъ осѣдлымъ населеніемъ. Что германцы не были первыми насельниками въ Альпахъ—это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Но уже сравнительно рано послѣ ледниковаго періода Альпы были заняты осѣдлыми поселеніями пришедшихъ съ юга обитателей свайныхъ построекъ. Впослѣдствіи ихъ страна была занята кельтскими, германскими или италійскими пришельцами. Но были ли обитатели свайныхъ построекъ вовсе вытѣснены своими побѣдителями, или смѣшались ли они съ ними, неизвѣстно. Послѣ этого Альпы становятся убѣжищемъ самыхъ разнообразныхъ народностей. Затѣмъ появляются римляне, а за ними—и германцы. Переселеніе народовъ опять привело въ Альпы новыхъ пришельцевъ, вслѣдствіе чего происходитъ новое смѣшеніе народностей. Изъ всѣхъ

---

[44]) Объ этомъ см. выше, стр. 179, мнѣніе *Инама-Штернега*.

этихъ смѣшавшихся элементовъ, вслѣдствіе преобладанія италійской культуры, возникла *романская* народная масса, считавшая себя за однородное цѣлое и противоставлявшая себя германцамъ. Хотя эта романская масса и была подчинена нѣмцами, она тѣмъ не менѣе сохранилась и сохранила свою землю. Нѣтъ никакихъ доказательствъ въ пользу того, чтобы ея поселенія были кельтскаго происхожденія. Слѣдовъ римской земледѣльческой культуры въ разсматриваемой мѣстности также никакихъ не осталось.

IX.

Такимъ образомъ, мы покончили съ первымъ изъ поставленныхъ нами вопросовъ.

Мы видѣли, какимъ образомъ Мейтценъ съ помощью своей теоріи выясняетъ происхожденіе тѣхъ различныхъ формъ поселенія, которыя встрѣчаются въ южной Германіи, Швейцаріи и части Австріи. Лишь при изслѣдованіи національнаго происхожденія альпійскихъ одиночныхъ дворовъ представились непреодолимыя затрудненія.

Теперь мы обратимся къ разрѣшенію второго вопроса [45]).

Однако, чтобы отвѣтить на него основательно, мы должны снова выйти за предѣлы Германіи и распространить свое изслѣдованіе и на Галлію.

Мы видѣли выше, что къ полосѣ чисто-германскаго заселенія на западѣ примыкаетъ область одиночныхъ дворовъ, при чемъ границею служитъ р. Везеръ.

Эта нѣмецкая область одиночныхъ дворовъ заключаетъ въ себѣ слѣдующія части:

1) самый сѣверный уголъ Франціи, ограниченный на югѣ линіей, идущею отъ Булони черезъ С.-Омеръ, Дуэ и Монсъ;

2) часть Бельгіи, лежащую къ сѣверу отъ линіи Монсъ-Лёвенъ-Маастрихтъ;

3) всю Голландію, за исключеніемъ юго-западнаго уголка ея;

4) часть Германіи, ограниченную линіей, идущею отъ рѣки Мааса (у Маасейка) на востокъ, пересѣкающею Рейнъ у Кайзервёрта (нѣсколько сѣвернѣе Дюссельдорфа) и затѣмъ идущею вдоль праваго берега Рейна на югъ до р. Видъ. Здѣсь граница поворачиваетъ на сѣверо-востокъ почти прямою линіей черезъ Падерборнъ до колѣна р. Везера, а затѣмъ—какъ мы уже зна-

---

[45]) Томъ I, отдѣлъ VI, стр. 494 и слѣд. Томъ II, отдѣлъ VII, стр. 1 и слѣд.

емъ—по Везеру до Сѣвернаго моря. Въ предѣлахъ этой линіи находится Ольденбургъ, западная часть прусской провинціи Ганноверъ, прусская провинція Вестфаленъ (за исключеніемъ восточнаго уголка) и, узкою полосой, восточная часть Рейнской провинціи.

Къ югу отъ этой области широкою полосой, проходящей черезъ всю Францію вплоть до канала, тянется область, покрытая деревнями. Южная граница этой области идетъ по сѣверному склону горнаго хребта Юра, затѣмъ она идетъ къ западу отъ р. Соны до сліянія Сены и Іонны; оттуда она поворачиваетъ къ Орлеану, и у Байё достигаетъ канала. Такимъ образомъ, французскіе одиночные дворы непосредственно примыкаютъ къ швейцарскимъ: они покрываютъ горы Валлиса и Савойи, горный хребетъ Юра и почти всю южную, среднюю и западную Францію. Кромѣ того, одиночные дворы покрываютъ часть Нормандіи (отъ Кана [Caen] до Діеппа). Въ общемъ они занимаютъ, такимъ образомъ, во всей Франціи $^2/_3$ ея территоріи. Въ этой части Франціи замкнутыя деревни встрѣчаются лишь въ видѣ небольшихъ острововъ.

Какъ извѣстно, Галлія и все пространство къ западу отъ р. Везера было первоначально занято кельтами.

Прибережье Сѣвернаго моря, расположенное къ сѣверо-востоку отъ Везера, уже въ 320 г. до Р. Х. было занято германцами. Но страна эта была населена уже и до германцевъ. Правда нельзя думать, чтобы предшественниками германцевъ здѣсь были кельты, такъ какъ крайнею восточною границей послѣднихъ служила р. Везеръ, и нѣтъ никакихъ свѣдѣній, чтобы они когда-либо занимали и страну расположеннную на востокъ отъ этой рѣки. Однако здѣсь, вѣроятно, сначала жили финны, которые затѣмъ были вытѣснены германцами черезъ Датскій полуостровъ въ Скандинавію.

Отношенія германцевъ съ ихъ сосѣдями, кельтами, сначала были, повидимому, мирныя. Между тѣмъ въ теченіе продолжительнаго времени послѣ 320 г. до Р. Х. исторія не сообщаетъ намъ свѣдѣній о какихъ-либо передвиженіяхъ народовъ въ этой мѣстности. Распространеніе населявшихъ ее племенъ, принадлежавшихъ къ союзу ингвеоновъ, могло итти только черезъ Везеръ въ страну кельтовъ или же вверхъ по Эльбѣ. Однако движеніе въ послѣднемъ направленіи началось только послѣ битвы въ Тевтобургскомъ лѣсу.

Отсюда вытекаетъ, что германцы изъ указанной мѣстности уже рано были вынуждены вторгаться въ расположенную по

лѣвую сторону отъ р. Везера страну кельтовъ. И дѣйствительно уже во времена Цезаря все пространство между р. Везеромъ и устьемъ Шельды (около 1400 кв. миль) было занято германскими племенами, за исключеніемъ незначительной территоріи (около 50 кв. миль) по правую сторону Рейна, занятой кельтскимъ племенемъ менапіями. Часть этихъ германскихъ племенъ принадлежала къ союзу ингвеоновъ и пришла въ эту область изъ низовьевъ Эльбы; другая же часть состояла изъ племенъ, вышедшихъ изъ сердца Германіи, страны хаттовъ, и съ середины II столѣтія до Р. Х. начавшихъ распространяться по рр. Видъ, Зигъ, Руръ, Липпе, по нижнему теченію Рейна и по Эмсу. Эти народы образовали союзъ иствеоновъ.

Разсмотримъ отдѣльные народы, входившіе въ составъ этихъ союзовъ и обратимся сначала къ ингвеонамъ. Узкая прибрежная полоса отъ устьевъ Везера до устьевъ Рейна была занята *фризами*. За ними по направленію вглубь страны между р. Везеромъ и Эмсомъ, жили *Аmmeri*; далѣе оба берега Везера и прибрежье до Эльбы было занято *хавками*. За ними по направленію вглубь страны жили *ангриваріи* и *бруктеры*.

Что касается иствеоновъ, то къ нимъ относились *батавы*, занимавшіе пространство между Рейномъ, Маасомъ и моремъ; далѣе, къ сѣверу отъ нихъ, между р. Исселемъ, Фехте и Эмсомъ — *хоттуары* и *анзивары*; къ югу и востоку отъ бруктеровъ — *хамавы*, а между рѣками Руръ и Зигъ—*сигамбры*. Всѣ эти народы во время Цезаря широкимъ поясомъ окружали послѣднихъ изъ кельтовъ, *менапіевъ*, жившихъ въ тѣ времена у низовьевъ р. Липпе.

Каковъ же былъ древній характеръ разселенія у всѣхъ этихъ народовъ кельтскаго и германскаго происхожденія, населявшихъ Галлію и сѣверо-западную Германію?

По мнѣнію Мейтцена одиночные дворы, занимающіе $^2/_3$ Франціи и пространство отъ Булони до Везера, — происхожденія *кельтскаго*. Дѣйствительно, принадлежащія къ нимъ земли обнаруживаютъ раздѣленіе полей на такіе же участки, какіе мы видимъ на картахъ ирландской Ordnance Survey. Весьма вѣроятно, что при болѣе тщательныхъ поискахъ, въ обѣихъ областяхъ одиночныхъ дворовъ, и въ французской, и въ нѣмецкой, можно было бы найти слѣды „tates“.

Обратимся сначала къ Галліи. Повѣствуя о разныхъ народахъ Галліи, Цезарь говоритъ о ихъ „oppida, vici et reliqua privata aedificia“. Между тѣмъ сопоставленіе числа oppida и vici, приводимаго Цезаремъ, съ приводимымъ имъ же количе-

ствомъ населенія показываетъ, что, напр., у гельветовъ половина населенія жила въ „reliqua privata aedificia", и что, слѣдовательно, подъ послѣдними слѣдуетъ понимать одиночные дворы. И дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сочиненія Цезаря эти „aedificia" прямо и опредѣляются, какъ разбросанныя усадьбы. Далѣе, сохранившіеся до настоящаго времени остатки отъ галльскихъ зданій показываютъ, что послѣднія всегда были четырехугольны [46]), при чемъ нѣкоторыя въ точности соотвѣтствовали по своей формѣ ирландскому дому. На основаніи изложеннаго слѣдуетъ думать, что Галлія, такъ же какъ и Ирландія, была покрыта одиночными дворами.

Между тѣмъ отъ кланового строя въ Галліи при Цезарѣ и слѣдовъ уже не оставалось. И Цезарь, и Страбонъ застали въ Галліи наряду съ богатымъ классомъ жрецовъ поземельную аристократію, настолько сильную, что въ ея рукахъ сосредоточивалась вся власть въ странѣ. Такая поземельная аристократія могла развиться только въ теченіе цѣлаго ряда поколѣній. Кромѣ того какъ промышленность, торговля и судоходство, такъ и сельскохозяйственное крупное производство къ тому времени находились въ Галліи уже на такомъ уровнѣ развитія, на какомъ они могли быть только послѣ многолѣтней осѣдлости. Предположеніе о раннемъ переходѣ населенія Галліи къ осѣдлому быту подтверждается также и сообщеніемъ Ливія, что галлы, проникшіе въ верхнюю Италію около 400 г. до Р. Х., немедленно взялись за земледѣліе и скоро пріобрѣли славу выдающихся сельскихъ хозяевъ.

Что касается германскихъ племенъ, населявшихъ мѣстность отъ Булони до Везера, то, съ тѣхъ поръ какъ они извѣстны исторіи, всѣ они жили въ одиночныхъ дворахъ.

Сопоставленіе всего изложеннаго приводитъ насъ къ двумъ вопросамъ:

a) откуда возникли деревни, занимающія во Франціи широкую полосу между Фландріей и Луарой?

b) откуда возникли одиночные дворы, въ которыхъ съ незапамятныхъ временъ жили германскія племена въ области между Везеромъ и низовьями Рейна?

Обращаясь къ разрѣшенію перваго изъ нихъ, мы должны прежде всего замѣтить, что нельзя причину различія въ формахъ поселенія видѣть въ мѣстныхъ географическихъ условіяхъ. Дѣйствительно, если сѣверная граница французскихъ дере-

[46]) Сообщенія Страбона о круглыхъ зданіяхъ касаются лишь южной Галліи.

вень и совпадаетъ съ нѣкоторыми перемѣнами въ географическихъ условіяхъ мѣстности, то такого совпаденія на южной границѣ незамѣтно.

Мейтценъ видитъ причину различія въ національныхъ условіяхъ.

Отъ верхней Германіи Галлія существенно отличалась тѣмъ, что римское управленіе, твердо установленное уже во времена Августа, въ ней получило гораздо болѣе прочную организацію, и что граница Галліи съ германцами была гораздо менѣе доступна. Поэтому германское вліяніе въ Галліи сказалось гораздо слабѣе, чѣмъ въ верхней Германіи; и въ Галліи на большомъ протяженіи и до настоящаго времени сохранились одиночные дворы, тѣмъ болѣе, что и римляне мало вмѣшивались въ условія галльскаго землевладѣнія. Положеніе измѣнилось лишь со времени вторженія восточныхъ германцевъ; съ этого времени массами начинаютъ появляться германскія племена, ищущія земли по Рейну и въ Галліи. Эти племена до извѣстной степени наложили на свои новыя владѣнія печать своихъ родныхъ обычаевъ. Поэтому деревенскія поселенія во Франціи могутъ разсматриваться только какъ вторженіе новой формы, внесенной германцами въ область одиночныхъ дворовъ.

Уже на примѣрѣ верхней Германіи мы видѣли, что германцы приносили съ собою свою національную форму поселенія во всѣ тѣ области, которыя они прочно завоевывали. И въ разсматриваемой нами территоріи мы знаемъ рядъ примѣровъ, гдѣ германскіе выходцы основывали деревни въ занимаемыхъ ими кельтскихъ земляхъ. Такъ поступили, напр., во вновь занятыхъ ими земляхъ пришедшіе около 70 г. до Р. Х. вмѣстѣ съ Аріовистомъ *трибоки*, *неметы* и *вангіоны*. Далѣе *убіи*, жившіе по правому берегу Рейна, по нижнему теченію р. Лана и Вида, въ 38 г. до Р. Х. были переселены Агриппою на лѣвый берегъ Рейна, и на всемъ протяженіи своей новой территоріи основали германскія деревни; и сѣверная граница ихъ въ точности совпадаетъ съ южною границей одиночныхъ дворовъ.

Предположеніе, что французскія деревни были основаны германцами, находитъ подтвержденіе и въ томъ обстоятельствѣ, что пребываніе германцевъ можетъ быть доказано относительно всѣхъ упомянутыхъ выше островковъ съ деревенскими поселеніями, разбросанныхъ по французской области одиночныхъ дворовъ, и что эти деревенскія поселенія носятъ типичный характеръ національно-германскихъ деревень.

Однако при разрѣшеніи разсматриваемаго вопроса встрѣчаются двѣ трудности.

Прежде всего германское завоеваніе распространилось въ Галліи и на многія такія земли, въ которыхъ тѣмъ не менѣе сохранились одиночные дворы. Сюда относится вся южная Галлія. Почему германскіе насельники не ввели здѣсь своей національной формы разселенія? Это недоумѣніе удовлетворительно разъясняется тѣмъ, что въ южной Галліи, благодаря вмѣшательству римскаго императора, германскіе завоеватели (бургунды и вестготы) примѣнили менѣе радикальный способъ занятія земли, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ: земли не были отобраны у провинціаловъ, но каждая германская семья была поселена въ назначенномъ для нея хозяйствѣ одного изъ провинціаловъ, которому было предписано раздѣлить свое владѣніе съ новымъ пришельцемъ; при этомъ вѣроятно каждое поле порознь было подвергнуто натуральному раздѣлу. Такимъ образомъ вполнѣ понятно, что здѣсь сохранились одиночные дворы [47]).

Не такъ легко разрѣшается вторая трудность, которая состоитъ въ слѣдующемъ. Деревни въ части Франціи, расположенной къ сѣверу отъ Луары, возникли ранѣе упомянутыхъ выше поселеній бургундовъ и вестготовъ, которыя возникли въ V и VI в. Наиболѣе раннія поселенія деревнями были основаны трибоками, неметами и вангіонами (около 70 г. до Р. Х.) и убіями (въ 38 г. до Р. Х.). Далѣе римляне въ сѣверной Галліи въ большомъ числѣ основывали деревни, населенныя рабами и колонами. Кромѣ того въ разныхъ частяхъ разсматриваемой территоріи поселялись такъ называемые laeti: и они селились деревнями. Наконецъ, деревнями селились и хатты и алеманны, переходившіе черезъ Рейнъ начиная съ IV вѣка. Слѣды ихъ ясно замѣтны въ области, расположенной между Эльзасомъ и нижнимъ теченіемъ Мааса, т.-е. въ Лотарингіи и въ Пфальцѣ. Всѣ эти поселенія франки уже застали, когда они въ V вѣкѣ проникли въ Галлію.

Но нельзя думать, чтобы сплошная полоса деревень въ сѣ-

[47]) Наряду съ этимъ болѣе мягкимъ способомъ занятія земель провинціаловъ германцы иногда овладѣвали нѣкоторыми мѣстностями путемъ насильственнаго завоеванія; кромѣ того они захватывали незанятыя земли. Въ обоихъ случаяхъ короли раздавали земли подданнымъ, которые основывали на нихъ деревни и либо сами брались за ихъ обработку, либо сдавали ихъ колонамъ. Слѣдуетъ принять во вниманіе, что совмѣстное поселеніе было и безопаснѣе въ пустынныхъ мѣстностяхъ. При этомъ вліяло и дѣленіе земли на гуфы. Форма этого дѣленія въ этихъ мѣстахъ еще мало изслѣдована и должна быть изучена путемъ мѣстныхъ изысканій. — Всѣмъ этимъ объясняются упомянутые въ текстѣ острова съ деревенскою формой поселенія, разбросанные по южной половинѣ Франціи.

верной половинѣ Франціи возникла только благодаря этимъ передвиженіямъ; другими словами, нельзя думать, чтобы замѣна одиночныхъ дворовъ деревнями въ полосѣ между Луарой и Фландріей произошла безъ участія самихъ франковъ. Между тѣмъ послѣдніе съ доисторическихъ временъ въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій жили и хозяйничали въ одиночныхъ дворахъ.

Чѣмъ объяснить, что, занявъ сѣверную часть Франціи, они не только размѣстились по деревнямъ, которыя кое-гдѣ встрѣчались уже въ этой мѣстности, но и сами основали въ ней новыя поселенія въ формѣ деревень, такъ что на всемъ протяженіи земель, занятыхъ ими между Фландріей и Луарой, одиночные дворы вовсе исчезли?

Очевидно, что эти деревни не могутъ быть приписаны ихъ обычаямъ. По мнѣнію Мейтцена деревни, основанныя франками во Франціи, съ одной стороны должны быть приписаны тѣмъ новымъ условіямъ, которыя были созданы завоеваніемъ, а съ другой стороны—тому обстоятельству, что германскій способъ разселенія былъ тогда знакомъ уже въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій. Здѣсь могли оказывать вліяніе слѣдующія обстоятельства. Прежде всего для равноправныхъ членовъ племени разселеніе въ одиночныхъ дворахъ должно было представить большія трудности; для равномѣрнаго распредѣленія полей между участниками легче было послѣдовать примѣру убіевъ и алемановъ. Далѣе большое вліяніе можно приписать необезпеченности общественнаго порядка въ бурный періодъ перваго завоеванія, которая могла повлечь за собою стремленіе мѣстнаго населенія соединяться въ замкнутыя деревни, болѣе пригодныя для защиты, чѣмъ одиночные дворы. Правда, что въ lex Salica мы не найдемъ слѣдовъ такого перехода, но концентрація жилищъ вокругъ господскаго двора могла и не привлечь къ себѣ особаго вниманія, такъ какъ, съ одной стороны, вслѣдствіе легкости жилищъ, она не представляла особенныхъ трудностей, и такъ какъ, съ другой стороны, этотъ переходъ не могъ принести населенію ущерба и, слѣдовательно, не могъ вызвать никакихъ жалобъ.

Наконецъ, по мнѣнію Мейтцена, весь этотъ вопросъ нельзя еще считать достаточно изслѣдованнымъ. Судя по кадастровымъ картамъ Jsle de France (изслѣдованныхъ George Hulin) деревни съ раздѣленіемъ полей на коны не составляютъ большинства, и чаще встрѣчается распредѣленіе полевой земли на безпорядочные и неправильные по формѣ участки. Это ведетъ къ весьма вѣроятной мысли, что эти деревни, также какъ и

поселки въ верхней Германіи, были основаны землевладѣльцами, раздававшими свою землю за извѣстную плату. Здѣсь могло оказать вліяніе и усиленіе королевской власти. Отличіе этихъ деревень отъ поселковъ верхней Германіи заключается лишь въ ихъ размѣрахъ: по своимъ размѣрамъ французскія деревни соотвѣтствуютъ деревнямъ германскаго типа.

Во всякомъ случаѣ требуется дальнѣйшее изученіе еще мало изслѣдованныхъ французскихъ кадастровыхъ картъ.

Покончивъ съ вопросомъ о французскихъ деревняхъ, перейдемъ теперь къ другому и наиболѣе трудному вопросу, а именно о происхожденіи одиночныхъ дворовъ въ области отъ низовьевъ Рейна до р. Везера.

Спрашивается, чѣмъ объяснить, что на всемъ протяженіи области, лежащей между Булонью и Везеромъ, германцы издавна жили въ одиночныхъ дворахъ?

На этотъ вопросъ, по мнѣнію Мейтцена, есть только одинъ отвѣтъ: Германцы, занявшіе эту территорію, не основали въ ней деревень германскаго типа потому, что они тогда этого обычая еще не знали: при ихъ выселеніи переходъ къ осѣдлому образу жизни находился еще въ зачаточномъ состояніи или даже еще и не начинался. Въ тѣ времена существовало еще старое пастбищное хозяйство сотенъ.

Германцы пришли въ страну кельтовъ еще пастухами съ своими стадами и нашли весьма удобнымъ занять кельтскія жилища. Когда же послѣ одного или нѣсколькихъ поколѣній они вынуждены были приняться за земледѣліе, то они и тогда сохранили усвоенную ими уже кельтскую форму разселенія. Отсюда становится понятною та рѣзкая разница между выходцами изъ колыбели Германіи, которые выселились изъ своей родины *послѣ* перехода къ земледѣльческому быту (напр., убіями), и тѣми, которые выселились изъ нея еще *до* этого перехода. Въ самомъ дѣлѣ, мы знаемъ, что во времена Цезаря германцы еще только находились въ процессѣ перехода отъ пастушескаго къ осѣдлому быту. Осѣдлыя поселенія вангіоновъ, неметовъ и трибоковъ возникли также весьма незадолго до Цезаря. Поэтому не подлежитъ сомнѣнію, что тѣ германцы, которые заняли кельтскія земли въ болѣе раннія времена, находились еще на пастушеской стадіи хозяйственнаго развитія.

Возьмемъ, въ видѣ примѣра, фризовъ. Отличительная черта этого племени состоитъ въ томъ, что въ своемъ аграрномъ бытѣ оно сохранило слѣды глубочайшей древности. Все, что мы узнаемъ о фризахъ, говоритъ Мейтценъ, носитъ явную пе-

чать древнѣйшаго германскаго міровоззрѣнія и древнѣйшихъ германскихъ обычаевъ. При всемъ томъ—характеръ ихъ разселенія и хозяйства носитъ *чужеземный* отпечатокъ. какъ расположеніе поселеній, такъ и распредѣленіе полевыхъ земель у фризовъ отличается отъ національнаго германскаго обычая и носитъ ближайшее сходство съ древне-кельтскимъ аграрнымъ строемъ. Лишь изрѣдка у фризовъ встрѣчаются замкнутыя деревни, а иногда, хотя рѣдко, встрѣчается и дѣленіе полей на коны и полосы. Однако, во-первыхъ, и то и другое представляетъ изъ себя исключеніе; далѣе, появленіе этихъ деревень относится къ болѣе позднему времени и по большей части находитъ свое объясненіе въ особенностяхъ низменнаго приморскаго положенія, заставляющихъ людей совмѣстно селиться на болѣе высокихъ мѣстахъ. Древнѣйшею формой поселенія являются одиночные дворы, со всѣми характерными признаками этой формы.

Основныя черты этого разселенія фризовъ вполнѣ сотвѣтствуютъ общему характеру одиночныхъ дворовъ на Нижнемъ Рейнѣ, которые, въ свою очередь, по своимъ признакамъ вполнѣ сходны съ одиночными дворами юго-западной половины Франціи и Ирландіи; между тѣмъ, кельтское происхожденіе послѣднихъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Столь же сходны съ этими нижне-рейнскими, французскими и ирландскими одиночными дворами вестфальскія поселенія по лѣвую сторону отъ рѣки Везера.

Такимъ образомъ Мейтценъ приходитъ къ выводу, что одиночные дворы на всемъ протяженіи отъ Везера до Булони представляютъ изъ себя остатокъ старинной кельтской культуры.

Для того, чтобы придать своему выводу бо̀льшую силу, Мейтценъ опровергаетъ рядъ возраженій, которыя могли бы быть приведены противъ него.

Прежде всего возможно предположеніе, что въ моментъ вторженія германцевъ сами кельты были еще только пастухами, и что въ этой области одиночные дворы были основаны уже германцами по тѣмъ же причинамъ, по которымъ кельты основывали одиночные дворы въ Галліи и Ирландіи. Другими словами, возможно предположеніе, что одиночные дворы этой области происхожденія не кельтскаго, но германскаго. Но въ такомъ случаѣ возникаетъ вопросъ: почему же германцы здѣсь, вопреки своему національному обычаю, основали одиночные дворы?

Единственное объясненіе, которое здѣсь обыкновенно при-

водится, состоитъ въ указаніи на мѣстныя географическія условія; однако это указаніе совершенно не выдерживаетъ критики. Несомнѣнно, что разселеніе въ одиночныхъ дворахъ въ высшей степени соотвѣтствуетъ условіямъ почвы на всемъ протяженіи области, расположенной по лѣвую сторону отъ р. Везеръ. Однако область, расположенная по правую сторону отъ р. Везера до самой Ютландіи, находится въ совершенно такомъ же положеніи; между тѣмъ она издавна была покрыта деревнями германскаго типа. Незначительное различіе въ климатѣ, который въ сѣверу становится нѣсколько суровѣе, не могло оказать здѣсь сколько-нибудь значительнаго вліянія. По всему прибережью отъ устья Шельды до Ютландіи лѣто отличается одинаковою влажностью, а мягкая зима встрѣчается вплоть до самаго сѣвера Норвегіи. Нѣтъ также различій въ растительности лѣсовъ и луговъ и въ пригодности одинаковыхъ почвъ для однихъ и тѣхъ же злаковъ. Насколько естественныя условія въ обѣихъ мѣстностяхъ сходны, видно хотя бы изъ того, что начиная съ конца прошлаго вѣка округленіе владѣній во всей Шлезвигъ-Гольштиніи создало такую же систему одиночныхъ дворовъ, какую мы видимъ въ Вестфаліи, Ольденбургѣ или Голландіи. Благодаря этой реформѣ расположеніе большинства усадебъ въ Шлезвигъ-Гольштиніи таково, что теперь едва ли можно найти какіе-либо слѣды прежнихъ замкнутыхъ деревень; почти всѣ крупные дворы вполнѣ округлены. И полевыя земли теперь распредѣлены совершенно такъ же, какъ при одиночныхъ дворахъ. Онѣ распадаются на отдѣльные участки, окруженные заборами и рвами. Каждый хозяинъ ведетъ самостоятельное хозяйство на своихъ огороженныхъ участкахъ, на которыхъ такъ же, какъ и по лѣвую сторону отъ р. Везеръ, скотъ пасется безъ пастуха. Такимъ образомъ, природа страны ни въ прежнее, ни въ новѣйшее время, не могла обусловить собою различія въ характерѣ поселеній. Поэтому—заключаетъ Мейтценъ—причины этого различія могутъ лежать только въ различіи обычаевъ и потребностей племенъ, населившихъ эти мѣстности.

Изъ этихъ племенъ бруктеры представляютъ собою единственное саксонское племя, которое въ тотъ моментъ, когда мы о немъ узнаемъ, всецѣло жило въ предѣлахъ области одиночныхъ дворовъ. Между тѣмъ въ I или II вв. по Р. Х. бруктеры занимаютъ область по верховьямъ и правому теченію р. Руръ (такъ наз. Hellweg), и съ тѣхъ поръ живутъ въ этой области, но не въ одиночныхъ дворахъ, а въ деревняхъ гер-

манскаго типа, которыя были основаны вѣроятно не ими самими, но марсами.

Что касается, далѣе, хавковъ и ангриваріевъ, то и въ ихъ одиночныхъ дворахъ нельзя видѣть вліянія ихъ племенного обычая, ибо уже въ то время, когда мы о нихъ впервые узнаемъ, они жили по *обѣимъ* сторонамъ Везера.

Наконецъ, старые саксы, жившіе по нижнему теченію Эльбы и въ Гольштиніи, до самаго послѣдняго времени никогда не жили въ одиночныхъ дворахъ; они и въ Англію перенесли обычай германскихъ деревень. Между тѣмъ по лѣвую сторону отъ р. Везеръ они такъ же, какъ и хавки и ангриваріи, разселились вопреки своему національному обычаю въ одиночныхъ дворахъ.

Существуетъ взглядъ, что занявшія кельтскую территорію германскія племена первоначально разселились въ деревняхъ, и что лишь впослѣдствіи хозяйственныя соображенія побудили ихъ перейти къ системѣ одиночныхъ дворовъ. Въ пользу этого взгляда приводятся два обстоятельства: значительное число небольшихъ городовъ, селъ и деревень, и широкое распространеніе обычая дѣлить поля на коны и полосы.

Несмотря на эти доводы, Мейтценъ считаетъ этотъ взглядъ совершенно недопустимымъ. Что касается деревень, селъ и небольшихъ городовъ, то ихъ позднее происхожденіе можетъ считаться доказаннымъ; а раздѣленіе нѣкоторыхъ полей на коны и полосы есть не что иное, какъ результатъ раздѣловъ земель, входившихъ въ составъ марки, раздѣловъ, которые также должны быть отнесены къ болѣе позднему времени.

Помимо этого слѣдуетъ принять во вниманіе, что переходъ отъ деревень къ одиночнымъ дворамъ, такъ же какъ и современное разверстаніе земель, могъ бы совершиться только сразу для каждой деревни. А такъ какъ такая мѣра со стороны многихъ участниковъ вызвала бы энергичное сопротивленіе, то она могла бы быть проведена только принудительно. Кромѣ того, она должна была бы быть проведена равномѣрно на протяженіи всей территоріи, на которой мы теперь видимъ одиночные дворы. Между тѣмъ едва ли, по мнѣнію Мейтцена, можно ожидать у свободныхъ членовъ племени того времени достаточной хозяйственной предусмотрительности и достаточно сильной государственной власти для планомѣрнаго проведенія такой мѣры. Кромѣ того, чѣмъ объяснить, что германцы только въ предѣлахъ старой кельтской территоріи предприняли столь трудное дѣло, между тѣмъ какъ во всѣхъ остальныхъ мѣстностяхъ, завоеванныхъ ими въ верхней Германіи и во Франціи, они со

временъ Цезаря безпощадно разрушали одиночные дворы и основывали германскія деревни, которыя сохранились и до сего дня?

Такимъ образомъ, если считать, что одиночные дворы по лѣвую сторону отъ р. Везера основаны германцами, то нужно въ то же время признать, что эти одиночные дворы были основаны ими сразу по завладѣніи страною. Между тѣмъ такое предположеніе, какъ мы уже видѣли, не представляется вѣроятнымъ.

Но спрашивается далѣе, есть ли основаніе думать, что во время германскаго вторженія кельты, занимавшіе лѣвый берегъ р. Везера, жили уже въ осѣдлыхъ поселеніяхъ? Вѣдь мы знаемъ, что ирландцы перешли къ земледѣльческому быту только въ VI в. по Р. X.!

Между тѣмъ у насъ есть достаточныя доказательства въ пользу того, что кельты уже во время германскаго вторженія въ ихъ страну вели въ ней осѣдлый образъ жизни.

Выше мы уже видѣли, что во времена Цезаря и Страбона клановая жизнь въ Галліи находилась уже въ состояніи полнаго упадка. Между тѣмъ мы видѣли также, что въ Ирландіи этотъ переворотъ совершился въ связи съ переходомъ къ земледѣльческому быту и съ развитіемъ частной собственности на землю. Слѣдовательно, нужно думать, что у кельтовъ, населявшихъ Галлію, земледѣльческій бытъ начался уже задолго до Цезаря. А въ такомъ случаѣ становится весьма вѣроятнымъ, что и тѣ кельты, которые жили къ сѣверу отъ Галліи и къ западу отъ р. Везера уже задолго до Цезаря перешли къ осѣдлому образу жизни.

Впрочемъ, существуютъ и другія указанія на то, что земледѣліе у кельтовъ въ IV в. до Р. X. встрѣчалось уже около устья Везера.

Дѣйствительно, по словамъ Плинія, Pytheas (около 320 г. до Р. X.) сообщалъ, что „у богатаго янтаремъ прибережья гуттоновъ солнце лишь рѣдко свѣтитъ, вслѣдствіе чего жители молотятъ свой хлѣбъ въ *большихъ зданіяхъ, въ которыя ввозятъ снопы*: ибо отъ дождя и вслѣдствіе недостатка солнечнаго свѣта токъ подъ открытымъ небомъ очень скоро испортился бы". Замѣтимъ также, что это описаніе Пиѳея вовсе не подходитъ къ типу германскихъ домовъ, какими мы ихъ знаемъ въ первыя времена римлянъ; оно отличается отъ этого типа и по размѣру, и по крѣпости, и по самой цѣли дома. Но за то оно близко подходитъ къ кельтскому типу. Поэтому, если Пиѳей дѣйстви-

тельно видѣлъ описанные имъ дома у германцевъ, то это значило бы, что они уже переняли ихъ у кельтовъ.

Далѣе, и Плиній, прошедшій съ конницею Помпонія пространство отъ Рейна до прибережья хавковъ, слѣдующимъ образомъ описываетъ ихъ жилища: сѣверные народы, говоритъ онъ, покрываютъ свои дома камышемъ, и ихъ высокія крыши живутъ въ теченіе столѣтій. Такимъ образомъ, онъ видѣлъ на своемъ пути высокія постройки, какія можно видѣть въ этой мѣстности и въ настоящее время. И теперь еще Вестфалія извѣстна своими большими. такъ наз. *саксонскими* домами, въ которыхъ подъ одною высокою камышевою или соломенною крышей помѣщаются и семья, и прислуга, и скотъ, и хозяйственные припасы. Сходные типы домовъ встрѣчаются на всемъ протяженіи нѣмецкой области одиночныхъ дворовъ. Они глубоко отличаются отъ типа среднегерманскаго (франкскаго) дома.

Между тѣмъ, болѣе внимательное изслѣдованіе показываетъ, что какъ по своей основной структурѣ, такъ и по своему внутреннему устройству домъ саксонскаго типа соотвѣтствуетъ старому ирландскому клановому дому, слѣды котораго, какъ мы видѣли, найдены и въ Галліи [48]).

Такимъ образомъ и типъ дома подтверждаетъ мнѣніе Мейтцена о кельтскомъ происхожденіи одиночныхъ дворовъ сѣверозападной Германіи.

Изъ сходства саксонскаго дома съ старымъ ирландскимъ домомъ Мейтценъ заключаетъ, что германскія пастушескія племена, перешедшія черезъ р. Везеръ еще за долго до Цезаря, не разрушили тѣхъ кельтскихъ домовъ, которые они нашли въ занятой ими территоріи, но сами поселись въ нихъ, такъ какъ они могли такимъ образомъ укрыть не только себя, но и свой скотъ. А вмѣстѣ съ кельтскими домами сохранились и кельтскіе одиночные дворы.

X.

Таково ученіе Мейтцена о происхожденіи разныхъ формъ разселенія въ Германіи. Ученіе это отличается замѣчательною

---

[48]) Кромѣ указанной въ текстѣ области саксонскій домъ встрѣчается и въ другихъ мѣстностяхъ. Но здѣсь его основныя черты смѣшались съ посторонними элементами: въ восточной части Ганновера — съ польскими; на сѣверѣ, начиная отъ Гольштиніи—съ скандинавскими (датскій домъ); на югѣ—съ франкскими. Что саксонскій домъ встрѣчается на всемъ протяженіи славянской колонизаціи по правую сторону Эльбы объясняется саксонской колонизаціей, имѣвшей мѣсто въ этой области въ теченіе XII и XIII вв.

стройностью, а вслѣдствіе той ширины, съ которой въ немъ поставлена и разрѣшена задача, оно несомнѣнно послужитъ исходною точкою для всѣхъ дальнѣйшихъ изслѣдованій въ этой области. Задача послѣднихъ, несомнѣнно, будетъ состоять въ томъ, чтобы продолжать путь, столь плодотворно начатый Мейтценомъ, и чтобы, посредствомъ мѣстныхъ изысканій и дальнѣйшаго изученія кадастровыхъ картъ, подвергнуть его выводы всесторонней оцѣнкѣ. Мейтценъ самъ признаетъ, что онъ далеко еще не использовалъ всего того матеріала, который можетъ быть разысканъ по разсмотрѣннымъ имъ вопросамъ, и далеко не разрѣшилъ всѣхъ сомнѣній, связанныхъ съ ихъ изученіемъ. Да это было бы и совершенно невозможно одному человѣку.

Въ заключеніе нельзя однако не обратить вниманія на то обстоятельство, что даже если дальнѣйшія изслѣдованія подтвердятъ выводы, къ которымъ пришелъ Мейтценъ, то все же въ этихъ выводахъ нельзя видѣть окончательнаго разрѣшенія вопроса.

Въ самомъ дѣлѣ, отвѣтъ, который Мейтценъ даетъ на вопросъ о происхожденіи разныхъ формъ разселенія, по необходимости вызываетъ новый вопросъ: чѣмъ объяснить тѣ различія, которыя замѣчаются между системами разселенія германцевъ, кельтовъ и славянъ? Удастся ли наукѣ когда-либо отвѣтить на этотъ вопросъ—трудно сказать; но чѣмъ дальше она будетъ удаляться въ глубь временъ, тѣмъ труднѣе будетъ становиться всякое научное изслѣдованіе.

В. Э. Денъ,
дѣйствительный членъ
Московскаго Юридическаго Общества.

ГРАЖДАНСКАЯ СВОБОДА, КАКЪ ПОНЯТІЕ ГОСУДАРСТВЕННАГО ПРАВА *).

Omnes legum servi sumus, ut liberi esse possimus (Cicero, pro Cluentio, § 53).

„*Гражданская* свобода, какъ понятіе *государственнаго* права". Не заключается ли въ самомъ сочетаніи этихъ выраженій нѣкоторое противорѣчіе? Такой вопросъ можетъ явиться при первомъ взглядѣ на заглавіе настоящей лекціи. Что это противорѣчіе—лишь кажущееся, что то, что̀ называется обыкновенно гражданскою свободой, представляетъ собою институтъ публичнаго, а не частнаго права, это, я надѣюсь, будетъ вполнѣ ясно изъ послѣдующаго содержанія моей лекціи. Пока же замѣчу только, что, хотя слово „гражданская" невольно вызываетъ въ умѣ юриста представленіе о гражданскомъ правѣ, но это лишь слѣдствіе недостаточной точности и раздѣльности нашей терминологіи. Гражданиномъ мы называемъ человѣка не только, какъ субъекта частныхъ правъ, но также, и даже преимущественно, какъ члена государственнаго общенія. Говоря о гражданскихъ правахъ и обязанностяхъ, мы имѣемъ обыкновенно въ виду публично-правовыя отношенія, связывающія государство съ составляющими его индивидами. Поэтому эпитетъ „гражданскій" еще не предрѣшаетъ частно-правового характера того отношенія, къ которому онъ прилагается.

---

*) При составленіи настоящей работы, читанной въ видѣ пробной лекціи въ Московскомъ университетѣ 5 марта 1898 года, главными пособіями служили слѣдующія сочиненія: Gerber. Grundzüge eines Systems des deutschen Staatsrechts. — Laband. Das Staatsrecht des Deutschen Reiches. — Jellinek. System der öffentlichen subjectiven Rechte.—Дайси. Основы государственнаго права Англіи.—Esmein. Elements de droit constitutionnel.—Mansfeld. Der publicistische Reactionsanspruch.

Гражданская свобода есть одно изъ отношеній, существующихъ между государствомъ, какъ цѣлымъ, какъ юридическимъ лицомъ съ одной стороны и его отдѣльными членами—съ другой. Въ основѣ этихъ отношеній лежитъ фактъ *подчиненія гражданъ государственной власти*. Гражданинъ прежде всего выполняетъ по отношенію къ государству извѣстныя обязанности: платитъ налоги, отбываетъ повинности, воздерживается отъ дѣйствій, запрещаемыхъ уголовными законами. Но общій юридическій принципъ, требующій взаимности правъ и обязанностей, примѣняется и къ государственному праву. Неся обязанности предъ государствомъ, подданные, въ свою очередь, имѣютъ по отношенію къ нему опредѣленныя *права*, которыя современная государственно-правовая наука дѣлитъ на три главныя категоріи. Предметомъ ихъ можетъ быть, во-первыхъ, самая государственная власть, или точнѣе, извѣстное участіе въ ея осуществленіи. Это право—право быть органомъ государства не принадлежитъ, впрочемъ, нигдѣ всякому гражданину. Въ абсолютной монархіи субъектомъ его является лишь одинъ изъ членовъ политическаго союза, въ аристократіи привилегированное меньшинство населенія, въ демократіи—болѣе широкій кругъ такъ наз. политически-правоспособныхъ гражданъ. Двѣ другія категоріи публичныхъ правъ распространяются, по общему правилу, на всѣхъ безъ исключенія гражданъ. Таково прежде всего право на содѣйствіе или покровительство власти, которому соотвѣтствуетъ обязанность государства оказывать подданнымъ извѣстныя положительныя услуги въ видѣ охраны отъ правонарушеній и споспѣшествованія ихъ физическому, экономическому и духовному развитію. Наконецъ, въ отношеніяхъ гражданина къ государству есть еще одна сфера, гдѣ обязанность государства носитъ чисто-отрицательный характеръ. Государство обязуется не вмѣшиваться въ извѣстныя отношенія, очистить поле для свободной дѣятельности индивида. Эта область, изъятая отъ воздѣйствія государственной власти, и есть область гражданской свободы. Въ нее входятъ всѣ тѣ отношенія, которыя фигурируютъ въ теоріи и положительныхъ законодательствахъ подъ именемъ *правъ свободы* (Freiheitsrechte). Для того, чтобы понять, почему эти права называются *гражданскою* свободой, нужно обратить вниманіе, что терминъ „свобода" употребляется въ публицистической литературѣ и въ другомъ смыслѣ. Когда мы говоримъ, напримѣръ, о свободѣ Аѳинъ или республиканскаго Рима, то мы подразумѣваемъ подъ этимъ словомъ не ограниченіе государственнаго вмѣшательства въ

частныя отношенія, а тѣ права участія въ государственной власти, о которыхъ я упоминалъ выше. Такое словоупотребленіе нельзя назвать особенно точнымъ, но освященное временемъ и авторитетомъ древнихъ, оно прочно укоренилось въ литературѣ. Когда же теоріи новаго времени выдвинули иное понятіе свободы, какъ сферы, изъятой отъ дѣйствія государственнаго принужденія, то эту свободу стали называть гражданской, въ отличіе отъ свободы въ старомъ смыслѣ слова или политической.

Научное понятіе гражданской свободы имѣетъ своимъ первоначальнымъ источникомъ доктрину естественнаго права и, въ частности, теорію договорнаго происхожденія государства. Какъ извѣстно, раціоналисты прошлаго вѣка въ своемъ ученіи о государствѣ исходили изъ представленія объ абсолютной независимости индивида въ его естественномъ состояніи. Вступая въ государственный союзъ, создавая надъ собою власть, человѣкъ, по ихъ воззрѣнію, жертвуетъ частью своей естественной свободы, но жертвуетъ лишь для того, чтобы тѣмъ лучше сохранить остальную часть. Этотъ остатокъ первоначальной свободы неприкосновененъ для государства, такъ какъ составляетъ условіе самаго его существованія. Онъ заключаетъ въ себѣ прирожденныя, неотчуждаемыя права человѣка. Какія именно права, — на это различные писатели и составленныя подъ ихъ вліяніемъ деклараціи отвѣчаютъ неодинаково. Списокъ правъ свободы съ теченіемъ времени видоизмѣнялся и пополнялся. Наряду съ личною свободой, въ смыслѣ безопасности отъ произвольныхъ арестовъ, въ него вошли: свобода передвиженія, свобода занятій, свобода собственности, неприкосновенность жилищъ, тайна писемъ, свобода слова, свобода печати, свобода собраній и сходокъ, свобода ассоціацій, свобода совѣсти и культовъ.

Ученіе о естественныхъ правахъ индивида надолго пріобрѣло господство надъ умами и удержалось даже и послѣ того, какъ потеряла кредитъ теорія общественнаго договора, составляющая его основаніе. Во французской публицистической наукѣ оно не утратило значенія до сихъ поръ, хотя въ послѣднее время и тамъ слышатся авторитетные голоса, высказывающіеся противъ него. Гораздо скорѣе реакція обнаружилась въ Англіи и въ Германіи. Замѣчательно, что юристы этихъ странъ, идя различными путями и не зная о работахъ другъ друга, пришли къ сходнымъ результатамъ. Отрѣшившись отъ идеи естественнаго права, стоящаго *надъ* государствомъ, они признали, что

всякое положительное право, если не въ матеріальномъ, то въ формальномъ смыслѣ исходитъ отъ государственной власти, и это положеніе легло въ основу современной государственно-правовой науки. Замѣтимъ съ своей стороны, что оно не опровергается указаніемъ на обычное право, ибо юридическій обычай предполагаетъ существованіе судовъ, его признающихъ и примѣняющихъ, слѣдовательно, зависитъ въ своемъ бытіи опять-таки отъ государственной власти. Являясь, такимъ образомъ, формальнымъ источникомъ права, государство не можетъ подлежать какимъ-либо абсолютнымъ юридическимъ ограниченіямъ; абсолютное значеніе для него могутъ имѣть лишь природы моральнаго или политическаго, а не юридическаго свойства. Это не значитъ, чтобы государство въ своей дѣятельности не стѣснялось никакими правовыми нормами. Напротивъ, не только вниманіе къ интересамъ подданныхъ, но и собственныя выгоды побуждаютъ его ограничивать полномочія своихъ органовъ извѣстными предѣлами, за которыми начинается сфера индивидуальной свободы. Но эти границы, установленныя самимъ государствомъ, могутъ быть во всякое время передвинуты законодателемъ. Онѣ неприкосновенны не для государства вообще, а только для судебныхъ и административныхъ его органовъ.

Изъ сказаннаго ясно, что современная идея юридическаго всемогущества государства не уничтожаетъ понятія гражданской свободы; она только переноситъ его изъ фантастической сферы естественнаго права на твердую почву положительнаго закона. Гражданская свобода, по современному воззрѣнію, есть не остатокъ мнимой первобытной независимости человѣка, а опредѣленное пространство, отмежеванное государственною властью для свободнаго движенія индивида. Короче, это *не свобода естественная, а свобода законная.*

Этотъ выводъ представляетъ собою положительную заслугу и плодотворный результатъ новѣйшаго направленія науки государственнаго права. Но основатели его, Герберъ и Лабандъ, въ своей реакціи противъ естественно-правовой доктрины пошли далѣе и вмѣстѣ съ ошибками отбросили и зерно истины, заключавшееся въ ней. Старые публицисты видѣли въ гражданской свободѣ источникъ *субъективныхъ правъ* для индивида. Герберъ и Лабандъ считаютъ ее лишь *рефлексомъ объективнаго права.* (Ту же мысль, въ сущности, проводитъ и англійскій юристъ Дайси, хотя онъ не выражаетъ ее при помощи названныхъ юридическихъ терминовъ). Это противоположеніе требуетъ нѣкоторыхъ разъясненій.

Какъ извѣстно, со времени Іеринга право понимается въ современной юриспруденціи, какъ система защиты интересовъ, общественныхъ и индивидуальныхъ: индивидуальные интересы право защищаетъ двоякимъ образомъ. Или законодатель, создавая извѣстную норму, имѣетъ опредѣленное намѣреніе обезпечить тотъ или другой индивидуальный интересъ и съ этою цѣлью не только налагаетъ на государственную власть соотвѣтствующія обязанности, но и даетъ самому заинтересованному лицу возможность требовать отъ органовъ государства выполненія этихъ обязанностей. Или законодательство защищаетъ индивидуальный интересъ лишь *попутно;* юридическая норма имѣетъ въ виду, собственно лишь, общественное благо, но косвенно изъ нея вытекаютъ извѣстныя выгоды и для частнаго лица, выгоды, которыми это послѣднее можетъ *пользоваться,* но которыхъ оно не можетъ *требовать.*

Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ предъ собою субъективное право, во второмъ—рефлективное дѣйствіе объективнаго права. Иллюстрирую это различіе примѣромъ. Законодательство всѣхъ современныхъ культурныхъ странъ предписываетъ, чтобы уголовный процессъ производился въ присутствіи обвиняемаго и при томъ публично, т.-е. съ открытіемъ доступа въ помѣщеніе суда всякому желающему. Въ общежитіи возможность присутствовать при разбирательствѣ называется обыкновенно *правомъ*, безразлично, идетъ ли рѣчь о подсудимомъ или о публикѣ. Но при этомъ упускается изъ виду существенное различіе. Для подсудимаго доступъ въ залу засѣданія составляетъ, дѣйствительно, его субъективное право. Онъ можетъ требовать отъ суда пропуска въ залу и, въ случаѣ отказа, настоять на своемъ притязаніи путемъ кассаціонной жалобы. Совсѣмъ въ иномъ положеніи находится посторонній зритель изъ публики. Государство не запрещаетъ ему входа въ помѣщеніе суда, но и не заботится о томъ, чтобы обезпечить доступъ туда именно ему, а не другому. Если зала уже наполнена, онъ лишается возможности присутствовать при разбирательствѣ, ибо для интересовъ правосудія важно лишь, чтобы присутствовала публика, но не важно, кто именно будетъ присутствовать. Выгоды, проистекающія изъ гласности судопроизводства для каждаго изъ постороннихъ лицъ, интересующихся процессомъ, представляютъ собою не субъективное право, а рефлексъ объективнаго права.

Вотъ такимъ же рефлексомъ объективнаго права публицисты упомянутаго мною направленія считаютъ и занимающій насъ

институтъ. Такъ называемая гражданская свобода—разсуждаютъ они—есть понятіе чисто отрицательное; она представляетъ собою лишь отсутствіе запрещенія, такъ сказать, пустое пространство, не захваченное сѣтью государственной регламентаціи, а не положительное обезпеченіе какого-либо правомочія. Государство не запрещаетъ гражданину безпрепятственно передвигаться по его территоріи, или выбирать себѣ любое занятіе точно такъ же, какъ оно не запрещаетъ ему ѣсть, пить, спать, гулять, курить, читать газеты. Но какъ нѣтъ особаго права пить или ѣсть, такъ нѣтъ и права свободы передвиженія или занятій. Въ противномъ случаѣ всѣ рѣшительно дозволенныя человѣческія дѣйствія и состоянія пришлось бы возвести на степень субъективныхъ правъ.

Въ изложенной аргументаціи заключаются, собственно, двѣ отдѣльныя мысли, изъ которыхъ только одну можно признать правильною. Вполнѣ справедливо, именно, что общепринятый реэстръ правъ свободы не имѣетъ значеніе дѣйствительно научной системы и преслѣдуетъ, въ сущности, невыполнимую задачу. Нѣтъ возможности перечислить всѣ тѣ отношенія, въ которыя государственныя органы не имѣютъ полномочія вмѣшиваться, и нельзя въ каждомъ изъ такихъ отношеній видѣть особое субъективное право. Иначе пришлось бы, въ самомъ дѣлѣ, въ списокъ основныхъ публичныхъ правъ на ряду съ правомъ издавать газеты занести и право читать ихъ.

Но все это относится лишь къ тѣмъ *отдѣльнымъ правамъ свободы*, которыя перечисляются въ теоріяхъ и конструкціяхъ, а не къ *самому понятію гражданской свободы въ ея цѣломъ*

Изъ сказаннаго вовсе не слѣдуетъ, чтобы это понятіе нельзя было подвести подъ категорію права въ субъективномъ смыслѣ.

Отрицательный характеръ юридическаго содержанія гражданской свободы еще не доказываетъ, что она — только рефлексъ объективнаго права. Вѣдь такой же отрицательный характеръ присущъ и нѣкоторымъ уже несомнѣннымъ субъективнымъ правамъ, какъ, напримѣръ, праву собственности. Пока право собственника не нарушено, юридическія отношенія его къ окружающимъ исчерпываются чистоотрицательнымъ требованіемъ не мѣшать ему пользоваться вещью. Но въ случаѣ нарушенія права собственности изъ него вытекаютъ извѣстныя положительныя притязанія: требованіе прекращенія правонарушающихъ дѣйствій, искъ о возвратѣ вещи или о возмѣщеніи ея стоимости. Такъ же обстоитъ дѣло и по отношенію къ гражданской свободѣ. Пока индивидъ спокойно пользуется ею, онъ

требуетъ лишь, чтобы государство не препятствовало этому пользованію. Но разъ свобода нарушена незакономѣрнымъ актомъ какого-либо государственнаго органа, гражданинъ, опираясь на нее, выступаетъ уже съ положительными правомочіями, которыя, какъ и въ собственности, носятъ характеръ реакціи противъ правонарушенія. Онъ требуетъ прекращенія неправомѣрнаго дѣйствія, если оно имѣетъ длящійся характеръ, въ противномъ случаѣ, возстановленія прежняго состоянія, иногда также вознагражденія за нанесенный ему вредъ. И это такъ не только въ теоріи, но и на практикѣ. Хотя субъективное право гражданской свободы, какъ институтъ сравнительно новый, не получило еще полнаго развитія даже въ наиболѣе культурныхъ государствахъ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ оно выступаетъ въ положительномъ законодательствѣ такъ ясно, что можно только удивляться, какъ не замѣчаютъ этого отрицающіе его юристы.

Возьмемъ, напримѣръ, область уголовнаго права, составляющаго часть государственнаго права въ обширномъ смыслѣ слова. Уголовный законъ налагаетъ на лицо, совершившее извѣстное преступленіе, обязанность понести опредѣленное наказаніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ предоставляетъ ему и извѣстное право, а именно право быть наказаннымъ лишь за то дѣяніе, которое квалифицировано закономъ, какъ преступное, и не быть наказаннымъ свыше опредѣленной закономъ мѣры. Обезпеченіе такого права и есть главная цѣль общихъ уголовныхъ нормъ, ибо государство для своихъ цѣлей могло бы обойтись и безъ нихъ, карая каждое конкретное дѣяніе, опасное для общества, сообразно его индивидуальнымъ особенностямъ. Листъ, одинъ изъ наиболѣе выдающихся криминалистовъ нашего времени, говоритъ, что „уголовное уложеніе есть magna charta преступника; оно охраняетъ не правовой порядокъ, не общество, а индивида, возстающаго противъ послѣдняго. Оно гарантируетъ отдѣльному человѣку право быть наказываемымъ лишь при наличности законныхъ условій и въ законныхъ предѣлахъ“[1]).

Существованіе субъективнаго права гражданской свободы можно прослѣдить и въ другихъ сферахъ проявленія государственнаго воздѣйствія на индивида. Гражданинъ, платя налоги, имѣетъ право требовать, чтобы съ него взимались лишь закон-

---

1) *В. В. Пржевальскій*. Проф. Францъ Листъ и его воззрѣнія. „Сборникъ Правовѣдѣнія“, т. VI, стр. 80.

ные сборы и въ законномъ размѣрѣ, и можетъ взыскивать обратно неправильно взятую сумму. Законы о воинской повинности, привлекая подданныхъ къ обязательной службѣ, въ то же время, при извѣстныхъ условіяхъ, освобождаютъ ихъ отъ нея, и пользующійся законною льготой можетъ защищать ее противъ неправильныхъ распоряженій администраціи путемъ административнаго иска. Наконецъ, и полицейская власть государства находитъ себѣ противовѣсъ въ правѣ индивида не подвергаться стѣсненіямъ свободы иначе, какъ при наличности опредѣленныхъ закономъ условій.

Конечно, нельзя утверждать, что субъективное право гражданской свободы возникаетъ вездѣ, гдѣ государственное вмѣшательство сталкивается съ индивидуальными интересами. Государство, въ принципѣ, властвуетъ надъ подданными неограниченно и связано по отношенію къ нимъ лишь въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ дѣйствующее право создало спеціальныя ограниченія въ этомъ смыслѣ. Поэтому для существованія субъективнаго права свободы относительно того или другого проявленія государственной власти требуется: 1) чтобы юридическая норма, на которой основано данное полномочіе власти, ограничивала его извѣстными предѣлами, 2) чтобы границы эти были установлены не только въ видахъ общественнаго блага, но и съ яснымъ намѣреніемъ обезпечить интересы частныхъ лицъ, 3) для практической осуществимости права гражданской свободы нужно, чтобы индивиду даны были организованныя средства для защиты его въ видѣ судебнаго или административнаго иска. (Это послѣднее условіе является вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе надежнымъ признакомъ для констатированія субъективнаго права свободы въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ). Чѣмъ точнѣе и подробнѣе регламентировано законодательствомъ осуществленіе административной и судебной власти, чѣмъ меньше мѣста оставлено для дискреціоннаго усмотрѣнія ея представителей, чѣмъ шире возможность обращенія къ обыкновеннымъ или административнымъ судамъ при спорахъ съ государственными органами, — тѣмъ обширнѣе въ данной странѣ область гражданской свободы.

Итакъ, въ ученіи старыхъ публицистовъ о гражданской свободѣ, какъ о субъективномъ правѣ индивида, заключалась несомнѣнная доля истины. Они ошибались лишь въ томъ, что, исходя изъ разнообразія человѣческихъ интересовъ, нуждающихся въ охранѣ отъ государственнаго вмѣшательства, признавали *множественность* субъективныхъ правъ свободы. Мы видѣли уже,

что, если развивать эту мысль вполнѣ послѣдовательно, списокъ правъ свободы сдѣлается необозримымъ и сведется къ абсурду. Допускать существованіе отдѣльныхъ правъ свободы личности, передвиженія, занятій и т. д., — это все равно, что разлагать собственность на множество отдѣльныхъ правъ, смотря по тому, что̀ служитъ ея объектомъ. Подобно тому, какъ едино право собственности, едина, по существу, и гражданская свобода. Хотя она проявляется въ юридической жизни по различнымъ поводамъ, юридическое содержаніе ея вездѣ одно и то же. Оно прекрасно опредѣлено въ ст. 5 французской Деклараціи правъ 1789 г.: „Tout ce qui n'est pas defendu par la loi ne peut être empeché et nul ne peut être contraint de faire ce qu'elle n'ordonne pas“.

Слѣдуетъ однако замѣтить, что принципіальное единство гражданской свободы не всегда послѣдовательно осуществляется на практикѣ, а именно, въ тѣхъ постановленіяхъ положительныхъ законодательствъ, которыя касаются порядка защиты этого права. Въ однихъ случаяхъ оно защищается общими судами, въ другихъ — особыми трибуналами административной юстиціи, въ третьихъ—органами активной администраціи (т.-е. высшими учрежденіями того самаго вѣдомства, низшіе агенты котораго вызвали необходимость защиты). Это объясняется, главнымъ образомъ, тѣмъ, что институтъ гражданской свободы вошелъ въ положительное право современныхъ государствъ не сразу, а постепенно, частями. Чѣмъ менѣе развитъ онъ въ законодательствѣ той или другой страны, тѣмъ большее разнообразіе наблюдается въ средствахъ его охраны. Принимая во вниманіе это разнообразіе, можно различать извѣстные *виды, или модификаціи гражданской свободы*. Но, во всякомъ случаѣ, нужно имѣть въ виду, что неодинаковое отношеніе положительныхъ законодательствъ къ гражданской свободѣ основано не на различіи тѣхъ интересовъ, которые она обезпечиваетъ, а на различіи *тѣхъ функцій власти, противъ которыхъ она реагируетъ*. Такъ, напримѣръ, одинъ и тотъ же, по существу, интересъ личной свободы защищается различнымъ порядкомъ, смотря по тому, нарушенъ ли онъ государствомъ при осуществленіи карательной власти, при привлеченіи гражданина къ отбыванію воинской повинности или при принятіи мѣръ чисто-полицейскаго характера. И, обратно, при незакономѣрномъ нарушеніи свободы отправленіемъ одной и той же функціи государственной власти—положимъ, производствомъ предварительнаго слѣдствія—порядокъ обжалованія бы-

ваетъ, обыкновенно, одинаковъ, затрогиваетъ ли нарушеніе личную свободу (заключеніемъ подъ стражу), собственность (т. н. выемками) или свободу передвиженія (подпискою о невыѣздѣ). Этому же пути должна слѣдовать и юридическая теорія, такъ какъ назначеніе ея—обобщать и систематизировать нормы дѣйствующаго права. Поэтому на мѣсто ряда: личная свобода, свобода собственности, свобода передвиженія и т. д. юристъ-догматикъ можетъ поставить лишь такой рядъ: свобода по отношенію къ карательной власти государства, свобода по отношенію къ обложенію и реальнымъ повинностямъ, свобода по отношенію къ личнымъ повинностямъ, свобода по отношенію къ полицейскимъ мѣропріятіямъ. Возможны, конечно, и дальнѣйшія подраздѣленія на томъ же основаніи, если они оправдываются особенностями дѣйствующаго законодательства. Съ этой точки зрѣнія вопросъ о видахъ гражданской свободы, кажется, еще не разсматривался въ теоретической юриспруденціи, но вышеприведенныя соображенія даютъ право думать, что предлагаемое нами раздѣленіе можетъ оказать хорошую услугу для научной обработки положительнаго права, особенно, нашего русскаго, которое въ способахъ защиты гражданской свободы установляетъ много различныхъ градацій.

Какъ же должны мы смотрѣть на старый, знакомый намъ перечень правъ свободы, съ которымъ мы встрѣчаемся въ теоретическихъ трудахъ и конституціяхъ? Онъ объясняется прежде всего *чисто-исторически*. Полицейское государство, предшествовавшее современному, почти на каждомъ шагу вмѣшивалось въ сферу частной жизни гражданъ. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ это вмѣшательство ощущалось послѣдними, какъ особенно тяжкій гнетъ. И вотъ, чтобы предупредить на будущее время посягательства государственныхъ органовъ на эти наиболѣе стѣсняемые ранѣе интересы, и появились на свѣтъ теоріи и деклараціи, провозглашающія свободу личности, собственности, совѣсти, печати etc. Это перечисленіе не имѣетъ и не можетъ имѣть исчерпывающаго значенія. Если бы государство полицейскаго типа налагало на гражданъ какія-либо иныя стѣсненія, то въ деклараціяхъ стояли бы, вѣроятно, и иныя права. Напримѣръ, если бы оно дѣятельно вмѣшивалось въ семейныя отношенія, то конструкціи, наряду съ свободою личности и собственности, гарантировали бы свободу семьи и т. п.

Будучи важенъ прежде всего, какъ историческій документъ, ходячій списокъ „правъ свободы“ сохраняетъ извѣстное значеніе и для нашего времени. Обозначая тѣ пункты общественной

жизни, гдѣ столкновенія государственныхъ интересовъ съ частными пріобрѣтаютъ наиболѣе острый характеръ, онъ даетъ законодателю руководящую программу для разрѣшенія этихъ конфликтовъ, предъявляетъ ему рядъ политическихъ требованій *de lege ferenda*. Но для задачъ догматической юриспруденціи, т.-е. для систематизаціи дѣйствующаго права, онъ непригоденъ уже по самой неполнотѣ своей. Его мѣсто въ *политикѣ*, а не въ догмѣ права.

Мы установили понятіе гражданской свободы, какъ субъективнаго права индивида. Намъ предстоитъ теперь представить обѣщанное доказательство, что это — право *публичное*, а не частное. Это необходимо не только во избѣжаніе недоразумѣній, могущихъ возникнуть изъ самаго термина „гражданская“, но также и потому, что въ юридической литературѣ, дѣйствительно, можно встрѣтиться съ воззрѣніемъ на гражданскую свободу, какъ на институтъ частнаго права.

Публичное право въ субъективномъ смыслѣ есть юридическое отношеніе между государствомъ, какъ субъектомъ принудительной власти, съ одной стороны, и подданнымъ, подчиненнымъ этой власти—съ другой, въ отличіе отъ частнаго права, какъ отношенія между равными лицами. Я подчеркиваю здѣсь характеръ государства, какъ принудительной власти, ибо государство можетъ быть субъектомъ и частно-правового отношенія, когда оно принимаетъ участіе въ гражданскомъ оборотѣ наравнѣ съ частными лицами, не пользуясь преимуществами, вытекающими изъ его суверенитета. Публичное право возникаетъ лишь тамъ, гдѣ оно выступаетъ во всеоружіи этихъ преимуществъ.

Воззрѣніе, ошибочность котораго я намѣреваюсь показать, опирается, главнымъ образомъ, на афоризмъ римскаго права: universitas non delinquit. Сторонники его аргументируютъ, или могутъ аргументировать, слѣдующимъ образомъ. Гражданская свобода проявляетъ свое юридическое содержаніе лишь при нарушеніяхъ ея. Но государство, какъ юридическое лицо, не можетъ совершать правонарушеній, слѣдовательно, не можетъ и войти въ непосредственное юридическое соприкосновеніе съ областью гражданской свободы. Если органы государственной власти, преступая законные предѣлы своей компетенціи, вторгаются въ сферу индивидуальныхъ правъ, они eo ipso теряютъ характеръ государственныхъ органовъ и становятся на одинъ уровень съ частными лицами. Поэтому для отраженія ихъ посягательствъ индивидъ можетъ воспользоваться тѣми же сред-

ствами, которыя ему предоставляетъ частное право для защиты отъ правонарушеній со стороны равныхъ ему лицъ. Такъ, напримѣръ, противъ незаконнаго отягощенія налогами и повинностями реагируетъ не какое-либо особое публичное право, а, просто, частное право собственности. Личная свобода защищена также одинаково отъ всякихъ нарушеній, будутъ ли они исходить отъ частныхъ лицъ или отъ представителей власти.

Она представляетъ собою одно изъ такъ называемыхъ „правъ личности", которыя, наряду съ правами вещными, обязательственными, семейными и наслѣдственными, включаются нѣкоторыми цивилистами въ составъ гражданскаго права.

Изложенный взглядъ страдаетъ ошибочностью одной изъ основныхъ своихъ предпосылокъ. Положеніе, что юридическое лицо, какъ таковое, не можетъ совершать правонарушеній, отвергается современною юриспруденціей. Оно не признается вѣрнымъ новѣйшими цивилистами даже по отношенію къ юридическимъ лицамъ гражданскаго права (см., напр., Regelsberger. Pandecten, стр. 329—330), тѣмъ болѣе непримѣнимо оно къ государству, компетенція котораго не поддается столь точному опредѣленію закономъ. Если бы каждое дѣйствіе должностнаго лица, противное смыслу закона, eo ipso считалось дѣйствіемъ этого лица, а не государства, и было бы дозволено сопротивляться ему такъ же, какъ всякому частному насилію, — государственная дѣятельность дѣлалась бы невозможною. Поэтому и въ теоріи, и на практикѣ распоряженіе государственнаго органа, разъ оно относится, въ общемъ, къ кругу подвѣдомственныхъ ему дѣлъ и издано въ предписанной закономъ формѣ, признается актомъ государственной власти, хотя бы оно и нарушало какую-либо юридическую норму или чье-либо право. Это не значитъ, чтобы правонарушеніе дѣлалось законнымъ. Оно остается актомъ незакономѣрнымъ, но все же актомъ государственной власти, противъ котораго средства частнаго права являются непригоднымъ оружіемъ. Это обстоятельство и вызвало собою появленіе публичнаго права свободы и соотвѣтствующей ему публично-правовой юстиціи. Гражданское право разсчитано на защиту лица отъ другихъ частныхъ лицъ, а не отъ государства. Не говоря уже о томъ, что есть индивидуальные интересы, которые могутъ быть нарушены только государственными органами и которыми гражданское право поэтому вовсе не занимается, — и интересы, защищенные гражданскимъ правомъ, сами по себѣ, не являются неприкосновенными для государственной власти, а пріобрѣтаютъ такой ха-

рактеръ только тамъ, гдѣ государство установило для своихъ органовъ специальныя публично-правовыя ограниченія въ этомъ смыслѣ. Право собственности, какъ таковое, не имѣетъ прямого отношенія къ государству. Будучи абсолютно ограждено отъ вмѣшательства постороннихъ частныхъ лицъ, оно тѣмъ самымъ еще не изъято отъ стѣсненій со стороны государственной власти, и, если эта послѣдняя обязана въ извѣстной мѣрѣ щадить имущественные интересы гражданъ, то не въ силу нормъ гражданскаго права, регулирующихъ собственность, а въ силу нормъ публичнаго права, ограничивающихъ полномочія государственной власти въ отношеніи налоговъ и повинностей. Приведу для ясности примѣръ. Положимъ, у меня есть домъ, освобожденный по закону отъ военнаго постоя, и ко мнѣ тѣмъ не менѣе помѣщаютъ на квартиру солдатъ. Если я подамъ жалобу на учрежденіе, завѣдующее расквартированіемъ войскъ, то споръ мой съ нимъ будетъ итти не о моемъ правѣ собственности (такъ какъ въ данномъ случаѣ для существа дѣла даже безразлично, собственникъ ли я или, можетъ быть, только владѣлецъ), а о правахъ административной власти. Я буду ссылаться въ этомъ спорѣ не на X томъ Свода Законовъ, регулирующій гражданскія права, а на Уставъ о земскихъ повинностяхъ, опредѣляющій отношенія между подданными и государствомъ въ одной изъ сферъ проявленія принудительной власти послѣдняго. Государственная власть вторгается въ сферу моихъ интересовъ, вооруженная публичными правами, для защиты отъ нея мнѣ нужны также публично-правовыя средства, иначе борьба будетъ неравною, будетъ „дуэлью между шпагою и кинжаломъ", по выраженію брауншвейгскаго юриста Мансфельда.

Изъ сказаннаго ясно, что гражданская свобода есть юридическое отношеніе, однимъ изъ субъектовъ котораго является государство въ качествѣ носителя принудительной власти. Другими словами, это—отношеніе публичнаго права.

Я очертилъ институтъ гражданской свободы со стороны его теоретической конструкціи. Но мой очеркъ былъ бы неполонъ, если бы я не присоединилъ къ нему краткаго обзора тѣхъ *стадій*, какія этотъ институтъ прошелъ въ своемъ практическомъ осуществленіи въ положительномъ правѣ. Какъ мы увидимъ ниже, эти стадіи находятся въ нѣкоторомъ соотвѣтствіи съ разобранными нами теоретическими ученіями, такъ что каждая теорія находитъ себѣ примѣненіе или оправданіе въ извѣстномъ періодѣ исторіи государственнаго права: ученіе, отрицающее

субъективное право свободы—въ политическомъ строѣ античнаго міра, естественно-правовая доктрина—въ революціонныхъ конституціяхъ Франціи, частно-правовая теорія — въ феодальныхъ порядкахъ. Такимъ образомъ, современное понятіе гражданской свободы является продуктомъ не только борьбы теорій, но и историческаго развитія положительнаго права.

Субъективное право гражданской свободы составляетъ всецѣло пріобрѣтеніе новаго времени. Античныя государства не знали его, или знали лишь самые слабые его зачатки. Гражданинъ древней Греціи и Рима былъ свободенъ лишь постольку, поскольку онъ участвовалъ въ отправленіи верховной власти въ качествѣ члена народнаго собранія, но, какъ индивидъ, противопоставленный государству, онъ былъ безсиленъ и безпомощенъ передъ нимъ. Законодательство древнихъ народовъ, если и ограничивало полномочія государственныхъ органовъ извѣстными предѣлами, то не по отношенію къ индивиду, а по отношенію къ другимъ органамъ того же государства. Чтобы измѣрить всю глубину пропасти, отдѣляющей въ этомъ отношеніи античное государство отъ современнаго, обратимъ вниманіе на ту область жизни, гдѣ воздѣйствіе государственной власти на индивида носитъ особенно тяжелый для послѣдняго характеръ,—на область уголовнаго права. Мы привыкли представлять себѣ республиканскій Римъ, какъ государство съ высоко развитымъ правовымъ строемъ. И вотъ, взявъ въ руки хотя бы „Römisches Staatsrecht“ Моммсена, мы не безъ удивленія узнаемъ, что извѣстное правило: nullum crimen, nulla poena sine lege,—правило, нынѣ считающееся однимъ изъ основныхъ условій правового государства, въ Римѣ не находило себѣ примѣненія. Карательная власть должностныхъ лицъ (смѣшивавшаяся съ полицейскою подъ общимъ названіемъ coërcitio) не имѣла точно опредѣленныхъ закономъ границъ; квалификація дѣянія, какъ преступнаго, мѣра, а отчасти и родъ наказанія въ значительной степени зависѣли отъ усмотрѣнія магистрата. Правда, въ извѣстныхъ случаяхъ допускалась провокація, апелляція на приговоръ магистрата къ народному собранію, но она мало имѣла общаго съ апелляціонною или кассаціонною жалобой нашего времени и, скорѣе, походила на просьбу о помилованіи. Провокантъ не обращался, какъ современный жалобщикъ, къ суду, лишь примѣняющему законъ, а взывалъ къ высшей въ государствѣ власти, облеченной безграничнымъ правомъ карать и миловать.

Рѣзкую противоположность классической древности пред-

ставляетъ эпоха феодальнаго строя. Если тамъ мы видимъ полное торжество государственной идеи, поглощающей индивида, то здѣсь, напротивъ, индивидуальное право поднимается на небывалую высоту. Государственная власть раздробляется и изъ *суверенной* дѣлается только *сюзеренною*. Тогда какъ суверенитетъ представляетъ собою потенціальное всемогущество государства, способность его опредѣлять свою собственную компетенцію и, въ случаѣ надобности, расширять ее, сюзеренитетъ является комплексомъ точно-ограниченныхъ, разъ навсегда опредѣленныхъ правъ (jura regalia), которыя въ соотвѣтствующихъ правахъ подданнаго или вассала встрѣчаютъ абсолютную преграду. Эта особенность средневѣкового политическаго строя открываетъ индивидуальной свободѣ широкій просторъ, но въ то же время придаетъ ей частно-правовой характеръ. Современное государство въ принципѣ неограничено и потому для обезпеченія индивидуальной свободы налагаетъ на себя особыя публично-правовыя ограниченія. Феодальное государство, напротивъ, въ принципѣ ограничено; спеціальныя ограниченія власти здѣсь ненужны, ибо они заключаются въ самомъ существѣ ея. Если сюзеренъ выходитъ за предѣлы правъ, предоставленныхъ ему договоромъ или обычаемъ, онъ тѣмъ самымъ становится на одну доску съ подданнымъ, и этотъ послѣдній для защиты своей свободы прибѣгаетъ къ тѣмъ же средствамъ, какими онъ защищается отъ равныхъ ему лицъ, т.-е., главнымъ образомъ, къ праву частной войны.

Но феодальный политическій строй въ чистомъ его видѣ можно наблюдать лишь въ болѣе ранній періодъ среднихъ вѣковъ. По мѣрѣ того, какъ государственная власть усиливается и пріобрѣтаетъ свойства суверенитета, частно-правовыя средства оказываются недостаточными для защиты отъ ея органовъ, и ощущается потребность въ спеціальныхъ, публично-правовыхъ гарантіяхъ свободы. Такъ какъ процессъ паденія феодализма, какъ политическаго учрежденія, ранѣе всего совершается въ Англіи, то здѣсь впервые появляются и права свободы въ современномъ смыслѣ. Первый образчикъ законодательнаго установленія ихъ даетъ „Великая Хартія Вольностей 1215 г.“ Замѣчательно, что этотъ актъ уже настолько возвышается надъ обычными феодальными представленіями, что гарантируетъ извѣстныя права не опредѣленнымъ только сословіямъ, а всѣмъ англійскимъ гражданамъ. „Ни одинъ свободный человѣкъ—гласитъ одна изъ статей Хартіи — не можетъ быть подвергнутъ аресту, заключенію или вообще какому-либо стѣсненію сво-

боды иначе, какъ по приговору суда равныхъ себѣ по закону страны. „Другія статьи гарантируютъ свободу отъ чрезмѣрнаго обложенія, свободу передвиженія по странѣ и выѣзда за границу. Вольности Великой Хартіи, впослѣдствіи расширенныя и подтвержденныя многочисленными законодательными актами (Statutum de tallagio non concedendo 1297 г., Petition of Right 1628 г., Habeas Corpus Act 1679 г., Bill of Right 1689 г.), легли въ основу англійскаго государственнаго права. Но здѣсь мы должны отмѣтить одну любопытную черту. Какъ это часто наблюдается въ исторіи права, институтъ гражданской свободы, возникнувъ въ Англіи весьма рано, въ силу этого самаго обстоятельства сохранилъ надолго свой первоначальный средневѣковый характеръ. Именно потому, что государство современнаго типа развилось въ Англіи непосредственно изъ феодальнаго союза, безъ промежуточной стадіи полицейскаго государства, англійскія вольности до сихъ поръ носятъ слѣды своего феодальнаго происхожденія. Такъ, напримѣръ, знаменитый Habeas Corpus защищаетъ личную свободу одинаково какъ отъ нарушеній со стороны государственной власти, такъ и отъ посягательствъ со стороны частныхъ лицъ. Англичане, вообще относящіеся съ любовью даже къ архаическимъ чертамъ своей конституціи, гордятся этою особенностью, вполнѣ уравнивающей предъ закономъ и судомъ государство и подданнаго. И, дѣйствительно, такая своеобразная организація личной свободы, на своей родинѣ, въ силу особыхъ условій англійской жизни, является институтомъ прочнымъ и плодотворнымъ. Но врядъ ли она можетъ акклиматизироваться со всѣми своими особенностями въ какой-либо иной странѣ, такъ какъ существованіе спеціальнаго порядка защиты свободы отъ органовъ государственной власти, въ общемъ, болѣе согласуется съ принципами современнаго публичнаго права и—при прочихъ равныхъ условіяхъ—лучше удовлетворяетъ своему назначенію, обезпеченію интересовъ индивида.

Континентальная Европа, какъ извѣстно, послѣ феодальнаго періода, пережила эпоху государственнаго абсолютизма. Государственная власть, окрѣпнувъ и сдѣлавшись суверенною, мало-по-малу оккупировала область индивидуальной свободы. Эта послѣдняя, если и сохранилась, то не въ формѣ общаго юридическаго принципа, а въ формѣ лишь особыхъ привилегій, даруемыхъ государствомъ отдѣльнымъ лицамъ и классамъ общества: дворянству, духовенству, горожанамъ. Это были не общегражданскія права свободы, а *сословныя вольности*. Но и

эти остатки индивидуальной свободы были, по большей части, поглощены абсолютизмомъ въ той послѣдней стадіи его развитія, которая носитъ названіе „эпохи просвѣщеннаго деспотизма“. Ко времени великой революціи область гражданской свободы представляетъ собою почти tabula rasa. Мы уже знаемъ, что написали на этомъ бѣломъ листѣ дѣятели революціи. Подъ вліяніемъ индивидуалистической философіи XVIII вѣка, а также (какъ доказываетъ недавно вышедшая работа Іеллинека: „Declaration der Menschen - und Bürgerrechte) и протестантскихъ освободительныхъ идей, проникшихъ во Францію черезъ посредство конституцій отдѣльныхъ штатовъ С. Америки,—Учредительное собраніе 1789 г. обнародовало перечень „вѣчныхъ и неотчуждаемыхъ правъ человѣка и гражданина“. По мысли составителей Декларацін, права эти стоятъ выше всякаго положительнаго закона; поэтому Декларація не включена въ текстъ конституціи, а опубликована въ видѣ особаго акта. Законодатель не считалъ себя въ правѣ *установлять* эти нормы, установленныя, по его мнѣнію, самою природой; онъ хотѣлъ только *провозгласить* ихъ во всеобщее свѣдѣніе, какъ вѣчный образецъ для гражданъ и государственныхъ дѣятелей. Господствовало убѣжденіе, что, если всѣ будутъ знать права человѣка и гражданина, они никогда не будутъ нарушены. Жизнь обманула однако весьма скоро эту оптимистическую увѣренность. Послѣдующія политическія событія показали, что для государствъ не можетъ быть вѣчнаго, навсегда неизмѣннаго закона и что государственная власть, когда самое существованіе ея находится въ опасности, неизбѣжно переступаетъ предѣлы своихъ обычныхъ полномочій. Поэтому деклараціи правъ встрѣчаются лишь въ конституціяхъ эпохи первой революціи. Позднѣе онѣ смѣняются такъ называемыми *гарантіями правъ*. Гарантіи основныхъ правъ, въ отличіе отъ декларацій, включаются въ самый текстъ конституцій, и, такимъ образомъ, изъ абстрактныхъ философскихъ принциповъ превращаются въ нормы положительнаго права. Онѣ не ставятъ правъ свободы выше государства вообще, а только выше обыкновеннаго законодательства, подчиняя ихъ однако такъ называемой учредительной власти государства, дѣйствующей при пересмотрѣ конституціи. Такія гарантіи правъ находятся уже въ первыхъ французскихъ конституціяхъ, гдѣ онѣ фигурируютъ наряду съ деклараціями, повторяя и развивая подробнѣе положенія послѣднихъ. Но тогда какъ деклараціи скоро исчезаютъ совершенно, гарантіи правъ получаютъ широкое распростра-

неніе и до сихъ поръ входятъ въ составъ большинства европейскихъ конституцій.

Однако и эта излюбленная форма обезпеченія гражданской свободы въ новѣйшее время подвергается сомнѣнію со стороны ея практическаго значенія. Во-первыхъ, какъ уже было указано выше, перечень вольностей въ конституціи никогда не можетъ исчерпать всѣхъ сферъ проявленія гражданской свободы. Интересный случай изъ судебной практики Швейцаріи, приводимый Іеллинекомъ, можетъ послужить къ этому иллюстраціею. Большой совѣтъ кантона Аппенцель-Иннеръ-Роденъ воспретилъ танцы по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ. Граждане обратились въ федеральный судъ съ просьбою признать это постановленіе незаконнымъ. Но судъ оказался вынужденнымъ оставить жалобу безъ послѣдствій на томъ основаніи—говорится въ мотивахъ рѣшенія,—что ни союзная, ни кантональная конституція въ числѣ основныхъ правъ гражданъ не установляетъ „права танцовать". Отсюда видно, что довольно существенныя стѣсненія свободы не устраняются господствующею системой перечисленія правъ свободы въ конституціи. Другой недостатокъ этой системы заключается въ томъ, что конституціонныя гарантіи, по необходимости, ограничиваются установленіемъ самыхъ общихъ, отвлеченныхъ началъ, которыя для того, чтобы получить дѣйствительное примѣненіе на практикѣ, должны быть развиты и разработаны въ различныхъ отдѣлахъ обыкновеннаго законодательства, при чемъ они неизбѣжно терпятъ извѣстныя ограниченія и изъятія. Наконецъ, нужно еще замѣтить, что хотя отдѣленіе конституціонныхъ законовъ отъ простыхъ и признавалось когда-то весьма важнымъ, въ наше время вѣра въ его пользу въ значительной мѣрѣ ослабѣла. Вполнѣ послѣдовательно оно проведено только въ Америкѣ, гдѣ суды могутъ отказывать въ примѣненіи законамъ, противорѣчащимъ конституціи. Въ Европѣ суды такого права не имѣютъ, и потому конституціонныя гарантіи, если онѣ не повторены и не развиты въ обыкновенныхъ законахъ, приносятъ мало пользы гражданину и фактически остаются не болѣе какъ благими совѣтами, обращенными къ законодателю.

Въ силу указанныхъ недостатковъ конституціонныхъ гарантій, онѣ въ наше время также начинаютъ выходить изъ употребленія. Послѣдній крупный конституціонный актъ въ Европѣ, конституція третьей французской республики, не содержитъ никакой гарантіи правъ. Практика государственной жизни, вслѣдъ за теоріею государственнаго права, въ вопросѣ

объ обезпеченіи гражданской свободы приходитъ къ слѣдующимъ результатамъ, которые вмѣстѣ съ тѣмъ могутъ служить заключительными выводами настоящей лекціи.

Во-первыхъ, гражданская свобода, какъ *юридическій институтъ*, представляетъ собою средство не противъ ошибокъ законодателя, а противъ злоупотребленій судебной и административной власти. Во-вторыхъ, развитіе этого института зависитъ не столько отъ провозглашенія правъ свободы въ конституціяхъ, сколько отъ подробной регламентаціи карательной, полицейской и финансовой власти государства въ соотвѣтствующихъ отдѣлахъ законодательства. Въ-третьихъ, практическая обезпеченность права гражданской свободы обусловливается существованіемъ судовъ, которые могли бы разсматривать споры между гражданами и органами государственной власти о предѣлахъ полномочій, ввѣренныхъ послѣднимъ, — другими словами—широко организованной системой административной юстиціи.

Мы видимъ, что утвержденіе гражданской свободы составляетъ задачу далеко не столь простую, какою казалась она при первой постановкѣ ея, въ концѣ прошлаго вѣка. Дѣло не въ томъ, чтобы только вытѣснить государственное вмѣшательство изъ извѣстныхъ областей жизни, а въ томъ, чтобы тщательно и подробно размежевать сферы интересовъ государственнаго и частнаго. Этого нельзя сдѣлать однимъ почеркомъ пера, однимъ провозглашеніемъ правъ человѣка и гражданина. Тутъ нужна многосложная, подчасъ кропотливая работа законодателя и юристовъ, опирающаяся на живое сочувствіе и дѣятельную поддержку самихъ гражданъ. И это послѣднее условіе является едва ли не самымъ важнымъ. Если я не упоминалъ о немъ до сихъ поръ, то только потому, что въ настоящее время первостепенное значеніе его сдѣлалось безспорною истиной. Политическій опытъ народа показалъ вполнѣ ясно, что самыя возвышенныя теоретическія представленія о правахъ индивида даже, если они восприняты законодательствомъ, остаются безплодными тамъ, гдѣ въ самомъ обществѣ, въ нравахъ страны, не разлитъ духъ законности, готовность твердо отстаивать свои права и строго уважать права другого.

Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ,
дѣйствительный членъ
Московскаго Юридическаго Общества.

КЪ ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХЪ И ВѢРОЯТНОЙ БУДУЩНОСТИ РУССКИХЪ ПЕРЕСЕЛЕНІЙ.

Въ переселеніяхъ крестьянъ многіе склонны видѣть одну изъ характернѣйшихъ отличительныхъ особенностей русскаго народнаго быта; одни—оптимисты—видятъ въ нихъ проявленіе особо-присущихъ русскому народу колонизаторскихъ способностей, помогшихъ русскому сѣрому зипуну пріобщить къ культурѣ такія разнообразныя мѣстности, какъ архангельскій сѣверъ и кубанскія степи, какъ амурская тайга и предгорья Тянь-Шаня. Другіе—пессимисты—считаютъ переселеніе отрицательнымъ явленіемъ, продуктомъ некультурности и инертности нашей земледѣльческой массы, мало того—даже какихъ-то особенныхъ, характеризующихъ русскаго мужика бродяжескихъ инстинктовъ. И тотъ, и другой взглядъ погрѣшаетъ противъ истины, такъ какъ въ массовыхъ передвиженіяхъ населенія вовсе нельзя видѣть какой-то специфически-русской особенности. Мы не располагаемъ точными и полными данными, которыя позволили бы намъ учесть размѣры русскихъ переселеній хотя бы за послѣднія 10 — 15 лѣтъ, такъ какъ переселеніе направляется въ очень разнообразные районы, и для многихъ изъ послѣднихъ не существуетъ никакой, хотя бы приблизительной регистраціи переселенцевъ. Но не подлежитъ сомнѣнію, что главный потокъ переселеній за послѣднія 12—15 лѣтъ направлялся въ Сибирь, а сибирское переселеніе, которому, главнымъ образомъ, и будетъ посвященъ настоящій очеркъ, можетъ быть учтено, если не съ безусловною точностью, то во всякомъ случаѣ съ достаточнымъ приближеніемъ: съ 1880 по 1897 годъ въ Сибирь переселилось немногимъ болѣе милліона человѣкъ, причемъ до 1890 года годичная цифра переселенцевъ колебалась между 25 и 50 тысячами, а съ 1891 года въ

Сибирь ежегодно переселялось не менѣе 60 тысячъ; въ голодные 1891 и 1892 года число переселенцевъ доходило до 90 тысячъ, въ 1895 г.—до 120 тысячъ, и только въ 1896 г., благодаря особой комбинаціи обстоятельствъ, оно достигло 200 тысячъ. Итакъ, за 18 лѣтъ ушло въ Сибирь всего съ небольшимъ милліонъ переселенцевъ или, въ среднемъ, около 60 тысячъ въ годъ! Переселеніе во всѣ остальные районы, взятые вмѣстѣ,—Новороссію, Предкавказье, оренбургскія степи, Туркестанъ,—дало бы, за тѣ же 18 лѣтъ, гораздо меньшую цифру; но даже если предположить, что во всѣ эти районы ушелъ еще милліонъ переселенцевъ, то все-же средняя годовая цифра послѣднихъ не превыситъ 120,000, т.-е. составитъ около $^1/_8$ процента въ годъ, за всѣ же 18 лѣтъ переселилось около 2% столілліоннаго населенія Россіи. Между тѣмъ, за 24 года, съ 1871 по 1894, въ одни только Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты переселилось изъ Великобританіи съ Ирландіею 3,272 тыс., изъ Германіи 2.441 тыс., изъ маленькой Швеціи 590 тыс. человѣкъ, что̀ составляетъ: для первой—около 8%, для второй—около 5%, для третьей—почти 12% всего населенія!

Такимъ образомъ, массовыя передвиженія населенія отнюдь не представляютъ собою чего-либо специфически-русскаго. Но русскія переселенія представляютъ существенное отличіе отъ аналогичныхъ движеній въ Западной Европѣ: колонизація въ Европѣ, какъ было отмѣчено еще кн. Васильчиковымъ [1]), „имѣетъ характеръ *эмиграціи*, т.-е. выхода, которому соотвѣтствуетъ въ Америкѣ и въ Австраліи *иммиграція*, т.-е. водвореніе, поселеніе, а въ Россіи *переселенія были издревле и остаются до сихъ поръ явленіемъ внутренняго народнаго быта*, имѣющимъ значеніе простого перехода изъ однихъ мѣстъ жительства въ другія"; переселенцы изъ Западной Европы направляются либо въ чужестранныя государства, либо въ отдаленныя колоніи, неизбѣжно стремящіяся порвать связь съ метрополіею,—Россія, говоря словами Ѳ. Г. Тернера [2]), „обладаетъ въ своихъ азіатскихъ владѣніяхъ свободными землями, на которыя могутъ изливаться избытки сельскаго населенія, не только не разрывая связи со своимъ отечествомъ, но служа, напротивъ того, большему сплоченію этихъ дальнихъ странъ съ Россіею". Въ Западной Европѣ, другими словами, колонизаціонное движеніе принимаетъ форму *выселенія* изъ государства, въ Россіи—форму *разселенія* по го-

---

1) „Землевладѣніе и земледѣліе", изд. 1, стр. 924.

2) Статья „Переселенческое дѣло", въ „Вѣстн. Евр." 1897 г., мартъ, стр. 76.

сударственной территоріи; западно-европейская эмиграція есть явленіе сравнительно новое,—русское переселеніе есть не что иное, какъ послѣдній, современный намъ актъ того процесса колонизаціи русской государственной территоріи, который составляетъ такую существенную, коренную черту внутренней исторіи Россіи.

Переселеніе изъ Европейской Россіи, въ частности изъ ея средней, гуще всего населенной части, началось въ то время, когда еще не закончилась или только-что завершалась ея собственная колонизація; такъ, В. Н. Григорьевъ, одинъ изъ первыхъ точныхъ изслѣдователей переселенческаго движенія, отмѣчаетъ, что переселенія изъ Рязанской губерніи начались въ то время, когда многія изъ селеній еще не имѣли здѣсь вполнѣ устойчиваго вида, когда вообще крестьяне далеко непрочно осѣли на мѣстахъ своей осѣдлости [3]); переселенія изъ Курской губерніи, по свидѣтельству земскаго своднаго статистическаго сборника [4]), начались „какъ-разъ съ того времени, когда закончился здѣсь процессъ колонизаціи". Въ южныхъ, юго-восточныхъ и сѣверо-восточныхъ губерніяхъ Европейской Россіи колонизаціонный процессъ въ настоящее время только-что закончился или еще продолжается,—и однако, многія изъ этихъ губерній занимаютъ не послѣднія мѣста въ числѣ мѣстностей, откуда выходятъ переселенцы. Такъ, по оффиціальнымъ даннымъ, новороссійскія губерніи, въ продолженіе 70-хъ годовъ принявшія до 50 тысячъ душъ переселенцевъ, за тѣ же годы отпустили „на новыя мѣста" до 35 тысячъ душъ; изъ губерній Самарской и Астраханской за то же десятилѣтіе выселилось до 18 тыс., вновь водворилось въ нихъ 14 тысячъ душъ; изъ Уфимской и Оренбургской губерній, которыя въ 70-хъ гг. приняли до 120 тысячъ душъ новыхъ поселенцевъ, выселилось за то же время 36 тысячъ, и т. д. Явленіе это, на первый взглядъ непонятное, объясняется весьма просто, если разобраться въ вопросѣ о причинахъ переселеній.

Ходячій въ обществѣ, а отчасти и въ литературѣ, взглядъ усматриваетъ причину переселеній въ абсолютномъ безземельѣ или малоземельѣ, которое гонитъ крестьянина съ насиженнаго мѣста, съ неизбѣжною, почти физическою необходимостью. „Недостатокъ земли и безпрерывно-прогрессирующее развитіе арендныхъ цѣнъ на землю,— говоритъ, напримѣръ, извѣстный

---

[3]) *Григорьевъ*, „Переселенія крестьянъ Рязанской губ.", стр. 7—8.

[4]) „Курская губернія", отдѣлъ о переселеніяхъ, стр. 6—10.

мѣстный изслѣдователь переселенческаго дѣла г. Чудновскій [5]),— вотъ основной мотивъ переселеній. Малоземелье, недостаточность душевого надѣла — всеобщій, повсемѣстный фактъ, и фактъ, прежде всего и главнымъ образомъ вызывающій переселенія". Какъ сложилось такое представленіе о причинахъ,— это, какъ мнѣ кажется, вполнѣ понятно. Прежде всего, оно должно было возникнуть само собой у всякаго, кто задавался вопросомъ о причинахъ переселеній: если крестьянинъ порываетъ связь съ родиной и идетъ искать счастья въ невѣдомую даль, то ясно, что его гонитъ безысходная нужда; а источникъ нужды крестьянина-земледѣльца естественно было искать въ безземельѣ или недостаточности земельнаго надѣла. А съ другой стороны, это представленіе, господствующее и въ обществѣ, и въ литературѣ вопроса, является лишь отраженіемъ взгляда на дѣло, преобладающаго, если не въ сознаніи, то во всякомъ случаѣ—въ показаніяхъ самихъ переселенцевъ,—показаніяхъ, которыя не могли не произвести извѣстнаго впечатлѣнія на наблюдателей переселенческаго движенія; если спросить переселенца, откуда бы онъ ни былъ родомъ, отчего онъ пошелъ „на новыя мѣста", отвѣтъ — конечно съ разнообразными варіаціями—будетъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ одинъ: „жить не съ чего было", „земли мало было"; изъ 3,708 зарегистрованныхъ мною лично въ образовавшихся на казенныхъ земляхъ поселкахъ Томской губерніи переселенческихъ дворовъ, давшихъ опредѣленный отвѣтъ на вопросъ о причинахъ оставленія родины, болѣе двухъ третей—2,624 семьи—указали, какъ на такія причины, на недостаточность общаго размѣра земельнаго надѣла, дурное качество почвы, односторонній составъ угодій, дороговизну и трудность арендованія земли; еще 542 семьи указали на „невозможность существованія" на родинѣ, не входя въ болѣе подробныя объясненія, но очевидно подразумѣвая ту же основную причину „невозможности существованія"—безземелье или недостатокъ земли. — И тѣмъ не менѣе, представленіе о безземельѣ и малоземельѣ, какъ объ основной причинѣ переселеній, не выдерживаетъ критики фактовъ,—является невѣрнымъ или во всякомъ случаѣ одностороннимъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно взглянуть на цифровыя данныя о распредѣленіи переселенцевъ по мѣстамъ выхода; изъ этихъ данныхъ видно, напримѣръ, что изъ 67 тысячъ семей переселенцевъ, зарегистрованныхъ въ теченіе 1884 —

[5]) *Чудновскій*. „Переселенческое дѣло на Алтаѣ", стр. 49, 63.

1893 гг., такъ сказать, при самомъ вступленіи въ границы Сибири, болѣе 10½ тысячъ семей—выходцы изъ Курской губерніи; за нею слѣдуютъ: Тамбовская съ 6½, Воронежская съ 5½, Вятская, Самарская и Пермская, давшія отъ 4½ до 5½ тысячъ, Полтавская и Рязанская — отъ 3 до 3½ тыс., Саратовская, Казанская, Пензенская, Харьковская, Черниговская съ 2 — 2½ тысячами семей каждая; затѣмъ слѣдуютъ 3 губерніи, давшія отъ 1,000 до 2,000, четыре—выпустившія отъ 500 до 1,000, десять — отъ 100 до 500 семей и 14 губерній, представленныя менѣе, нежели сотнею семействъ каждая. Если взять аналогичныя данныя изъ регистраціи, произведенной въ Алтайскомъ горномъ округѣ—мѣстности, за послѣднія 12—13 лѣтъ принявшей около 60% всего сибирскаго переселенія,—то первыя два мѣста удержатъ за собою тѣ же Курская и Тамбовская губерніи, давшія Алтаю, за время до 1892 г., одна —35 тыс., другая—37 тыс. душъ переселенцевъ; но непосредственно за ними слѣдуетъ Тобольская губернія съ 20 тысячами душъ; рядомъ съ Воронежскою губерніей стоитъ Пермская, за Рязанскою губерніей слѣдуютъ Вятская и Самарская, и т. д. По регистраціи томскаго переселенческаго пункта за десятилѣтіе 1884—1893 гг. первыя девять мѣстъ по числу выпущенныхъ переселенцевъ занимаютъ слѣдующія губерніи: Курская, Тамбовская, Полтавская, Вятская, Пермская, Черниговская, Самарская, Харьковская и Казанская. Всѣ источники единодушно свидѣтельствуютъ, такимъ образомъ, что переселенцевъ выпускаютъ не однѣ только мѣстности, страдающія болѣе или менѣе несомнѣннымъ малоземельемъ или избыткомъ рабочихъ рукъ, но и такія губерніи, какъ Вятская, Пермская, Тобольская, Самарская, Саратовская и т. д.,—губерніи, гдѣ объ избыткѣ рабочихъ рукъ и малоземельѣ, повидимому, не можетъ быть и рѣчи; гдѣ, наоборотъ, значительная часть удобной площади остается еще неразработанною; гдѣ количество земли, казалось бы, далеко превышаетъ потребности и рабочую способность наличнаго населенія, и земледѣліе страдаетъ скорѣе отъ недостатка въ рабочихъ рукахъ, чѣмъ отъ ихъ избытка.

Если прослѣдить по картѣ мѣстности, отпускающія переселенцевъ, то онѣ сгруппируются въ два крупныхъ района: одинъ изъ нихъ, почти совпадающій съ райономъ выселеній, намѣченнымъ кн. Васильчиковымъ еще въ 1876 г. въ первомъ изданіи его книги „Землевладѣніе и земледѣліе“ [6]), это — средне-

---

[6]) Стр. 977—979.

русскій районъ, сравнительно малоземельный и густо населенный; онъ охватываетъ всю черноземную-нестепную область, протянувшись на сѣверо-востокъ до Симбирской губерніи и захватывая на югѣ губерніи малороссійскія; другой районъ, — въ общемъ богатый землею и рѣдко населенный, — обнимаетъ заволжскія—восточныя и особенно сѣверо-восточныя губерніи Европейской Россіи и прилегающую къ нимъ съ востока Тобольскую губернію. Если для перваго изъ этихъ двухъ районовъ еще можно было говорить о малоземельѣ, о недостаточности земельныхъ надѣловъ, какъ объ основной причинѣ выселеній, то говорить о малоземельѣ Тобольской, Самарской, Уфимской, Вятской губерній было болѣе, нежели рискованно. Вопросъ о причинахъ выселеній для одной изъ этихъ губерній—Вятской—еще въ 1881 году былъ подробно разработанъ мѣстнымъ изслѣдователемъ переселеній, извѣстнымъ земскимъ статистикомъ г. Романовымъ, и всѣ собранныя имъ данныя „не даютъ основанія заключать, что въ Вятской губерніи гдѣ-либо составляетъ причину совершающихся крестьянскихъ переселеній собственно малая величина земельныхъ надѣловъ",— что, другими словами, „собственно то или другое число десятинъ крестьянскаго надѣла не имѣетъ прямого вліянія на переселенія"... „Величина посѣва на душевой надѣлъ, говоритъ далѣе г. Романовъ, отнюдь не меньше въ мѣстностяхъ выселеній, чѣмъ у старожиловъ (не говоря уже о новыхъ поселенцахъ. *А. К.)* тѣхъ мѣстностей, въ которыя водворяются переселенцы; въ особенности трудно сказать относительно хотя какой-либо небольшой мѣстности Вятской губерніи, изъ которой крестьяне выселяются, что въ ней у переселенцевъ посѣвы были малы по недостатку земли" [7]). Причины выселеній, по мнѣнію г. Романова, нельзя искать и въ дурномъ качествѣ земли,—напротивъ, „мѣстности водворенія переселенцевъ въ Вятской губерніи представляютъ вообще низшія достоинствомъ почвы, чѣмъ мѣстности выселеній". Причина эта, говоря словами г. Романова, коренится въ слѣдующихъ обстоятельствахъ: „покидаемыя переселенцами земли болѣе или менѣе хороши, но урожаи съ нихъ стали уже гораздо хуже прежнихъ и часто бываютъ плохи. Земли эти потеряли значительную часть своей цѣнности отъ вѣковой дурной обработки и очень недостаточнаго удобренія; постепенно, введеніемъ улучшенной системы хозяйства или хотя бы только усиленнымъ удобреніемъ, плодородіе ихъ могло

---

7) *Романовъ,* „Переселенія крестьянъ Вятской губ.", стр. 179—180.

бы быть возстановлено. Но крестьяне для этого средствъ не имѣютъ и потому выселяются". Все сказанное въ приведенной цитатѣ въ полной мѣрѣ примѣнимо и къ другимъ губерніямъ восточной полосы — Самарской, Уфимской, Тобольской и т. д. И здѣсь не можетъ быть рѣчи ни о маломъ количествѣ, ни о безплодіи надѣльныхъ земель,—все дѣло, несомнѣнно, въ невозможности продолжать вести хозяйство старыми, экстензивными способами, уже успѣвшими проявить свое истощающее вліяніе на почву. И вотъ въ литературѣ вопроса появляются попытки противопоставить, въ отношеніи причинъ переселенія, восточную полосу выселеній среднерусскому переселенческому району. Такую попытку дѣлаетъ, напр., не безызвѣстный нынѣ писатель, г. Гурвичъ, въ своей книгѣ „Переселенія крестьянъ въ Сибирь" [9]). Объясняя выселеніе изъ средне-русскихъ губерній „вліяніемъ недостаточности крестьянскаго надѣла" и его послѣдствіями—преобладаніемъ пашни надъ другими угодьями и въ частности—недостаткомъ покосовъ и выгоновъ, отнимающимъ у крестьянъ возможность правильно удобрять пашню; недостаточностью арендного фонда и дороговизною арендъ; необходимостью для крестьянъ расходовать часть своего труда, на все болѣе и болѣе невыгодныхъ условіяхъ, внѣ собственнаго земледѣльческаго хозяйства и т. п. обстоятельствами,—названный авторъ видитъ основную причину выселеній изъ восточнаго района въ совершенно иномъ обстоятельствѣ—„въ кризисѣ экстензивной земледѣльческой культуры", — въ невозможности продолжать вести хозяйство усвоенными прежде, при безпредѣльномъ просторѣ, способами и пріемами: еще недавно крестьянинъ не имѣлъ здѣсь надобности удобрять земли, — онъ пахалъ плодородныя цѣлины или залежи, успѣвшія возстановить свои силы продолжительнымъ отдыхомъ; сократившійся отчасти въ силу естественнаго сгущенія населенія, отчасти—вслѣдствіе правительственныхъ мѣръ по регулированію землевладѣнія, просторъ дѣлаетъ такое хозяйство невозможнымъ: цѣлины распаханы, залежи отдыхаютъ слишкомъ мало времени и не успѣваютъ возстановить своихъ производительныхъ силъ, урожаи падаютъ,—и земледѣлецъ долженъ либо перейти къ хозяйству съ удобреніемъ, либо искать новыхъ, болѣе привольныхъ мѣстъ. „Для всякой земледѣльческой мѣстности, говоритъ г. Гурвичъ, рано или поздно наступаетъ моментъ, дѣлающій необходимымъ

---

[8]) Тамъ же, стр. 186—187.
[9]) Стр. 11—17, 38—40, 53—59.

переходъ отъ болѣе легкихъ формъ хозяйства къ болѣе сложнымъ и менѣе выгоднымъ. При подобныхъ обстоятельствахъ переселенія составляютъ вполнѣ разумное проявленіе народнаго культурнаго консерватизма, побуждающаго крестьянина, покуда есть возможность, крѣпко держаться привычныхъ способовъ веденія хозяйства. Невозможность удерживать ихъ дольше на старомъ мѣстѣ заставляетъ крестьянина подаваться далѣе въ ширь, на свободныя территоріи, еще не знающія земледѣльческой культуры". И такимъ образомъ, заключаетъ нашъ авторъ, *„если для россійскаго* (т.-е. средне-русскаго) *крестьянина переселеніе является выходомъ изъ крайне ненормальнаго экономическаго положенія*,—*въ переселеніяхъ изъ зауральской полосы* мы видимъ, напротивъ, *проявленіе подмѣченнаго изслѣдователями закона народнаго разселенія"* [10]).

Такое противоположеніе, однако, едва ли можно признать правильнымъ: *послѣднею* причиной культурнаго кризиса въ восточныхъ губерніяхъ является все же, какъ признаетъ и г. Гурвичъ, *сократившійся просторъ*, другими словами—недостатокъ земли; недостатокъ, конечно, относительный, недостатокъ, ощущаемый при данной системѣ хозяйства. Если надѣлъ въ 8, 12, 15 десятинъ и очень великъ по сравненію даже съ высшею нормою надѣла бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ среднихъ губерній, то такой надѣлъ представляется уже весьма ограниченнымъ и создаетъ очень чувствительное „утѣсненіе", если его сравнивать съ тѣмъ, почти безграничнымъ просторомъ, при которомъ складывалось залежное хозяйство юго-восточныхъ и сибирскихъ степей или подсѣчное хозяйство русскаго сѣвера; именно это „утѣсненіе", это относительное малоземелье запрещаетъ крестьянину оставаться при прежней экстензивной культурѣ,—именно оно заставляетъ его либо переходить къ высшей культурѣ, либо переселяться.—Съ другой стороны, и по отношенію къ выходцамъ изъ средне-русскаго района лишь въ меньшинствѣ случаевъ можно говорить объ *абсолютномъ* безземельѣ или малоземельѣ: абсолютная нужда въ землѣ, дѣйствительно, гонитъ на переселеніе бывшихъ дворовыхъ, освобожденныхъ безъ земли; она гонитъ „на новыя мѣста" безземельные дворы изъ мѣстностей съ подворнымъ владѣніемъ и бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ, получившихъ при освобожденіи дарственный, иначе — „нищенскій" надѣлъ; абсолютный недостатокъ въ землѣ гонитъ съ родины тѣ семьи, которыя

[10]) Курсивъ мой. *А. К.*

уходятъ изъ-за невозможности добиться передѣла и привести свое землевладѣніе въ соотвѣтствіе со своимъ возросшимъ рабочимъ и потребительнымъ составомъ; объ абсолютной „тѣснотѣ“ можно говорить въ тѣхъ случаяхъ, когда причиною выселенія является невозможная конфигурація отведеннаго при освобожденіи надѣла, создающая безконечныя потравы, судбища и т. д. Точныхъ и достаточно полныхъ данныхъ относительно численности среди переселенцевъ такихъ абсолютно-безземельныхъ или малоземельныхъ дворовъ мы не имѣемъ; я могу сослаться только на лично собранный мною въ поселкахъ Томской губерніи, путемъ подворной описи, матеріалъ, изъ котораго видно, что безземельные и семьи съ надѣломъ менѣе десятины составляли всего 21,9%, семьи съ надѣломъ отъ 1 до 3 десятинъ—30,6% общаго числа зарегистрованныхъ переселенцевъ; что почти треть послѣднихъ имѣла свыше 5 десятинъ, 13,8% свыше 10 десятинъ земли на семью,—въ среднемъ же на семью переселенцы имѣли на родинѣ почти по 6 десятинъ надѣльной земли [11]).

Въ видахъ уясненія вопроса, представляется небезполезнымъ привести на справку нѣсколько цифръ, могущихъ дать понятіе о размѣрахъ землевладѣлія на Западѣ. Изъ поземельной статистики извѣстно, что во Франціи 84,7% всѣхъ землевладѣльцевъ имѣютъ не свыше 10 гектаровъ, или 9,15 десятинъ каждый, въ среднемъ же у этихъ 84,7% приходится по 2,6 гект., или 2,4 десятины земли на хозяйство; почти половина этихъ мелкихъ землевладѣльцевъ—38% общаго числа послѣднихъ—имѣетъ не свыше одного гектара, или 0,9 десятины на семью. Въ Баденѣ 72% всѣхъ землевладѣльцевъ имѣютъ не свыше 3,6 гект., 17,5%—отъ 3,6 до 7,2 гект. каждый; въ Бельгіи почти двѣ трети—65% всѣхъ землевладѣльцевъ — имѣютъ не болѣе одного гектара, а въ Даніи 64,3% имѣютъ не свыше 0,55 гект. на семью [12]). Можно ли при такихъ условіяхъ говорить объ абсолютномъ малоземельѣ, какъ объ основномъ мотивѣ, толкающемъ „на новыя мѣста“ средне-русскихъ переселенцевъ? Едва ли! Если мѣстности средней Россіи, выпускающія переселенцевъ, кажутся намъ, особенно по сравненію съ нашими окраинами, малоземельными, то съ точки зрѣнія француз-

[11]) Итоги этого изслѣдованія см. въ нашей статьѣ „Томскіе переселенцы“ въ VII томѣ „Сборника Правовѣдѣнія и обществ. знаній“.

[12]) См. стат. „Землевладѣніе“ въ Энциклоп. Словарѣ Брокгауза и Эфрона, т. 23.

скаго, баденскаго или фландрскаго поселянина, ведущаго, при помощи искусственныхъ удобреній, крайне интензивное хозяйство съ плодосмѣннымъ сѣвооборотомъ и стойловымъ содержаніемъ скота, тѣ же среднерусскія губерніи показались бы столь же богатыми землею, какъ богаты землею, на взглядъ нашего переселенца, сибирскія губерніи! И въ средней Россіи, такимъ образомъ, малоземелье, говоря вообще, является только относительнымъ: какъ для тобольскаго или самарскаго крестьянина не было бы рѣчи объ „утѣсненіи", если бы онъ промѣнялъ свое залежное хозяйство на правильное, даже безнавозное трехполье, или хотя бы началъ чередовать посѣвы съ чернымъ паромъ, такъ и крестьянинъ средней полосы могъ бы безбѣдно существовать на своемъ надѣлѣ, если бы имѣлъ возможность и сумѣлъ перейти отъ пестрополья или отъ трехполья безъ навоза къ навозному трехполью, или если бы тамъ, гдѣ чрезмѣрное расширеніе запашекъ создало недостатокъ въ естественныхъ покосахъ и выгонахъ, обратился къ травосѣянію и стойловому содержанію скота. И здѣсь, такимъ образомъ, дѣло въ назрѣвшей необходимости измѣнить систему хозяйства, уже непригодную при данной степени населенности страны и данной обезпеченности крестьянства землею.

Авторъ одного изъ самыхъ раннихъ и едва ли не самаго лучшаго изъ точныхъ мѣстныхъ изслѣдованій переселенческаго движенія, В. Н. Григорьевъ, разбирая вопросъ о причинахъ выселеній изъ южныхъ, черноземныхъ уѣздовъ Рязанской губерніи, говоритъ: „Непремѣннымъ, почти не имѣющимъ исключенія условіемъ выхода на новыя земли является (въ изслѣдуемомъ районѣ) несоотвѣтствіе количества надѣльной земли съ рабочими силами переселенцевъ" [13]). Формулировка, позволяющая предположить наличность абсолютнаго малоземелья. Но тотъ же авторъ останавливается далѣе передъ тѣмъ противорѣчащимъ приведенному объясненію фактомъ, что переселенческое движеніе, принявшее въ южныхъ уѣздахъ такіе широкіе размѣры, почти не существуетъ въ сѣверныхъ уѣздахъ той же Рязанской губерніи, которые характеризуются и нѣсколько меньшимъ, чѣмъ въ южныхъ уѣздахъ, количествомъ надѣльной земли, и далеко худшимъ ея качествомъ, — для которыхъ, слѣдовательно, гораздо скорѣе могла бы быть рѣчь о малоземельѣ, нежели для южныхъ, черноземныхъ уѣздовъ. Вотъ какимъ образомъ объясняетъ г. Григорьевъ это явленіе:

---

[13]) *Григорьевъ*, „Переселенія крестьянъ Рязанской губерніи", стр. 61.

„Крестьянинъ юга губерніи, говоритъ онъ, почти исключительно земледѣлецъ; поселившись на привольныхъ пространствахъ прекраснаго чернозема,—эти слова, по моему мнѣнію, заслуживаютъ особаго вниманія,—онъ привыкъ видѣть въ землѣ единственный источникъ существованія, всякое сокращеніе въ его земельныхъ владѣніяхъ сильно отражается на его благосостояніи". На сѣверѣ „незначительное количество земли давно уже выработало для крестьянина иной типъ занятій", — типъ полупромысловаго крестьянина, занимающагося плотничествомъ и другими заработками на мѣстѣ и на сторонѣ [14]). Еще важнѣе, съ нашей точки зрѣнія, другая сторона дѣла: въ южныхъ уѣздахъ обработка надѣльной земли и самая система полеводства *гораздо ближе стоятъ къ первобытнымъ способамъ веденія хозяйства* (курсивъ мой); тогда какъ въ Рязанскомъ уѣздѣ крестьянская пашня вездѣ разбита на три поля, на югѣ Раненбургскаго уѣзда до послѣдняго времени много пестрополья, которое въ нѣкоторыхъ селеніяхъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ занимаетъ значительныя пространства; въ Рязанскомъ уѣздѣ весь навозъ идетъ на поля, въ южныхъ уѣздахъ хотя уже и чувствуется потребность унаваживанія, но масса паровыхъ полей остается безъ удобренія... Въ Рязанскомъ уѣздѣ дѣлаютъ двѣ или три вспашки при посѣвѣ овса, три вспашки для озимаго хлѣба и 4—5 разъ перепахиваютъ просо; въ южныхъ уѣздахъ вспашка просяного поля рѣдко производится болѣе трехъ разъ, ржаного и ярового — обыкновенно только два раза, а иногда овесъ разбрасываютъ прямо по ржищу, запахивая его лишь послѣ посѣва". „Понятно, заключаетъ уважаемый изслѣдователь, что плохая (въ южныхъ уѣздахъ) обработка почвы, плохое удобреніе полей, пестрополье и *переживаемый или только-что пережитый сельско-хозяйственный моментъ замѣны его трехпольемъ*, — все это не можетъ не отразиться на мѣстномъ крестьянинѣ; быстро падающіе урожаи и временное сокращеніе посѣвовъ (при замѣнѣ пестрополья трехпольемъ) должны усиливать переселенческое движеніе въ страну, изобилующую хлѣбородными землями. *Для Рязанскаго и другихъ уѣздовъ сѣвера губерніи пора такого кризиса миновала*" [15]). (Курсивы мои).

Трудъ г. Григорьева пользуется вполнѣ заслуженною извѣстностью и уваженіемъ; данныя и выводы его многократно цити-

---

[14]) Тамъ же, стр. 103—104.
[15]) Стр. 105—106.

ровались и комментировались въ спеціальной литературѣ; но никто, сколько я знаю, не обратилъ должнаго вниманія на тѣ соображенія, которыя я процитировалъ здѣсь въ краткомъ извлеченіи. Между тѣмъ, именно въ этихъ соображеніяхъ— наиболѣе глубокое рѣшеніе вопроса объ *основной* причинѣ переселеній изъ средне-русскаго района: причина эта — *кризисъ существующей системы хозяйства;* переселеніе — какъ ясно видно, если прослѣдить по картѣ тѣ губерніи, которыя отпускаютъ наибольшее число переселенцевъ — растетъ именно тамъ, гдѣ крестьянство переживаетъ критическій моментъ замѣны пестрополья или безнавознаго парового хозяйства навознымъ трехпольемъ, или гдѣ чрезмѣрное сокращеніе площади покосовъ и выгоновъ требуетъ введенія травосѣянія; оно останавливается по минованіи этого кризиса. Конечно, самый кризисъ есть результатъ перенаселенія и недостатка въ землѣ,— но перенаселенія *не абсолютнаго, а относительнаго*, и относительнаго же, а не абсолютнаго малоземелья. „Излишекъ или недостатокъ населенія данной мѣстности, справедливо замѣтилъ еще г. Романовъ [16]), можно правильно опредѣлять только въ отношеніи со всѣми существующими условіями народнаго хозяйства".

Такимъ образомъ, противополагать другъ-другу въ отношеніи причинъ переселенія средне-русскій и восточный, заволжскій переселенческій районъ нѣтъ достаточнаго основанія. И въ томъ, и въ другомъ районѣ переселеніе—результатъ одной и той же основной причины: *относительнаго, при данной системѣ хозяйства и полеводства, перенаселенія и проистекающаго изъ него малоземелья, и кризиса существующей въ той или другой мѣстности системы хозяйства и полеводства;* будетъ ли относительное малоземелье выражаться въ цифрахъ 15, 10, 5 или 2 десятины на душу, будетъ ли переживающая кризисъ система залежною, пестропольною, паровою безъ удобренія или даже навознымъ трехпольемъ,—это уже частности, не измѣняющія *существеннаго* характера указываемой мною основной причины переселеній; данная густота населенія не позволяетъ продолжать вести, въ данной мѣстности, хозяйства на установившихся издавна основаніяхъ; населеніе должно либо перейти къ болѣе интензивной культурѣ, соотвѣтствующей данной степени густоты населенія, либо искать бóльшаго простора и возможности продолжать вести хозяйство на прежнихъ основа-

---

16) Назв. соч., стр. 162.

ніяхъ. Переселенцы выбираютъ послѣдній исходъ — и, говоря вообще, тотъ „культурный консерватизмъ“, который ихъ къ этому побуждаетъ, представляется вполнѣ естественнымъ и законнымъ: для того, чтобы перейти къ болѣе высокой культурѣ, недостаточно одной *необходимости* въ такомъ переходѣ: нужно еще *сознаніе* этой необходимости, нужна и *возможность* произвести необходимую реформу въ своемъ хозяйствѣ — другими словами, нужны соотвѣтствующія знанія и капиталъ; не обладая ни тѣмъ, ни другимъ, крестьянинъ видитъ передъ собою, въ сущности, одинъ исходъ — переселеніе; а съ другой стороны—какъ частному, такъ и народному хозяйству свойственно стремленіе, прежде, нежели перейти къ новымъ, болѣе совершеннымъ, но за-то требующимъ большихъ затратъ труда и капитала способамъ земледѣльческаго хозяйства, использовать при помощи старыхъ, менѣе интензивныхъ способовъ культуры всю удобную площадь: въ одномъ случаѣ—площадь имѣнія, въ другомъ—страны [17]).

Установивъ, такимъ образомъ, основную причину переселеній—относительное малоземелье и кризисъ существующей системы земледѣльческаго хозяйства, намъ нетрудно будетъ объяснить себѣ тотъ, на первый взглядъ парадоксальный фактъ, подтверждаемый однако всѣми источниками, что среди переселенцевъ преобладаютъ не наиболѣе обездоленные элементы крестьянства, не бывшіе помѣщичьи, а наоборотъ—сравнительно гораздо болѣе обезпеченные землею бывшіе государственные крестьяне. По даннымъ томскаго переселенческаго пункта за 1884—1893 гг. въ числѣ прошедшихъ черезъ Томскъ переселенцевъ значится бывшихъ государственныхъ 10,078 семей, бывшихъ помѣщичьихъ 5,489, другихъ наименованій—2,524 семьи; въ изслѣдованныхъ мною поселкахъ Томской губерніи оказалось бывшихъ государственныхъ 2,121 семья, бывшихъ помѣщичьихъ—1,850, удѣльныхъ—170 семей. До извѣстной степени это явленіе объясняется значительнымъ участіемъ въ переселеніи сѣверо-восточныхъ губерній, гдѣ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ нѣтъ или очень мало. Но преобладаніе бывшихъ государственныхъ крестьянъ не исчезаетъ и въ томъ случаѣ, если разсматривать опубликованныя данныя о переселенцахъ изъ тѣхъ или другихъ отдѣльныхъ мѣстностей Европейской Россіи. Такъ, по даннымъ земскихъ изслѣдованій выселилось:

---

17) *Исаевъ*, „Переселенія въ русскомъ народн. хозяйствѣ“, стр. 131.

	Изъ Рязанской губерніи.		Изъ Курской губерніи.	
	Число душъ.	% всего населенія данн. разр.	Число семей.	% всего населенія данн. разр.
Бывшихъ государств. четвертн.	4569	13%	7702	8,4%
„ „ душевыхъ	11143	7%	3661	4,3%
„ помѣщичьихъ. . .	6726	4%	6819	5,8%

а г. Романовъ указываетъ на то, что среди бывшихъ государственныхъ крестьянъ Вятской губерніи, имѣющихъ вдвое бо́льшіе земельные надѣлы, нежели живущіе въ одних съ ними условіяхъ бывшіе удѣльные, переселенія достигаютъ значительнаго развитія, тогда какъ, напротивъ, у бывшихъ удѣльныхъ выселенія были, въ общемъ, очень незначительны.

Преобладаніе среди переселенцевъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ можетъ быть, до извѣстной степени, сведено къ дѣйствію ряда побочныхъ обстоятельствъ, отмѣченныхъ, напр., г. Григорьевымъ и другими изслѣдователями: бо́льшаго у бывшихъ государственныхъ крестьянъ прироста населенія, менѣе развитыхъ мѣстныхъ заработко́въ и меньшей возможности арендованія внѣнадѣльной земли — слѣдствій отдаленности ихъ селеній отъ частныхъ имѣній, большей ихъ состоятельности, открывающей имъ бо́льшую возможность предпринимать переселеніе. Но всѣ эти обстоятельства едва ли могли бы замаскировать дѣйствіе *основной* причины переселеній, если бы эта причина дѣйствительно заключалась въ абсолютно-недостаточномъ размѣрѣ земельныхъ надѣловъ: среди переселенцевъ всетаки должны были бы преобладать не *болѣе*, а *менѣе* обезпеченныя землею группы крестьянъ. — Разсматриваемое явленіе сразу утрачиваетъ однако свой парадоксальный характеръ, если свести, какъ мы это сдѣлали, основную причину переселеній къ *относительному* перенаселенію и къ создаваемому имъ сельскохозяйственному кризису: тогда окажется, что бывшіе помѣщичьи крестьяне менѣе выселяются именно оттого, что они получили меньшіе земельные надѣлы, и что критическая эпоха, благодаря этому, для нихъ наступила ранѣе, нежели для бывшихъ государственныхъ крестьянъ; раньше начавшись, эта эпоха у нихъ уже въ большей или меньшей степени закончилась, и переходъ къ сравнительно болѣе интензивному хозяйству болѣе или менѣе завершился, — тогда какъ у бывшихъ государственныхъ крестьянъ кризисъ начался, благодаря болѣе щедрому надѣленію землею, значительно позже, а потому не пережитъ и по настоящее время; бывшіе государственные продолжаютъ по-

этому страдать отъ относительнаго перенаселенія въ то время, какъ у ихъ сосѣдей—бывшихъ помѣщичьихъ—хозяйство успѣло уже приспособиться къ данной степени населенности, и, слѣдовательно, относительное перенаселеніе успѣло исчезнуть [18]).

Исходя изъ той же основной причины переселеній — относительнаго перенаселенія и кризиса существующей системы хозяйства, намъ, далѣе, нетрудно будетъ объяснить себѣ и то двойное переселенческое движеніе, которое, какъ я уже упоминалъ, наблюдается въ довольно многихъ мѣстностяхъ Россіи: если переселенцы двигаются изъ губерній Уфимской, Самарской, Тобольской и т. п., гдѣ земли приходится по 8, 12, 15 и болѣе десятинъ на душу,—то это потому, что наступившее въ этихъ мѣстностяхъ относительное малоземелье вызвало кризисъ укоренившагося здѣсь издавна экстензивнаго залежнаго хозяйства; но тѣ же 15, 12, 8 десятинъ на душу—огромный просторъ для бывшаго помѣщичьяго крестьянина среднихъ губерній, для котораго высшій надѣлъ—$2^3/_4$ десятины на ревизскую душу, и который уже давно приспособилъ свое хозяйство къ этому небольшому размѣру надѣла, — а потому этотъ крестьянинъ охотно водворяется въ такихъ мѣстностяхъ, откуда уже началось выселеніе изъ коренного населенія.

Во избѣжаніе недоразумѣнія, я долженъ нѣсколько уклониться здѣсь въ сторону отъ нити моего изложенія и сказать нѣсколько словъ на тему, лишь косвенно относящуюся къ предмету настоящаго очерка. Дѣло въ томъ, что изъ сказаннаго только-что легко можно было бы сдѣлать выводъ, что переселенцы изъ среднихъ, сравнительно малоземельныхъ губерній переносятъ на новыя мѣста усвоенные ими на родинѣ сравнительно интензивные способы хозяйства; въ самомъ дѣлѣ: если крестьянинъ среднихъ губерній переселяется, чтобы имѣть возможность продолжать вести хозяйство издавна-усвоенными способами и пріемами, чтобы избѣжать тяжелой и непосильной для него ломки хозяйственнаго строя, то естественно было бы предполагать, что онъ и на новомъ мѣстѣ будетъ держаться именно этихъ, привычныхъ ему способовъ и пріемовъ; и это— тѣмъ болѣе, что на новомъ мѣстѣ переселенецъ нерѣдко во-

[18]) На еще переживаемый бывшими государственными крестьянами сельско-хозяйственный кризисъ, какъ причину усиленнаго стремленія ихъ къ выселенію, указываетъ и г. Григорьевъ (назв. соч., стр. 83); но онъ упоминаетъ объ этой причинѣ лишь мимоходомъ, въ числѣ ряда другихъ, на нашъ взглядъ второстепенныхъ причинъ, тогда какъ по нашему мнѣнію именно эта причина играетъ въ данномъ вопросѣ первую роль.

очію видитъ если не наступившій уже кризисъ, то симптомы приближающагося кризиса мѣстныхъ, болѣе экстензивныхъ хозяйственныхъ порядковъ. Подобное предположеніе, дѣйствительно, высказывали многіе изъ числа авторитетнѣйшихъ писателей и изслѣдователей переселенческаго дѣла, — назову только Ядринцева, профессора Исаева, В. Н. Григорьева; всѣ они высказывали увѣренность въ томъ, что переселенцы привьютъ „на новыхъ мѣстахъ" сравнительно высокую средне-русскую культуру, и видѣли поэтому въ переселеніи важный двигатель культурнаго прогресса тѣхъ многоземельныхъ странъ, куда направляется переселеніе. „Переселенцы въ Сибири,—говоритъ, напр., г. Григорьевъ [19]),—являются элементомъ съ нѣсколько высшею земледѣльческою культурой. По утвержденію мѣстныхъ жителей, старожилы часто прибѣгаютъ къ опытности и знаніямъ переселенцевъ по сельско-хозяйственнымъ дѣламъ и вопросамъ; неуклюжая сибирская соха съ приходомъ переселенцевъ стала вытѣсняться плугомъ; молотилки и вѣялки получили громадное распространеніе; мѣстами переложное хозяйство стало смѣняться трехпольнымъ, а вольное и захватное пользованіе землею — уравнительными передѣлами по душамъ". Сами переселенцы, направляясь въ Сибирь, всегда разсчитываютъ примѣнять на „новомъ мѣстѣ" свои, „россійскіе" порядки, свои, „россійскія орудія"; они строго осуждаютъ, по началу, экстензивное хозяйство старожилаго населенія многоземельныхъ районовъ и постоянно впадаютъ въ невинное хвастовство, обѣщаясь „выучить" старожиловъ работать, „показать имъ, какъ надо вести хозяйство", и т. д. И однако, изложенное предположеніе не выдерживаетъ критики фактовъ: занося съ собою „на новое мѣсто" и сохраняя кой-какія хозяйственныя мелочи, входившія на родинѣ въ ихъ хозяйственный обиходъ, переселенцы въ томъ, что̀ составляетъ сущность хозяйственнаго строя, *не учатъ* старожиловъ, а наоборотъ, *учатся* у нихъ; оставивъ родину, чтобы избѣжать, такъ сказать, *прогрессивной ломки* своего хозяйственнаго строя и своихъ хозяйственныхъ привычекъ, они безъ всякихъ затрудненій совершаютъ на новомъ мѣстѣ *регрессивную* ломку: какъ единодушно свидѣтельствуютъ, по крайней мѣрѣ для Сибири, мѣстныя изслѣдованія, переселенцы — безразлично, вышли ли они съ сѣверо-востока, изъ Малороссіи или изъ средне-русскихъ

---

[19]) См. статью „Переселенія" въ Настольн. Энц. Словарѣ Гарбеля-Граната, впослѣдствіи вошедшую въ книгу „Трудъ" проф. Н. А. Карышева.

губерній,—почти безъ исключенія усваиваютъ выработавшіеся у старожилаго населенія сибирскихъ многоземельныхъ районовъ порядки захватнаго землевладѣнія и залежнаго хозяйства, забывая, до поры—до времени, и о трехпольѣ, и объ унавоживаніи пашенъ, и о передѣлахъ полей. „Власть земли", которая на родинѣ оказалась безсильною одолѣть установившіеся хозяйственные порядки и привычки, „на новомъ мѣстѣ" легко беретъ верхъ надъ этими порядками и привычками. И это понятно: на родинѣ, чтобы побудить населеніе перейти къ высшей культурѣ,—этой власти нужно было бы опираться на союзниковъ въ лицѣ знанія и капитала; чтобы сдѣлать шагъ *назадъ*, вернуться къ экстензивному, залежному хозяйству, нѣтъ нужды ни въ томъ, ни въ другомъ, а потому *этотъ* шагъ совершается безъ всякаго затрудненія.

Повторяю еще разъ: основною причиной переселенія какъ изъ среднихъ губерній, такъ и съ сѣверо-восточныхъ окраинъ является, вообще говоря, относительное малоземелье и обусловливаемый имъ кризисъ данной системы земледѣльческаго хозяйства. *Рядомъ* съ этою основною причиной, несомнѣнно, играетъ роль, по отношенію къ болѣе или менѣе значительнымъ группамъ переселенцевъ, и абсолютное безземелье или *абсолютная* нужда въ землѣ, причемъ подъ этимъ послѣднимъ выраженіемъ слѣдуетъ разумѣть обезпеченность землею въ значительно меньшемъ противъ нормально-необходимаго въ данной мѣстности, при существующей системѣ хозяйства, размѣрѣ; и опять-таки случаи подобнаго абсолютнаго малоземелья встрѣчаются не только среди выходцевъ среднихъ губерній, но, хотя и рѣже, также и среди переселенцевъ изъ богатаго землею восточнаго района. Обыкновенно дѣйствіе этихъ общихъ причинъ — абсолютнаго и относительнаго малоземелья — обостряется и осложняется, затѣмъ, еще тѣми или другими частными обстоятельствами: иногда — одностороннимъ составомъ угодій, именно отсутствіемъ или недостаткомъ естественныхъ покосовъ, выгоновъ, лѣса, или безплодностью и вообще плохимъ качествомъ почвы, размываніемъ удобной площади надѣла оврагами, занесеніемъ ея песками, недостаточностью водоснабженія; иногда—особенно у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ—неудобною конфигураціею, растянутостью или чрезполосностью надѣловъ и проистекающими отсюда столкновеніями изъ-за потравъ, затруднительностью унавоживанія дальнихъ пашенъ, трудностью правильной механической обработки почвы; иногда—отсутствіемъ по-близости земель, способныхъ служить для

крестьянъ арендным фондомъ, и вытекающею отсюда дороговизною и вообще стѣснительностью условій арендованія. А на фонѣ, образуемомъ этими причинами, дѣйствуетъ цѣлый рядъ второстепенныхъ, нерѣдко болѣе или менѣе случайныхъ обстоятельствъ, иногда дающихъ лишь послѣдній поводъ, толчекъ уже давно назрѣвавшему выселенію. Въ числѣ такихъ обстоятельствъ на первомъ мѣстѣ стоятъ неурожаи; „въ бѣдственные годы неурожаевъ,—писалъ еще 15 лѣтъ тому назадъ г. Григорьевъ [20]),—всѣ хроническія неудобства особенно обостряются, сильнѣе ощущаются всѣми, а тѣмъ болѣе—чисто земледѣльческими мѣстностями. Въ такіе годы вѣсти, доходящія изъ хлѣбородной и просторной стороны, особенно привлекательны: всякій, кого подкосило или въ конецъ разорило нахлынувшее несчастье, кто въ силахъ еще устроиться на новомъ мѣстѣ или кому нечего терять, стремится туда. Зажиточный мужикъ, проѣвши въ голодный годъ кой-какія запасенныя средства, продаетъ остальное, надѣясь въ хлѣбородной сторонѣ прочнѣе обставить себя и дѣтей на случай такого несчастья; хозяйство средняго крестьянина сильно расшатано неурожаемъ, — онъ также спѣшитъ въ мѣста, гдѣ дешевъ хлѣбъ, гдѣ трудъ, прилагаясь къ благородной почвѣ, болѣе производителенъ; замотавшійся бѣднякъ и безысходная нужда идутъ туда же—„хуже не будетъ“, — въ концѣ концовъ каждый неурожай сопровождается рѣзкимъ увеличеніемъ числа переселенцевъ. Затѣмъ, такую же роль играютъ разныя случайныя бѣдствія въ родѣ пожара, наводненія, продажи имущества за недоимки; разныя обстоятельства, ведущія къ сокращенію аренднаго фонда,— напр., появленіе въ какой-либо мѣстности сахарныхъ заводовъ, переходъ помѣщиковъ отъ арендаторскаго хозяйства къ собственной запашкѣ, — или сокращающія подспорные заработки крестьянъ; сильно разросшіяся послѣ ревизіи семьи нерѣдко уходятъ съ родины изъ-за невозможности добиться передѣла и такимъ образомъ привести надѣльное землевладѣніе въ соотвѣтствіе съ возросшимъ потребительнымъ или рабочимъ составомъ семьи,—въ другихъ случаяхъ, наоборотъ, толчекъ выселенію даетъ отобраніе, при состоявшемся передѣлѣ, части земли, ранѣе состоявшей во владѣніи даннаго домохозяина. Есть среди переселенцевъ и такіе, которые вовсе не испытали никакого недостатка въ землѣ, а оставляютъ родину въ предвидѣніи еще только могущаго наступить „утѣсненія“ или чаще

20) „Переселенія крестьянъ Рязанской губерніи“, стр. 75.

для того, чтобы на просторѣ амурскаго края или киргизскихъ степей полнѣе развернуть рабочія силы своей семьи и найти болѣе выгодное приложеніе для своего капитала. Иногда переселеніе въ извѣстной мѣстности принимаетъ стихійный, почти эпидемическій характеръ, и тогда, вмѣстѣ съ дѣйствительно нуждающимися въ переселеніи, трогаются „на новыя мѣста" вслѣдъ „за людьми" сотни и тысячи такихъ семей, для которыхъ переселеніе въ сущности не вызывается никакою разумною необходимостью; сильнѣйшимъ стимуломъ къ переселенію являются въ подобныхъ случаяхъ слухи о выдаваемыхъ переселенцамъ денежныхъ „способіяхъ" и иныхъ видахъ правительственной помощи,—слухи, передающіе дѣйствительность обыкновенно въ крайне преувеличенномъ и даже совершенно извращенномъ видѣ; такъ, преувеличенными слухами о помощи, оказываемой переселенцамъ на средства Комитета Сибирской желѣзной дороги, и о предоставляемыхъ имъ льготахъ въ значительной мѣрѣ объясняются тѣ сравнительно огромные размѣры (210 тысячъ вмѣсто прежнихъ 60—80 тысячъ въ годъ), которыхъ достигло въ 1896 г. сибирское переселеніе. Здѣсь, впрочемъ, вызвавшіе усиленное переселеніе слухи лишь преувеличивали *дѣйствительные* факты; въ другихъ же случаяхъ поводомъ къ выселенію являлись факты, измышленные или извращенные до неузнаваемости; такъ, переселеніе въ Донскую область, достигшее въ концѣ 70-хъ и началѣ 80-хъ годовъ довольно значительныхъ размѣровъ, было вызвано отобраніемъ земель у донскихъ (Сальскаго округа) калмыковъ въ казачій войсковой запасъ,—мѣрою, которая была понята крестьянами какъ „накликъ" на переселеніе въ эту мѣстность; въ числѣ сибирскихъ переселенцевъ 80-хъ годовъ многіе, какъ мнѣ приходилось слышать и при личномъ опросѣ, ссылались на выставленную въ волостныхъ правленіяхъ „бумагу", на какой-то „царскій указъ", приглашавшій къ переселенію въ Сибирь; по повѣркѣ эта „бумага" оказалась циркуляромъ, имѣвшимъ цѣлью, напротивъ, удержать крестьянъ отъ переселенія и разъяснить имъ тѣ ограничительныя условія, которыми обставлено послѣднее по закону.

Наконецъ, нельзя не остановиться еще на одномъ обстоятельствѣ, въ которомъ многіе склонны видѣть чуть ли не основную причину переселеній, — на свойственныхъ, яко-бы, русскому крестьянину бродячихъ инстинктахъ и на отсутствіи у него крѣпкой связи съ землей и деревней. Въ такой общей формулировкѣ, встрѣчающейся преимущественно, какъ кажется,

въ органахъ реакціонной печати, взглядъ этотъ не имѣетъ за себя никакихъ фактическихъ доказательствъ, и еще покойный Янсонъ справедливо высказалъ, что искать „коренной причины переселеній въ какомъ-то бродяжничествѣ, какъ принадлежности народнаго характера“, значитъ проявлять полное „непризнаніе естественныхъ законовъ общественнаго развитія“ [21]). Но если остановиться на одномъ только „вторичномъ“ переселеніи, т. е. на переходѣ на новое мѣстожительство крестьянъ, уже разъ переселившихся со своей родины на „новое мѣсто“, а тѣмъ болѣе переселеніи въ третій, въ четвертый разъ и т. д., то оно въ значительной мѣрѣ объясняется тѣмъ, что крестьянинъ, разъ порвавъ связь съ родиной, не привязывается достаточно крѣпко къ „новоселью“ и потому, при случаѣ, безъ особенныхъ колебаній рѣшается на вторичное переселеніе; а съ другой стороны, въ переселенцѣ, разъ оставившемъ родину, нерѣдко развивается крайняя притязательность, можно сказать даже—прихотливость; угодить переселенцу въ смыслѣ качества отводимаго ему участка весьма трудно,—водворившись на хорошемъ мѣстѣ, онъ не перестаетъ мечтать о „мѣстахъ получше“; въ поискахъ за этимъ лучшимъ переселенецъ нерѣдко оставляетъ хорошее и очень часто только теряетъ.

Въ концѣ настоящаго очерка я буду имѣть случай вкратцѣ высказать мой взглядъ на значеніе переселенія въ русской народной экономіи — взглядъ, нѣсколько отклоняющійся отъ господствующаго въ литературѣ воззрѣнія. Но какъ бы ни смотрѣть на возможныя *послѣдствія* переселеній, нельзя не признать всей серьезности тѣхъ *причинъ*, которыми вызывается это явленіе,—нельзя не видѣть, что переселеніе въ общемъ обусловливается не какими-либо случайными обстоятельствами, а всѣмъ складомъ русской хозяйственной жизни, почему и требуетъ къ себѣ самаго серьезнаго вниманія со стороны общества и правительственной власти.

Если мы теперь обратимся къ исторіи дѣйствительной русской переселенческой политики въ теченіе настоящаго столѣтія, то увидимъ, что эта политика характеризуется неоднократными колебаніями. Въ дореформенную эпоху вопросъ о свободномъ переселеніи, по отношенію къ большей части русскаго крестьянства, вовсе не могъ имѣть мѣста: крестьяне крѣпостные и удѣльные не могли *переселяться*, а могли только быть пересе-

---

[21]) *Янсонъ*, „Опытъ статистич. изслѣдованія о крест. надѣл. и платежахъ“ (изд. 2-е), приложеніе, стр. 51.

ляемы изъ однихъ имѣній въ другія по усмотрѣнію своихъ владѣльцевъ-помѣщиковъ или удѣла, причемъ законъ (Св. Зак., т. IX, ст. 1107) даже понуждалъ помѣщиковъ переселять крестьянъ изъ густо-заселенныхъ имѣній (гдѣ у крестьянъ было менѣе $4^1/_2$ десятинъ на душу) на свободныя земли въ другихъ имѣніяхъ, угрожая въ противномъ случаѣ отобраніемъ недостаточно обезпеченныхъ землею крестьянъ въ казенное вѣдомство. За-то переселеніе государственныхъ крестьянъ, состоявшихъ подъ попечительствомъ министерства государственныхъ имуществъ, было поставлено широко и разсматривалось какъ мѣра общегосударственнаго значенія; по мысли „Устава о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ“ (Св. Зак., т. XII, ч. II), переселенія государственныхъ крестьянъ были, съ одной стороны, средствомъ для поднятія благосостоянія какъ тѣхъ крестьянъ, которымъ становилось тѣсно на надѣльныхъ земляхъ, такъ и тѣхъ, которые выходили „на новыя мѣста“; а съ другой — средствомъ для заселенія многоземельныхъ окраинъ и для болѣе правильнаго разселенія жителей. „Вѣдомство государственныхъ имуществъ,—говоритъ Янсонъ [22]),—не только не препятствовало желающимъ переселяться, если они подходили подъ условія достаточно широко поставленныя, но заботилось о томъ, чтобы переселенцы находили и на пути, и на мѣстѣ новаго водворенія всевозможныя облегченія и всякую помощь“. Переселеніе поэтому допускалось изъ каждаго общества, гдѣ на душу (ревизскую) приходилось менѣе 5 дес. полевыхъ и усадебныхъ угодій, и притомъ дозволялось такому числу крестьянъ, чтобы по разсчету на остающееся въ данномъ селеніи число душъ площадь надѣла составляла около 5 десятинъ; для водворенія переселенцевъ назначались такія многоземельныя губерніи и области, гдѣ на душу государственныхъ крестьянъ имѣлось, въ сложности: въ нестепной полосѣ — болѣе 8 дес., въ степной—болѣе 15 дес. казенной земли; здѣсь для переселенцевъ заранѣе заготовлялись особые участки, площадью отъ 4 до 5 тыс. десятинъ каждый; всѣ свѣдѣнія о нихъ сосредоточивались въ палатахъ государственныхъ имуществъ, которыя обязаны были знакомить съ этими свѣдѣніями повѣренныхъ отъ переселенцевъ и облегчать послѣднимъ осмотръ участковъ въ натурѣ. Разрѣшеніе переселенія и назначеніе для переселенцевъ участковъ принадлежало къ компетенціи министра государственныхъ имуществъ, при чемъ законъ предписывалъ

---

[22]) Назв. соч., стр. 34.

заботиться, „чтобы переселенцы не были, сколь возможно, подвержены дальнимъ и затруднительнымъ переходамъ, и чтобы климатъ тѣхъ мѣстъ, куда они должны переселиться, по возможности менѣе отличался отъ климата, къ которому они привыкли на родинѣ"; по полученіи разрѣшенія, крестьянамъ предоставлялось посылать ходоковъ для осмотра назначенныхъ участковъ, при чемъ, если участки имъ не нравились, ходоки могли избирать и другіе участки. Во время слѣдованія переселенцевъ забота о нихъ лежала на обязанности мѣстныхъ органовъ вѣдомства государственныхъ имуществъ — окружныхъ начальниковъ и полиціи, а иногда особыхъ чиновниковъ, назначавшихся для сопровожденія переселенческихъ партій; они должны были доставлять переселенцамъ безплатный ночлегъ, продовольствіе и врачебную помощь и устранять всякія затрудненія. На мѣстѣ новаго водворенія для переселенцевъ заранѣе заготовлялись продовольствіе, сѣно, сѣмена для посѣва, земледѣльческія орудія, рабочій скотъ, лѣсъ для построекъ; засѣвалась на казенный счетъ часть полей, устраивались, при нуждѣ, мельницы и колодцы; по прибытіи на мѣсто переселенцы временно размѣщались по сосѣднимъ селеніямъ, и окружный начальникъ долженъ былъ ознакомить ихъ съ мѣстными способами веденія хозяйства и помочь имъ немедленно приступить къ постройкѣ домовъ и обработкѣ полей. Кромѣ всѣхъ перечисленныхъ видовъ помощи, переселенцы получали безвозвратное денежное пособіе въ размѣрѣ отъ 25 до 50 рублей на семью и пользовались льготами: отъ податей — на 4 года, отъ воинскаго постоя—на 6 лѣтъ, отъ рекрутчины—на 3 набора, и имъ прощались всѣ податныя недоимки прежнихъ лѣтъ.

На изложенныхъ основаніяхъ, выработанныхъ и проведенныхъ въ жизнь знаменитымъ дѣятелемъ николаевской эпохи, гр. Киселевымъ, за время съ 1837 по 1859 годъ было переселено 57½ тыс. семействъ, въ которыхъ числилось до 189 тыс. ревизскихъ душъ, а съ женщинами и дѣтьми — всего до 350 тысячъ душъ обоего пола. Сначала переселенцы направлялись въ нынѣшнія Воронежскую, Харьковскую, Тамбовскую губерніи, затѣмъ—въ Саратовскую и Оренбургскую (съ нынѣшними Уфимскою и Самарскою), въ Астраханскую губернію и на сѣверный Кавказъ; въ 50-хъ годахъ переселеніе направлялось въ сибирскія губерніи — Тобольскую, Томскую и Енисейскую; за одинъ 1854 годъ въ Тобольской и Томской губерніяхъ было водворено до 19 тысячъ ревизскихъ душъ. „Благодаря всѣмъ этимъ

мѣрамъ, говоритъ покойный Янсонъ [23]), переселеніе, по крайней мѣрѣ по закону, не было предоставлено самому себѣ, не было блужданіемъ безъ цѣли и помощи, не сопровождалось разореніемъ переселенцевъ и безплоднымъ исканіемъ новыхъ мѣстъ". Но намъ хорошо извѣстно, во что нерѣдко вырождалась, въ дѣйствительности, система благожелательнаго попечительства надъ государственными крестьянами, установлявшаяся тѣмъ самымъ „Уставомъ о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ", который регулировалъ и переселенія государственныхъ крестьянъ. Возникаетъ поэтому вопросъ, не оставались ли мертвою буквой и благія начинанія законодателя въ области переселенческаго дѣла, не превращались ли они, въ дѣйствительности, въ безплодную канцелярскую переписку и въ безсистемный произволъ отдѣльныхъ исполнителей. Къ сожалѣнію, за неимѣніемъ достаточно полныхъ и достовѣрныхъ свидѣтельствъ, на этотъ вопросъ едва ли возможно дать исчерпывающій отвѣтъ; но данныя, собранныя уже въ 80-хъ годахъ, при мѣстномъ изслѣдованіи крестьянскаго хозяйства въ Сибири, позволяютъ думать, что дѣло было и въ дѣйствительности, въ общемъ, хорошо поставлено: я лично посѣтилъ въ Тобольской и Томской губерніяхъ нѣсколько десятковъ селеній, образованныхъ въ первой половинѣ 50-хъ годовъ, „Киселевскими", иначе—„маршрутными" переселенцами; свѣдѣнія о нѣсколькихъ десяткахъ подобныхъ же селеній имѣются и въ статистическихъ „Матеріалахъ" по Енисейской губерніи, — и этотъ источникъ положительно констатируетъ, что „попытка организовать болѣе или менѣе правильно переселенія оказалась удачною, чему не мало способствовали: наличность значительнаго запаса удобныхъ земель и ихъ плодородіе; помощь, которую переселенцы получали во время пути или еще на родинѣ, благодаря чему ихъ матеріальныя средства не истощались въ конецъ передвиженіемъ; заботы и матеріальная поддержка правительства по водвореніи на мѣстахъ и наконецъ льготы, предоставлявшіяся переселенцамъ въ первые годы ихъ проживанія въ Сибири". Отзывъ этотъ въ полной мѣрѣ справедливъ и по отношенію къ поселеніямъ, возникшимъ въ ту эпоху въ западно-сибирскихъ губерніяхъ. По каждой изъ названныхъ трехъ сибирскихъ губерній констатированы, правда, и неудачи—есть селенія бѣдствующія, нѣкоторыя даже совершенно распались, главнымъ образомъ благодаря неудачному выбору мѣста для водворенія;

---

[23]) Тамъ же, стр. 35.

но въ огромномъ большинствѣ случаевъ мѣста для поселенія выбирались удачно (что впрочемъ въ то время, благодаря изобилію свободныхъ земель, было и нетрудно), поселки устраивались очень быстро, достигали высокаго благосостоянія, и старики съ благодарностью вспоминаютъ о той заботливости, которая окружала ихъ во время пути, при выборѣ мѣста для поселенія и при первоначальномъ устройствѣ.

Положенія 19 февраля 1861 г., а за ними—и изданное въ 1866 г. Положеніе о государственныхъ крестьянахъ не заключаютъ въ себѣ „ничего, что намекало бы на переселеніе и на правила, его регулирующія“ (Янсонъ). Обязанность заботиться о правильномъ размѣщеніи населенія слагается съ казны и помѣщиковъ; но, не говоря уже о предоставленіи крестьянамъ абсолютной свободы переселеній — свободы, немыслимой при существованіи подушной подати и паспортной системы, — законъ не даетъ даже правительственной власти права разрѣшать переселеніе при какихъ бы то ни было условіяхъ. Положеніе 19 февраля просто игнорируетъ переселеніе; предоставляя крестьянамъ личную свободу, оно установляетъ лишь рядъ правилъ относительно перечисленія крестьянъ изъ однихъ обществъ въ другія; нѣчто похожее на переселеніе допущено было только для безземельныхъ батраковъ, крестьянъ мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ и нѣкоторыхъ другихъ поименованныхъ въ различныхъ частныхъ узаконеніяхъ категорій сельскаго населенія, которымъ предоставлено было право водворенія на свободныхъ казенныхъ земляхъ. По свидѣтельству г. Тернера, — лица, котораго общественное положеніе вполнѣ гарантируетъ, въ данномъ случаѣ, его полную освѣдомленность, — такое отношеніе законовъ освободительной эпохи къ переселенію далеко не было случайнымъ явленіемъ. Игнорированіе переселенія объясняется, съ одной стороны, господствовавшимъ въ то время мнѣніемъ, что „крестьяне, освобожденные отъ крѣпостной зависимости и надѣленные землею, уже не нуждаясь въ правительственной опекѣ, сами будутъ заботиться о своемъ благосостояніи, и что не вполнѣ обезпеченныя землею лица этого сословія всегда будутъ находить достаточное примѣненіе своему труду на помѣщичьихъ земляхъ въ качествѣ сельскихъ рабочихъ“, другими словами, — господствомъ либерально-манчестерскихъ экономическихъ воззрѣній;

---

[24]) „Матеріалы для изслѣд. землепольз. и т. д. Иркутск. и Енис. губ., т. IV, вып. 2, стр. 34.

съ другой стороны, отрицательное отношеніе къ переселеніямъ объяснялось отсутствіемъ спеціальныхъ органовъ, компетентныхъ входить въ это дѣло; наконецъ, оно было результатомъ—и это, можетъ-быть, самое главное — „преобладавшаго въ то время неблагопріятнаго для переселенческаго движенія настроенія землевладѣльческихъ круговъ и высшихъ сферъ общества". Настроеніе это, по словамъ г. Тернера, „было вызвано отчасти опасеніемъ, что крестьяне, получивъ свободу, массами пойдутъ бродить по всей Россіи", главнымъ же образомъ—боязнью, что при значительномъ развитіи переселеній ощущавшаяся помѣщиками въ первое время по освобожденіи крестьянъ „трудность добывать рабочихъ еще усилится, а вмѣстѣ съ тѣмъ землевладѣльцы потеряютъ и съемщиковъ на предлагаемую въ аренду землю и такимъ образомъ лишатся единственной остававшейся еще въ ихъ рукахъ вѣрной статьи дохода. Отдѣльныя лица, продолжаетъ г. Тернеръ, могутъ изъ высшихъ побужденій жертвовать своими интересами на пользу общества; но цѣлые классы населенія всегда и вездѣ относятся къ экономическимъ вопросамъ съ эгоистической точки зрѣнія; прежде всего они должны помышлять о сохраненіи собственныхъ интересовъ. Вотъ почему, заключаетъ цитированный мною компетентный авторъ, классъ землевладѣльцевъ смотрѣлъ у насъ въ то время недоброжелательно на переселенческій вопросъ; а такъ какъ это былъ классъ самый вліятельный, то его образъ воззрѣнія отразился и на настроеніи правительства. То, что̀ прежде, въ дореформенное время, считалось дѣломъ самымъ естественнымъ и необходимымъ, т.-е. выселеніе избытка населенія на свободныя земли, то, что̀ не только дозволялось и поощрялось, но даже прямо предписывалось закономъ,—послѣ 1861 года стало представляться дѣломъ крайне опаснымъ, которое не только не слѣдуетъ поощрять, но которому слѣдуетъ препятствовать всѣми мѣрами, — дѣломъ, о которомъ даже не слѣдуетъ и говорить"[25]).

Итакъ, крестьянская реформа въ области переселеній явилась не шагомъ впередъ, а шагомъ назадъ; переселеніе, какъ таковое, въ пореформенную эпоху не признается законодательствомъ; послѣднему извѣстны лишь, какъ я уже упоминалъ, „водвореніе на казенныхъ земляхъ" или—другими словами—надѣленіе казенною землею, обыкновенно связанное съ перемѣною мѣстожительства, крестьянъ нѣкоторыхъ, точно опредѣ-

[25]) См. статью „Пересел. дѣло", въ „Вѣстн. Евр." 1897 г., мартъ, стр. 110—112.

ленныхъ въ законѣ категорій—безземельныхъ батраковъ, крестьянъ мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ, однодворцевъ западныхъ губерній и т. п.,—да перечисленіе отдѣльныхъ домохозяйствъ изъ однихъ обществъ въ другія въ порядкѣ, установленномъ Общимъ Положеніемъ о крестьянахъ, т.-е. по увольнительнымъ приговорамъ старыхъ и пріемнымъ приговорамъ новыхъ обществъ; производившійся въ Европейской Россіи отводъ подъ заселеніе казенныхъ земель имѣлъ въ виду, главнымъ образомъ, именно тѣ, только-что упомянутыя категоріи крестьянства, которыя „имѣли по закону право на надѣлъ казенною землею". Переселеніе въ собственномъ смыслѣ слова допущено было, на основаніи особыхъ законовъ, изданныхъ въ 1861 и 1865 гг., лишь въ нѣкоторыя отдѣльныя мѣстности, именно въ только-что присоединенный Приамурскій край, скорѣйшее заселеніе котораго считалось особо желательнымъ по политическимъ цѣлямъ, и въ принадлежащій Кабинету Его Величества, другими словами, — составляющій личную собственность царствующаго Императора Алтайскій горный округъ.

Однако переселеніе послѣ крестьянской реформы не только не ослабѣло, но напротивъ, продолжало расти, охватывало все большее число губерній и направлялось во все болѣе и болѣе разнообразныя мѣстности. Достойно при этомъ замѣчанія, что Сибирь, въ настоящее время привлекающая громадное большинство переселенцевъ, въ первыя два протекшія послѣ реформы десятилѣтія играла въ переселенческомъ дѣлѣ самую ничтожную роль. По даннымъ покойнаго Ядринцева[26]), годичное число проходившихъ въ Сибирь переселенцевъ до средины 70-хъ годовъ только четыре раза, въ 1863, 1866, 1870 и 1872 гг., достигло цифры въ 500—700 семей; за цѣлое двѣнадцатилѣтіе съ 1862 по 1873 г. въ Сибирь прошло всего около 2,800 семей, въ пятилѣтіе съ 1874 по 1878 г.—всего 8 семей. Авторы, писавшіе о переселеніяхъ въ началѣ и даже срединѣ 80-хъ годовъ,—Янсонъ, кн. Васильчиковъ, Южаковъ, Серповскій и др.,—говорятъ о сибирскомъ переселеніи только вскользь, главное же вниманіе обращаютъ на переселеніе въ южныя и юго-восточныя степи и на Кавказъ. И это понятно: необъятныя дебри Сибири, этой страны ссылки и каторги, самое названіе которой заключало въ себѣ нѣчто устрашающее, при громадности разстояній и плохомъ состояніи путей сообщенія, при отсутствіи о ней не только у крестьянъ, но и въ образованномъ

[26]) *Ядринцевъ*, „Сибирь какъ колонія", 1 изд., таблицы.

обществѣ сколько-нибудь достовѣрныхъ свѣдѣній, не могли привлекать переселенцевъ, которые предпочитали направляться на гораздо менѣе удаленныя и болѣе извѣстныя южныя и юго-восточныя окраины Европейской Россіи. Переселенія въ Сибирь, при такихъ условіяхъ, могли развиваться лишь искусственно, при помощи правительственныхъ „накликовъ", пособій и льготъ; лишь только прекратились, поэтому, организованныя гр. Киселевымъ правительственныя переселенія въ Сибирь, движеніе переселенцевъ снова принимаетъ естественное направленіе: переселенцы заполняютъ Предкавказье — въ продолженіе 70-хъ гг. въ одной только Кубанской области водворилось свыше 200 тысячъ душъ,—Уфимско-Оренбургскій край, въ теченіе 70-хъ гг. принявшій до 120 тыс. душъ, и т. д. Только съ самаго конца 70-хъ годовъ, когда южныя и восточныя степи начинаютъ обнаруживать признаки переполненія переселенцами, возобновляется движеніе въ Сибирь, которая съ тѣхъ поръ становится главнымъ пріемникомъ русскаго переселенческаго движенія.

За исключеніемъ относительно незначительнаго въ то время движенія на Амуръ и на Алтай—замѣчу мимоходомъ, что громадное большинство переселенцевъ, получавшихъ разрѣшеніе идти на Амуръ, не достигало цѣли и осѣдало по пути, въ Западной Сибири и въ Оренбургскомъ краѣ, — все переселенческое движеніе 60-хъ и 70-хъ гг. было „самовольнымъ", нелегальнымъ; переселенцы, годичное число которыхъ къ началу 80-хъ гг. превысило, по несомнѣнно неполнымъ оффиціальнымъ даннымъ, 40 тысячъ, осѣдали въ Новороссіи, въ Оренбургскомъ краѣ, на Кавказѣ, въ Сибири; одни изъ нихъ приписывались къ обществамъ старожиловъ и получали право участія въ ихъ землевладѣніи, другіе селились въ качествѣ арендаторовъ на казачьихъ или башкирскихъ земляхъ, третьи покупали или арендовали землю у частныхъ владѣльцевъ; при этомъ огромное большинство переселенцевъ продолжало числиться по мѣсту приписки и проживало по просроченнымъ паспортамъ или безъ всякихъ документовъ, терпя всякія непріятности „за безписьменность", за невзносъ текущихъ платежей и недоимокъ по мѣсту приписки и т. п.

Правительство, конечно, не могло остаться безучастнымъ свидѣтелемъ этого движенія и создававшейся имъ неурядицы. Въ 60-хъ и 70-хъ годахъ послѣдовалъ рядъ частныхъ узаконеній и распоряженій, которыя легализировали и упорядочивали положеніе переселенцевъ, самовольно осѣвшихъ въ Уфимско-

Оренбургскомъ краѣ, а въ 1876 году изданъ былъ законъ о перечисленіи по мѣсту проживанія всѣхъ переселенцевъ, самовольно водворившихся въ Тобольской и Томской губерніяхъ. Переселеніе, конечно, продолжалось и послѣ того; кромѣ того, за время съ 1876 по 1881 годъ въ министерство государственныхъ имуществъ поступило до тысячи прошеній объ отводѣ переселенцамъ казенной земли, но прошеній этихъ нельзя было удовлетворить „по отсутствію на то законныхъ основаній". И вотъ, въ виду этихъ обстоятельствъ, сознавая наличность условій, вызывающихъ необходимость переселенія, сознавая неудобства, связанныя съ безпорядочнымъ самовольнымъ переселеніемъ, правительство рѣшается выйти изъ своей пассивной роли и вновь принять активное участіе въ направленіи переселенческаго дѣла. Съ 1881 г. начинаются подготовительныя работы для составленія общаго переселенческаго закона, а впредь до изданія такого закона принимаются нѣкоторыя временныя мѣры: послѣдовавшимъ 10 іюля 1881 года положеніемъ комитета министровъ министрамъ внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ предоставлено было разрѣшать ходатайства о выселеніи лицъ, „хотя и не имѣющихъ на то права по дѣйствующему закону (т.-е. не подходящихъ подъ упомянутыя выше, перечисленныя въ законѣ категоріи сельскаго населенія), но экономическое положеніе коихъ къ тому вынуждаетъ", съ переводомъ на нихъ недоимокъ и разсрочкою ихъ, соотвѣтствующею платежнымъ силамъ переселенцевъ; въ пользованіе переселенцевъ дозволялось отводить казенную землю на срокъ отъ 6 до 12 лѣтъ, въ размѣрѣ не свыше 8 дес. на душу, съ обложеніемъ сообразно дѣйствительной доходности отведенныхъ земель до водворенія на нихъ переселенцевъ; въ то же время создано было первое спеціальное мѣстное учрежденіе для помощи переселенцамъ въ пути и для содѣйствія имъ въ пріисканіи земель,—переселенческая контора въ Батракахъ, просуществовавшая до 1889 г., но вслѣдствіе неудачнаго выбора мѣста принесшая дѣлу лишь небольшую пользу.

Однако, въ дѣйствіяхъ правительства, по компетентному свидѣтельству того же г. Тернера[27]), и въ эту эпоху продолжаетъ сказываться нерѣшительность: „подъ вліяніемъ, съ одной стороны, сознанія, что уже невозможно далѣе предоставлять этотъ вопросъ самому себѣ, правительство рѣшалось на оказаніе нѣкотораго пособія переселяющимся, а съ другой сто-

[27]) Тамъ же, стр. 114—115.

роны, подъ вліяніемъ опасенія, чтобы подобное содѣйствіе не вызвало нежелательное массовое передвиженіе народа, правительство стремилось ограничить воспособленіе переселенію самыми тѣсными предѣлами"; въ концѣ концовъ направленіе правительственной политики „получало характеръ не столько желанія содѣйствовать развитію и организаціи правильнаго переселенческаго движенія, сколько желанія поставить его въ возможно узкія границы". О такомъ характерѣ отношеній правительства къ переселенію свидѣтельствуетъ, по удостовѣренію г. Тернера[28]), и ничтожный размѣръ отпускавшихся на переселенческое дѣло суммъ (въ 1884 г.—40 тысячъ, затѣмъ по 20 тысячъ рублей въ годъ), и самая медленность разработки общаго переселенческаго закона, изданнаго только 13 іюня 1889 г.— черезъ 8 лѣтъ, считая отъ начала подготовительныхъ работъ. То же отношеніе къ переселенію отразилось и на самомъ содержаніи этого закона. Первоначальный проектъ этого послѣдняго былъ предложенъ правительствомъ на разсмотрѣніе созванныхъ въ началѣ царствованія императора Александра III, въ бытность министромъ внутреннихъ дѣлъ графа Н. П. Игнатьева, „свѣдущихъ людей". Послѣдніе высказались за возможно широкую и свободную постановку переселеній, основанную на признаніи „права каждаго на переходъ на новыя мѣста", и за привлеченіе къ завѣдыванію переселенческимъ дѣломъ въ мѣстахъ выхода переселенцевъ земскихъ учрежденій; государство — такъ полагали свѣдущіе люди — должно считаться съ фактомъ переселеній, не пытаясь подчинять его какимъ-либо нормамъ и своей опекѣ; право каждаго на переселеніе они находили возможнымъ подвергать лишь такимъ ограниченіямъ, которыя не мѣшали бы правильному и свободному теченію жизни. Но замѣнившій графа Игнатьева въ должности министра внутреннихъ дѣлъ графъ Д. А. Толстой рѣшительно отвергъ эти принципы, и по его представленію въ 1886 г. были утверждены, какъ основа будущаго переселенческаго закона, діаметрально противоположныя начала: полное подчиненіе переселенія направленію правительства и сосредоточеніе всего руководства переселенческимъ дѣломъ въ рукахъ министерства внутреннихъ дѣлъ, съ предоставленіемъ администраціи права останавливать переселеніе, когда оно предпринимается недостаточно осмотрительно, безъ необходимыхъ средствъ и ясно намѣченной цѣли. Эти начала вылились въ законѣ 13 іюня

---

[28]) Тамъ же.

1889 г. въ форму нижеслѣдующихъ главнѣйшихъ постановленій: переселеніе допускается лишь съ предварительнаго разрѣшенія правительства, самовольные же переселенцы подлежатъ возвращенію въ мѣста приписки; разрѣшеніе на переселеніе дается только при наличности заслуживающихъ уваженія причинъ (которыхъ однако законъ ближе не опредѣляетъ, оставляя полный просторъ усмотрѣнію администраціи) и при наличности свободныхъ казенныхъ земель. Эти послѣднія отводятся переселенцамъ въ размѣрѣ, соображенномъ съ естественными и хозяйственными условіями каждой данной мѣстности, — въ Европейской Россіи сначала на арендномъ правѣ, на срокъ отъ 6 до 12 лѣтъ, и лишь послѣ того въ надѣльное пользованіе, въ Азіатской Россіи — прямо въ надѣлъ, но съ запрещеніемъ отчуждать или обременять долгами отведенную землю. Плата за землю въ Европейской Россіи не можетъ превышать существующаго въ данной мѣстности размѣра выкупныхъ платежей, безъ погасительной части; въ Сибири она исчисляется соотвѣтственно оброчной подати старожиловъ. Не выкупленные окончательно надѣлы переселенцевъ остаются за ихъ коренными обществами, на отвѣтственность которыхъ возлагаются за-то и переселенческія недоимки. На мѣстѣ новаго водворенія переселенцы освобождаются отъ поземельной платы: въ Европейской Россіи на 2 года, въ Азіатской—на 3 года въ полномъ, на 3—въ половинномъ размѣрѣ, а лицамъ, достигшимъ въ годъ переселенія призывного возраста, дается на такой же срокъ отсрочка въ исполненіи воинской повинности.

Таковы были предоставлявшіяся переселенцамъ по закону 13 іюня 1889 г. льготы. Что касается до пособій и ссудъ, то о нихъ говорилось въ особомъ, не опубликованномъ отдѣлѣ закона, содержаніе котораго изложено въ неоднократно уже цитированной статьѣ Ѳ. Г. Тернера [29]): въ тѣхъ случаяхъ, когда будетъ признано необходимымъ оказать переселенцамъ особое содѣйствіе, министрамъ внутреннихъ дѣлъ, государственныхъ имуществъ и финансовъ предоставлялось, по взаимному соглашенію, разрѣшать выдачу путевыхъ пособій, а по прибытіи переселенцевъ на мѣсто—разрѣшать какъ производство имъ денежныхъ ссудъ на домообзаводство, такъ и отпускъ, безвозмездно или за полцѣны, лѣсного матеріала изъ казенныхъ дачъ,—продовольственными же и сѣменными ссудами переселенцы могли пользоваться, на общихъ со старожилами основаніяхъ;

[29]) Тамъ же, стр. 117.

изъ продовольственныхъ запасовъ этихъ послѣднихъ, не ожидая причисленія по мѣсту новаго проживанія. Наконецъ, на основаніи особаго III отдѣла закона, всѣ лица, самовольно переселившіяся до времени изданія послѣдняго, подлежали перечисленію по мѣстамъ новаго водворенія, но—въ отличіе отъ легальныхъ переселенцевъ—съ переводомъ на нихъ накопленныхъ на родинѣ недоимокъ и съ освобожденіемъ прежнихъ обществъ отъ всякой отвѣтственности за эти недоимки.

Законъ 13 іюня 1889 года донынѣ остается основнымъ закономъ, регулирующимъ переселеніе крестьянъ, и только для Сибири въ самое послѣднее время дополненъ и частью измѣненъ рядомъ новыхъ законовъ и распоряженій. Что изданіе этого закона также отнюдь не знаменовало еще измѣненія взглядовъ правительства въ благопріятную для переселеній сторону,—это видно уже изъ того факта, что число выданныхъ разрѣшеній на переселеніе съ изданіемъ закона не только не увеличилось, а напротивъ, сократилось: при дѣйствіи этого закона разрѣшено было переселиться: въ 1889 году—2,000, въ 1890 г.—7,600, въ 1891 г.—столькимъ же семьямъ, тогда какъ до изданія закона переселеніе было разрѣшено: въ 1887 г.—9,000, въ 1888 г. — 19,000 семей; главную массу переселенцевъ, попрежнему, составляли самовольные, число которыхъ, по свѣдѣніямъ переселенческихъ пунктовъ, составляло отъ $^{2}/_{3}$ до $^{4}/_{5}$ общаго числа переселенцевъ,—лица, либо получившія отказъ въ переселеніи, либо не дождавшіяся результатовъ возбужденной по ихъ ходатайствамъ переписки, либо даже вовсе не пробовавшія ходатайствовать о разрѣшеніи. Общее же число переселенцевъ въ Сибирь, въ началѣ и срединѣ 80-хъ годовъ не превышавшее 30—35 тысячъ въ годъ, къ 1890 году доходитъ до 50 тысячъ, а въ 1891 и 1892 годахъ, подъ вліяніемъ неурожая и его послѣдствій,—до 90 тысячъ въ годъ.

Условія, въ которыхъ совершалось самое передвиженіе переселенцевъ, были въ высшей степени неблагопріятны: до самаго начала 90-хъ годовъ въ узловыхъ пунктахъ переселенческихъ трактовъ не было почти никакихъ помѣщеній для переселенцевъ; почти не было ни медицинской помощи, ни приспособленныхъ для передвиженія тысячныхъ массъ переселенцевъ перевозочныхъ средствъ; изъ появлявшихся въ печати показаній очевидцевъ — назову покойнаго Ядринцева, проф. Исаева, Гл. Успенскаго, гг. Медвѣдева, Головачева—мы знаемъ о тѣхъ бѣдствіяхъ, которыя претерпѣвали переселенцы въ пути и во время стоянокъ въ узловыхъ пунктахъ,

гдѣ имъ, за недостаткомъ вагоновъ и пароходовъ, приходилось иногда проживать по цѣлымъ мѣсяцамъ. Кульминаціоннаго пункта эти бѣдствія достигли въ 1892-мъ голодномъ году; въ маѣ этого года въ Тюмени одновременно скопилось до 18 тыс. переселенцевъ, а смертность въ этомъ году въ одной только Тюмени достигла цифры 938 человѣкъ; умирали переселенцы и на другихъ стоянкахъ, и на пароходахъ, и въ открытомъ полѣ,— наконецъ, добравшись кое-какъ до мѣста, истощенные продолжительною дорогой переселенцы устраивались „на новосельѣ" въ шалашахъ или сырыхъ землянкахъ, и здѣсь опять болѣли и умирали. По произведенной мною лично регистраціи переселенцевъ въ поселкахъ Томской губерніи смерть унесла во время пути и въ первый годъ по прибытіи на новоселье 6% общаго состава переселенческихъ семей въ моментъ ихъ выхода съ родины; особенно велика была дѣтская смертность, по даннымъ г. Остафьева достигавшая въ изслѣдованныхъ имъ переселенческихъ партіяхъ въ среднемъ 11%, въ отдѣльныхъ же партіяхъ доходившая до 30%! Переселенческіе чиновники, командированные съ 1886 года въ узловые пункты переселенческаго движенія, работали съ удивительнымъ самоотверженіемъ — имя Архипова въ то время прославилось на всю Россію, — но вслѣдствіе полнаго недостатка средствъ (достаточно сказать, что томскимъ чиновникомъ за 10-лѣтіе съ 1884 по 1893 годъ роздано было въ ссуды переселенцамъ, при общей численности послѣднихъ свыше 50 тысячъ семей, всего 35,018 рублей, а тюменскій чиновникъ могъ расходовать на ссуды не свыше 5 — 6 тысячъ рублей въ годъ) они не могли оказать переселенцамъ серьезной помощи. Въ нѣкоторыхъ изъ узловыхъ пунктовъ—Перми, Тюмени, Томскѣ, Иркутскѣ—возникли частные переселенческіе комитеты, въ Петербургѣ образовалось общество вспомоществованія переселенцамъ,—но и на тѣ жалкія тысячи рублей, въ которыхъ выразилось общественное сочувствіе переселенцамъ, нельзя было создать, конечно, ничего заслуживающаго вниманія.

На новосельѣ переселенцы либо водворялись въ старыхъ селеніяхъ, либо образовывали новые поселки. Пока земельный просторъ далеко превышалъ потребности населенія, старожилы охотно принимали въ свою среду переселенцевъ, безъ всякой платы или съ ничтожною платой за пріемный приговоръ; но съ усиленіемъ наплыва переселенцевъ старожилы стали относиться къ нимъ менѣе гостепріимно и либо вовсе отказывали имъ въ пріемѣ, либо принимали ихъ лишь за высокую плату

и вообще на болѣе или менѣе стѣснительныхъ условіяхъ. Новые поселки образовывались на особыхъ переселенческихъ участкахъ. Для образованія такихъ участковъ изъ свободныхъ казенныхъ пространствъ или изъ излишнихъ земель, захваченныхъ старожилами, въ 1885 году было сформировано особое учрежденіе — отрядъ изъ агрономовъ и межевыхъ техниковъ; но при небольшомъ составѣ и незначительныхъ средствахъ (бюджетъ отряда равнялся всего 40 тыс. руб. въ годъ) отрядъ за 9 лѣтъ своего существованія могъ образовать всего 174 участка, площадью въ 720 тысячъ десятинъ,—въ нѣсколько разъ менѣе, нежели требовалось бы для надѣленія землею всѣхъ прошедшихъ въ Сибирь переселенцевъ; наплывъ послѣднихъ на казенныя земли Сибири постоянно опережалъ работы по образованію участковъ, и проистекавшіе отсюда безпорядки и недоразумѣнія къ началу 90-хъ годовъ до такой степени обострились, что правительство нашло нужнымъ особымъ циркуляромъ (6 марта 1892 г.) совершенно пріостановить переселеніе въ Сибирь.

Запрещеніе это номинально дѣйствовало до 1895 года; но въ дѣйствительности оказалось возможнымъ пріостановить только выдачу разрѣшеній на переселеніе; самовольное переселеніе продолжалось почти въ прежнихъ размѣрахъ—слишкомъ по 60 тыс. душъ въ годъ—и только поставлено было въ особенно тяжелыя условія: переселенцы, какъ самовольные, не получали правительственной помощи ни во время пути, ни на мѣстахъ водворенія, не имѣли права на надѣленіе казенною землею и по закону 13 іюня 1889 года подлежали возвращенію на родину. Однако до этой крайней мѣры дѣло не дошло: бѣдствія переселенцевъ обратили на себя вниманіе командированнаго въ 1892 году въ Тобольскую губернію, для борьбы съ послѣдствіями неурожая, сенатора князя Голицына; по его ходатайству для помощи переселенцамъ въ пути впервые отпущена была (изъ средствъ особаго комитета для помощи пострадавшимъ отъ неурожая 1891 года) сравнительно значительная сумма — 40,000 рублей, а въ апрѣлѣ 1892 года послѣдовало Высочайше соизволеніе на водвореніе въ Сибири всѣхъ прибывшихъ до тѣхъ поръ самовольныхъ переселенцевъ. Въ подобномъ же порядкѣ разрѣшено было позже водвореніе и надѣленіе землей самовольныхъ переселенцевъ, прибывшихъ въ 1893 и 1894 гг.; на деньги же, отпущенныя изъ суммъ особаго комитета, а также на частныя пожертвованія, приливъ которыхъ усилился главнымъ образомъ благодаря стараніямъ покойнаго Ядринцева, впервые устроена

была на переселенческихъ трактахъ система врачебно-продовольственныхъ пунктовъ, благодаря чему заболѣваемость переселенцевъ, по оффиціальнымъ свидѣтельствамъ, уже въ 1893 г. понизилась вчетверо, смертность среди заболѣвшихъ—въ 2 раза, сравнительно съ заболѣваемостью и смертностью предшествовавшихъ лѣтъ.

Такимъ образомъ, силою вещей, правительство было вынуждено нѣсколько измѣнить свое отношеніе къ переселенію. Но рѣшительный поворотъ въ области переселенческой политики былъ вызванъ обстоятельствомъ до извѣстной степени случайнаго характера—обстоятельствомъ, не имѣвшимъ прямой связи ни съ тѣми условіями, которыми вызывалось и вызывается самое переселеніе, ни съ тѣми, которыми опредѣлялась до тѣхъ поръ правительственная политика въ переселенческомъ вопросѣ, — именно начавшеюся въ 1892 году постройкой Сибирской желѣзной дороги. Это огромное предпріятіе, поставленное подъ непосредственное покровительство Наслѣдника Цесаревича, нынѣ царствующаго Государя Императора, и поставленное въ число государственныхъ задачъ первостепеннаго значенія, сразу выдвинуло вопросъ о заселеніи Сибири на первую очередь. „Проложеніе черезъ Сибирь магистральной желѣзнодорожной линіи,—говоритъ тотъ же достовѣрный свидѣтель, на котораго я уже не разъ ссылался, Ѳ. Г. Тернеръ [30]),— которая въ значительномъ своемъ протяженіи должна была проходить по незаселеннымъ и пустопорожнимъ пространствомъ, естественно вызывало мысль о привлеченіи населенія въ эти мѣстности, чтобы создать такимъ образомъ новые производительные центры, которые, оживляемые желѣзною дорогой, въ свою очередь снабжали бы ее грузами“; колонизація Сибири стала поэтому въ рядъ „вспомогательныхъ предпріятій по сооруженію Сибирской желѣзной дороги“, завѣдываніе переселеніемъ въ Сибирь возложено на состоящій подъ личнымъ предсѣдательствомъ Государя Императора комитетъ Сибирской желѣзной дороги, а расходы по организаціи переселеній отнесены на особый 14-милліонный фондъ „вспомогательныхъ по Сибирской дорогѣ предпріятій“.

Комитетъ сразу поставилъ дѣло на широкую ногу; на первый планъ былъ выдвинутъ, конечно, вопросъ объ изысканіи земель, пригодныхъ для водворенія переселенцевъ, и образо-

---

[30]) Продолженіе цитированной уже статьи въ апрѣльской книжкѣ „Вѣстн. Европы“ за 1897 г., стр. 450.

ваніи изъ нихъ участковъ; для этой цѣли былъ сформированъ многочисленный штатъ спеціальныхъ чиновъ, численность которыхъ къ 1897 году дошла до 160 человѣкъ, а годичная стоимость содержанія—до 240 тыс. рублей; за четыре года (1893—96) ими заготовлено было подъ водвореніе переселенцевъ свыше 4 милліоновъ десятинъ, или около 270 тысячъ душевыхъ долей (припомнимъ, что за девять лѣтъ, съ 1885 по 1893 годъ, было заготовлено всего 700 тысячъ десятинъ!), благодаря чему оказалось возможнымъ не только устроить и надѣлить землею всѣхъ ранѣе прибывшихъ самовольныхъ переселенцевъ, но и возобновить, начиная съ 1895 г., выдачу разрѣшеній на переселеніе. Далѣе, организована сѣть врачебно-продовольственныхъ пунктовъ какъ вдоль линіи Сибирской желѣзной дороги, по которой теперь направилось почти все движеніе переселенцевъ, такъ и по важнѣйшимъ отвѣтвляющимся отъ нея грунтовымъ дорогамъ и воднымъ путямъ; содержаніе этихъ пунктовъ въ 1897 году обошлось свыше 200 тысячъ рублей. Окончательно урегулированы условія льготной перевозки переселенцевъ по желѣзнымъ дорогамъ — именно, установленъ переселенческій тарифъ въ размѣрѣ 0,3 коп. съ версты, а дѣти до 10 лѣтъ перевозятся безплатно [81]); вмѣстѣ съ тѣмъ приняты мѣры къ заготовленію въ достаточномъ числѣ нужнаго для перевозки переселенцевъ подвижнаго состава и вообще къ достиженію возможной быстроты и правильности передвиженія переселенческихъ партій и ихъ багажа по желѣзнымъ дорогамъ, а также организовано снабженіе переселенцевъ лошадьми и повозками для слѣдованія по грунтовымъ путямъ. Ассигнованы крупныя суммы на ссуды переселенцамъ, путевыя и домообзаводственныя,—въ 1895 году около 750 тыс., въ 1896 году около 2 милліоновъ, въ 1897 свыше милліона рублей,—при чемъ нормальный размѣръ домообзаводственныхъ ссудъ, прежде не превышавшій 50 руб., въ 1895 и 1896 годахъ доходилъ, по сообщеніямъ мѣстной печати, до 100 руб. на семью; увеличены размѣры безплатнаго отпуска лѣса на постройки, а въ мѣстностяхъ. удаленныхъ отъ казенныхъ лѣсовъ, устроены лѣсные склады, гдѣ переселенцы получаютъ лѣсъ для построекъ по заготовительной цѣнѣ; устроено также нѣсколько складовъ для снабженія переселенцевъ сѣменами, земледѣльческими орудіями и т. п.; наконецъ, организованъ особый благотворительный

---

[81]) Въ настоящее время для перевозки переселенцевъ установлены новыя основанія.

сборъ для постройки въ переселенческихъ поселкахъ церквей и школъ, давшій уже очень крупные результаты. Принятъ въ то же время рядъ мѣръ для упрощенія порядка разрѣшенія ходатайствъ о переселеніи, приписки по мѣсту новаго водворенія, разрѣшенія и выдачи ссудъ,— въ частности, во избѣжаніе проволочекъ, связанныхъ съ представленіемъ ходатайствъ о переселеніи на разрѣшеніе центральныхъ учрежденій, а разрѣшеніе этихъ ходатайствъ предоставлено власти губернскихъ присутствій. Наконецъ, признаніе государственной важности переселеній выразилось въ учрежденіи съ января 1897 года особаго центральнаго учрежденія для завѣдыванія переселенческимъ дѣломъ, — переселенческаго управленія министерства внутреннихъ дѣлъ.

Теперь еще нельзя, за недостаткомъ фактическихъ данныхъ, судить о томъ, какъ осуществлялась и осуществляется эта сложная система мѣръ, направленныхъ къ упорядоченію сибирскаго переселенія. Въ мѣстной печати появлялось не мало отдѣльныхъ сообщеній, указывающихъ на тѣ или другіе недостатки современной постановки переселенческаго дѣла: отмѣчались случаи водворенія переселенцевъ—особенно въ степяхъ юго-западной Сибири и Степного генералъ-губернаторства—на участкахъ съ недостаточнымъ водоснабженіемъ, безъ сѣнокосовъ или съ плохими почвенными условіями; указывалось на несвоевременную выдачу ссудъ и недостаточно правильное и согласное съ потребностями ихъ распредѣленіе между переселенцами; на неправильную постановку дѣла снабженія переселенцевъ сельско-хозяйственными орудіями и другими предметами домообзаводства, въ рукахъ не въ мѣру рьяныхъ исполнителей переходившаго иногда въ навязываніе переселенцамъ орудій и т. п. предметовъ; въ 1896 г. сообщалось о большихъ скопленіяхъ переселенцевъ въ узловыхъ пунктахъ Сибирской линіи и о недостаточности организаціи какъ самаго передвиженія переселенцевъ, такъ и оказывавшейся имъ врачебно-продовольственной помощи. Но насколько справедливы всѣ эти частныя указанія и особенно — насколько они могутъ быть обобщаемы, — это вопросъ, на который я въ настоящее время затруднился бы дать опредѣленный отвѣтъ.

Меня, однако, интересуютъ въ настоящее время не тѣ или другія частности, а *общее направленіе* русской переселенческой политики. А въ этомъ отношеніи нельзя не отмѣтить, что всѣ мѣропріятія комитета Сибирской желѣзной дороги, въ противоположность переселенческой политикѣ предыдущаго тридцати-

лѣтія, имѣли въ виду развить переселеніе въ Сибирь до возможно широкихъ размѣровъ. И дѣйствительно, слухи объ этихъ мѣропріятіяхъ, проникавшіе въ народныя массы, по обыкновенію, въ крайне преувеличенномъ и извращенномъ видѣ, вызвали небывалый и, можетъ-быть, до нѣкоторой степени искусственный ростъ переселеній: вмѣсто прежнихъ 60—90 тысячъ въ годъ число переселенцевъ въ 1895 году дошло до 110, въ 1896—до 200 слишкомъ тысячъ человѣкъ, и въ будущемъ можно было ожидать и дальнѣйшаго возрастанія переселеній. Между тѣмъ, господствовавшій и въ литературѣ, и въ правительственныхъ сферахъ взглядъ, предполагавшій колонизаціонную емкость Сибири почти безпредѣльною, оказался несостоятельнымъ: веденныя съ полною энергіей на средства комитета четырехлѣтнія работы по изысканію земель для водворенія переселенцевъ показали, что запасъ *непосредственно* пригодныхъ — я подчеркиваю слово „непосредственно“—для этой цѣли земель въ Сибири далеко не можетъ удовлетворить всего того спроса, который возникъ бы при дальнѣйшемъ ростѣ переселенческаго движенія. „Недостатокъ наличнаго залога земель для удовлетворенія въ 1897 и ближайшихъ годахъ всѣхъ желающихъ водвориться на новыхъ мѣстахъ“ былъ впервые оффиціально констатированъ въ 1895 году командированнымъ въ Сибирь директоромъ департамента государственныхъ имуществъ И. И. Тихѣевымъ, а затѣмъ, въ слѣдующемъ 1896 году, посѣтившимъ Сибирь для ознакомленія съ положеніемъ переселенческаго дѣла управляющимъ дѣлами комитета Сибирской желѣзной дороги, статсъ-секретаремъ А. Н. Куломзинымъ, который указалъ, между прочимъ, и на затрудненія, ожидающія будущихъ переселенцевъ вслѣдствіе неблагопріятныхъ естественныхъ и хозяйственныхъ условій остающихся еще незанятыми земель,—условій, которыя „дѣлаютъ занятіе и разработку ихъ дѣломъ не легкимъ, требующимъ не малой затраты труда и капитала и доступнымъ не всякому“ [32]). Близкое истощеніе запасовъ пригодныхъ для колонизаціи земель побудило правительство принять, начиная съ 1895 г., рядъ серьезныхъ мѣръ, направленныхъ къ увеличенію этихъ запасовъ: предпринято обслѣдованіе огромныхъ, дотолѣ, можно сказать, совершенно не изучавшихся пустынныхъ лѣсныхъ, такъ называемыхъ таёжныхъ и урманныхъ пространствъ Сибири, — среди нихъ образовано уже не мало переселенческихъ участковъ, а милліоны десятинъ, гдѣ удобныя

---

[32]) „Русскія Вѣдомости“ 1897 г., № 76.

для культуры земли разбросаны клочками среди болотъ и лѣсныхъ дебрей, открываются для свободнаго заселенія; въ западно-сибирскія степи снаряжена министерствомъ земледѣлія большая гидротехническая экспедиція, которая въ маловодныхъ мѣстностяхъ юго-западной Сибири и Акмолинской области разыскиваетъ воду, а въ болотистыхъ районахъ Барабы производитъ осушительныя работы; ради нѣкотораго увеличенія емкости страны вновь допущено приселеніе переселенцевъ къ обществамъ старожиловъ, съ предоставленіемъ имъ права на льготы и ссуды, ранѣе предоставлявшіяся лишь переселенцамъ новыхъ поселковъ; значительно расширенъ самый районъ работъ по изысканію земель для заселенія, ранѣе ограничивавшійся непосредственно прилегающею къ линіи желѣзной дороги полосою, а нынѣ охватившій всю Сибирь, съ киргизскими степными областями. Но возможные результаты всѣхъ этихъ мѣръ, по крайней мѣрѣ на ближайшіе годы, далеко не соотвѣтствуютъ возможному спросу на землю, и притомъ качество вновь обращаемыхъ подъ заселеніе земель представляется, говоря вообще, мало привлекательнымъ: это—частью такъ называемыя урманныя и подтаёжныя земли, страдающія отъ чрезмѣрной влажности и другихъ неблагопріятныхъ климатическихъ условій, къ тому же представляющія большія трудности въ отношеніи расчистки лѣса и обращенія лѣсныхъ площадей подъ культуру; частью — маловодныя и безлѣсныя степи, гдѣ земледѣліе, наоборотъ, страдаетъ отъ излишней сухости климата, обусловливающей частые неурожаи, и гдѣ самыя почвенныя условія лишь на сравнительно незначительныхъ пространствахъ могутъ быть признаны достаточно благопріятными. И вотъ, новому центральному учрежденію, созданному для завѣдыванія широкопоставленнымъ переселеніемъ, пришлось начать свою дѣятельность извѣстнымъ циркуляромъ отъ 20 февраля 1897 года, № 1, направленнымъ къ возможному его сокращенію; нормальный размѣръ ссудъ на домообзаводство пониженъ до 30 рублей, и лишь дополнительно выдаются вторыя ссуды, въ среднемъ не свыше 20 руб. на семью; мѣстнымъ учрежденіямъ предписано направлять всѣ усилія „къ опроверженію заманчивыхъ слуховъ, которые безспорно являются одною изъ главнѣйшихъ причинъ къ оставленію родины многими переселенцами"; для той же цѣли командируются, какъ извѣстно изъ газетныхъ сообщеній, особые чиновники, и издается $1^1/_2$-копѣечная книжка—„Сибирское переселеніе"; губернскимъ учрежденіямъ рекомендуется при разсмотрѣніи ходатайствъ о переселеніи руководствоваться

мыслью о нежелательности развитія послѣдняго въ размѣрахъ, не оправдываемыхъ хозяйственнымъ положеніемъ каждаго даннаго общества, и наблюдать, чтобы не выселялись тѣ семьи, кои по малочисленности состава или по бѣдности не могутъ разсчитывать на устройство своего быта въ Сибири; предписывается не разрѣшать переселенія въ Сибирь безъ предварительной посылки ходоковъ, при чемъ особо поощряется такъ называемое „семейное ходачество"—отправка ходоками не довѣренныхъ лицъ отъ болѣе или менѣе значительныхъ группъ крестьянъ, а представителей отдѣльныхъ семействъ; наконецъ, подтверждаются строгія мѣры для предупрежденія самовольныхъ переселеній,—самовольные переселенцы лишаются права на полученіе путевыхъ ссудъ, а также на полученіе земли изъ переселенческихъ участковъ, и допускаются лишь въ открытыя для свободнаго водворенія таёжныя и урманныя пространства. Какъ примѣнялись всѣ эти мѣры на практикѣ, объ этомъ мы не располагаемъ, если не считать нѣсколькихъ отрывочныхъ газетныхъ сообщеній, никакими свѣдѣніями. Но имѣвшійся въ виду результатъ, несомнѣнно, былъ достигнутъ: число переселенцевъ въ 1897 году упало до 63 тыс., не считая, впрочемъ, 14 тысячъ артельныхъ и семейныхъ ходоковъ. На нынѣшній, 1898 годъ, подъ вліяніемъ прошлогодняго плохого урожая, можно, правда, ожидать новаго значительнаго возрастанія числа переселенцевъ, но все-же число послѣднихъ едва ли достигнетъ или даже приблизится къ цифрѣ 1896 года.

Такимъ образомъ, 1897 годъ ознаменовался новымъ поворотомъ правительственной политики въ области переселенческаго дѣла; правительство вновь вступаетъ на путь сдерживанія переселеній, и ограничительныя мѣры, нынѣ принимаемыя, на первый взглядъ представляютъ не мало сходства съ мѣрами, практиковавшимися до 1893 года. Но *мотивы* этихъ мѣръ и этой политики совершенно иные; до 1893 года правительство признавало широкое развитіе переселеній нежелательнымъ и нѣсколько опаснымъ. Въ настоящее время прежнія опасенія, какъ кажется, совершенно забыты; быстрое заселеніе Сибири и въ частности—района Сибирской желѣзной дороги считается, напротивъ, важною государственною задачей,—но правительство убѣдилось въ невыполнимости этой задачи, убѣдилось въ томъ, что ограниченность земельнаго фонда Сибири допускаетъ и въ будущемъ лишь такое же, если не еще болѣе медленное, постепенное ея заселеніе, какое происходило естественнымъ путемъ до настоящаго времени.

Ограниченность земельнаго фонда Сибири!... Это понятіе плохо мирится съ тѣмъ необъятнымъ просторомъ, какой мы привыкли представлять себѣ при словѣ „Сибирь". „Періодъ нашихъ разселеній и колонизаціи Сибири,—писалъ 15 лѣтъ тому назадъ покойный Ядринцевъ,—какъ и задачи ея, не прекратились, но только начинаются"...; „въ Сибири весьма много свободныхъ земель, представляющихъ всѣ удобства для земледѣлія и скотоводства, слѣдовательно, огромный выборъ этихъ земель для переселенца" [33]). И этотъ взглядъ, горячо отстаиваемый, напр., профессоромъ Исаевымъ, до настоящаго времени можетъ быть признанъ господствующимъ въ нашей, особенно періодической литературѣ. На чемъ же однако основывается подобный взглядъ? Главною, если не единственною опорою его являются разныя ариѳметическія выкладки, исходящія изъ огромныхъ цифръ пространства тѣхъ частей Сибири, которыя по условіямъ географической широты могутъ предполагаться годными для культуры. „Если, говоритъ Ядринцевъ [34]), мы представимъ себѣ хоть часть пространства, занимаемаго Тобольскою и Томскою губерніями, а именно всю среднюю черноземную полосу, безусловно свободную къ заселенію, населенною такъ же, какъ Европа, то мы получимъ, что край этотъ можетъ пропитать не менѣе 51,360,000 жителей; если же населить ее подобно Франціи и Англіи, то гораздо больше". Десять лѣтъ спустя проф. Исаевъ исчислялъ ёмкость тѣхъ же двухъ сибирскихъ губерній и лежащихъ южнѣе киргизскихъ степныхъ областей съ гораздо большею осторожностью; исходя изъ предположенія, что три четверти ихъ общей площади абсолютно негодны для осѣдлаго жительства; что изъ остальной четверти лишь половина пригодна для правильной культуры; что изъ этой половины только одна третья часть можетъ служить мѣстомъ для поселенія, и что при экстензивной системѣ хозяйства на семью нужно по 50 десятинъ земли,—г. Исаевъ приходитъ къ заключенію, что въ Тобольской и Томской губерніяхъ можетъ размѣститься до 2,080,000 семей, а слѣдовательно, считая наличное населеніе въ 900,000 семей, вновь можетъ поселиться около 1,200,000 семей, или 6—6$^1/_2$ милліоновъ душъ [35]); а внутренній обозрѣватель одного изъ нашихъ толстыхъ журналовъ [36]) опредѣлялъ колонизаціонную ёмкость Сибири ни

[33]) „Сибирь какъ колонія", I изд., стр. 161.

[34]) Тамъ же, стр. 159.

[35]) *Исаевъ*, „Переселенія въ русск. народн. хозяйствѣ", стр. 171.

[36]) „Русская Мысль", ноябрь 1893 г.

много-ни мало, какъ въ 100 милліоновъ душъ!... Уже крайняя противорѣчивость выводовъ достаточно убѣдительно свидѣтельствуетъ о шаткости основаній и пріемовъ, при помощи которыхъ созидались эти выводы; и дѣйствительно, мѣстные изслѣдователи еще съ конца 80-хъ годовъ начали предостерегать противъ подобнаго рода ариѳметическихъ упражненій: не беря на себя смѣлости категорически рѣшать, можетъ ли Сибирь принять милліонъ, десять или сто милліоновъ переселенцевъ, они указывали на то, что громадная часть площади Сибири—даже если имѣть въ виду одну только культурную ея полосу—занята необитаемыми горными странами, огромными болотами, обширными безводными степями или непроходимыми дебрями тайги и урмановъ, — вообще пространствами, пригодность которыхъ для заселенія возбуждаетъ весьма и весьма сильныя сомнѣнія; что разбросанные среди этихъ необитаемыхъ пространствъ населенные районы, по большей части лентами протянувшіеся вдоль рѣкъ и большихъ дорогъ, сравнительно очень обширны и далеко не всегда привлекательны въ смыслѣ удобствъ для земледѣльческаго хозяйства; что во многихъ изъ этихъ районовъ замѣчаются уже признаки перенаселенія,—конечно, перенаселенія относительнаго, при данномъ экстензивномъ хозяйствѣ,—признаки, заставляющіе относиться къ вопросу о дальнѣйшей колонизаціи этихъ районовъ съ крайнею осторожностью. Предостереженія эти не произвели сколько-нибудь замѣтнаго впечатлѣнія: и въ литературѣ и въ правительственныхъ сферахъ продолжали вѣрить въ возможность широкаго развитія сибирской колонизаціи; но первый же опытъ болѣе широкой постановки послѣдней показалъ невозможность продолжать вести дѣло въ томъ же направленіи. Какъ ни дико звучитъ фраза: „въ Сибири мало земли", — въ Сибири, съ ея 12 милліонами кв. верстъ,—тѣмъ не менѣе пришлось убѣдиться въ томъ, что въ Сибири земли дѣйствительно мало: тѣ 5, 6, можетъ-быть 7 милліоновъ десятинъ, на заселеніе которыхъ можно, въ лучшемъ случаѣ, разсчитывать въ ближайшемъ будущемъ [37]), – это ничего въ сравненіи съ тѣми надеждами, кото-

[37]) Редакція „Сборника", не находя возможнымъ въ чемъ-либо измѣнять статью почтеннаго А. А. Кауфмана, обстоятельно выясняющую условія переселенія въ Сибирь и богатую фактическимъ матеріаломъ, не беретъ на себя отвѣтственности за проводимую авторомъ основную мысль о невозможности широкой постановки переселенія въ Сибирь и тѣмъ менѣе можетъ раздѣлить эту точку зрѣнія, что не видитъ основаній, по которымъ авторъ считаетъ доступными для переселенія въ ближайшемъ будущемъ лишь „5, 6, можетъ-быть 7 милліоновъ десятинъ". *Прим. Редакціи.*

рыя возлагались на Сибирь, ничего въ сравненіи съ тѣмъ количествомъ земли, какое было бы необходимо для дѣйствительно широкой постановки переселенческаго дѣла,— для того, чтобы отливъ переселенцевъ могъ серьезно отразиться на хозяйственной жизни сельскаго населенія Европейской Россіи. Конечно, никому не приходило и не приходитъ въ голову утверждать, чтобы остальная площадь Сибири была *абсолютно* и *навсегда* негодна для заселенія и культуры; напротивъ, многія изъ нынѣшнихъ болотъ несомнѣнно обсохнутъ либо естественнымъ путемъ, либо подъ вліяніемъ искусственныхъ водоотводныхъ сооруженій; обширныя пространства, культурѣ которыхъ препятствуетъ нынѣ чрезмѣрная лѣсистость и связанныя съ нею неблагопріятныя условія—излишняя влажность, морозы и т. п., мало-по-малу обезлѣсятся, а вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнятся въ лучшую сторону и климатическія свойства этихъ пространствъ; мало-по-малу естественнымъ путемъ будетъ происходить выщелачиваніе и созрѣваніе для культуры кислыхъ и солонцеватыхъ почвъ. Но все это процессы, могущіе совершаться лишь медленно и постепенно; медленно же и постепенно будетъ идти расчистка лѣсныхъ дебрей руками старожиловъ Сибири, а частью и переселенцевъ - піонеровъ и обращеніе ихъ подъ культуру. Пригодная для обитанія и культуры площадь будетъ, такимъ образомъ, непрерывно расти, и съ каждымъ годомъ, по всей вѣроятности, можно будетъ намѣчать все новые и новые районы, созрѣвшіе для колонизаціи; но эти районы будутъ, сравнительно, очень невелики, ростъ колонизаціонной площади будетъ очень медленнымъ и никоимъ образомъ не дастъ права разсчитывать на возможность „широкой", т.-е. быстрой колонизаціи края.

Независимо отъ приведенныхъ апріористическихъ или, вѣрнѣе, ариѳметическихъ соображеній, приверженцы оптимистическаго взгляда на будущность сибирскаго переселенія исходили также изъ соображеній, такъ сказать, апостеріорнаго характера: возможность и желательность широкаго развитія переселеній въ будущемъ выводились изъ тѣхъ благопріятныхъ, а нерѣдко, можно сказать, блестящихъ результатовъ, какіе давало переселеніе въ прошедшемъ. И дѣйствительно, переселенцы, водворившіеся въ Тобольской, Томской и Енисейской губерніяхъ въ 50-хъ и 60-хъ годахъ, такъ называемые „старожилы", почти вездѣ, какъ выяснили мѣстныя изслѣдованія, сравнялись, въ смыслѣ благосостоянія и размѣровъ хозяйства, со старожилами, а отдѣльныя группы ихъ даже превзошли этихъ

послѣднихъ (что̀ объясняется, главнымъ образомъ, ихъ большею бережливостью и меньшею, нежели у старожиловъ, привычкою къ внѣшнему комфорту). Относительно болѣе новыхъ поселковъ имѣются, къ сожалѣнію, лишь довольно отрывочныя данныя, и притомъ самыя новѣйшія изъ этихъ данныхъ относятся къ 1893—1894 годамъ; изъ этихъ данныхъ видно, напр., что въ семи основанныхъ въ концѣ 70-хъ годовъ поселкахъ Кокчетавскаго уѣзда, Акмолинской области, въ 1891 году въ среднемъ на дворъ было по 8,4 головы крупнаго скота и по 9 дес. посѣва; въ селеніяхъ Алтайскаго горнаго округа, описанныхъ въ концѣ 80-хъ годовъ г. Чудновскимъ, было въ среднемъ по 4,4 лошади, 4,4 рогатыхъ и 5,4 дес. посѣва; по произведенному мною въ 1894 году сплошному учету переселенцевъ на казенныхъ земляхъ Томской губерніи на дворъ приходилось по 2,5 рабочей лошади, 1,9 дойной коровы и 4,9 дес. посѣва; по сплошному же учету переселенцевъ въ Енисейской губерніи — 4,1 рабочей лошади, 2,2 дойной коровы и 6,9 дес. посѣва. Все это — цифры, не уступающія или лишь немного уступающія соотвѣтственнымъ цифрамъ, характеризующимъ благосостояніе сибирскихъ старожиловъ, и, конечно, далеко превышающія среднія цифры скота и посѣвовъ крестьянъ средне-русскихъ губерній. Если принять въ соображеніе, что значительное большинство переселенцевъ является на новоселье безъ копейки денегъ или съ ничтожными средствами — такъ, по моей регистраціи изъ числа водворенныхъ на казенныхъ земляхъ Томской губерніи переселенцевъ 44% пришли безъ копейки денегъ, 18% принесли не свыше 25 руб., и только 14% принесли съ собою болѣе 100 рублей на семью,—если принять это въ соображеніе, то результаты переселенія придется признать, въ общемъ, вполнѣ благопріятными; при этомъ анализъ статистическихъ данныхъ о благосостояніи переселенцевъ, сгруппированныхъ по годамъ прибытія, показываетъ, что переселенцы весьма быстро становятся на ноги, и уже на четвертый годъ благосостояніе ихъ является, въ среднемъ выводѣ, достаточно упрочившимся. Нельзя, однако, не обратить вниманія на слѣдующее любопытное и, на мой взглядъ, весьма важное обстоятельство: всѣ наблюдатели и большинство изслѣдователей переселенческаго движенія придаютъ рѣшающее значеніе размѣру средствъ, которыми переселенцы располагаютъ для первоначальнаго обзаведенія на новомъ мѣстѣ; литература заключала отсюда о необходимости возможно широкаго кредита переселенцамъ, правительство же пришло къ заключенію о же-

лательности ограничить переселеніе однѣми только болѣе состоятельными семьями. И дѣйствительно: точное изслѣдованіе вопроса, произведенное мною при помощи комбинаціоннаго подсчета, по отношенію къ переселенцамъ Томской губерніи показало, что состоятельныя семьи, при прочихъ равныхъ условіяхъ, устраиваются значительно скорѣе бѣдныхъ и достигаютъ болѣе высокаго благосостоянія, хотя вліяніе размѣра принесенныхъ средствъ въ значительной мѣрѣ уравновѣшивается, а съ теченіемъ времени даже перевѣшивается вліяніемъ другого фактора — рабочей силы домохозяйства. Но выводъ получится совершенно иной, если сравнивать не *абсолютные*, а *относительные* результаты переселенія, — если задаться вопросомъ, *что выигрываютъ* переселенцы различныхъ по размѣрамъ благосостоянія группъ? — Среди переселенцевъ, какъ доказано цифрами, преобладаютъ среднесостоятельныя семьи—болѣе состоятельнымъ, вообще говоря, нѣтъ особаго побужденія переселяться, а круглая бѣднота не располагаетъ нужными для того средствами; но значительный процентъ среди переселенцевъ составляютъ все-же вовсе неимущія семьи, идущія въ разсчетѣ на „Христово имя" или на казенныя „способія", а не мало и состоятельныхъ, даже богатыхъ переселенцевъ. И вотъ, профессоромъ Исаевымъ еще въ 1891 году было подмѣчено, что „съ деньгами жизнь можетъ быть обставлена съ бо̀льшими удобствами въ Россіи, нежели въ Сибири"; „кто имѣетъ,—говоритъ далѣе г. Исаевъ,—въ Курской, Воронежской, Харьковской губерніяхъ 1 — 2 десятины, тотъ чрезвычайно выиграетъ отъ переселенія, кто же имѣетъ 10 десятинъ, тотъ не выиграетъ или не много выиграетъ отъ переселенія въ Сибирь на 15-десятинный надѣлъ". Это будетъ становиться тѣмъ болѣе очевиднымъ, чѣмъ больше будутъ развиваться переселенія,—и „лѣтъ черезъ десятокъ,— думаетъ г. Исаевъ,—крестьяне значительнаго достатка вовсе не будутъ идти въ Сибирь" [38]). На основаніи цифроваго матеріала, добытаго мною въ поселкахъ Томской губерніи, я, со своей стороны, долженъ всецѣло присоединиться къ этой мысли, пользующейся—замѣчу вскользь—полнымъ правомъ гражданства среди осѣвшихъ уже и обжившихся на новосельѣ переселенцевъ. Въ самомъ дѣлѣ, группируя томскихъ переселенцевъ по размѣрамъ ихъ посѣва на родинѣ и сравнивая для каждой группы данныя о числѣ скота и размѣрахъ посѣвной площади на родинѣ и на новосельѣ, мы видимъ, напр.,

[38]) Назв. соч., стр. 117.

что дворы, на родинѣ вовсе не сѣявшіе хлѣба, въ Сибири имѣютъ по 1,7 лошади и 2,8 дес. посѣва; дворы, засѣвавшіе отъ 1 до 3-хъ десятинъ, имѣютъ на новосельѣ, въ среднемъ, почти вдвое болѣе рабочаго скота и посѣвовъ, чѣмъ имѣли на родинѣ; напротивъ, уже дворы, засѣвавшіе на родинѣ отъ 5 до 8 десятинъ, почти не показываютъ въ Сибири никакого прироста благосостоянія, а дворы высшей по благосостоянію на родинѣ группы, засѣвавшіе свыше 8 десятинъ, имѣютъ, въ среднемъ, лишь такое же количество рабочаго скота, посѣвовъ же почти на 3 дес. *менѣе,* нежели имѣли на родинѣ. Другими словами, переселенцы, говоря вообще, въ тѣмъ большемъ выигрышѣ отъ переселенія, чѣмъ хуже было ихъ положеніе на родинѣ; для тѣхъ же переселенцевъ, которые на родинѣ имѣли сравнительно большое хозяйство, переселеніе, если даже принимать во вниманіе однѣ лишь абсолютныя цифры, оставляя безъ вниманія различное значеніе десятины посѣва въ навозномъ трехпольѣ и въ сибирскомъ залежномъ хозяйствѣ, различное значеніе лошади при „россійской“ одноконной сохѣ и при сибирскомъ пароконномъ сабанѣ,—приноситъ чистый убытокъ.

Я долженъ былъ нѣсколько отклониться отъ нити моего изложенія. Возвращаясь теперь къ вопросу объ *общихъ* результатахъ переселенія для уже водворившихся въ Сибири переселенцевъ, нельзя не признать ихъ достаточно благопріятными, хотя болѣе детальный анализъ показалъ бы необходимость внести въ это общее заключеніе нѣкоторыя существенныя поправки. Но тѣ данныя, на основаніи которыхъ можно придти къ благопріятному заключенію относительно положенія уже живущихъ въ Сибири, слѣдовательно, *прибывшихъ ранѣе* переселенцевъ, не даютъ никакого права на подобное же заключеніе относительно *нынѣшнихъ,* а тѣмъ болѣе — *будущихъ* переселенцевъ. Переселенцы, прибывшіе ранѣе, водворялись въ старожильскихъ ли селеніяхъ или на особыхъ участкахъ,—но во всякомъ случаѣ въ тѣхъ же самыхъ, сравнительно незначительныхъ по площади районахъ, гдѣ расположилось старожилое населеніе Сибири. Но эти районы, это—*лучшія* по климатическимъ и почвеннымъ условіямъ части края; поселяясь здѣсь, переселенцы имѣли у старожиловъ хорошіе заработки: за три-четыре недѣли страды можно было обезпечить себя хлѣбомъ на цѣлый годъ; они получали въ пользованіе или въ надѣлъ землю, не требовавшую, для обращенія подъ культуру, предварительной расчистки, а для первыхъ посѣвовъ очень часто могли воспользоваться, даромъ или за ничтожную плату, „мягкими“ землями,

ранѣе бывшими подъ распашками старожиловъ; въ видѣ общаго правила, они пользовались у послѣднихъ и кредитомъ, на сравнительно льготныхъ условіяхъ, что̀, конечно, также значительно облегчало ихъ обзаведеніе. Въ настоящее время колонизація *этихъ* районовъ, вообще говоря, закончена; переселенцамъ приходится водворяться въ гораздо худшихъ по почвеннымъ и особенно климатическимъ условіямъ мѣстностяхъ, главнымъ образомъ въ маловодныхъ степяхъ или среди таёжныхъ и урманныхъ пространствъ; въ послѣднемъ случаѣ каждый клочекъ пашни или покоса достается переселенцу лишь цѣною тяжелаго труда, затраченнаго на рубку и корчеваніе лѣса, да и самый подъемъ цѣлины нерѣдко оказывается непосильнымъ для хозяйственно-слабаго переселенца. Имъ приходится водворяться, притомъ, все дальше и дальше отъ центровъ населенности, а потому имъ становится все труднѣе обезпечить себя необходимыми на первое время, до полученія урожая отъ собственнаго посѣва, заработками, становится все труднѣе пріобрѣтать предметы, нужные для обзаведенія хозяйствомъ. Поэтому и конечный результатъ переселенія становится все болѣе и болѣе проблематическимъ,—все труднѣе и труднѣе становится обзавестись хозяйствомъ, и это послѣднее все болѣе и болѣе страдаетъ отъ всякихъ неблагопріятныхъ случайностей.

Возрастающая рискованность переселеній доказывается уже отчасти учащеніемъ вторичныхъ переселеній — переходовъ переселенцевъ съ одного мѣста на другое. Переходы эти бывали всегда и въ значительной мѣрѣ объяснялись: отчасти, — какъ было указано выше, — чрезмѣрною притязательностью самихъ переселенцевъ, отчасти—неорганизованностью переселеній, благодаря которой переселенцы очень часто попадали на участки, не соотвѣтствующіе ихъ потребностямъ и вкусамъ, и лишь впослѣдствіи узнавали о существованіи болѣе для нихъ подходящихъ мѣстъ. Но въ послѣднее время переходы уже слишкомъ учащаются: такъ, среди переселенцевъ, водворившихся на казенныхъ земляхъ Томской губерніи съ 1880 по 1889 годъ, переселенцы, успѣвшіе разъ или болѣе перемѣнить мѣсто жительства, составляли всего 9,6%; въ 1890 году они составляли 17,8%; въ 1891 г.—22,2%; въ 1892 г.—23,6%; 1893 г.—27,5%; внутри Алтайскаго горнаго округа, этого переселенческаго Эльдорадо, за 1889—1892 гг. перешло съ мѣста на мѣсто 22½ тысячи человѣкъ. Въ самые послѣдніе годы переходы, повидимому, еще участились, такъ что понадобилось издать особый законъ, въ силу котораго переселенцы, самовольно оставившіе отведенные имъ

участки, лишаются права на надѣленіе другими казенными землями. И такое учащеніе переходовъ несомнѣнно свидѣтельствуетъ о томъ, что всѣ лучшія по естественнымъ и хозяйственнымъ условіямъ мѣста уже заняты, и что переселенцамъ все чаще приходится осѣдать на участкахъ, которые оказываются несоотвѣтствующими ихъ ожиданіямъ. — Но еще болѣе неопровержимымъ доказательствомъ возрастающей рискованности переселеній, какъ результата ухудшающихся условій водворенія, является растущее въ ужасающей прогрессіи обратное переселеніе: съ 1885 по 1893 годъ въ Европейскую Россію вернулось изъ Сибири всего 2,302 семьи, или около 13 тысячъ душъ—3,6% общаго числа прошедшихъ въ Сибирь за тотъ же періодъ переселенцевъ; между тѣмъ, если взять послѣдніе два года, то окажется, что въ одномъ только 1896 году число обратныхъ опредѣлилось уже въ 26 тысячъ душъ, или около 13%, въ 1897 году — приблизительно въ 23 тыс. душъ, что̀ по отношенію къ ненормально-малому размѣру движенія въ Сибирь за тотъ же годъ составляетъ почти 40%! Въ отдѣльныхъ случаяхъ обратное переселеніе, несомнѣнно, объясняется такими причинами, какъ тоска по родинѣ, неумѣніе сразу приспособиться къ новымъ природнымъ и хозяйственнымъ условіямъ, всякими случайными обстоятельствами; но въ *массѣ* случаевъ обратное переселеніе—несомнѣнный показатель возрастающей трудности отысканія подходящаго мѣста для поселенія и необходимыхъ для прочнаго обзаведенія условій. Не нужно быть пророкомъ, чтобы утверждать, что обратное переселеніе будетъ расти и впредь, до тѣхъ поръ, пока наплывъ въ Сибирь переселенцевъ не сократится до размѣра, соотвѣтствующаго *дѣйствительный*, очень незначительной и медленно растущей емкости страны. А такое сокращеніе произойдетъ неизбѣжно, потому что разсказы и самый внѣшній видъ обратныхъ переселенцевъ, большею частію до-тла разоренныхъ, все потерявшихъ на родинѣ и ничего не нашедшихъ на новосельѣ, лучше, нежели какія-нибудь правительственныя мѣры, лучше, нежели всякія книжки, убѣдятъ переживающее кризисъ крестьянство, что въ переселеніи для него нѣтъ спасенія. Въ частности, не безъ вліянія будетъ здѣсь слѣдующее обстоятельство: при нынѣшнихъ, охарактеризованныхъ уже выше, условіяхъ переселенія—при трудности обращенія дѣвственной земли подъ культуру и невозможности разсчитывать на достаточные сторонніе заработки—гораздо большее, чѣмъ прежде, значеніе пріобрѣтаетъ вопросъ о степени обезпеченности переселенцевъ денежными сред-

ствами: *прежде* могъ переселяться и дѣйствительно переселялся и круглый бѣднякъ, которому нечего было терять отъ переселенія, но который все могъ выиграть, при удачѣ; *теперь*—и крестьянство скоро это сознаетъ—для круглаго бѣдняка нѣтъ или скоро не будетъ мѣста среди переселенцевъ, — онъ и въ Сибири останется тѣмъ же пролетаріемъ, какимъ былъ на родинѣ; нельзя будетъ переселяться и той средне-состоятельной массѣ, у которой хватало денегъ только на дорогу и которая приходила на новоселье безъ гроша или съ нѣсколькими рублями. Разсчитывать устроиться при *нынѣшнихъ* условіяхъ можетъ только семья болѣе или менѣе состоятельная; но для такой семьи—повторяю слова проф. Исаева—жизнь можетъ быть обставлена бо̀льшими удобствами въ Россіи, нежели въ Сибири,—такія семьи поэтому никогда не дадутъ значительнаго контингента переселяющихся.

Конечный выводъ изъ всего изложеннаго таковъ, что думать о широкомъ развитіи переселенія въ Сибирь безусловно нельзя; что переселеніе, силою вещей, осуждено возвратиться къ прежнимъ ничтожнымъ размѣрамъ, а можетъ - быть временно и вовсе прекратиться; и что всякія дальнѣйшія мѣры, направленныя къ широкому развитію переселенія, другими словами—къ увеличенію числа переселяющихся, повели бы только къ увеличенію той массы горя и разоренія, которая находитъ себѣ рельефное выраженіе въ обратномъ переселеніи. Но Сибирь въ настоящее время представляется важнѣйшимъ и крупнѣйшимъ изъ доступныхъ еще для переселенческаго движенія районовъ. Колонизація юго-восточныхъ степей, Предкавказья болѣе или менѣе закончена, средне-азіатскія же области, повидимому, лишь на ничтожныхъ протяженіяхъ представляютъ условія, благопріятныя для развитія колонизаціи; притомъ заселеніе ихъ русскими переселенцами въ значительной мѣрѣ затрудняется неумѣніемъ послѣднихъ примѣняться къ своеобразнымъ пріемамъ мѣстной земледѣльческой техники. Сказать, что переселеніе *въ Сибирь* не можетъ расчитывать на широкое развитіе, значитъ, поэтому, сказать то же самое о *всемъ вообще* русскомъ переселенческомъ движеніи.

Возможную роль въ народномъ хозяйствѣ, подобномъ русскому, широко поставленнаго переселенческаго движенія можно представлять себѣ весьма различно: я лично склоненъ думать, что даже въ этомъ случаѣ переселеніе было бы не болѣе, нежели жалкимъ палліативомъ, отвлекающимъ средствомъ, способнымъ только задержать нормальный и неизбѣжный ходъ хо-

зяйственнаго и культурнаго развитія страны и растянуть на болѣе продолжительное время совершающійся здѣсь кризисъ,—средствомъ, до нѣкоторой степени полезнымъ лишь при одновременномъ примѣненіи къ уврачеванію страданій народнаго хозяйственнаго организма, въ широкомъ масштабѣ, другихъ, болѣе радикальныхъ средствъ; въ литературѣ несомнѣнно господствуетъ иной, болѣе оптимистическій взглядъ. Но при выясненномъ на предыдущихъ страницахъ положеніи дѣлъ, когда размѣры переселенія не могутъ выйти изъ такихъ ничтожныхъ цифръ, какъ 100 или хотя бы 200 тысячъ въ годъ, когда, слѣдовательно, ежегодное выселеніе изъ Европейской Россіи можетъ поглотить лишь небольшую дробь годичнаго прироста ея стомилліоннаго населенія, при *такомъ* положеніи дѣлъ переселеніе, оказывая иногда ощутительное вліяніе на ту или другую общину, волость, изрѣдка, можетъ-быть, на уѣздъ, откуда уходитъ на новыя мѣста замѣтная часть населенія, представляетъ собою *нуль*, quantité négligeable съ точки зрѣнія возможнаго вліянія на общій ходъ русскаго народнаго хозяйства. Оно безсильно стать *факторомъ* развитія русскаго народнаго хозяйства, а остается лишь болѣзненнымъ *симптомомъ* его ненормальнаго положенія,—наружнымъ страданіемъ, происходящимъ отъ глубокихъ внутреннихъ причинъ.

А. А. Кауфманъ,
дѣйствительный членъ
Московск. Юридическаго Общества.

МОСКОВСКОЕ ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

въ 1896—97 году

(годъ тридцать четвертый).

Засѣданіе 4 марта 1896 г. (годичное).

Открыто въ $8^1/_2$ час. веч. подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя, почетнаго члена **С. А. Муромцева**, при секретарѣ **М. Н. Соболевѣ**, въ присутствіи почетнаго члена **А. И. Чупрова** и дѣйствительныхъ членовъ: **С. Г. Зимарева, Н. В. Троицкаго, В. О. Ильина, И. И. Флоринскаго, В. А. Долячко, Д. Н. Загоскина, В. П. Юргенсонъ, А. К. фонъ-Меккъ, В. В. Сиротинина, В. В. Пржевальскаго, А. М. Краевскаго, Н. Я. Фрейндъ, Ѳ. Ѳ. Кокошкина, В. Н. Вольтманъ, Г. С. Фельдштейнъ, И. Д. Новикъ, Н. А. Зачинскаго, А. В. Горбунова, А. А. Раевскаго, Л. Н. Раевскаго, А. Э. Ворисъ, В. В. Выховскаго, П. М. Богаевскаго, С. А. Лилина, А. В. Розенблюмъ, Г. Л. Вербловскаго, И. Д. Корженевскаго, Н. А. Карышева, Н. А. Каблукова, С. Е. Сабинина, Л. Е. Мандельштамъ, И. М. Тэріанъ, С. Ф. Руднева, Л. Д. Синицкаго, Е. Д. Синицкаго, С. Н. Булгакова, М. И. Брунъ, Т. А. Ясакова, А. Г. Гусакова, П. И. Бѣляева, В. Н. Григорьева, И. П. Боголѣпова, М. С. Гольденвейзеръ, М. Я. Герценштейнъ, Н. А. Вокачъ и В. Н. Сторожева.**

I.

Засѣданіе было открыто слѣдующей рѣчью Предсѣдателя:

Мм. Гг.! Мы провожаемъ сегодня 33-й годъ существованія нашего Общества. Въ исторіи его годъ этотъ долженъ быть отмѣченъ во многихъ отношеніяхъ. Это былъ годъ тяжелыхъ потерь; но также это было время оживленной дѣятельности. При самомъ открытіи нашихъ занятій мы внесли въ свои протоколы извѣстіе о кончинѣ почетнаго члена Общества *Дм. Ал. Ровинскаго*, труды и личность котораго

дороги намъ по своему близкому и плодотворному соприкосновенію съ дѣломъ судебной реформы, а научныя заслуги въ области исторіи искусства не могли не вызывать высокаго уваженія къ таланту, столь разностороннему. Въ половинѣ года мы похоронили *А. М. Фальковскаго*, живого носителя старѣйшихъ преданій нашего Общества, личное общеніе котораго съ Обществомъ было прервано лишь его предсмертною болѣзнью. Послѣ Вас. Ник. Лешкова, который всю душу свою положилъ на дѣло Общества, не было среди насъ человѣка, жизнь котораго связывалась бы такъ тѣсно съ жизнью Общества, какъ жизнь Адама Михайловича. Постоянный посѣтитель нашихъ собраній, неизмѣнный участникъ преній, когда-то усердный редакторъ Юридическаго Вѣстника, предоставившій на его изданіе немалыя матеріальныя средства, А. М. являлъ собою почтенный примѣръ человѣка, который до преклонныхъ лѣтъ своей жизни сумѣлъ вносить черты идеализма въ наиболѣе сухія проявленія практической дѣятельности. Со смертью А. М. мы, Мм. Гг., какъ бы порвали послѣдню личную связь съ древнѣйшимъ періодомъ нашего Общества, который отошелъ всецѣло въ область преданій. На тѣ же мысли невольно навела насъ кончина *А. Ф. Маркснета*, когда-то также дѣятельнаго работника въ Обществѣ и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ бывшаго библіотекаремъ Общества. Наконецъ, въ послѣдніе дни, Мм. Гг., мы находимся подъ впечатлѣніемъ той незамѣнимой потери, которую Москва понесла въ лицѣ *Эспера Николаевича Сумбула*. Непосредственныя отношенія покойнаго къ нашему Обществу принадлежатъ первымъ годамъ его существованія. Э. Н. былъ первымъ секретаремъ и однимъ изъ первыхъ товарищей предсѣдателя Общества. Но независимо отъ этихъ отношеній, Общество не можетъ остаться чуждымъ къ той глубокой скорби, которую при извѣстіи о кончинѣ Э. Н. испытали всѣ, кому дороги интересы русскаго правосудія. Покойный принадлежалъ къ числу рѣдкихъ людей, способныхъ безкорыстно и сердечно отдавать всего себя общественному служенію. Историческая жизнь учрежденій есть не что иное, какъ постоянная смѣна лицъ, которыя приходятъ и уходятъ, не всегда оставляя послѣ себя замѣтный индивидуальный слѣдъ. Но бываютъ въ исторіи учрежденій времена, когда представленіе объ учрежденіи какъ бы сливается съ представленіемъ объ извѣстной личности и въ этой личности какъ бы воплощается въ лучшихъ своихъ чертахъ самая идея учрежденія. Такою благородною личностью въ исторіи Московскаго суда былъ Сумбулъ. Его имя само собою сдѣлалось какъ бы синонимомъ законности, справедливости и безпристрастія и той высшей неподкупности, которая не поддается вліянію постороннихъ соображеній, хотя бы самаго отвлеченнаго свойства. Владѣя

въ высокой степени даромъ юридическаго анализа, Сумбулъ сумѣлъ нестройную массу дѣйствующихъ узаконеній самостоятельно переработать въ своемъ умѣ въ стройную правовую систему, съ высоты судейскаго кресла водворяя такимъ образомъ уваженіе не къ буквѣ, но къ разуму закона. Немало рѣшеній принципіальнаго характера было провозглашено предсѣдателемъ VI отдѣленія Московскаго окружнаго суда и стало потомъ руководящими рѣшеніями всей русской судебной практики. Не сухое юридическое изслѣдованіе, не упражненіе въ юридической логикѣ представляла собою судейская дѣятельность Сумбула. Сердце судьи, чуткое къ нуждамъ гражданской жизни и умѣвшее болѣть при видѣ людской несправедливости, направило и умъ его на соотвѣтствующій путь, на которомъ законъ служилъ живымъ элементомъ правового порядка, источникомъ защиты праваго противъ виноватаго. Въ судейской совѣсти Сумбула законъ не приносился въ жертву свободному пониманію справедливости, но въ то же время съ необыкновеннымъ тактомъ логическая формула закона одухотворялась житейскою правдою, и законъ, не измѣняя самому себѣ, служилъ справедливости; только предъ категорически-формальнымъ требованіемъ законодателя отступала у Сумбула свобода судейскаго убѣжденія. Это былъ формализмъ, но тотъ высшій формализмъ, который, не оскорбляя принципа суда милостиваго, на почвѣ сознательно-продуманнаго и неукоснительного подчиненія закону, способствуетъ созданію ореола законности. Съ сказаннымъ вполнѣ согласовалось, что ни законъ, ни справедливость не приносились никогда въ жертву авторитету, какъ бы внушителенъ этотъ авторитетъ ни казался,—только потому, что это авторитетъ. Для судейскаго мышленія Сумбула и для его судейской совѣсти никакихъ авторитетовъ, способныхъ стѣснить его самостоятельность, не существовало, и вотъ почему онъ самъ сталъ авторитетомъ для другихъ. Каждый чувствовалъ и зналъ, что въ лицѣ Сумбула московскій судебный міръ владѣетъ однимъ изъ благороднѣйшихъ представителей того времени, когда только-что раздался призывъ суда праваго и милостиваго, когда водвореніе правосудія для судьи было не только выполненіемъ гражданскаго долга, но и требованіемъ его личнаго, идеалистическаго отношенія къ окружающему. Судья-законникъ и въ то же время судья-защитникъ, судья нелицемѣрный, сдержанно-ровный въ обхожденіи съ богатымъ и бѣднымъ, знатнымъ и незнатнымъ, въ высшей степени внимательный и неутомимый, никогда не щадившій себя, всегда спокойный, безпристрастный, самостоятельный и независимый — таковъ былъ *Эсперъ Николаевичъ Сумбулъ* и такимъ останется онъ навсегда въ нашей памяти....

Жизнь беретъ верхъ надъ смертью и печальныя воспоминанія чередуются съ воспоминаніями радостными. Заключая истекшій годъ, мы имѣемъ основаніе съ удовольствіемъ припомнить, что въ этомъ году дѣятельность Общества получила новый толчекъ и отличалась оживленіемъ, отъ котораго въ послѣднее время мы, можетъ быть, нѣсколько отвыкли. Сказался приливъ новыхъ силъ, отразившихъ въ своихъ работахъ современное состояніе общественныхъ и юридическихъ наукъ, и вновь наше Общество сослужило свою коренную службу, способствуя сближенію начинающихъ работниковъ, съ разныхъ сторонъ сходящихся здѣсь и со всѣмъ одушевленіемъ неофита отдающихъ себя научной дѣятельности. Наблюдается наступленіе третьяго періода въ исторіи нашего Общества: третье по счету поколѣніе заявляетъ о своихъ правахъ и уже призывается къ отвѣтственности за сохраненіе добраго имени Общества, за будущіе его успѣхи, за удержаніе въ немъ благородныхъ традицій, основаніе которыхъ заложено въ Обществѣ съ самой эпохи его возникновенія. Примите же, Мм. Гг., поздравленіе съ окончаніемъ года, который былъ проведенъ въ дружной и оживленной работѣ и достаточно засвидѣтельствовалъ о готовности Вашей серьезно послужить нашему общему дѣлу. Особое спасибо скажемъ тѣмъ изъ своей среды, служеніе которыхъ Обществу считается уже многими годами.... Но и тамъ, гдѣ характеръ связи, соединяющей нашихъ сочленовъ съ Обществомъ, не открывалъ возможности для фактической службы ихъ, не безъ основанія дорожили мы идеальною связью, которая, не выражаясь ярко во внѣ, тѣмъ не менѣе расширяетъ кругъ вліянія Общества. Новые приходятъ, а пришедшимъ ранѣе доводится уже время отъ времени оглядываться на пройденный путь и подсчитывать результаты своей прошлой дѣятельности. Въ истекшемъ году мы начали свои занятія привѣтствіемъ, посланнымъ по адресу нашего почетнаго члена *А. Ф. Кони* по случаю исполнившагося 30-тилѣтія его высокоталантливой ученой и судебной дѣятельности, съ пожеланіемъ многіе годы видѣть его среди работниковъ научной мысли и русскаго правосудія. Юбиляръ, который отсутствовалъ въ это время изъ С.-Петербурга, отозвался на привѣтствіе, по своемъ возвращеніи, письмомъ. „Хотя я и не праздновалъ своего юбилея“, писалъ онъ, „тѣмъ не менѣе изъ разныхъ уголковъ Россіи я получилъ привѣтствія и пожеланія, указывающія на то, что между общественною потребностью въ элементарномъ правосудіи и моею слабою дѣятельностью есть маленькая связь. „Излишне говорить“, продолжаетъ онъ, „какъ ободряетъ это сознаніе, какъ награждаетъ оно за пережитыя минуты труда и тревоги. Излишне говорить и о томъ, что откликъ Юридическаго Общества

стоитъ въ ряду этихъ пожеланій на первомъ мѣстѣ". Отъ имени Московскаго Юридическаго Общества въ январѣ текущаго года было принесено поздравленіе почетному члену Общества *Н. И. Стояновскому* съ исполнившимся 75-лѣтіемъ его жизни, протекшей столь плодотворно для родины и ознаменованной постояннымъ и неуклоннымъ служеніемъ началамъ гуманности и законности. Имя Ник. Ив. Стояновскаго одинаково связано и съ воспоминаніями о великой судебной реформѣ, и съ надеждой на преуспѣяніе отечественнаго законодательства въ будущемъ.—Въ истекшемъ 1895 году исполнилось 25 лѣтъ общественной службы *В. М. Пржевальскаго*, бывшаго много лѣтъ товарищемъ предсѣдателя Общества и еще болѣе—редакторомъ „Юридическаго Вѣстника". Дѣятельность В. М. въ качествѣ товарища предсѣдателя и участника коммиссій оставила по себѣ видимый слѣдъ въ протоколахъ Общества, изъ чтенія которыхъ легко убѣдиться, что В. М. въ обсужденіе интересовавшихъ его вопросовъ всегда вносилъ ту живость мысли, которая такъ характеризуетъ его въ его разносторонней общественной дѣятельности. Искусное сочетаніе теоретическихъ свѣдѣній съ опытностью практическаго юриста дѣлало изъ В. М., для редакціи „Юридическаго Вѣстника", неоцѣненнаго сотрудника, въ особенности по тѣмъ отдѣламъ журнала, которые были посвящены практическимъ интересамъ жизни.—Юбилей *А. И. Чупрова*, отпразднованный 5 декабря, былъ настоящимъ праздникомъ Московскаго образованнаго общества. Въ хорѣ привѣтствій, которыя въ этотъ день были высказаны юбиляру отъ имени науки, отъ лица профессоровъ-товарищей и студентовъ-учениковъ, отъ города и земства, мы, отъ имени Московскаго Юридическаго Общества, привѣтствовали А. И. какъ ученаго, постоянно вносившаго философскій элементъ въ разработку избранной имъ отрасли общественныхъ знаній, какъ одного изъ учредителей нашего Статистическаго Отдѣленія, подъ руководствомъ котораго это Отдѣленіе сдѣлалось живымъ центромъ русской земской статистики и своею широкою и плодотворною дѣятельностью способствовало возвышенію авторитета и значенія Юридическаго Общества. Мы привѣтствовали, наконецъ, широкую общественную дѣятельность А. И., которая снискала ему въ сердцахъ москвичей рѣдкую любовь и уваженіе и создала популярность, восторженныя проявленія которой наблюдали всѣ тѣ, кто присутствовалъ на праздникѣ 5 декабря.

Поздравляя Васъ, Мм. Гг., съ наступленіемъ новаго, 34-го года жизни Общества, имѣю честь просить Васъ перейти къ обсужденію очередныхъ дѣлъ, подлежащихъ разсмотрѣнію въ годичномъ засѣданіи.

II.

Секретарь прочелъ нижеслѣдующій отчетъ за 1895—96 годъ.

Милостивые Государи!

Истекшій годъ является 33-мъ годомъ существованія Московскаго Юридическаго Общества. Въ теченіе года было избрано 30 дѣйствительныхъ членовъ и 3 члена-корреспондента. Въ годичномъ засѣданіи 20 февраля 1895 года былъ избранъ въ почетные члены Общества профессоръ университета въ Галле *Іоганнъ Конрадъ*. Въ 1895—96 году Общество понесло потери въ лицѣ скончавшихся почетныхъ членовъ: *Дмитрія Александровича Ровинскаго*, сенатора, *Эспера Николаевича Сумбула*, товарища предсѣдателя Московскаго окружнаго суда, бывшаго секретаремъ и товарищемъ предсѣдателя Юридическаго Общества, и *Адама Михайловича Фальковскаго*, присяжнаго повѣреннаго, бывшаго нѣсколько лѣтъ редакторомъ „Юридическаго Вѣстника“, и дѣйствительныхъ членовъ: *Альберта Любимовича Беренштамъ*, бывшаго члена Московскаго коммерческаго суда, *Александра Ѳедоровича Марконетъ*, присяжнаго повѣреннаго, который выполнялъ втеченіе 1872—79 гг. обязанности библіотекаря Юридическаго Общества. Къ настоящему дню Общество состоитъ изъ 26 почетныхъ членовъ, изъ 287 дѣйствительныхъ членовъ и 7 членовъ-корреспондентовъ; кромѣ того, членскій списокъ Общества украшенъ именами 22 покойныхъ почетныхъ его членовъ.

Втеченіе отчетнаго года имѣли мѣсто 20 засѣданій, на которыхъ были доложены слѣдующія работы гг. членовъ Общества:

1) *В. В. Пржевальскаго*: «Профессоръ Францъ Листъ и его основныя воззрѣнія на преступленіе и наказаніе».

2) *графа Л. А. Камаровскаго:* «О книгѣ Чичерина: Курсъ государственной науки».

3) *Г. Я. Лопатина*: «О недостаткахъ предварительнаго слѣдствія съ практической точки зрѣнія».

4) *И. Н. Миклашевскаго:* «Водное право и водное законодательство въ Россіи».

5) *В. Н. Сторожева*: «Къ вопросу о гарантіяхъ личной свободы въ Англіи» (по поводу изслѣдованія профессора В. Ф. Дерюжинскаго о Habeas Corpus Act).

6) *графа Л. А. Камаровскаго:* «Вторая конференція по частному международному праву въ Гагѣ 1894 г.».

7) *Г. Л. Вербловскаго:* «Къ пересмотру Судебныхъ уставовъ (уставъ гражданскаго судопроизводства)».

8) *И. Х. Озерова:* «Кустарно-промышленный банкъ Пермскаго губернскаго земства».

9) *С. Н. Булгакова:* «Что такое трудовая цѣнность? (по поводу статьи проф. Зомбарта въ Archiv für Sociale Gesetzgebung)».

10) *П. М. Богаевскаго*: «Памяти Фильда».

11) *графа Л. А. Камаровскаго*: «Международное право, какъ предметъ самообразованія».

12) *С. В. Сперанскаго:* «Труды правительственной коммиссіи по реформѣ дѣйствующаго законодательства о призрѣніи бѣдныхъ».

13) *А. С. Алексѣева*: «Возникновеніе Верховнаго Тайнаго Совѣта и его политическая роль въ царствованіе Екатерины».

14) *Н. В. Водовозова:* «Ученіе Мальтуса о народонаселеніи».

15) *И. Н. Миклашевскаго*: «Новый проектъ закона о пользованіи оросительными водами въ Крыму».

16) *Г. С. Фельдштейна:* «Первый выпускъ трудовъ Международнаго Общества сравнительнаго правовѣдѣнія и политической экономіи въ Берлинѣ».

17) *графа Л. А. Камаровскаго:* «Съѣздъ института международнаго права въ 1895 г.».

18) *В. Э. Дена:* «Прямые налоги въ Пруссіи и Австріи, ихъ взиманіе и взысканіе».

19) *С. А. Муромцева*: «Къ вопросу о возникновеніи юридическаго лица въ примѣненіи къ поземельной общинѣ».

20) *П. Е. Казанскаго*: «Всемірный каталогъ и международный библіографическій союзъ».

Согласно постановленію годичнаго засѣданія 18 февраля 1893 г., Московское Юридическое Общество продолжало издавать «Сборникъ правовѣдѣнія и общественныхъ знаній», котораго вышли V-ый и VI-й томы.

Московское Архитектурное Общество обратилось къ Юридическому Обществу съ просьбой оказать ему содѣйствіе въ разработкѣ вопроса объ авторскомъ правѣ зодчаго на его произведенія. Присяжные засѣдатели октябрьской сессіи 1895 г. Московскаго Окружного суда обратились къ Обществу съ просьбой поставить на обсужденіе и, если возможно, возбудить ходатайство о скорѣйшемъ измѣненіи порядка предварительнаго заключенія.

Бюро Московскаго Юридическаго Общества состояло въ истекшемъ году изъ слѣдующихъ лицъ: предсѣдателя *С. А. Муромцева*, товарищей предсѣдателя графа *Л. А. Камаровскаго* и *Г. Л. Вербловскаго*, секретаря *М. И. Соболева*, товарищей секретаря *В. В. Пржевальскаго* и *Ѳ. Ѳ. Кокошкина*, библіотекаря *А. Э. Вормса* и казначея *В. В. Сиротинина*.

III.

Секретарь Статистическаго Отдѣленія прочелъ нижеслѣдующій отчетъ Статистическаго отдѣленія за 1895 г.

Въ отчетномъ году Статистическое Отдѣленіе имѣло 8 засѣданій, въ которыхъ были сдѣланы слѣдующія сообщенія:

1) *М. Н. Соболева*: «Къ вопросу объ организаціи статистики отхожихъ земледѣльческихъ промысловъ».

2) *Л. Д. Синицкаго* и *Л. Н. Раевскаго*: «Къ вопросу о нищенствѣ въ Москвѣ».

3) *М. Е Земцова*: «Къ вопросу о передвиженіи переселенцевъ въ Сибирь».

4) *С. Ф. Руднева*: «Переселеніе крестьянъ изъ Остзейскаго края во внутреннія губерніи Россіи».

5) *Н. К. Куша*: «Неурожай 1891 года и его послѣдствія въ южной части Тобольской губерніи».

6) *Л. Л. Гавришева*: «Статистическія данныя по вопросу о вліяніи общаго образованія рабочихъ на продуктивность ихъ труда».

7) *г. Новикова:* «Экономическія условія Вятскаго края».

8) *Н. А. Карышева:* «Расходы губернскихъ земствъ на экономическія мѣропріятія».

9) *А. И. Чупрова:* «О трудахъ и дѣятельности Н. Х. Бунге».

Бюро отдѣленія составляли: предсѣдатель *А. И. Чупровъ*, Тов. Предсѣдателя *Н. А. Каблуковъ*, секретарь *В. А. Косинскій* и тов. секретаря *Л. Н. Марессъ*. Но такъ какъ товарищъ секретаря отсутствовалъ по болѣзни въ теченіе почти всего года, а секретарь со второй половины года выбылъ съ научной цѣлью за границу, то исполненіе обязанностей секретаря любезно принялъ на себя во вторую половину года членъ отдѣленія *С. Ф. Рудневъ*.

Въ годичномъ засѣданіи 4 марта 1896 года избраны: Предсѣдателемъ Отдѣленія *А. И. Чупровъ*, Товарищемъ Предсѣдателя *Н. А. Каблуковъ*, Секретаремъ *С. Н. Булгаковъ*, Товарищемъ Секретаря *С. Ф. Рудневъ* и кандидатомъ въ товарищи секретаря *Л. Д. Синицкій*.

IV.

Казначей Общества доложилъ отчетъ о приходѣ и расходѣ денегъ за 1895 г.

ПРИХОДЪ.

	Предполагалось по бюджету.		Въ дѣйствительности.	
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
1. Остается отъ прошлаго года	19	32	19	32
2. Членскіе взносы	1,500	—	1,610	—
3. % по купонамъ	52	25	52	25
4. За выданные дипломы	—	—	3	—
Итого . . .	1,571	57	1,684	57
За вычетомъ расхода			1,674	40
Имѣется въ остаткѣ къ 1 Января 1896 г. . . .			10	17

Въ кассѣ Общества.

Билетами 5% внутренняго второго съ выигр. займа числомъ одиннадцать, №№ $\frac{\text{серіи съ 19816 по 19823,}}{\text{билета 37}}$ № $\frac{08153.}{42}$ № $\frac{19814}{37}$ и № $\frac{01799.}{11}$

на сумму по номинальной цѣнѣ . . . . 1100 р.

(на храненіи въ Моск. Купеч. Банкѣ, квитанція 19 Апрѣля 1888 г., № 36625)

РАСХОДЪ.

Первая категорія.

	Предполагалось по бюджету.		Въ дѣйствительности.	
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
1. Жалованье дѣлопроизводителю . .	120	—	120	—
2. „ старшему служителю .	108	—	108	—
3. Плата врем. наемн. служителямъ .	20	—	13	50
4. Праздничныя	37	—	38	—
5. Страхованіе билетовъ	18	—	20	75
6. Храненіе билетовъ	3	—	2	—
7. Хозяйст. расх. Общ., отд. и коммис.	20	—	6	—
8. Почтовые и канцелярскіе	20	—	20	—
9. Объявленія въ газетахъ	120	—	55	—
10. Вѣнокъ А. М. Фальковскому . . .	—	—	35	—
11. Перевозка библіотеки	—	—	24	15

Вторая категорія.

1. Библіотека Общества	200	—	25	—
2. Пособіе на изданіе Трудовъ Общества остальное за 1893 г.	637	—	637	—
3. Тоже за 1894 г.	570	—	570	—
Итого . . .	1873	—	1674	40

Капиталъ съѣзда юристовъ составлялъ **пятьсотъ** рублей съ процентами 1 марта 1892 г. Послѣ конверсіи и причисленія наросшихъ процентовъ къ капиталу, онъ составляетъ **шестьсотъ** рублей съ процентами съ 1-го марта 1896 г. и остатокъ процентовъ 36 руб. 30 коп.

Отчетъ былъ утвержденъ Обществомъ и отъ имени Общества Г. Предсѣдателемъ была выражена благодарность В. В. Сиротинину за прекрасное веденіе дѣла.

V.

Предсѣдатель Общества доложилъ отчетъ по изданію первыхъ шести томовъ „Сборника Правовѣдѣнія“.

ОТЧЕТЪ

по изданію I, II, III, IV, V и VI томовъ „Сборника Правовѣдѣнія“

	Общая сумма.		Поступило въ 1893 г.		Поступило въ 1894 г.		Поступило въ 1895 г.		Ожидается въ 1896 г.	
	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.
АКТИВЪ.										
1. Пособіе Общества за 1893 г. (по бюджету 1894 г.) . . .	825	—	—	-	188	—	637	—	—	—
2. Пособіе Общества за 1894 г. (по бюджету 1895 г.) . . .	570	—	—	—	—	—	570	—	—	—
3. Пособіе Общества за 1895 г. (по бюджету 1896 г.) . . .	805	—	—	—	-	—	—	—	805	—
4. Пособіе Общества за 1896 г. (предполагаемое)	(800?)	—	-	—	—	—	—	—	(800?)	—
5. Пособіе одного изъ членовъ Общества	2400	—	600	—	600	-	600	—	600	—
6. Тоже	800	—	200	—	200	—	200	—	200	—
7. Тоже	1200	—	300	—	300	—	300	-	300	—
8. Отъ продажи изданія чрезъ канцелярію Общества	122	25	35	50	23	—	33	75	(30?)	—
9. Отъ продажи изданія чрезъ складъ тип. М. Стасюлевича .	1610	—	402	50	367	50	420	—	(420?)	-
	9132	25	1538	—	1678	50	2760	75	3155	—

	Общая сумма.		Уплачено въ 1893 г		Уплачено въ 1894 г.		Уплачено въ 1895 г.		Остается къ уплатѣ.	
	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.
ПАССИВЪ.										
1. Типографіи Стасюлевича за I томъ (24 3/4 л.)	589	35	—	—	589	35	—	—	—	—
2. Тоже за II томъ (25 1/8 л.) . .	607	55	—	—	339	32	268	23		—
3. Тоже » III » (28 5/8 л.) . .	614	33	—	—	175	-	70		369	33
4. Тоже » IV » (30 3/8 л.) . .	673	95	—	—	35	—	70	—	568	95
5. Тоже » V » (28 3/4 л.) .	644	23	—	—	—	-	70	-	574	23
5. Тоже » VI » (30 л.) . . .	(675?)	—	—	—	—	—	—	—	(675?)	—
7. За бумагу для I тома. . .	168	—	168	—	—	-	—	—	—	—
8. Тоже » II » . . .	102	—	102	—	—	-	—	—	—	—
9. Тоже » III » . . .	108	—	—	—	108	-	—	—	—	—
10. Тоже » IV » . .	120	—	—	—	—	—	120	—	—	—
11. Тоже » V » . . .	120	—	—	—	—	-	120	—	—	—
12. Тоже » VI » . . .	(120?)		—	—	—	-	—	—	(120?)	-
13. Гонораръ за I томъ.	187	50	187	50	—	-	—	—	—	—
14. Тоже » II »	680	—	506	—	65	—	109	—	—	—
15. Тоже » III »	758	—	—	—	663	—	95		—	—
16. Тоже » IV »	642	25	—	—	121	50	520	75	—	—
17. Тоже » V »	928	50	-	—	—		811	-	117	50
18. Тоже » VI »	(900?)	-	—	—	—	—	—	—	(900?)	—
19. Пересылка изданія и разные другіе расходы.	325	30	144	05	55	23	76	02	50	—
20. Корректура	296	—	110		86	-	50		50	—
21. Объявленія	213	69	—	—	31	05	132	64	50	—
Итого. . . .	9473	65	1217	55	2268	45	2512	64	3475	01

Примѣчаніе: Въ графѣ за 1894 г. показаны поступленія и расходы по 6 февраля 1895 г.; въ графѣ за 1895 г. показаны поступленія и расходы по 15 января 1896 г.

При этомъ Предсѣдатель предложилъ Обществу сдѣлать слѣдующія постановленія: 1) вести счетъ по изданію первыхъ 6 томовъ отдѣльно и признать его законченнымъ. 2) Съ VII го тома начать новый счетъ, выпустить этотъ томъ къ 1 января 1897 года и издать его за счетъ поступленій 1897 года. 3) Уполномочить бюро приглашать, для содѣйствія ему въ редакціи «Сборника Правовѣдѣнія», нѣкоторыхъ изъ Членовъ Общества въ качествѣ членовъ редакціи.

Всѣ эти предложенія приняты Обществомъ безъ возраженій.

VI.

Предсѣдатель доложилъ бюджетъ на 1896 годъ:

ПРИХОДЪ.

	Руб.	Коп.
1. Остатокъ отъ прошлаго года	10	17
2. Членскіе взносы.	1,600	—
3. $^0/_0$ по купонамъ 11-ти билетовъ	52	25
4. За дипломы	—	—
Итого . . .	1,662	42
За вычетомъ предполагаемаго расхода	1,471	—
Остатокъ.	191	42

РАСХОДЪ.

Первая категорія.

	Руб.	Коп.
1. Жалованье дѣлопроизводителю	120	—
2. „ ст. служителю	108	—
3. Плата временно наемнымъ служителямъ . . .	20	—
4. Праздничныя	37	—
5. Страхованіе билетовъ	18	—
6. Храненіе билетовъ	3	—
7. Хозяйств. расх. Общества, отдѣл. и коммис .	20	—
8. Почтовые и канцелярскіе расходы	20	—
9. Объявленія въ газетахъ.	120	—

Вторая категорія.

	Руб.	Коп.
1. Библіотека Общества.	200	—
2. На изданіе трудовъ Общества въ размѣрѣ половины взносовъ, поступив. въ 1895 г. . . .	805	—
Итого. . .	1,471	

Бюджетъ былъ Обществомъ принятъ.

VII.

Библіотекарь доложилъ отчетъ по состоянію библіотеки Юридическаго Общества:

За истекшій отчетный годъ въ библіотеку Общества поступило и занесено въ инвентарный каталогъ всего 113 названій въ 235

томахъ, изъ нихъ юридическаго содержанія были 30 названій въ 49 томахъ, остальныя изданія (83 названія въ 186 томахъ) статистическія. Сверхъ того, за отчетный годъ поступила въ Общество пожертвованная *К. Д. Анциферовымъ* библіотека, содержащая въ себѣ около 1000 томовъ, почти исключительно юридическаго содержанія, на русскомъ языкѣ. Около 100 названій относятся къ сочиненіямъ по обществовѣдѣнію и соціологіи. Бо́льшая часть библіотеки помѣщена въ особомъ шкапу съ надписью «Библіотека К. Д. Анциферова», часть-же книгъ размѣщена въ остальныхъ шкапахъ. Книги занесены въ инвентарный списокъ по *карточной системѣ*, къ которой слѣдуетъ вообще перейти въ виду возрастающаго числа книгъ въ библіотекѣ. Привести въ извѣстность составъ библіотеки и зарегистрировать его въ истекшемъ году не удалось, несмотря на то, что Обществомъ были ассигнованы необходимыя средства, такъ какъ самое помѣщеніе библіотеки фактически не дозволяетъ разборки и пересмотра книгъ.

Подробное ознакомленіе съ составомъ библіотеки убѣдило меня однако въ томъ, что безполезнаго и ненужнаго матеріала въ библіотекѣ весьма мало и что изъ ея состава почти ничего не слѣдуетъ исключать.

При этомъ библіотекарь *А. Э. Вормсъ* возбудилъ вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли ему удовлетворять просьбы иногороднихъ Членовъ о высылкѣ имъ книгъ изъ библіотеки Юридическаго Общества, или же нѣтъ.

М. Н. Соболевъ полагалъ, что, въ виду неаккуратнаго возвращенія книгъ даже московскими Членами Общества, было бы чрезвычайно опасно устанавливать правило о высылкѣ книгъ за предѣлы Москвы. Тогда библіотека теряла бы еще больше книгъ, чѣмъ теперь.

П. М. Богаевскій находилъ, напротивъ, что слѣдуетъ посылать книги и иногороднимъ членамъ Общества.

М. И. Брунъ указалъ при этомъ на болѣе затруднительное положеніе провинціаловъ, лишенныхъ возможности доставать книги.

А. И. Чупровъ высказалъ, что рѣдкія изданія или тѣ, которыя вышли изъ продажи, не должны быть посылаемы иногороднимъ членамъ. Но тѣ книги, которыя могутъ быть возмѣщены, должны посылаться. Тогда и изъ библіотеки извлекалось бы болѣе пользы и, можетъ быть, разрѣшеніе высылать книги въ провинцію привлекло бы даже изъ провинціи новыхъ членовъ въ Общество.

В. В. Пржевальскій предложилъ предоставить библіотекарю рѣшать, слѣдуетъ ли высылать книгу или нѣтъ.

Предсѣдатель предложилъ на голосованіе слѣдующія предложенія: 1) рѣдкія изданія и книги (опредѣленіе такихъ книгъ предо-

ставляется библіотекарю) должны быть изъяты отъ выдачи Членамъ на домъ; 2) книги, не имѣющія характера рѣдкихъ, допускаются къ высылкѣ по почтѣ иногороднимъ Членамъ.

Оба предложенія были приняты Обществомъ.

VIII.

Товарищъ предсѣдателя, *Г. Л. Вербловскій* высказалъ слѣдующее: цѣль нашего Общества—теоретическая и практическая разработка права. Для этого различные юридическіе вопросы обсуждаются въ засѣданіяхъ. Когда было учреждено Юридическое Общество, новый судъ выдвигалъ цѣлый рядъ юридическихъ вопросовъ практики, которые надлежало выяснить. Но, несмотря на 30-лѣтнее существованіе новаго суда, и теперь постоянно возникаютъ въ судебной практикѣ вопросы, требующіе рѣшенія, такъ какъ на нихъ нѣтъ прямого отвѣта въ законодательствѣ. Таковъ, напр., вопросъ о правѣ родителей на благопріобрѣтенное имущество ихъ бездѣтно умершихъ дѣтей или вопросъ объ обязанностяхъ опекуновъ надъ расточителями и пр. Въ высшей степени желательно вносить такіе вопросы въ засѣданія Юридическаго Общества. Среди насъ есть какъ практики, такъ и теоретики, отъ взаимнаго обмѣна мыслей которыхъ получится большая польза и въ практическихъ цѣляхъ, и для будущаго законодательства. Можетъ быть, слѣдовало бы даже назначить 1 засѣданіе въ мѣсяцъ или въ два для обсужденія такихъ вопросовъ.

Предсѣдатель *С. А. Муромцевъ*, отмѣчая желательность такихъ засѣданій, указалъ, что они возстановили бы хорошій старый обычай Общества. Въ прежніе годы, очень часто читались доклады, которые не представляли изъ себя разработанной темы, а скорѣе лишь ставили вопросъ, давая въ то же время и матеріалы для его рѣшенія.

М. С. Гольденвейзеръ полагалъ нужнымъ дополнить предложеніе Г. Л. Вербловскаго слѣдующимъ правиломъ: практическіе вопросы должны быть вносимы въ Юридическое Общество лишь послѣ того, какъ дѣла, послужившія имъ основой, рѣшены всѣми инстанціями. Иначе, это можетъ оказаться и скрытой консультаціей, и пріемомъ воздѣйствія на судъ.

С. А. Муромцевъ указалъ одинъ случай, когда Московское Юридическое Общество рѣшало практическій вопросъ даже до начала процесса. Это—дѣло крестьянъ деревни Негодневки Самарской губ. о сносѣ всѣхъ ея построекъ. Заинтересованныя лица обратились еще до начала процесса во всѣ Юридическія Общества съ просьбой

выяснить дѣло. Обсужденіе его въ Московскомъ Обществѣ не привело ни къ какимъ недоразумѣніямъ и упрекамъ.

В. В. Быховскій не видѣлъ вообще возможности упрека при разсмотрѣніи практическаго вопроса въ Юридическомъ Обществѣ, и потому полагалъ оговорку излишней.

А. Б. Розенблюмъ считалъ предложеніе М. С. Гольденвейзера неправильнымъ. Почему бы не обсуждать вопросъ, о которомъ идетъ рѣчь въ текущемъ процессѣ. Ссылаются же присяжные повѣренные на мнѣнія Сената; точно также они могли бы ссылаться на авторитетъ Юридическаго Общества. Референтъ о какомъ нибудь практическомъ казусѣ вноситъ его на обсужденіе Общества, Общество выясняетъ вопросъ и лицо можетъ въ такомъ видѣ понести его въ судъ. Поэтому, предложеніе Г. Л. Вербловскаго должно быть принято въ полномъ видѣ, безъ оговорокъ.

В. В. Быховскій указывалъ на то, что Юридическое Общество можетъ рѣшать только теоретическіе вопросы, и это рѣшеніе въ практическомъ отношеніи не имѣетъ никакого значенія.

А. Г. Гусаковъ полагалъ, что симпатичное предложеніе вызвало собственно не относящіяся къ дѣлу пренія. О скрытой консультаціи здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Что касается ссылокъ въ судѣ на мнѣніе Юридическаго Общества, то отчего бы на него и не ссылаться? Вообще ограниченій вопросовъ, которые ставятся на обсужденіе Общества, не должно быть. Слѣдуетъ отнестись съ полнымъ сочувствіемъ къ предложенію Г. Л. Вербловскаго и пожелать лишь его осуществленія.

Г. Л. Вербловскій замѣтилъ, что при постановкѣ вопроса на обсужденіе, конечно, слѣдуетъ выдѣлить принципіальный вопросъ изъ его конкретной обстановки.

Предсѣдатель *С. А. Муромцевъ* поставилъ на баллотировку слѣдующее предложеніе: Общество высказываетъ пожеланіе, чтобы помимо подробно мотивированныхъ и разработанныхъ докладовъ вносились на обсужденіе также краткіе рефераты, которые ставятъ какой-либо юридическій вопросъ.

Предложеніе принято Обществомъ.

IX.

Товарищъ Предсѣдателя, *гр. Л. А. Камаровскій* внесъ слѣдующія предложенія. Недавно возникшее Международное Общество сравнительнаго правовѣдѣнія и политической экономіи прислало свои изданія Московскому Юридическому Обществу, а предсѣдатель этого Общества въ письмѣ своемъ предлагаетъ: 1) обмѣни-

ваться изданіями съ Московскимъ Юридическимъ Обществомъ и 2) считать членовъ одного Общества, находящихся въ городѣ другого, какъ бы членами мѣстнаго общества, для установленія между обоими обществами болѣе живого обмѣна мыслей въ научной ихъ дѣятельности. Петербургское Юридическое Общество уже вступило въ такое соглашеніе и было бы весьма желательно, чтобы и Московское послѣдовало его примѣру.

Предложенія, внесенныя *гр. Л. А. Камаровскимъ*, были единогласно приняты Обществомъ.

X.

Предсѣдатель *С. А. Муромцевъ* доложилъ отношеніе отъ 19 февраля № 4086, полученное имъ отъ Предсѣдателя Всероссійскаго Торгово-промышленнаго Съѣзда 1896 года, слѣдующаго содержанія:

На основаніи Высочайшаго повелѣнія 12 мин. Января, къ участію во Всероссійскомъ Торгово-промышленномъ Съѣздѣ 1896 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ приглашаются, между прочимъ, частныя общества, ученыя и техническія учрежденія, имѣющія цѣлью разработку вопросовъ, до промышленности или торговли относящихся. Вслѣдствіе сего считаю долгомъ препроводить при семъ къ Вамъ, М. Г., какъ Предсѣдателю Юридическаго Общества при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, 10 экземпляровъ означеннаго выше Высочайшаго повелѣнія, Положенія о Съѣздѣ и Перечня вопросовъ, подлежащихъ его обсужденію, и обратиться къ Вамъ съ покорнѣйшею просьбою увѣдомить меня (съ присовокупленіемъ требуемыхъ ст. 11 Положенія свѣдѣній): 1) кого угодно будетъ Вамъ назначить представителями Общества, Предсѣдателемъ коего Вы состоите, 2) кто изъ членовъ онаго пожелаетъ быть участникомъ Съѣзда безъ таковыхъ полномочій и 3) не изъявитъ ли кто-либо (и кто именно) готовность представить на Съѣздъ,—съ соблюденіемъ общихъ правилъ, изложенныхъ въ ст. 13 и 14 Положенія,—свои доклады и по какому изъ указанныхъ Перечнемъ вопросовъ. Примите и пр. Дмитрій Кобеко.

По предложенію Предсѣдателя, Общество предоставило Бюро опредѣлить составъ представителей на предстоящемъ Съѣздѣ, списокъ членовъ, которые предполагаютъ отправиться на Съѣздъ, и списокъ рефератовъ, предложенныхъ ими для прочтенія на Съѣздѣ.

XI.

Далѣе, предсѣдатель *С. А. Муромцевъ* представилъ Обществу записку, составленную Бюро по вопросу объ участіи Московскаго Юридическаго Общества въ союзѣ Московскихъ ученыхъ и художественныхъ обществъ.

Общество единогласно постановило: увѣдомить Императорское Археологическое Общество, что Московское Юридическое Общество не можетъ присоединиться къ сообщенному ему проекту Устава Союза Московскихъ ученыхъ и художественныхъ Обществъ.

XII.

Предсѣдатель *С. А. Муромцевъ* просилъ г. Библіотекаря дать разъясненія о положеніи принятой Обществомъ библіотеки г. Анцыферова.

А. Э. Вормсъ отвѣтилъ, что библіотека разобрана и размѣщена въ шкафахъ; при ней составлена инвентарная опись, дающая около 1000 названій. До сихъ поръ еще не выполнено окончательной свѣрки и исключенія дубликатовъ ,для чего необходимо привлечь нѣсколькихъ сотрудниковъ.

С. А. Муромцевъ высказалъ отъ имени Общества благодарность А. Э. Вормсу за выполненіе большой работы по разбору библіотеки.

XIII.

Предсѣдатель *С. А. Муромцевъ* довелъ до свѣдѣнія Общества, что Секретарь М. Н. Соболевъ, вслѣдствіе командировки за границу съ ученой цѣлью, долженъ сложить съ себя обязанности секретаря.

Произведенной баллотировкой избраны въ должностныя лица Общества: Предсѣдателемъ Общества *С. А. Муромцевъ* единогласно; товарищами предсѣдателя *графъ Л. А. Камаровскій* (39 голосами противъ 1) и *Г. Л. Вербловскій* (38 голосами противъ 2); секретаремъ *В. В. Пржевальскій* (34 голосами противъ 6); товарищами секретаря *Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ* (34 голосами противъ 6) и *В. Н. Вольтманъ* (32 голосами противъ 8); библіотекаремъ *А. Э. Вормсъ* (39 голосами противъ 1); казначеемъ *В. В. Сиротининъ* — единогласно.

Засѣданіе закрыто въ $11^{1}/_{2}$ час. вечера.

Засѣданіе 11 марта 1896 года.

Открыто въ 8 час. 20 мин. вечера подъ предсѣдательствомъ Товарища Предсѣдателя **Г. Л. Вербловскаго** при Секретарѣ **В. В. Пржевальскомъ,** въ присутствіи Гг. Дѣйствительныхъ Членовъ: **А. Г. Гуревича, Н. А. Зачинскаго, І. И. Иллюстрова, С. А. Лилина, Г. Я. Лопатина, В. С. Малченко, кн. Ѳ. В. Мещерскаго, С. П. Мокринскаго, Е. Д. Синицкаго, В. В. Сиротинина, Н. В. Троицкаго, Н. М. Тэріана, Г. С. Фельдштейна, И. И. Флоринскаго, Н. Я. Фрейнда и И. И. Янжула,** и Члена-Корреспондента **А. Л. Рубиновскаго.**

I. Предложенъ къ избранію въ Дѣйствительные Члены Общества *Павелъ Николаевичъ Малянтовичъ*, помощникъ присяжнаго повѣреннаго,—С. А. Муромцевымъ и А. Б. Розенблюмомъ.

II. Дѣйствительный Членъ *В. С. Малченко* прочелъ докладъ: „Секретность предварительнаго слѣдствія и нѣкоторые ея результаты“.

Главныя положенія доклада сводились къ слѣдующему:

1) Дѣйствующій уставъ уголовнаго судопроизводства допускаетъ въ періодѣ предварительнаго слѣдствія полную „гласность сторонъ“ (И. Я. Фойницкій, курсъ угол. судопр., изд. 2-е, § 38), но не знаетъ вовсе „гласности общей“ ни непосредственной (т. е. для каждаго гражданина), ни посредственной (т. е. для выборныхъ или представителей общества). Это начало категорически выражено въ 304, 316, 444, 446, 448, 456, 476, 475, 1090, 1157, 1213[6] ст. уст. угол. суд.; если бы дѣйствительность оправдала надежды создателей Судебныхъ Уставовъ 1864 г. и если бы „гласность сторонъ“ на дѣлѣ осуществлялась въ полной мѣрѣ и постоянно, ничего большого и лучшаго въ этомъ направленіи пока не нужно бы и желать.

2) На практикѣ однако стороны почти вовсе не пользуются своими правами и не присутствуютъ при работѣ нашего судебнаго слѣдователя. Абсентеизмъ сторонъ зависитъ у насъ: отчасти отъ юридическаго невѣжества даже такъ назыв. образованнаго общества и „привычки безправія“ простонародья; отчасти отъ огромныхъ разстояній и климатическихъ сюрпризовъ; отчасти отъ дороговизны и неприспособленности въ уѣздахъ средствъ передвиженія, посуточнаго квартированія и питанія; отчасти отъ неизбѣжности для слѣдователя вести каждое дѣло съ значительными перерывами; отчасти отъ воспрещенія сторонамъ имѣть при слѣдователѣ своихъ представителей вмѣсто себя; отчасти отъ иныхъ причинъ (толкованіе 396 ст., отсутствіе при слѣдователяхъ помощниковъ, ихъ замѣняющихъ при выѣздахъ и т. д.). Абсентеизмъ сторонъ теперь наблюдается по-

стоянно и повсемѣстно, а это означаетъ, что слѣдователь работаетъ (вопреки предположенію Устава) наединѣ самъ-другъ съ собою, секретно, келейно.

3) Одиночество и изолированность нашего судебнаго слѣдователя, вредныя сами по себѣ, у насъ особенно пагубны, такъ какъ у нашего слѣдователя нѣтъ уголовно-спеціальной полиціи, нѣтъ развитаго общественнаго мнѣнія, нѣтъ помощи со стороны прокуратуры, которая однако имѣетъ возможность вліять на ходъ и исходъ предварительнаго слѣдствія (278, 280, 281—286, 277, 354, 512 ст.) и даже на карьеру слѣдователя (407, 413, 419 и особенно 227 ст. учр. суд. уст.).

4) При неумѣлости нашей полиціи и пассивности прокуратуры къ дѣлу розыска, слѣдователю особенно важно и цѣнно содѣйствіе населенія; добровольцы-сыщики часто бываютъ гораздо полезнѣе даже профессіональныхъ сыщиковъ. Но слѣдствіе наше ведется секретно, келейно, публика изгнана, двери закрыты, печать не смѣетъ оглашать слѣдственныхъ актовъ (1038 ст. улож.), а слѣдователь не можетъ никому сообщить свѣдѣній изъ дѣла, даже если бы находилъ это полезнымъ (419—423, 426 ст. улож.),—и населенію нельзя, не откуда, узнать точно и своевременно о нуждахъ слѣдователя, о запросахъ данной минуты. Уставъ сдѣлалъ „гласность сторонъ" клапаномъ и даже рычагомъ, чрезъ посредство котораго населенія могло бы знать о ходѣ и ближайшихъ задачахъ предварительнаго слѣдствія, а слѣдователь могъ бы получать свѣдѣнія и полезныя для себя указанія извнѣ: но этотъ клапанъ-рычагъ почти совсѣмъ не функціонируетъ на дѣлѣ.

5) Отсутствіе сторонъ, обращающее допросъ свидѣтелей и экспертовъ въ секретно-келейный разговоръ слѣдователя съ каждымъ изъ нихъ наединѣ, отражается на полнотѣ и правдивости ихъ показаній; одному слѣдователю иногда трудно и почти невозможно предложить свидѣтелю или эксперту всѣ рѣшительно вопросы, а допрашиваемый нерѣдко пользуется пробѣломъ въ вопросахъ и даетъ отвѣтъ только на вопросы, если желаетъ умолчать о чемъ-нибудь щекотливомъ,—получается не ложь и не правда, уголовная-же перспектива, конечно, порою отъ сего извращается. Въ нѣкоторыхъ дѣлахъ и нѣкоторыя свѣдѣнія (напр. о пожарахъ, о сопротивленіяхъ, особенно о растратахъ сельскихъ сборщиковъ, и т. п.) можно полнѣе и подробнѣе собрать допросомъ сразу цѣлой группы лицъ, чѣмъ допросомъ изъ каждаго порознь (446 ст. уст. угол. суд.).

6) Секретность слѣдственныхъ дѣйствій, порождаемая абсентеизмомъ сторонъ, иногда приводитъ къ преданію суду не тѣхъ лицъ, которыя указаны были свидѣтелями, а ихъ однофамильцевъ-двойни-

ковъ, и ошибка открывается тогда только на судебномъ засѣданіи, т. е. когда свидѣтели во-очію имѣютъ дѣло съ уличаемымъ ими субъектомъ.

7) Такъ какъ исторія движенія уголовнаго процесса даетъ прочное основаніе утверждать, что форма обвинительная возьметъ верхъ надъ слѣдственной, то нуженъ въ наши дни такой modus vivendi, который стремился бы къ сокращенію числа противорѣчій слѣдственно-инквизиціонной процедуры съ принципами чисто обвинительнаго типа предварительнаго слѣдствія, и къ развитію начала состязательности и устности. Пока можно пожелать: а) рядомъ съ сохраненіемъ 446 ст. (допросъ порознь) допустить—въ зависимости отъ усмотрѣнія слѣдователя—допросъ группами (т. е. видоизмѣненіе 451 и 452 ст.); б) развить понятіе „гласность сторонъ" до ступени „гласность общая-посредственная"; в) дополнить 496 ст. оговоркою, что послѣ допроса обвиняемаго допускается просмотръ слѣдствія адвокатомъ его и потерпѣвшаго (ср. 475 ст.); г) переработать 476 ст. уст. угол. суд. такъ, чтобы предъявленіе слѣдствія дѣлалось обвиняемому при прокуратурѣ и потерпѣвшихъ, чтобы въ этотъ моментъ допускалась адвокатура и чтобы относительно полноты слѣдствія происходило состязательное между сторонами обсужденіе добытаго слѣдователямъ матеріала. (Докладъ напечатанъ въ Сборникѣ правовѣдѣнія, т. VI, стр. 327—356).

В. В. Пржевальскій находилъ выбранный докладчикомъ терминъ „секретность" несовсѣмъ удачнымъ. Правильнѣе говорить о „негласности" предварительнаго слѣдствія, въ противоположность гласности, подъ которою разумѣется въ уголовномъ процессѣ двоякое: 1) гласность предъ сторонами (Parteienöffentlichkeit), заключающаяся въ томъ, что судебныя дѣйствія развиваются въ присутствіи сторонъ и 2) гласность передъ обществомъ, публичность, въ въ силу которой каждый гражданинъ можетъ присутствовать при совершеніи судебныхъ дѣйствій, а органы печати могутъ оглашать ихъ. Гласность сторонъ въ извѣстной мѣрѣ существуетъ и на нашемъ предварительномъ слѣдствіи: участвующія въ дѣлѣ лица могутъ присутствовать при осмотрахъ и освидѣтельствованіяхъ, производимыхъ слѣдователемъ; слѣдователю закономъ какъ бы рекомендуется допрашивать свидѣтелей въ присутствіи обвиняемаго и потерпѣвшаго (ст. 446 и 448 уст. угол. суд.) и т. д. Конечно, эту гласность на предварительномъ слѣдствіи надо расширить, а для того надо, болѣе послѣдовательно проводя обвинительное начало въ уголовномъ процессѣ, установить равноправность сторонъ и состязательность и въ стадіи предварительнаго слѣдствія. Какъ справедливо выразился Майеръ, начало равноправности въ стадіи судеб-

наго слѣдствія до тѣхъ поръ будетъ „eine innere Unwahrheit", пока этотъ принципъ не будетъ проведенъ и на предварительномъ слѣдствіи, ибо многія упущенія, учиненныя обвиняемымъ на предварительномъ слѣдствіи благодаря неравноправности его съ обвинительною властью, уже не могутъ быть исправлены въ дальнѣйшемъ теченіи процесса. При слушаніи настоящаго доклада еще лишній разъ приходишь къ сознанію необходимости допущенія защиты на предварительномъ слѣдствіи. Вполнѣ признавая общую полицію за весьма несовершенный органъ дознанія, трудно однако согласиться съ мнѣніемъ докладчика о возможности для наружный полиціи достичь, въ особенности въ уѣздѣ, полной тайны дознанія. Здѣсь мы наталкиваемся на другое неотложное требованіе хорошей организаціи предварительнаго слѣдствія—на необходимость учрежденія особой, подготовленной судебной полиціи. Еслибы въ приведенномъ докладчикомъ случаѣ полиція своевременно стала „разматывать клубочекъ", какъ это сдѣлалъ позднѣе слѣдователь и какъ это по мнѣнію референта и слѣдовало бы сдѣлать полиціи,—т. е. производить всенародный опросъ, то гдѣ же была бы та тайна дознанія, въ несоблюденіи коей референтъ обвиняетъ полицію? Въ нынѣшнемъ докладѣ еще разъ развертывается передъ Юридическимъ Обществомъ правдиво и талантливо написанная картина тяжелаго, заброшеннаго, обездоленнаго положенія русскаго слѣдователя, въ особенности, въ уѣздѣ. Въ нашей прессѣ и обществѣ всякій промахъ, всякую ошибку, допущенную въ уголовномъ процессѣ судебною властью, обыкновенно, приписываютъ судебному слѣдователю. Во всякомъ неудачномъ процессѣ винятъ слѣдователя, подобно тому какъ во всякой желѣзнодорожной катастрофѣ винятъ злополучнаго стрѣлочника. Когда въ обществѣ возводятъ эти обвиненія на судебнаго слѣдователя, являющагося съ этой точки зрѣнія своего рода „судебнымъ стрѣлочникомъ", то обыкновенно упускаютъ изъ виду тѣ неблагопріятныя условія, среди которыхъ приходится русскому слѣдователю работать свою отвѣтственную и тяжелую работу. Допросъ цѣлой группы свидѣтелей одновременно—мѣра вызывающая сомнѣнія. При подобной организаціи допроса нѣтъ гарантіи правдивости показаній, между тѣмъ какъ при индивидуальномъ допросѣ свидѣтель знаетъ, что ему придется отвѣчать за невѣрность показанія, даннаго имъ слѣдователю и записаннаго отъ его имени въ протоколъ. При коллективномъ допросѣ допрашивающему легко спутать, кто что именно показалъ. Если мѣстное населеніе по какимъ-либо соображеніямъ рѣшитъ не выдавать виновнаго властямъ, то его не выдадутъ и при внѣкелейномъ, всенародномъ допросѣ.

Н. А. Зачинскій замѣтилъ, что, по словамъ докладчика, глав-

ный недостатокъ предварительнаго слѣдствія—закрытыя двери, открыть ихъ, и все пойдетъ хорошо. Врядъ ли, однако этотъ гордіевъ узелъ разрубается такъ легко. Оппоненту пришлось допросить въ судахъ тысячъ двадцать свидѣтелей и онъ убѣжденъ, что изъ нихъ 50% показало неправду. Скворцовъ потому дозналъ объ утопленикѣ истину, что онъ обратился къ толпѣ не какъ слѣдователь, а какъ человѣкъ. Причинъ неправдивости свидѣтельскихъ показаній много. Когда человѣкъ убѣжденъ и обладаетъ гражданскимъ мужествомъ, тогда онъ покажетъ правду вездѣ и всенародно, и непублично.

А. Г. Гуревичъ находилъ, что нельзя останавливаться на полупути въ дѣлѣ введенія защиты на предварительномъ слѣдствіи: или защита желательна, или нѣтъ. Референтъ стоитъ за полумѣру въ виду несовершенства органовъ предварительнаго слѣдствія. Въ судебные слѣдователи надо назначать не молодыхъ людей, а опытныхъ судей. Можно привести изъ практики массу случаевъ въ дѣлахъ, начинающихся по жалобѣ потерпѣвшаго, гдѣ допросъ потерпѣвшаго въ присутствіи обвиняемаго избавилъ бы слѣдственную власть отъ ошибокъ. Недавно одинъ столичный слѣдователь привлекъ двухъ лицъ въ качествѣ обвиняемыхъ въ грабежѣ на основаніи показанія потерпѣвшей, что эти лица силою отняли у нея заемное письмо, совершенное ею на ихъ имя, а затѣмъ на судѣ потерпѣвшая заявила, что она сама передала это письмо обвиняемымъ. Прокуроръ отказался отъ обвиненія, и обвиняемые были оправданы. Промахи слѣдователей часты не только въ силу причинъ указанныхъ г. Пржевальскимъ.

Г. Я. Лопатинъ полагалъ что все зло зависитъ не отъ секретности, келейности слѣдствія, а отъ формализма нѣкоторыхъ слѣдователей. Одиночный допросъ вредно отзывается на ходѣ слѣдствія и часто обременяетъ слѣдователя безполезною работою. Слѣдователь, чтобы прокуроръ не возвратилъ ему дѣла къ дослѣдованію, долженъ допросить всѣхъ лицъ, указанныхъ въ дознаніи. Защита на предварительномъ слѣдствіи допустима лишь въ двухъ моментахъ, какъ предлагаетъ докладчикъ. Форма дознанія черезъ окольныхъ людей—архаическая, черезчуръ сложная. Спрашиваемые даютъ стереотипные отвѣты. Эта форма нежелательна и большинство слѣдователей рѣдко ее практикуетъ.

С. П. Мокринскій замѣтилъ, что можно указать рядъ дѣлъ, гдѣ допросъ толпы—единственный способъ открыть истину. Таковы, напр., дѣла о растратахъ сельскими старостами мірскихъ денегъ. Производство громоздкихъ экспертизъ тутъ не поможетъ.

Г. И. Иллюстровъ находилъ докладъ нѣсколько одностороннимъ. Бываютъ такіе случаи, когда желательно, чтобы предварительное

слѣдствіе было безгласно. Иногда надо, чтобы свидѣтель не зналъ, о чемъ его при допросѣ спросятъ, а иначе онъ склоненъ строить свой отвѣтъ на извѣстныхъ ему обстоятельствахъ дѣла. Во всѣхъ дѣлахъ о лихоимствѣ гласное веденіе слѣдствія врядъ ли желательно. Вопросъ о гласности или безгласности предварительнаго слѣдствія такой заколдованный кругъ, изъ коего выйти трудно.

В. С. Малченко, возражая своимъ оппонентамъ, полагалъ, что гласность или негласность предварительнаго слѣдствія должна быть поставлена въ законѣ въ зависимость отъ особенностей каждаго даннаго случая. Законъ допускаетъ лишь гласность сторонъ, а за стѣнами камеры все должна дѣлать полиція. Еслибы хорошая полиція окружала слѣдователя, то можно было бы примириться съ единственнымъ способомъ производства слѣдствія установленнымъ Судебными Уставами. Почему не давать слѣдователю права выбора метода веденія предварительнаго слѣдствія? Почему не давать ему права допрашивать сразу нѣсколькихъ лицъ? Въ случаяхъ явки съ повинною желательна секретность слѣдствія. Негласность предварительнаго слѣдствія существуетъ по уставу угол. суд , секретность явилась въ жизни. Такимъ образомъ отпадаетъ сдѣланный докладчику упрекъ въ томъ, что будто бы, по его мнѣнію, съ открытіемъ дверей мы устранимъ всѣ недостатки предварительнаго слѣдствія. Дѣла частнаго обвиненія нельзя ставить на-ряду съ оффиціальными. Рѣшеніе по дѣлу Іегера, допустившее защиту потерпѣвшаго на предварительномъ слѣдствіи и не допустившее защиту обвиняемаго проф. Манассеина, нарушаетъ принципъ равноправности сторонъ. Найти сразу защитниковъ по всѣмъ дѣламъ невозможно. Поэтому допущеніе защиты въ теченіе всего предварительнаго слѣдствія создало бы еще бо́льшую, чѣмъ теперь, разницу между богатымъ и бѣднымъ. О негласности дознанія въ уставѣ угол. суд. нигдѣ не говорится. Слово „негласное“ употреблено лишь въ ст. 254, но при „наблюденіи“. Полная тайна на дознаніи вредна.

В. В. Пржевальскій замѣтилъ по поводу сообщеннаго А. Г. Гуревичемъ случая изъ московской судебной хроники, что въ этомъ дѣлѣ слѣдователь поступилъ правильно и иначе поступить не могъ. Потерпѣвшая, будучи допрошена судебнымъ слѣдователемъ съ напоминаніемъ объ отвѣтственности за ложный доносъ, показала, что два лица силою отняли у нея заемное письмо. Правдоподобность этого показанія была подтверждена цѣлымъ рядомъ косвенныхъ уликъ и слѣдователь обязанъ былъ привлечь означенныхъ лицъ въ качествѣ обвиняемыхъ. Эти послѣдніе жаловались на постановленіе слѣдователя о привлеченіи въ окружный судъ, который жалобу ихъ оставилъ безъ послѣдствій, а судебная палата предала ихъ суду.

Если затѣмъ, уже въ судебномъ засѣданіи, потерпѣвшая отказалась отъ своего прежняго показанія и заявила, что она сама передала обвиняемымъ заемное письмо, а подсудимые были оправданы, то можно лишь порадоваться, что не произошло судебной ошибки. Если слѣдователь былъ введенъ въ заблужденіе первоначальнымъ показаніемъ потерпѣвшей, то это заблужденіе, отъ котораго уберечься не было въ данномъ случаѣ никакой возможности, раздѣлили съ нимъ и окружный судъ, и прокурорскій надзоръ, составившій обвинительный актъ, и палата, этотъ актъ утвердившая.

При рѣшеніи вопроса о допустимости гласности на предварительномъ слѣдствіи и ея предѣлахъ, опредѣляющее значеніе имѣютъ два основныхъ и неотложныхъ требованія всякаго организованнаго общежитія. Съ одной стороны, интересъ охраны существующаго правового порядка отъ нарушеній, интересъ успѣшной борьбы съ преступленіемъ очень часто требуетъ полной безгласности слѣдствія. Съ другой стороны, необходимость извѣстныхъ гарантій личной свободы гражданъ требуетъ распространенія начала процессуальной гласности и на стадію предварительнаго слѣдствія. Какъ примирить эти два требованія, какъ лучше комбинировать эти интересы—этотъ трудный вопросъ долженъ быть практически разрѣшаемъ для каждаго даннаго государства различно въ зависимости отъ индивидуальныхъ его особенностей. По отношенію къ Россіи этотъ вопросъ, думается, долженъ быть рѣшенъ въ томъ смыслѣ, чтобы, нѣсколько пожертвовавъ интересами удачной борьбы съ преступленіемъ, установить болѣе прочныя гарантіи личной свободы путемъ возможно болѣе широкаго проведенія принципа гласности на предварительномъ слѣдствіи.

Предсѣдательствующій *Г. Л. Вербловскій*, въ заключеніе преній, отмѣтилъ, что собраніе выслушало докладъ съ большимъ интересомъ. Недостатки предварительнаго слѣдствія зависятъ отъ условій дѣятельности слѣдователя и обстановки предварительнаго слѣдстія. Вопросъ о секретности предварительнаго слѣдствія тѣсно связанъ съ вопросомъ о канцелярской тайнѣ. Законъ не долженъ регламентировать этотъ вопросъ, а долженъ предоставить допущеніе или недопущеніе гласности усмотрѣнію самого слѣдователя. Нельзя хорошо допросить объ одномъ фактѣ толпу лицъ сразу. Для оцѣнки показанія лица необходимо разсматривать личность самого свидѣтеля, ибо степень довѣрія, внушаемаго свидѣтелемъ, играетъ большую роль въ процессѣ. Въ моментъ заключенія слѣдствія необходимо допустить защиту. Докладъ заслуживаетъ благодарности Общества.

Засѣданіе закрыто въ 10 час. 30 минутъ.

Засѣданіе 1 апрѣля 1896 года.

Открыто Предсѣдателемъ **С. А. Муромцевымъ**, при Секретарѣ **В. В. Пржевальскомъ** въ 8 час. 35 мин. вечера и происходило въ присутствіи Гг. Дѣйствительныхъ Членовъ: **М. И. Бруна, В. В. Выховскаго, П. И. Бѣляева, И. А. Вокача, В. А. Долячко, Н. А. Зачинскаго, А. М. Краевскаго, А. Р. Ледницкаго, С. А. Лилина, П. Н. Лухманова, П. Н. Малянтовича, И. Х. Померанцева, А. А. Раевскаго, И. Н. Сахарова, С. В. Сперанскаго, Г. С. Фельдштейна**, и **И. Я. Фрейнда**, и Члена-Корреспондента **А. Л. Рубиновскаго**.

I. Читаны и утверждены протоколы засѣданій: 5 и 26 февраля, годичнаго—4 марта и 11 марта.

II. Предсѣдатель С. А. Муромцевъ произнесъ рѣчь, посвященную памяти недавно скончавшихся Дѣйствительныхъ Членовъ Общества: М. А. Бѣлина, И. М. Волкова и В. С. Пругавина.

Въ лицѣ *Михаила Андреевича Бѣлина* г. Предсѣдатель помянулъ „извѣстнаго врача практика и судебнаго, всегда охотно принимавшаго самое дѣятельное участіе въ трудахъ Юридическаго Общества по разработкѣ судебно-медицинскихъ и психіатрическихъ вопросовъ“.

Въ *И. М. Волковѣ* Юридическое Общество потеряло одного изъ своихъ старыхъ членовъ, „стараго мирового судью, не только справедливаго, но и гуманнаго въ лучшемъ смыслѣ слова. Всѣ москвичи помнятъ тотъ образъ дѣйствій, котораго онъ твердо держался несмотря на непріятныя для него послѣдствія“.

В. С. Пругавинъ былъ не только членомъ Юридическаго Общества, но и однимъ изъ постоянныхъ сотрудниковъ „Юридическаго Вѣстника“. В. С. съ увлеченіемъ отдавался дѣлу взслѣдованія и изученія условій народной жизни. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ коммиссіи, существовавшей въ Москвѣ въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ для изслѣдованія кустарной промышленности, и по ея порученію изслѣдовалъ кустарные промыслы Владимірской губерніи. Кромѣ кустарной промышленности, В. С. немало сдѣлалъ и для изученія русской земельной общины. Съ 1884 г. въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ покойный завѣдывалъ статистическимъ бюро Екатеринославскаго губернскаго земства.

По предложенію г. Предсѣдателя, Общество почтило память скончавшихся Членовъ вставаніемъ.

III. Предсѣдатель доложилъ Обществу, что на имя Общества получена изъ Ташкента, за подписью Предсѣдателя и Товарища Предсѣдателя Областнаго Суда, телеграмма, въ которой выражается соболѣзнованіе по поводу кончины Почетнаго Члена Общества Э. Н.

Сумбула. Телеграмма эта передана въ VI Отдѣленіе Московскаго Окружнаго Суда.

IV. Предсѣдатель представилъ Гг. Членамъ Общества подписной листъ для сбора суммъ на учрежденіе при Московскомъ Университетѣ стипендіи имени Э. Н. Сумбула, присланный Комитетомъ Общества для пособія нуждающимся студентамъ Императорскаго Московскаго Университета.

V. Предсѣдателемъ доложено письмо Предсѣдателя Берлинскаго Международнаго Общества сравнительнаго правовѣдѣнія и политической экономіи, съ выраженіемъ благодарности названнаго Общества за сообщенное ему постановленіе годичнаго засѣданія 4 марта 1896 года.

VI. Избранъ въ Дѣйствительные Члены Общества *Павелъ Николаевичъ Малянтовичъ*.

VII. Предложенъ къ избранію въ Дѣйствительные Члены Общества *Александръ Ивановичъ Урьясовъ*, помощникъ присяжнаго повѣреннаго,—П. Н. Лухмановымъ и В. В. Пржевальскимъ.

VIII. Дѣйствительный Членъ *Г. Л. Вербловскій* прочелъ докладъ: „Къ пересмотру судебныхъ уставовъ (единоличный судъ, право бѣдности, процессуальные сроки)“. (См. Журналъ Министерства Юстиціи, 1896, № 4).

М. И Брунъ высказался за расширеніе компетенціи участковыхъ судей, но противъ отнесенія въ ихъ вѣдомство дѣлъ по спорамъ о недвижимости, пока укрѣпленіе правъ на недвижимость такъ плохо нормировано въ нашемъ законодательствѣ. Пока существуетъ институтъ давности, недопустимый въ благоустроенномъ государствѣ, порядокъ укрѣпленія правъ на недвижимость не можетъ быть упорядоченъ. Надо подождать введенія гипотечной системы для того, чтобы уже думать объ отнесеніи споровъ о недвижимости къ компетенціи единоличнаго судьи. Знакомство съ дѣломъ одного лишь члена-докладчика есть нежелательная и устранимая аномалія. Плата за правосудіе вообще должна быть уничтожена, хотя это въ настоящее время еще и неосуществимо. Однако, ограничивать бѣднымъ доступъ къ суду нельзя. Нельзя заранѣе сказать, можно ли или же нѣтъ выиграть данное дѣло. Доводы докладчика по этому вопросу неубѣдительны. Кассаціонный залогъ для бѣдныхъ надо отмѣнить. Право бѣдности надо прямо въ законѣ распространить на иностранцевъ. Сроки на подачу апелляціи, кассаціи и т. п., если другая сторона не споритъ, могутъ быть и нарушены. Кто въ такомъ случаѣ страдаетъ?

Въ нѣкоторые сроки можно внести диспозитивный характеръ.

Н. А. Зачинскій замѣтилъ, что судъ существуетъ для общества, и потому нельзя согласиться съ докладчикамъ, а надо стать на

сторону М. И. Бруна. Расширеніе компетенціи единоличныхъ судей желательно, но найдутся ли люди, достаточно подготовленные для этого? Я не вижу разницы по существу между милліоннымъ искомъ и искомъ на сотни рублей. Суды теперь очень обременены: работа на нихъ лежитъ непосильная. На основаніи тридцатилѣтняго опыта я рѣшительно протестую противъ того утвержденія докладчика, что въ коллегіальномъ судѣ дѣла, обыкновенно, рѣшаются членомъ-докладчикомъ единолично. Иски по праву бѣдности въ громадномъ большинствѣ основательны; часто преувеличиваютъ лишь цифру иска. Рѣшить вопросъ объ основательности иска сразу, при его предъявленіи невозможно. Опредѣленіе одного суда о правѣ бѣдности должно быть обязательно для другихъ судовъ: солидарность должна существовать между всѣми судебными мѣстами. Хотя сроки, назначаемые судомъ, часто и не соблюдаются, однако же реагировать противъ этого нѣтъ основаній.

В. В. Пржевальскій, присоединяясь къ мысли докладчика о желательности расширенія компетенціи единоличнаго суда по дѣламъ гражданскимъ, находилъ нежелательнымъ относить дѣла объ узаконеніи дѣтей къ вѣдомству единоличнаго суда. Вопросъ о законности рожденія настолько чреватъ послѣдствіями въ гражданско-правовой области, что врядъ ли слѣдуетъ отдавать дѣла, въ коихъ онъ рѣшается, хотя бы и въ порядкѣ охранительнаго производства, въ вѣдомство суда неколлегіальнаго. Это противорѣчило бы и общему духу нашего законодательства, обставляющаго гарантіями коллегіальности веденіе и храненіе метрическихъ книгъ, служащихъ актами состоянія: онѣ ведутся причтомъ и хранятся въ консисторіи. Трудно себѣ объяснить, на чемъ основывается докладчикъ, утверждая, что „рутинные пріемы неизбѣжны“ при разсмотрѣніи апелляціонныхъ дѣлъ въ мировомъ съѣздѣ, а окружный судъ отъ нихъ гарантированъ. Изъ доклада не видно, будутъ ли въ проектируемой имъ системѣ судоустройства мировые судьи выборными или же по назначенію отъ правительства. Во второмъ случаѣ, они будутъ назначаться изъ юристовъ и ничѣмъ не будутъ отличаться отъ членовъ окружныхъ судовъ, если же они будутъ выборные, то въ ихъ средѣ будетъ значительный контингентъ неюристовъ, а слѣдовательно, въ съѣздахъ, мировыхъ судей будетъ гораздо менѣе, чѣмъ въ окружномъ судѣ, мѣста рутинѣ, которою гораздо больше грѣшатъ профессіональные юристы. Нельзя не согласиться съ тѣмъ положеніемъ доклада, что кассаціонныя функціи должны быть сосредоточены въ одномъ высшемъ въ Имперіи установленіи. За это говоритъ горькій опытъ многочисленныхъ кассаціонныхъ инстанцій, созданныхъ, въ видѣ губернскихъ присутствій, закономъ 12 іюля 1889 года. Утвержденіе док-

ладчика, что пользующіеся правомъ бѣдности въ громадномъ большинствѣ случаевъ предъявляютъ иски „неправомѣрные", не достаточно обосновано. Къ чему вводить, какъ это предлагаетъ докладчикъ, какое-то „полуразсмотрѣніе" или „полурѣшеніе" дѣла при рѣшеніи вопроса о бѣдности тяжущагося. Дознаніе, производимое въ этихъ случаяхъ мировымъ судьею, гарантируетъ дѣйствительную бѣдность. Конечно, ошибки возможны и здѣсь, но пусть докладчикъ укажетъ такой строй правосудія, который безусловно исключалъ бы возможность ошибокъ. Мало только приблизить судъ къ народу, надо еще сдѣлать его и доступнымъ народу, а то вѣдь, „и близокъ локоть, да его не укусишь". Признавая въ принципѣ право всѣхъ гражданъ на безвозмездную судебную помощь по всѣмъ дѣламъ, я не могу сказать того-же по отношенію къ иностранцамъ, на очень короткое время, иногда на нѣсколько недѣль, пріѣзжающихъ въ Россію и не участвующихъ въ платежѣ повинностей государству.

В. В. Быховскій замѣтилъ, что большинство тяжущихся принадлежитъ къ нуждающемуся классу. Для того, чтобы дать суду возможность при самомъ предъявленіи иска убѣдиться въ бѣдности просителя, надо истратиться на гербовыя марки и другіе расходы для полученія бумагъ, удостовѣряющихъ бѣдность. При порядкѣ, предлагаемомъ докладчикомъ, возможны будутъ иски на ура. Какъ можно рѣшить, основателенъ ли искъ, при самомъ его предъявленіи, по дѣламъ объ увѣчьяхъ, безъ медицинской экспертизы? Нашъ процессъ, въ концѣ концовъ, дороже французскаго или нѣмецкаго. Надо оставить существующій порядокъ признанія права бѣдности безъ перемѣнъ.

Г. Л. Вербловскій отвѣчалъ, что докладъ имѣлъ въ виду удешевить и ускорить процессъ. Споръ о какой-нибудь десятинѣ земли легко можетъ быть рѣшенъ единоличнымъ судьею. Простой и ясный институтъ давности извѣстенъ и единоличнымъ судьямъ. За это и примѣръ мировыхъ судей на Кавказѣ. За бѣдными надо признавать право бѣдности, но, при признаніи этого права судомъ, онъ долженъ предположить, что искъ достовѣрный и, вѣроятно, будетъ присужденъ. Право бѣдности должно быть признаваемо тѣмъ установленіемъ, въ которомъ производится дѣло. Нельзя сторонамъ предоставлять полную свободу по отношенію къ срокамъ. Здѣсь надо различать матеріальныя гражданскія права, гдѣ преобладаетъ частный интересъ, и процессуальныя, гдѣ преобладаетъ интересъ публичный. Если законъ предоставляетъ суду назначать сроки, то эти сроки должны играть извѣстную роль въ процессѣ, имѣть извѣстныя послѣдствія для сторонъ. Дѣла объ узаконеніи несложны и могутъ быть рѣшаемы судомъ единоличнымъ.

Н. А. Зачинскій настаивалъ на томъ, что въ коллегіи дѣла рѣшаются не единолично. Судъ назначаетъ сторонамъ сроки для того, чтобы гарантировать интересы другой стороны.

С. А. Муромцевъ полагалъ, что всѣ солидарны въ томъ, что надо освобождать бѣдныхъ и отъ кассаціоннаго залога, и что споръ о подлогѣ долженъ быть рѣшаемъ и единоличнымъ судьею. Въ преніяхъ о расширеніи компетенціи вопросъ былъ поставленъ о преимуществахъ коллегіальнаго и единоличнаго суда. Принципіально коллегіальный судъ совершеннѣе, но фактически единоличный судъ необходимъ для многихъ дѣлъ. Надо рѣшить вопросъ, далъ ли доселѣ опытъ основанія для расширенія компетенціи единоличнаго суда. Коллегіальный судъ такъ дорогъ, что польза общества заставляетъ нѣкоторые роды дѣлъ передавать въ вѣдѣніе суда единоличнаго. Съ этой стороны, вопросъ обсужденъ не былъ. Теперь предположено отмѣнить 5-ый пунктъ отвода для подданныхъ государствъ, дающихъ намъ взаимность. Относительно процессуальныхъ сроковъ споръ шелъ лишь о томъ, въ чемъ должны для сторонъ заключаться ихъ послѣдствія. Сторона, пропустившая срокъ, можетъ исправить свою ошибку до судебнаго засѣданія, представивъ, напр., доказательство. Весьма желательно, чтобы былъ единый кассаціонный судъ, но весь вопросъ въ его устройствѣ. Фактически въ сенатѣ $^3/_4$ дѣлъ рѣшаются канцеляріею. Надо или увеличить составъ кассаціонного суда, или же дать кассаціонныя функціи нѣсколькимъ судамъ. Нѣтъ большой бѣды, если извѣстный вопросъ будетъ различно рѣшенъ различными палатами. Тутъ долженъ приходить на помощь суду законодатель.

Н. А. Зачинскій находилъ, что единоличный судъ есть лишь необходимое зло. Несправедливо дѣлить дѣла по суммѣ между коллегіальными и единоличными судами.

М. И. Брунъ полагалъ, что идея единаго кассаціоннаго суда— чисто политическая и возникла во Франціи какъ проявленіе централизаціи. Въ Россіи, гдѣ существуетъ цѣлый рядъ правъ, а государство крѣпко сплочено, можно ввести нѣсколько кассаціонныхъ судовъ.

В. В. Пржевальскій замѣтилъ, что единовременнымъ дѣйствіемъ въ предѣлахъ Россіи нѣсколькихъ правъ можно еще, пожалуй, доказывать желательность введенія нѣсколькихъ кассаціонныхъ судовъ, изъ коихъ каждый толковалъ бы одну опредѣленную правовую систему,—но имъ далеко еще не доказывается желательность того явленія, чтобы для толкованія одного и того же X тома свода законовъ учреждено было нѣсколько кассаціонныхъ судовъ.

Б. А. Долячко указалъ, что въ Черниговской и Полтавской гу-

берніяхъ, гдѣ еще отчасти дѣйствуетъ Литовскій Статутъ, межевыя дѣла вѣдались подкоморскими судами—единоличными, а апелляціонный судъ тоже былъ единоличный. Справедливо рѣшать можетъ и единоличный судья.

По выраженіи Предсѣдателемъ докладчику благодарности Общества, засѣданіе закрыто въ 11 час. 20 минутъ.

Засѣданіе 8 апрѣля 1896 года.

Открыто въ 8½ ч. веч. подъ предсѣдательствомъ Предсѣдателя **С. А. Муромцева**, при Товарищѣ Секретаря **В. Н. Вольтманѣ**, въ присутствіи Гг. Дѣйствительныхъ Членовъ Общества: **С. Н. Булгакова, В. В. Выховскаго, П. И. Бѣляева, Г. Л. Верблюовскаго, Н. А. Вокача, А. Э. Ворнса, В. А. Долячко, М. В. Духовскаго, І. И. Иллюстрова, С. А. Лилина, П. Н. Лухманова, кн. Ѳ. В. Мещерскаго, И. Д. Новика, С. Н. Пурица, А. В. Розенблюма, В. В. Сиротинина, Н. М. Тэріана, Г. С. Фельдштейна, А. Э. Штейнфинкеля, Н. Е. Эфроса**, Члена-Корреспондента **А. Л. Рубиновскаго**, и Дѣйствительнаго Члена С.-Петербургскаго Общества **С. А. Шипова-Шульца**.

I. *Предсѣдатель* сообщилъ, что, по предложенію Предсѣдателя уголовнаго отдѣленія Петербургскаго Юридическаго Общества, онъ, Предсѣдатель, вмѣстѣ съ Секретаремъ Общества В. В. Пржевальскимъ, присутствовалъ 6 апрѣля на засѣданіи указаннаго отдѣленія, посвященномъ слушанію и обсужденію доклада К. К. Арсеньева „о судѣ присяжныхъ". Петербургское Юридическое Общество, привѣтствуя Московскихъ гостей, выразило дружескія чувства по адресу Московскаго Юридическаго Общества. Въ отвѣтъ на эти привѣтствія Предсѣдатель сказалъ, что проситъ принять посѣщеніе его и Секретаря Московскаго Юридическаго Общества какъ дань уваженія Петербургскому Юридическому Обществу, и что за этимъ первымъ визитомъ будутъ слѣдовать и другіе. Вопросъ о единеніи обоихъ Обществъ уже разрабатывается въ Совѣтѣ Петербургскаго Юридическаго Общества, и Московскому Юридическому Обществу нужно выжидать теперь болѣе опредѣленныхъ предложеній со стороны Петербургскаго Общества. Въ настоящемъ же засѣданіи Московское Юридическое Общество имѣетъ возможность выразить съ своей стороны чувства уваженія Петербургскому Юридическому Обществу въ лицѣ члена его С. А. Шипова-Шульца, предлагающаго вниманію Московскаго Общества докладъ, читанный имъ ранѣе въ Петербургскомъ Обществѣ.

А. С. Шиповъ-Шульцъ благодарилъ за выраженныя чувства отъ себя и отъ имени С.-Петербургскаго Юридическаго Общества.

II. Дѣйствительный Членъ С.-Петербургскаго Юридическаго Общества *С. А. Шиповъ-Шульцъ* прочелъ докладъ „О земскомъ судѣ“.

М. В. Духовской выразилъ полное согласіе съ основными положеніями докладчика, но сдѣлалъ замѣчанія по вопросу о дѣятельности земскаго судьи. Съ точки зрѣнія докладчика, земскіе судьи функціонируютъ двоякимъ образомъ: 1) разбираютъ маловажныя дѣла и 2) дѣйствуютъ въ качествѣ судебныхъ слѣдователей. Врядъ ли, однако, можно согласиться съ такимъ соединеніемъ въ должностномъ лицѣ этихъ двухъ функцій. Дѣятельность судьи въ этихъ функціяхъ представляется различной. Мировой судья—должностное лицо осѣдлое, судебный слѣдователь—подвижное; да и задачи, пріемы—въ обѣихъ функціяхъ различны; поэтому соединеніе обѣихъ этихъ функціи въ одномъ лицѣ справедливо отвергается другими изслѣдователями. Если смотрѣть на дѣятельность „земскихъ судей“ съ точки зрѣніи англійскаго судоустройства, то эта точка зрѣнія является неприложимой къ русскому процессу. Въ самомъ дѣлѣ, кто будетъ собирать улики, матеріалы для обвиненія и проч., при томъ устройствѣ земскаго суда, которое предлагается докладчикомъ? Въ Англіи это дѣлается частными лицами, по частной иниціативѣ. Между тѣмъ такой роли не исполняютъ частныя лица въ Россіи. Кто же сталъ бы исполнять ее въ Россіи, при вышеупомянутомъ устройствѣ земскаго суда? И въ Англіи эта роль отчасти выполняется полиціей, которая тамъ правильно организована. Въ Россіи же эта роль принадлежала бы исключительно полиціи, что привело бы къ усиленію ея значенія въ судѣ и что врядъ ли является желательнымъ. Оппонентъ, далѣе, выразилъ особое сочувствіе предложенной докладчикомъ системѣ обжалованія рѣшеній волостныхъ судовъ—въ собраніе предсѣдателей волостныхъ судовъ.

П. И. Бѣляевъ имѣлъ въ виду въ своихъ замѣчаніяхъ сдѣлать нѣкоторыя историческія справки. Если привести въ связь судъ присяжныхъ съ судомъ народнымъ, судомъ общины,—то является необходимымъ различать разныя стадіи и формы общиннаго суда. Двѣнадцать мужей Русской Правды и сѣверныхъ народовъ—этотъ судъ задавался нѣсколько иными цѣлями, нежели позднѣйшій судъ присяжныхъ. Новые изслѣдователи приводятъ судъ присяжныхъ въ связь съ дѣятельностью народныхъ судовъ въ позднѣйшее время. Народные же суды болѣе ранней эпохи представляли, сравнительно съ позднѣйшими, нѣсколько иное распредѣленіе роли предсѣдателя и органовъ, равно какъ задавались и нѣсколько иными цѣлями. Въ болѣе раннихъ народныхъ судахъ дѣло шло не о констатированіи фактовъ, не о виновности и т. п., а дѣлалась, такъ сказать, справка о нормахъ права: община—указатель нормъ, въ ней дѣйствовавшихъ.

Таковъ судъ древнихъ Германцевъ—судъ общины въ эпоху Салической правды, превращающійся потомъ въ судъ шеффеновъ (въ силу отпаденія остальной общины). Здѣсь идетъ рѣчь не о фактѣ, а о тѣхъ нормахъ, которыя должны быть примѣнены въ данномъ случаѣ. Между тѣмъ присяжные рѣшаютъ вопросъ и о фактѣ. Что касается древне-русскаго процесса, то судъ общины дѣйствуетъ въ немъ до сравнительно поздняго времени: „судныя мужи" участвуютъ вмѣстѣ съ судьей во всѣхъ функціяхъ суда; въ одномъ дѣлѣ XVII в. „судные мужи" указываютъ нормы обычнаго права. Съ IX вѣка появляется судъ общины, дающій отвѣтъ уже на другіе вопросы; онъ развивается вмѣстѣ съ усиленіемъ королевской власти, напр. въ каролингскую эпоху. Примѣрами такого участія общины въ судѣ могутъ служить справки о земельной собственности; отъ суда отправляются посланцы или же существуютъ передвижные суды („миссіи"), которые и отбираютъ показанія на мѣстѣ. Здѣсь община указываетъ лишь на фактъ. Таковы суть и суды Англіи. „Veredictum" ихъ есть протоколъ показаній свидѣтелей по извѣстному дѣлу (гражданскому или уголовному). Здѣсь замѣчается раздѣленіе вопросовъ о фактѣ и о правѣ; сюда то и сводится возникновеніе суда присяжныхъ (Нормандія, Англія). Что касается вопроса объ участіи присяжныхъ въ гражданскихъ дѣлахъ, то нѣкоторые теоретики относятся къ этому участію отрицательно. Исторія древне-русскаго процесса указываетъ намъ, что гражданскій процессъ еще въ XIV—XVII вв. производился съ участіемъ присяжныхъ—„судныхъ мужей". Оппонентъ, полагаетъ, что губные судьи древне-русскаго процесса трудно поддаются сравненію съ другими, повидимому, родственными учрежденіями на Западѣ.

А. Б. Розенблюмъ высказался противъ соединенія разнородныхъ функцій въ одномъ лицѣ, въ частности противъ соединенія функцій мирового судьи и мирового посредника въ лицѣ земскихъ начальниковъ. Докладчикъ придаетъ слишкомъ большое значеніе названіямъ, отъ коихъ сущность дѣла не измѣняется. Доводы противъ соединенія властей судебной и исполнительной и пр., которые приводились докладчикомъ, есть доводы и противъ института земскихъ начальниковъ. Идея о раздѣленіи властей основывается на глубокомъ пониманіи жизни и человѣческаго сердца, и никакіе пріемы и мѣры не могутъ поколебать ея. Кромѣ общихъ доводовъ, противъ института земскихъ начальниковъ нужно сказать еще то, земскіе начальники назначаются изъ дворянъ, многіе изъ нихъ вышли изъ крѣпостниковъ,—порученіе имъ функцій и административныхъ, и судебныхъ является крайне нежелательнымъ. Что касается отдѣленія вопроса о фактѣ отъ вопроса о правѣ, то нельзя ограничивать роль

присяжныхъ, сводя ее только къ рѣшенію вопроса о фактѣ, потому что иначе отъ суда присяжныхъ не останется ничего. По закону, въ русскомъ процессѣ присяжные рѣшаютъ оба вопроса. Споръ теперь идетъ о предоставленіи присяжнымъ рѣшать вопросъ и о правѣ. Если разрѣшить этотъ споръ отрицательно—то къ чему тогда сведется роль присяжныхъ? Разрѣшеніе вопроса о правѣ—очень важная функція суда присяжныхъ, въ частности—для законодательныхъ реформъ.

С. А. Шиповъ-Шульцъ защищалъ выставленныя имъ положенія. По вопросу о судебныхъ слѣдователяхъ—нужно имѣть въ виду, что въ Англіи кромѣ мировыхъ судей (исполняющихъ и функціи судебныхъ слѣдователей) есть судьи, занимающіеся т. н. „мертвыми дѣлами". Въ этихъ дѣлахъ присяжные постановляютъ рѣшеніе—произошла ли смерть отъ случая, или отъ преступленія; послѣ рѣшенія присяжныхъ въ послѣднемъ смыслѣ—дѣло подвергается разсмотрѣнію великаго жюри. Въ предположеніяхъ своихъ, сдѣланныхъ въ 1862 г. при работахъ по судебной реформѣ, докладчикъ имѣлъ въ виду сохранить судебныхъ слѣдователей,—но полагалъ, что имъ должны быть предоставлены функціи мировыхъ судей по всякому дѣлу, и что, кромѣ того, при недостаточности показаній, данныхъ у мирового судьи, прокуроръ можетъ требовать дополненій. Во всякомъ случаѣ, раздѣленіе функцій мирового судьи и судебнаго слѣдователя повлекло бы за собой то, что одинъ судья на цѣлый уѣздъ долженъ былъ бы разрѣшать вопросы о задержаніи, судѣ и т. п. Предоставленіе этихъ обязанностей многимъ лицамъ не могло бы повести къ усиленію роли полиціи; роль полиціи, наоборотъ, усиливается теперь, когда на одинъ уѣздъ существуетъ одинъ только слѣдователь. Такихъ должностныхъ лицъ должно быть больше, они должны быть ближе къ населенію,—а это будетъ возможно, когда вся власть съ указаннымъ содержаніемъ принадлежитъ и мировымъ судьямъ, и судебнымъ слѣдователямъ. По вопросу о томъ, годно ли дворянство къ отправленію должности земскихъ начальниковъ, докладчикъ полагаетъ, что русское дворянство, проникнутое чувствомъ долга, способно къ исполненію своихъ обязанностей и въ должностяхъ земскихъ начальниковъ, тѣмъ болѣе, что въ Россіи нѣтъ розни между крестьянствомъ и служилымъ классомъ. Русскіе дворяне были хорошими мировыми посредниками, будутъ и хорошими мировыми судьями. Въ институтѣ земскихъ начальниковъ докладчикъ видитъ тотъ недостатокъ, что въ немъ создана спеціальная власть для надзора надъ крестьянскимъ управленіемъ. Нужно желать, чтобы характеръ власти земскаго начальника былъ болѣе судейскимъ, чтобы власть эта была судебной властью надъ всѣми.

Г. *Предсѣдатель*, резюмируя пренія, высказалъ, что рефератъ С. А.

Шипова-Шульца далъ поводъ къ нѣкоторымъ недоразумѣніямъ, которыя, однако, проистекаютъ не отъ различія понятій, а отъ различнаго пониманія терминовъ. Менѣе всего докладчикомъ и оппонентами было сказано о роли присяжныхъ въ гражданскомъ процессѣ. Разрѣшеніе этого вопроса является далеко нелегкимъ. Наблюденія надъ современной жизни—русской и иностранной—показываютъ, что въ области гражданскаго правосудія коронный судъ болѣе склоненъ къ справедливости и добросовѣстности, нежели въ уголовномъ судѣ; это доказывается практикой французскаго и русскаго гражданскаго суда. Можно было бы опасаться большаго формализма со стороны гражданскаго суда, если бы дѣятельность гражданскихъ судей была раздѣлена съ присяжными. Однако, предсѣдатель дѣлаетъ лишь простое указаніе на этотъ фактъ, но не высказывается принципіально противъ участія присяжныхъ въ гражданскомъ судѣ. Во всякомъ случаѣ, нельзя не поблагодарить за возбужденіе этого вопроса. Мысль докладчика о собраніяхъ предсѣдателей волостныхъ судовъ является вѣрной и обоснованной. Когда въ 70-хъ годахъ сенаторъ Любощинскій производилъ изслѣдованіе волостныхъ судовъ, возникла мысль о съѣздахъ очередныхъ выборныхъ волостныхъ судей и предсѣдателей волостныхъ судовъ при тогдашнихъ мировыхъ судьяхъ. Что касается до раздѣленія вопросовъ о правѣ и фактѣ, то здѣсь по существу взгляды докладчика и оппонентовъ сходятся. К. К. Арсеньевъ подчеркиваетъ то, что неправильно говорить о правѣ помилованія и о правѣ измѣненія закона у присяжныхъ. Если полномочія эти, повидимому, принадлежатъ присяжнымъ съ житейской точки зрѣнія, то невѣрно утверждать это съ юридической точки зрѣнія. Съ другой стороны, и референтъ полагаетъ, что вопросъ о виновности долженъ быть представленъ присяжнымъ. Наконецъ, вопросъ о соединеніи административныхъ и судебныхъ функцій очень важенъ и интересенъ. Практика жизни показываетъ, что раздѣленіе этихъ функцій никогда и нигдѣ вполнѣ не проводилось. Что касается, въ частности, земскихъ начальниковъ, то и референтъ и оппоненты здѣсь впали въ недоразумѣніе. Земскій судья не есть органъ сословныхъ интересовъ; онъ есть органъ земства, какъ бывшій мировой судья; онъ есть органъ всесословный,—и, значитъ, вопросъ о сословности не имѣетъ отношенія къ реферату. Не относится къ реферату и вопросъ о теперешней организаціи земскихъ начальниковъ, т. к. послѣдніе суть органы, зависящіе отъ высшихъ административныхъ учрежденій. Но это еще не предрѣшаетъ вопроса о сліяніи административной и судебной власти въ самостоятельномъ органѣ (органѣ земства).

Засѣданіе закрыто въ $11^1/_2$ ч. вечера.

Засѣданіе 15 апрѣля 1896 года.

Открыто въ 8 ч. 20 м. вечера Предсѣдателемъ **С. А. Муромцевымъ**, при Секретарѣ **В. В. Пржевальскомъ** и происходило въ присутствіи Гг. Дѣйствительныхъ Членовъ: **И. М. Баранцевича, Д. С. Варшева, Н. В. Васнина, Н. Л. Борхарта, С. Н. Булгакова, А. П. Бутягина, В. В. Выховскаго, В. И. Витковскаго, Н. А. Вокача, А. Э. Вормса, А. В. Горбунова, Н. И. Граната, В. А. Долячко, Д. Н. Загоскина, В. О. Ильина, Ѳ. Ѳ. Кокошкина, Г. Я. Лопатина, П. Н. Лухманова, И. В. Мандельштама, кн. Ѳ. В. Мещерскаго, Л. Н. Раевскаго, В. В. Рождественскаго, В. П. Сербскаго, В. В. Сиротинина, В. Н. Сторожева, Н. В. Троицкаго, И. М. Тэріана, Г. С. Фельдштейна, И. И. Флоринскаго, Н. Я. Фрейнда и Н. Е. Эфроса**, и Члена-Корреспондента **А. Л. Рубиновскаго**.

I. Читанъ и утвержденъ протоколъ засѣданія 1 апрѣля 1896 года.

II. Г. Предсѣдатель доложилъ письмо Секретаря Статистическаго Отдѣленія, извѣщающее, что Отдѣленіе предлагаетъ назначить делегами Общества на предстоящемъ лѣтомъ 1896 года Всероссійскомъ торговопромышленномъ Съѣздѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ изъявившихъ на то свое согласіе: Предсѣдателя Отдѣленія и Почетнаго Члена Общества проф. А. И. Чупрова и Дѣйствительныхъ Членовъ проф. К. А. Вернера и Н. Ф. Анненскаго.

По предложенію Предсѣдателя, Общество утвердило означенныхъ лицъ делегатами на предстоящемъ Съѣздѣ.

III. Избраны въ Дѣйствительные Члены Общества: *А. И. Урьясовъ* и *князь П. Д. Урусовъ*.

IV. Предсѣдатель довелъ до свѣдѣнія Гг. Членовъ, что настоящее засѣданіе—послѣднее въ текущемъ академическомъ году.

V. Членъ-Корреспондентъ *А. Л. Рубиновскій* прочелъ докладъ: „Недостатки современной организаціи надзора за проституціею", коего основныя положенія сводились къ слѣдующему:

1. Современная регламентація не устраняетъ возможности внесенія въ списки и малолѣтнихъ.

2. Современная регламентація допускаетъ внесеніе въ списокъ—несовершеннолѣтнихъ безъ вѣдома родителей и опекуновъ, а замужнихъ—безъ вѣдома мужей.

3. Дѣйствующая система регламентаціи отнимаетъ у женщинъ возможность честнаго заработка.

4. Дѣйствующая система стѣсняетъ свободный выходъ изъ проституціи настолько, что дѣлаетъ его трудно осуществимымъ.

5. Дѣйствующая система санитарнаго надзора за проститутками отличается ненужными стѣсненіями.

6. Организація проституціи въ формѣ публичныхъ домовъ въ

санитарномъ отношеніи опаснѣе неорганизованной, такъ какъ создаетъ искусственные центры зараженія.

7. Организація проституціи въ формѣ домовъ ведетъ къ такому порабощенію женщины, которое противорѣчитъ нравственнымъ требованіямъ современнаго общества.

В. В. Пржевальскій замѣтилъ, что въ Австріи регистрируютъ лишь женщинъ, исключительно живущихъ развратомъ. Благодаря этому, напр., въ Вѣнѣ, насчитывающей $1^1/_2$ милліона жителей, зарегистрировано около 1700 проститутокъ (*Г. Клозель*, Регламентація проституціи въ Вѣнѣ, „Вѣстникъ обществ. гигіены и т. д.", 1896, кн. 1-ая). Зарегистрированіе одиночекъ представляетъ громадныя трудности. Утвержденіе докладчика, что чистыя проститутки созданы искусственно, благодаря свободѣ рынка и волчьимъ паспортамъ въ видѣ желтыхъ билетовъ, несостоятельно. Несомнѣнно, существуютъ факторы проституціи, лежащіе въ личности женщины: нѣкоторыя женщины порочной организаціи предпочитаютъ проституцію другимъ занятіямъ какъ болѣе легкое ремесло. У одиночекъ сифилиса не менѣе, чѣмъ среди женщинъ публичныхъ домовъ, но ихъ труднѣе уловить. Вопреки докладчику, большинство врачей стоитъ за публичные дома. Изъ писателей - врачей того же мнѣнія Martineau, авторъ книги „Тайная проституція", и многіе спеціалисты, имъ цитируемые. Тайная проституція опаснѣе явной, концентрированной въ публичныхъ домахъ. Какъ видно изъ статьи Г. Клозеля, вѣнскіе врачи высказались за дома терпимости, признавъ ихъ „облегчающими административно-врачебный контроль проститутокъ и нисколько не вредящими общественной нравственности". Методъ, примѣняемый докладчикамъ, неправиленъ: 1) онъ сравниваетъ одиночекъ съ плохими домами, а выводъ свой распространяетъ и на образцовые дома; 2) одиночекъ зарегистрированъ лишь ничтожный процентъ, а въ публичныхъ домахъ всѣ женщины зарегистрированы; такимъ образомъ, въ докладѣ сравниваются несравнимыя величины: всѣ проститутки публичныхъ домовъ съ немногими, случайно изъ массы выхваченными проститутками-одиночками. Опасность, представляемая сифилисомъ, столь велика, онъ является столь грознымъ агентомъ вырожденія, что необходима энергичная борьба съ нимъ. Необходимы строгія кары за зараженіе, съ одной стороны, и регламентація и медицинскій надзоръ, съ другой стороны. Какъ справедливо сказалъ на конгрессѣ сифилитологовъ знаменитый португальскій врачъ, тираніи сифилиса мы можемъ противопоставить лишь тираннію надзора.

А. Л. Рубиновскій объяснилъ, что принципіально онъ не аболиціонистъ. Въ докладѣ приведены ссылки на статистику многихъ

врачей, которые говорятъ, что у одиночекъ заболѣваемость меньше. Вредъ нынѣшней регламентаціи—созданіе центровъ разврата. При иныхъ условіяхъ, развратомъ могли бы жить лишь наиболѣе красивыя женщины. Надо карать за одинъ фактъ сношенія больного человѣка со здоровымъ, возложивъ onus probandi на обвиняемаго. Полиція должна мѣшать концентраціи разврата: женщина тѣмъ скорѣе заболѣетъ, чѣмъ болѣе она совокупляется.

Е. М. Баранцевичъ находилъ, что совокупляющемуся трудно знать въ точности возрастъ женщины. Въ рѣшеніи Сената лежитъ та мысль, что всякій можетъ приблизительно опредѣлить, есть ли дѣвушкѣ 10 лѣтъ. Изъ практики Мясницкой больницы извѣстно, что зарегистрированы дѣвушки 15—16 лѣтъ. Дѣвушка на словахъ всегда себѣ лѣтъ прибавитъ. Референтъ упрекаетъ полицію въ пособничествѣ сводничеству, но приведенные въ докладѣ факты о полицеймейстерахъ—одиночныя, мѣстныя злоупотребленія. Нельзя сказать, что всѣ проститутки поступаютъ въ публичные дома благодаря сводничеству. Формальныхъ договоровъ между проституткою и хозяиномъ публичнаго дома не существуетъ. Каждая хозяйка обязана объявить поступающей въ домъ существующія правила. Желтыхъ билетовъ въ Москвѣ нѣтъ; у каждой женщины есть лишь № и фотографическая карточка. Женщина, желающая уйти изъ публичнаго дома, должна лишь придти въ комитетъ и получить немедленно бумаги. Всякая проститутка желаетъ осмотра, и въ Англіи сами проститутки просили о введеніи опять осмотровъ. Въ Москвѣ осмотръ производится вѣжливо, безъ всякихъ оскорбленій.—Хозяйка обязана отпустить проститутку и дать ей необходимое бѣлье и платье. Требуется лишь поручитель, но безъ всякой матеріальной или нравственной отвѣтственности. Былъ случай, что комитетъ освободилъ и безъ поручителя. Откуда взята докладчикомъ статистика о 87% малолѣтнихъ въ публичныхъ домахъ, неизвѣстно. Г. Тарновской этотъ процентъ указанъ лишь относительно аномалій черепа у проститутокъ. Врядъ ли точна статистика и о замужнихъ, занимающихся проституціею. Иныя данныя добыты въ Москвѣ полицейскими дознаніями прошлаго года. Сифилисъ растетъ въ Москвѣ. Въ Англіи, послѣ отмѣны регламентаціи, въ арміи сифилисъ возросъ на 28%. Можно лишь радоваться локализаціи публичныхъ домовъ въ городѣ. При локализаціи, легче усмотрѣть и за преступленіями, совершаемыми проститутками.

А. Л. Рубиновскій возразилъ, что, разъ мужчина хочетъ сойтись съ первою встрѣчною, онъ совершаетъ преступленіе, предусмотрѣнное 994 ст. улож. о нак., а потому долженъ спросить женщину, сколько ей лѣтъ. Что полиція весьма часто содѣйствуетъ

разврату,—это подтверждено Генуэзскимъ съѣздомъ аболиціонистовъ. Сводницы помогаютъ войти въ проституцію. Договоры существуютъ лишь въ Инструкціи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Желтые билеты существуютъ въ губернскихъ городахъ. Найти поручителя очень трудно. По московской полиціи судить нельзя: она лучшая въ Россіи. Вора въ тюрьмѣ не шельмуютъ, а женщину при медицинскомъ осмотрѣ оскорбляютъ. Статистическія данныя доклада взяты изъ XIII т. свода статист. дан. Россійской Имперіи, цифры точны до $^{1}/_{10}$. Осмотръ полиціи и аресты проститутокъ, по разъясненію Сената (№ 7, 1892 г., Общ. Собраніе 1-го и Кассац. Д-овъ), незаконны. Не надо такой регламентаціи, которая даетъ женщинѣ возможность мѣнять мужчинъ безъ счету. Плохо, что существуютъ публичные дома.

Н. Л. Борхартъ находилъ непонятнымъ, какъ могутъ родители или опекунъ удержать ребенка отъ занятія проституціею. Выборъ поприща дѣятельности зависитъ отъ многихъ причинъ. При публичныхъ домахъ надзора все-таки больше, и концентрація здѣсь желательна.

А. Л. Рубиновскій замѣтилъ, что, какъ показываетъ статистика, сиротѣ въ нѣсколько разъ легче попасть въ проституцію: отеческая власть воздерживаетъ дѣтей отъ проституціи. Разъ дѣвушкѣ нѣтъ 21 года, родители обязаны блюсти за ея нравственностью. 993 ст. улож. о нак. караетъ родителей за потворство разврату дѣтей.

Н. В. Баснинъ указалъ, что въ дебатахъ забываютъ слово „терпимость“, а вѣдь, не безъ основанія прилагается оно къ публичнымъ домамъ. Причина необходимости регламентаціи—порочность общества. Сифилисъ сталъ побуждать къ регламентаціи почти лишь въ наши дни. Законъ, запрещая сводничество, допускаетъ дома терпимости, которые суть лишь форма сводничества. Дома терпимости—уступка пороку.

Б. О. Ильинъ отмѣтилъ, что референтъ неправильно подводитъ совокупленіе съ публичною женщиною подъ составъ проступка, предусмотрѣннаго 994 ст. улож. о нак., ибо ст. 994 имѣетъ въ виду продолжительное сожитіе (vivre maritalement).

А. Л. Рубиновскій объяснилъ, что, по его мнѣнію, если наказуемо сожительство, то тѣмъ паче должно быть наказуемо непотребство.

В. В. Пржевальскій полагалъ, что сироты потому чаще идутъ въ проституцію, что онѣ менѣе обезпечены матеріально. Уменьшеніе общаго оффиціальнаго числа публичныхъ домовъ вовсе не свидѣтельствуетъ еще о ихъ вымираніи, какъ это думаетъ докладчикъ. И въ этой области мелкія предпріятія убиваются крупными. Кромѣ

того, существуетъ масса скрытыхъ публичныхъ домовъ. Докладчикомъ въ его разсужденіяхъ совершенно игнорируется законъ большихъ чиселъ, составляющій всю силу статистическаго изслѣдованія.

А. Л. Рубиновскій возразилъ, что послѣднее мнѣніе было бы лишь тогда правильно, еслибы въ домахъ терпимости не было менѣе женщинъ, чѣмъ проститутокъ—одиночекъ. Шперкъ и всѣ почти русскіе врачи стоятъ на точкѣ зрѣнія докладчика.

Д. С. Баршевъ находилъ, что изъ объясненій референта не видно, стоитъ ли онъ за регламентацію или же нѣтъ. Удобнѣе всего обезвредить зло проституціи путемъ регистраціи въ большихъ центрахъ. Пожеланія докладчика были бы осуществимы при другомъ складѣ общества и при иныхъ условіяхъ. Когда у насъ организуются санитарныя попечительства, они, быть можетъ, возьмутъ это дѣло на себя. Но для этого надо, чтобы сами женщины шли навстрѣчу предпринятому дѣлу.

Н. Е. Эфросъ замѣтилъ, что аболиціонисты всегда указываютъ на тотъ фактъ, что у идущаго къ одиночкѣ больше страха заразиться, а потому къ одиночкамъ ходятъ рѣже, чѣмъ въ публичные дома. Слѣдовательно, съ закрытіемъ публичныхъ домовъ развратъ будетъ меньше.

А. Л. Рубиновскій возражалъ, что какъ одиночекъ, такъ и женщинъ изъ публичнаго дома осматриваетъ одинъ и тотъ же врачъ, которому все равно, откуда женщина пришла. Санитарный надзоръ одинъ и тотъ же и одинаково легокъ. Самая идеальная регламентація есть палліативъ, пока сифилитики будутъ свободно ходить къ женщинамъ. Сифилитики должны знать, что имъ угрожаетъ наказаніе за простое совокупленіе.

VI. Предсѣдатель *С. А. Муромцевъ* предложилъ Гг. Членамъ намѣтить формы общенія Московскаго Юридическаго Общества съ Петербургскимъ, указавъ на слѣдующія: 1) обмѣнъ изданіями, 2) уступка членамъ съ изданій, 3) членъ одного Общества, находясь въ мѣстѣ пребыванія другого Общества, считается членомъ этого послѣдняго, 4) обмѣнъ рефератами.

И. В. Баснинъ находилъ полезнымъ, чтобы одно Общество предлагало на обсужденіе другаго Общества такіе интересные вопросы, которые нуждаются въ большей разработкѣ.

С. А. Муромцевъ довелъ до свѣдѣнія Общества, что Почетный Членъ *К. К. Арсеньевъ* выразилъ желаніе повторить свой докладъ о судѣ присяжныхъ въ одномъ изъ осеннихъ засѣданій Общества.

VII. Предсѣдатель *С. А. Муромцевъ* довелъ до свѣдѣнія Общества, что 31 мая исполняется 30 лѣтъ адвокатской дѣятельности Почетнаго Члена В. Д. Спасовича.

По предложенію г. Предсѣдателя, постановлено: поручить Предсѣдателю поздравить Почетнаго Члена В. Д. Спасовича въ день юбилея отъ имени Общества.

Засѣданіе закрыто въ 11 часовъ 40 минутъ.

Засѣданіе 16 сентября 1896 года.

Засѣданіе открыто въ 8 часовъ 15 минутъ вечера Предсѣдателемъ **С. А. Муромцевымъ** при товарищѣ секретаря **Ѳ. Ѳ. Кокошкинѣ**, въ присутствіи Гг. дѣйствительныхъ членовъ: **М. И. Бруна, В. В. Быховскаго, П. И. Бѣляева, Г. Л. Вербловскаго, А. Э. Вормса, Ю. С. Гамбарова, А. Г. Гусакова, Д. Н. Загоскина, I. И. Иллюстрова, И. Д. Корженевскаго, С. А. Лилина, П. Н. Лухманова, И. В. Мандельштама, Л. Е. Мандельштама, А. Я. Перельмана, В. В. Пржевальскаго, В. Н. Сторожева, И. Т. Тарасова, И. М. Тэріана, Н. В. Троицкаго, А. И. Урьясова, Г. С Фельдштейна, Н. Я. Фрейнда** и членовъ корреспондентовъ: **А. Л. Рубиновскаго** и **В. В. Святловскаго**.

I. Открывая засѣданіе, г. Предсѣдатель обратился къ собранію съ слѣдующими словами: „Начиная вновь наши занятія послѣ лѣтняго перерыва, мы должны прежде всего обратиться къ памяти двухъ членовъ нашего Общества. Одинъ изъ нихъ *Н. В. Водовозовъ*, скончавшійся въ Вѣнѣ 25 лѣтъ отъ роду. Еще совсѣмъ молодой человѣкъ, полный ума, энергіи, любви къ наукѣ, онъ рано сошелъ съ жизненной сцены. Недавно еще, за нѣсколько мѣсяцевъ до перерыва нашихъ засѣданій, онъ былъ между нами; его горячее, воодушевленное слово раздавалось въ пользу занимавшихъ его идей. Личность Н. В. Водовозова всего лучше характеризуется слѣдующими строками газетнаго некролога, принадлежащаго перу человѣка, близко знавшаго покойнаго: „будучи экономистомъ, онъ не былъ спеціалистомъ въ узкомъ смыслѣ этого слова. Это былъ разносторонне образованный человѣкъ съ широкими философскими, литературными и художественными интересами. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обладалъ выдающейся силой ума, критической мысли, научной проницательности и столь рѣдкой и цѣнной способности къ обобщеніямъ. Невольно приходитъ въ голову: какъ мало могъ онъ успѣть совершить въ короткую пору своей юности, и какъ много навѣкъ унесла съ собой холодная могила... Это былъ человѣкъ aus einem Guss, цѣльная, эстетически законченная въ своей цѣльности натура. Было нѣчто суровое съ виду въ этой незнающей компромиссовъ честности, неуклонной прямотѣ; да у него значило „да", нѣтъ — „нѣтъ". Но всякій болѣе внимательный наблюдатель видѣлъ, какое благородное, нѣжное, любящее сердце скрывалось подъ этой суровой внѣшностью.

Преданность его наукѣ и общественности была безгранична: только о нихъ говорилъ онъ съ интересомъ и притомъ во всякое время своей жизни. Этого не могла сокрушить въ немъ и желѣзная сила смертельнаго недуга“. Другую потерю Юридическое Общество понесло въ лицѣ стариннаго своего члена *барона Ѳ. А. Бюлера*, который, пока позволяли ему силы, былъ постояннымъ посѣтителемъ нашихъ засѣданій и которому наша библіотека обязана цѣнными пріобрѣтеніями.

По предложенію Предсѣдателя, Общество почтило память Н. В. Водовозова и барона Ѳ. А. Бюлера вставаньемъ.

II. Предсѣдатель сообщилъ о поздравленіяхъ, принесенныхъ имъ отъ имени Общества двумъ почетнымъ членамъ его, юбилеи которыхъ праздновались въ теченіе лѣтняго сезона, а именно: *В. Д. Спасовичу* по случаю исполнившагося 30-лѣтія его блестящей публицистической и судебной дѣятельности и *К. П. Побѣдоносцеву* по поводу 50-лѣтняго юбилея его государственной службы за научныя заслуги его въ области русской юридической науки. Отъ обоихъ юбиляровъ получены собственноручныя благодарственныя письма.

III. Секретарь доложилъ о поступившихъ за лѣто книгахъ.

IV. Предложены къ избранію въ дѣйствительные члены Общества: *Владиміръ Владиміровичъ Святловскій*, членъ корреспондентъ; *Владиміръ Іезекіилевичъ Круковскій*, *Александръ Александровичъ Переслѣгинъ*, члены Московской Судебной Палаты; *Николай Николаевичъ Таганцевъ*, *Алексѣй Ѳедоровичъ Стааль*, кандидаты на судебныя должности при Московской Судебной Палатѣ; *Андрей Андреевичъ Блиновъ*, *Василій Григорьевичъ Бѣльскій*, помощники присяжнаго повѣреннаго; *Ѳедоръ Михайловичъ Часовниковъ*, присяжный повѣренный, и *Сергѣй Ивановичъ Живаго*, оставленный при Московскомъ Университетѣ по каѳедрѣ государственнаго права.

V. Дѣйствительный членъ *В. В. Пржевальскій* приступилъ къ чтенію доклада: „Проектъ уголовнаго уложенія и современная наука уголовнаго права». (См. *Журн. Юрид. Общ. при Спб. Унив.*, декабрь 1896 г. и январь 1897 г.).

Окончаніе доклада и пренія по нему, за позднимъ временемъ, постановлено отложить до слѣдующаго засѣданія.

Засѣданіе закрыто въ 10 часовъ 50 минутъ вечера.

Засѣданіе 23 сентября 1896 года.

Открыто въ 8 ч. 30 м. подъ предсѣдательствомъ Предсѣдателя С. А. Муромцева и происходило въ присутствіи гг. дѣйствительныхъ членовъ: С. И. Булгакова, В. В. Выховскаго, П. И. Бѣляева, А. Э. Ворыса, В. Э. Дена, Д. Н. Загоскина, А. Р. Ледницкаго, С. А. Лилина, В. С. Малченко, П. Н. Лухманова, И. В. Мандельштама, кн. Ѳ. В. Мещерскаго, Л. Н. Раевскаго, В. В. Сиротинина, В. П. Троицкаго, Г. С. Фельдштейна, И. И. Флоринскаго, В. І. Круковскаго, А. А. Переслѣгина, Ѳ. М Часовникова, и членовъ-корреспондентовъ: А. Л. Рубиновскаго и В. В. Святловскаго.

I. Согласно предложенію Предсѣдателя, Общество, въ виду отсутствія, по болѣзни, товарища секретаря, поручило исполнять обязанности секретаря въ засѣданіи библіотекарю Общества, А. Э. Ворису.

II. Прочитанъ и утвержденъ протоколъ засѣданія 15 апрѣля 1896 г.

III. Избраны въ дѣйствительные члены: *Александръ Александровичъ Переслѣгинъ*, членъ Московской Судебной Палаты; *Владиміръ Іезекіилевичъ Круковскій*, членъ Московской Судебной Палаты; *Ѳеодоръ Михайловичъ Часовниковъ*, присяжный повѣренный; *Сергѣй Ивановичъ Живаго*, оставленный при Московскомъ университетѣ по каѳедрѣ государственнаго права; *Николай Николаевичъ Таганцевъ*, кандидатъ на судебныя должности; *Алексѣй Ѳедоровичъ Стааль*, кандидатъ на судебныя должности; *Владиміръ Владиміровичъ Святловскій*, членъ - корреспондентъ Юридическаго Общества; *Андрей Андреевичъ Блиновъ*, помощникъ присяжнаго повѣреннаго; *Василій Григорьевичъ Бѣльскій*, помощникъ присяжнаго повѣреннаго.

IV. Предсѣдатель доложилъ отношенія: Общества любителей изслѣдованія Алтая, съ благодарностью за присылку „Сборника Правовѣдѣнія", и комитета по разработкѣ устава Приамурскаго Юридическаго Общества, присовокупивъ, что предсѣдателю означеннаго комитета послано 3 экземпляра Устава Общества.

V. Дѣйствительный Членъ *В. В. Пржевальскій*, резюмировавъ въ краткихъ словахъ первую часть доклада, прочитанную имъ въ засѣданіи 16 сентября с. г., продолжалъ свой докладъ: „Проектъ уголовнаго уложенія и современная наука уголовнаго права".

П. И. Бѣляевъ указалъ на достоинства доклада и особенно отмѣтилъ послѣдовательное проведеніе въ немъ вполнѣ опредѣленныхъ юридическихъ идеаловъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что докладчикъ—убѣжденный сторонникъ соціально-политическаго направленія въ наукѣ уголовнаго права. Затѣмъ оппонентъ перешелъ къ

разбору той части доклада, которая была посвящена вопросу объ оцѣнкѣ мотивовъ преступленія. Докладчикъ, по его мнѣнію, правъ, настаивая на выдѣленіи, изъ числа другихъ, тѣхъ преступленій, которыя совершаются по мотивамъ неунизительнымъ. Наказанія за подобныя преступленія должны носить характеръ не позорящихъ чести, въ видѣ напримѣръ, custodia honesta и т. п. Выдѣленіе это провести не легко по соображеніямъ юридической техники. Но въ его пользу говоритъ исторія уголовнаго права. Всѣ древнія правовыя системы руководились, какъ конкретнымъ признакомъ, характеромъ умысла при оцѣнкѣ вредныхъ въ соціальномъ отношеніи поступковъ. Характернымъ признакомъ преступленія древне-римское право считаетъ „dolus malus", древне-германское, въ частности древне-лангобардское, — „astus", „insidiae", древне-русское—„пакость" и „хитрость".

Г. С. Фельдштейнъ, возражая противъ предложеннаго докладчикомъ различенія въ уложеніи уголовныхъ преступленій и полицейскихъ нарушеній, доказывалъ неустойчивость и несостоятельность всѣхъ предложенныхъ критеріевъ этого разграниченія, а также практическую его безполезность. Противъ господствующей доктрины, опредѣляющей полицейскую неправду какъ простое непослушаніе, оппонентъ, въ частности, привелъ слѣдующіе доводы: 1) что во всякомъ правонарушеніи кроется элементъ непослушанія и 2) къ непослушанію же сводятся формальныя преступленія, также покушеніе, когда оно не сопровождается никакими матеріальными послѣдствіями. Затѣмъ оппонентъ высказался противъ излишней, на его взглядъ, расточительности докладчика при назначеніи ареста, низшимъ срокомъ котораго онъ предлагаетъ признать слишкомъ продолжительный—шестинедѣльный, и указалъ, наконецъ, что, вопреки мнѣнію докладчика, даже усиленная просьба потерпѣвшаго не можетъ устранять противозаконность дѣянія, направленнаго противъ его жизни.

В. В. Быховскій находилъ, что полномочія, предоставленныя проектомъ судьѣ при опредѣленіи мѣры наказанія, создадутъ легальный произволъ въ судахъ, такъ какъ проектъ разрѣшаетъ иногда даже переходъ отъ одного вида наказанія къ другому, и въ подтвержденіе своего мнѣнія сослался на брошюру г. Красовскаго.

А. Л. Рубиновскій возражалъ противъ предложенія докладчика значительно усилить репрессію рецидива, на томъ основаніи, что самъ по себѣ рецидивъ еще не свидѣтельствуетъ о высокой степени испорченности преступника. Рецидивъ большею частью объясняется тѣмъ неблагопріятнымъ положеніемъ, которое приходится занимать въ соціальной борьбѣ лицу, отбывшему наказаніе. Поэтому

слѣдуетъ ограничиваться исправительными мѣрами, пока не доказана особая испорченность рецидивиста.

В. В. Пржевальскій возражая г. Фельдштейну, доказывалъ, прежде всего, что господствующая нынѣ доктрина, къ числу сторонниковъ которой принадлежатъ, между прочимъ, Binding, Liszt, Hälschner, Hugo Meyer, Zucker, Gretener, Iellinek, различаетъ уголовную и полицейскую неправду и относитъ къ первой нарушеніе защищенныхъ благъ и дѣянія, содержащія конкретную опасность такого нарушенія, а вторую характеризуетъ какъ неповиновеніе велѣнію, содержащее въ себѣ опасность in abstracto. Возраженія г. оппонента падаютъ, если принять во вниманіе то, что онъ упустилъ изъ виду, а именно, что указанная теорія относитъ къ уголовной неправдѣ какъ Verletzungs—, такъ и Gefährdungsdelicte, и вмѣстѣ съ послѣдними и формальныя преступленія, какъ, напр., подлогъ.

О расточительности при назначеніи наказаній можетъ зайти рѣчь только тогда, когда наказанія устанавливаются безполезныя. Безполезно наказывать арестомъ въ нѣсколько дней; между тѣмъ арестъ въ шесть недѣль можетъ служить цѣлесообразнымъ наказаніемъ. Поэтому не его, докладчика, слѣдуетъ обвинять въ расточительности, а проектъ, который во множествѣ случаевъ устанавливаетъ кратковременный арестъ. Далѣе: нѣтъ основаній, въ видѣ исключенія, признавать жизнь благомъ, безусловно неотчуждаемымъ. Къ тому-же ненаказуемость посягательствъ противъ жизни, совершенныхъ по настоянію потерпѣвшаго, должна оправдываться не только этимъ *поводомъ*, но сверхъ того *мотивомъ*—если оно совершенно изъ состраданія.

Г. Быховскому докладчикъ возразилъ, что по проекту не можетъ быть рѣчи о произволѣ при *назначеніи* наказанія, такъ какъ проектъ предоставляетъ только широкія полномочія *смягчать* наказаніе. Это упускаетъ изъ виду и, явно тенденціозное, къ тому же, произведеніе г. Красовскаго. Широкое право смягченія наказанія можно смѣло предоставить русскому судьѣ.

По поводу замѣчаній г. Рубиновскаго, докладчикъ напомнилъ, что онъ предлагаетъ усилить репрессію лишь для случаевъ третьяго рецидива. Принимая во вниманіе, что въ этомъ случаѣ преступникъ уже трижды подвергался исправительному наказанію, нельзя не признать, что назначеніе того-же наказанія въ четвертый разъ едва-ли обѣщаетъ какой-либо успѣхъ.

VI. Послѣ преній секретарь общества *В. В. Пржевальскій* предложилъ Обществу, въ связи съ прочитаннымъ имъ докладомъ, принять формулированное имъ постановленіе по поводу заявленія при-

сяжныхъ засѣдателей октябрьской сессіи 1895 года. Предложеніе это было принято и Общество постановило занести въ протоколъ слѣдующую резолюцію: „Московское Юридическое Общество, разсмотрѣвъ, вслѣдствіе ходатайства гг. присяжныхъ засѣдателей октябрьской сессіи Московскаго Окружнаго Суда 1895 года, вопросъ о зачетѣ предварительнаго заключенія въ наказаніе, назначаемое по приговору суда, высказываетъ свое живѣйшее удовольствіе по поводу такого обращенія судей общественной совѣсти къ содѣйствію Юридическаго Общества въ дѣлѣ реформы отечественнаго законодательства, но принимая во вниманіе, что мнѣніе свое объ обязательности зачета предварительнаго слѣдствія въ наказаніе при всѣхъ видахъ срочнаго лишенія свободы Общество уже представило въ 1884 году Г. Министру Юстиціи въ своихъ замѣчаніяхъ на первый проектъ уложенія о наказаніяхъ, составленный Редакціонной Коммиссіей, что это заключеніе Общества, какъ видно изъ „объясненій" Коммиссіи, имѣлось ею въ виду при дальнѣйшей переработкѣ проекта и будетъ, слѣдовательно, принято во вниманіе Министерствомъ Юстиціи при окончательномъ установленіи текста проекта уголовнаго уложенія, Общество, въ настоящее время, не усматриваетъ основаній къ возбужденію новаго по сему предмету ходатайства".

Засѣданіе закрыто въ $11^1/_2$ часовъ.

Засѣданіе 14 октября 1896 года.

Засѣданіе открыто въ 8 ч. 15 м. вечера Предсѣдателемъ **С. А. Муромцевымъ**, при Секретарѣ **В. В. Пржевальскомъ**, въ присутствіи гг. Дѣйствительныхъ Членовъ: **И. А. Вазанова, Д. С. Баршева, С. И. Булгакова, П. И. Бѣляева, Г. Л. Вербловскаго, П. Г. Виноградова, В. И. Витковскаго, В. Н. Вольтмана, А. Э. Вормса, М. Я. Герценштейна, М. С. Гольденвейзера, А. Я. Гуревича, Н. А. Зачинскаго, В. О. Ильина, Гр. Л. А. Камаровскаго, Г. Н. Кругликова, В. І. Круковскаго, М. А. Лебедева, А. Р. Ледницкаго, С. В. Лепешкина, С. А. Лилина, В. С. Малченко, И. В. Мандельштама, Кн. Ѳ. В. Мещерскаго, П. И. Новгородцева, А. А. Переслѣгина, Л. Н. Раевскаго, В. В. Рождественскаго, И. И. Сахарова, В. В. Сиротинина, А. Ф. Стааля, В. Н. Сторожева, Н. Н. Таганцева, Н. М. Тэріана А. Н. Урьясова, Г. С. Фельдштейна, И. И. Флоринскаго, Н. Я. Фрейнда, В. М. Хвостова, А. Э. Штейнфинкеля, И. И. Янжула** и Члена-корреспондента **А. Л. Рубиновскаго**.

I. Предсѣдатель произнесъ рѣчь, посвященную памяти скончавшагося 10 октября дѣйствительнаго Члена Общества Константина Дмитріевича Анциферова. Во время своей службы по судебному вѣдомству въ Москвѣ, К. Д. былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ Общества, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ—товарищемъ Предсѣдателя

Общества; покойный состоялъ постояннымъ сотрудникомъ „Юридическаго Вѣстника“, гдѣ перу его принадлежитъ цѣлыхъ рядъ выдающихся работъ по уголовному процессу. Живя послѣдніе годы внѣ Москвы, К. Д. продолжалъ поддерживать свою связь съ Юридическимъ Обществомъ и не далѣе, какъ въ 1895 году, пожертвовалъ Обществу свою цѣнную библіотеку.

По предложенію г. Предсѣдателя, гг. Члены Общества, стоя, выслушали слѣдующую резолюцію: Московское Юридическое Общество, высоко цѣня литературные труды своего Дѣйствительнаго Члена Константина Дмитріевича Анциферова въ области уголовнаго процесса и его заслуги передъ Юридическимъ Обществомъ, съ чувствомъ глубокаго прискорбія заноситъ въ свой протоколъ извѣстіе о его кончинѣ.

Предсѣдатель довелъ до свѣдѣнія Общества, что резолюція Общества будетъ сообщена вдовѣ покойнаго Е. П. Анциферовой.

II. Читанъ и утвержденъ протоколъ засѣданія 8 апрѣля 1896 года.

III. Предложены къ избранію въ Дѣйствительные Члены Общества: *Dr. F. Meyer*, Landgerichtsrath, Erster Vorsitzende der Internationalen Vereinigung für vergleichende Rechtswissenschaft und Volkswirthschaftslehre zu Berlin—С. А. Муромцевымъ и В. В. Пржевальскимъ; *Николай Дмитріевичъ Полетаевъ*, помощникъ присяжнаго повѣреннаго—кн. Ѳ. В. Мещерскимъ и С. Н. Булгаковымъ; *Василій Ѳедоровичъ Гартунгъ*, старшій кандидатъ на судебныя должности при Московскомъ Окружномъ Судѣ—В. В. Пржевальскимъ и Б. О. Ильинымъ; *Валеріанъ Валеріановичъ Валицкій*, судебный слѣдователь 14 уч. г. Москвы — Б. О. Ильинымъ и В. В. Пржевальскимъ; *Александръ Михаиловичъ Александровъ*, помощникъ присяжнаго повѣреннаго — И. Н. Сахаровымъ и С. Н. Булгаковымъ; *Василій Григорьевичъ Михайловскій*, земскій статистикъ—Н. А. Каблуковымъ и И. П. Боголѣповымъ.

IV. Дѣйствительный членъ *М. И. Брунъ* прочелъ докладъ: „Гражданское уложеніе для Германской имперіи въ связи съ важнѣйшими направленіями юридической мысли въ современной Германіи“.

Предсѣдатель *С. А. Муромцевъ*, указавъ на то, что столь интересный и столь живо исполненный докладъ вводитъ слушателей въ крупный законодательный памятникъ и потому надо ожидать продолжительныхъ преній, предложилъ отложить пренія по докладу до слѣдующаго засѣданія—28 октября. Предложеніе г. Предсѣдателя Обществомъ принято, и засѣданіе закрыто въ 11 часовъ вечера.

Засѣданіе 28 октября 1896 года.

Засѣданіе открыто въ 8 ч. 15 мин. вечера Предсѣдателемъ С. А. **Муромцевымъ** при Секретарѣ **В. В. Пржевальскомъ**, въ присутствіи гг. Дѣйствительныхъ Членовъ: **И. А. Базанова, М. И. Бруна, В. В. Быховскаго, В. Г. Бѣльскаго, П. И. Бѣляева, Г. Л. Верблоевскаго, Н. А. Вокача, А. Э. Вормса, М. С. Гольденвейзера, В. О. Ильина, Гр. Л. А. Камаровскаго, А. М. Краевскаго, С. В. Лепешкина, С. А. Лилина, П. Н. Лухманова, П. Н. Малянтовича, Н. В. Мандельштама, Кн. Ѳ. В. Мещерскаго, И. Х. Померанцева, А. А. Раевскаго, В. В. Сиротинина, А. Ф. Стааля, В. Н. Сторожева, Н. В. Троицкаго, Н. М. Тэріана, А. И. Урьясова, И. И. Флоринскаго и В. М. Хвостова.**

I. Избраны въ Дѣйствительныя Члены Общества: *Dr. F. Meyer*, *Василій Григорьевичъ Михайловскій*, *Александръ Михайловичъ Александровъ*, *Валеріанъ Валеріановичъ Валицкій*, *Николай Дмитріевичъ Полетаевъ* и *Василій Ѳедоровичъ Гартунгъ*.

II. Доложены: отношеніе г. ректора Московскаго университета о доставленіи ему свѣдѣній о дѣятельности Общества за 1896 годъ и отношеніе Бюро съѣздовъ исправительныхъ заведеній, при коемъ препровождены въ Общество „Труды IV-го Съѣзда Русскихъ Исправительныхъ Заведеній".

III. Предложены къ избранію въ Дѣйствительные Члены Общества: *Павелъ Емельяновичъ Соколовскій*, ординарный профессоръ Московскаго университета — С. А. Муромцевымъ, А. Э. Вормсомъ и В. В. Пржевальскимъ, и *Леонидъ Андреевичъ Балашовъ*, старшій кандидатъ на судебныя должности при Московскомъ Окружномъ Судѣ— А. Ф. Стааалемъ и В. В. Пржевальскимъ.

IV. Открылись пренія по поводу доклада Дѣйствительнаго Члена *М. И. Бруна*, прочитаннаго въ засѣданіи 14 октября.

А. Э. Вормсъ отмѣтивъ достоинства доклада, доказывалъ, что пріемъ, къ которому прибѣгъ докладчикъ, не вполнѣ соотвѣтствовалъ поставленной цѣли—охарактеризовать умственныя теченія современной Германіи. Докладчикъ ограничился изложеніемъ споровъ, возбужденныхъ отдѣльными статьями Уложенія, изложеніемъ, къ тому же, не вполнѣ безпристрастнымъ. Онъ не обратилъ вниманія на одинъ изъ наиболѣе существенныхъ факторовъ, оказавшихъ рѣшающее вліяніе на характеръ Уложенія — на вліяніе исторической школы въ правовѣдѣніи. Вліяніе этого фактора легче всего опредѣлить путемъ сравненія Уложенія съ Code civil. Въ основу обоихъ памятниковъ права положены тѣ же главные принципы — равенства гражданъ, личной свободы ихъ и, въ частности, свободы договоровъ, неприкосновенности и свободнаго обращенія частной собственности и секуляризаціи гражданскаго права. Тожественно также большин-

ство болѣе частныхъ принциповъ обоихъ кодексовъ. Источниками при составленіи ихъ, далѣе, послужили тѣ же римскія начала права и германско-правовыя воззрѣнія, которыя лежали въ основѣ французскихъ кутюмовъ и германскихъ партикулярныхъ правъ. Несмотря на все это, общій характеръ кодексовъ, какъ научно-литературныхъ произведеній, различенъ. Различны они по своему тону, по общей окраскѣ: Германское Уложеніе менѣе рѣшительно, выглядитъ какъ-то блѣдно. Оно боится порвать связь съ прошлымъ и не хочетъ предрѣшать многихъ вопросовъ, предоставляя рѣшеніе ихъ наукѣ и практикѣ.

Чѣмъ объяснить это? и правъ ли докладчикъ, квалифицируя указанныя свойства, какъ недостатки? Отвѣтъ, который далъ докладчикъ на первый вопросъ и который сводится къ тому, что непослѣдовательность Уложенія вызвана стремленіемъ третьяго сословія укрѣпить свою позицію, невѣренъ или, во всякомъ случаѣ, недостаточенъ. Указанныя особенности Уложенія, какъ научно-литературнаго произведенія, объясняются торжествомъ исторической школы за тотъ періодъ, который отдѣляетъ Code civil отъ Герм. Уложенія. Въ основѣ своей Code civil созданъ приверженцами школы естественнаго права, и онъ сохранилъ этотъ отпечатокъ, несмотря на Наполеоновскую комиссію, въ составъ которой вошли уже юристы, сторонники историческаго направленія. Германское Уложеніе, напротивъ, произведеніе юристовъ, воспитанныхъ во взглядахъ исторической школы, къ которой одинаково принадлежали какъ авторъ перваго проекта — Виндшейдъ и др., такъ и ихъ противники, добившіеся многихъ измѣненій во второмъ проектѣ,—какъ романисты, такъ германисты (Гирке).

Сопоставивъ затѣмъ основныя воззрѣнія школы естественнаго права, какъ они сказались въ рѣчахъ автора первыхъ проектовъ Code Civil, Камбасереса, съ воззрѣніями исторической школы, какъ ихъ формулировалъ Савиньи, оппонентъ, — мимоходомъ указавъ на несправедливость высказаннаго докладчикомъ обвиненія противъ Зома, будто послѣдній лишь въ Рейхстагѣ, изъ полемическихъ соображеній, возвелъ въ принципъ начало закономѣрнаго и органическаго развитія права,—доказывалъ, что Герм. Уложеніе, какъ литературное произведеніе, дѣтище исторической школы, со всѣми ея недостатками и достоинствами.

Переходя затѣмъ къ отвѣту на второй изъ поставленныхъ выше вопросовъ, оппонентъ полагалъ, что такими достоинствами слѣдуетъ признать именно тѣ черты, которыя докладчикъ ставитъ въ вину Уложенію. Достоинства эти сводятся, главнымъ образомъ, къ сохраненію связи съ прошлымъ (по возможности не нарушены разно-

образные начала, господствовавшія въ разныхъ частяхъ Герм. Имперіи), въ осторожности и отсутствіи казуистики въ формулировкѣ нормъ и, наконецъ, къ предоставленію судьѣ очень широкихъ полномочій. Все это обусловлено, прежде всего, тѣмъ, что благодаря трудамъ исторической школы установлено, что нормальнымъ и наиболѣе совершеннымъ является развитіе права путемъ судебныхъ рѣшеній, въ которыхъ объективируется господствующее въ данную эпоху правосознаніе народа, что работа законодателя не есть послѣдній шагъ въ развитіи права, а только первый, что задача его, съ одной стороны, по возможности сохранять связь съ прошлымъ, не стремиться къ безуспѣшной всегда ломкѣ жизни, а съ другой—создать удобную почву для развитія будущаго права.

Въ заключеніе оппонентъ высказался противъ метода историко-этическаго направленія въ юриспруденціи (Менгеръ и др.), которое вноситъ чисто-субъективные критеріи въ рѣшеніе вопроса о возникновеніи новыхъ нормъ, и противопоставилъ ему историко - индуктивные пріемы проф. Huber'а при составленіи обще - швейцарскаго закона о наслѣдованіи. Излишняя строгость критики съ точки зрѣнія Менгера и его послѣдователей сказывается въ ихъ нападкахъ на Уложеніе, несмотря на то, что оно въ значительной мѣрѣ отвѣчаетъ тѣмъ требованіямъ, которыя предъявляютъ къ праву современные юристы ради охраны общественнаго интереса.

И. А. Базановъ находилъ, что докладъ представляетъ собою популяризацію Уложенія и не имѣетъ строго-юридическаго значенія. Въ докладѣ можно различать три момента: 1) обстоятельный историческій очеркъ объединенія гражданскаго права въ Германіи, 2) картину условій, при которыхъ создавалось Уложеніе, 3) результаты, получившіеся отъ этихъ разнообразныхъ вліяній на Уложеніе. Самая удачная часть — первая, историческій очеркъ, но нельзя за-то согласиться съ очеркомъ условій, повліявшихъ на характеръ и содержаніе Уложенія. Идея, что законодательный памятникъ есть отраженіе своей эпохи, не представляетъ ничего новаго и, въ этомъ видѣ, вѣрна, но черезчуръ обща, апріорна.

Въ докладѣ развитія этой идеи, поправокъ, дополненій къ ней нѣтъ, равно какъ нѣтъ и связи между общею идеею и отдѣльными примѣрами. Примѣры, приводимые докладчикомъ, могутъ быть объяснены иначе, чѣмъ онъ ихъ объясняетъ. Уложеніе блѣдно, расплывчато, но эти черты не могутъ быть объяснены лишь одною борьбою общественныхъ группъ: всякій законодательный памятникъ носитъ на себѣ печать преемственности идей, усвоивая существовавшій до него юридическій матеріалъ. Эта идея должна была имѣть особое значеніе въ глазахъ редактора проекта: это первый шагъ объединенія парти-

кулярныхъ правъ. Надо было согласить существенное въ партикулярныхъ правахъ, и редакторы оставляли главнѣйшія партикулярныя системы, стараясь только приспособить ихъ такъ, чтобы изъ нихъ вышло нѣчто единое. Борьба соціальныхъ группъ врядъ ли могла сказаться на залоговомъ правѣ, а это право очень блѣдно и расплывчато въ Уложеніи, гдѣ объединена масса разнообразныхъ гипотекъ: акцессорная и на ряду съ нею самостоятельная и т. п. Творцы Уложенія хотѣли, по возможности, съ пощадою отнестись къ прежнему, исторически слагавшемуся праву: самой жизни представили выбрать одну изъ гипотекъ. Такъ же было поступлено и въ Пруссіи въ 1872 году. Право Уложенія переходно лишь въ томъ смыслѣ, что оно представляетъ собою первый шагъ отъ чрезмѣрнаго партикуляризма къ совершенному объединенію. Примѣръ докладчика изъ семейственно-имущественнаго права, какъ нельзя удачнѣе объяснимъ съ этой точки зрѣнія. Тутъ нѣтъ „закрѣпленія позиціи", а есть уступка всѣхъ позицій новымъ вѣяніямъ (введеніе системы раздѣльности имущества, опекунскій судъ, господство праваго супруга надъ неправымъ и т. п.). Если творцы Уложенія многое не додѣлали въ этомъ направленіи, то лишь изъ уваженія къ предшествующему праву. Примѣръ, взятый докладчикомъ для сравненія Уложенія съ Code civil, неудаченъ: положеніе „en fait de meubles la possession vaut titre" появилось за 13 вѣковъ до Code Napoléon, а формулировано окончательно за 100 лѣтъ до него. Равнымъ образомъ неудачно сравненіе Уложенія съ нашимъ X томомъ Свода зак. Въ нашемъ гражданскомъ правѣ есть институты очень драгоцѣнные, могущіе служить украшеніемъ для Уложенія любого культурнаго народа. Вопреки докладчику, нельзя говорить противъ того, что въ Уложеніи—одна система имущественныхъ отношеній супруговъ. Это высказано Менгеромъ, но не de lege ferenda.

Г. Л. Вербловскій замѣтилъ, что систематическое объединеніе правового строя во всемъ его объемѣ или даже въ одной его части—задача, чрезвычайно трудная.

По доктринѣ исторической школы Савиньи, совершеннымъ и полнымъ можетъ считаться лишь такой кодексъ, который можетъ въ дѣйствительности замѣнить собою всѣ предшествовавшіе источники права. Онъ долженъ вмѣстѣ съ тѣмъ содержать въ себѣ хорошо формулированные общіе принципы и идеи, путемъ логическаго развитія которыхъ судья могъ бы охватить все разнообразіе жизни. Онъ долженъ быть краткомъ, написанъ яснымъ и точнымъ языкомъ и расположенъ по хорошо выработанной системѣ.

Трудность кодификаціи при существованіи въ Германіи цѣлаго ряда партикулярныхъ законодательствъ и при господствѣ общаго

римскаго права была причиною того, что вопросъ о созданіи общегерманскаго гражданскаго Уложенія, возникшій уже давно и съ особенною энергіей возбужденный въ началѣ нынѣшняго вѣка, разрѣшенъ только теперь. Докладчикъ художественно нарисовалъ правдивую картину оживленной борьбы партій въ рейхстагѣ при обсужденіи проекта Уложенія и нѣкоторыми нормами, взятыми изъ Уложенія, иллюстрировалъ то высказанное имъ положеніе, что появленіе новаго кодекса вызвано, между прочимъ, тѣмъ политическимъ соображеніемъ, что въ немъ видѣли оплотъ противъ соціализма. Едва ли это такъ. Мысль о систематическомъ объединеніи національнаго гражданскаго права въ Германіи зародилась тогда, когда четвертаго сословія, какъ политической силы, еще не было. Съ особенною настойчивостью эта мысль выражалась послѣ осуществленія идеи политическаго единства Германіи (въ 1874 году учреждена была коммиссія для выработки плана и метода составленія Уложенія). Государственные люди и правительства на Западѣ опытомъ прошлаго могли убѣдиться въ той истинѣ, что идеи и общественныя теченія подчиняются извѣстнымъ законамъ эволюціи, независимо отъ хода законодательной регламентаціи. Въ Уложеніи нѣтъ той политической окраски и тенденціозности, которыя ему приписываются докладчикомъ. Референтъ указываетъ, между прочимъ, на норму (§ 61), ограничивающую свободу ассоціацій; однако, по этому предмету Уложеніе стоитъ на почвѣ дѣйствующаго права и господствующаго его пониманія. Еще въ 1882 году коммиссія рейхстага, обсуждая проектъ Шульце - Делича о частноправовомъ положеніи ассоціацій, рѣшила не признавать правоспособными союзы, преслѣдующіе политическія или религіозныя цѣли, а саксонскій законъ 1868 г. требуетъ для внесенія въ реестръ союзовъ, цѣль которыхъ затрогиваетъ публично-правовые интересы, разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ. Въ этомъ отношеніи Уложеніе даже сдѣлало шагъ впередъ въ сравненіи съ проектомъ: по этому послѣднему veto администраціи простиралось и на такіе союзы, которые преслѣдуютъ воспитательныя и учебныя цѣли, правоспособность союзовъ съ идеальными тенденціями обусловливалась регистраціею или концессіею, между тѣмъ какъ Уложеніе остановилось исключительно на системѣ нормативныхъ опредѣленій. Протестъ административной власти подлежитъ обжалованію и, слѣдовательно, можетъ быть отмѣненъ. Многія нормы новаго Уложенія удовлетворяютъ самымъ прогрессивнымъ требованіямъ. Таковы постановленія главы о договорѣ услугъ (Dienstvertrag); въ противоположность прусскому ландрехту и саксонскому праву, Уложеніе признаетъ за матерью родительскую власть; незаконное дитя пользуется, по отношенію къ матери и ея родственникамъ, юри-

дическимъ положеніемъ законныхъ дѣтей (§ 1705); незаконныя дѣти имѣютъ право на алименты отъ отца, хотя бы послѣдній не признавалъ себя ихъ отцомъ (§ 1704), при чемъ эта обязанность отца переходитъ на его наслѣдниковъ; постановленія о бракѣ и разводѣ, основанныя на принципѣ равенства и свободы договора, о равноправности сыновей и дочерей въ правѣ наслѣдованія и о самомъ порядкѣ призыва къ наслѣдованію. Было бы крайностью видѣть въ германскомъ Уложеніи всеобщій писанный разумъ (ratio scripta) правового порядка. Соціально-экономическое положеніе Германіи, несомнѣнно, отразилось на нѣкоторыхъ институтахъ Уложенія, въ зависимости отъ исхода борьбы партій въ рейхстагѣ. Воздѣйствіе консервативной партіи и бюрократіи сказалось, напр., въ допускаемомъ Уложеніемъ безконечномъ кругѣ родственниковъ, призываемыхъ къ наслѣдованію, въ ограниченіи отвѣтственности должностныхъ лицъ административнаго и судебнаго вѣдомства за нарушеніе обязанностей службы (§ 839), въ преимуществахъ отца передъ матерью, мужа передъ женою и т. п. Такого воздѣйствія общественныхъ теченій въ ту или другую сторону не можетъ избѣгнуть законодательство въ конституціонномъ государствѣ. Нѣтъ, однако, достаточныхъ основаній говорить, что новое Уложеніе явилось въ Германіи оплотомъ противъ соціализма. Оно, въ общемъ, отвѣчаетъ требованіямъ совершеннаго и полнаго гражданскаго кодекса, представляется продуктомъ глубокой юридической мысли и опытности и можетъ во многихъ отношеніяхъ служить образцомъ для нашего будущаго Уложенія.

В. В. Пржевальскій остановился на двухъ послѣднихъ выводахъ доклада: о нелогичности права и о томъ, что юриспруденція не источникъ права. Положеніе „das Recht ist alogischer Natur" правильно лишь съ точки зрѣнія индивидуальной логики, трактующей о законахъ мышленія. Между тѣмъ право, какъ явленіе соціальное, будучи разсматриваемо съ точки зрѣнія логики соціальной, всегда представляется логичнымъ. Вся эволюція права есть сложная операція соціальной логики. Каждый кодексъ, говоритъ Тардъ, можетъ быть разсматриваемъ, какъ *заключеніе*, болѣе или менѣе хорошо выведенное изъ гигантскаго практическаго *силлогизма*, коего бо́льшая посылка: состояніе стремленій, страстей, аппетитовъ даннаго общества, а меньшая: состояніе знаній, вѣрованій, идей. Поэтому то всякое изобрѣтеніе, нововведеніе, измѣняющее одну изъ посылокъ, отражается и на правѣ. Говоря, что юриспруденція не источникъ права, ибо судья всегда имѣетъ въ виду данный конкретный случай, а не будущее, забываютъ о возможности случаевъ, когда судья знаетъ, что его рѣшеніе, какъ судебный прецедентъ, будетъ имѣть значе-

ніе обычной нормы для будущихъ дѣлъ. Нельзя разсматривать допущеніе смягчающихъ обстоятельствъ въ уголовномъ правѣ какъ признаніе закономъ системы естественнаго права. Они возникли во Франціи какъ неизбѣжный путь для смягченія чрезмѣрной строгости карательныхъ санкцій Code pénal посредствомъ коррекціонализаціи преступленій, но совершенно непонятны въ новѣйшихъ уголовныхъ законодательствахъ, гдѣ и наказанія гуманны, и усмотрѣнію судьи дается широкій просторъ при назначеніи ихъ. Изъ доклада не видно, какъ относится референтъ къ установленному въ Уложеніи порядку отвѣтственности за недозволенныя дѣйствія невмѣняемаго, а между тѣмъ весь 25-ый титулъ VII отдѣла книги „О правѣ долговыхъ отношеній“ (II-й) вообще слабъ и, вопреки мнѣнію г. Вормса, заслуживаетъ упрека въ несоціальности. Онъ построенъ на метафизической основѣ, и на немъ не отразились позативная, научная мысль современной эпохи: говорится „о состояніи, исключающемъ свободное опредѣленіе воли“ (§ 827), для гражданско-правовой отвѣтственности малолѣтнихъ отъ 7 до 18 лѣтъ требуется (§ 828) разумѣніе отвѣтственности—„die zur Erkenntniss der Verantwortlichkeit erforderliche Einsicht.“

Для юридической отвѣтственности необходима, значитъ, свободная воля, а затѣмъ, противорѣча самому себѣ и сознавая, конечно, всю соціальную несправедливость приложенія этого принципа къ конкретнымъ явленіямъ жизни, Уложеніе допускаетъ (§ 829) гражданско-правовую отвѣтственность тѣхъ, кого признаетъ невмѣняемымъ, но лишь прибѣгаетъ здѣсь къ „Billigkeit“, какъ будто бы судья не долженъ руководствоваться справедливостью и во всѣхъ своихъ рѣшеніяхъ. Слѣдуетъ замѣтить, что Уложеніе дѣлаетъ исключеніе для случаевъ безсознательнаго состоянія (Bewusstlosigkeit), гдѣ вовсе не говоритъ объ отсутствіи свободы воли, какъ условіи безотвѣтственности. Съ правильной же точки зрѣнія, въ области гражданскаго права имѣетъ мѣсто отвѣтственность соціальная, юридическая, а не моральная, и для гражданско-правовой отвѣтственности за недозволенныя дѣйствія надо требовать не вины, а одной лишь объективной причинности. Въ высшей степени несправедливымъ является постановленіе § 829, въ силу коего невмѣняемое лицо обязано возмѣстить потерпѣвшему вредъ, причиненный недозволенными дѣйствіями, лишь въ такой мѣрѣ, которая не лишитъ виновнаго возможности продолжать образъ жизни, подобающій его сословному положенію (Standesmässiger Unterhalt).

Приводимый докладчикомъ примѣръ, тяжелаго, по сравненію съ Code Napoléon, слога Уложенія—о владѣльцѣ движимыхъ вещей (§ 1006)—неудаченъ. Опредѣленіе Уложенія просто и понятно для

не-юриста, а во французскомъ правилѣ гражданинъ наталкивается на чисто юридическій, спеціальный терминъ „титула" (en fait de meubles la possession vaut titre).

Отвергнувъ предложенную проектомъ широкую безусловную обязательность принудительнаго государственнаго воспитанія дѣтей, въ случаѣ безнравственнаго поведенія отца, рейхстагъ совершилъ, дѣйствительно, крупную соціально-политическую ошибку, которую рано или поздно ему придется исправлять. За принудительное воспитаніе нравственно заброшенныхъ дѣтей высказалась и Германская группа Международнаго Союза уголовнаго права. Утвержденіе директоровъ германскихъ исправительныхъ заведеній для малолѣтнихъ, что государственное воспитаніе плохо, ибо эти заведенія даютъ высокій процентъ рецидива, не принципіально. Примѣръ Англіи и Швейцаріи свидѣтельствуетъ о противномъ. Кромѣ того, надо еще доказать, что, если бы дѣти, совершившія преступленія, оставались, вмѣсто помѣщенія въ исправительные пріюты, у своихъ порочныхъ родителей, то изъ этихъ дѣтей меньше было бы рецидивистовъ, чѣмъ теперь. Наконецъ, принудительное государственное воспитаніе можетъ быть организовано и не въ формѣ казенныхъ или частныхъ заведеній, а въ видѣ отдачи дѣтей порочныхъ родителей на воспитаніе въ хорошія частныя семьи (швейцарская система Песталоцци). Вырывая ребенка изъ опасной для его нравственности среды и давая ему хорошее воспитаніе на свой счетъ, государство тѣмъ самымъ тушитъ одинъ изъ опаснѣйшихъ очаговъ современной преступности и совершаетъ не только высокогуманное, но и въ высшей степени матеріально выгодное дѣло.

М. И. Брунъ находилъ, что одни замѣчанія по поводу реферата—плодъ недоразумѣнія, а другія объясняютея различіями во взглядахъ. Докладчикъ не упрекалъ Уложенія въ реакціонныхъ стремленіяхъ, указывая и на прогрессивныя его тенденціи; что въ Уложеніи сказалось стремленіе подтянуть гражданскій порядокъ — это видно изъ протоколовъ. Докладчикъ не сочувствуетъ Verwaltungsgemeinschaft и хотѣлъ бы, чтобы изъ Уложенія выкинули 200 статей, относящихся до имущественныхъ отношеній супруговъ. Системы полной раздѣльности имуществъ супруговъ въ Уложеніи нѣтъ. Референтъ вовсе не хотѣлъ сказать что-нибудь новое, говоря, что право создается борьбою интересовъ. Онъ говорилъ въ докладѣ о различныхъ вліяніяхъ на Уложеніе, напр., католической церкви, показать же, почему воспрепятствовала та или иная партія,—не входило въ задачу доклада, но дѣло будущаго историка. Докладчикъ въ своемъ рефератѣ совершенно не сочувствуетъ критикѣ Гирке въ той ея части, гдѣ этотъ писатель высказывается за введеніе въ Уложеніе

національнаго права и соціальнаго права. Слово „соціальность" понимается въ литературѣ двояко. Соціальная норма выводитъ изъ того абстрактнаго состоянія, въ которомъ право находится благодаря римскому праву, подчеркиваетъ связь индивида съ общественною организаціей. Съ этой точки зрѣнія, нашъ X томъ соціаленъ. Соціальными нормами можно назвать также и тѣ, которыя являются уступкою соціальному движенію, четвертому сословію. Воззрѣніе исторической школы, что надо руководиться въ законодательномъ творчествѣ національнымъ духомъ,—заблужденіе, опровергаемое рецепціею чужого права. Выводъ о нелогичности права сдѣланъ изъ изученія Уложенія. Право Уложенія было логично лишь въ проектѣ первой коммиссіи, а не тогда, когда прошло черезъ вліяніе партій, имъ переработано. Между Code Napoléon и Уложеніемъ существуетъ такое же отношеніе, какое существуетъ между фресками Д. Беллини и фресками Микель-Анджело. Докладчикъ отнесся къ Уложенію sine ira et studio, слѣдуя при этомъ правиламъ импрессіонистской критики С. Бёва, какъ единственно возможной теперь, когда только что появилось Уложеніе.

Г. Предсѣдатель, объявивъ вопросъ о гражданскомъ Уложеніи Германіи открытымъ для преній, закрылъ засѣданіе въ 11 ч. 5 мин. вечера.

Засѣданіе 4 ноября 1896 года.

Открыто въ 8 ч. 25 м. веч. Предсѣдателемъ **С. А. Муромцевымъ** при Секретарѣ **В. В. Пржевальскомъ**, въ присутствіи Гг. Дѣйствительныхъ Членовъ Общества: **А. М. Александрова, И. А. Вазанова, Д. С. Варшева, М. И. Бруна, В. Г. Вѣльскаго, П. И. Вѣляева, Г. Л. Вербловскаго, Н. А. Вокача, А. Э. Ворвса, М. С. Гольденвейзера, А. Г. Гусакова, Гр. Л. А. Камаровскаго, В. І. Круковскаго, С. А. Лилина, П. Н. Малянтовича, Н. В. Мандельштама, Л. Е. Мандельштама, кн. Ѳ. В. Мещерскаго, А. А. Переслѣгина, А. А. Раевскаго, И. Н. Сахарова, В. В. Сиротинина, Н. В. Троицкаго, А. Н. Урьясова, Г. С. Фельдштейна** и **А. Э. Штейнфинкеля**.

I. Читаны и утверждены протоколы засѣданій 16 сентября и 14 октября.

II. Избраны въ дѣйствительные члены общества: *П. Е. Соколовскій* и *Л. А. Балашовъ*.

III. Предложенъ къ избранію въ Дѣйствительные члены Общества *Владиміръ Петровичъ Преображенскій*, Присяжный Повѣренный,— С. А. Муромцевымъ и И. Б. Мандельштамъ.

IV. Секретаремъ доложено о поступившихъ въ Общество книгахъ.

V. Дѣйствительный членъ *М. И. Брунъ* прочелъ докладъ: „Дополнительныя замѣчанія къ докладу, прочитанному въ засѣданіи Общества 14 октября 1896 года".

А. Э. Ворксъ замѣтилъ, что возражавшіе въ прошломъ засѣданіи, не знали точки зрѣнія докладчика. Теперь референтъ ее выяснилъ: онъ былъ критикомъ-импрессіонистомъ, кое-что выхватывалъ по своему влеченію. Этотъ методъ, врядъ ли плодотворный въ области искуства, совершенно непригоденъ въ области науки. Плаваніе, о которомъ говорилъ докладчикъ, сопряжено съ большими удовольствіями, но на рѣкѣ встрѣчаются мели и неожиданные повороты, благодаря которымъ можно и не достигнуть цѣли. За неожиданными поворотами скрываются и неожиданныя зрѣлища: теперь оказывается, что въ Уложеніи приводятся многіе прогрессивные принципы.

Докладчикъ привелъ рядъ статей, по поводу коихъ происходили горячія пренія въ коммиссіяхъ, въ рейхстагѣ, но всегда ли эти пренія сосредоточивались на самомъ существенномъ? Если взять уложеніе, какъ цѣлое, и посмотрѣть, какъ въ немъ отразилась соціальная борьба, то окажется, что уклоненіе отъ принципа равенства чаще всего дѣлалось тогда, когда надо было защитить болѣе слабаго. Никакой законъ не можетъ смягчить соціальной борьбы; дѣло идетъ лишь объ уменьшеніи тренія, о нѣкоторой смазкѣ соціальной машины. Нельзя прослѣдить вліяніе борьбы партій на отдѣльныя постановленія уложенія; оно сказалось лишь на всемъ кодексѣ въ его цѣломъ. Тѣмъ фактомъ, что нѣкоторыя статьи принимались или отвергались парламентомъ въ силу преній, не опровергается положеніе Савиньи, что право растетъ закономѣрно. Закономѣрное развитіе права—есть единственная научно-установленная формула. Она не противорѣчитъ ученію Іеринга о томъ, что права есть продуктъ борьбы: если борьба происходитъ, то это не мѣшаетъ тому, чтобы на ея результатахъ сказывалась закономѣрность развитія. Если законодатель сознаетъ, что право есть результатъ борьбы, то врядъ ли онъ возьметъ на себя, безъ этой борьбы, изъ своей головы создать право, не считаясь съ тѣмъ, каково оно было раньше. Подобныхъ положеній не отстаиваетъ ни Іерингъ, ни Меркель. Законодателю надо искать нормы права въ самой жизни; обычное же право есть лучшее для него пособіе, такъ какъ, сложившись подъ вліяніемъ борьбы, оно наиболѣе приспособлено къ жизни.

М. И. Брунъ находилъ, что недоразумѣніе, признанное А. Э. Ворисомъ, продолжается: оппонентъ защищаетъ историческую школу отъ такихъ нападокъ, какихъ докладчикъ никогда не дѣлалъ. Докладчикъ возражалъ лишь противъ того положенія, что право есть

такой же продуктъ органическаго развитія, какъ и языкъ. Соціальная борьба тоже подчинена законамъ развитія. Представители парламентскихъ партій — представители народа, и координація силъ парламентскихъ соотвѣтствуетъ координаціи общественныхъ силъ. Идея равенства была формулирована естественною школою, а не историческою, принесшею много зла въ началѣ текущаго вѣка. Отступленій отъ идеи равенства въ пользу слабыхъ въ проектѣ уложенія—нѣтъ, а есть подобныя отступленія лишь отъ идеи свободы.

И. А. Базановъ указалъ, что А. Э. Вормсъ далъ блестящій отвѣтъ докладчику и правъ, когда утверждалъ, что сегодняшній докладъ далъ новую картину уложенія, какой не было въ предъидущемъ. Что каждому строю общественныхъ отношеній соотвѣтствуетъ свое семейное право,—это впервые высказано Менгеромъ, а не въ протоколахъ коммиссіи. Неясно, что̀ именно въ нашемъ законодательствѣ о договорѣ найма докладчикъ считаетъ „капризомъ графа Сперанскаго".

М. И. Брунъ согласился съ указаніемъ оппонента, что замѣчаніе сдѣлано Менгеромъ, но находилъ, что это не мнѣніе Менгера, а фактъ. Противъ регіональной системы возражали, что семейное право есть результатъ не мѣстныхъ, а общественныхъ условій. Принципъ „Kauf bricht Miethe nicht", во второмъ проектѣ, уступка соціалистамъ. Я не знаю, чѣмъ руководился гр. Сперанскій.

И. А. Базановъ объяснилъ, что всякая идея подсказывается фактами. Ни гр. Сперанскій, ни даже проф. Мейеръ (въ учебникѣ) и не подозрѣвали существованія въ нашемъ правѣ нормы „Kauf bricht Miethe nicht". Этотъ принципъ выдвинула наша судебная практика, а развилъ его въ литературѣ г. Побѣдоносцевъ.

И. Б. Мандельштамъ отмѣтилъ, что, по мнѣнію докладчика, ограниченіемъ нормативнаго начала при образованіи юридическихъ лицъ умаляется принципъ равенства и личной свободы. Между тѣмъ даже представители крайнихъ партій сознавали, что проведеніе начала регистраціи есть шагъ впередъ. § 138 уложенія не нарушаетъ, а наоборотъ, проводитъ начало равенства, которое, пожалуй, нарушается постановленіемъ (§ 6, п. 3-й), лишающимъ дѣеспособности лицъ, подверженныхъ пьянству.

С. А. Муромцевъ полагалъ, что, хотя Общество еще и не пришло къ концу обсужденія новаго законодательнаго памятника Германіи, но уже требуется частичный итогъ по отдѣльнымъ статьямъ того, что было высказано, ибо это дастъ возможность къ извѣстнымъ статьямъ уже не возвращаться. Появленіе такого произведенія не могло не остановить вниманія любого русскаго юриста, вдумывающагося въ умственную жизнь Европы. При изученіи во-

проса вниманіе, естественно, прежде всего останавливается на вызванной уложеніемъ полемикѣ въ германской литературѣ и въ парламентѣ. Живыя стороны этой борьбы интересно изображены въ докладѣ 14 октября. Противъ доклада выступило иное направленіе. Споръ самъ по себѣ есть такой фактъ въ психологическомъ отношеніи, который привлекаетъ къ себѣ вниманіе слушателя, но онъ не есть еще показатель важности спорнаго вопроса. Спорнымъ въ жизни и вызывающимъ горячую борьбу нерѣдко бываетъ отношеніе, охватывающее жизнь, лишь потому, что оно ново, не опредѣлилось. Кто не знаетъ, что въ области юридической науки есть много вопросовъ, знаменитыхъ по своей спорности, но не имѣющихъ первенствующаго значенія. То же можно сказать и о парламентскихъ преніяхъ. Кодексъ есть наименѣе приспособленное средство для производства реформъ; онъ по самой природѣ своей, по формѣ, есть подведеніе итоговъ прошедшаго, сложившагося. Количество вновь внесенныхъ институтовъ не есть критерій для оцѣнки годности или негодности кодекса. Совершенно естестественно, что по поводу уложенія мы пришли къ вопросу о направленіяхъ въ юриспруденціи. При всей кажущейся разницѣ между Іерингомъ и его предшественниками, дѣло его было лишь прямымъ, естественнымъ продолженіемъ, а отчасти и исправленіемъ идей, высказанныхъ ранѣе его. Здѣсь вновь подвервердилось, что старыя ученія входятъ въ новыя тою долею истины, которая была въ нихъ. Идея борьбы даетъ идею закономѣрнаго развитія. Преемство юридическихъ идей есть несомнѣнное явленіе исторіи права, такой фактъ, отъ котораго мы, при всемъ желаніи, не можемъ отрѣшиться. Ученіе исторической школы дало возможность бороться съ идеею о произвольномъ созданіи права. Съ 60-хъ годовъ вопросъ объ обычномъ правѣ и его научномъ, законодательномъ и судебномъ значеніи выросъ самъ собою. Въ идеѣ о значеніи обычнаго права въ Россіи сложились убѣжденія, которыя надо тщательно обдумать прежде, чѣмъ ихъ отвергнуть. Значеніе обычнаго права было выдвинуто какъ необходимая поправка къ нашему гражданскому кодексу, въ виду появленія милліоновъ личностей, къ жизни коихъ этотъ кодексъ не былъ приспособленъ. Идти формальнымъ путемъ подчиненія всѣхъ освобожденныхъ изъ крѣпостной зависимости писанному закону было тоже нельзя. Первоначальная идея волостныхъ судовъ и обычнаго права была здоровая и много обѣщавшая для будущаго развитія права. Затѣмъ, разъ обычному праву дана была способность проявленія, оно дало лучшій матеріалъ для законодательнаго творчества, ибо нельзя регулировать жизнь, не зная ея, нельзя творить изъ ничего. Самая идея уваженія къ обычному праву содѣйствовала дорогой для насъ, юристовъ, идеѣ о необходи-

мости широкаго развитія того, что мы называемъ судомъ по совѣсти, рѣшенія коего индивидуализируютъ норму въ примѣненіи къ конкретному случаю. Отсюда развивается творчество судьи. Если, несмотря на свою матеріальную отсталость, римское право насъ привлекаетъ, то именно потому, что оно возникло путемъ судебнаго творчества, индивидуализированія нормы. Въ жизни русскаго обычнаго права можно было находить то же стремленіе къ суду по совѣсти. Если это стремленіе не развилось, а заглохло, то это вина русскаго общества, а не обычнаго права. Почтенный докладчикъ въ своемъ рефератѣ очень искусно допустилъ сравненіе нѣкоторыхъ институтовъ германскаго уложенія съ русскимъ правомъ и отдавалъ преимущество русскому праву. Съ формальной стороны это такъ, но, вѣдь, каждая норма дѣйствуетъ среди данныхъ соціальныхъ условій. Надо принять во вниманіе среду, гдѣ законъ будетъ дѣйствовать. Отдѣльный нѣмецъ и все тамошнее общество относятся иначе къ авторитету закона, чѣмъ мы, русскіе, менѣе культурные, съ менѣе развитымъ правовымъ чувствомъ. У насъ часто хорошій по буквѣ законъ не исполняется безъ исполнительнаго листа судебнаго пристава. Съ этимъ надо считаться при разсмотрѣніи постановленій закона.

По предложенію Предсѣдателя и съ согласія докладчика, докладъ М. С. Гольденвейзера отложенъ слушаніемъ до слѣдующаго засѣданія.

Засѣданіе закрыто въ 10 час. 40 мин. вечера.

Засѣданіе 11 ноября 1896 года.

Засѣданіе открыто въ 8 час. 15 мин. вечера подъ предсѣдательствомъ Предсѣдателя **С. А. Муромцева**, при Секретарѣ **В. В. Пржевальскомъ**, въ присутствіи Гг. Дѣйствительныхъ Членовъ: **А. М. Александрова, А. А. Блинова, М. И. Бруна, С. Н. Булгакова, В. В. Быховскаго, В. Г. Бѣльскаго, П. И. Бѣляева, Г. Л. Вербловскаго, В. И. Витковскаго, Н. А. Вокача, А. Е. Вормса, В. Ф. Гартунга, М. С. Гольденвейзера, И. Н. Граната, А. Г. Гусакова, Д. Н. Загоскина, Ѳ. Ѳ. Кокошкина, В. I. Круковскаго, М. А. Лебедева, С. А. Лилина, П. Н. Лухманова, И. В. Мандельштама, А. К. фонъ-Меккъ, князя Ѳ. В. Мещерскаго, А. А. Переслѣгина, С. Н. Пурицъ, А. А. Раевскаго, И. Н. Сахарова, В. В. Сиротинина, А. И. Урьясова, И. И. Флоринскаго, А. Э. Штейнфинкель** и Члена-Корреспондента **А. Л. Рубиновскаго.**

I. Читанъ и утвержденъ протоколъ засѣданія 23 сентября 1896 г.

II. Предложенъ къ избранію въ Дѣйствительные Члены *Николай Павловичъ Коломійцевъ*, бывшій адъюнктъ-профессоръ Петровской Сельскохозяйственной Академіи, завѣдующій метеорологическою

сѣтью Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства,—А. И. Чупровымъ и В. В. Пржевальскимъ.

III. Секретарь доложилъ о поступившихъ въ Общество книгахъ.

IV. Избранъ въ Дѣйствительные Члены Общества *Владиміръ Петровичъ Преображенскій.*

V. Дѣйствительный членъ *М. С. Гольденвейзеръ* прочелъ докладъ: «Гражданское уложеніе для Германской Имперіи, его составленіе, система, характеръ».

М. И. Брунъ находилъ, что рефентъ приписываетъ ему такія положенія, какихъ онъ никогда и не высказывалъ. Въ докладѣ замѣчаются и неточности, и нападки, какъ на оппонента, такъ и на германскихъ соціалъ-демократовъ. Мотивы къ уложенію, вопреки утвержденію докладчика, совершенно самостоятельны, а не суть извлеченія изъ протоколовъ коммиссіи и въ этой послѣдней не обсуждались. Критики, а въ частности и Гирке, возражали не только противъ перваго проекта; всѣ же практики были согласны принять и первый проектъ. Сопоставленіе статей германскаго уложенія со статьями Code civil (напр., ст. о шиканѣ со ст. о правѣ собственности) тоже неточно. Оппонента считаютъ принципіальнымъ противникомъ уложенія лишь вслѣдствіе недоразумѣнія. Code civil писался въ ту эпоху, когда на него могло вліять лишь одно третье сословіе, германское же уложеніе составлялось тогда, когда сочетаніе общественныхъ силъ измѣнилось, когда третьему сословію пришлось считаться съ четвертымъ. Поэтому-то идеи равенства и свободы и потускнѣли въ германскомъ уложеніи, сравнительно съ code civil, гдѣ онѣ ясны какъ кристаллъ. Такъ, напр., при урегулированіи системы пріобрѣтенія правъ юридическаго лица корпораціями, германское уложеніе ввело различія между гражданами по политическимъ и религіознымъ воззрѣніямъ. Здѣсь идетъ рѣчь, конечно, не о свободѣ политической, а о свободѣ собственности и договоровъ. Благодаря соціальной борьбѣ, въ окончательную редакцію уложенія вошли многія постановленія въ пользу четвертаго сословія. Референтъ не указалъ на тѣ ограниченія свободы договора, которыя существуютъ въ уложеніи относительно, напр., найма, — ограниченія, иногда весьма желательныя, но отсутствующія въ Code civil, такъ какъ этотъ послѣдній объ интересахъ четвертаго сословія не заботился. Обвиненіе докладчикомъ соціалъ-демократовъ въ обструкціонизмѣ несправедливо, ибо изъ доклада же видно, что обструкціонистской политики держались, напр., и аграріи въ вопросѣ о зайцахъ, клерикалы — въ вопросѣ о гражданскомъ бракѣ. Въ парламентѣ обсуждались вопросы, не имѣющіе политической окраски,—о личныхъ и имущественныхъ отношеніяхъ супруговъ, о

незаконныхъ дѣтяхъ и т. п., причемъ въ этихъ преніяхъ принимали участіе такіе вожаки соціалъ-демократовъ, какъ Бебель. Соціалъ-демократы участвовали и въ парламентской коммиссіи и представляли тамъ и положительные проекты, которые отчасти были приняты коммиссіею, напр., въ вопросѣ о незаконныхъ дѣтяхъ. Книга Менгера очень содержательна и заслуживаетъ болѣе объективнаго разбора. Въ своей критикѣ проекта оппонентъ не шелъ за Менгеромъ, а старался быть объективнымъ.

Предсѣдатель *С. А. Муромцевъ* объявилъ, что вопросъ о германскомъ уложеніи остается для Общества еще открытымъ и что тому изъ Гг. Членовъ, кто заявитъ желаніе высказаться по этому предмету, будетъ предоставлено слово въ одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій.

Засѣданіе закрыто въ 11 ч. 15 м. вечера.

Засѣданіе 18 ноября 1896 года.

Засѣданіе открыто въ 8 час. 20 мин. вечера Предсѣдателемъ **С. А. Муромцевымъ**, при Секретарѣ **В. В. Пржевальскомъ**, въ присутствіи Гг. Дѣйствительныхъ Членовъ: **Д. С. Варшева, П. М. Богаевскаго, М. И. Бруна, С. Н. Булгакова, В. Г. Вѣльскаго, П. И. Вѣляева, А. Э. Ворися, В. А. Долячко, М. В. Духовскаго, С. А. Жигарева, В. О. Ильина, графа Л. А. Камаровскаго, Ѳ. Ѳ Кокошкина, В. І. Круковскаго, М. А. Лебедева, С. А. Лилина, князя Ѳ. В. Мещерскаго, А. Я. Перельмана, А. А. Переслѣгина, В. В. Сиротинина, Н. М. Тэріана** и Члена-корреспондента **А. Л. Рубиновскаго**.

I. Читанъ и утвержденъ протоколъ засѣданія 28 октября 1896 г.

II. Библіотекаремъ А. Э. Вормсомъ доложено о поступившей въ Общество отъ С. М. Нерсесовой книгѣ: «Проф. Н. І. Нерсесовъ. Торговое право. Посмертное изданіе, исправленное и дополненное А. Г. Гусаковымъ».

По предложенію Г. Предсѣдателя, единогласно постановлено: выразить С. М. Нерсесовой благодарность Общества за присылку книги.

III. Избранъ въ Дѣйствительные Члены Общества *Николай Павловичъ Коломійцевъ*.

IV. Дѣйствительный Членъ *графъ Л. А. Камаровскій* прочелъ докладъ: «Международно-парламентскія конференціи 1889—95 гг.» (напечатанъ въ «Русской Мысли», 1896, декабрь, стр. 74 — 92).

П. М. Богаевскій замѣтилъ, что за послѣдніе два года доклады гр. Л. А. Камаровскаго подчеркиваютъ то практическое направле-

ніе, которое теперь принимаетъ въ Европѣ пропаганда идеи мира. Образованіе Бюро мира въ Бернѣ содѣйствовало концентраціи силъ обществъ и друзей мира. Изъ доклада видно, что 1800 парламентскихъ представителей смѣло стали на защиту идеаловъ, дотолѣ упоминавшихся лишь въ учебникахъ международнаго права. Въ докладѣ интересны двѣ стороны: указанія на большое практическое значеніе пропаганды идеи мира и изложеніе академическихъ рефератовъ по крупнымъ вопросамъ международнаго права на конференціи. Архивъ Бюро будетъ представлять собою драгоцѣнный матеріалъ. Вопросъ объ уніи для изданія трактатовъ не новъ; было бы желательно, чтобы въ архивѣ мы нашли указанія причинъ непринятія этой мысли Института международнаго права. На дняхъ заключена такая унія по вопросамъ процессуальнаго права.

П. И. Бѣляевъ полагалъ, что идея постояннаго международнаго третейскаго суда, безпорно, глубоко симпатичная, представляетъ собою мостъ, черезъ который можно создать постоянную санкцію актовъ международнаго права. Доводы докладчика въ пользу такого суда солидны, но есть доводы и противъ него. Всякій третейскій судъ носитъ характеръ конкретный, индивидуальный, характеръ довѣрія къ избираемымъ судьямъ. При выборѣ судей играетъ большую роль элементъ авторитетности, сообщаемой и рѣшеніямъ. Разъ судъ постояненъ, то всѣ эти элементы, играющіе большую роль въ современныхъ международныхъ судахъ, теряютъ свою силу: компетентность уже, не всегда есть довѣріе судящихся къ даннымъ судьямъ, не всегда у судей достаточно и авторитетности. Третейскіе суды въ частномъ правѣ въ теченіе всей ихъ исторіи не стремятся быть постоянными; быть можетъ, въ основѣ ихъ лежатъ не принципы формальные, а принципы нравственности. Римскіе arbitri возникли въ силу того, что въ земельныхъ спорахъ важны показанія старожиловъ; кругъ ихъ дѣятельности очень съуженъ; они находятся подъ контролемъ власти претора. Постоянный третейскій судъ лишенъ контроля, который могъ бы исправлять его ошибки. Первичные суды иногда носятъ какъ бы третейскій характеръ. Исторія и практика не говорятъ за практичность постояннаго третейскаго суда.

Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ находилъ, что докладъ врядъ ли можетъ вызвать принципіальныя возраженія. Національное самосознаніе, стремленіе особенно сильно проявляются въ наши дни и не могутъ не отразиться на отдѣльныхъ лицахъ: объ этомъ свидѣтельствуетъ самъ докладъ. Всегда можетъ встрѣтиться такой конфликтъ національныхъ интересовъ, гдѣ судъ окажется, даже безсознательно, не безпристрастнымъ. Трудно обезпечить постоянно безпристрастный

составъ суда. Индивидуальный третейскій судъ даетъ больше гарантіи безпристрастія.

Гр. Л. А. Камаровскій возразилъ, что высокая авторитетность современныхъ третейскихъ судей,—обыкновенно, главъ государства, имѣетъ и оборотную сторону. Самое ихъ положеніе часто препятствуетъ принятію ими званія третейскаго судьи. Главы государствъ черезчуръ заинтересованы въ политическихъ дѣлахъ, чтобы быть всегда безпристрастными. Практически лучше обращаться къ другимъ лицамъ; третейскія рѣшенія главъ государствъ обыкновенно вырабатываются ихъ совѣтниками, а ими самими лишь скрѣпляются. Пусть лучше судьи работаютъ явно и будутъ отвѣтственны. Изучая международную практику, мы видимъ, что силою вещей третейскій судъ становится все болѣе постояннымъ. Онъ прикрѣпляется къ извѣстнымъ юридическимъ отношеніямъ, а затѣмъ и ко всѣмъ спорамъ на извѣстный срокъ. При теперешней неорганизованной формѣ суда контроля нѣтъ. По постановленію же Брюссельской конференціи установляется двоякій контроль: общественнаго мнѣнія и правительствъ, обращающихся въ судъ; кромѣ того, создается апелляція во вторую инстанцію, состоящую изъ другихъ лицъ. Идея эта весьма практична; явится сословіе лицъ, которыя пройдутъ извѣстную школу; безпристрастны не судьи случайные, а подготовленные къ своей дѣятельности. По проекту, судъ не обязателенъ для государствъ, которыя могутъ обращаться къ инымъ судамъ, ad hoc созданнымъ. Члены, назначенные замѣшанными въ данномъ спорѣ государствами, не засѣдаютъ по этому дѣлу. Правительства имѣютъ право отводить судей.

На вопросъ *С. А. Муромцева*, *гр. Л. А. Камаровскій* объяснилъ, что за послѣднія 20 лѣтъ все чаще и чаще назначаются третейскими судьями частныя лица. Все чаще созываются коллективные суды: Алабамскій—5 членовъ, о котиковомъ промыслѣ—7 членовъ и т. д. Между Англіею и С.-Американскими Штатами теперь заключенъ договоръ о постоянномъ третейскомъ судѣ: по два члена отъ высшихъ судовъ, избирающіе посредника (король Швеціи).

Предсѣдатель *С. А. Муромцевъ*, указавъ, что ни за одною областью правовѣдѣнія Общество не слѣдитъ такъ внимательно какъ за правомъ международнымъ, благодаря докладамъ гр. Л. А. Камаровскаго, выразилъ докладчику благодарность Общества за сдѣланное сообщеніе.

V. Предсѣдатель довелъ до свѣдѣнія Общества, что отъ d-r F. Meyer'a изъ Берлина получено письмо съ выраженіемъ его глубокой благодарности за избраніе въ Члены Общества.

VI. Предсѣдатель доложилъ Обществу, что Бюро Общества

12 ноября утвердило составъ VII тома «Сборника Правовѣдѣнія», который и выйдетъ въ свѣтъ въ самомъ началѣ 1897 года.

VII. Предсѣдатель предложилъ Гг. Членамъ высказаться о формахъ, въ которыхъ можетъ выразиться общеніе Московскаго Юридическаго Общества съ С.-Петербургскимъ, и доложилъ слѣдующія правила такого общенія, выработанныя Бюро Общества въ его засѣданіи 12 ноября:

1. Члены С.-Петербургскаго Юридическаго Общества, находясь въ Москвѣ, и Члены Московскаго Юридическаго Общества, находясь въ С.-Петербургѣ, пользуются въ засѣданіяхъ мѣстнаго Общества, въ отношеніи къ чтенію и обсужденію докладовъ, правами его Членовъ.

2. Общества обмѣниваются своими изданіями и отчетами.

3. Общества обмѣниваются періодическими краткими свѣдѣніями о своей дѣятельности.

4. Члены одного Общества, удостовѣрившіе свое право на полученіе его изданій, могутъ получать и изданія другого Общества по установленной для Членовъ сего послѣдняго льготной цѣнѣ.

Общество единогласно *постановило:* одобрить эти правила и поручить Предсѣдателю вступить на почвѣ ихъ въ переговоры съ С.-Петербургскимъ Юридическимъ Обществомъ.

Засѣданіе закрыто въ 11 часовъ.

Засѣданіе 9 декабря 1896 года.

Засѣданіе открыто въ 8 час. 20 мин. вечера подъ предсѣдательствомъ **С. А. Муромцева,** при Секретарѣ **В. В. Пржевальскомъ,** въ присутствіи Гг. Дѣйствительныхъ Членовъ: **В. Г. Вѣльскаго, П. И. Бѣляева, А. Э. Ворнса, М. С. Гольденвейзера, В. О. Ильина, гр. Л. А. Камаровскаго, Ѳ. Ѳ. Кокошкина, А. М. Краевскаго, И. В. Мандельштама, В. И. Розенблюма, Ѳ. А. Савей-Могилевича, В. В. Сиротинина, Н. Н. Таганцева, Н. М. Тэріана, А. И. Урьясова, Г. С. Фельдштейна, Н. Я. Фрейнда,** и Члена-Корреспондента **А. Л. Рубиновскаго.**

I. Предсѣдатель сообщилъ о кончинѣ Почетнаго Члена Общества *Эрнста Энгеля,* знаменитаго статистика, и предложилъ почтить память усопшаго вставаніемъ.

Сдѣланное предложеніе было единогласно принято Обществомъ и приведено въ исполненіе.

II. Дѣйствительный Членъ *М. С. Гольденвейзеръ* прочелъ докладъ: «Нѣкоторыя особенности германскаго судопроизводства (по поводу процесса Леккерта и Люцова)».

Изложивъ въ общихъ чертахъ ходъ процесса противъ журнали-

стовъ Леккерта и Люцова и отмѣтивъ важнѣйшіе эпизоды его развитія, придавшіе ему драматическій интересъ, независимо отъ огромнаго политическаго его значенія, докладчикъ обратился къ юридической сторонѣ дѣла и старался показать на этомъ живомъ примѣрѣ изъ практики германскаго суда различіе между уголовнымъ судопроизводствомъ у насъ и на западѣ Европы.

Германскій уголовный процессъ существенно отличается отъ нашего лишь въ своей подготовительной стадіи, т.-е. въ предписаніяхъ закона о предварительномъ слѣдствіи. Въ этомъ отношеніи германскій процессъ выгодно отличается отъ нашего въ слѣдующемъ: а) привлеченіе кого-либо къ уголовной отвѣтственности обставлено въ Германіи бо́льшими гарантіями въ пользу обвиняемаго. У насъ для этого достаточно постановленія судебнаго слѣдователя. Въ Германіи предварительное слѣдствіе начинается по особому постановленію суда, которое можетъ послѣдовать лишь вслѣдствіе оффиціальнаго предъявленія точно формулированнаго обвиненія со стороны прокуратуры (Erhebung der oeffentlichen Klage), или со стороны частнаго обвинителя (въ дѣлахъ, подлежащихъ прекращенію миромъ); б) защита допускается въ Германіи уже при предварительномъ слѣдствіи, при чемъ защитники, при отсутствіи защиты по соглашенію, назначаются судомъ и получаютъ вознагражденіе изъ казны по особой таксѣ. Защитникъ, по избранію обвиняемаго, допускается и изъ лицъ, не принадлежащихъ къ присяжной адвокатурѣ, но лишь изъ числа близкихъ родственниковъ обвиняемаго; такому защитнику назначается отъ суда въ помощь присяжный адвокатъ; в) за всѣмъ тѣмъ предварительное слѣдствіе въ Германіи служитъ только подготовленіемъ къ судебному слѣдствію, которое всегда ведется самостоятельно и свободно и никогда не сводится къ простой провѣркѣ данныхъ предварительнаго слѣдствія. Въ этомъ устномъ и гласномъ производствѣ на судѣ сосредоточены всѣ силы германскаго процесса, и это значеніе отмѣчено въ самомъ названіи судебнаго слѣдствія, которое именуется «главнымъ производствомъ» (Hauptverfahren).

Обращаясь къ особенностямъ этого «главнаго производства» и къ сравненію его съ нашимъ «судебнымъ слѣдствіемъ», докладчикъ высказалъ, что особенности германскаго и вообще западнаго уголовнаго процесса заключаются гораздо менѣе въ отличіяхъ нашего закона отъ западнаго, чѣмъ въ способахъ его примѣненія. И нашъ законъ вполнѣ отмѣтилъ существенныя свойства и важнѣйшую цѣль уголовнаго процесса, которыя, по мнѣнію докладчика, заключаются въ слѣдующемъ: всѣ предписанія закона, соблюденіе которыхъ обязательно для суда, преподаны въ огражденіе правосудія, то-есть интересовъ истины, съ одной стороны, и правъ защиты—

съ другой. Исключительная цѣль здѣсь не форма, а содержаніе. Содержаніе же заключается въ томъ, чтобы тотъ житейскій эпизодъ, тотъ уголокъ дѣйствительности, который захваченъ уголовнымъ процессомъ, былъ воспроизведенъ на судѣ наиболѣе близко къ реальной правдѣ. Для этого суду необходима широкая свобода дѣйствовать по своему усмотрѣнію, подъ единственнымъ условіемъ соблюденія предѣловъ, очерченныхъ закономъ. Общій принципъ здѣсь тотъ, что суду дозволено все то, что закономъ не воспрещено или что не противорѣчитъ прямымъ предписаніямъ закона. Соблюденіе этого принципа какъ нельзя яснѣе иллюстрируется берлинскимъ процессомъ, при производствѣ котораго получились столь неожиданные и потрясающіе результаты, пролившіе свѣтъ въ бездну темныхъ политическихъ интригъ и очистившіе отъ всякихъ злостныхъ нареканій личность министра иностранныхъ дѣлъ, который не поколебался обратиться къ суду, дабы сорвать маску съ своихъ политическихъ противниковъ, и достойнымъ образомъ вознагражденъ былъ за это довѣріе предъ лицомъ своего государя и всего народа. Самособою разумѣется, что суду и въ Германіи лишь очень рѣдко приходится разбирать такого рода дѣла. Но именно потому, что уголовный процессъ, установленный по закону, есть только рамка, а содержаніе дается жизнью въ ея безконечномъ разнообразіи, рамка должна всегда сохранять свою гибкость и способность къ расширенію. Но когда предписанныя закономъ формальности принимаются какъ обязательный къ исполненію обрядъ, который есть самъ для себя цѣль, тогда исполненіе этого обряда становится на первый планъ, содержаніе заслоняется формой и живое дѣло правосудія умерщвляется формализмомъ.

Въ нашемъ процессѣ двѣ причины способствуютъ отклоненію уголовнаго процесса въ сторону формализма: во-первыхъ, предъявленіе обвиненія въ формѣ канцелярски составленнаго письменнаго обвинительнаго акта, и, во-вторыхъ, устраненіе подробнаго допроса обвиняемаго предсѣдателемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда обвиняемый отвѣчаетъ отрицательно на предлагаемый ему послѣ прочтенія обвинительнаго акта вопросъ о виновности. Первая причина исходитъ изъ прямого предписанія закона, но вторая, думаетъ докладчикъ, есть послѣдствіе укоренившагося въ нашей судебной практикѣ невѣрнаго пониманія закона. Чтеніе обвинительнаго акта въ началѣ нашего судебнаго слѣдствія замѣняется во всей остальной Европѣ устнымъ изложеніемъ обвиненія представителемъ прокуратуры, за которымъ непремѣнно слѣдуетъ подробный и тщательный допросъ обвиняемаго по поводу предъявленнаго обвиненія, независимо отъ того, признаетъ ли онъ, или не признаетъ себя виновнымъ. Вопросъ о виновности ни-

гдѣ, впрочемъ, и не предлагается подсудимому, за исключеніемъ Англіи, гдѣ вопросъ этотъ необходимъ потому, что, при сознаніи подсудимымъ своей вины, судебное разслѣдованіе и участіе присяжныхъ въ постановленіи рѣшенія упраздняется, и судья прямо приступаетъ къ составленію приговора о наказаніи. Устраненіе допроса обвиняемаго послѣ отрицательнаго его отвѣта на вопросъ о виновности вовсе не вытекаетъ изъ истиннаго смысла ст. 680 уст. угол. суд., которая лишь неудачно редижирована и потому породила это вредное недоразумѣніе. Устное и живое изложеніе обвиненія и столь же живое возраженіе на него подсудимаго драгоцѣнны потому, что только этимъ устанавливается сразу программа всего, что подлежитъ дальнѣйшей провѣркѣ. Сверхъ того, интересъ присяжныхъ къ дѣлу какъ нельзя лучше возбуждается именно такою естественною и живою постановкой вопроса между обвиненіемъ и защитой, тогда какъ интересъ этотъ весьма часто безвозвратно усыпляется монотоннымъ чтеніемъ обвинительнаго акта, на который подсудимый въ большинствѣ случаевъ не предъявляетъ какого-либо общаго и связнаго возраженія.

Далѣе докладчикъ указалъ на строгость, съ которою германское правосудіе относится къ правдивости свидѣтелей на судѣ, а также на тотъ преобладающій среди германской присяжной адвокатуры взглядъ на задачу защитника, по которому достиженіе истины составляетъ и его главную обязанность.

Въ заключеніе референтъ напомнилъ, что въ докладѣ, прочитанномъ имъ въ 1891 году, указанныя задачи защиты были формулированы въ слѣдующемъ тезисѣ:

«Имѣя въ виду, что содѣйствіе къ раскрытію истины на судѣ есть непреложный нравственный законъ, слѣдуетъ признать, что солидарность защиты съ обвиняемымъ не можетъ простираться до сознательнаго сокрытія или извращенія объективной истины».

П. И. Бѣляевъ указалъ на то, что, по мнѣнію докладчика, къ числу недостатковъ нашего суда относится связанность предсѣдателя формальными пріемами при допросѣ подсудимаго и веденіи судебнаго засѣданія. Съ другой стороны, дискреціонная власть французскаго предсѣдателя опасна, по словамъ референта. Въ уголовномъ процессѣ государство такой же истецъ, какіе бываютъ и въ гражданскомъ процессѣ. Представитель государства, прокуроръ, часто стремится къ безусловному обвиненію; предсѣдатель—тоже органъ государства и можетъ сильно влiять на судебныя пренія и вообще на ходъ процесса и въ сторону обвиненія. Въ живомъ разговорѣ съ подсудимымъ предсѣдатель, обладая юридическими познаніями, легко можетъ поставить подсудимаго въ тупикъ; веденіемъ допроса подсу-

димаго предсѣдатель можетъ произвести на присяжныхъ впечатлѣніе въ ту или другую сторону. Факты, впервые сообщаемые или раскрываемые на самомъ судѣ, врядъ ли могутъ служить объективнымъ средствомъ для раскрытія истины. Судебный слѣдователь собранныя имъ данныя группируетъ, продумываетъ, сопоставляетъ, а на судѣ эти данныя отрывочны, случайны. На судѣ присяжныхъ главное производство должно носить характеръ скорѣе провѣрочный. Нельзя ставить германскому суду въ достоинство того, что тамъ часто возбуждаются дѣла по обвиненію въ клятвопреступленіи и въ судебныхъ засѣданіяхъ производятся аресты свидѣтелей.

И. Б. Мандельштамъ вынесъ изъ своей практики то впечатлѣніе, что наши Судебные уставы проникнуты доктринаризмомъ, чего нѣтъ на западѣ. Новеллы къ Судебнымъ уставамъ даютъ право суду и министру закрывать двери и тѣмъ подрываютъ успѣшность правосудія. На западѣ на свидѣтеля, вводящаго судъ въ заблужденіе, смотрятъ строго потому, что судъ считается тамъ дѣломъ очень важнымъ. У насъ судьи черезчуръ склонны къ формализму.

В. В. Пржевальскій замѣтилъ, что между первою частью доклада—изложеніемъ хода процесса Люцова—и второю его частью—описаніемъ особенностей германскаго уголовнаго судопроизводства—нѣтъ никакой связи. Въ представленномъ докладчикомъ очеркѣ процесса Леккерта и Люцова совершенно не отмѣчены такія судебныя дѣйствія и процессуальныя черты, которыя во второй части доклада признаются за характерныя и полезныя особенности германскаго уголовнаго судопроизводства. Докладчикъ указываетъ, напр., какъ на особенности, очень будто бы рельефно выступившія въ процессѣ Люцова, на необходимость постановленія суда для начатія предварительнаго слѣдствія, на допустимость защиты съ самаго начала его, на то, что обвинительный актъ въ судебномъ засѣданіи не читается и т. д.; на самомъ же дѣлѣ ни объ одной изъ этихъ чертъ процесса въ первой части доклада не говорится. По германскому уставу, дѣйствительно, производство предварительнаго слѣдствія по обвиненію противъ опредѣленнаго лица можетъ быть начато лишь по постановленію суда, но зато прокуратура имѣетъ право производить по собственной инціативѣ всѣ слѣдственныя дѣйствія, кромѣ допроса подъ присягою, поскольку они необходимы для разслѣдованія обстоятельствъ дѣла: производить осмотры, допросы, поручать полиціи дознанія и т. п. Въ случаѣ же необходимости допроса подъ присягою, прокуратура обращается къ участковому судьѣ, который и обязанъ этотъ допросъ совершить. Понятіе предварительнаго слѣдствія въ Германіи уже, чѣмъ у насъ: тамъ оно допускается судомъ лишь противъ опредѣленнаго лица и по обвиненію въ опредѣленномъ пре-

ступленіи. «Дѣйствительная» подготовка къ судебному слѣдствію имѣется и у насъ въ формѣ предварительнаго слѣдствія. Въ главномъ производствѣ у насъ тоже нѣтъ излишняго формализма, и обвинительные акты далеко не всегда пишутся «канцелярскимъ тономъ». Нельзя говорить презрительно, подобно докладчику, объ обрядахъ судопроизводства, установленныхъ закономъ. Извѣстныя формы процессуальныя установлены главнымъ образомъ въ интересахъ отдѣльныхъ гражданъ, служа прочными гарантіями для обвиняемыхъ. Въ уголовномъ процессѣ одною изъ борящихся сторонъ является всемогущее государство, Левіаѳанъ, а другою — одинокій, слабый гражданинъ. Правдивость свидѣтелей обусловливается сознаніемъ долга и солидарности всѣхъ гражданъ въ борьбѣ съ преступленіемъ, а не каторгою и не арестомъ на судѣ,—какъ это думаетъ референтъ. Въ этомъ вопросѣ докладчикъ самъ себѣ противорѣчитъ, утверждая, что даже одно «упоминаніе о Сибири», дѣлаемое нашими предсѣдателями, повергаетъ свидѣтелей въ страхъ, связываетъ имъ уста, а съ другой стороны, рекомендуя за лжеприсягу каторжныя работы, какъ нормальное наказаніе, и немедленное, въ самой залѣ суда, взятіе подъ стражу сомнительныхъ свидѣтелей.

Б. О. Ильинъ полагалъ, что докладчикъ слишкомъ обобщилъ то, что вывелъ изъ сенсаціоннаго процесса Леккерта. И въ Германіи очень рѣдки процессы, гдѣ въ качествѣ свидѣтелей участвовали бы министры, къ услугамъ суда для немедленнаго доставленія свидѣтелей въ засѣданіе предлагались бы коляски канцлера и т. д. Вовсе не общее правило, что обвинительные акты пишутся у насъ канцелярскимъ слогомъ. Въ обвинительномъ актѣ приводятся обстоятельства, какъ уличающія, такъ и оправдывающія обвиняемаго. Нашъ уставъ отнюдь не воспрещаетъ предсѣдателю разрѣшить обвиняемому, не признавшему себя виновнымъ, давать объясненія. Докладчикъ черезчуръ сильно подчеркнулъ недостатки нашего процесса и черезчуръ ярко изобразилъ достоинства германскаго.

А. М. Краевскій находилъ особенно симпатичнымъ въ германскихъ судебныхъ порядкахъ тотъ фактъ, что процессъ Леккерта производился при открытыхъ дверяхъ. Духъ нашего устава уголовнаго судопроизводства не формальный, въ немъ дается лишь абрисъ процесса. Формализмъ созданъ кассаціонною практикой. Часто подсудимый, не чувствующій себя виновнымъ, хочетъ излить свои мысли, а его заставляютъ отвѣчать на другіе вопросы. Часто онъ не успѣваетъ даже сказать того, что считаетъ нужнымъ для своего оправданія. Часто молчаніе подсудимаго спасаетъ его. У насъ есть ст. 216 у. у. с., подобная французской, но она рѣдко примѣняется.

М. С. Гольденвейзеръ объяснилъ, что онъ недостаточно ясно

формулировалъ свои сопоставленія нашего процесса съ германскимъ. Существенныя различія имѣются лишь въ стадіи предварительнаго слѣдствія, а въ главномъ производствѣ все зависитъ отъ практики. Неправильно толкованіе, данное ею ст. 625 у. у. с., но законъ не лишаетъ подсудимаго права давать объясненія и въ этомъ случаѣ. Обвинительный актъ въ германскомъ и во французскомъ процессѣ не читается. Это чтеніе производитъ мертвящее вліяніе на судъ, особенно на присяжныхъ засѣдателей. Нашъ уставъ имѣетъ всѣ данныя, чтобы быть основаніемъ гуманному процессу, но практика Запада въ этомъ отношеніи много совершеннѣе нашей. Процессъ Леккерта, изъ ряда вонъ выходящій, лучше всего показываетъ, что живо осуществленные обряды даютъ возможность самаго разносторонняго воспроизведенія жизненныхъ явленій на судѣ. Передъ излишнею строгостью преслѣдованія лжеприсяги не слѣдуетъ преклоняться, но у насъ ужъ очень рѣдко за нее преслѣдуютъ. Не государство, а прокуроръ выступаетъ въ уголовномъ процессѣ, и у подсудимаго есть защитникъ, а потому сдѣланное г. Пржевальскимъ противопоставленіе не такъ страшно.

В. В. Пржевальскій возразилъ, что обвинителемъ въ уголовномъ процессѣ является само государство, а прокуроръ есть лишь его органъ, его представитель; это обусловливается самою природой государства, какъ лица юридическаго.

С. А. Муромцевъ замѣтилъ, что часто спорящія стороны одинаково симпатизируютъ идеямъ, но каждая по своему понимаютъ практическое ихъ осуществленіе. Въ сегодняшнихъ преніяхъ всѣ согласны, напр., въ нежелательности канцелярской формы предварительнаго слѣдствія, плохого чтенія обвинительныхъ актовъ и т. п., но нерѣдко членъ суда или предсѣдатель сами читаютъ обвинительный актъ. Предсѣдатель можетъ, и это часто бываетъ на практикѣ, послѣ каждаго свидѣтельскаго показанія спрашивать подсудимаго, не желаетъ ли онъ дать объясненія. Представляется очень полезнымъ по тому или другому поводу возвращаться къ подобнымъ крупнымъ вопросамъ уголовнаго и гражданскаго права; форма при частомъ примѣненіи втягиваетъ въ себя, а потому надо вспоминать ея живое содержаніе.

III. Читанъ и утвержденъ протоколъ засѣданія 4 ноября 1896 года.

IV. Секретаремъ доложено о поступившихъ въ общество книгахъ.

V. Предложенъ въ дѣйствительные члены общества *Леонтій Александровичъ Кирилловъ*, кандидатъ правъ, бывшій статистикъ Ярославскаго губернскаго земства, — А. И. Чупровымъ и В. Н. Григорьевымъ.

VI. Предсѣдателемъ доложено подписанное пятью дѣйствитель-

ными членами общества: С. Н. Булгаковымъ, П. И. Бѣляевымъ, А. Э. Вормсомъ, Ѳ. Ѳ. Кокошкинымъ и В. В. Пржевальскимъ, заявленіе о возобновленіи дѣятельности коммиссіи 1879 года, слѣдующаго содержанія: «Считая необходимымъ предварительное обсужденіе докладовъ по исторіи и теоріи права и общественнымъ наукамъ въ особой коммиссіи, нижеподписавшіеся предлагаютъ Обществу: учредить для этой цѣли такую коммиссію примѣнительно къ правиламъ для коммиссіи, утвержденнымъ 15 марта 1879 года; предоставить вновь образованной коммиссіи выработать планъ занятій и порядокъ дѣлопроизводства и внести ихъ на утвержденіе общества».

Общество единогласно постановило: 1) Общество избираетъ изъ среды себя коммиссію для обсужденія докладовъ по исторіи и теоріи права и общественнымъ наукамъ, примѣнительно къ правиламъ для коммиссіи, учрежденной постановленіемъ общества отъ 15 марта 1879 года. 2) Коммиссіи предоставляется выработать проектъ особаго постановленія объ ея устройствѣ и порядкѣ дѣлопроизводства и внести таковый, чрезъ бюро Общества, въ годичное засѣданіе общества.

Засѣданіе закрыто въ 11 час. 20 минутъ.

Засѣданіе 20 января 1897 года.

Засѣданіе открыто въ 8 час. 20 мин. вечера подъ предсѣдательствомъ Предсѣдателя **С. А. Муромцева** при секретарѣ **В. В. Пржевальскомъ**, въ присутствіи Гг. Дѣйствительныхъ Членовъ: **И. А. Базанова, А. А. Блинова, В. В. Быховскаго, Г. Л. Вербловскаго, А. Э. Вормса, В. Ф. Гартунга, М. С. Гольденвейзера, Д. Н. Загоскина, І. И. Иллюстрова, В. О. Ильина, С. А. Лилина, И. Б. Мандельштама, Л. Е. Мандельштама, А. В. Розенблюма, В. В. Сиротинина, Н. М. Тэріана** и **Г. С. Фельдштейна**, члена-корреспондента **А. Л. Рубиновскаго**.

I. Читанъ и утвержденъ протоколъ засѣданія 11 ноября 1896 г.

II. Избранъ въ дѣйствительные члены общества *Леонтій Александровичъ Кирилловъ*.

III. Предсѣдатель доложилъ отношеніе Предсѣдателя Юридическаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ отъ 24 декабря 1896 года за № 116, слѣдующаго содержанія: «Совѣтъ Юридическаго общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ, разсмотрѣвъ правила, проектированныя бюро Московскаго Юридическаго Общества въ интересахъ сближенія между нимъ и С.-Петербургскимъ юридическимъ обществомъ, и признавая эти правила вполнѣ отвѣчающими ихъ цѣли, постановилъ принять ихъ къ исполненію, о чемъ увѣдомить бюро Московскаго Юридическаго Об-

щества, присовокупивъ, что всѣ свѣдѣнія о дѣятельности Московскаго общества, по желанію его, будутъ печататься въ «Журналѣ С.-Петербургскаго Юридическаго Общества», въ отдѣлѣ хроники юридическихъ обществъ».

Общество единогласно постановило: принять къ исполненію правила общенія Московскаго Юридическаго Общества съ С.-Петербургскимъ Юридическимъ Обществомъ, одобренныя Обществомъ въ засѣданіи 18 ноября 1896 года.

IV. Предсѣдатель доводъ до свѣдѣнія общества, что коммиссія для обсужденія докладовъ по исторіи и теоріи права и общественнымъ наукамъ, на предварительномъ совѣщаніи, рѣшила не вносить измѣненій въ правила 5 марта 1879 года, и обратился къ гг. членамъ Общества, желающимъ вступить въ эту коммиссію, съ просьбою заявить ему объ этомъ до будущаго засѣданія 27 января, когда имъ будетъ представленъ на утвержденіе Общества составъ коммиссіи.

V. Предложены къ избранію въ дѣйствительные члены общества: *графъ Эммануилъ Павловичъ Беннигсенъ*, младшій кандидатъ на судебныя должности при Московской Судебной Палатѣ,—А. К. фонъ-Меккъ и В. В. Пржевальскимъ; *Григорій Николаевичъ Шмелевъ*, преподаватель Серпуховской женской гимназіи,—В. В. Сиротининымъ и В. В. Пржевальскимъ, и *Николай Николаевичъ Харузинъ*, приватъ-доцентъ Московскаго университета,—А. Э. Вормсомъ и В. В. Пржевальскимъ.

VI. Приняты въ члены-корреспонденты Общества, по предложенію А. Э. Вормса и В. В. Пржевальскаго: *Михаилъ Михайловичъ Хвостовъ*, оставленный при Московскомъ университетѣ по каѳедрѣ всеобщей исторіи, *Степанъ Ѳедоровичъ Фортунатовъ*, приватъ-доцентъ Московскаго университета, *Ѳедоръ Александровичъ Смирновъ*, кандидатъ филологіи, преподаватель среднеучебныхъ заведеній, *Михаилъ Николаевичъ Покровскій*, оставленный при Московскомъ университетѣ по каѳедрѣ русской исторіи, *Владиміръ Николаевичъ Ивановскій*, кандидатъ филологіи, *Александръ Александровичъ Кизеветтеръ*, приватъ-доцентъ русской исторіи въ Московскомъ университетѣ, *Сергѣй Павловичъ Моравскій*, кандидатъ филологіи, преподаватель среднеучебныхъ заведеній, и *Дмитрій Моисеевичъ Петрушевскій*, приватъ-доцентъ всеобщей исторіи въ Московскомъ университетѣ.

VII. Дѣйствительный членъ *В. В. Быховскій* прочелъ докладъ „О вызовѣ свидѣтелей на уголовный судъ по закону 18 марта 1896 года“. (Изд. отдѣльною брошюрой „Обвиненіе и защита при законѣ 18 марта 1896 года“, М. 1897).

В. В. Пржевальскій находилъ, что новымъ закономъ принципы равноправности сторонъ и состязательности теоретически поколеблены

въ извѣстной мѣрѣ, но для правильной оцѣнки этой новеллы у насъ еще нѣтъ достаточныхъ данныхъ. Норма процессуальная можетъ быть оцѣнена, понята во всей полнотѣ ея общественнаго значенія лишь въ тѣснѣйшей связи съ самою судебною жизнью. Положеніе докладчика о существованіи въ нашей судебной практикѣ favor accusationis ничѣмъ не доказано. Еще болѣе бездоказательно его утвержденіе, что подобнаго рода отношеніе къ обвиняемому лежитъ будто бы въ природѣ судейской дѣятельности. Сохраненіе извѣстнаго срока для ходатайствъ передъ судомъ о вызовѣ свидѣтелей желательно въ тѣхъ видахъ, чтобы дѣла постоянно не откладывались. Коррективомъ къ новой редакціи ст. 575 у. у. с. служитъ ст. 576-ая, предоставляющая участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ право вызывать свидѣтелей въ судебное засѣданіе на свой счетъ черезъ судъ или по добровольному съ ними соглашенію. Вызовъ свидѣтелей на счетъ просителя вовсе уже не въ такой мѣрѣ самъ по себѣ увеличиваетъ права лишь состоятельныхъ подсудимыхъ, какъ это говорится въ докладѣ. Здѣсь возможно помочь тѣмъ, что включить въ нашъ уставъ, по образцу § 219 германскаго, постановленіе, коимъ суду давалось бы право, признавъ по допросѣ свидѣтеля, вызваннаго на счетъ стороны, его показанія полезными для разъясненія дѣла, принять расходы по вызову его на счетъ казны. По мнѣнію докладчика, судъ, предварительно выясняя себѣ значеніе для дѣла показанія каждаго свидѣтеля, о допросѣ коего возбуждено ходатайство, беретъ на себя бремя непосильной работы. Въ дѣйствительности же, при иномъ порядкѣ, допросъ массы излишнихъ свидѣтелей въ судебномъ засѣданіи былъ бы не меньшимъ, если не большимъ бременемъ.

А. Б. Розенблюмъ считалъ вполнѣ отрицательное отношеніе докладчика къ новеллѣ правильнымъ. Намъ нельзя ссылаться на судебные порядки запада. У насъ судящіеся не такъ развиты, крестьяне часто боятся суда, судебнаго слѣдователя; на предварительномъ слѣдствіи, при отсутствіи защиты, слѣдователь сплошь и рядомъ вызываетъ свидѣтелей односторонне, а обвиняемый не понимаетъ значенія уликъ, противъ него выставляемыхъ, и часто не спрашиваетъ свидѣтеля о томъ, что важно для дѣла. Самый крупный недостатокъ новеллы заключается въ томъ, что свидѣтели, допрошенные на предварительномъ слѣдствіи, поставлены въ менѣе благопріятное для участвующихъ въ дѣлѣ лицъ положеніе, чѣмъ новые, не допрошенные на предварительномъ слѣдствіи свидѣтели. Правило, разрѣшающее обвиняемому самому, на свой счетъ, приводить свидѣтелей, должно быть исключено изъ закона, ибо подобные свидѣтели являются дополнительными защитниками. Новелла ухудшаетъ положеніе защиты и не будетъ парализована ст. 576 у. у. с.

М. С. Гольденвейзеръ отмѣтилъ черезчуръ пессимистическое отношеніе докладчика къ новеллѣ. Мы не знаемъ, что вызвало этотъ законъ, не знаемъ, есть ли это лишь обломокъ болѣе обширной реформы. Намъ приходится гадать по тексту, истолкованному докладчикомъ слишкомъ узко, односторонне. Новеллою отмѣнено безусловное право подсудимаго вызывать всѣхъ свидѣтелей, допрошенныхъ на предварительномъ слѣдствіи, но во многомъ права подсудимаго ею расширены. Прокурорскій надзоръ не настолько одностороненъ, чтобы злоупотреблять своимъ правомъ ст. 573 у. у. с. Въ новой редакціи ст. 575-ой говорится лишь, что обстоятельства, о коихъ можетъ показать свидѣтель, должны имѣть „*значеніе* для дѣла", а прежде эта статья требовала наличности „*важныхъ* причинъ". Теперь судъ обязанъ свой отказъ мотивировать, чего не было прежде. Значитъ, можно такъ или иначе обжаловать это опредѣленіе суда въ кассаціонную инстанцію. Не зная мотивовъ закона, мы должны ждать указаній практическаго опыта. Нельзя согласиться съ тѣмъ, чтобы сношеніе обвиняемаго со свидѣтелемъ о явкѣ въ судъ бросало тѣнь на свидѣтеля.

В. В. Быховскій находилъ мнѣніе, что ст. 576 компенсируетъ новеллу, неосновательнымъ. Разъ измѣняли порядокъ вызова свидѣтелей, надо было прямо сказать, что ст. 576 не мертворожденная. Судъ можетъ отказать въ вызовѣ и по 576 ст. Новая редакція ст. 576 опасна; она не даетъ суду указаній, что̀ считать существеннымъ обстоятельствомъ, формула ея очень широка. Сенатъ и прежде входилъ въ разсмотрѣніе отказовъ въ вызовѣ свидѣтелей. Пессимистическій взглядъ докладчика на новеллу основанъ на наблюденіи практической жизни.

С. А. Муромцевъ полагалъ что новый законъ не только теоретически, но и практически ограничиваетъ права защиты. Прокурорскій надзоръ не всегда одинаково пользуется ст. 573; обвинительная тенденція мѣстами сильнѣе, мѣстами слабѣе въ Россіи. При старомъ порядкѣ для темныхъ обвиняемыхъ существовала та льгота, что была категорія свидѣтелей, коихъ можно было вызывать безъ мотивировки. Основаніе вызова свидѣтелей въ новомъ законѣ шире, свободнѣе. По новой редакціи статьи, краткій немотивированный отказъ суда незаконенъ: судъ долженъ приводить теперь фактическія основанія къ отказу. Сенатъ теперь долженъ уважить жалобы на недостаточность мотивировки. Допустить свидѣтелей судъ можетъ безъ мотивировки, а это—на руку подсудимому. Въ новомъ законѣ есть другой психологическій регуляторъ. Сложилось мнѣніе, что есть категорія нормальныхъ свидѣтелей, а другіе свидѣтели—своего рода роскошь, требующая, для своего допущенія, мотивировки. Теперь же

всякій свидѣтель одинаковъ въ глазахъ суда, и это даетъ надежду на благопріятное примѣненіе и вліяніе новеллы.

Засѣданіе закрыто въ 11 ч. 10 мин. вечера.

Засѣданіе 27 января 1897 года.

Засѣданіе открыто въ 8 час. 20 мин. вечера подъ предсѣдательствомъ Товарища Предсѣдателя **Г. Л. Верблонскаго** при секретарѣ **В. В. Пржевальскомъ**, въ присутствіи почетнаго члена **С. А. Муромцева** и гг. Дѣйствительныхъ Членовъ: **П. М. Богаевскаго, С. Н. Булгакова, В. В. Выховскаго, П. И. Бѣляева, В. В. Валицкаго, А. Э. Вормса, Ю. С. Гамбарова, А. Г. Гусакова, В. А. Долячко, С. А. Жигарева, Н. А. Зачинскаго, Д. Н. Загоскина, В. О. Ильина, В. І. Круковскаго, Л. Е. Мандельштама, А. К. фонъ-Меккъ, Л. Н. Раевскаго, В. В. Сиротинина** и **В. Н. Сторожева**.

I. Приняты въ члены-корреспонденты Общества: *Николай Николаевичъ Шамонинъ*, кандидатъ филологіи, преподаватель среднеучебныхъ заведеній, *Михаилъ Осиповичъ Гершензонъ*, кандидатъ филологіи, *Михаилъ Михайловичъ Богословскій*, магистрантъ русской исторіи,—по предложенію П. И. Бѣляева и А. Э. Вормса, и *Юлій Исаевичъ Айхенвальдъ*, секретарь редакціи журнала „Вопросы философіи и психологіи“, по предложенію А. Э. Вормса и С. Н. Булгакова.

II. Читанъ и утвержденъ протоколъ засѣданія 18 ноября 1896 г.

III. Избраны въ дѣйствительные члены Общества: *Графъ Эммануилъ Павловичъ Беннигсенъ*, *Григорій Николаевичъ Шмелевъ* и *Николай Николаевичъ Харузинъ*.

IV. Библіотекаремъ доложено о поступившихъ въ Общество книгахъ.

V. Обществомъ утвержденъ слѣдующій составъ коммиссіи для обсужденія докладовъ по исторіи и теоріи права и общественнымъ наукамъ: Предсѣдатель Общества С. А. Муромцевъ, Товарищъ Предсѣдателя Общества Г. Л. Верблонскій, дѣйствительные члены Общества: И. А. Базановъ, П. М. Богаевскій, С. Н. Булгаковъ, П. И. Бѣляевъ, А. Э. Вормсъ, Ю. С. Гамбаровъ, А. В. Горбуновъ, В. Э. Денъ, Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ, С. П. Мокринскій, П. И. Новгородцевъ, В. В. Пржевальскій, А. А. Раевскій, В. В. Рождественскій, А. Б. Розенблюмъ, В. Н. Сторожевъ, Г. С. Фельдштейнъ, Н. Н. Харузинъ, и члены-корреспонденты: Ю. С. Айхенвальдъ, М. М. Богословскій, М. О. Гершензонъ, В. Н. Ивановскій, А. А. Кизеветтеръ, С. П. Моравскій, Д. М. Петрушевскій, М. Н. Покровскій, Ф. А. Смирновъ, С. Ф. Фортунатовъ, М. М. Хвостовъ и Н. Н. Шамонинъ.

VI. Дѣйствительный членъ *П. И. Бѣляевъ* прочелъ докладъ „Спеціальное назначеніе судей и судебная грамота въ древнемъ рус-

скомъ процессѣ“ (напечатанъ въ VIII т. „Сборника правовѣдѣнія“, стр. 1—16.)

А. Э. Вормсъ замѣтилъ, что самый пріемъ изслѣдованія докладчика существенно отличается отъ пріема, примѣненнаго въ другихъ работахъ на ту же тему. Другіе изслѣдователи ограничиваются описаніемъ процесса, но никто изъ нихъ не обобщаетъ явленій процесса, не выводитъ общихъ принциповъ. Большинство писателей говоритъ, что древнерусскій процессъ былъ хаотическій, а судьи руководились лишь фискальными соображеніями. Таково мнѣніе даже проф. Дмитріева. Оно неправильно уже à priori, ибо всякій процессъ есть сложный цѣлесообразно построенный организмъ. Докладчикъ поступилъ правильно, избравъ исходною точкой древній процессъ и съ нимъ сравнивая русскій, но ограничивается сопоставленіемъ, а не сравниваетъ институты, не указываетъ потребностей, ихъ вызвавшихъ, и цѣлей, ими преслѣдовавшихся. Назначеніе судьи и даваніе грамоты знаменуютъ собою переходъ отъ обычнаго права къ писанному. Относительно французскаго процесса каролингской эпохи и норманскаго права—это несомнѣнно. Это судъ болѣе по справедливости, менѣе формальный, чѣмъ судъ народа. Референтъ не только не остановился на потребностяхъ, вызвавшихъ римскіе институты, но и бралъ ихъ изъ различныхъ эпохъ. Въ докладѣ, наконецъ, опредѣлены далеко не всѣ термины, такъ, напр., не указано, какъ надо понимать „судью“ въ древнемъ процессѣ.

П. И. Бѣляевъ, признавая наличность пробѣловъ въ докладѣ, указалъ на то, что исторія русскаго процесса—terra incognita, и потому, съ какой стороны за нее ни возьмись, все-таки натолкнешься на темныя мѣста. За рѣшеніе вопроса о потребностяхъ, вызвавшихъ институты, надо браться съ бо̀льшимъ научнымъ багажемъ, чѣмъ тотъ, какимъ обладаютъ наши историки права. Что королевскій судъ проводилъ aequitas въ королингскомъ процессѣ,—такое мнѣніе существуетъ. Но что такое тогдашняя aequitas? Княжескимъ судомъ дорожили въ древности, но нельзя говорить, что эта такая справедливость, которая творитъ новыя формы процесса въ нашемъ правѣ. Историкъ, который имѣетъ дѣло не съ пособіями, а съ источниками, долженъ ограничиваться конъектурами. Чтобы и „судьи“ были спеціальнымъ терминомъ, это Дмитріевымъ не доказано. Роль присяжныхъ есть дифференціація одного изъ свойствъ судебной власти; присяжные работаютъ лишь въ одной стадіи процесса. При краткости доклада трудно излагать подробно римчкій процессъ.

Ю. С. Гамбаровъ находилъ, что было бы лучше, если бы грамоты были не только прочитаны въ докладѣ, но и проанализированы, а то доказательность ихъ для насъ осталась неясной. Основное по-

ложеніе доклада доказывалось матеріалами изъ исторіи права и соображеніями общаго характера. Въ докладѣ больше сопоставленій, чѣмъ сравненій; въ одну кучу сбиты институты различные и разныхъ эпохъ. Начатіе процесса посредствомъ королевскаго приказа составляло въ каролингскомъ и меровингскомъ процессахъ исключеніе: для дѣлъ казны, монастырей и т. п. Компетенція королевскаго суда была ограничена, и онъ проводилъ aequitas, остальныя же дѣла разбирались народнымъ судомъ. Вопросъ о раздѣленіи у насъ процесса на praeparatoria и рѣшеніе дѣла по существу не можетъ быть разрѣшенъ утвердительно въ силу одного того соображенія, что всякій процессъ начинается актомъ двустороннимъ; это не такъ: двусторонніе акты предшествуютъ суду. Само одностороннее обращеніе въ судъ съ жалобою есть уже начало процесса. Разрѣшеніе вопроса о о наличности всѣхъ условій, необходимыхъ для установленія процессуальнаго отношенія, есть уже процессъ, ибо нѣтъ такого разрѣшенія подобнаго вопроса, которое было бы безразлично для процесса. Тутъ разграниченіе лишь логическое; разъ судъ совершаетъ судебныя дѣйствія, процессъ уже начался. Процессъ въ Римѣ происходилъ и in jure,—съ чѣмъ докладчикъ согласенъ,—а въ Россіи, въ соотвѣтствующій моментъ, по мнѣнію докладчика, процессъ еще не начинался. Что назначеніе судьи у насъ не было делегаціею, которая въ Римѣ и въ германскомъ процессѣ носила приватный характеръ,—это невѣрно. Всякій судъ, кромѣ эпохи частной мести и современнаго третейскаго, носитъ государственный, публичный характеръ. Въ средневѣковой Германіи scabini были назначаемы изъ постояннаго контингента лицъ, уже занимавшихъ государственныя должности. Въ судебной делегаціи нельзя отмѣтить приватнаго характера, если, конечно, не говорить о самомъ названіи.

П. И. Бѣляевъ объяснилъ, что несоблюденіе исторической перспективы въ докладѣ вызвано тѣмъ, что сравнительная часть и безъ того занимаетъ половину его. Въ рефератѣ говорилось только, что судебная грамота лишь возбуждаетъ судебную дѣятельность. Докладчикъ говорилъ, что и въ германскомъ процессѣ бывали судьями частныя лица, какъ и у насъ. Философски связывать начало процесса съ двустороннимъ актомъ неправильно, но въ литературѣ различается начало судебныхъ дѣйствій отъ начала процесса, Kriegsbefestigung. Такъ было и въ римскомъ процессѣ, даже въ императорскую эпоху. Это вопросъ терминологіи: начало процесса въ широкомъ смыслѣ надо отличать отъ начала процесса, Processbeginn, влекущаго матеріальныя послѣдствія. Самое понятіе mandatum'a, delegatio взято не изъ государственнаго права; это не есть лишь вопросъ названія. На дѣятельность судьи въ римскомъ и германскомъ процессѣ вліяли правила mandatum'a.

Ю. С. Гамбаровъ полагалъ, что litis contestatio надо относить къ стадіи in jure, которая контестаціею и оканчивалась. Матеріальныя послѣдствія связывались только съ litis contestatio. Litis contestatio и заключалась въ рѣшеніи вопроса о томъ, можно ли начинать процессъ, а не въ рѣшеніи дѣла по существу.

В. В. Быховскій замѣтилъ, что въ нашемъ процессѣ есть цѣлый рядъ преступленій (напр., государственныя), для разбора коихъ судья назначается Государемъ. Назначеніе судей въ международныхъ спорахъ, порученіе осмотровъ судомъ члену суда есть ли это тоже делегація?

П. И. Бѣляевъ находилъ, что членъ коллегіи судебной или вся коллегія въ подобномъ случаѣ одно и то же: всѣ дѣйствія члена суть дѣйствія коллегіи. Относительно международныхъ судей вопросъ спорный.

А. Э. Вормсъ объяснилъ, что онъ говорилъ не объ условіяхъ общественнаго быта, вызвавшихъ ту или иную организацію суда, а о тѣхъ юридическихъ явленіяхъ, которыя вызвали ту или иную форму суда (напр., въ Англіи въ нѣкоторыхъ дѣлахъ обязателенъ судъ верховной власти). Вездѣ ли была грамота въ русскомъ процессѣ? Никакого сходства между теперешнимъ назначеніемъ верховнаго уголовнаго суда, порученіемъ палатою суду допроса свидѣтелей и т. п. съ одной стороны, и древнерусскимъ даваніемъ судей, съ другой, нѣтъ.

Г. Л. Вербловскій указалъ, что у насъ мало литературныхъ пособій по исторіи древнерусскаго гражданскаго процесса. Историкосравнительный методъ, примѣненный въ докладѣ, плодотворенъ. Смѣшеніе гражданскаго и уголовнаго процесса, обыкновенно, мѣшаетъ выясненію того, каковъ былъ древній судъ. Нельзя утверждать, что обращеніе къ князю за судьею не было началомъ процесса, ибо невозможно не считать цѣлый рядъ дѣйствій началомъ процесса. Иниціатива процесса исходила не отъ князя, а отъ тяжущагося. Князь давалъ судью тогда, когда матеріалъ былъ уже собранъ, т.-е. litis contestatio здѣсь уже имѣла мѣсто. У насъ теперь litis contestatio наступаетъ со времени врученія отвѣтчику копіи искового прошенія. Съ этого момента исчисляются проценты, начинается недобросовѣстность и т. п.

По выраженіи г. Предсѣдательствующимъ благодарности докладчику за сообщеніе, засѣданіе закрыто въ 11 час. вечера.

ПО ПОВОДУ ДѢЛА ДЕ-КАЦМАНЪ.

(Практическая замѣтка по гражданскому судопроизводству).

Процессъ объ убійствѣ Диманта, возбуждая множество вопросовъ юридическо-соціальнаго характера, вмѣстѣ съ тѣмъ наводитъ и на размышленія о нашихъ процессуальныхъ порядкахъ въ гражданскихъ дѣлахъ. Незабвенный Монархъ даровалъ намъ подъ именемъ Судебныхъ Уставовъ глубоко продуманный кодексъ, гдѣ каждое законоположеніе, каждое установленіе скрѣплялось въ общей системѣ съ другими живой, неразрывной связью, образуя органическое цѣлое. Но когда вдохновенные зодчіе, великіе творцы этого произведенія, отошли отъ него, къ нему приступили простые мастеровые и взялись за передѣлку его на всѣ лады, каждый по своему. Быстро, быстро стало преобразовываться дивное зданіе, теряя съ каждою передѣлкой и свой внѣшній величавый обликъ, и внутреннее разумное построеніе. Какъ справедливо было сказано однажды, эти передѣлки являются только убогими заплатами на изящномъ и дорогомъ платьѣ *). Но, кажется, ни одна передѣлка Судебныхъ Уставовъ не имѣла такихъ обильныхъ и такихъ тяжелыхъ послѣдствій, какъ измѣненія въ Уставѣ гражданскаго судопроизводства въ разд. V, касающемся исполненія судебныхъ рѣшеній. Составители Уставовъ поставили себѣ цѣлью устранить всѣ препятствія, которыя обыкновенно изыскиваетъ и противоставляетъ истцу обвиненная сторона и установить такія правила, которыя, съ одной стороны, обезпечивали бы право стороны выигравшей, а съ другой—охраняли бы проигравшаго дѣло отъ всякаго насилія и злоупотребленія. И правила разд. V

---

*) См. мои „Практич. замѣтки о свойствахъ состязательнаго начала въ гражд. судопроизводствѣ". Спб. 1897. Тип. Стасюлевича.

Судебныхъ Уставовъ блестяще разрѣшаютъ эту трудную задачу, несмотря на нѣкоторые недочеты и неясности чисто редакціоннаго свойства. По этимъ правиламъ приведеніе въ исполненіе судебныхъ рѣшеній предоставлено особымъ, состоящимъ при судѣ, органамъ—судебнымъ приставамъ, избирающимъ изъ среды своей совѣтъ судебныхъ приставовъ, являющійся такимъ образомъ ближайшей начальственной властью, въ высшей степени компетентной въ вопросахъ исполнительныхъ дѣйствій и вмѣстѣ съ тѣмъ товарищески сочувственной къ подчиненнымъ и, конечно, самой умѣренной въ своихъ требованіяхъ и самой доступной для всѣхъ заинтересованныхъ лицъ. На ряду съ совѣтомъ предоставляется судебнымъ приставамъ образовать между собою товарищество съ круговою другъ за друга отвѣтственностью. Какъ совѣтъ, такъ и товарищество состоятъ при судебной палатѣ даннаго судебнаго округа, распространяя такимъ образомъ свои дѣйствія на весь судебный округъ палаты; независимо совѣта, за дѣйствіями судебнаго пристава, исполняющаго рѣшеніе, наблюдаетъ предсѣдатель того суда, въ вѣдѣніи котораго исполняется рѣшеніе, а самая законность ихъ по всѣмъ обстоятельствамъ, вызывающимъ сомнѣніе, можетъ быть провѣрена судебнымъ разсмотрѣніемъ по жалобамъ сторонъ на ихъ распоряженія. Такая организація судебныхъ приставовъ, съ оттѣнкомъ сословнаго характера, вполнѣ способна дать имъ большую самостоятельность въ ихъ дѣйствіяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не допускаетъ въ нихъ ни малѣйшаго произвола, въ виду тройственнаго надъ ними контроля: со стороны своихъ же товарищей—въ лицѣ совѣта, непосредственнаго начальства—въ лицѣ предсѣдателя суда и, наконецъ, самаго суда.

Производство по исполнительнымъ дѣйствіямъ подчинено тому же состязательному началу, какъ и весь гражданскій процессъ: и здѣсь вся иниціатива какъ въ выборѣ способовъ исполненія рѣшенія, такъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ предоставлена сторонѣ ищущей, но съ правомъ для другой стороны дѣлать возраженія почти по каждому ея требованію; взыскателю предоставляется присутствовать при всѣхъ дѣйствіяхъ судебнаго пристава, но съ тѣмъ, что онъ не долженъ вмѣшиваться въ самое исполненіе и не въ правѣ дѣлать отъ себя какія-либо распоряженія; всѣ дѣйствія пристава записываются въ журналъ, выписки изъ котораго могутъ получать обѣ стороны. Присутствіе сторонъ и даже постороннихъ лицъ, по ихъ приглашенію, и веденіе журнала представляютъ собою новыя гарантіи безпристрастности и правильности дѣйствія приставовъ.

Организовавъ прочно судебно-исполнительную власть, предоставивъ необходимый просторъ для дѣятельности при исполненіи рѣшенія взыскателю, законодатель однако ясно сознавалъ, что во мно-

гихъ случаяхъ участіе въ исполнительныхъ дѣйствіяхъ лишь двухъ этихъ факторовъ бываетъ весьма недостаточнымъ, что для достиженія желанной цѣли необходимо привлечь еще и самого виновника возбужденнаго процесса, заставивъ и его содѣйствовать общему стремленію—осуществить постановленное судомъ рѣшеніе. Въ сихъ видахъ, указавъ способы исполненія рѣшеній и нормировавъ ихъ весьма подробными и почти всегда практически-мудрыми правилами, законодатель на тотъ случай, когда у отвѣтчика не оказывается имущества, достаточнаго для покрытія взысканія, и онъ не указываетъ способа исполненія рѣшенія, установилъ еще и личное задержаніе должника. Мѣра эта, по мысли законодателя, имѣетъ значеніе только понужденія недобросовѣстнаго отвѣтчика, уклоняющагося незаконными путями отъ исполненія постановленнаго противъ него судебнаго рѣшенія, и далека отъ того, чтобы предоставлять несчастнаго должника въ жертву мести или жестокости взыскателя. Въ обезпеченіе его отъ такой возможности, вопросъ о личномъ задержаніи предоставленъ рѣшенію суда, при чемъ, по основной мысли закона, судъ можетъ допустить эту мѣру лишь только въ случаѣ признанія въ томъ необходимости, въ виду нежеланія отвѣтчика подчиниться рѣшенію, — такъ, напр., если должникъ скрылъ свое имущество, или передалъ его въ другія руки, желая пользоваться имъ во вредъ своихъ кредиторовъ, или вообще допустилъ такое неблаговидное дѣйствіе, которое убѣждаетъ судъ въ томъ, что является необходимость прибѣгнуть къ крутой мѣрѣ принужденія. И вотъ такимъ путемъ самъ должникъ, движимый страхомъ лишенія свободы, приневоливается къ тому, чтобы приняться за изысканіе мѣръ къ удовлетворенію присужденнаго съ него долга. И конечно, при нѣкоторой его состоятельности и при необходимой долѣ снисходительности со стороны кредитора, цѣль правосудія почти всегда достигается безъ примѣненія самой карательной мѣры, въ виду только одной ея возможности.

При такомъ положеніи кредитору незачѣмъ вступать съ должникомъ въ яростную борьбу за каждый предметъ изъ его имущества, не для чего вести съ нимъ какое-то подобіе войны съ нечаянными нашествіями на его домъ, съ хитрыми захватами его имущества и всѣми другими прелестями, практикуемыми нынѣ при исполненіи судебныхъ рѣшеній; должникъ же никогда не можетъ упустить изъ вида, что его противодѣйствія взысканію и всякія неблаговидныя мѣры къ освобожденію отъ взысканія своего имущества могутъ въ концѣ-концовъ тяжело отразиться лично на немъ самомъ—и потому не станетъ раздражать кредитора, а лучше постарается такъ или иначе съ нимъ сойтись—на мировую.

Имѣя такое за собой обезпеченіе, въ свою очередь и кредиторъ, конечно, станетъ примѣнять всѣ обычныя мѣры взысканія легко и, стало-быть, не подастъ повода должнику къ слишкомъ крайнему противъ себя раздраженію.

Такимъ образомъ, личное задержаніе, какъ оно было установлено Судебными Уставами въ первоначальномъ ихъ изданіи, съ распространеніемъ его не только на крупныхъ, но и на мелкихъ должниковъ, начиная отъ 100 р., являлось мѣрою чрезвычайно разумною и даже прямо необходимою.

Устанавливающая ее статья 1223, нынѣ отмѣненная, редактирована была неправильно, несогласно съ 115 ст. Основн. Положен. гражданскаго судопроизводства, но при примѣненіи ея на практикѣ она могла быть истолкована въ ея настоящемъ смыслѣ, для чего могли служить превосходные мотивы къ этой статьѣ, содержащіеся въ изданіи Судебныхъ Уставовъ государственной канцеляріи.

Изъ этихъ мотивовъ видно, что первоначально было предположено редактировать упоминаемую статью такимъ образомъ: судъ постановляетъ опредѣленіе о личномъ задержаніи должника, если окажется, что онъ передалъ свое имущество, или какую-либо часть его, въ другія руки, или скрываетъ оное, желая пользоваться имъ во вредъ своихъ кредиторовъ; продолжительность заключенія опредѣляется судомъ, смотря по обстоятельствамъ дѣла, обнаруживающимъ недобросовѣстность дѣйствій должника, и по количеству неуплаченнаго взысканія. Къ глубокому сожалѣнію, внесеніе въ уставъ этого правила въ такомъ видѣ при окончательномъ его обсужденіи отложено до пересмотра устава о несостоятельности, а до времени принята редакція бывшей 1223 ст. Тѣмъ не менѣе ничто не препятствовало судебной практикѣ примѣнять эту статью въ духѣ приведеннаго правила, и если бы она не была отмѣнена, несомнѣнно, она получила бы такое толкованіе.

Независимо отъ сказаннаго, для того, чтобы наложить узду на кредиторское рвеніе томить въ заключеніи своихъ должниковъ, приняты два въ высшей степени разумныхъ положенія: 1-е, что отбытіемъ точно опредѣленнаго закономъ срока заключенія должникъ погашаетъ сполна свой долгъ, и 2-е, что кредиторъ обязанъ представлять деньги на содержаніе должника въ заключеніи. Очевидно, что къ крутой мѣрѣ личнаго задержанія должника кредиторъ могъ обращаться, только испробовавъ всѣ иныя средства и только въ томъ случаѣ, когда онъ зналъ, что должникъ имѣетъ какую-нибудь возможность съ нимъ разсчитаться.

И даже рѣшившись на эту мѣру съ такимъ пожертвованіемъ собственнаго интереса, взыскатель имѣлъ сильное побужденіе со-

кращать срокъ заключенія должника, дабы къ принесенной жертвѣ не прибавлять еще и большихъ издержекъ на его содержаніе въ заключеніи.

Такъ мудро этими законоположеніями уравновѣшивались интересы кредиторовъ, должниковъ и самого общества, заинтересованнаго въ охранѣ свободы и доброй нравственности своихъ сочленовъ. Если къ сказанному прибавить, что, допуская личное задержаніе, законъ при этомъ установилъ многія его ограниченія, во вниманіе къ полу, возрасту, здоровью и семейнымъ обстоятельствамъ должниковъ, то окажется, что закону этому нельзя сдѣлать ни малѣйшаго упрека ни съ какой стороны. И если можно указать во всей установленной въ Судебныхъ Уставахъ системѣ личнаго задержанія на какой-либо недостатокъ, такъ развѣ только на тотъ, что не было учреждено власти, посредничествующей между взыскателемъ и должникомъ, примиряющей ихъ взаимную борьбу и регистрирующей ихъ соглашенія, если таковыя сторонамъ удавалось достигнуть,—не установлено, словомъ, такого мирового судьи, который склонялъ бы къ миру тяжущихся не только во время самой тяжбы, но и послѣ нея, при осуществленіи состоявшагося рѣшенія. А установленіе подобной власти представляетъ такую видимую необходимость, что о томъ, кажется, не можетъ быть двухъ мнѣній.

Наиболѣе обыкновенный вопросъ при взысканіяхъ—это вопросъ о разсрочкахъ, допускаемыхъ взыскателемъ для постепеннаго погашенія должникомъ присужденнаго съ него взысканія. Теперь для рѣшеній, постановляемыхъ окружными судами и судебными палатами, т.-е. для рѣшеній по крупнымъ дѣламъ, нѣтъ такой власти, которая могла бы стать между требованіями кредитора и возможностью должника ихъ исполнить въ данное время, или даже въ данный періодъ времени: должникъ предоставляется собственной изворотливости и умѣнью отбояриваться отъ настойчивости взыскателя, а взыскатель выставляется на рискъ за довѣрчивость свою къ обѣщаніямъ должника, которыя, не получая характера чего-либо обязательнаго, всегда остаются въ зависимости только отъ доброй его воли. Между тѣмъ, если бы существовала власть, посредствующая между ними, напр., если бы исполненіе рѣшеній производилось подъ непосредственнымъ наблюденіемъ одного изъ членовъ окружнаго суда, то несомнѣнно, что многіе возникающіе при этомъ вопросы разрѣшались бы миролюбивымъ соглашеніемъ сторонъ. Вотъ такого миротворца и не создано Судебными Уставами; но для того, чтобы сознать эту необходимость, нуженъ былъ опытъ трехъ десятковъ лѣтъ, безъ котораго слишкомъ трудно было угадать такую потребность.

Разрушеніе стройной системы исполненія судебныхъ рѣшеній, созданной Уставами, началось съ того, что во всѣхъ судебныхъ округахъ, за исключеніемъ одного, не были учреждены совѣты судебныхъ приставовъ и не учреждены ихъ товарищества на томъ основаніи, что законъ предоставилъ это ихъ собственному усмотрѣнію, а они не пожелали. Дѣйствуя же въ одиночку и состоя исключительно подъ единоличной властью предсѣдателя суда, они очень скоро, несмотря на свой VIII классъ и на свои обширныя полномочія по исполнительнымъ дѣйствіямъ, превратились въ полицейскихъ чиновниковъ при судѣ съ значеніемъ не выше околоточнаго надзирателя, а взиманіе платы за каждое свое движеніе, и въ особенности собираніе четвертаковъ и полтинниковъ за повѣстки, окончательно уронило ихъ въ общественномъ мнѣніи, а больше всего въ собственныхъ глазахъ. Безусловная зависимость отъ предсѣдателя суда, стоящаго притомъ весьма далеко отъ нихъ и отъ ихъ дѣйствій, постоянное нахожденіе въ трудномъ положеніи между двумя огнями— между интересами истца и закономъ, неимѣніе нигдѣ никакой опоры и помощи себѣ ни въ чемъ: ни въ рѣшеніяхъ окружнаго суда, ибо они авторитетомъ не пользуются, какъ легко отмѣняемыя несогласными съ ними рѣшеніями судебной палаты; ни въ рѣшеніяхъ сената, ибо дѣла ихъ рѣдко до него доходятъ, а если и доходятъ, то сенатъ замѣчательно уклончиво ихъ разъясняетъ; ни равно въ установившихся обычаяхъ практики, ибо каждый судебный приставъ практикуетъ по-своему, такъ сказать — за свой собственный счетъ и страхъ,—привело судебныхъ приставовъ, въ виду ихъ маленькаго оклада, всего 600 р., и непомѣрно высокой таксы ихъ вознагражденія, къ тому, что имъ не осталось ничего другого, какъ только при всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ заботиться объ одномъ, дабы доходы ихъ кассы, по этой таксѣ собираемые, елико возможно болѣе прибывали. А такъ какъ поступленіе этихъ доходовъ прежде всего обезпечиваетъ такой истецъ, у котораго имѣется хорошее взысканіе, то отсюда совершенно понятна та угодливость судебнаго пристава истцу, имѣющему хорошее взысканіе, какую мы видѣли въ дѣлѣ Диманта съ Буцми де-Кацманами. Отсюда же, естественно, вытекаетъ и то, что судебные пристава въ дѣятельности своей то проявляютъ необыкновенную энергію и горячность, то, напротивъ,—изумительную неподвижность и бездѣятельность.

Надзора близкаго за ними нѣтъ; предсѣдательскій надзоръ относится больше къ внѣшнему порядку и къ формальной сторонѣ, которую обставить нетрудно, а судебная провѣрка ихъ дѣйствій, по жалобамъ, требуетъ доказательствъ неправильности, которыми запастись не такъ-то легко. Отсюда и родился тотъ страш-

ный произволъ, какой царитъ нынѣ при исполненіи судебныхъ рѣшеній.

Затѣмъ, взамѣнъ отмѣненнаго личнаго задержанія, въ дѣйствіе введены правила 7 марта 1879 г. Правила эти удивительно отражаютъ въ себѣ характеръ своей эпохи: въ нихъ нѣтъ ничего прямо ведущаго къ цѣли, ничего рѣшающаго, во всемъ какое-то колебаніе изъ стороны въ сторону: съ одной стороны видно желаніе облегчить участь должника, съ другой—нежеланіе огорчить взыскателя,—и въ результатѣ выходитъ какой-то изморъ для должника и раздраженіе для взыскателя. Правила 7 марта, это—какая-то загадочная формула, состоящая изъ цѣпи плюсовъ и минусовъ, безъ всякаго вывода въ концѣ. Должникъ, по этимъ правиламъ, то обязуется подпиской о невыѣздѣ, то вслѣдъ засимъ подписка эта уничтожается; то должникъ обязуется явиться въ окружный судъ для указанія своихъ средствъ, то можетъ не являться, приславъ протоколъ о своей явкѣ къ мѣстному мировому судьѣ, и т. д. Словомъ, кредитору дается право мучить должника, но такъ, чтобъ изъ этихъ мученій ровно ничего не выходило. Въ концѣ же имѣются правила о признаніи должниковъ неторговаго званія несостоятельными, которыхъ еще никто не могъ какъ слѣдуетъ понять и примѣнить и которыя замѣчательны тѣмъ, что, будучи созданными въ отмѣну личнаго задержанія, въ концѣ-концовъ все-таки приводятъ къ тому же личному задержанію, но только послѣ признанія должника *неосторожнымъ*. Но такъ какъ ни одинъ кредиторъ не въ силахъ вынести нравственной муки и матеріальныхъ затратъ на безконечную процедуру, предшествующую признанію неторговаго должника неосторожнымъ, то фактически личное задержаніе за долги оказалось отмѣненнымъ вовсе.

Съ его же отмѣною явилось вотъ что: должникъ отдѣлался отъ страха той угрозы, которая прежде тяготѣла надъ нимъ неизмѣнно, пока онъ такъ или иначе не сходился съ своимъ взыскателемъ, и потому теперь онъ уже пересталъ думать объ изысканіи средствъ къ удовлетворенію долга, а сталъ изыскивать средства для другой цѣли—оставить кредитора съ его взысканіемъ, что̀ называется, на мели. Отсюда и пошли въ ходъ всякія ухищренія, передачи и переукрѣпленія имущества, сокрытія, подмѣны и многіе другіе плоды противозаконной изобрѣтательности. Какъ бы жестоко должникъ ни обманулъ взыскателя, онъ никогда не рискуетъ поплатиться за свою продѣлку и потому смѣло сталъ пускаться на всякіе фокусы. И фокусы эти теперь стали столь распространенными, что самые солидные люди не стѣсняются къ нимъ прибѣгать, предпочитая ихъ соглашенію съ взыскателемъ, въ виду того, что они даютъ возмож-

ность вовсе избавиться отъ платежа, тогда какъ отъ взыскателя можно ожидать лишь облегченія въ способахъ исполненія рѣшенія, не болѣе. Уклоненіе должника и его фокусы побуждаютъ съ другой стороны и взыскателя преслѣдовать его, что называется, по пятамъ: ловить его за руку, когда онъ совершаетъ фиктивную передачу, хватать его имущество, когда онъ его увозитъ, ломать его замки, когда онъ прячетъ свое достояніе, обшаривать безпощадно самыя сокровенныя его помѣщенія, какъ важнаго уголовнаго преступника, налетать на его домъ въ видѣ хищнаго коршуна во всякое время и всякій часъ, когда вздумается взыскателю, и производить въ немъ опустошенія и разгромъ, воспроизводя въ своихъ дѣйствіяхъ картины набѣга дикаго непріятеля на мирное жилище. И вотъ такимъ путемъ между взыскателемъ и должникомъ завязывается борьба: съ одной стороны, идутъ продѣлки и ухищренія, съ другой—травля и опустошенія. Трудно представить себѣ что-нибудь отвратительнѣе характера этой борьбы. Ея придирчивость и мелочность доходятъ часто до невозможнаго безобразія: взыскатель, страшась безрезультатности своихъ усилій, боится упустить мельчайшее обстоятельство, могущее послужить ему въ пользу, а должникъ, вознамѣрившійся выпустить въ трубу взыскателя, не хочетъ сдѣлать ему ни въ чемъ ни малѣйшей уступки—и завязывается безконечное препирательство изъ-за каждаго клочка, изъ-за мельчайшаго кусочка, ничего не стоящаго, изъ имущества, подвергаемаго взысканію, и все это—на почвѣ самаго неразумнаго, самаго пристрастнаго толкованія закона, безтолковаго переворачиванія каждаго его слова, каждой буквы, даже каждаго знака препинанія. Взыскатель, встрѣчая несомнѣнный обманъ со стороны должника и видя въ немъ окончательную погибель своего взысканія, до крайности негодуетъ на его продѣлки и силится всѣми способами отстоять дѣйствительную правду; должникъ, закрываясь фиктивными положеніями закона, понимаемыми имъ по-своему, выходитъ изъ себя, защищая „законную правду". И между ними нѣтъ посредствующей власти; лишенный всякаго руководства и чьего бы то ни было совѣта, судебный приставъ рѣшаетъ подобные споры по личнымъ соображеніямъ: чѣмъ больше описанныхъ предметовъ и чѣмъ выше сумма ихъ, тѣмъ больше и вознагражденіе приставу, а поэтому во всякомъ „хорошемъ дѣлѣ", т.-е. значительномъ по суммѣ, онъ держитъ сторону истца, а въ дѣлѣ пустячномъ становится на сторону отвѣтчика. И крайне несправедливо было бы упрекать за то судебныхъ приставовъ: не имѣя нигдѣ опоры для себя въ тѣхъ затруднительныхъ случаяхъ, какіе имъ представляются на каждомъ шагу въ ихъ дѣятельности, они не могутъ дѣйствовать иначе. Единственнымъ для нихъ оправданіемъ и

защитою отъ всякихъ нареканій служатъ требованія истца, на которыя они обыкновенно и ссылаются при всякомъ сомнительномъ случаѣ.

Всѣ здѣсь сказанное необыкновенно отчетливо отразилось на дѣлѣ Диманта съ де-Кацманами. Еще не успѣвали у Кацмановъ сжать пшеницу, какъ дрожавшій за присужденныя ему деньги Димантъ—уже спѣшилъ ее арестовывать, хорошо понимая, что, упустивъ хлѣбъ, онъ уже не найдетъ никакого другого средства заставить де-Кацмановъ заплатить ему присужденныя деньги. Предвидя это, де-Кацманъ фиктивно сдалъ весь хлѣбъ въ аренду; но взыскатель Димантъ не хочетъ и слышать ни о какихъ правахъ третьяго лица и требуетъ ареста пшеницы: тогда начинается споръ о томъ, слѣдуетъ ли эту пшеницу считать сжатою или несжатою, такъ какъ значительная часть ея еще стоитъ на корню, а та, что сжата, еще не связана въ снопы; потомъ начинаютъ возникать одинъ за другимъ такіе вопросы: чтó слѣдуетъ разумѣть подъ словомъ „снопъ", чтò значитъ „скирдъ" и многое т. п., не имѣющее въ сущности никакого смысла, но для спорящихъ сторонъ представляющее самый жизненный интересъ, отъ котораго зависитъ исходъ ихъ борьбы и успѣхъ всего дѣла. Еще не кончивъ со снопами, Димантъ увидалъ кабріолетъ, запряженный парой, и тотчасъ же бросается къ нему, требуя и его подвергнуть аресту, не обращая, разумѣется, вниманія на то, что лишить сельскаго хозяина послѣднихъ выѣздныхъ лошадей значитъ связать его по рукамъ и ногамъ и бросить на дорогѣ. И должникъ такъ глубоко былъ пораженъ этимъ ударомъ, что перемѣнилъ тонъ и снизошелъ до просьбы; но Димантъ былъ неумолимъ. Тогда снова пошли пререканія о правильности отмѣтокъ въ описи, о правѣ истца описывать эти предметы, о невѣрномъ обозначеніи пола описанныхъ лошадей. Раздраженіе сторонъ все усиливалось; пререканія ихъ превратились въ грубости, грубости въ прямую ссору; температура горячности споровъ возвышалась все болѣе и болѣе, и наконецъ, побѣжденный своимъ противникомъ, де-Кацманъ, разбитый имъ при помощи судебнаго пристава на всѣхъ пунктахъ, теряетъ всякую власть надъ собою и забывается до того, что стрѣляетъ въ своего мучителя,—стрѣляетъ, не помня даже о томъ, что выстрѣлъ въ спину—не только преступленіе, но и позоръ, котораго не смоетъ съ него даже и оправданіе суда присяжныхъ.

То, чтò произошло въ дѣлѣ де-Кацманъ, происходитъ ежедневно во всѣхъ другихъ дѣлахъ, только не такъ ярко, не такъ громко, безъ драматическаго конца, но зато съ безконечной волокитой по судамъ въ видѣ разныхъ жалобъ на судебнаго пристава и исковъ подставныхъ третьихъ лицъ объ исключеніи изъ описи описаннаго имущества по непринадлежности его должнику.

Вотъ какъ тяжело отражаются на общественной жизни всѣ эти наскоро изготовленныя передѣлки и поправки закона, который по своему глубокому пониманію жизни и по стройности созданной имъ системы могъ бы принести много добра и благополучія тому самому обществу, которое теперь такъ мучительно переживаетъ послѣдствія его отмѣны. Предпринятый нынѣ пересмотръ Судебныхъ Уставовъ даетъ возможность исправить сдѣланную ошибку и вернуться къ тому, что́ такъ умѣло было ими создано. Конечно, нѣкоторыя незначительныя исправленія, въ особенности что́ касается редакціи нѣкоторыхъ статей,—необходимы; но въ существѣ весь V раздѣлъ Устава гражданскаго судопроизводства и гл. I разд. IX общ. Учрежден. судебныхъ установленій должны быть сохранены и въ будущемъ Уставѣ, и, напротивъ, передѣлки Судебныхъ Уставовъ, такія, какъ правила 7 марта, должны быть уничтожены и даже, если возможно, совсѣмъ забыты.

Личное задержаніе за долги хотя и представляетъ собою, можно сказать, страшное слово, но въ сущности, при правильномъ пониманіи цѣли и духа закона, не заключаетъ въ себѣ ничего другого, какъ только то самое наказаніе за ослушаніе закона, какое устанавливается и въ уголовномъ правѣ, только что здѣсь оно допускается въ защиту совсѣмъ частнаго интереса, охраненіе котораго законъ беретъ подъ свое покровительство. Падая только на ослушниковъ закона, на лиходѣевъ, продѣлывателей всякихъ фокусовъ въ обходъ и уклоненіе отъ требованій закона, и не поражая нисколько дѣйствительно неимущихъ людей, оно не представляетъ собою никакой несправедливости, а, напротивъ, даже является прямою потребностью гражданскаго быта въ огражденіе его отъ развитія въ немъ обмановъ, поддѣлокъ, противозаконныхъ изворотовъ и для утвержденія въ немъ уваженія къ закону и укрѣпленія силы судебныхъ рѣшеній. Нигдѣ не дорожатъ болѣе личною свободой гражданъ, какъ въ Англіи, однакоже и тамъ установлено даже прямо тюремное заключеніе для уклоняющихся упорно отъ подчиненія судебному рѣшенію, если оно постановлено такъ-называемымъ судомъ справедливости. Составители нашихъ Судебныхъ Уставовъ, допуская личное задержаніе должниковъ, какъ и англійскіе законодатели, уступали силѣ необходимости въ немъ, удостовѣренной не отвлеченными соображеніями, а практикою живой дѣйствительности, требованія которой они умѣли уловить и оцѣнить, въ томъ ясномъ сознаніи, что „одно признаніе правъ тяжущихся судебнымъ мѣстомъ, безъ возстановленія оныхъ на самомъ дѣлѣ, не составляетъ еще правосудія“.

А. М. Краевскій,
дѣйствительный членъ
Московскаго Юридическаго Общества.

ПАМЯТИ С. А. БЕРШАДСКАГО [1]).

(† 21 февраля 1896 года).

С. А. Бершадскій былъ идеалистомъ-ученымъ, беззавѣтно любившимъ молодежь и въ свою очередь пользовавшимся ея любовью; совѣсть же его была чиста и чужда сдѣлокъ съ кумирами современной дѣйствительности. Родился онъ 18 марта 1850 года въ городѣ Бердянскѣ, Таврической губерніи. Прадѣдъ его по отцу былъ православнымъ священникомъ въ мѣстечкѣ Бершади Подольской губерніи, откуда въ концѣ XVIII в. переселился въ лѣвобережную Украйну; прадѣдъ же по матери, Ковалевскій, былъ куреннымъ запорожскимъ атаманомъ. Образованіе С. А. получилъ въ керченскомъ уѣздномъ училищѣ и гимназіи и на юридическомъ факультетѣ Новороссійскаго университета, на которомъ онъ кончилъ курсъ со степенью кандидата за диссертацію „О кредитныхъ учрежденіяхъ въ Россіи въ царствованіе имп. Екатерины II“. Въ 1874 году переселился онъ въ С.-Петербургъ, а въ 1883 году пріобрѣлъ степень магистра въ С.-Петербургскомъ университетѣ, въ которомъ уже съ 1878 года читалъ лекціи по исторіи философіи права. Кромѣ того, онъ преподавалъ въ военно-юридической академіи (съ 1877 г.) [2]) и въ Александровскомъ лицеѣ (съ 1885 г.)

---

[1]) Матеріалами для этой замѣтки послужили статьи о С. А. Бершадскомъ гг. *Вальденберга* (Вопросы философіи и психологіи, 1896 г., III), *Гольмстена* (Историческій Вѣстникъ, 1896 г., IV), *Деболъскаго* (Журналъ С.-Петербургскаго Юридическаго Общества, 1896 г., IV), *Жиркевича* (Историческій Вѣстникъ, 1897 г., V) и *Пташицкаго* (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1896 г., V), а также личныя воспоминанія автора и письма къ нему покойнаго.

[2]) Объ отношеніяхъ С. А—ча къ слушателямъ академіи см. вышеупомянутую статью г. Жиркевича.

и два года (1885—1887 гг.) служилъ въ Литовской метрикѣ, работалъ же онъ въ ней, а равно и въ другихъ архивахъ и библіотекахъ С.-Петербурга, Вильны, Варшавы и Кіева чуть ли не съ самаго окончанія университетскаго курса. Состоялъ онъ и членомъ с.-петербургскаго историческаго общества и общества распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи.

Научные взгляды и убѣжденія С. А. Бершадскаго сложились, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ профессоровъ Градовскаго, Леонтовича и Пригары [1]), и такимъ образомъ являлся онъ сторонникомъ идеи эволюціи. Затѣмъ насъ невольно поражаетъ и энциклопедичность дѣятельности С. А—ча, при чемъ, конечно, центральное мѣсто въ ней занимаютъ работы историческаго характера и, прежде всего, по темной исторіи евреевъ въ Западномъ краѣ съ ихъ изумительными обособленностью и солидарностью. Къ изученію этой исторіи С. А. пришелъ вполнѣ естественнымъ путемъ. Вдумчивый человѣкъ, проведшій свои юные годы въ мѣстахъ, изобилующихъ еврейскимъ населеніемъ, и своими глазами видѣвшій происходившіе въ Одессѣ еврейскіе погромы, онъ и занялся изслѣдованіемъ вопроса о евреяхъ въ Россіи. Плодомъ этой работы была его магистерская диссертація „Литовскіе евреи 1388 — 1569 гг." Къ послѣдней примыкаетъ и масса мелкихъ работъ С. А. по исторіи русскихъ евреевъ, которыя напечатаны въ „Еврейской Библіотекѣ", „Восходѣ" и „Кіевской Старинѣ".

Но затѣмъ работы надъ исторіей евреевъ привели его естественно и къ работамъ по исторіи литовскаго права вообще. Дѣятельность его въ этой темной и неизученной области выразилась, главнымъ образомъ, въ рецензіяхъ на разныя книги въ „Журналѣ Мин. Нар. Просвѣщенія", въ „Журналѣ Уголовнаго Права" и въ „Чтеніяхъ Моск. Общества Исторіи и Древностей". Готовилъ С. А. къ печати и обширный и важный трудъ по исторіи внутренняго устройства Литвы, но послѣдніе годы сложное и запутанное дѣло о наслѣдствѣ послѣ графа Манузи, въ которое С. А. вмѣшался самъ на свой рискъ, какъ ученый, во имя интересовъ науки, а также въ защиту „болѣе слабаго и праваго", презирая личный разсчетъ, увлекло его въ сторону изученія не государственнаго, а гражданскаго литовскаго права, тоже очень мало изслѣдованнаго и запутаннаго. Плодами этихъ послѣднихъ работъ явились книги С. А. Бершадскаго „О наслѣдованіи въ выморочныхъ имуществахъ по литовскому праву" (Спб., 1892 г.)

---

[1]) Мнѣніе г. Вальденберга на счетъ гегеліанства С. А. Бершадскаго нѣсколько противорѣчитъ тому, что мы лично слышали отъ покойнаго. Поэтому здѣсь его не повторяемъ.

и „Литовскій статутъ и польскія конституціи" (Спб., 1893 г.) [4]). По сравнительной исторіи наслѣдственнаго права готовилъ онъ еще одну большую работу, но судьба не дала ему ее закончить.

Конструктивныя и критическія работы С. А. Бершадскаго по исторіи права по ихъ научнымъ результатамъ очень важны и цѣнны [5]). Не менѣе, если не болѣе, важна и цѣнна въ научномъ отношеніи и издательская дѣятельность его [6]). Такъ, уже въ 1883 г. онъ выпустилъ образцовое изданіе „Документы и регесты къ исторіи литовскихъ евреевъ" въ двухъ томахъ, какъ дополненіе къ своей магистерской диссертаціи. Послѣдніе же годы С. А. работалъ надъ обширнымъ изданіемъ актовъ литовской метрики, по исторіи внутреннихъ отношеній литовскаго государства. Но эти издательскія работы причинили ему много непріятностей, такъ какъ, не говоря уже о губительно дѣйствующей на здоровье архивной пыли и о холодѣ и сквознякахъ архивныхъ помѣщеній, очень повліяло на С. А—ча то, что администрація девятидесятыхъ годовъ одного изъ архивовъ, въ которомъ находилось большинство нужныхъ для работъ С. А—ча актовъ, стала почему-то чинить ему всевозможныя препятствія въ полученіи копій съ нихъ. И не разъ по этому поводу С. А. горько жаловался своимъ друзьямъ и товарищамъ на „дикія vires majores", становящіяся на пути русскаго работника въ его общественной и научной дѣятельности. Но, несмотря на все это, изданіе близилось къ концу, и С. А. подумывалъ уже о послѣдней корректурѣ актовъ и объ указателяхъ къ нимъ, когда смерть неожиданно прервала эту работу.

Но исторія литовскаго права, какъ это ни странно, не входитъ еще у насъ въ кругъ обязательнаго университетскаго преподаванія.

---

[4]) Подробное перечисленіе трудовъ С. А. Бершадскаго можно найти въ вышеупомянутой статьѣ, г. Пташицкаго. Что же касается критическаго разбора ихъ въ этой статьѣ, то онъ слишкомъ одностороненъ и пристрастенъ, чтобы можно было рекомендовать его читателямъ. Вышеназванная замѣтка г. Дебольскаго, хотя и правильно оцѣниваетъ научную дѣятельность С. А., но, къ сожалѣнію, очень кратка.

[5]) Это вынужденъ признать самъ г. Пташицкій, несмотря на то, что въ общемъ къ трудамъ С. А. онъ относится очень неблагопріятно и пристрастно. См. также отзывы о трудахъ и изданіяхъ С. А. гг. *Владимірскаго-Буданова* (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1884 г., I) *Леонтовича* и *Любавскаго*.

[6]) Кстати, послѣдняя и сблизила насъ съ С. А—чемъ, хотя, конечно, помогъ этому сближенію и курсъ исторіи философіи права, который мы прослушали у покойнаго весною 1890 года. Наши занятія литовскимъ правомъ покойный всегда поощрялъ и живо ими интересовался. Плодомъ этихъ занятій были наши статьи въ „Книговѣдѣніи" (1894 г., VIII) и въ „Сборникѣ Правовѣдѣнія" (1896 г., VI томъ).

Поэтому, С. А. Бершадскій могъ объявлять по литовскому праву лишь частные университетскіе курсы; для того же, чтобы устроиться при высшихъ учебныхъ заведеніяхъ въ качествѣ оффиціальнаго преподавателя и добыть себѣ и своей семьѣ кусокъ хлѣба, ему пришлось брать на себя преподаваніе предметовъ, къ которымъ онъ не чувствовалъ особеннаго призванія, хотя и въ эту область онъ вносилъ свойственную ему добросовѣстность. Именно, въ лицеѣ въ 1885 — 1888 гг. читалъ онъ полицейское право и лишь послѣдніе годы — исторію права, но общерусскаго, а не литовскаго. Въ университетѣ же и въ военно-юридической академіи онъ читалъ исторію философіи права и энциклопедію права, при чемъ замѣчательно, что какъ въ историческихъ трудахъ С. А. Бершадскаго стройность и логичность ихъ сразу показывала, что авторъ ихъ философъ, такъ и исторію философіи права онъ, какъ историкъ, всегда излагалъ въ связи съ исторіей культуры и исторіей положительнаго права. Эти качества и сообщаютъ особую цѣну и особую привлекательность очеркамъ С. А—ча по исторіи философіи права, изданнымъ въ 1892 году [7]). Особенно же замѣчательна и оригинальна въ нихъ глава о субъективномъ раціонализмѣ въ его приложеніи къ ученію о правѣ (139—161).

Но не одни научныя и архивныя занятія интересовали С. А.: фотографія и живопись тоже отнимали у него не мало времени; интересовали его и драматическое искусство и поэзія. Впрочемъ, въ концѣ-концовъ, какъ самъ онъ говорилъ, „книжка взяла верхъ". Но и въ его научныхъ работахъ виденъ живописецъ и фотографъ по силѣ и образности ихъ языка.

Однако эта постоянно напряженная и разносторонняя дѣятельность, соединенная съ огорченіями и непріятностями [8]), должна была рано, или поздно сломить и такого атлета, какъ С. А. Бершадскій. И дѣйствительно, уже въ концѣ 1894 г. онъ сталъ жаловаться на переутомленіе. Лѣтомъ же 1895 года онъ серьезно заболѣлъ, при чемъ насчетъ его болѣзни врачи были разнаго мнѣнія: одни находили у него болѣзнь почекъ, другіе—туберкулезный процессъ легкихъ, хотя объективныхъ признаковъ ни того, ни другого налицо не было. Непосредственной опасности для его жизни врачи не усматривали, но даже поѣздка въ Крымъ пользы не принесла. Въ октябрѣ

[7]) См. также рецензію г. *Радлова* (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1893 г., I).

[8]) Наиболѣе же ускорили смерть С. А—ча работы въ архивахъ, злосчастное дѣло Манузи, о которомъ см. подробнѣе въ статьѣ г. Жиркевича, и петербургскій климатъ. Незадолго до смерти С. А. жаловался, что по цѣлымъ мѣсяцамъ не видитъ „завѣтнаго для южанина солнышка".

1895 года С. А. жаловался, что онъ „сталъ тѣнью самого себя“. Въ декабрѣ онъ еще могъ выходить для прогулки и въ это время жилъ въ Царскомъ селѣ, въ январѣ же 1896 года онъ долженъ былъ уже оставаться въ комнатѣ, а въ февралѣ уже не могъ вставать съ постели.

Страдалъ С. А. долго и невыносимо; за недѣлю до смерти онъ едва говорилъ. У него былъ плевритъ, и образовавшійся при этомъ экссудатъ не всасывался. Когда врачи назначили день для третьяго прокола, С. А. умеръ въ ихъ присутствіи предъ самою операціей въ среду, 21 февраля 1896 года, вечеромъ. Во время болѣзни С. А. все думалъ, что поправится. Мысль о смерти была отъ него далека, и онъ думалъ не о ней, а о поѣздкѣ въ Краковъ для архивныхъ работъ и объ окончаніи изданія своихъ актовъ.

Такова была жизнь и дѣятельность покойнаго, но нашъ очеркъ ея не будетъ полонъ, если мы немного не остановимся и на личныхъ его качествахъ. Какъ мы уже видѣли, вся жизнь С. А—ча отъ школьной скамьи до могилы представляла рядъ волненій, увлеченій, порывовъ до самозабвенія. Натура же его была поразительно воспріимчивой, все окружающее такъ сильно воспринималось имъ, что поглощало и проникало его всего. Особенно же его волновало все уклоняющееся отъ правды, въ торжество которой онъ всю свою жизнь глубоко вѣрилъ. А если кто пострадалъ незаслуженно, то С. А. весь уходилъ въ его интересы и дѣлалъ все отъ него зависящее, чтобы утѣшить и ободрить пострадавшаго и облегчить его участь.

Затѣмъ, какъ преподаватель, С. А. дѣйствовалъ прежде всего на слушателей уже тѣмъ, что лекціи его были вдохновенными импровизаціями, исходившими всегда изъ фактовъ окружающей обыденной жизни, выливавшимися изъ сердца и поражавшими мастерскою группировкой матеріала, силою памяти лектора и смѣлостью его выводовъ. Горячая вѣра С. А. въ истину, въ торжество правды, въ нравственный ростъ и совершенствованіе человѣческой личности проникали и его лекціи. Къ своимъ слушателямъ онъ не снисходилъ покровительственно, а поднималъ ихъ до себя, былъ доступенъ имъ, обмѣнивался съ ними мыслями, пробуждалъ ихъ сознаніе, ронялъ въ молодыя сердца вѣчныя сѣмена правды, добра и сочувствія къ ближнему. Говорили они съ нимъ безбоязненно и сразу забывали разницу въ общественномъ положеніи и въ образованіи. О томъ же, какимъ надежнымъ заступникомъ былъ покойный за своихъ слушателей на экзаменахъ и въ совѣтахъ высшихъ учебныхъ заведеній, и говорить нечего.

Отличался С. А. и въ качествѣ общественнаго дѣятеля своею

отзывчивостью, простотою въ обращеніи, уваженіемъ къ чужому мнѣнію, гуманностью и отвращеніемъ и ненавистью ко всему, что онъ мѣтко называлъ „тюфячествомъ“ [9]). Крайне обаятельно дѣйствовалъ на сталкивавшихся съ нимъ лицъ и его живой и воспріимчивый умъ, художественно воспитанная и творческая натура, живая и образная рѣчь, мягкость характера и сердечныя отношенія къ людямъ.

Да, человѣкъ онъ былъ... Миръ праху твоему, дорогой учитель, и да вкусишь ты хоть въ могилѣ покой, какого никогда не зналъ въ жизни. Твой же идеально чистый, возвышенный, чуждый служебнаго карьеризма, всецѣло отдавшій себя наукѣ и добру, любящій ближняго образъ останется навѣки неизгладимымъ въ сердцахъ тѣхъ, кто имѣлъ счастье знать тебя при жизни!..

Сергѣй Шумаковъ,
Дѣйствительный членъ
Московскаго Юридическаго Общества.

---

[9]) Особенно С. А. негодовалъ на плохія диссертаціи, представляемыя молодыми учеными на соисканіе ученыхъ степеней. Этимъ крайне строгимъ отношеніемъ къ своей научной дѣятельности объясняется и то, что С. А., несмотря на всю свою талантливость и эрудицію, кончилъ жизнь лишь магистромъ.

О КОНКУРСѢ НА ПРЕМІЮ.

„Берлинскій международный союзъ для сравнительнаго изученія права и народнаго хозяйства“ назначилъ при содѣйствіи германскаго Имперскаго министерства иностранныхъ дѣлъ и германскаго колоніальнаго общества премію въ 1,600 мар. (=2,000 фр.) за лучшую работу на слѣдующую тему: „Сравнительное изложеніе принциповъ, примѣненныхъ важнѣйшими государствами въ ихъ колоніяхъ по вопросамъ пріобрѣтенія недвижимости и водворенія поселенцевъ, и экономическія послѣдствія этого примѣненія“.

Условія полученія вышеозначенной преміи сводятся къ слѣдующему: 1) работы на упомянутую тему должны не позже 1 апрѣля 1898 г. быть доставлены главному секретарю „Союза“ д-ру Кронекеру. (1. Schriftführer der Vereinigung Kammergerichtsrat Dr. Kronecker, Berlin. W. Kurfürstendamm, 241); 2) онѣ должны быть написаны на одномъ изъ трехъ слѣдующихъ языковъ: на нѣмецкомъ, французскомъ или англійскомъ; при этомъ нѣмецкія рукописи должны быть написаны латинскими буквами и въ высшей степени было бы желательно, чтобы всѣ представленныя рукописи были переписаны машиннымъ способомъ; 3) на работахъ не должно быть выставлено имени автора, но долженъ быть эпиграфъ; вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ быть доставленъ запечатанный конвертъ, на которомъ былъ бы изображенъ тотъ же эпиграфъ, что и соотвѣтственной рукописи, и внутрь котораго была бы вложена замѣтка съ именемъ и адресомъ автора; 4) коллегію, присуждающую премію, образуютъ собою слѣдующіе члены „Союза“: въ *Германіи*: Его Высочество герцогъ Іоаннъ Альбрехтъ Мекленбургскій—предсѣдатель германскаго колоніальнаго общества; д—ръ Кайзеръ—б. директоръ колоніальнаго отдѣленія германскаго министерства иностранныхъ дѣлъ [1]) и д-ръ Карлъ Штен-

[1]) Нынѣ уже скончался.

гель—профессоръ въ Мюнхенѣ; въ *Англіи*: Джемсъ Бройсъ, бывшій министръ; во *Франціи*: д-ръ Шарль Ліонъ-Канъ—профессоръ, членъ института; въ *Италіи*: д-ръ Аттиліо Бруніанти — проф. Римскаго университета; въ *Голландіи*: д-ръ Ванъ-деръ-Литъ—проф. и ректоръ Лейденскаго университета; въ *Австро-Венгріи*: д-ръ Евгеній Ѳилиппповичъ-фонъ-Филиппсбергъ—проф. Вѣнскаго университета; въ *Россіи*: Ѳедоръ Ѳедоровичъ Мартенсъ—проф. Петербургскаго университета; въ *Испаніи* б. профес. маркизъ де-Дальмо де-Оливаръ; въ *Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки*: Вильямъ Джемсъ Аслей—проф. Гарвардскаго университета. На тотъ конецъ, если кто-либо изъ перечисленныхъ лицъ выступитъ изъ коллегіи до присужденія преміи, то остальные члены коллегіи уполномочены избрать ему замѣстителя. Коллегія, присуждающая премію, сама установляетъ правила, по которымъ она будетъ функціонировать. Объявленіе приговора коллегіи должно, по возможности, послѣдовать еще до 1 апрѣля 1899 г. по нов. ст.—Премія можетъ быть раздѣлена между нѣсколькими соискателями, если работы ихъ будутъ признаны одинаково достойными, и работа, увѣнчанная преміею, будетъ напечатана „Союзомъ".—Опубликованіе работы, представляемой на премію, или одной или нѣсколькихъ ея частей до объявленія приговора о ней вышеупомянутою коллегіей будетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ устраненіе работы отъ конкурса безъ дальнѣйшаго ея обсужденія.

Коллегія, присуждающая премію, открываетъ изъ конвертовъ, приложенныхъ къ рукописямъ, то только тѣ, которые сопровождаютъ работы, признанныя заслуживающими преміи. Работы, не увѣнчанныя преміею, должны въ теченіе года послѣ возвѣщенія приговора коллегіи быть потребованы обратно ихъ авторами; въ противномъ случаѣ онѣ становятся собственностью „Союза", который сохраняетъ за собою право или напечатать ихъ анонимно, или предать ихъ уничтоженію. Въ случаѣ требованія рукописи обратно и при томъ тогда, когда не будетъ возможности установить правъ требующаго на данную рукопись какимъ-нибудь другимъ путемъ, допускается вскрытіе конверта, приложеннаго къ ней. Каждый соискатель можетъ уже при представленіи рукописи указать тотъ адресъ, по которому ему было бы желательно въ свое время получить рукопись обратно. Съ уплатою преміи, литературная собственность на работу, увѣнчанную преміею, въ особенности права на ея опубликованіе и переводъ, переходятъ къ берлинскому международному союзу для сравнительнаго изученія права и народнаго хозяйства.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

VII. Литературное обозрѣніе: а) критическіе отзывы о новыхъ книгахъ брошюрахъ, русскихъ и иностранныхъ; б) текущій библіографическій указатель юридической литературы русской и иностранной.

VIII. Обзоръ иностраннаго законодательства: подробныя свѣдѣнія о важнѣйшихъ новыхъ законахъ, распоряженіяхъ и законопроектахъ въ иностранныхъ государствахъ.

IX. Историческіе матеріалы; разныя извѣстія.

Въ „Журналѣ Министерства Юстиціи" 1894—1897 гг. были напечатаны статьи и замѣтки слѣдующихъ авторовъ: — К. Н. Анненкова, Н. И. Архангельскаго, Н. И. Барковскаго, А. П. Башилова, А. А. Башмакова, С. В. Безобразова, С. А. Бершадскаго, Д. Б. Бера, А. М. Бобрищева-Пушкина, А. Л. Боровиковскаго, Л. С. Бѣлецкаго, Е. В. Васьковскаго, Г. Л. Вербловскаго, К. В. Верховскаго, М. М. Винавера, Б. Ю. Витте, кн. В. А. Волконскаго, А. К. Вульферта, Н. Н. Галкина-Врасскаго, Ю. С. Гамбарова, А. Г. Гасмана, М. Е. Гегидзе, В. М. Гессена, С. К. Гогеля, И. М. Гордона, Я. К. Городысскаго, Д. Д. Гримма, М. Ѳ. Громницкаго, А. Г. Гусакова, В. В. Давыдова, В. П. Даневскаго, В. Ѳ. Дейтриха, Н. А. Дингельштедта, бар. Р. А. Дистерло, Д. А. Дриля, М. А. Дьяконова, Я. К. Есиповича, В. Р. Завадскаго, С. В. Завадскаго, А. И. Загоровскаго, И. П. Закревскаго, К. П. Змирлова, Н. И. Ивановскаго, Д. Д. Иванова, В. Л. Исаченко, П. А. Иѳлянда, А. И. Каминки, Н. П. Карабчевскаго, І. И. Карницкаго, Л. А. Кассо, А. Ѳ. Кони, Н. М. Коркунова, П. П. Короновскаго, В. И. Курдиновскаго, А. А. Левенстима, Ѳ. И. Леонтовича, А. О. Липскаго, А. В. Лихачева, В. И. Лихачева, Н. А. Логанова, М. А. Лозина-Лозинскаго, А. И. Лыкошина, И. Н. Миклашевскаго, Р. Р. Минцлова, П. М. Минца, М. И. Мыша, А. Н. Нейперта, В. М. Нечаева, С. П. Никонова, Э. Э. Пирвица, А. Ф. Поворинскаго, К. З. Постовскаго, Н. Г. Принтца, Е. А. Пушкина, Н. М. Рейнке, А. К. фонъ-Резона, Г. К. Рѣпинскаго, Н. Ф. Селиванова, В. И. Сергѣевича, Н. Д. Сергѣевскаго, В. К. Случевскаго, И. И. Соллертинскаго, В. Д. Спасовича, В. И. Срезневскаго, М. С. Студентскаго, Е. Н. Тарновскаго, А. Т. Тимановскаго, А. Г. Тимоѳеева, С. Н. Трегубова, П. А. Тулуба, Н. А. Тура, Д. В. Туткевича, И. М. Тютрюмова, кн. Н. П. Ухтомскаго, И. Я. Фойницкаго, А. Г. Чайковскаго, Г. Ф. Шершеневича, И. Е. Энгельмана и др.

Подписная плата 8 рублей въ годъ съ доставкою и пересылкою. За границу **10 рублей**. Отдѣльныя книги продаются: безъ приложеній—по 1 рублю, съ приложеніями—по 2 рубля.

Должностныя лица при подпискѣ **черезъ казначеевъ** пользуются **разсрочкою** до 1 рубля въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ 8 мѣсяцевъ каждаго года.

Всѣ прочіе подписчики, при подпискѣ исключительно въ **Главной конторѣ**, пользуются **разсрочкою** до 2 рублей въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ четырехъ мѣсяцевъ каждаго года.

Кандидаты на должности по судебному вѣдомству, а также **студенты** Императорскихъ Университетовъ и Демидовскаго Юридическаго Лицея, воспитанники Императорскихъ: Училища Правовѣденія и Александровскаго Лицея и слушатели Военно-Юридической Академіи платятъ, при подпискѣ въ Главной Конторѣ,—по 5 рублей въ годъ.

Книжные магазины пользуются за пріемъ подписки уступкою 10%.

Главная контора: Книжный складъ М. М. Стасюлевича, Спб., Васильевскій островъ, 5 линія, д. 28.

Объявленія для напечатанія въ «Журналѣ» принимаются въ Главной Конторѣ, съ платою по разсчету 30 коп. за строчку и 8 руб. за страницу.

Редакція Журнала Министерства Юстиціи находится въ С.-Петербургѣ, по Екатерининской улицѣ, въ зданіи Министерства Юстиціи.

Редакторъ *В. Ф. Дерюжинскій.*

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Программа: Передовыя статьи.—Обзоръ постановленій отечественнаго и послѣднихъ важнѣйшихъ постановленій иностраннаго законодательствъ. — Статьи и замѣтки спеціально юридическаго содержанія.—Рисунки и иллюстраціи къ тексту статей на общемъ основаніи.—Вѣсти и слухи. — Корреспонденціи. — Фельетонъ.—Рѣшенія Правительств. Сената.—Отчеты о судебныхъ засѣданіяхъ и процессахъ.— Рефераты юридическихъ ученыхъ обществъ и диспуты. — Движеніе по государственной и общественной службѣ (приказы министерствъ). — Дѣйствія правительства (собр. узак. и распор. правит.). — Списки дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію въ Департаментахъ и общихъ собраніяхъ Правительств. Сената.—Списки лицъ, состоящихъ подъ опекою, признанныхъ несостоятельными, возстановленныхъ въ правоспособности, а также объявленія объ уничтоженныхъ довѣренностяхъ (Сенатскія объявленія). — Обзоръ юридическихъ журналовъ. — Новыя книги и отзывы о нихъ (библіографія).—Объявленія.

Вмѣстѣ съ этимъ подписчики, **внесшіе полную годовую плату за газету,** могутъ обращаться въ контору „Юридической Газеты" за справками по дѣламъ какъ судебнымъ, такъ и административнымъ, и за разрѣшеніемъ юридическихъ вопросовъ по дѣламъ, касающимся ихъ имущественныхъ или личныхъ интересовъ. Порученія эти редакція принимаетъ на себя при соблюденіи слѣдующихъ условій:

§ 1. Сообщеніе въ „Юридической Газетѣ" въ отдѣлѣ „Почтоваго ящика", справокъ о резолюціяхъ **Кассаціонныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената, но не болѣе 3-хъ разъ въ теченіе подписного года,** дѣлается безплатно. Лица же, желающія получить по дѣламъ **Кассаціонныхъ Департаментовъ Сената** справки по почтѣ, прилагаютъ два рубля за каждую справку по каждому отдѣльному дѣлу, а желающія получить ее по телеграфу присылаютъ, кромѣ двухъ рублей, и стоимость отвѣтной телеграммы.

§ 2. Наблюденіе за ходомъ дѣла, какъ составляющаго предметъ особаго порученія болѣе или менѣе продолжительнаго, производится на условіяхъ особаго предварительнаго соглашенія съ конторою редакціи.

§ 3. Справки и порученія **по судебнымъ и административнымъ департаментамъ Правит. Сената,** равно какъ и по всѣмъ, вообще, кромѣ Кассаціонныхъ Департаментовъ Сената (см. выше § 1-й), **центральнымъ и мѣстнымъ административнымъ и судебнымъ учрежденіямъ** (правительственнымъ и общественнымъ) должны производиться на условіяхъ особаго предварительнаго соглашенія съ конторою редакціи.

§ 4. Разрѣшеніе юридическихъ вопросовъ по дѣламъ, касающимся имущественныхъ и личныхъ интересовъ, сообщеніе совѣтовъ и т. п. производится письменно по почтѣ, на условіяхъ особаго предварительнаго соглашенія съ конторою редакціи.

§ 5. Лица и учрежденія, обращающіяся за справками, обязаны сообщать: а) бандероль, за которою получаютъ „Юридическую Газету"; б) когда и кѣмъ поданы прошеніе или жалоба; в) на рѣшеніе какого присутственнаго мѣста или должностнаго лица и г) когда и какимъ присутственнымъ мѣстомъ и должностнымъ лицомъ прошеніе или жалоба отправлены въ Сенатъ или другое правительственное учрежденіе.

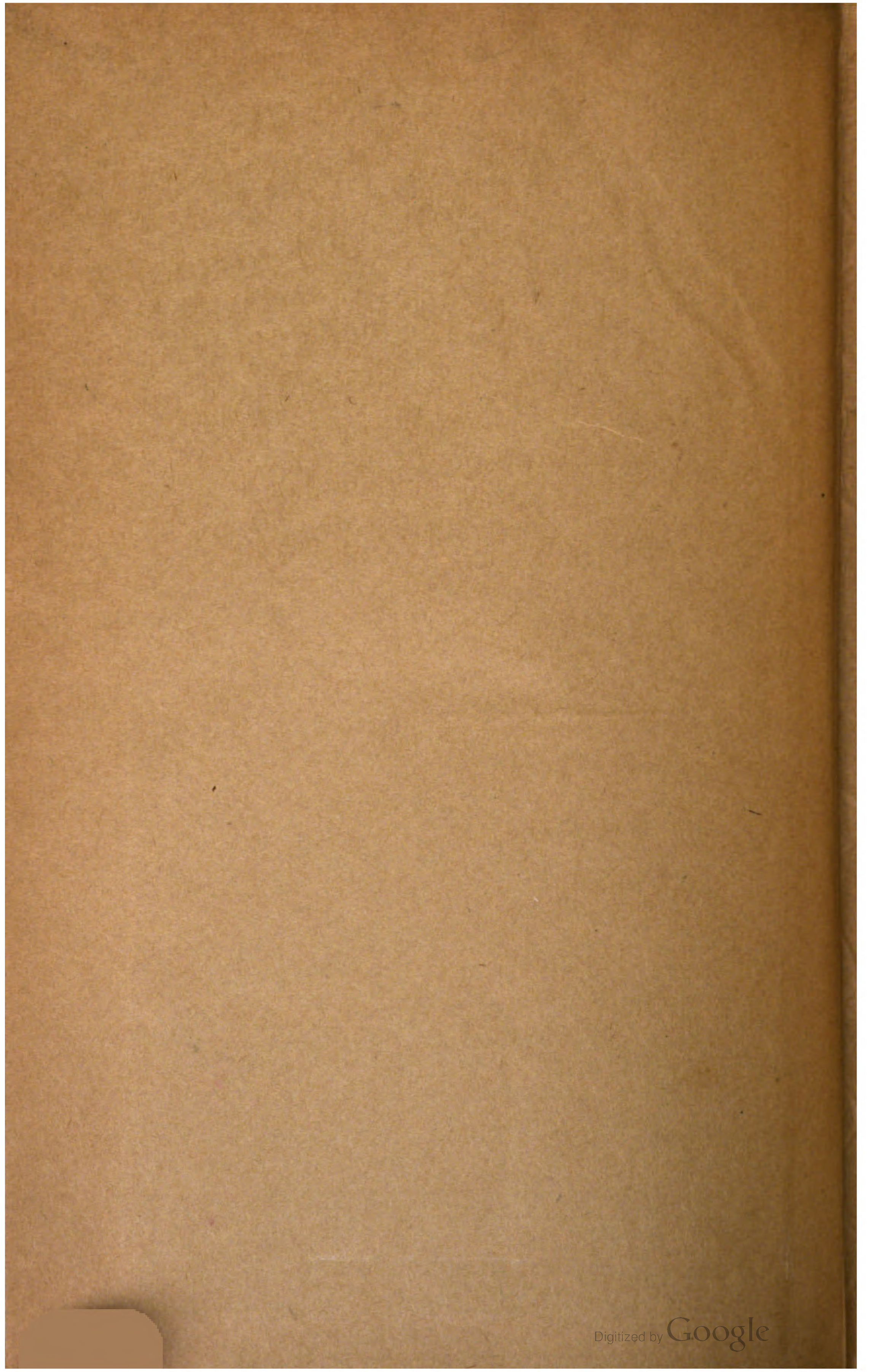
§ 6. При невзносѣ полной годовой подписной платы и при неисполненіи условій, указанныхъ въ §§ 1—5 настоящей програмы, всѣ требованія, запросы и порученія оставляются безъ движенія, такъ какъ порученія, предусмотрѣнныя § 1, обязательны для конторы, если подписчикомъ исполнены требованія, указанныя въ § 1 и 5, а порученія, предусмотрѣнныя въ §§ 2—4, могутъ считаться обязательными для конторы лишь тогда, когда послѣдняя изъявитъ согласіе принять исполненіе возлагаемаго на нее порученія.

§ 7. Контора редакціи „Юридической Газеты" также принимаетъ на себя указаніе адресовъ повѣренныхъ для веденія дѣлъ.

---

*) Въ дни Рождества Христова, равно на сырной, страстной и пасхальной недѣляхъ, а также въ два лѣтніе мѣсяца (съ 15 іюня по 15 августа) газета выходитъ по одному разу въ недѣлю.

Google